42 7/78
5

6238

615

42 1/78

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ,

ОТПРАВЛЕННЫХЪ

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ,

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

(Съ іюля 1864 года по іюль 1865 года).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

ОБМЕННО-ДУБЛЕТНЫЙ
ФОНД

6238
42 7/78

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ,

ОТПРАВЛЕННЫХЪ

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ,

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

БИБЛ. ЮРИД. ФАК.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

(Съ іюля 1864 года по іюль 1865 года).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. С[illegible]ИНСКАГО.
На углу Могилевской и К[illegible] домъ № 7/2.
1865.

ОБМЕННО-ДУБЛЕТНЫЙ ФОНД

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1865 годъ.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 23350 1970 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ отчетовъ:

	Стран.
1. К. Нейлисова	1
2. А. Пассовера	27 и 203
3. Н. Таганцева	40, 103 и 314
4. Н. Бакста	58, 254 и 296
5. В. Миддендорфа	58
6. А. Думашевскаго	60 и 419
7. А. Стоянова	64, 256, 380 и 659
8. Г. Спасскаго-Автономова	65
9. Н. Залѣскаго	68, 278 и 619
10. Я. Вальца	80, 238 и 329
11. Н. Бугаева	98, 248, 414 и 610
12. А. Копылова	99
13. С. Автократова	101
14. Л. Ждановича	102 и 443
15. І. Топаза	131, 251, 416 и 552
16. А. Вериго	137
17. Л. Шварца	138 и 290
18. Д. Зайковскаго	146, 322 и 603
19. А. Орлова	155, 330 и 564
20. М. Прахова	191, 292 и 422
21. Е. Фортунатова	194
22. Ф. Шеймана	199, 309 и 607
23. А. Гладкаго	201 и 294
24. В. Лебедева	217
25. Ѳ. Гарничъ-Гарницкаго	255 и 443
26. В. Дыбковскаго	255, 434 и 643
27. В. Сергѣевича	263 и 632
28. В. Бильбасова	297
29. И. Мечникова	397 и 544

СТРАН.
30. П. Минаева . . . . 408 и 554
31. И. Чешихина 423
32. А. Дювернуа 509
33. А. Радусъ-Зеньковича 527
34. А. Макѣева 532
35. А. Иванова 557
36. Г. Кустовскаго 561
37. М. Суботина. 559
38. И. Догеля 607
39. М. Ерофеева 609
40. Н. Геека 615
41. Доктора Гольма 650

ПОПРАВКИ.

стран.	155	строка	10	вм.	*Николая Орлова*	должно быть	*Александра Орлова*
»	264	»	9	»	*сносной*	» »	*сложной*
»	269	»	32	»	*но въ этомъ случаѣ*	» »	*но и въ этомъ случаѣ*
»	270	»	2	»	*сохранялся*	» »	*сохранился*
»	»	»	19	»	*вѣкамъ*	» »	*вѣку.*

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Магистра Нейлисова.

Прослушавъ лекціи зимняго семестра въ берлинскомъ университетѣ, я убѣдился въ необходимости остаться здѣсь и въ продолженіи лѣта, тѣмъ болѣе что проф. Бёкъ объявилъ на лѣтній семестръ курсъ метрики, науки, которой онъ самъ и основатель и главнѣйшій представитель. Объ изложеніи этого почтеннаго старца я скажу ниже, а теперь обращаюсь къ лекціямъ проф. Гаупта, который 4 раза въ недѣлю объясняетъ Эсхилова Прометея*).

Какъ въ прошедшемъ семестрѣ объясненіе Аристафановыхъ Птицъ, такъ и теперь онъ началъ свои лекціи объ Эсхилѣ исчисленіемъ кодексовъ, схолій и главнѣйшихъ трудовъ новыхъ филологовъ, со временъ Альда, Робортелла и Турнеба до изданій Диндорфа, и это введеніе я считаю лучшею и наиболѣе полезною частію его курса въ настоящемъ семестрѣ. Что касается кодексовъ, то онъ не согласенъ съ Диндорфомъ въ томъ, что Медицейская рукопись есть общій источникъ, изъ котораго произошли всѣ другія, какъ Вольфенбюттельская, Венеціанская и Парижская и проч., и что, слѣдовательно, чтенія этой рукописи представляютъ текстъ въ наибольшей чистотѣ и потому должны пользоваться исключительнымъ

*) Курсъ этого проф. о сатирахъ Горація я посѣщаю только изрѣдка, по недостатку времени и потому, что я греческую словесность избралъ своею спеціальностью. Впрочемъ чтенія проф. Гаупта о Гораціѣ ежели и не ученѣе, то по крайней мѣрѣ гораздо занимательнѣе его чтеній объ Эсхилѣ. Это впрочемъ легко объясняется самымъ свойствомъ интерпретируемыхъ писателей.

и безъусловнымъ авторитетомъ, между тѣмъ какъ чтенія всѣхъ другихъ рукописей, уклоняющіяся отъ текста Медицейскаго кодекса, не болѣе какъ конъектуры и поправки, а иногда и искаженія, сдѣланныя въ позднѣйшее время. Гауптъ полагаетъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ рукописей принадлежатъ къ другому семейству и списаны съ потеряннаго кодекса, который по добротѣ и древности не уступаетъ Медицейскому — мнѣніе, которое онъ изложилъ въ предисловіи къ изданному имъ Германнскому Эсхилу *). Для критики текста очень важны цитаты, встрѣчающіяся уже у Аристофана (напр. въ Лягушкахъ ст. 1126 и слѣд. приведены три стиха, составляющіе начало Хоэфоръ, второй драмы въ трилогіи Орестіи), потомъ у Аѳинея и у позднѣйшихъ писателей, напр. у Стобея и Свиды (Свида объясняетъ многія слова именно изъ Прометея). Но вообще число этихъ цитатъ довольно ограниченно, особенно ежели сравнить ихъ съ обиліемъ цитатъ изъ Аристофана. Схоліи (онѣ изданы въ исправленномъ видѣ Диндорфомъ въ 1851 году) весьма рѣдко только могутъ служить пособіемъ при возстановленіи текста и вообще имѣютъ важность незначительную. Не заключая объясненій историческихъ, историко-литературныхъ, реальныхъ, какія мы находимъ въ богатыхъ схоліяхъ къ Аристофану, онѣ почти исключительно состоятъ изъ перифразовъ Эсхиловыхъ словъ и мыслей, которыя притомъ не всегда довольно вѣрны и точны, а иногда поражаютъ странностью и превратнымъ толкованіемъ **) Схоліи къ къ Эсхилу двоякія: а) Медицейскія, которыя сокращены изъ объясненій Александрійскихъ ученыхъ, и б) схоліи другихъ кодексовъ, заключающія толкованія Медицейскихъ и прибавленія къ нимъ. Этотъ послѣдній родъ схолій не имѣетъ почти никакой цѣны. Въ Эсхиловыхъ схоліяхъ встрѣчается только имя Аристарха, который написалъ *ὑπομνήματα* къ несохранившейся Ликургіи; другіе грамматики не называются по имени, а говорится глухо *οἱ ὑπομνηματισάμενοι* или *ἔνιοί τινες.* Въ 1862 или 1863 году Геймсетъ (Heimsoeth) въ Боннѣ написалъ сочиненіе, гдѣ онъ приписываетъ схоліямъ боль-

---

*) Изданіе это сдѣлано съ записокъ Германна и Гауптъ не прибавилъ въ немъ отъ себя ничего, хотя во многомъ онъ и не соглашается съ Германномъ.

**) Такъ напр. въ Медицейскихъ схоліяхъ къ 1-му стиху персовъ *τάδε μὲν Περσῶν . . . . . πιστὰ καλεῖται*, послѣ совершенно правильнаго объясненія *τάδε. δεικτικῶς* и *λέγουσιν ἑαυτοὺς πιστώματα Περσῶν οἱ κατὰ τὸν χορόν*, прибавлено странное толкованіе: *ἀγνοοῦσι δὲ ὅτι πόλις ἐστὶ Περσικὴ Πίστειρα, ἣν συγκόψας Πιστὰ ἔφη.*

шое значеніе и старается при ихъ помощи возстановить разныя мѣста Эсхилова текста. За это онъ сдѣлался предметомъ сильныхъ нападеній Гаупта, который не упускаетъ случая, чтобы опровергнуть сдѣланныя имъ къ Прометею конъектуры.

Послѣ оцѣнки главнѣйшихъ изданій Эсхила — Альда, Робортелла, Турнеба, Кантера, Брунка, Порсона, Бломфильда, Боте и изданій Диндорфа—и послѣ краткаго введенія въ трагедію «Прометей» проф. Гауптъ приступилъ къ самому ея объясненію*).

При комментированіи Эсхила, и именно нашей драмы, почти не представляется случая къ объясненіямъ реальнымъ и историческимъ, и потому профессоръ исключительно занимается критикою текста. Уже въ прежнихъ своихъ отчетахъ изъ Берлина я старался дать понятіе о критикѣ Гаупта и вообще о характерѣ его лекцій. И теперь я долженъ повторить, что его лекціи въ высшей степени полезны, основательно знакомятъ слушателей съ критическимъ методомъ и сообщаютъ имъ многочисленные и важные факты науки. Но, къ сожаленію, въ этомъ семестрѣ критика Гаупта переходитъ въ полемику, притомъ въ полемику не строго научную, которая не раздѣльна съ критикою, но въ полемику чисто личную, которую онъ ведетъ не всегда съ должнымъ достоинствомъ. Полемика эта обращена противъ Геймсета за вышеупомянутое сочиненіе объ Эсхилѣ, противъ Риббека за помѣщенныя имъ въ одномъ изъ индексовъ Кильскаго университета конъектуры къ Прометею, въ особенности же противъ Диндорфа. Мнѣ кажется, что такого рода критика имѣетъ значеніе только второстепенное и притомъ отрицательное. Въ Германіи является ежегодно и даже ежемѣсячно множество конъектуръ къ древнимъ классикамъ, печатаемыхъ или отдѣльными брошюрами, или въ разныхъ филологическихъ журналахъ, или въ Indices lectionum университетовъ. Очень естественно, что эти конъектуры не могутъ имѣть одинаковое достоинство, и что бо́льшая часть изъ нихъ основывается на доказательствахъ весьма шаткихъ и искусственныхъ. Профессоръ-критикъ, который слѣдитъ за этою богатою литературой, долженъ знакомить студентовъ съ лучшими изъ конъектуръ, дѣйствительно исцѣляющими испорченныя мѣста текста; отъ разбора же на лекціи, и притомъ очень

*) Проф. Гауптъ объясняетъ Эсхила по тексту Мейнеке, который издалъ Прометея съ Медицейскими схоліями. Но такъ какъ экземпляровъ Мейнеке уже нѣтъ въ книжной торговлѣ, то студенты пользуются изданіемъ Диндорфа.

подробнаго, конъектуръ, не выдерживающихъ критики, для студентовъ не проистекаетъ большой пользы, особенно ежели время можетъ быть употреблено на разборъ и разрѣшеніе другихъ болѣе важныхъ вопросовъ. Поэтому разборъ на лекціи сочиненій Геймсета и Рибבека я считаю излишнимъ, тѣмъ болѣе что эти ученые не произвели переворота въ критикѣ Эсхилова текста и ихъ конъектуры не имѣютъ особенной важности.

Другое дѣло съ Диндорфомъ. Диндорфъ издалъ цѣлаго Эсхила, и притомъ нѣсколько разъ, его изданія употребляются теперь почти исключительно, текстъ Диндорфа составляетъ въ наше время какъ бы Эсхилову вульгату. Потому самый точный и самый подробный разборъ чтеній Диндорфа оправдывается вполнѣ и дѣлается, въ извѣстной степени, необходимымъ. Дѣйствительно, неоднократно проф. Гауптъ имѣлъ на лекціи случай указывать на неосновательность конъектуръ Диндорфа и опровергать ихъ доказательствами самыми убѣдительными, съ которыми нельзя не согласиться. Но ежели отъ вниманія ученаго, который сдѣлалъ такъ много и оказалъ для науки столь большія заслуги, ускользнули нѣкоторыя мелочи и ежели онъ иногда ошибается, то въ этомъ ничего удивительнаго, а такіе рѣзкіе отзывы, какъ напр. Dindorfius ut seorsum saperet inepta proferre maluit — Dindorfius seorsum sapiendi dulcedine ductus mirifice ineptiit — или даже ut Jupiter Minervam e capite procreavit, ita e Dindorfii capite nonnisi ineptiae ebulliunt, — которые проф. Гауптъ съ особеннымъ удовольствіемъ употребленіемъ о Диндорфѣ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, едва ли проистекаютъ изъ безкорыстной любви къ истинамъ науки, и производятъ впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное *).

Въ прошедшемъ семестрѣ, при объясненіи Аристофана, профессоръ постоянно обращалъ вниманіе на болѣе трудныя части греческаго синтаксиса, особенно на значеніе частицъ и эллиптическое ихъ употребленіе, на частицу ἄν и проч. Хотя при чтеніи Эсхила представляется несравненно менѣе случаевъ къ грамматическимъ замѣчаніямъ, такъ какъ складъ Эсхиловой рѣчи гораздо проще, частицы еще не играютъ столь важной роли, предложенія еще не разрослись въ длинные многочленные періоды, однако и у Эсхила

*) Въ прошломъ году подобныя нападенія были направлены противъ Берка (Emendationes Aristophaneae, Галле 1858); но они были гораздо рѣже и вообще не такъ язвительны.

есть мѣста, точное грамматическое объясненіе которыхъ было бы весьма желательно и нисколько не излишне, даже въ университетѣ. Между тѣмъ профессоръ не обращаетъ никакого вниманія на грамматику и изрѣдка только дѣлаетъ самые короткіе намеки *). Равнымъ образомъ онъ оставляетъ безъ вниманія метры хоровъ, и голословно опровергая схемы Диндорфа (въ его Metra Aeschyli, Sophoclis, Euripidis et Aristophanis descripta, Oxonii 1842), не излагаетъ собственной свой теоріи. Я очень хорошо понимаю, что при чтеніи трагика невозможно систематически излагать не только цѣлую метрику, но даже теорію извѣстнаго рода стиховъ; однако можно и даже слѣдовало бы подробно объяснить размѣръ каждаго встрѣчающагося хора, тѣмъ болѣе что большинство слушателей проф. Гаупта почти вовсе не знакомо съ этимъ предметомъ.

Положительнымъ недостаткомъ я считаю совершенное пренебреженіе перевода греческихъ стиховъ на нѣмецкій языкъ. Извѣстно, какъ много точный и отчетливый переводъ на природный языкъ способствуетъ вѣрному и правильному пониманію автора, извѣстно, что онъ несравненно выразительнѣе и пластичнѣе передаетъ каждую мысль и каждую картину, нежели самыя точныя опредѣленія и самыя подробныя объясненія и перифразы на языкѣ латинскомъ, мертвомъ и для каждаго изъ насъ пріобрѣтенномъ. Ежели такой переводъ не безполезенъ при чтеніи какого бы то ни было греческаго автора, то онъ дѣлается неотзовною необходимостью при объясненіи Эсхила, котораго величественная рѣчь и *ῥήματα ἱπποβάμονα καὶ γομφοπαγῆ*, какъ ихъ называетъ Аристофанъ, были иногда темными для самыхъ древнихъ и потому нашли многочисленныхъ толкователей. Правда, при каждомъ рѣдко встрѣчающемся словѣ, при каждомъ *ἅπαξ εἰρημένον*, профессоръ приводитъ древнія глоссы, особенно изъ Гезихія, и объясняетъ ихъ на латинскомъ языкѣ. Но все таки этого мало. Глоссы древнихъ грамматиковъ должны служить для насъ не только средствомъ къ пониманію Эсхиловыхъ словъ и мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ пособіемъ къ вѣрной и точной ихъ передачѣ на языкъ природный. Переводить Эсхила задача не легкая, но — est laudanda voluntas.

Ежели я выставилъ здѣсь на видъ нѣкоторые недостатки въ изложеніи проф. Гаупта, то это очень естественно, такъ какъ я

*) Въ приложеніяхъ къ настоящему отчету я помѣстилъ между прочимъ грамматическія объясненія нѣкоторыхъ болѣе трудныхъ стиховъ. Въ какой степени они вѣрны, объ этомъ будутъ судить знатоки.

слушалъ у него въ прошедшемъ семестрѣ объясненіе Аристофановыхъ Птицъ, лекціи, которыхъ *οὐδ᾽ ὁ Μῶμος μωμήσασθαι ἂν δύναιτο.*

Перехожу къ профессору Бёку, который излагаетъ 6 разъ въ недѣлю метрику грековъ и римлянъ. Наука эта важна для филолога, особенно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ она есть вѣрное и притомъ почти единственное средство, чтобы судить о состояніи текста древнихъ поэтовъ; во-вторыхъ она основательно знакомитъ съ самымъ духомъ греческой поэзіи, показывая соотвѣтствіе между содержаніемъ и формою. Имѣя въ виду оба эти обстоятельства, профессоръ не ограничивается простымъ исчисленіемъ и объясненіемъ схемъ, которыя могутъ быть приложены къ стихамъ греческихъ эпиковъ, лириковъ, и драматиковъ, но показываетъ основные законы риѳмики, сначала безсознательно руководившіе древнихъ поэтовъ, а потомъ сдѣлавшіеся предметомъ ученаго анализа и теоретическихъ изслѣдованій. Поэтому онъ раздѣляетъ свой предметъ на двѣ главныя части, на риѳмику или науку о риѳмѣ, который существетъ не только въ поэзіи, но также въ музыкѣ, пѣніи, танцѣ, вообще въ каждомъ движеніи, подчиненномъ извѣстнымъ законамъ, и на метрику, которую можно назвать прикладною риѳмикою. Эта послѣдняя показываетъ проявленіе общихъ риѳмическихъ законовъ въ области поэзіи.

Законы риѳма, который какъ и чувство прекраснаго, врожденъ человѣку, уже въ древнія времена были подвергнуты ученому анализу: мы знаемъ, что уже Пиѳагоръ и его школа занимались опредѣленіемъ созвучій, Лазъ Герміонскій, учитель Пиндара, писалъ о музыкѣ, Дамонъ, современникъ Сократа, занимался риѳмами, Теофрастъ, по свидѣтельству Діогена Лаэртскаго, написалъ сочиненія *περὶ ἁρμονικῶν* и *περὶ ῥυθμῶν* и т. д. Но настоящимъ основателемъ научной риѳмики былъ Аристоксенъ изъ Тарента, который въ строгой системѣ изложилъ основные законы риѳма и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ иѳическое его значеніе. Аристоксенъ сдѣлался нормою и образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ риѳмиковъ и музыковъ, Михаила Пселла, Аристида Квинтильяна, Блаженнаго Августина (de musica libri sex) и проч., которые дополняли и объясняли его, или же дѣлали сокращенія изъ его сочиненій. Эта традиція древнихъ риѳмиковъ и музыковъ чрезвычайно важна, такъ какъ она восходитъ къ тому времени, когда греческая поэзія еще не умолкла, и потому она заслуживаетъ преимущество передъ традиціею грамматиковъ и метриковъ, которая составилась въ то время, когда творенія греческихъ

поэтовъ уже нуждались въ толкованіи и объясненіи. Эти метрики представляютъ намъ не болѣе какъ сухой схематизмъ, основанный часто на внѣшности или на субъективномъ взглядѣ, и нерѣдко прямо противорѣчащій ученію древнихъ музыковъ: метрики мѣрили слоги и раздѣляли ихъ произвольно. Потому пользоваться ими должно весьма осторожно. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ есть Гефестіонъ, жившій при Адріанѣ и Антонинахъ и написавшій *ἐγχειρίδιον περὶ μέτρων*. Долгое время онъ пользовался въ метрикѣ исключительнымъ авторитетомъ. Изъ римскихъ метриковъ слѣдуетъ упомянуть о Теренціанѣ Маврѣ, который составилъ описаніе метровъ въ стихахъ тѣхъ же размѣровъ.

Во время среднихъ вѣковъ наука метрики была совершенно неизвѣстна, и хотя многіе ученые и поэты писали латинскіе стихи, воспѣвая королей, битвы, заключенные миры и проч., однако они руководились болѣе врожденнымъ чувствомъ, нежели яснымъ пониманіемъ ривмическихъ законовъ, болѣе подражали готовымъ уже формамъ, нежели творили сознательно. Незнаніе метровъ учеными того времени яснѣе всего доказывается разными конъектурами къ греческимъ трагикамъ: часто вводили спондей или дактиль въ четныя стопы ямбическаго триметра, разрѣшали арзисъ послѣдней стопы и проч. Въ началѣ 18-го вѣка знаменитый Бентлей обратилъ вниманіе на метрику: въ своихъ примѣчаніяхъ къ Горацію и Теренцію онъ разрѣшилъ многіе метрическіе вопросы, а конъектуры его къ Аристофану показываютъ, какъ вѣрно онъ чувствовалъ ривмическіе законы лирики. Но Бентлей не успѣлъ создать органической системы и ограничился отдѣльными разбросанными замѣчаніями. Порсонъ точно и подробно изслѣдовалъ законы ямбическаго триметра, но метры лириковъ и для него оставались неизвѣстными*) Только Готфридъ Германнъ въ своихъ elementa doctrinae metricae, а потомъ въ epitome doctrinae metricae, представилъ полную и систематическую теорію древняго стихосложенія. Однако Германнъ сдѣлалъ ту важную ошибку, что онъ предположилъ безъусловное тождество ривмики и мет-

---

*) Между прочимъ я читаю теперь знаменитое предисловіе Порсона къ Эврипидовой Гекубѣ, въ которомъ онъ изложилъ свое ученіе о триметрѣ. Порсонъ руководствуется чистымъ эмпиризмомъ и не восходитъ къ основнымъ законамъ ривмики, отчего многія явленія остаются необъясненными. Притомъ Порсонъ пускается иногда въ слишкомъ большія тонкости. Но помянутое его предисловіе составляетъ богатое и важное собраніе фактовъ, изслѣдованныхъ со всею подробностью и строгою критикой.

рики, вслѣдствіе чего его ученіе нерѣдко прямо противорѣчитъ традиціи древнихъ ривмиковъ, и именно Аристоксена. Первый обратилъ вниманіе на этотъ предметъ Бёкъ. Durch Böckh's unsterbliches Werk über die Metra Pindar's, говорятъ Россбахъ и Вестфаль (T. I, предисловіе, стр. 1), ist der Grundsatz zur allgemeinen Geltung gelangt, dass die Rhythmik die nothwendige Voraussetzung der lyrischen Metrik ist; и въ другомъ мѣстѣ (pag. 15): der erste, welcher mit umfassendem und zugleich besonnenem Geiste, mit gründlicher Gelehrsamkeit und wissenschaftlicher Methode Rhythmik und Metrik vereinigte und hiermit weit über den Herrmann'schen Standpunct hinaus eine neue Epoche der metrischen Wissenschaft begründete, war Böckh. Seine Forschungen sind auf diesem Gebiete die einzigen, und die Art seiner Untersuchungen ein bleibendes Vorbild. Böckh's sicherer, überall auf historische Betrachtung gerichteter Blick erkannte zuerst, dass die rhythmische Tradition der Alten nicht ein leeres Theorem späterer Grammatiker sei, sondern aus guter alter Zeit herstamme, wo die musische Kunst noch unmittelbar im Leben stand, und hiermit hatte er den Gedanken ausgesprochen, welcher für immer massgebend bleiben muss. Я привелъ этотъ отзывъ потому, что самъ Бёкъ говоритъ о своихъ трудахъ только мимоходомъ и какъ бы не приписывая имъ большой важности.

Послѣ этого историческаго обзора, профессоръ въ общей части или въ собственно такъ называемой ривмикѣ опредѣлилъ понятіе ривма и отношеніе его къ метру, значеніе арзиса и тезиса, объяснилъ три существовавшія въ греческой поэзіи ривмическія отношенія, именно дактилическое (*λόγος ἴσος*), ямбическое (*λόγος διπλάσιος*) и пеоническое (*λόγος ἡμιόλιος*) *), изложилъ теорію паузъ (*χρόνοι κενοί*) и ирраціональныхъ тезисовъ (*χρόνοι ἄλογοι*) **), ривмическихъ рядовъ и ихъ соединенія, наконецъ показалъ значеніе цезуры и діерезиса. Затѣмъ во второй части, въ метрикѣ *κατ᾽ ἐξοχήν*, онъ изложилъ теорію стиховъ ямбическихъ и трохеическихъ, а въ настоящее время перешелъ къ стихамъ дактилическаго рода, къ которому относятся и анапесты.

Я не берусь представить характеристику чтеній профессора

---

*) Что касается эпитритическаго отношенія, то Бёкъ полагаетъ, что оно существовало въ древнѣйшія времена, но уже рано исчезло, и потому ни Платономъ, ни Аристотелемъ, ни Аристоксеномъ не причисляется къ такъ называемымъ *λόγοι ἔρρυθμοι*.

**) Ривмически ирраціональный тезисъ длиннѣе одной моры, но короче двухъ. Но языкъ можетъ выражать такой *χρόνος ἄλογος* не иначе, какъ посредствомъ долгаго слога.

Бёка, такъ какъ это очень трудная задача, которую я могъ бы рѣшить въ извѣстной степени не иначе, какъ подробнымъ повтореніемъ цѣлаго изложеннаго имъ курса. Ограничиваясь поэтому указаніемъ на нѣкоторыя особенно отличительныя черты его лекцій, я долженъ начать съ того, что онъ обладаетъ рѣдкимъ даромъ излагать понятія отвлеченныя необыкновенно отчетливымъ и нагляднымъ образомъ, при чемъ онъ никогда не прибѣгаетъ къ сравненіямъ или какимъ либо картинамъ, но всегда находитъ слова и выраженія, передающія мысль точно и опредѣленно. Въ высшей степени эта способность профессора является при изложеніи ѳоническаго значенія риѳмовъ, когда онъ показываетъ, почему именно такой а не другой риѳмъ приличествуетъ извѣстному роду поэзіи *),

---

*) Для примѣра привожу здѣсь взглядъ профессора Бёка на героическій гексаметръ. Размѣръ этотъ, самый древній, обязанъ своимъ происхожденіемъ оракуламъ, на что указываетъ и сохраненное Павзаніемъ древнее преданіе, приписывающее изобрѣтеніе гексаметра Фемоноѣ, жрицѣ Аполлона. Важность этихъ священныхъ изрѣченій оракуловъ не могла быть выражена лучше, какъ спокойнымъ, гезихостическимъ ходомъ дактилическаго риѳма (*γένος ἴσον*), притомъ не анапестами, которые слишкомъ живы, но собственными дактилями. Отвѣтъ долженъ былъ быть выраженъ однимъ стихомъ или однимъ риѳмическимъ рядомъ. Такъ какъ двухъ дактилей было для этого слишкомъ мало, три дактиля какъ число нечетное не имѣли довольно величія и разрушали симметрію между числомъ отдѣльныхъ стопъ и основнымъ характеромъ дактилическаго риѳма, состоящимъ въ равенствѣ арзиса и тезиса, то нормальнымъ числомъ сдѣлались четыре дактиля. Къ этому dactylicus tetrameter прибавлялся еще какъ *ἐπῳδός* dactylicus dimeter catalecticus in disyllabum. Изъ этой формы развился героическій гексаметръ со всѣми его видоизмѣненіями, а первоначальный размѣръ остался въ употребленіи у буколическихъ поэтовъ, и именно тамъ, гдѣ ихъ пастухи поютъ, то есть, ежели можно такъ выразиться, въ лирическихъ частяхъ ихъ эпоса. Безъ всякаго сомнѣнія, Бёкъ вѣрнѣе смотритъ на гексаметръ, нежели Тиршъ, который считаетъ его стихомъ хоріямбическимъ (измѣреніе совершенно произвольное, основанное на томъ, что стихъ этотъ дѣйствительно заключаетъ *метрическіе* хоріямбы; послѣ этого каждый дактилическій стихъ можно считать хоріямбическимъ). Нельзя также согласиться съ Беркомъ, который древнѣйшимъ размѣромъ считаетъ такъ называемый paroemiacus, потому что этотъ размѣръ служилъ для пословицъ, которыя принадлежатъ къ первымъ по времени литературнымъ памятникамъ каждаго народа. Напротивъ должно полагать, что paroemiacus образовался изъ гексаметра: онъ есть та часть гексаметра, которая слѣдуетъ за обыкновенною въ этомъ стихѣ *τομὴ πενθημιμερής* Еще иначе смотрятъ на гексаметръ Росбахъ и Вестфаль: они считаютъ его соединеніемъ двухъ акаталектическихъ триподій. Противъ ихъ мнѣнія говоритъ, кажется, то обстоятельство, что всѣ вообще дактилическіе стихи рѣдко встрѣчаются въ акаталектическомъ видѣ; притомъ спондей послѣдней стопы едва ли есть риѳмическій дактиль.

и когда онъ объясняетъ разныя видоизмѣненія одного и того же риѳма (напр. разрѣшеніе арзиса, употребленіе цезуры и діерезиса и проч.). Здѣсь онъ съ математическою точностью показываетъ, до какой степени греческіе поэты согласовали форму съ содержаніемъ, и какъ они различные аффекты и страсти выражали посредствомъ риѳма. Самыя схемы онъ постоянно пишетъ на доскѣ, а приводимые изъ древнихъ поэтовъ стихи декламируетъ съ наблюденіемъ выражаемаго ими этоса или патоса и такимъ образомъ теоретическое изложеніе уясняетъ осязательными, такъ сказать, примѣрами. Наконецъ, при указаніи на разныя сочиненія по части метрики, онъ даетъ краткую но точную ихъ характеристику. Выше другихъ онъ ставитъ Grundriss zu Vorlesungen über die griechische Metrik Лейча (Leutsch) и метрику Росбаха и Вестфаля. (Пользуясь между прочимъ этимъ послѣднимъ сочиненіемъ, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ вѣрности словъ профессора Бёка, и никакъ не могу согласиться съ отзывомъ Гаупта «nolite audire Rossbachium et Vestphalium qui regnum metricae usurparunt». Epitome doctrinae metricae Германна заключаетъ однѣ схемы, безъ всякихъ почти объясненій; но книга эта очень полезна для справокъ).

Въ филологической семинаріи профессоръ практически знакомитъ студентовъ съ законами метрики; объясняя въ настоящемъ семестрѣ Эврипидову Ифигенію въ Авлидѣ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на риѳмическую композицію лирическихъ ея частей, и показываетъ, какимъ образомъ должно пользоваться метрикою при возстановленіи текста.

Въ заключеніе отчета упоминаю, что собственныя мои занятія состоятъ въ изученіи трагиковъ и ораторовъ (Demosth. Lys. Isocr.), и греческихъ древностей (по руководствамъ Шемана — Antiqq. jur. publ. Graecorum, Карла Фридриха Германна и Беккера — Charicles).

Берлинъ, $\frac{\text{30-го іюня}}{\text{12-го іюля}}$ 1864 года.

Приложеніе къ отчету.

Главнѣйшія примѣчанія проф. Гаупта къ Прометею Эсхила.

Относительно мѣста, въ которомъ происходитъ дѣйствіе трагедіи *Προμηθεὺς δεσμώτης*, мы имѣемъ два различныхъ извѣстія. Во второй *ὑπόθεσις* говорится: *ἡ μὲν σκηνὴ τοῦ δράματος ὑπόκειται ἐν Σκυθίᾳ ἐπὶ το Καυκάσιον ὄρος*, между тѣмъ какъ въ первой *ὑπόθεσις* сказано: *ἰστέον*

δὲ ὅτι οὐ κατὰ τὸν κοινὸν λόγον ἐν Καυκάσῳ φησὶ δεδέσθαι τὸν Προμηθέα, ἀλλά πρὸς τοῖς Εὐρωπαίοις μέρεσι τοῦ Ὠκεανοῦ, ὡς ἀπὸ τῶν πρὸς τὴν Ἰὼ λεγομένων ἔξεστι συμβαλεῖν. Очевидно, что второе извѣстіе заслуживаетъ болѣе вѣроятія. Опровергая образовавшійся уже въ древнія времена *κοινὸν λόγον,* по которому Прометей былъ прикованъ къ Кавказу, и по которому Эсхилъ представилъ на сценѣ эту гору, составитель первой *ὑπόθεσις* ссылается на самую трагедію. Тамъ дѣйствительно ничего не говорится о томъ, что Прометей прикованъ къ Кавказу, напротивъ слова Прометея къ Іонѣ *πρὶν ἂν πρὸς αὐτὸν Καύκασον μόλῃς* (719) ясно доказываютъ, что гора эта находится далеко отъ мѣста мучительнаго наказанія Прометея.

Но какимъ образомъ произошелъ этотъ *κοινὸς λόγος,* опровергаемый представителемъ первой *ὑπόθεσις?* Цицеронъ въ своихъ disputationes Tusculanae перевелъ нѣсколько стиховъ изъ Эсхиловой трагедіи *Προμηθεὺς λυόμενος,* изъ которыхъ видно, что въ *этой* драмѣ, составлявшей конецъ цѣлой трилогіи, Прометей дѣйствительно прикованъ къ Кавказу. Весьма вѣроятно, что какой нибудь древній грамматикъ, смѣшавъ обѣ драммы, или же не очень внимательно читая *нашу* трагедію, перенесъ въ нее мѣсто дѣйствія «Освобожденнаго Прометея». Такіе недосмотры со стороны древнихъ грамматиковъ вовсе не рѣдки. Доказательствомъ еще бо̀льшей оплошности могутъ служить слова грамматика Херида (*Χαῖρις*) въ схоліяхъ къ Аристофану, Ran. 1,028. Объясненія относящіяся къ Эсхиловымъ Персамъ слова Аристофана.

ἐχάρην γοῦν, ἡνίκ᾽ ἀπηγγέλθη περί Δαρείου τεθνεῶτος,
ὁ χορὸς δ᾽εὐθὺς τὼ χεῖρ᾽ ὡδὶ συγκρούσας εἶπεν ἰαυοῖ,

и стараясь согласить ихъ съ самою трагедію, онъ говоритъ: *τὸ Δαρείου ἀντὶ τοῦ Ξέρξου σύνηθες γὰρ τοῖς ποιηταῖς ἐπὶ τῶν υἱῶν τοῖς τῶν πατέρων ὀνόμασι χρῆσθαι.* Слѣдовательно Херидъ, не говоря уже о странномъ его объясненіи, по которому Ксерксъ называется не настоящимъ своимъ именемъ, а Даріемъ, утверждаетъ, что въ Персахъ Эсхилъ разсказываетъ о смерти Ксеркса, между тѣмъ какъ тамъ нѣтъ объ этомъ ни слова; напротивъ, поэтъ прямо говоритъ, что Ксерксъ живъ, который и выходитъ самъ на сцену въ концѣ трагедіи. Какъ составитель первой *ὑπόθεσις* опровергаетъ упомянутый *κοινόν λόγον* указаніемъ на самую драмму, такъ точно Симмахъ, который по всей вѣроятности соединилъ схоліи къ Аристофану въ одно цѣлое, возражаетъ Хериду стихомъ изъ самой трагедіи: *Ξέρξης μὲν αὐτὸς ζῇ τε καὶ βλέπει φάος* (299).

И такъ въ двухъ драмахъ Эсхила, въ «Скованномъ Прометеѣ» и въ «Освобожденномъ Прометеѣ», двѣ различныя сцены: въ первой — пустыня Скиѳіи, во второй — Кавказъ. Измѣненіе сцены Эсхилъ произвелъ какъ для разнообразія, такъ и для того, чтобы согласоваться съ древними эпиками и лириками, которые воспѣли въ своихъ твореніяхъ миѳъ о Прометеѣ и представили Титана прикованнымъ къ Кавказу. Миѳъ о Прометеѣ имѣлъ уже извѣстныя установленныя формы, которыя Эсхилъ могъ измѣнить до извѣстной степени, но которыхъ онъ не могъ оставить совершенно. Къ этимъ стереотипнымъ формамъ принадлежалъ между прочими и Кавказъ, который въ одной изъ драмъ трилогіи непремѣнно долженъ былъ быть представленъ мѣстомъ наказанія Прометея. Ежели въ двухъ трагедіяхъ Прометей является прикованнымъ къ двумъ разнымъ скаламъ, то это нисколько не нарушаетъ единства дѣйствія, тѣмъ болѣе, что поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ мотивируетъ этотъ переходъ отъ одного мѣста къ другому художественнымъ образомъ: въ концѣ первой трагедіи подъ страшными ударами грома разверзается земля и поглощаетъ Титана, который въ началѣ слѣдующей трагедіи, все еще прикованный къ скалѣ, является на другомъ мѣстѣ земной поверхности. Можетъ быть въ этой послѣдней трагедіи поэтъ описалъ тѣ перевороты, которые измѣнили видъ земли, — но это только догадка, лишенная всякаго основанія, такъ какъ отъ «Освобожденнаго Прометея» сохранились самые скудные отрывки.

Что касается обстановки сцены и представленныхъ на ней предметовъ, то Дройзенъ въ своемъ переводѣ Эсхиловыхъ трагедій полагаетъ, что скала, къ которой прикованъ Прометей, находится возлѣ самаго моря. Можно ли было вообще представить море на греческой сценѣ, это вопросъ, который сюда не относится; хотя впрочемъ очень вѣроятно, что и въ позднѣйшія времена, когда сценическія декораціи получили уже полное развитіе, море было видно только вдали, но никогда не представлялось на сценѣ. Это доказываютъ многія драмы Эврипида, напр. Гекуба, обѣ Ифигеніи, Троянки, Софокловъ Филоктетъ и проч. Относительно нашей трагедіи прямо можно сказать, что въ ней не было представлено море, или вѣрнѣе, что скала находилась не вблизи моря. Доказательствомъ этому служитъ самое содержаніе нашей драмы. Извѣстно, что въ каждой греческой трагедіи поэтъ или черезъ одного изъ актеровъ или черезъ хоръ знакомитъ зрителей самымъ точнымъ образомъ со всѣми представленными на сценѣ предметами, съ являю-

щимися на сцену дѣйствующими лицами, со всѣми совершающимися на сценѣ матеріальными событіями; однимъ словомъ зрители не *видятъ* ничего такого, чего они вмѣстѣ съ тѣмъ не *слышатъ* отъ одного изъ актеровъ или отъ хора. Это одно изъ отличій древняго драматическаго искусства отъ новаго. Въ нашей трагедіи являющійся на сцену актеръ, опысывая мѣстность, говоритъ о *τηλουρόν πέδον* (1), *Σκύθης οἶμος* (2), *πέτραι ὑψηλόκρημνοι* (5), но ни слова не говоритъ о морѣ; Океаниды выходятъ не изъ моря, но прилетаютъ *πτερύγων θοαῖς ἁμίλλαις* (130); наконецъ самъ Океанъ приходитъ, совершивъ *δολιχῆς τέρμα κελεύθου* (284). Все это доказываетъ, что мѣсто дѣйствія нашей трагедіи далеко отъ моря, какъ уже замѣтилъ Schönborn въ своемъ сочиненіи die Skene der Hellenen.

О времени представленія Прометея мы не находимъ положительныхъ извѣстій ни у древнихъ писателей, ни въ дидаскаліяхъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что Прометей былъ представленъ послѣ Ол. 77, 4—такъ какъ въ первой сценѣ являются три актера. Это нововведеніе было сдѣлано Софокломъ, отъ котораго заимствовалъ его Эсхилъ. Но Велькеръ, а потомъ Германнъ доказали, что въ Прометеѣ не три актера, а только два. На сцену выходитъ Гефестъ въ сопровожденіи двухъ зевесовыхъ служителей *Κράτος* и *Βία*, которые ведутъ Прометея. *Βία* въ продолженіи цѣлой сцены ничего не говоритъ: это одинъ изъ хоревтовъ, выходящій на сцену какъ *παραχορήγημα*. Прометей также не актеръ, даже не человѣкъ, а кукла. Эту куклу Гефестъ приковываетъ къ скалѣ и пробиваетъ ей грудь большимъ желѣзнымъ гвоздемъ. Когда все окончено, актеры оставляютъ сцену, и одинъ изъ нихъ тотчасъ становится за прикованною къ скалѣ куклою и рецитуетъ роль Прометея; другой же выходитъ въ роляхъ Океана, Іоны и Гермеса. Такимъ образомъ въ Прометеѣ только два актера, слѣдовательно онъ могъ быть написанъ и раньше Ол. 77, 4. Группе (Ariadne p. 153 seqq.) старается опредѣлить время представленія нашей трагедіи на основаніи изверженія Этны, Ол. 75, 2 и перваго путешествія Эсхила въ Сицилію, Ол. 77, 4. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на бóльшее развитіе драматизма въ Прометеѣ, сравнительно съ Персами и съ Семью противъ Ѳивъ, — въ Прометеѣ дѣйствіе и собственно драматическій элементъ уже преобладаютъ надъ началомъ эпическимъ и лирическимъ — и относитъ Прометея къ времени послѣ Ол. 77, 4. Однако онъ самъ сознается, что это не болѣе какъ предположенія, такъ что о Прометеѣ съ достовѣрностью можно

сказать только то, что онъ написанъ послѣ Персовъ, Ол. 76, 4 и раньше Орестіи Ол. 80, 2.

Греческіе трагики, и особенно Эсхилъ, должны были подчиняться извѣстнымъ, строго ограниченнымъ формамъ, которыя не проистекаютъ изъ самой сущности трагедіи, но развились исторически, вслѣдстіе причинъ внѣшнихъ и случайныхъ. Сюда относятся напр. единство мѣста и времени, ограниченное число актеровъ и проч. Но эти ограниченія вовсе не стѣсняли древнихъ трагиковъ, напротивъ, талантъ ихъ умѣлъ воспользоваться этими формами для достиженія высокопоэтической цѣли. Такъ у Эсхила во многихъ трагедіяхъ герои сохраняютъ упорное, ничѣмъ не перырываемое молчаніе, напр. Ахиллъ въ трагедіи *῞Εκτορος λύτρα* или *Φρύγες,* Ніоба въ трагедіи того же имени и проч. Ближайшею и непосредственною причиною этого молчанія былъ недостатокъ въ актерахъ (и Ахиллесъ и Ніоба, подобно нашему Прометею, вѣроятно были куклы); но этою внѣшнею необходимостью Эсхилъ воспользовался самымъ геніальнымъ образомъ и употребилъ ее для представленія великихъ характеровъ своихъ героевъ. Аристофанъ, который былъ не только величайшій изъ греческихъ комиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ критиковъ, достойно оцѣнилъ это величавое молчаніе Эсхиловыхъ героевъ и ясно высказываетъ литературную свою исповѣдь въ лицѣ Діониса, который на упрекъ Эврипида (Ran. 915):

ὁ δὲ χορός γ᾽ ἤρειδεν ὁρμαθοὺς ἂν
μελῶν ἐφεξῆς τέτταρας ξυνεχῶς ἂν οἱ (герои трагедіи) *δ᾽ ἐσίγων.*

отвѣчаетъ:

ἐγὼ δ᾽ ἔχαιρον τῇ σιωπῇ, καί με τοῦτ᾽ ἔτερπεν
οὐχ ἧττον ἢ νῦν οἱ λαλοῦντες.

Равнымъ образомъ въ нашей драмѣ упорное молчаніе Прометея, въ продолженіи цѣлой первой сцены, самымъ прекраснымъ образомъ рисуетъ возвышенный и непреклонный характеръ Титана, котораго не въ состояніи потрясти никакая матеріальная сила. Софоклъ, который во многомъ слѣдуетъ Эсхилу, пользуется иногда и этимъ Эсхиловомъ молчаніемъ, напр. въ Эдипѣ Колонскомъ, гдѣ слѣпой старецъ молчаніемъ доводитъ своего сына Полиника до отчаянія, и только вслѣдствіе просьбы хора (1,346) удостоиваетъ его отвѣта. Но Софоклъ дѣйствуетъ на основаніи чисто художественныхъ мотивовъ, Эсхилъ же умѣлъ внѣшнее препятствіе подчинить

поэтическимъ своимъ планамъ. Прекрасно говоритъ одинъ изъ германскихъ поэтовъ, кажется Шиллеръ: Reim und Vers sind für den wahren Dichter keine beengenden Schranken, sie heben im Gegentheil den Schwung seines Fluges.

Ст. 1 — 10. ἐς приняли въ текстъ Мейнеке и Диндорфъ вмѣсто рукописнаго εἰς, на томъ основаніи, что эту послѣднюю форму Эсхилъ употребляетъ только по требованію метра, то есть тамъ, гдѣ долженъ стоять долгій слогъ. — τηλουρός (изъ τῆλε ὅρος) собственно съ отдаленными границами; но въ этомъ словѣ, какъ во многихъ другихъ, значеніе второй составной части почти совсѣмъ изчезло, такъ что τηλουρός значитъ просто отдаленный. Σκύθην ἐς οἶμον вмѣсто Σκυθικόν, какъ Σκύθης ὅμιλος (417), Πέρσης ἀνήρ (Xen. Anab. 1, 6, 1) и проч. — ἄβροτον εἰς ἐρημίαν чтеніе грамматиковъ, ἄβατον ἐς τ' чтеніе Медицейской рукописи. Первое чтеніе заслуживаетъ преимущество, потому что Эсхилъ вѣроятно имѣлъ здѣсь въ виду Гомеровское ἄμβροτος νύξ, которое, по объясненію Бутманна (Lexilogus), означаетъ безлюдную ночь, такъ какъ ночью люди не выходятъ. По крайней мѣрѣ Эсхилъ принялъ это слово въ упомянутомъ значеніи, а не въ значеніи безсмертный или божественный, какъ видно изъ нашего мѣста. λεωργός (дорическая форма вмѣсто λεουργός) встрѣчается у разныхъ писателей въ такихъ соединеніяхъ (у Архилоха противополагаются ἔργα λεωργά и ἔργα θεμιστά, Ксенофонтъ говоритъ θερμουργός καὶ λεουργός, Эліанъ ἄδικος καὶ λεουργός, Θемистій λεουργός καὶ ὑπερόπτης, наконецъ Гезихій λεουργός πανοῦργος), которыя ясно показываютъ значеніе этого слова: преступный, злодѣйскій. Но происхожденіе его темно. Готфридъ Германнъ производитъ его отъ λεῖος и сравниваетъ съ ῥᾳδιουργός (pronus ad facinora perpetranda). Какъ о курьозѣ можно еще упомянуть объ объясненіи схоліаста λάων ἔργον ὀφείλων γενέσθαι (dignus qui lapidibus obruatur) и Аполлонія (Apollonius Dyscolus de Pronomine λεωργός ἀντὶ τοῦ τελεωργός (отъ τέλειος или τέλεος, только съ отброшеннымъ слогомъ τε). — ἄνθος означаетъ здѣсь то же самое, что въ ст. 38 γέρας (достояніе). Вѣрно объясняетъ уже схоліастъ τὸν σὸν κόσμον. Огонь называется πάντεχνος, потому что онъ по словамъ самаго поэта διδάσκαλος τέχνης πάσης βροτοῖς πέφηνε (110) и отъ него люди πολλὰς ἐκμαθήσονται τέχνας (254).

Ст. 11—20. Вмѣсто κοὐδὲν ἐμποδὼν ἔτι въ нѣкоторыхъ рукописяхъ стоитъ μάτην. Германнъ полагаетъ, что это μάτην указываетъ на первоначальное чтеніе и предлагаетъ ἄνη (=ἄνυσις), употребленное Эсхиломъ два раза въ Семи противъ Θивъ. αἰπυμῆτα встрѣчается только

здѣсь (ἅπαξ εἰρημένον) и означаетъ то же, что βαθύβουλος (Pers. 142). Передъ чтеніемъ Cod. Med. ἀπανθρώπῳ τόπῳ безспорно заслуживаетъ преимущество чтеніе болѣе молодыхъ рукописей πάγῳ (saxum, rupes). Эту варьянту Гауптъ приводитъ между прочимъ въ доказательство того, что не всѣ рукописи копіи съ Медицейскаго кодекса, что напротивъ нѣкоторыя происходятъ изъ другаго источника. Въ словахъ οὔτε φωνὴν οὔτε του μορφὴν βροτῶν ὄψει такъ называемая фигура ἀπὸ τοῦ κοινοῦ, такъ какъ передъ φωνήν подразумѣвается του. Кромѣ того, здѣсь ζεῦγμα, потому что ὄψει можетъ быть соединено только съ μορφήν, а при φωνήν подразумѣвается ἀκούσει. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о варьянтѣ θεῶν, которая вовсе не идетъ къ смыслу: Прометей φιλάνθρωπος, и потому для него составляетъ наказаніе разлука съ людьми, а не съ богами, которыхъ онъ ненавидитъ.

Ст. 21—30. σταθευτός, ἐφλογισμένος ἠρέμα. Hesych. — ποικιλείμων невѣрно объясняетъ схоліастъ словами ποικίλος и λειμών. Напротивъ, это прилагательное состоитъ изъ ποικίλος и εἷμα и по значенію равняется Софоклову αἰόλα νύξ (Trach. 94). Вмѣсто ἐπηύρου Германнъ предлагаетъ ἐπηύρω (aor. 1), чтобы устранить непріятное ὁμοιοτέλευτον въ словахъ ἐπηύρου τοῦ φιλανθρώπου τρόπου. Впрочемъ можетъ быть Эсхилъ съ намѣреніемъ употребилъ здѣсь эту фигуру.

Ст. 31—40 τὸ συγγενές вмѣсто ἡ συγγένεια. Подобнымъ образомъ и прозаики не рѣдко употребляютъ средній родъ прилагательнаго вмѣсто имени существительнаго отвлеченнаго.

Ст. 41 — 50. χειρωναξία ремесло. Ἄναξ значитъ иногда искусный въ чемъ нибудь, занимающійся чѣмъ нибудь; такъ въ Персахъ (378) κώπης ἄναξ владѣющій весломъ, гребецъ; πέλτης ἄναξ (Alcest. 501) воинъ; ψευδῶν ἄνακτες (Andr. 448) мастеръ лгать; ἄναξ μήλων (Odyss. 9, 440) пастухъ. Отсюда и выраженіе ἀνακῶς ἔχειν τινός (= ἐπιμελεῖσθαι).

Ст. 51—60. ἔγνωκα τοῖσδε κοὐδὲν ἀντειπεῖν ἔχω — для устраненія въ этомъ стихѣ такъ называемаго ὑπέρβατον были предлагаемы разныя конъектуры (напр. ἔγνωκα κοὐδὲν τοῖσδ' ἔτ' ἀντειπεῖν), Диндорфъ же защищаетъ рукописное чтеніе. Гауптъ устраняетъ ὑπέρβατον (которое при союзѣ καί встрѣчается не раньше какъ въ Александрійскій періодъ) гораздо проще, соединяя τοῖσδε не съ ἀντειπεῖν, но съ ἔγνωκα, и переводитъ: твои слова убѣждаютъ меня. Слѣдовательно ἔγνωκα τοῖσδε = ἔγνωκα ἐκ τῶν εἰρημένων ὑπό σου.

Ст. 71—80. Слово διάτορος, которое обыкновенно имѣетъ дѣйствительное значеніе, здѣсь должно принимать въ значеніи страдательномъ, такъ какъ διάτοροι πέδαι можетъ только означать: оковы

снабженныя отверстіями для гвоздей, посредствомъ которыхъ онѣ прикрѣпляются къ скалѣ. Въ страдательномъ значеніи употребилъ это слово и Софоклъ: *διατόρους ποδῶν ἀκμάς* (Oed. R. 1,044). *ἐπιπλήσσειν τινί τι* упрекать кого въ чемъ нибудь. Ср. Soph. Oed. Col. 1,730 *τί τόδ᾽ ἐπέπληξας;* —

Ст. 81—90. *τί ..... ἀπαντλῆσαι πόνων;* Ср. Eurip. Alc. 354 *ἀλλ᾽ ὅμως βάρος ψυχῆς ἀπαντλοίην ἄν* и объясненіе Гезихія *ἀπαντλοίην ἄν ἐπικουφίσαιμι ἄν.* Вмѣсто *ἐκκυλισθήσει τέχνης* (Med.) Диндорфъ пишетъ *τύχης*, что не можетъ быть одобрено. *Τέχνη* въ нашемъ мѣстѣ означаетъ *δεσμὰ τετεχνημένα*, а глаголъ *ἐκκυλίομαι* гораздо лучше соединяется съ *τέχνη*, нежели съ *τύχη*. *Ποντίων κυμάτων ἀνήριθμον γέλασμα* вмѣсто *ποντίων κυμάτων ἀνηρίθμων γέλασμα*. Что касается *γέλασμα*, то его нельзя сравнить съ Катулловымъ undarum cachinnus (=risus cum sonitu), напротивъ, *γέλασμα* означаетъ здѣсь смѣющееся, то есть спокойное море, и метафора взята не отъ чувства слуха, но отъ чувства зрѣнія (ср. латинское ridentia prata).

Ст. 91—100. *ἴδεσθέ μ᾽ οἷα πάσχω* вмѣсто *ἴδεσθε οἷα πάσχω*, грамматическая *πρόληψις*, часто встрѣчающаяся и въ прозѣ. Напр. Xen. Anab. 3, 8 *ὁρῶντες τοὺς στρατηγούς, οἷα πεπόνθασιν.* 1, 8, 12 *ᾔδει αὐτὸν ὅτι ἔχοι.* 1, 6, 5 *ἐξήγγειλε τὴν κρίσιν ὡς ἐγένετο* и проч.

Ст. 111—120. Въ рукописяхъ стоитъ *δεσμοῖσι πασσαλευμένος*, что нѣкоторые ученые хотѣли исправить такъ *πασσαλευτὸς ὤν*. Гауптъ читаетъ *δεσμοῖς πεπασσαλευμένος*. Хотя при этомъ чтеніи ямбическій триметръ раздѣляется цезурой на двѣ равныя половины, чего драматики вообще старались избѣгать, однако у самаго же Эсхила есть нѣсколько примѣровъ подобныхъ стиховъ, какъ-то

Ξέρξης δ᾽ ἀνῴμωξεν | κακῶν ὁρῶν βάθος (Pers. 465),
Θρῄκην περάσαντες | μόλις πολλῷ πόνῳ (ibid. 509).

Гауптъ сильно вооружается противъ конъектуры Диндорфа *προσπεπαρμένος*, на томъ основаніи, что глаголъ *προσπείρω* нигдѣ не встрѣчается и кромѣ того не согласенъ съ духомъ греческаго языка. Сколько мнѣ кажется, Диндорфъ основываетъ свою конъектуру на ст. 64 (*ἀδαμαντίνου σφηνὸς γνάθον στέρνων διαμπὰξ πασσάλευε*): тамъ Гефестъ пробиваетъ грудь Прометея желѣзнымъ гвоздемъ и этимъ же гвоздемъ прибиваетъ его къ скалѣ. Потому чтеніе Диндорфа *προσπεπαρμένος*, ежели можно принять его, соединяетъ въ себѣ два значенія *πεπαρμένος* и *προσπεπασσαλευμένος* (transfixus et affixus) — *ὀδμὰ κεκραμένη=ὀμὴ ἡμιθέων.* — *ὁρᾶτε* здѣсь повелительное наклоненіе. Прометей еще не видитъ хора Океанидъ и потому обращается не къ

опредѣленному лицу, но просто въ ту сторону, откуда ему послышался шумъ. Стихи 115 — 127 служатъ для того, чтобы обратить вниманіе зрителей на вступающій въ оркестръ хоръ (*πάροδος*).

Ст. 121 — 130. *δι' ἀπεχθείας ἐλθεῖν τινι* (ср. Eur. Phoen. 482 *δι' ἔχθρας τῷδε καὶ φόνου μολών*) навлечь на себя чью нибудь ненависть, какъ *ἐλθεῖν διὰ φιλίας τινί* подружиться съ кѣмъ нибудь. — *εἰσοιχνεῦσιν* Гомеровское слово; потому и удержана въ анапестическомъ размѣрѣ іоническая контракція *εου* въ *ευ*.

Ст. 131 — 140. *θεμερῶπις* (вѣроятно отъ корня *ΘΕ, τίθημι*) встрѣчается только у Эсхила. Гезихій говоритъ *θερμερός* (должно кажется читать *θεμερός*) *σεμνός*. Вторая составная часть (*ὤψ*) не оказываетъ никакого вліянія на значеніе этого слова, какъ вообще трагики употребляютъ сложныя прилагательныя, въ которыхъ первая только часть имѣетъ знаменательную силу, напр. *πυκνόπτεροι ἀηδόνες* (Soph. Oed. Col. 16) = *πυκναί, ἑκατομπόδων Νηρῄδων* (ibid. 718) = *πολλαί, ἄνδρ' ἐν οἰόζωνον* (Oed. R. 846) и проч. Сюда же относится *γέῤῥα βοῶν ὠμοβόεια* у Ксенофонта (Anab. 4, 7, 22), гдѣ *ὠμοβόειος* значитъ не болѣе какъ *ὠμός*.

Ст. 141 — 150. Вмѣсто очевидно испорченныхъ словъ рукописей *πρὸς πατρός*, которыя притомъ не составляютъ полнаго анапестическаго монометра, Диндорфъ, согласно своей конъектурѣ къ ст. 113 *προσπεπαρμενος*, предлагаетъ *προσπαρτὸς ἐγώ*, Германнъ читаетъ *προσπορπατός*. Тяжелые анапесты этого слова прекрасно выражаютъ настроеніе Прометея, который съ трудомъ переноситъ свои страданія. *εἰσιδοῦσαι* рукописей указываетъ на первоначальное чтеніе *εἰσιδούσᾳ*, что и принято Германномъ. Диндорфъ предлагаетъ *εἰσιδοῦσιν*, на томъ основаніи, что слѣдуетъ *πέτρᾳ*, но въ нашемъ мѣстѣ не можетъ быть рѣчи о двусмысліи, и едва ли кто нибудь изъ Аѳинскихъ зрителей думалъ соединять *εἰσιδούσᾳ* съ *πέτρᾳ*. — *ἀθέτως* принялъ въ текстъ уже Бентлей, такъ какъ Гезихій говоритъ прямо: *ἀθέτως ἀθέσμως. Αἰσχύλος Προμηθεῖ δεσμώτῃ.* Слѣдовательно, *ἀθέσμως* рукописей только объясненіе слова *ἀθέτως*, вкравшееся въ текстъ уже въ древнее время.

Ст. 151 — 160. *εἰ γάρ μ' . . . . ἧκεν* изъявительное наклоненіе, не желательное, для выраженія желанія неосуществившагося или невозможнаго. И въ слѣдующемъ придаточномъ предложеніи, означающемъ цѣль (enuntiatum finale) *ὡς ἐπέγηθεν* (Германнъ *ἐγεγήθει*) глаголъ стоитъ въ изъявительномъ наклоненіи. — *νεκροδέγμων*, только у Эсхила, подражаніе Гомеровскому *πολυδέγμων* и *πολυδέκτης*. Очень часто

трагики называютъ бога преисподней *κοινὸς Ἅιδης*.—Диндорфъ (praef. p. 61), стараясь показать, какимъ образомъ произошло испорченное чтеніе рукописей *ὡς μήποτε θεὸς μήτε τις ἄλλος*, защищаетъ свою конъектуру *ὡς μήτε θεῶν μήτε τις ἀνδρῶν*. Но его доказательства слишкомъ искусственны и едва ли могутъ убѣдить кого нибудь. Напротивъ древній схоліастъ, который въ Медицейской рукописи приписалъ замѣчаніе *καλῶς οὐκ ἐπήνεγκε μήτε τις ἄνθρωπος οὐ γὰρ ἐπέχαιρον οὗτοι αὐτῷ, ἀλλὰ καὶ συνέπασχον*, совершенно вѣрно понялъ мысль поэта. На это указываетъ и отвѣтъ хора *τίς ὧδε τλησικάρδιος θεῶν* и т. д., гдѣ вовсе не упоминается о людяхъ. Можно сравнить также ст. 21 *οὔτε του μορφὴν βροτῶν ὄψει*. Потому нельзя не согласиться съ чтеніемъ Турнеба *ὡς μήτε θεὸς μήτε τις ἄλλος*. Въ словѣ *ἄλλος*, поставленномъ послѣ *θεός*, должно видѣть не болѣе, какъ поэтическую амплификацію; ежели же кто непремѣнно хочетъ соединять съ этимъ словомъ понятіе о существахъ, отличныхъ отъ боговъ, тотъ можетъ думать о полубогахъ. Ср. ст. 116 *ὀδμά θεόσυτος, ἢ βρότειος, ἢ κεκραμένη*. — *αἰθέριον κίνυγμα* = ventorum ludibrium. Фотій и Гезихій объясняютъ *σκιά, εἴδωλον*.

Ст. 161 — 170. *οὐρανίαν γένναν* поколѣніе Урана, то есть Титаны, къ которымъ принадлежитъ и Прометей. Потому слѣдуетъ писать *Οὐρανίαν*, большою буквою. — *παλάμη* означаетъ въ нашемъ мѣстѣ хитрость, ухищреніе. Гезихій говоритъ *αἱ παλάμαι αἱ χεῖρες καὶ αἱ τέχναι*. — *χρείαν ἕξει (Ζεύς) ἐμοῦ δεῖξαι* = *δεήσεταί μου δεῖξαι*.

Ст. 171 — 180. Вмѣсто рукописнаго *οὔτοι*, которое не идетъ въ стихъ, Диндорфъ читаетъ *οὔτι*. Но гораздо лучше конъектура Порсона *οὔτε*, одобренная и Германномъ. По чтенію Порсона, мы получаемъ совершенно правильный двучленный періодъ, въ которомъ точное соотвѣтствіе между *οὔτε θέλξει* и *οὔποτέ τε καταμηνύσω* (neque . . . . neque unquam). — *δύη* слово довольно часто встрѣчающееся у Эсхила, напр. Pers. 1010 *νέαι νέαι δύαι δύαι*.

Ст. 181 — 190. Германнъ, указывая на точное и полное соотвѣтствіе между строфами и антистрофами у Эсхила, дѣлаетъ слѣдующія предположенія: въ Медицейской рукописи стоитъ *ἠρέθισε*, и при этомъ чтеніи мы имѣемъ въ третьей стопѣ ямбическаго триметра дактиль. Хотя очень легко произвести соотвѣтствіе между стихомъ строфы и антистрофы, отбросивъ приращеніе, что дѣйствительно и сдѣлали многіе издатели, и между ними Диндорфъ, однако трудно объяснить, откуда произошло рукописное чтеніе *ἠρέθισε*. Невозможно также предположить, что Эсхилъ не воспользовался столь

обыкновеннымъ въ лирическихъ частяхъ драмъ отбрасываніемъ приращенія. Итакъ ἠρέθισε должно оставить безъ измѣненія, и искать ошибку въ стихѣ строфы. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто Διός стоитъ ἑνός, то Германнъ и предлагаетъ такое чтеніе:

въ строфѣ τεοῖσι, δίχα γοῦν ἑνός; ὁ δ᾽ ἐπικότως ἀεὶ
въ антистрофѣ ἐμὰς δὲ φρένας ἠρέθισε διάτορος φόβος.

Ежели Медицейская рукопись не есть общій источникъ всѣхъ другихъ, ежели напротивъ нѣкоторыя изъ нашихъ рукописей списаны съ какого нибудь другаго, потеряннаго кодекса, то конъектура Германна дѣлается весьма вѣроятною. Для достиженія соотвѣтствія между стихомъ антистрофы 182 δέδια δ᾽ ἀμφὶ σαῖς τύχαις и стихомъ строфы 163 θέμενος ἄγναμπτον νόον, Германнъ вмѣсто ἄγναμπτον пишетъ ἀστραφῆ. — κέλσαντα очень хорошо замѣчаетъ схоліастъ παυσάμενον. ἡ μεταφορὰ ἀπὸ τῶν προσορμιζομένων νεῶν. Греческіе трагики очень часто употребляютъ метафоры, взятыя отъ моря, напр. κακῶν πέλαγος Aesch. Pers. 433. μακρόν τὸ δεῦρο πέλαγος (дорога) οὐδὲ πλώσιμον Soph. O. C. 663. μέγα πέλαγος (scil. κακῶν), ἐλαχέτην ibid. 1746 и проч. Въ словѣ ἀπαράμυθον первый слогъ долгій. Вообще поэты въ многосложныхъ словахъ, сложенныхъ съ α privativum, по требованію метра употребляютъ это α долгимъ, напр. ἀκάματος, ἀθανατος и проч. Впрочемъ Гауптъ читаетъ οὐ παράμυθον, какъ стоитъ въ Медицейской рукописи.

Ст. 201 — 210. Въ словахъ ἐπεὶ τάχιστ᾽ ἤρξαντο .... στάσις τ᾽ ἐν ἀλλήλοισιν ὠροθύνετο, οἱ μὲν θέλοντες .... οἱ δὲ σπεύδοντες и т. д. такъ называемая σύνταξις κατὰ συνεσιν, потому что στάσις ἐν ἀλλήλοισιν ὠροθύνετο по смыслу то же что ἐστασίαζον πρὸς ἀλλήλους. Съ нашимъ мѣстомъ, относительно грамматическаго соединенія словъ, можно сравнить слѣдующія: λόγοι δ᾽ ἐν ἀλλήλοισιν ἐρρόθουν κακοί (=λόγοις ἐχρώμεθα κακοῖς), φύλαξ ἐλέγχων φύλακα Soph. Oed. Col. 260. ἦν δ᾽ ἔρις στρατηλάταις (=ἤριζον στρατηλάται), οἱ μέν πατάξαι πρόσθε Πολουνείκην δορὶ, οἱ δ᾽ ὡς θανόντων οὐδαμοῦ νίκη πέλοι (гдѣ при οἱ μέν и οἱ δέ должно подразумѣвать λέγοντες, что заключается въ ἔρις ἦν) Eur. Phoen. 1462. τα περὶ Πύλον ὑπ᾽ ἀμφοτέρων κατὰ κράτος ἐπολεμεῖτο (=ἀμφότεροι ἐπόλέμουν), Ἀθηναῖοι μὲν περιπλέοντες, Πελοποννήσιοι δὲ προσβολὰς ποιούμενοι Thucyd. 4,23. Слѣдовательно οἱ μέν .... οἱ δέ такъ называемая appositio distributiva къ στάσις ὠροθύνετο, и схоліастъ, который οἱ μέν .... οἱ δέ соединяетъ съ ἤρξαντο, а στάσις ὠροθύνετο считаетъ вставленнымъ παρενθετικῶς, невѣрно понялъ это мѣсто.

Ст. 211—220. *ὡς οὐ κατ᾽ ἰσχύν .... δόλῳ δὲ τοὺς ὑπερσχόντας χρείη κρατεῖν* такъ читаетъ Диндорфъ, и объясняетъ *ὑπερσχόντας* qui superavissent. Хотя причастіе аориста можетъ иногда имѣть значеніе будущаго времени, однако въ нашемъ мѣстѣ *ὡς χρείη οὐ κατ᾽ ἰσχὺν δόλῳ δὲ τοὺς ὑπερσχόντας κρατεῖν* оно не совсѣмъ понятно. Германнъ вмѣсто рукописнаго *ὑπερέχοντας* (что нѣкоторыми прежними издателями было перемѣнено въ *ὑπερέγξοντας,* нарушающее размѣръ) предлагаетъ *ὑπερτέρους* и соединяетъ *τοὺς δόλῳ ὑπερτέρους* (=*δι᾽ ὃν δόλῳ ὑπέρτεροι ὦσιν*). Но и при такомъ чтеніи мысль не вполнѣ ясна, въ чемъ сознается и Гауптъ. По всей вѣротности вмѣсто *τοὺς ὑπερέχοντας* стояло какое нибудь существительное, зависящее отъ *κρατεῖν*, напр. *οὐρανοῦ, ἀρχῆς* и т. п., или же быть можетъ при *κρατεῖν* стояло per prolepsin *δεσπό τας* или *ἄρχοντας* (=*κρατεῖν ὥστε δεσπότας εἶναι*). Во всякомъ случаѣ стихъ этотъ еще не объясненъ удовлетворительнымъ образомъ.

Ст. 221—230. Такъ какъ схоліастъ говоритъ *τιμωρίαις,* то Германнъ полагаетъ, что Эсхилъ написалъ не *κακαῖσι ποιναῖς,* но *κακαῖσι τιμαῖς. Ποινή* не нуждается ни въ какомъ объясненіи, напротивъ оно само вѣроятно служило объясненіемъ слова *τιμή.*

Ст. 231—240. *ἐξελυσάμην βροτοὺς τὸ μή .... μολεῖν* =*ὥστε μή μολεῖν.— τῷ τοι τοιαῖσδε πημοναῖσι* и т. д. Здѣсь въ словѣ *τοιαῖσδε* первый слогъ коротокъ, какъ почти всегда въ *ποιέω,* и часто въ *ποῖος, ὁποῖος,* второй слогъ въ *δείλαιος* и проч.

Ст. 241—250. *ὧδ᾽ ἐρρύθμισμαι* = *διατέθειμαι, διάκειμαι.* Схоліастъ говоритъ, что метафора взята *ἀπὸ τῶν χορδῶν,* такъ какъ руки и ноги Прометея растянуты подобно струнамъ. —*θνητούς γ᾽ ἔπαυσα*— частица *γέ* въ отвѣтахъ означаетъ, что вопрошаемый не только подтверждаетъ сдѣланный ему вопросъ, но и прибавляетъ къ нему въ отвѣтѣ еще что нибудь (particula *γέ* saepe in responsionibus ita ponitur, ut et confirmet quod alter dixerat, et novum quid ac sa epe majus adjungi indicet. Pflugk ad Eurip. Hec. 246). Я привожу здѣсь нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ особенно ясно проявляется это значеніе частицы *γέ.*

ἙΚ. ἧψω δὲ γονάτων τῶν ἐμῶν ταπεινὸς ὤν;
ὈΔ. ὥστ᾽ ἐνθανεῖν γε σοῖς πέπλοισι χεῖρ᾽ ἐμήν Eur. Hec. 246.
ἙΚ. ἔσωσα δῆτά σ᾽ ἐξέπεμψά τε χθονός;
ὈΔ. ὥστ᾽ εἰσορᾶν γε φέγγος ἡλίου τόδε ibid. 250.
ἈΓΑΜ. ἦ γάρ τιν᾽ ἄλλον ἔτεκες ἢ κείνους, γύναι;
ἙΚ. ἀνόνητά γ᾽, ὡς ἔοικε, τόνδ᾽ ὃν εἰσορᾷς ibid. 766.
ἈΓΑΜ. κτανών νιν, ὡς ἔοικεν, ἐκβάλλει ξένος.
ἙΚ. θαλασσόπλαγκτόν γ᾽, ὧδε διατεμὼν χρόα ibid. 872.

ΟΙΔ. ὦ σκῆπτρα φωτός.
ἈΝΤ. δυσμόρου γε δυσμορα Soph. O. C. 1109.
ἈΝΤ. οὕτως ἄῤ, ὦ παῖ, ταῦτα σοι δεδογμένα;
ΠΟΛ. καὶ μή μ᾽ ἐπίσχης γ᾽. ibid. 1432.

Λέξῃ εἰς τὴν σεαυτοῦ, ἐάν τις ἀπιέναι βούληται παρά σέ; такъ спросилъ Ксенофонтъ Ѳракійскаго царя Севѳа (Σεύθης). Ὁ δ᾽εἶπε, καὶ ἀδελφούς γε ποιήσομαι Xen. Anab. 7, 2, 38. Изъ этихъ примѣровъ ясно, почему θνητους γ᾽ ἔπαυσα заслуживаетъ преимущество передъ варьянтами θνητούς τ᾽ ἔπαυσα и θνητοὺς ἔπαυσα. Впрочемъ, Германнъ предлагаетъ θνητούς γε παύσας. — τυφλαὶ ἐλπίδες, какъ говорили и римляне caecae spes. Схоліастъ Пиндара объясняетъ διὰ τὸ μάτην καὶ μὴ λογισμῷ χρωμένους τοὺς ἀνθρώπους ἐλπίζειν.

Ст. 271 — 280. πίθεσθέ μοι, πίθεσθε — Эльмслей замѣчаетъ, что отъ глагола πείθομαι (а также другихъ глаголовъ подобнаго значенія) трагики употребляютъ только аористъ, не настоящее время повелительнаго наклоненія. Хотя рукописи неоднократно представляютъ варьянту πείθεσθε и πείθου, но нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ эти формы стояли бы по требованію стиха, то есть слогъ πει (въ πείθεσθε и πείθου) никогда не встрѣчается въ арзисахъ четныхъ стопъ. — ταὐτά τοι πλανωμένη . . . πημονὴ προσιζάνει. Здѣсь ταὐτα употреблено какъ нарѣчіе и значитъ такимъ же образомъ (eodem modo). Съ этой конструкціей можно сравнить ст. 289 Софокловой Антигоны: ταῦτα καὶ πάλαι πόλεως ἄνδρες ἐῤῥόθουν ἐμοι (in hunc modum strepebant).

Ст. 291 — 300. γνώσει δὲ τάδ᾽ ὡς ἔτυμ᾽ вмѣсто γνώσει δέ ὡς τάδε ἔτυμα, аттракція или грамматическая πρόληψις. Точно также нѣсколько ниже въ ст. 304 δέρκου τόνδε τον Διὸς φίλον, οἵαις πημοναῖσι κάμπτομαι вмѣсто δέρκου οἵαις πημοναῖσι κάμπτομαι ἐγώ ὁ Διὸς φίλος. Въ этомъ мѣстѣ должно еще замѣтить переходъ отъ третьяго лица въ первому, который неоднократно встрѣчается и у прозаиковъ, напр. очень часто у Ксенофонта. Океанъ въ концѣ анапестовъ называетъ себя по имени, чтобы представить себя зрителямъ, которые видятъ на сценѣ новаго актера. — πῶς ἐτόλμησας. . . . ἐλθεῖν. Глаголъ τολμᾶν соотвѣтствуетъ здѣсь латинскому sustinere, нашему рѣшиться. Схоліастъ, который принялъ его въ обыкновенномъ значеніи осмѣлиться, дерзнуть, дѣлаетъ странное замѣчаніе: δηλοῖ δὲ ὅτι αὕτη ἡ ὁδοιπορία παρὰ τὸ τοῦ Ὠκεανοῦ ἀξίωμά ἐστιν (что это путешествіе несогласно съ достоинствомъ Океана *).

---

*) Я приписываю здѣсь грамматическое замѣчаніе Гаупта къ ст. 302, которое позабылъ помѣстить въ своемъ мѣстѣ. Почти во всѣхъ изданіяхъ стоитъ

Ст. 308. *Ποικίλος*, какъ называется Прометей, соотвѣтствуетъ латинскому versutus. И Гезіодъ говоритъ о Преметеѣ, что онъ *ποικίλος αἰολόμητις*, гдѣ послѣднее прилагательное есть объясненіе предъидущаго *ποικίλος*.

Ст. 311 — 320. *τάχ' ἂν σου καὶ μακρὰν ἀνωτέρω θακῶν κλύοι Ζεύς*. Слова *καὶ μακρὰν ἀνωτέρω θακῶν* обыкновенно принимаютъ за сокращенное условное предложеніе и разрѣшаютъ *καὶ εἰ θακοῖ*. Напротивъ Гауптъ видитъ въ нихъ предложеніе уступительное, равняющееся *εἰ καὶ θακεῖ* (etsi sedet). *ὥστε σοι τὸν νῦν χόλον παρόντα μόχθων παιδιάν εἶναι δοκεῖν* такъ стоитъ въ рукописяхъ. Но *χόλος μόχθων* едва ли можетъ означать vis aerumnarum, gravitas aerumnarum, какъ обыкновенно объясняли; по крайней мѣрѣ такое объясненіе очень искусственно. Диндорфъ принялъ конъектуру Дёдерлейна *ὄχλον μόχθων*, multitudo malorum. Другіе ученые, также принимающіе *ὄχλον*, объясняютъ его словомъ *ὄχλησις*, molestia. Гауптъ замѣчаетъ, что *ὄχλος* въ значеніи multitudo не даетъ достаточно рѣзкой противоположности къ *παιδια*, въ значеніи же molestia это слово слишкомъ слабо и вяло въ нашемъ мѣстѣ. Въ одномъ изъ индексовъ берлинскаго университета онъ предложилъ такую конъектуру:

. . . . *ὥστε σοι τὸν νῦν πολὺν*

παρόντα μόχθον παιδιάν etc. — *ἀρχαῖος* употреблено здѣсь въ значеніи *κρόνιος*, stultus, какъ часто у Аристофана. *φαίνομαι λέγειν* = videor dicere (субъективно); *φαίνομαι λέγων* = apparet me dicere (объективно).

Ст. 321 — 330. *πρὸς τοῖς παροῦσι δ'* — ежели *δέ* стоитъ здѣсь на четвертомъ мѣстѣ, то это легко объясняется тѣмъ, что предъидущія три слова собственно составляютъ одно только понятіе. — *ἢ οὐκ οἶσθ' ἀκριβῶς ὢν περισσόφρων* — Гауптъ послѣ *οἶσθ* ставитъ запятую, а *ἀκριβῶς* (въ значеніи очень, совершенно) соединяетъ съ *περισσόφρων*. Гезихій, который говоритъ *ἀκριβῶς ἄκρως*, вѣроятно имѣетъ въ виду наше мѣсто.

Ст. 331. *πάντων μετασχὼν καὶ τετολμηκὼς ἐμοί* — при *τετολμηκως* изъ предъидущаго *μετασχών* подразумѣвается *σύν* (фигура *ἀπὸ κοινοῦ*). Съ конструкціей можно сравнить Soph. Ant. 537 *ξυμμετίσχω καὶ φέρω*

ἦ θεωρήσων и т. д. Гауптъ того мнѣнія, что эту частицу вездѣ, гдѣ она присоединяетъ новый вопросъ къ одному или нѣсколькимъ уже предшествовавшимъ вопросамъ, должно писать съ острымъ удареніемъ (*ἤ*). Она соотвѣтствуетъ въ этомъ случаѣ латинскому an. Мнѣнія древнихъ грамматиковъ объ этомъ предметѣ противорѣчатъ одно другому и вообще не могутъ имѣть большаго авторитета.

τῆς αἰτίας (родительный падежъ зависитъ отъ ξυμμετίσχω, которому φέρω служитъ только объясненіемъ).

Ст. 341 — 345. οὐδὲν ὠφελῶν ἐμοί — хотя обыкновенно говорится ὠφελεῖν τινα, но примѣры сочетанія этого глагола съ дательнымъ падежемъ встрѣчаются довольно часто, напр. τοῖς θανοῦσι πλοῦτος οὐδὲν ὠφελεῖ Aesch. Pers. 842. φροντίζομεν φίλοις ὠφελεῖν Eur. Heracl 681, φίλοισιν ὠφελεῖν Arist. Av. 421 и нѣсколько разъ у Ксенофонта въ Анабазисѣ. μάτην πονήσεις, εἴ τι καὶ πονεῖν θέλεις — опровергая Диндорфа, который принялъ въ текстъ θέλεις, Гауптъ защищаетъ варьянту θέλοις. Онъ говоритъ, что θελεις неумѣстно, потому что Прометей послѣ словъ μηδὲν πόνει уже вполнѣ увѣренъ, что Океанъ послушается его совѣта, и потому, считая дальнѣйшія убѣжденія излишними, дѣлаетъ только возможное предположеніе, которое и выражено желательнымъ наклоненіемъ θέλοις. Слова же μάτην πονησεις равняются πονήσειας ἄν. Но Прометей вовсе еще не считаетъ Океана вполнѣ убѣжденнымъ, почему и продолжаетъ свои доказательства и въ ст. 374 повторяетъ σεαυτὸν σῶζε. Кромѣ того, слова εἰ καί, означающія условіе не предполагаемое только, а дѣйствительно существующее, и соотвѣтствующія въ бòльшей части случаевъ латинскому quamquam, не допускаютъ здѣсь желательнаго наклоненія. Потому я не вижу причины измѣнять θέλεις въ θέλοις, и считаю слова εἰ καί θέλεις равняющимися ὅμως θέλων.

Ст. 354. Въ рукописяхъ стоитъ πᾶσιν ὃς ἀντέστη θεοῖς, что рѣшительно противится метру (анапестъ въ четвертой стопѣ). Изъ разныхъ конъектуръ наименѣе насильственная ἀνέστη, принятая теперь всѣми почти издателями (Диндорфъ, Мейнеке и др.) Однако и противъ нея есть метрическія улики, такъ какъ Эсхилъ (а также Софоклъ въ драмахъ, написанныхъ до 89 Ол.), не позволяли себѣ разрѣшать арзисъ четвертой стопы. Германъ предлагаетъ πᾶσιν δ' ἀντέστη θεοῖς. Еще предпочтительнѣе конъектура Лобека (въ его изданіи Софоклова Аякса) προὔστη. Этимъ предположеніемъ объясняется также, откуда попало въ текстъ ἀντέστη: это толкованіе рѣдко употребляемаго προὔστη.

Ст. 358 и слѣд. — ἄγρυπνον βέλος (древніе грамматики объясняютъ ἄπαυστον, ἄσβεστον) гораздо картиннѣе и несравненно болѣе приличествуетъ Эсхиловой рѣчи, нежели варьянта ἄγριον. — Въ καταιβάτης κεραυνός таже картина, какъ и въ Гораціевомъ caducum fulmen (Od. 3, 4, 44), которому оно равняется и по значенію.

Ст. 378. *ὀργῆς εἰσιν ἰατροὶ λογοι* — въ рукописяхъ стоитъ *ὀργῆς νοσούσης,* Стобей приводитъ этотъ стихъ такимъ образомъ *ὀργῆς ματαίας,* Плутархъ и Евстаѳій, въ примѣчаніяхъ къ Иліадѣ, *ψυχῆς νοσούσης.* На *ψυχῆς* Плутарха нельзя слишкомъ полагаться, такъ какъ онъ приводитъ стихи изъ древнихъ поэтовъ не съ дословною точностью, но съ прибавленіями и измѣненіями. На первоначальное чтеніе *ὀργῆς* указываетъ и объясненіе схоліаста *ἀκμαζούσγς.* Слѣдовательно, должно искать порчи не въ *ὀργῆς,* но въ *νοσούσης*, которое, какъ полагаетъ Германнъ, внесено въ текстъ по ошибкѣ переписчика, поставившаго врачебное слово соотвѣтствующее слѣдующему *ἰατροί* (*ἰῶνται οἱ ἰατροὶ τὸ νοσοῦν*). Потому Германнъ предлагаетъ *ὀργῆς σφυζούσης* (palpitare). Но еще лучше конъектура Диндорфа *ὀργῆς ζεούσης* (латинское aestuare).

Ст. 388. *μὴ γάρ σε θρῆνος ουμὸς εἰς ἔχθραν βάλῃ* — частица *γάρ* стоитъ per ellipsin, такъ какъ должно подразумѣвать *στέλλω δέδοικα γάρ* и т. д. — *ουμός* въ значеніи объективномъ или страдательномъ, ибо *ουμὸς θρῆνος* = miseratio mei. Изъ римскихъ писателей особенно часто Саллюстій употребляетъ притяжательныя мѣстоименія въ страдательномъ значеніи.

Ст. 397 — 414. Критическое установленіе текста этихъ стиховъ, а также строгаго метрическаго соотвѣтствія между строфой и антистрофой, принадлежитъ Германну. Въ ст. 2 строфы онъ перемѣнилъ рукописное *Λειβομένα* въ *δ᾽εἰβομένα* (частица *δέ* стоитъ иногда и послѣ нѣсколькихъ словъ, особенно въ лирическихъ частяхъ трагедій), а въ ст. 2 антистрофы принялъ варьянту *στένουσα* вмѣсто *στένουσι* (по чтенію Германна *στένουσα* соединено съ *πρόπασα χώρα,* а слѣдующія слова *ὁπόσοι νέμονται, Κολχίδος παρθένοι, Σκύθης ὅμιλος* разлагаютъ понятіе *πρόπασα χώρα* на отдѣльныя его части, и служатъ ближайшимъ ему объясненіемъ). Остающійся за тѣмъ въ ст. 2 антистрофы между *ἀρχαιοπρεπῆ* и *στένουσα* пробѣлъ Германнъ выполняетъ, согласно мысли и метру, хоріямбомъ *δακρυχεεῖ.* Диндорфъ отступаетъ отъ Германна только въ томъ, что онъ слова *ἀμέγαρτα . . . . αἰχμάν* соединяетъ въ одно предложеніе (при чемъ *κρατύνων* означаетъ stabilire, decernere, infligere). Но такое соединеніе нѣсколько тяжело, и потому гораздо лучше съ Германномъ поставить послѣ *τάδε* двоеточіе или точку съ запятою, а передъ *ἰδίοις* прибавить *δ᾽* (въ такомъ случаѣ *κρατύνων* значитъ то же что *κρατῶν*, а съ цѣлою выраженною здѣсь мыслію можно сравнить ст. 35 *ἅπας δὲ τραχὺς ὅστις ἂν νέον κρατῇ*). — *τιμάν* здѣсь значитъ наказаніе, какъ и въ ст. 223 *κακαὶ*

τιμαί. Впрочемъ его можно принимать и sensu praegnanti τιμὴ ἀρπασθεῖσα.

Ст. 415—424. Ἀραβίας ἄρειον ἄνθος, о которомъ говорится, что оно πέλας Καυκάσου, явная ошибка, на которую обратили вниманіе уже древніе схоліасты. Конъектура новыхъ ученыхъ (между прочимъ Геймсета, который читаетъ Ἀβα-ρίας или Ἀυαρίας и думаетъ объ Аварахъ), а также объясненіе Эльмслея, сравнивающаго эту *прикавказскую* Аравію Эсхила съ Шекспировскою *приморскою* Богеміею, оказываются недостаточными. Другимъ образомъ старался возстановить это мѣсто Готфридъ Германнъ. На основаніи Лукіанова разговора Προμηθεύς, гдѣ пародируется наша драма и упоминаются Κάσπιαι πύλαι, называемыя у Птоломея Καυκάσιαι πύλαι, Германнъ вмѣсто Καυκάσου πέλας пишетъ Καυκάσου πύλας. Такъ какъ Стравонъ называетъ кавказскія ворота Сарматскими, то Германнъ вмѣсто Ἀραβίας предлагаетъ Σαρματᾶν, и такимъ образомъ возстановляетъ и метрическое соотвѣтствіе съ первымъ стихомъ строфы. Первая часть Германновой конъектуры принята почти всѣми издателями, но противъ второй части можно сдѣлать слѣдующія возраженія: 1) трудно объяснить, какимъ образомъ переписчикъ изъ Σαρματᾶν сдѣлалъ Ἀραβίας; 2) форма Σαρμάται встрѣчается не ранѣе временъ Стравона, древнѣйшіе же писатели знаютъ только Σαυρομάται. Итакъ ошибочное Ἀραβίας остается неразрѣшенною еще загадкой. — νέμουσιν имѣетъ Cod. Med., νέμονται нѣкоторыя другія рукописи. Гауптъ предпочитаетъ послѣднее чтеніе и видитъ въ немъ доказательство того, что Медицейская рукопись не есть общій источникъ всѣхъ другихъ. Именно, такъ какъ νέμονται вполнѣ соотвѣтствуетъ бакхію λος δὲ γᾶς въ концѣ ст. 3 строфы, и такъ какъ у древнихъ грамматиковъ едва ли можно предполагать точное знакомство съ метрикою, то въ νέμονται слѣдуетъ видѣть не позднѣйшее измѣненіе, но первоначальное чтеніе, перешедшее въ рукописи, которыя списаны не съ Медицейскаго кодекса.

Ст. 433. Ἄϊδος μυχὸς γᾶς — здѣсь слова μυχὸς γᾶς составляютъ одно понятіе, какъ напр. у Софокла γᾶς ἔπαυλα (Oed. Col. 669), ὀμμάτων φόβος (ibid. 729). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ родительный падежъ служитъ опредѣленіемъ существительному и равняется по значенію или имени прилагательному или причастію (γήϊνος, ἐν ὄμμασι φαινόμενος).

Ст. 444. ἔννους ἔθηκα (ἀνθρώπους) καὶ φρενῶν ἐπηβόλους — ἔννους объясняетъ значеніе слѣдующаго ἐπηβόλους φρενῶν. Слово ἐπήβολος (compos)

встрѣчается еще у Софокла, Antig. 492 *εἶδον (Ἰσμήνην) λυσσῶσαν οὐδ᾽ ἐπήβολον φρενῶν.*

Ст. 446. *ὧν δέδωκ, εὔνοιαν ἐξηγούμενος* значитъ *εὔνοιαν δώρων* или *εὔνοιαν τοῖς ὑπ᾽ ἐμοῦ δεδομένοις δηλουμένην* (Мейнеке безъ всякаго основанія предлагаетъ *ὧν δέδωκ᾽ εὔσοιαν*, что можетъ только значить beneficiorum salutem, но никакъ не beneficia hominibus salutaria, какъ объясняетъ Мейнеке).

Ст. 458. *ἄστρων ἀντολὰς ἔδειξα τάς τε δυσκρίτους δύσεις* — Германнъ хотѣлъ вмѣсто *δύσεις* поставить *φύσεις* или же *ὁδούς* (въ такомъ видѣ Стовей приводитъ это мѣсто), на томъ основаніи, что кто знаетъ *ἀντολὰς ἄστρων*, тотъ знакомъ и съ ихъ *δύσεις*, которыя потому никакъ пе могутъ быть названы *δύσκριτοι* (логичность аргументаціи Германна лишаетъ это мѣсто поэзіи); другіе искали ошибку въ *δυσκρίτους*. Но гораздо проще принять здѣсь фигуру *ἀπὸ κοινοῦ*, такъ чтобы прилагательное *δύσκριτοι* относилось къ обоимъ существительнымъ. Тогда *ἀντολαί* и *δύσεις* составляютъ полную противоложность, и мѣсто наше отчасти можно сравнить съ началомъ Агамемнона (ст. 7), гдѣ говорится *κάτοιδα ἀστέρας, ὅταν φθίνωσιν* (i. e. *δύσεις*), *ἀντολάς τε τῶν.*

Ст. 465. *ὑφ᾽ ἅρμα ἤγαγον φιληνίους ἵππους* — здѣсь фигура *προλήψεως* (лошади дѣлаются *φιλήνιοι* только послѣ и вслѣдствіе *τοῦ ὑφ᾽ ἅρμα ἦχθαι*), очень обыкновенная у древнихъ поэтовъ, напр. *θερμὰ λοετρὰ θερμαίνειν, κάμπυλα τόξα τιταίνειν* у Гомера, spargere lacte placidam Palem у Тибулла и проч.

Ст. 516. *Μοῖραι τρίμορφοι μνήμονές τ᾽ Ερινύες* (scil. *ἀνάγκης εἰσὶν οἰακοστρόφοι*). *Τρίμορφοι* не болѣе какъ *τρεῖς*, какъ Софоклово *Νηρῇδες ἑκατόμποδες = πολλαί.* Называя Эринній *οἰακοστρόφοι ἀνάγκης*, поэтъ говоритъ, что наказаніе необходимо и, по самому существу нравственнаго закона, слѣдуетъ за преступленіемъ.

2) Кандидата А. Пассовера.

Съ прошлаго года въ гейдельбергскомъ университетѣ произошло нѣсколько перемѣнъ, которыя ясно показываютъ, какъ свобода и конкуренція ловко устраняютъ нѣкоторые изъ недостатковъ, почти неизбѣжныхъ въ университетскомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, политическая экономія ужъ не трактуется въ перебой четырьмя преподавателями. Одинъ изъ нихъ отыскалъ болѣе годную почву для своей дѣятельности въ Бернѣ, другой въ Карлсруэ. Во-вторыхъ, науку полиціи перестали держать въ черномъ тѣлѣ. Въ будущемъ семестрѣ бу-

детъ читать ее Рау, а въ сейчасъ истекшемъ читалъ Блюнчли, совокупно съ *правомъ и политикой администраціи*. Единственный недостатокъ этого курса — нѣсколько афористическое изложеніе, которое хорошо для обозрѣнія общаго состава науки, но совершенно недостаточно тамъ, гдѣ самый характеръ науки требуетъ точнаго изученія подробностей, наприм. положительныхъ законодательствъ. Прошлымъ лѣтомъ я жаловался на недостатокъ политическихъ конверсаторіевъ, въ нынѣшнемъ я прослушалъ, кромѣ блюнчліевскаго курса администраціи, еще его *исторію политическихъ наукъ* и курсъ *философіи права* у Целлера, и могу только повторить, что до тѣхъ поръ не будетъ ясности въ нашихъ головахъ и книгахъ, пока слушанье и машинальное записыванье лекцій не будетъ дополнено, а отчасти и замѣнено болѣе дѣятельнымъ участіемъ студентовъ въ разъясненіи вопросовъ науки подъ руководствомъ преподавателей. По этому поводу я позволю себѣ привести слова одного ученаго, которыя можно бы легко обратить противъ него самаго.

«Университетскому преподаванію свойственна форма свободнаго устнаго изложенія науки. Это необходимая форма, и ее нельзя оставить. Гдѣ она сходитъ на уровень простой диктовки, тамъ главное преимущество университетовъ утрачено. О возбужденіи научнаго духа не можетъ быть и рѣчи при такой убійственно-механической работѣ, которая къ тому же несравненно лучше дѣлается типографскимъ станкомъ. Поэтому не стѣсняя преподавателя въ частностяхъ, позволительно заботиться, чтобы преобладало вольное устное преподаваніе, и не вытѣснялось бы вялой диктовкой. До тѣхъ поръ пока приватъ-доцентъ не получитъ навыка и любви къ вольной дикціи, не слѣдуетъ давать ему мѣсто профессора. Впрочемъ и эта основная форма университетскаго ученія имѣетъ тотъ недостатокъ, что отношенія между преподавателями и слушателями не такъ взаимны и не такъ осязательны, какъ желательно въ интересѣ тѣхъ и другихъ. Блескъ глазъ и выраженіе лица — вотъ тѣ признаки, по которымъ профессоръ можетъ судить, на сколько понято сказанное съ каѳедры, слѣдили ли студенты внимательно и какое впечатлѣніе вынесено ими; въ этомъ состоитъ вся столь живительная и для профессора связь съ аудиторіей. Но эти средства взаимнаго пониманія и одобренія далеко не достигаютъ ясности и силы живаго слова. Оно лишь даетъ и слушателю желанную возможность высказаться. Упражняясь въ научномъ мышленіи подъ руководствомъ и при личномъ пособіи

профессора, студентъ обходитъ съ сравнительной легкостью многія заблужденія. Недостатокъ, о которомъ мы говоримъ, особенно чувствителенъ въ германскихъ университетахъ. Тутъ преподаватель часто не знаетъ, на сколько его изложеніе доступно пониманію аудиторіи, можетъ быть лишь немногіе въ силахъ слѣдить за его преподаваніемъ, не стоитъ ли оно ниже средняго уровня работающихъ студентовъ. Большинство студентовъ всегда довольствуется слушаніемъ лекцій, не пробуя развить свои силы научной самодѣятельностью. Этому недостатку можно помочь конверсаторіями, экзаменаторіями, практикумами, диспутаторіями, репетиторіями — въ качествѣ дополнительныхъ къ университетскимъ курсамъ занятій. Въ этихъ коллегіяхъ студенты участвуютъ подъ руководствомъ профессоровъ; такого рода сообщеніе должно сильно дѣйствовать на сближеніе учащаго элемента съ учащимся. Развить и оживить эти коллегіи во всевозможныхъ видахъ — насущная потребность нашихъ университетовъ. Нельзя не рекомендовать этого дѣла заботѣ государства».

Слова эти принадлежатъ никому иному какъ *Блюнчли* (см. его *Allgemeines Staatsrecht* II стр. 365—367, 3-го изданія). Спрашивается, неужели такой человѣкъ какъ Блюнчли не въ силахъ совладѣть съ такимъ вопіющимъ безсиліемъ воли при сознаніи долга? По крайней мѣрѣ здѣсь инициатива вышла не отъ него, какъ слѣдовало ожидать, а отъ одного изъ молодыхъ, профессора *Дитцеля*. Рядомъ съ теоретическимъ курсомъ политической экономіи, Дитцель открылъ въ нынѣшнемъ году въ видѣ опыта *Volkswirthschaftliches Practicum*, въ которомъ поочередно трактовались вопросы: о свободной торговлѣ и о таможенномъ кризисѣ въ Германіи, объ ассоціяціяхъ и о спорѣ Шульце-Делицша съ Лассалемъ, наконецъ о колонизаціи и колоніальной политикѣ. По поводу этого послѣдняго вопроса написана мною слѣдующая статейка:

I.

Политическую экономію кто-то назвалъ наукой связей. Это не парадоксъ. Въ политической экономіи все состоитъ въ тѣснѣйшей связи. Гдѣ другія науки силятся провести рѣзкія границы, тамъ она не перестаетъ указывать преемственность и нерасторгаемость явленій. Поэтому нигдѣ взглядъ на вещи такъ не зависитъ отъ связи, въ которую вы поставите данный предметъ относительно другихъ предметовъ.

Я хочу въ немногихъ словахъ изложить задачи современнаго государства относительно колонизаціи. Нѣтъ въ Европѣ народа, для котораго этотъ вопросъ не имѣлъ бы капитальнаго значенія. Но если до сихъ поръ такая разноголосица въ мнѣніяхъ людей компетентныхъ, то причина этому, я полагаю, заключается въ односторонности взглядовъ. А это другими словами можно и такъ выразить: вопросъ о колонизаціи до сихъ поръ разсматривался въ несовсѣмъ правильной связи съ вопросами другаго порядка. *Листъ* напримѣръ наткнулся на эту тему по поводу вопроса о черезполосномъ владѣніи; *Миллъ* по поводу размышленій о будущности рабочихъ классовъ въ западной Европѣ; у *Моля* на первомъ планѣ желаніе подчинить эмиграцію національнымъ видамъ. *Рошеръ* трактуетъ о ней, какъ объ одномъ изъ средствъ противъ чрезмѣрной населенности, а вопросъ о чрезмѣрной населенности, какъ извѣстно, у него изложенъ въ довольно внѣшней связи съ остальными частями народнаго хозяйства. Рошеръ еще написалъ особую монографію о колоніяхъ и не могъ тамъ не коснуться вопроса объ эмиграціи. Трудно себѣ вообразить что-нибудь блестящѣе и превосходнѣе перваго отдѣла книги — *Физіологіи колоніальнаго быта*. Тутъ собранъ весь матеріалъ для рѣшенія вопроса, но самый вопросъ не вполнѣ рѣшенъ, посылки даны, но заключеніе либо вовсе не сдѣлано, либо сдѣлано несовсѣмъ правильное, — новое доказательство, что патологія и терапія не всегда слушаются здравой физіологіи.

Рѣшеніе занимающаго насъ вопроса въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ рѣшенія другаго вопроса. Прежде чѣмъ рѣшать — что сдѣлать въ интересѣ европейской колонизаціи, полезно спросить себя — каковы условія и послѣдствія колонизаціи, какова ея сущность, что такое колоніи?

Въ общежитіи эти понятія довольно неопредѣленны. Говорятъ объ англійской, о русской колоніи въ Гейдельбергѣ. Авторъ новѣйшаго труда по исторіи европейской эмиграціи, *J. Duval*, начинаетъ издалека — съ великаго переселенія народовъ. Но не нужно быть глубокимъ экономистомъ, чтобы усумниться въ колонизаціонныхъ намѣреніяхъ и талантахъ древнихъ германцевъ. Я думаю, германцы также мало имѣли въ виду колонизовать римлянъ и кельтовъ, какъ мы, русскіе — васъ гейдельбергцевъ.

Въ колоніальномъ быту ярко отражается одна истина, которую начинаетъ сознавать современная наука народнаго хозяйства — что

мѣра, цѣль, продуктъ и вмѣстѣ факторъ всего экономическаго развитія есть человѣкъ. Современный европеецъ выселяется на такую же почву какъ и индо-германецъ прежняго времени. У обоихъ приблизительно-одинаковая *обстановка*, но результаты дѣятельности другіе, ибо въ томъ и другомъ случаѣ *люди* другіе. Германецъ не могъ выселиться одинъ, онъ погибъ бы съ голоду. Онъ занималъ земли не подъ вліяніемъ сознательной мысли и опредѣленной цѣли. Переселяясь, онъ оставался по прежнему членомъ очень крѣпкой организаціи, въ которой его личность или изчезала вовсе, или подавляла собой всѣ остальныя. Такъ или иначе, экономическая дѣятельность совершалась страшно-неуклюжимъ образомъ. Потомъ, сколько времени прошло пока развились потребности цивилизаціи въ одной части этого организма, сколько бѣдствій для другой было сопряжено съ удовлетвореніемъ этихъ потребностей. Рабство, войны, феодализмъ, крѣпостное состояніе, абсолютизмъ, религіозныя гоненія, революція—я не говорю, что все это должно было необходимо совершиться, но вѣдь все это совершилось, пока явилась мысль организоваться для мирнаго труда. Пока люди созрѣваютъ къ мирному труду, количество ихъ умножается, множество капиталу гибнетъ понапрасну, а общественныя отношенія, разъ сложившіяся, мѣшаютъ эксплуатировать наличный наиполезнѣйшимъ для всего народа образомъ. Изъ этой среды выдѣляется современный колонистъ. Онъ унаслѣдовалъ отъ всего предшествовавшаго европейскаго развитія множество полезныхъ преданій, опытъ вѣковъ для него не пропалъ даромъ; привычность двигаться безъ помочей, плодъ долгаго развитія, ему присущи въ высшей степени; въ немъ какъ будто капитализовалась вся сумма экономическаго и всякаго другаго прогресса прежнихъ поколѣній. У новаго колониста стало быть точка отправленія и задатки совсѣмъ иные, чѣмъ у дикаго переселенца прежняго времени.

Говорятъ: въ колоніяхъ непочатая почва оплодотворяется капиталами метрополіи. Но въ числѣ этихъ капиталовъ главный капиталъ и предположеніе всѣхъ остальныхъ—переселяющійся человѣкъ. Стало быть, тамъ только можетъ быть рѣчь о колоніи, гдѣ свѣтлыя стороны развитой экономической жизни соединяются съ свѣтлыми сторонами неразвитой, безъ темныхъ точекъ той и другой. *Колонизація есть міровой историческій актъ, которымъ человѣчеству дано примѣнить съ сравнительной легкостью къ огромной половинѣ земнаго шара то, что на одной его частицѣ выработано долгимъ раз-*

витіемъ, цѣной страшныхъ усилій, несказанныхъ бѣдствій многихъ поколѣній.

Колоніи ничего не разрушаютъ, не такъ какъ переселенія народовъ. Колоніи тоже не возвращаются вспять въ развитіи цивилизаціи, затѣмъ чтобы послѣ начать дѣло съизнова, не воспроизводятъ всецѣло развитія метрополіи, а продолжаютъ дѣло на новой почвѣ, предоставляя метрополіи довершать свое на свой манеръ. Онѣ понимаютъ цѣну цивилизаціи стараго міра, но думаютъ, что этотъ капиталъ растетъ слишкомъ медленно оттого, что онъ распредѣленъ не равномѣрно, что есть условія, отъ него независящія, мѣшающія ему развиваться нормально. Колонизація есть одинъ изъ немногихъ видовъ положительнаго протеста, возможныхъ для человѣка въ развитомъ обществѣ, — протеста противъ старыхъ формъ общественнаго быта. Поэтому она есть актъ сознательной энергіи и свободы человѣка.

Отсюда правило, примѣнимое и въ частныхъ случаяхъ и въ общихъ мѣрахъ государства: что способно усилить чувство свободы и энергію человѣка, то *eo ipso* должно служить на пользу колонизаціи, и наоборотъ. Этимъ принципомъ объясняется множество крупныхъ и мелкихъ явленій колоніальнаго быта. Возьмемъ примѣры.

Самыми дѣйствительными поводами къ колонизаціи издревле были: пролетаріятъ, политическій антагонизмъ, религіозныя гоненія. Все условія, вызывающія въ человѣкѣ энергію и сознаніе индивидуальной свободы, и вызываемыя ими.

Колоніи растутъ несравненно быстрѣе метрополіи. Понятно почему. Въ колоніяхъ напряжены всѣ силы человѣка. При усиліи онъ можетъ надѣяться всего достигнуть. Его не спутываютъ общественныя отношенія, сложившіяся помимо его воли. Его участь зависитъ отъ его энергіи и умѣнья пользоваться своей свободой. Какъ это дѣйствуетъ на человѣка, это показываетъ примѣръ древнихъ грековъ, которые начатками положительно всѣхъ наукъ, искусствъ, политической жизни обязаны своимъ колоніямъ на Востокѣ и Западѣ. Лишь народы развитые способны къ колонизаціи, потому что только у нихъ есть сознательная энергія и свобода.

Изъ европейскихъ народовъ самые свободные — самые способные къ колонизаціи. Въ этомъ отношеніи примѣръ нѣкоторыхъ романскихъ народовъ поразителенъ. Французы, привычные къ регламентаціи, пытались колонизовать Америку: изъ этого ничего не вышло. Теперь въ Сайгонѣ устроена особая префектура, и *Монитёръ* не-

давно возвѣстилъ публикѣ объ окончаніи многихъ правительственныхъ построекъ въ замѣчательномъ архитектурномъ вкусѣ. Правительственный препаратъ готовъ, недостаетъ главнаго — общества колонистовъ. Носятся слухи, что Франція готова сбыть непріятную обузу туземному правительству, лишь бы предложили хорошую цѣну. Французская колонизація въ Алжирѣ сдѣлала страшный фіяско. Тогда какъ другіе романы, италіянскіе эмигранты 1830—48 годовъ, безъ всякой помощи государства утвердились въ Ю. Америкѣ и принадлежатъ къ числу лучшихъ ея гражданъ.

Колоніи каторжныхъ всегда будутъ въ застоѣ и наоборотъ: тѣ же каторжные, предоставленные самимъ себѣ, нерѣдко создаютъ богатыя поселенія.

Возьмемъ еще два мелкихъ, но неоспоримыхъ факта.

Въ С. Америкѣ эмансипація женщинъ совершается на практикѣ и какъ будто въ порядкѣ вещей. Въ колоніальномъ бытѣ цѣна человѣка выказывается ярче, чѣмъ въ старыхъ странахъ. Немудрено, что и у женщины не отнимается принадлежащее ей мѣсто въ экономіи общества.

Рабочіе, выселившіеся изъ родины, работаютъ несравненно лучше своихъ соотечественниковъ, оставшихся дома. У насъ, въ Россіи напр., нѣмецкая работа славится своей добротой. Нѣмецкій сапожникъ въ Россіи — типъ почти идеальный. Что сказать о сапожникахъ-нѣмцахъ въ Германіи?

Заключеніе: продуктъ и факторъ колоніальной жизни — индивидуальная свобода человѣка. Ничто ея не замѣнитъ.

II.

Роль государства въ колоніальномъ вопросѣ значительно упрощается, коль скоро правильная точка зрѣнія установлена. Задача государства не отвлекать потокъ европейской эмиграціи въ фантастическія направленія, а пользоваться тѣми данными, которыя выработала жизнь и исторія. Противъ этого главнаго принципа грѣшатъ многія теоріи. Напримѣръ нѣмцы не могутъ помириться съ мыслью, что въ Америку ежегодно выселяется около 80,000 ихъ соотечественниковъ. *Рошеръ* называетъ такую эмиграцію безплодной и отрицательной. По его мнѣнію, выселившіеся нѣмцы и вывезенные капиталы пропадаютъ совершенно для родины, а если такъ, то съ какой стати требовать отъ германскихъ правительствъ осо-

быхъ заботъ о будущей участи выходцевъ? Заключеніе совершенно справедливое, но на чемъ основано мнѣніе Рошера о безплодности эмиграціи для Германіи? На томъ, что вывозъ промышленныхъ товаровъ изъ Франціи въ Америку, безъ всякой колонизаціи, въ $2\frac{1}{2}$ раза больше вывоза изъ Германіи. Въ виду этого факта, Рошеръ не соглашается придавать большое значеніе тому обстоятельству, что, не смотря на свою абсолютную незначительность, количество вывоза Германіи все же растетъ несравненно (въ восьмеро или вдевятеро) быстрѣе вывоза Франціи. Позволительно спросить: вывозила ли бы вообще Германія даже то, что она теперь вывозитъ, не прокладывай нѣмецкіе колонисты дорогу ея товарамъ въ Америкѣ?

Публицисты европейскихъ метрополій требуютъ организаціи выселяющихся. На какомъ основаніи? Выходцы оставляютъ Европу, потому что такъ или иначе ихъ ожиданія, ихъ требованія пошли въ разрѣзъ съ условіями стараго общественнаго быта Европы. Съ какой стати этотъ бытъ станетъ навязывать колонистамъ свою опеку и на новой родинѣ.

Хотятъ направить эмиграцію въ юго-восточную Европу. *Листъ* удивляется, какъ это нѣмцамъ до сихъ поръ въ голову не приходило колонизовать Австрію вмѣсто Америки. Одинъ переѣздъ и первое обзаведеніе въ Америкѣ обходятся въ 10 разъ дороже, чѣмъ въ Венгріи. Но въ томъ то и дѣло, что движеніе колонизаціи не опредѣляется одними конторскими расчетами и не руководствуется чуждыми ей дипломатическими и династическими соображеніями. Листъ говоритъ: «съ паденіемъ Порты, а что она падетъ, это также вѣрно, какъ осенью падаютъ сухіе листья, — возникнетъ вопросъ: кто унаслѣдуетъ земли, лежащія между Адріатическимъ и Чернымъ морями? Италіянцы? Италіянцы нигдѣ не основали колоній (?). Французы? Гдѣ французы ни пробовали колонизовать, тамъ лишь сказывалась ихъ неспособность къ этому дѣлу. Русскіе? Русскимъ еще долго придется самимъ колонизовать внутри своихъ предѣловъ. Кто же какъ не венгерцы въ союзѣ съ нѣмцами»? Къ сожалѣнію, венгерцы отказались отъ такого панибратства. Тѣмъ лучше, мы и безъ венгерцевъ обойдемся, думаютъ нѣмцы, еще ихъ станемъ колонизовать. «Совсѣмъ другой видъ получило бы дѣло, говоритъ Рошеръ, если бы удалось направить нѣмецкихъ выходцевъ въ восточныя земли, т. е. въ плодородныя, но рѣдконаселенныя части Венгріи, въ польскія провинціи Австріи и Пруссіи, наконецъ въ тѣ части Турціи, которыя въ будущемъ Германія съ божіей по-

мощью получитъ въ наслѣдство, какъ-то: Молдавія и Валахія, Болгарія и сѣверный берегъ Малой Азіи».

Положимъ, что все это не болѣе какъ патріотическія фантазіи, но въ ихъ основаніи лежитъ мысль, еще не утратившая своего мѣста въ системахъ политической экономіи. Это мысль — регламентировать свыше эмиграцію и колонизацію.

Не всѣ идутъ такъ далеко въ своихъ желаніяхъ, какъ Рошеръ и Листъ. *Моль* довольствовался бы двумя-тремя мѣрами, весьма по его мнѣнію невинными. Германскимъ правительствамъ надо бы соединиться и назначить надежныхъ агентовъ, которые бы купили у с.-американскаго правительства большое количество земли оптомъ и продавали бы ее выходцамъ въ розничную. Колонистовъ можно бы перевозить въ Америку даромъ, землю давать въ долгъ съ обязательствомъ жить въ извѣстномъ мѣстѣ, заниматься извѣстнымъ дѣломъ на виду у агента, подъ его надзоромъ. Колонисты могли бы жить сплошными чисто-нѣмецкими селами другъ подлѣ друга, подъ покровомъ нѣмецкихъ гражданскихъ законовъ. Въ этомъ проектѣ все, кажется, пригнано какъ нельзя лучше, на самомъ дѣлѣ онъ неприложимъ. Достать землю въ Америкѣ можно, но заселить ее трудно. Фрёбель говоритъ, что лѣтомъ 1856 года заработная плата была — 2 р. 65 к. с. въ день. Проживая стало быть въ день 65 к. с., рабочій ежедневно сберегалъ столько, во сколько обходится акръ земли по казенной цѣнѣ. Не удобнѣе ли заработать себѣ сумму, необходимую для покупки земли такимъ путемъ, чѣмъ жить и работать подъ начальствомъ отечественнаго агента? Но земля этого агента не останется пуста: ее заселятъ, не спрашиваясь офиціальнаго собственника, такъ называемые *скватеры*, т. е. вольные хлѣбопашцы - охотники съ несовсѣмъ юридическими понятіями о правѣ собственности. Врядъ ли нѣмецкій колонистъ рѣшится вытѣснить такого скватера изъ его владѣнія, не взирая ни на кодексъ нѣмецкихъ законовъ, ни на полицмейстеровъ, которыхъ Рошеръ (въ своихъ лекціяхъ) предлагаетъ присылать изъ Германіи. Нѣмецкій колонистъ тѣмъ охотнѣе откажется отъ благодѣяній отечественной опеки, что вѣдь ему еще придется отработывать сумму, потраченную на провозъ его въ Америку. Изъ разсказовъ путешественниковъ можно видѣть, какъ трудно бываетъ въ Америкѣ принудить пролетарія къ признанію европейскаго долга. А Моль, предлагая свой планъ, всего болѣе расчитываетъ на пролетаріятъ. Онъ жалуется, что «до сихъ поръ никто не заботился о томъ, чтобы

выселялись тѣ, безъ которыхъ родина легко можетъ обойтись». Но негодные для родины едва ли окажутся пригодными для колоніальной жизни. Понятно, что Европѣ хотѣлось бы освободиться отъ сволочи, но сволочь не совершаетъ великихъ историческихъ актовъ. Для такого дѣла какъ колонизація нужны здоровыя силы.

Листъ предложилъ слѣдующимъ образомъ организовать его нѣмецко-венгерскую колонизацію. Сначала отправляются люди опытные для отысканія удобныхъ мѣстъ. Потомъ слѣдуютъ люди холостые подъ руководствомъ священника. Они исполняютъ самыя тяжелыя пріуготовительныя работы. Затѣмъ являются невѣсты и молодые супруги, старики и дѣти замыкаютъ шествіе. Рошеръ находитъ, что весь этотъ планъ очень *duftet nach der Studienlampe.* Справедливо, что религіозный элементъ связываетъ людей и сообщаетъ имъ энергію, особливо подъ вліяніемъ гоненій. Но оффиціальное предсѣдательство священника въ дѣлѣ колонизаціи не можетъ замѣнить отсутствія религіознаго энтузіазма въ наше время. Современная колонизація дѣло практическое, требующее много трезвости. Помимо этого, кто пожелаетъ разстаться съ невѣстой и родными, если они дѣйствительно дороги сердцу; а не дороги—такъ оставшіеся родственники будутъ плохимъ ручательствомъ исправнаго выполненія обязательствъ со стороны первыхъ колонистовъ. Кто между тѣмъ прокормитъ стариковъ и дѣтей, женъ и невѣстъ? Если они пролетаріи, они умрутъ съ голода; если у нихъ окажутся деньги, проѣдятъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ Листу не удается извлечь изъ метрополіи пролетаріятъ, и колонизація по прежнему будетъ совершаться при помощи здоровыхъ элементовъ, которые пригодились бы весьма и родинѣ.

Для нѣкоторыхъ англійскихъ теоретиковъ даже мало освободить Европу отъ пролетаріевъ. Имъ собственно хотѣлось бы воспроизвести въ колоніальномъ бытѣ цѣликомъ всѣ черты и весь ходъ развитія стараго европейскаго общества. Система *Вакефильда* напр. направлена именно къ тому, чтобы отнять у маленькаго человѣка возможность обзавестись въ колоніи самостоятельнымъ хозяйствомъ. Эту методу англійское правительство примѣняетъ въ Австраліи. Земля продается отнюдь не дешево и довольно большими участками капиталистамъ: вырученныя отсюда суммы отчасти употребляются на перевозку бѣдныхъ работниковъ. То есть характеристическій принципъ колоніи—дешевая земля при дорогомъ трудѣ—выворачивается здѣсь наизнанку. Земли пріобрѣтаются капиталистами, а

рабочій остается на долгое время зависимымъ поденщикомъ. На эту мѣру можно смотрѣть какъ на налогъ съ колоніи въ видахъ очищенія метрополіи отъ тягостныхъ элементовъ и удешевленія труда низшихъ классовъ. Процвѣтаніе нѣкоторыхъ городовъ Австраліи конечно не можетъ служить доказательствомъ успѣшности вакефильдской системы: они процвѣли благодаря совершенно случайному обстоятельству — золотымъ пріискамъ. Сама по себѣ эта система можетъ вести къ богатой поземельной олигархіи и къ постоянной борьбѣ ея съ скватерами и бѣднымъ классомъ рабочихъ, привезенныхъ на казенныя деньги, трудящихся съ весьма отдаленными видами на будущее. По первоначальному мнѣнію Вакефильда, цѣну участка земли, для обработки котораго довольно одного рабочаго, слѣдовало бы соразмѣрить съ издержками перевозки этого рабочаго изъ Англіи въ Австралію. Вся трудность заключается въ томъ, что ни Вакефильду, ни кому изъ его приверженцевъ не удалось опредѣлить абсолютную величину участка, обработываемаго силами одного человѣка.

Какъ бы то ни было, эта система непримѣнима для другихъ народовъ, напр. для Германіи, потому что у нея нѣтъ своихъ земель въ другихъ частяхъ свѣта, а распоряжаться на чужой почвѣ, какъ предлагаютъ Моль, Листъ и отчасти Рошеръ — едва ли возможно. Впрочемъ, даже англійскому правительству не удалось взять въ свои руки всю эмиграцію Англіи. Съ 1847—54 выселилось изъ Англіи круглымъ числомъ 1,650,000 ирландцевъ, изъ нихъ въ Америку 1,320,000. Въ прошломъ году выселилось всѣхъ англичанъ 223,000, изъ нихъ въ Австралію 53,000, въ Америку, не смотря на настоящій кризисъ, 146,000.

Много ли отъ этого теряетъ Англія? Позвольте мнѣ маленькимъ отступленіемъ доказать, что Англія отъ этого ничего не теряетъ. Ея зависимыя колоніи постоянно враждуютъ съ нею, ихъ надо защищать, тратиться на администрацію, а пользы отъ нихъ мало: онѣ растутъ медленнѣе отпавшихъ колоній, по крайней мѣрѣ не такъ быстро, какъ того требуетъ развитіе англійской промышленности. Другое дѣло Сѣверная Америка. Съ тѣхъ поръ какъ она отпала, сношенія ея съ Англіей усилились до удивительныхъ размѣровъ. Въ дѣлѣ эксплуатаціи колоній ни одна страна не можетъ соперничать съ Англіей. Прежде всего ни одна не можетъ колонизовать на такихъ выгодныхъ условіяхъ. Потому что ни одна не можетъ дать такого покровительства на сушѣ и на морѣ. Ни одна

не можетъ обѣщать столько гарантій свободы политической и экономической: политической — потому что въ Англіи колоніальная политика менѣе бюрократична, чѣмъ гдѣ либо; экономической — потому что теперь Англія для поддержанія своего рынка не нуждается въ прежнихъ ограниченіяхъ колоніальной политики. Напротивъ, всѣмъ остальнымъ метрополіямъ предстоитъ опасная дилемма: либо дать полный разгулъ экономическимъ силамъ своихъ колоній, тогда англійскій капиталъ неминуемо вступитъ въ борьбу съ капиталомъ европейской метрополіи, т. е. это значитъ европейскими средствами создавать новые рынки для сбыта англійскихъ товаровъ. Колонизующей державѣ еще остается другой выходъ, прибѣгнуть къ прежней колоніальной системѣ. Но для поддержанія навигаціонныхъ актовъ нужна большая морская сила и побѣда надъ Англіей. Врядъ ли тогда европейскіе выходцы не отдадутъ предпочтенія вольнымъ Сѣверо-Американскимъ колоніямъ передъ регламентированными политически и экономически колоніями Франціи и разныхъ германскихъ державъ.

Исключительное положеніе Англіи въ колоніальной политикѣ объясняетъ, почему для Англіи такъ важно сохраненіе ея Остъ-Индскихъ владѣній и вовсе не важно удержать какую нибудь Канаду или сѣверо-американскіе штаты. Это *колоніи*, а то *владѣнія*. Съ отпаденіемъ Остъ-Индіи въ современномъ ея положеніи для Англіи сократится возможность сбыта товаровъ и извлеченья изъ необъятныхъ пространствъ Азіи суровья для промышленнаго производства Англіи. Напротивъ, отпаденіе такой колоніи какъ Сѣверная Америка непремѣнно должно было усилить торговыя сношенія съ бывшей метрополіею. Если первое условіе колоніальнаго развитія — свобода, то пріобрѣтеніе этой свободы должно естественно дать толчокъ этому развитію. Англія знаетъ, что даже послѣ отпаденія ея колоній она не перестанетъ править ими, если не политически, за то экономически. А это для метрополіи главное.

Съ этой точки понятно, почему Рошеръ готовъ допустить большія жертвы со стороны Германіи на пользу ея эмиграціи, «коль скоро выселившаяся часть народа не будетъ разрывать экономическую связь съ массой оставшихся въ Европѣ нѣмцевъ. Тогда эмиграція не только дастъ просторъ оставшемуся населенію, но и усилится запросъ на отечественные фабрикаты, усилится предложеніе суровья, а это сдѣлаетъ возможнымъ абсолютное развитіе Германіи въ хозяйственномъ отношеніи». Но Рошеръ продолжаетъ:

«англичане въ полной мѣрѣ пользуются всѣми этими преимуществами, нѣмцы, къ сожалѣнію, нисколько». Не говоря уже о томъ, что послѣднее несовсѣмъ справедливо (какъ показано прежде), мы спрашиваемъ: кто виной тому, кто виноватъ, что нѣмецкая промышленность не въ силахъ бороться съ англійской? Колонисты или Германія? Допустимъ, что нѣмецкіе колонисты свое дѣло сдѣлаютъ и оснуютъ сплошныя колоніи съ чисто-германскимъ характеромъ. Тогда наступитъ упомянутая дилемма. Германіи придется прибѣгнуть къ запретительному тарифу въ своихъ колоніяхъ или по прежнему вывозить туда въ $2\frac{1}{2}$ менѣе противъ Франціи товаровъ. Поэтому совѣтъ, данный Рошеромъ нѣмецкимъ выходцамъ—заселить однимъ въ Сѣверной Америкѣ какой нибудь штатъ — не можетъ привести къ ожидаемымъ экономическимъ результатамъ. Но этотъ совѣтъ не только не экономиченъ, но и нисколько не политиченъ. Въ этомъ отношеніи позвольте мнѣ прикрыться авторитетомъ одного нѣмца, изучившаго дѣло на практикѣ. Вотъ слова *Фрёбеля:* Nur eine gänzliche Misskennung und falsche Schätzung der Kräfte, welche hier auf die Wagschalen drücken sollen, konnte Roscher verleiten, ein Urtheil wie das zu Gunsten der Gründung eines deutschen Staates innerhalb der nordamericanischen Union zu fällen, und seine Besorgniss, ein ganz deutscher Staat im Nordwesten würde freilich «wie ein Keil wirken, die Union mit der Zeit auseinander zu sprengen», macht auf den Kenner der Verhältnisse einen wirklich komischen Eindruck. Die Geschichte wird den Deutschen den demüthigenden Ausgang eines solchen Experimentes ersparen *).

III.

Въ основаніи всѣхъ проектовъ европейскаго попечительства надъ эмиграціею и колонизаціею лежатъ двѣ заднія мысли:

1) Заселять колоніальныя земли не тѣми элементами, которые къ тому призваны по самой природѣ вещей, а тѣми, которыми тяготится европейское общество.

2) Эксплуатировать колоніи на пользу зажиточныхъ классовъ метрополіи.

Обѣ мысли сводятся на одну основную: подчинить міровой актъ заселенія и цивилизованія земнаго шара на усовершенствованныхъ началахъ—чуждымъ этому акту цѣлямъ.

Поэтому надо отвергнуть эти проекты.

*) Die deutsche Auswanderung und ihre culturhistorische Bedeutung pp. 33, 34.

Это разумѣется не мѣшаетъ государствамъ принимать разныя частныя мѣры относительно колонизаціи: онѣ цѣлесообразны, коль скоро устраняютъ какое нибудь препятствіе свободы. Въ этомъ смыслѣ одинаковы обязанности государствъ, колонизующихъ внутри своихъ предѣловъ и государствъ, колонизующихъ внѣ оныхъ.

Если типомъ перваго рода государствъ взять Австрію, а втораго рода—Германію, и если бы насъ назначили докладчиками по колоніальному вопросу, мы должны бы были сказать Австріи: Господа! сократите рвеніе вѣнскихъ теоретиковъ, не насилуйте чужихъ національностей, дайте частямъ больше самостоятельности, прогоните іезуитовъ, дайте свободу совѣсти, уничтожьте конкордатъ, введите гражданскій бракъ, уменьшите бремя податей — тогда колонисты предпочтутъ дунайскіе берега заморскимъ. А въ германской палатѣ мы предложили бы: согласно мнѣнію почтеннаго профессора Дитцеля, сократить количество греческихъ и латинскихъ уроковъ въ гимназіяхъ; сократить число стипендій въ разныхъ богословскихъ (особливо вюртембергскихъ) семинаріяхъ; придать всему ученію болѣе реальный характеръ; кодифицировать законы; поубавить бюрократію; округлить поземельную собственность крестьянъ; не подчинять своей торговой политики видамъ узкаго партикуляризма и австрійской дипломатіи; наконецъ пріостановить на время игру въ солдатики! Тогда промышленность поднимется на уровень Англіи, уменьшатся поводы къ выселенію, выселившіеся элементы не будутъ пропадать втунѣ для родины.

А колонизація *als solche* во всѣхъ упомянутыхъ бѣдахъ неповинна. Она дитя свободы, за нею надо оставить свободу.

Гейдельбергъ, 8/20 августа 1864 года.

3) Кандидата Н. Таганцева.

Оставшись на лѣтній семестръ въ Гейдельбергѣ, я посѣщалъ лекціи уголовнаго права Миттермайера, познакомился съ нимъ и намѣренъ въ этомъ отчетѣ сообщить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и сдѣлать небольшой обзоръ его научной дѣятельности. Почетное мѣсто занимаемое имъ между криминалистами, его 56-тилѣтняя профессорская и ученая дѣятельность, неразрывно-связанная со всею исторіею уголовныхъ законодательствъ Германіи этого столѣтія, достаточно оправдываютъ, какъ мнѣ кажется, мое намѣреніе.

Карлъ Миттермайеръ родился въ 1787 году въ Мюнхенѣ; оставшись по смерти своего отца-аптекаря еще мальчикомъ, онъ пріобрѣлъ заботливаго воспитателя въ лицѣ своего отчима, который особенно поддержалъ и развилъ, выказывавшуюся въ ребенкѣ, страсть и способность къ изученію языковъ, такъ что еще мальчикомъ Миттермайеръ владѣлъ уже языками: французскимъ, итальянскимъ и англійскимъ и очень порядочно зналъ языки древніе. Но не долго пришлось ему пользоваться поддержкою отчима; онъ умеръ, оставивъ Миттермайера еще лицеистомъ, и мальчику пришлось скоро познакомиться практически съ жизнію, отыскивая средства существованія. 16-ти лѣтъ поступилъ онъ домашнимъ учителемъ къ одному изъ извѣстнѣйшихъ юристовъ Баваріи—Центнеру, бывшему въ то время министромъ юстиціи и пробылъ у него два года, до отправленія своего въ университетъ.

Въ 1805 году поступилъ Миттермайеръ на юридическій факультетъ Ландсгутскаго университета (Баварія), но три года, проведенные имъ тамъ, не имѣли большаго значенія для его развитія. Фейербахъ уже уѣхалъ изъ Ландсгута, мѣсто его было еще никѣмъ не занято, изъ остальныхъ профессоровъ выдвигался болѣе другихъ одинъ только Гённеръ, да и то за неимѣніемъ лучшихъ. Но впрочемъ общія юридическія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ тамъ, дали ему возможность получить по ходатайству Центнера мѣсто домашняго секретаря у Фейербаха, прибывшаго въ то время въ Мюнхенъ, для участія въ законодательной коммиссіи.

Какъ криминалистъ-теоретикъ, какъ мыслитель съ отличнымъ философскимъ образованіемъ, Фейербахъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ между юристами того времени. Его теорія, не смотря на яростныя нападки Тибо, Клейншрода и др., не смотря на свою односторонность, на значительное количество практическихъ недостатковъ, была положительно господствующею до сороковыхъ годовъ этого столѣтія и притомъ не только между теоретиками, но и между практиками. Его законодательныя способности ставились въ то время еще выше, его ѣдкая критика и блистательное остроуміе признавались за нимъ даже и его врагами. Очевидно, что все это должно было имѣть сильное вліяніе на молодаго юриста, да притомъ и время, въ которое Миттермайеръ поступилъ къ Фейербаху, составляло блестящую эпоху въ жизни послѣдняго. Онъ занимался въ то время, какъ я уже замѣтилъ выше, составленіемъ уголовнаго кодекса, имѣвшаго впослѣдствіи такое огромное вліяніе на Германію.

Разумѣется секретарю было много работы и Миттермайеръ и до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаетъ это время. Особенно пришлось познакомиться ему съ итальянскими писателями и законодательствами, дѣлая переводы и извлеченія изъ нихъ, такъ напр. пришлось ему перевести извѣстный въ то время уголовный кодексъ — составленный для Италіи по порученію Наполеона — Бексономъ. Кромѣ того, нерѣдко Фрейербахъ давалъ ему только нѣсколько общихъ мыслей относительно какого нибудь вопроса, заставляя сдѣлать болѣе подробную разработку по источникамъ, или сдѣлать сравненіе съ иностранными законодательствами и такимъ образомъ пришлось Миттермайеру написать цѣлый рядъ небольшихъ диссертацій, подвинувшихъ далеко впередъ его теоретическія знанія.

Одновременно съ секретарствомъ у Фейербаха получилъ Миттермайеръ мѣсто адвоката въ одномъ изъ Мюнхенскихъ судовъ, и между тѣмъ какъ первое развивало его научныя знанія, второе — дало ему возможность узнать дѣйствительную юридическую жизнь; оно развило въ немъ природную наклонность къ практическому методу въ обработкѣ права и спасло его отъ общей участи большинства нѣмецкихъ профессоровъ, отъ такъ называемой комнатной учености. Эти занятія въ судѣ продолжались около $1^1/_2$ лѣтъ, пока Миттермайеръ не получилъ въ годъ стипендіи въ 600 гульденовъ отъ баварскаго правительства; онъ долженъ былъ на эти деньги посѣтить нѣсколько нѣмецкихъ университетовъ и приготовиться къ профессурѣ. Для начала онъ выбралъ Гейдельбергъ, гдѣ и сталъ заниматься уголовнымъ правомъ у Мартина и Цахаріэ и гражданскимъ у Тибо; ревностно посѣщалъ онъ ихъ лекціи, бралъ у нихъ privatissima, работалъ усиленно дома, всячески стараясь пополнить недостатки своего университетскаго образованія. Впрочемъ оба названные мною выше криминалисты не могли имѣть на него сильное вліяніе, они были представителями той сухой, безплодной, хотя и громадной учености, которой такъ изобиловала Германія, особенно въ началѣ этого столѣтія. Мартинъ придерживался историческаго метода, но его занятія исторіею состояли главнымъ образомъ въ, такъ сказать, механической разработкѣ фактовъ, безъ дѣйствительнаго проникновенія въ духъ памятниковъ, что особенно доказалъ онъ почти полнымъ непониманіемъ Каролины въ своемъ учебникѣ. Выше безспорно стоялъ Цахаріэ, особенно по своему знанію государственнаго права, но за то онъ занимался только философскою частью уголовнаго права, не обращая большаго вниманія на поло-

жительныя законодательства. Такимъ образомъ единственнымъ преобладающимъ вліяніемъ — оставалось вліяніе Фейербаха и толчекъ данный имъ молодому юристу былъ исходною точкою всей дальнѣйшей дѣятельности послѣдняго.

Въ Гейдельбергѣ оставался Миттермайеръ около года; въ 1809 году получилъ онъ приказъ отъ баварскаго правительства выдержать экзаменъ на доктора, чтобы занять мѣсто приватъ-доцента въ предполагавшемся тогда открыться университетѣ въ Инспрукѣ. Приказаніе было выполнено; онъ выдержалъ докторскій экзаменъ, представилъ диссертацію de nullitatibus in causis criminalibus. Heid. 1809; но въ то же время въ Тиролѣ вспыхнуло возстаніе и планъ открытія новаго университета рушился. Такимъ образомъ Миттермайеру пришлось отправиться въ Ландсгутъ и занять тамъ мѣсто приватъ-доцента. По примѣру большинства нѣмецкихъ приватъ-доцентовъ, онъ началъ читать разомъ нѣсколько предметовъ: а именно нѣмецкое и римское права, а съ 1810 года, по удаленію Гöннера и процессъ. Многочисленная аудиторія, постоянныя работы, помѣщавшіяся въ архивѣ уголовнаго права, скоро доставили ему довольно почетное мѣсто между профессорами и съ 1811 года онъ уже былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ а въ 1812—15 г. былъ выбранъ три раза въ ректоры университета. Къ этому же времени относятся его первыя большія работы: о доказательствахъ (1809), учебникъ уголовнаго процесса (1810) и т. д.

Какъ уже извѣстный криминалистъ, былъ приглашенъ Миттермайеръ, въ 1819 г., въ новооткрытый университетъ въ Боннѣ, на каѳедру уголовнаго права и процесса и съ этихъ поръ начинается новый періодъ его дѣятельности. Вскорѣ послѣ переѣзда его въ Боннъ появились два замѣчательные труда: Über die Grundfehler der Behandlung des Criminalrechts in Lehr- und Strafgesetz-Bücher. Bonn. 1819 и другое — die öffentlich mündliche Strafrechtspflege und das Geschwornengericht in Übergleichung mit dem deutschen Strafverfahren. Bonn. 1819 г. Въ этихъ сочиненіяхъ высказался уже положительно методъ его занятій уголовнымъ правомъ и основанія его главнѣйшихъ воззрѣній.

Въ первомъ изъ нихъ онъ, прежде всего, рѣзко возсталъ противъ господствовавшаго взгляда своего учителя Фейербаха на сущность наказанія и преступленія, высказалъ вообще мнѣніе объ опасности и даже невозможности положить въ основаніе уголовнаго права какой нибудь одинъ исключительный принципъ и, какъ бы въ под-

твержденіе этого, представлялъ всѣ тѣ нелѣпости, къ которымъ должна была привести Фейербаха его односторонняя теорія устрашенія. Особенно сильно возсталъ онъ противъ стремленія криминалистовъ, а въ особенности Фейербаха — лишить судью всякой самостоятельности и рядомъ безусловно-опредѣленныхъ законовъ ограничить по возможности кругъ его дѣятельности. Онъ указывалъ на коренную ошибку законодательствъ, ставившихъ общія начала и опредѣленія тамъ, гдѣ еще совершенно нѣтъ разработки подробностей и отдѣльныхъ элементовъ и гдѣ потому приходится замыкать жизнь въ далеко несоотвѣтствующія ей узкія рамки закона. Наконецъ онъ возсталъ противъ жестокости европейскихъ законодательствъ вообще и баварскаго въ особенности.

Другое названное мною сочиненіе относится къ уголовному процессу. Разбирая существующія и существовавшія формы судопроизводства онъ находитъ, что онѣ группируются около двухъ основныхъ типовъ: одинъ опирающійся на гласность и судъ присяжныхъ — типъ, которому онъ даетъ названіе республиканскаго, или демократическаго, и другой — секретный, письменный, отданный въ руки ученыхъ судей — типъ монархическій. Разбирая особенно подробно послѣднюю форму, господствующую въ Германіи, онъ находитъ, что она наполнена недостатками, мѣшающими правильному отправленію правосудія. Между различными средствами, предлагаемыми имъ для поправленія этого, онъ ставитъ на первый планъ гласность судопроизводства, и указываетъ на ея историческую связь со всѣми германскими учрежденіями, на ея политическое и правовое значеніе и т. д. Что касается до суда присяжныхъ, то онъ обращаетъ главное вниманіе на его политическое значеніе и съ этой стороны оцѣниваетъ его вполнѣ справедливо; онъ считаетъ необходимымъ удержать его тамъ, гдѣ уже онъ существуетъ, но относительно введенія его въ Германію, совѣтуетъ поступать осторожно, вводить понемногу, обращая вниманіе на умственное развитіе народа, на состояніе его уголовнаго законодательства и т. д. Большинство высказанныхъ имъ мыслей не имѣетъ теперь уже того значенія, какое имѣли онѣ въ то время; многія изъ нихъ сдѣлались уже ходячими истинами, другія потеряли свой кредитъ и самъ авторъ отказался отъ нихъ впослѣдствіи. Но мы не должны забывать, что это говорилось болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, когда большинство ученыхъ считало ихъ безплодными, легкомысленными мечтаніями, выполненіе которыхъ было бы погибелью правосудія; говорилось

притомъ во время той тяжелой реакціи двадцатыхъ годовъ, когда на защиту гласности, а въ особенности на одобреніе института присяжныхъ, считавшагося плодомъ революціи, оплотомъ демократіи и т. д., смотрѣли далеко не благосклонно.

Но не долго пришлось оставаться Миттермайеру въ Боннѣ; реакція, о которой я только что говорилъ, всего сильнѣе разразилась въ прирейнской Пруссіи; Миттермайеръ сталъ въ ряды оппозиціи, что и заставило его принять съ удовольствіемъ въ 1821 г. приглашеніе въ Гейдельбергскій университетъ, и вотъ уже 43 года какъ занимаетъ онъ непрерывно каѳедру уголовнаго права въ здѣшнемъ университетѣ. Впрочемъ, дѣятельность его въ Баденѣ не ограничилась только одними лекціями: онъ принималъ и непосредственное участіе въ практическихъ реформахъ баденскаго законодательства; такъ въ 1829 году онъ былъ призванъ въ законодательную коммиссію, затѣмъ въ 1831 г. былъ выбранъ депутатомъ отъ г. Брухзаля во вторую палату, гдѣ и оставался до 1845 года. Дѣятельность и вліяніе его въ палатѣ было весьма велико, особенно съ 1839 г., когда онъ сдѣлался ее президентомъ; онъ участвовалъ во всѣхъ почти комитетахъ для составленія или обсужденія новыхъ проектовъ законовъ, въ особенности въ обработкѣ гражданскаго судопроизводства, въ борьбѣ за свободу правъ, въ законодательствѣ объ общинномъ управленіи и т. д.; только смерть сына, заставившая его выйти на время изъ палаты, не позволила ему участвовать въ обсужденіи уголовнаго кодекса 1845—46 годовъ.

Одновременно съ парламентскою дѣятельностью посѣщалъ Миттермайеръ нѣсколько разъ Италію, знакомился съ юридическимъ бытомъ страны, знакомился съ учеными и практиками и въ 1844 г. издалъ результаты своихъ наблюденій въ отдѣльномъ сочиненіи «Italienische Zustände», въ которомъ онъ разсматривалъ не только юридическую, но и торговую и соціальную жизнь Италіи и сообщилъ много статистическихъ фактовъ. Подобное же путешествіе предпринялъ онъ въ 1829 году во Францію и потомъ нѣсколько разъ повторялъ подобныя поѣздки. Этимъ путемъ получалъ онъ большое дополненіе къ своимъ теоретическимъ свѣдѣніямъ относительно иностранныхъ законодательствъ. Знакомство съ юристами, особенно съ практиками, давало ему возможность точнѣе опредѣлить значеніе того или другаго учрежденія, способъ его примѣненія, его достоинства и недостатки, равно какъ и средства ихъ устраненія

и т. д. Этимъ же путемъ познакомился онъ впослѣдствіи и съ англійскими учрежденіями.

Обширныя знанія Миттермайера получили вскорѣ новое средство примѣненія во время научнаго движенія Германіи 1846—47 годовъ; коренные недостатки существующихъ законодательствъ, необходимость немедленной реформы, сознавались ясно всѣми болѣе свѣтлыми головами Германіи; повсюду собирались разныя общества, создавалось множество проектовъ по всѣмъ отдѣламъ права. Но особенно важны были собранія германистовъ во Франкфуртѣ и Любекѣ въ 1846 и 1847 годахъ. Цѣлью собраній было обсужденіе юридическаго положенія Германіи, опредѣленіе его главнѣйшихъ недостатковъ и средствъ ихъ исправленія. Между прочимъ на первомъ же собраніи 1846 г. коснулись и вопроса о присяжныхъ, но, сознавая всю важность его, собраніе положило составить особую коммиссію для оцѣнки дѣйствія суда присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ и Франціи; коммиссія была составлена изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ юристовъ, какъ напр. Вильда, Велькера, Михельсона и т. д., а предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Миттермайеръ. Вслѣдствіе этого онъ составилъ къ собранію 1847 года обширный рефератъ, въ которомъ изложилъ результаты своего многолѣтняго изученія этого института, дополнивъ его результатами наблюденій членовъ коммиссіи. Рефератъ этотъ составляетъ вещь весьма замѣчательную; онъ представилъ рядъ статистическихъ данныхъ о дѣятельности этого суда, о степени его репрессивности въ сравненіи съ дѣятельностью ученыхъ судей; опредѣлилъ условія, при которыхъ можно рекомендовать его введеніе и т. д.; такъ какъ большинство этихъ выводовъ вошло и въ послѣдующія его работы по уголовному процессу, то, чтобы не повторяться, я укажу на нихъ при обзорѣ его сочиненій. Этотъ рефератъ нашелъ себѣ большое сочувствіе, и собраніе (въ 700 чел.) большинствомъ голосовъ признало необходимость введенія суда присяжныхъ.

Также весьма значительное участіе принималъ Миттермайеръ и въ революціонномъ движеніи 1848—49 годовъ; онъ былъ сотрудникомъ и издателемъ Deutsche Zeitung, онъ былъ президентомъ нѣмецкаго Vorparlament'а во Франкфуртѣ, принималъ участіе во всевозможныхъ законодательныхъ коммиссіяхъ; вмѣстѣ съ парламентомъ долженъ былъ удалиться изъ Франкфурта и съ его закрытіемъ окончилъ свое политическое поприще; съ 1850 года онъ посвятилъ себя исключительно аудиторіи и своимъ ученымъ трудамъ.

Впрочемъ, участіе его въ развитіи законодательствъ Германіи продолжалось и впослѣдствіи, хотя и не прямымъ путемъ; почти всѣ нѣмецкія правительства присылали къ нему новые проекты законовъ и его оцѣнка и указанія никогда не оставались безъ вліянія. Такимъ образомъ принималъ онъ участіе въ новомъ баварскомъ законодательствѣ 1861, вюртембергскомъ 1863, баденскомъ 1864 г. и т. д.; еще нѣсколько недѣль тому назадъ получилъ онъ съ этою же цѣлью новый проектъ австрійскаго уголовнаго судопроизводства.

Переходя теперь къ обзору ученой дѣятельности Миттермайера, я хочу сказать нѣсколько словъ объ общихъ характеристическихъ особенностяхъ всѣхъ его трудовъ, чтобы не повторяться въ отдѣльности.

По складу своего ума, Миттермайеръ былъ всегда противникомъ науки для науки; онъ считалъ необходимымъ условіемъ всякаго юридическаго труда его примѣнимость къ жизни; у него нельзя встрѣтить ни одной работы чисто кабинетной, ни въ философской, ни въ юридической сферѣ права. Онъ пользовался исторіею или философіею только на столько, на сколько это нужно было для его практическихъ тенденцій, онъ не высказывалъ почти ни одного юридическаго положенія, не подкрѣпляя его примѣрами, взятыми изъ дѣйствительной жизни; однимъ словомъ, практичность составляетъ одну изъ особенностей его работъ и одно изъ важныхъ ихъ достоинствъ. Всѣ эти случаи извлекались имъ не только изъ судебныхъ анналовъ европейскихъ государствъ, но и изъ непосредственнаго опыта. Мы видѣли, что прежде всего онъ началъ знакомство съ юридическою практикою въ мюнхенскомъ судѣ; онъ продолжалъ ее, какъ университетскій судья въ Боннѣ, потому-что, не смотря на ограниченную компетентность, на долю университетскаго суда выпадало иногда весьма много работы, какъ наприм. во время реакціи 1819 и 1820 годовъ. Но главный источникъ непосредственныхъ практическихъ знаній для Миттермайера было участіе въ Spruch-Collegium, въ которой онъ былъ постояннымъ членомъ съ самаго поступленія въ университетъ, а съ 1839 года президентомъ.

Въ университетскую Spruch-Collegium посылалось въ прежнее время весьма большое количество дѣлъ, какъ гражданскихъ такъ и уголовныхъ, и притомъ дѣлъ запутанныхъ, въ которыхъ обыкновенно судьи затруднялись, и которыя давали профессорамъ весьма полезныя практическія работы. Очевидно, что съ введеніемъ устности и суда присяжныхъ, количество подобныхъ дѣлъ значительно

убавилось; теперь туда поступаютъ только особенно спорныя гражданскія дѣла, разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ государственнаго права, изрѣдка даютъ они мнѣнія и въ уголовныхъ дѣлахъ напр. въ особенно рѣзко выдающихся преступленіяхъ печати, въ преступленіяхъ политическихъ и т. д. Но такъ какъ введеніе устности въ Германіи случилось еще очень недавно, то участіе въ Spruch-Collegium имѣло для практическихъ знаній Миттермайера большое значеніе. Другой не менѣе характеристическій признакъ его работъ— это приложеніе сравнительнаго метода. Какой бы институтъ ни излагалъ онъ, онъ никогда не ограничивался только теоретическою стороною предмета, или изложеніемъ примѣненія его въ отдѣльномъ законодательствѣ; но онъ велъ эти дѣла всегда сравнительно и притомъ не только съ другими нѣмецкими законодательствами, но и съ постановленіями Англіи, Франціи, Америки и т. д., онъ указывалъ на отклоненія и измѣненія претерпѣваемыя тѣмъ или другимъ институтомъ, въ той или другой странѣ, на причины и значеніе этого измѣненія, на результаты, которые дало оно и т. д. Съ этой стороны сочиненія Миттермайера принесли большую пользу для Германіи, знакомя ее съ опытомъ странъ сосѣднихъ, особенно Англіи.

Въ тѣсной связи съ сравнительнымъ методомъ находится третья особенность сочиненій Миттермайера— обширное знакомство съ литературою каждаго разбираемаго имъ вопроса. Не было почти ни одного сочиненія по уголовному праву на французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которое не было бы прочтено Миттермайеромъ и о которомъ бы онъ не далъ въ свое время отчета; каждая его статья содержитъ обыкновенно полное обозрѣніе всѣхъ новѣйшихъ работъ по этому предмету, а нечего и говорить о томъ, на сколько необходимо знаніе литературы каждому занимающемуся наукой и слѣдовательно какое значеніе имѣетъ эта библіографическая сторона его работъ.

Наконецъ, дѣлая оцѣнку его трудовъ, мы никогда не должны забывать того гуманизма, которымъ проникнуты всѣ его работы по уголовному праву, его постояннаго стремленія смягчить жестокость законовъ, заставить и въ самомъ преступникѣ уважать человѣка, наконецъ дать болѣе прочныя гарантіи личной свободѣ граждан въ судѣ и т. д.

Но въ этихъ же особенностяхъ его трудовъ нашелъ я источникъ ихъ недостатковъ.

Прежде всего, второстепенное значеніе, которое онъ придавалъ исторіи и философіи, его знакомство съ историческими явленіями по большей части изъ вторыхъ рукъ, заставляло его дѣлать нерѣдко поверхностные, неосновательные и даже пошлые выводы, отъ которыхъ ему самому приходилось впослѣдствіи отказаться, особенно напр. въ исторіи англійскихъ учрежденій.

Еще важнѣе его второй недостатокъ слабость систематизированія и иногда полное отсутствіе обобщенія, выступавшій все сильнѣе и сильнѣе въ его послѣднихъ статьяхъ и особенно ощутительный въ его курсѣ. Его послѣднія работы принимали характеръ болѣе и болѣе описательный, выводы его бывали иногда не послѣдовательны, его критика становилась все слабѣе и слабѣе, такъ что его статьи стали походить на кладовую, въ которой правда находится много вещей драгоцѣнныхъ, но въ которой недостаетъ порядка и которая требуетъ еще новыхъ работъ, чтобы сдѣлать ее общедоступною и вполнѣ полезною. Въ связи съ этимъ находится неопредѣленность выраженій, а особенно же запутанность и неясность его опредѣленій. Опасаясь общихъ положеній, ратуя противъ черезъ-чуръ обобщенныхъ выводовъ науки и практики, онъ дѣлалъ свои опредѣленія необыкновенно растянутыми, вставлялъ въ нихъ множество подробностей, нерѣдко ненужныхъ и мѣшающихъ ясному пониманію предмета. Это особенно вредитъ его лекціямъ, такъ что студентъ незнакомый съ предметомъ, легко можетъ запутаться и потеряться, и его лекціи могутъ совершенно не достигнуть той цѣли, которую онъ ставитъ для нихъ, т. е. могутъ вовсе не дать опредѣленной руководящей нити для его дальнѣйшихъ, практическихъ занятій. Слушая его опредѣленія легко можно видѣть самую систему ихъ сформированія; это просто рядъ примѣровъ подтверждающихъ или составляющихъ исключеніе изъ даннаго правила, изложенныхъ только по возможности кратко и съ опущеніемъ именъ; очевидно что подобная система легко можетъ повести къ такимъ же затрудненіямъ, какъ и система излишняго обобщенія, противъ которой онъ такъ сильно ратовалъ. Да и самъ онъ нерѣдко впадалъ въ ошибки отъ этой системы; нерѣдко принималъ явленіе случайное и побочное за главное и нормальное и съ свойственной ему увлекательностью строилъ принципъ, отъ котораго скоро потомъ приходилось отказываться, или же впадать въ противорѣчія съ прежде сказаннымъ, за что ему и доставалось весьма сильно, особенно отъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Ученую дѣятельность Миттермайера можно раздѣлить прежде всего по внѣшней формѣ на два главные отдѣла, журнальныя статьи и монографіи. Его работы наполняютъ почти всѣ юридическіе журналы, существовавшіе въ послѣднее время въ Германіи. Съ нихъ и началась его ученая извѣстность. Прежде всего онъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ и соредакторомъ въ Neue Archiv des Criminalrechts, въ которомъ съ 1818 г. и до самаго прекращенія въ 1857 году ежегодно помѣщались отъ 3-хъ до 4-хъ статей Миттермайера. Такимъ же ревностнымъ сотрудникомъ и соиздателемъ былъ онъ въ Gerichtssaal, со времени его основанія и до сихъ поръ; но особенно обширна была дѣятельность его въ Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, издаваемомъ имъ съ 1829 г. вмѣстѣ съ г. Цахаріэ; этотъ журналъ былъ главнымъ органомъ, посредствомъ котораго знакомилъ Миттермайеръ Германію съ юридическою дѣятельностью другихъ странъ. Такое же дѣятельное участіе принималъ и принимаетъ онъ въ Allgemeine Strafrechts-Zeitung von Holtzendorf'a, Archiv des preussischen Criminalrechts Goltdammer'a, въ Sächsische Gerichts-Zeitung v. Schwarze, въ соиздаваемомъ имъ: Archiv der civilistischen Praxis, A. des Handelsrechts, Blätter für gerichtliche Medicin и во множествѣ мелкихъ юридическихъ газетъ. Потомъ имя его довольно часто можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ юридическихъ журналахъ: въ Revue — издаваемомъ Воловскимъ и Феликсомъ, въ лондонскомъ Low magazin, въ American Juris, въ миланской газетѣ il diritto и т. д. Эти статьи охватываютъ всѣ отдѣлы права и заключаютъ въ себѣ изслѣдованія различныхъ отдѣльныхъ вопросовъ, разборы практическихъ случаевъ, критическіе обзоры иностранной литературы, обзоры законодательной дѣятельности различныхъ странъ и т. д.

Что касается до монографій, то я намѣренъ сдѣлать обзоръ ихъ нѣсколько поподробнѣе и распредѣлить ихъ на отдѣлы, по ихъ содержанію.

Главныя его работы относятся къ уголовному судопроизводству; съ этого отдѣла собственно и началась его дѣятельность, потому что первымъ болѣе обширнымъ его сочиненіемъ было ученіе о доказательствахъ, 1809 г., (которое впрочемъ появилось въ продажѣ только въ 1821 г. по случаю разоренія перваго издателя). Затѣмъ слѣдовалъ Handbuch des Criminalprocesses, 1810—13 г., въ которомъ онъ излагалъ систему старо-нѣмецкаго уголовнаго процесса сравнительно съ французскимъ и съ новыми законами отдѣльныхъ нѣ-

мецкихъ государствъ. Въ 1821 г. онъ издалъ его снова въ переработанномъ видѣ подъ именемъ Der Deutschen Strafverfahren, которыя значительно пополненныя и отмѣненныя вышли въ 1845 году уже четвертымъ изданіемъ. Его сравнительный методъ высказался, хотя и не въ обширныхъ размѣрахъ, уже въ первомъ изданіи учебника; съ каждымъ новымъ изданіемъ онъ расширялъ поле, вводя въ него результаты новѣйшихъ законодательныхъ работъ, а въ особенности присоединялъ изложенія англійскаго и шотландскаго процесса. Еще въ 1809 г. онъ подвергъ сильной критикѣ старо-нѣмецкую систему и отдавалъ предпочтеніе французской; это начало было еще сильнѣе развито имъ, какъ мы уже видѣли, въ 1819 году и наконецъ окончательно сформировалось въ четвертомъ изданіи его Strafverfahren. Планъ его работы состоялъ въ слѣдующемъ: послѣ небольшихъ замѣчаній о понятіи, цѣли процесса и т. д., онъ останавливается особенно долго на системѣ дѣленія преступныхъ дѣяній, по отношенію къ судопроизводству; онъ разсматриваетъ дѣленія римскаго и старо-нѣмецкаго права, затѣмъ переходитъ къ обще-германскому и къ новымъ законодательствамъ, а въ особенности обращаетъ вниманіе на французское трехъчленное дѣленіе и на его значеніе. Затѣмъ, послѣ небольшаго историческаго очерка судопроизводства въ древніе и средніе вѣка, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію основныхъ началъ процесса, разбираетъ выгоды и невыгоды формъ обвинительной и слѣдственной, при чемъ отдаетъ предпочтеніе первой, хотя и находитъ, что та обвинительная форма, которая дѣлаетъ ходъ процесса зависимымъ отъ воли заинтересованнаго частнаго лица, какъ это было напр. въ древнемъ правѣ, легко можетъ вести къ злоупотребленіямъ и къ безнаказанности, а потому признаетъ цѣлесообразнымъ введеніе общественнаго обвинителя,—но только не съ полновластіемъ французской прокуратуры. Затѣмъ онъ разбираетъ значеніе устности и особенности гласности, которыя онъ считаетъ необходимыми условіями реформы. Даетъ подробный обзоръ судоустройства Англіи, Франціи и Германіи; историческій обзоръ развитія присяжныхъ, его настоящее положеніе въ Англіи и Франціи, выгоды и невыгоды его введенія. Онъ находитъ, что безусловное предпочтеніе суда присяжныхъ, предъ учеными судьями — неосновательно; что подобное рѣшеніе зависитъ преимущественно отъ того, съ какой точки зрѣнія смотрятъ на это учрежденіе, съ политической или юридической и притомъ въ послѣднемъ случаѣ принимая во вниманіе вообще все состояніе уго-

ловнаго законодательства страны. Съ 1-й точки зрѣнія, онъ видитъ въ нихъ сильное средство защиты гражданской свободы противъ злоупотребленій правительства, средство развитія политической жизни народа вообще, довѣрія народа къ правосудію и т. д., но онъ замѣчаетъ, что всѣ эти качества имѣютъ значеніе только при ненормальномъ устройствѣ государственныхъ отношеній, что вообще внесеніе политическаго элемента въ юридическій институтъ вещь опасная, которая легко можетъ повести къ omnipotence jury и къ замѣнѣ закона произволомъ; что касается до юридической стороны вопроса, то онъ думаетъ, что увеличеніе числа судей, распространеніе права отвода, устраненіе законной теоріи доказательствъ и введеніе гласности — могутъ значительно улучшить существовавшее судопроизводство и дать достаточно гарантій справедливости. Впрочемъ, онъ не возставалъ безусловно противъ присяжныхъ, онъ говорилъ только, что введеніе ихъ сопряжено съ нѣкоторыми особенными затрудненіями; сюда относится напр. устраненіе вліянія правительства на составленіе листа присяжныхъ, устройство формы рѣшенія — относительно постановленія вопросовъ, количество голосовъ и т. д., принятіе смягчающихъ обстоятельствъ, ограниченіе resumé президента, и что только при правильномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ институтъ присяжныхъ можетъ имѣть дѣйствительный успѣхъ. Мы уже видѣли, что впослѣдствіи у него изчезли и эти сомнѣнія при болѣе тщательномъ изученіи этого учрежденія, и уже въ 1847 году онъ явился ревностнымъ защитникомъ суда присяжныхъ. Вторая часть его сочиненія заключаетъ изложеніе самаго хода процесса съ предварительнаго слѣдствія и до кассаціи; онъ ведетъ ее такимъ же образомъ, какъ и первую, то есть постоянно сравниваетъ германскія учрежденія съ англійскими и французскими и по большей части становится на сторону послѣднихъ.

Поѣздка 1850 года въ Англію познакомила его практически съ юридическимъ бытомъ страны, съ различными дѣятелями, дала ему возможность еще болѣе оцѣнить значеніе англійской формы суда, и въ 1851 появилась одна изъ лучшихъ его работъ — Englische, Schotische und Nordamerikanische Strafverfahren, которая остается до сихъ поръ лучшимъ руководствомъ на нѣмецкомъ языкѣ по этому отдѣлу. Изложивъ исторію англійскихъ учрежденій, онъ указалъ потомъ на отклоненія, образовавшіяся отъ основнаго типа въ судопроизводствѣ Шотландіи и Америки, особенно относительно устройства обвинительной части, образованія листа присяжныхъ, средствъ апеля-

цій и т. д. Въ этомъ сочиненіи онъ является уже полнымъ защитникомъ обвинительнаго процесса, онъ требуетъ полнаго равноправія сторонъ, гласности слѣдствія, допущенія защитника при слѣдствіи, отсутствія принудительнаго допроса обвиняемому, устройства перекрестнаго допроса. Такимъ образомъ онъ сталъ за всѣ тѣ особенности англійскаго процесса, которыя, ограждая свободу подсудимаго предъ судомъ, служатъ въ то же время однимъ изъ основныхъ оплотовъ гражданской свободы вообще. Важную заслугу его сочиненія составляло еще и то обстоятельство, что онъ рядомъ судебныхъ случаевъ, заимствованныхъ изъ англійской практики, давалъ возможность наглядно убѣдиться въ справедливости высказанныхъ имъ положеній. Кромѣ того, онъ не былъ и безусловнымъ поклонникомъ англійской системы; онъ указывалъ и на ея недостатки: на ея дороговизну, на недостаточность обвинительной системы, средствъ апеляціи и т. д. Его идеалъ былъ комбинація французской и англійской системы, съ допущеніемъ публичнаго обвинителя, съ правильнымъ устройствомъ кассаціоннаго суда, какъ это было сдѣлано напр. въ Корфу и что особенно было развито Миттермайеромъ въ его позднѣйшемъ сочиненіи: Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren.

Указавъ въ немъ на постепенное приготовленіе Германіи къ реформѣ 1848 года, онъ останавливается на изложеніи самаго революціоннаго движенія, дѣлаетъ оцѣнку дѣятельности франкфуртскаго парламента, реформы 1849—50 г., равно какъ и наступившей затѣмъ реакціи 1851—52 г. Онъ сообщаетъ довольно много статистическихъ свѣдѣній о дѣятельности вновь введеннаго суда присяжныхъ, особенно въ Пруссіи и Брауншвейгѣ. Онъ старается доказать посредствомъ этихъ чиселъ, что безнаказанность преступниковъ вовсе не была результатомъ введенія присяжныхъ, что если количество оправдательныхъ приговоровъ и было довольно велико въ нѣкоторыхъ государствахъ, то они относились по большей части къ политическимъ преступленіямъ и слѣдовательно были въ связи съ особенностями того времени, и что поэтому возраженія реакціонной партіи противъ дѣятельности суда присяжныхъ вообще не имѣютъ никакого основанія. Точно также разсматриваетъ онъ реформу швейцарскаго судопроизводства 1850—51 г. и постепенное введеніе тамъ присяжныхъ, французскую реформу 1852 г. и особенно систему коррекціонизированія преступленій какъ средство ограничить область дѣятельности jury. Затѣмъ онъ переходитъ къ

проектамъ реформы въ Англіи и снова разбираетъ достоинства и недостатки ея учрежденій и притомъ гораздо полнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ сочиненіи. Онъ останавливается прежде всего на недостаткахъ судебной организаціи, на слишкомъ большихъ промежуткахъ между ассизами и на проистекающей отсюда дороговизнѣ суда, на недостаткѣ юридическаго образованія у мировыхъ судей, на долю которыхъ нерѣдко выпадаютъ дѣла весьма запутанныя, на частую неполноту слѣдствія, плохое состояніе судебной медицины и т. д. Второй отдѣлъ сочиненія составляетъ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ реформъ въ отдѣльныхъ частяхъ. Основные взгляды его остались тѣ же, но нѣкоторые отдѣлы были развиты несравненно полнѣе и обстоятельнѣе прежняго, какъ напр. вопросъ объ отношеніи уголовнаго судопроизводства къ общему правовому, нравственному и соціальному состоянію народа, вопросъ о значеніи прокуратуры вообще и въ особенности объ условіяхъ правильнаго устройства ея въ Германіи. Онъ считаетъ это учрежденіе вполнѣ необходимымъ, но только въ значеніи общественнаго обвинителя, съ устраненіемъ всякаго вмѣшательства въ часть судебную и слѣдственную; вообще онъ возстаетъ противъ французскаго понятія о прокурорѣ, какъ стражѣ закона, и требуетъ уравненія его правъ съ одной стороны съ правами адвокатовъ, а съ другой приданія ему бóльшей самостоятельности по отношенію къ министру юстиціи. Гораздо лучше прежняго разработанъ у него вопросъ о значеніи суда присяжныхъ; такъ какъ онъ уже отстранилъ на второй планъ политическій элементъ этого института и совершенно вѣрно указалъ на ошибки, которые произошли во Франціи и Германіи отъ подобнаго постановленія вопроса; то особенно сильно опровергалъ онъ мнѣніе, что jury есть демократическій институтъ, на что особенно опиралась реакціонная партія; онъ ставилъ теперь на первый планъ англійскій взглядъ на jury; онъ находилъ однимъ изъ главныхъ его достоинствъ соединеніе народнаго элемента съ ученымъ, дававшее прочную гарантію правосудію, равно какъ и довѣріе народа къ суду, составлявшее одинъ изъ главныхъ залоговъ дѣйствительности суда. Не менѣе интересно была обработана имъ глава объ отношеніи слѣдствія къ суду, особенно по англійскому праву и т. д.

Этимъ сочиненіемъ заканчивается рядъ его работъ, обнимающихъ собою весь уголовный процессъ; но ихъ дополненіемъ и продолженіемъ можетъ служить рядъ статей, заключавшихъ обзоръ движенія иностранныхъ законодательствъ, помѣщавшихся почти ежегодно въ

Архивѣ, или въ Gerichtssaal; равно какъ и его разборы всѣхъ вновь выходящихъ кодексовъ или проектовъ уголовнаго судопроизводства. Послѣднею изъ подобныхъ работъ былъ небольшой разборъ нашего новаго проекта судопроизводства, который будетъ напечатанъ скоро въ газетѣ Гольцендорфа. Что касается до его статей и монографій по отдѣльнымъ вопросамъ процесса, то число ихъ слишкомъ громадно, чтобы внести ихъ разборъ въ предѣлы моего отчета, притомъ на нѣкоторыя изъ нихъ я уже указывалъ, какъ напр. монографія о доказательствахъ, о судебной защитѣ, о гласности и устности и т. д. Его новая работа: Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und Amerika, über ihre Vorzüge, Mängel und Abhülfe. 1864 г. — еще не окончена; она печатается въ Gerichtssaal и кромѣ того первый выпускъ вышелъ съ мѣсяцъ тому назадъ отдѣльно, и идетъ такъ хорошо, что уже теперь требуется его второе изданіе. Вышедшій выпускъ содержитъ въ себѣ общее обозрѣніе хода законодательствъ въ Европѣ съ 1852—53 годовъ, и потомъ въ особенности измѣненія законодательствъ, взгляды теоретиковъ, практическія наблюденія надъ дѣйствіемъ суда присяжныхъ въ Великобританіи, Франціи и Бельгіи. Сочиненіе это содержитъ всѣ тѣ недостатки и достоинства, о которыхъ я говорилъ выше, но собранные тамъ матеріалы, библіографическое богатство, дѣлаютъ его положительно необходимымъ для всякаго юриста.

Работы Миттермайера по матеріальному уголовному праву играютъ менѣе важную роль, хотя вслѣдствіе тѣхъ же особенностей, о которыхъ я говорилъ выше, онѣ составляютъ необходимое пособіе для всякаго криминалиста. Первое мѣсто между ними занимаетъ учебникъ уголовнаго права, изданный Миттермайеромъ (въ 1848 вышло 14-е изданіе его, изъ которыхъ 3 послѣднія принадлежатъ Миттермайеру). Этотъ учебникъ собственно столько же принадлежитъ Миттермайеру сколько и Фейербаху, потому что дополненія, сдѣланныя первымъ, занимаютъ болѣе ²/₃ всего сочиненія. Это цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей, касающихся всѣхъ болѣе важныхъ вопросовъ уголовнаго права, только расположенныхъ по системѣ Фейербаха. По этому же учебнику читаетъ Миттермайеръ и свои лекціи, но такъ какъ онъ расходится съ нимъ во всѣхъ основныхъ взглядахъ, касательно понятія преступленія (такъ какъ Миттермайеръ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ опредѣленія преступленія, какъ нарушенія чьего-либо права), понятія и цѣли наказанія (такъ какъ я уже указывалъ выше, что онъ въ одномъ изъ самыхъ первыхъ

своихъ сочиненій возсталъ противъ теоріи Фейербаха) и наконецъ относительно почти всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ теоріи, то собственно говоря общаго съ учебникомъ Фейербаха только порядокъ изложенія и то нужно прибавить — къ сожалѣнію. Я не хочу сказать этимъ, чтобы учебникъ Фейербаха не имѣлъ значенія, но только, что время его уже прошло и что даже положительныя законодательства оставили за собою его нѣкогда господствовавшіе взгляды. Правда, что есть еще въ Германіи нѣсколько профессоровъ, читающихъ на основаніи его свои лекціи, но это или уже преданія въ лицахъ, или же, подобно Миттермайеру, только въ программѣ удерживаютъ эту связь и притомъ, какъ я уже замѣтилъ выше, въ ущербъ своимъ лекціямъ; это уже достаточно доказываетъ намъ и то обстятельство, что ему пришлось удержать цѣлый отдѣлъ formelle und materielle и vage Verbrechen, то есть отдѣлъ преступленій, которыхъ Фейербахъ не зналъ куда дѣть, — не выяснивъ хорошенько ихъ Thatbestand, или напр. преступленія противъ совокупности человѣческихъ силъ и т. д. Что касается до достоинствъ и недостатковъ его учебника и особенно курса, то они одинаковые совершенно съ отличительными чертами его сочиненій по процессу. По постоянному сравненію между собою положительныхъ законодательствъ и по множеству любопытныхъ примѣровъ, приводимыхъ имъ почти по каждому отдѣльному вопросу, его курсъ былъ для меня весьма полезенъ, но я думаю, что для студентовъ начинающихъ, желающихъ познакомиться съ основными началами уголовнаго права, онъ былъ не совсѣмъ-то ясенъ, какъ я уже замѣтилъ это выше; эти недостатки преимущественно выдавались въ особенной части и въ спеціальныхъ курсахъ о преступленіяхъ противъ государства и собственности; потому что опредѣленіе каждаго преступленія и его состава, затемнялись до такой степени мелочными признаками и подробностями, что отдѣлить отъ нихъ основныя существенныя черты и составить такимъ образомъ ясное понятіе о преступленіи было дѣломъ довольно труднымъ.

Остальныя работы его по этому отдѣлу составляютъ огромный рядъ статей помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ и охватывающихъ собою всѣ сколько нибудь важные отдѣлы уголовнаго права, а въ особенности вопросъ о вмѣняемости, по которому онъ напечаталъ нѣсколько диссертацій и по которому онъ готовитъ новое большое сочиненіе о малолѣтнихъ и о вліяніи возраста на вмѣняемость. Затѣмъ вопросъ о смертной казни и о тюремномъ заклю-

ченіи. Его монографія über die Todesstrafe 1862 произвела большое впечатлѣніе въ юридическомъ мірѣ и была переведена почти на всѣ европейскіе языки; почти такою же популярностью пользуются его статьи о тюремномъ вопросѣ, особенно die Gefängnissverbesserung 1856 и die Gefängnissfrage 1860, и вполнѣ заслуживаютъ это. Тюремный вопросъ всего болѣе требовалъ сравнительнаго метода и знанія иностранной литературы, а потому онъ скоро и сдѣлался однимъ изъ любимыхъ предметовъ Миттермайера. По своимъ взглядамъ онъ явился защитникомъ одиночной системы съ извѣстными смягченіями и исключеніями, смотря по полу, возрасту, состоянію здоровья и такъ далѣе и съ извѣстными дополненіями, какъ напр. переходныя ирландскія тюрьмы, условное помилованіе и т. д.

Но дѣятельность Миттермайера не ограничивалась только уголовнымъ правомъ; его имя тоже можно встрѣтить и въ другихъ юридическихъ областяхъ, особенно же въ гражданскомъ и торговомъ правѣ. Его учебникъ гражданскаго нѣмецкаго права вышелъ уже 7-мъ изданіемъ (первое было въ 1821 г., 7-е — въ 1848 г.). Затѣмъ издававшійся имъ лично Archiv für civilistische Praxis, въ которомъ также весьма большое количество статей принадлежитъ ему, выходитъ уже тоже вторымъ изданіемъ. Изъ другихъ его монографій по этому отдѣлу пользовался въ свое время извѣстностью учебникъ гражданскаго процесса 1837 г., его Rechtsfragen и многія другія статьи.

Окончивъ этотъ краткій очеркъ дѣятельности Миттермайера, я не могу не сказать еще нѣсколько словъ о немъ, какъ о человѣкѣ, объ его отношеніяхъ къ студентамъ. Врядъ ли кто изъ его слушателей, сколько нибудь побольше знакомыхъ съ нимъ, не будетъ всегда съ благодарностью и уваженіемъ вспоминать этого 80-тилѣтняго старика, юношески преданнаго дѣлу, еще полнаго огня и стремленія къ дѣятельности, горячо любящаго студентовъ и не разъ уже доказавшаго, что онъ искренно называетъ ихъ своими дѣтьми, наконецъ всегда готоваго помочь и совѣтомъ и дѣломъ всякому обращающемуся къ нему. Много поколѣній прошло чрезъ его руки въ эти 50 лѣтъ и многіе криминалисты считаютъ его отцемъ своего развитія, давшимъ первый толчекъ ихъ дѣятельности и поселившимъ въ нихъ любовь къ наукамъ. Каѳедра составляетъ для Миттермайера половину жизни, и мнѣ кажется, что прекращеніе чтенія лекцій будетъ для него большимъ ударомъ. Онъ совершенно перерождается, читая лекціи, дѣлается 10-ю годами моложе, оживленнѣе, веселѣе; но время беретъ свое и его здоровье становится

все хуже и хуже; и нынѣшнее лѣто было для него особенно тяжело; онъ не разъ говорилъ, что работа уже одолѣваетъ его, что можетъ быть ему придется съ этимъ семестромъ окончить свою профессорскую дѣятельность, но вслѣдъ затѣмъ обыкновенно прибавлялъ, что онъ долженъ работать, пока живъ, и что съ работою сойдетъ онъ въ могилу. Прощаясь съ студентами на послѣдней лекціи и можетъ быть предчувствуя, что это прощаніе послѣднее, онъ былъ очень тронутъ и самъ прослезился, завѣщая студентамъ честно продолжать его дѣло и на всѣхъ ступеняхъ жизни быть такими же неустанными двигателями развитія, какъ былъ и онъ. Мое сердце еще молодо, сказалъ онъ, но мои силы уже ослабѣли, и не мнѣ говорить о будущемъ; но при всякомъ движеніи впередъ, при всякой борьбѣ за свободу, за развитіе человѣчности въ уголовныхъ законахъ и вообще за прогрессъ—вспоминайте «стараго», и его сочувствіе и благословеніе будетъ всегда съ вами.

Что касается до моихъ личныхъ занятій, то кромѣ лекцій Миттермайера—я посѣщалъ еще небольшой курсъ проф. Редера о тюрьмовѣдѣніи, проф. Блюнчли объ исторіи литературы государственнаго права съ начала 18-го столѣтія и проф. Вундта о психологіи. Но главными занятіями оставались по прежнему мои домашнія работы. Согласно составленному мною заранѣе плану, я занимался все это лѣто общею частью уголовнаго права и пользовался огромными пособіями, находящимся въ библіотекѣ Миттермайера. Кромѣ того, я присутствовалъ на засѣданіи ассизъ въ Бруксалѣ, осмотрѣлъ суды въ Страсбургѣ, потомъ осмотрѣлъ знаменитую бруксальскую тюрьму, нѣкоторыя французскія тюрьмы и между прочимъ colonie pénitentiaire въ Оствальдѣ. Затѣмъ былъ нѣсколько разъ въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ домовъ для сумашедшихъ въ Илленау и благодаря одному изъ тамошнихъ врачей д-ру Крафту, внуку Миттермайера, провелъ тамъ время весьма полезно, пополняя свои домашнія занятія психіатріею. Въ началѣ сентября я намѣренъ посѣтить еще ассизы въ Страсбургѣ и затѣмъ отправляюсь на послѣдній семестръ въ Берлинъ.

Гейдельбергъ, $^{3}/_{15}$ августа 1864 года.

4) Кандидата Н. Бакста.

Предпринятое мною изслѣдованіе обмѣна газовъ въ мозгу подвигалось въ это лѣто очень медленно; почти каждый новый опытъ

показывалъ новые недостатки въ устройствѣ аппарата, поправка которыхъ требовала всегда довольно много времени. Я не считаю себя вправѣ говорить пока о результатахъ моихъ опытовъ,—тѣмъ болѣе, что, по предложенію профессора Гельмгольца, я на время отступилъ отъ первоначальнаго плана и производилъ опыты надъ опредѣленіемъ границы разложенія крови, т. е. границы, когда кровь, изъ которой выдѣляютъ газы, начинаетъ разлагаться, такъ что получаемые затѣмъ газы суть отчасти продукты разложенія. О необходимости этихъ опытовъ я буду говорить впослѣдствіи, при подробномъ изложеніи результатовъ предпринятаго мною изслѣдованія. Кромѣ занятій въ физіологическомъ институтѣ Гельмгольца, я слѣдилъ въ это лѣто за курсами: физики Кирхгофа и алгебраическаго анализа Кантора. Каникулярное время, начавшееся здѣсь 10-го августа новаго стиля, я рѣшился посвятить подробному изученію животнаго электричества и теплоты, — разумѣется, на сколько это возможно въ такое короткое время. На зимній семестръ я рѣшился отправиться въ Берлинъ, гдѣ разсчитываю слѣдить за курсами дю-Боа-Реймона и Рейкерта, равно какъ и за нѣкоторыми курсами математики. Этотъ планъ мой одобренъ и профессоромъ Гельмгольцомъ.

Гейдельбергъ, 20/8 августа 1864 года.

5) Надворнаго совѣтника В. Миддендорфа.

Вслѣдствіе предписанія г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 23-го мая 1864 г., за № 4553, я имѣю честь донести департаменту народнаго просвѣщенія слѣдующее:

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ, во второй половинѣ іюня, я захворалъ, пролежалъ три недѣли дома, а потомъ для окончанія леченія отправился на воды, въ мѣстечко Виттекиндъ, близъ Галле, гдѣ пробылъ до начала сентября новаго стиля. По возвращеніи въ Берлинъ, я занимался физикою и физическою географіею.

Будущую зиму я намѣренъ провести въ Берлинѣ, гдѣ университетъ обѣщаетъ мнѣ обильныя пособія при моихъ занятіяхъ.

Положеніе объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени, утвержденное г. министромъ 4-го января 1864 г., назначаетъ вспомогательными предметами для физической географіи опытную физику, зоологію, ботанику и геогнозію. Я рѣшился заняться въ Берлинѣ физическою географіею, физикою и

палеонтологiею, составляющею важную отрасль геогнозiи, а будущее лѣто посвятить на изученiе зоологiи и ботаники. Поэтому, я намѣренъ слушать въ Берлинѣ слѣдующiя лекцiи:

Опытную физику — у Дове и Магнуса.
Теорiю электричества — у Квинке.
Теорiю теплорода — у Франца.
Исторiю физики — у Поггендорфа.
Метеорологiю — у Дове.
Физику земли (физическую географiю) — у Эрмана.
Палеонтологiю — у Бейриха.

Берлинъ, $\frac{\text{27-го сентября}}{\text{9-го октября}}$ 1864 года.

6) Кандидата А. Думашевскаго.

Въ послѣднемъ отчетѣ своемъ департаменту я имѣлъ честь сообщить, что пребыванiе свое въ Парижѣ я посвятилъ ознакомленiю себя съ судоустройствомъ и гражданскимъ судопроизводствомъ во Францiи.

Особенности же французской судебной организацiи и французскаго устава о гражданскомъ судопроизводствѣ (Code de procédure civile) дѣлаютъ это ознакомленiе, особенно съ гражданскимъ судопроизводствомъ, довольно затруднительнымъ.

Нѣкоторыя замѣтки объ этомъ не лишены будутъ, кажется, интереса — авось пригодятся кому либо.

Первое затрудненiе заключается въ значенiи и характерѣ французскихъ судовъ.

Само собою разумѣется, что желающiй познакомиться съ какимъ бы то ни было судопроизводствомъ, долженъ прежде всего изучить его по книгамъ и руководствамъ.

Но по изученiи его такимъ образомъ, естественно является желанiе и представляется потребность увидѣть все это на дѣлѣ, въ-очiю, такъ сказать, посмотрѣть, какъ дѣло зарождается, какъ оно движется во все время своей процессуальной жизни, и какъ оно скончается наконецъ, подъ роковымъ словомъ судейскаго рѣшенiя.

Гдѣ же увидѣть все это?

Во всѣхъ другихъ странахъ, исключая развѣ Англiи, это можно найти въ судѣ, гдѣ находятся всѣ слѣды оконченнаго судопроизводства.

Остальное дополняется посѣщеніемъ публичныхъ засѣданій суда, гдѣ можно познакомиться со способами защищенія и рѣшенія дѣлъ.

Совершенно иначе все это во Франціи, по причинѣ особеннаго положенія стряпчихъ (avoués) во французскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Здѣсь все производство совершается не судомъ, а стряпчимъ; положеніе французскаго гражданскаго суда довольно замѣчательно.

Онъ не есть та власть въ государствѣ, къ которой граждане имѣютъ обращаться съ просьбою о возстановленіи ихъ нарушенныхъ имущественныхъ правъ.

Нѣтъ; это есть, если можно такъ выразиться, государственный институтъ для обязательнаго рѣшенія возникающихъ между гражданами юридическихъ контроверзъ, по поводу совершенныхъ однимъ изъ нихъ дѣйствій, нарушающихъ имущественныя права другаго.

Вслѣдствіе этого характера своего французскій судъ всегда остается въ полномъ пассивномъ состояніи. Онъ *самъ* не дѣлаетъ ни единаго шага. Если онъ даже *ex officio* приказываетъ какое либо процессуальное дѣйствіе, то производство по оному совершается также не имъ, а самими тяжущимися.

Словомъ, французскому суду нужно поднести надлежащимъ образомъ приготовленную юридическую контроверзу — и тогда онъ *скажетъ* свое легальное мнѣніе — *рѣшеніе* — но только *скажетъ*, словесно.

Если же какая либо сторона желаетъ имѣть это рѣшеніе *на письмѣ*, то это опять не дѣло суда, а самихъ тяжущихся. Они сами должны предпринять всѣ нужныя для того процессуальныя дѣйствія, составить по обоюдному соглашенію проектъ рѣшенія и поднести его суду, который тогда подпишетъ его, если найдетъ его законнымъ.

Все же производство, до и послѣ рѣшенія, совершается опять таки не самими тяжущимися, а ихъ стряпчими — и притомъ съ полнымъ исключеніемъ участія самихъ сторонъ.

Такимъ образомъ все дѣлопроизводство находится въ рукахъ стряпчихъ; слѣдовательно, если желаютъ познакомиться съ французскимъ гражданскимъ судопроизводствомъ, слѣдуетъ обращаться не столько въ судъ, сколько къ этимъ стряпчимъ, въ кабинетахъ (etudes) которыхъ только и возможно изучить механизмъ французскаго гражданскаго процесса.

Благодаря содѣйствію нашего посольства въ Парижѣ, я имѣлъ всободный доступъ и въ канцеляріи (greffes) парижскихъ судовъ и

въ кабинетъ состоящаго при нашемъ посольствѣ стряпчаго, которымъ я обязанъ выразить свою полную признательность за ихъ радушную готовность содѣйствовать моему ознакомленію съ французскимъ гражданскимъ судопроизводствомъ.

Другое затрудненіе изученія французскаго гражданскаго процесса заключается въ самомъ уставѣ о гражданскомъ судопроизводствѣ, и именно въ непростительной лаконичности его текста и техничности его выраженій.

Французскій уставъ о гражданскомъ судопроизводствѣ есть вообще самая слабая и неудовлетворительная часть наполеоновскихъ кодификацій; это относится и къ судопроизводству по оному; но я хочу сказать здѣсь кое-что не о его содержаніи, не о его внутренней, а о его внѣшней сторонѣ, какъ о кодификаціонной работѣ.

Уставъ этотъ не есть *созданіе*, новое твореніе, а только компиляція (и притомъ не всегда удачная) старыхъ законовъ (особенно же Ordonnance civile 1667 г.) и судебныхъ обычаевъ; «это, по выраженію одного изъ почетныхъ членовъ французскаго кассаціоннаго суда, г. *Лавіеля* *), не что иное, какъ почти буквальное воспроизведеніе старыхъ ордонансовъ и практики Шателе» (Chatelet, старый парижскій судъ).

Вслѣдствіе этого характера своего французскій уставъ о гражданскомъ судопроизводствѣ съ одной стороны крайне неполонъ; о многихъ самыхъ важныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ онъ ограничивается *однимъ*, какъ бы случайно уроненнымъ словомъ. Съ другой же стороны, онъ изобилуетъ старыми техническими выраженіями, вовсе не соотвѣтствующими ихъ внутреннему содержанію, и объясненія которыхъ нужно искать въ старинномъ французскомъ судопроизводствѣ.

Вотъ отзывъ о немъ еще другаго французскаго юриста, г. *Бордо*, трудъ котораго **), писанный на задачу, предложенную парижскою академіею наукъ, о средствахъ улучшенія французскаго гражданскаго процесса, удостоенъ былъ преміи въ 1853 году изъ числа 18-ти конкурентовъ и послѣ двукратнаго конкурса.

«Нужно вполнѣ сознаться, говоритъ г. *Бордо*, что если ордо-

---

*) Etudes sur la procédure civile, necessité de reviser le Code de 1806. par M. *Lavielle*. Paris. 1862, стр. 4.

**) Philosophie de la procédure civile, Mémoire sur la reformation de la justice, par *R. Bordeaux*, ancien batonnier du Barreau d'Evreux. Paris, 1857 г., стр. 89.

нансъ 1667 года (Ordonnance civile) казался верхомъ совершенства (Chef-d'oeuvre) для того времени, когда онъ былъ составленъ, то уставъ о гражданскомъ судопроизводствѣ не занимаетъ такого блестящаго мѣста среди памятниковъ права. Ордонансъ 1667 года былъ первымъ кодификаціоннымъ произведеніемъ, исполненнымъ во Франціи, а искусство редакціи законовъ съ тѣхъ поръ усовершенствовалось. Между тѣмъ уставъ о судопроизводствѣ, послѣдовавшій за гражданскимъ кодексомъ (Code civile), въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далекъ отъ величественной простоты этого послѣдняго. Относительно формы, въ немъ можно видѣть большое число статей, которыя не могутъ быть понятны массѣ тяжущихся или по причинѣ встрѣчающихся въ немъ терминовъ судебной практики и техническихъ выраженій, или же по причинѣ древнихъ судебныхъ обычаевъ, на которые текстъ намекаетъ. Съ грамматической же точки зрѣнія, редакція его менѣе точна, менѣе опредѣленна, чѣмъ редакція гражданскаго кодекса. Самое даже его раздѣленіе (на главы, книги, части и пр.) не позволяютъ, безъ особаго изученія, уловить производство по оному. Все цѣлое образуетъ безсвязную массу, гдѣ съ трудомъ можно найтись. Тѣ, которые составляли его, не одинъ разъ упускали, кажется, изъ виду великую цѣль кодификаціи — поставить законъ въ уровень пониманія каждаго, такъ какъ всѣ граждане предполагаются знающими его.

«Что же касается его содержанія и достоинства его постановленій, то упрощеніе формъ, которое въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій есть постоянный законъ прогресса, здѣсь не было такъ полно, какъ оно могло быть».

Причину этого несовершенства устава о судопроизводствѣ г. *Бордо* видитъ, между прочимъ, въ томъ, что «обсужденіе его не происходило подъ глазами *мастера* (maître), *занятаго тогда войною вдалекъ*» *).

Можно конечно усумниться въ мастерствѣ Бонапарта I составлять уставы гражданскаго судопроизводства; злые языки говорятъ даже, что уставъ потому и вышелъ такимъ плохимъ, что онъ былъ составленъ въ такое время, когда республиканецъ Бонапартъ, опираясь на своихъ преторіанцевъ, нашелъ возможнымъ назвать себя императоромъ.

Но не забудемъ, что г. *Бордо* желалъ быть и дѣйствительно

*) *Philosopie* etc., стр. 92.

былъ удостоенъ преміи французскою академіею наукъ въ императорство Бонапарта III, обстоятельство, которое нужно строго имѣть въ виду при оцѣнкѣ отзывовъ такого писателя, какъ о *слабостяхъ* наполеоновскихъ кодификацій, такъ и причинахъ этихъ слабостей.

Такъ какъ мое пребываніе въ Парижѣ имѣло цѣлью познакомиться на самомъ дѣлѣ съ французскимъ гражданскимъ судопроизводствомъ, то, съ наступленіемъ вакаціоннаго времени съ 1-го сентября и съ закрытіемъ по этому поводу гражданскихъ судовъ, мое raison d'être въ Парижѣ прекратилось, и я того же числа оставилъ его, чтобы поселиться на это время гдѣ либо въ Швейцаріи, до начала зимняго семестра.

На зиму же ѣду опять въ Берлинъ, гдѣ и думаю провести зимній семестръ.

4/16 сентября 1864 года.

7) Адъюнкта Стоянова.

Въ послѣднемъ отчетѣ моемъ изъ Парижа имѣлъ уже я честь извѣстить департаментъ о томъ, что намѣревался оставить Францію и избрать, для дальнѣйшихъ работъ своихъ по исторіи законодательствъ, Германію. Пріѣздъ въ Гейдельбергъ въ іюлѣ мѣсяцѣ далъ мнѣ возможность прослушать только однѣ заключительныя лекціи нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ профессоровъ. Вотъ почему считаю я себя въ правѣ удержаться, въ настоящее время, отъ всякой характеристики интересовавшихъ меня чтеній на здѣшнемъ юридическомъ факультетѣ. Надѣюсь, что пребываніе въ Гейдельбергѣ, въ теченіе полнаго слѣдующаго семестра, дастъ мнѣ достаточное количество данныхъ для изученія метода и объема преподаванія по тѣмъ предметамъ, которые касаются моей спеціальности. Думаю обратить особенное вниманіе на лекціи по исторіи греческаго, римскаго и германскаго законодательствъ, а также постараюсь прослушать у Рено курсъ французскаго частнаго права, если увижу сильный историческій элементъ въ лекціяхъ этого превосходнаго профессора.

Наступившія вакаціи дали исключительно домашній характеръ моимъ занятіямъ. Результаты работъ моихъ въ парижскихъ библіотекахъ весьма пригодились мнѣ здѣсь, когда я принялся за чтеніе сочиненій *Варнкёнига*, *Штейна* и *Шеффнера* по исторіи французскаго законодательства. Сравнивая и приводя въ систему всѣ эти матеріалы, не трудно мнѣ было взяться за приготовленіе про-

граммъ или конспекта для лекцій по исторіи французскаго законодательства. Кромѣ того, имѣя въ рукахъ монографіи *Ренуара* и *Бешара*, занялся я частнымъ вопросомъ о городскихъ учрежденіяхъ во Франціи (Histoire du droit municipal en France). Если позволятъ мнѣ время и силы мои, то я намѣренъ сдѣлать, или по крайней мѣрѣ подготовить, сравнительно-историческую разработку этихъ учрежденій во Франціи, Германіи и Италіи. Изъ сочиненій по германскому праву прочитаны мною: 1) новѣйшія работы *Штоббе* по внѣшней исторіи (2 Abtheilung ersten Bandes, 25 Juli, 1864), и 2) любопытная, хотя уже не столь новая, монографія *Маурера* о поземельномъ устройствѣ германцевъ (Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung).

О дальнѣйшихъ занятіяхъ своихъ буду имѣть честь своевременно извѣстить департаментъ народнаго просвѣщенія.

Гейдельбергъ, $\frac{\text{10-го октября}}{\text{28-го сентября}}$ 1864 года.

8) Магистра Г. Спасскаго-Автономова.

Честь имѣю донести департаменту министерства народнаго просвѣщенія, что минувшее полугодіе, съ 15-го февраля по 15-е августа текущаго года, я счелъ за лучшее провести въ Тегеранѣ, а лѣто пробыть въ его окрестностяхъ, гдѣ въ деревнѣ Зергендэ, благодаря покровительству нашей миссіи, я нашелъ себѣ спокойное и удобное мѣсто для занятій. Съ 25-го іюля по 3-е августа мнѣ представился случай вмѣстѣ съ первымъ секретаремъ русской миссіи И. А. Зиновьевымъ и Г. Гильомомъ сдѣлать небольшую поѣздку въ окрестности Демавенда. Здѣсь намъ удалось осмотрѣть много любопытныхъ горныхъ мѣстностей, каковы: Ларская возвышенная долина, пещера Дибъ Асью или Асьяби Диви Сефидъ, «мельница бѣлаго дива», гротъ извергающій удушливый сѣрный газъ, горячіе сѣрные источники *Аби Гярма*, *Аскъ* на берегахъ рѣки *Араза*, главное мѣстечко горной страны *Ларнджана* и многія другія. Въ городѣ *Демавендъ* мнѣ посчастливилось собрать нѣсколько мѣстныхъ преданій о Зохакѣ, баснословномъ арабскомъ тиранѣ, прервавшемъ на время господство Пишдадовъ, первой династіи древне-иранскихъ государей. Затѣмъ мы поднялись къ Демавендскому озеру, одному изъ высочайшихъ въ свѣтѣ, и оттуда возвратились назадъ сперва по рѣкѣ Джаджеруду а потомъ по живописной рудбарской долинѣ. Горная деревня Шегристанекъ, любимое мѣсто шахской охоты, была

нашимъ послѣднимъ ночлегомъ, оттуда черезъ шимранскія горы мы спустились обратно въ Зергендэ. Подробное описаніе этой поѣздки будетъ мною сообщено своевременно. Перехожу къ своимъ занятіямъ. Главное мое вниманіе обращено на изученіе юридическихъ и богословскихъ наукъ ислама, въ которыхъ заключается весь кодексъ, какъ общественной, такъ и частной жизни востока. Въ этомъ отношеніи книга: *Шерайульахкамъ* Мохаккика Хелійскаго, т. е. изложеніе шіитскаго шаріата представляетъ источникъ, еще не тронутый доселѣ европейскими оріенталистами. Настоящій мой руководитель въ этихъ занятіяхъ Мулла Мамедъ Али, прошедшій весь курсъ мусульманскаго медресэ, очень мнѣ полезенъ при объясненіи различныхъ религіозно-юридическихъ терминовъ, вполнѣ понятныхъ только на мѣстѣ. Восточному факультету я изложилъ подробности, касающіяся преподаванія мусульманскихъ наукъ въ Персіи; здѣсь ограничусь только общими выводами изъ того, что у меня передъ глазами. Тридцать лѣтъ тому назадъ персидское образованіе имѣло строгій религіозный характеръ; за отсутствіемъ печати, пріобрѣтеніе книгъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Учащійся принужденъ былъ переписывать для себя цѣлыя руководства или платить за нихъ неимовѣрно высокія цѣны, оттого и выборъ былъ строгъ; онъ ограничивался необходимымъ: фикхомъ и усуломъ, т. е. мусульманскимъ правомъ и богословіемъ. Съ усиленіемъ книгопечатанія или лучше сказать литографіи, число книгъ до такой степени умножилось, что настоящій глава шіитскаго духовенства, Шейхъ Муртеза, счелъ за лучшее запретить новое печатаніе куръана, чтобы избѣгнуть профанаціи священныхъ листовъ. Дешевизна книгъ не могла не отразиться на общемъ образованіи; оно утратило прежнюю односторонность, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось очень поверхностнымъ. Чтобы блистать въ разговорѣ хорошаго общества арабскими цитатами, надо непремѣнно знать стихотворенія древнихъ арабскихъ поэтовъ; поэтому изданія: Себъе Мооллаке, Макаматы Харира съ нѣсколькими комментаріями, Диваны, т. е. сборники стихотвореній Али (4-го халифа), Хемъяри и Меджнунъ сдѣлались теперь весьма обыкновенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ арабская философія *(хикметъ)* и естественныя науки *(улюми ріази)* находятъ себѣ все болѣе и болѣе поклонниковъ. Такому охлажденію къ религіознымъ наукамъ ислама много способствовала опасность, которой рисковалъ подвергнуться всякій слишкомъ смѣлый теологъ послѣ недавняго гоненія и казней бабистовъ. Религіозныя секты тѣмъ не менѣе про-

должаютъ существовать; одна изъ нихъ *Шейхи* считается очень многочисленною; другія большею частію мистическія: *Ріязи* распадаются на многія вѣтви, изъ которыхъ каждая имѣетъ во главѣ духовидца, претендующаго на непосредственное сообщеніе съ *эмирульвактъ* т. е. 12-мъ имамомъ Мегди, который, по мнѣнію мусульманскихъ ортодоксовъ, живъ доселѣ и долженъ возвѣстить вмѣстѣ съ Исой конецъ міру. Здѣсь затрогивается самая чувствительная струна иранской народности. Мусульманскій матеріализмъ, пришедшійся такъ по натурѣ арабамъ и туркамъ, которые видятъ въ своей религіи только однообразный рядъ молитвъ и омовеній, оказался слишкомъ недостаточнымъ для болѣе богатыхъ чувствами арійцевъ. Сунниты въ своей религіозной поэзіи не ушли дальше безчисленныхъ редакцій Мір'аджа, мистическаго восхожденія Могоммеда на небо и описанія чудесъ рая. Для шіитовъ этого мало; у нихъ образовалась полная историко-религіозная эпопея, которая живетъ въ народѣ и напоминается ему ежегодно въ священный мѣсяцъ мохаррема посредствомъ многочисленныхъ мистерій. Злополучная судьба, какъ самаго халифа Али, зятя и племянника пророка, такъ и всего его потомства, особенно имама Хуссейна находила всегда фанатическихъ послѣдователей въ блестящій періодъ развитія ислама. Такимъ образомъ возникли крайнія секты: исмаэлитовъ, зейдитовъ и т. п.; онѣ временно утверждались то въ Египтѣ, то въ арабскомъ Иракѣ, то наконецъ въ сѣверной Персіи въ горахъ Дейлема. Сунниты ихъ означали общимъ презрительнымъ названіемъ: *рафизіе* т. е. отщепенцы. Съ эпохи уничтоженія монголами багдадской династіи Аббасидовъ въ 656=1258 г. только одна изъ этихъ сектъ, закончившая полный циклъ двѣнадцати имамовъ, успѣла сплотиться въ одно цѣлое. Два столѣтія съ половиною позже шестнадцатилѣтній энтузіастъ Шахъ Исмаилъ, будучи самъ изъ фамиліи алидовъ, объявилъ эту религію государственной, открытой и положилъ основаніе могуществу блестящей династіи Сефевидовъ. Съ тѣхъ поръ неодолимая преграда отдѣлила Персію отъ прочаго мусульманскаго міра; тщетно въ концѣ прошлаго столѣтія умный Надиръ думалъ найдти компромисъ между обоими враждующими сторонами. Примиреніе оказалось вещью невозможною; конечно, съ тѣхъ поръ, время и политическое безсиліе Персіи очень много охладило эту вражду, но и теперь священное имя Кербела можетъ служить лозунгомъ для пробужденія дремлющихъ силъ этой впадшей въ апатію національности.

5*

Европейская наука, не смотря на учрежденіе Дарульфенуна, т. е. высшаго училища въ Тегеранѣ, и отправку въ Европу многихъ молодыхъ персіанъ, едва касается даже высшихъ слоевъ общества. Благородная попытка теперешняго министра народнаго просвѣщенія и министра торговли и мануфактуры И'тизедуссельтане Али Кули Мирзы издавать ученую ежемѣсячную газету: *рузпамеи ильміе* есть только зародышъ будущаго развитія. Газета эта стала выходить съ 11-го февраля 1864 г. нов. ст. 27 мѣсяца Зея 785 г. древне Джелалійской эры. Изъ появившихся пока 8 номеровъ, нѣкоторые не лишены научнаго интереса для спеціалистовъ; таково начало статьи № 3 о празднованіи Ноуруза и № 7 объ успѣхахъ астрономіи въ Персіи съ планомъ развалинъ обсерваторіи въ Марагѣ близъ Тебриза. Къ сожалѣнію, редакція повторяетъ одну и ту же статью на трехъ языкахъ: персидскомъ, арабскомъ и французскомъ, что вѣроятно заставляетъ всякій разъ ограничиваться развитіемъ только одного вопроса.

Остается пожелать теперь одного, чтобы Персія, при единодушномъ сближеніи народовъ, послѣдовавшемъ послѣ недавнихъ великихъ открытій новаго времени, не оставалось болѣе въ сторонѣ отъ движенія прочаго человѣчества.

Зергендэ, 16-го августа 1864 года.

9) Докторанта Николая Залѣскаго.

Занятія мои въ теченіи прошлыхъ трехъ мѣсяцевъ, заключавшихъ въ себѣ послѣднюю половину лѣтняго семестра и первую каникуловъ, состояли частію въ посѣщеніи лекцій и терапевтической клиники, но преимущественно въ практическихъ занятіяхъ въ лабораторіи, гдѣ я продолжалъ оканчивать работу, о которой я уже имѣлъ честь говорить въ первомъ моемъ отчетѣ. Что касается лекцій физіологической и патологической химіи равно какъ и токсикологіи, читанныхъ профессоромъ Гоппе въ лѣтній семестръ, то о нихъ я распространяться не буду, чтобы имѣть болѣе времени указать на то, что я самъ сдѣлалъ и чѣмъ занимался — послѣднее болѣе будетъ согласно съ цѣлію отчета. Чтенія проф. Гоппе были для меня во всѣхъ отношеніяхъ поучительны; они были не простымъ изложеніемъ сухихъ фактовъ, но опытовъ, гдѣ каждый сколько нибудь интересный фактъ науки былъ всесторонне обсуженъ и доказанъ экспериментами, часто требовавшими нѣсколькихъ часовъ для ихъ

приготовленія; болѣе важные отдѣлы физіологической химіи, каковы: дыханіе, кровотвореніе, питаніе, мочу и друг., профессоръ развивалъ исторически, слѣдилъ шагъ за шагомъ постепенное ихъ развитіе, указывалъ литературу, разбиралъ критически замѣчательные труды ученыхъ, излагалъ настоящее состояніе каждаго отдѣла и наконецъ указывалъ на то, что остается сдѣлать въ томъ или другомъ изъ нихъ и въ какомъ направленіи. Такимъ образомъ проф. Гоппе основательно знакомилъ своихъ слушателей съ прошедшимъ и настоящимъ науки, обязанной ему многимъ въ ея развитіи.

Терапевтическая клиника, не входя главнымъ образомъ въ кругъ моей спеціальности, имѣла для меня второстепенное значеніе; въ ней я подъ руководствомъ проф. Нимейера занимался преимущественно болѣзнями крови, мочевыхъ органовъ и вообще тѣми болѣзнями, которыя представляютъ интересъ съ химико-патологической или химико-діагностической сторонъ. Въ матеріалѣ не могло быть недостатка, его я всегда имѣлъ въ обиліи для анализовъ, которыми преимущественно занимался въ лабораторіи Гоппе, частію же въ клинической проф. Нимейера, обращающаго особенное вниманіе при діагнозѣ на результаты химическихъ изслѣдованій, которые подробно вносятся въ протоколы болѣзней, составляемыхъ здѣсь не студентами, но ассистентомъ, который въ то же время есть приватъ-доцентъ физической діагностики. Такимъ образомъ, кромѣ множества анализовъ мочи, мочевыхъ осадковъ, мокротъ (sputa) и экскрементовъ — послѣднихъ у одного 42-лѣтняго субъекта, страдающаго около четырехъ лѣтъ diabet. mellito — съ цѣлію открыть въ нихъ сахаръ, я успѣлъ сдѣлать анализъ жидкостей, наполнявшихъ грудную полость in Empyemat. pectoris и прослѣдить измѣненія крови въ желтухѣ (icterus). Послѣднюю работу, отъ которой я въ правѣ ожидать интересныхъ для патологіи результатовъ, намѣренъ при удобномъ случаѣ возобновить снова.

Другая часть времени посвящена была рѣшенію спеціальнаго вопроса, часть результатовъ котораго помѣщена въ первомъ моемъ отчетѣ, гдѣ я представилъ наблюденія надъ птицами, которымъ перевязаны были мочеточники, и гдѣ слѣдствіемъ этой операціи были отложенія мочевыхъ солей въ различные органы и ткани *). Ясно, что вышеприведенными экспериментами не былъ еще вполнѣ рѣшенъ вопросъ мой о происхожденіи мочевой кислоты въ организмѣ

*) Журн. минист. народн. просвѣщенія, августъ 1864 года.

животныхъ; чтобы окончательно убѣдиться въ справедливости моихъ предположеній мнѣ необходимо было прослѣдить измѣненія въ тѣлѣ, слѣдующія за нефротоміею, которую, къ сожалѣнію, у птицъ сдѣлать невозможно; поэтому я долженъ былъ избрать предметомъ моихъ опытовъ другихъ животныхъ, моча которыхъ бы состояла изъ мочевой кислоты и которыя относительно исполненія операціи не представляли бы тѣхъ неудобствъ, которыя лишили меня возможности сдѣлать нефротомію у птицъ. По совѣту проф. Гоппе, я избралъ для сего змѣй, моча которыхъ, какъ показали изслѣдованія многихъ и особенно Hammond'а *), состоитъ изъ мочевокислыхъ соединеній и преимущественно мочевокислаго амміака. Чтобы имѣть единицу сравненія для будущихъ экспериментовъ, я долженъ былъ опредѣлить составъ тѣла (мускуловъ), внутренности и крови змѣй относительно содержанія въ нихъ мочевой кислоты при обыкновенныхъ условіяхъ ихъ жизни; для этого я убилъ шесть змѣй, срѣзавъ имъ головы, и такимъ образомъ извлекъ 5,938 grm. крови, которую подвергнувъ анализу, получилъ отрицательный результатъ. Къ тѣмъ же результатамъ привели меня изслѣдованія мускуловъ и внутренностей змѣй; въ первыхъ изъ нихъ не найдено ни малѣйшихъ признаковъ мочевой кислоты, въ послѣднихъ же, именно при изслѣдованіи кишечнаго тракта, я получилъ самое ничтожное ея количество, которое по всей вѣроятности перешло или изъ почекъ или же содержимаго нижней части кишекъ, отъ котораго не всегда легко бываетъ ихъ вполнѣ очистить. Получивъ такимъ образомъ необходимыя предварительныя свѣдѣнія, дающія мнѣ право принять за аксіому, что, въ нормальномъ состояніи, въ тѣлѣ изслѣдуемыхъ нами животныхъ мочевой кислоты не содержится, я могъ теперь приступить къ самымъ экспериментамъ, произведеннымъ мною надъ двадцатью змѣями изъ рода *Coluber natrix L.* такимъ образомъ, что у одной половины изъ нихъ я перевязалъ мочеточники, а другой удалилъ почки (nephrotomia).

Оперативный методъ, которому я слѣдовалъ въ исполненіи той и другой операціи, слѣдующій: начиная на $1^1/_2$ дюйма выше клоаки я дѣлалъ по средней линіи брюха съ низу вверхъ разрѣзъ, сначала кожи а потомъ брюшины, отличающейся у змѣй своимъ чернымъ цвѣтомъ; обнаруживъ такимъ образомъ брюшныя внутренности, я

*) The Relations existing between Urea and Uric Acid; Americ. Journ. of the Med. Sciences, Vol. XXIX page 120. 1835.

осторожно отодвигалъ ихъ въ сторону, разрывалъ заднiй листокъ брюшины и находилъ почки, лежащiя по обѣимъ сторонамъ позвоночнаго столба и отличающiяся отъ окружающихъ ихъ частей желтымъ цвѣтомъ и длинною сплюснутою формою. Положенiе почекъ на обѣихъ сторонахъ тѣла различно; правая почка длиннѣе, начинается гораздо выше и выше оканчивается; лѣвая же короче, начинается ниже, почти у средины правой, но ниже и оканчивается, отъ чего происходитъ, что мочеточники, идущiе по внутреннему краю почекъ, также не одинаковы и правый длиннѣе лѣваго. Изолировавъ почки отъ окружающихъ ихъ частей и наложивъ лигатуры на сосуды, входящiе въ почки, я удалялъ ихъ прочь и наружную затѣмъ рану въ кожѣ соединялъ частымъ узловатымъ швомъ. Что касается перевязки мочеточниковъ у змѣй, то операцiя эта у нихъ довольно проста и легка, она состоитъ въ слѣдующемъ: на дюймъ выше клоаки я дѣлалъ какъ и въ первомъ случаѣ вертикальный разрѣзъ величиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, отыскивая нижнiй конецъ каждой почки, отъ которыхъ мочеточники, опускаясь внизъ въ видѣ тонкихъ бѣлыхъ канатиковъ идутъ съ наружной стороны тѣсно сопровождающихъ ихъ кровеносныхъ сосудовъ, которые, по мѣрѣ приближенiя мочеточниковъ, къ клоакѣ, постепенно отъ нихъ отдѣляются, расходятся въ стороны и наконецъ совершенно оставляютъ мочеточники, открывающiеся въ заднюю и боковые стѣнки клоаки. Перевязку мочеточниковъ я дѣлалъ всегда возможно ближе къ клоакѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ ихъ легко перевязать не повредивъ сосуды. Оперированные такимъ образомъ оба рода животныхъ были помѣщены въ два отдѣльныхъ ящика, гдѣ они были кормлены лягушками и вообще содержимы въ условiяхъ по возможности близкихъ къ ихъ жизни на свободѣ. Само собою разумѣется, что симптомовъ никакихъ я ни у тѣхъ ни у другихъ изъ оперированныхъ животныхъ при жизни не замѣтилъ; гораздо интереснѣе были для меня результаты секцiй, не имѣвшихъ ничего общаго у нефротомированныхъ съ тѣми змѣями, которымъ перевязаны были мочеточники. Для того, чтобы показать нагляднѣе сказанное различiе, я приведу изъ каждаго рода моихъ опытовъ по одной изъ секцiй, химическiе же результаты анализовъ тѣла и внутренностей животныхъ, убѣждающихъ окончательно въ громадномъ различiи въ значенiи той и другой операцiи, я представлю въ общей таблицѣ.

I. *Нефротомiя* — смерть чрезъ одиннадцать дней. При вскрытiи я нашелъ слѣдующiя явленiя: на мѣстахъ соотвѣтствующихъ поло-

женію почекъ, найдено весьма незначительное отложеніе бѣлыхъ зернушекъ мочевокислой соли, распространявшихся отсюда въ обѣ стороны по стѣнкамъ брюха и небольшой части брюшныхъ внутренностей къ губамъ раны (чрезъ которую вынуты были почки), которую оно покрывало лишь съ внутренней ихъ стороны, снаружи же раны равно какъ и подъ кожею вблизи ея отложенія не было, такъ что оно собственно ограничивалось мѣстомъ, на которомъ лежали почки и ихъ сосѣдними частями. Восходя отъ мѣста положенія почекъ вверхъ я не нашелъ нигдѣ и ни на одномъ изъ органовъ ни малѣйшихъ признаковъ отложенія; всѣ ткани и органы груди и верхней части брюха были нормальны. Изслѣдованіе микроскопомъ тѣхъ тканей, на которыхъ найдено были отложеніе, показало, что оно ограничивается лишь поверхностію ихъ, на которыхъ оно являлось то въ видѣ отдѣльно сидящихъ малыхъ ярко бѣлыхъ зернушекъ, то налета безъ кристалическаго въ нихъ строенія, въ глубинѣ же тканей, между гистологическими ихъ элементами, не открыто никакихъ слѣдовъ тѣхъ отложеній, какія мы видили въ органахъ и тканяхъ птицъ, умершихъ отъ перевязки мочеточниковъ. Вотъ въ общихъ чертахъ картина измѣненій, найденныхъ нами въ тѣлѣ змѣй, у которыхъ удалены были почки, и такъ какъ измѣненія, выше описанныя, были всегда одинаковы у каждаго порознь изъ взятыхъ десяти нефротомированныхъ животныхъ, то я считаю достаточнымъ одного приведеннаго наблюденія, чтобы по немъ составить полную идею и о другихъ.

II. *Перевязка мочеточниковъ* — смерть чрезъ 23 дня. Секція — по снятіи кожи найдено на ней обильное сплошное отложеніе, частію зернистыхъ, частію же большихъ пластинчатыхъ массъ мочевокислой соли, занимавшее внутреннюю поверхность кожи, покрывавшей бока и преимущественно брюхо той его части, въ которой сдѣланъ былъ разрѣзъ для операціи; часть кожи, прилегавшая къ позвоночному столбу, равно какъ и на всемъ остальномъ ея пространствѣ была совершенно нормальна. Наружная поверхность тѣла имѣла на себѣ подобное же отложеніе, ограничивавшееся, какъ и на кожѣ, лишь пространствомъ тѣла, въ которомъ былъ разрѣзъ, на остальныхъ же частяхъ его отложенія не было.

Въ полости рта, особенно въ задней его половинѣ — кромѣ нѣсколькихъ отдѣльно сидящихъ, бѣлыхъ, плотныхъ зернушекъ мочевой соли, удобно снимавшихся съ подлежащихъ частей безъ нарушенія цѣлости тканей — найдены въ значительномъ количествѣ

мягкія, желтоватыя, творожистыя массы, наполнявшія собою глотку, откуда они нисходили въ пищепріемникъ, желудокъ и кишечный каналъ; массы эти на всѣхъ сказанныхъ мѣстахъ сохраняли одинъ и тотъ же характеръ, были аморфны и состояли изъ мочевокислыхъ солей. Совершенно другое нашелъ я на наружной поверхности пищепріемника, желудка и кишекъ: всѣ эти части носили на себѣ отложенія зернистыхъ или пластинчатыхъ массъ съ явнымъ кристаллическимъ строеніемъ, что легко можно было прослѣдить на тѣхъ изъ нихъ, которыя были менѣе толсты; отложенія на сказанныхъ органахъ были тѣмъ обильнѣе, чѣмъ ближе они лежали къ почкамъ, такъ что эти послѣднія можно по всей справедливости принять какъ фокусъ, изъ котораго отложенія распространялись на всѣ внутренности брюха. *Печень и селезенка* мало содержали снаружи мочевой соли, за то паренхима ихъ вполнѣ была набита ею, гдѣ она являлась въ видѣ малыхъ, бѣлыхъ, неправильной формы зернушекъ ($1—1\frac{1}{2}$ линіи), сообщавшихъ органамъ мраморный видъ; микроскопическое изслѣдованіе паренхимы печени показало, что зернушки эти расположены въ соединительной ткани, печеночныя же клѣточки и волосные сосуды свободны. *Желчный пузырь* представлялъ явленія сходныя съ тѣми, которыя описаны были у птицъ съ тѣмъ лишь отличіемъ, что я не находилъ того богатаго, почти сплошнаго, обложенія на наружной поверхности органа какъ у первыхъ; что касается самаго содержимаго пузыря, то явленія въ немъ были у обоихъ классовъ животныхъ въ одинаковой степени сильны. *Почки* снаружи имѣли maximum обложенія, покрывавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ ярко-бѣлою, блестящею, толстою корою, которая съ одной стороны опускалась внизъ къ клоакѣ, а съ другой покрывала вполнѣ всѣ вокругъ почекъ лежащія части; микроскопическое изслѣдованіе этихъ органовъ открыло, какъ и у птицъ, лишь закупореніе бѣлою мягкою массою мочевыхъ канальцевъ, въ мальпигіевыхъ же сосудистыхъ клубочкахъ мнѣ не удалось найти отложеній. *Мочеточники* растянуты сильно оплотнѣвшею въ нихъ блестящею бѣлою массою мочевой соли. Въ *груди* измѣненія были совершенно тождественныя съ описанными у птицъ, съ тѣмъ небольшимъ отличіемъ, что въ мышечномъ составѣ сердца у змѣй я не встрѣтилъ отложеній, бывшихъ у первыхъ явленіемъ постояннымъ, у змѣй оно ограничивалось наружною поверхностію сердца и преимущественно его основаніемъ. Въ паренхимѣ *легкихъ* отложенія были особенно обильны, они образовали въ нихъ, начиная отъ средины

легкихъ до нижняго ихъ конца, большія, твердыя, бугристыя скопища, чрезъ что легкія представляли какъ бы сумку, наполненную крупнымъ пескомъ; отложеній въ легочныхъ пузырькахъ не найдено, оно ограничивалось лишь упругими волокнами окружающими ячейки. Что касается черепной полости, то въ ней я ничего не открылъ, на чемъ бы можно было остановить вниманіе; гораздо интереснѣе былъ для меня *позвоночный столбъ*, гдѣ я нашелъ на всемъ протяженіи его между составными поверхностями соприкасавшихся позвонковъ а еще болѣе въ составахъ, образующихся соединеніемъ реберъ съ позвоночнымъ столбомъ, болѣе или менѣе значительныя отложенія мочевой соли, являвшихся здѣсь, какъ и всюду, вообще въ видѣ плотной, бѣлой массы. Вотъ въ общихъ чертахъ результаты секціи одной изъ тѣхъ змѣй, которымъ были перевязаны мочеточники, при чемъ долгомъ считаю сказать, чот явленія вышеописанныя были постоянныя у всѣхъ остальныхъ девяти оперированныхъ животныхъ; химическія изслѣдованія мускуловъ, печени, легкихъ и другихъ внутренностей того и другаго рода оперированныхъ животныхъ на мочевую кислоту представлены въ слѣдующей таблицѣ:

(Смотри слѣдующую таблицу).

Два вышеприведенныхъ примѣра равно какъ и таблица химическаго анализа весьма убѣдительно указываютъ на то громадное различіе явленій въ обоихъ случаяхъ, которое *даетъ мнѣ полное право принять почки за органъ выработывающій мочевую кислоту и мочевину* *). Защищать здѣсь болѣе подробно причины, заставившія меня принять за аксіому сказанное положеніе, слишкомъ бы отвлекло меня отъ цѣли, съ которою пишу настоящій отчетъ, гдѣ я имѣлъ въ виду изложить лишь результаты моихъ изслѣдованій безъ всякихъ постороннихъ аргументовъ, имѣющихъ значеніе въ полномъ спеціальномъ трактатѣ, который въ концѣ октября я буду имѣть честь представить на судъ ученаго міра. Этимъ я окончилъ мою работу *о происхожденіи въ организмѣ мочевины и преимущественно мочевой кислоты;* трудъ мой быть можетъ не составитъ въ наукѣ пріобрѣтенія важнаго, но во всякомъ случаѣ онъ бросаетъ новый свѣтъ на функцію почекъ, которымъ доселѣ приписывали не болѣе значенія, какъ простой воронкѣ, пропускавшей сквозь себя мочу.

*) Мой отчетъ въ журн. минист. народн. просвѣщенія, августъ 1864 года.

	Н Е Ф Р О Т О М І Я.									
	Вѣсъ органовъ.					Найдено въ нихъ $C_{10}N_4N_4O_6$.				
	I + II	III + IV + V	VI + VII + VIII	IX	X	I + II	III + IV + V	VI + VII + VIII	IX	X
Мускулы со скелетомъ	103,420	209,168	166,413	72,027	60,238	—	—	—	—	—
Внутренности	29,527	42,105	36,783	14,106	16,092	0,006	0,011	1,014	1,009	0,008
Легкія.	2,517	4,663	4,299	1,401	1,174	—	—	—	—	—
Печень	14,131	19,716	21,465	7,728	6,983	—	—	—	—	—
Сумма . . .	149,595	275,652	228,960	95,262	84,487	0,006	0,011	0,014	0,009	0,008

	П Е Р Е В Я З К А М О Ч Е Т О Ч Н И К О В Ъ.											
	Вѣсъ органовъ.						Найдено въ нихъ $C_{10}H_4N_4O_6$					
	I	II + III	IV + V	VI	VII + VIII + IX	X	I	II + III	IX + V	VI	VII + VIII + IX	X
Мускулы со скелетомъ	68,736	139,941	117,998	51,028	189,107	56,402	0,019	0,031	0,036	0,015	0,043	0,017
Внутренности	18,109	26,579	24,288	14,335	47,756	16,021	0,196	0,247	0,241	0,173	0,392	0,158
Легкія.	1,313	2,970	2,619	1,426	4,836	1,188	0,011	0,016	0,011	0,012	0,067	0,009
Печень	7,555	13,104	17,271	6,925	21,569	8,372	0,008	0,012	0,019	0,008	0,023	0,006
Сумма . . .	95,712	182,594	162,176	73,710	263,168	81,983	0,233	0,306	0,307	0,208	0,524	0,190

Римскими цифрами обозначены животныя бывшія предметомъ моихъ наблюденій, которыя умирая нерѣдко по два и по три заразъ, вмѣстѣ были подвергаемы и химическому анализу.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ моихъ токсикологіею, теоретическій курсъ которой, въ теченіе лѣтняго семестра, я слушалъ у проф. Гоппе. Въ чтеніяхъ своихъ онъ придерживался изложенія ядовъ не по образу ихъ дѣйствія на организмъ, но классифицировалъ по химическимъ группамъ, при чемъ главное вниманіе обращалъ на способы открытія ядовъ, разбирая подробно всѣ химическія методы и операціи со всѣми мелочами, какія необходимы для рѣшенія столь важнаго вопроса. Большая часть отравленій преимущественно органическими ядами, равно какъ и методы выдѣленія ихъ изъ различныхъ животныхъ продуктовъ, были дѣлаемы на лекціяхъ и слѣдовательно давали возможность, не только познакомиться на практикѣ съ механическими операціями, но и прослѣдить отъ начала до конца весь ходъ дѣйствія того или другаго яда. Вообще, физіологическое дѣйствіе ядовъ, симптомоталогія, виды и формы отравленій, пріемы ядовъ, леченіе и казуистика были излагаемы подробно и тщательно; менѣе обработанный отдѣлъ лекцій составляла, къ сожалѣнію, патологическая анатомія отравленій, которую профессоръ не могъ описывать подробно съ интерссомъ, какой этотъ отдѣлъ имѣетъ для медика, но вина въ этомъ не въ профессорѣ, а его слушателяхъ, которые, будучи студенты фармаціи а поэтому положительно незнакомые съ простыми вещами патологической анатоміи, требовали, чтобы отдѣлъ этотъ былъ читанъ возможно популярно и кратко, такъ какъ для нихъ онъ составлялъ вещь второстепенной важности. Студентамъ медицины токсикологія излагается, къ несчастію, вмѣстѣ съ фармакологіею практическимъ врачемъ (Prof. Köhler), отъ чего происходитъ, что обѣ науки, за отсутствіемъ въ преподавателѣ ихъ, какъ и въ большей части практическихъ врачей, тѣхъ основныхъ знаній физіологіи, патологической анатоміи и химіи, безъ которыхъ ни фармакологія а еще менѣе токсикологія существовать не могутъ, выходятъ пустою болтовнею и наборомъ фактовъ, освященныхъ лишь практикою. Что касается практическихъ моихъ занятій токсикологіею у проф. Гоппе, то я преимущественно занимался изслѣдованіемъ физіологическаго дѣйствія яда саламандръ и отравленіемъ стрихниномъ; послѣдній интересовалъ меня только въ томъ отношеніи, чтобы убѣдиться на сколько справедливо мнѣніе о пользѣ трахеотоміи при отравленіи симъ веществомъ. Не входя въ подробности, скажу здѣсь нѣсколько словъ о томъ и другомъ изъ моихъ изслѣдованій.

I. Что саламандры заключаютъ въ себѣ ядъ, способный убивать животныхъ при внутреннемъ его употребленіи, не есть новость, но фактъ, который, не будучи серьезно изслѣдованъ, преданъ совершенному забвенію. Кромѣ весьма поверхностныхъ изслѣдованій физіологическаго дѣйствія сего яда на организмъ нѣкоторыхъ животныхъ (собакъ, морскихъ свинокъ и лягушекъ), представленныхъ д-ромъ Vulpian'омъ *) и частію Gratiolet и Cloez'омъ, другихъ наблюденій дѣлано не было; что же касается химическихъ свойствъ его, то объ этомъ ни у одного изъ нихъ нѣтъ и рѣчи. Вышеприведенные авторы наблюденія свои производили, главнымъ образомъ, надъ ядомъ Triton cristatus L., принадлежащимъ хотя къ саламандрамъ, но отличающимся нѣкоторыми частностями отъ тѣхъ, которыя служили предметомъ моихъ опытовъ; наблюденія ихъ имѣютъ для меня второстепенное значеніе тѣмъ болѣе, что результаты моихъ экспериментовъ во многихъ отношеніяхъ несогласны съ представленными предъидущими тремя наблюдателями. Предметомъ моихъ изслѣдованій былъ ядъ Salamandr. lacerat. L.; животное это въ кожѣ своей имѣетъ множество железокъ, принадлежащихъ по устройству и функціямъ ихъ къ двумъ различнымъ группамъ; однѣ изъ нихъ меньше распространены по всей кожѣ и выдѣляютъ обыкновенную слизь, которой саламандры обязаны тою влажностію, какая покрываетъ постоянно ихъ кожу; другія же железы большія, но менѣе распространенныя въ кожѣ, сидятъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ ея, то отдѣльно другъ отъ друга (на бокахъ и хвосту), или же образуютъ агрегаты железъ по обѣимъ сторонамъ шеи за ушами, что и подало поводъ называть ихъ паротидами (Ohrdrüsen). Железы этой послѣдней группы не имѣютъ ацинознаго строенія, но представляютъ собою круглые мѣшечки изъ соединительной ткани, окруженной мышечными волокнами; каждый мѣшечекъ внутри раздѣленъ перегородками, выходящими изъ общей стѣнки, чрезъ что въ немъ является множество меньшихъ отдѣловъ, открывающихся въ одну общую полость, оканчивающуюся вверху выносящимъ протокомъ, открывающимся на наружной поверхности кожи круглымъ, большимъ, правильнымъ отверстіемъ. Выдѣленіе этихъ железокъ по свойствамъ своимъ отлично совершенно отъ первыхъ; оно представляетъ бѣлую, густую, клейкую, молочную жидкость тонкаго, пріятнаго запаха, напоминающаго мускусъ, щелочной реакціи, въ водѣ нерастворимую, въ спиртѣ и эѳирѣ мало. При дѣйствіи сихъ

*) Gazette de Paris 2. 1857.

послѣднихъ жидкость эта отворaживается и образуетъ свертки; микроскопическое изслѣдованіе ея показываетъ, что она состоитъ изъ весьма малыхъ шариковъ, похожихъ на шарики молока, съ толстою непрозрачною оболочкою, плавающихъ въ однообразной жидкости. Жидкость эта при всякомъ прикосновеніи къ тѣлу животнаго выдѣляется на поверхность кожи въ значительномъ количествѣ, выдѣленіе ея сначала бываетъ сильно, такъ что она брызжетъ далеко изъ своего резервуара, но чѣмъ продоложительнѣе будетъ дѣйствовать раздраженіе, тѣмъ менѣе и выдѣляется ея; наконецъ отдѣленіе совершенно прекращается, но чрезъ нѣсколько времени покоя снова является съ прежнею силою. Эта интересная по дѣйствію своему на организмъ жидкость и была предметомъ моихъ опытовъ, изъ которыхъ я здѣсь приведу нѣсколько наблюденій надъ кроликами и одинъ надъ голубемъ.

Двумъ кроликамъ, изъ которыхъ одному дано было 3 centigrm. ($\frac{1}{2}$ grn.) молочной жидкости на языкъ, а другому столько же введено подъ кожу, обнаружили одинаковыя явленія, съ тѣмъ отличіемъ, что у перваго изъ нихъ припадки обнаружились чрезъ минуту, а чрезъ двѣ наступила смерть, у втораго же симптомы отравленія явились чрезъ $1\frac{1}{2}$, минута смерти же послѣдовала чрезъ четыре минуты. Что касается голубя, которому дано было около 2 centigrm. свѣжей жидкости на языкъ, то отравленіе, обнаружившееся разомъ конвульсіями, такъ быстро окончилось смертью, что явленій наблюдать было невозможно. Симптомы отравленія у млекопитающихъ были слѣдующіе: прежде всего обнаруживаются конвульсіи, животное вдругъ падаетъ безъ дыханія, являются trismus, сильнѣйшее расширеніе зрачковъ и strabismus то на ту то на другую сторону. Въ этомъ состояніи явленія остаются не долго, затѣмъ конвульсіи прекращаются, удары сердца и дѣятельность легкихъ до такой степени замедляются и ослабѣваютъ, что рукою нельзя преслѣдовать ни сердцебіенія ни движенія грудной клѣтки, выслушиваніе же показываетъ однако слабое движеніе сердца, и хотя съ трудомъ, но можно бываетъ различить оба его звука, при чемъ второй изъ нихъ бываетъ особенно медленъ и продолжителенъ. Чувствительность въ тѣлѣ въ первые моменты сильно возбуждена, при всякомъ къ нему прикосновеніи являются конвульсіи съ новою силою, такъ что въ этомъ отношеніи ядъ саламандръ имѣетъ большое сходство со стрихниномъ, который однако дѣйствуетъ менѣе быстро. За симъ дыханіе появляется а вмѣстѣ съ нимъ обнару-

живаются снова конвульсіи, составляющія послѣдній фазъ страданій, во время которыхъ животное умираетъ съ сильно сокращенными зрачками. Въ этомъ заключаются симптомы отравленія, которые, слѣдуя быстро одинъ за другимъ, неминуемо влекутъ животное къ смерти; въ такомъ видѣ наблюдалъ я сіи явленія у кроликовъ; что же касается голубя, то у него я замѣтилъ тѣ же конвульсіи и измѣненіе зрачка какъ и у первыхъ, но смерть наступила здѣсь съ такою неимовѣрною быстротою, какую можно лишь наблюдать при отравленіяхъ безводною синильною кислотою. Явленія въ той степени, въ какой они описаны, бываютъ лишь у тѣхъ животныхъ, которымъ было даваемо свѣжее выдѣленіе саламандръ, эѳирный же и спиртный его экстракты дѣйствуютъ хотя сходно, однако много слабѣе неизмѣненнаго вещества, ни одинъ изъ экстрактовъ не производитъ смерти, но конвульсіи, которыя чрезъ четверть часа постепенно проходятъ, и затѣмъ животное совершенно выздоравливаетъ. Что касается дѣйствія яда саламандръ на человѣка, то, имѣя передъ собою подобную картину, трудно было рѣшиться на столь опасный экспериментъ; впрочемъ, я полагаю, что на человѣка онъ не имѣетъ такого гибельнаго вліянія, по крайней мѣрѣ объ этомъ заключаю изъ того, что нѣсколько разъ я получалъ непосредственно изъ железъ саламандры порядочную струю жидкости въ глазъ, гдѣ все дѣйствіе ея ограничивалось лишь сильнымъ жженіемъ и скоро проходящею conjunctivitis — измѣненія въ зрачкѣ при семъ никогда не замѣчалъ. Наружное употребленіе этой жидкости, которую я втиралъ себѣ in superfic. intern. antibrachii, не вызвало на кожѣ никакого мѣстнаго дѣйствія. По явленіямъ выше описаннымъ, ядъ этотъ близко подходитъ къ стрихнину, но отличается отъ сего послѣдняго сильнымъ дѣйствіемъ на зрачекъ; о силѣ его можно судить по экспериментамъ моимъ надъ кроликами, которыхъ зрачекъ, будучи мало подвиженъ, сильно противодѣйствуетъ всѣмъ извѣстнымъ mydriatica, при отравленіи же ядомъ саламандръ расширеніе его достигаетъ maximum. Относительно посмертныхъ явленій въ тѣлѣ животныхъ, отравленныхъ симъ ядомъ, ничего не могу сказать опредѣленнаго, тѣмъ болѣе, что они были далеко непостоянны. Относительно часто я находилъ черепной и спинной мозгъ съ ихъ оболочками въ состояніи слабой гипереміи, сердце сокращеннымъ и пустымъ, легкія спавшими и также мало содержащими крови, окоченѣлость мускуловъ сохраняется весьма долго, въ пищеварительномъ аппаратѣ явленій никакихъ я не встрѣчалъ.

II. Что касается экспериментовъ моихъ со стрихниномъ, то ими я убѣдился, обнажая животнымъ гортань и часть дыхательнаго горла, что мнѣніе о пользѣ трахеотоміи при отравленіяхъ симъ алколоидомъ, высказанное профессоромъ Полютою (Med. Ztg. Russl. 24. 1854) и Marshal Hall'емъ (The Lancet. 1856), совершенно ошибочно. Правда, стрихнинъ вызываетъ припадки асфиксіи, но причинами общими, а не спазмомъ или другими какими либо обстоятельствами въ гортани или дыхательномъ горлѣ, гдѣ, какъ бы ни были сильны симптомы отравленія, никогда не бываетъ ни малѣйшихъ явленій, которыя бы служили извиненіемъ трахеотоміи.

Вотъ въ общихъ чертахъ перечень моихъ занятій въ теченіе втораго триместра пребыванія моего за границею. Съ наступленіемъ каникулярнаго времени работы мои въ лабораторіи прекращались лишь на короткое время, чѣмъ я много обязанъ профессору Гоппе, позволившему мнѣ начать снова занятія съ половины сентября, такъ что, слѣдовательно, полтора мѣсяца вакацій я могу употребить для занятій спектральнымъ анализомъ крови и диффузіею органическихъ жидкостей, какъ такихъ предметовъ физіологической химіи, съ которыми я мало еще знакомъ на практикѣ. Въ зимній семестръ я намѣренъ заняться анализомъ газовъ крови и мочи и, кромѣ того, рѣшить вновь взятый мною спеціальный вопросъ *о вліяніи внѣшнихъ условій на составъ костей по содержанію въ нихъ* $CaO\ CO_2$, $CaO\ PO_5$ *и опредѣлить, образуютъ ли они въ костяхъ соединенія постоянныя;* работа эта не потребуетъ у меня много времени, потому что я сдѣлалъ заразъ порядочный запасъ животныхъ, которыхъ уже поставилъ въ тѣ необходимыя условія, какихъ требуетъ рѣшеніе моего вопроса; что касается патологической химіи, то я снова намѣренъ заниматься патологіею крови и преимущественно начатыми мною изслѣдованіями крови въ желтухѣ.

Тюбингенъ, 4-го октября 1864 года.

10) Магистра Я. Я. Вальца.

Послѣдній отчетъ мой я имѣлъ честь отправить въ департаментъ $^{18}/_{30}$ іюня и за тѣмъ до конца семестра, т. е. до половины августа, я оставался во Фрейбургѣ, продолжая свои занятія, о которыхъ я говорилъ въ моемъ послѣднемъ отчетѣ. Я посѣщалъ лекціи профессора de Bary, работалъ въ его лабораторіи и сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ Фрейбурга. Мои работы въ

лабораторіи имѣли предметомъ оплодотвореніе явнобрачныхъ растеній, нѣкоторыя формы грибовъ и водоросли. Оплодотвореніе изслѣдовалъ я у нѣсколькихъ видовъ Canna, у Oenothera rhizocarpa, Godetia rubicunda, Hedychium sp., Stachys arenaria, Stachys alpina и др. Хотя оплодотвореніе и развитіе зародыша въ этихъ растеніяхъ уже изслѣдовано и описано другими, но я избралъ этотъ предметъ съ цѣлью ознакомится наглядно съ тѣмъ, что до сихъ поръ было мнѣ извѣстно только по описаніямъ и рисункамъ, и чтобы пріобрѣсти навыкъ въ препарировкѣ. При этихъ изслѣдованіяхъ я, во первыхъ, убѣдился въ справедливости взгляда Hofmeister'а на оплодотвореніе растеній и, во вторыхъ, сравнивая результаты моихъ наблюденій съ литературными данными, нашелъ, между прочимъ, что наблюденія мои надъ развитіемъ зародыша у Godetia rubicunda несогласны съ показаніями Hofmeister'а (Bot. Zeit. 1856), а именно я всегда находилъ въ зародышевыхъ мѣшкахъ этого растенія по 2 зародышевыхъ пузырька, а по Hofmeister'у обыкновенно бываетъ по три; далѣе, первое дѣленіе клѣточки, изъ которой развивается зародышъ, совершается въ направленіи почти вертикальномъ, что согласно съ показаніями Hofmeister'а, но слѣдующее дѣленіе, по моимъ наблюденіямъ, совершается не въ направленіи параллельномъ предъидущему, какъ это полагаетъ Hofmeister, а въ направленіи вертикальномъ же, но перпендикулярномъ предъидущему. Рисунки Hofmeister'а, по моему мнѣнію, не доказываютъ справедливости его мнѣнія.

Изъ грибовъ, съ которыми я познакомился, особенно интересенъ одинъ паразитъ, найденный мною внутри клѣточекъ Spirogyra sp. Онъ является внутри клѣточекъ спирогиры въ видѣ четковиднаго ряда клѣточекъ, изъ которыхъ каждая представляетъ зооспорангій; но зооспоры формируются не внутри этихъ зооспорангій, не внутри клѣточекъ спирогиры, въ которой находится паразитъ, а внѣ ихъ, а именно каждый зооспорангій пускаетъ трубковидный отростокъ, который выходитъ наружу и чрезъ отверстіе на его вершинѣ выходитъ все содержимое зооспорангія въ видѣ шара облеченнаго тонкой оболочкой, составляющей внутреннюю оболочку зооспорангія. Въ этомъ шарѣ, остающемся въ связи съ зооспорангіемъ, развиваются зооспоры, которыя, образовавшись, движутся нѣкоторое время внутри шара, а затѣмъ расходятся во всѣ стороны. Каждая зооспора имѣетъ по 2 рѣснички и не имѣетъ краснаго пятнышка. Послѣ нѣкотораго времени движенія зооспоры садятся на

клѣточки спирогиры и входятъ внутрь, пуская отростокъ, который постепенно увеличивается, а наружная часть постепенно уменьшается и наконецъ изчезаетъ. Изъ такой зооспоры развивается болѣе или менѣе удлиненный мѣшечекъ (Schlauch), дальнѣйшее развитіе котораго мнѣ осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ Spirogyra, въ которой находился этотъ паразитъ, умерла и разложилась. Всѣ поиски мои отыскать вторично этотъ паразитъ, съ цѣлью найти у него органы оплодотворенія, остались безуспѣшны, такъ какъ лужа, въ которой прозябала эта Spirogyra высохла, а въ другихъ мѣстахъ найденныя Spirogyra не имѣли этого паразита. Я пробовалъ также развести его въ Closterium и другихъ видахъ Spirogyra, бывшихъ въ культурѣ; но опыты эти остались безуспѣшны. Паразитъ этотъ, какъ изъ сказаннаго видно, относится къ роду Pythium Pringst., а именно къ той группѣ, изъ которой Schenk составляетъ родъ Myzocytium; но, на сколько мнѣ извѣстны литературныя данныя, этотъ видъ еще не описанъ. Я изслѣдовалъ еще нѣсколько другихъ грибовъ; но такъ какъ здѣсь изслѣдованія мои повторяютъ только уже описанное другими, то я считаю излишнимъ объ нихъ говорить.

Я тоже изслѣдовалъ нѣсколько водорослей, о которыхъ считаю излишнимъ говорить, а скажу только, что, благодаря неутомимости профессора de Bary въ помощи занимающимся подъ его руководствомъ, я могъ изслѣдовать образованіе зооспоръ у морской водоросли изъ рода Ectocarpus и проростаніе споръ у Vaucheria dichotoma, которая водится въ окрестностяхъ Nauheim'а. Исторія развитія этой послѣдней водоросли еще почти не изслѣдована, а потому я намѣренъ возобновить мои наблюденія, прерванныя по случаю выѣзда. Еще замѣчу, что особенное вниманіе я обратилъ на Vaucheria polysperma Hass., которой я прослѣдилъ полную исторію развитія и при этомъ получилъ не совершенно безъинтересные результаты; но такъ какъ я намѣренъ заняться изученіемъ Vaucheriaceae вообще, то считаю неумѣстнымъ говорить теперь о результатахъ моихъ наблюденій.

Занятія мои во Фрейбургѣ, какъ я сказалъ, продолжались до наступленія вакацій, т. е. до половины августа. Въ это время я отправился на нѣсколько дней въ швейцарскія горы, чтобы получить понятіе о картинахъ растительности, ими представляемыхъ, и изъ Швейцаріи, чрезъ Карлсруэ, я отправился въ Крейцнахъ для поправленія своего здоровья. Въ Карлсруэ я посѣтилъ садъ и его

теплицы. Садъ этотъ мало интересенъ въ научномъ отношеніи. Такъ какъ онъ находится при дворцѣ и существуетъ для дворца, то здѣсь мы не находимъ растеній, расположенныхъ по системѣ: но теплицы очень богаты; здѣсь мы встрѣчаемъ Uvirandra fenestralis и U. Bernheriana, богатую коллекцію Scitamineae, по количеству и красотѣ экземпляровъ, превосходящую всѣ видѣнныя мною богатыя коллекціи орхидей и папоротниковъ, посѣвы Hymenophyllaceae и т. д.

Въ Крейцнахѣ я пробылъ цѣлый мѣсяцъ и, пользуясь тамошними водами, я вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ постоянныя экскурсіи для ознакомленія съ мѣстною флорою, интересною потому, что она содержитъ растенія соленыхъ почвъ, растенія, которыя до того времени я не имѣлъ случая изслѣдовать. Здѣсь же я имѣлъ случай изслѣдовать въ живомъ состояніи Cystopus Lepigoni, который встрѣчается на Spergularia salina и который описанъ только по сухимъ экземплярамъ *). Пребываніе въ Крейцнахѣ доставило мнѣ также случай познакомиться съ профессоромъ Dippel'емъ въ Idar'ѣ. Dippel сообщилъ мнѣ результаты своихъ наблюденій надъ движеніями протоплазмы и строеніемъ сосудистыхъ пучковъ высшихъ тайнобрачныхъ растеній, о которыхъ я упоминаю, говоря о съѣздѣ германскихъ естествоиспытатетей и врачей въ Гиссенѣ, а также свои изслѣдованія надъ млечными сосудами, изъ которыхъ оказывается, что у Leontodon, Chelidonium и др. эти сосуды ничто иное какъ рѣшетчатыя клѣточки (Gitterzellen); свои наблюденія надъ дѣленіемъ клѣточекъ у Oedogonium, по которымъ влагалища и колпачки клѣточекъ образуются изъ оболочки клѣточки-бабушки и кольцо, замѣчаемое при вершинѣ клѣточекъ, приготовляющихся къ дѣленію, есть ничто иное какъ складка матерней клѣточки; свои наблюденія надъ оплодотвореніемъ мховъ, по которымъ процессъ этотъ совершается такъ, что сперматозоидъ входитъ внутрь центральной клѣточки основной части архегонія, ложится около зародышеваго пузырька и имъ всасывается. Dippel же говорилъ мнѣ о своемъ взглядѣ на строеніе клѣточки, на образованіе межклѣтчатаго вещества и т. п.

Изъ Крейцнаха я отправился въ г. Гиссенъ на съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, гдѣ и пробылъ цѣлую недѣлю, посѣщая общія собранія и засѣданія ботанической секціи и принимая участіе въ экскурсіяхъ членовъ съѣзда.

---

*) De Bary — Ann. des sc. nat. 1864.

Общихъ собраній было три.

1-е общее собраніе: первый дѣлопроизводитель съѣзда, профессоръ Wernher, открылъ съѣздъ рѣчью, въ которой выразилъ благодарность правительству и властямъ и жителямъ г. Гиссена за ихъ сочувствіе къ съѣзду; затѣмъ, говоря о дозволеніи посѣщать коллекціи и научныя учрежденія, находящіяся при университетѣ, онъ упомянулъ о лицахъ, дѣятельности которыхъ эти учрежденія обязаны своимъ происхожденіемъ и развитіемъ. Послѣ этой рѣчи, совѣтникъ правительства (Regierungsrath) Köchler привѣтствовалъ собраніе отъ имени правительства и выразилъ сожалѣніе великаго герцога въ невозможности посѣтить собраніе. Далѣе слѣдовали привѣтствія отъ города и университета, чтеніе статутовъ собранія, приглашеній посѣтить замокъ австрійскаго эрцгерцога Стефана, посѣщавшаго собранія, и города Эмсъ, Наугеймъ и Марбургъ; привѣтствія нѣкоторыхъ лицъ и ученыхъ обществъ и диспутъ по поводу предложеній Леопольдиновской академіи и Франкфуртскаго общества (Hochstift) о передачѣ имъ актовъ съѣздовъ, диспутъ, которому конецъ положилъ профессоръ Vogt предложеніемъ совершенно не заботиться объ актахъ съѣздовъ, что и было принято огромнымъ большинствомъ.

Затѣмъ начались научныя сообщенія. Dr. Jessen изъ Eldena говорилъ «о нѣмецкомъ естествознаніи» (Über die deutsche Naturforschung). Онъ распространился о Баконѣ Веруламскомъ и Альбертѣ Великомъ, указывая на большія заслуги послѣдняго и на недостатки перваго, и потомъ распространился о Лейбницѣ; но затѣмъ крики публики, какъ кажется, заставили его окончить изложеніе быстрѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, потому что въ заключеніе онъ вычислилъ только нѣкоторыя имена дѣятелей на поприщѣ естествознанія, такъ что конецъ, по своему размѣру, совершенно не соотвѣтствовалъ началу. Впрочемъ, это мое личное предположеніе, противъ котораго даже можно сказать, что подобное же несоотвѣтствіе начала концу мы встрѣчаемъ въ соч.. Jessen'a Botanik der Gegenwart und Vorzeit, 1864 г. Послѣ Jessen'a говорилъ Dr. Volger изъ Франкфурта о гипотезѣ Darwin'a касательно происхожденія видовъ. Напомнивъ сказанное имъ на штетинскомъ съѣздѣ и указавъ на то, что ожидаетъ на небѣ послѣдователя дарвиновской теоріи, онъ перешелъ къ ея опроверженію, для чего старался доказать, что въ природѣ все неизмѣнно, что никакого совершенствованія въ ней не замѣчается, а только существуетъ круговоротъ (Kreislauf), кото-

рый онъ сравнилъ съ явленіями восхожденія и захожденія солнца, и затѣмъ онъ находитъ еще опроверженіе и въ томъ, что сходство формъ не доказываетъ еще сродства генетическаго, что доказываютъ явленія, наблюдаемыя въ царствѣ минеральномъ и данныя филологическія. Указавъ еще на вредъ самообольщенія въ знаніи, онъ заключилъ свою рѣчь возгласомъ «es lebe das Nichtwissen» и отвѣтомъ на его рѣчь были рукоплесканія, что можно объяснить развѣ тѣмъ только, что, по случаю рѣчи Jessen'а, большая часть представителей нѣмецкой науки разошлась.

Въ заключеніе этого собранія составились различныя секціи.

2-е общее собраніе: послѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ сообщеній, избранъ былъ Ганноверъ мѣстомъ для слѣдующаго съѣзда и туда отправлены были телеграммы; затѣмъ Prof. Schlagintweit говорилъ «Ueber die Handelsstrassen Hochasiens, Dr. Dohrn сдѣлалъ сообщеніе по поводу архива собранія и суммъ, оставшихся отъ прошлогодняго съѣзда, а Dr. Posner о табакѣ и водкѣ и ихъ вліяніи на человѣчество.

3-е общее собраніе: дѣлопроизводители профессоръ Wernher и профессоръ Leukart читаютъ отвѣты изъ Ганновера, съ удовольствіемъ соглашающагося принять съѣздъ въ будущемъ году. Dr. Horn изъ Бремена говоритъ о мясномъ экстрактѣ, который онъ приготовилъ въ сухомъ состояніи. Методъ его приготовленія основанъ на томъ, что присутствіе извѣстнаго количества кислоты препятствуетъ створоживанію бѣлковины. Dr. Stamm изъ Берлина говорилъ о способности къ уничтоженію (Vernichtungsfähigkeit) эпидемическихъ болѣзней. Dr. Birnbaum изъ Гиссена о сельско-хозяйственной теоріи Либиха. Prof. Hofmann о зависимости растительности отъ свойствъ почвы. На основаніи наблюденій въ природѣ, опытовъ въ ботаническомъ саду и химическихъ анализовъ онъ пришелъ къ результату, что распространеніе растеній не зависитъ отъ химическаго состава почвы, а только отъ ея физическихъ свойствъ, а именно отъ способности принимать воду (Wassercapacität) и отъ зависящей отъ этого способности къ нагрѣванію. Взглядъ Hofmann'а не новъ, мы находимъ его отлично изложеннымъ въ сочиненіи Thourmann — Essai de phytostatique de la chaine de Jura, но интересны его опыты, доказывающіе справедливость этого мнѣнія. Они показываютъ, что растенія, почитаемыя характеристическими для известковыхъ почвъ, также хорошо растутъ и на известковой почвѣ и на почвѣ, содержащей только $^2/_{1000}$—$^3/_{1000}$ % извести, если только ихъ

защищать отъ сорныхъ травъ, и что когда они были оставлены на произволъ, то погибли и сохранилась только Asperula cynanchica и то на почвѣ не известковой. Опыты же эти показываютъ, что Glaux maritima и Plantago maritima также хорошо растутъ при поливкѣ прѣсной водой, какъ и при поливкѣ соленой водой, и только экземпляры послѣдняго въ первомъ случаѣ представляютъ нѣкоторое различіе въ habitus'ѣ. Анализы показываютъ, что химическій составъ золы растеній, прозябавшихъ на известковой и на неизвестковой почвѣ не представляетъ замѣтныхъ различій. Послѣ этого сообщенія, принятаго громкимъ рукоплесканіемъ, первый дѣлопроизводитель благодарилъ членовъ за вниманіе къ нему и объявилъ съѣздъ закрытымъ, а профессоръ Nögerrath, упомянувъ о лицахъ, положившихъ начало съѣздамъ, выразилъ благодарность жительницамъ и жителямъ Гиссена, странѣ, университету и дѣлопроизводителямъ и заключилъ рѣчь возгласомъ «да здравствуетъ великій герцогъ».

Что касается до засѣданій ботанической секціи, то ихъ было шесть.

1-е засѣданіе подъ предсѣдательствомъ профессора Hofmann'a. Объявленіе именъ членовъ, записываніе статей для сообщеній и избраніе двухъ постоянныхъ секретарей (профессоръ Rossmann изъ Гиссена и W. Ulath изъ Наугейма) и избраніе предсѣдателя на слѣдующее засѣданіе (профессоръ Hofmeister изъ Гейдельберга).

2-е засѣданіе подъ предсѣдательствомъ профессора Hofmeister'a, Профессоръ Hofmann роздалъ членамъ экземпляры гриба Geaster coliformis, которые собралъ Dr. Buchner въ окрестностяхъ Дармштадта. Профессоръ Hofmann показываетъ два экземпляра послѣдняго нумера журнала Linnaea, присланные редакторомъ Schlechtental'емъ съ просьбою объявить, что журналъ этотъ существуетъ и выходитъ по прежнему. Профессоръ Hofmann роздалъ экземплары своихъ микологическихъ отчетовъ, напечатанныхъ въ Botanische Zeitung 1864 г. Директоръ дворцоваго сада Schrittspahn говорилъ о родѣ Sempervivum. По его мнѣнію, этотъ родъ слѣдуетъ раздѣлить на два, для которыхъ онъ предлагаетъ названія Sempervivum и Jovisbarba и на рисункахъ онъ демонстрировалъ виды послѣдняго рода, а именно J. hirta, J. connata, J. sobolifera, J. arenaria, J. commutata и J. Neureichii. За тѣмъ онъ же говорилъ о родѣ Dasylirium, который ближе всего не къ Agave, а къ Liliaceae. Онъ культивируетъ 3 вида этого рода: D. acrotrichum, D. graminifolium и одинъ видъ съ обоеполыми

цвѣтками. Dr. Jessen изъ Eldena говоритъ о лѣсномъ питомникѣ въ Брауншвейгѣ и работахъ совѣтника лѣсоводства (Forstrath) Hartig'a. По его мнѣнію, слѣдуетъ содѣйствовать преуспѣянію такихъ учрежденій и такъ какъ въ послѣднее время средства этого заведенія уменьшились, то онъ предлагаетъ членамъ подписать слѣдующее объявленіе, которое затѣмъ напечатать и разослать кому слѣдуетъ: 1) опыты, дѣлаемые Hartig'омъ въ Брауншвейгскомъ саду въ теченіе 30-ти лѣтъ, очень важны для растительной физіологіи и въ особенносли для вопроса о питаніи и ростѣ деревьевъ. 2) Всякое содѣйствіе этому учрежденію, а именно доставленіе средствъ къ расширенію опытовъ будетъ почитаться какъ содѣйствіе преуспѣянію науки. 3) Въ очень немногихъ мѣстахъ дѣлались такіе трудные и утомительные опыты. Послѣ словъ въ защиту этого предложенія, высказанныхъ профессоромъ Hofmann'омъ и профессоромъ Schnizlein'омъ, оно было принято значительнымъ большинствомъ.

Профессоръ Jul. Sachs изъ Bonn'a говорилъ о дѣйствіи цвѣтныхъ лучей на растенія. По его мнѣнію, всѣ данныя, имѣющіяся по этому вопросу въ литературѣ, не смотря на свое разногласіе, согласны въ одномъ пунктѣ, а именно, что позелененіе растеній и выдѣленіе ими газовъ зависитъ отъ дѣйствія лучей той половины спектра, которая почитается наименѣе дѣятельною при возбужденіи процессовъ химическихъ, а именно лучами желтыми и ближайшими къ нимъ. Этотъ выводъ, впрочемъ, не выраженъ ясно ни у одного писателя, а потому для рѣшенія вопроса, справедливъ ли этотъ взлядъ или нѣтъ, онъ дѣлалъ опыты посредствомъ простаго снаряда, въ которомъ онъ ставилъ растенія такъ, что могъ подвергать ихъ дѣйствію лучей, проходившихъ или чрезъ двойное хромокислое кали или чрезъ Kupferoxydamoniak. Эти двѣ жидкости раздѣляли спектръ по поламъ, такъ что чрезъ первую проходила только небольшая часть зеленыхъ лучей и всѣ менѣе преломленные, а чрезъ вторую лучи остальной части спектра. Результаты этихъ опытовъ слѣдующіе: а) подъ вліяніемъ каждой половины спектра растенія зеленѣютъ; б) подъ вліяніемъ лучей желтыхъ и сосѣднихъ выдѣленіе газовъ не уменьшается, а подъ вліяніемъ лучей другой половины спектра оно уменьшается на 60 — 70 %; в) геліотропическіе изгибы совершаются подъ вліяніемъ фіолетовыхъ и сосѣднихъ лучей. Для того чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ испытать химическое дѣйствіе лучей онъ вводилъ въ свой снарядъ фотографическую бумагу и при этомъ убѣдился, что лучи, проходившіе чрезъ

двойное хромокислое кали и производившие позеленение растений и выдѣленіе ими газовъ, въ то же время не оказывали дѣйствія на фотографическую бумагу. Эти опыты важны еще и въ томъ отношеніи, что показываютъ, что различные химическіе процессы возбуждаются различными частями спектра. Затѣмъ Sachs вкратцѣ сообщилъ результаты своихъ наблюденій надъ развитіемъ органовъ растеній въ темнотѣ. Sachs заключалъ вершинную почку въ темный пріемникъ, срѣзалъ остальныя почки и оставлялъ извѣстное число листьевъ на части растенія, подвергавшейся вліянію свѣта, и при этомъ онъ пришелъ къ тому результату, что развитіе листьевъ, цвѣтеніе, оплодотвореніе и развитіе плода совершается нормально въ темнотѣ, что окраска цвѣтковъ бываетъ даже часто ярче. Онъ получилъ въ темнотѣ тыкву вѣсившую 472 грамма, 20 цвѣтковъ на Petunia elegans и т. д. При этомъ замѣчается также, что расвитіе почки, заключенной въ темнотѣ, зависитъ отъ количества листьевъ, оставленныхъ подъ вліяніемъ свѣта. Опыты Sachs'а доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что хромогены цвѣтковъ образуются не въ самихъ цвѣткахъ, что движеніе обработанныхъ соковъ въ растеніи происходитъ и снизу вверхъ, что доказываетъ также и другой его опытъ, при которомъ онъ заключалъ все растеніе въ темноту, оставляя на свѣтѣ только вершинную почку; развитіе ея было болѣзненно. По поводу этого сообщенія Sachs'а, Jessen обратился къ нему съ вопросомъ: не зависѣло ли различное дѣйствіе обѣихъ половинъ спектра отъ различія температуры ими возбуждаемой, а потому употреблялъ ли Sachs термометръ для опредѣленія этого различія.

Sachs отвѣчалъ, что при опытахъ былъ термометръ, ясно показывавшій $^2/_{10}$ части градуса и что разницы замѣтной въ температурѣ не было.

Профессоръ Hofmeister изъ Гейдельберга передалъ предсѣдательство профессору Hofmann'у, а самъ говорилъ о механизмѣ движеній протоплазмы. На основаніи своихъ наблюденій надъ токами въ плазмодіяхъ Myxomycetes (Physarum, Didimium и т. д.), которыя распространяются не по направленію своего движенія, а взадъ, онъ приходитъ къ тому результату, что движенія эти нельзя объяснить посредствомъ сокращаемости (Contractilität) периферической части плазмодія, а на основаніи явленій, представляемыхъ сокращаемыми (Contractile) и постоянными вакуолями, онъ приходитъ къ тому заключенію, что движенія протоплазмы могутъ быть удобно объя-

снены періодическими измѣненіями способности протоплазмы принимать воду, способности, которая измѣняется не только во времени, но и въ различныхъ частяхъ протоплазмы. При этомъ онъ сообщилъ также свои наблюденія надъ движеніями протоплазмы у Hydrocharis Morsus Ranae, показывающія, что при дѣйствіи реактивовъ можно произвести распаденіе содержимаго клѣточки на нѣсколько сфероидовъ, изъ которыхъ въ каждомъ происходитъ самостоятельное движеніе.

Совѣтникъ лѣсоводства (Forstrath) Hartig хотѣлъ противорѣчить объясненію движенія и для этого началъ излагать свое ученіе о клѣточкѣ, но, занявшій мѣсто предсѣдателя, профессоръ Hofmann заставилъ его прекратить изложеніе, объявивъ, что онъ удаляется отъ предмета.

Профессоръ Welker изъ Галле изложилъ два наблюденія надъ микроскопическимъ движеніемъ. 1) Кровяные шарики отъ прибавленія раствора поваренной соли приходятъ въ движеніе, сходное съ молекулярнымъ. Это движеніе онъ объясняетъ какъ явленіе, зависящее отъ эндосмоза. Вслѣдствіе неравномѣрнаго распространенія шариковъ жидкость получаетъ въ различныхъ мѣстахъ различную степень концентраціи и потребность шариковъ въ водѣ въ различныхъ мѣстахъ различна, а отсюда и токи. 2) Движеніе пылинки въ волосной стеклянной трубкѣ, до половины наполненной смѣсью воды и спирта и запаянной. Пылинка шла отъ одного конца трубки до края жидкости и отсюда снова къ первому концу. Это движеніе продолжалось 2 сутокъ, когда прекратилось, потому что жидкость высохла. По его мнѣнію, это движеніе происходило отъ того, что при запаиваніи трубки осталось небольшое отверстіе, чрезъ которое жидкость испарялась и это испареніе производило движеніе.

Dr. Dippel изъ Eldena тоже говорилъ противъ мнѣнія о сокращаемости протоплазмы и, на основаніи своихъ наблюденій надъ происхожденіемъ ея токовъ, старался объяснить это какъ явленіе, зависящее отъ процесса эндосмотическаго. Не смотря на то однакоже, что онъ прежде еще въ частной бесѣдѣ сообщилъ мнѣ свою гипотезу, но я, какъ тогда, такъ и теперь, понять ее не могъ.

Президентомъ на слѣдующее засѣданіе избранъ профессоръ Hofmann изъ Гиссена.

3-е засѣданіе подъ предсѣдательствомъ профессора Hofmann'а.

Предсѣдатель сообщилъ, что Dr. Hompe предлагаетъ для раз-

смотрѣнія мхи, имъ привезенные изъ Порторико, а Dr. C. Schimper искуственные дендриты, имъ приготовленные.

Профессоръ W. Schimper изъ Страсбурга показалъ отлично сосохраненное силицифированное плодорасположеніе Lepidodendron (это unicum по его мнѣнію). Отличнө сохранившіяся макро- и микроспорангіи показываютъ сродство этого рода съ Selaginella. Онъ же показалъ нижнюю половинку другаго экземпляра, верхняя часть котораго находится въ лондонскомъ музеѣ. R. Brown описалъ эту верхнюю часть въ Transactions of the Linnean Society, но въ этой части находились только микроспорангіи, а въ половинкѣ, показанной Shimper'омъ находится и одинъ макроспорангій. Затѣмъ онъ же демонстрировалъ известковыя породы, проѣденныя водорослью Enactis calcivora и илъ соединенный въ каменистую массу посредствомъ водоросли Hydrocoleum calcilegum. И то и др. явленія онъ наблюдалъ на берегахъ Невшательскаго озера и онъ полагаетъ, что первое явленіе зависитъ отъ выдѣленія кислоты, вѣроятно угольной.

По поводу этого сообщенія, Dr. C. Schimper изъ Schwenzingen'a сказалъ, что подобныя явленія онъ встрѣчалъ и на берегахъ Рейна, гдѣ оно тоже зависитъ отъ водорослей и что то же производятъ корни высшихъ растеній, а профессоръ Sachs говорилъ о слѣдахъ, оставляемыхъ корнями на полированныхъ поверхностяхъ углекислыхъ минераловъ (мраморъ, магнезитъ, доломитъ) и менѣе рѣзко на фосфорнокислыхъ минералахъ. По его наблюденіямъ для опытовъ этихъ слѣдуетъ брать минералы, не всасывающіе воду; такъ какъ слой кислоты, покрывающій корни, очень тонокъ, то въ водѣ кислота растворяется такъ, что не въ состояніи произвести замѣтнаго дѣйствія. Рѣзкость контуровъ этихъ слѣдовъ, по его мнѣнію, доказываетъ, что кислота, производящая ихъ, жидкая, а не газообразная, что это не угольная кислота, потому что газообразная кислота, легко распространяясь во всѣ стороны, не въ состояніи была бы произвести проѣданій съ такими рѣзкими очертаніями. Онъ полагаетъ, что это производитъ какая нибудь растительная кислота, покрывающая въ видѣ тонкаго слоя клѣточки корня. Dr. C. Schimper изложилъ по этому поводу два наблюденія: 1) если положить кусочекъ сахару подъ ниткой, которой одинъ конецъ лежитъ въ чашкѣ съ кофе, а другой на блюдечкѣ, содержащей ту же жидкость, то нитка прорѣзаетъ сахаръ; 2) если зубчатый листъ растенія упадетъ на кусокъ льду, то онъ постепенно проѣдаетъ

пластинку льда, при чемъ проѣданіе имѣетъ рѣзкіе контуры. Профессоръ Sachs объяснилъ это послѣднее явленіе дурною топлопроводностью льда.

Dr. Schultz — Bipontinus говорилъ о растеніяхъ группы Tanaceteen: Pyretrum glabrum, по его мнѣнію, то же что P. arvense, и растеніе это должно составить особенный родъ. Экземпляры рода Orthospermum, установленнаго Wilkomm'омъ уже давно находятся въ его гербаріѣ и Fenzl уже прежде назвалъ этотъ родъ Othoteca. Когда онъ (Schultz) публиковалъ свою работу о Tonaceteen (1844 г.), то имѣлъ мало матеріала; но, несмотря на это, въ настоящее время можетъ подтвердить все имъ тогда высказанное, за исключеніемъ только касательно группы Tripleurospermeae, которая, по его новымъ наблюденіямъ, раздѣляется по формѣ pappus'а на Endopappeae и Exapappeae. Прежде онъ раздѣлялъ родъ Tripleurospermum по поверхности плода, но онъ долженъ оставить этотъ признакъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи существуютъ переходы, и теперь онъ раздѣляетъ этотъ родъ по долготѣ жизни (1 лѣтн., 2 лѣтн. и многолѣтн.) и по цвѣту плода, который составляетъ очень важный признакъ.

Въ заключеніе онъ сдѣлалъ замѣчаніе касательно рода Allardia и касательно своего сообщенія о родѣ Lychnoptora, сообщенія имъ сдѣланнаго по поводу юбилея Martius'а. Экземпляры этой работы, а также экземпляры своего собранія Tanaceteen и своей Cichoriateca, онъ раздавалъ членамъ и излагаемое демонстрировалъ на экземплярахъ гербарія и препаратахъ плодовъ.

Dr. Jessen изъ Eldena говорилъ о различныхъ явленіяхъ, касающихся морфологіи цвѣтковъ. По его мнѣнію, вишня съ махровыми цвѣтками можетъ очень хорошо служить для демонстраціи образованія плодниковъ изъ листьевыхъ органовъ, вслѣдствіе переходовъ въ ней наблюдаемыхъ; далѣе, что въ этомъ году ему удалось наблюдать превращеніе сѣменной почки въ вѣточку съ двумя листьями у Primula sinensis, и на этомъ экземплярѣ хорошо видно, что почечные покровы происходятъ изъ двухъ листьевъ; что тычинки слѣдуетъ разсматривать какъ вѣточки, въ пользу чего, по его мнѣнію, говоритъ превращеніе ихъ въ плодники у Papaver somniferum и появленіе новаго круга у Primula sinensis; что таково же морфологическое значеніе нектарниковъ Helleborus, такъ какъ внутри ихъ ему поподались почки. Это сообщеніе вызвало возраженіе со стороны профессора Hofmeister'а и Rossmann'а. Hofmeister

не понимаетъ, почему превращеніе тычинокъ въ плодники у Papaver говоритъ въ пользу взгляда Jessen'а; говоритъ, что новый кругъ, появляющійся у Primula sinensis, есть недостающій кругъ тычинокъ, на что уже указалъ профессоръ Al. Braun, и что при морфологическомъ толкованіи значенія тычинокъ не должно упускать изъ виду, что, подобно листьямъ, тычинки бываютъ простыя и сложныя, на что указали французскіе морфологи Payer и др. По мнѣнію же профессора Rossmann'а изъ Гиссена, нектарники Helleboreae имѣютъ значеніе одинаковое съ лепестками видовъ Ranunculus, имѣющихъ чешуйки, и что между тѣми и другими органами существуютъ переходы. Jessen отвѣчалъ на эти возраженія, что вновь появляющійся кругъ у Primula sinensis стоитъ тамъ, гдѣ должны были стоять тычинки, что онъ не понимаетъ, почему существованіе сложныхъ тычинокъ противорѣчитъ его взгляду, и что онъ придаетъ такое же значеніе лепесткамъ Ranunculus, имѣющихъ чешуйки, какъ и нектарникамъ Helleboreae, и что присутствіе въ послѣднихъ почки доказываетъ справедливость его взгляда. За тѣмъ онъ же Jessen демонстрировалъ рисовальный аппаратъ, приготовленный оптикомъ Frauenstein въ Грейфсвальдѣ, подъ именемъ Jessen's Zeichnenapparat *) Аппаратъ этотъ состоитъ изъ штатива съ горизонтальнымъ столикомъ, на который кладется предметъ, двухъ лупъ, зеркала и призмы. Одна изъ лупъ установливается надъ столикомъ и надъ ней ставится зеркало подъ угломъ 45°, противъ котораго ставится призма; другая же лупа можетъ принимать любое положеніе. Изображеніе предмета, увеличенное 1-й лупой, посредствомъ зеркала и призмы передается на бумагу, лежащую на столѣ возлѣ снаряда. Если вторую лупу установить надъ бумагой, то увеличивается почти въ равной степени съ изображеніемъ предмета бумага и карандашъ, а потому предметъ рисуется почти въ нормальной величинѣ, но это даетъ возможность производить очень тонкія черты; если снять вторую лупу, то получается изображеніе увеличенное одной лупой, а если ее поставить надъ первой, то изображеніе увеличено двумя лупами. При замѣнѣ штатива кольцемъ, аппаратъ этотъ примѣнимъ къ микроскопу; но этого примѣненія я еще не видалъ.

Предсѣдателемъ на слѣдующее засѣданіе избранъ профессоръ W. Schimper.

---

*) Аппаратъ этотъ стоитъ 11 талеровъ и его можно выписывать прямо отъ оптика или чрезъ Jessen'а (Dr. Jessen in Eldena bei Greifswald).

4-е засѣданіе подъ предсѣдательствомъ W. Schimper'а. Членамъ съѣзда розданъ № XX Journal of Botany Aug. 1864, присланный редакторомъ Seemann'омъ, а также экземпляры Parmelia esculenta, собранные какъ манна въ Малой Азіи близь Karput'а, въ мартѣ 1864 года, и описаніе этого явленія профессора Haydinger'а, напечатанное въ Sitzungsberichte der Kais. Ak. der Wissenschaften.

Профессоръ Hofmann показывалъ фотографическій рисунокъ Pleurosigma angulata, приготовленный Lackebauer'омъ при увеличеніи въ 2,200 разъ при помощи объектива Hartnack'а à immersion № 9. Д-ръ Dippel изъ Jdar говорилъ о сосудистыхъ пучкахъ высшихъ тайнобрачныхъ растеній. По его изслѣдованію, въ сосудистомъ пучкѣ Pteris aquilina центральная часть, соотвѣтствующая древесинѣ, состоитъ: а) изъ настоящихъ сосудовъ, поперечныя стѣнки между членами которыхъ содержатъ дырочки, совершенно сходныя съ продыравлинами, замѣчаемыми въ сосудахъ Viburnum и друг.; б) изъ удлиненныхъ остроконечныхъ клѣточекъ, не продыравленныхъ на концахъ и соотвѣтствующихъ древесиннымъ клѣточкамъ и в) изъ удлиненныхъ паренхиматическихъ клѣточекъ. Эти послѣднія имѣютъ гладкія стѣнки и въ мѣстахъ соприкосновенія съ сосудами закрытые поры. Наружная же часть пучка, соотвѣтствующая лубу состоитъ: а) изъ рѣшетчатыхъ клѣточекъ (Gitterzellen), имѣющихъ большой діаметръ и косвенныя поперечныя стѣнки; на поперечныхъ и продольныхъ стѣнкахъ находятся (Gitter) рѣшета; б) изъ удлиненныхъ паренхиматическихъ клѣточекъ, сходныхъ съ клѣточками древесинной паренхимы и в) изъ удлиненныхъ клѣточекъ съ заостренными концами и утолщенными стѣнками, клѣточекъ, окружающихъ пучекъ въ видѣ простаго слоя и соотвѣтствующихъ лубянымъ клѣточкамъ. У различныхъ папоротниковъ онъ нашелъ подобное же строеніе сосудистыхъ пучковъ, только сосудистые пучки эти не представляютъ такой правильности въ расположеніи ихъ элементовъ, такъ напр. рѣшетчатыя клѣточки обыкновенно разъединены. При этомъ онъ замѣтилъ, что клѣточки эти на продольныхъ стѣнкахъ только тогда представляютъ рѣшета, если взаимно соприкасаются. Изъ тѣхъ же элементовъ состоятъ сосудистые пучки у Lycopodiaceae (L. clavatum) и Equisetaceae; но кромѣ того онъ нашелъ въ паренхимѣ Lycopodium особыя зерна, которыя ему казались крахмальными, но они не окрашивались іодомъ.

Профессоръ Welker говорилъ о Protococcus'овидныхъ клѣточкахъ, имъ найденныхъ въ волосахъ лѣнивцевъ, которые онъ и роздалъ

членамъ. Въ волосѣ Bradipus tridactylus почти все пространство между кутикулей и сердцевиной волоса, сильно увеличенное, занято кругловатыми клѣточками, имѣющими оболочку съ двойнымъ контуромъ и зеленое зерно. Вблизи этихъ клѣточекъ встрѣчаются такія же клѣточки, соединенныя по двѣ, а также наполненныя спорами. Послѣ прокипяченія въ ѣдкомъ кали, животная ткань волоса растворяется, а эти клѣточки остаются и оболочки ихъ отъ іода и сѣрной кислоты получаютъ синій цвѣтъ. Въ волосахъ Bradipus didactylus имъ найдены подобныя же клѣточки, но отличающіяся большею величиною и менѣе многочисленными органами размноженія.

Д-ръ C. Schimper сдѣлалъ нѣсколько морфологическихъ сообщеній по поводу изложеннаго Jessen'омъ въ предыдущемъ засѣданіи; такъ, между прочимъ, онъ приводилъ случаи появленія лепестковидныхъ органовъ на листикахъ чашечки, появленія особыхъ образованій, сходныхъ съ чешуйками лепестковъ Ranunculus, на листьяхъ капусты и выразилъ свое мнѣніе касательно круговъ цвѣтка. Онъ почитаетъ чашечку первымъ кругомъ, а плодники вторымъ, тычинки же и лепестки разсматриваетъ какъ Einschaltungsgebilde. Впрочемъ, C. Schimper въ этотъ разъ, какъ и всегда, говорилъ много, но усвоить и понять все сказанное имъ очень трудно и едва ли даже возможно. Онъ сообщалъ массу фактовъ, которые наблюдалъ на 1,000 и 10,000 экземплярахъ, но факты эти сообщались безъ связи; не окончивъ говорить объ одномъ, онъ переходилъ къ другому и снова возвращался къ первому.

Предсѣдателемъ на слѣдующее засѣданіе избранъ профессоръ Schnizlein.

5-е засѣданіе подъ предсѣдательствомъ профессора Schnizlein'a. Предсѣдатель далъ на разсмотрѣніе рисунки и экземпляры уродливаго цвѣторасположенія Typha, имъ собранной около Brükenau въ 1863 году, и по этому поводу C. Schimper привелъ видѣнные имъ случаи подобной же уродливости у Sparganium, а также у Plantago major. Профессоръ Wigand изъ Марбурга говорилъ о дезорганизаціи клѣточки. По его мнѣнію, можно предположить троякій способъ образованія смолы и гумми въ растеніяхъ: 1) посредствомъ высоченія, 2) изъ содержимаго клѣточекъ и освобождающагося чрезъ разрывъ стѣнокъ, 3) изъ клѣтчатки. По его наблюденію, такъ называемые слизистые ходы Cinamommum и Althaea образуются по третьему способу; таково же образованіе смолистыхъ бородавокъ Betula ver-

rucosa изъ чечевичекъ (Lenticellen), желѣзистой массы Robinia viscosa изъ сосцевидныхъ бородавокъ, которыми въ молодости покрытъ стебель. Такъ называемые же смолистые ходы зонтичныхъ растеній образуются, по его мнѣнію, по второму способу. По третьему же способу, по его мнѣнію, вѣроятно, образуется въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сахаръ, какъ напр. въ плодахъ. Затѣмъ, упомянувъ о слѣдующей изъ сказаннаго двойной метаморфозѣ тѣлъ въ растеніяхъ, онъ выразилъ предположеніе, что быть можетъ два физіологически различные сахары соотвѣтствуютъ химическо-различнымъ сахарамъ — виноградному и кристаллическому.

Dr. C. Schimper демонстрировалъ свой способъ искусственнаго приготовленія дендритовъ, который заключается въ томъ, что на стеклянную пластинку кладутъ листокъ бумаги, который покрываютъ довольно жидкимъ слоемъ глины, смѣшанной съ водой, и на этотъ слой пускаютъ одну или нѣсколько капель окрашенной жидкости. Онъ же сообщилъ нѣсколько наблюденій надъ явленіями, представляющими сходство съ дендритами.

Предсѣдателемъ на слѣдующее засѣданіе избранъ Dr. Jessen изъ Eldena.

6-е засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Dr. Jessen'а.

Совѣтникъ лѣсоводства (Forstrath) Hartig говорилъ о дѣйствіи мороза на корни выкопанныхъ деревьевъ. Опыты его доказываютъ, что выкопанныя деревья, съ кускомъ земли а также и безъ земли, и покрытыя листвой, подвергаются одинаковому охлажденію; что въ нетронутой, необработанной почвѣ морозъ проникаетъ не глубоко, такъ что на глубинѣ 2' температура нѣсколько выше 0; что выкопанныя деревья не всѣхъ породъ пропадаютъ зимой, будучи оставлены съ глыбой земли или безъ нея и покрыты листвой. Въ этомъ послѣднемъ онъ находитъ новое доказательство справедливости своего взгляда касательно прироста, а именно, по его мнѣнію, приростъ не продолжается зимой, что онъ уже высказалъ прежде въ газетѣ охоты и лѣсоводства и противъ чего писалъ von Mohl. Онъ полагаетъ, что если бы приростъ продолжался и зимой, то всѣ деревья неминуемо погибли бы, потому что морозъ убиваетъ камбій. Затѣмъ онъ сообщилъ свои наблюденія, изъ которыхъ оказывается, что Kernholz участвуетъ въ проведеніи соковъ, но это бываетъ не во всѣхъ породахъ, а именно не замѣчается у Robinia Pseudoacacia и Quercus. Опытъ его надъ акаціей, у которой было снято кольцо наружной ткани до Kernholz и которая завяла и погибла въ дожд-

дливую погоду, доказываетъ, по его мнѣнію, справедливость мнѣнія Unger'а, по которому листья неспособны принимать водяной паръ.

Д-ръ С. Schimper сообщилъ по этому поводу, что онъ видѣлъ экземпляры Tilia, Aesculus, Castanea, Quercus и друг., у которыхъ были сняты кольца коры и которые долгое время продолжали рости, а также, что онъ видѣлъ срубленныя и лишенныя верхушекъ деревья, которыя лежа пускали вѣтки и производили слои утолщенія (вязъ три года, тополи два года), и что онъ видѣлъ, что перекладина одного креста, поставленнаго около Веймара, пустила вѣтки; а также о проницаніи мороза въ почву. Онъ же говорилъ объ особенности своихъ глазъ, и сдѣлалъ нѣсколько морфологическихъ замѣчаній касательно развѣтвленій.

Профессоръ Hofmann, какъ доказательство панспермiи демонстрировалъ Torula и Stemphylium, найденные имъ въ носовой слизи человѣка, пробывшаго до того часъ въ комнатѣ.

Учитель Lingenfelder говорилъ о развитіи вишневаго червячка.

Проф. Rossmann благодарилъ членовъ за ихъ участіе въ засѣданіяхъ и ихъ общество и указалъ на микроскопы Staydinger'а, выставленные въ аудиторіи университета.

Предсѣдатель, отъ имени секціи, выразилъ благодарность профессору Hofmann'у и секретарямъ.

Кромѣ посѣщенія собраній, члены секціи осматривали ботаническій садъ, гербарій, выставленные различными механиками и оптиками (Hartnack, Beltle, Staydinger и друг.) микроскопы и физическіе инструменты и совершили нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ Гиссена и нѣсколько поѣздокъ. Изъ этихъ поѣздокъ научный интересъ представляла только поѣздка въ замокъ австрійскаго эрцгерцога Стефана, Schaumburg, въ которомъ находится оранжерея, коллекція чучелъ и богатая минералогическая коллекція, а также въ Марбургъ, гдѣ хорошо устроенъ ботаническій садъ. Что же касается до экскурсій и поѣздокъ въ Наугеймъ и Эмсъ, то онѣ имѣли цѣлью только увеселенія членовъ.

Гиссенскій ботаническій садъ интересенъ по опытамъ, имѣющимъ значеніе ботаническо-географическое и о которыхъ я говорилъ по поводу сообщенія профессора Hoffmann'а; кромѣ того въ немъ находятся опыты надъ прививкою кленовъ, доказывающіе, что при этомъ каждый видъ сохраняетъ свойственную ему толщину слоевъ утолщенія. Растенія однолѣтнія въ этомъ саду помѣщены отдѣльно отъ многолѣтнихъ, для папоротниковъ устроенъ особый

филицстумъ, орхидеи тоже помѣщены отдѣльно, рамы оранжерей желѣзныя и оранжерейныя растенія установлены въ группахъ, при расположеніи которыхъ руководствовались принципами ботаническо-географическимъ и физіогномическимъ, а также отчасти удобствомъ поливки.

Въ Марбургскомъ саду однолѣтнія и многолѣтнія растенія помѣщены вмѣстѣ, и вся система разбросана по клумбамъ; кромѣ того, есть особенныя ботаническо-географическія группы. Особенно богатъ этотъ садъ представителями семейства хвойныхъ.

Изъ Гиссена я отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ восемь дней, которые и употребилъ для осмотра Jardin des plantes и его коллекцій. Ботаническій садъ представляетъ большой интересъ. Здѣсь, въ такъ называемой école botanique, мы находимъ расположенныя по системѣ Brogniart'а растенія всѣхъ странъ, климатовъ и почвъ. Не только однолѣтнія и многолѣтнія травы помѣщены вмѣстѣ, но вмѣстѣ же съ ними сидятъ кустарники, деревья и растенія водяныя, и каждое занимаетъ мѣсто ему соотвѣтствующее въ названной системѣ. Количество представителей громадное. Одно только жаль, что растенія эти расположены по системѣ Brogniart'а, представляющей много недостатковъ.

Кромѣ того, существуютъ особыя группы растеній альпійскихъ и новоголландскихъ и друг.; впрочемъ, растенія эти встрѣчаются и въ системѣ. Существуетъ также особая группа растеній, еще требующихъ точнаго опредѣленія, и особый отдѣлъ тератологическій, въ которомъ находятся слѣдующіе подъотдѣлы: plantes à fleurs doubles, Chloranthes, Pelariées, Prolifications и Hybrides.

Оранжереи тоже очень богаты, но большая часть ихъ растеній выставлена въ системѣ и въ группахъ въ саду. Коллекціи очень богаты.

Кромѣ того, въ Парижѣ я посѣтилъ мастерскія Hartnack'а и Nachet'а, а также познакомился съ профессоромъ Decaisne, въ которомъ нашелъ противника современнаго направленія въ микологіи. Еще я имѣлъ намѣреніе познакомиться съ профессорами Brogniart и Thulasne, но не засталъ ихъ въ Парижѣ.

Изъ Парижа я прибылъ въ Фрейбургъ въ Брейсгау, гдѣ и намѣренъ остаться до конца настоящаго семестра, который вскорѣ долженъ начаться.

Фрейбургъ, $\frac{\text{24-го сентября}}{\text{6-го октября}}$ 1864 года.

11) Магистра Бугаева.

Въ настоящее время по случаю вакацій чтеніе лекцій въ Collège de France и въ Сорбоннѣ прекратилось, поэтому мои занятія въ библіотекахъ и дома сосредоточиваются исключительно на изученіи классическихъ мемуаровъ по математическимъ наукамъ, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Особенное вниманіе я обратилъ на мемуары Либри, Лёжена Дирикле и Абеля. Мемуары Либри по теоріи чиселъ замѣчательны по тѣмъ общимъ пріемамъ, которые онъ старался внести въ теорію чиселъ. Отправляясь отъ свойствъ круговыхъ функцій, онъ выводитъ общія формулы, опредѣляющія число и сумму корней неопредѣленныхъ уравненій и конгруенцій, и, развивая ихъ, придаетъ такимъ образомъ дальнѣйшимъ своимъ изысканіямъ по теоріи чиселъ чисто аналитическій характеръ. Конечно, приложеніе этихъ формулъ къ частнымъ случаямъ приводитъ къ значительнымъ трудностямъ, зависящимъ отъ интеграціи по конечнымъ разностямъ—трудностямъ, въ которыхъ сознается и самъ Либри, но во всякомъ случаѣ подобная точка воззрѣнія имѣетъ глубокое теоретическое значеніе, и можно только удивляться тому, что его методы получили такое малое развитіе въ послѣдствіи.

Главный его трудъ «Mémoire sur la théorie des nombres» былъ помѣщенъ въ журналѣ Крелля, но онъ составляетъ непосредственное продолженіе его мемуара, помѣщеннаго въ XXVIII томѣ записокъ туринской академіи «Mémoire sur divers points d'analyse». Въ этомъ мемуарѣ собственно начато имъ изложеніе общаго начала для теоріи чиселъ. Что касается до статьи Либри «Mémoire sur les fonctions discontinues», то, не смотря на всю оригинальность ея, она содержитъ нѣкоторыя погрѣшности въ заключеніяхъ, и не можетъ, по моему мнѣнію, привести къ полезнымъ слѣдствіямъ.

Изъ сочиненій Дирикле по теоріи чиселъ заслуживаютъ особеннаго вниманія его мемуары: «Sur l'usage des séries infinies dans la théorie des nombres» и «Recherches sur diverses applications de l'analyse infinitésimale à la théorie des nombres». Въ послѣднемъ мемуарѣ Дирикле опредѣляетъ число классовъ и родовъ квадратичныхъ формъ съ положительнымъ опредѣлителемъ. Этотъ и нѣкоторые другіе его мемуары изложены, кромѣ того, въ общихъ чертахъ въ его лекціяхъ «Vorlesungen über Zahlen-Theorie».

Труды Дирикле, имѣющіе въ виду найти аналитическое выраженіе многихъ числовыхъ функцій, составляютъ одну изъ важныхъ заслугъ его въ наукѣ.

Изъ другихъ мемуаровъ я изучалъ изслѣдованія Дирикле, имѣющія въ виду доказать теорему Фермата для $n = 14$, его способъ рѣшать пеллево уравненіе помощію круговыхъ функцій и его мемуаръ, доказывающій, что число простыхъ чиселъ въ безконечно продолжающейся ариѳметической прогрессіи, обусловленной извѣстнымъ образомъ, равно безконечности.

Изъ мемуаровъ Абеля я останавливался преимущественно на общихъ его изслѣдованіяхъ по эллиптическимъ функціямъ, помѣщенныхъ въ концѣ перваго тома его сочиненій.

Парижъ, $\frac{\text{23-го сентября}}{\text{5-го октября}}$ 1864 года.

12) Кандидата А. Копылова.

О занятіяхъ моихъ въ Тюбингенѣ въ теченіи іюля мѣсяца настоящаго года могу написать немного, ибо уже показалъ въ предъидущемъ отчетѣ, какія лекціи и домашнія занятія я избралъ для себя въ лѣтнемъ семестрѣ 1864 года. Наиболѣе замѣчательными изъ чтеній проф. *Паули*, программу которыхъ я сообщилъ прежде, были касавшіяся исторіи Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ. По обыкновенію были разобраны источники и вспомогательная историческая литература, нужная для изученія указанной эпохи, и особенное вниманіе остановлено на трудахъ *Фроуда* и *Ранке*. Послѣднее изъ названныхъ сочиненій составляло предметъ моихъ домашнихъ занятій незадолго до начала лекцій, и потому мнѣ было очень удобно слѣдить за тѣми отступленіями отъ результатовъ работы Ранке, которыя встрѣчались у проф. Паули. Особенно замѣтны были эти отступленія при разборѣ дѣятельности двухъ первыхъ Стуартовъ и ихъ главныхъ орудій, какъ то Буккингама, Страффорда и пр., а также Кромвеля. Въ то время, какъ первые подвергаются обвиненіямъ въ эгоистическихъ побужденіяхъ, непониманіи окружающихъ обстоятельствъ и частомъ двуличномъ поведеніи, Кромвель является спасителемъ общества то отъ грозившаго ему деспотизма Карла I, то отъ анархіи, вносимой войскомъ и Левеллерами. Ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнить принятіе Кромвелемъ верховной власти съ подобнымъ же фактомъ въ исторіи Наполеона I, ибо во Франціи (какъ это уже замѣтилъ Ранке) соціальный пере-

воротъ былъ уже почти оконченъ въ то время, когда побѣдоносный генералъ овладѣлъ властью, въ Англіи же, напротивъ, военная власть остановила движеніе, когда оно стало подкапывать основанія общества. Узурпація была, стало быть, въ первомъ случаѣ ненужна, во второмъ — спасительна.

Дѣйствіямъ Кромвеля позднѣйшая исторія Англіи обязана результатами, о коихъ не могло бы быть и рѣчи, если бы восторжествовали принципы Стуартовъ. Если сравнить побужденія и образъ дѣйствій Карла I съ побужденіями и дѣйствіями Кромвеля, то разница обнаружится на каждомъ шагу. Карлъ I и его сыновья стараются поднять ученіе о божественномъ происхожденіи королевской власти лишь для удовлетворенія своего самолюбія и произвольнаго пользованія властью. Кромвель, будучи протекторомъ, тоже говоритъ о своемъ божественномъ назначеніи, но его власть представляется ему не цѣлью, а средствомъ служенія обществу. Правда, это общество много терпитъ отъ военнаго деспотизма, но въ этомъ виноватъ не протекторъ, а вліяніе его индепендентской арміи. За то, какъ поднялось государственное могущество Британіи, благодаря его военнымъ и правительственнымъ способностямъ.

Взглядъ Паули не новъ: онъ былъ уже высказанъ въ статьѣ его, помѣщенной въ Hist. Zeitschr. 1862. № IV. Ранке тоже отдаетъ Кромвелю справедливость за защиту общественнаго порядка отъ анархіи, но онъ не одни лишь свѣтлыя черты указываетъ въ дѣятельности протектора. Едва ли это не будетъ справедливѣе. «Если Кромвеля выставляютъ хитрымъ и вѣроломнымъ, то можно ли умалчивать о притворствѣ и лживости Карла I», говоритъ Паули (очевидно противъ Ранке). Но развѣ недостатки короля сглаживаютъ недостатки протектора? Заслуги Кромвеля обществу выставляются на видъ, производимый же его правленіемъ гнетъ ставится въ вину другимъ. Кромвель, считая свою власть происшедшей отъ Бога, полагалъ однако, что онъ долженъ служить обществу. Но кто же докажетъ, что главная цѣль его была не собственное возвышеніе? По крайней мѣрѣ поведеніе его при предложеніи ему, въ 1657 году, парламентомъ короны заставляетъ подозрѣвать, что не одно лишь безкорыстное служеніе обществу занимало его. И почему онъ не воображалъ себя посланнымъ служить обществу подъ парламентарнымъ правленіемъ? Я бы ничего не могъ возразить, если бы говорили, что позднѣйшее блистательное время англійской исторіи обязано революціи 1642 г. и дѣятельности въ ней Кромвеля, въ ка-

чествѣ полководца, но едва ли подобную заслугу можно отнести къ его дѣятельности взятой вообще. Поступки съ длиннымъ парламентомъ, уродливый способъ устройства законодательнаго правительства, въ родѣ малаго благочестиваго парламента 1653 г., способъ составленія и введенія въ дѣйствіе Ламбертовой конституціи, управленіе посредствомъ окружныхъ генералъ-маіоровъ и военной силы, контрибуціи съ роялистовъ, религіозная нетерпимость — все это такія явленія, которыя если и могли имѣть полезное вліяніе на будущее Англіи, то развѣ только своей отрицательной стороной.

Лекціи и семинарія проф. Паули, по причинѣ его отъѣзда въ Англію, окончились за двѣ недѣли до истеченія семестра; также и другой мой руководитель, проф. Тудихумъ, у коего я слушалъ privatissima по исторіи англійскаго права, долженъ былъ по домашнимъ дѣламъ уѣхать около того же времени. Вслѣдствіе этого мнѣ нечего было болѣе оставаться въ Тюбингенѣ, и я переѣхалъ въ Берлинъ, имѣя въ виду окончаніе начатой мною лѣтомъ письменной работы по нѣмецкой исторіи.

Берлинъ, 11/23 сентября 1864 года.

13) Кандидата С. Автократова.

Я познакомился со всѣми лекціями, которыя обыкновенно читаетъ Лотце, — съ его логикой, метафизикой, психологіей, философіей природы и философіей религіи.

Онѣ были для меня почти столько же полезны, какъ изученіе, напр., Спинозы или Лейбница. Не смотря на школьную форму, въ которой Лотце долженъ излагать свою философію, его мысль никогда не утрачиваетъ истинно-философской силы и свободы.

Такъ какъ III томъ Лотцева микрокозмоса вышелъ очень недавно, и я еще не успѣлъ его изучить, какъ слѣдуетъ, то общій подробный отчетъ о Лотцевой философіи мнѣ приходится отложить на нѣкоторое время.

Продолженный срокъ моей командировки я главнымъ образомъ употребляю на изученіе философской литературы и составленіе программъ для моихъ собственныхъ лекцій. Впрочемъ это, надѣюсь, не помѣшаетъ мнѣ въ теченіе слѣдующаго семестра ближе познакомиться съ двумя лучшими знатоками древней греческой философіи — Тренделенбургомъ и Группе.

Геттингенъ, 8-го октября 1864 года.

14) Кандидата Льва Ждановича.

Отъ занятій политикою, о которыхъ я писалъ въ моемъ прошломъ отчетѣ, я перешелъ къ изученію нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ экономіи и финансовъ.

Сначала я занимался вопросомъ о рабочихъ ассоціаціяхъ, и для этого прочиталъ: «Vorschuss und Creditvereine als Volksbanken» Шульце-Делича, «Capital und Arbeit» Лассаля, «Genossenschaften» Пфейфера, Englische Armenpflege» Криза (Kries), «Le crédit populaire» Батби (Batbie) и Абріаля «Du crédit et des institutions du crédit dans leurs rapports avec le travail et le bien-être des classes peu aisées». Нѣкоторыя же вещи по поводу этого вопроса были уже мною прочитаны прежде, напримѣръ: «О рабочемъ классѣ» Тернера, Шульце-Делича «Associationsbuch für deutsche Handwerker und Arbeiter» и другія.

Читая о банковыхъ учрежденіяхъ для рабочаго кредита, я нашелъ нужнымъ перейти потомъ къ изученію всѣхъ подробностей банковаго устройства; поэтому, окончивъ занятія рабочими ассоціаціями, прочелъ сначала кратенькую исторію происхожденія и развитія банковаго устройства въ «Grundzüge der national Oekonomie» Макса Вирта, а потомъ изучалъ сочиненіе Курсель-Сенёля въ переводѣ и съ дополненіями г-на Безобразова: «Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе». Изученіемъ этого прекраснаго труда я остался очень доволенъ; ясность изложенія, послѣдовательность, а особливо практичность составляютъ его отличительныя черты. Особенно мнѣ было пригоднымъ найти въ этой книгѣ прибавленіе: о банкахъ въ Россіи. Живя заграницею болѣе полутора года, я изрядно отсталъ отъ русскаго финансоваго законодательства; прочтеніе же означеннаго отдѣла дало мнѣ возможность припомнить кое-что изъ позабытаго. Въ дополненіе къ вышеозначенному сочиненію я прочелъ еще нѣкоторые отдѣлы книги Вагнера: «Beiträge zur Lehre von den Banken».

Въ настоящее время читаю вышедшее на дняхъ сочиненіе профессора Дитцеля: «Die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat». Оригинальность взгляда, высказанная авторомъ въ анализѣ отношеній народнаго хозяйства къ государству, до того самостоятельна и поразительно нова, что появленіе этого сочиненія вѣроятно дастъ новый толчекъ наукамъ экономическимъ и государственнымъ, не только въ ихъ движеніи впередъ, но и въ самомъ характерѣ ихъ направленія. Вообще появленіе въ германской лите-

ратурѣ ученыхъ сочиненій съ вполнѣ самостоятельными и оригинальными взглядами составляетъ большую рѣдкость въ настоящее время, особливо по части экономіи и государственнаго права; вмѣсто оригинальности, то и дѣло, что встрѣчаешь на каждомъ шагу одну только перестановку старыхъ матеріаловъ и матерій на новый ладъ, да кропотливую выработку систематизаціи. Прочитавъ означенное сочиненіе Дитцеля, располагаю заняться рецензіею онаго, которую и постараюсь сообщить въ свое время въ одинъ изъ русскихъ журналовъ.

Гейдельбергъ, $^{11}/_{23}$ сентября 1864 года.

15) Кандидата Н. Таганцева.

Воспользовавшись окончаніемъ лѣтняго семестра, я съѣздилъ на нѣсколько недѣль въ Эльзасъ, чтобы поближе познакомиться съ французскимъ судопроизводствомъ и съ французскою тюремною системою. Рекомендательное письмо, полученное мною отъ проф. Миттермайера, доставило мнѣ самый радушный пріемъ у страсбургскаго проф. международнаго права г. Геппа, при посредствѣ котораго я познакомился съ весьма многими членами суда и адвокатами Страсбурга и получилъ отъ префекта оффиціальное позволеніе осмотрѣть всѣ тюрьмы и другія судебныя и административныя учрежденія департамента. Мое пребываніе въ Страсбургѣ совпало съ осеннею сессіею ассизъ, которыя я и посѣщалъ постоянно. На зиму я переѣхалъ въ Берлинъ, и намѣренъ прослушать здѣсь курсъ проф. Гольцендорфа; пока, до начала лекцій, я работаю дома и довольно часто посѣщаю здѣшніе суды, потому что нахожу, что изученіе практики и знакомство съ юристами-практиками въ высшей степени полезны для какихъ бы то ни было теоретическихъ занятій.

Въ этомъ отчетѣ я хочу представить небольшой очеркъ системы наказаній лишеніемъ свободы во Франціи, основываясь отчасти на видѣнномъ мною лично, а главнымъ образомъ, руководствуясь оффиціальными отчетами и сочиненіями, указанными мною ниже.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что вся система этихъ наказаній раздѣляется на два большіе отдѣла: наказаній за преступленія политическія и за преступленія общія; оба вида различаются между собою юридическими послѣдствіями и самымъ способомъ отбытія наказаній. Но впрочемъ различіе, твердо установленное еще кодексомъ 1810 года, было отчасти нарушено нынѣшнимъ прави-

тельствомъ, по законамъ 1851 и 1858 г., по которымъ ему дано было право ссылать въ видахъ общественной безопасности, административнымъ путемъ, лицъ замѣшанныхъ въ преступленіяхъ политическихъ, вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками (см. ниже). Я начну съ очерка наказаній за политическіе проступки.

Самую низшую ступень между ними занимаетъ détention. Оно введено съ 1832 г., хотя, какъ административная мѣра, употреблялось и ранѣе. Оно назначается за менѣе значительныя политическія преступленія *) какъ напр.: за сношенія съ державами воюющими съ Франціею, если только эти сношенія могли быть опасными для государства; за составленіе заговора для низверженія существующаго порядка управленія, или противъ лица императора и его семейства, если еще его исполненіе не начато и т. д. Срокъ détention полагается отъ 5 до 20-ти лѣтъ, съ изъятіемъ только одного случая: самовольнаго возвращенія изгнанника, когда заключеніе соразмѣряется съ продолжительностью срока изгнанія. По закону (ст. 20) это наказаніе должно быть отбываемо въ одной изъ крѣпостей, расположенныхъ внутри государства **). Заключенные могутъ имѣть сношенія съ лицами, живущими въ крѣпости; работа для нихъ не обязательна, но правительство даетъ имъ, по ихъ просьбѣ, необходимые матеріалы. Число приговоренныхъ къ заключенію очень не велико; съ 1832 по 1860 г. всего было 174 человѣка, но, впрочемъ, прежде число дѣйствительно находящихся въ крѣпостяхъ было значительно больше, потому что тамъ оставались почти всѣ политическіе преступники, приговоренные къ ссылкѣ; послѣ же амнистіи 1859 г., какъ свидѣтельствуетъ отчетъ за 1862 г. инспектора тюремъ Перро, крѣпость въ Костѣ осталась совершенно пуста.

Вторую ступень составляетъ политическая ссылка, или простая депортація (déportation simple), введенная кодексомъ 1791 года и окончательно сформированная въ 1810 году. Она назначалась за политическія преступленія, не влекущія за собою смертной казни. По ст. 17 Code pénal, приговоренные къ депортаціи должны быть высылаемы, на вѣчное жительство, въ мѣсто, опредѣленное прави-

---

*) Оно полагается въ случаяхъ предвидѣнныхъ ст. 33, 78, 81, 89, 90, 91, 200, 205 Code pénal.

**) Первоначально для него была назначена цитадель Mont S. Michel; потомъ Doullens, съ 1850 г. Belle-Isle en mer и наконецъ съ 1858 г. крѣпость de Coste въ Корсикѣ.

тельствомъ, внѣ континента Франціи. Но такъ какъ мѣсто для ссылки не было опредѣлено, то приговоренные оставались, по административному распоряженію, пожизненно въ одной изъ французскихъ крѣпостей. Въ оправданіе этого произвольнаго усиленія наказанія правительство приводило довольно гуманныя основанія, что всѣ французскія колоніи, которыя могли бы быть назначены для подобной ссылки, отличаются или такимъ нездоровымъ климатомъ, или температура ихъ такъ высока, что всякія работы дѣлаются гибельны, а потому, подвергнуть осужденныхъ депортаціи, значило бы обречь ихъ на вѣрную смерть, или, по крайней мѣрѣ, на страшныя бѣдствія. Законъ 1832 г. прекратилъ этотъ произволъ, разрѣшивъ законнымъ образомъ правительству замѣнять депортацію вѣчнымъ крѣпостнымъ заключеніемъ, если мѣсто для ссылки не будетъ опредѣлено. Наконецъ комиссія 1850 г. рѣшилась осуществить предписаніе закона; мѣстомъ для ссылки былъ назначенъ островъ Нукагива, одинъ изъ острововъ Маркизскихъ въ Тихомъ океанѣ. Ссыльные должны были занимать тамъ опредѣленную часть острова и находиться, хотя и на свободѣ, но подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Впрочемъ и это опредѣленіе осталось собственно на бумагѣ; правительство находило удобнѣе держать болѣе важныхъ преступниковъ поближе къ себѣ въ крѣпостяхъ, а для массы нашлось отличное успокоительное средство — ссылка въ Каенну, куда отправили напр. всѣхъ декабристовъ 1851 г. Только для вида была сыграна небольшая комедія въ 1851 году: на Нукагиву было сослано трое политическихъ преступниковъ, приговоренныхъ ліонскимъ военнымъ судомъ; съ ними отправились и ихъ семейства; на островѣ все было приготовлено къ ихъ прибытію, устроена небольшая крѣпость, вмѣстѣ съ преступниками присланъ небольшой отрядъ солдатъ и 10 человѣкъ жандармовъ, чтобы, какъ замѣчаетъ Гольцендорфъ, воспрепятствовать опаснымъ для государства сношеніямъ ихъ съ дикими и чтобы напоминать имъ отечество. Впрочемъ, губернатору предписано было обходиться съ ними по возможности кротко, для нихъ былъ устроенъ родъ коммуны съ отдѣльными помѣщеніями, но съ общею залою, съ общимъ столомъ и т. д.; для нихъ былъ посланъ даже особый духовникъ и съ нимъ небольшая библіотека. Только оказалось, что жители коммуны обладаютъ совершенно различными характерами, и общая зала обратилась для нихъ вскорѣ въ самое сильное наказаніе. Черезъ 2 года они были помилованы и затѣмъ

ссылка de facto прекратилась, стоивъ правительству 150,000 fr. *). Большинство же приговоренныхъ, какъ я уже замѣтилъ, оставалось въ крѣпостяхъ; всего съ 1816—60 г. было приговорено къ депортаціи 178 человѣкъ, хотя это число распредѣлялось далеко не поровну между годами, но совпадало съ временами политическихъ переворотовъ, или, лучше сказать, съ годами реакцій, слѣдовавшихъ за этими переворотами. Такимъ образомъ изъ общаго числа приговоренныхъ приходилось въ 1816—18 г. — 114, 1831—33 г. — 23, 1848—49 г. — 10, 1853—55 г. — 20 **).

Третью высшую ступень составляетъ политическая ссылка въ укрѣпленное мѣсто, внѣ французскаго континента (La déportation dans une enceinte fortifiée), введенная закономъ 1850 года для нѣкоторыхъ политическихъ преступленій, которыя до 1848 года влекли за собою смертную казнь, какъ-то за личныя оскорбленія членовъ императорской фамиліи и за покушенія ниспровергнуть правительство. Проектъ закона предполагалъ соединить ее съ заточеніемъ въ крѣпость на мѣстѣ ссылки, но палаты нашли это слишкомъ строгимъ и ограничились только заключеніемъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Она назначается, какъ и простая депортація, пожизненно, вся разница между ними состоитъ въ большей строгости содержанія и въ запрещеніи пользоваться гражданскими правами даже на мѣстѣ ссылки. Законъ 1850 года назначилъ мѣстомъ ея отбытія тоже одинъ изъ Маркизскихъ острововъ Tahuata, имѣющій до 20,000 жителей и въ томъ числѣ небольшую европейскую колонію. Впрочемъ до сихъ поръ это наказаніе не было еще ни разу примѣнено.

До 1850 года депортація сопровождалась всегда гражданскою смертью, т. е. потерею всѣхъ имущественныхъ и семейныхъ правъ; § 3 закона 1850 года уничтожилъ примѣненіе гражданской смерти при депортаціи и замѣнилъ ее par dégradation civile и interdiction légale; въ силу послѣдняго, преступники лишаются права располагать своими имуществами, дѣлать завѣщанія, равно какъ и наслѣдовать по завѣщанію. Впрочемъ, при простой депортаціи начальству предоставлено право разрѣшать ссыльнымъ пользованіе нѣкоторыми гражданскими и имущественными правами.

Таковъ первый отдѣлъ французскихъ наказаній лишеніемъ свободы; какъ мы уже видѣли, онъ не имѣетъ никакого практическаго

*) Béranger, de la répression pénale 1855 г. Т. I, стр. 431

**) Ortolan, Éléments de droit pénal, 1863 г. Т. II, № 1524.

значенія, особенно теперь. Самъ же по себѣ, особенно въ двухъ высшихъ видахъ, онъ является черезъ чуръ жестокимъ, потому что пожизненное удаленіе изъ родины, пожизненное лишеніе правъ гражданскихъ и имущественныхъ дѣлаютъ его тяжелѣе каторжныхъ работъ, а между тѣмъ онъ назначается за преступленія, далеко не представляющія той же опасности для общества, или той же степени безнравственности.

Я перехожу теперь къ отдѣлу наказаній для обыкновенныхъ преступниковъ.

1) Первую степень представляетъ Emprisonnement de simple police, т. е. кратковременный арестъ не свыше 5 дней; хотя законъ и ничего не говоритъ о мѣстахъ для исполненія этого рода наказанія, но еще министерскимъ приказомъ 1810 г. велѣно устроить для нихъ особенныя prisons municipales или cantonales, которыя находятся въ каждомъ округѣ мироваго судьи. По своей непродолжительности это наказаніе не имѣетъ никакого исправительнаго значенія, а потому и устройство этихъ тюремъ очень просто. Приговоренные содержатся вмѣстѣ, работы для нихъ не обязательны и не существуютъ въ большинствѣ тюремъ; помѣщеніе довольно грязное. Число приговоренныхъ къ этому наказанію постоянно увеличивается; съ 1826—30 г. было въ годъ по 5,492 наказанныхъ, а съ 1851—60 г. было 27,668 наказанныхъ *).

2) Вторую ступень занимаетъ тюремное заключеніе отъ 6 дней до 5 лѣтъ включительно, а для рецидивистовъ 10 лѣтъ. Законъ назначаетъ для отбытія этого наказанія особыя prisons correctionnelles, но такъ какъ до сихъ поръ онѣ еще не были выстроены, то на практикѣ это наказаніе раздѣляютъ на 2 вида: менѣе 1 года и 1 дня и болѣе этого срока и каждый изъ нихъ отбывается въ различныхъ тюрьмахъ.

Для перваго назначены prisons départementales, представляющія, по отзыву почти всѣхъ французскихъ писателей, одно изъ самыхъ печальныхъ явленій французской тюремной системы. Онѣ отличались до послѣдняго времени отъ всѣхъ остальныхъ тюремъ тѣмъ, что управлялись совершенно независимо; строились онѣ на счетъ департамента, бюджетъ получали тоже отъ него, а потому находились въ зависимости отъ его муниципальнаго совѣта. Департаменты же, по видимому, обращали весьма небольшое вниманіе на эти заве-

*) Ibid. № 1540.

денія, такъ что Беранже замѣчаетъ, что они не удовлетворяли не только требованіямъ человѣчности и морали, но даже и предписаніямъ закона. Code напр. предписываетъ раздѣлять арестантовъ подслѣдственныхъ отъ осужденныхъ, а между тѣмъ во всей Франціи prisons départementales соединялись съ maisons d'arrêt или de justice, такъ что осужденные находятся вмѣстѣ съ подсудимыми. Кромѣ того, къ этимъ двумъ родамъ арестантовъ присоединяются еще: заключенные за долги частнымъ лицамъ, или государству (contraints par corps); малолѣтніе, отданные туда въ силу родительской власти; каторжники, ожидающіе ссылки; осужденные, подавшіе аппеляцію, или вошедшіе съ просьбою о кассаціи и т. д. Въ большинствѣ тюремъ не было даже раздѣленія на кварталы, а Беранже говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывало, что и женщины помѣщались въ тѣхъ же зданіяхъ; жалобы раздавались со всѣхъ сторонъ, и наконецъ правительство рѣшилось измѣнить систему: съ 1-го января 1856 года тюрьмы поступили въ распоряженіе министерства и содержатся на счетъ правительства. Реформа ихъ пошла довольно быстро, но еще въ 1862 году въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ инспекторъ тюремъ сознается, что еще не болѣе $^2/_3$ удовлетворяютъ требованіямъ закона, т. е., что въ нихъ устроено раздѣленіе на кварталы; полнаго раздѣленія не существуетъ даже въ сенскомъ департаментѣ*). По отчету за 1862 г. изъ 404 департаментскихъ тюремъ только 18 назначены исключительно для наказанныхъ; да и тѣ содержатся далеко не блистательно, въ чемъ и я могъ убѣдиться по страсбургской тюрьмѣ, которая считается еще одною изъ лучшихъ. Оффиціальное различіе между осужденными и другими арестантами состоитъ въ томъ, что первые обязаны работать, носить тюремное платье, имъ запрещено видѣться

---

*) Для доказательства я приведу изъ послѣдней статистики цифры заключенныхъ въ тюрьмахъ сенскаго департамента, къ 1-му декабря 1862 года:

Mazas. 909 подсудимыхъ, 5 подавшихъ аппеляцію или просьбы о кассаціи, 4 ожидавшихъ пересылки на каторгу или въ рабочій домъ, 89 осужденныхъ исправительною полиціею на время 1 года, 4 осужденныхъ на время болѣе 1 года и оставленныхъ въ видѣ исключенія. — S. Lazare, Madelonnettes и S. Pelagie, 266 подсудимыхъ, 44 аппелирующихъ, 57 ждущихъ пересылки; 1,349 осужден. на время менѣе года, 60 свыше 1 года, 2 осуж. за долги, 414 арестов. админ. путемъ; 21 малолѣт. приговор. на время менѣе 6 мѣс.; 86 прислан. въ силу родительской власти. — Такое же смѣшеніе господствуетъ въ La Roquette, S. Denis, Maison de justice; только Клиши носитъ исключительный характеръ. См. Statistique centrale des prisons pour l'année 1862, Paris 1854, стр. 118 — 119.

съ родными и т. д. Работаютъ и спятъ арестанты вмѣстѣ, за исключеніемъ 43 тюремъ, въ которыхъ, къ 1-му декабря 1862 г., было введено одиночное наказаніе (въ томъ числѣ знаменитый Mazas). Работа хотя по закону для заключенныхъ и обязательна, но, во время поступленія тюремъ въ вѣдомство министерства, она не существовала въ большей половинѣ и даже въ 1862 г. она не была еще введена въ 29 тюрьмахъ, а потому тамъ арестанты положительно бездѣльничали; въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ не существовало ни церкви, ни духовника, не говоря уже о какомъ нибудь ученіи. Этимъ объясняется значительное число дисциплинарныхъ наказаній, состоявшихъ изъ сажанія на хлѣбъ и на воду, одиночнаго заключенія и кандалъ въ болѣе важныхъ случаяхъ. Число заключенныхъ въ департаментскихъ тюрьмахъ весьма значительно; ежегодно обращается до 200,000; а въ наличности, напр., къ 1-му декабря 1862 г. состояло 17,531; содержаніе ихъ обходится до $7^1/_2$ милл. фр. Изъ сказаннаго до сихъ поръ не такъ трудно вывести оцѣнку этихъ заведеній. При смѣшеніи лицъ совершенно различной испорченности, различнаго возраста; при отсутствіи всякихъ исправительныхъ элементовъ, даже часто работы, — эти тюрьмы не могутъ имѣть никакого репрессивнаго вліянія, а потому большинство лицъ, побывавшихъ тамъ, въ непродолжительномъ времени совершаетъ новыя преступленія, увеличивая постоянно число рецидивистовъ.

Что касается до тюремнаго наказанія свыше одного года, то особенныхъ тюремъ для него не существуетъ, а оно отбывается вмѣстѣ съ reclusion въ maisons centrales de détention, къ которымъ я теперь и перейду.

3) По 21 ст. Code pénal, приговоренные къ reclusion должны быть содержимы въ особыхъ maisons de force, рабочихъ домахъ; но такъ какъ на практикѣ эти дома были соединены съ простыми тюрьмами, то они и получили общее названіе центральныхъ тюремъ. По закону 1851 г., къ арестантамъ этихъ двухъ разрядовъ прибавлены еще всѣ женщины, приговоренныя къ каторгѣ, а съ 1854 г. и мужчины старѣе 60 лѣтъ *). Такимъ образомъ, народонаселеніе maisons centrales состоитъ изъ трехъ разрядовъ: каторжниковъ, приговоренныхъ къ рабочему дому, и къ тюрьмѣ. Впрочемъ, по закону, для каждой изъ этихъ категорій должны существовать особенные от-

*) Въ послѣднее время всѣ каторжники старѣе 60 лѣтъ помѣщаются въ особой тюрьмѣ въ Belle-Isle en mer.

дѣлы; а въ 1861 г. было сдѣлано предложеніе составить еще раздѣленіе по возрасту, и всѣхъ заключенныхъ отъ 16—20 лѣтъ посылать въ особыя тюрьмы, въ которыхъ бы обращалось болѣе вниманія на ихъ воспитаніе, былъ бы устроенъ иной способъ и выборъ работъ и т. д. Проектъ этотъ не прошелъ, но за то въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ изъ лицъ этого возраста составлены особенные отдѣлы, какъ напр. я это видѣлъ въ женскомъ рабочемъ домѣ въ Haquenau. По послѣднему тюремному отчету за 1862 годъ, во Франціи существуетъ всего 27 maisons centrales, изъ которыхъ 19 назначены для мужчинъ и 8 для женщинъ.

Во всѣхъ этихъ домахъ принята система общаго заключенія и, притомъ, въ очень не многихъ по образцу оборнскому, т. е. съ раздѣленіемъ на ночь. Эта система подвергается впрочемъ сильному порицанію со стороны всѣхъ лучшихъ французскихъ криминалистовъ, занимавшихся этимъ предметомъ, какъ напр. Токвиль, Лука, Беранже и др. Даже само правительство сознавало ея недостатки и хотѣло замѣнить ее, навсегда, одиночною системою; такъ напр. министръ внутреннихъ дѣлъ, Монталиве, въ чрезвычайно интересномъ циркулярѣ 1837 года, спрашивая мнѣнія префектовъ и муниципальныхъ совѣтовъ о тюремныхъ реформахъ, самъ высказывается въ пользу целлюлярной системы; потомъ изъ 72 отвѣтовъ, полученныхъ имъ, 56 также склоняются на ея сторону *). Затѣмъ, въ 1840 и 1843 году проектъ введенія одиночной системы былъ даже внесенъ въ палаты и во 2-й палатѣ былъ уже принятъ, но верхняя палата не согласилась, опираясь на мнѣніе кассаціоннаго суда, что подобное нововведеніе измѣняетъ всю существующую систему и вводитъ однообразіе наказаній, вмѣсто требуемаго закономъ разнообразія (!). Потомъ проектъ былъ еще разъ внесенъ, въ 1847 году, и погибъ вмѣстѣ съ Бурбонами. Новое правительство пришло къ другому убѣжденію; министръ въ циркулярѣ 1853 года высказался прямо, что правительство отказалось отъ одиночной системы и довольствуется только введеніемъ дѣленія на категоріи, и не смотря на протесты, сдѣланные противъ этого положенія нѣкоторыми департаментами, система общаго заключенія была признана господствующею.

---

*) Всѣ эти документы напечатаны у Moreau-Christophe — Code des prisons, 1846—62, T. I, стр. 223—234.

Точной законной регламентаціи внутренняго быта тюрьмы до сихъ поръ еще нѣтъ: законъ говоритъ только, что работа для нихъ обязательна; всѣ остальныя правила установлены административнымъ путемъ, циркулярами министра. Самый вопросъ о работѣ подвергался въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ весьма значительнымъ перемѣнамъ. Всего важнѣе былъ декретъ временнаго правительства 24-го марта 1848 года, вызванный бѣдственнымъ положеніемъ пролетаріевъ въ Парижѣ и побѣдою демократіи. Временное правительство объявляло, что такъ какъ работа арестантовъ, содержимыхъ на счетъ государства, производитъ гибельную конкуренцію работникамъ свободнымъ и честнымъ; что такъ какъ вышиванье и другія женскія работы, организованныя въ тюрьмахъ и домахъ убѣжища, такъ понижаютъ цѣну этихъ произведеній, что матери, жены и дочери свободныхъ работниковъ, не смотря на усиленное прилежаніе и на ужасныя лишенія, не въ состояніи заработывать самыя ничтожныя суммы, то, находя невозможнымъ поддерживать подобный порядокъ дѣла, распространяющій нищету и безнравственность, правительство постановляетъ закрыть всякія работы въ тюрьмахъ. Какія ужасныя послѣдствія должно было имѣть это постановленіе, можно уже видѣть изъ того, что черезъ мѣсяцъ само правительство въ циркулярахъ, разосланныхъ по тюрьмамъ, объясняло: что вышеприведенный декретъ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что уничтожается только бывшій до тѣхъ поръ способъ работъ, что правительство знаетъ хорошо само, что съ уничтоженіемъ работъ не возможно никакое исправленіе и даже тюремная дисциплина; на этомъ основаніи оно и предлагаетъ директорамъ самимъ пріискать способы производства работъ, безъ вреда свободному рынку. Затѣмъ законъ 9-го января 1849 года формально возстановилъ работы и запретилъ только продажу ихъ произведеній на рынкахъ, во избѣжаніе конкуренціи, а потому они главнымъ образомъ должны были удовлетворять потребностямъ самихъ же тюремъ; наконецъ законъ 1852 года нашелъ, что и это условіе слишкомъ стѣснительно для тюремъ, что поэтому весьма большое число арестантовъ остаются безъ дѣла, что, кромѣ того, работа арестантовъ по отношенію къ свободному труду слишкомъ незначительна, чтобы внушать опасность конкуренціи, (т. е. высказалъ мнѣніе діаметрально противоположное 1848 года), а потому, кромѣ работъ, предназначенныхъ для тюремъ, арестанты могутъ заниматься и промыслами. Сверхъ того, новый законъ прибавлялъ, что они могутъ быть употребляемы

и на общественныя работы внѣ тюремъ *); такимъ образомъ напр. арестанты въ Клерво были употреблены на постройку желѣзной дороги; на этомъ же основаніи были открыты земледѣльческія работы въ тюрьмѣ Chiavari въ Корсикѣ, затѣмъ въ Fautenevrault и наконецъ, съ 1-го января 1862 года, въ новой тюрьмѣ въ Корсикѣ — въ Carabionda; арестанты употребляются тамъ на обработку полей, разведеніе плодовыхъ деревьевъ, хорошихъ породъ скота, проложеніе дорогъ и т. д. Первое время въ корсиканскихъ тюрьмахъ господствовала ужасная смертность, но съ каждымъ годомъ положеніе ихъ улучшается болѣе и болѣе.

Въ большинствѣ тюремъ всѣ промысловыя работы отданы антрепренерамъ, въ остальныхъ онѣ ведутся на счетъ казны. Система откупа (l'entreprise générale), составляющая характеристическую особенность французскихъ тюремъ, господствовала до 1842 г. во Франціи безраздѣльно; откупщикъ принималъ на себя, по извѣстной таксѣ, поставку всѣхъ матеріаловъ и продуктовъ, необходимыхъ для тюрьмы (платье, топливо, пищу, рабочіе матеріалы), съ другой стороны всѣ промысловыя работы дѣлались исключительно по его заказу; онъ платилъ за нее поденно или поштучно, также по установленному тарифу **). Кромѣ выгодъ получаемыхъ отъ продажи, онъ удерживалъ еще по закону $^3/_{10}$ изъ суммы, слѣдующей за работу, что и составляло весьма выгодный оборотъ. Съ 1842 г. правительство стало вводить, по примѣру Бельгіи, производство работъ на собственный счетъ (Système de la régie); оно разсчитывало, что въ такомъ случаѣ часть слѣдующая откупщику будетъ оставаться въ экономіи и что кромѣ того работы могутъ быть болѣе примѣнены къ нуждамъ заведенія; и дѣйствительно, по словамъ Беранже, доходы тюремъ, въ которыхъ было введено régie, стали постоянно увеличиваться и новая система распространялась все болѣе и болѣе, пока наконецъ законы 1848 и 1849 гг. не измѣнили совершенно порядка дѣлъ. Съ 1852 года начался новый поворотъ, причины котораго впрочемъ неизвѣстны; система régie стала снова изчезать и теперь сохранилась только въ 4-хъ заведеніяхъ.

Съ финансовой и экономической точки зрѣнія вопросъ о преимуществахъ той или другой системы очень споренъ, и много людей

---

*) Moreau-Christophe, T. II, стр. 154, 156, 169, 230 и T. III, стр. 80.

**) По закону 1852 г., эта такса составляется ежегодно дирекціею тюрьмы, просматривается префектомъ и торговымъ совѣтомъ департамента и утверждается министромъ. Она не можетъ быть ниже средней заработной цѣны для того мѣста.

знающихъ стоятъ за откупное начало; но финансовая сторона въ тюрьмахъ занимаетъ все-таки второстепенное мѣсто; по отношенію же къ репрессивности наказанія, откупъ положительно вреденъ. На первомъ планѣ становятся здѣсь выгоды антрепренера, и очевидно, что онъ напр. выбираетъ работы, сообразуясь съ запросами рынка, а не съ потребностями арестантовъ; и выбираетъ притомъ по большей части работы машинныя, требующія очень мало времени для пріученія къ нимъ, не обращая вниманія на то, пригодятся ли онѣ арестанту по выпускѣ изъ тюрьмы или нѣтъ, и какое вліяніе имѣютъ онѣ на его здоровье. Захочетъ ли начальство увеличить количество времени, назначаемое на ученье, перемѣнить порядокъ работъ и т. д., всегда и во всемъ оно встрѣчается съ интересами откупщика; правда, что онъ вполнѣ подчиненъ тюремному начальству, но вѣдь онъ поставляетъ всѣ принадлежности для содержанія тюремныхъ чиновниковъ, а люди, все таки люди, да и услуга ихъ такъ не велика. Въ Haquenau работы состояли главнымъ образомъ въ вышиваньи, въ шитьи мужскихъ рубашекъ и воротничковъ, вязаньи шерстяныхъ фуфаекъ и т. д. Большинство работъ производилось при помощи машинъ и отличалось чрезвычайною красотою и чистотою отдѣлки; часть арестантокъ употреблялась также для работъ домашнихъ.

Я уже сказалъ, что, изъ суммъ получаемыхъ за работу, $^3/_{10}$ остаются откупщику, а остальныя $^7/_{10}$ идутъ въ пользу тюрьмы и арестантовъ. Съ 1843 г. величина заработной платы, получаемой арестантами, опредѣлена закономъ и распредѣлена по разрядамъ, а именно: приговоренные къ тюремному заключенію получаютъ $^5/_{10}$, къ рабочему дому $^4/_{10}$ и къ каторгѣ $^3/_{10}$; затѣмъ для рецидивистовъ она понижается на $^1/_{10}$, и наконецъ она можетъ быть еще понижена или же повышена на $^1/_{10}$ за дисциплинарные проступки, такъ что maximum $^6/_{10}$ и minimum $^1/_{10}$. Эта часть опять подраздѣляется на 2 отдѣла — pécule disponible или denier de poche и pécule de réserve, который выдается преступнику, при оставленіи имъ тюрьмы; карманныя же деньги арестантъ можетъ употреблять или на покупку какихъ нибудь вещей, въ видѣ добавленія къ казенному платью, или посылать домой, или наконецъ прибавлять что нибудь къ своему обѣду *); онъ можетъ покупать въ cantine (родъ буфета) порціи мяса, молока,

*) Обѣдъ состоитъ обыкновенно изъ супа, овощей и хлѣба, по праздникамъ говядина.

масла по очень дешевой цѣнѣ; до 1839 года тамъ можно было достать даже вино и табакъ, но послѣ это было строго запрещено.

Работы должны производиться въ полномъ молчаніи, только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ можно спрашивать сосѣда и то шопотомъ, даже и надзирателямъ говорить безъ нужды запрещено. Этими мѣрами хотѣли замѣнить отсутствіе одиночнаго заключенія и устранить вліяніе арестантовъ другъ на друга; но какъ трудно достигается это, особенно во Франціи, можно заключить изъ количества дисциплинарныхъ наказаній за нарушеніе этого запрещенія, напр. въ 1862 году изъ 66,398 наказанныхъ на его долю падало 37,569, слѣдовательно болѣе половины; да кромѣ того, какъ говорилъ мнѣ инспекторъ тюрьмы, и надзиратели не слишкомъ придерживаются буквы закона и часто смотрятъ сквозь пальцы на подобныя нарушенія.

Это молчаніе должно соблюдаться не только во время работъ, но и во время обѣда, отдыха, прогулокъ въ саду, которыя бываютъ 2 раза въ день по ½ часу и т. д.

Наказанія налагаются особымъ дисциплинарнымъ судомъ, состоящимъ изъ директора и его помощниковъ; наказанія, налагаемыя имъ, состоятъ: въ лишеніи права получать что нибудь изъ cantine, въ запрещеніи прогулокъ, въ заключеніи въ отдѣльную келью съ работами или безъ нихъ (cachot) и въ самыхъ важныхъ случаяхъ le fer. Изъ всѣхъ этихъ наказаній, особенно печальною извѣстностью пользовались cachots.; Беранже говоритъ, что напр. прежде въ Mont-S.-Michel они были лишены дневнаго свѣта; что такъ какъ въ нихъ не полагалось ни скамей, ни стульевъ, то преступнику приходилось или стоять, или лежать на сырой землѣ; онъ прибавляетъ что и въ 1855 году еще во многихъ тюрьмахъ ихъ устройство было весьма неудовлетворительно и вредно для здоровья *). Въ Haguenau, они устроены впрочемъ весьма хорошо; это небольшія, но свѣтлыя и сухія комнаты, расположенныя въ Souterrain; на одной сторонѣ ихъ находится широкая скамья, на которой спитъ преступникъ на тюфякѣ, или безъ него, смотря по степени наказанія.

Обученіе въ тюрьмахъ заключается въ чтеніи, письмѣ, начальной ариѳметикѣ и грамматикѣ и обученіи закону Божію; но на все это посвящается очень не много времени, не болѣе 2 часовъ въ недѣлю, и кромѣ того 1 часъ на богослуженіе и проповѣдь. Резуль-

---

*) Beranger, T. I, стр. 296.

таты обученія, даже по оффиціальной статистикѣ, весьма не утѣшительны.

Состояніе здоровья въ тюрьмахъ хотя постоянно улучшается, но все еще далеко не удовлетворительно. Въ 1847 г., по словамъ Беранже, въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ умиралъ 1 на 13, а въ другихъ 1 на 6 или 7, то есть около 17%; въ 1862 г., хотя этотъ процентъ значительно понизился и дошелъ до $4^1/_2$%, но онъ все еще много выше нормальной цифры во Франціи, $2^1/_2$, и притомъ распредѣляется слишкомъ не равно между различными тюрьмами, такъ напр. въ Carabionda онъ стоялъ $8^1/_2$%. Интересно прослѣдить напр. улучшеніе здоровья въ Chiavari; тамъ въ 1855 г. смертность была 42%; въ 1857 году—23%, въ 1858—10%, а теперь упала ниже другихъ тюремъ на 3%. Беранже замѣтилъ въ 1855 г. что въ среднемъ выводѣ приговоръ на 10 л. reclusion почти равняется приговору къ смертной казни. Онъ хотѣлъ было указать вліяніе на здоровье продолжительности наказанія, рода преступленія и т. д., но данныя, на которыхъ онъ строитъ, слишкомъ незначительны, чтобы достигнуть какихъ нибудь результатовъ.

Надзоръ за арестантами въ мужскихъ тюрьмахъ находится въ рукахъ обыкновенныхъ чиновниковъ, потому что попытка передать это дѣло съ 1842 г. въ руки духовныхъ (frères gardiens de l'ordre de la doctrine chrétienne) не удалась. Внѣшній порядокъ, чистота, даже здоровье заключенныхъ улучшилось съ ихъ введеніемъ, но за то они не могли ужиться нигдѣ ни съ директорами, ни съ духовниками, такъ что правительство было вынуждено ихъ удалить.

Совсѣмъ иное оказалось въ тюрьмахъ женскихъ, тамъ повсюду дѣйствуютъ члены духовныхъ орденовъ и съ полнымъ успѣхомъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ конгрегація Marie Joseph, существующая съ 1803 года, но преобразованная и получившая свое настоящее устройство въ 1841 г., по плану бывшаго инспектора тюремъ Lucas. Вся цѣль общества заключается въ службѣ въ тюрьмахъ, въ рабочихъ домахъ для женщинъ падшихъ и въ воспитательныхъ домахъ для безпризорныхъ дѣтей. Въ орденъ принимаются дѣвушки или вдовы, начиная отъ 15-ти лѣтъ, незапятнаннаго поведенія, хорошихъ родителей, получившія образованіе и имѣющія извѣстное имущество. Послѣ 5-ти лѣтъ испытанія, онѣ даютъ вѣчный обѣтъ дѣвственности, бѣдности и послушанія и затѣмъ уже переходятъ на дѣйствительное служеніе въ тюрьмы; онѣ не только надзираютъ за работами, но занимаютъ всѣ вообще тю-

ремныя должности на кухнѣ, въ госпиталяхъ и т. д. Въ каждой тюрьмѣ онѣ подчинены инспектору, который можетъ даже смѣнить ихъ, но до сихъ поръ поведенiе ихъ было такъ безукоризненно, что не было ни одного подобнаго случая.

Кромѣ этого ордена, въ двухъ тюрьмахъ дѣйствуютъ les soeurs de sagesse и въ Haquenau les soeurs de s. Vincent de Paul.

Число заключенныхъ въ maisons centrales, также какъ и вообще число преступниковъ во Францiи, возрастаетъ постоянно: съ 1826—30 годъ ихъ было ежегодно 15,621, или 7,9 на 1,000 жителей; отъ 1830—40 года—17,432, то есть 8,2 на 1,000; отъ 1850—60 года по 21,132 или 8,9 на 1,000; впрочемъ, съ 1860 число ихъ стало немного уменьшаться и было по 21,094, или 8,8 ежегодно.

Издержки на всѣ рабочiе дома въ 1862 году составляли болѣе $4\frac{1}{2}$ миллiон. фр., что давало на день заключенiя 55 сантимовъ.

Я перехожу теперь къ послѣднему отдѣлу наказанiй лишенiемъ свободы, къ

4) каторжнымъ работамъ—Travaux forcées.

По своему происхожденiю этотъ родъ наказанiй относится къ XV и XVI вѣкамъ, хотя способъ выполненiя его съ тѣхъ поръ совершенно измѣнился. Первоначально это были галеры. Когда парусное судоходство было еще не развито, всю морскую силу государствъ и, даже болѣе, единственное средство сообщенiя составляли гребныя суда; количество ихъ было очень велико у всѣхъ важнѣйшихъ морскихъ державъ того времени, какъ напр. Испанiи, Генуи, Венецiи, Францiи и др. Но постоянное пребыванiе въ сырости, тяжелая и почти непрерывная работа были страшно гибельны для здоровья, а потому охотниковъ до подобной службы было весьма не много, а платить дорого были не въ состоянiи сами государства. Изъ соединенiя этихъ обстоятельствъ и возникла ужасная мысль замѣнить свободныхъ работниковъ—лицами, находящимися во власти государства, преступниками. Съ XVI столѣтiя эта система наказанiй распространяется повсюду. Государства скоро увидѣли всѣ выгоды ея и старались, по возможности, распространить ея примѣненiе. Скоро, напр., во Францiи появились указы, въ силу которыхъ на галеры могли ссылаться не только преступники, но лица вообще опасныя для общества: бродяги, нищiе, цыгане; затѣмъ встрѣчаются наставленiя судьямъ—замѣнять, по возможности, даже смертную казнь галерами, увеличивать въ приговорахъ срокъ галерныхъ наказанiй и т. д. Впрочемъ, галерное начальство и прежде

не стѣснялось сроками, назначаемыми судьями; на галерахъ преступники обыкновенно оставались до тѣхъ поръ, пока могли работать, и работали они почти что до смерти; поэтому по большей части лица, осужденныя на срокъ, оставались тоже безсрочно, бывали даже и такіе казусы, что туда попадали лица еще и вовсе не осужденныя и находящіяся только подъ слѣдствіемъ *). Попасть туда было, вообще, весьма не трудно, но воротиться оттуда— другое дѣло; смертность была страшная, число самоубійствъ было тоже весьма значительно. На галерахъ высказывался весь ригоризмъ государственнаго абсолютизма; тамъ можно было видѣть тѣневую сторону самыхъ блестящихъ царствованій. Впрочемъ, правительство дѣлало иногда и уступки для лицъ болѣе состоятельныхъ; они могли замѣнять себя однимъ или двумя невольниками, покупаемыми по большей части у турокъ. Эти невольники должны были оставаться на галерахъ до самой смерти, а между тѣмъ это были по большей части христіане, захваченные турками на границахъ Австріи, Польши, или Россіи. Съ уничтоженіемъ нантскаго эдикта число галерниковъ значительно увеличилось протестантами, гонимыми за свои религіозныя мнѣнія; а вслѣдъ за ними вскорѣ появился еще новый отдѣлъ, гонимыхъ за свободу убѣжденій и мысли. По законамъ Людовика XIV, всякое распространеніе пасквилей противъ короля или католической церкви, или сочиненіе пасквилей меньшей важности, или даже простое несоблюденіе формъ, предписанныхъ закономъ при печатаніи книгъ, влекло за собою галеры временныя, или пожизненныя. Наконецъ, при Людовикѣ XV число преступленій, наказываемыхъ галерами, достигло своего кульминаціоннаго пункта; туда отправлялись даже осужденные за многобрачіе, за воровство, за нарушеніе законовъ объ охотѣ, за контрабанду и т. д. А мы для точной оцѣнки всей строгости этихъ наказаній не должны еще забывать, что оно всегда предварялось бичеваньемъ, что за нимъ слѣдовали, по большей части, конфискація имущества и гражданская смерть, что поэтому у весьма многихъ каторжниковъ рисовалась въ воображеніи печальная картина жены и дѣтей, оставшихся безъ куска хлѣба, а можетъ быть умирающихъ съ голода.

Но что же такое были эти ужасныя галеры?

Это было плоское, очень узкое судно, съ низкимъ бортомъ и съ двумя мачтами, которое поэтому могло ходить греблею, или

*) Loiseleur, les crimes et les peines — стр. 257.

парусами. Каждая галера заключала въ себѣ до 300 гребцовъ, прикованныхъ по 5-ти и по 6-ти на одной скамьѣ и приводившихъ въ движеніе одно весло. На этихъ скамьяхъ проходила вся жизнь каторжниковъ; здѣсь они обѣдали, спали, чередуясь по лавкамъ, чтобы галера могла идти постоянно, не останавливаясь; здѣсь же творилъ надъ ними судъ и расправу начальникъ галеры; за всякій малѣйшій проступокъ слѣдовало обыкновенно самое страшное бичеванье. Для каторжниковъ не было ни будень ни праздниковъ; только по прибытіи въ портъ работа останавливалась, тамъ избранные получали позволеніе перейти на земляныя работы. Эти работы сами по себѣ были тоже очень не легки, но онѣ давали, по крайней мѣрѣ, возможность разстаться, хоть на время, съ ненавистною галерою; и кромѣ того представлялась возможность воспользоваться какимъ нибудь счастливымъ обстоятельствомъ и убѣжать.

Управитель на галерахъ былъ de facto полный господинъ надъ жизнью и смертью арестантовъ, и бывали примѣры, что онъ безнаказанно забивалъ до смерти часть своихъ галерниковъ, чтобы напр. отличиться передъ начальствомъ и придти первымъ при какомъ нибудь состязаніи. Можно представить себѣ, каково же тамъ было жертвамъ католическаго изувѣрства и деспотизма, лицамъ, не привыкшимъ часто вообще ни къ какимъ труднымъ работамъ. Одинъ изъ католическихъ священниковъ, бывшихъ на галерахъ, Jean Rion, оставилъ намъ описаніе ужаснаго положенія этихъ несчастныхъ. Онъ говоритъ между прочимъ: больныхъ относили въ трюмъ, гдѣ ихъ ожидали уже послѣднія страданія. Этотъ трюмъ былъ лишенъ свѣта и воздуха, въ немъ даже стоять было невозможно. Когда мнѣ случалось входить туда, то я скорѣе спѣшилъ назадъ, задыхаясь, не рѣдко покрытый червями. Мнѣ всегда казалось, что я вхожу въ жилище смерти *).

Съ постепеннымъ развитіемъ паруснаго судоходства, галеры дѣлались болѣе и болѣе ненужными. Съ начала XVIII столѣтія галерниковъ стали употреблять, вмѣсто гребли, на разныя земляныя работы, постройки и т. д. въ портахъ и арсеналахъ; изъ галерниковъ они обратились въ каторжниковъ, forçats. Наконецъ, указъ 1748 года совершенно уничтожилъ галеры и замѣнилъ ихъ bagnes, или каторжными работами. Каторжники жили или въ особо устроенныхъ укрѣпленіяхъ, или въ старыхъ корабляхъ, вышедшихъ изъ службы и остававшихся въ портахъ, гдѣ они по большей части

---

*) Loiseleur, стр. 257.

проводили время въ полной праздности. Революція 1789 года ввела много смягченій въ французскій уголовный кодексъ, было уменьшено во 1-хъ количество случаевъ, которые наказывались каторжными работами, а главное были уничтожены всѣ безсрочныя наказанія (послѣднее впрочемъ не на дѣлѣ). Еще болѣе значенія имѣлъ кодексъ 1791 года, который впервые поставилъ тюремное заключеніе, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ главѣ французской системы наказаній. Высшую ступень занимала peine de fer, замѣнившая собою, слѣдовательно, прежнія галеры; она должна была быть отбываема въ особенныхъ maisons de forces, или же въ портахъ, т. е. въ прежнихъ bagnes, или же въ рудникахъ. Впрочемъ, въ слѣдующемъ году всѣ эти виды сведены къ одному — къ работамъ въ портахъ, для чего и было открыто 7 портовъ, изъ которыхъ главные были: Тулонь, Брестъ, Рошефоръ и Lorient, послѣдній главнымъ образомъ для военныхъ каторжниковъ. Всѣ каторжники должны были носить на ногѣ ядро, прикрѣпленное цѣпью (boulet).

Главный характеръ наказанія заключался въ постоянной работѣ и притомъ, по возможности, въ самой тяжелой, le plus pénible; сюда относились всякія крѣпостныя работы, устройство доковъ и т. д.; велась работа вмѣстѣ съ свободными работниками, публично, часть заработка шла каторжникамъ и дѣлилась между ними, также какъ и въ рабочихъ домахъ. Но такъ какъ для огромной массы каторжныхъ трудно было найти достаточно подобныхъ работъ, то весьма большая часть ихъ, какъ я уже замѣтилъ, оставалась совсѣмъ безъ дѣла, или употреблялась къ работамъ легкимъ, напр. на частныя услуги начальству тюремному, или въ канцеляріяхъ. За исключеніемъ работъ, всѣ другіе исправительные элементы не имѣли никакого значенія; обученіе грамотѣ хотя и было введено въ bagnes, но прилагалось въ самомъ незначительномъ размѣрѣ; въ самыхъ главныхъ мѣстахъ, какъ напр. Тулонѣ, Брестѣ, полагался всего 1 священникъ на массу въ 3,400 человѣкъ, а потому, слѣдовательно, и религіозный элементъ не имѣлъ никакого значенія.

Интересно замѣтить, что каторжники не обязаны были сохранять молчаніе ни при работахъ, ни во время отдыха, и министръ, мотивируя это, сослался на невозможность поддержать молчаніе между людьми работающими и обладающими притомъ французскимъ подвижнымъ характеромъ, то есть призналъ именно невозможность того, что въ другихъ французскихъ тюрьмахъ признано легко исполнимымъ.

Заключенные подчинены чрезвычайно строгой военной дисциплинѣ, кромѣ того для нихъ существуетъ особенный кодексъ, отличающійся страшною жестокостью и полагающій напр. смертную казнь за удары надзирателю и т. д. Какъ дисциплинарныя наказанія употребляются: лишеніе винной порціи (которая полагается ежедневно $^3/_4$ литра), усиленіе работъ, cachot и бичеванье, bastonnade, веревкою по спинѣ, при собраніи всѣхъ арестантовъ. Кромѣ этихъ мѣръ, существуетъ еще salle des indociles, куда отправляются всѣ каторжники, ведущіе себя неудовлетворительно, — въ ней и содержаніе хуже и число наказаній больше; другое отдѣленіе составляетъ зала испытанныхъ, куда переводятся лучшіе каторжники, гдѣ и работы легче и содержаніе лучше. Смертность въ bagnes, по словамъ Béranger *), составляетъ 4%, а по статистикѣ за 1862 годъ она была 5% **).

Число приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ во Франціи въ послѣднее время уменьшилось; съ 1816 — 30 г. ежегодно было по 1,963 чел., съ 1851 — 60 — 1,284 чел.; а по послѣдней статистикѣ за 1862 ихъ было 884 чел.; но это уменьшеніе, впрочемъ, не можетъ еще служить доказательствомъ уменьшенія болѣе тяжкихъ преступленій во Франціи, а только указываетъ на постепенное смягченіе наказаній и замѣну каторжныхъ работъ рабочимъ домомъ и т. п. Что же касается до населенія bagnes, то оно измѣнялось болѣе сильно; съ 1772 по 1790 годъ было тамъ ежегодно до 5,700; самое большое число было съ 1800 — 15 г., около 11,500, потомъ къ 1850 году оно упало на 7,000, а послѣ замѣны bagnes — ссылкою дошло въ 1862 году до 3,149 человѣкъ ***).

Bagnes, принадлежитъ къ числу самыхъ непопулярныхъ учрежденій во Франціи. Его репрессивное значеніе дѣйствительно весьма ничтожно. Единственное начало, которое проводилось въ немъ, было устрашеніе; всѣ исправительные элементы, какъ мы видѣли, совершенно не развиты; скверное, сырое помѣщеніе, въ которомъ тамъ приходилось проводить иногда цѣлые дни, было гибельно для здоровья; работа внѣ тюрьмы на глазахъ публики убиваетъ въ каторжникахъ всякое чувство стыда; съ другой стороны общія работы съ свободными были гибельны для послѣднихъ; имъ передавались

*) Béranger. T. I, стр. 363.

**) Statistique de bagne de Toulon pour 1862, таблица № 5.

***) Ortolan T. II, № 1529, прим. 2.

напр. всякіе воровскіе инстнрументы, поддѣльныя бумаги, фабрикуемыя въ bagnes, давались надлежащіе совѣты, и оттого во всѣхъ этихъ портахъ число преступленій стояло весьма высоко. Съ финансовой точки зрѣнія каторга была осуждена еще въ 1839 году Tapinier, который въ своемъ извѣстномъ рапортѣ 1839 года доказывалъ, что трудъ 4-хъ каторжниковъ можетъ быть замѣненъ трудомъ одного вольнаго рабочаго и что поэтому государство проигрываетъ ежегодно до 900,000 фр. Наконецъ, мы должны еще прибавить, что даже и устрашительность каторги остается больше въ предположеніи; что maison centrale, съ его системою молчанія и постояннымъ надзоромъ, съ отсутствіемъ работъ на свободѣ, казался для преступниковъ болѣе тяжелымъ, и самъ Беранже напр. приводитъ факты, что нѣкоторые нарочно совершали преступленіе въ рабочихъ домахъ, чтобы попасть на каторгу.

Это грустное положеніе bagnes постоянно обращало на себя вниманіе правительства и наконецъ, въ 1852 году, повело къ ихъ уничтоженію; только вмѣсто предполагавшейся, по проекту 1843 и 1847 годовъ, замѣны каторжныхъ работъ одиночными тюрьмами, императорское правительство ввело новую систему, — именно ссылку преступниковъ въ французскую Гвіану, гдѣ они должны были употребляться pour travaux les plus pénibles de colonisation. Этотъ декретъ объ уничтоженіи bagnes былъ принятъ палатами и обнародованъ въ 1854 году, но онъ еще прежде былъ приведенъ къ исполненію путемъ административнымъ; и съ 1852 года началась знаменитая ссылка въ Каенну.

Новый видъ наказанія, замѣнившій bagnes и очень скоро получившій въ народѣ, по мѣсту своего отбытія, весьма печальное названіе — ссылки въ colonie mortuaire, давно уже занималъ умъ правительства. Безчисленные проекты тюремныхъ преобразованій временъ реставраціи и Людовика Филиппа постоянно касались вопроса о колонизаціи. Въ палатахъ были перебраны всѣ возможныя колоніи Франціи, которыя могли бы быть удобны для осуществленія этого плана; особенно сильны были пренія 1835 и 1847 годовъ. Большинство увлекалось примѣрами англійскихъ колоній, говорило много о колонизаторскомъ геніѣ французовъ, о цивилизаціи дикихъ, о благодѣтельномъ вліяніи колонизаціи на преступниковъ, но къ практическимъ выводамъ все таки не пришли и, какъ мы уже видѣли, даже принятыя закономъ депортаціи политическихъ преступниковъ оставались безъ исполненія. Правда, со времени великой революціи

было нѣсколько высылокъ преступниковъ въ колоніи по большей части административнымъ путемъ, но все это были явленія разрозненныя и въ общей сложности не имѣли значенія, а потому проэктъ 1852 года былъ нововведеніемъ. По этому проекту транспортація должна была отличаться отъ депортаціи тѣмъ, что въ ней колонизація была поставлена на первый планъ, между тѣмъ какъ цѣлью первой было только удаленіе преступниковъ изъ Франціи; затѣмъ при транспортаціи работы были принудительны и онѣ, кромѣ того, могла быть назначаемы и не пожизненно. Мѣстомъ для нея были назначены французскія владѣнія въ Гвіанѣ. Когда-то все огромное пространство отъ Ориноко до рѣки Амазонской принадлежало французамъ, но еще по рисвикскому миру сѣверная часть была уступлена Голландіи; затѣмъ послѣ вѣнскаго конгресса и южная часть отошла къ Бразиліи; впрочемъ и теперь еще владѣнія французскія занимаютъ около 18,000 квадр. льё, т. е. около $^2/_3$ нынѣшней Франціи. Они лежатъ между 2^0 и 6^0 сѣверной широты, слѣдовательно въ жаркомъ поясѣ. Температура въ Гвіанѣ чрезвычайно высока; въ самое холодное время термометръ не падаетъ ниже 15 или 16^0, а средняя величина 23^0, 24^0; по внѣшнему виду Гвіана представляетъ слѣдующія формы: сплошныя возвышенности, terres hautes, занимающія южную часть и мѣстами попадающіяся и въ сѣверной; первыя изъ нихъ по большей части еще совсѣмъ не извѣстны, а вторыя, пользующіяся сравнительно умѣреннымъ климатомъ, считаются самыми здоровыми мѣстами въ Гвіанѣ; почва ихъ отчасти глиниста, но весьма плодородна, хотя довольно скоро истощается; она употребляется, по большей части, на разведеніе различныхъ плодовыхъ деревьевъ. Второй отдѣлъ составляютъ низменности — terres basses, расположенныя по берегу моря въ 4 или 5 льё ширины; онѣ образовались отъ ила и песка приносимаго рѣками; вообще имѣютъ характеръ намывной, многія части ихъ и теперь постоянно покрыты водою и представляютъ непроходимыя топи; наконецъ юго-восточную часть Гвіаны занимаютъ роскошныя луга — саванны, доходящія вплоть до Амазонской рѣки; весьма многія изъ нихъ покрываетъ болотистую почву и носятъ названіе savannes tremblantes. Вообще воды въ Гвіанѣ изобиліе, и, кромѣ огромнаго количества различныхъ топей, болотъ и озеръ, тамъ насчитываютъ 22 большія рѣки; безъ преувеличнія можно сказать, что $^1/_3$ Гвіаны представляетъ сплошныя болота, во весь періодъ дождей, т. е. отъ декабря и до іюня. Это многоводіе составляетъ одну изъ главныхъ

причинъ зловреднаго гвіанскаго климата, потому что высокая температура и почти постоянно вертикальные лучи солнца производятъ страшное количество испареній, міазмовъ и, какъ результатъ ихъ, лихорадку. Другой факторъ — это постоянный жаръ, который невыносимъ для европейца и который совершенно разслабляетъ всякую физическую и умственную дѣятельность.

Главный врагъ Гвіаны — это перемежающіяся лихорадки и кровавый поносъ; впрочемъ по временамъ тамъ появляется вещь еще болѣе губительная — желтыя лихорадки, какъ напр. въ 1850, 1856 годахъ. Всѣ эти условія вмѣстѣ и придали Гвіанѣ такую печальную извѣстность.

Большая часть Гвіаны покрыта дѣвственнымъ лѣсомъ; вообще растительность самая роскошная: тамъ насчитываютъ до 110 видовъ деревьевъ, изъ которыхъ около 20 могутъ служить отличнымъ кораблестроительнымъ матеріаломъ. Изъ произведеній Гвіаны главное мѣсто занимаютъ пряности, кофе, сахарный тростникъ и табакъ; впрочемъ количество вывоза изъ Гвіаны было всегда не значительно; а со времени освобожденія негровъ уменьшилось еще сильнѣе, потому что большинство сахарныхъ плантацій должно было закрыться. Съ освобожденіемъ негровъ убавилось вообще число жителей Гвіаны, которыхъ до того времени считали до 27,000, (въ томъ числѣ до 17,000 невольниковъ, до 6,000 цвѣтныхъ свободныхъ и немного болѣе 1,000 бѣлыхъ), а въ 1836 году это число упало уже на 13,200; впрочемъ искуственныя мѣры, принятыя правительствомъ съ 1850 года, снова подняли цифру народонаселенія къ 1861 году до 19,559. Но какого ежегоднаго пополненія требуетъ эта поддержка, можно видѣть изъ того, что число смертей въ Гвіанѣ относится къ числу рожденій, какъ $2\frac{1}{2}:1$. Единственный городъ Гвіаны, Каенна, имѣетъ теперь до 4,000 ж.; въ немъ сосредоточено все административное и судебное управленіе, существуетъ губернаторъ, муниципальный совѣтъ, cour impérial и т. д.; во всѣхъ же остальныхъ поселеніяхъ всѣ отрасли управленія соединяются въ лицѣ одного коммиссара *).

Таковъ общій характеръ Гвіаны; я скажу еще нѣсколько словъ объ исторіи ея колонизаціи.

---

*) См. описаніе Гвіаны — Duval — Les colonisations et la politique coloniale de la France, 1864 гл. 4. Béranger. т. I стр. 381 и сл.. Holtzendorf., Déportation стр. 537 и сл. Holtzendorf, französische Rechtszustände, 1859. стр. 56 и слѣд.

Первыя населенія въ Гвіанѣ относятся къ началу XVII столѣтія. Въ 1626 компанія руанскихъ купцовъ сдѣлала первую высадку около Суринама; за нею послѣдовалъ рядъ не большихъ выселеній, которыя впрочемъ всѣ пропали безслѣдно въ борьбѣ съ туземцами и климатомъ. При Людовикѣ XIV составилась было новая компанія, seigneurs de Guyane, но и ея предпріятія не имѣли успѣха; затѣмъ слухи о Гвіанѣ замолкли до половины XVIII вѣка, когда Шуазель, потерявъ всѣ американскія французскія владѣнія, задумалъ было замѣнить ихъ Гвіаной и въ 1763 году составилось первое выселеніе въ Гвіану въ большихъ размѣрахъ; туда было отправлено до 14,000 человѣкъ, набранныхъ изъ всѣхъ классовъ общества. Участь ихъ была ужасна; предпріятіе было поведено безъ всякаго благоразумія; по прибытіи въ Гвіану у поселенцевъ оказался недостатокъ въ платьѣ, баракахъ и даже въ пищѣ, кромѣ того прибыли они въ самое скверное дождливое время года, и въ результатахъ оказалось, что черезъ 2 года во Францію возвратилось только 2,000, а по счету губернатора Гвіаны Malouet всего 900; всѣ остальные померли. Экспедиція стоила правительству 36 милл. франковъ. Подобный примѣръ былъ слишкомъ поучителенъ, и слава Гвіаны была навсегда упрочена. Позднѣйшія попытки только поддерживали ее. Со времени французской революціи для Гвіаны начинается новая эпоха: правительство стало употреблять ее какъ мѣсто наказанія. Декретъ 12-го марта 1793 года назначилъ ссылку за всѣ проступки, которые хотя и не предвидѣны въ code pénal, но которые могутъ возбудить безпорядки въ народѣ, по причинѣ анти-гражданскаго настроенія виновныхъ; указъ II года республики распространилъ это на всѣхъ les ennemis de la république à l'intérieur или даже на тѣхъ, которые будутъ только жаловаться на революцію. Въ силу этихъ постановленій директорія дѣйствительно сослала туда въ 1797 году до 500 человѣкъ по большей части литераторовъ, священниковъ, отказавшихся принести присягу и т. д.; они были поселены въ юго-восточной части Гвіаны и подверглись общей участи *).

Впрочемъ, несмотря на эти страшные опыты, морское министерство писало напр. въ 1838 году, что воздухъ въ Каеннѣ вовсе не такъ нездоровъ, какъ объ немъ думаютъ, что по температурѣ Гвіана

*) Blossville — Histoire de la colonisation pénale de l'Angleterre en Australie, 1859. стр. 496—497. Holtzendorf — Déportation 402 стр.

напоминаетъ собою климатъ южной Франціи; правда, что публика мало увлекалась этими извѣстіями, но въ то же время находились даже либеральные писатели, которые никакъ не хотѣли отказаться отъ мысли колонизировать Гвіану и всѣ неудачи прошлыхъ попытокъ сваливали на незаботливость правительства.

На такіе же доводы опиралась и коммиссія 1850 года, которой предоставлено было выбрать между новой Каледоніею и Гвіаною; несмотря на полныя преимущества первой со стороны здоровья, воздуха и такъ далѣе, коммиссія большинствомъ голосовъ выбрала Гвіану, надѣясь отвратить смертность надлежащими мѣрами предосторожности. Собственно главнымъ мотивомъ были финансовые расчеты, потому что пересылка въ Гвіану стоила 259 фр., а въ новую Каледонію 1000 на каждаго человѣка.

Но въ этотъ разъ, прежде чѣмъ начать высылку, морское министерство позаботилось обезпечить ссыльныхъ всѣмъ необходимымъ; чтобы избѣжать прежнихъ горестныхъ явленій, оно позаботилось объ устройствѣ жилищъ для ссыльныхъ, отправило туда необходимые запасы платья, устроило въ различныхъ мѣстахъ цистерны для собранія дождевой воды (воды Гвіаны по большой части не годятся для питья), устроило новые госпитали, подвижныя аптеки, увеличило персонажъ тюремный, особенно число медиковъ, даже заключило договоръ съ іезуитскимъ орденомъ, члены котораго должны были занимать тамъ мѣста духовниковъ и т. д. Но такъ какъ притомъ ссылка была принята закономъ только въ 1854 году, то въ 1852 году туда были сосланы только каторжники, пожелавшіе отправиться добровольно. Во всѣхъ bagnes и maisons de force была предложена подписка для желающихъ; согласившимся обѣщали, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ хорошаго поведенія, дать кусокъ земли въ собственность, а женщинамъ право выдти замужъ, а потому желающихъ весьма скоро собралось до 3,000. Первый транспортъ отправился 31-го мая 1852 года изъ Бреста; для первой посылки было выбрано 311 каторжниковъ, отличавшихся здоровьемъ и занимавшихся прежде такими ремеслами, которыя могли бы быть пригодными для новопоселенцевъ; за ними впрочемъ скоро послѣдовали и другіе транспорты. Въ 1854 году вышелъ наконецъ законъ, окончательно установившій замѣну каторжныхъ работъ ссылкою. По ст. 2 новаго закона, ссыльные должны были быть употребляемы на самыя тяжкія работы колонизаціи; это наказаніе прилагалось къ женщинамъ только въ исключительныхъ случаяхъ; обыкновенно

онѣ оставались въ рабочихъ домахъ (ст. 4); это наказаніе не примѣняется къ лицамъ старѣе 60 лѣтъ (ст. 5); всѣ ссыльные, осужденные въ каторгу на время до 8 лѣтъ, должны пробыть еще столько же лѣтъ въ ссылкѣ, по своемъ освобожденіи; приговоренные же къ каторгѣ на время болѣе 8 лѣтъ, должны оставаться въ ссылкѣ безсрочно (96); за хорошее поведеніе ссыльные, по прошествіи извѣстнаго времени, могли получить позволеніе работать на свободѣ, у частныхъ лицъ, или даже получить участокъ земли въ собственность (ст. 11). Губернаторъ могъ разрѣшать каторжникамъ, осужденнымъ на время, пользованіе въ колоніи гражданскими и имущественными правами (ст. 12). Въ заключеніе весь этотъ законъ получилъ обратную силу (ст. 15) и нарушилъ такимъ образомъ одно изъ коренныхъ началъ уголовнаго права.

Почти одновременно съ этими постановленіями былъ возстановленъ давно забытый законъ временъ революціи, о ссылкѣ лицъ опасныхъ для общества.

Эти положенія были первоначально вызваны іюльскою контрареволюціею 1848 года; еще въ первый день борьбы на баррикадахъ, одинъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ предложилъ въ національномъ собраніи, для предупрежденія анархіи и междуусобицъ, арестовать всѣхъ журналистовъ и другихъ лицъ, возбуждающихъ народъ, секвестровать крайніе журналы и возстановить противъ повстанцевъ законъ объ административной ссылкѣ. Это предложеніе было принято 27-го іюня 1848 года и par mesure de sûreté générale была дозволена ссылка всѣхъ участниковъ майскаго и іюньскаго возстанія; изъ 15,000 арестованныхъ было приговорено къ ссылкѣ 250 ч., какъ зачинщиковъ, и 5,423 какъ пособниковъ; всѣ они временно содержались въ различныхъ крѣпостяхъ, пока не было опредѣлено мѣсто ссылки. Впрочемъ вскорѣ число ихъ очень сильно уменьшилось, вслѣдствіе помилованій новымъ президентомъ республики, и въ 1850 году, когда наконецъ состоялась ссылка ихъ въ Константину (въ Алжирѣ), ихъ осталось всего 500 человѣкъ; всѣ они должны были заниматься на мѣстѣ ссылки земляными работами, подъ строгимъ военнымъ надзоромъ; впослѣдствіи они за дисциплинарные проступки ссылались въ Гвіану*).

Вскорѣ за тѣмъ произошло новое декабрьское возстаніе 1851 года, и за нимъ замѣчательный законъ 8-го декабря 1851 года.

---

*) Blosseville 510; Holtzendorf, Déportation, стр. 493.

Правительство говорило: видя, что Францiя нуждается въ порядкѣ и безопасности, что общество глубоко потрясено различными замыслами анархiи и возмутительными попытками тайныхъ обществъ, готовыхъ всегда сдѣлаться орудiями безпорядка; обративъ вниманiе на то, что постоянная привычка этого класса людей къ возмущенiямъ противъ всякихъ законовъ не только нарушаетъ спокойствiе и общественный порядокъ, но, кромѣ того, вызываетъ несправедливыя нареканiя и клеветы на невинное народонаселенiе Парижа и Лiона; видя притомъ, что настоящее законодательство недостаточно, что оно нуждается въ измѣненiяхъ, способныхъ согласить требованiя независимости съ интересами общественнаго порядка, мы постановляемъ:

Что всѣ лица, находящiяся подъ надзоромъ полицiи и виновныя въ нарушенiи этого надзора (rupture de ban), могутъ быть par mesure de sûreté général сосланы въ Алжиръ или Гвiану на время отъ 5-ти до 10-ти лѣтъ, что эта мѣра прилагается также ко всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участiе въ тайныхъ обществахъ (ст. 2) и т. д. — Здѣсь не мѣсто разбирать значенiе этого закона, но мы должны замѣтить только, что полицейскiй надзоръ, временный или пожизненный, сопровождаетъ почти всѣ наказанiя лишенiемъ свободы, что rupture de ban съ 1832 — 50 г. представляло ежегодное число 2,431 чел., а отъ 1851 — 60 г. 3,667, и что слѣдовательно право правительства можетъ имѣть слишкомъ широкое примѣненiе; каково оно въ дѣйствительности, сказать нельзя, потому что въ общей судебной статистикѣ Францiи этого числа нѣтъ. Ортоланъ замѣчаетъ только, что къ 1-му ноября 1862 года въ Гвiанѣ считалось 1,265 чел., сосланныхъ административнымъ путемъ *).

Покушенiе Орсини вызвало новый законъ 27-го февраля 1858 г., по которому постановленiя 1851 года приняли болѣе широкiе размѣры; по этому закону могутъ быть депортированы въ видахъ общественной безопасности: всѣ лица подстрекавшiя къ политическимъ преступленiямъ, или которыхъ поступки имѣли цѣлью нарушить общественное спокойствiе, или возбудить ненависть къ правленiю императора; затѣмъ всѣ лица занимавшiяся фабрикацiею, или распространенiемъ смертоносныхъ разрывательныхъ снарядовъ, или пороха безъ дозволенiя правительства; (ст. 5 соединенная съ ст. 1, 2, 3 и 4 закона). Этой же мѣрѣ по ст. 6 могли быть подвергнуты;

*) Ortolan II, № 1569.

всѣ лица, осужденныя за преступленіе противъ внутренней безопасности государства (предвид. code pénal ст. 86—101); за подделку паспортовъ или позволеній охотиться, равно какъ за принятіе ложныхъ именъ въ паспортахъ (предв. ст. 153, 154); за всякое сопротивленіе съ насиліемъ противъ органовъ общественной власти, когда они дѣйствовали въ предѣлахъ своей власти (предв. ст. 209—221; подъ органами общественной власти понимается здѣсь даже и лѣсная стража, gardes champêtres) и т. д. Впрочемъ этотъ законъ носитъ характеръ временной, и право ссылки оканчивается 31-го марта 1865 года.

Такимъ образомъ настоящее населеніе Гвіаны состоитъ, кромѣ лицъ свободныхъ, изъ 3-хъ элементовъ: каторжниковъ, добровольно переселившихся туда до 1854 года; каторжныхъ сосланныхъ туда въ силу закону 1854 года, и наконецъ изъ лицъ сосланныхъ туда путемъ административнымъ. Что касается до народонаселенія свободнаго, то правительство, желая поднять, во что бы то ни стало, колонію, пересилило туда правдами и не правдами негровъ изъ Африки и изъ острововъ Вестъ-Индскихъ и даже китайцевъ, и такимъ образомъ снова подняло цифру народонаселенія.

Преступники занимаютъ теперь болѣе 10-ти различныхъ колоній, расположенныхъ частью на островахъ, частью на материкѣ. Изъ первыхъ главную роль играютъ: l'isle de la mer, считающійся однимъ изъ самыхъ здоровыхъ пунктовъ; онъ служилъ даже иногда лазаретомъ для больныхъ желтою лихорадкою; здѣсь были поселены по бо́льшей части добровольно отправившіеся въ Гвіану каторжники. Затѣмъ Isles de salut, носившіе впрочемъ прежде имя чортовыхъ острововъ, на которыхъ погибла большая часть экспедиціи Шуазеля; теперь на одномъ изъ нихъ помѣщаются политическіе преступники. Изъ поселеній на твердой землѣ первое мѣсто занимаютъ юго-восточныя поселенія на рѣкѣ Оуаро, которыя отличаются страшною смертностью; сюда относятся — поселенія Montagne d'Argent, гдѣ смертность доходитъ до 4% *), поселеніе св. Георгія, климатъ котораго могутъ выносить только цвѣтные; смертность тамъ превосходитъ всякія вѣроятія: изъ 170 депортированныхъ туда въ 1853 году, въ теченіе года умерло 120; по послѣднимъ слухамъ правительство рѣшилось даже болѣе не посылать туда европейцевъ. Всѣ остальныя поселенія не значительны. Такимъ образомъ, не

*) Holtzendorf. Déportation, стр. 552.

смотря на всѣ мѣры предосторожности, состоянiе здоровья въ Гвiанѣ почти что не улучшилось; правда, что за послѣднiе годы мы или не имѣли почти никакихъ извѣстiй, или имѣемъ такiя, о которыхъ даже Дюваль говоритъ, что они кажутся подозрительными; но что касается до перваго времени ссылки, то смертность въ первые 3 мѣсяца составляла до 27%, потомъ, разумѣется, смертность упала, хотя и не въ очень значительной степени. Притомъ распредѣленiе ея между отдѣльными частями Гвiаны слишкомъ не равно; кромѣ того, цифра смертности мѣнялась, разумѣется, въ годы эпидемiй; такъ напр. въ 1856 г., во время господства желтой лихорадки, она стояла повсюду 40%.

Таково положенiе знаменитой Гвiаны. Гольцендорфъ, оканчивая отдѣлъ о французской ссылкѣ, прибавляетъ: только иронически можно говорить о томъ, что эти страшныя жертвы жизнью столькихъ людей оправдываются какими нибудь успѣхами въ культурѣ Гвiаны. Ссылка стоитъ вполнѣ на одной ступени съ смертною казнью, и терроризмъ гильотины темнѣетъ предъ ужасами этой систематической жестокости, выполняемой съ полнымъ хладнокровiемъ и разсчетомъ, и названiе колонiи смерти, данное общественнымъ голосомъ Гвiанѣ, навсегда останется за нею *). Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что и само правительство не остается совершенно невнимательнымъ къ этимъ обвиненiямъ, а потому я долженъ еще сказать нѣсколько словъ о ссылкѣ въ Новую Каледонiю и о поселенiяхъ на Маррони.

Въ 1857 году императоръ, при открытiи законодательнаго корпуса, сказалъ между прочимъ, что филантропическая мысль, руководившая правительствомъ при замѣнѣ каторжныхъ работъ — ссылкою, не удалась, вслѣдствiе возвращенiя въ Гвiану желтой лихорадки, и что поэтому правительство вынуждено перенести ее въ Африку или другiя колонiи. Дѣйствительно, въ 1857 году была отправлена небольшая экспедицiя ссыльныхъ въ Новую Каледонiю, но тѣмъ пока эта реформа и ограничилась; дальнѣйшаго развитiя эта мѣра не получила **).

Болѣе важное значенiе имѣли реформы 1860 года, т. е. заведенiе поселенiй св. Лаврентiя и св. Людовика въ сѣверо-западной части Гвiаны, въ территорiи рѣки Маррони. Колонизацiя этой

*) Ibid. стр. 559.
**) Blosseville, стр. 517.

мѣстности была предпринята на совершенно новыхъ началахъ. Во 1-хъ, выбранная мѣстность, по всѣмъ, полученнымъ оттуда, извѣстіямъ, пользуется климатомъ несравненно болѣе здоровымъ, чѣмъ всѣ остальныя части Гвіаны; во 2-хъ, и характеръ новаго предпріятія главнымъ образомъ колонизаціонный, а не карательный. Туда отбираются только преступники, уже считающіеся исправившимися въ другихъ колоніяхъ; живутъ они тамъ не въ тюрьмахъ, а въ отдѣльныхъ домикахъ; многіе изъ нихъ уже женились въ колоніи, или къ нимъ пріѣхали жены изъ Франціи; они обработываютъ тамъ поля, разводятъ сады и т. д. Въ случаѣ большихъ проступковъ виновные высылаются изъ колоніи. Нравственное и физическое положеніе колоніи, по всѣмъ отзывамъ, весьма утѣшительно; а по оффиціальнымъ отчетамъ состояніе здоровья на Маррони въ 1863 году было лучше, чѣмъ въ самой Франціи *).

Окончивъ этотъ краткій очеркъ французской тюремной системы, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о тюрьмахъ для малолѣтнихъ во Франціи, стоящихъ отдѣльно отъ общей системы тюремъ и заслуживающихъ полнаго вниманія. Дѣйствительно, ими можетъ гордиться Франція, потому что плоды ихъ дѣятельности уже ощутительны. Но подробное разсмотрѣніе этихъ интересныхъ учрежденій потребуетъ слишковъ много мѣста, а потому я ограничусь только поверхностнымъ обозрѣніемъ ихъ для пополненія очерка. До нынѣшняго столѣтія малолѣтніе помѣщались въ однѣхъ тюрьмахъ съ взрослыми, только въ отдѣльныхъ кварталахъ, или даже и безъ этого раздѣленія. Первое самостоятельное учрежденіе для малолѣтнихъ былъ maison de Grés въ Парижѣ, основанный въ 1817 году. Но собственно нынѣшняя система получила развитіе только послѣ постройки воспитательнаго дома въ Mettray De (?) и Куртре въ 1839 году; съ тѣхъ поръ число подобныхъ заведеній постоянно увеличивалось, особенно послѣ закона 1850 года, регламентировавшаго устройство и управленіе этихъ заведеній. Всѣ заведенія для малолѣтнихъ раздѣляются на слѣдующіе разряды: colonies pénitentiaires предназначенныя для малолѣтнихъ, которые признаны судомъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ и которые были приговорены къ тюремному заключенію свыше 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ colonies d'éducation correctionnelle для мальчиковъ и maisons correctionnelles для дѣвочекъ. Здѣсь содержатся осужденные на сроки менѣе 2-хъ лѣтъ, но болѣе

*) Duval, стр. 204.

6-ти мѣсяцевъ; признанные дѣйствовавшими безъ разумѣнія, но отданные въ тюрьму въ силу административной власти суда (ст. 66), и наконецъ дѣти, присланныя туда родителями, на основаніи ст. 376 code civil. Это смѣшеніе лицъ, признанныхъ виновными и освобожденныхъ, кажется съ юридической точки зрѣнія нѣсколько страннымъ, особенно потому, что освобожденные остаются тамъ по большей части до совершеннолѣтія и слѣдовательно наказываются строже осужденныхъ. Что касается до малолѣтнихъ, приговоренныхъ къ аресту менѣе 6-ти мѣсяцевъ, то они остаются обыкновенно въ maisons d'arrêt, въ особыхъ кварталахъ. Colonies correctionnelles распадаются снова на 2 отдѣла: содержимыхъ на счетъ правительства и на счетъ частныхъ лицъ, которымъ правительство впрочемъ платитъ за каждаго арестанта и зависимость которыхъ отъ министерства опредѣлена закономъ. Въ 1862 году подобныхъ заведеній считалось 58, изъ которыхъ было 9 казенныхъ и 49 частныхъ. Всѣ заведенія основаны на началѣ общаго заключенія, за исключеніемъ La Roquette въ Парижѣ. Работы во всѣхъ колоніяхъ должны быть земледѣльческія и только въ видѣ исключенія допущены въ большихъ городахъ учрежденія съ промысловыми работами, напр. въ Парижѣ, Марсели, Бордо. Напротивъ того, въ женскихъ тюрьмахъ полагаются промысловыя работы, преимущественно вышиваніе; только законъ 17-го мая 1863 года постановилъ ввести въ многія заведенія для дѣвочекъ фермерныя и садовыя занятія. Мнѣ удалось видѣть только одно изъ подобныхъ заведеній, — именно колонію оствальдскую, недалеко отъ Страсбурга, на 200 мальчиковъ.

6/17 октября 1864 года.

16) Доктора медицины I. Топаза.

(За первые три мѣсяца пребыванія за границею).

Отправляясь за границу, чтобы усовершенствоваться въ акушерствѣ, женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, я имѣлъ въ виду прежде всего рѣшить вопросъ: куда, т. е. въ какой университетъ, направить первоначально свой путь? Рѣшеніе этой задачи тѣсно связано съ образомъ распредѣленія занятій: начать ли съ пополненія общихъ медицинскихъ свѣдѣній, или прямо приступить къ своей спеціальности.

Цѣль и время, предоставленныя мнѣ департаментомъ для пребыванія за границею, были главными моими руководителями и рѣшили вопросъ въ пользу перваго взгляда. Коль скоро опредѣлено

разъ на всегда предпослать общее частному, то и выборъ мѣста не составлялъ болѣе никакого затрудненія.

По всей справедливости берлинскій университетъ относительно общаго медицинскаго образованія стоитъ въ настоящее время выше прочихъ, а потому я и думалъ было избрать первымъ пунктомъ своихъ занятій Берлинъ, куда и отправился немедленно по полученіи заграничнаго паспорта. Но, пріѣхавши туда къ концу лѣтняго семестра, я вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ предначертаннаго мною плана.

Вакаціонное время продолжается въ германскихъ университетахъ отъ исхода іюля до конца октября, слѣдовательно, оставаясь въ Берлинѣ до начала зимняго семестра, пришлось бы почти три мѣсяца сидѣть сложа руки.

Отсутствіе въ то время тайнаго совѣтника Пирогова заставило меня обратиться къ профессору Вирхову, по совѣту котораго я, 2-го августа, отправился въ Прагу, гдѣ, пробывъ до 20-го октября, извлекъ для себя значительную пользу.

Прага почти исключительное мѣсто, гдѣ во время вакаціи профессоръ акушерства и женскихъ болѣзней, а равно и доцентъ дѣтскихъ болѣзней читаютъ приватные курсы для врачей. Для удобнѣйшаго обзора образа занятій иностранныхъ докторовъ акушерствомъ въ Прагѣ и степени пользы Прагскаго родильнаго института, я считаю необходимымъ описать предварительно составъ самаго заведенія, а потомъ уже перейти къ оцѣнкѣ лекцій и къ способу преподаванія профессора Зейферта и доцента Штейнера.

Прагскій университетъ не имѣетъ отдѣльной акушерской клиники, но пользуется матеріаломъ тамошняго воспитательнаго дома, въ которомъ бываетъ до трехъ тысячъ родовъ въ годъ. Воспитательный домъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: а) изъ родильнаго дома (Gebärhaus), подраздѣляющійся въ свою очередь на двѣ клиники, называемыя первою и второю; изъ нихъ первая назначена для врачей и студентовъ, а вторая для повивальныхъ бабокъ, — въ этомъ отдѣленіи проживаютъ беременныя и роженицы до поправленія отъ родовъ; б) изъ резервнаго или вспомогательнаго дома (Filialhaus), куда помѣщаются реконвалесценты роженицы при недостаткѣ мѣстъ въ родильномъ домѣ и в) изъ воспитательнаго дома въ полномъ смыслѣ (Findelhaus), туда переводятся изъ родильнаго и резервнаго дома поправившіяся роженицы, которыя обязаны тамъ оставаться въ качествѣ кормилицъ шесть недѣль, разумѣется, если

онѣ способны кормить. Въ случаѣ же пожеланія частнаго лица брать кормилицу изъ воспитательнаго дома, оно обязано внести въ пользу заведенія 12 гульденовъ (7 руб. 20 коп.) и тогда кормилица освобождается и раньше сказаннаго срока.

Дѣти, родившіяся въ воспитательномъ домѣ, по истеченіи двухъ или трехъ недѣль по рожденіи, смотря по состоянію ихъ здоровья, разсылаются по деревнямъ, гдѣ они остаются до десятилѣтняго возраста. Плата кормилицамъ производится въ слѣдующемъ порядкѣ: первый годъ по 4 гульдена 30 крейцеровъ въ мѣсяцъ и, сверхъ того, если ребенокъ оставался восемь мѣсяцевъ благополучно у одной и той же кормилицы, то ей дается въ награду одновременно 4 гульдена 30 крейцеровъ кромѣ положеннаго жалованья; второй годъ по 2 гульдена 52 крейцера и наконецъ отъ этого времени до окончанія десяти лѣтъ по 1-му гульдену 75 крейцеровъ въ мѣсяцъ.

Дальнѣйшая участь этихъ несчастныхъ созданій зависитъ отъ произвола ихъ мнимыхъ родителей: они могутъ оставлять у себя дѣтей безплатно въ качествѣ работника до двадцатилѣтняго возраста, или же, за четыре мѣсяца до окончанія десяти лѣтъ, объявить предъ начальствомъ заведенія свое несогласіе держать у себя ребенка на дальнѣйшее время, и тогда воспитательный домъ, взявши себѣ обратно дитя, отправляетъ его въ Рженскій филіаль-гаузъ, находящійся не въ дальнемъ разстояніи отъ Праги и назначенный собственно для взрослыхъ дѣтей, откуда дитя передается на попеченіе того общества, къ которому принадлежитъ его мать, и пользуется всѣми правами гражданства.

Въ воспитательный домъ поступаютъ не только женщины, у коихъ явны уже признаки родовъ, но и находящіяся во 2-й половинѣ беременности, которыя остаются въ заведеніи, какъ выше было сказано, до исхода шести недѣль послѣ родоваго процесса и получаютъ во все время пребыванія полное безплатное содержаніе; при поступленіи каждая обязана представить свой настоящій паспортъ или адресную книжку.

Кромѣ названныхъ подраздѣленій, въ родильномъ домѣ существуетъ еще тайное отдѣленіе, имѣющее три класса; оно для изучающихъ акушерство не имѣетъ особеннаго интереса, такъ какъ туда запрещенъ входъ всѣмъ, кромѣ профессора Зейферта и его ассистента; но для большей полноты опишу и его: поступающія въ это отдѣленіе платятъ извѣстную сумму, смотря по классамъ,

а именно; перваго вносятъ 128 гульденовъ единовременно и 2 гульдена въ сутки за содержаніе; особы помѣщающіяся въ этомъ классѣ пользуются отдѣльными комнатами каждая, такихъ нумеровъ всего пять; втораго класса платятъ половинную сумму перваго — здѣсь двоимъ дается комната, подобныхъ нумеровъ существуетъ также пять, и наконецъ третій классъ составляютъ нѣсколько большихъ комнатъ, гдѣ могутъ помѣщаться до 24-хъ человѣкъ съ платою половинной части втораго класса; пища и прочее содержаніе для всѣхъ классовъ одинаковы. Рожающія въ тайномъ отдѣленіи пользуются привилегіею не представлять письменныхъ видовъ о своемъ происхожденіи; дѣти ихъ немедленно послѣ родовъ передаются въ воспитательный домъ на попеченіе вышесказанныхъ кормилицъ и остаются тамъ также двѣ или три недѣли, а потомъ разсылаются по деревнямъ и подвергаются той же участи какъ и предыдущія, съ тою только разницею, что, по истеченіи десяти лѣтъ, они составляютъ достояніе того общества, гдѣ они достигли этого возраста.

Дѣти, не родившіяся въ одной изъ названныхъ клиникъ, ни подъ какимъ видомъ не принимаются воспитательнымъ домомъ,—исключеніе изъ этого правила составляютъ тѣ новорожденные, коихъ матери сидятъ въ тюрьмѣ и тамъ же разрѣшились, или, если женщина родила на улицѣ во время хожденія въ воспитательный домъ и имѣетъ на то вѣрныя доказательства.

Противъ родильной выстроено небольшое зданіе, называемое казармою, назначеною доставлять удобныя и дешевыя квартиры занимающимся акушерствомъ двадцати шести врачамъ въ вакаціонное время, или такому же количеству студентовъ въ семестральную пору; каждый изъ жильцовъ получаетъ постель съ полною принадлежностью, не исключая и чистаго бѣлья, за одинъ гульденъ 15 кр. въ мѣсяцъ, освѣщеніе и отопленіе также казенное. Къ дверямъ всякой комнаты казармы придѣланъ колокольчикъ, сообщающійся черезъ проволоку съ первою клиникою, посредствомъ котораго дается знать врачамъ всякій разъ о наступленіи родовъ. Сверхъ того, въ самой клиникѣ находится комната, помѣщающая въ себѣ четырехъ человѣкъ учащихся совершенно безплатно, куда однако трудно попасть, не имѣя особой протекціи.

Всѣ безплатныя роженицы воспитательнаго дома составляютъ научный матеріалъ для врачей, студентовъ и лицъ, готовящихся въ повивальныя бабки, для которыхъ существуетъ отдѣльный про-

фессоръ, г. Штренгъ, читающій лекціи на чешскомъ языкѣ и особый ассистентъ.

Три пятыхъ частей матеріала принадлежатъ врачамъ и студентамъ, а двѣ пятыхъ повивальнымъ бабкамъ; однако, въ случаяхъ неправильнаго положенія ребенка, или требующихъ операціонной помощи, врачи призываются и въ женскую школу, гдѣ они совершаютъ нужныя операціи поочередно. Первая клиника имѣетъ трехъ служащихъ постоянныхъ акушерокъ, изъ коихъ одна старшая и двѣ младшія, и шесть дежурныхъ изъ числа лицъ, учащихся повивальному искуству; такой же постоянный штатъ содержитъ и женская школа; въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ лежатъ разрѣшившіяся уже отъ беременности, находятся сидѣлки, для десяти рожениц одна; въ родильныхъ же покояхъ всѣ нужныя работы обязаны совершать младшія акушерки; онѣ исполняютъ возложенный на нихъ трудъ добросовѣстно а не разыгрываютъ роль барынь на подобіе нашихъ клиническихъ акушерокъ. Тайное отдѣленіе имѣетъ свою отдѣльную акушерку и двухъ сидѣлокъ. Средства, нужныя для всѣхъ расходовъ, простирающихся въ годъ до 120 тысячъ гульден., даются богемскою національною казною.

Врачи въ своей клиникѣ пользуются полною свободою занятій: они могутъ изслѣдывать всѣхъ женщинъ разрѣшающихся въ ихъ школѣ, и столько разъ, сколько каждый признаетъ для себя нужнымъ, исключая случаевъ приросшаго послѣда, гдѣ изслѣдованіе производится по указанію профессора; далѣе, измѣрять тазы наружными и внутренними пріемами; словомъ, дѣятельность врача, занимающагося въ родильной клиникѣ, почти неограничена; нужныя операціи и тутъ совершаются врачами по очереди въ присутствіи профессора Зейферта или его ассистента.

Я описалъ прагскій воспитательный домъ съ цѣлью: показать какъ удобно учащимся заниматься въ такимъ образомъ устроенномъ заведеніи, — тутъ наблюдаете беременность, различные періоды родовъ нормальныхъ и неправильныхъ, послѣродовое состояніе рожениц въ разныхъ его видахъ и новорожденное дитя здоровое и больное до двухъ-недѣльнаго возраста; подобной группировки наблюденій нѣтъ ни въ одной русской акушерской клиникѣ.

Изложивъ въ краткихъ чертахъ правила и составъ прагскихъ родильныхъ клиникъ, скажу кое что о самихъ лекціяхъ профессора Зейферта. Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней, даваемый имъ въ вакаціонное время, въ высшей степени важенъ и полезенъ только

для совершенствующихся въ этихъ предметахъ; начинающимъ же онъ будетъ почти непонятенъ; но, повторяю, кто уже знакомъ съ предметомъ, для того вакаціонный курсъ Зейферта неоцѣнимъ. Профессоръ вполнѣ обладаетъ умѣньемъ сообразоваться съ потребностями его слушателей — достоинство, которымъ не многіе могутъ похвастать; его лекціи суть рядъ практическихъ замѣчаній, добытыхъ долголѣтнею сознательною дѣятельностью, а не наборъ фразъ, заученныхъ или списанныхъ изъ какого нибудь авторитетнаго сочиненія; онѣ могутъ назваться критическими лекціями акушерства; ясность и изящность изложенія профессора Зейферта дѣлаютъ его чтенія образцовыми. Отъ его критики не ускользаетъ ни мнимый, ни дѣйствительный авторитетъ; онъ замѣчаетъ иногда и свои прежніе промахи, во избѣжаніе повторенія ихъ его слушателями.

Курсъ профессора Зейферта продолжается съ 1-го августа по 1-е октября; въ теченіе этого времени онъ читаетъ пять разъ въ недѣлю, отъ восьми до девяти часовъ утра, акушерство въ родильной клиникѣ; вслѣдъ за тѣмъ, полчаса врачи, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, занимаются изслѣдованіемъ вновь поступившихъ накануне беременныхъ, которыхъ никогда не бываетъ менѣе пяти человѣкъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала врачи изслѣдуютъ наружными пріемами, потомъ профессоръ, провѣривъ найденные ими результаты, приступаетъ ко внутреннему изслѣдованію, объясняя при томъ слушателямъ все то, что попадается подъ его опытный палецъ; за нимъ учащіеся повторяютъ exploratio interna; по окончаніи осмотра беременныхъ, визитируются роженицы, находящіяся въ послѣродовомъ состояніи. Три раза въ недѣлю, отъ десяти до одиннадцати, онъ читаетъ женскія болѣзни въ общей городской больницѣ; этотъ курсъ также демонстративный: каждая больная женщина подвергается изслѣдованію нѣсколькихъ врачей, смотря по характеру и степени интенсивности страданія; и здѣсь наблюдается правильная очередь между врачами.

Дѣтскія болѣзни читаются ежедневно доцентомъ Штейнеромъ, отъ двухъ до трехъ часовъ въ дѣтскомъ госпиталѣ Францъ-Іозефа; онъ, подобно Зейферту, преподаетъ при постелѣ больнаго дитяти *).

Сверхъ названныхъ мною лекцій, я бралъ отдѣльный приватъ-

*) Подробнѣе о лекціяхъ г. Штейнера, равно и о взглядѣ профес. Зейферта на febris puerperalis и его способѣ леченія, поговорю въ одномъ изъ будущихъ отчетовъ.

курсъ женскихъ болѣзней у ассистента профессора Зейферта, доктора Зексингера. Тутъ я имѣлъ въ виду главное практическую сторону; визитируя вмѣстѣ съ нимъ больныхъ, я имѣлъ возможность эксплорировать всѣхъ находившихся паціентокъ по нѣсколько разъ и наблюдать какъ процессъ, такъ и результаты леченія болѣзни.

Время свободное отъ лекцій я проводилъ бо́льшею частью въ акушерской клиникѣ для наблюденія родовъ. Такимъ образомъ, благодаря совѣту профессора Вирхова, первые мѣсяцы моего путешествія принесли мнѣ значительную пользу; на будущее время, думаю, Прага составитъ мое вакаціонное мѣстопребываніе.

21-го октября новаго стиля я вернулся обратно въ Берлинъ, гдѣ первою своею обязанностью я счелъ представиться г. тайному совѣтнику Пирогову, который вполнѣ одобрилъ мой планъ занятій.

Берлинъ, $^2/_{20}$ ноября 1864 года.

17) Кандидата А. Вериго.

Имѣю честь представить департаменту краткое донесеніе о моихъ занятіяхъ.

Въ одномъ изъ предъидущихъ отчетовъ я говорилъ, что азобензидъ прямо соединяется съ Br. и H. Желая изучить гомологи бромазобензида, я примѣнилъ реакцію проф. Штреккера на нитротолюоль и получилъ тѣло, кристаллизующееся въ длинныхъ прозрачныхъ желто-красныхъ иглахъ. Тѣло это плавится выше 100^0, легко растворяется въ спиртѣ и эѳирѣ. Оно, подобно азобензиду, соединяется прямо съ Br. и H. Соединеніе съ Br. происходитъ весьма легко, безъ малѣйшаго выдѣленія HS. Получающійся бромъ-продуктъ не кристаллизуется подобно азобензиду изъ алкоголя въ видѣ иголъ, но выдѣляется въ видѣ зернистыхъ массъ, которыя, при нагрѣваніи между часовыми стеклышками, возгоняются въ видѣ длинныхъ золотисто-желтыхъ иголъ. Продуктъ прямаго соединенія съ водородомъ кристаллизуется въ прозрачныхъ серебристыхъ пластинкахъ, похожихъ на слюду. Я полагаю, что эти 3 тѣла соотвѣтствуютъ азобензиду, бромъазобензиду и бензидину. Необходимое условіе для полученія изъ нитротолюоля желто-красныхъ иголъ есть отсутствіе или возможно меньшая примѣсь динитротолюоля. Нитротолюоль, неочищенный отъ динитропродукта посредствомъ перегонки, въ особенности же, если при приготовленіи его не было обращено особеннаго вниманія на охлажденіе, или вовсе не даетъ

ничего кристаллическаго, или же въ получающейся густой смолистой массѣ появляются кристаллы лишь по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. И дѣйствительно, динитропродукты разлагаются, по наблюденію Штреккера, выдѣляя амміакъ и оставляя смолистую массу, которая препятствуетъ выдѣленію кристалловъ. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться при изученіи дѣйствія амальгамы натрія на нитроцимоль. Нитроцимоль, приготовленный при самомъ тщательномъ охлажденіи, все-таки содержитъ примѣсь динитропродукта, отъ которой его нельзя очистить, такъ какъ онъ не перегоняется безъ разложенія. Отъ дѣйствія амалгамы натрія получается черно-бурое масло, густѣющее при стояніи. Это масло лишь по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ начало выдѣлять кристаллы и вскорѣ затѣмъ все обратилось въ кристаллическую массу, которая по очищеніи выдѣлилась изъ спирта въ видѣ красныхъ плоскихъ иголъ. Я не сдѣлалъ еще никакихъ опытовъ съ этимъ тѣломъ; по всей вѣроятности оно соотвѣтствуетъ азобензиду. Еще труднѣе идетъ реакція съ нитроксилолемъ, котораго также неудается получить въ чистомъ видѣ. Впрочемъ, въ настоящее время въ густомъ черно-буромъ маслѣ, получившемся отъ дѣйствія амальгамы натрія, начинаютъ появляться кристаллы. Теперь я занятъ анализомъ полученныхъ четырехъ тѣлъ и изученіемъ ихъ свойствъ. Я пробую также, между прочимъ, дѣйствіе амальгамы натрія и на нитрокумоль. Упомянутые углеродистые водороды получены мною посредствомъ фракціонарной перегонки изъ двухъ сортовъ продажнаго бензина. Одинъ сортъ кипѣлъ отъ 100 до 140^0, другой отъ 135 до 180^0. Первый сортъ былъ очень богатъ толюолемъ, для полученія котораго я собиралъ отгонъ между 100 и 130^0. Изъ этого отгона мнѣ удалось выдѣлить толюоль (105 — 115^0) и ксилоль (около 130^0 — Бейльштейнъ). Изъ втораго сорта я выдѣлилъ ксилоль, кумоль (около 148^0) и цимоль (170^0). Изъ остатковъ кристаллизуется много парафина. Цимоль, послужившій для моихъ опытовъ, былъ выдѣленъ изъ куминоваго масла, онъ кипѣлъ при 175^0. Съ цимолемъ, добытымъ изъ бензина, я не дѣлалъ еще опытовъ.

Цюрихъ, $^{13}/_1$ октября 1864 года.

18) Надворнаго совѣтника Людвига Шварца.

Занятія мои въ продолженіе истекшихъ трехъ мѣсяцевъ, отъ 1-го іюля по 1-е октября, состояли преимущественно въ изученіи нѣ-

которыхъ особенностей въ теоріи кометъ и планетъ. Рядомъ съ этимъ я занимался теоріей нѣкоторыхъ инструментовъ, изобрѣтенныхъ въ послѣднее дѣсятилѣтіе, и между ними меня особенно заинтересовалъ полярный планиметръ Амслера. Узнавъ, что у механика Бланкенбурга въ Берлинѣ и у Амслера въ Шафгаузенѣ заказано весьма значительное число этихъ инструментовъ для Россіи — до 1,500 экземпляровъ, я заключилъ, что этотъ планиметръ у насъ окончательно введенъ въ практику. И инструментъ заслуживаетъ этого въ полной мѣрѣ, ибо едва ли можно выдумать планиметръ простѣйшій, лучше соотвѣтствующій предложенной цѣли и, что не менѣе важно, дешевѣйшій; весьма невѣроятно, чтобы онъ когда-либо уступилъ сопернику. Возбужденный интересъ заставилъ меня вникнуть нѣсколько въ исторію изобрѣтенія полярныхъ планиметровъ вообще, и при этихъ изслѣдованіяхъ я убѣдился, что геометрическая теорема, на которой основываются всѣ полярные планиметры, опредѣляющіе площадь фигуры посредствомъ обведенія границъ фигуры, еще не высказана во всей ея общности. Я считалъ не лишнимъ дать доказательство этой теоремы, вмѣстѣ съ краткимъ очеркомъ исторіи изобрѣтенія планиметровъ, что и имѣю честь приложить при семъ.

Берлинъ, 1-го октября 1864 года.

Теорія полярнаго планиметра Амслера.

Можно раздѣлить инструменты, употребляемые при измѣреніи площадей плановъ, на два разряда; къ первому принадлежатъ менѣе совершенные, служащіе только къ облегченію задачи. Ихъ сущность состоитъ въ облегченіи измѣренія площади *треугольника*, безъ помощи циркуля; но для достиженія искомаго результата необходимо все-таки прибѣгать ко многимъ численнымъ операціямъ. Всѣ эти снаряды, какъ-то: Бибикова, Ермакова, Желинскаго, Миллера, Вагнера и проч., имѣютъ нынѣ только историческій интересъ; они примѣнимы во всей строгости только въ томъ случаѣ, когда требуется измѣрить площади плановъ, ограниченныхъ прямыми линіями.

Инструменты втораго разряда существенно различны отъ первыхъ; они устроены такъ, что помощію ихъ получается содержаніе *любой* площади непосредственно и чрезъ одну только *механическую* операцію; эта операція состоитъ въ томъ, что извѣстный

штифтикъ при снарядѣ обводится по очертанію площади; когда штифтикъ доведенъ до исходной точки, тогда числа, отсчитываемыя на самомъ инструментѣ, соотвѣтствуютъ содержанію площади. На этомъ началѣ основано устройство всѣхъ полярныхъ планиметровъ; при различныхъ инструментахъ самый механизмъ болѣе или менѣе сложенъ, смотря по тому, какъ близко изобрѣтатель коснулся совершенства.

Первый полярный планиметръ изобрѣтенъ въ 1814 году землемѣромъ Мартиномъ Германомъ въ Мюнхенѣ, какъ слѣдуетъ заключить изъ рукописныхъ документовъ, сообщенныхъ проф. Бауэрнфейндомъ [1]). Одинъ изъ этихъ документовъ носитъ надпись: «Описаніе машины, служащей для измѣренія всѣхъ геометрическихъ фигуръ, единственно посредствомъ обведенія штифта по ихъ очертанію»; и описанный здѣсь инструментъ дѣйствительно былъ исполненъ, но, какъ кажется, не вошелъ въ употребленіе, хотя первые опыты показали, что этимъ снарядомъ измѣряется содержаніе площади съ точностію до одной четырехъ-сотой части. Онъ даже былъ забытъ совершенно, ибо чрезъ 13-ть лѣтъ, въ 1827 году, Оппикоферъ выдумалъ планиметръ, который чрезвычайно сходенъ съ планиметромъ Германа. Планиметръ Оппикофера былъ усовершенствованъ Эрнстомъ, и въ этомъ видѣ инструментъ удостоенъ преміи отъ академіи наукъ въ Парижѣ, въ 1836 году. Важнѣйшими усовершенствованіями этихъ все-таки еще весьма сложныхъ инструментовъ мы обязаны Ветли въ Цюрихѣ, въ 1849 году; къ планиметру Ветли Ганзенъ сдѣлалъ прибавленіе для точнѣйшаго обведенія очертанія фигуръ. Всѣ эти снаряды подробно описаны въ статьѣ профессора Бауэрнфейнда «Über die Planimeter von Ernst, Wetli und Hansen, München, 1853».

Въ 1855 году, 10-го августа, академикъ Буняковскій представилъ академіи наукъ въ С.-Петербургѣ [2]) новоизобрѣтенный имъ планиметръ пантографъ, который по механическому устройству совершенно различенъ отъ вышеупомянутыхъ и есть дѣйствительно новое изобрѣтеніе. Въ предисловіи Буняковскій упоминаетъ о трехъ планиметрахъ: планиметрѣ числителѣ Бевьера [3]), планиметрѣ Бара-

[1]) Политехническій журналъ Динглера, 137 томъ, стр. 81 и слѣд.

[2]) Bulletin de la Classe Physico-mathématique de l'Académie de Sciences de St.-Pétersbourg. Tome XIV № 10.

[3]) Bulletin de la Société d'encouragement pour l'année 1850.

новскаго [1]), профессора при университетѣ въ Гельсингфорсѣ, и планиметрѣ Зарубина [2]), удостоенномъ Демидовской преміи.

Инструменты, извѣстные подъ именемъ планиметровъ Дехера, не иное суть какъ планиметры Ветли и Буняковскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя, по моему мнѣнію, не составляютъ упрощенія и не обѣщаютъ большей точности при исчисленіи площадей плановъ [3]).

Въ 1856 году, наконецъ, Амслеръ познакомилъ насъ съ своимъ полярнымъ планиметромъ въ весьма замѣчательной статьѣ: «Über die mechanische Bestimmung des Flächeninhaltes, der statischen Momente und der Trägheitsmomente ebener Figuren; insbesondere aber über ein neues Planimeter, von I. Amsler», изданной отдѣльно [4]) и помѣщенной въ журналѣ цюрихскаго общества испытателей природы [5]). Въ этой статьѣ Амслеръ сообщаетъ теорію изобрѣтеннаго имъ инструмента и указываетъ на различныя приложенія его, не только къ исчисленію площадей плановъ, но еще ко многимъ другимъ задачамъ; она заслуживаетъ совершенно вниманіе практиковъ. Въ французскомъ журналѣ «Cosmos» [6]) появилось весьма хвалебное объявленіе о планиметрѣ Амслера вмѣстѣ съ обстоятельнымъ изложеніемъ теоріи этого инструмента. Очень рекомендательное сочиненіе о планиметрѣ Амслера издалъ докторъ Бремикеръ въ Берлинѣ, въ 1863 году» [7]).

Сколько мнѣ извѣстно, только профессоръ Дехеръ въ Аугсбургѣ поднялъ голосъ противъ достоинства планиметра Амслера; по его мнѣнію, устройство этого инструмента не обезпечиваетъ годность его на практикѣ [8]). Практика сама отвѣтила Дехеру: планиметры Амслера вошли во всеобщее употребленіе, и ни одинъ изъ вышеупомянутыхъ инструментовъ не можетъ быть ему соперникомъ. Относительно точности онъ стоитъ наравнѣ съ планиметромъ Ветли и Ганзена, относительно стоимости онъ въ четверо дешевле.

---

[1]) Actes de la Société des Sciences de Finlande. 1852.

[2]) Руководство къ практическому употребленію изобрѣтенныхъ инструментовъ и способовъ относящихся до исчисленія площадей плановъ, соч. П. Зарубина. 1854.

[3]) Политехническій журналъ Динглера, Т. 136, стр. 168; Т. 140, стр. 27.

[4]) Schaffhausen bei Beck u. Sohn. 1856.

[5]) Vierteljahrsschrift der Naturforscher-Gesellschaft in Zürich, erstes und zweites Heft. 1856.

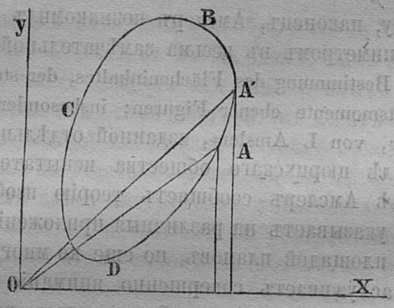
[6]) Cosmos, Revue encyclopédique, T. VIII, Février, 1856, pag. 213.

[7]) Theorie des Amslerchen Polarplanimeters, von Dr. C. Bremiker. Berlin. 1863.

[8]) Dingler's Polytechn. Journal. 140 Band, pg. 27; u. Band. 181 pg. 29 u, 326.

Всѣ планиметры, построенные на началѣ полярныхъ координатъ, имѣютъ общимъ основаніемъ одну весьма интересную геометрическую теорему, которую я считаю не лишнимъ изложить здѣсь, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ изобрѣтателей не выразилъ эту теорему во всей ея общности. Пусть будутъ OX и OY (Черт. 1)

(Черт. 1).



оси прямоугольныхъ координатъ, которыя по направленіямъ OX и OY принимаются за положительныя; линія ABCD есть кривая линія, лежащая вся въ плоскости YOX, и уравненіе ея

$$\Phi\ (x,y) = 0.$$

Если мы обозначимъ прямоугольныя координаты точки A чрезъ x и y и весьма близкой къ ней точки A′ чрезъ $x + dx$ и $y + dy$, тогда двойная площадь чрезвычайно малаго треугольника $A'OA = dF$, какъ извѣстно:

$$2dF = xdy - ydx,$$

гдѣ F означаетъ величину всей площади ABCD.

Если же вмѣсто прямоугольныхъ координатъ мы введемъ полярныя координаты, тогда будетъ

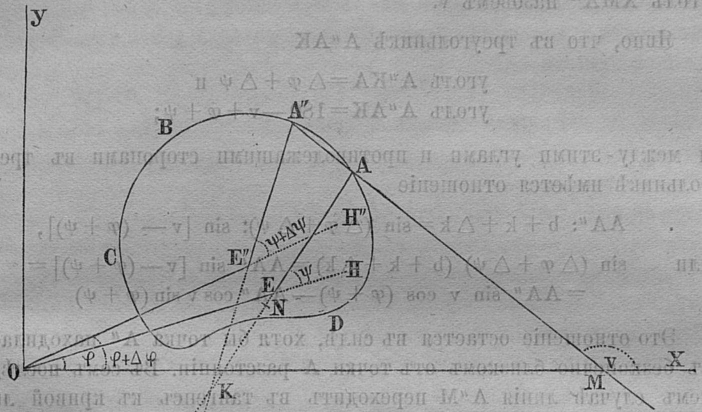
$$2dF = r^2 du,$$

гдѣ $r = OA$ и $du = AOA'$; *u* есть уголъ XOA, считающійся отъ 0 до 360 градусовъ по направленію отъ оси положительныхъ x къ оси положительныхъ y. Отношенія между x, y, r и u даны чрезъ слѣдующія два уравненія:

$$x = r \cos u, \qquad y = r \sin u.$$

Если наконецъ вмѣсто r мы введемъ ломанную линію OEA (Черт. 2), гдѣ пусть будетъ OE = a, EA = b, разница между напра-

(Черт. 2).



вленіями OE и EA т. е. уголъ HEA = ψ, уголъ XOE = φ, тогда между координатами x, y, a, b, φ и ψ существуютъ слѣдующія два уравненія:

$$x = a \cos \varphi + b \cos (\varphi + \psi),$$
$$y = a \sin \varphi + b \sin (\varphi + \psi),$$

изъ которыхъ слѣдуютъ слѣдующія два:

$$dx = -a \sin \varphi \, d\varphi - b \sin (\varphi + \psi)(d\varphi + d\psi),$$
$$dy = a \cos \varphi \, d\varphi + b \cos (\varphi + \psi)(d\varphi + d\psi),$$

когда мы примемъ a и b за постоянныя величины, хотя ихъ длина совершенно произвольная.

Такъ какъ было

$$2dF = xdy - ydx,$$

то мы получимъ для двойной площади этого чрезвычайно малаго треугольника слѣдующее выраженіе

$$2dF = (a^2 + b^2 + 2ab \cos \psi) \, d\varphi + (b^2 + ab \cos \psi) \, d\psi$$

Вообразимъ теперь, что линія OEA перешла въ положеніе OE″A″ (фиг. 2), тогда вообще углы φ и ψ будутъ другіе и продолженія линіи b пересѣкутся. Обозначимъ углы, соотвѣтствующіе положенію

OE"A", чрезъ $\varphi + \triangle\varphi$ и $\psi + \triangle\psi$, точку пересѣченія чрезъ K, KE чрезъ k и KE" чрезъ $k + \triangle k$; соединимъ A и A" посредствомъ прямой линіи, которая пересѣчетъ ось OX въ точкѣ M; наконецъ уголъ XMA" назовемъ v.

Явно, что въ треугольникѣ A"AK

$$\text{уголъ } A''KA = \triangle\varphi + \triangle\psi \text{ и}$$
$$\text{уголъ } A''AK = 180 - v + \varphi + \psi;$$

и между этими углами и противолежащими сторонами въ треугольникѣ имѣется отношеніе

$$AA'' : b + k + \triangle k = \sin(\triangle\varphi + \triangle\psi) : \sin[v - (\varphi + \psi)],$$

или
$$\sin(\triangle\varphi + \triangle\psi)(b + k + \triangle k) = AA'' \sin[v - (\varphi + \psi)] =$$
$$= AA'' \sin v \cos(\varphi + \psi) - AA'' \cos v \sin(\varphi + \psi)$$

Это отношеніе остается въ силѣ, хотя бы точка A" находилась въ безконечно близкомъ отъ точки A разстояніи. Въ семъ послѣднемъ случаѣ линія A"M переходитъ въ тангенсъ къ кривой линіи ABCD, A"A въ дифференціалъ этой линіи и тогда

$$AA'' \sin v = dy$$
и
$$AA'' \cos v = dx.$$

Величины $\triangle\varphi$, $\triangle\psi$ и $\triangle k$ переходятъ въ соотвѣтствующіе дифференціалы $d\varphi$, $d\psi$ и dk; вмѣсто $\sin(d\varphi + d\psi)$ можно поставить $d\varphi + d\psi$, и наше уравненіе превратится въ слѣдующее:

$$(d\varphi + d\psi)(b + k + dk) = dy \cos(\varphi + \psi) - dx \sin(\varphi + \psi).$$

Но $dy \cos(\varphi + \psi) - dx \sin(\varphi + \psi) = a \cos\psi d\varphi + b(d\varphi + d\psi)$, слѣдовательно будетъ

$$(d\varphi + d\psi)(b + k + dk) = a \cos\psi d\varphi + b(d\varphi + d\psi)$$

или
$$(d\varphi + d\psi)(k + dk) = a \cos\psi d\varphi,$$

и такъ какъ $(d\varphi + d\psi)dk$ въ сравненіи съ $(d\varphi + d\psi)k$ ничтожно, мы получимъ

$$(d\varphi + d\psi)k = a \cos\psi d\varphi,$$

или, вычтя изъ обѣихъ частей уравненія $(d\varphi + d\psi)c$,

$$(d\varphi + d\psi)(k - c) = a \cos\psi d\varphi - c(d\varphi + d\psi).$$

Выраженіе $(d\varphi + d\psi)(k - c)$ есть безконечно малый путь, который описываетъ точка N, находящаяся на линіи AK въ разстоя-

ніи с отъ точки E, по направленію перпендикулярному къ линіи AK, при переходѣ ломанной линіи OEA въ сосѣдственное безконечно близкое положеніе OEA"; обозначивъ этотъ путь чрезъ dq, мы имѣемъ

$$dq = a \cos \psi d\varphi - c\,(d\varphi + d\psi),$$

и, помноживъ обѣ части уравненія на 2b, мы получимъ

$$2bdq = 2ab \cos \psi d\varphi - 2bc\,(d\varphi + d\psi),$$

Вычтя это уравненіе изъ выше найденнаго

$$2dF = (a^2 + b^2 + 2ba \cos\psi)\, d\varphi + (b^2 + ab \cos\psi)\, d\psi,$$

мы получимъ

$$2dF - 2bdq = (a^2 + b^2)\, d\varphi + (b^2 + ab \cos\psi)\, d\psi + 2bc\,(d\varphi + d\psi),$$

или

$$2dF - 2bdq = (a^2 + b^2 + 2bc)\, d\varphi + (b^2 + 2bc)\, d\psi + ab \cos \psi d\psi.$$

Интегралъ этого уравненія легко находится, именно

$$2\,(F - bq) = (a^2 + b^2 + 2bc)\,(\varphi_1 - \varphi_0) + (b^2 + 2bc)\,(\psi_1 - \psi_0) + \\ + ab\,(\sin \psi_1 - \sin \psi_0).$$

Если мы желаемъ знать величину всей площади, ограниченной кривой ABCD, то мы должны обвести конечную точку ломанной линіи OEA по всей линіи ABCD; воротившись такимъ образомъ къ исходной точкѣ A, получимъ $\varphi_1 = \varphi_0$, $\psi_1 = \psi_0$, слѣдовательно вторая часть уравненія $= 0$, и мы получимъ величину площади ABCD

$$F = bq;$$

а если точка 0 лежитъ внутри ABCD, φ_1 будетъ равенъ $\varphi_0 + 2\pi$, тогда мы имѣемъ

$$F = bq + (a^2 + b^2 + 2bc)\,\pi.$$

Найденную нами здѣсь теорему можно такъ выразить на словахъ:

Если мы обведемъ свободный конецъ ломанной линіи, состоящей изъ двухъ прямыхъ,—другой конецъ которой, т. е. полюсъ, остается неподвиженъ,—по очертанію любой площади, то величина этой площади равна прямоугольнику изъ той линіи, коей конецъ свободенъ, и суммы путей, которыя любая точка этой самой линіи, или ея продолженія, описала по направленію всегда перпендикулярному къ ней. Если полюсъ лежитъ внутри площади, то къ

этому прямоугольнику слѣдуетъ придать еще извѣстную постоянную площадь.

Слѣдовало только придумать способъ измѣрять сумму этихъ путей, и наша теорема непосредственно примѣнима на практикѣ; Амслеръ придумалъ простѣйшій способъ и въ этомъ состоитъ его большая заслуга.

19) Доктора медицины Д. Зайковскаго.

(Къ вопросу о дѣйствіи меркуріальныхъ препаратовъ на организмъ).

Съ давняго времени ртуть употребляется въ медицинѣ: основываясь на преданіяхъ малабарскихъ врачей, мы можемъ думать, что лѣтъ 900 тому назадъ въ индійской медицинѣ употребляли уже ртуть противъ сифилитическихъ страданій [1]); въ арабской медицинѣ упоминается объ меркуріѣ, а въ XIII вѣкѣ въ Европѣ мы встрѣчаемъ уже употребленіе ртутной мази. Съ тѣхъ поръ то рекомендованная, то оставляемая, ртуть сохранила до нашего времени свое значеніе въ терапіи, и теперь, когда практическая медицина все болѣе и болѣе упрощаетъ и ограничиваетъ тотъ безконечный рядъ металлическихъ препаратовъ, которыми была столь богата средневѣковая медицина, ртуть сохранила свое достойное мѣсто въ ряду самыхъ дѣйствительныхъ средствъ. Не будучи въ состояніи отрицать несомнѣнныхъ цѣлебныхъ свойствъ ртути, мы должны сознаться, что до сихъ поръ рѣшительно ничего не знаемъ объ способѣ дѣйствія этого металла на организмъ; не существуетъ даже ни одной теоріи, основанной на томъ или другомъ фактѣ, которая могла бы бросить хотя слабый свѣтъ на этотъ въ высшей степени загадочный вопросъ въ фармакологіи. Заинтересованные имъ мы рѣшились приняться за его разработку и теперь сообщаемъ вкратцѣ нѣкоторые результаты нашихъ изслѣдованій, которые, какъ намъ кажется, не лишены интереса какъ для фармакологовъ, такъ и для врачей практиковъ.

Опыты и наблюденія прежнихъ врачей, въ высшей степени недостаточные, состояли въ томъ, что они втирали ртутную мазь животнымъ, давали внутрь препараты меркурія болѣе или менѣе долгое время и въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Замѣчали, что оттого появлялись припадки отравленія ртутью, характеризовавшіеся

---

[1]) F. G. Klein: De morbi venerei curatione in India occidentali usitata. 1795.

особенною наклонностію соковъ организма къ разжиженію, и вслѣдствіе того къ усиленному отдѣленію; черезъ это выводились изъ организма различнаго рода вредныя для него вещества: отсюда употребленіе ртути какъ противопластичнаго средства въ воспаленіяхъ, въ страданіяхъ сифилитическихъ; съ давняго времени уже меркурій и его препараты слывутъ у врачей практиковъ за средства въ высокой степени противупластичныя, усиливающія отдѣленія и post hoc, ergo propter hoc, ускоряющія метаморфозъ въ тѣлѣ. Даже знаменитый Вирховъ является сторонникомъ этого воззрѣнія. Основываясь на нахожденіи увеличеннаго количества желѣза въ мочѣ меркуріалистовъ, онъ заключаетъ, что въ крови такихъ больныхъ происходитъ усиленный метаморфозъ въ кровяныхъ шарикахъ [1]). Но, вопреки господствовавшему воззрѣнію, было высказано Либихомъ [2]) предположеніе, что сулема дѣйствуетъ цѣлебнымъ образомъ на больной организмъ тѣмъ, что останавливаетъ въ такихъ патологическихъ случаяхъ броженіе и разложеніе частей организма: сулема, прибавленная къ дрожжамъ, мгновенно почти останавливаетъ броженіе; на этомъ основаніи многіе болѣзненные процессы, которые Либихъ считалъ за выраженіе фермента, попадающаго въ кровь и обусловливающаго разложеніе въ ней (бѣшенство, сифилисъ, піэмія, оспа и др.), должны были проходить или улучшаться въ своемъ теченіи при употребленіи ртути. Voigt [3]) а за нимъ Overbeck [4]), раздѣляя вполнѣ ученіе Либиха и основываясь на собственныхъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, говорятъ, что всѣ меркуріальные препараты, въ конечномъ результатѣ дѣйствующіе какъ сулема, замедляютъ въ значительной степени метаморфозъ въ тѣлѣ, образуя, съ бѣлковыми веществами организма сравнительно съ прежнимъ болѣе стойкія соединенія: двойную соль изъ окиси ртути съ альбуминатомъ + повареная соль; въ этой формѣ находится ртуть въ крови растворенною и обусловливаетъ ту особенную стойкость бѣлковыхъ веществъ, которую замѣтили Voigt и Oeverbeck въ субъектахъ, употреблявшихъ ртуть. Такова въ нѣсколькихъ словахъ вся исторія современнаго состоянія этого вопроса.

Итакъ все сводится къ тому, что меркуріяльные препараты, попадая въ организмъ, оказываютъ вліяніе на всю сумму явленій въ

---

[1]) Arch. Bd. XV, Heft 3 et 4, p. 235.

[2]) Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricult. u. Phys. V Edit., p. 455.

[3]) Physiol. chemisch. Unters. 1857.

[4]) Mercur und Siphilis. 1861.

немъ, поражая главнымъ образомъ метаморфозъ въ тѣлѣ. Но изслѣдованій, подтверждавшихъ это ученіе, не было сдѣлано. Нужно было убѣдиться въ справедливости того или другаго мнѣнія; поэтому намъ нужно было изслѣдовать метаморфозъ, какъ въ здоровыхъ такъ и въ организмахъ больныхъ, отъ употребленія ртути. Какъ ни странно и невѣрно, по нашему мнѣнію, направленіе многихъ современныхъ физіологовъ, судить о напряженности метаморфоза въ тѣлѣ по конечнымъ продуктамъ этого метаморфоза — по количеству выдѣляемыхъ угольной кислоты, воды и мочевины, мы принуждены были все таки идти по слѣдамъ ихъ за неимѣніемъ другаго пути. Но чтобъ сколько нибудь поступить научно, а не чисто эмпирично, мы должны были ограничиться измѣреніемъ количества одной угольной кислоты. Опыты Реньо и Резе, Петенкофера и Фойта съ ихъ знаменитымъ дыхательнымъ аппаратомъ, стоившимъ столько денегъ правительству, въ которыхъ эти ученые мѣрили выдыхаемую воду и отдѣляемую мочевину и получали удивительно точныя цифры, вполнѣ соотвѣтствовавшія количеству содержавшихся элементовъ въ принятой пищѣ, эти опыты по нашему мнѣнію не точны и даже нелогичны. Мѣрить выдыхаемое количество воды животнымъ въ данную единицу времени конечно не трудно, но принимать оное за единицу сравненія, думать и учить, что въ данную единицу времени при данномъ количествѣ принятой пищи непремѣнно весь водородъ оной выдѣлится въ видѣ воды и мочевины — это заключеніе совершенно нераціонально и научно невѣрно. Отдѣленіе воды на поверхности легкаго находится въ самой тѣсной зависимости отъ температуры окружающаго воздуха, отъ степени его влажности, отъ большей или меньшей поверхности соприкосновенія крови съ наружною атмосферою и проч. и проч. Всѣ эти условія, въ разныя времена, конечно, не могутъ быть совершенно тождественны. Точно также невѣрно ученіе и относительно азота принимаемой пищи: онъ весь почти выводится въ формѣ мочевины и только нѣкоторая часть его покидаетъ тѣло съ испражненіями — таковы несомнѣнные выводы Фойта. Мы же знаемъ, благодаря изслѣдованіямъ Функе, что значительная часть мочевины отдѣляется вмѣстѣ съ потомъ; кромѣ того, азотъ выдѣляется въ формѣ мочевой кислоты и другихъ различныхъ болѣе или менѣе случайныхъ примѣсей, выдѣляющихся вмѣстѣ съ мочею; наконецъ значительная часть азота покидаетъ тѣло въ формѣ твердыхъ отдѣленій: шелушеніе кожицы, спаденіе волосъ и др. Всѣ эти явленія парализируются и не существуютъ у

животныхъ въ Мюнхенѣ, когда надъ ними производятъ изслѣдованія, и мюнхенская школа старается доказать изо всѣхъ силъ всѣмъ и каждому полную научность своего направленія, задавляя мышленіе цифрами, доказывающими ту аксіому, что во всякое время и при всякихъ условіяхъ весь водородъ и азотъ принятой пищи выдѣляются сполна въ формѣ воды и мочевины. Въ доказательство того, какимъ колебаніямъ подвержено отдѣленіе воды поверхностію организма, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Мышь 15,5 grm. вѣсомъ, выдыхавшая, какъ мы увидимъ ниже, почти одинаковыя количества CO_2, въ разные дни при температурѣ 14° R., выдѣляла въ 6 часовъ воды при одинаковой пищѣ:

Въ 1-й	день	— 0,9	grm.	Въ 6-й	день	— 1,313	grm.
» 2-й	»	2,116	»	» 7-й	»	1,143	»
» 3-й	»	3,058	»	» 8-й	»	0,9	»
» 4-й	»	1,698	»	» 9-й	»	1,281	»
» 5-й	»	3,263	»	» 12-й	»	2,118	» и т. д.

Другая мышь вѣсомъ 13,8 grm. при тѣхъ же условіяхъ въ 6-ть часовъ:

Въ 1-й	день	— 1,422	grm.	Въ 6-й	день	— 1,732	grm.
» 2-й	»	0,951	»	» 7-й	»	1,02	»
» 4-й	»	0,872	»	» 9-й	»	0,923	»

При этомъ мы должны упомянуть, что мыши въ нашемъ снарядѣ испускали мочу, вода которой значится въ приведенныхъ числахъ.

Поэтому намъ оставалось мѣрить только количество отдѣляемой CO_2, чтобъ составить себѣ нѣкоторую картину метаморфоза въ изслѣдуемомъ организмѣ — методъ, конечно, тоже не совсѣмъ раціональный, но за неимѣніемъ лучшихъ единственный, представлявшійся намъ.

Снарядъ, употребленный нами съ этою цѣлью, очень удобный, позволялъ улавливать въ теченіи долгаго времени абсолютно все количество отдѣлявшейся CO_2; онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Мы брали значительной величины стеклянный колоколъ, имѣющій сверху отверстіе, которое плотно закрывалось большою гутта-перчевою пробкою, черезъ которую пропущены были двѣ стеклянныя трубки. Одна изъ нихъ оканчивалась у нижняго края пробки и соединялась другимъ концомъ съ цѣлымъ аппаратомъ, черезъ который проходилъ

втягиваемый черезъ трубку наружный воздухъ внутрь колпака. Прежде всего воздухъ проникалъ черезъ трубочку съ хлористымъ кальціемъ, который отнималъ у него содержащуюся въ немъ воду, потомъ черезъ приборъ съ натромъ-калькомъ, въ которомъ онъ освобождался отъ CO_2, и наконецъ черезъ сосудъ съ баритовой водою, которая служила для контроля того, что дѣйствительно въ снарядъ воздухъ проникаетъ безъ малѣйшей примѣси CO_2. Другая трубка, пропущенная черезъ пробку колпака, касалась почти нижняго края его и служила для вытягиванія воздуха; верхнимъ концомъ своимъ она соединялась съ цѣлымъ рядомъ трубокъ; первыя изъ нихъ (обыкновенно 2 — 3) подкововидныя съ расширеніями были наполнены мелкими кусочками пемзы, смоченными предварительно въ сѣрной крѣпкой кислотѣ; воздухъ, выходившій изъ-подъ колпака, лишался здѣсь содержавшейся въ немъ воды; потомъ поступалъ въ подкововидныя меньшія трубочки, наполненныя натромъ-калькомъ, который отнималъ у проходившаго воздуха всю CO_2; при этомъ нужно замѣтить, что трубочки наполняются натромъ-калькомъ такъ, что въ конецъ ихъ, обращенный къ выходу, кладется всегда нѣсколько хлористаго кальція. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобъ освобождающаяся вода изъ натронъ-калька, при соединеніи послѣдняго съ CO_2, не улетучивалась. Такихъ трубочекъ обыкновенно берется отъ 4 — 6; послѣдняя изъ нихъ соединяется въ свою очередь съ стклянкою съ баритовой водою, которая выполняетъ двѣ роли: служитъ для контроля тому, что не проходитъ черезъ трубочки CO_2 и съ другой стороны служитъ клапаномъ. Эта стклянка соединена съ большимъ аспираторомъ, посредствомъ котораго воздухъ движется подъ колпакомъ съ постоянною почти скоростію, 200 с. с., въ минуту въ продолженіи 6 часовъ, начиная съ 10 часовъ утра до 4-хъ часовъ послѣ обѣда, при температурѣ 14° R. Нижній конецъ колпака съ хорошо отшлифованными краями плотно укрѣпляется на толстой стеклянной пластинкѣ, смазывается саломъ, и такимъ образомъ получается пространство, въ которое сажается животное и которое вентилируется исключительно при помощи аспиратора [1]). Животныя, употреблявшіяся нами для опытовъ, были мыши, какъ организмы, въ которыхъ метаморфозъ происходитъ съ почти

[1]) Само собою разумѣется, что всѣ употребляемыя трубочки аккуратно взвѣшиваются до начала опыта и также тотчасъ по окончаніи его, разница въ вѣсѣ и показываетъ количество выдѣленныхъ CO_2 и воды во все продолженіе опыта.

невѣроятной быстротою. Для доказательства того мы приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Мышь вѣсомъ въ 15,5 grm. выдыхаетъ при кормленіи бѣлымъ хлѣбомъ съ водою въ 24 часа	4,983 grm. угольной кислоты
Другая мышь въ 14,2 grm. въ то же время	4,323 » » »
Третья въ 12,4 grm. . .	3,651 » » » и т. д.

Обыкновенно мы производили опыты въ продолженіи 6 часовъ, потому что мыши совершенно здоровыя выдыхаютъ въ теченіе этого времени постоянно почти одинаковыя количества угольной кислоты, которыя и могутъ служить единицею сравненія для позднѣйшихъ опытовъ. Вотъ на выдержку нѣсколько примѣровъ изъ нашей записной книжки.

Въ 6 часовъ.

Мышь № 17, 15,5 grm. вѣсомъ.	Мышь № 6, 14,4 grm. вѣсомъ.
1-й день выдохн. CO_2 — 1,227 grm.	Выдохнула CO_2 — 1,2 grm.
2-й » » » 1,354 »	» » 1,47 »
3-й » » » 1,651 »	» » 1,43 »
4-й » » » 1,406 »	» » 1,37 »
5-й » » » 1,602 »	

Разъ зная количество выдыхаемой угольной кислоты здоровымъ животнымъ, мы начинали давать ему сулему, что весьма удобно и легко дѣлается съ мышами, нужно только поступать въ высокой степени осторожно, потому что если дать за разъ нѣсколько сильный пріемъ, животныя умираютъ въ припадкахъ полнаго паралича всѣхъ мышцъ. Обыкновенно это явленіе начинается съ заднихъ конечностей: животное теряетъ способность координировать свои движенія, походка дѣлается очень невѣрною, дыханіе очень рѣдкимъ и вся картина оканчивается смертью. Замѣчательно то, что мыши положительно не переносятъ каломеля даже въ самыхъ ничтожныхъ пріемахъ; онъ на нихъ дѣйствуетъ несравненно сильнѣе и быстрѣе сулемы. Отчего зависитъ это явленіе, мы пока не знаемъ.

Обыкновенно мы распускаемъ 1 grn. сулемы въ ℥j воды и смотря по надобности прибавляемъ въ воду, которой смачиваемъ хлѣбъ, назначенный мышамъ, черезъ что очень равномѣрно распредѣляется употребляемый препаратъ; мы начинаемъ съ $^1/_{80}$ — $^1/_{75}$ доли грана,

постоянно возвышая пріемы. Мы производили наши изслѣдованія на 22 животныхъ и постоянно получали одинаковые результаты: при употребленіи сулемы внутрь, количество выдыхаемой угольной кислоты въ продолженіи 6 часовъ постоянно падало и притомъ постепенно при осторожномъ возвышеніи пріемовъ, при болѣе же быстромъ увеличеніи оно быстрѣе падало. При этомъ отдѣленіе CO_2 до того было значительно уменьшено, что оно иногда равнялось половинѣ того количества, которое животное выдыхало въ нормальномъ состояніи. Одновременно съ уменьшеніемъ количества выдыхаемой CO_2 уменьшалась, хотя и не всегда, частота дыханій. Такъ мышь, дышавшая нормально 180—172 раза въ минуту, подъ вліяніемъ сулемы начинала дышать 140, 120, 100, 80 и даже 70 разъ въ минуту.

Для доказательства сказаннаго мы приводимъ нѣсколько примѣровъ.

Мы видѣли выше числа, выражающія количество выдыхаемой CO_2 нормальными мышами №№ 17 и 6; посмотримъ теперь сколько CO_2 выдыхали они подъ вліяніемъ сулемы.

Мышь № 17, въ 6 часовъ выдохнула CO_2, принявши $^1/_{75}$ grn. сулемы

		Угольн.	кислоты	1,284 grm.
На другой	день	(еще $^1/_{75}$ grn. HgCl)	» »	1,237 »
» третій	»	(» » »)	» »	1,183 »
» четвер.	»	(» $^1/_{60}$ »)	» »	1,161 »
» пятый	»	(» » »)	» »	1,124 »
» шестой	»	(» $^1/_{50}$ »)	» »	0,933 »
» осьмой	»	(» » »)	» »	0,915 »
» девят.	»	(» » »)	» »	0,9 »
» десят.	»	(» » »)	» »	0,933 »
» одинад.	»	(» $^1/_{40}$ »)	» »	0,895 »
« двѣнад.	»	(» » »)	» »	0,858 »

Мышь № 9, вѣсомъ 12,7 grm.; нормальное количество выдыхаемой CO_2 въ 6 часовъ было слѣдующее:

Въ первый день . . . . 1,02 grm.
Во второй » . . . . 1,17 »

Отравленная $^1/_{25}$ grn. HgCl

Въ 6 часовъ выдохнула CO_2 . . . . 0,825 grm.

На другой день . . . . 0,801 grm.
» третій » . . . . 0,65 » и т. д. [1])

Итакъ при употребленіи HgCl значительно уменьшалось количество выдыхаемой угольной кислоты. Съ перваго взгляда полученный любопытный фактъ казалось несомнѣнно говорилъ въ пользу замедленнаго метаморфоза въ тѣлѣ, но при болѣе внимательномъ разсматриваніи его онъ далеко этого не доказывалъ; онъ только рождалъ своимъ существованіемъ нѣсколько предположеній, которыя послѣдовательно рѣшая, мы быть можетъ со временемъ дойдемъ до разгадки образа дѣйствія меркуріальныхъ препаратовъ на организмъ. Вотъ предположенія, которыя порождались добытымъ фактомъ. Уменьшенное отдѣленіе угольной кислоты могло быть слѣдствіемъ или:

1. Того, что сулема, соединившись съ значительнымъ количествомъ бѣлка организма животнаго, образуетъ вмѣстѣ съ нимъ значительно стойкое соединеніе, не способное быстро разрушаться при дѣйствіи озонизированнаго кислорода воздуха (Voigt, Oeverbeck). Но подобное предположеніе, объясняя нѣсколько причину уменьшеннаго метаморфоза протеинныхъ веществъ (каковыхъ изслѣдованій со стороны названныхъ ученыхъ не было сдѣлано), нисколько не объясняетъ уменьшеннаго отдѣленія CO_2. Могутъ бѣлочныя вещества сдѣлаться стойче, не разлагаться съ прежнею быстротою, и отъ того нисколько не уменьшится количество отдѣляемой CO_2; оно даже при извѣстныхъ данныхъ можетъ значительно увеличиться: мы при этомъ укажемъ на извѣстный фактъ, что главнымъ источникомъ угольной кислоты въ организмѣ считаютъ водоуглероды и углеводороды. Подтвержденіемъ сказанному можетъ служить та значительная разница въ количествѣ выдыхаемой CO_2 однимъ и тѣмъ же животнымъ, получавшимъ сперва чисто мясную пищу (сырое рубленое мясо), а потомъ чисто растительную (бѣлый хлѣбъ).

Мышь № 3, вѣсомъ 14,2 grm., въ 6 часовъ выдыхала CO_2:

При мясной пищѣ.	При растительной пищѣ.
Въ 1-й день — 0,988 grm.	Въ 1-й день — 1,473 grm.
» 2-й » 0,1 »	» 2-й » 1,398 »

2. Наоборотъ, уменьшенное отдѣленіе CO_2 можетъ быть слѣд-

[1]) Въ Военно-медицинскомъ журналѣ за нынѣшній годъ у насъ приведено еще нѣсколько любопытныхъ примѣровъ.

ствіемъ того, что благодаря тому или другому процессу значительно уменьшается образованіе и метаморфозъ углеводородовъ, и вся масса озонизированнаго кислорода падаетъ на вещества протеинныя; для поддержанія извѣстной температуры протеинныхъ веществъ сгораетъ сравнительно меньше, чѣмъ углеводородовъ: слѣдовательно при равномъ эфектѣ отдѣляется значительно меньше угольной кислоты.

3. Уменьшенное отдѣленіе CO_2 можетъ быть слѣдствіемъ пораженія стѣнокъ кишечнаго канала препаратами ртути. Животное, питавшееся преимущественно крахмалистыми веществами и главнымъ образомъ дышавшее на счетъ ихъ, вдругъ перестаетъ получать ихъ въ нужномъ количествѣ и потому должно употреблять для поддержанія необходимой для него температуры сперва собственный жиръ а потомъ и альбуминаты.

4. Наконецъ, уменьшенное отдѣленіе CO_2 можетъ быть слѣдствіемъ пораженія или измѣненія функціи одного изъ важнѣйшихъ органовъ въ экономіи животной — печени. Извѣстно, что почти всѣ металлы преимущественно отлагаются въ существо печени, и это до того общее правило, что при каждомъ судебно-медицинскомъ случаѣ главнымъ образомъ ищутъ тотъ или другой металлъ въ этомъ органѣ. Много данныхъ говорятъ въ пользу первоначальнаго пораженія существа печени препаратами ртути; измѣненіе этого органа влечетъ за собою измѣненный метаморфозъ въ организмѣ — конечнымъ результатомъ котораго является уменьшенное отдѣленіе угольной кислоты.

Подробное изслѣдованіе этихъ различныхъ предположеній составитъ предметъ нашихъ послѣдующихъ донесеній.

Вѣна, $\frac{\text{27-го октября}}{\text{8-го ноября}}$ 1864 года.

20) Кандидата Николая Бакста.

На зимній семестръ, какъ я уже сообщилъ въ предъидущемъ отчетѣ, я переѣхалъ въ Берлинъ. Вслѣдствіе этого я долженъ былъ оставить неоконченнымъ начатое въ лабораторіи Гельмгольца изслѣдованіе объ обмѣнѣ газовъ въ нѣкоторыхъ органахъ. Въ Берлинѣ меня привлекали преимущественно нѣкоторые курсы, — къ сожалѣнію, я, кажется, на этотъ разъ обманулся въ этихъ ожиданіяхъ. Такъ какъ, впрочемъ, семестръ еще почти въ самомъ началѣ, то

предоставляю себѣ говорить о здѣшнихъ курсахъ, которые слушаю, въ слѣдующій разъ. Слушаніе курсовъ и занятія по этимъ курсамъ отнимаютъ у меня почти все время, такъ что въ этотъ семестръ мнѣ едва ли придется приступить къ практическимъ занятіямъ. Поэтому надѣюсь окончить начатое мною изслѣдованіе лѣтомъ въ Гейдельбергѣ. Въ слѣдующемъ отчетѣ предоставляю себѣ также сказать нѣсколько словъ о моихъ занятіяхъ вообще за истекшее время.

Берлинъ, 26-го ноября 1864 года.

21) Кандидата Николая Орлова.

1.

По пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ, $^{1}/_{13}$ сентября, я въ скоромъ времени принялъ матрикулы въ здѣшнемъ университетѣ и записался на слѣдующія лекціи: 1) Strafrecht — Prof. Berner, 2) Naturrecht oder Rechtsphilosophie — Prof. Berner, 3) Strafprocess — Prof. Berner, 4) Strafprocess, mit besonderer Rücksicht auf das französische Strafverfahren — Prof. v. Holtzendorff, 5) Criminal-Psychologie — Prof. Berner, 6) Psychologie des Verbrechens — Dr. Dühring. Послѣднія двѣ коллегіи должны читаться публично и безденежно.

Самыя же чтенія начались весьма недавно, а г. Дюрингъ еще и до сихъ поръ не открывалъ своего публичнаго курса. Одинъ только Бернеръ началъ свои чтенія по предмету уголовнаго права нѣсколько раньше, и часть его курса объ уголовныхъ теоріяхъ, какъ уже законченный отдѣлъ его системы, я представляю здѣсь въ краткомъ очеркѣ.

Чтенія свои по предмету уголовнаго права Бернеръ началъ съ замѣчанія о необходимости для изученія науки философской точки зрѣнія; затѣмъ вкратцѣ опредѣлилъ понятіе самаго уголовнаго права, въ его двоякомъ, субъективномъ и объективномъ, значеніи, и затѣмъ перешелъ къ изложенію и критикѣ уголовныхъ теорій.

Основное различіе между относительными и абсолютными теоріями Бернеръ видитъ въ различіи ихъ воззрѣній на государство вообще и на происхожденіе его въ особенности. Такъ въ основѣ относительныхъ теорій лежитъ понятіе о государствѣ какъ объ учрежденіи, существующемъ только для пользы индивидуумовъ, какъ о всеобщемъ охранительномъ учрежденіи, которое находитъ свое

юридическое основаніе не въ самомъ себѣ и не въ своемъ собственномъ существѣ, но лишь только въ возможномъ удовлетвореніи интересамъ и благу индивидуумовъ. Это—такъ называемое договорное государство. Карательная же дѣятельность государства есть только отдѣльная часть общей государственной дѣятельности. Если потому государственная дѣятельность должна имѣть въ виду только пользу отдѣльныхъ лицъ, то и карательная дѣятельность государства находитъ свое оправданіе лишь въ этой цѣли. Самое полное и послѣдовательное выраженіе этого начала Бернеръ видитъ въ теоріи Фихте. Только общественный договоръ — говоритъ Фихте — созидаетъ права для каждаго отдѣльнаго лица. Кто преступленіемъ нарушаетъ общественный договоръ, тотъ слѣдовательно становится вполнѣ безправымъ. Онъ долженъ быть объявленъ лишеннымъ покровительства законовъ, и государство должно извергнуть собственно его изъ своей среды; ибо государство существуетъ только вслѣдствіе договора; оно, слѣдовательно, существуетъ только для тѣхъ, которые соблюдаютъ этотъ договоръ. Преступникъ нарушилъ договоръ, слѣдовательно государство болѣе для него не существуетъ. Преступленіе ставитъ преступника внѣ государства, и чистѣйшее выраженіе этого должно быть изгнаніе. Въ строгомъ смыслѣ изгнаніе должно бы было прилагаться и къ самому незначительному проступку. Но съ другой стороны должно принять въ уваженіе, что государство имѣетъ своею цѣлію взаимную безопасность. Если существуетъ средство, посредствомъ котораго эта безопасность можетъ быть достигнута также какъ и посредствомъ изгнанія преступника, то государство не имѣетъ нужды доходить до такой крайности. Такого рода средство, посредствомъ котораго изгнаніе дѣлается излишнимъ, Фихте находитъ въ искупленіи вины посредствомъ наказанія, для чего онъ выставляетъ договоръ слѣдующаго содержанія: всѣ обѣщаютъ всѣмъ и каждому, чтобы въ случаѣ содѣяннаго кѣмъ нибудь изъ нихъ преступленія не исключать его изъ государства, но дозволять, на сколько это совмѣстно съ государственною безопасностію, искупать ему вину какимъ нибудь инымъ образомъ. Этотъ договоръ Фихте называетъ договоромъ объ искупленіи вины. Но чтобы тѣмъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, государство Фихте старается отвратить гражданъ отъ преступленія угрозою наказанія. Если же не помогла угроза, то оно должно стараться такъ расположить примѣненіе и исполненіе наказанія, чтобы посредствомъ него преступникъ былъ исправленъ. Исправленный, онъ опять вхо-

дитъ въ государство, которому онъ уже пересталъ быть опаснымъ, потому что въ немъ преступленіе на будущее время уже предупреждено.

Противъ такъ называемой старой теоріи устрашенія (Гмелинъ *), возражаетъ Бернеръ, что она наказываетъ преступника не за дѣйствительно имъ совершенное уже преступленіе, а скорѣе за тѣ преступленія, которыя могутъ быть совершены въ послѣдствіи и даже другими лицами. Равнымъ образомъ эта теорія забываетъ, что человѣкъ не вещь, а лицо, и что по сему онъ не можетъ быть приносимъ въ жертву другимъ лицамъ, а имѣетъ вполнѣ право на признаніе его самоцѣльнымъ существомъ. Сверхъ того, она вытекаетъ изъ того воззрѣнія, что страхъ есть самая дѣйствительная пружина для отвращенія человѣка отъ преступленія.

Въ теоріи исправленія онъ вовсе не находитъ оправданія права наказанія. Теорія исправленія — говоритъ онъ — хочетъ наказанія, потому что она должна исправлять; но она вовсе не доказываетъ, на какомъ основаніи испраленіе должно быть достигаемо именно посредствомъ наказанія, и такимъ образомъ само-то наказаніе остается безо всякаго основанія. Если положить, слѣдовательно, юридическое основаніе наказанія въ цѣли исправленія, то неисправимый злодѣй долженъ остаться безо взякаго наказанія, потому что въ немъ цѣль исправленія не находитъ уже никакого примѣненія.

Относительно теоріи государственной самозащиты (Martin, Schulze, Romagnosi, Carmignani) говоритъ онъ, что наказаніе и право необходимой обороны не имѣютъ между собой ни малѣйшаго сходства. Наказывать можно только по совершеніи правонарушенія, необходимой же обороной пользуются еще до совершенія его. Притомъ совершенное преступленіе уже болѣе не опасность, а вполнѣ осуществленное уже правонарушеніе, хотя не нарушеніе только правъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбленіе правъ государства.

Теорія предупрежденія (Praeventionstheorie — Grolman) имѣетъ цѣлію не только, чтобы по возможности не было правонарушенія, но чтобы и не существовало преступной воли. Принудительность вознагражденія (гражданскій судъ) уничтожаетъ происшедшее правонарушеніе, но государство должно устранять и возможное право-

*) Новая теорія устрашенія — Фейербаха.

нарушеніе, которое заключается въ преступной волѣ; оно должно идти на встрѣчу лежащей въ преступной волѣ опасности; этой то цѣли государство достигаетъ принужденіемъ наказанія. Эта теорія грѣшитъ потому 1) что требованіе внутренней правомѣрной воли вовсе не принадлежитъ къ области права, а скорѣе къ области нравственности; 2) теорія эта находитъ юридическое оправданіе наказанія въ опасности, слѣдовательно, въ возможномъ будущемъ преступленіи, такимъ образомъ она смотритъ на наказаніе не какъ на зло за содѣянное уже преступленіе, и 3) если такимъ образомъ идея предупрежденія заключаетъ въ себѣ юридическое оправданіе наказанія, то было бы вполнѣ послѣдовательно допустить уже впередъ наказаніе преступленія до выраженія еще во внѣ преступной воли.

Несостоятельность основаній теоріи психическаго принужденія (Фейербахъ) заключается по Бернеру: 1) что воля не допускаетъ принужденія, и каждое, не смотря на угрозу въ законѣ, совершаемое преступленіе служитъ доказательствомъ невозможности психическаго принужденія; 2) часто преступникъ слишкомъ мало знаетъ уголовный законъ, чтобы было для него возможно сравненіе зла наказанія съ тѣмъ наслажденіемъ, которое онъ надѣется получить вслѣдствіе преступленія; 3) притомъ мы видимъ на опытѣ, что большая часть преступниковъ, упоенныхъ воображаемымъ наслажденіемъ преступленія, надѣется избѣгнуть преслѣдованія и кары уголовнаго закона. Сверхъ того теорія психическаго принужденія ведетъ и къ законодательству Дракона, ибо, чтобы угроза достигала своей цѣли — психическаго принужденія, должны быть выставляемы въ угрозу сколь возможно жесточайшія и устрашающія наказанія.

Отличіе этой теоріи отъ теоріи предостереженія (Warnungstheorie) Бауера, Бернеръ видитъ въ томъ, что Бауэръ направляетъ угрозу закона не только, какъ Фейербахъ, на чувственную, но и на нравственную природу человѣка, отсюда и названіе предостереженіе. Выводъ же права наказанія, сдѣланный Бауэромъ, нисколько не оправдываетъ существованія наказанія: онъ допускаетъ простую угрозу наказанія, потому что она не дѣлаетъ еще собою никакого ущерба свободѣ отдѣльнаго лица; а потомъ дѣйствительное примѣненіе наказанія юридически оправдывается существовавшею уже напередъ угрозою. Но такимъ образомъ можно за самый незначительный проступокъ угрожать и смертною казнію, и потомъ дѣйствительное наказаніе его смертію оправдывать выставленною уже напередъ въ законѣ угрозою.

Противъ теоріи возмѣщенія (Ersatztheorie—Клейнъ, Велькеръ), признающей въ преступленіи присутствіе двоякаго вреда: матеріальнаго, вознаграждаемаго гражданскимъ удовлетвореніемъ, и идеальнаго, состоящаго въ привлекательности дурнаго примѣра, въ поколебленномъ уваженіи къ закону и въ нарушеніи общественнаго спокойствія и долженствующаго быть искупленнымъ уголовнымъ наказаніемъ, Бернеръ возражаетъ, что идея возмѣщенія не можетъ быть идентична съ идеею наказанія, да и самый идеальный вредъ есть не само преступленіе, а болѣе или менѣе случайное слѣдствіе его, котораго иногда можетъ и не быть.

Разборъ относительныхъ теорій Бернеръ заключаетъ своимъ мнѣніемъ, что онѣ приближаются къ истинному существу наказанія по мѣрѣ того, какъ онѣ относятъ наказанія къ совершенному уже преступленію и къ самому преступнику; удаляются же онѣ отъ истины по мѣрѣ того, какъ онѣ отыскиваютъ юридическое оправданіе наказанія въ будущемъ возможномъ преступленіи, можетъ быть имѣющемъ быть содѣяннымъ другими лицами, а не настоящимъ преступникомъ. Сверхъ того онѣ не стараются прежде всего найти основаніе и юридическое оправданіе наказанія въ его собственной внутренней справедливости.

Абсолютныя же теоріи, если только онѣ — прибавляетъ Бернеръ — послѣдовательны, имѣютъ свое основаніе въ самоцѣльности государства. Происхожденіе государства, по мнѣнію абсолютныхъ теорій, не лежитъ въ человѣческомъ произволѣ, а имѣетъ своимъ основаніемъ нравственную необходимость; люди по своей нравственной природѣ стремятся къ государственной жизни. Государство, какъ и все нравственное, не существуетъ ради пользы и для внѣшнихъ общественныхъ цѣлей. Оно есть само по себѣ цѣль, и своимъ нравственнымъ существованіемъ и этическимъ содержаніемъ удовлетворяетъ нравственной необходимости человѣка; поэтому и высшія государственныя отправленія вовсе не должны служить никакой особенной пользѣ. И уголовная дѣятельность, какъ отдѣльная государственная функція, основывается на нравственной необходимости и только въ себѣ самой и имѣетъ свою цѣль; она находитъ свое юридическое оправданіе въ собственной природѣ наказанія, а вовсе не въ той пользѣ, которую оно можетъ доставить отдѣльнымъ лицамъ или всему обществу. Наказаніе, какъ и государство, есть само въ себѣ цѣль. Нравственная потребность, по воззрѣніямъ абсолютныхъ теорій, вполнѣ убѣждаетъ въ необходимости наказа-

нія, и уже цѣлесообразность наказанія здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Строго логическій выводъ наказанія, имѣющій въ своемъ основаніи этотъ взглядъ на государство, Бернеръ видитъ въ теоріи Гегеля, и даже самъ отчасти исповѣдуетъ ее и кладетъ ее въ основу своей теоріи. Канта онъ упрекаетъ въ непослѣдовательности; говоритъ, что его уголовная теорія не связана органически со всей его системой, даже противорѣчитъ его воззрѣнію на государство и на право. Кантъ выводитъ право изъ произвола индивидуумовъ, изъ соединенной воли народа, опредѣленіе котораго во всякомъ случаѣ должно быть признаваемо за право; но какимъ же образомъ вытекаетъ тогда высшая потребность наказанія? Государство Канта, по мнѣнію Бернера, очень сходно съ договорнымъ государствомъ Руссо. Это государство собственно имѣетъ цѣлію только безопасность отдѣльныхъ лицъ. Какимъ же образомъ теперь наказующая дѣятельность государства становится сама въ себѣ цѣлію (Selbstzweck)? Но вполнѣ раціонально, замѣчаетъ Бернеръ, что Кантъ требуетъ примѣненія такихъ наказаній, въ которыхъ отражается специфическій характеръ содѣянныхъ преступленій.

Цахаріе и Генке стараются выраженный Кантомъ принципъ воздаянія примѣнить практически; при чемъ первый обращаетъ вниманіе только на объективную, тогда какъ послѣдній только на субъективную сторону преступленія. Обѣ эти теоріи также не выдерживаютъ критики. Въ основѣ теоріи Цахаріе лежитъ очевидный софизмъ: называя каждое преступленіе нападеніемъ на свободу, Цахаріе принимаетъ здѣсь эту свободу какъ сумму всѣхъ правъ, присущихъ человѣку; но, выводя изъ этого опредѣленія преступленія наказаніе лишенія свободы, онъ принимаетъ уже свободу въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, т. е. свободу отъ тюремнаго заключенія. Всѣ наказанія такимъ образомъ онъ сводитъ къ наказанію лишенія свободы, продолжительность т. е. мѣра котораго должна быть вычислена формальнымъ образомъ, оставляя въ сторонѣ и мотивы преступнаго дѣйствія и субъективное дѣйствіе преступленія на пострадавшаго отъ него. По теоріи же Генке мѣра возмездія опредѣляется наступленіемъ исправленія; такимъ образомъ вина является уже несоизмѣримой величиной. Но на этомъ основаніи слѣдуетъ подвергнуть пожизненному тюремному заключенію нарушителя какого нибудь маловажнаго уголовнаго закона, если онъ оказывается въ отношеніи этого закона неисправимымъ. Да и всѣ уголовные кодексы, по этой теоріи, оказываются не нужными, по крайней мѣрѣ безпо-

лезными, ибо для каждаго отдѣльнаго преступника слѣдовало бы уже назначать особенныя наказанія, по его бо̀льшей или меньшей исправимости. Впрочемъ заслуга Генке состоитъ въ указаніи субъективной стороны преступленія, на основаніи которой онъ думаетъ вывести мѣру наказанія.

У Гегеля находитъ Бернеръ какъ строго логическій выводъ того, что у Канта является какъ простое дѣло совѣсти, такъ и достаточное указаніе для практическаго примѣненія выставленнаго принципа, и притомъ этотъ принципъ вполнѣ согласенъ съ идеею государства, которое, по Гегелю, есть нравственная идея, имѣющая только въ себѣ самой цѣль. «Выставленному Гегелемъ положенію о ничтожности преступленія, служащему основаніемъ его теоріи— говоритъ Бернеръ—несправедливо дѣлаютъ упрекъ въ неясности. И Шлейермахеръ называетъ зло ничтожнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, остается на выборъ—или признать злое ничтожнымъ, или міръ подѣлить между Богомъ и дьяволомъ». Драгоцѣнный для науки результатъ, добытый абсолютными теоріями, есть тотъ, что наказаніе имѣетъ свое основаніе въ самомъ преступленіи. Необходимое предположеніе при его примѣненіи есть его внутренняя справедливость.

Но понятіе о государствѣ, которое возводитъ его къ самоцѣльности, вмѣстѣ съ истиной заключаетъ въ себѣ и односторонность. Конечно, какъ утверждаютъ абсолютныя теоріи, нравственное никакъ не имѣетъ своего основанія въ той пользѣ, которую приноситъ оно, слѣдовательно и нравственное содержаніе государственной дѣятельности никакъ нельзя подвести къ служенію одной только пользѣ. Но ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ не признаютъ въ человѣческой личности присутствія чего то высшаго, въ которомъ нравственное и полезное находитъ ихъ общую цѣль. Человѣкъ существуетъ не для закона, не ради также государства; государство и право скорѣе существуютъ ради человѣка. Нравственность даже была бы пустымъ звукомъ, если бы она не удовлетворяла нравственной личности. Полезное подчинено справедливому; но оба эти понятія вмѣстѣ дѣйствуютъ для личности, развитіе и удовлетвореніе которой есть высшая задача государства. Болѣе или менѣе ясное понятіе этого лежитъ въ основаніи бо̀льшей части теорій, которыя хотятъ соединить абсолютныя теоріи съ относительными. Но нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ цѣлію осуществить справедливость лишь на столько, на сколько это полезно, другія же напротивъ требуютъ осуществленія справедливости и потомъ ста-

раются осуществить и полезное, но лишь на столько, на сколько это справедливо. У однихъ справедливость наказанія есть только необходимое предположеніе наказанія, истинная цѣль котораго одно полезное, у другихъ справедливость остается главною цѣлію.

Въ числѣ послѣднихъ Бернеръ упоминаетъ Абегга и I. I. Вирта. Наказаніе, по взгляду Абегга, должно вытекать изъ одной только справедливости; оно слѣдовательно должно измѣряться виною; а самое понятіе вины содержитъ въ себѣ всѣ тѣ элементы, которые принимаются относительными теоріями за масштабъ для наказанія. Относительныя теоріи принимаютъ за основаніе и за масштабъ наказанія не столько вину, сколько опасность, лежащую какъ въ лицѣ преступника, такъ и въ содѣянномъ имъ преступленіи. Но эта опасность заключается въ волѣ преступника и входитъ слѣдовательно въ составъ его вины. Если лице преступника опасно, то эта опасность именно лежитъ въ его направленной ко злу волѣ. Если его дѣяніе опасно, то это именно потому, что онъ пожелалъ этой опасности при приведеніи въ исполненіе этого опаснаго дѣянія. Точно также и въ дурномъ примѣрѣ для другихъ, подаваемомъ преступникомъ своимъ преступнымъ дѣяніемъ, лежитъ не только большая опасность, но и вмѣстѣ съ тѣмъ и большая вина. Отсюда Абеггъ выводитъ, что одно только понятіе вины содержитъ уже въ себѣ точки зрѣнія относительныхъ теорій, которыя принимаются ими за масштабъ для наказанія. Принятіе во вниманіе такимъ образомъ при опредѣленіи наказанія идеи одной только справедливости удовлетворяетъ уже собою цѣлямъ пользы, на сколько вообще онѣ имѣютъ право на это удовлетвореніе. Но въ этомъ то слишкомъ уже узкомъ значеніи, которое придаетъ Абеггъ полезнымъ цѣлямъ, и лежитъ, по мнѣнію Бернера, ошибка этой теоріи. Цѣли пользы, выставленныя относительными теоріями, болѣе самостоятельны; онѣ должны имѣть право на свое осуществленіе не на столько, на сколько требуетъ этого справедливость, а на сколько она это допускаетъ.

Теорія Вирта построена на слѣдующихъ началахъ. Прежде всего Виртъ обращаетъ вниманіе на то, что имѣютъ право наказанія не только государство, но и семейство, и школа, и церковь. Отсюда онъ напередъ выводитъ общее понятіе наказанія, и потомъ уголовному наказанію придаетъ особенный характеръ. Въ общемъ понятіи наказанія онъ находитъ двѣ цѣли; а именно, что преступное дѣяніе должно быть уничтожено: 1) объективно преступникомъ, и 2) субъективно въ самомъ преступникѣ, т. е. въ его волѣ и чув-

ственной его природѣ. Объективно преступленіе уничтожаетъ воздаяніе, — воздающая справедливость. Субъективно преступленіе уничтожается исправленіемъ самаго преступника и устрашеніемъ другихъ, въ чувственной природѣ которыхъ существуетъ склонность къ преступленію. Таково общее понятіе наказанія. Особенныя понятія наказанія государства, церкви, семейства и школы содержатъ въ себѣ всѣ эти цѣли наказанія, но одну изъ нихъ выставляютъ главною, господствующею цѣлію, которой уже всѣ другія подчиняются. Школа, семейство и церковь этою главною цѣлію выставляютъ субъективную, государство же напротивъ — объективную цѣль. Такимъ образомъ объективная цѣль — воздаяніе — есть собственно принципъ государственнаго наказанія, субъективная же цѣль, по крайней мѣрѣ исправленіе, есть принципъ другихъ нравственныхъ круговъ, которые имѣютъ дѣло не съ отдѣльнымъ дѣйствіемъ человѣка, но которые должны своею дѣятельностію обнять всю человѣческую личность. Но въ государственномъ наказаніи, при господствѣ объективной цѣли, осуществляются и субъективныя цѣли. 1) Уже не рѣдко само справедливое воздаяніе требуетъ уже, по указанію Абегга, примѣненія субъективныхъ цѣлей, какъ напр. въ преступленіяхъ, сдѣлавшихся привычкою преступника. Здѣсь справедливое воздаяніе должно побѣдить преступную привычку, т. е. исправить. 2) Съ другой стороны самыя цѣли исправленія и устрашенія требуютъ, чтобы воздающее наказаніе въ своихъ модификаціяхъ согласовалось съ ними. Такимъ образомъ субъективныя цѣли достигаютъ самостоятельнаго вліянія. Онѣ осуществимы въ бóльшей степени, нежели какъ допускаетъ это теорія Абегга. Онѣ вліяютъ независимо отъ идеи воздаянія на способъ исполненія наказанія. Именно такова цѣль исправленія, которая совершенно не достижима, если не всегда соразмѣрять примѣняющееся наказаніе съ временнымъ, преходящимъ субъективнымъ свойствомъ преступленія. 3) Мѣра же наказанія никакъ не должна быть измѣняема изъ-за самостоятельныхъ требованій субъективныхъ цѣлей. Если мѣра возмѣщающаго наказанія исполнена, то государство не должно далѣе наказывать, даже если наказаніе и не осуществило исправленія или устрашенія.

Теорія Вирта грѣшитъ тѣмъ, что выставляетъ цѣлію наказанія подлѣ исправленія и устрашенія и воздаяніе. Наказаніе по своей нравственной природѣ есть воздаяніе. Наказаніе, карающая справедливость и воздаяніе — идентичныя понятія. Цѣлію наказанія

можно назвать удовлетвореніе, вытекающее изъ воздаянія, но ни какъ не самое воздаяніе. Такимъ образомъ Виртъ смѣшиваетъ удовлетвореніе и воздаяніе. Далѣе, Виртъ относитъ цѣль исправленія исключительно на самаго преступника, а цѣль устрашенія исключительно на другихъ. Наконецъ, Виртъ не признаетъ, чтобы цѣли устрашенія и исправленія могли имѣть самостоятельное вліяніе на мѣру наказанія. Воздаяніе у него является неподвижною мѣрою наказанія, между тѣмъ какъ наказаніе, соотвѣтствуя только этой мѣрѣ, имѣетъ нужду въ своемъ употребленіи быть устроеннымъ сообразно тѣмъ цѣлямъ исправленія и устрашенія.

Но хотя теоріи Абегга и Вирта и имѣютъ въ себѣ недостатки, однако, въ общемъ, онѣ довольно правильно относятъ полезное къ справедливому, между тѣмъ какъ смѣшанныя теоріи, имѣющія названіе теорій справедливости и преимущественно возникшія на французской почвѣ, уже ставятъ справедливое въ совершенно ложное отношеніе къ полезному, и, придавая слишкомъ большое значеніе принципамъ относительныхъ теорій, доходятъ до крайности. Онѣ заимствуютъ у абсолютныхъ теорій идею справедливости, но низводятъ ее до простой служебности полезному. При этомъ идея воздаянія, которая и придаетъ справедливости разумное содержаніе, иногда совершенно исчезаетъ. Удерживается только пустое слово справедливости, для приложенія которой къ дѣйствительности уже нѣтъ болѣе никакихъ средствъ.

Ортоланъ имѣетъ слѣдующій взглядъ на наказаніе: безъ сомнѣнія, добро — говоритъ онъ—заслуживаетъ вознагражденія добромъ и зло вознагражденія зломъ. Когда осуществляется это отношеніе, мы нравственно довольны, когда же оно нарушается, мы нравственно страдаемъ. Это нравственное чувство такъ сильно, что всѣ народы, при видѣ частаго нарушенія этого отношенія въ земной жизни, духомъ обращаются къ будущей жизни, гдѣ, по ихъ убѣжденію, воцарится справедливость, и каждый получитъ воздаяніе по своимъ дѣламъ. На этомъ отношеніи основывается и абсолютная теорія. Она неопровержимо доказываетъ, что виновный за каждое злодѣяніе заслуживаетъ соотвѣтствующее его дѣянію наказаніе. Но составляетъ ли цѣль общества—размѣрять и прилагать это наказаніе? Именно этого и не доказываетъ абсолютная теорія. Конечно, наказаніе должно быть прежде всего справедливо. Но примѣненіе справедливаго наказанія составляетъ только задачу общества на столько, на сколько этого требуютъ общественныя цѣли. Ортоланъ

представляетъ слѣдующій разговоръ между виновнымъ и наказывающимъ его обществомъ: «что ты меня бьешь?» «Ты заслуживаешь этого». «Но какое тебѣ до этого дѣло? Кто сдѣлалъ тебя судьею и исполнителемъ?» Что должно на это отвѣтить общество? Если случай такого рода, что общество можетъ сказать: «Здѣсь дѣло идетъ о моей безопасности», то этимъ его карающая дѣятельность уже обоснована. «Ты заслуживаешь этого» и «дѣло идетъ о моей безопасности», эти оба положенія содержатъ въ себѣ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. «Дѣло идетъ о моемъ сохраненіи, или, безопасности», т. е. я имѣю право вмѣшательства, право дѣйствовать, съ предположеніемъ, что это не влечетъ за собою вреда для правъ другаго; «ты заслуживаешь этого», т. е. ты не можешь жаловаться, что твое право нарушается. Послѣ этой наглядной постановки основнаго принципа, напоминающей собою способъ изложенія Руссо, Ортоланъ замѣчаетъ о мѣрѣ наказанія, что поэтому, при измѣреніи его, уголовная судебная расправа должна имѣть въ виду двѣ основныя точки — справедливаго и полезнаго. Никогда не болѣе — чѣмъ справедливо, никогда не болѣе — чѣмъ полезно. Слѣдовательно справедливое лишь на столько, на сколько оно полезно.

Но Ортоланъ забываетъ, что задача государства прежде всего заключается въ осуществленіи справедливости. Хотя карательная дѣятельность государства не простирается на безнравственныя дѣйствія, но относится лишь къ правонарушеніямъ; но эти правонарушенія государство наказываетъ, чтобы осуществить лежащую въ его основаніи справедливость, и такимъ образомъ полезное имѣетъ здѣсь только второстепенное значеніе. Конечно, судебная власть государства не должна себѣ присвоивать права судить о преступленіи съ нравственной точки зрѣнія, да и правосудіе государства, даже въ узкихъ границахъ юридическаго обсужденія преступленія, весьма несовершенно, но однако оно имѣетъ значеніе въ самомъ себѣ и никакимъ образомъ ему не должно отказывать въ существованіи, какъ только оно можетъ найти свое юридическое оправданіе не въ пользѣ только, которую оно приноситъ. Тотъ же самый взглядъ на право наказанія встрѣчаемъ и у Faustin Hélie. Онъ также принимаетъ наказанія за осуществленіе справедливости, но также и ограничиваетъ задачу этой справедливости общественными цѣлями.

Подвергнувъ такимъ образомъ критикѣ вышеприведенныя теоріи, Бернеръ приходитъ къ слѣдующему результату.

Въ наказаніи лежитъ возстановленіе права и уничтоженіе неправды; наказаніе есть слѣдовательно актъ справедливости. Справедливость же требуетъ съ положительной стороны, чтобы каждой волѣ было воздаваемо свое, — что достигается гражданскимъ судомъ; а съ отрицательной стороны, чтобы та воля, которая вторглась въ сферу чужой воли, была ограничена по мѣрѣ этого вторженія въ своей собственной сферѣ; — удовлетвореніе этого требованія достигается уголовной судебной расправой. Чистѣйшее выраженіе этого требованія есть воздаяніе, которое и есть настоящее существо наказанія, но не въ видѣ грубаго возмездія, — не око за око, зубъ за зубъ, — а какъ воздаяніе по цѣнности. Цѣнность же правонарушенія должна опредѣляться не по нарушенному только праву, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по выразившейся во внѣ субъективной волѣ нарушителя, и не по тому злу, которое причинило нарушеніе частному праву, но прежде всего по тому злу, которое заключается въ нруш еніи общей воли, правоваго порядка, и которое можетъ быть и болѣе и менѣе зла, причиненнаго частному лицу. При этомъ должно имѣть въ виду и данныя общественныя отношенія, и обусловленные временными и мѣстными отношеніями нравы и воззрѣнія народа.

Но въ чемъ же состоитъ это воздаяніе? 1) Непосредственная цѣль и дѣйствіе воздаянія есть удовлетвореніе, достиженіе котораго есть первая цѣль наказанія и осуществленіе котораго есть главная задача государства. Кантъ совершенно правъ, требуя, по возможности, характеристическаго, специфическаго средства между преступленіемъ и наказаніемъ. Бернеръ убѣжденъ, что судебная уголовная расправа глубже коренилась бы въ нравственномъ сознаніи народа и внутренно удовлетворяла бы его гораздо болѣе, если бы физіогномія преступленія выражалась въ самомъ наказаніи, но не въ формѣ же грубаго таліона, а чтобы напр. различіе наказаній соотвѣтствовало различію побужденій къ преступленію. 2) Остальныя цѣли наказанія, которыя не выполняются достиженіемъ этой цѣли, соединяются въ цѣляхъ исправленія и устрашенія. Такимъ образомъ удовлетворяющее, исправляющее и устрашающее воздаяніе дѣйствуетъ и какъ защищеніе государства и права, и какъ возстановленіе, и какъ возмѣщеніе идеальнаго вреда, и какъ охраненіе, и какъ предупрежденіе; вообще здѣсь не теряется изъ виду ни одна изъ отдѣльныхъ существенныхъ идей относительныхъ теорій.

Но какъ же дѣйствуютъ при этомъ цѣли наказанія на его характеръ и мѣру? Если цѣль удовлетворенія требуетъ отъ воздаянія, чтобы оно удовлетворяло только своему внутреннему существу, то требованіе прочихъ цѣлей простирается далѣе. Конечно, то справедливо, что соразмѣряющееся по винѣ воздаяніе часто уже заключаетъ въ себѣ удовлетвореніе требованій, выставляемыхъ относительными теоріями, что именно опасность составляетъ основаніе вины, какъ доказываетъ это Абеггъ; равно не менѣе справедливо, по выводу Вирта, и то, что воздающее правосудіе само иногда требуетъ осуществленія цѣлей исправленія и устрашенія, что именно при преступленіяхъ, совершаемыхъ по привычкѣ, справедливое воздаяніе требуетъ побѣды надъ преступной привычкой, слѣдовательно исправленія; но этого еще недостаточно. Цѣли эти должны быть осуществляемы не только на столько, какъ этого требуетъ справедливость, но до самыхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ допускаетъ ихъ осуществленіе справедливость, потому что и эти цѣли сами заключаются въ задачѣ государства и ихъ государство должно ограничивать лишь на столько, на сколько признаютъ это безусловно необходимымъ высшія соображенія справедливости. До этихъ то границъ цѣль исправленія и устрашенія и должны влiять 1) на характеръ и на способъ исполненія наказанія и 2) на его мѣру. Допустить ихъ вліяніе на характеръ и на способъ исполненія наказанія не представляетъ никакихъ трудностей, потому что мѣра его, выставленная справедливостію, остается при этомъ неизмѣнною. Иное дѣло съ воздѣйствіемъ тѣхъ цѣлей на мѣру наказанія, ибо воздающая справедливость выставляетъ опредѣленную мѣру наказанія, а исправленіе и устрашеніе могутъ требовать совершенно другой, вслѣдствіе чего можетъ произойти коллизія. Но трудность эта уничтожается, если разсмотрѣть подробнѣе понятіе мѣры.

1) Гдѣ извѣстная квалитативная физическая сущность зависитъ отъ опредѣленной мѣры, тамъ не можетъ быть нарушенъ и опредѣленный квантитетъ, иначе та квалитативная физическая сущность перейдетъ въ совершенно другой квалитетъ. Квалитативная сущность напр. воды зависитъ отъ извѣстной мѣры теплоты, если же измѣняется требуемый мѣрою квантитетъ теплоты, то измѣняется и квалитетъ этой физической сущности: вода становится льдомъ или паромъ. Равнымъ образомъ и въ этическихъ сущностяхъ, которыя соединяются съ опредѣленной внѣшней мѣрой, и здѣсь вмѣстѣ съ квантитетомъ измѣняется и этическій квалитетъ. Щедрость напр.

становится расточительностію, бережливость обращается въ скупость, храбрость становится безразсудствомъ, разсудительность—трусостію. То же самое должно сказать и о справедливости, соединенной съ опредѣленной мѣрой. Чтобы наказаніе заключало въ себѣ квалитетъ справедливаго воздаянія, необходимъ опредѣленный квантитетъ нравственнаго страданія; иначе наказаніе становится или мщеніемъ или потворствомъ, въ обоихъ случаяхъ слѣдовательно несправедливостію.

2) Но съ другой стороны какъ въ физической, такъ и въ этической области существуетъ возможность свободнаго движенія, которая допускается понятіемъ мѣры квантитета. Отъ самаго высшаго градуса холода до нуля ледъ остается льдомъ и только здѣсь превращается въ воду; отъ нуля до 80 градусовъ тепла вода остается водой и только здѣсь превращается въ паръ. Слѣдовательно въ этихъ предѣлахъ перемѣна квантитета не имѣетъ никакого вліянія на квалитетъ. Равнымъ образомъ это примѣняется и къ этическимъ понятіямъ. Нельзя признавать абсолютно опредѣленнымъ, сколько должно издерживать при извѣстномъ состояніи, чтобы изъ щедраго сдѣлаться расточительнымъ, изъ бережливаго скупымъ. Аналогически это можно примѣнить къ храбрости и безразсудству, къ разсудительности и трусости. Конечно однако, здѣсь существуетъ предѣлъ, преступить который нельзя, но остается также и возможность для произвола и свободнаго движенія. Такое же отношеніе имѣетъ и понятіе воздающей справедливости къ требуему ею квантуму нравственнаго страданія. Этотъ квантумъ не есть что то абсолютно опредѣленное, но лежитъ между maximum и minimum. Пока судья и законодатель увеличиваютъ или уменьшаютъ наказаніе внутри этихъ предѣловъ, до тѣхъ поръ они еще удовлетворяютъ справедливости. Здѣсь при опредѣленіи квантума наказанія справедливость допускаетъ произволъ, бóльшій для законодателя при опредѣленіи этого квантума наказанія за каждый родъ преступленія, меньшій для судьи при обсужденіи каждаго отдѣльнаго преступленія.

3) Внутри этой области произвола цѣли исправленія и устрашенія могутъ и должны имѣть вліяніе на мѣру наказанія. Здѣсь существуютъ границы, до которыхъ справедливость допускаетъ осуществленіе тѣхъ цѣлей.

Если же сверхъ того обратить вниманіе на то, что принципы относительныхъ теорій (по Абеггу и Вирту) бóльшею частію уже осу-

ществляются и въ справедливомъ возданіи и слѣдовательно также вмѣстѣ съ нимъ участвуютъ и въ опредѣленіи maximum и minimum наказанія, то отсюда явствуетъ, что слѣдовательно вообще вліяніе относительныхъ теорій на мѣру наказанія очень значительно.

2.

О состояніи крайней необходимости (Nothstand).

Въ большей части новѣйшихъ законодательствъ между основаніями, исключающими наказуемость въ себѣ самомъ правонарушительнаго и въ своемъ внѣшнемъ проявленіи подчиняющагося уголовному закону дѣйствія, приводится и состояніе крайней необходимости или крайней нужды (Nothstand); но отличіе этого состоянія отъ необходимой обороны (Nothwehr) и его юридическое вліяніе на наказуемость совершенныхъ въ немъ преступныхъ дѣйствій въ болѣе вѣрномъ пониманіи и на философскихъ основахъ принадлежитъ только новому времени и новой доктринѣ. Однако, впрочемъ, какъ относительно понятія состоянія крайней необходимости, такъ и относительно основанія ненаказуемости совершенныхъ въ подобномъ состояніи преступныхъ дѣяній не существуетъ единства во взглядѣ ни въ наукѣ, ни въ законодательствѣ.

Въ болѣе широкомъ значеніи подъ именемъ состоянія крайней необходимости принимаютъ столкновеніе противостоящихъ другъ другу правъ, въ которомъ сохраненіе одного не иначе возможно, какъ черезъ нарушеніе другаго. (Отлична отъ этого коллизія правъ въ области гражданскаго права, гдѣ на одномъ и томъ же объектѣ приходятъ въ столкновеніе между собою различныя имущественныя управомочія; гдѣ каждая изъ спорящихъ сторонъ не имѣетъ въ виду нарушенія права другой; напротивъ признаетъ право только за собою и оспариваетъ существованіе права противной стороны. Подобное столкновеніе вовсе не имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ состояніе крайней необходимости; оно можетъ быть разрѣшено инымъ путемъ и безъ самовольнаго вторженія въ правовую сферу другаго). Но происшедшее вслѣдствіе этого состоянія столкновеніе правъ можетъ быть весьма разнородно: или сталкиваются жизнь съ жизнію, т. е. личность одного, какъ полнота бытія, съ личностію другаго; или жизнь съ отдѣльными правами личности, какъ напр. съ здоровьемъ, свободой, честью и имуществомъ; или сталкиваются между собою отдѣльныя права личности равныя или неравныя.

Какая бы ни была непосредственная причина состоянія крайней необходимости, —должно ли произойти то зло, которое имѣющій то находящееся въ опасности право старается отвратить отъ себя нарушеніемъ чужаго права, вслѣдствіе ли дѣйствія естественной силы, силы природы, каковы напр. опасность огня, наводненія, землетрясенія, или вслѣдствіе насилія, исходящаго отъ человѣка, т. е. вслѣдствіе юридически злой воли способнаго ко вмѣненію субъекта, какъ напр. вслѣдствіе угрозы; —это не измѣняетъ ничего въ понятіи состоянія крайней нужды. Такимъ образомъ, въ этомъ, болѣе широкомъ смыслѣ и необходимая оборона подходитъ подъ понятіе состоянія крайней необходимости. И при необходимой оборонѣ защищающійся находится въ состояніи крайней необходимости относительно отраженія несправедливаго нападенія, когда онъ принуждается для защиты своего права нарушить права нападающаго; только здѣсь состояніе это произведено не силою природы, но противозаконнымъ нападеніемъ того, противъ котораго употребляется необходимая оборона.

Но въ подобномъ значеніи и объемѣ состояніе крайней необходимости не признается ни однимъ законодательствомъ за основаніе для освобожденія отъ наказанія. Далѣе всѣхъ идетъ здѣсь римское право. Въ римскомъ правѣ между совершенными въ состояніи крайней необходимости (magna vi cogente) правонарушеніями, —которыя, въ томъ случаѣ, если они были единственнымъ средствомъ для защиты своего права, должны остаться не вмѣняемыми въ преступленіе и слѣдовательно свободными отъ наказанія, —приводятся случаи, которые доказываютъ, что римское право расширяло понятіе крайней необходимости даже и на находящуюся въ опасности собственность. Оно избавляетъ отъ отвѣтственности (nulla actione tenetur) того, который во время пожара разрушилъ строеніе сосѣда, чтобы спасти черезъ то свой домъ (l. 3, § 7. D. de incend.), или который тѣмъ спасъ во время бури свой корабль, что разрѣзалъ якорный канатъ другаго (si nullo alio modo nisi praecisis funibus explicare potuissent. L. 29, § 3, ad leg. Aquil.), или выбросилъ за бортъ товары другаго, чтобы спасти свои (l. 14, pr. D. de praesc. verb.). L. 1, de bonis eor. qui ante, который объявляетъ ненаказуемымъ подкупъ противника, если это было сдѣлано съ цѣлію избѣгнуть смертной казни, несомнѣнно доказываетъ, что покровительство и права состоянія крайней необходимости, которыя были даны находящейся въ опасности собственности, уже тѣмъ болѣе принадлежали и угро-

жаемой жизни и другимъ находящимся въ опасности личнымъ правамъ. Напротивъ, убійство нарушителя супружеской вѣрности отцемъ или мужемъ, которое по римскому праву было предоставлено закономъ, не есть слѣдствіе права крайней необходимости (Nothrecht), но имѣетъ свое основаніе въ древней семейной юрисдикціи римлянъ и въ дозволенной въ видѣ исключенія частной мести.

Каноническое право хотя и высказываетъ въ общихъ чертахъ правило: necessitas non habet legem — и признаетъ съ этимъ состояніе крайней необходимости, какъ основаніе невмѣняемости, но, какъ кажется, не принимаетъ этого состоянія въ томъ объемѣ, какъ римское право. Оно упоминаетъ о немъ только въ отношеніи къ особенному случаю совершеннаго въ крайней необходимости воровства и основываетъ ненаказуемость его на общности благъ, предоставленныхъ людямъ въ пользованіе, и на лежащей въ исключительности обладанія ими безнравственности и несправедливости. Но и здѣсь, какъ и въ римскомъ правѣ, выражена только ненаказуемость совершеннаго въ состояніи крайней нужды нападенія на чужую собственность, но вовсе не предоставлено находящемуся въ такомъ состояніи собственно права крайней необходимости (Nothrecht).

Въ германскихъ источникахъ права вовсе не упоминается о состояніи крайней необходимости въ его вліяніи на совершенныя въ подобномъ состояніи правонарушенія.

Каролина, подобно доктринѣ своего времени, основывалась болѣе на постановленіяхъ каноническаго, чѣмъ римскаго права. И она упоминаетъ въ видѣ случая крайней нужды о совершенномъ, въ виду опасности голодной смерти, похищеніи съѣстныхъ припасовъ, которое она, согласно съ господствовавшимъ тогда воззрѣніемъ, хотя и не считаетъ безусловно ненаказуемымъ, но которое, подъ извѣстными обстоятельствами, не исключаетъ возможности безотвѣтственности. Однако, хотя она говоритъ только о съѣстныхъ припасахъ, но вообще принимается, что статья о съѣстныхъ припасахъ существуетъ здѣсь только въ видѣ примѣра и потому постановленіе, заключающееся въ ней, должно быть распространено также и на похищеніе другихъ предметовъ, напр. платья, чтобы спастись отъ холода, однимъ словомъ на всѣ случаи, гдѣ жизнь одного приходитъ въ столкновеніе съ собственностію другаго, и притомъ такимъ образомъ, что первая не могла бы быть спасена безъ нарушенія послѣдней.

Какъ недостаточны основанія, которыя представляютъ источники

общаго германскаго права, для установленія понятія о состояніи крайней нужды и для значенія его въ уголовномъ правѣ, столь же шатко и неопредѣленно понятіе его и въ наукѣ.

Старая доктрина почти до конца 18-го столѣтія, во главѣ Карпцова (Practica nova p. II, quaest. 83. § 40 и 42), опираясь на постановленія Каролины, ограничивала состояніе крайней необходимости случаемъ столкновенія между жизнію и собственностію, хотя еще и въ то время мы встрѣчаемъ распространеніе этого состоянія и на столкновеніе между жизнію и жизнію какъ напр. у Пуффендорфа (de jure naturae et gentium, lib. 2, cap. 6, § 4). Въ этомъ ограниченіи, и только расходясь между собою въ подробностяхъ, принимаютъ ее также Гегель, Абеггъ, Марецолль, Кöстлинъ, Левита, Росси (Traité II, p. 212 — 225.... En un mot, l'acte ne peut être excusable, que lorsque l'agent cède à l'instinct de sa propre conservation, lorsqu'il se trouve en présence d'un péril imminent, lorsqu'il s'agit de la vie). Напротивъ того Кантъ и послѣ него Фихте и за ними другіе, какъ напр. и Бернеръ, подводятъ подъ понятіе состоянія крайней необходимости и столкновеніе между жизнію и жизнію; Гельшнеръ же напротивъ — столкновеніе всякаго рода правъ. Понятіе о состояніи крайней необходимости, выставленное Кантомъ, перешло и во многія новѣйшія нѣмецкія законодательства (такъ напр. кодексъ вюртемберг. 106 ст.; брауншвейгскій § 34; ганновер. ст. 84; гессенскій, ст. 45; баден. § 81; тюринг. ст. 65; саксон. 1854 года ст. 92 и др.). Состояніе крайней необходимости выставляется ими особенно между основаніями невмѣняемости, но ограничивается ими только однимъ случаемъ (Gefahr für Leib und Leben — Гейбъ принимаетъ здѣсь слово Leib въ смыслѣ какого нибудь незамѣнимаго, невозвратимаго блага); когда кто либо, находясь въ положеніи крайней необходимости, или долженъ погибнуть, или нарушить право другаго, относительно его положенія совершенно невиннаго. Напротивъ того другія законодательства, какъ напр. австрійское, хотя не упоминаютъ между основаніями, уничтожающими наказуемость, особенно о состояніи крайней необходимости; но опредѣленія закона объ основаніяхъ, исключающихъ наказуемость, несомнѣнно относятся и къ состоянію крайней необходимости и имѣютъ также и въ этомъ случаѣ, въ болѣе или менѣе ограниченномъ объемѣ, свое приложеніе. Такъ напр. австрійскій уголовный кодексъ выставляетъ въ § 2. лит. д, основаніемъ ненаказуемости преступленія непреодолимое принужденіе, подъ понятіе котораго подводятъ и состояніе крайней необходимости.

Какъ относительно понятія и объема состоянія крайней необходимости, такъ равнымъ образомъ различны воззрѣнія философовъ и юристовъ и относительно юридическаго значенія его, относительно основанія и условія ненаказуемости совершенныхъ въ подобномъ состояніи преступныхъ дѣйствій. Источники положительнаго права представляютъ для рѣшенія этихъ вопросовъ весьма немногія основанія, наука же рѣшаетъ эти вопросы различнымъ образомъ, на основаніи исходныхъ точекъ различныхъ философскихъ системъ.

Но для разъясненія этихъ вопросовъ необходимо различать виды состоянія крайней необходимости.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что совершенное для спасенія своей собственной жизни нарушеніе чужой собственности, — именно тотъ случай, о которомъ преимущественно говоритъ древнѣйшее право и которымъ обыкновенно оно ограничивало состояніе крайней нужды,— не подлежитъ наказанію. Это общепризнано всѣми, древнѣйшими и новѣйшими законодательствами. Споренъ только вопросъ о томъ, на чемъ основывается ненаказуемость, предоставленная подобнымъ по существу своему правонарушительнымъ дѣйствіямъ; предоставляетъ ли такое состояніе крайней необходимости находящемуся въ немъ настоящее право — именно право крайней нужды (Nothrecht) и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное имъ для спасенія своей жизни нарушеніе чужой собственности признается за правомѣрное, или что оно не обезпечиваетъ такого права и что поэтому такое вторженіе въ юридическую сферу другаго есть все таки дѣйствіе правонарушительное, противозаконное, но только не подлежащее наказанію.

Основаніе правомѣрности и вмѣстѣ съ тѣмъ ненаказуемости такого дѣйствія отыскивали прежде въ предположеніи первоначально существовавшей общности благъ, которая обезпечивала человѣку право на равное участіе во всѣхъ средствахъ къ жизни, но отъ котораго онъ будто бы отказался, при раздѣлѣ ихъ, или при вступленіи въ государство, однако только подъ условіемъ, что въ случаѣ крайней нужды онъ не будетъ связанъ этимъ отказомъ (Пуффендорфъ; въ особенности Гуго Гроцій: hinc primo sequitur in gravissima necessitate reviviscere jus illud pristinum rebus utendi, tanquam si communes mansissent; quia in omnibus legibus humanis ac proinde et in lege dominii, summa illa necessitas videtur excepta. . . . De jure belli ac pacis lib. II, cap. 2, § 6). Но подобное предположеніе есть не болѣе какъ фикція, вымыселъ, не имѣющій никакого историческаго подтвержденія. Столь же мало можетъ быть оправдано и основаніе

ненаказуемости выводимое изъ обязанности самосохраненія (Цейллеръ — Zeitschrift für österr. Rechtsgelehrsamkeit 1825). Конечно каждый человѣкъ имѣетъ обязанность, вслѣдствіе этого и право къ самосохраненію, но какъ каждое право, такъ равнымъ образомъ и это управомоченный долженъ принимать только внутри своей правовой сферы и безъ вторженія въ право другихъ лицъ. Нѣтъ права, которое бы насъ управомочивало дѣлать неправду.

Кантъ (Metaphisische Anfangsgründe), который понятіе состоянія крайней необходимости не ограничиваетъ только случаемъ столкновенія между жизнію и собственностію, но также включаетъ сюда столкновеніе между жизнію и жизнію, хотя и высказываетъ основное положеніе ненаказуемости совершенныхъ въ томъ какъ и въ другомъ случаѣ преступныхъ дѣйствій; но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не предполагаетъ за находящимся въ состояніи крайней необходимости права крайней необходимости (Nothrecht). Не существуетъ необходимости, — говоритъ Кантъ — которая бы то, что несправедливо, дѣлала бы правомѣрнымъ и законнымъ. Поэтому правонарушеніе, хотя бы и совершенное для цѣли самосохраненія, нельзя считать безпорочнымъ (inculpabile), оно только ненаказуемо (impunibile). И основаніе свободы отъ наказанія онъ находитъ въ недѣйствительности и безуспѣшности угрозы наказанія. Не можетъ, говоритъ онъ, существовать такой уголовный законъ съ угрозою тому, который бы, находясь во время кораблекрушенія вмѣстѣ съ другимъ въ одинаковой опасности жизни, для собственнаго своего спасенія, столкнулъ другаго съ обломка корабля, на которомъ тотъ другой спасся. Ибо угрожаемое въ законѣ зло наказанія не можетъ быть для перваго болѣе того зла потери жизни, которымъ грозитъ дѣйствительность. Такой уголовный законъ вовсе не можетъ имѣть своего преднамѣреннаго дѣйствія, потому что угроза зломъ, которое еще неизвѣстно, не можетъ превышать страха передъ тѣмъ зломъ, которое уже извѣстно. Хотя Кантъ говоритъ здѣсь только о томъ случаѣ, гдѣ приходятъ въ столкновеніе жизнь съ жизнію, но то, что онъ здѣсь полагаетъ основаніемъ ненаказуемости совершеннаго въ состояніи крайней необходимости, для спасенія находящейся въ опасности жизни, убійства, тѣмъ болѣе должно имѣть значеніе тамъ, гдѣ приходитъ въ столкновеніе не жизнь съ жизнію, но гдѣ жизнь, полнота личности, является въ коллизіи съ отдѣльнымъ только правомъ ея вообще, во всѣхъ случаяхъ крайней необходимости, гдѣ грозящая и только нарушеніемъ чужаго права могущая быть устранен-

ною опасность болѣе, чѣмъ опредѣленное въ законѣ за то нарушеніе наказаніе. Такимъ же образомъ основываетъ ненаказуемость преступнаго, совершеннаго въ состояніи крайней необходимости, дѣйствія и Фейербахъ. Впрочемъ это принятое имъ основаніе совершенно согласно съ выставленной имъ теоріей психическаго принужденія, которая имѣетъ цѣлію удержать отъ преступленія находящеюся въ законѣ угрозою, но совершенно противорѣчитъ основному уголовному принципу Канта, согласно которому наказаніе есть категорическій императивъ, абсолютный постулятъ практическаго разума; наказаніе преступника должно быть не ради какой нибудь цѣли, поэтому и не ради устрашенія, но потому только, что онъ совершилъ преступленіе. Тѣмъ не менѣе основаніе, выставленное Кантомъ, нашло себѣ сочувствіе между криминалистами, даже такими, которые отвергли уголовную теорію Фейербаха: каковы: Титманъ, Мартинъ, Генке, Бауэръ, Росси, Брейденбахъ и многіе другіе.

Между тѣмъ какъ Кантъ отрицаетъ собственно право крайней необходимости и, согласно съ этимъ, объявляетъ совершенное въ состояніи крайней необходимости, для отвращенія опасности, преступное дѣяніе хотя и ненаказуемымъ, но однако правонарушительнымъ, Фихте, который, хотя подобно Канту, и говоритъ о состояніи крайней необходимости, какъ о коллизіи между жизнію и жизнію, однако отношеніе это совершенно исключаетъ изъ области права. Каждое юридическое отношеніе — говоритъ онъ (Grundlage des Naturrechts III. B.) — какъ условіе предполагаетъ возможность совмѣстнаго существованія свободныхъ существъ, но состояніе крайней необходимости уничтожаетъ возможность этого совмѣстнаго существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго юридическаго отношенія, такъ что здѣсь вопросъ о правѣ совершенно не имѣетъ мѣста. Гдѣ жизнь одного приходитъ въ столкновеніе съ жизнію другаго, тамъ природа объявляетъ недѣйствительнымъ право на жизнь для двухъ лицъ, и рѣшить вопросъ приходится физической силѣ и произволу. Согласно этому и въ подобномъ столкновеніи вовсе не существуетъ никакого права на сохраненіе своей жизни на счетъ жизни другаго, но равнымъ образомъ въ подобномъ состояніи необходимости принесеніе въ жертву жизни другаго невиннаго лица ради своего собственнаго спасенія нельзя бы было назвать и противозаконнымъ. Но такъ какъ однако оба должны быть разсматриваемы стоящими подъ юридическимъ закономъ, то, если говорить о правѣ крайней необходимости, слѣдуетъ считать его за право быть совершенно

изъятымъ изъ подъ всякаго юридическаго закона. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ является возможность внѣгосударственнаго состоянія, въ которомъ вмѣсто абсолютнаго господства права является господство грубой физической силы. Однако Фихте, сознавая опасныя послѣдствія этого признанія грубой физической силы, ограничиваетъ господство самаго произвола, утверждая, что неопредѣляющійся юридическимъ закономъ произволъ подчиняется болѣе высшему, нравственному закону. Этотъ нравственный законъ и содержитъ въ себѣ ограниченіе для этого случая нужды, и Фихте выражаетъ его слѣдующимъ образомъ: не предпринимай вообще ничего, но предоставь дѣло Богу, который, конечно, можетъ тебя спасти, если на то есть его воля, и которому ты обязанъ подчиниться, если на то нѣтъ его воли. Съ подобнымъ оборотомъ рѣшеніе вопроса изъемлется изъ рукъ физической силы и предоставляется вмѣсто нея волѣ Божьей. Воззрѣніе Фихте на право крайней необходимости стоитъ въ связи съ его государственною теоріею, по которой государство возникаетъ и существуетъ только вслѣдствіе договора и имѣетъ цѣлію взаимную безопасность гражданъ; но оно является во всей своей несостоятельности, если государство и право принять какъ нѣчто первоначальное, непосредственно данное съ человѣческою природою, какъ нѣчто абсолютно необходимое и постоянное, которое не можетъ быть уничтожено силою естественныхъ обстоятельствъ. Фихте слѣдуютъ въ этомъ отношеніи Грольманъ, Вехтеръ и Шрётеръ; съ этимъ же воззрѣніемъ сродно отчасти и воззрѣніе Абегга, который видитъ въ состояніи крайней необходимости состояніе противоположное правовому состоянію, въ которомъ нарушеніе чужихъ правъ берется въ защиту высшимъ закономъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Абеггъ слѣдуетъ и Гегелю, проводя основаніе Гегеля права крайней необходимости до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Онъ высказываетъ это такимъ образомъ, что тамъ, гдѣ болѣе высшее и болѣе общее требуетъ жертвы низшаго права, тамъ собственно не существуетъ никакого столкновенія и потому не существуетъ и отношенія крайней необходимости, потому что абсолютное значеніе и сила одного противъ другаго уже впередъ признана необходимою.

Люденъ утверждаетъ, что дѣйствіе, совершенное въ состояніи крайней необходимости, не имѣетъ въ себѣ преступной опредѣляемости воли, вслѣдствіе этого оно и не есть вовсе преступленіе и свободно отъ наказанія. Только въ отношеніи къ запрещеннымъ

дѣйствіямъ — говоритъ онъ — можетъ быть принята преступная опредѣляемость воли: дѣйствіе же, совершенное въ состояніи крайней необходимости, не есть вовсе запрещенное, потому что объективное право, въ силу котораго человѣкъ существуетъ въ своей юридической полнотѣ, не можетъ наложить на него обязанности претерпѣвать вредъ изъ другаго, а не изъ юридическаго основанія. Хотя вслѣдствіе насилія, исходящаго ли отъ природы, или отъ другихъ лицъ, человѣкъ можетъ претерпѣвать угрозы и нарушенія въ своихъ правахъ; но ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ быть обязанъ объективнымъ правомъ подчиняться тому насилію. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ долженъ быть управомоченъ объективнымъ правомъ къ нарушенію другаго лица, если онъ иначе самъ долженъ бы былъ претерпѣть нарушеніе въ своемъ правѣ, или если нарушеніе другаго было бы единственнымъ средствомъ сохранить себя отъ нарушенія.

Болѣе раціональное и въ своихъ консеквенціяхъ ближе подходящее къ положительному праву ученіе о крайней необходимости, имѣющее въ своемъ основаніи юридически-философское воззрѣніе Гегеля, принадлежитъ Кöстлину. Кöстлинъ не ограничиваетъ состоянія крайней необходимости, подобно Гегелю, столкновеніемъ между жизнію и собственностію, но подводитъ подъ это понятіе и вообще всѣ случаи, гдѣ жизнь, какъ содержаніе, совокупность всѣхъ правъ личности, приходитъ въ столкновеніе со всякимъ отдѣльнымъ правомъ ея, и предоставляетъ ей и въ этихъ случаяхъ, но также только въ этихъ, право крайней необходимости, такъ что угрожаемый въ своей жизни, для отвращенія грозящей ему опасности, имѣетъ право вторгнуться въ правовую сферу другихъ лицъ, и совершенное для этой цѣли правонарушеніе должно быть не только извинительнымъ и ненаказуемымъ, но и правомѣрнымъ. Онъ, какъ и Гегель, основываетъ это такимъ образомъ, что жизнь, какъ существо личности и правоспособности вообще, въ своемъ отношеніи къ отдѣльнымъ правамъ личности, какъ носитель и содержаніе ихъ, какъ условливающее ихъ, какъ высшее управомоченное, имѣетъ право на то, чтобы отдѣльное право, какъ ею условливающееся, подчинялось ей, и слѣдовательно отдѣльное право, какъ юридически подчиненное ей, въ случаѣ столкновенія между ними, должно уступать ей. Если отдѣльное право, говоритъ Кöстлинъ, должно было бы быть сохраняемо на счетъ жизни, то вмѣстѣ съ этимъ было бы отвергнуто и основаніе самаго бытія, между тѣмъ какъ

обратно, чрезъ признаніе права крайней необходимости, правоспособность вообще находитъ свое признаніе. Такимъ образомъ никакое другое, менѣе значительное право не можетъ и не должно противостоять въ столкновеніи съ жизнію; ибо если бы это было такъ, то вслѣдствіе этого подверглась бы отрицанію вмѣстѣ съ жизнію и вся свобода въ существѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность того болѣе ограниченнаго права.

И Кöстлинъ, хотя говоритъ только о случаѣ, гдѣ жизнь вступаетъ въ коллизію съ собственностію, но вмѣстѣ съ этимъ онъ высказываетъ и общее правило, что вездѣ, гдѣ условливающее противостоитъ условному, тамъ это условливающее имѣетъ право на свое сохраненіе на счетъ того условнаго; подобный же случай является не только тогда, когда жизнь приходитъ въ столкновеніе съ собственностію, но и когда она сталкивается съ другимъ условнымъ, отдѣльнымъ правомъ личности, какъ напр. здоровьемъ, свободою, честью и если потому основное положеніе справедливо, то находящейся въ опасности жизни должно быть предоставлено одинаковое право крайней необходимости не только при столкновеніи съ собственностію, но и съ другими условными правами личности. Но однако слѣдуетъ всегда предполагать, что право, приносимое въ жертву для отвращенія опасности жизни, уничтожается не въ субстанціи, но только отдѣльное воздѣйствіе, примѣненіе его на нѣчто внѣ его лежащее, только управомочіе въ отдѣльномъ, спеціальномъ случаѣ; такимъ образомъ при этомъ производится только частное, парціальное стѣсненіе, но не отрицаніе права въ существѣ (in substantia). Кто поэтому напр. для спасенія своей жизни нарушаетъ чужую собственность, то вмѣстѣ съ этимъ онъ уничтожаетъ только отдѣльное управомочіе собственности, право собственности въ отношеніи только къ отдѣльному, индивидуально опредѣленному предмету, но не право собственности in substantia, не какъ право вообще, потому что съ субстанціальнымъ уничтоженіемъ права уничтожается вмѣстѣ и все право личности, которая безъ того совершенно не можетъ быть представлена. Вышесказанное относится и къ личной свободѣ, ибо также и свобода въ субстанціи не отдѣлима отъ права личности; кто уничтожаетъ ее такимъ образомъ, уничтожаетъ и самую личность. То же и относительно здоровья и чести человѣка. Гдѣ съ нарушеніемъ ихъ не связано никакой опасности ихъ субстанціальнаго уничтоженія, тамъ находящаяся въ опасности жизнь, какъ болѣе управомоченная, имѣетъ

право крайней необходимости. Только относительно подобныхъ столкновеній дѣйствуетъ правило: «quod non est licitum, necessitas facit licitum», но не для тѣхъ случаевъ, гдѣ предпринимаемое для отвращенія опасности, грозящей жизни, нападеніе на чужое право могло бы произойти не безъ опасности его субстанціальнаго уничтоженія; ибо въ такомъ случаѣ личности одного противостояла бы личность другаго; для подчиненія же одной другой, для поставленія въ опасное положеніе жизни одного, чтобы спасти жизнь другаго, не существуетъ никакого юридическаго основанія, ибо съ юридической точки зрѣнія та жизнь имѣетъ одинаковую цѣнность, какъ и другая. Конечно, можно выставить моральною обязанностію принесеніе своей жизни въ жертву ближняго, юридическая же обязанность къ пожертвованію собственной жизни существуетъ только тамъ, гдѣ приходитъ въ столкновеніе жизнь индивидуума не съ индивидуальной, а съ жизнію юридическаго лица, совокупности лицъ, каково государство и его носитель, гдѣ сталкивается высшая юридическая личность съ другою низшею, образующею часть той высшей личности. Кромѣ этого случая никто не имѣетъ никакого права для спасенія своей жизни приносить въ жертву жизнь другаго. Если же однако древнѣйшія и новѣйшія законодательства признаютъ свободнымъ отъ наказанія совершенное находящимся въ опасности убійство невиннаго человѣка, то слѣдуетъ признаться съ Кантомъ, что это убійство въ подобномъ случаѣ есть только factum impunibile, но никакъ не factum inculpabile; но основаніе ненаказуемости лежитъ здѣсь не въ недѣйствительности уголовнаго закона, какъ признаютъ это Кантъ и Фейербахъ, или не въ произведенной психическимъ принужденіемъ неспособности къ вмѣненію, какъ говоритъ Іенулль и слѣдующіе за нимъ комментаторы австрійскаго уголовнаго кодекса, или, какъ выражается Гейеръ, въ психической несвободѣ. Ибо, что касается до основанія Канта и Фейербаха, то оно стоитъ въ связи съ выставленною послѣднимъ теоріею психическаго принужденія, несостоятельность которой давно признана и которая, какъ уже было нами указано, стоитъ въ противорѣчіи съ основаніемъ правомѣрности наказанія Канта. Но не болѣе выдерживаетъ критики и основаніе австрійскихъ комментаторовъ. Ибо, если и нельзя отвергать возможности, что интензивность принужденія можетъ достичь до состоянія полнаго лишенія сознанія и воли и поэтому произвести неспособность къ вмѣненію принужденнаго, но однако такое состояніе не необходимо и не всегда связано съ состояніемъ принуж-

денія находящейся въ опасности жизни, такъ какъ подобное состояніе необходимости можетъ быть представлено и безъ подобнаго состоянія. Даже состояніе самой крайней необходимости и стѣсненія не необходимо исключаетъ сознаніе и самоопредѣляемость воли. Человѣкъ, какъ свободное существо, способенъ противостоять всякому принужденію и даже самымъ страшнымъ угрозамъ. Онъ имѣетъ выборъ или подчиниться угрожающему ему злу или отклонить его отъ себя, избѣгнуть его совершеніемъ дѣйствія, противнаго уголовному закону. Если онъ совершаетъ послѣднее, то онъ желаетъ того дѣянія, потому что онъ не желаетъ того зла, которое грозитъ ему въ случаѣ несовершенія противозаконнаго дѣйствія; его дѣйствіе потому, слѣдовательно, и обдуманное и умышленное, вышедшее изъ самоопредѣленія воли. Равнымъ образомъ нельзя отыскивать основанія безнаказанности въ недостаткѣ злой воли, dolus. Злую волю слѣдуетъ признать существующею, если зло, которое связано съ преступленіемъ, т. е. противное уголовному закону послѣдствіе, обдуманно и умышленно. Но обдуманно и умышленно правонарушеніе, совершенное также и въ состояніи крайней необходимости, предполагая конечно, что способность ко вмѣненію не уничтожена, что, какъ было выше сказано, не есть однако необходимое слѣдствіе каждаго стѣсненнаго положенія. И въ подобномъ правонарушеніи лежитъ также отрицаніе права; не только непризнаніе простаго управомочія, субъективнаго права, но и отрицаніе объективнаго права. Оно есть не простодушная, но сознанная въ своемъ противорѣчіи съ объективнымъ правомъ и потому наказуемая неправда. Что совершенное правонарушеніе есть вынужденное, предпринятое съ цѣлію самосохраненія, то вовсе не отнимаетъ у него правонарушительнаго въ немъ самомъ характера. При уголовно-судебномъ обсужденіи правонарушительныхъ дѣйствій обращается вниманіе существеннымъ образомъ на преднамѣренное послѣдствіе, а не на достигаемую черезъ то цѣль. Воровство не перестаетъ быть достойнымъ наказанія, также если бы оно было совершено изъ состраданія, чтобы напр. помочь похищеннымъ добромъ несчастному.

На самомъ же дѣлѣ ненаказуемость совершеннаго въ состояніи крайней нужды убійства можно оправдывать не изъ строго юридическихъ основаній, но только изъ психологическаго, предлагаемаго уголовной политикой, принятія во вниманіе слабости человѣческой природы и недостаточности всѣхъ государственныхъ учрежденій,

вслѣдствіе чего хотя человѣкъ, какъ свободное существо, и можетъ твердо противостоять всѣмъ стѣсненіямъ и самымъ страшнымъ угрозамъ, однако подобный героизмъ можетъ существовать только въ видѣ исключенія; обыкновенно же государство не должно въ своихъ гражданахъ предполагать ни терпѣнія и добродѣтели мученика, ни мужества героя; тѣмъ менѣе подобный героизмъ можетъ быть вмѣненъ имъ въ юридическую обязанность. Такимъ образомъ, совершенное въ подобномъ состояніи крайней необходимости убійство хотя не перестаетъ поэтому быть противозаконнымъ и наказуемымъ, но оно только должно быть извиняемо.

Что теперь сказано было о столкновеніи, въ состояніи крайней нужды, между жизнію и жизнію, то должно имѣть значеніе и въ томъ случаѣ, гдѣ приходятъ въ столкновеніе условныя права личности. Никто не имѣетъ права нарушать, хотя и въ состояніи крайней нужды, здоровье, свободу, честь и собственность невиннаго въ его состояніи необходимости другаго, чтобы спасти свое собственное здоровье, свободу, честь или собственность; — короче сказать, одно изъ своихъ благъ, даже и тогда если бы его находящееся въ опасности право было бы квалитативно или квантитативно или въ обоихъ отношеніяхъ выше и значительнѣе того, которое жертвуется для его спасенія. Ибо условное благо одного съ юридической точки зрѣнія имѣетъ не меньшую цѣнность, чѣмъ благо другаго и не должно поэтому подчиняться ему. О правѣ крайней необходимости (Nothrecht) можетъ быть здѣсь столь же мало рѣчи, какъ въ томъ случаѣ, гдѣ приходитъ въ столкновеніе жизнь съ жизнію. Подобное право принадлежитъ только находящейся въ опасности жизни, личности въ совокупности ея правъ противъ отдѣльныхъ управомочій ея. И если такимъ образомъ въ подобномъ состояніи необходимости для спасенія собственнаго блага нарушено благо другаго, то подобное нарушеніе есть во всякомъ случаѣ противозаконное; безнаказаннымъ же оно становится только тогда, если дѣйствіе уклоняется отъ опредѣленнаго въ законѣ уголовнаго характера, или если состояніе крайней необходимости, въ которомъ находится стѣсненный, имѣло на него вліяніе непреодолимаго принужденія.

Итакъ истинное, исключающее вмѣненіе, состояніе крайней нужды слѣдуетъ принять только тогда, если состояніе необходимости лица, угрожаемаго въ своемъ правѣ, достигло такой степени интензивности, что превосходило бы обыкновенную человѣческую природу въ отношеніи къ сопротивленію подобному принужденію. Собственно

же право крайней необходимости принадлежитъ только находящейся въ опасности жизни въ столкновеніи съ отдѣльными условными правами личности. Столкновенія другаго рода не допускаютъ вовсе права крайней необходимости, они не даютъ находящемуся въ стѣсненномъ положеніи никакого права для отвращенія собственной опасности нарушать права другаго, въ его состояніи необходимости невиннаго. Но однако содѣянное въ такомъ положеніи, для отвращенія опасности, правонарушеніе остается ненаказуемымъ, если находящійся въ состояніи необходимости принужденъ былъ къ совершенію его непреодолимымъ принужденіемъ. Внѣ этого случая оно остается наказуемымъ; состояніе же необходимости слѣдуетъ принимать въ уваженіе только при измѣреніи наказанія, какъ основаніе для смягченія его.

Только въ предположеніи принадлежащаго жизни, въ столкновеніи съ подчиненнымъ правомъ личности, права крайней необходимости и въ приведенномъ здѣсь основаніи его находятъ свое оправданіе многія постановленія положительнаго законодательства. Сюда принадлежатъ вопросы о ненаказуемости преступныхъ дѣйствій, совершенныхъ для спасенія третьихъ лицъ, о правѣ государства требовать для своего существованія всѣхъ возможныхъ жертвъ, даже жизни, отъ своихъ гражданъ; также какъ и вопросъ о правомѣрности перфораціи.

Однако, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, слѣдуетъ выставить условія, подъ которыми должно признать за состояніемъ крайней нужды право крайней нужды, и совершенныя въ этомъ состояніи правонарушенія признать свободными отъ наказанія.

Существо состоянія крайней нужды и то обстоятельство, что здѣсь дѣло идетъ о правонарушеніи, которое причиняется невинному, ясно показываетъ, что ненаказуемость его должна быть заключена въ болѣе тѣсные предѣлы, чѣмъ въ случаѣ необходимой обороны. Отсюда, какъ и изъ понятія и существа состоянія крайней нужды, вытекаютъ уже и тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ ненаказуемость совершенныхъ въ подобномъ положеніи противозаконныхъ дѣйствій. Они суть слѣдующія:

1) Опасность, для отвращенія которой предпринято было противное уголовному закону дѣйствіе, если она должна имѣть своимъ послѣдствіемъ ненаказуемость, должна быть настоящею, imminent-

нож. Это требованіе выставляется ясно всѣми германскими новѣйшими уголовными законодательствами, за исключеніемъ прусскаго и австрійскаго. Если же опасность должна осуществиться не непосредственно, грозитъ зломъ не тотчасъ, но въ послѣдствіи, то предпринятое къ отвращенію ея противное уголовному закону дѣйствіе неминуемо подлежитъ наказанію.

2) Кромѣ того, для ненаказуемости совершенныхъ въ состояніи крайней необходимости преступныхъ дѣйствій по австрійскому праву, напр., необходимо, чтобы опасность эта грозила жизни, или, по выраженію нѣкоторыхъ новѣйшихъ германскихъ законодательствъ, направлена была на тѣло и жизнь (Leib und Leben); и этимъ только случаемъ большею частію этихъ законодательствъ и ограничивается состояніе крайней необходимости и ненаказуемость совершенныхъ въ немъ преступныхъ дѣйствій. Но тѣмъ не менѣе не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію и то, что также должно быть ненаказуемо преступное дѣйствіе, совершенное для отвращенія опасности, грозящей и для здоровья, такъ какъ кажущееся самымъ незначительнымъ поврежденіе тѣлеснаго интегритета, какъ учитъ опытъ, можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ опасность для жизни. Равнымъ образомъ, не абсолютно невозможно состояніе крайней нужды, и вслѣдствіе нея полная ненаказуемость совершенныхъ въ немъ преступныхъ дѣйствій, произведенное опасностію, угрожающею личной свободѣ и чести человѣка. Что же касается до опасности, грозящей отдѣльнымъ имущественнымъ правамъ, или даже всему имуществу, то она не можетъ быть причиною состоянія крайней необходимости въ приведенномъ здѣсь смыслѣ. Кто поэтому совершаетъ преступное дѣйствіе для отклоненія опасности, грозящей разрушеніемъ напр. его дому, тотъ не можетъ извиняться въ своемъ преступномъ дѣйствіи состояніемъ крайней необходимости. Такого рода опасность скорѣе имѣетъ возможность только смягчить наказаніе, но не отмѣнить его совершенно. Но если, не смотря на это, нарушеніе чужой собственности, совершенное для спасенія своей, новѣйшими законодательствами не подводится подъ уголовный законъ, но предоставляетъ потерпѣвшему только право на вознагражденіе убытковъ, то основаніе свободы отъ уголовнаго наказанія въ подобномъ случаѣ лежитъ не въ состояніи крайней необходимости, а въ томъ, что здѣсь недостаетъ требуемаго закономъ для уголовной отвѣтственности признака злоумышленнаго поврежденія. Правонарушеніе остается ненаказуемымъ, даже если бы находившееся въ опасности

и спасенное имущество было меньшей цѣнности, чѣмъ пожертвованное для спасенія его.

3) Опасность, которая должна избавлять отъ уголовной отвѣтственности, должна быть такого свойства, что не могла бы быть отвратима никакимъ другимъ средствомъ, какъ только вторженіемъ въ чужое право, и не въ меньшемъ объемѣ, какъ въ какомъ послѣдовало нарушеніе. Состояніе необходимости не можетъ считаться истиннымъ состояніемъ крайней нужды, если представлялось другое законное средство для отклоненія опасности, и слѣдовательно не существовало никакого принужденія для совершенія вообще правонарушенія, если по крайней мѣрѣ не въ томъ объемѣ, въ которомъ оно послѣдовало. Поэтому нѣтъ ненаказуемости, если находящійся въ стѣсненномъ положеніи могъ избѣгнуть грозившей ему опасности посредствомъ напр. бѣгства. Находящійся въ стѣсненномъ положеніи — говоритъ Брейденбахъ — не долженъ выказывать своего рыцарскаго мужества ко вреду невинныхъ лицъ. Если онъ дѣйствительно обладаетъ имъ, то ему предстоитъ болѣе достойная возможность выказать его; онъ можетъ противостоять съ собственною опасностію угрожающему и пощадить невиннаго третьяго. Равнымъ образомъ совершенное въ состояніи крайней необходимости, для собственнаго спасенія, правонарушеніе не должно быть болѣе, чѣмъ это необходимо. Если это вторженіе въ правовую сферу другаго совершено въ бо́льшемъ объемѣ, чѣмъ нужно для отклоненія опасности, — если напр. находящійся въ состояніи необходимости совершилъ убійство тамъ, гдѣ было достаточно простое нанесеніе раны, — то относительно этого превышенія онъ несвободенъ отъ уголовной отвѣтственности.

4) Противостояніе опасности съ собственными силами, которую находящійся въ состояніи необходимости старался отклонить отъ себя совершеніемъ преступнаго дѣйствія, не должно принадлежать къ особеннымъ, принятымъ имъ на себя, юридическимъ обязанностямъ. (Это ясно высказано въ новомъ саксонскомъ кодексѣ ст. 92, баденскомъ § 83). Государственныя соображенія дѣлаютъ иногда необходимымъ, чтобы отдѣльнымъ лицамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность самопожертвованіе, и слѣдовательно презрѣніе всѣхъ грозящихъ имъ опасностей. Поэтому тотъ, кто дѣйствуетъ противъ этого юридическаго долга, не можетъ ссылаться на состояніе крайней необходимости, какъ напр. чиновникъ, солдатъ, матросъ и др. подобн. лица. Существуетъ ли и въ какихъ именно случаяхъ такой

особенный юридическій долгъ, или обязанность, которые обязываютъ гражданина подчиняться даже величайшимъ опасностямъ, должно быть обсуждаемо по существующимъ на этотъ предметъ, какъ напр. военнымъ, законамъ. Если же недостаетъ одного изъ выставленныхъ здѣсь условій, то здѣсь уже не существуетъ истиннаго состоянія крайней нужды въ смыслѣ положительныхъ законодательствъ, и совершенное такимъ образомъ, хотя и противъ воли, съ цѣлію отвращенія грозящаго зла, противозаконное дѣйствіе наказуемо. Равнымъ образомъ, тотъ не можетъ извиняться состояніемъ крайней необходимости, который совершаетъ преступное дѣйствіе, чтобы отклонить отъ себя павшее на него подозрѣніе въ совершеніи тяжкаго преступленія и избѣгнуть грозящаго ему за то наказанія; такъ напр. тотъ, кто лишаетъ личной свободы свидѣтеля, со стороны котораго опасается вреднаго для себя показанія и проч. Его положеніе столь же мало можетъ быть подведено подъ понятіе крайней необходимости, какъ и положеніе того, который долженъ быть казненъ за совершенное имъ преступленіе, за которое назначена въ законѣ смертная казнь. Ибо грозящая ему, заключающаяся въ ожидающемъ его наказаніи, опасность, не есть состояніе принужденія въ юридическомъ смыслѣ; она не произведена, какъ въ состояніи собственно крайней нужды, посредствомъ внѣ его лежащей, истекающей ли изъ какой нибудь силы природы, или отъ человѣка, принуждающей силы или насилія; но она вызвана его свободною дѣятельностію, т. е. собственнымъ дѣйствіемъ; ее онъ долженъ признать законнымъ послѣдствіемъ того дѣйствія.

Между условіями, отъ которыхъ зависитъ ненаказуемость совершенныхъ въ состояніи крайней необходимости противозаконныхъ дѣйствій, нѣкоторыми законодательствами (брауншвейг. код. § 34., ганновер. ст. 84) приводится также и то, чтобы состояніе крайней необходимости не произошло вслѣдствіе вины находящагося въ немъ, т. е. чтобы это состояніе съ его стороны было совершенно невинное. Совершенно справедливо возражаютъ противъ этого, что почти всякое состояніе крайней необходимости можетъ быть отнесено на счетъ то бо̀льшей, то меньшей вины находящагося въ немъ. Бѣднякъ, который совершаетъ воровство въ опасности голодной смерти, долженъ бы былъ за то воровство подвергнуться наказанію, если бы онъ самъ былъ виновенъ въ своей бѣдности.

Относительно этого, какъ и другихъ ограниченій состоянія крайней необходимости, которыхъ мы не приводимъ здѣсь, совер-

шенно справедливо замѣчаетъ Кöстлинъ, что вслѣдствіе подобныхъ постановленій является съ одной стороны опасная для увѣренности въ правѣ шаткость, съ другой стороны такимъ образомъ совершенно уничтожается одной рукой та свобода, которая предоставляется другою.

Но и то состояніе крайней нужды, которое произошло вслѣдствіе вины и даже преступнаго дѣянія самаго находящагося въ немъ, не всегда исключаетъ ненаказуемость, но только въ томъ случаѣ, когда зло, которое онъ хотѣлъ отвратить отъ себя совершеннымъ имъ вторымъ противозаконнымъ дѣйствіемъ, есть непосредственное послѣдствіе его вины или противнаго уголовному закону дѣйствія, и стоитъ съ нимъ въ непосредственной юридической связи; когда, слѣдовательно, это состояніе необходимости не только можно, но и должно было предвидѣть. Это требованіе ясно выражено въ ст. 92 новаго саксонскаго уголов. кодекса.

Но, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что объ извиняющемъ состояніи крайней необходимости не можетъ быть и рѣчи, когда находящійся въ немъ вызвалъ его съ намѣреніемъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ учинить преступленіе; подобное, хотя бы совершенное и для своего спасенія, преступное дѣйствіе есть дѣйствіе libera in causa. Подобный случай не имѣетъ совершенно ничего общаго съ состояніемъ крайней нужды, ибо въ основаніи его лежитъ намѣреніе какъ начало, дѣло какъ конецъ, лежащая же между ними опасность юридически равна нулю.

Какъ условіе ненаказуемости, совершеннаго въ состояніи крайней необходимости, противозаконнаго дѣйствія выставляется также еще нѣкоторыми законодательствами (вюртемберг. ст. 106, брауншвейг. § 168), чтобы тотъ, который совершилъ въ этомъ состояніи то противозаконное дѣйствіе, подъ страхомъ наказанія денежной пени и тюремнаго заключенія, тотчасъ же доносилъ, или доводилъ о томъ до свѣдѣнія начальства. Конечно, подобнаго рода извѣщенія могутъ лежать въ интересѣ самаго преступника, чтобы напр. доказательствомъ дѣйствительнаго состоянія крайней нужды избѣгнуть наказанія; но оно вовсе не необходимо для понятія.

Если такимъ образомъ допустить, что состояніе крайней нужды во всѣхъ случаяхъ, гдѣ жизнь вступаетъ въ столкновеніе съ отдѣльными правами личности, обусловливаетъ не только ненаказуемость, но и настоящее право крайней необходимости, то при дѣйствительномъ существованіи на лицо вышеприведенныхъ условій слѣдуетъ

считать управомоченнымъ не только непосредственно находящагося въ этомъ положеніи, но и каждое лицо, имѣющимъ, для спасенія жизни другаго, право нарушенія условнаго права совершенно невиннаго третьяго. Потому что право, которое принадлежитъ угрожаемой опасностію жизни противъ отдѣльныхъ условныхъ правъ, можетъ получить свое примѣненіе не только отъ находящагося въ опасности непосредственно, но и отъ всякаго другаго, которому вслѣдствіе этого должно быть предоставлено вторженіе не только въ чужую собственность, но и въ другія отдѣльныя права, на сколько съ нарушеніемъ ихъ не является опасность для жизни лица, имѣющаго эти права. Но ненаказуемость совершеннаго для спасенія чужой жизни противозаконнаго дѣйствія не представляется въ этой всеобщности въ новѣйшихъ законодательствахъ; они ограничиваются обыкновенно случаемъ, гдѣ идетъ дѣло о спасеніи родственниковъ. Только уголовные законы Гессена и Нассау признаютъ также ненаказуемость правонарушенія, совершеннаго и для спасенія неродственника, но лишь на столько, на сколько это правонарушеніе направлено было противъ чужой собственности (гессенъ-дармштад. код. ст. 45).

Собственно здѣсь слѣдуетъ дѣлать различіе между отдѣльными родами состоянія крайней необходимости.

1) Если состояніе крайней необходимости происходитъ вслѣдствіе столкновенія между жизнію и условнымъ правомъ личности, то совершенное для спасенія первой нарушеніе послѣдняго остается ненаказуемымъ, даже если бы оно было предпринято для спасенія чужой жизни, и даже безъ различія, состоитъ ли находящійся въ состояніи крайней необходимости къ лицу дѣйствующаго вопреки уголовнаго закона, въ отношеніи родства, или нѣтъ. Притомъ это право нарушенія, для спасенія чужой жизни, условнаго права другаго не слѣдуетъ ограничивать только вторженіемъ въ чужую собственность; а должно быть допущено и нарушеніе другаго условнаго права личности, конечно съ предположеніемъ, что изъ этого не вытекаетъ опасность для личности въ ея полнотѣ, что должно всегда признать при нарушеніяхъ здоровья, такъ какъ было уже доказано, что самое незначительное тѣлесное поврежденіе можетъ сдѣлаться опаснымъ для жизни. Поэтому и тотъ, который для спасенія чужой жизни нарушаетъ личную свободу или честь другаго, не долженъ быть подвергнутъ уголовной отвѣтственности, ибо его дѣйствіе здѣсь теряетъ правонарушительный характеръ.

Съ этой точки зрѣнія, и только подъ предположеніемъ принадлежащаго жизни права крайней необходимости, оправдывается юридически и перфорація, т. е. совершаемое врачемъ, слѣдовательно третьимъ, ненаходящимся собственно лично въ состояніи крайней необходимости, лицомъ, убійство находящагося еще во чревѣ матери ребенка, для спасенія жизни послѣдней. Правомѣрность ея выводится различными писателями различно. Такъ напр. нѣкоторые стараются вывести ее даже изъ какого то договора, заключаемаго женщиною съ государствомъ; вслѣдствіе этого договора женщина будто бы обязывается доставлять государству гражданъ хотя и съ опасностію для жизни, но лишь въ томъ размѣрѣ, на сколько эта опасность вообще неотвратима; если же при родахъ является необходимымъ прибѣгнуть или къ перфораціи или къ кесарскому сѣченію, то женщина, опираясь на тотъ договоръ, имѣетъ право отказаться отъ втораго, и государству не остается ничего другаго, какъ употребить перфорацію (Janouli—Über Kaiserschnitt und Perforation in gerichtlich-medicinischer Beziehung. Heidelberg. 1834). Вехтеръ считалъ находящагося еще во чревѣ матери ребенка, эмбріона, не болѣе какъ за pars ventris, и сравниваетъ его съ грозящею опасностію жизни матери больною рукою, которую слѣдуетъ подвергнуть ампутаціи. Противъ подобнаго воззрѣнія должно замѣтить, что находящійся въ материнскомъ чревѣ живой эмбріонъ болѣе чѣмъ pars ventris, — онъ есть уже осуществляющаяся, хотя еще и стоящая въ связи съ лицомъ матери, личность. Столь же мало выдерживаетъ критику и сравненіе этого состоянія матери съ правомъ необходимой обороны, которое будто бы принадлежитъ матери противъ грозящаго ей опасностію эмбріона (Цейллеръ). Ибо первое и самое существенное условіе необходимой обороны, чтобы грозящая находящемуся въ состояніи крайней необходимости опасность проистекала изъ противозаконнаго нападенія, но о противозаконномъ нападеніи въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Гораздо основательнѣе подводить перфорацію, какъ это и дѣлаютъ Іенулль, Кӧстлинъ, Левита, Бернеръ, подъ точку зрѣнія права крайней нужды, и ея юридическое оправданіе полагать въ томъ, что дѣйствительная, самостоятельная жизнь матери должна имѣть преимущество противъ только что осуществляющейся, зависимой еще отъ матери жизни ребенка, на счетъ котораго еще существуетъ сомнѣніе, будетъ ли онъ въ состояніи продолжать свою жизнь внѣ чрева матери; какъ высшая ступень бытія, какъ самостоятельное бытіе

противъ ему подчиненнаго, низшаго, въ немъ только имѣющаго основаніе своего существованія, противъ несамостоятельнаго условной ступени бытія.

Въ принципѣ же права крайней необходимости коренится и право государства для своего существованія требовать отъ индивидуумовъ всевозможныхъ жертвъ, даже ихъ жизни, какъ напр. во время войны. Этотъ случай однако стоитъ внѣ области уголовнаго права.

Противъ состоянія крайней необходимости не существуетъ права необходимой обороны, ибо послѣдняя предполагаетъ противозаконное нападеніе; совершенное же для спасенія жизни въ силу крайней нужды нападеніе на чужія условныя права вовсе не есть противозаконное, и для отраженія его поэтому не можетъ существовать никакой необходимой обороны; конечно, при этомъ должно предполагать, что собственнику нарушаемыхъ правъ извѣстно состояніе крайней необходимости вторгающагося въ его правовую сферу, и что онъ не находится самъ въ одинаковомъ состояніи необходимости.

2) Но должны существовать другія основанія въ тѣхъ случаяхъ состоянія крайней необходимости, гдѣ сталкивается жизнь съ жизнію, или условныя права личности съ другими условными правами, гдѣ поэтому принимаемая ненаказуемость совершеннаго въ такомъ состояніи, для отвращенія опасности, правонарушенія имѣетъ свое основаніе не въ правѣ крайней необходимости, но въ указываемой уголовной политикой слабости человѣческой природы. Въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе вопроса, наказуемо ли, совершенное для спасенія третьяго лица, нарушеніе права другаго, зависитъ обыкновенно отъ того, существуетъ ли между непосредственно находящимся въ состояніи крайней необходимости и тѣмъ лицомъ, которое совершило для спасенія его правонарушительное дѣйствіе, столь тѣсное личное отношеніе, что крайняя нужда одного становится и состояніемъ крайней необходимости и для другаго. Кто для спасенія жизни человѣка приноситъ въ жертву жизнь невиннаго другаго, дѣйствіе того во всякомъ случаѣ противозаконное, ибо съ юридической точки зрѣнія жизнь одного имѣетъ ту же цѣнность, какъ и жизнь другаго. Онъ имѣетъ столь же мало права, какъ и обязанности, спасать одну на счетъ другой, приносить одну въ жертву другой. Поэтому ненаказуемымъ остается совершенное третьимъ, для спасенія жизни одного, убійство другаго только тогда, если между обоими лицами существуетъ такая личная связь и единеніе,

что опасеніе зла, грозящаго непосредственно находящемуся въ опасности, ставитъ и другаго въ такое стѣсненное положеніе, въ которомъ нельзя предполагать по обыкновенному человѣческому чувству, чтобы онъ ему противостоялъ; когда поэтому въ состояніи крайней нужды одного слѣдуетъ видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе крайней нужды другаго. Что такого рода случаи могутъ встрѣчаться въ жизни и дѣйствительно бываютъ, никто не будетъ въ этомъ сомнѣваться. Совершенное въ подобномъ случаѣ, противное уголовному закону, дѣйствіе должно остаться ненаказуемымъ, потому что оно послѣдовало вслѣдствіе непреодолимаго принужденія, хотя состояніе принужденія было произведено опасностію, угрожающею другому, а не непосредственно находящемуся въ состояніи необходимости.

Между какими личностями существуетъ подобное отношеніе личнаго единства, въ которомъ одна личность какъ бы сливается съ другой, нельзя опредѣлить in abstracto. Рѣшеніе вопроса, существуетъ ли подобное отношеніе, должно предоставить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судебному разсмотрѣнію. Новѣйшія законодательства однако представляютъ кругъ тѣхъ лицъ, для спасенія которыхъ совершенное другимъ правонарушеніе должно остаться безъ наказанія. Нѣкоторыми законодательствами къ этимъ лицамъ причисляются родственники вообще, напротивъ другія спеціально обозначаютъ эти лица; однако въ своемъ опредѣленіи они не вполнѣ согласны между собою, и то болѣе то менѣе распространяютъ ихъ кругъ. Къ подобнымъ лицамъ причисляются вообще супруги, родственники въ восходящей и нисходящей линіи, братья и сестры, находящіеся въ свойствѣ, усыновившіе и усыновленные, воспитатели и воспитанники, также обрученные женихъ и невѣста. Основаніе для этого существуетъ въ томъ предположеніи, что состоящее между этими лицами отношеніе обыкновенно столь тѣсно, что опасность однихъ должна считаться вмѣстѣ съ тѣмъ и опасностію, угрожающею другимъ; вслѣдствіе чего оба должны быть разсматриваемы находящимися въ одинаковомъ состояніи нужды. Но по настоящему ненаказуемость должна ограничиваться не только тѣми лицами, между которыми существуетъ признанное закономъ отношеніе родства или покровительства, но она должна существовать и относительно другихъ лицъ, съ которыми мы чувствуемъ себя связанными другими нравственными узами, напр. узами любви, дружбы, благодарности, столь тѣсно, что положеніе ихъ со всѣми ихъ индивидуальностями принимается нами такъ близко къ сердцу, какъ будто бы

мы сами находились въ этомъ положеніи. Подобное отношеніе можетъ существовать между женихомъ и невѣстой, вѣрными друзьями, между воспитателемъ и воспитанникомъ, между учителемъ и ученикомъ или и другими лицами, обязанными по закону или по совѣсти къ самопожертвованію въ пользу другъ друга.

Но для ненаказуемости совершеннаго для спасенія другаго, противнаго уголовному закону, дѣйствія должны быть всѣ условія, подъ предположеніемъ только которыхъ извиняется состояніе крайней необходимости, дѣйствительно существующими, но не предполагаемыми только, какъ напр. по ошибкѣ третьяго, оказывающаго помощь стѣсненному. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о ненаказуемости, если состояніе крайней нужды, въ которомъ находился принужденный, было только кажущимся, но въ дѣйствительности вовсе не было такимъ, какъ его требуетъ законъ для ненаказуемости содѣяннаго въ немъ правонарушенія, хотя тотъ третій и считалъ бы его такимъ, т. е. удовлетворяющимъ законному требованію.

22) **Кандидата Мстислава Прахова.** *)

(За августъ, сентябрь и октябрь 1864 года).

Получивъ въ началѣ августа съ причисленіемъ къ министерству положеніе, болѣе удобное для моихъ занятій, я приводилъ ихъ въ продолженіе этого мѣсяца въ правильный порядокъ, въ предшествовавшее время чаще нарушавшійся случайностями, и не прерывалъ прежняго ихъ теченія. Понятно, что характеръ моихъ занятій опредѣлился задолго до новаго положенія — и я не считаю нужнымъ много останавливаться на разумѣющемся само собой, общемъ ихъ ходѣ, до тѣхъ поръ пока въ немъ не выдѣлились опредѣленныя задачи: занимающемуся филологіей, хотя бы и одной семьи индоевропейскаго племени, и видящему особенную важность для современнаго состоянія родной славяно-русской филологіи въ строгомъ и глубокомъ лингвистическомъ знаніи — болѣе чѣмъ непонятно было бы не прилежать постоянно, душой и головой, постепенному изученію созданій — не говорю великихъ основателей языкознанія и новой филологіи — но по крайней мѣрѣ въ наше время дѣйствующихъ прямыхъ ихъ преемниковъ (Куна, Бенфея, Курціуса, Шлейхера, Пикте и мн. др., Штейнталя, представляющаго почти однимъ собою цѣлое направленіе въ языкознаніи); я сказалъ — душой

---

*) Г. Праховъ нынѣ занимается въ Россіи.

и головой, ибо и новый филологъ не ex officio, а по внутреннему влеченію, какъ и всякій живущій не лживою, а истинной наукой, можетъ, характеризуя одну половину своей работы, сказать про себя перифразомъ словъ Неандера: pectus est, quod facit philologum linguarumque scrutatorem! Отношеніе же западной науки, до сихъ поръ составляющей для насъ общую теоретическую часть каждой научной работы, къ родному матеріалу, представляя одинъ изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ какъ для общей русской образованности, такъ и особенно для университетской практики, вызывая вопросъ о русской или славянской наукѣ, въ частныхъ своихъ отдѣлахъ, каковы филологія и языкознаніе, — если только занимающійся не становится по собственнымъ своимъ работамъ непосредственно въ область западной науки, — рѣшается до сихъ поръ каждый разъ почти исключительно собственною его личностью, не несущей еще на себѣ наслѣдія преданій нашей собственной объективно-предлежащей науки, что составляетъ выгодную сторону нашего положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невыгодную, ибо, чтобы воспользоваться первою, требуетъ и силъ чрезвычайныхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, при возможности располагать бо̀льшимъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ, временемъ... а гдѣ у насъ найти такое соединеніе счастливыхъ для науки обстоятельствъ! — Но, чтобы перейти лично къ себѣ, къ отчету о своихъ занятіяхъ за послѣднее время, я замѣчу только, что для меня—на сколько знаю себя—всякое изученіе предмета филологическаго, лингвистическаго, миѳологическаго, какъ бы продолжительно оно ни было, послѣднею своею цѣлью всегда имѣетъ приложеніе къ славяно-русскому міру. Не останавливаясь на общихъ своихъ, преимущественно фонетико-морфологическихъ занятіяхъ (гдѣ мнѣ естественоо приходится брать въ руководство всего чаще труды Шлейхера, Курціуса, частью Миклошича и Востокова, и др.), перехожу къ ближайшимъ своимъ работамъ, значительное уже время вращающимся около двухъ центровъ: приготовленія къ изданію Записокъ о Московскомъ княжествѣ императорскаго посла барона Герберштейна и изученія Слова о Полку Игоревѣ.

Почти годъ тому назадъ 2-му отдѣленію академіи наукъ угодно было поручить мнѣ изданіе Rerum Moscoviticarum Commentariorum съ русскимъ переводомъ и объясненіями, вслѣдствіе чего я и представилъ отдѣленію мемуаръ, напечатанный въ ученыхъ запискахъ академіи, кн. 1, 1864 г., изъ котораго видно и значеніе Гербер-

штейновыхъ записокъ для русской филологіи: одинъ уже перечень памятниковъ, переведенныхъ или представленныхъ авторомъ въ извлеченіи, можетъ дать понятіе объ этомъ. Занимаясь приготовленіемъ Записокъ къ изданію и преимущественно сравненіемъ двухъ важнѣйшихъ текстовъ, латинскаго 1556 г. и не менѣе важнаго нѣмецкаго 1557 г., какъ между собой, такъ и съ автобіографіей автора, я отправился нынѣ въ началѣ сентября въ Москву, гдѣ, по прежнему пользуясь совѣтами и указаніями г. академика Срезневскаго, вскорѣ получилъ доступъ въ синодальную библіотеку, благодаря обязательному вниманію ея начальства. Здѣсь провелъ я около полутора мѣсяца въ ежедневныхъ почти занятіяхъ въ библіотекѣ. Я успѣлъ сдѣлать значительныя выписки изъ восьми рукописей XIII, XIV и XV столѣтій (пандекты, параклиты, ирмолой, тріодь, служебникъ), но главное мое вниманіе было обращено на Кормчую 1280-хъ годовъ, изъ которой я и сдѣлалъ точныя копіи слѣдующихъ трехъ приводимыхъ Герберштейномъ памятниковъ; 1) Іо(ана) митрополита русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ Іякову черноризьцю (правила) (въ Кормчей лл. 510—518, у Герберштейна: Canones cujusdam Joannis metropolitae, qui dicitur propheta), 2) Въпрашаніе Кюриково, еже въпраша епискоупа Новоугородьско(го) Ниѳонта и инѣхъ (лл. 518—542, у Герберштейна: Quaestiones Cyrilli cujusdam ad episcopum Niphontem Novogardiensem) и 3), Оуставъ святого князя Володимира, крестившаго Роусьскую землю, о церковьныхъ соудѣхъ (лл. 628—630, у Герберштейна: De Decimis). Имѣя возможность заниматься въ синодальной библіотекѣ только по шести часовъ въ день, я продолжалъ въ оставшееся время изученіе Слова о Полку Игоревѣ путемъ комментированія какъ въ критическомъ, такъ въ грамматическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Словомъ о Полку Игоревѣ я началъ заниматься болѣе полутора года тому назадъ составленіемъ полной морфологической системы его языка; съ тѣхъ поръ я не оставляю этого великолѣпнаго памятника, болѣе полувѣка привлекающаго къ себѣ изслѣдователей всякаго рода и донынѣ еще не имѣющаго цѣлаго истинно-научнаго объясненія. Воротясь изъ Москвы въ половинѣ октября, я продолжаю прежнія работы по Герберштейну и Слову о Полку Игоревѣ. Въ области послѣдняго знакомство съ палеографіей XV вѣка, первое изданіе 1800 г. и екатерининская копія 1795—1796 г., изданная недавно академикомъ Пекарскимъ, хоть она и не даетъ средствъ для зна-

чительныхъ эмендацій, составляютъ, взятыя вмѣстѣ, опорныя точки для критической реставраціи утраченнаго списка, что въ спеціальномъ изслѣдованіи Слова, конечно, стоитъ тщательной работы, констатируя единственное чтеніе памятника, сохранившаго намъ драгоцѣнныя черты не только древнѣйшаго историческаго быта, но и столь скудно дошедшей до насъ славянской миѳологіи. Тщательнымъ сличеніемъ перваго изданія съ екатерининской копіей я, напр., пришелъ до сихъ поръ, между прочимъ, къ бо̀льшей вѣроятности слѣдующихъ эмендацій: вм. «свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа» сличеніе говоритъ, кажется, за остроумную поправку Максимовича: *свистъ звѣринъ въста, взви (възви) дивъ, кличетъ връху древа;* вм. «утръ же воззни стрикусы» сличеніе подтверждаетъ: *утръже возьни стрикусы (?);* не упоминаю многихъ другихъ соображеній, но скажу, что какъ сличеніе, такъ и припоминаніе знаній XVIII вѣка по отношенію къ фонетикѣ, вновь подкрѣпили мое мнѣніе, что первые издатели вовсе не посягали на текстъ имѣвшагося у нихъ списка, а что напротивъ того они, «не мудрствуя лукаво», съ точностью, конечно не палеографическою, передали намъ чтеніе списка, хоть и съ безсознательными грѣхами невѣденія да съ нѣсколькими типографскими погрѣшностями.

Таковъ до сихъ поръ общій ходъ моихъ занятій.

С.-Петербургъ, 2-го ноября 1864 года.

23) Кандидата Евгенія Фортунатова.

1.

Мало представляетъ замѣчательнаго, капитально важнаго въ послѣднее время историко-филологическая наука южныхъ и западныхъ славянъ. Относительно первыхъ это не странно, не поражаетъ: у нихъ даже замѣтенъ скорѣе нѣкоторый прогрессъ, нежели затишье или упадокъ. Не то у западныхъ славянъ, особенно у чеховъ. Мы привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на нашихъ учителей въ славистикѣ, и совершенно справедливо, но только относительно поколѣнія старшаго, относительно Добровскаго, Палацкаго, Шафарика, Юнгманна, Челяковскаго. Теперь не то. Съ перваго взгляда покажется, что трудами этихъ ученыхъ проложены для науки такіе пути, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ извѣстнымъ пока даннымъ, фактамъ, и намъ потому остается только дополнять, исправлять частности. Такъ и дѣлаетъ большинство дѣятелей современной чешской

науки. Они какъ бы подѣлили между собой науку. Работа очень почтенная, необходимая, но отсутствіе живой связи, отсутствіе противовѣсія, т. е. трудовъ энциклопедическихъ въ противоположность трудамъ спеціальнымъ дѣйствуетъ на послѣдніе самоубійственно. Они и рѣдѣютъ, и хилѣютъ. Первое потому, что ученый, упустивъ изъ виду гармонію наукъ, психологически не въ состояніи понимать и всей важности тѣхъ мелкихъ фактовъ, надъ которыми онъ трудится, а потому энергія его ослабляется. Второе-же, т. е. хилѣніе еще естественнѣе. Стоитъ только вспомнить науку сравнительнаго языкознанія, а еще лучше обратить вниманіе на тѣ услуги, какія оказала эта самая наука этнографіи, изученію исторіи и литературъ, миѳологіи и т. д. Да и чешская литература недавно еще представила разительное доказательство того, какъ необходимы обобщеніе и взаимная повѣрка въ различныхъ отрасляхъ науки. Давно трудились искренніе и притворные скептики надъ священными для каждаго славянина и слависта пѣснями краледворской рукописи. Но эти нападенія имѣли незначительные результаты, пока Фейфоликъ не концентрировалъ разнороднаго оружія ихъ въ извѣстной книгѣ своей о краледворской рукописи Тутъ только и тайные, многочисленные противники возвысили свой голосъ, а защитники утроили свою энергію. Чешскіе спеціалисты историки, археологи, лингвисты, филологи всѣми силами отстаивали палладіумъ своей національности. Но и ихъ усилія производили опять слабыя дѣйствія, пока братья I. и Г. Иречки не заставили замолчать противниковъ энциклопедіей всѣхъ оборонъ краледворской рукописи, превосходнымъ сочиненіемъ своимъ: Die Rechtheit der Königinhöfer Handschrift. Да! ученая дѣятельность Иречковъ возвращаетъ чешскую науку къ золотому ея вѣку. Надо желать, чтобы они нашли себѣ побольше помощниковъ. Такъ и замѣчательнѣйшій ученый трудъ чешскій за послѣдніи 2 года принадлежитъ имъ же. Это—«Slovanské právo v Čechách a na Moravě, sepsol dr. Hermenegild Jireček. V Praze. Sklad Karla Bellmanna». Первый томъ (VI + 237 стр.) обнимаетъ періодъ отъ первыхъ извѣстій до конца X столѣтія, второй (IV+322) отъ начала XI до конца XIII столѣтія. Авторъ Г. Иречекъ въ предисловіи свидѣтельствуетъ свою особенную благодарность брату своему Іосифу за постоянное содѣйствіе дѣломъ и совѣтомъ.

«Facturus legum veterum interpretationem, necessario prius ab Urbis inillis repetendum existimavi», — вотъ руководящая мысль этого сочиненія. Уже одни заголовки параграфовъ, особенно перваго тома,

показываютъ намъ въ какомъ обширномъ и плодотворномъ смыслѣ примѣнены эти слова авторомъ къ изслѣдованію развитія чешскаго права.

Въ первыхъ 8 §§ г. Иречекъ говоритъ о границахъ Чехіи, Моравы и нитранской области до конца X вѣка, о географическомъ характерѣ этихъ странъ, о путяхъ сообщенія ихъ съ сосѣдними краями, все на основаніи письменныхъ памятниковъ разсматриваемаго времени, съ постоянными выписками и ссылками на источники. Интересно описаніе дорогъ черезъ границы (semitae, viae, Steige, Saumwege). Чрезвычайное протяженіе такихъ дорожекъ сквозь старый, дремучій лѣсъ, равно какъ ихъ узость весьма затрудняли вторженія непріятеля (стр. 10). Знаніе дорожекъ очень важное для правильнаго пониманія военной исторіи и исторіи торговли (стр. 15). Упомянувъ о сосѣдяхъ чешско-моравскихъ (§ 9) и о названіяхъ Чехіи и Моравы: Bohemia, Čechy, Moravia, Morava (§ 10), авторъ переходитъ въ §§ 11 — 13 къ весьма любопытному предмету, — къ колонизаціи славянъ въ чешско-моравскомъ краѣ и развѣтвленію ихъ на племена. Здѣсь онъ доказываетъ, что имя чеховъ принадлежало сперва только одному изъ племенъ, заселившихъ Богемію, исчисляетъ другія славянскія племена, жившія тамъ, описываетъ мѣстности, занятыя ими, городки или замки ихъ, и передаетъ то, что можно извлечь изъ памятниковъ того времени о судьбѣ родовъ, первенствовавшихъ въ отдѣльныхъ племенахъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе колоній мелкихъ родовъ, на которые подраздѣлялись племена (§ 14). Старѣйшими поселеніями считаетъ Иречекъ урочища, носящія названія, употребляемыя и въ другихъ славянскихъ земляхъ, или же напоминающія имена племенъ, хотя бы и совершенно чуждыхъ. § 15 разсматриваетъ устройство чешскихъ родовъ, подобное донынѣ сохранившемуся у сербовъ и хорватъ. Историкъ языка извлечетъ изъ этого параграфа немало поучительнаго касательно семейной терминологіи, напр. см. объясненіе словъ: жупа, войска, лехъ, князь. Въ §§ 16—20 авторъ занимается состояніемъ земледѣлія, горнаго промысла, ремеслъ, торговли и военнаго устройства въ Чехіи и на Моравѣ до конца X вѣка. Тутъ для лингвиста еще болѣе интереснаго, такъ какъ многіе выводы основаны единственно на именахъ городовъ, селъ и т. п. Обращаю также вниманіе на опредѣленіе древнихъ чешскихъ мѣръ, вѣсовъ, и подраздѣленій времени. Въ § 21 говорится, къ сожалѣнію очень коротко, о божествахъ, вѣрованіяхъ, культѣ и празднествахъ древ-

нихъ языческихъ чеховъ. Исторія введенія христіанства въ Чехіи и на Моравѣ и первоначальное устройство церкви въ этихъ краяхъ занимаетъ §§ 22 и 23. Иречекъ собралъ много доказательствъ въ пользу того, что христіанство утвердилось въ Богеміи благодаря моравскимъ, а не нѣмецкимъ проповѣдникамъ, т. е. черезъ посредство солунскихъ братьевъ. Изъ слѣдующаго параграфа мы видимъ, что земля чешская была однимъ цѣлымъ не только въ географическомъ и національномъ отношеніи, но и въ политическомъ. Хотя упомянутыя отдѣльныя чешско-славянскія племена имѣли отдѣльныхъ представителей, нерѣдко враждовавшихъ между собой, однако и отношеніе этихъ племенъ къ иноземцамъ и другіе важные факты (напр. судъ Любуши) доказываютъ, что существовало у чешскихъ славянъ сознаніе политическаго единства, пока наконецъ всѣ племена не подпали подъ власть князя центральнаго племени, чеховъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ 996 году погибъ насильственнымъ образомъ послѣдній изъ остальныхъ княжескихъ родовъ,—либицко-хорватскій. Образъ жизни придворной и народной,—такъ озаглавливается § 25. Онъ принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ во всемъ сочиненіи. Здѣсь читаемъ мы о семейныхъ отношеніяхъ чешскихъ князей, ихъ бракахъ, воспитаніи, вступленіи на престолъ, замкахъ, имуществѣ, дружинѣ княжеской, торжествахъ, турнирахъ, завѣщаніяхъ или лучше предсмертныхъ наставленіяхъ, о погребеніяхъ, могилахъ князей, о томъ, какъ память объ нихъ сохранялась въ поговоркахъ, легендахъ, пѣсняхъ. Затѣмъ слѣдуютъ отрывочныя замѣтки о началѣ школъ, о населенности, о похищеніи женщинъ, о началѣ чешскихъ колоній въ нынѣшнемъ австрійскомъ эрцгерцогствѣ.

Только съ 26 § (стр. 139) приступаетъ Иречекъ къ главному предмету своихъ изслѣдованій, къ развитію чешскаго права, и занимается имъ уже безъ перерыва, до конца 1-го тома, а потому я прекращаю изложеніе содержанія. Разумѣется, и дальше разсѣяно множество драгоцѣнныхъ частностей для археолога, лингвиста, историка и т. д. Права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ Иречекъ считаетъ однимъ общеславянскимъ правомъ, ближайшимъ доказательствомъ чего служитъ самая терминологія юридическая въ старинныхъ памятникахъ и въ устахъ простаго народа. Поэтому сочиненіе Иречка изобилуетъ сравненіями законовъ и обычаевъ чешскихъ съ древними русскими, сербскими и проч. Много есть указаній и на право другихъ народовъ древнихъ и средневѣковыхъ.

Тому же порядку и способу изложенія слѣдуетъ авторъ и во второмъ томѣ. Различіе лишь въ томъ, что изслѣдованіе самаго права занимаетъ въ немъ гораздо болѣе мѣста, благодаря количеству матеріала. Къ обѣимъ частямъ сочиненія приложено по картѣ. Первая изображаетъ Чехію и Мораву съ сосѣдними краями въ IX и X вѣкахъ, вторая — тѣ же страны отъ 1,000 до 1,200 г. по Р. Х. Въ 1865 году надѣется г. Иречекъ издать и третью часть исторіи чешско-моравскаго права.

31-го октября 1864 года.

2.

Будучи отправленъ въ 1862 году въ славянскія страны для изученія славянскихъ нарѣчій, я избралъ главнымъ предметомъ своихъ занятій языкознаніе, т. е. изученіе славянскихъ нарѣчій самихъ по себѣ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, на сколько было возможно, въ связи съ иными семьями индоевропейской отрасли языковъ. При этомъ я пользовался обычными пособіями, трудами ученыхъ, изданіями памятниковъ, произведеніями устной и письменной словесности. Не мало пользы принесли мнѣ частныя бесѣды съ нѣкоторыми славистами, особенно съ профессоромъ пражскаго университета М. Гатталою, съ краинце-словенцемъ Левстикомъ, съ молодымъ чешскимъ филологомъ А. Патерой, и др. Но еще важнѣе было для меня продолжительное пребываніе среди сельскаго населенія средней и западной Чехіи и особенно Крайны. На послѣднюю я обратилъ особое вниманіе потому, что тамошнее нарѣчіе принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ на ряду съ болгарскимъ, и притомъ почти не имѣетъ исторіи. Въ Чехіи же я всего удобнѣе могъ соединить наблюденія надъ живой рѣчью народа съ занятіями книжными.

Другія вѣтви славянской филологіи были въ меньшей степени самостоятельнымъ предметомъ моихъ занятій. Болѣе обращался я къ нимъ по связи ихъ съ языкознаніемъ. Излишне было бы распространяться о значеніи языка для исторіи, о помощи, какую оказало и продолжаетъ оказывать изученіе языковъ арійскихъ, семитическихъ, алтайскихъ, для пополненія пробѣловъ въ пониманіи судебъ народовъ древнихъ и новыхъ. Для меня важнѣе было обратное отношеніе, польза, извлекаемая лингвистомъ изъ результатовъ политической исторіи. Исторія славянскаго языка въ его развѣтвленіи на нарѣчія переполнена вопросами, получающими разрѣшеніе, или

только еще ожидающими его отъ политической исторіи славянъ. Другая вѣтвь исторіи, судьбы письменности и литературы, такъ тѣсно связана съ языкознаніемъ, что и до сихъ поръ смѣшиваютъ эти двѣ науки не только люди посторонніе, но и многіе спеціалисты! Русскій языкъ не имѣетъ ни своего, ни иностраннаго выраженія для нѣмецкаго слова Sprachforscher. Отношеніе древностей и быта къ языку лучше всего характеризуется тѣмъ, что самыя очевидныя и наиболѣе извѣстныя приложенія языкознанія касаются археологіи, психологіи народовъ (Völkerpsychologie) и особенно миѳологіи. Даже классическая филологія въ этомъ отношеніи не рѣшается уже обходиться безъ помощи сравнительнаго языкознанія.

Сравнивая то, что уже сдѣлано по славянскому языкознанію, съ необъятнымъ требуемымъ, полезно остановиться на ближайшихъ пунктахъ этого требуемаго. Мнѣ кажется вотъ они: 1) научная обработка грамматики нарѣчій болгарскаго, польскаго и краинско-словенскаго. 2) Изученіе говоровъ и поднарѣчій переходныхъ, напр. въ королевствѣ Хорватскомъ, верхней Силезіи, въ сѣверо-восточной Венгріи. 3) Анализъ или хоть инвентарій синтаксическихъ явленій въ языкѣ славянскихъ пѣсенъ, пословицъ, древнихъ юридическихъ актовъ, съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на синтаксисъ литовцевъ и латышей. Синтаксисъ также нуждается въ своего рода лексиконѣ, какъ и этимологія. 4) Корнесловъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, опять таки съ особеннымъ вниманіемъ къ языкамъ литовскимъ.

4-го ноября 1864 года.

24) Кандидата Фердинанда Шеймана.

Такъ какъ плодотворная обработка сравнительной грамматики невозможна безъ точнаго знанія отдѣльныхъ языковъ, которые должны служить предметомъ сравненія, то я счелъ необходимымъ прежде всего заняться спеціальнымъ изученіемъ важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи языковъ. На первомъ планѣ естественно стоятъ языки: санскритскій, греческій, латинскій, церковно-славянскій (въ связи съ сравнительною грамматикою славянскихъ нарѣчій), литовскій и готскій (въ связи съ исторической грамматикою нѣмецкаго языка).

При этомъ, конечно, я долженъ былъ принять за основаніе досѣлѣшнія свои занятія, которыя преимущественно посвящены были санскритскому, греческому, латинскому, зендскому и ново-персид-

скому языкамъ. Остальные же индоевропейскіе языки я знаю въ той мѣрѣ, въ какой могло меня познакомить съ ними изученіе трудовъ Боппа и Шлейхера.

За границею, на первый разъ я почелъ лучшимъ заняться древне-индійскимъ языкомъ, именно языкомъ ведъ, который имѣетъ неоцѣнимую важность для сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Такъ какъ проф. Бенфей, извѣстный глубокій знатокъ ведъ и отличный языковѣдъ, объявилъ, что въ предстоящій зимній семестръ будетъ объяснять 2-ю аштаку Ригъ-веды и читать, кромѣ того, энциклопедію языковѣдѣнія, то я рѣшился провесть текущій семестръ въ Гёттингенѣ.

Прибылъ я въ Гёттингенъ почти спустя три недѣли по окончаніи лѣтняго семестра. Чтобы не потерять времени до начала зимняго семестра, я предложилъ проф. Бенфею объяснить мнѣ 1-ю аштаку Ригъ-веды privatissime, на что онъ и согласился.

Для лекцій о 2-й аштакѣ кромѣ меня другаго слушателя не нашлось и я былъ вынужденъ продолжать свои занятія у проф. Бенфея privatissime.

Въ своихъ лекціяхъ Бенфей обращаетъ вниманіе не столько на содержаніе сколько на языкъ ведъ, что вполнѣ и соотвѣтствуетъ моимъ потребностямъ. Образъ выраженія, свойственный ведамъ, онъ опредѣляетъ и объясняетъ сравненіемъ съ оборотами классическаго санскрита; замѣчательныя формы языка ведъ онъ сопоставляетъ съ формами позднѣйшаго языка, которыя бо́льшею частію развивались изъ первыхъ; нерѣдко онъ приводитъ и формы другихъ родственныхъ языковъ. Гдѣ индійскій комментаторъ Ригъ-веды, Саянъ, представляетъ неудовлетворительное истолкованіе мѣста, тамъ Бенфей излагаетъ объясненіе, выработанное европейскою наукою, и подтверждаетъ свой взглядъ указаніемъ на аналогическія мѣста. Въ стихахъ Ригъ-веды, встрѣчающихся вмѣстѣ и въ Са̂ма-ведѣ, онъ естественно ссылается на варіанты послѣдней (по своему превосходному изданію Са̂ма-веды). Кстати замѣтимъ, что, основываясь на тщательномъ сравненіи обоихъ собраній гимновъ, Бенфей, вопреки общему мнѣнію, считаетъ Са̂ма-веду болѣе древнимъ произведеніемъ нежели Ригъ-веду.

Кромѣ лекцій о Ригъ-ведѣ я слушаю въ настоящій семестръ еще слѣдующія:

1) объ энциклопедіи языковѣдѣнія (проф. Бенфея).

2) о готскомъ языкѣ (проф. Льва Мейера).
3) объ армянскомъ языкѣ (проф. Эвальда).

Такъ какъ всѣ эти лекціи не переступили за границу введенія, то я могу о нихъ отдать отчетъ только съ теченіемъ времени.

Гёттингенъ, $^{15}/_{3}$ ноября 1864 года.

25) Кандидата Антона Гладкаго.

Имѣю честь препроводить въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія отчетъ о моихъ занятіяхъ за первые три мѣсяца моей командировки за границу.

Предметъ моихъ занятій составляетъ энциклопедія права. Лекціи по этому предмету я слушаю при мюнхенскомъ университетѣ у профессора Dollman'а. Но такъ какъ семестръ еще только недавно начался, то о лекціяхъ я покуда ничего не могу еще сказать, и ограничусь на этотъ разъ отчетомъ о моихъ домашнихъ занятіяхъ и о планѣ моихъ занятій.

Во первыхъ, прежде всего, чтобъ ознакомиться съ содержаніемъ своего предмета въ его современномъ состояніи, я прочелъ лучшіе и новѣйшіе учебники по энциклопедіи права, также изложеніе нѣкоторыхъ системъ философіи права, а именно: *F. Walter'a:* Juristische Encyclopädie, 1856; *его же:* Naturrecht und Politik im Lichte der Gegenwart, 1863; *Warnkönig:* Juristische Encyclopädie, 1853; *H. Ahrens:* Juristische Encyclopädie, oder organische Darstellung der Rechts-und Staatswissenschaft, auf Grundlage einer ethischen Rechtsphilosophie 1857; *того же автора:* Cours de droit naturel ou de philosophie du droit, 5 ed. 1860; *H. Ortloff:* die Encyclopädie der Rechtswissenschaft in ihrer gegenwärtigen Bedeutung, 1857, и *его же:* Methodologie der Rechts- und Staatswissenschaft, 1863. Кромѣ того *A. Geyer'a:* Geschichte und System der Rechtsphilosophie in Grundzügen, 1863. Изъ итальянской литературы, весьма впрочемъ небогатой по моему предмету, я прочелъ: *G. B. Vico:* Dell'unico principio et unico fine del diritto universale, изданіе 1858.

Энциклопедія права, цѣль которой — дать всѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ науки права единство высшаго философскаго принципа, по содержанію своему распадается на двѣ главныя части: на философію права и на исторію права, какъ на развитіе и оправданіе въ исторіи общихъ положеній первой части предмета. Потому планъ моихъ занятій весьма естественно и удобно располагается такимъ

образомъ, что изъ двухъ лѣтъ моей командировки первый годъ я посвящаю исключительно занятіямъ по философіи права, а второй годъ — по исторіи права.

Въ философіи права система, принятая мною въ основаніе моихъ занятій, есть *этико-органическая*, преимущественно характеризующая современное философское ученіе о правѣ и все болѣе и болѣе выясняющаяся. Нуждаясь въ прочныхъ и опредѣленныхъ общихъ началахъ, при выводѣ принципа права изъ сущности человѣческой природы, мнѣ предстоитъ необходимость и обще-философской подготовки, тѣмъ болѣе, что всякая система философіи права всегда находится въ тѣсной связи и необходимо вытекаетъ изъ общей системы философіи даннаго автора. Изъ составныхъ частей общей философіи для меня важно знакомство съ общими началами антропологіи, психологіи и философіи религіи. Но наиболѣе необходимую часть моихъ занятій въ этомъ отношеніи, какъ существенное основаніе философіи права, должны составлять занятія *этикой*. Принимая за основаніе права принципъ справедливости (составляющей также содержаніе практической этики), но только ограниченной до нормъ, устраняющихъ субъективное толкованіе, возможное въ нравственности, — только такимъ образомъ можно отрѣшить право отъ внѣшняго произвольнаго характера и дать ему строго-научное основаніе высшаго морально-религіознаго принципа. Занятія мои по этической философіи я началъ съ Платона и Аристотеля. Я прочелъ этическія и этико-психологическія сочиненія Платона: его «Республику», «О законахъ», «Федона», «Симбосіонъ» и др.; Аристотеля: этику и политику (обѣ во французскомъ переводѣ *Barthelemy Saint Hilaire* съ комментаріями: Politique d'Aristote 2-e ed. 1848 и Morale d'Aristote (Morale à Nicomaque, Grande Morale и Morale à Eudeme) 3 vol. 1856). Занятія по этической философіи я буду продолжать, такимъ образомъ, въ исторической послѣдовательности, со древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ сочиненій, стараясь знакомиться съ замѣчательнѣйшими авторами изъ самихъ оригиналовъ, а со второстепенными въ удовлетворительномъ критическомъ изложеніи. Такому же порядку я слѣдую и при знакомствѣ съ обще-философскими системами и съ системами философіи права.

Что касается до органическаго направленія въ системѣ философіи права, то здѣсь я обращаю преимущественное вниманіе на такъ называемыя «фактическія основанія» (thatsächtliche Grundlagen,

какъ они изложены у *F. Walter'a*, въ его Naturrecht und Politik 2-e Theil 1 Kapit. §§ 21—42), сообщающія предмету прочную опредѣленность и послѣдовательность, органически проходящую по всей системѣ права, начиная съ ученія о лицѣ и кончая международнымъ союзомъ.

Вторая часть предмета моихъ занятій, т. е. исторія права, распадается на два отдѣла: первый отдѣлъ составляетъ собственно исторія права, а второй — исторія литературы права, или юридическая библіографія.

Историческую часть энциклопедіи права я думаю обработывать по *сравнительному методу*, т. е. исторію каждаго отдѣльнаго правоваго института сравнительно у всѣхъ историческихъ народовъ, такъ напр. исторію личныхъ правъ, исторію института собственности, семейства и т. д., въ органической связи институтовъ, сообразно съ общими началами принятой системы философіи права, съ которой эта часть и должна находиться въ тѣсной связи, также точно какъ и съ общимъ этическимъ характеромъ историческихъ народовъ. Это обусловливаетъ собою, кромѣ изученія юридическихъ памятниковъ, также и изученіе памятниковъ ихъ положительныхъ религій (Веда, Зенд-Авеста, Библія, Коранъ, Талмудъ и проч.). Такой систематической всеобщей исторіи права, кажется, въ литературѣ не существуетъ, но за то есть много спеціальныхъ монографій по исторіи отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ, изъ чего можно будетъ составить систематическое цѣлое.

Второй отдѣлъ исторіи права составляетъ критическая исторія философско-правоваго мышленія, или философія права въ исторіи. Этотъ отдѣлъ впрочемъ совпадаетъ, по своему содержанію, при принятомъ мною планѣ занятій, съ моими занятіями по этической философіи и по философіи права, такъ что, изучая философско-правовыя и этическія системы, я въ то же время знакомлюсь и съ исторіей литературы права; но въ преподаваніи этотъ отдѣлъ можетъ быть самостоятельнымъ.

Мюнхенъ, $\frac{\text{31-го октября}}{\text{19-го ноября}}$ 1864 года.

26) Кандидата Александра Пассовера.

Я думаю, никому въ голову не придетъ оспаривать, что наука и педагогія Германіи, взятыя вообще — первыя въ мірѣ. Но если оставить другіе народы въ сторонѣ и сравнить нѣмецкую науку

съ нѣмецкой же педагогіей, то окажется, что нѣмцы-педагоги съ трудомъ поспѣваютъ за развитіемъ нѣмецкой науки. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и отсталые пріемы обученія, и устарѣвшее содержаніе учебниковъ, и даже несовсѣмъ удовлетворительный составъ преподавателей въ школахъ — при громадномъ обиліи хорошихъ силъ. Въ этомъ убѣждаетъ отчасти и характеръ университетскаго преподаванія, особливо юридическаго. Напр. въ Гейдельбергѣ въ настоящемъ зимнемъ семестрѣ читается подъ разными названіями *двадцать-два* курса о гражданскомъ правѣ и его составныхъ частяхъ, не считая тутъ нѣкоторыхъ предметовъ, какъ философія права, энциклопедія, читаемыхъ по нѣскольку разъ, гдѣ также всеподавляющую роль играетъ гражданскій элементъ. О римскомъ правѣ, прямо или косвенно, трактуютъ 16 курсовъ, объ исторіи римскаго права — 4 курса, о гражданскомъ процессѣ — 6 курсовъ, объ однихъ пандектахъ — 7 курсовъ. Почему такъ? да потому что предки нынѣшнихъ нѣмцевъ уже въ XVIII вѣкѣ точили пандекты съ неслыханнымъ упорствомъ, потому «что такъ по уставу положено». Но у внуковъ, скажутъ, теперь совсѣмъ иные жизненные интересы на очереди, въ странѣ совершаются вовсе не цивилистическія реформы, весь государственный бытъ выворачивается на изнанку, вводятся новыя формы политическаго существованія. Университету какъ будто до всего этого дѣла нѣтъ. Пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, я случайно, изъ бѣглаго замѣчанія Блюнчли, узналъ о готовившейся тогда реформѣ. Ни одному изъ преподавателей, какъ видно, не пришла мысль избрать ее темой для курса.

Послѣ этого вовсе неудивительно, что реформы, совершившіяся въ послѣднее пятилѣтіе въ Баденѣ, обращаютъ мало на себя вниманіе Европы; въ Россіи онѣ почти совсѣмъ неизвѣстны. А между тѣмъ, повторяю, эти реформы распространяются на всѣ отрасли политическаго быта страны, которая пространствомъ вдвое менѣе самой малой изъ русскихъ губерній, населеніемъ немного больше средней губерніи, а по развитію общественной и политической жизни стоитъ на ряду съ самыми образованными странами. Здѣсь постепенно пересмотрѣны или преобразованы: общинное устройство, административное, судоустройство, полиція, законодательство о евреяхъ, ремесленный уставъ; серьезно поднятъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ. Баденъ — единственная политическая лабораторія Германіи.

Въ ряду этихъ преобразованій для насъ имѣетъ понятный ин-

тересъ реформа администраціи и введеніе самостоятельныхъ земскихъ учрежденій: баденскій законъ 5-го октября предупредилъ всего тремя мѣсяцами наше земское «Положеніе». Для меня будетъ тѣмъ легче дать о немъ отчетливое свѣдѣніе, что дѣло это входитъ въ кругъ моихъ занятій, и я слѣдилъ за его законодательнымъ ходомъ нѣкоторымъ образомъ *ex officio*. На основаніи текста закона, изданія, сдѣланнаго *Вейцелемъ*, возбужденныхъ въ обѣихъ палатахъ преній, докладовъ, составленныхъ докладчиками обоихъ комитетовъ, и въ особенности доклада проф. *Блюнчли*,— пользуясь всѣми этими матеріалами, я постараюсь передать главныя черты новой организаціи.

Но прежде не лишнее будетъ показать, какими органами совершались административныя отправленія въ Баденѣ до новаго положенія. По закону 1803 года Баденъ дѣлился на три провинціи, а эти провинціи на округи. Окружныя власти отправляли администрацію и юстицію совмѣстно. Провинціяльныя — только администрацію: во второй инстанціи судъ имѣлъ особые органы. Такимъ образомъ окружныя мѣста *(Aemter)*, въ качествѣ низшихъ инстанцій, состояли подъ двоякимъ контролемъ: надворныхъ судовъ *(Hofgerichte)* — относительно юстиціи; провинціяльныхъ правленій *(Hofrathscollegien)* — относительно администраціи.

Этотъ порядокъ не долго удержался. Тогда быстро мѣнялись организаціи, потому что законодательная дѣятельность совершалась безъ замедляющаго участія палатъ; потомъ, все дѣлалось сверху и духъ времени располагалъ къ нововведеніямъ: ни прежнія ни новыя учрежденія вѣдь не коренились въ народной почвѣ. Наконецъ на реформы вызывало и то обстоятельство, что Баденъ нѣсколько разъ измѣнялся въ своемъ территоріальномъ составѣ, благодаря политическимъ событіямъ того времени и особливо протекціи Наполеона. Изъ маркграфства Баденъ скоро превратился въ курфиршество, а послѣ и въ великое герцогство. Въ 1771 году въ немъ считалось безъ малаго 174,000 жителей, а къ 1809 около 925,000.

Закономъ 1809 года прежнее дѣленіе на провинціи замѣнено 10 округами *(Kreise)*, которые въ свою очередь распадаются на участки *(Bezirke)*. Вся администрація получаетъ строго-бюрократическій характеръ, вся она централизована въ рукахъ министерства и его непосредственныхъ органовъ — окружныхъ директоровъ, въ которыхъ не трудно узнать подражаніе французскимъ префектамъ.

Разныя инстанціи получаютъ такую группировку, что министерская власть вообще *рѣшала*, окружныя власти—*наблюдали* и *предлагали*, участковыя—*исполняли*. Дальнѣйшее развитіе закона 1809 года состояло въ томъ, что число окружныхъ правленій послѣдовательно уменьшено до 9, 8, 6 и наконецъ до 4-хъ, а число участковъ съ 120 сбавлено на 92 и 64, территорія ихъ eo ipso увеличена. Съ этимъ вмѣстѣ постепенно расширяются и предѣлы дѣятельности окружныхъ и участковыхъ властей, одна вѣтвь администраціи за другой переходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ къ окружнымъ директорамъ, отъ нихъ къ участковымъ начальникамъ. Эта «децентрализація» во французскомъ смыслѣ выражается законами 1819, 1822, 1833, 1850 годовъ.

Въ 1849 году палатамъ сдѣлано предложеніе раздѣлить всю баденскую территорію сперва на 10, потомъ на 30, наконецъ на 12 округовъ съ тѣмъ, чтобы эти округи, а не-какъ прежде—участки, были основной единицей государственной администраціи. Послѣдній изъ этихъ проектовъ получилъ силу закона, но не вошелъ въ дѣйствіе по случаю революціи и послѣдовавшей затѣмъ реакціи.

Такъ администрація оставалась на прежнемъ, сильно устарѣвшемъ, основаніи. Она отправлялась бюрократически участковыми властями (по нашему—уѣздными) при участіи и контролѣ четырехъ окружныхъ (губернскихъ) правленій. Но съ отдѣленіемъ и въ низшей инстанціи дѣлъ юстиціи отъ административныхъ, съ преобразованіемъ промышленнаго устава и общиннаго устройства, съ развитіемъ путей и другихъ средствъ сообщенія, сама собой упразднилась надобность въ дорогихъ коллегіяльныхъ учрежденіяхъ, служившихъ дотолѣ средними звеньями между центральной властью и непосредственными органами управленія. Въ такомъ крошечномъ государствѣ какъ Баденъ можно было обойтись безъ окружнаго административнаго дѣленія и довольствоваться участковымъ. Правда, лишняя инстанція при извѣстныхъ условіяхъ и въ администраціи представляетъ довольно важныя гарантіи обществу. Но эти гарантіи можно было замѣнить другими болѣе дѣйствительными, давши участковымъ властямъ болѣе современную организацію и установивши надъ ними органы контроля съ болѣе подвижнымъ характеромъ.

Такова основная мысль прошлогодней *реформы* баденской администраціи. Но кромѣ того еще закономъ 3-го октября *положено основаніе* небывалому дотолѣ отдѣленію завѣдыванія земскими и

государственными интересами. Первое, какъ вездѣ, основано на выборномъ началѣ; послѣднее оставлено въ зависимости отъ центральной власти, но дополнено гражданскимъ элементомъ.

Земскими интересами будутъ завѣдывать окружныя собранія. Для этой цѣли полагается раздѣлить всю территорію на 11 округовъ, которые и будутъ представляться окружными собраніями. При дѣленіи на округи по возможности берется въ разсчетъ единство экономическихъ интересовъ, служащее естественной связью для той или другой области. Поэтому населенность округовъ весьма не одинакова: самый меньшій заключаетъ въ себѣ съ небольшимъ 65,000 жителей, самый обширный около 212,000, средняя населенность округа — 120,000 жителей, слѣдовательно соотвѣтствуетъ среднему швейцарскому кантону.

Первую инстанцію *государственной* администраціи составляетъ *участковое правленіе (Bezirksamt)*. Среднимъ числомъ районъ такого участка простирается на 24,000 жителей и заключаетъ въ себѣ до 30 общинъ. Всѣхъ участковъ полагается 59. Такъ что *географически* земскій округъ обнимаетъ 5 — 6 участковъ; въ административномъ смыслѣ округъ и участки совершенно независимы другъ отъ друга, слабая связь между ними указана мною далѣе. Участокъ въ административномъ отношеніи соотвѣтствуетъ вмѣстѣ и нашей губерніи и нашему уѣзду.

Участковое правленіе состоитъ изъ чиновниковъ и совѣта *(Bezirksrath)* и имѣетъ двоякаго рода дѣятельность: одну по дѣламъ чисто-административнымъ, другую — по дѣламъ административнаго суда. Относительно перваго рода дѣлъ, высшая для участковаго правленія инстанція — отчасти главное правленіе содержимыхъ государствомъ заведеній *(Verwaltungshof)*, но главнымъ образомъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Относительно административно-судебныхъ дѣлъ, высшая инстанція — верховный административный судъ *(Verwaltungsgerichtshof)*. Такимъ образомъ дѣла администраціи и административной юстиціи, раздѣленныя въ высшей инстанціи, сосредоточиваются въ одной низшей — *Bezirksamt'ѣ*. Сосредоточиваются, но не сливаются. Во первыхъ, производство въ тѣхъ и другихъ дѣлахъ разное, въ административныхъ — тайное, въ административно-судебныхъ — гласное, какъ въ участковомъ правленіи, такъ и въ высшей инстанціи, т. е. въ верховномъ административномъ судѣ. Во вторыхъ, участіе совѣта неодинаковое: въ административно-судебныхъ дѣлахъ низшая инстанція *непремѣнно* составляется изъ

участковаго совѣта подъ предсѣдательствомъ чиновника — начальника участка. Напротивъ, по дѣламъ чистой администраціи въ большей части случаевъ чиновникъ дѣйствуетъ самостоятельно помимо совѣта, въ другихъ — при совѣщательномъ участіи, и только въ нѣкоторыхъ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ — при рѣшительномъ участіи совѣта.

Этотъ участковый совѣтъ напоминаетъ собой французскій *conseil de préfecture*. Но французскіе совѣтники тѣ же чиновники, тогда какъ баденскій совѣтъ и есть тотъ гражданскій, общественный элементъ, которымъ законъ имѣетъ въ виду снять съ администраціи ея бюрократическій характеръ. Какъ составляется этотъ совѣтъ?—несовсѣмъ по выбору и несовсѣмъ по назначенію правительства, а въ родѣ того, какъ у насъ опредѣляются секретари городскихъ думъ по положенію 1846 года. Земскія окружныя собранія для каждаго изъ входящихъ въ ихъ составъ участковъ составляютъ путемъ выбора списокъ кандидатовъ въ члены участковыхъ совѣтовъ. Этотъ списокъ долженъ содержать въ *три* раза болѣе кандидатовъ, нежели требуется для замѣщенія совѣтовъ. Изъ этого тройнаго числа министръ внутреннихъ дѣлъ ужъ назначаетъ членовъ срокомъ на 2 года. Правительственный проектъ закона давалъ общинному представительству и участковымъ правленіямъ прямое вліяніе на составленіе списка кандидатовъ. Но 2-я палата это отвергла, и выборъ кандидатовъ предоставленъ исключительно окружнымъ земскимъ собраніямъ. Въ 1-й палатѣ кто-то предложилъ увеличить срокъ службы совѣтниковъ на 4 года, на томъ основаніи, что на первыхъ порахъ не легко будетъ вникнуть во всѣ тонкости такого труднаго дѣла какъ администрація и особливо административная юстиція. Предложеніе это было отвергнуто, не смотря на поддержку *Р. Моля*. Надворный совѣтникъ Шмидтъ по этому случаю даже ударился въ философію исторіи: «величайшее изъ древнихъ государствъ, римское, избирало своихъ чиновниковъ всего на годъ». Несовсѣмъ убѣдительно!

Совѣтники дѣйствуютъ не только *in pleno*, но каждый въ отдѣльности, по соглашенію съ товарищами, имѣетъ въ своемъ кругу наблюденіе за дѣйствіями общинныхъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей. Въ случаѣ особыхъ безпорядковъ, они дѣйствуютъ очень самостоятельно, и мѣстная полиція имѣетъ имъ повиноваться.

Наблюденіе за общимъ ходомъ администраціи въ участкахъ и за дѣятельностью земскихъ собраній поручено особымъ *министерскимъ коммиссарамъ (Landescommissaere)*, которые входятъ въ составъ

министерства внутреннихъ дѣлъ, но живутъ въ разныхъ мѣстахъ страны, чтобы поставить центральную власть въ болѣе близкое соприкосновепіе съ мѣстной жизнью. Такихъ коммиссаровъ на первый разъ полагается 4. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ они распоряжаются съ большими полномочіями, всѣ мѣстныя власти имъ подчинены, о своихъ дѣйствіяхъ они время отъ времени лично извѣщаютъ министра. Этимъ учрежденіемъ имѣлось въ виду замѣнить прежнюю окружную инстанцію. По своей мыслѣ оно напоминаетъ несостоявшійся въ Италіи проектъ соединенія провинцій въ болѣе обширное дѣленіе — области *(régions)* и учрежденія надъ провинціальнымъ управленія лишняго нецентральнаго контроля губернаторовъ. Но баденскіе коммиссары несравненно подвижнѣе губернаторовъ и въ этомъ огромное ихъ преимущество передъ мыслью Мингетти. Министерскіе коммиссары въ большихъ размѣрахъ представляютъ аналогію съ дѣятельностью отдѣльныхъ членовъ участковаго совѣта. Въ этомъ отношеніи обѣ должности своимъ подвижнымъ характеромъ вызываютъ на сличеніе съ институтомъ мировыхъ судей въ Англіи. На материкѣ должности съ такимъ неопредѣленными полномочіями, но съ отвѣтственностію впрочемъ передъ закономъ — совершенная новость. Но есть основаніе думать, что въ данномъ случаѣ онѣ дадутъ удовлетворительные результаты. Гдѣ общая администрація совершается на началахъ, напередъ твердо установленныхъ законами, тамъ нерѣдко ощущается потребность въ болѣе живомъ органѣ, который, въ случаѣ нужды, подъ личной отвѣтственностью могъ бы ускорить обычно медленное, рутинное теченіе дѣлъ. У насъ подобные нарочные постоянные органы личной инціативы были бы не только излишни, но можетъ быть даже положительно вредны, потому именно, что вся наша администрація и безъ того, до послѣдняго времени, была проникнута иными началами, чѣмъ англійская или даже баденская.

Новыя административныя учрежденія Бадена мы можемъ (оставляя на время земскія учрежденія въ сторонѣ) сгруппировать слѣдующимъ образомъ:

1) *По чисто-административнымъ дѣламъ.* Высшая инстанція: министерство внутреннихъ дѣлъ. Заведеніями, содержимыми на счетъ казны (кромѣ церковныхъ и училищныхъ), завѣдываетъ особое правленіе заведеній. Министерскіе коммиссары. Низшая инстанція: участковое правленіе — при содѣйствіи совѣтовъ и безъ онаго.

2) *По административно-судебнымъ дѣламъ.* Высшая инстанція: верховный административный судъ. Низшая: участковыя правленія— съ непремѣннымъ участіемъ членовъ совѣта.

Послѣдній пунктъ принадлежитъ къ числу самыхъ смѣлыхъ и сомнительныхъ во всемъ законоположеніи. Слѣдуетъ ли вводить спеціальный судъ для дѣлъ администраціи, и если слѣдуетъ, то полезно ли давать общественному *quasi* выборному элементу (членамъ участковаго совѣта) право участія въ дѣлѣ суда? Эти два вопроса возбудили много толковъ и сомнѣній въ обѣихъ палатахъ. Въ верхней *Dr. Jolly* отвергаетъ вовсе пользу административной юстиціи, считая ее французской затѣей и ссылаясь на свое англійское міросозерцаніе. Но докладчикъ, *Блюнчли*, того мнѣнія, что, при устности и гласности производства, административный судъ ничѣмъ не напоминаетъ тѣхъ спеціальныхъ, чрезвычайныхъ судныхъ коммиссій, которыя всегда были ненавистны обществу. Напротивъ, смѣшеніе административнаго права съ гражданскимъ всегда вредно. «Когда административно-судебныя дѣла, говоритъ Блюнчли, сообща съ гражданскими вѣдаются обыкновеннымъ гражданскимъ судомъ, то отсюда возникаетъ двоякаго рода неудобство. Гражданскіе суды слишкомъ мало берутъ въ разсчетъ требованія общества и государства, а это естественно заставляетъ администрацію, раздраженную на своемъ ходу вѣчными помѣхами, стараться по возможности устранить всякое судебное разбирательство. Дѣла, по существу своему подлежащія *административной юстиціи*, она вершитъ сама, какъ *чисто-административныя*, т. е. вмѣсто уваженія къ административному праву вноситъ въ управленіе административный произволъ. Съ этой цѣлью, администрація, какъ показываетъ опытъ въ нѣкоторыхъ государствахъ *), безпрестанно поднимаетъ вопросъ о подсудности, т. н. споры о компетенціи, вредные въ результатѣ и для административнаго права и для самой администраціи. И на оборотъ, если при обсужденіи административныхъ вопросовъ гражданскіе суды возымѣютъ привычку обращать вниманіе на потребности общества, на ходъ развитія государства, представляющаго въ своемъ лицѣ государственное право, нетолько на правомѣрность, но и на цѣлесообразность рѣшенія, отъ этого *должно пострадать гражданское правосудіе*, съ которымъ судья будетъ обращаться на тѣхъ же началахъ. А это будетъ противорѣчить самой сущности

*) Блюнчли очевидно намекаетъ на Пруссію.

гражданскаго права. Смѣшиваясь съ административнымъ правомъ, гражданское по необходимости должно лишиться своей чистоты и своей крѣпости». Въ самомъ дѣлѣ антипатія къ административной юстиціи основана на недоразумѣніи. Подчинить администрацію гражданскому суду — никогда никому не удается. Самыя гарантіи, которыми хорошій гражданскій судъ обставленъ, ведутъ къ тому, что онъ никогда не можетъ поспѣть за администраціей. Слѣд. результатъ отсутствія годнаго суда для административныхъ дѣлъ будетъ тотъ, что администрація завладѣетъ даже такими дѣлами, которыя при иныхъ условіяхъ вершались бы судебнымъ порядкомъ. Въ 1832 году, по предложенію Миттермайера, считавшемуся въ то время апогеемъ либерализма, обѣ баденскія палаты единодушно отвергли мысль объ административной юстиціи. Прошло 30 лѣтъ, и подъ вліяніемъ этого рѣшенія баденская администрація не пріобрѣла гарантій нетолько гражданскаго, но даже и не административнаго *суда*. При невозможности достичь лучшаго, отказываются отъ возможнаго хорошаго. Желая избѣгнуть спеціальныхъ судовъ, лишаютъ общество важной гарантіи, безъ которой администраціи трудно сохранить характеръ твердости, опредѣленности, ненарушимости. Это все также логика, въ силу которой въ Англіи напр. организація арміи является поразительнымъ образчикомъ безпорядка и произвола: оттого только, что свободолюбивымъ инстинктамъ англійской аристократіи противорѣчитъ признаніе арміи за постоянный институтъ, съ юридической, но спеціальной организаціей.

Впрочемъ, вопросъ объ административной юстиціи принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ. Наукѣ придется обождать своимъ окончательнымъ приговоромъ пока не увеличится запасъ опытности по этому предмету. Но уже теперь во всякомъ случаѣ позволительно смотрѣть на административную юстицію какъ на благодѣтельный переходъ отъ административнаго абсолютизма прежняго времени. Еще сомнительнѣе, какіе плоды принесетъ участіе общественнаго элемента въ административномъ судѣ. *Моль*, въ засѣданіи верхней палаты 4-го іюля 1863 года, ставитъ баденскимъ *Bezirksrath'амъ*, въ этомъ отношеніи, весьма дурной гороскопъ. Да и самъ докладчикъ, *Блюнчли*, называетъ нововведеніе «смѣлой попыткой». Тутъ опытъ окончательно оставляетъ насъ, стало быть ничего нельзя сказать положительнаго ни *pro* ни *contra*.

Вся эта часть баденской реформы, къ сожалѣнію, имѣетъ пока для насъ лишь теоретическій интересъ. За то та часть закона 5-го

октября, которая трактуетъ о земскомъ самоуправленіи, представляетъ любопытную аналогію съ нашей земской реформой. Поэтому надо разсмотрѣть ее подоробнѣе.

Я уже замѣтилъ, что земство въ Баденѣ будетъ имѣть 11 постоянныхъ и непремѣнныхъ органовъ — *окружныя собранія (Kreisversammlungen)*. Для завѣдыванія текущими дѣлами окружное собраніе избираетъ *окружный комитетъ (Kreisausschuss)*.

Какой составъ имѣютъ эти учрежденія?

Земскія собранія не составляются по началу прямыхъ выборовъ. Члены засѣдаютъ тамъ или по праву, или же по второстепенному и даже третьестепенному выбору. Съ этой цѣлью, земскіе округи дѣлятся на избирательные участки; тутъ избираются на 3 года выборщики — всѣми гражданами, достигшими 25-лѣтняго возраста, и признанные способными къ общинной службѣ. На 250 жителей полагается 1 выборщикъ, такъ что на земскій округъ среднимъ числомъ приходится около 480 выборщиковъ. Къ избраннымъ выборщикамъ присоединяются обладатели поземельной собственности въ 25,000 флориновъ и обладатели податнаго промышленнаго капитала въ 50,000 флориновъ, и всѣ три категоріи вмѣстѣ составляютъ съѣздъ для избранія причитающейся доли членовъ окружнаго земскаго собранія.

Гласные общинъ избираютъ изъ своей среды выборщиковъ, которые въ свою очередь избираютъ членовъ собранія, но такъ чтобы число членовъ отъ *общинъ* не превышало половины числа членовъ, посылаемыхъ въ собраніе сейчасъ упомянутыми *окружными* выборщиками. По первоначальному проекту закона, общинамъ предоставлялась главная доля представительства въ окружныхъ собраніяхъ. Но 2-я палата ограничила его сказанной пропорціей.

Гласные большихъ городовъ (съ населеніемъ 7,000 душъ) посылаютъ по одному депутату. Такихъ городовъ въ Баденѣ 10.

Наконецъ въ собраніяхъ засѣдаютъ наибольшіе землевладѣльцы въ такой пропорціи, чтобы число ихъ не превышало $^1/_6$ выборныхъ членовъ.

Въ составъ собраній еще входятъ члены окружнаго комитета, даже тѣ изъ нихъ, которые не принадлежатъ собранію въ качествѣ выборныхъ депутатовъ.

Чтобы быть избраннымъ въ члены земскаго собранія, надо имѣть по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ отъ роду, жить по крайней мѣрѣ годъ въ округѣ и быть способнымъ къ общинной службѣ. Члены изби-

раются на 6 лѣтъ. Каждые 3 года половина ихъ выбываетъ по жребію. За участіе въ собраніи не полагается жалованья. Окружное собраніе выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя, а для текущихъ дѣлъ комитетъ изъ 5 членовъ срокомъ на 3 года. Выборъ не ограниченъ членами собранія, но долженъ пасть на тѣхъ гражданъ, которые имѣютъ право выбора въ окружное собраніе.

Теперь посмотримъ, какъ велика сфера дѣятельности, предоставленная закономъ земскимъ учрежденіямъ?

Округъ въ хозяйственномъ отношеніи признается полноправнымъ юридическимъ лицомъ, т. е. онъ имѣетъ право пріобрѣтать и владѣть всякимъ имуществомъ и отстаивать это право въ судѣ. Если доходовъ съ этихъ имуществъ окажется мало для достиженія земскихъ цѣлей, то законный представитель округа, окружное собраніе, имѣетъ право облагать общины земскимъ сборомъ и заключать на счетъ округа займы, по предварительнымъ смѣтамъ, составленнымъ комитетомъ. А земскими цѣлями законъ признаетъ: основаніе всякого рода общеполезныхъ заведеній и учрежденій и поддержку отдѣльныхъ общинъ во всѣхъ общежитейскихъ отношеніяхъ. Окружное собраніе рѣшаетъ постройку новыхъ дорогъ, мостовъ, каналовъ, домовъ сиротскихъ, призрѣнія, рабочихъ, больницъ, училищъ, составляетъ для нихъ уставы, распоряжается ихъ администраціей. Наконецъ земскія собранія обращаются къ правительству или палатамъ съ жалобами, предложеніями и свѣдѣніями, если таковыя потребуются.

Не во всѣхъ случаяхъ собранія дѣйствуютъ съ одинаковой самостоятельностью. Вообще всякіе займы на счетъ округа заключаются не иначе какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Точно такъ и трата окружныхъ доходовъ дозволяется лишь въ видахъ достиженія цѣлей, поставленныхъ самимъ закономъ въ предѣлы дѣятельности земскихъ собраній*). Далѣе министръ имѣетъ право остановить рѣшеніе, опредѣляющее съ извѣстныхъ общинъ слишкомъ крупный сборъ, на томъ будто основаніи, что общины извлекутъ изъ данной мѣры наибольшую пользу. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ такомъ случаѣ, по жалобѣ обиженной общины, опредѣляетъ размѣръ ея повинности *(Vorausbeitrag)*. Окружныя смѣты

---

*) Einrichtungen und Anstalten, welche einen Kostenaufwand erfordern, können auf Rechnung des Kreises nur so weit beschlossen werden, als ein Gesetz hiezu im allgemeinen die Ermächtigung giebt (§ 25 закона, ср. § 41).

вообще не подлежатъ *утвержденію* министра, а лишь разсмотрѣнію, вошли ли туда всѣ повинности по закону для округа обязательныя. Таковъ долженъ быть смыслъ 3-го пункта § 14 наказа 12-го іюля 1864 года о приведеніи въ дѣйствіе новаго положенія, гдѣ сказано: «*(Dem Ministerium steht zu)*: die *Prüfung* der Voranschläge der Kreise zum Zweck der Ausübung der nach § 54 Absatz 5 Ziff. 1 des Verwaltungsgesetzes *(v. 5 Oct. 1863)* der Staatsregierung vorbehaltenen Befugniss». Ибо сейчасъ цитованная статья 54 закона говоритъ только «Der Staatsregierung bleibt ferner vorbehalten, darüber zu wachen, dass die durch Gesetze oder gesetzmässig ergangene Verordnungen dem Kreisverband auferlegten Lasten und Verbindlichkeiten in dem dem Gesetz entsprechenden Umfang erfüllt werden». Затѣмъ законъ министру внутреннихъ дѣлъ поручаетъ общій надзоръ за дѣятельностью земскихъ учрежденій: онъ имѣетъ право «einzelne Beschlusse der Kreisorgane, welche das Gesetz oder *das allgemeine Interesse* verletzen für nichtig zu erklären *)». Жалобы на министра внутреннихъ дѣлъ приносятся совѣту министровъ *(Staatsministerium)*. Но вообще говоря, рѣшенія земскихъ собраній не подлежатъ предварительному разрѣшенію органовъ центральной власти.

Въ правительственномъ проектѣ закона имѣлось въ виду поставить какъ бы въ органическую связь окружныя собранія и участковые совѣты, органы земства и органы администраціи. На этотъ конецъ, каждый изъ совѣтовъ даннаго округа посылалъ по одному депутату въ окружное собраніе. Но 2-я палата такую депутацію участковыхъ совѣтовъ вовсе отвергла, на томъ основаніи, что земскія учрежденія представляютъ по преимуществу экономическую сторону областной жизни, слѣдовательно незачѣмъ допускать администрацію къ участію въ нихъ. Теперь земскія окружныя собранія дѣйствуютъ совершенно особо отъ мѣстныхъ властей. Есть, правда, нѣкоторая связь между ними: окружныя собранія по всему своему составу имѣютъ общественный характеръ, а подъ видомъ участковыхъ совѣтовъ къ мѣстной администраціи тоже примкнулъ общественный элементъ. Къ тому же совѣтники назначаются по предложенію земскихъ органовъ. Но это связь довольно отвлеченная. Отъ задуманнаго министерствомъ плана въ настоящемъ законоположеніи осталось только то, что въ окружныхъ собраніяхъ и ихъ комите-

*) § 54 закона. Въ нашемъ «Положеніи» сказано: «министръ внутреннихъ дѣлъ....можетъ остановить постановленіе, противное законамъ и *государственнымъ* пользамъ».

тахъ имѣетъ право присутствовать, но лишь съ совѣщательнымъ голосомъ, чиновникъ того участка, въ городѣ котораго засѣдаетъ окружное собраніе. Этотъ такъ называемый *Kreishauptmann* (т. е. окружный начальникъ) созываетъ обыкновенное окружное собраніе въ октябрѣ или ноябрѣ каждаго года. Кромѣ того, окружный начальникъ сообща съ чиновниками двухъ ближайшихъ участковъ и съ депутатами отъ всѣхъ участковыхъ совѣтовъ, входящихъ въ составъ округа, рѣшаетъ споры о претензіяхъ по случаю земскаго сбора. За дѣйствіями земскихъ учрежденій слѣдятъ и въ ихъ собраніяхъ имѣютъ право присутствовать еще особые полномочные отъ министерства или же министерскіе коммиссары, но Kreishauptmann единственный непремѣнный представитель высшей власти въ земскомъ собраніи и его комитетѣ. Какъ въ окружномъ комитетѣ земство имѣетъ свой органъ для текущихъ дѣлъ, такъ центральная власть имѣетъ свой спеціальный органъ въ окружномъ начальникѣ. Гармонія общества и государства въ миніатюрѣ должна выражаться въ гармоніи между окружнымъ комитетомъ и окружнымъ начальникомъ.

Вѣрный своему призванію быть лишь первымъ шагомъ на пути къ административной децентрализаціи и гражданскому самоуправленію, законъ 5-го октября даетъ лишь основныя черты будущей организаціи, предоставляя указаніямъ практики опредѣлить подробности. Такъ предусмотрѣна возможность возникновенія своеобразныхъ мѣстныхъ интересовъ, выходящихъ за предѣлы отдѣльныхъ общинъ и однако не охватывающихъ всего округа. Для такихъ интересовъ обществу предоставляется создать подраздѣленіе округа —*самоуправляющійся* участокъ съ своимъ участковымъ собраніемъ (Bezirksversammlung). Въ этомъ отношеніи нынѣшній законъ прямо противоположенъ упомянутому уже баденскому закону 1849 года: тутъ основная единица самоуправленія опредѣлена закономъ, болѣе обширныя соединенія предоставлены на волю общества.

Въ настоятельной потребности и современности баденской реформы не можетъ быть сомнѣнія, не только по тому «что (какъ выразился Блюнчли въ своемъ докладѣ) никто въ Баденѣ нынѣ не думаетъ измѣрять силу либеральныхъ убѣжденій степенью оппозиціи противъ правительства, и никто не считаетъ особенной политической мудростью — недовѣріе и антипатію къ самоуправленію гражданъ». Гораздо болѣе отсталыя государства Германіи давно уже дали областному самоуправленію просторъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Въ Виртембергѣ баденскому окружному собра-

нію (Kreisversammlung) соотвѣтствуетъ исконная *Amtsversammlung* съ особымъ комитетомъ; въ Баваріи—*Landrath* также съ комитетомъ и *Districtsrath*, соотвѣтствующій баденскому участковому собранію «будущаго» — все по закону 15-го августа 1828, 23-го мая 1846 и 17-го ноября 1857; въ гессенъ-дармштадтскомъ *Bezirksrath*'ѣ слита административно-судебная дѣятельность баденскаго участковаго совѣта съ самоуправленіемъ окружнаго земскаго собранія по закону 12-го мая 1852 и 10-го февраля 1853; нассаускій *Bezirksrath*, въ діаметральную противоположность баварскому и нашему законоположеніямъ, не имѣетъ самоуправленія, за то принимаетъ сильное участіе въ администраціи и административной юстиціи — по закону 24-го апр. 1854; въ Ганноверѣ—*Amtsversammlung* по закону 28-го апрѣля 1859; гессенъ-кассельскій *Bezirksrath* въ черезчуръ буквальномъ смыслѣ слова имѣетъ лишь совѣщательный характеръ—по закону 17-го іюля 1857; въ Брауншвейгѣ, въ противоположность Бадену, органъ самоуправленія *Amtsrath* соотвѣтствуетъ низшей адмиристративной единицѣ, тогда какъ участіе гражданскаго элемента въ администраціи примкнуто къ средней ея инстанціи — по закону 19-го мар. 1850; саксенъ-веймарскій *Bezirksausschuss* прототипъ гессенъ-дармштадтскаго Bezirksrath'а, т. е. соединяетъ въ себѣ функціи общественнаго самоуправленія и участія въ администраціи — по закону 5-го марта 1850; въ Саксоніи къ органу суда и администраціи (нераздѣльному въ низшей инстанціи) прикомандированы *Friedensrichter*'ы, эти такъ называемые мировые судьи назначаются преимущественно изъ числа помѣщиковъ, имѣвшихъ прежде право вотчиннаго суда—по закону 11-го августа 1855. Пародія на институтъ англійскихъ мировыхъ судей! Въ Ольденбургѣ—*Amtsrath* по закону 1-го іюля 1855; въ Пруссіи нѣсколько разъ принимались за реформу такъ называемыхъ Kreisstaende, издавали законы, даже вводили въ дѣйствіе, потомъ отмѣняли и возвращались къ старымъ. Въ этой вѣтви законодательства царствуютъ таже путаница и тотъ же застой какъ во всемъ, до чего только ни касались ученые министры Пруссіи; *Kreisversammlung* съ большими правами, но съ феодальнымъ характеромъ, примыкаетъ къ окружному чиновнику, *Lardrtah'у* — по закону 5-го іюня 1823. Наконецъ въ Австріи закономъ 5-го марта 1862 между общинами и провинціей введена *Kreisvertretung* съ комитетомъ, основанная на началахъ самоуправленія. Такимъ образомъ своей реформой Баденъ примыкаетъ къ организаціи остальныхъ нѣмецкихъ государствъ; отъ этого прибавилось еще одно довольно реальное

звено къ числу тѣхъ скудныхъ звеньевъ, которыми держится идея политическаго единства Германіи.

Тюбингенъ, $\frac{\text{19-го ноября}}{\text{1-го декабря}}$ 1864 года.

27) Кандидата В. Лебедева.

Департаменту извѣстно, что лѣтомъ нынѣшняго года я, съ согласія господина министра, пріѣзжалъ въ Россію и что возвращеніе мое за границу къ моимъ занятіямъ замедлилось по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, уже въ началѣ ноября пріѣхалъ я въ Берлинъ, гдѣ и поселился на зимній семестръ. Не скажу, чтобъ побудительной причиной вторично провести зиму въ Берлинѣ были достоинства или, по крайней мѣрѣ, особенное изобиліе лекцій по моему предмету. Какъ по политической экономіи, такъ и по финансамъ читается эту зиму то же самое, что и въ тотъ семестръ, который я уже провелъ здѣсь. Замѣчанія объ этихъ лекціяхъ я сообщилъ въ свое время; теперь же, не записываясь на курсы, я ограничился только посѣщеніемъ нѣкоторыхъ публичныхъ лекцій. Вообще же я остался въ Берлинѣ потому, что нахожу его весьма удобнымъ для занятій, по богатству имѣющихся подъ руками пособій.

Въ этомъ отчетѣ я впрочемъ намѣренъ говорить не о Берлинѣ а о Парижѣ и, въ заключеніе, исполнить данное въ одномъ изъ предъидущихъ отчетовъ обѣщаніе представить обзоръ французской ученой дѣятельности по части ученія о финансахъ въ послѣднее время. Пріѣхавъ въ Парижъ весною, прямо по окончаніи семестра въ Гейдельбергѣ, я засталъ тамъ самое начало лекцій. Я посѣщалъ изъ нихъ нѣкоторыя въ Collège de France и въ École du droit. У меня не было намѣренія слушать цѣлые курсы; цѣлью моей было лишь ознакомиться съ французскими пріемами изложенія предметовъ съ каѳедры, лично увидѣть и услышать замѣчательнѣйшихъ изъ французскихъ профессоровъ. Разумѣется я выбралъ преимущественно лекціи, болѣе или менѣе относящіяся къ моему предмету.

Профессоромъ политической экономіи въ Collège de France состоитъ, какъ извѣстно, Michel Chevalier, но онъ не читаетъ уже, а читаетъ его agrégé — Baudrillart. Онъ читаетъ въ это время общую часть политической экономіи, и содержаніе слышанныхъ мною лекцій не представляло ничего особеннаго. Изложеніе у него такое же, какъ въ хорошихъ французскихъ сочиненіяхъ по политической эко-

номіи, удобопонятное, безъ звонкихъ фразъ и другихъ tours de force, такъ любимыхъ французскими профессорами. За то Бодрильяръ и не такъ часто удостоивается отъ слушателей рукоплесканій, какъ напримѣръ Франкъ (читавшій при мнѣ о французскихъ публицистахъ начала нынѣшняго столѣтія), котораго лекціи почти сплошь состоятъ изъ словесной мишуры. Всего чаще въ Collège de France я бывалъ на лекціяхъ Laboulaye (онъ читалъ объ англійскомъ уголовномъ процессѣ и о конституціи соединенныхъ американскихъ штатовъ). О его достоинствахъ излишне было бы распространяться; рѣдко кто умѣетъ такъ прекрасно и просто изложить, такъ сгруппировать факты, подвести заключенія — не утомляя, а напротивъ постоянно подстрекая вниманіе слушателей. И надо отдать справедливость послѣднимъ; они умѣютъ цѣнить своего профессора: аудиторія его всегда полна слушателями обоего пола и всякаго возраста; встрѣчаютъ и провожаютъ его всегда громкими и продолжительными аплодисментами; — не смотря на то, что онъ часто и даже очень часто говоритъ своимъ слушателямъ горькія истины, порядочно оскорбительныя для ихъ національнаго самолюбія. Бывалъ я также на лекціяхъ Batbie въ École du droit; онъ читалъ административное право, главнымъ образомъ дѣйствующее законодательство Франціи. Лекціи эти особеннаго интереса не представляли. Собственно касательно моего предмета — финансовъ — не читалось въ это время ничего, и потому помянутый мною обзоръ я не могу, къ сожалѣнію, дополнить ни однимъ сужденіемъ, составленнымъ подъ вліяніемъ живой рѣчи профессора, а долженъ буду ограничиться обзоромъ вышедшихъ въ послѣднее время во Франціи сочиненій по финансамъ, чтобъ на основаніи ихъ руководящихъ идей представить ту форму и то направленіе, которыя оказываются въ настоящее время господствующими въ этомъ отдѣлѣ французской экономической науки.

Извѣстно, что наука о финансахъ, какъ отдѣльная, самостоятельная наука, существуетъ пока еще только въ Германіи. Въ прочихъ частяхъ Европы право гражданства еще не признано за нею. Какъ во французскихъ такъ и въ англійскихъ (можно добавить — и въ бельгійскихъ, итальянскихъ, американскихъ) сочиненіяхъ по политической экономіи, финансы составляютъ одинъ изъ ихъ отдѣловъ — не болѣе. Стройнаго цѣлаго, которое обнимало бы собой всю область финансовой науки въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее и преподаютъ нѣмцы, тутъ не найти.

По теоріи финансовъ французами написано очень много; но всѣ эти сочиненія имѣютъ ту односторонность, что ограничиваются однимъ или, много, двумя отдѣлами финансовой науки (именно — налоговъ и кредита) и притомъ, большею частію, не выходятъ изъ области чистаго созерцанія. Авторы ихъ стараются только высказать свои теоретическія соображенія, а на практическое примѣненіе ихъ и вѣроятныя его послѣдствія или вовсе не обращаютъ вниманія, или упоминаютъ лишь вскользь. Они какъ будто забываютъ, что требовать ломки стараго и замѣны его новымъ, и притомъ новымъ — плодомъ чисто кабинетнаго мышленія, въ финансахъ, преимущественно предъ всѣми другими отраслями управленія, надобно съ чрезвычайной осторожностью.

Какъ такого рода сочиненія, изъ новѣйшей французской финансовой литературы я назову здѣсь два, — оба писанныя на конкурсъ, объявленный Ваадтскимъ кантономъ въ 1860 (?) году и оба удостоенныя преміи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ числа 45, поступившихъ на конкурсъ; два эти сочиненія — Théorie de l'impôt Прудона и Théorie de l'impôt ou la dîme sociale г-жи Clémence-Auguste Royer.

Прудона привыкли считать отчаяннымъ проповѣдникомъ коммунизма, соціализма, неумолимымъ врагомъ существующаго порядка. Въ дѣйствительности же Прудонъ — скорѣе человѣкъ просто проникнутый горячей любовью къ человѣчеству, глубоко сочувствующій его страданіямъ; но человѣкъ вмѣстѣ страшно способный увлекаться любимыми идеями и судить сплеча. Отсюда и всѣ его недостатки; но онъ и не держится за нихъ. Онъ не стоитъ за однажды высказанныя идеи, какъ за непогрѣшимыя истины. Доказательствомъ служитъ многое изъ писаннаго имъ въ послѣднее время.

«Des réformes toujours, des utopies jamais» — поставилъ онъ эпиграфомъ названной мною книги. Это однако не помѣшало ему дойти въ ней до такихъ вещей, которыя могутъ назваться утопіями. Разсмотрѣть это сочиненіе тѣмъ интереснѣе, что самъ авторъ говоритъ, что оно служитъ выраженіемъ всего того, что въ теченіе 20-тилѣтней своей дѣятельности онъ проповѣдывалъ въ области политической экономіи.

«Что трудно», говоритъ онъ, «это — найти систему равновѣсія, основанную на правѣ, систему, при которой свобода была бы также не стѣснена, какъ и власть; систему, при которой способности и состоянія, по самому закону расширенія (expansion) своего, стреми-

лись бы къ равновѣсію; довольство уравнивалось бы равенствомъ тягостей (charges); гражданская доблесть стала бы всеобщею вслѣдствіе отождествленія своего съ государственными требованіями». Таковъ идеалъ государственной жизни, по понятію автора, и невозможность котораго онъ самъ сознаетъ. «Общество есть постоянное преобразованіе», говоритъ онъ дальше, «станемъ же постоянно дѣлать преобразованія; станемъ изучать факты, идеи, методы, системы, даже утопіи, — все полезно, что можетъ просвѣтить массы; ничто такъ не содѣйствуетъ благоденствію и нравственному возвышенію народовъ, какъ истинныя, правдивыя идеи».

Судя по оглавленію книги, кажется, какъ будто она написана по системѣ. Читая же ее разувѣряешься въ этомъ. Чего тутъ нѣтъ подъ строгими рубриками — l'impôt avant le droit moderne, l'impôt selon le droit moderne и т. д.! Впрочемъ, Прудонъ не первый и не послѣдній; французы большею частью такъ пишутъ, что путаешься въ лабиринтѣ словъ и фразъ, пока доберешься до того, что именно хочетъ авторъ сказать. Но при талантливости автора, каковъ Прудонъ, такая метода изложенія дѣла не портитъ. Правда, ученый интересъ книги почти изчезаетъ, но зато неожиданные выводы, смѣлые парадоксы, свойственные Прудону, всегда занимательны и нерѣдко заставляютъ задуматься и провѣрить свой, сложившійся уже было взглядъ на дѣло. Притомъ не надо забывать, что сочиненіе это называется *теоріей*. Прослѣдимъ же главныя его идеи.

«Начала, правящія человѣческимъ обществомъ, суть продуктъ двухъ противоположныхъ силъ необходимости, т. е. природы съ ея законами, и свободы (libre arbitre). Исторія даетъ возможность слѣдить за борьбой этихъ двухъ антагоническихъ силъ и слѣдовательно посредствомъ ее то и можно услѣдить истинные принципы правительственной дѣятельности, условія общественнаго равновѣсія, правила общественной экономіи, а слѣдовательно и налога». Изъ этихъ словъ видѣнъ планъ автора прослѣдить систему налоговъ, въ ихъ историческомъ развитіи.

Упомянувъ, что человѣкъ всегда силится сложить свое бремя на другаго, и выведя изъ этого начала, что первые налоги естественно являются лежащими на низшихъ беззащитныхъ классахъ народа, разсматривается затѣмъ — какимъ оказывается налогъ въ библіи, въ языческомъ обществѣ, въ средніе вѣка. Глава заключается замѣчаніемъ, что въ тѣ времена налоги считались средствомъ стимулировать народную дѣятельность, сдерживать антигосударственные

порывы, распространять цивилизацію и что все это существуетъ еще и теперь.

Переходя къ опредѣленію налога, авторъ сперва старается доказать, что это не трибутъ, не оброкъ, не наемная плата, не гонораръ, не жертва, не страховая премія. Что же онъ такое? *Мѣна*, основанная на слѣдующихъ принципахъ: 1) что́ власть даетъ подвѣдомымъ ей гражданамъ въ видѣ своихъ услугъ, то должно быть совершенно равноцѣнно съ тѣмъ, что она беретъ у нихъ; 2) государство доставляетъ свои услуги по своей цѣнѣ, безъ барышей; 3) услуги государства должны быть полезно-производительны.

Устроить систему налоговъ было бы очень легко, еслибъ въ обществѣ были только лица, —налогъ тогда былъ бы единый (личный). Но такъ какъ общество имѣетъ еще вещи, то налогъ необходимо дѣлается сложнымъ. Распредѣленіе его затрудняется еще требованіемъ справедливости, чтобъ каждый обязанъ былъ платить соотвѣтственно своей личности и способамъ. Каждый налогъ въ сущности приводится къ налогу на потребленіе. Эта послѣдняя идея очень часто повторяется въ сочиненіи; между тѣмъ о явленіи переложенія налоговъ, изъ котораго только и можно ее вывести, почти ничего не сказано. Идемъ далѣе: въ отношеніи количества налоговъ, государство должно назначить себѣ maximum издержекъ, причемъ общее правило — *неограниченное сокращеніе налоговъ* въ противоположность убійственному правилу извлекать изъ нихъ все, что можно. Вотъ уже нѣчто, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, очень похожее на утопію: какимъ образомъ будутъ государства сокращать свои расходы, назначать ненарушимый maximum, когда сила фактовъ заставляетъ ихъ постоянно расходовать больше и больше? Гораздо практичнѣе другія правила, предлагаемыя авторомъ, какъ то: точное опредѣленіе и децентрализація общественныхъ услугъ. Опытъ многихъ государствъ показываетъ, что издержки увеличиваются вмѣстѣ съ усиленіемъ централизаціи, въ особенности административной. Далѣе—воздержаніе отъ займовъ, которое, замѣтимъ, впрочемъ доступно только при извѣстныхъ условіяхъ. Примѣръ Англіи, отрекшейся уже отъ дѣланія займовъ — назидательный примѣръ. но и доступный пока еще, можетъ быть, одной Англіи, которой огромное внутреннее богатство позволяетъ и чрезвычайныя потребности удовлетворять увеличеніемъ налоговъ. Четвертое правило, внушаемое авторомъ, для сокращенія государственныхъ расходовъ — тоже хорошее, но неисполнимое — прекращеніе военнаго по-

ложенія, вооруженнаго мира. Авторъ полагаетъ, что историческое развитіе привело государства къ всеобщему равновѣсію, къ миру во внѣшнихъ отношеніяхъ; точно также, какъ привело многія къ свободному образу правленія во внутреннихъ отношеніяхъ. Эта идея тоже отзывается парадоксомъ. Пятое правило—уничтоженіе дотацій, пенсіоновъ и т. п. издержекъ; шестое — публичность и контроль. Самымъ важнымъ правиломъ онъ полагаетъ децентрализацію. Относительно нормальной пропорціи, какую налогъ долженъ составлять въ бюджетѣ каждаго семейства, полагаетъ, что сначала ее слѣдовало бы назначить гадательно, хоть по древнему примѣру 10-ю долю и затѣмъ измѣнять смотря по тому, что окажется.

Третья глава посвящена вопросу о распредѣленіи налога. Тутъ выражается нѣкоторое сожалѣніе, что народы все болѣе и болѣе удаляются отъ общиннаго порядка, при которомъ вопросъ о распредѣленіи налога даже не существовалъ бы. Но такъ какъ человѣкъ все болѣе и болѣе освобождается отъ вліянія другаго человѣка, а съ революціей 89-го года установилась такая государственная система, гдѣ личная свобода не остается безгласною, то вопросъ этотъ сталъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ. Какъ налогъ есть мѣна, то доля, платимая каждымъ, должна равняться его участію въ пользованіи услугами государства. Отсюда является идея, что налогъ долженъ быть пропорціоналенъ состоянію каждаго. Но достиженіе этой пропорціональности есть родъ неосуществимаго мира. Желаніемъ достигнуть ее и порождено то множество видовъ налога, какое существуетъ на дѣлѣ. Слѣдуетъ критика главныхъ видовъ налога. Цѣль ее авторъ объясняетъ такъ: «я, говоритъ онъ, считаю всякій родъ налога дурнымъ въ самомъ себѣ, неоправдывающимся ни съ точки зрѣнія справедливости, ни политической экономіи. Это однако не значитъ, будто я хочу перевернуть вверхъ дномъ весь финансовый порядокъ государствъ, измѣнить привычки народовъ, дать урокъ правителямъ.... Моя претензія скромнѣе: это, во первыхъ, уничтожить всякую притязательную утопію и, потомъ, показать, какъ при существующихъ средствахъ, сколь ни нелогичны они окажутся при анализѣ, можно придти къ раціональнымъ выводамъ, которые могли бы удовлетворить требованіямъ общественной совѣсти и выгодъ. А для этого нужно поставить истинные принципы налога и показать, что никакая гипотеза спеціальнаго налога имъ неудовлетворяетъ».

Послѣдніе, т. е. проекты спеціальныхъ налоговъ, онъ приводитъ къ 4-мъ: налогъ прогрессивный; налогъ на капиталъ; на доходъ;

налогъ поземельный. Начинаетъ съ того, что если почти всѣ налоги окончательно разрѣшаются въ налогъ на потребленіе *), то единство налога есть логическое требованіе при существующемъ порядкѣ вещей. Все это притворство, говоритъ онъ, это искусство plumer la poule sans trop la faire crier, выражающееся въ разнообразіи налоговъ, должно же когда нибудь изчезнуть. Но какая же, по мнѣнію автора, причина того, что налогъ не можетъ распредѣлиться правильно? Онъ находитъ ее въ самыхъ условіяхъ нашего общественнаго и экономическаго быта; такъ что, для исправленія недостатковъ въ системѣ, слѣдовало бы перемѣнить этотъ бытъ и самые его законы. За этимъ переходитъ къ критикѣ *прогрессивнаго налога*, который, путемъ ариѳметики доводитъ до абсурда. Если быть послѣдовательнымъ и сдѣлать налогъ дѣйствительно прогрессивнымъ, то придется довести его до того, чтобъ у всѣхъ оставался только необходимый minimum для существованія. Такимъ образомъ налогъ этотъ переходитъ въ запрещеніе производить, въ конфискацію. Это былъ бы полнѣйшій произволъ власти надъ свободой труда, промышленностью, собственностью, кредитомъ, сбереженіемъ и пр. Идея *налога на капиталъ* противна принципу налога. Налогъ есть плата за услугу, и услуга конечно пропорціональна капиталу; но цѣна ея должна уплачиваться не капиталомъ, а его доходомъ. Налогъ этотъ имѣетъ притомъ притязаніе на единство. Но словомъ капиталъ выражаются самые разнообразные предметы: земли, дома, машины, товары и пр. Слѣдовательно налогъ на капиталъ будетъ налогомъ на эти предметы, и какъ доходность ихъ весьма различна, то подъ именемъ единственнаго налога будемъ имѣть всевозможные налоги.

Налогъ на доходъ бываетъ 4-хъ родовъ: на доходъ валовой, на доходъ чистый, налогъ прогрессивный, пропорціональный. Какъ бы его ни видоизмѣняли, результатъ одинъ: онъ переходитъ въ налогъ на потребленіе и въ этомъ видѣ съ особенной силой упадаетъ на потребителей производительныхъ. Относительно пропорціональности, Прудонъ еще въ Système des Contradictions доказывалъ, что пропорціональность вслѣдствіе неравномѣрности состояній ведетъ къ про-

---

*) На это Du Parieu, въ сочиненіи своемъ (Traité des impôts), которое мы разсмотримъ ниже, замѣчаетъ, что, если это такъ (главные предметы потребленія, какъ замѣчаетъ самъ Прудонъ, таковы, что потреблять ихъ всякій можетъ не болѣе извѣстнаго, для всѣхъ почти равнаго, количества), то нечего и хлопотать объ улучшеніяхъ въ системѣ налоговъ; ибо тогда результаты всякаго налога были бы одни и тѣ же.

тиворѣчію, потому что равнялась бы прогрессіи налога въ *обратномъ* отношеніи способности плательщика.

Въ критикѣ *налога на поземельный доходъ* онъ входитъ въ довольно подробный обзоръ писаннаго имъ прежде объ этомъ предметѣ. Резюмируя все сказанное имъ, можно вывести, что рентою онъ считаетъ все то, что остается земледѣльцу за вознагражденіемъ издержекъ обработки. Есть земли, которыя, за покрытіемъ этихъ издержекъ, не даютъ избытка дохода; слѣдовательно тутъ рента, процентъ съ капитала, налогъ—равны нулю. Если же земля дастъ ренту, то кому по первоначальному праву принадлежитъ эта послѣдняя?—она принадлежитъ: 1) государству, какъ представителю общины и общественной солидарности, коего право на землю истекаетъ изъ его сущности, его учрежденій, составляетъ гарантію всякой собственности; 2) воздѣлывателю, котораго умъ и трудъ наиболѣе вліяютъ на доходность земель; 3) собственнику. Доля государства измѣняется, смотря по заслугѣ земледѣльца и по большей или меньшей важности, придаваемой началу собственности. «Пусть признаютъ за государствомъ, прибавляетъ авторъ, это право на ренту и будутъ имѣть правительство безъ налоговъ». Но, спросимъ мы его: что же такое была бы эта доля ренты, удѣляемая правительству, какъ не налогъ, лишь подъ другимъ именемъ? Кажется однако, нельзя не согласиться съ нимъ, что, еслибъ не насиліе, которымъ бы должно было сопровождаться первое введеніе такого порядка, то этотъ налогъ, когда бы все пришло въ равновѣсіе, былъ бы самымъ простымъ, раціональнымъ, дешевымъ, короче, наименѣе несовершеннымъ.

Глава 5-я трактуетъ объ общихъ принципахъ преобразованія налога въ современномъ обществѣ. Это собственно выводъ изъ всего сказаннаго выше; выводится именно, что 1) услуги государства должны быть полезны, воспроизводительны: 2) государство не имѣетъ права навязывать свои услуги гражданамъ; 3) всѣ граждане должны платить налогъ ex aequo — лично, если ихъ состоянія равны, пропорціонально, если неравны; 4) уравненіе налога, при существующемъ экономическомъ кругооборотѣ, неразрѣшимая задача; 5) единство налога было бы худшею изъ реформъ. «Если всѣ налоги нехороши порознь, то какъ же придти къ убѣжденію, что одинъ будетъ хорошъ? Это все равно, что вмѣсто розогъ употреблять дубину»; 6) нужно опредѣленіе maximum'а государственныхъ расходовъ; приблизительно это будетъ 10-я доля валоваго дохода

всѣхъ; черезъ 10—15 лѣтъ практики доля эта должна понизиться до 20-й и ниже; 7) необходима правительственная децентрализація. Выгоды ея состоятъ, по мнѣнію Прудона, въ томъ, что количество налога будетъ опредѣлено точнѣе, съ отдѣленіемъ издержекъ центральныхъ отъ общинныхъ; общія издержки администраціи уменьшатся; налоги расположатся равномѣрнѣе; 8) государство должно имѣть свою дотацію: государство есть гражданская личность, самая важная изъ составляющихъ общество; потому оно должно имѣть права, и права эти должны быть освящены собственностью. Дотація государства въ монархіи принадлежитъ царствующей особѣ; въ республикѣ она дѣлается общей собственностью, служащей для удовлетворенія главныхъ издержекъ. Изъ чего же составить ее? Изъ ренты. Но призваніе государства политическое, а не экономическое; потому оно въ сущности не должно владѣть собственностью. Итакъ чтобъ составить ему дотацію надо назначить для него оброкъ (redevance) съ земли (ренты). Налогъ на ренту имѣетъ неоспоримыя преимущества; онъ всегда равномѣрнѣе другихъ; не затрогиваетъ труда; рента сполна можетъ быть взята государствомъ и отъ этого никто (sic!) и ничто не пострадаетъ. Естественная доля государства въ рентѣ $^1/_3$. Налогъ на ренту долженъ повести также къ сближенію интересовъ и, слѣдовательно, къ столь желанному союзу между буржуазіей и пролетаріатомъ! Налогъ на ренту долженъ доставить примѣрно $^3/_5$ бюджета; для пополненія же его должны служить другіе источники доходовъ а главнымъ образомъ плата за нѣкоторыя общественныя услуги. Во первыхъ, государство должно получать доходъ отъ общественнаго кредита, отдавая его въ частную эксплуатацію, какъ и желѣзныя дороги (которыя рано или поздно должны возвратиться въ собственность государства) компаніи, состоящей преимущественно изъ работниковъ, чиновниковъ и т. п. участниковъ. Подобнымъ же образомъ должно оно поступить съ каналами, пристанями, общественными вѣсами и пр. Далѣе имѣетъ оно доходъ отъ рудниковъ, доковъ, разныхъ улучшеній (какъ осушеніе, облѣсеніе), почты и телеграфовъ, пороху и селитры. Вообще этими двумя факторами, т. е. налогомъ на ренту и платою за общественныя услуги, должно государство стараться ограничить свои доходы и ими довольствоватся. Между тѣмъ до времени, когда это будетъ достигнуто, доходы его могутъ пополняться и факультативными налогами, каковы налоги на потребленіе, на дома, окна и двери, патенты, лиценціи, таможни, octroi, enregistrement, штем-

пель, паспорты и пр. Въ нормильномъ состоянiи вещей сумма общественныхъ сборовъ должна бы быть 20-я до 30-й доли валоваго дохода.

«Въ сочиненiи этомъ, заключаетъ авторъ, нѣтъ предсоставленной системы, нѣтъ никакого стремленiя къ утопiи, ничего, что бы могло показаться страннымъ на практикѣ... Мы произвели такимъ образомъ органическое цѣлое, функцiю еще бо́льшаго организма—общества и государства. Налоги, устроенные такъ, чтобъ въ одно и то же время служили для уплаты государственныхъ расходовъ, для управленiя экономическимъ движенiемъ, для руководства рынкомъ, для содѣйствiя эманципацiи рабочаго класса, равновѣсiю собственности, неприкосновенности наслѣдствъ, уравненiю состоянiй — словомъ — движенiе общества по пути правды, свободы и богатства — вотъ что значитъ отнынѣ для насъ это, столько вѣковъ ненавидимое и проклинаемое слово — налогъ!»

Прекрасная будущность! Жаль только, что авторъ не далъ практическихъ совѣтовъ, какъ привести въ исполненiе его реформу. Онъ самъ нѣсколько разъ повторяетъ, что ломать существующаго онъ не хочетъ. Но какъ же иначе можетъ осуществиться предлагаемый имъ планъ государственнаго и финансоваго быта и ожидаемые имъ благодѣтельные результаты налоговъ по этому плану учрежденныхъ? Есть правда еще исходъ: можетъ быть придетъ время, что народы образумятся, поймутъ внушаемыя имъ истины и сами, собственной иницiативой, примутся за реформы, — слѣдовательно съ добровольнымъ разрушенiемъ стараго. Но будетъ ли это когда нибудь, и не встрѣтятъ ли такiя реформы противодѣйствiя въ средѣ тѣхъ же народовъ, по поводу нарушенiя частныхъ интересовъ. И не въ утопiю ли обращается все сочиненiе остроумнаго автора, независимо отъ многихъ прекрасныхъ страницъ и дѣльныхъ мыслей!

Перехожу къ сочиненiю M-lle Royer. Послѣ M-lle Lézardiére это, кажется, еще только второй примѣръ женщины — писательницы во французской литературѣ политическихъ наукъ. M-lle Royer дебютировала, сколько извѣстно, статьею въ Journal des Economistes (1861, Décembre) — Des conclusions de la science fiscale.

Задачу своей Théorie de l'impôt она объясняетъ такъ: «мы разсмотримъ, говоритъ она, общую теорiю налога и его частныя приложенiя, съ точки зрѣнiя абсолютнаго космополитизма. Въ общей теорiи возьмемъ за правило давать преимущество вопросу права предъ вопросомъ факта, справедливости предъ полезностью,

справедливости и полезности предъ узкими соображеніями политики». Этими словами довольно ясно обозначается намѣреніе автора не выходить изъ предѣловъ чистой теоріи. Финансовая наука, по мнѣнію ея, еще только что родилась, еще лепечетъ свои первыя формулы. Такое мнѣніе достаточно показываетъ, до какой степени игнорируются французами труды нѣмецкихъ ученыхъ. Была бы знакома M-lle Royer съ ними хоть немножко, эта фраза вѣрно не вызвалась бы у нее; да и конечно оказались бы тогда въ ея книгѣ ссылки не на однихъ французовъ и англичанъ.

Признавая важное значеніе историческаго элемента въ наукѣ, она видитъ особенную пользу его, — какъ средства для подтвержденія теоріи. Притомъ «дѣло исторіи — говоритъ она — прослѣдить во времени то движеніе инстинкта, разума и свободной воли, которые проявляются во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ и въ фискальныхъ преимущественно, — и изъ всего этого подготовить почву для теоріи.

Обращаясь къ историческому очерку происхожденія налога и идя отъ самыхъ первобытныхъ временъ, она выводитъ, что первый налогъ былъ налогъ военный (точнѣе сказать — повинность военной службы); второй налогъ — рабство, котораго остаткомъ были личныя повинности; третій налогъ — церковный, десятина. Въ этихъ трехъ видахъ налога вмѣщались всѣ прочіе его виды; такъ что современная фискальность не выдумываетъ уже ничего новаго, а только воскрешаетъ прошедшее. Какъ ни кажется странной эта мысль, съ нею почти что можно согласиться.

Значеніе налога она ставитъ несравненно выше простой мѣны: «это, говоритъ она, соціальная связь между членами общества, это дань гражданина своимъ согражданамъ, это его вкладъ, — то, что утверждаетъ за нимъ право участія въ обществѣ, что дѣлаетъ его человѣкомъ, это плата за услугу, исполненіе обязанности, уплата долга». Это, прибавимъ мы, много фразъ, неуясняющихъ дѣла. Опредѣленіе налога, которое она дѣлаетъ дальше, найдя неудовлетворительными опредѣленія, даваемыя многими другими писателями, страдаетъ длиннотой и носитъ описательный характеръ. Правъ или неправъ Прудонъ, что налогъ есть мѣна, по крайней мѣрѣ онъ заслуживаетъ благодарность за попытку опредѣлить налогъ по внутренней его сущности.

По принципу, говоритъ она, налогъ долженъ быть личный: государство знаетъ только своихъ членовъ; они-то и отвѣчаютъ

своей личностью; имущество же есть только осязательное ручательство ихъ отвѣтственности *).

Налогъ, по ея мнѣнію, долженъ быть прогрессивный: доколѣ будутъ существовать противоположныя крайности богатства и бѣдности, до тѣхъ поръ этотъ налогъ не только справедливъ, но въ извѣстной мѣрѣ неизбѣженъ. Прогрессія его должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ неравенство состояній будетъ сглаживаться. Когда наконецъ каждый будетъ имѣть лишь столько, чтобъ не подвергаться гибельнымъ послѣдствіямъ пролетаріата, налогъ долженъ стать строго пропорціональнымъ; потому что иначе прогрессія падала бы уже не на наслѣдственное состояніе, а на трудъ. Прогрессивный налогъ, какъ упомянуто выше, отлично разобранъ и оцѣненъ Прудономъ. Замѣтимъ еще, что M-lle Royer видитъ въ этомъ налогѣ средство создать среднее сословіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ совѣтуетъ его Дунайскимъ княжествамъ и Россіи. Далѣе — налогъ не долженъ препятствовать составленію капиталовъ. Впрочемъ налогъ, поглощая иногда часть капитала, возвышаетъ тѣмъ его рыночную цѣну; съ другой стороны, возбуждаетъ къ дѣятельности капиталы спящіе. Въ этомъ явленіи государство обладаетъ средствомъ регулировать курсы ренты. Если курсъ очень низокъ, слѣдуетъ извлечь часть капитала посредствомъ налога (тутъ всего удобнѣе налогъ на наслѣдство); если курсъ очень высокъ — слѣдуетъ прижать капиталъ, заключенный въ недвижимой собственности. Затѣмъ оспаривается мнѣніе Милля и др., требующихъ, чтобы налогъ падалъ (въ видѣ налога на потребленіе) только на ту часть дохода, которая издерживается каждымъ, и оставлялъ бы свободной долю, идущую на приращеніе капитала. «Это, повело бы, говоритъ она, къ всеобщему раззоренію, къ уменьшенію производительности капиталовъ и т. д. Облагать издержку — то же, что облагать производство. Богатство, производительная сила должны служить основаніемъ налога:, ихъ то и должно облагать, какъ ренту, какъ прибыль, какъ личный капиталъ».

Все это теоретическое препираніе ничего не значитъ на прак-

*) Въ критикѣ мнѣній о размѣрахъ налога она высказываетъ между прочимъ странную мысль — «il est certain, que nul ne s'enrichit que par la ruine de quelques autres, au moins proportionnellement, прибавляя что — le capital social augmentant de siècle en siècle, chacun, si toutes les choses avaient été équitablement reparties aurait dû s'enrichir également». Печальное положеніе общества, въ которомъ обогащеніе однихъ на счетъ другихъ можно возвести въ общее правило!

тикѣ: можно сказать—налогъ не долженъ раззорять плательщика, а изъ которой именно части своего дохода онъ его платитъ, никому неизвѣстно. Всего естественнѣе думать, что налогъ вычитается плательщикомъ изъ дохода вмѣстѣ съ издержками своего содержанія и затѣмъ, если что остается, можетъ идти на приращеніе капитала или на удовлетвореніе какихъ нибудь второстепенныхъ потребностей.

Относительно классификаціи налоговъ замѣтимъ, что авторъ нашъ дѣлитъ ихъ на три главные рода: 1) личные, 2) вещественные, 3) лично-вещественные. Подъ послѣдними она разумѣетъ налогъ имущественный (capital revenu)—налогъ прямой и пропорціональный, который въ одно и то же время взимается съ лица и его имущества, соразмѣрно его внутренней и внѣшней способности. Такой налогъ, замѣчаетъ она, былъ бы идеаломъ налога.

Не входя въ подробности ея критики налоговъ, замѣтимъ, что поголовному налогу она предсказываетъ счастливую будущность, что современемъ общество придетъ къ нему, только будетъ онъ тогда сообразно пропорціоналенъ тѣмъ неравенствамъ, которыя накопились поколѣніями. Непрямые налоги не пользуются ея одобреніемъ: она ихъ называетъ искусствомъ—plumer les peuples, leur affliger une tonte annuelle, sans trop les faire crier—и заключаетъ словами Роберта Пиля: «обиліе средствъ существованія и умѣренность ихъ цѣнъ ведетъ къ уменьшенію числа преступленій и развитію нравственности». Особенно же нападаетъ она на налоги на предметы роскоши и, приведя опять слова Роберта Пиля, что истинные источники увеличенія государственнаго дохода «суть размноженіе предметовъ благосостоянія и распространеніе въ народѣ вкуса къ предметамъ не первой необходимости»—приводитъ разные доводы въ пользу разумной роскоши». Налогъ на роскошь, замѣчаетъ она, глубоко безнравственъ, несправедливъ, тяжелъ, ретроградень. Онъ оскорбляетъ человѣка въ его внутренней свободѣ, въ его стремленіяхъ, даже въ его семейныхъ привязанностяхъ. Существенное право каждаго—издерживать свой доходъ или свое состояніе, какъ угодно. Пусть уничтожаютъ тщеславіе, духъ касты, но пусть же не смѣшиваютъ съ ними эстетическую любовь къ прекрасному. Роскошь есть потребность полнаго человѣка, законное удовлетвореніе его чистѣйшихъ инстинктовъ, безъ чего не можетъ быть истиннаго благополучія. Этими высшими инстинктами онъ и отличается отъ животнаго, которому довольно, если оно можетъ

ѣсть, пить, спать безопасно и т. д. Итакъ не заглушать, а развивать слѣдуетъ въ низшихъ классахъ потребность довольства, истинно человѣческаго. Пусть работникъ, приходя домой, находитъ у себя нѣкоторый комфортъ: эта роскошь удержитъ его дома; а иначе онъ уйдетъ въ кабакъ, чтобъ забыть въ ньянствѣ, что общество признаетъ за нимъ однѣ только потребности скота. Надо стараться, чтобъ роскошь была возможна и доступна всѣмъ». Сколь ни гуманны эти слова, они не способны поколебать вѣру въ достоинства непрямыхъ налоговъ, въ томъ числѣ и налоговъ на предметы роскоши, съ должнымъ благоразуміемъ и осторожностью учреждаемыхъ. Слова же эти мы привели собственно, какъ выраженіе прекраснаго взгляда на дѣло, который не мѣшаетъ усвоить нашимъ русскимъ моралистамъ, сѣтующимъ на увеличеніе потребностей между простонародьемъ, какъ распространеніе употребленія чая, ситцевъ, кожаной обуви и пр. и пр.

Въ мнѣніи объ этомъ налогѣ, какъ и объ организаціи кредита (также и относительно путей сообщенія) и о поземельной рентѣ, M-lle Royer совершенно сходится съ Прудономъ. За то, въ противоположность ему, признаетъ за государствомъ право участія въ наслѣдствахъ и въ налогѣ на наслѣдство видитъ дополненіе къ налогу на ренту. Думаетъ даже, что онъ могъ бы быть *единымъ* налогомъ, если бъ взимался въ достаточномъ размѣрѣ; но что въ послѣднемъ случаѣ онъ повелъ бы къ обѣдненію народа.

Право участія государства въ рентѣ она выводитъ слѣдующимъ образомъ: всякій, рождающійся на свѣтъ человѣкъ имѣетъ право на свой участокъ земли. Поэтому, право перваго завладѣнія недостаточно для утвержденія законности владѣнія: собственникъ долженъ купить у общества право на свое единичное владѣніе. Но покупка эта не можетъ быть сдѣлана разомъ; потому что предшествующія поколѣнія не имѣютъ права завладѣвать долей будущихъ. Покупка, слѣдовательно, должна выразиться въ формѣ постоянной ренты. Поземельный налогъ состоитъ такимъ образомъ изъ двухъ элементовъ: 1) изъ оброка за присвоенную собственниками землю, такъ сказать—ихъ отступной платы обществу; 2) изъ ренты съ той доли поземельной собственности, которую общество имѣетъ въ капиталѣ, скопленномъ подъ его покровительствомъ и при помощи его услугъ.

Въ главѣ о налогѣ съ капитала она цитируетъ снова извѣстнаго ея поборника—Эмиля де Жирардена и, посвятивъ этимъ идеямъ

довольно обширную критику, приходитъ къ тому результату, что налогъ на капиталъ долженъ существовать по принципу. Относительная цифра его должна быть подвижна, чтобы, какъ уже видѣли мы выше, регулировать движенiе капиталовъ. Къ этому она прибавляетъ желанiе, чтобъ всѣ европейскiе народы согласились между собой учредить налогъ на капиталъ, и даже условились бы на счетъ постояннаго отношенiя размѣра налога къ законному проценту въ каждомъ государствѣ, предоставляя себѣ право измѣнять величину налога смотря по надобности.

Мысль, будто налоги удешевляютъ какъ капиталы, такъ и другiе предметы, повторяется у нея безпрестанно. Но какъ-то трудно вѣрится въ такой благодѣтельный результатъ налоговъ, будто они вызываютъ къ дѣятельности дремлющiя силы; скорѣе думается, что они подавляютъ даже и недремлющiя силы, по крайней мѣрѣ, пока онѣ еще такъ неизмѣримо далеки отъ идеала. Едва ли должны налоги служить регуляторами курсовъ, если бъ даже это и было удобоисполнимо. Условiе такого регулированiя — частая перемѣна пропорцiи налога, непостоянство его; а это противорѣчитъ одному изъ главныхъ условiй хорошаго налога. Идею капитала она развиваетъ до крайнихъ предѣловъ: всякiй человѣкъ есть капиталистъ, говоритъ она; во первыхъ, капиталъ его — орудiя его промысла; во вторыхъ, его капиталъ — способность его къ труду или капиталъ, скопившiйся въ немъ въ продолженiе его воспитанiя. Первый капиталъ облагается налогомъ, какъ имущество; второй же — слѣдующимъ порядкомъ: содержанiе человѣка и обученiе его, до выступленiя его на поприще дѣятельности, есть капиталъ, накопившiйся на немъ въ долгу, съ котораго будто бы и долженъ онъ платить налогъ. Но развѣ человѣкъ не отработываетъ потомъ обществу этотъ затраченный на него капиталъ? развѣ мало того, что человѣкъ является производительной единицей въ массѣ другихъ? Она впрочемъ оговаривается, что налогъ этотъ былъ бы возможенъ только при отсутствiи непрямыхъ налоговъ на потребленiе. Она видитъ въ немъ же средство заставить каждаго оставаться на той ступени въ обществѣ, на которой ему быть слѣдуетъ по его способностямъ. Кромѣ этого налога, предлагается еще другой — налогъ на праздность. Подъ нимъ она разумѣетъ налогъ на личность людей, живущихъ безъ занятiя, доходами (rentiers) — налогъ, учреждаемый независимо отъ налога на ихъ капиталы. Изъ этого налога она не исключаетъ и женщинъ, кромѣ матерей. Отброся все раз-

глагольствіе, которымъ наполнена глава, трактующая объ этомъ налогѣ, ясно, что это не болѣе, какъ усиленный налогъ на бездѣятельные капиталы.

Общій обзоръ налоговъ, при чемъ о каждомъ трактуется ab ovo, съ перваго появленія его въ исторіи, заключается главой о налогѣ на доходъ, какъ единомъ; доказывается его невозможность и несправедливость.

Какой же общій выводъ изъ всего сочиненія, что предлагаетъ авторъ для исправленія существующихъ способовъ удовлетворенія государственныхъ потребностей, способовъ, вообще далеко не безупречныхъ?

Полнѣйшая, всеобщая и удовлетворительнѣйшая система финансовъ должна состоять, по ея мнѣнію, въ соединеніи налога на капиталъ съ подоходнымъ. Налогъ, исключительно падающій на доходъ, несправедливъ и непрактиченъ; налогъ, падающій исключительно на капиталъ, практиченъ, но несправедливъ. Это былъ бы такимъ образомъ налогъ неполный, обременяющій однихъ и не затрогивающій другихъ. Размѣръ налога на капиталъ она опредѣляетъ, на основаніи историческихъ и иныхъ данныхъ, въ $^1/_{10}$ его законной ренты.

Итакъ, пропорціональный налогъ на капиталъ, въ соединеніи съ пропорціональнымъ же или прогрессивнымъ налогомъ на доходъ — вотъ самая раціональная, по ея мнѣнію, система. Подвижной налогъ на доходъ долженъ всегда служить дополненіемъ постоянному (fixe) налогу на постоянную же (fixe) ренту съ капитала. Но эта легальная рента уменьшается съ возрастаніемъ общественнаго богатства; съ уменьшеніемъ ея долженъ уменьшаться и размѣръ (quotité) налога на нее, хотя абсолютное его количество все будетъ увеличиваться вмѣстѣ съ богатствомъ. Напротивъ такса налога на доходъ, какъ бы плата за покровительство производительности, не имѣетъ повода уменьшаться: она увеличивается съ увеличеніемъ производительности капиталовъ. Словомъ — налогъ на *доходъ-прибыль* (revenu-profit) увеличивается пропорціонально всему богатству общества и въ обратномъ отношеніи къ налогу на легальную ренту (или доходъ-процентъ — revenu-intérêt) этого богатства. Общая же цифра ихъ всегда должна составлять одну и ту же долю всего дохода общества, т. е. оставаться почти въ одномъ и томъ же отношеніи съ облагаемымъ предметомъ, составляя около $^1/_{10}$ его, — что она и называетъ la dime sociale. Придя къ такому заключенію,

авторъ излагаетъ потомъ подробности способовъ взиманія этой десятины и способы перехода отъ дѣйствующихъ финансовыхъ системъ къ этой. Но мы не пойдемъ за нимъ дальше; довольно того, что, стараясь по возможности не выходить изъ предѣловъ краткаго обзора мы прослѣдили главные пункты сочиненія. Что же даетъ оно, какой результатъ? Есть ли какія нибудь данныя, чтобъ думать, что предлагаемая реформа, — допустимъ даже, что ее можно ввести безъ всякихъ рѣзкихъ переворотовъ, — будетъ дѣйствительно такъ благодѣтельна на дѣлѣ, какою она является на бумагѣ? Трудно рѣшить этотъ вопросъ утвердительно, имѣя въ виду, какъ нерѣдко теоретическая вѣроятность безжалостно разрушается практикой. А мнѣ неизвѣстно, ввелъ ли у себя Ваадтскій кантонъ эту реформу — вообще имѣло ли сочиненіе г-жи Royer хоть какія нибудь практическія послѣдствія.

Объ обоихъ сочиненіяхъ, какъ Прудона, такъ и M-lle Royer, можно вывести общее заключеніе то, что они, въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ: оба находятъ положительно негодными всѣ существующія системы финансовъ, и необходимымъ измѣнить ихъ; оба ставятъ фундаментомъ новой системы налоговъ — налогъ поземельный; оба опредѣляютъ долю налога въ общемъ доходѣ — *десятиною*. Но одинъ, не признавая права существованія за налогомъ на доходъ, хочетъ пополнить налогъ поземельный сборами за общественныя услуги; другая, напротивъ, видитъ въ налогѣ на доходъ чуть ли не единственный якорь спасенія и ставитъ его дополненіемъ къ поземельному, возведенному ею вообще въ налогъ на ренту съ капитала. Оба же наконецъ остаются вѣрными методѣ вращаться въ области теоретическихъ взглядовъ и совѣтовъ, лишь вскользь и изрѣдка заглядывая въ область практики*).

Совсѣмъ инымъ духомъ проникнуто сочиненіе, — о которомъ я также намѣренъ поговорить, — Esquirou de Parieu — Traité des impôts (1862—64, V томовъ). Самый поверхностный взглядъ на это сочиненіе даетъ уже понять, что это что-то другое, чѣмъ обыкновенныя французскія сочиненія: прежде всего поражаетъ добросовѣстное знакомство съ иностранной экономической литературой, преимущественно нѣмецкой. Между тѣмъ, какъ соотечественники г-на De Pa-

*) Къ сожалѣнію, не могу въ дополненіе къ этому обзору ничего сказать о соч. Chargeraud — l'Economie politique et l'impôt, которое еще не удалось мнѣ получить.

гіеи вообще нейдутъ въ своихъ ссылкахъ дальше Смита и Милля, тутъ видимъ знакомство и съ Гофманомъ, и съ Рау, даже съ Якобомъ и Мальхусомъ. Разработка фактической и исторической сторонъ также отзывается не французскими пріемами. За то авторъ и находитъ нужнымъ подробно объяснить въ своемъ предисловіи, для чего принята имъ такая манера; онъ какъ будто боится заслужить порицаніе отъ читателей и прибавляетъ, что «національное самолюбіе придирается иногда ко всему и даже относительно самой формы фискальныхъ орудій можетъ предаться фантазіи хвалить все, какъ верхъ совершенства». Цѣль сочиненія своего онъ опредѣляетъ намѣреніемъ показать взаимныя отношенія налоговъ, дѣйствія ихъ и законы ихъ образованія, значеніе справедливаго ихъ распредѣленія и финансовые ихъ результаты. Признавая значеніе финансовой науки, какъ самостоятельной, онъ замѣчаетъ, что она, хотя и состоитъ въ тѣсной связи съ политической экономіей, однако по связи своей съ государственнымъ правомъ, съ администраціей и политикой образуетъ отдѣльную область и въ развитіи своемъ могла подвергаться инымъ вліяніямъ, чѣмъ политическая экономія, и что если эта послѣдняя обязана своимъ развитіемъ преимущественно англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ мыслителямъ, то финансовая наука обязана преимущественно нѣмцамъ.

Всѣ живыя существа, говоритъ онъ, подчинены тому закону, что они могутъ поддерживать свое существованіе и развиваться только подъ условіемъ воспринятія другихъ существъ, изъ которыхъ они ассимилируютъ извѣстныя составныя части. Существа коллективныя существуютъ только заимствованіями отъ существъ, ихъ составляющихъ. Государство, принадлежа къ этой послѣдней категоріи, должно слѣдовательно для существованія своего получать средства отъ своихъ подданныхъ. Упомянувъ далѣе, что вещественныя средства государства могутъ состоять въ доменахъ и въ налогахъ, онъ спѣшитъ перейти къ послѣднимъ и даетъ опредѣленіе налога, какъ сборъ, взимаемый государствомъ съ имущества или труда гражданъ, для удовлетворенія общественныхъ издержекъ. Критикуетъ при этомъ опредѣленіе налога Прудономъ, какъ мѣны, и замѣчаетъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду дѣйствительную жизнь, а не республику — утопію.

Онъ дѣлитъ всѣ налоги на пять видовъ: 1) личные; 2) имущественные или подоходные; 3) налоги на нѣкоторыя пользованія или удовольствія (jouissances); 4) на потребленіе; 5) на акты, — прибли-

жаясь такимъ образомъ къ дѣленію Гофмана (налоги на владѣніе и налоги на дѣйствія) и Рау (Schatzungen и Aufwandsteuern). Цитируя далѣе фискальныя правила Смита и Сисмонди, останавливается въ особенности на фискальной справедливости. Разобравъ различныя мнѣнія о ней, заключаетъ со Смитомъ, что налоги должны быть пропорціональны доходамъ, которыми пользуются граждане подъ покровительствомъ государства и что не должно существовать ни изъятій отъ налога, ни прогрессивности его (не отвергаемой впрочемъ Смитомъ). Въ отношеніи послѣдней онъ соглашается съ Бодрильяромъ (Manuel), что это та справедливость, которую разумѣютъ коммунисты, т. е. уравненіе состояній. Прямымъ налогамъ отдаетъ нѣкоторыя преимущества передъ косвенными, особенно по причинѣ постоянства ихъ основанія и дешевизны взиманія; считаетъ однако тѣ и другіе равно необходимыми, смотря по даннымъ условіямъ. Преобладающими въ общей системѣ налоговъ, какъ бы полюсами ея, онъ считаетъ налогъ на богатства — составляющій основное начало прямаго налога, и налогъ на потребленіе — играющій главную роль между непрямыми налогами.

Въ разсматриваніи отдѣльныхъ налоговъ онъ держится того порядка, что сперва излагаетъ исторію каждаго налога, форму, въ какой онъ существуетъ у разныхъ народовъ; потомъ сводитъ мнѣнія писателей, и наконецъ высказываетъ свой или вообще господствующій взглядъ, сопровождая все это, по возможности, статистическими свѣдѣніями.

Разсмотрѣвъ личный (и поголовный) налогъ и придя, разумѣется, въ неодобрительному заключенію о немъ, обращается къ налогу на богатство, подраздѣляя его на налогъ на недвижимость, на капиталъ и на доходъ движимый.

Признавъ важныя преимущества за поземельнымъ налогомъ, замѣчаетъ о физіократахъ, что, по его мнѣнію, они скорѣе имѣли въ виду не установленіе единаго налога на поземельное владѣніе, а замѣну всякаго налога личнымъ правомъ участія государства во владѣніи землею, — что Dupont de Nemours называетъ Constitution domaniale de l'impôt. Въ налогѣ на промышленность (т. е. патентномъ) видитъ налогъ, предназначенный поддерживать равновѣсіе въ новѣйшей финансовой системѣ — между налогами на недвижимую и налогами на движимую собственность; налогу подоходному (incometaxe) предсказываетъ важное значеніе въ будущемъ. Подъ именемъ

налоговъ на пользованіе (jouissance) у него соединены разные налоги, отчасти извѣстные подъ названіемъ налоговъ на предметы роскоши, какъ-то: налоги на квартиры, двери и окна, на слугъ, экипажи, на лошадей и др. животныхъ. Думаетъ, что не взирая на возраженія, приводимыя противъ этихъ налоговъ, имъ предстоитъ скорѣе размножаться, чѣмъ уменьшаться. Посвятивъ далѣе обширный отдѣлъ налогамъ на потребленіе, гдѣ у него соединены какъ налоги на съѣстные припасы и напитки, такъ и разные другіе (какъ на табакъ, карты, порохъ и пр.) и наконецъ налогъ таможенный, — переходитъ къ налогамъ на акты (actes). Онъ опредѣляетъ ихъ, какъ налоги, упадающіе на нѣкоторые факты, болѣе или менѣе случайные, но которые вообще отличаются отъ потребленія отсутствіемъ періодичности и постоянства. Отличаются они также и способомъ взиманія отъ налоговъ на потребленіе—этотъ способъ есть timbre, enregistrement. Дѣйствія, за которыя взимаются эти налоги суть: разнаго рода передача и переходъ имуществъ, страхованіе, контракты и т. д. Далѣе—судебные акты; различныя услуги и концессіи государства, какъ почта, телеграфы, привилегіи, паспорты, монетное дѣло, акты гражданскаго состоянія и пр.

Послѣдній и притомъ значительный отдѣлъ сочиненія посвященъ налогамъ мѣстнымъ (taxes locales). Тутъ собрано, что можно было собрать о мѣстныхъ налогахъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ, итальянскихъ, бельгійскихъ, голландскихъ, датскихъ, шведскихъ. Нѣтъ свѣдѣній лишь о Россіи да Португаліи, которыхъ авторъ ни откуда не могъ добыть.

Въ эпилогѣ авторъ старается привести къ нѣкоторымъ общимъ началамъ разбросанныя въ его сочиненіи идеи. Между прочимъ онъ выводитъ законъ, соединяющій спеціальную исторію налоговъ съ общей исторіей общественныхъ учрежденій. Нельзя утверждать, говоритъ онъ, будто всѣ оттѣнки политическихъ учрежденій отражаются въ бюджетѣ, но можно сказать, что налоги претерпѣваютъ перевороты, соотвѣтствующіе прогрессу цивилизаціи. Въ первоначальныя времена, когда міръ пассивно подчинялся власти фактовъ, налогъ былъ дѣломъ случая; но потомъ онъ болѣе и болѣе стремится стать раціональнымъ. Дальнѣйшее затѣмъ явленіе—упрощеніе налоговъ.... Необходимость есть основное начало налога, требованіе (exigence) — его характеръ; принужденіе служитъ ему санкціей. Не взирая на то, успѣхъ законодательства внесъ долю принципа свободы въ учрежденіе налога, въ выборъ его формъ и предметовъ на

которые онъ падаетъ: налогъ не налагается, а учреждается по добровольному согласію.... Принципъ пропорціональности все болѣе и болѣе распространяется и онъ-то, можетъ быть, сдѣлалъ главный успѣхъ въ современномъ европейскомъ законодательствѣ.

Я представилъ здѣсь только краткій обзоръ содержанія сочиненія de Parieu, останавливаясь лишь на наиболѣе выдающихся пунктахъ. Подробный разборъ его былъ бы несовсѣмъ умѣстнымъ въ предѣлахъ отчета. Впрочемъ и подробный разборъ можетъ только усилить тѣ благопріятныя заключенія, которыя даются и первымъ поверхностнымъ просмотромъ этой книги. Что же касается до нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ напримѣръ неясности изложенія мѣстами и т. п., то авторъ самъ оговариваетъ это. Кромѣ того, онъ самъ же опредѣляетъ, чего можно требовать отъ его сочиненія: «сочиненіе мое, говоритъ онъ, не предназначается ни быть полнымъ трактатомъ финансовой науки, ни даже обнять многоразличные вопросы, возбуждаемые народными бюджетами. Я не пытался также начертать систематическую теорію общественныхъ издержекъ. Я разсматриваю не столько количество и происхожденіе этихъ издержекъ, сколько достоинство мѣръ, имѣющихся въ распоряженіи правительствъ къ ихъ удовлетворенію... Трудъ мой приводится такимъ образомъ къ изученію налога, какъ науки о средствахъ. Что касается до общаго духа моихъ этюдовъ, то его можно назвать эклектизмомъ. Читатель, надѣюсь, вспомнитъ однако разницу, существующую между эклектизмомъ разумнымъ и синкретизмомъ, принимающимъ всѣ направленія безъ разбору»... Этими словами заранѣе устраняются всѣ нападки придирчивой критики. Ей остается развѣ упрекнуть автора, зачѣмъ онъ подводитъ всѣ виды государственныхъ доходовъ подъ одно и то же названіе—налога; но и это будетъ только споръ о словѣ.

Сочиненіе это, одна изъ рѣдкихъ попытокъ во французской экономической литературѣ и притомъ добросовѣстная и удачная — низойти съ высотъ отвлеченнаго мышленія въ область факта, практики и на ихъ данныхъ построить свои выводы. По всей вѣроятности оно не останется единственной попыткой въ этомъ родѣ и найдутся подражатели, которые еще съ большей смѣлостью шагнутъ въ храмъ германской науки и, можетъ быть, много и много найдутъ чего позаимствовать тамъ, начиная хоть бы съ нѣмецкой основательности и образцовой разработки источниковъ. Прежде однако, чѣмъ скажемъ, что сочиненіе de Parieu составляетъ пово-

ротъ во французскомъ взглядѣ на требованія ученаго сочиненія, подождемъ, что будетъ.

Берлинъ, 30/18 декабря 1864 года.

28) Магистра Якова Вальца.

Текущій семестръ я провожу въ Фрейбургѣ въ Брейсгау, гдѣ, какъ и въ прошедшемъ семестрѣ, слушаю лекціи проф. de Bary, работаю въ его лабораторіи и иногда дѣлаю экскурсіи въ окрестностяхъ, а также посѣщаю засѣданія здѣшняго общества естествоиспытателей.

Проф. de Bary читаетъ въ настоящемъ семестрѣ ученіе о строеніи и жизни растеній, или иными словами курсъ физіологической ботаники, по пяти часовъ въ недѣлю, и кромѣ того спеціальный курсъ о водоросляхъ.

Первый курсъ очевидно не ограничивается анатоміей и физіологіей растеній, а въ составъ его входитъ и морфологія. Вслѣдствіе ограниченности времени, профессоръ не можетъ входить въ большія подробности, но тѣмъ не менѣе имъ затрогиваются всѣ существенные вопросы. Кромѣ многихъ достоинствъ этого курса, касающихся выбора предметовъ, способа изложенія и т. д., курсъ этотъ отличается необыкновенною наглядностью: почти все, о чемъ говорится, демонстрируется макро- или микроскопически и при этомъ изрѣдка только рисунки замѣняютъ самые предметы. Всѣ многочисленныя микроскопическія демонстраціи, сопровождающія курсъ, поясняются черченіемъ на доскѣ.

Что касается до курса алгологическаго, то здѣсь профессоръ, имѣя въ виду спеціально интересующихся этимъ предметомъ, излагаетъ алгологію во всей ея полнотѣ и указываетъ на всѣ вопросы, еще требующіе разрѣшенія, при чемъ приводитъ всѣ уже имѣющіяся данныя и указываетъ на пути, по которымъ должно слѣдовать для ихъ разработки. Особенный интересъ придаетъ этому курсу и то обстоятельство, что профессоръ сообщаетъ въ немъ и свои многочисленныя непубликованныя имъ наблюденія.

Занятія мои въ лабораторіи въ сущности заключаются въ томъ же, какъ и въ лѣтнемъ семестрѣ, только теперь, кромѣ того я занимался опредѣленіемъ мховъ и лишаевъ, а также анатоміей послѣднихъ. Мои лихенологическія наблюденія во всѣхъ почти случаяхъ, которыхъ я касался, представляютъ полное согласіе съ по-

казаніями мюнхенскаго доцента Schwerdener'a *), такъ что только въ одномъ пунктѣ я не согласенъ съ нимъ, а именно касательно его мнѣнія объ отсутствіи ядра въ клѣточкахъ лишаевъ, которое онъ почитаетъ общимъ свойствомъ; по моимъ же наблюденіямъ ядро находится въ молодыхъ asci до развитія въ нихъ споръ (Lecidea parasemata, Physcia parietina и др.).

Изъ лишаевъ я особенное вниманіе обратилъ на Racodium rupestre Pers., который былъ привезенъ азъ Саксоніи профессоромъ de Bary и который еще почти не изслѣдованъ. Привезенные экземпляры были однакоже безплодны, а потому изслѣдованія мои касаются только органовъ прозябанія. Лишай этотъ представляется въ видѣ клочьевъ почти совершенно черныхъ и состоящихъ изъ переплетенныхъ нитей. Нити эти волосовидны, темнобураго, почти чернаго цвѣта, простыя или вѣтвистыя и непрозрачныя, изрѣдка только просвѣчивающія, а потому, чтобы изучить ихъ строеніе, я употреблялъ мацерацію Schulz'a, раздавливаніе и разрѣзы, и для этой послѣдней цѣли склеивалъ пучекъ нитей посредствомъ аравійской камеди. Что касается до кипяченія въ ѣдкомъ кали, то оно не дало удовлетворительныхъ результатовъ. Изъ моихъ наблюденій оказалось, что каждая нить состоитъ изъ продольнаго осеваго ряда удлиненныхъ и болѣе широкихъ (сравнительно съ другими) клѣточекъ, иногда брюховидно расширенныхъ, и изъ 4, 5, 6 продольныхъ же периферическихъ рядовъ клѣточекъ, болѣе узкихъ сравнительно съ предъидущими и образующихъ вокругъ нихъ кору. Клѣточки осеваго ряда наполнены протоплазмой, въ которой разсѣяны очень мелкія зерна и нѣсколько болѣе крупныхъ зеренъ хлорофиля. Стѣнки ихъ прозрачны, безцвѣтны, довольно нѣжны и, какъ до мацераціи Schulz'a или кипяченія въ ѣдкомъ кали, такъ и послѣ этого, отъ іода и сѣрной кислоты, а также отъ Chlorzinkiodlösung принимаютъ синій или фіолетовый цвѣтъ; притомъ же онѣ совершенно гладки. Клѣточки же периферическихъ рядовъ не содержатъ хлорофиля, имѣютъ болѣе толстыя, нерѣдко бугорчатыя стѣнки темнобураго цвѣта, и стѣнки эти только послѣ кипяченія въ ѣдкомъ кали и мацераціи Schulz'a окрашиваются отъ іода и сѣрной кислоты. Ряды образуемые этими клѣточками или идутъ параллельно осевому ряду, или нѣсколько косвенно вдоль него; но въ томъ и въ другомъ

*) Beitr. zur Wiss. Bot. v. Nägeli. Flora 1862, 1864. Vortrag in der naturf. Ges. in Zürich 1860.

случаяхъ они соприкасаются по всемъ протяженіи какъ между собой, такъ и съ осевымъ рядомъ и образуютъ вокругъ послѣдняго однослойную совершенно сомкнутую кору. При вершинѣ нити они тоже взаимно соприкасаются своими концами, плотно прилегающими къ вершинѣ конечной клѣточки осеваго ряда, и изрѣдка только концы одного или нѣсколькихъ продольныхъ рядовъ выростаютъ въ видѣ длинныхъ нитей, состоящихъ изъ такихъ же клѣточекъ какъ и самые ряды, давшіе имъ начало. Подобные же длинные и нерѣдко сильно вѣтвистые отростки замѣчаются не только при вершинѣ нити, но также и въ другихъ мѣстахъ, и здѣсь начало имъ даютъ тоже клѣточки периферическихъ рядовъ, а именно, каждый такой отростокъ появляется въ видѣ сосочковиднаго расширенія стѣнки одной изъ клѣточекъ периферическихъ рядовъ. Это расширеніе отдѣляется перегородкой, и отъ размноженія образовавшейся такимъ образомъ клѣточки и развивается отростокъ. Развитіе этихъ отростковъ, какъ и самыхъ нитей вершинное и интеркалярное. Отростки эти развиваются въ особенности при сильной влагѣ, а именно если лишай лежитъ на влажной поверхности, и въ этомъ случаѣ они развиваются преимущественно на сторонѣ, обращенной къ влажной поверхности. Вѣтви этого лишая образуются при участіи клѣточекъ осеваго и периферическихъ рядовъ, а именно, на одной изъ осевыхъ клѣточекъ образуется сосочекъ, отдѣляющійся перегородкой и въ то же время на клѣточкахъ периферическихъ рядовъ, находящихся вблизи этого мѣста, образуется по 1 или по 2 сосочка, обнимающихъ сосочекъ осевой клѣточки и отдѣляющихся перегородками отъ клѣточекъ, давшихъ имъ начало. Дальнѣйшее развитіе этого зачатка вѣтви происходитъ вслѣдствіе дѣленій и удлиненій какъ осевой, такъ и периферическихъ его клѣточекъ. Изрѣдка однакоже попадаются и другаго рода вѣтви, а именно, такъ сказать, голыя. Въ этомъ случаѣ периферическіе ряды вѣтви не соприкасаются съ ея осевымъ рядомъ, а расходятся въ различныя стороны. Такъ какъ случай этотъ попался мнѣ только одинъ разъ, то я не могу рѣшить вопроса, случайно ли это явленіе или, быть можетъ, оно имѣетъ спеціальное назначеніе въ жизни этого лишая, а замѣчу только, что въ данномъ случаѣ голая вѣтвь состояла изъ трехъ клѣточекъ, изъ которыхъ вершинная была шаровидна, и что содержимое этихъ клѣточекъ ничѣмъ не отличалось отъ содержимаго обыкновенныхъ осевыхъ клѣточекъ.

Изъ сказаннаго о строеніи этого лишая очевидно, что онъ пред-

ставляетъ большое сходство съ Coenogonium Linkii Ehr. и Coenogonium ardinum Karst., строеніе которыхъ описали Karsten [1]) и Schwendener. Для сравненія я самъ изслѣдовалъ Coenogonium Linkii Ehr., при чемъ пришелъ касательно ростца къ тѣмъ же результатамъ, какъ и поименованные писатели, съ тѣмъ отличіемъ только, что я не нашелъ нѣжной, не имѣющей структуры коры, которая по словамъ Karsten'a [2]) покрываетъ цѣлое растеніе и о которой не упоминаетъ Schwendener. Данныя, сообщаемыя этими писателями, и мои наблюденія показываютъ, что все отличіе Coenogonium заключается въ томъ, что здѣсь какъ периферическія, такъ и осевыя клѣточки имѣютъ безцвѣтныя стѣнки и что число периферическихъ рядовъ здѣсь значительнѣе, а именно, обыкновенно семь или восемь, а у Racodium rupestre Pers. обыкновенно четыре или пять и изрѣдка шесть; такъ что, руководствуясь признаками ростца, слѣдовало бы соединить Racodium rupestre Pers. съ Coenogonium въ одинъ родъ; но разумѣется, что для такого соединенія слѣдовало бы отыскать согласіе и въ органахъ размноженія, что я не могъ сдѣлать, такъ какъ изслѣдованные мною экземпляры Racodium rupestre Pers. были безплодны. Что касается до органовъ размноженія Coenogonium, то хотя они и изслѣдованы Karsten'омъ и Schwendener'омъ, но я хотѣлъ тоже ихъ изслѣдовать, такъ какъ между поименованными писателями существуетъ въ этомъ отношеніи значительное разногласіе. По недостатку матеріала я долженъ былъ отказаться отъ этого.

Изъ грибовъ я особенное вниманіе обратилъ на Chytridium roseum de Bary et Woronin, развившагося на влажной пропускной бумагѣ, лежавшей на землѣ. Хитридій этотъ, какъ уже показали изслѣдованія фрейбургскаго профессора и петербургскаго магистра [3]), относится къ группѣ Rhyzophydium Schenk. Онъ представляется въ видѣ овальнаго шаровиднаго или болѣе или менѣе неправильнаго округленнаго тѣла, состоящаго изъ одной клѣточки, на которой сидятъ очень длинныя и сильно развѣтвленныя нити (корешки) и короткія, сначала закрытыя, а потомъ открытыя трубочки (горлышки), чрезъ которыя выходитъ содержимое этой клѣточки въ видѣ зооспоръ. Каждый корешокъ и каждое горлышко состоятъ изъ одной клѣточки, отдѣленной отъ зооспорангія перегородкой, и перегородки, отдѣляющія корешки, на-

[1]) Das Geschlechtsleben der Pflanzen und die Parthenogenesis, 1860.
[2]) Flora 1862.
[3]) l. c.
[4]) De Bary und Woronin. Beitrag zur Kenntniss der Chytridieen, 1864.

ходятся непосредственно у зооспорангія, а перегородки отдѣляющія горлышки иногда находятся внутри отростка, продолженіе котораго онѣ составляютъ. Длина каждаго или по крайней мѣрѣ значительнаго числа корешковъ много разъ превосходитъ діаметръ зооспорангія; они сильно развѣтвлены и утончены къ концамъ, а при основаніи діаметры многихъ изъ нихъ на сильныхъ экземплярахъ равняются и часто превосходятъ діаметры горлышекъ; стѣнки ихъ здѣсь и на довольно значительномъ разстояніи имѣютъ ясно двойные контуры, послѣдніе же концы такъ тонки, что едва примѣтны при увеличеніи въ четыреста разъ. Впрочемъ какъ величина корешковъ, такъ величина, форма и цвѣтъ зооспорангія очень различны; такъ напр. діаметры зооспорангіевъ бываютъ въ $^1/_{50}{}^{mm}$, а также въ $^1/_3{}^{mm}$ и нѣсколько болѣе; цвѣтъ очень маленькихъ экземпляровъ блѣднорозовый, а большихъ розовокрасный. Зооспорангій имѣетъ довольно толстую оболочку, въ которой замѣчаются маленькія круглыя поры съ двойнымъ краемъ и въ которой можно различить два слоя: наружный, получающій отъ іода желтый цвѣтъ, и внутренній, получающій отъ іода винокрасный цвѣтъ. Наполненъ этотъ зооспорангій мелкозернистой розовой протоплазмой, которая теряетъ свой цвѣтъ отъ спирта и эѳира. Если положить хитридій въ воду, то иногда уже чрезъ полчаса, а иногда чрезъ $1^1/_2$, 2, 3 и т. д. часовъ и даже чрезъ нѣсколько дней въ немъ развиваются зооспоры, а именно, содержимое его группируется въ маленькія овальныя тѣла, которыя вытекаютъ чрезъ одно изъ горлышекъ. Если на зооспорангіѣ находится нѣсколько горлышекъ, то и въ этомъ случаѣ зооспоры выходятъ только чрезъ одно изъ нихъ. Опоражниваніе зооспорангія происходитъ такъ: перегородка, отдѣляющая горлышко, нѣсколько разбухаетъ, студенистая матерія, въ видѣ пробки закрывающая отверстіе горлышка, дѣлается все болѣе и болѣе непримѣтной, постепенно расплывается, затѣмъ зооспоры доходятъ до перегородки горлышка, если они не лежали непосредственно около ней; мгновеніе спустя перегородка и пробка совершенно непримѣтны, зооспоры вытекаютъ въ видѣ струи и образуютъ сначала группу у отверстія горлышка; изъ этой группы, нѣсколько секундъ спустя, онѣ расходятся. Это разбѣганіе зооспоръ однакоже наступаетъ еще до выхода всего содержимаго зооспорангія, такъ что одновременно группа эта увеличивается приходомъ новыхъ зооспоръ изъ зооспорангія и уменьшается уходомъ прежде вышедшихъ. При концѣ процесса опоражниванія, выходящія зооспоры даже не остана-

вливаются по выходѣ, а непосредственно удаляются. Вообще при началѣ процесса выходящія зооспоры во время выхода и нѣсколько секундъ спустя не представляютъ никакого самостоятельнаго движенія, а при концѣ процесса выходящія представляютъ только дрожательное движеніе. Это обстоятельство уже показываетъ, что выходъ ихъ не зависитъ отъ ихъ способности движенія, а скорѣе происходитъ вслѣдствіе давленія какой нибудь разбухающей въ водѣ матеріи. Такое предположеніе касательно причины выхода зооспоръ водорослей и грибовъ высказанно уже de Bary, Braun'омъ и др. Чтобы убѣдиться въ справедливости этой гипотезы, я употреблялъ алкоголь. Капли двѣ, три алкоголя, положенныя на объективную пластинку, на которой лежалъ опоражнивающійся хитридій въ водѣ, мгновенно пріостанавливали процессъ опоражниванія. Это могло произойти или отъ того, что зооспоры были убиты дѣйствіемъ алкоголя, или отъ того, что разбухающая въ водѣ матерія, находящаяся въ содержимомъ или въ стѣнкахъ зооспорангія, подъ вліяніемъ алкоголя съежилась и вслѣдствіе этого давленіе внутри зооспорангія прекратилось, а потому и изчезла причина, производившая выходъ зооспоръ. Если это послѣднее предположеніе справедливо, то очевидно, что послѣ удаленія алкоголя и прибавленія воды процессъ опоражниванія долженъ возобновиться не смотря на то, что зооспоры потеряли жизнь. Опытъ повторенный нѣсколько разъ доказалъ справедливость этого предположенія. Послѣ удаленія алкоголя посредствомъ пропускной бумаги и прибавленія воды, зооспоры вышли изъ зооспорангія и остались вблизи отверстія горлышка.

Если оставить зооспорангій опоражниваться, не убивая зооспоръ, то по выходѣ, какъ я сказалъ, зооспоры расходятся во всѣ стороны и движутся въ водѣ подобно зооспорамъ водорослей; только при этомъ движеніи мы замѣчаемъ ихъ дрожаніе, а также иногда онѣ движутся скачками и представляютъ иногда амибовидныя движенія. Послѣ нѣкотораго времени движенія онѣ успокоиваются и затѣмъ въ чистой водѣ обыкновенно погибаютъ, расплываются; такъ показываютъ по крайней мѣрѣ мои наблюденія; если же въ водѣ находится кусокъ рисовой или пропускной бумаги или волокна хлопчатой бумаги, то зооспоры, попавши и успокоившись на этихъ предметахъ, проростаютъ, а именно, получаютъ плотную оболочку и пускаютъ очень тонкіе корешки, которые стелятся по клѣтчаткѣ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ пробуравливаютъ клѣтчатку и стелятся по другой ея сторонѣ. Сначала появляется одинъ корешокъ,

затѣмъ вскорѣ появляется другой, третій и т. д., зооспора постепенно увеличивается, развиваются горлышки, развиваются новыя зооспоры, которыя выходятъ и повторяютъ описанный процессъ развитія. Каждый корешокъ является сначала въ видѣ очень тонкаго расширенія (Ausstülpung) оболочки зооспоры; это расширеніе постепенно удлиняется и развѣтвляется, и вмѣстѣ съ тѣмъ діаметръ его, начиная отъ основанія, постепенно увеличивается, и оно отдѣляется перегородкой отъ прозябающей зооспоры. Такимъ образомъ корешки отличаются отъ горлышекъ, которыя, какъ мы увидимъ, уже при первомъ своемъ появленіи имѣютъ діаметръ такой же величины какъ и при совершенномъ ихъ развитіи. Корешки или нѣкоторое время остаются простыми, или уже довольно рано развѣтвляются, и при образованіи ихъ вѣтвей замѣчается то же, что и при образованіи самыхъ корешковъ, только что вѣтви эти не отдѣляются перегородками, такъ что каждый корешокъ остается навсегда одноклѣтнымъ. Одновременно съ развитіемъ корешковъ увеличивается прозябающая зооспора и измѣняется ея содержимое, а именно, въ немъ появляются очень мелкія зерна и одна, двѣ или нѣсколько крупныхъ капелекъ розовой маслянистой матеріи; но еще до появленія розовой матеріи замѣчается, что клѣтчатка, на которой прозябаетъ хитридій, получаетъ розовый цвѣтъ. Что это окрашиваніе клѣтчатки зависитъ отъ хитридія, то это доказывается тѣмъ, что если взять подобную же бумажку и положить ее въ воду, не содержащую зооспоръ хитридія, то хитридій на ней не развивается и она остается бѣлою.

Если культивировать хитридій или на волокнахъ хлопчатой бумаги, или на рисовой бумагѣ, или на пропускной, положенныхъ на объективную пластинку, то на хитридіѣ не развиваются горлышки, въ немъ не образуются зооспоры, а достигнувши извѣстной величины ($^2/_{198}$, $^3/_{198}{}^{mm}$), образовавши нѣсколько очень длинныхъ, тонкихъ и вѣтвистыхъ корешковъ и измѣнивши сказаннымъ образомъ свое содержимое, онъ болѣе не измѣняется, развѣ только измѣненія его, быть можетъ, касаются только числа и величины корешковъ. По крайней мѣрѣ это показали мнѣ мои наблюденія надъ посѣвами, которые я культивирую уже мѣсяца полтора. Если же бумажку или волокна съ хитридіями положить тотчасъ послѣ посѣва на землю, то зооспоры развиваются быстро, корешки, которые онѣ пускаютъ, утолщаются, сама зооспора значительно увеличивается, содержимое ея дѣлается мелкозернистымъ и розовымъ, большія ка-

пельки жиру не появляются, на ней образуются горлышки и позже въ ней развиваются новыя зооспоры. Каждое горлышко появляется въ видѣ довольно широкаго расширенія (Ausstülpung) оболочки прозябающей зооспоры. Это расширеніе при дальнѣйшемъ своемъ развитіи не расширяется, а только удлиняется и иногда на немъ появляется одна вѣтвь. Позже въ этомъ горлышкѣ или непосредственно у его основанія, нѣсколько выше, или, если существуетъ вѣтвь, то въ главной части и въ вѣтви образуется перегородка; затѣмъ верхняя часть горлышка превращается въ студенистую матерію, которая закрываетъ горлышко въ видѣ пробки, расширенная часть которой торчитъ наружу. Положенные въ воду такіе хитридіи иногда уже чрезъ полчаса, а иногда позже, выпускали изъ себя зооспоры, которыя повторяли описанный процессъ. Этотъ нормальный процессъ развитія происходитъ, если посѣвъ положить на землю или если бумажку съ культурой въ водѣ переложить на землю, даже если послѣдняя культура и долгое время оставалась безъ земли, напр. мѣсяцъ. Процессъ тотъ же, если бумажку съ молодыми хитридіями высушить, продержать въ сухомъ состояніи дня три, и быть можетъ и долѣе, и затѣмъ смочить и положить на землю. На культурахъ, взятыхъ съ объективной пластинки и разложенныхъ на землю, замѣчается, что капельки жиру распадаются на мелкія части, содержимое получаетъ розовый цвѣтъ, прозябающая зооспора значительно увеличивается, ея корешки значительно расширяются и далѣе идетъ нормальный процессъ развитія. Культуры, тотчасъ послѣ посѣва положенныя на землю, показываютъ, что хитридій для полнаго своего развитія требуетъ по крайней мѣрѣ $2\frac{1}{2}$ сутокъ; но недѣлимыя, дающія въ это время зооспоры, отличаются своею малой величиной, а большія недѣлимыя замѣчаются обыкновенно гораздо позже, чрезъ одну или нѣсколько недѣль.

Еще касательно этого хитридія замѣтимъ, что зооспоры его имѣютъ одно красное пятнышко, одну рѣсничку, которой длина въ шесть разъ превосходитъ діаметръ зооспоры, что діаметръ этотъ равняется $\frac{1}{333}^{mm}$; но, кромѣ того, однажды я видѣлъ, что изъ одного зооспарангія вышли зооспоры въ три раза больше обыкновенныхъ. Онѣ нѣкоторое время двигались, при чемъ представляли движенія поступательное, вращательное и дрожательное, затѣмъ онѣ остановились и производили амабообразныя движенія, сопровождающіяся сильнымъ сокращеніемъ ихъ тѣла, но дальнѣйшая ихъ судьба вслѣдствіе несчастнаго случая осталась мнѣ неизвѣстной. Эти зооспоры

еще представляли ту особенность, что, вышедши изъ зооспорангія, онѣ лежали вмѣстѣ; потомъ одна начала двигаться и при своемъ движеніи тащила за собой цѣлую группу, отъ которой она наконецъ освободилась и ушла; группа осталась нѣсколько секундъ неподвижной, потомъ начала двигаться одна изъ зооспоръ и снова ее потащила; и этотъ процессъ повторялся до тѣхъ поръ, пока всѣ зооспоры не разъединились.

Алгологическія мои наблюденія имѣли предметомъ нѣсколько морскихъ водорослей, привезенныхъ проф. de Bary изъ франкфуртскаго акваріума и культивируемыхъ въ его лабораторіи; сферокристаллы въ спиртовыхъ экземплярахъ Acetabularia mediterranea и нѣкоторыя мѣстныя водоросли; но такъ какъ изслѣдованія эти отчасти не представляютъ ничего особеннаго, а составляютъ повтореніе давно уже видѣннаго и описаннаго другими, отчасти же, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ еще далеки до законченности; то я считаю излишнимъ объ нихъ распространяться, замѣчу только что надъ освобожденіемъ зооспоръ у Ectocarpus sp. я повторилъ тотъ же опытъ и съ тѣмъ же положительнымъ результатомъ, какъ у Chytridium roseum.

Кромѣ поименованнаго, я еще занимался изслѣдованіемъ оплодотворенія у Colchicum autumnale и сосудистыми пучками папоротниковъ. Послѣдними я занимался уже въ Берлинѣ, о чемъ и имѣлъ честь извѣстить департаментъ народнаго просвѣщенія; но теперь я снова посвятилъ нѣсколько дней этому предмету, потому что на съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей и врачей, бывшемъ въ настоящемъ году въ Гиссенѣ, а также при личномъ моемъ свиданіи съ проф. Dippel'емъ въ Idar'ѣ (княжество Биркенфельдское), я узналъ, что его занятія тѣмъ же предметомъ привели его къ результатамъ, отличнымъ отъ моихъ, о чемъ я имѣлъ честь упомянуть въ моемъ предшествующемъ отчетѣ въ депертаментъ народнаго просвѣщенія. Для рѣшенія вопроса, касающагося разногласія нашихъ наблюденій, я взялъ нѣкоторые изъ видовъ папоротниковъ, на которыхъ идарскій профессоръ основываетъ свои показанія, а именно Osmunda regalis, Pteris aquilina и Aspidium Filix mas, и на основаніи этихъ наблюденій я еще болѣе убѣдился въ справедливости моего мнѣнія касательно отсутствія настоящихъ рѣшетчатыхъ клѣточекъ (Gitterzellen, Siebröhren) въ сосудистыхъ пучкахъ папоротниковъ; но, кромѣ того, я нашелъ также, что у нѣкоторыхъ папоротниковъ, а

именно у Osmunda regalis и Pteris aquilina существуютъ настоящіе сосуды, а у другихъ, какъ напр. у Aspidium Filix mas ихъ нѣтъ.

Еще, по поводу недавно вышедшаго сочиненія покойнаго бонскаго профессора Schacht'а — Die Spermatozoiden 1864 г., я изслѣдовалъ сѣмянныя нити Osmunda regalis и убѣдился въ справедливости его взгляда на этотъ предметъ. Антеридіи Osmunda regalis находятся на первозародышахъ на краю или на нижней ихъ сторонѣ вблизи края. Они являются въ видѣ полушаровиднаго тѣла, наполненнаго матерними клѣточками сѣмянныхъ нитей и состоящаго изъ спирально расположенныхъ клѣточекъ, закрывающихъ его внутреннюю пустоту съ боковъ и сверху, а снизу же органъ закрытъ одной большой клѣточкой. Антеридіи эти раскрываются, такъ что верхняя клѣточка отдѣляется въ видѣ крышечки, и изъ раскрывшагося органа выходятъ по одиночкѣ матернія клѣточки сѣмянныхъ нитей. Вышедшія клѣточки остаются вблизи отверстія антеридія и здѣсь въ нихъ развиваются сѣмянныя нити, въ каждой по одной. По выходѣ, онѣ содержатъ только мелкозернистую протоплазму, зернышки крахмалу, и кое-гдѣ замѣчаются полоски, указывающія, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ существуютъ уже зачатки сперматозоидовъ. Позже въ каждой изъ нихъ появляются полоски, сначала слабыя, а потомъ все болѣе и болѣе рѣзкія, такъ что въ нихъ легко узнать контуры сперматозоидовъ. Вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ сперматозоидовъ оболочки ихъ матернихъ клѣточекъ дѣлаются постепенно менѣе и менѣе примѣтными, наконецъ начинается движеніе сперматозоидовъ сначала слабое и почти безъ перемѣны мѣста, вскорѣ однакоже оно усиливается, и сперматозоидъ, оставивъ каплю вскорѣ изчезающей жидкости или ничего не оставивъ, удаляется. При этомъ сперматозоидъ измѣняетъ свою форму изъ свернутой въ шарикъ въ спиральную. Сперматозоидъ имѣетъ теперь видъ представляющій 1—2, наичаще 1½ витка нити, оканчивающейся пузырькомъ, примыкающимъ къ внутренней сторонѣ ея послѣдняго широкаго витка. Вся нить усажена рѣсничками. Она состоитъ изъ протоплазмы, наружная часть которой болѣе плотна, составляетъ какъ бы оболочку. Внутри нити и пузыря, составляющаго ея продолженіе, замѣчаются зерна крахмала. Изъ сказаннаго видно, что сперматозоидъ Osmunda regalis, какъ и видовъ папоротниковъ, изслѣдованныхъ Schacht'омъ, образуется изъ цѣлаго содержимаго своей матерней клѣточки и что у Osmunda при его развитіи стѣнки его матерней клѣточки разлагаются, растворяются. Эти наблюденія мои

надъ Osmunda regalis согласныя съ показаніями Schacht'а, касающимися другихъ видовъ папоротниковъ, отличаются отъ показаній моихъ касательно развитія сперматозоидовъ Aspidium Filix mas, и другихъ папоротниковъ *). Хотя я и не имѣлъ случая въ настоящее время повѣрить мои прежнія наблюденія, тѣмъ не менѣе я полагаю, что въ сущности мой прежній взглядъ ошибоченъ. Причины же ошибки заключаются отчасти въ томъ, что изслѣдованные мною въ то время виды не представляли такого удобства для наблюденія, такъ какъ сперматозоиды ихъ развиваются еще когда ихъ матернія клѣточки находятся внутри антеридія, отчасти же во вліяніи существовавшаго тогда въ наукѣ взгляда на этотъ предметъ, и наконецъ отчасти и въ томъ, что упомянутая моя работа составляла почти первый опытъ моихъ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Фрейбургъ, $\frac{\text{21-го декабря 1864}}{\text{2-го января 1865}}$ года.

29) Магистра Бугаева.

Со времени открытія курсовъ въ Сорбоннѣ я сталъ постоянно слѣдить за лекціями Шаля по высшей геометріи и Верде по механической теоріи теплоты; но когда начались чтенія въ Collège de France, я, имѣя въ виду прослушать курсъ Серре объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ, не могъ продолжать слѣдить за чтеніями Верде, ибо часы лекцій Серре и Верде совпадали.

Шаль въ своемъ курсѣ высшей геометріи, посвятивъ нѣсколько начальныхъ чтеній краткому изложенію общихъ понятій и главныхъ теоремъ, относящихся къ анармоническому, гармоническому отношеніямъ четырехъ линій и точекъ, свойствамъ гомографическихъ сѣченій, инволюціи теоріи поляръ, приступилъ къ общей теоріи коническихъ сѣченій. Изложивъ нѣсколько предварительныхъ теоремъ, онъ доказалъ теорему Дезарга, какъ основную въ этой теоріи и дающую возможность построить коническое сѣченіе по 5-ти основнымъ условіямъ, считая въ числѣ основныхъ условій данную точку или данную касательную линію и вывелъ число рѣшеній въ каждомъ частномъ случаѣ. Затѣмъ онъ изложилъ общій методъ для изслѣдованій кривыхъ 2-го порядка. Для этого онъ показалъ, какимъ образомъ характеризуется система коническихъ сѣченій, удовлетворяющая четыремъ какимъ нибудь условіямъ. Два числа

*) О Неуст. Перв. Asp. F. mas. Кіев. Унив. Изв. 1863 г.

μ и ν, составляющія характеристику системы коническихъ сѣченій, удовлетворяющей четыремъ условіямъ z_1, z_2, z_3, z_4, выражаютъ μ число коническихъ сѣченій данной системы, проходящихъ чрезъ данную, точку A, $\mu = N$ (z_1, z_2, z_3, z_4, 1 point), и ν число коническихъ сѣченій той же системы, касательныхъ къ данной линіи, $\nu = N$ (z_1, z_2, z_3, z_4, 1 droite). Такимъ образомъ основное уравненіе характеризующее систему, удевлотворяющую четыремъ условіямъ будетъ вообще:

$$(z_1, z_2, z_3, z_4,) \equiv [N (z_1, z_2, z_3, z_4, 1 \text{ p.}), N (z_1, z_2, z_3, z_4, 1 \text{ dr.})] = (\mu, \nu).$$

Отправляясь отъ этой формулы, въ связи съ теоремою Дезарга, онъ вывелъ характеристики основныхъ системъ, то есть системъ, которыхъ всѣ четыре условія принадлежатъ къ основнымъ:

(4 points) $\equiv$ (1, 2)
(3 points, 1 dr.) $\equiv$ (2, 4)
(2 points, 2 dr.) $\equiv$ (4, 4)
(1 points, 3 dr.) $\equiv$ (4, 2)
(4 droites) $\equiv$ (2, 1)

Потомъ, постепенно замѣняя одно изъ элементарныхъ условій какимъ нибудь другимъ, онъ показалъ, какимъ образомъ упрощается опредѣленіе характеристикъ системы коническихъ сѣченій, удовлетворяющей всякимъ 4-мъ условіямъ z_1, z_2, z_3, z_4.

Числа μ и ν, характеризующія данную систему, важны тѣмъ, что многія свойства, какъ то порядокъ кривой, на который находятся всѣ вершины коническихъ сѣченій системы, кривой центровъ и т. д. опредѣляются линейною функціею $\alpha\mu + \beta\nu$ по μ и ν. По этому онъ и изслѣдуетъ въ такомъ смыслѣ свойства системы (μ, ν) и опредѣляетъ какую форму принимаетъ выраженіе $\alpha\mu + \beta\nu$, или, какъ Шаль называетъ, модуль условія для каждаго подобнаго вопроса, причемъ онъ постоянно указываетъ на законъ соотвѣтственности теоремъ, на основаніи котораго каждой теоремѣ, относящейся къ точкамъ, соотвѣтствуетъ теорема подобная, относящаяся къ линіямъ. Опредѣливъ такимъ образомъ модули различныхъ условій, онъ старается найти по нимъ общее выраженіе характеристикъ той системы, въ опредѣленіе которой входятъ эти условія. Судя по слухамъ, сочиненіе Шаля о коническихъ сѣченіяхъ должно явиться въ теченіе 1865 года и конечно оно будетъ весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для математической литературы.

Въ Collège de France я посѣщаю лекціи Бертрана, Серре и Ліувилля. Бертранъ имѣетъ въ виду изложить различные вопросы, относящіеся къ интегральному исчисленію. На первый разъ онъ выбралъ вопросъ объ условіяхъ интегрируемости дифференціальныхъ выраженій. При этомъ онъ изложилъ способъ Эйлера и вывелъ изъ его условія тѣ заключенія, которыя непосредственно слѣдуютъ изъ этой формулы, и которыя облегчаютъ рѣшеніе вопроса, будетъ ли данное выраженіе полнымъ дифференціаломъ. Затѣмъ онъ приступилъ къ теоріи мнимаго перемѣннаго.

Серре читаетъ статью объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ. Въ первыхъ лекціяхъ, пока онъ выводилъ извѣстныя формы каноническихъ уравненій динамики, онъ весьма мало отступалъ отъ статьи Бертрана, помѣщенной въ приложеніяхъ къ новому изданію механики Лагранжа «Mécanique analytique». Для поясненія на примѣрѣ способа составленія этихъ каноническихъ уравненій онъ разобралъ движеніе неизмѣняемой системы около неподвижной точки. Затѣмъ онъ приступилъ къ интегрированію каноническихъ уравненій, причемъ онъ вывелъ извѣстную теорему Поассона, на основаніи которой, если α=пост. и β=пост. будутъ интегралами, символическое выраженіе (α, β)=пост. будетъ тоже интеграломъ.

Объ изслѣдованіяхъ Бертрана, имѣющихъ въ виду опредѣлить, когда выраженіе (α, β)=пост., будетъ дѣйствительно новымъ интеграломъ, онъ только упомянулъ.

Ліувилль, какъ и Бертранъ, имѣетъ въ виду изложить различные вопросы анализа. Въ первыхъ своихъ чтеніяхъ онъ занялся разложеніемъ, сдѣланнымъ Эйлеромъ, безконечнаго произведенія $\Pi_{n=1}^{n=\infty}(1-x^n)$ по возрастающимъ степенямъ перемѣннаго и приложеніемъ этого разложенія къ опредѣленію суммы дѣлителей даннаго числа; при этомъ онъ указалъ на способъ, данный Якоби для рѣшенія того же вопроса. Затѣмъ онъ занимался распространеніемъ теоремы Ролля на случай мнимыхъ корней и изложеніемъ метода, помощію котораго можно удостовѣриться, что извѣстныя количества, выражаемыя даннымъ рядомъ, не могутъ быть корнями алгебраическаго уравненія степени μ. Предметомъ его послѣдняго чтенія въ настоящее время былъ способъ Эйлера для интегрированія дифференціальнаго уравненія $\frac{dy}{\sqrt{\psi y}}+\frac{dx}{\sqrt{\psi x}}=0$, гдѣ ψ раціональная функція четвертой степени.

Предметъ моихъ домашнихъ занятій составляло изученіе брошюры Hermite'а объ эллиптическихъ функціяхъ и брошюры Цейнера по механической теоріи теплоты, а также изслѣдованіе свойствъ нѣкоторыхъ числовыхъ функцій.

Парижъ, $\frac{\text{2-го января 1865}}{\text{21-го декабря 1864}}$ года.

30) Доктора медицины Іосифа Топаза.

(За ноябрь и декабрь 1864 года).

Въ предыдущемъ отчетѣ мы указали на тѣ основныя причины, которыя служили нашею точкою опоры при выборѣ Берлинскаго университета мѣстомъ дѣятельности для настоящаго зимняго семестра.

Теперь остается намъ сказать, какія науки насъ здѣсь интересовали и подъ руководствомъ какихъ профессоровъ совершалась наша работа. Берлинскіе профессоры медицинскаго факультета почти всѣ безъ исключенія, каждый по своей отрасли, составляютъ собою воплощенную науку. Это обстоятельство часто затрудняетъ слушателей въ составленіи плана, у кого именно позаняться. Въ самомъ дѣлѣ, довольно трудно рѣшить, что предпочесть: физіологію ли, патологію, или патологическую анатомію и т. д.; и то и другое стоитъ здѣсь на высшей степени совершенства. Само собою разумѣется, что каждый въ этомъ отношеніи долженъ сообразоваться съ избранною специальностью и индивидуальнымъ взглядомъ.

Что касается насъ, то мы поставили предметы, преподаваемые Вирховымъ, въ основу нашихъ занятій, не упуская вмѣстѣ съ тѣмъ изъ виду и нашу спеціальность; кромѣ того, мы удѣлили нѣкоторую часть времени для физіологіи и клиники Фрерихса.

Такимъ образомъ я слушалъ у Вирхова 3 курса, а именно: А) патологическую анатомію, подраздѣляющуюся у него на секціонный и демонстративный курсъ; В) патологическую гистологію и С) общую патологію. Подъ руководствомъ перваго ассистента его, доктора Клебса, я занимался методочески нормальною гистологіею.

У профессора Фрерихса я слушалъ клиническій курсъ внутреннихъ болѣзней и, сверхъ того, занимался въ его лабораторіи подъ наблюденіемъ перваго ассистента его, доктора Шульцера, аналитическою химіею; при этихъ работахъ занимали у меня первую роль молоко и lochia.

Въ физіологической лабораторіи я занимался экспериментами надъ животными, имѣя въ виду матку съ придатками ея.

Добытые результаты надѣюсь въ скоромъ времени помѣстить въ одномъ изъ періодическихъ изданій. Кромѣ того, я слушалъ практическій курсъ женскихъ болѣзней профессора Мартына и — дѣтскихъ болѣзней профессора Эберта.

Прилагаемая при семъ таблица изображаетъ схематически ежедневныя мои занятія до 4 часовъ. Вечера посвящались спеціальной литературѣ или наблюденіямъ ненормальныхъ родовъ, когда таковые случались.

(Смотри прилагаемую таблицу).

Сдѣлавши, такъ сказать, перечень профессорамъ, у которыхъ я занимался въ теченіе двухъ-мѣсячнаго пребыванія моего въ Берлинѣ, я считаю не лишнимъ въ краткихъ чертахъ сказать кое что о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Задача была бы весьма затруднительна, если бы я взялся критиковать Вирхова — этого геніальнаго преобразователя нашей новой медицины. Чтобы его критиковать добросовѣстно, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, предварительно самому столько поработать и сдѣлать, сколько онъ совершилъ для нашей науки. Нельзя не удивляться его тонкой наблюдательности при патологическихъ секціяхъ. То, что проскользаетъ часто мимо глазъ обыкновенныхъ анатомо-патологовъ, для него составляетъ поле изслѣдованій, на которомъ онъ открываетъ разительныя уклоненія отъ нормы.

Точность, логичность и систематичность суть его принципы какъ при анатомо-патологическихъ вскрытіяхъ, такъ и при работахъ патологической гистологіи.

Курсъ патологической анатоміи, какъ выше упомянуто было, онъ дѣлитъ на секціонный и демонстративный. Какъ первый, такъ и послѣдній суть не что иное какъ анатомо-патологическія изслѣдованія, съ подробными объясненіями процессовъ находимыхъ пораженій; разница только въ томъ, что при секціяхъ онъ имѣетъ еще въ виду познакомить слушателей съ его методомъ вскрытія, который важенъ во многихъ отношеніяхъ.

Демонстративныя лекціи онъ читаетъ на свѣжихъ препаратахъ, и, благодаря богатству матеріала, видишь каждый разъ въ высшей

Воскресенье.	Отъ 8 — 4-хъ часовъ. Физіологическіе эксперименты надъ животными.					
Понедѣльникъ.	Отъ 8 — 10. Анатомо-патологическія секціи.	Отъ 10 — 11. Клиника женскихъ болѣзней.	Отъ 11 — 12. Клиника внутреннихъ болѣзней Фрерихса.	Отъ 12 — 1. Клиника дѣтскихъ болѣзней.	Отъ 1 — 2. Общая патологія.	Отъ 2 — 4. Химическая работа въ лабораторіи.
Вторникъ.	Отъ 7 — 9. Физіологическіе эксперименты.	Отъ 9 — 11. Практическій курсъ патологической гистологіи.		Отъ 12 — 1. Упражненія въ патологической гистологіи или анатомо-патологическихъ вскрытіяхъ.		
Среда.	Отъ 8 — 10. Демонстративный курсъ патологической анатоміи.	Отъ 10 — 11. Клиника женскихъ болѣзней.		Отъ 12 — 1. Клиника дѣтскихъ болѣзней.	Отъ 1 — 4. Нормальная гистологія.	
Четвергъ и Пятница.	Отъ 7 — 9. Физіологическіе эксперименты.	Отъ 9. — 11. Практическій курсъ патологической гистологіи.		Отъ 12 — 1. Упражненія въ патологической гистологіи или анатомо-патологическ. вскрытіяхъ.	Отъ 1 — 2. Общая патологія.	Отъ 2 — 4. Нормальная гистологія. Отъ 2 — 4. Химическій анализъ.
Суббота.	Отъ 8 — 10. Демонстративный курсъ патологической анатоміи.	Отъ 10 — 11. Клиника женскихъ болѣзней.	Отъ 11 — 12. Упражненія въ патологической гистологіи или анатомо-патологическихъ вскрытіяхъ.	Отъ 12 — 1. Клиника дѣтскихъ болѣзней.	Отъ 1 — 4. Нормальная гистологія.	

степени интересныя вещи. По окончаніи чтеній показываются подъ микроскопомъ тѣ препараты, которые разобраны были во время лекціи макроскопически. Общую патологію Вирхова можно назвать историческимъ обозрѣніемъ древней и экстрактомъ современной медицины. При оцѣнкѣ взглядовъ другихъ ученыхъ онъ безпристрастенъ и основывается всегда на фактѣ. Курсъ патологической гистологіи заключается въ самостоятельной работѣ учениковъ его. Каждый, избравъ себѣ извѣстную тему, приготовляетъ самъ микроскопическіе объекты какого нибудь пораженнаго органа, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Вирхова, который при этомъ объясняетъ modus происхожденія и указываетъ на измѣненные пункты, заслуживающіе, по его мнѣнію, особеннаго вниманія.

Клиника Фрерихса въ своемъ родѣ замѣчательна: въ теченіе семестра можно у него встрѣтить чуть ли не всѣ экземпляры внутреннихъ болѣзней по нѣскольку разъ. При своей діагностикѣ онъ прилагаетъ всѣ средства, которыми владѣетъ современная медицина. Физіологія, химія, физика, микроскопъ, ларингоскопъ etc. суть постоянные его спутники, посредствомъ которыхъ онъ доходитъ до истины. Весьма важную роль играетъ у него при опредѣленіи болѣзни мочевой анализъ и степень температуры. Патологическая анатомія есть основа его направленія; при разборѣ какой бы то ни было болѣзни онъ указываетъ какъ на особую необходимость сообразоваться съ стадіями, имѣя въ виду анатомическое состояніе извѣстнаго органа соотвѣтственно періоду страданія. Особенно интересны его разсужденія, когда онъ разсматриваетъ больныхъ съ пораженіемъ мозга, печени и почекъ; тутъ онъ раскрываетъ во всей полнотѣ свой громадный запасъ познаній и, не зная даже его трудовъ, можно подозрѣвать, что спеціальная разработка этихъ отдѣловъ обязана во многомъ ему.

При вскрытіяхъ онъ лично присутствуетъ и на другой день показываетъ слушателямъ пораженные органы макро-и микроскопически. Часто попадаются, въ числѣ прочихъ случаевъ, чисто женскія и пуерперальныя болѣзни, не смотря на то, что этотъ отдѣлъ имѣетъ здѣсь свои, такъ сказать, спеціальныя двѣ клиники, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Въ Берлинскомъ университетѣ существуютъ двѣ отдѣльныя клиники женскихъ болѣзней съ родильными заведеніями при каждой. Та и другая имѣютъ своего профессора, а именно: одною завѣдуетъ

Мартынъ, редакторъ извѣстной акушерской газеты, а другой профессоръ Шеллеръ; студентамъ предоставлено право слушать любую изъ нихъ; за всѣмъ тѣмъ знаніе акушерства у здѣшнихъ студентовъ и молодыхъ врачей находится въ большомъ упадкѣ. Вина этого обстоятельства падаетъ только на несообразность заведеннаго порядка. Оба упомянутые профессора акушерства люди весьма ученые и талантливые діагносты, въ особенности профессоръ Мартынъ, но порядокъ всему помѣха. Тутъ, какъ видно, хотятъ, въ родѣ нашего, изучать акушерство на словахъ, а не на дѣлѣ.

Вся практическая дѣятельность по акушерству и генекологіи здѣшняго студента заключается въ томъ, что онъ обязанъ присутствовать при 4-хъ родахъ и быть кураторомъ такого же числа больныхъ женщинъ. Къ прочимъ роженицамъ и больнымъ онъ не смѣетъ прикасаться. Врачи пользуются правомъ слушать теоретическія лекціи, уплативъ, разумѣется, за курсъ, и глядѣть въ speculum, когда профессоръ изслѣдуетъ больную, но не болѣе. При родахъ дѣйствіе доктора также не весьма активно; ему предоставляется довольствоваться присутствіемъ въ приличномъ разстояніи отъ роженицы.

Кромѣ названныхъ клиникъ, здѣсь находится такъ называемая поликлиника, приносящая также незначительную пользу. Паціентки, являющіяся сюда за совѣтами, имѣютъ, подобно клиническимъ больнымъ, своихъ кураторовъ, коимъ только и дозволено наблюдать за ходомъ болѣзни; для прочихъ слушателей и поликлиническая больная остается недоступною.

Если прибавить ко всему сказанному, что число студентовъ, обязанныхъ посѣщать эти клиники, доходитъ до 400, а больныхъ женщинъ и роженицъ вообще не много, то неудивительнымъ покажется, отъ чего берлинскіе студенты такъ слабы въ этой отрасли медицины.

Но, какъ говорится, нѣтъ правила безъ исключенія; благодаря случайному обстоятельству профессоръ Мартынъ предоставилъ мнѣ свободу не только заниматься въ родильнѣ и клиникѣ, но даже производить большія операціи, съ обязательствомъ представить ему на другой день показанія къ онымъ. Въ числѣ операцій, произведенныхъ мною, здѣсь были два поворота на ножку при поперечныхъ положеніяхъ; одинъ совершенъ былъ при стоячихъ водахъ,

а другой $^1/_2$ часа спустя послѣ разрыва пузыря. Оба случая кончились благополучно какъ для матери, такъ и для ребенка.

Для дѣтскихъ болѣзней имѣется также клиника и поликлиника; та и другая представляютъ учащемуся весьма интересные экземпляры. Завѣдывающій ими профессоръ Эбертъ охотно позволяетъ и заботится о возможности слушателямъ его заниматься въ клиникѣ; лекціи его также не лишены интереса.

О докторѣ Клебсѣ можно сказать, что онъ вполнѣ замѣнилъ своего достойнаго предмѣстника, знаменитаго Реклингаузена. Д-ръ Клебсъ сдѣлаетъ, какъ кажется, столько же для науки, сколько и его достойный предшественникъ.

Берлинъ, $^{19}/_{31}$ декабря 1864 года.

31) Кандидата Гарничъ-Гарницкаго.

Я по прежнему работаю въ лабораторіи г-на Вюрца. Въ продолженіе этого времени я сдѣлалъ, или вѣрнѣе окончилъ, одну интересную работу—получилъ синтаксическимъ путемъ хлористый ацетилъ, а изъ него уксусную кислоту, изъ болотнаго газа и хлоръ окиси углерода. Реакція при этомъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: $CH_4 + COCl = C_2\,H_3\,ClO + HCl$; $C_2\,H_3\,ClO + H_2\,O = C_2\,H_4\,O_2 + HCl$. Эта реакція показываетъ, что уксусная кислота можетъ быть получена изъ элементовъ, такъ какъ хлоръ, окись углерода и болотный газъ легко изъ нихъ получаются. Весьма вѣроятно, что гомологи болотнаго газа при такихъ же условіяхъ дадутъ гомологи уксусной кислоты, что и послужитъ къ установленію общаго метода искусственнаго полученія такъ называемыхъ летучихъ жирныхъ кислотъ. Это и составляетъ предметъ моихъ настоящихъ занятій. Работа моя помѣщена въ декабрьской книжкѣ Bulletin de la Société chimique de Paris.

Парижъ, $\frac{\text{22-го декабря 1864}}{\text{3-го января 1855}}$ года.

32) Доктора медицины Дыбковскаго.

Выѣхавъ изъ Петербурга $^{13}/_{25}$ ноября, я прибылъ въ Тюбингенъ $\frac{\text{24-го ноября}}{\text{6-го декабря}}$, т. е. за двѣ недѣли предъ закрытіемъ лекцій по случаю наступившихъ праздниковъ Р. Хр.; поэтому отчетъ за этотъ короткій промежутокъ времени я присоединю къ отчету за слѣдующій

триместръ. Считая практическія занятія въ лабораторіяхъ и кабинетахъ главною цѣлью моего пребыванія за границею, я чрезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Тюбингенъ, сталъ заниматься въ лабораторіи физіологической химіи профессора Гоппе и, благодаря его любезности, могъ продолжать эти занятія и во время праздниковъ. Теперь взялъ работу о вліяніи окиси углерода на красящее начало крови; но такъ какъ эта работа находится еще въ самомъ началѣ, то о результатахъ и ходѣ ея не могу сказать ничего положительнаго. Послѣ праздниковъ буду посѣщать лекціи органической химіи профессора Гоппе (физіологической химіи онъ, къ сожалѣнію, не читаетъ въ этомъ семестрѣ) и лекціи физіологіи профессора Фиродта. Весь зимній семестръ проведу въ Тюбингенѣ.

Тюбингенъ, 29-го декабря 1864 года.

33) Адъюнкта Стоянова.

Все время, отъ послѣдняго октябрьскаго отчета моего, провелъ я въ Гейдельбергѣ, гдѣ продолжалъ занятія по прежнему плану, т. е. слушалъ лекціи и работалъ надъ источниками моего предмета. Слушаніе лекцій ограничилъ я, въ скоромъ времени послѣ начала ихъ, тремя курсами: 1) *Гейссера* «Deutsche Geschichte» etc.; 2) *Миттермайера:* a) «Strafprocess, gemeiner deutscher und französischer, und das in den deutschen Gesetzgebungen seit 1848» etc.; b) «Die Schwurgerichte in ihrer Entwickelung und Wirksamkeit in England, Frankreich, Deutschland und Italien»; c) также разборъ замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ въ различныхъ странахъ Европы. 3) *Рено*— курсъ французскаго гражданскаго права.

Что касается другихъ историческихъ курсовъ, кромѣ лекцій Гейссера, то изъ нихъ тѣ, которые читаются на юридическомъ факультетѣ, имѣютъ достоинства хорошихъ пособій для начинающихъ студентовъ. На филологическомъ факультетѣ, лучшія лекціи ограничиваются какимъ нибудь однимъ, сравнительно дробнымъ періодомъ, напр. вѣкомъ Перикла и пелопоннезскихъ войнъ, или исторіею Греціи до персидскихъ войнъ. Главное вниманіе обращается на политическую исторію. Юридическій элементъ оставляется въ сторонѣ.

Изъ двухъ курсовъ проф. Гейссера въ здѣшнемъ университетѣ выбралъ я тотъ, гдѣ излагается одна исторія Германіи. Спеціальное, округленное изложеніе германской исторіи, казалось мнѣ,

должно было дать много интереснаго для того, кто изучаетъ исторію нѣмецкаго законодательства. Къ сожалѣнію, въ скорости долженъ я былъ убѣдиться, что рамка предмета (отъ древнѣйшихъ временъ до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія) все еще слишкомъ обширна для того короткаго семестра, въ которомъ предположилъ профессоръ начать и окончить свое чтеніе. Событія отъ реформаціи, и особенно отъ Вестфальскаго мира, составили предметъ болѣе подробныхъ лекцій; но все таки, въ настоящее время, въ началѣ 2-й половины зимняго семестра, профессоръ излагаетъ уже исторію войнъ Фридриха Великаго. Кромѣ того, профессоръ Гейссеръ имѣетъ своеобразный взглядъ на преподаваніе исторіи и, въ силу этого взгляда, главнымъ образомъ стоитъ на почвѣ политическихъ событій. Кто интересуется внутреннимъ, культурнымъ элементомъ въ исторіи, тотъ не найдетъ для себя обильнаго матеріала въ этихъ лекціяхъ. Ясно, что юридико-историческіе факты подходятъ подъ такое общее правило исключенія у профессора Гейссера. Изъ всѣхъ лекцій перваго семестра, я припоминаю только двѣ такихъ, на которыхъ сдѣлано было нѣсколько замѣчаній объ основаніи городовъ въ Германіи, да объ устройствѣ Нюрнберга. Но, съ другой стороны, я не считаю себя въ правѣ оставаться на точкѣ зрѣнія личныхъ требованій. Каждый дѣлаетъ то, что́ можетъ и что̀ желаетъ дѣлать. Мнѣнія о чужой работѣ никогда не должны сходить съ этого объективнаго основанія для сужденій. Вотъ почему позволю я себѣ здѣсь нѣсколько замѣчаній о методѣ и содержаніи лекцій профессора Гейссера, совершенно входя въ программу его. Судьбы императоровъ и политической власти ихъ въ Германіи, войны ихъ, отношенія къ Риму, къ Италіи и отчасти къ славянскому міру — вотъ тѣ предметы, которые обращали на себя исключительное вниманіе профессора. Всѣ факты, которые относятся сюда, группировалъ онъ, по своему обыкновенію, вокругъ видныхъ историческихъ личностей и являлся нерѣдко истиннымъ maëstro въ этихъ очеркахъ. Невозможно не отдать должнаго уваженія профессорскому таланту его. Видно глубокое знаніе дѣла вмѣстѣ съ дарованіемъ оратора и историка-художника. Строгимъ до несправедливости кажется мнѣ мнѣніе, будто бы успѣхъ Гейссера, какъ профессора, болѣе всего зависитъ отъ наклонности нѣмецкихъ студентовъ къ нѣсколько-старомодной риторикѣ. Я думаю, что здѣшнихъ студентовъ никакъ нельзя укорить въ подобномъ пристрастіи. Нерѣдко случалось мнѣ наблюдать ихъ настойчивое, терпѣливое вниманіе

къ лекціямъ, сухость которыхъ убила бы наповалъ профессорскіе курсы при иныхъ нравахъ и обычаяхъ университетской молодежи. Затѣмъ, едва ли можно, положа руку на сердце, назвать Гейссера риторомъ. Онъ дѣйствительно владѣетъ дарованіемъ ораторскимъ, и трудно ему не быть тѣмъ, что составляетъ неотъемлемую, органическую сущность всей его личности. Но въ словахъ его нѣтъ и тѣни той фальши, того лицемѣрія рѣчи передъ собственною мыслію, которыя составляютъ, по моему мнѣнію, главный признакъ ритора. Энергія чувства и воображенія въ немъ истинна и составляетъ его собственность. Энергія эта не призанята имъ на время, какъ театральный костюмъ, для каѳедры. Въ словахъ его всегда ясно обозначается мысль; изъ-за словъ этихъ встаютъ передъ слушателемъ вполнѣ живыя лица, цѣльные характеры историческихъ дѣятелей. Тонко и мѣтко ведетъ профессоръ свой анализъ характеровъ, въ глубинѣ которыхъ лежатъ, быть можетъ, главныя пружины историческихъ явленій. При такихъ условіяхъ, *слово* переходитъ *въ дѣло*, и тотъ, кто произноситъ такое слово, никогда не будетъ риторомъ. Двумя-тремя чертами выражаетъ иногда проф. Гейссеръ болѣе, чѣмъ другіе цѣлою массою періодовъ. Съ этимъ соединяется еще умѣнье владѣть сарказмомъ и сила инвективы, когда событія и характеры прикосновенны къ тому, что считаетъ профессоръ однимъ изъ нравственныхъ безобразій въ исторіи. Оттого-то, не смотря на старость курса, многія характеристики (Карла Вел., Оттона I, Генриховъ III, IV, Гильдебрандта и проч.) вышли просто образцовыми. На лекціяхъ этихъ можно было провѣрить справедливость словъ одного изъ передовыхъ французскихъ писателей (Vacherot), что исторія даетъ обильный матеріалъ для той отрасли знаній, которую называетъ онъ Théorie des caractères généraux de la nature humaine.

Такъ понимаю я достоинства Гейссера, какъ профессора, который съумѣлъ сдѣлать живой предметъ изъ сжатаго перечня событій до Вестфальскаго мира. Такъ работаютъ только, какъ говорятъ у насъ на Руси, мастера и хозяева своего дѣла. Случалось мнѣ еще встрѣчать укоръ Гейссеру въ томъ, что въ лекціяхъ своихъ онъ не указываетъ и не вычисляетъ источниковъ. Дѣйствительно, отсутствіе библіографіи и критики ученыхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ науки — черта эта сразу замѣчается на лекціяхъ Гейссера. Но, во 1-хъ, не слѣдуетъ забывать, что профессоромъ напечатанъ Grundriss, гдѣ желающіе работать самостоятельно могутъ

найти указанія на литературу предмета, во всей полнотѣ ея; во 2-хъ, чтеніе Гейссера, какъ опытнаго преподавателя, является *результатомъ* сильной и долголѣтней подготовки. Видно, что матеріалъ давно уже переработанъ и что онъ сложился въ нѣчто живое, упрощенное по формѣ своей. Когда зданіе готово, лѣса и подмостки вокругъ него оказываются ненужными. Съ этой точки зрѣнія, едва-ли вставка цитатъ и бо̀льшею частію безполезное вычисленіе книжныхъ заглавій улучшили бы дѣло преподаванія. Притомъ, для критики источниковъ есть въ заграничныхъ университетахъ спеціальныя лекціи, въ родѣ объясненій Тацита, Өукидида и т. п.

Что касается коренныхъ воззрѣній и политическихъ тенденцій Гейссера, то здѣсь является онъ, съ одной стороны, либеральнымъ сторонникомъ крѣпкой государственной организаціи, съ другой— искреннимъ патріотомъ-германистомъ. Потому-то часто случалось мнѣ замѣчать у него рѣшительное предпочтеніе большихъ государствъ передъ малыми, хотя онъ не отрицаетъ значенія послѣднихъ для мирныхъ успѣховъ гражданственности. Государство разсматриваетъ онъ какъ историческаго агента, призваннаго къ выполненію судебъ націи. Сила такого агента составляетъ для него существенно важное условіе. Гдѣ больше силы, тамъ должно быть болѣе работы, а слѣдовательно и болѣе результатовъ для націи. Такая аргументація несомнѣнно опирается болѣе всего на историческіе опыты германскаго народа. Въ идеальной перспективѣ этого воззрѣнія довольно ясно обозначается образованіе «единой и великой» Германіи. Не берусь рѣшать, насколько признаетъ Гейссеръ *общеисторическимъ* закономъ свой догматъ относительно государства. Вліяніе этихъ принциповъ ощутительно было во всѣхъ частяхъ курса Гейссера. Съ любовью отыскиваетъ онъ слабые слѣды идеи о единствѣ Германіи въ прошедшемъ своего отечества. Съ особенною строгостію нападаетъ на все то, что служило разъединяющимъ началомъ относительно политическаго сложенія Германіи въ одно крѣпкое цѣлое. При такомъ настроеніи, не трудно бываетъ впадать въ нѣсколько сухую и одностороннюю доктрину. Тутъ возможны и національный оптимизмъ, и сильное подчиненіе догмату de la raison d'état, и какое-то суровое равнодушіе къ тому, что стоитъ за чертою «des grossen Germanenthum's». Отъ подобныхъ тенденцій особенно можетъ страдать историко-философская критика, которая не можетъ твердо стоять на почвѣ исключительнаго ученія, хотя бы

въ интересахъ самой почтенной національности. Въ этомъ отношеніи памятна мнѣ одна лекція, гдѣ профессоръ, съ свойственною ему силою, нападалъ на походы германскихъ императоровъ въ Италію, изъ-за обладанія которою оставлялись въ сторонѣ внутреннія дѣла. Но тутъ-же, съ какимъ-то объективнымъ средневѣковымъ спокойствіемъ, шла рѣчь о свирѣпыхъ подвигахъ Фридриха Барбароссы въ борьбѣ съ городами италіянскими. Точно будто все дѣло въ проявленіи военной энергіи. Мнѣ кажется, что здѣсь самъ собою просился вопросъ о томъ: сколько погибло тогда, подъ нѣмецкими мечами и подъ интригами папской куріи, и зрѣлыхъ плодовъ, и еще болѣе зачатковъ прогресса, для Италіи и, быть можетъ, для цѣлой Европы? Но все это, конечно, второстепенное дѣло для лекцій о германской исторіи профессора Гейссера. Для меня лично чтенія его принесли ту немаловажную пользу, что связали живою нитью, въ лицахъ представителей народнаго сознанія, политическую сторону германской исторіи. Талантливое воспроизведеніе характеровъ политическихъ людей служитъ весьма полезнымъ подспорьемъ вопросу о законодательной ихъ дѣятельности.

Перехожу теперь къ профессору Миттермайеру, слушать котораго рѣшился я на слѣдущихъ основаніяхъ: во 1-хъ, мнѣ извѣстны были, изъ сочиненій его, обширныя историческія свѣдѣнія почтеннаго профессора; во 2-хъ, методъ его, судя по программѣ лекцій, долженъ былъ имѣть характеръ чисто сравнительный; въ 3-хъ, курсъ сравнительнаго законодательства по судопроизводству занимается *современнымъ моментомъ* важнаго отдѣла въ исторіи права и не мыслимъ безъ указаній на прошедшее; въ 4-хъ, объявленныя лекціи о судѣ присяжныхъ должны были имѣть главнымъ образомъ историческое направленіе. Лекціи Миттермайера оказались, въ общихъ чертахъ, вѣрными программѣ своей. Методъ профессора чисто сравнительный. Главную сторону его составляетъ критика началъ въ нѣсколькихъ, параллельно взятыхъ, системахъ законодательствъ: различныхъ германскихъ и швейцарскихъ, французскаго и англійскаго. Въ послѣднее время, встрѣчались иногда указанія на наши русскіе проекты. Расположеніе критическаго разбора у Миттермайера всегда одинаково. Тщательно и съ глубокою проницательностію отыскиваетъ профессоръ положительныя и отрицательныя стороны въ каждой отдѣльной системѣ, указывая на перевѣсъ тѣхъ или другихъ, по сущности дѣла. Затѣмъ слѣдуетъ у него сопоставленіе и сличеніе между собою цѣлыхъ отдѣльныхъ системъ, для

окончательнаго уяспенія основныхъ началъ и для рѣшенія вопроса о положительномъ преимуществѣ ихъ другъ передъ другомъ. Критеріумомъ служитъ коренное воззрѣніе Миттермайера, который стремится согласить функцію правосудія къ наибольшею суммою обезпеченій для личности и доказательствъ невинности подсудимаго. Въ этомъ отношеніи, формализмъ и инквизиціонное направленіе законниковъ старой, особенно французской, школы находятъ сильнаго порицателя въ Миттермайерѣ. Лекціи его весьма часто бываютъ энергическою и мѣткою критикою дѣйствій французскихъ прокуроровъ въ безчисленныхъ, извѣстныхъ ему, процессахъ. Глубокое изученіе судебныхъ процессовъ составляетъ весьма рельефную и существенную черту въ методѣ Миттермайера. Почтенный профессоръ разсказываетъ иногда на лекціяхъ случаи, лично извѣстные ему съ 1810 года, когда онъ былъ еще молодымъ профессоромъ права. Изумительная память его свободно вращается въ предѣлахъ цѣлаго полустолѣтія и извлекаетъ изъ безчисленныхъ Spruch-Collegia полезные результаты, быть можетъ, для пятидесятаго поколѣнія учениковъ своихъ. Но, съ другой стороны, здѣсь же заключается причина слѣдующей черты въ лекціяхъ Миттермайера: увлекаясь изложеніемъ судебныхъ случаевъ, онъ упускаетъ иногда изъ виду систематическую нить, стройное развитіе основныхъ положеній. Отъ этого ослабляется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ясное усвоеніе главнаго дѣла. Для самаго профессора видны, конечно, самыя тонкія нити, которыми соединяются подробности различныхъ случаевъ съ корнемъ извѣстныхъ принциповъ. Но слушатель находится въ иномъ положеніи: ему можетъ еще вредить embarras de richesses. Вотъ почему въ преподаваніи, кажется мнѣ, можно предпочесть обилію примѣровъ тщательный выборъ ограниченнаго числа судебныхъ фактовъ, наиболѣе рельефно выставляющихъ сущность каждаго изъ главныхъ положеній. Иное дѣло — самостоятельное изученіе слушателемъ литературы судебныхъ случаевъ и, гдѣ это возможно, подлинныхъ дѣлъ изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ. Здѣсь количество изученныхъ дѣлъ положительно обусловливаетъ качество и пользу работы. Что касается окончательныхъ выводовъ о достоинствѣ различныхъ законодательствъ, изъ сравненія ихъ, то въ этомъ отношеніи Миттермайеръ всегда вѣренъ тѣмъ взглядамъ своимъ, которые давно уже извѣстны у насъ въ Россіи, какъ изъ подлинныхъ, такъ и изъ переводныхъ его сочиненій. Наиболѣе достоинствъ видитъ Миттермайеръ въ шотландской системѣ, наиме-

нѣе — во французской; между этими крайними пунктами идутъ, въ постепенной градаціи, системы: англійская, швейцарскія и германскія. Что касается историческаго элемента въ лекціяхъ, то онъ былъ менѣе обиленъ, чѣмъ ожидалъ я этого. Прочитано было только нѣсколько сжатыхъ и очень хорошихъ лекцій о процессѣ у римлянъ, у германцевъ и въ средневѣковыхъ государствахъ Европы, до новѣйшаго времени. Любопытными и полезными для моей спеціальной цѣли были указанія на исторію новѣйшихъ германскихъ законодательствъ, которыя Миттермайеръ, по своему обыкновенію, систематически сводитъ къ нѣсколькимъ группамъ, по времени появленія и по принципамъ ихъ. При этомъ профессоръ проводитъ идею о связи принциповъ съ временными, политическими обстоятельствами, имѣвшими вліяніе на изданіе законовъ. Одна лекція въ недѣлю посвящается профессоромъ на изложеніе исторіи суда присяжныхъ. Сколько мнѣ кажется, лекціи эти излагаются главнымъ образомъ по Бинеру и друг. извѣстнымъ источникамъ. Говоря о дѣйствіи суда присяжныхъ въ настоящее время, профессоръ пользуется тѣми богатыми статистическими данными, которыя шлютъ ему отвсюду, гдѣ живетъ и функціонируетъ дорогое для него учрежденіе. Послѣдній часъ своихъ ежедневныхъ чтеній въ недѣлю употребляетъ Миттермайеръ на разборъ знаменитыхъ современныхъ процессовъ. Сколько мнѣ кажется, чтеніе это составляетъ особенно пріятную работу для профессора. Здѣсь можетъ онъ вполнѣ примѣнять любимую манеру свою. Здѣсь можно ему вглядываться въ жизненный процессъ тѣхъ учрежденій, ради которыхъ работалъ онъ столько лѣтъ, въ теченіе достойной, труженической жизни своей. И дѣйствительно, здѣсь престарѣлый учитель точно сбрасываетъ съ себя то тяжелое бремя годовъ, которое часто и видимо оказываетъ вліяніе свое на рѣчь и на все преподаваніе Миттермайера. Но, не смотря на это, велико еще вліяніе Миттермайера на аудиторію. Мнѣ кажется невозможнымъ подходить, безъ глубокаго чувства уваженія, къ такому чистому, простому и благородному олицетворенію науки. И трудно рѣшить, много ли найдется молодыхъ людей, способныхъ къ той святой радости, съ которою привѣтствуетъ этотъ 80-тилѣтній старикъ всякій успѣхъ добра въ какой бы то ни было части свѣта. У насъ въ Россіи извѣстно уже то вниманіе глубокаго спеціалиста, съ которымъ встрѣчены были Миттермайеромъ преобразованія въ нашемъ судопроизводствѣ. Здѣсь, въ аудиторіи, можно было видѣть, во всей полнотѣ, участіе къ этому дѣлу про-

грессивнаго патріарха европейскихъ юристовъ. Миттермайеръ поздравилъ студентовъ *всѣхъ націй* съ успѣхомъ добраго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Простыя слова его были сильнѣе блестящихъ рѣчей многихъ ораторовъ. Въ словахъ этихъ представлялся наглядно примѣръ близкой связи европейской науки съ жизнію. Въ нихъ былъ также практическій урокъ той солидарности, которая существуетъ и должна еще полнѣе существовать между образованными народами.

Заключаю настоящій отчетъ свой нѣсколькими замѣчаніями объ общемъ характерѣ лекцій профессора Рено, за первую половину зимняго семестра. Краткій, но строго-систематическій курсъ этого профессора отличается большими достоинствами. Ясность системы, точность опредѣленій, стройное, логическое развитіе ученій, умѣнье становиться на главномъ, существенно идущемъ къ дѣлу—вотъ тѣ качества, на которыя могу я указать въ этомъ курсѣ. Но преподаваніе профессора догматическое по преимуществу; историческій элементъ весьма незначителенъ. Иногда, весьма кратко, указывалъ профессоръ на различія въ римскомъ, германскомъ и французскомъ законодательствахъ. Курсъ Рено представляетъ хорошую точку опоры для начинающихъ и, въ то же время, можетъ служить весьма полезнымъ résumé systématique для того, кто занимался исторіею французскаго законодательства.

Гейдельбергъ, $^{23}/_{11}$ января 1865 года.

34) Кандидата Сергѣевича.

Время возникновенія германской поземельной общины.

G. L. Mauer—Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung, 1854.

G. L. Mauer — Geschichte der Markenverfassung in Deutschland, 1856.

Въ западной литературѣ нерѣдко высказывается мнѣніе о томъ, что частная поземельная собственность есть явленіе вторичное, что на первыхъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ ей предшествовало иное отношеніе человѣка къ землѣ. Но для обозначенія этого предшествовавшаго состоянія не встрѣчается опредѣленнаго имени. Часто одинъ и тотъ же писатель даетъ ему различныя названія, имѣющія далеко не одинакій смыслъ. Такъ напр. Рошеръ употребляетъ для этого то Feldgemeinschaft, то Gemeingut; Dareste de la Chavanne—то propriété communale, то exploitation com-

mune, то наконецъ, propriété de famille *). Уже это отсутствіе опредѣленнаго термина указываетъ на то, что самое понятіе еще недостаточно ясно выработалось. Къ тому же заключенію, но еще съ бо́льшею силою, приводитъ разсмотрѣніе тѣхъ отдѣльныхъ видовъ владѣнія, которые подводятся подъ понятіе общей собственности. Здѣсь смѣшиваются самыя разнообразныя формы, начиная отъ простѣйшей и наиболѣе древней, когда земли не дѣлились потому, что ихъ было слишкомъ много и въ дѣлежѣ никто не чувствовалъ потребности, и оканчивая самой сносной и очевидно позднѣйшей, когда земли состоятъ въ правильно организованномъ общинномъ владѣніи потому, что эта форма, при извѣстныхъ условіяхъ быта, сознается наиболѣе соотвѣтствующею потребностямъ общества. Подъ это понятіе общей собственности, предшествовавшей появленію частной, одинаково подводятъ какъ германскую общину, во всѣ времена ея историческаго существованія безъ всякаго различія, такъ и семейную общину славянъ, поселенныхъ по военной границѣ, какъ русскую общину, такъ и тѣ поземельныя отношенія, въ которыхъ находились Авраамъ и Лотъ. Такъ напр. Dareste de la Chavanne, выводя изъ словъ Цезаря: privati ac separati agri apud eos nihil est, что у германцевъ того времени было общинное хозяйство съ правильнымъ ежегоднымъ передѣломъ земель, на слѣдующей страницѣ говоритъ: «это учрежденіе всего долѣе удержалось на востокѣ и сѣверѣ Европы. Его слѣды очевидны въ государствахъ Скандинавскихъ. Оно поддерживается и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Россіи, въ которыхъ и до сихъ поръ неизвѣстна частная поземельная собственность именно потому, что еще не чувствовался недостатокъ въ землѣ. Очень понятно, что такое хозяйство будетъ держаться тамъ, гдѣ много свободной земли, гдѣ существованіе обширныхъ лѣсовъ и естественныхъ пастбищъ дѣлаетъ почти излишней затрату капитала, гдѣ, наконецъ, число людей и количество скота—первое условіе богатства. Для племенъ, ведущихъ жизнь кочевую и пастушескую, земля можетъ имѣть только второстепенное значеніе». И въ слѣдъ затѣмъ въ выноскѣ: «Такъ у древнихъ евреевъ, когда семьи распадались, онѣ дѣлили стадо, но не дѣлили земли. Авраамъ сказалъ Лоту: да не будетъ вражды между мной и тобой, между моими пастухами и твоими.

*) Roscher—System der Volkswirtschaft, II B.; Dareste de la Chavanne—Histoire des classes agricoles en France.

Не вся ли земля передъ нами! Если ты пойдешь на лѣво, я — на право» и такъ далѣе. Разъ смѣшавши подъ однимъ общимъ и крайне неопредѣленнымъ понятіемъ весьма различные виды поземельныхъ отношеній, весьма было естественно придти къ объясненію одного другимъ и, слѣдовательно, русской общины поземельными отношеніями кочеваго племени. Нѣсколько далѣе авторъ дѣлаетъ еще одно, также неудачное, сближеніе русской административной общины съ кланомъ. «Возникновеніе общины, говоритъ онъ, объясняетъ ея управленіе. Начальникъ занимаетъ мѣсто отца; другіе члены общины относятся къ нему, какъ дѣти; онъ опредѣляетъ каждому степень его участія въ общихъ работахъ и общихъ доходахъ. Эта простота устройства долгое время существовала у галловъ и кельтовъ Великобританіи; она встрѣчается и теперь у такихъ народовъ, которые, какъ напр. русскіе, стоятъ ближе, чѣмъ мы, къ древнимъ преданіямъ: каждая изъ ихъ общинъ и теперь еще управляется старостою или патріархомъ, который, при содѣйствіи совѣта, опредѣляетъ каждому его участокъ и работу».

Приведенное здѣсь мнѣніе французскаго писателя есть ничто иное какъ распространеніе § 71 второй части системы народнаго хозяйства Рошера, съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что нѣмецкій ученый строго держится своихъ источниковъ и не выступаетъ на опасный путь сближеній. Что же касается подведенія подъ одно понятіе Gemeingut, какъ первоначальной формы хозяйства (uralte Institution), самыхъ разнообразныхъ видовъ владѣнія, въ этомъ отношеніи Рошеръ не отличается отъ Дареста.

Въ дѣйствительности, разные виды владѣнія, подводимые подъ одно понятіе Gemeingut, возникли далеко не въ одно время и на столько различаются по своему характеру, что это обобщеніе скорѣе запутываетъ, чѣмъ объясняетъ дѣло. Если нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно можно относить къ періоду, предшествовавшему появленію частной собственности, за то другіе и именно тѣ, въ которыхъ общинный элементъ развитъ наиопредѣленнѣйшимъ образомъ, сложились на памяти исторіи и гораздо позднѣе частной собственности. Въ подтвержденіе этой мысли я остановлюсь на германской общинѣ, исторіи которой посвящены два названныхъ въ заглавіи этой замѣтки сочиненія Мауэра.

Мауэръ не только самъ держится обозначеннаго выше направленія, но и служитъ однимъ изъ главныхъ его источниковъ; на его историческія изслѣдованія ссылаются какъ Рошеръ, такъ и Да-

ресть. Въ своей исторіи германской марки Мауэръ съ особенной любовью останавливается на мысли о томъ, что общинное владѣніе, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, было первоначальной и самой распространенной формой поземельныхъ отношеній въ Германіи. Во время, предшествовавшее великому переселенію народовъ, въ общемъ владѣніи, по его мѣнію, состояли не одни только лѣса и луга, но и поля. Общее поле дѣлилось на участки по числу членовъ общины; каждый изъ нихъ получалъ по равному участку; чтобы это первоначальное равенство не нарушилось съ теченіемъ времени, были ежегодные передѣлы. Такимъ образомъ общинное устройство обезпечивало каждому германцу постоянное и одинаковое участіе въ пользованіи землей. Этотъ исконный порядокъ подвергся существенному измѣненію въ періодъ великаго переселенія народовъ. На новыхъ мѣстахъ поселенія общинный элементъ представляется значительно ослабѣвшимъ. Поля поступили въ частную собственность; общеніе же удержалось только за лѣсами и лугами. Съ того же времени появилось и неравенство въ распредѣленіи земель. Вмѣстѣ съ этимъ и значеніе общины, какъ административное, такъ и поземельное, начало падать.

Обозначенную здѣсь связь явленій можно допустить только по отношенію къ административной общинѣ, самостоятельность которой дѣйствительно уменьшается по мѣрѣ усиленія государственнаго элемента. Что же касается до общины поземельной, то порядокъ былъ совершенно обратный, т. е. необходимость общиннаго хозяйства возникла только въ позднѣйшее время.

Историческихъ свидѣтельствъ, относящихся ко времени, предшествовавшему переселенію народовъ, очень мало; они всѣ сводятся къ двумъ-тремъ мѣстамъ Цезаря и Тацита. Не смотря на все ихъ значеніе, они такъ кратки, что ни одинъ изслѣдователь не воспроизводитъ картины первоначальныхъ поземельныхъ отношеній—только на основаніи этихъ свидѣтельствъ, не пополняя ихъ или заключеніями отъ позднѣйшаго времени, или аналогіей съ другими народами, стоящими, по мнѣнію изслѣдователя, на той же степени развитія. Согласно съ этимъ состояніемъ источниковъ, я начну мою замѣтку со времени, послѣдовавшаго за великимъ переселеніемъ, какъ болѣе освѣщеннаго историческими свидѣтельствами, и только въ заключеніе разсмотрю тѣ немногія и очень различно понимаемыя мѣста, которыя относятся къ германцамъ Цезаря и Тацита.

Извѣстно, что марка, территорія общины, состояла изъ земель двоякаго рода: однѣ, дворы, виноградники и поля, принадлежали членамъ общины на правѣ частной собственности; другія, лѣса и луга, состояли въ ихъ нераздѣльномъ пользованіи *). Эта нераздѣльность не была однако постояннымъ свойствомъ общей марки. Нераздѣльныя земли служили запаснымъ капиталомъ для членовъ общины, и какъ скоро кто нибудь изъ нихъ чувствовалъ необходимость увеличить свои поля, онъ могъ это сдѣлать на счетъ нераздѣленной марки. Для этого довольно было вспахать и засѣять еще никѣмъ не воздѣланную землю, или даже и того меньше—обойдти ее при соблюденіи нѣкоторыхъ обычныхъ формальностей, и она переставала быть общей и обращалась въ его частную собственность. Въ непосредственной связи съ этимъ правомъ *занимать* общія земли стоитъ другое, очень къ нему близкое, *выселяться* на общія земли. По мѣрѣ возрастанія народонаселенія, участки, состоявшіе въ частной собственности и переходившіе по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ, должны были все болѣе и болѣе дробиться. Пока деревни не были еще очень велики, можно было избѣгнуть излишняго дробленія посредствомъ *занятія* для новыхъ членовъ семейства пустопорожнихъ земель. Но когда деревни очень увеличились и обложились большимъ пространствомъ распаханныхъ полей, новыя занятія не представляли тѣхъ же выгодъ въ хозяйственномъ отношеніи, потому что лежали очень далеко отъ дворовъ. Тогда оставалось одно только средство — совершенное выселеніе новыхъ членовъ на новыя мѣста. Такимъ образомъ въ каждой маркѣ возлѣ первоначальной деревни мало по малу возникли новыя (Filialdörfer), которыя въ свою очередь часть земли, сколько было нужно, обращали въ частную собственность, а остальною маркой пользовались безъ раздѣла на ряду съ главной деревней **).

Изъ этихъ, можно сказать, неограниченныхъ правъ каждаго члена общины на общую марку видно, что нераздѣльной оставалась она вовсе не потому, что по отношенію къ ней была примѣнена какая нибудь форма общиннаго владѣнія, исключавшая част-

*) Слово марка употребляется въ двухъ значеніяхъ: въ болѣе широкомъ оно обозначаетъ всю землю, занятую общиной; въ тѣсномъ — только нераздѣленную ея часть.

**) Встрѣчаются выселки, которые пользуются меньшими правами, чѣмъ первоначальныя деревни; но ихъ возникновеніе относится къ тому переходному и позднѣйшему времени, когда уже начиналъ чувствоваться недостатокъ въ земляхъ.

ную собственность. Причина нераздѣльности лежала единственно въ обиліи земель. Никѣмъ незанятыхъ пустошей и лѣсовъ было еще такъ много, что въ пользованіи ими частные интересы не могли столкнуться, а потому не могло родиться и никакихъ вопросовъ о формѣ владѣнія. Эти вопросы возникали только тогда, когда на землю былъ затраченъ трудъ, когда она была напр. распахана; такая земля выходила изъ первоначальнаго безразличія и становилась частной собственностью.

Какъ мало община сознавала свои общинныя поземельныя права, какъ нѣчто самостоятельное и отдѣльное отъ правъ каждаго члена порознь, видно еще изъ того, что для пользованія нераздѣльной маркой не было установлено никакой формы общиннаго хозяйства, опредѣляющей мѣру участія отдѣльныхъ членовъ въ общей маркѣ. Въ нераздѣльныхъ лѣсахъ господствовала совершенно частная система хозяйства. Всякій членъ общины пользовался ими какъ своею собственностью: рубилъ, гдѣ и сколько хотѣлъ, безъ всякихъ ограниченій.

Единственный образчикъ общиннаго хозяйства германская марка представляетъ въ тѣхъ земляхъ, которыя принадлежали отдѣльнымъ членамъ на правѣ частной собственности. Это общеніе стоитъ въ непосредственной связи съ разбросанностью участковъ каждаго отдѣльнаго собственника, причину которой надо искать въ порядкѣ, которымъ происходили первоначальныя заселенія. Тамъ, гдѣ заселеніе дѣлалось не отдѣльными лицами, а цѣлыми общинами, которыя селились деревнями, естественно было желать каждому домохозяину получить участокъ качествомъ земли и выгодою положенія (по близости ко двору и пр.) не хуже участка всякаго другаго члена общины. А этого можно было достигнуть только такимъ путемъ: все то количество земли, которое предполагалось распахать, или, если поселеніе дѣлалось на распаханной уже землѣ, все поле надо было разбить на столько участковъ, сколько оно представляло естественныхъ различій по качеству и по положенію, и каждый изъ такихъ участковъ раздѣлить по числу членовъ общины. Такимъ образомъ каждый членъ получалъ по участку какъ въ лучшей землѣ, такъ и въ худшей, какъ въ близкой, такъ и въ далекой. Ясные слѣды такого раздѣла земель представляютъ и теперь нѣкоторыя нѣмецкія деревни, а еще болѣе—датскія. При господствѣ трехъ-польной системы хозяйства необходимо было каждому собственнику подчиниться нѣкоторымъ общимъ правиламъ

въ распредѣленіи своихъ полей для того, чтобы при разбросанности участковъ не пропадало даромъ третье поле, остававшееся подъ паромъ. Главное изъ этихъ правилъ состояло въ слѣдующемъ: чтобы можно было выгонять скотъ на паръ, не побивая окружающихъ полей, всѣ члены общины должны были имѣть паровое поле въ одномъ мѣстѣ; оно служило общиннымъ пастбищемъ. Это и есть такъ называемая Feldgemeinschaft. Возникнувъ исключительно для *частныхъ* хозяйственныхъ удобствъ, она не имѣла въ себѣ ничего принудительнаго. Какъ скоро тотъ или другой домохозяинъ замѣчалъ, что для него будетъ выгоднѣе не гонять свой скотъ на общій паръ и вмѣстѣ съ тѣмъ не пускать деревенскій скотъ на свой, онъ могъ выдти изъ общенія. Для этого ему нужно было только *огородить* свое поле.

Нельзя, однако, сказать, чтобы наряду съ этими широкими правами каждаго отдѣльнаго члена сама община, какъ самостоятельное цѣлое, не имѣла никакихъ правъ на марку. Ея право проявляется въ томъ, что никто, не принадлежащій къ общинѣ, не могъ ни селиться *) на ея земляхъ, ни покупать ихъ безъ ея согласія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что община въ этотъ древнѣйшій періодъ своего существованія была собственницей, ибо въ прямомъ противорѣчіи съ понятіемъ общинной собственности стоитъ право каждаго члена — *занимать* марку. Права, принадлежавшія общинѣ, правильнѣе будетъ отнести къ сферѣ правъ государственныхъ, чѣмъ гражданскихъ. Общинѣ, какъ первоначальному общественному союзу, какъ зародышу государства, принадлежатъ права верховнаго господства (Obereigenthum) надъ всею территоріей, которую она занимаетъ. Эта территорія была замкнута для всѣхъ, не принадлежавшихъ къ общинѣ; но члены общины могли пользоваться ею и обращать въ свою собственность безъ всякихъ ограниченій. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ противорѣчія между правами общины и отдѣльныхъ ея членовъ.

---

*) Но въ этомъ случаѣ проявляется очень характеристическое для древнѣйшей исторіи едва ли не всякаго права преобладаніе частнаго элемента надъ общимъ. Законъ салическій (XLVII, 1, изд. Pardessus, пятый текстъ), въ которомъ встрѣчается древнѣйшее постановленіе, относящееся къ этому предмету, требуетъ для принятія новаго члена единогласнаго приговора общины; одинъ членъ, не желающій дозволитъ иностранцу поселиться въ нераздѣленной маркѣ, можетъ требовать его удаленія, если бы всѣ другіе и были противнаго мнѣнія. А, конечно, воля общины болѣе выражается въ мнѣніи всѣхъ ея членовъ за исключеніемъ одного, чѣмъ въ мнѣніи этого одного.

Таковъ былъ характеръ первоначальныхъ поземельныхъ отношеній германской общины. Какъ долго онъ сохранялся, не можетъ быть опредѣлено для всей Германіи однимъ годомъ, даже вѣкомъ. Неограниченныя права каждаго члена на нераздѣленную марку условливались обиліемъ земель, и только съ прекращеніемъ этого обилія могла возникнуть мысль о необходимости другихъ поземельныхъ отношеній. Уменьшеніе общихъ земель совершалось главнымъ образомъ вслѣдствіе естественнаго возростанія народонаселенія, чѣмъ вызывался постоянный переходъ общихъ земель въ частную собственность. Но наряду съ этой причиной дѣйствовала и другая — усиленіе государственной власти сперва въ формѣ имперіи, а потомъ въ формѣ Landeshocheit, вступившей во всѣ права первой. Наслѣдовавъ отъ общинъ права верховнаго господства надъ территоріей марки, Landesherr'ы мало по малу присвоили себѣ и права частной собственности: весьма многіе государственные лѣса прежде были въ нераздѣльномъ пользованіи общинъ. Развитіе этихъ двухъ причинъ въ однихъ областяхъ Германіи шло скорѣе, въ другихъ медленнѣе. Поэтому и общины далеко не одновременно пришли къ сознанію своихъ общинныхъ поземельныхъ правъ и къ необходимости особыми постановленіями опредѣлить мѣру участія отдѣльныхъ членовъ и порядокъ пользованія общими землями. Такъ напр. въ кантонѣ Швицъ еще въ XIV вѣкѣ можно было свободно распахивать и засѣвать общую марку; а въ Rheingau уже во второй половинѣ XII вѣка встрѣчаются запрещенія обращать лѣсъ въ частную собственность; для марки Mörler такое запрещеніе возникло въ концѣ XIII вѣка.

Въ ограниченіи общинами правъ отдѣльныхъ членовъ видна своего рода постепенность. Какъ и естественно, вниманіе общинъ прежде всего должно было остановиться на правѣ обращать марку въ частную собственность: оно всего болѣе угрожало интересамъ общины и было отнято прежде другихъ. Еще въ XV вѣкѣ право рубить лѣсъ и топливо по своему усмотрѣнію довольно распространено, тогда какъ на существованіе права занимать марку не встрѣчается болѣе указаній.

Главный источникъ этихъ новыхъ поземельныхъ отношеній составляютъ Weisthümer. Древнѣйшія изъ нихъ, если не ошибаюсь, не восходятъ далѣе XII вѣка. Но такъ какъ въ нихъ заносились по большей части обычаи, уже сложившіеся, то первые ихъ слѣды въ жизни можно относить къ XI и даже X вѣкамъ. Временемъ же

если не окончательнаго (потому что акты, воспрещающіе свободное пользованіе лѣсомъ, встрѣчаются и позднѣе), такъ по крайней мѣрѣ повсемѣстнаго распространенія новаго порядка общиннаго владѣнія можно считать XVI вѣкъ. Такимъ образомъ новыя поземельныя отношенія сложились въ длинный промежутокъ времени отъ X до XVI вѣка.

Главныя черты этого новаго и на этотъ разъ дѣйствительно общиннаго владѣнія состоятъ въ слѣдующемъ. Поземельныя права общины выступили на первый планъ; если она и не сдѣлалась собственникомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, то значительно приблизилась къ этому состоянію. Сообразно съ этимъ отдѣльные члены могутъ только пользоваться нераздѣленной маркой, а не обращать ее въ свою частную собственность. Это право пользованія стоитъ въ непосредственной связи съ правомъ частной собственности въ раздѣленной маркѣ и относится къ нему какъ *принадлежность* т. е. только членъ-собственникъ можетъ пользоваться общими угодьями. Поэтому, если у отца не было столько поземельной собственности, чтобы надѣлить всѣхъ сыновей, сынъ, неполучившій участка, не имѣлъ никакого права и на нераздѣленную марку *). Мѣра участія въ частной недвижимой собственности, условливающая пользованіе общей маркой, опредѣлялась различно: въ однихъ общинахъ требовалось имѣть не только свой дворъ, но и свое поле (это maximum); въ другихъ довольствовались — своимъ дымомъ, т. е. общими угодьями пользовался тотъ, кто имѣлъ свой собственный очагъ, жилъ своимъ хозяйствомъ, хотя бы и въ чужомъ дворѣ (minimum). Прямое и необходимое слѣдствіе этого свойства принадлежности проявляется въ томъ, что члены одной и той же общины имѣютъ неодинакое участіе въ общей маркѣ **). Какъ вовсе неимѣвшій частной собственности не могъ пользоваться и общинными

---

*) Этотъ признакъ принадлежности со всѣми его послѣдствіями составляетъ постоянное свойство германской поземельной общины, во всѣ времена. Я упоминаю о немъ теперь, а не прежде, потому что только теперь онъ получилъ практическое значеніе. Пока всякій домохозяинъ могъ свободно распространять свою частную собственность на счетъ общей марки, не было никакого затрудненія въ надѣленіи сыновей, а слѣдовательно каждый изъ нихъ непремѣнно получалъ и участіе въ общей маркѣ. Съ прекращеніемъ свободы занимать общія земли, легко могло случиться, что не всѣ наслѣдники получали часть въ наслѣдствѣ, а вмѣстѣ съ этимъ они исключались и изъ пользованія общей маркой.

**) Таково общее правило, хотя встрѣчаются для немногихъ, впрочемъ, общинъ памятники, въ которыхъ говорится о «равномъ правѣ» всѣхъ членовъ,

угодьями, такъ и наоборотъ, кто имѣлъ два двора, или двойное количество земли, тотъ и общими лѣсами пользовался вдвое, у кого три двора, — втрое и т. д.

Въ признакѣ *принадлежности* заключается существенное различіе германской поземельной общины отъ русской: тамъ участіе въ общинныхъ земляхъ опредѣляется количествомъ частной собственности; у насъ право на общія земли — *самостоятельное* и принадлежитъ въ одинакой мѣрѣ каждому члену, который несетъ тягло. Изъ того же признака вытекаютъ два дальнѣйшія слѣдствія, также существенно отличающія германскую общину отъ русской. Какъ принадлежность, право на участіе въ общихъ угодьяхъ переходитъ по наслѣдству и можетъ быть отчуждаемо вмѣстѣ съ частной собственностью *). Поэтому вся марка, какъ раздѣленная, такъ и общая, можетъ сосредоточиться въ однихъ рукахъ; исторія германскихъ общинъ представляетъ не одинъ примѣръ подобнаго перехода общинныхъ земель въ частныя руки. Русская общинная земля, не состоя ни въ какой связи съ частной собственностью, не переходитъ по наслѣдству и не отчуждается; такимъ образомъ русская организація общиннаго владѣнія въ большей мѣрѣ обезпечиваетъ за общинами ихъ собственность, чѣмъ германская.

Самый порядокъ пользованія, подвергся строгому опредѣленію и надзору со стороны общинныхъ властей; изъ частнаго, какимъ былъ прежде, онъ перешелъ въ чисто общинный. Такъ въ очень многихъ маркахъ дозволялось рубить лѣсъ только для собственныхъ потребностей, а не для вывоза; жечь уголья — также. Въ нѣкоторыхъ общинахъ колесники и другіе мастеровые должны были давать клятву передъ рубкой, что не будутъ продавать своихъ произведеній внѣ марки. Если и можно было вывозить лѣсъ и лѣсныя издѣлія, такъ только или за ненадобностью въ самой маркѣ, или по особому дозволенію общины. Мѣсто рубки опредѣлялось не личнымъ усмотрѣніемъ, какъ прежде, а лѣсной полиціей, на обязанности которой лежало распредѣленіе лѣсовъ на строевые и дровяные и вообще забота о болѣе правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ.

---

*) Позднѣе (съ XIV вѣка) встрѣчаются даже случаи отчужденія одного права на участіе. Конечно, такія отчужденія имѣли мѣсто только между членами одной и той же общины. Это повело еще къ большему неравенству въ пользованіи общинными угодьями: наряду съ членами, у которыхъ было только «одно участіе» и даже менѣе, появились такіе, у которыхъ число участій возрасло до 40 и болѣе.

Во многихъ мѣстахъ строевой лѣсъ выдавался не иначе, какъ по осмотрѣ зданія и по удостовѣреніи въ необходимости сдѣлать поправку или новую постройку. Это повело къ учрежденію такъ называемой Baupolizei, которая должна была осматривать всѣ деревенскія зданія и даже могла подвергать наказаніямъ нерачительныхъ домохозяевъ. Такимъ образомъ возникъ цѣлый кодексъ новыхъ постановленій и новыхъ наказаній ихъ нарушителямъ; для наблюденія за исполненіемъ новаго порядка пользованія возникли особыя учрежденія, какъ Bau- und Forstpolizei; для разбора споровъ— особый судъ.

Съ конца XVIII вѣка въ устройствѣ германской общины произошли новыя измѣненія, но разсмотрѣніе ихъ выходитъ изъ предѣловъ настоящей замѣтки.

Подъ понятіе общинной собственности можно подводить далеко не всѣ формы поземельныхъ отношеній, въ которыхъ не видно опредѣленной частной собственности. Кромѣ этого отрицательнаго признака, нужны еще два положительныхъ: во 1-хъ, собственность должна принадлежать общинѣ; во 2-хъ, у отдѣльныхъ членовъ должно быть только пользованіе. Эти два положительныхъ признака начинаютъ развиваться въ германской общинѣ только во второй періодъ ея существованія. Въ первый же — у отдѣльныхъ членовъ гораздо болѣе одного пользованія, у нихъ право обращать нераздѣльную марку въ свою частную собственность; а у общины—менѣе, чѣмъ право собственности, ей принадлежитъ только право верховнаго господства. Такимъ образомъ германскія поземельныя отношенія представляются въ слѣдующей постепенности: сперва частная собственность, а позднѣе рядомъ съ ней развивается общинная.

Мауэръ не дѣлаетъ этого различія. Въ германской поземельной общинѣ, какъ она сохранилась до нашего времени, онъ видитъ только слабые остатки того общиннаго устройства, которое въ древнѣйшія времена обнимало всю Германію. «Первоначально, говоритъ онъ, участки членовъ марки были идеальные, и это не только въ общихъ лѣсахъ и лугахъ, но и въ тѣхъ частяхъ марки, которыя дѣлились между участниками для посѣва. Это слѣдуетъ изъ ежегодной мѣны участковъ и ежегодныхъ передѣловъ земли, которые, во времена Цезаря, имѣли мѣсто у всѣхъ германцевъ, а особенно у свевовъ; весьма вѣроятно, что эта система, на которую есть указаніе и у Тацита, въ древности была извѣстна и въ Даніи,

а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи сохранилась и до нашего времени» (E. § 5). Нѣсколько далѣе (§ 6) онъ прибавляетъ, что эти ежегодно выдѣляемые участки первоначально не были наслѣдственны и по смерти отца поступали не къ дѣтямъ, а въ общину. Такимъ образомъ первоначальная германская община является у него болѣе похожею на русскую, чѣмъ на германскую, какъ она извѣстна по позднѣйшимъ памятникамъ. Мнѣніе это основано на свидѣтельствахъ Цезаря и Тацита, на аналогіи съ датскими поземельными отношеніями и на эдиктѣ Хильперика 574 года.

Слова Цезаря *), которыя подали поводъ къ такому заключенію, не могутъ оправдать его. Изъ нихъ можно вывести только слѣдующее: во 1-хъ, у свевовъ, о которыхъ онъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ, не было частной поземельной собственности; во 2-хъ, они не имѣли постоянной осѣдлости и, можно думать, находились въ состояніи близкомъ къ состоянію кочевыхъ народовъ. Изъ этого отрицанія частной поземельной собственности и постоянной осѣдлости никакъ еще не слѣдуетъ, что у нихъ была общинная собственность съ идеальными частями для каждаго члена и съ ежегодными передѣлами. Можно еще допустить, что свевы считали своею всю землю, по которой кочевали. Но между этимъ очень неопредѣленнымъ отношеніемъ къ землѣ кочеваго племени, въ которомъ нисколько еще не выяснились ни права отдѣльныхъ членовъ, ни права всего племени, и тѣмъ видомъ общиннаго владѣнія, которое приписываетъ германцамъ Мауэръ, нѣтъ ничего общаго. Ежегодно возобновляемые надѣлы, о которыхъ говоритъ Цезарь, были слѣдствіемъ ежегодныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто. Думать, что они удержались и послѣ того, какъ свевы осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ, нѣтъ основанія, если только справедливо то, что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину: перестала дѣйствовать причина, должно прекратиться и самое дѣйствіе.

Свидѣтельство Тацита отличается большою неясностью, и на немъ трудно построить какую нибудь опредѣленную систему поземельныхъ отношеній. Вотъ то мѣсто Германіи, въ которомъ говорится о поземельныхъ отношеніяхъ древнихъ германцевъ: Agri,

*) De b. G. IV, 1: Sed privati ac separati agri apud eos nihil est; neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. VI. 22. Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum, et quo loco visum est, agri attribuunt, atque anno post alio loco transire cogunt. Изъ Eich. 1 т. 58.

pro numero cultorum, ab universis in vices occupantur, quos mox inter se, secundum dignationem, partiuntur: facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant; et super est ager: nec enim cum ubertate et amplitudine soli labore contendunt и пр. XXVI. Буквальное пониманіе перваго предложенія даетъ очень неудовлетворительный смыслъ. Что это за поземельныя отношенія, въ которыхъ поля по порядку переходятъ отъ одного члена общины къ другому? Между всѣми извѣстными видами владѣнія не встрѣчается ни одного сколько нибудь подходящаго подъ это описаніе [1]). Эта недостаточность самого мѣста естественно приводитъ къ необходимости объяснять его чѣмъ нибудь другимъ болѣе яснымъ. Такъ Eichhorn [2]) видитъ здѣсь только повтореніе выше приведеннаго свидѣтельства Цезаря, который во многихъ случаяхъ служитъ источникомъ Тациту. G. Waitz, основываясь на послѣднихъ изслѣдованіяхъ о первоначальномъ заселеніи Даніи, хочетъ видѣть въ этомъ мѣстѣ не указаніе на способъ владѣнія, а только описаніе порядка первоначальнаго раздѣла марки между членами деревни, и согласно съ этимъ предлагаетъ читать — ab universis vicis, вмѣсто — ab universis in vices [3]). Не большею опредѣленностью отличается и второе предложеніе — arva per annos mutant et super est ager: мѣняютъ поля въ трехъ-польной системѣ хозяйства [4]); но точно также можно выразиться и о русскомъ общинномъ владѣніи: крестьяне не остаются постоянно при однихъ и тѣхъ же поляхъ, а мѣняютъ ихъ; а если бы у нихъ земли было столько же, сколько у германцевъ Тацита, въ такомъ случаѣ за надѣломъ у нихъ оставались бы еще лишнія поля — et super est ager [5]). Которое же изъ

---

[1]) Не смотря на совершенную недостаточность буквальнаго пониманія, оно однако встрѣчается: напр. у Dahlmann'a, въ Gesch. von Dännemark 1 т. 131 стр. Tacitus nennt uns als gemeine Ordnung bei den Deutschen seiner Zeit den järlichen Wechsel der Acker innerhalb des Kreises jeder Gemeinschaft. Такое же владѣніе съ взаимной перемѣной (das Ackerland aber wurde abwechsligsweise besessen) допускаетъ и Zoepfl, Deut. Rechtsg. 704. Но ни тотъ ни другой ничего не прибавляютъ въ объясненіе, какъ будто бы этотъ круговой переходъ участковъ изъ рукъ въ руки былъ однимъ изъ общеупотребительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ способовъ владѣнія.

[2]) Истор. 1 т. 59.

[3]) Verfassungsg. 1 т. 23.

[4]) Такъ понимаетъ это мѣсто Eichhorn.

[5]) Такъ Waitz допускаетъ возможность объяснить эти слова въ смыслѣ ежегодныхъ передѣловъ съ цѣлью поддержанія полнѣйшаго общенія; но такъ какъ

этихъ двухъ возможныхъ объясненій принять? Само мѣсто не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Мауэръ склоняется въ пользу втораго и подтвержденіе своему мнѣнію находитъ въ датскомъ порядкѣ поземельнаго владѣнія.

Это толкованіе можно было бы принять только въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно въ подтвержденіе его оказались или сильная аналогія, или другія болѣе ясныя свидѣтельства. Но нельзя сказать ни того, ни другаго. Источники, относящіеся къ датскимъ поземельнымъ отношеніямъ *), еще моложе германскихъ; они не восходятъ далѣе XII вѣка. Для объясненія того, что было въ самомъ началѣ, датскіе историки, въ свою очередь, обращаются къ германскимъ древностямъ, къ свидѣтельствамъ Цезаря и Тацита. Съ XII же вѣка поземельныя отношенія въ Даніи имѣютъ всѣ существенныя черты древне-германскихъ. Земли, принадлежащія деревнѣ, состоятъ изъ раздѣленныхъ между отдѣльными членами и нераздѣленныхъ, или общихъ; послѣднія составляютъ принадлежность первыхъ. Раздѣленныя состоятъ въ частной собственности, переходятъ по наслѣдству и могутъ быть отчуждаемы (съ извѣстными ограниченіями). Разбросанность участковъ здѣсь точно также, какъ и въ Германіи, была причиной Feldgemeinschaft. Но это общеніе точно также не обязательно, какъ и въ Германіи: всякій, кому удавалось соединить свои участки (посредствомъ мѣны напр.), могъ безпрепятственно выйдти изъ Feldgemeinschaft. Такимъ образомъ все, какъ въ Германіи. Но есть и одна особенность, именно Reebningsprocedur. Вотъ что по этому поводу говоритъ Мауэръ: «При первоначальномъ заселеніи всѣ члены общины получали равные участки; всякое неравенство, которое возникало съ теченіемъ времени, могло быть уничтожено и первоначальное равенство возстановлено при помощи примѣненія Reebningsprocedur, — цѣль, которая достигалась еще у народа израильскаго учрежденіемъ юбилейнаго года», (Einleit. 72). Это сближеніе съ еврейскимъ юбилей-

---

германскія поземельныя отношенія не представляютъ слѣдовъ такого порядка, то онъ склоняется въ пользу толкованія Eichhorn'а.

*) Свои сужденія о датскихъ поземельныхъ отношеніяхъ Мауэръ основываетъ главнымъ образомъ на изслѣдованіяхъ Olufsen'а и Hanssen'а, помѣщенныхъ въ Falk's N. Staatsb. Magaz. Я не могъ достать въ Вѣнѣ этого изданія и долженъ былъ довольствоваться исторіей Дальманна, который, впрочемъ, нисколько отъ нихъ не отступаетъ, какъ объ этомъ можно судить изъ словъ Waitz'а и изъ сносокъ самаго Дальманна.

нымъ годомъ очень ярко характеризуетъ взглядъ автора, но не отличается вѣрностью. Reebning далеко не имѣлъ такого значенія, какъ юбилейный годъ. Это не болѣе, какъ способъ рѣшенія споровъ о перепаханной межѣ и вообще о всякомъ незаконномъ завладѣніи [1]). Раздробленіе же участковъ вслѣдствіе раздѣловъ между наслѣдниками и продажъ, которыя прямо допускались закономъ, никакъ не можетъ быть отнесено въ разрядъ незаконныхъ завладѣній.

Самое важное значеніе изъ всего, что Мауэръ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли, принадлежитъ эдикту Хильперика отъ 574 года. По 3 § этого эдикта — умершему, у котораго не осталось ни сыновей, ни дочерей, «наслѣдуютъ братья, а не сосѣди (vicini)». На основаніи послѣднихъ словъ можно подумать, что прежде сосѣди (члены одной и той же общины) стояли совсѣмъ въ иномъ отношеніи другъ къ другу, чѣмъ въ позднѣйшее время: они призывались къ наслѣдованію, хотя и не прямо послѣ умершаго, но все же прежде его боковыхъ родственниковъ (Мауэръ, Einleit. стр. 8, очень невѣрно передаетъ смыслъ закона). Но это право общины наслѣдовать прежде боковыхъ родственниковъ стоитъ въ такомъ противорѣчіи со всѣмъ, что извѣстно о порядкѣ германскаго наслѣдованія, что многіе историки права подъ vicini разумѣютъ — propinqui, proximi [2]). Самый текстъ [3]) не только легко допускаетъ

---

[1]) Источникъ, на который ссылается Дальманнъ для объясненія Reebning'a, говоритъ: omnem injustam occupationem debet aequitatis funiculus emendare. Leges Scand.

[2]) Такъ Zoepfl, Gesch. 781. Lehuerou, судя по выноскѣ у Waitz'a, и самъ Waitz, Verfassungsg. т. 1. стр. 272; но во 2-мъ т. стр. 269 онъ менѣе рѣшителенъ и склоняется къ буквальному пониманію.

[3]) У Pertz'a Legg. 11 ст. 10 онъ отпечатанъ такимъ образомъ: Simili modo placuit atque convenit, ut si quiscumque vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitus fuerit, quamdiu fillii advixerint, terra habeant, sicut et lex Salica habet. Et si subito filios defuncti fuerint, filia simili modo accipiant terras ipsas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitus fuerit, frater terras accipiat, non vicini. Et subito frater moriens, frater non derelinquerit superstitem, tunc soror ad terra ipsa accedat possidenda. Текстъ распадается на двѣ части: въ первой общее обозначеніе наслѣдниковъ, которыхъ касается эдиктъ 574 г.; во второй подробное опредѣленіе порядка, въ которомъ *эти наслѣдники* должны слѣдовать одинъ за другимъ. Между первой и второй частью необходимо должно быть соотвѣтствіе, т. е. во второй должно говориться только о тѣхъ наслѣдникахъ, которые обозначены въ первой, и наоборотъ. Если vicini = родственники, это соотвѣтствіе есть: сперва наслѣдуютъ сыновья, за неимѣніемъ

такое толкованіе, но даже болѣе—необходимо приводитъ къ нему: только при чтеніи propinqui вмѣсто vicini отдѣльныя части текста соотвѣтствуютъ одна другой и въ цѣломъ онъ дастъ удовлетворительный смыслъ.

Такимъ образомъ, ни датскія поземельныя отношенія, ни эдиктъ Хильперика не могутъ быть приводимы въ доказательство древности общиннаго владѣнія въ Германіи. Тѣ же явленія общинной собственности, которыя по мнѣнію Мауэра сохранились до настоящаго времени, какъ остатки повсюду распространеннаго въ древности общиннаго владѣнія, частью относятся къ Feldgemeinschaft, а частью возникли въ очень позднее время, какъ напр. отдача общинныхъ земель отдѣльнымъ членамъ за плату.

Вѣна, 16/28 декабря 1864 года.

35) Докторанта Николая Залѣскаго.

Зимній семестръ я снова намѣренъ провести въ Тюбингенѣ. Пользуясь помощію проф. Гоппе и имѣя возможность свободно располагать своими занятіями въ его лабораторіи, мнѣ нельзя было рѣшиться оставить Тюбингенъ безъ ущерба моимъ научнымъ интересамъ, тѣмъ болѣе, что выборъ лабораторій для занятій физіологическою химіею а еще болѣе преподавателей ея, въ Германіи весьма ограниченъ, особенно для тѣхъ, кто имѣлъ удовольствіе долгое время заниматься подъ руководстомъ столь многосторонняго ученаго, какъ проф. Гоппе. Занятія мои въ послѣдній триместръ ограничивались исключительно экспериментальными работами; въ каникулярное время я занимался, съ одной стороны, спектральнымъ анализомъ крови и диффузіею жидкостей, съ другой же,—собраніемъ

сыновей—дочери; затѣмъ—братья, но за исключеніемъ сестеръ и другихъ родственниковъ, напр, племянниковъ отъ умершихъ братьевъ (здѣсь vicini=родственники, но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ въ началѣ безъ братьевъ); наконецъ—сестры. Если vicini = сосѣди, редакція закона до крайности неудовлетворительна. Въ первой части говорится о сосѣдяхъ и нисходящихъ; а во второй опредѣляется порядокъ наслѣдованія нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ, о сосѣдяхъ же упоминается только вскользь. Трудно допустить, чтобы законодатель, давъ сосѣдямъ такое видное мѣсто въ первой части, совершенно забылъ ихъ во второй. Съ языкомъ древнихъ памятниковъ было бы болѣе согласно вовсе не упоминать о дочеряхъ въ первой части (ибо filiae, часто разумѣются подъ fillii), чѣмъ совершенно опустить боковыхъ родственниковъ, которые занимаютъ такую видную роль во второй.

матеріаловъ для новой работы, составляющей спеціальный вопросъ, который я разработываю въ настоящее время. Съ открытіемъ курсовъ зимняго семестра ($^{17}/_{29}$ октября), я посѣщалъ лекціи органической химіи проф. Гоппе; чтенія свои онъ излагалъ по руководству Kekulé, останавливаясь подробно на тѣлахъ и соединеніяхъ, имѣющихъ интересъ для медика и важныхъ для яснаго пониманія физіологической химіи, которую читаетъ Гоппе лишь въ лѣтній семестръ вмѣстѣ съ патологической химіею и химическою діагностикою болѣзней, для студентовъ медицинскаго факультета высшихъ семестровъ и поэтому знакомыхъ съ общею и частною патологіею.

Придерживаясь намѣренія представлять въ отчетахъ своихъ лишь свѣдѣнія о моихъ занятіяхъ, я и въ настоящемъ не буду входить въ подробности о лекціяхъ, но изложу результаты моихъ работъ. Въ предъидущемъ отчетѣ я упоминалъ о занятіяхъ патологіею крови въ желтухѣ, въ послѣднее время я снова имѣлъ случай болѣе подробно прослѣдить измѣненія крови въ сказанной болѣзни, и полученные мною выводы провѣрить надъ кровью животныхъ, которымъ искуственно произведена была желтуха; не входя въ подробности, я постараюсь представить здѣсь тѣ наблюденія надъ кровью и мочею больныхъ, у которыхъ желтуха является независимо отъ страданія печени и желчнаго аппарата, но прежде считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о желтухѣ вообще.

Подъ именемъ желтухи (icterus) принимаютъ группу различныхъ болѣзней, обозначающихся однимъ общимъ симптомомъ, желтизною кожи и нѣкоторыхъ отдѣлительныхъ продуктовъ животнаго организма. Симптомъ этотъ обусловливается обыкновенно препятствіемъ отливу желчи въ кишечный каналъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ является и безъ него, такъ что механизмъ происхожденія желтухи въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно необъяснимъ. Обстоятельство это не могло ускользнуть отъ вниманія новѣйшихъ патологовъ, которые, сомнѣваясь, съ одной стороны, въ возможности образованія желтухи безъ извѣстныхъ причинъ, способствующихъ внесенію желчи въ кровь, съ другой же, не зная, чему приписать это явленіе, отнесли его къ желтухѣ и, въ отличіе отъ настоящей или механической формы назвали ее *парадоксальною формою желтухи* (Bamberger) или *Ikterus ohne nachweisbare Gallenstauung* (Niemeyer). Первая форма, или механическая, въ основаніи своемъ имѣетъ болѣзни печени, желчныхъ путей и вообще болѣзни брюшной полости, которыя по своему мѣстоположенію или величинѣ придавли-

ваютъ желчныя пути и такимъ образомъ составляютъ механическое препятствіе выдѣленію желчи изъ организма путемъ естественнымъ. Парадоксальная же желтуха обнаруживается постоянно при совершенно нормальныхъ условіяхъ печени и желчнаго аппарата; въ этой послѣдней своей формѣ она является во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кровь измѣнена бываетъ тѣмъ или другимъ, не всегда извѣстнымъ для насъ, образомъ; именно — какъ слѣдствіе отравленія нѣкоторыми растительными, животными и минеральными ядами, но преимущественно въ болѣзняхъ крови (Febr. puerperalis, Septicohaemia, Febr. flava и друг.). Во всѣхъ сихъ обстоятельствахъ патологическая анатомія показываетъ намъ, что печень и желчные протоки находятся въ нормальномъ состояніи, желчный пузырь не растянутъ желчью, ductus choledochus открытъ, фекальныя массы, какъ находимыя въ кишкахъ при вскрытіи, такъ равно и тѣ, которыя были извергнуты больнымъ въ теченіе болѣзни, окрашены достаточно желчью, сохраняютъ ихъ нормальный цвѣтъ и консистенцію — словомъ мы находимъ здѣсь, за исключеніемъ желтизны покрововъ и мочи, явленія противныя тѣмъ, какія характеризуютъ первую форму желтухи.

Для объясненія происхожденія парадоксальной желтухи построено нѣсколько гипотезъ, но всѣ онѣ не выдерживаютъ критики. Frerichs объяснялъ образованіе ея тѣмъ, что желчныя кислоты, переходя частію изъ кишекъ въ кровь (?), при вліяніи на нихъ кислорода обращаются въ желчныя красящія начала (?). Къ этому убѣжденію онъ пришелъ вприскивая въ кровь собакъ желчныя кислоты, которыя лишь частію переходили въ мочу обильную желтыми пигментами. Въ основаніи этой гипотезы лежитъ множество ошибокъ: такъ мы знаемъ, что не только введеніе въ кровь желчныхъ кислотъ вызываетъ въ мочѣ появленіе желчныхъ пигментовъ, но даже вприскиваніе воды, вещества индифферентнаго, производитъ то же самое явленіе; далѣе, количество кислотъ въ мочѣ не находится въ зависимости отъ желчнаго пигмента, какъ это утверждаетъ Frerichs, потому что въ мочѣ, богатой имъ, мы находимъ весьма часто много желчныхъ кислотъ, и наоборотъ. Что касается возможности обращенія кислотъ въ желчные пигменты, то достигнуть этого никому не удавалось; Staedeler, бывшій главнымъ виновникомъ сказанной теоріи Frerichs'а, въ новой своей статьѣ ueber die Gallenfarbstoffe — (Mittheilung aus dem analytischen Laboratorium in Zürich, 1863) положительно отказывается отъ прежняго своего мнѣнія, говоря *«dass von*

einer Umwandlung der Gallensäuren in Gallenfarbstoff ferner nicht mehr die Rede sein könne». Другая теорія Frerichs'а о происхожденіи того же рода желтухи столько же несостоятельна, какъ и первая; о ней я вовсе не буду входить въ разборъ. Наконецъ Budd*) объясняетъ происхожденіе парадоксальной формы желтухи задержаніемъ въ крови составныхъ частей желчи, которыя, слѣдовательно, находятся въ ней уже готовыми; мнѣніе это положительно несправедливо, потому что въ нормальной крови доселѣ никому не удавалось находить желчныхъ элементовъ; всѣ они, исключая холестеринъ, образуются въ печени изъ матеріала, приносимаго воротною веною.

Минуя всѣ эти теоріи, несогласныя съ физіологіею и химіею, и обративъ вниманіе на настоящую связь парадоксальной формы желтухи съ болѣзнями, измѣняющими составъ крови, мы необходимо должны подозрѣвать въ ней совершенно иной процессъ, имѣющій съ механическою формою лишь то общее, на основаніи чего мы называемъ ее желтухою. Убѣдиться въ справедливости сказаннаго нетрудно, подвергнувъ изслѣдованію кровь и мочу больныхъ, одержимыхъ тою и другою формою желтухи. Въ самомъ дѣлѣ, въ четырехъ случаяхъ механической желтухи, бывшей слѣдствіемъ болѣзней печени и желчнаго пузыря (1 Atrophia acuta hepatis, 1 Echinococci hepatis, 2 Cholelithiasis), я постоянно находилъ въ крови и мочѣ желчныя кислоты и притомъ въ первой болѣе, чѣмъ въ послѣдней; при анализахъ моихъ я не ограничивался извѣстною реакціею Pettenkofer'а, дающей сходныя реакціи съ бѣлкомъ, жирными кислотами и другими веществами, но пользовался въ бо́льшей части случаевъ для открытія желчныхъ кислотъ аппаратомъ Ventzke. Присутствіе сихъ послѣднихъ въ крови и мочѣ больныхъ, у которыхъ желтуха есть слѣдствіемъ механической причины, столь постоянно, что я лишь однажды не нашелъ ихъ въ мочѣ, и то вѣроятно потому, что количество ея для анализа было взято невелико. Въ этомъ я полагаю заключается отчасти причина почему Scherer, Neukomm и др. отвергали переходъ желчныхъ кислотъ въ мочу, предполагая полное разрушеніе ихъ въ крови. Желчныя кислоты, переходя изъ крови въ мочу, дѣйствительно разрушаются частію, что видно изъ того, что количество, находимое мною въ сей послѣдней, было менѣе, чѣмъ въ крови; сказать же опредѣленно, гдѣ именно они разрушаются въ крови, почкахъ или мочевомъ пузырѣ, довольно трудно, тѣмъ бо-

*) On diseases of Liver; Third Edit.

лѣе, что опыты мои съ кровью и мочею, къ которымъ прибавляемо было опредѣленное количество (0,1 — 0,3 grm.) гликохолевокислаго натра, показали, что обѣ жидкости почти одинаково вліяютъ на разрушеніе въ нихъ желчныхъ кислотъ.

Опыты надъ собаками, которымъ искусственно была производима желтуха перевязкою общаго желчнаго протока (ductus choledochus), показали, что желчныя кислоты — у собакъ находится лишь таурохолевая — появляются въ крови чрезъ 16, а въ мочѣ чрезъ 19 часовъ послѣ операціи, полная же желтуха обнаруживается между 76 — 82 часами. Животныя обыкновенно легко переносятъ операцію и умираютъ отъ истощенія, притомъ всегда покойно безъ тѣхъ нервныхъ явленій, которыя Frerichs относитъ на счетъ зараженія крови желчью (cholemia). При этомъ замѣчательно обстоятельство, что огромное накопленіе желчи въ крови вслѣдствіе механической причины или же прямое впрыскиваніе свѣжей профильтрованной желчи въ кровь животныхъ никогда или исключительно рѣдко влекутъ за собою появленіе въ мочѣ альбумина и красящаго начала крови, тогда какъ введеніе раствора солей желчныхъ кислотъ вызываетъ за собою въ мочѣ то и другое вмѣстѣ; обстоятельство это очевидно происходитъ не отъ растворенія кровяныхъ шариковъ желчными кислотами, но отъ нарушенія существовавшей въ крови пропорціи воды.

Разберемъ теперь составъ крови и мочи въ парадоксальной формѣ желтухи, при чемъ, какъ и въ первомъ случаѣ, обратимъ вниманіе на присутствіе въ нихъ желчныхъ кислотъ. Этого рода анализъ я произвелъ у двухъ больныхъ, изъ которыхъ у одного желтуха явилась въ теченіе воспаленія легкихъ (pneumomia crupоsa), а другой (женщина) — pyemiae, какъ слѣдствія perimetritis puerperalis; при самомъ строгомъ изслѣдованіи во все теченіе болѣзни у обоихъ больныхъ не было найдено ни малѣйшихъ явленій со стороны печени. У перваго больнаго, поступившаго въ клинику съ явленіями гепатизаціи въ легкихъ (St. hepatisationis), желтуха обнаружилась на второй день болѣзни, сначала на склеротикѣ а затѣмъ на верхнихъ частяхъ тѣла, и преимущественно груди; брюхо и нижнія конечности были свободны отъ окрашиванія; вмѣстѣ съ этимъ моча приняла извѣстный характеръ, свойственный желтухѣ, фекальныя же массы во все время болѣзни сохраняли ихъ натуральный цвѣтъ и консистенцію. Въ этой степени, явленія желтухи оставались въ теченіи девяти дней, постепенно уничтожаясь по мѣрѣ приближенія

больнаго къ выздоровленію. Изслѣдованіе крови сего больнаго (237,4092 grm.) привело меня къ отрицательному результату,—я не нашелъ въ ней ни малѣйшихъ слѣдовъ желчныхъ кислотъ, но уменьшеніе гематина и желчнаго пигмента; въ мочѣ же, кромѣ измѣненій, свойственныхъ воспалительнымъ болѣзнямъ, найдено, значительное количество красящаго начала желчи, при совершенномъ отсутствіи желчныхъ кислотъ. Что касается второй больной, у которой, какъ я сказалъ, желтуха обнаружилась въ теченіе гнойнаго зараженія крови, то результаты, полученные мною, были совершенно сходны съ вышеописанными у перваго больнаго.

Сравнивъ полученные нами результаты, очевидно слѣдуетъ, что парадоксальная форма желтухи есть процессъ, не имѣющій въ основаніи своемъ ничего общаго съ механическою формою; эта послѣдняя есть слѣдствіе внесенія въ кровь желчи и зависитъ отъ болѣзней печени и желчнаго аппарата, парадоксальная же форма образуется накопленіемъ въ крови желчнаго пигмента, образующагося разрушеніемъ кровяныхъ шариковъ, подъ вліяніемъ болѣзненнаго процесса, и послѣдовательнымъ затѣмъ обращеніемъ гематина въ желчныя красящія начала. Доказательствомъ этому служитъ, съ одной стороны найденное нами значительное уменьшеніе гематина въ крови, съ другой же, возможность подобнаго превращенія простымъ замѣщеніемъ въ гематинѣ желѣза водородомъ. Слѣдующая формула,

$$2(\underbrace{C_{48}H_{51}N_6Fe_3O_9}_{\text{Гематинъ.}}) + 3H_2O = 6(\underbrace{C_{16}H_{18}N_2O_3}_{\text{Билирубинъ.}}) + 3Fe_2O,$$

показываетъ, что чрезъ сказанное замѣщеніе въ гематинѣ изъ одного молекюля его образуется три молекюля билирубина. Возможность подобнаго метаморфоза была указана въ первый разъ профессоромъ Hoppe*), который въ настоящее время предложилъ мнѣ заняться подробно этимъ интереснымъ вопросомъ, результаты котораго буду имѣть честь представить въ слѣдующемъ отчетѣ. Здѣсь я представилъ въ общихъ чертахъ изслѣдованія мои о желтухѣ, уклоняясь отъ подробностей лишнихъ въ настоящемъ случаѣ; онѣ войдутъ въ спеціальную статью, которую я намѣренъ помѣстить въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

---

*) Ueber die chemischen und optischen Eigenschaften des Blutfarbstoffs; Virchow's Archiv. Bd. 29, pag. 597.

Изслѣдованіе костей. Я имѣлъ цѣлію опредѣлить, образуютъ ли соли, входящія въ составъ костей, соединенія химическія, постоянныя, или же онѣ подлежатъ нашей волѣ и слѣдовательно могутъ быть то увеличиваемы, то уменьшаемы, сообразно внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ поставлено животное. Вопросъ этотъ въ физіологіи и патологіи одинаковый имѣетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что о метаморфозѣ костей мы почти ничего не знаемъ. Въ патологіи мы имѣемъ нѣсколько болѣзней костной ткани, при леченіи которыхъ мы часто назначаемъ фосфорную кислоту, известь, желѣзо и множество другихъ средствъ, съ цѣлію доставить костямъ тѣ составныя части ихъ, которыя, подъ вліяніемъ болѣзненнаго процесса, разрушаются и изчезаютъ, или же, образуясь въ недостаточномъ количествѣ, не въ состояніи бываютъ сообщать костямъ той плотности ихъ, которая обусловливаетъ не только нормальныя формы тѣла животныхъ, но и положеніе органовъ, важныхъ для жизни; назначая съ этою цѣлію вышесказанныя средства, мы дѣйствуемъ здѣсь чисто эмпирически, не имѣя данныхъ, которыя бы дѣйствительно указывали, что то или другое средство вліяетъ на кости, прибавляя къ нимъ ту или другую составную часть. Отдѣльные опыты кормленія животныхъ нѣкоторыми растительными и минеральными веществами (Rubia tinctorum, Strontium и друг.), имѣвшія слѣдствіемъ переходъ сихъ веществъ въ кости и яичную скорлупу птицъ, ничего не доказываютъ, они не могутъ имѣть въ наукѣ серьезнаго значенія и суть чистый фокусъ, а не научный фактъ, на которомъ можно бы было что либо основывать.

Принципъ, на которомъ я основывалъ мои изслѣдованія костной ткани, слѣдующій: изъ множества анализовъ, представленныхъ различными авторами, съ одной стороны, легко замѣтить, что хотя составъ костей не только у различныхъ животныхъ различенъ, но даже въ одномъ и томъ же организмѣ количество солей, входящихъ въ образованіе костной массы, на различныхъ точкахъ скелета бываетъ неодинаково (?); съ другой же стороны, мы замѣчаемъ постоянное отношеніе одной соли къ другой; поэтому было бы весьма интересно прослѣдить, можетъ ли быть нарушено существующее отношеніе солей кости другъ къ другу на счетъ вводимой нами въ организмъ соли. Рѣшивъ этотъ вопросъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ объяснимъ нѣсколько другихъ, непосредственно отсюда вытекающихъ. Для рѣшенія моей задачи, я избралъ предметомъ наблюденій птицъ— молодыхъ едва оперившихся голубей, взятыхъ изъ одного гнѣзда,

одинаковаго возраста и отъ однихъ и тѣхъ же родителей; двумъ изъ этихъ животныхъ былъ даваемъ кормъ съ примѣсью къ нему въ избыткѣ порошка мѣла (CaO,CO^2), остальные же три голубя получали пищу — изъ которой предварительно удалены были известковыя части — сильно пропитанную концентрированнымъ растворомъ NaO,PO^5; оба рода животныхъ получали для питья дистиллированную воду,—первыя въ соединеніи съ известью, а вторыя съ фосфорнокислымъ натромъ. Во все время кормленія, продолжавшагося 103 дня, животныя были заключены въ отдѣльныя пространныя помѣщенія, гдѣ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы животныя получали лишь ту только пищу и питье, которыя были имъ назначены. Экспериментъ этотъ необходимо долженъ былъ рѣшить мой вопросъ, потому что животныя, будучи взяты при одинаковыхъ вышесказанныхъ условіяхъ, естественно должны были имѣть составъ костей одинаковый, который, съ измѣненіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, долженъ былъ измѣниться и притомъ такимъ образомъ, что у однихъ преобладающею составною частью должна быть известь, а у вторыхъ фосфорная кислота. Очевидно, что рѣшеніе моего вопроса предполагаетъ извѣстнымъ для насъ составъ костной ткани вообще, т. е., что мы имѣемъ уже въ наукѣ постоянныя единицы для каждой отдѣльной составной части кости, которыя бы могли служить намъ сравненіемъ при моихъ работахъ. Дѣло оказалось иначе: перебравъ литературу моего вопроса, которая заключаетъ даже нѣсколько спеціальныхъ трактатовъ о химическомъ составѣ костнаго вещества, я встрѣтилъ въ анализахъ неровности, заставляющія сомнѣваться въ справедливости представленныхъ ими результатовъ, или же предполагать, что костная ткань не имѣетъ постояннаго состава, который мѣняется отъ условій намъ неизвѣстныхъ. Послѣднее предположеніе едва ли справедливо и если вѣрно, что въ нѣкоторыхъ составныхъ частяхъ ткани подлежатъ измѣненіямъ, находящимся въ связи съ возрастомъ, поломъ, индивидуальностію и другими условіями, то съ другой стороны положительно несправедливо, чтобы на различныхъ точкахъ организма одна и та же ткань имѣла столь неодинаковый составъ, какъ это видно изъ анализовъ многихъ авторовъ.

Изъ этого разногласія вытекала необходимость провѣрить вообще сдѣланные доселѣ анализы костной ткани, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ составныхъ частей ея, съ которыми мнѣ постоянно прійдется встрѣчаться при рѣшеніи моего вопроса; я долженъ былъ

начать контроль того, что сдѣлано по моему предмету и притомъ такъ, что не только у одного какого либо животнаго, но у различныхъ классовъ животнаго царства. При изслѣдованіяхъ моихъ я не могъ обращать вниманіе на всѣ вообще составныя части костей, но лишь на главнѣйшія изъ нихъ, каковы: *известь*, *магнезія*, *углекислота*, *фосфорная кислота* и наконецъ *хлоръ* и *флуоръ*. Что касается органическихъ веществъ въ костяхъ, то они мнѣ были интересны лишь при рѣшеніи вопроса посторонняго моей работѣ, предложеннаго мнѣ здѣшнимъ профессоромъ анатоміи Luschka; онъ полагаетъ, что костная ткань во всемъ организмѣ имѣетъ составъ одинаковый и что кажущееся различіе его зависитъ лишь отъ того, что нѣкоторые слои кости имѣютъ болѣе, а другіе менѣе органическихъ веществъ, уменьшающихся по направленію отъ периферіи къ центру, отъ чего и упругость кости въ наружнихъ слояхъ болѣе чѣмъ во внутреннихъ. Этою гипотезой Luschka объясняетъ обстоятельство почему при дѣйствіи удара на кость, напр. сводъ черепа, наружная пластинка (lamina externa) часто остается цѣлою, выноситъ ударъ, тогда какъ внутренняя трескается. Для рѣшенія сего вопроса я сдѣлалъ восемь анализовъ, но количество органическихъ веществъ въ обѣихъ пластинкахъ (laminae externa et interna) нашелъ одинаковое, разнящееся другъ отъ друга лишь центиграммами. При анализахъ я обращалъ вниманіе на количественное содержаніе оссеина, при чемъ анализы мои ограничивались лишь пластинками свода черепа, гдѣ онѣ сравнительно болѣе развиты и легче отдѣляемы отъ diploë чѣмъ въ другихъ костяхъ и преимущественно цилиндрическихъ.

Считаю нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о приготовленіи матеріала къ анализу и наконецъ о самыхъ химическихъ методахъ, которымъ я слѣдовалъ при моихъ работахъ. Кости я бралъ всегда свѣжія, тщательно очищалъ ихъ отъ постороннихъ веществъ, особенно periostei et endostei и затѣмъ разбивалъ ихъ въ тонкій порошокъ; полученный порошокъ былъ обработываемъ въ теченіи нѣсколькихъ дней дистиллированною водою, далѣе алкоголемъ и наконецъ эфиромъ. Обработка эта всякій разъ производилась до тѣхъ поръ, пока экстракты при выпариваніи не оставляли за собою ни малѣйшаго остатка. Этимъ способомъ я получалъ матеріалъ абсолютно чистый, который будучи высушенъ при 140—150^0 С. подвергался дальнѣйшимъ операціямъ, состоящимъ въ томъ, что опредѣленное количество костной золы, приведенной въ тончайшій поро-

шокъ, обработывалось нѣсколько разъ горячею водою до тѣхъ поръ. пока окисленный фильтратъ съ $AgO.NO^5$ не давалъ никакой мути. Оставшійся на фильтрѣ порошокъ былъ растворяемъ въ NO^5 и растворъ обработываемъ AgO_1NO^5, полученный при этомъ осадокъ $AgCl$ былъ сожигаемъ, изъ фильтра тоже по удаленіи въ немъ серебра посредствомъ NH_4Cl бралось двѣ порціи, одна изъ нихъ служила для опредѣленія въ ней PO^5 по методу Neubauer'a *), другая же насыщалась аммiакомъ и потомъ уксусною кислотою для удаленія $Fe_2O_3PO^5$, известь была удаляема щавелевокислымъ аммiакомъ, затѣмъ магнезія ѣдкимъ аммiакомъ и наконецъ фосфорная кислота извести помощію $MgOSO^3$. При опредѣленіи CO^2 я пользовался методомъ Kolbe, измѣненнымъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ Fresenius'омъ **). Извѣстно, что при пережиганіи костей съ цѣлію удаленія органическихъ веществъ нужна значительная степень жара, отнимающая при этомъ въ минеральныхъ веществахъ частію углекислоту, которую хотя мы снова возстановляемъ помощію NH_4OCO^2, однако едва ли вполнѣ и въ количествѣ, въ которомъ она существовала до пережиганія кости. Обстоятельство это заставило меня производить опредѣленіе CO^2 не въ костной золѣ, но въ свѣжихъ костяхъ, очищенныхъ отъ посторонних веществъ извѣстнымъ, выше описаннымъ, способомъ. Присутствіе въ кости органическихъ веществъ (оссеинъ) не имѣетъ вліянія на вѣрность результатовъ, потому что оссеинъ какъ и всѣ вообще животныя вещества, дающія клей, не содержитъ въ себѣ углекислоты.

Опредѣленіе хлора и флуора въ костяхъ по преимуществу занимали мое вниманіе; первый интересенъ былъ въ томъ отношеніи, что о существованіи его въ костяхъ въ томъ соединеніи, въ которомъ я его нашелъ, во всей литературѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, за исключеніемъ работы профессора Hoppe ***), отыскавшаго то же самое соединеніе въ зубной эмали, присутствіе же флуора хотя и было извѣстно прежде, однако количественно не былъ еще опредѣленъ доселѣ.

Хлористыхъ соединеній въ костяхъ, по мнѣнію Gorup-Besanez'a, не существуетъ, присутствіе ихъ онъ относитъ на счетъ тканей,

*) Analyse des Harns; 4-te Aufl. 1863, pag. 148.
**) Anleitung zur quantitativen chemischen Analyse; 6-te Aufl. 1864, pag. 367.
***) Untersuchungen über die Constitution des Zahnschmelzes; Virchow's Ach. Bd. 24, pag. 13.

окружающихъ кость и преимущественно сосудовъ, проникающихъ ее по всѣмъ направленіямъ. Мнѣніе это несправедливо, потому что кромѣ небольшаго количества NaCl, принадлежащаго собственно костному веществу, мы находимъ въ немъ еще другое соединеніе содержащее хлоръ. Обработывая мельчайшій порошокъ костной золы водою, я замѣтилъ, что первый фильтратъ при дѣйствіи на него $AgONO^5$ всегда даетъ осадокъ хлористаго серебра, указывающій на присутствіе хлористаго натра; при дальнѣйшей обработкѣ порошка водою, кипятя даже его, мы въ фильтратѣ уже не открываемъ никакихъ признаковъ хлора, обстоятельство ясно указывающее, что всѣ хлористыя соединенія, растворяемыя въ водѣ, удалены. Растворивъ обработанную такимъ образомъ водою золу въ NO^5, мы снова въ растворѣ этомъ не медля обнаруживаемъ помощію $AgONO^5$ хлоръ, присутствіе котораго въ этомъ послѣднемъ случаѣ никакимъ образомъ не можетъ быть отнесено на счетъ недостаточной обработки костной золы водою, и посему на счетъ присутствія хлористаго натра, но необходимо нужно предполагать другое хлористое соединеніе нерастворимое въ водѣ. Въ самомъ дѣлѣ, справедливость сказаннаго нетрудно замѣтить, обративъ вниманіе на ниже приведенную таблицу, которая показываетъ совпаденіе одного анализа съ другимъ, непозволяющимъ разсматривать присутствіе хлора въ костяхъ за явленіе случайное; хлоръ существуетъ здѣсь въ томъ же соединеніи, въ какомъ онъ, по изслѣдованіямъ профессора Hoppe, находится въ зубной эмали, именно: въ костяхъ онъ находится какъ CaCl въ формѣ *апатита* *).

Родъ животныхъ.	Количество костей.	Найдено AgCl.	Вычислено Cl.	На 100 ч. костей хлора.
Волъ	4,9821 grm.	0,0409 grm.	0,010112 grm.	0,201 grm.
»	5,8730 »	0,0457 »	0,011299 »	0,192 »
Корова	1,8766 »	0,0148 »	0,003659 »	0,195 »
Морская свинка	2,8403 »	0,0169 »	0,004178 »	0,147 »
»	4,7300 »	0,0254 »	0,006280 »	0,133 »
Лошадь	1,5551 »	0,0152 »	0,003758 »	0,242 »
»	4,3422 »	0,0392 »	0,009692 »	0,223 »

Флуоръ. Присутствіе его въ костяхъ первоначально было показано италіянскимъ химикомъ Morichini и затѣмъ Берцеліусомъ; послѣдній нашелъ его въ свѣжихъ костяхъ человѣка и другихъ животныхъ и

*) Virchow's Archiv. Bd. 24, pag. 25.

показалъ, что флуоръ принадлежитъ столько же костямъ ископаемыхъ сколько и нынѣ живущихъ животныхъ, съ тѣмъ впрочемъ небольшимъ отличіемъ, что у первыхъ количество его сравнительно больше чѣмъ у послѣднихъ. Мнѣніе это вызвало работы Girarder'a, Preisser'a и Rees'a; всѣ они нашли флуоръ лишь въ костяхъ ископаемыхъ животныхъ. Rees *) положительно отвергаетъ существованіе флуористыхъ соединеній въ живомъ организмѣ и присутствіе ихъ въ костяхъ ископаемыхъ животныхъ объясняетъ на основаніи процессовъ, которымъ подвергалась кость въ землѣ съ теченіемъ времени. Преслѣдуя далѣе исторически нашъ вопросъ, мы встрѣчаемъ Erdmann'a, который опровергнулъ мнѣніе Rees'a, доказавъ справедливость положенія Берцеліуса, но при изслѣдованіяхъ своихъ онъ ограничился лишь качественнымъ анализомъ. Что касается количественнаго опредѣленія Fl въ костяхъ, то попытки къ этому мы встрѣчаемъ у Берцеліуса, Маршанда, Бибра; всѣ они пользовались методами, которыя не въ состояніи указать съ точностію столь незначительнаго количества флуора, въ какомъ онъ находится въ костяхъ, такъ что анализы ихъ имѣютъ для насъ тотъ лишь интересъ, что они окончательно рѣшили вопросъ о существованіи флуора въ костяхъ всего животнаго царства. Для количественнаго опредѣленія флуора мы мало имѣемъ методовъ и почти ни одного для тѣхъ случаевъ, гдѣ нужно бываетъ опредѣлить небольшое его количество; при помощи профессора Hoppe мнѣ удалось отыскать такой способъ, который хотя тоже имѣетъ недостатки, однако даетъ результаты весьма близкіе къ истинѣ, что я легко могъ замѣтить, дѣлая опредѣленіе Fl въ такихъ соединеніяхъ, гдѣ количество его уже извѣстно положительно (kryolith). Методъ этотъ, которому я исключительно слѣдовалъ при моихъ работахъ, основанъ на общихъ принципахъ дѣйствія FlH на стекло; описывать его я здѣсь не буду, такъ какъ онъ предназначенъ для спеціальнаго журнала — Zeitschrift für analytische Chemie. Такимъ образомъ я находилъ флуоръ въ костяхъ всѣхъ животныхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, при чемъ я нашелъ, что количество флуора у млекопитающихъ вдвое болѣе чѣмъ у другихъ животныхъ, такъ что содержаніе его прогрессивно уменьшается, нисходя отъ высшихъ животныхъ къ низшимъ и отъ ископаемыхъ до нынѣ живущихъ; въ компактномъ веществѣ его болѣе чѣмъ въ порозномъ (diploë) и въ зубной эмали втрое болѣе чѣмъ въ костяхъ.

*) Edinburgh philos. mag.; vol. 58, pag. 93.

Этимъ я оканчиваю мой отчетъ, въ которомъ по необходимости долженъ ограничиться описанными выше результатами изслѣдованій костной ткани вообще, потому что данныхъ, относящихся собственно къ вопросу метаморфоза костей, составляющему цѣль моихъ розысканій, я имѣю еще весьма мало, что произошло главнымъ образомъ отъ того, что я лишь весьма недавно началъ преслѣдовать главную задачу моей работы, для рѣшенія которой необходимо было сначала приготовить животныхъ, подвергнувъ ихъ какъ я выше сказалъ слишкомъ трехмѣсячному кормленію. Дальнѣйшіе результаты, на сколько удастся достигнуть цѣли, я постараюсь изложить въ слѣдующемъ моемъ отчетѣ; при этомъ имѣю честь представить экземпляръ моей монографіи Untersuchungen über den uraemischen Process und die Function der Nieren и еще небольшую статью, помѣщенную въ послѣдней книжкѣ Вирхова архива.

Тюбингенъ, $^{14}/_{26}$ января 1865 года.

36) Надворнаго совѣтника Л. Шварца.

Честь имѣю представить департаменту народнаго просвѣщенія отчетъ за истекшіе три мѣсяца: октябрь, ноябрь и декабрь и при этомъ покорнѣйше прошу извинить краткость этого донесенія. Я былъ очень боленъ, и силы мои возстанавляются только весьма постепенно.

Я занимался въ послѣднее время исключительно теоріей возмущеній. Этотъ сводъ формулъ не есть собственно теорія; эти формулы представляютъ ни что другое какъ болѣе или менѣе приспособленные къ данному случаю методы численнаго рѣшенія задачи трехъ тѣлъ. Директоръ обсерваторіи въ Утрехтѣ, г. Гукъ, издалъ на дняхъ второй томъ «Recherches astronomiques», въ которомъ онъ сообщаетъ результаты своихъ вычисленій возмущеній Прозерпины, зависящихъ отъ первой степени возмущающей массы Юпитера *). Молодые астрономы должны благодарить знаменитаго ученаго за это изданіе, которое даетъ первый полный примѣръ этихъ многосложныхъ вычисленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ перечелъ всѣ формулы съ начала до конца, которыя относятся до этой задачи, съ точнымъ указаніемъ мѣста въ сочиненіи Ганзена «Auseinandersetzung

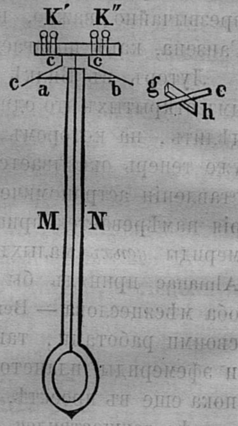
*) Recherches Astronomiques de l'Observatoire d'Utrecht, publiées par M. Hoeck. Deuxième livraison. Perturbations de Proserpine, dépendantes de la première puissance de la masse perturbatrice de Jupiter. La Haye, 1864.

einer zweckmässigen Methode zur Berechnung der absoluten Störungen der kleinen Planeten», гдѣ можно найти выводы ихъ. Для пускающагося впервые въ подобныя вычисленія астронома сочиненіе Гука чрезвычайно важно, но не можетъ замѣнить для него сочиненіе Ганзена, какъ полагаетъ г. Гукъ.

Лутеръ въ Билкѣ нашелъ 82 планетоиду, Алкмэну; въ числѣ имъ открытыхъ это одиннадцатая. Нельзя даже приблизительно опредѣлить, на которомъ числѣ мы остановимся. Во всякомъ случаѣ уже теперь оказывается необходимость раздѣлить работы при составленіи астрономическихъ мѣсяцеслововъ. Берлинская обсерваторія намѣревается принять на себя отвѣтственность за точныя эфемериды *всѣхъ* малыхъ планетъ и желаетъ, чтобы за то Nautical Almanac принялъ бы на себя всѣ вычисленія, касающіяся луны; оба мѣсяцеслова — Berliner Jahrbuch и Nautical Almanac обмѣнятся своими работами, такъ что каждый календарь будетъ содержать и эфемериды планетоидъ и мѣста луны. Этотъ раздѣлъ работъ пока еще въ проектѣ, но весьма желательно, чтобы онъ какъ можно скорѣе осуществился.

Часовыхъ дѣлъ мастеръ при Берлинской обсерваторіи, г. Тиде, сдѣлалъ весьма любопытное изобрѣтеніе, которое при дальнѣйшемъ развитіи пріобрѣтетъ, можетъ быть, необыкновенную важность для астрономіи. Извѣстно, что при часахъ съ маятникомъ, маятникъ долженъ преодолѣвать сумму треній во внутреннемъ устройствѣ часовъ и противодѣйствіе воздуха на самый маятникъ при его качаніяхъ; это онъ исполняетъ помощію гири, которая, опускаясь, переводитъ въ каждомъ моментѣ на маятникъ необходимую силу на преодолѣніе всѣхъ сопротивленій. Чрезъ извѣстное время гиря должна быть поднята чрезъ новую постороннюю силу. Дабы маятникъ удерживалъ постоянный ходъ, необходимо, чтобы центръ тяжести маятника и вѣсъ его оставались ненарушенными; первое достигается почти совершенно чрезъ компенсацію, второе условіе осталось до нынѣ неисполненнымъ и ходъ всѣхъ часовъ съ маятникомъ, находится въ нѣкоторой зависимости отъ барометра. Изобрѣтенный г. Тиде маятникъ не имѣетъ гири; дѣйствіе гири замѣняется давленіемъ двухъ пластинокъ, которыя подымаются посредствомъ электро-магнетизма. Самый маятникъ отличается только тѣмъ отъ обыкновеннаго компенсированнаго маятника астрономическихъ часовъ, что онъ имѣетъ на верхней части поперечную короткую палочку *ab*; на концы *a* и *b* падаютъ пластинки *ca* и *cb*, которыя имѣютъ

совершенно свободное движеніе около точекъ *c* и подымаются посредствомъ снарядовъ *gh*, которыхъ верхнія части притягиваются электро-магнитами *K'* и *K''*. Игра маятника теперь слѣдующая: когда маятникъ нанаходится на сторонѣ *M*, тогда электрическій токъ дѣйствуетъ на магнитъ *K'*, снарядъ *gh* притягивается и пластинка *ca* подымается; послѣ замкнутія токъ переходитъ къ *K''*, снарядъ *gh* опускается и пластинка *ca* налегаетъ на конецъ *a* поперечной палочки въ тотъ самый моментъ, когда маятникъ обращается къ сторонѣ *N*; гдѣ та же игра повторяется въ томъ же порядкѣ. Маленькое давленіе, которое пластинки *ca* и *cb* производятъ на концы *a* и *b* замѣняетъ дѣйствіе гири при маятникахъ обыкновеннаго устройства: надобно признаться, мысль чрезвычайно остроумная. Часы съ подобнымъ маятникомъ не нужно заводить; вмѣсто того слѣдуетъ по временамъ прибавлять кислоты для поддерживанія электрическаго тока. Весь снарядъ, часы и маятникъ можно заключить въ стеклянный ящикъ, проволоки провести сквозь стѣны ящика и посредствомъ насоса вытянуть воздухъ. Часы тогда будутъ дѣйствительно независимы отъ давленія воздуха и устройство такого рода часовъ есть собственно цѣль, которую себѣ поставилъ г. Тиде.



Берлинъ, 1/13 января 1865 года.

37) Кандидата Мстислава Прахова. *)

(За ноябрь и декабрь 1864 и январь 1865 года).

Занятія мои за три послѣднихъ мѣсяца шли, какъ и прежде и какъ и впредь будутъ идти, въ двухъ взаимно восполняющихся направленіяхъ: въ частномъ или спеціальномъ, условливаемомъ кругомъ настоящихъ моихъ работъ, и въ общемъ, проходящемъ по важнѣйшимъ для меня историко-филологическимъ и лингвистическимъ вопросамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ въ свою очередь исторія и языкознаніе составляютъ крайнія стороны, середину

*) Г. Праховъ нынѣ занимается въ Россіи.

между которыми, связующее ихъ звено, область, соединяющую обѣ стороны, образуетъ филологія. До сихъ поръ однакожъ, долженъ я замѣтить, все моё вниманіе отдано было филологіи и языкознанію, и лишь теперь обработка двухъ особенно занимающихъ меня большихъ памятниковъ необходимо заставляетъ удѣлять и историческимъ занятіямъ должную часть въ моихъ работахъ.

Переходя къ перечисленію ихъ, я отмѣчу въ первомъ ряду, въ ряду спеціальныхъ работъ слѣдующія:

1. Оканчиваемое мною сличеніе и изслѣдованіе текстовъ Герберштейна заставляетъ меня обратиться съ одной стороны къ непосредственному сравненію его извѣстій съ ихъ русскими источниками, съ другой — и къ общему ближайшему знакомству съ современною ему Русью. Вотъ задачи, опредѣляемыя для меня на слѣдующее время работою по Герберштейну.

2. Изученіе Слова о полку Игоревѣ приводитъ меня также къ изслѣдованію о князьяхъ и ихъ отношеніяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ, между тѣмъ какъ продолжающійся комментарій позволяетъ составлять и необходимо связанный съ нимъ словарь къ Слову. Если бы нужно было пускаться въ дальнѣйшія подробности, то изъ многихъ частностей я отмѣтилъ бы возстановленіе текста въ характеристикѣ Олега Святославича Черниговскаго («Гориславича», какъ выразительно называетъ его Слово), сосредоточенной въ одномъ мѣстѣ, составляющемъ одно цѣлое (стр. 14—17 перваго изд.; все остальное о немъ — стр. 6, 11, 32 и 44, представляетъ лишь случайныя упоминанія вскользь); начинается оно и кончается общимъ очеркомъ характера Олега и его времени, а въ серединѣ упоминаются отдѣльныя событія, именно тревоги, которыя причинялъ Олегъ Всеволоду и Владиміру, и одинъ изъ важнѣйшихъ ихъ исходовъ — битва подъ Черниговомъ на «нежатиной нивѣ» въ 1078 году, эта то битва и даетъ ключь къ объясненію испорченныхъ словъ. Занятія послѣднимъ памятникомъ постоянно заставляютъ меня обращаться къ пристальному чтенію Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописи и другихъ меньшихъ памятниковъ.

3. Если я скажу далѣе, что продолжаю занятія церковно-славянской грамматикой и преимущественно занимаюсь теперь образованіемъ именныхъ основъ (nominale Stammbildung), руководясь трудами Востокова, Миклошича и Шлейхера (Грамматика церковно-славянскаго языка 1863, Словарь церковно-словенскаго языка 1858—61; Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen и Formenlehre der

kirchenslavischen Sprache), и чешскою грамматикой (по Миклошичу), то обзоръ моихъ частныхъ занятій будетъ конченъ.

Въ общихъ же я укажу:

4. на изученіе фонологіи важнѣйшихъ индоевропейскихъ языковъ по Шлейхеру (Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 1-er Band, 1861) и перваго отдѣла сочиненія г. Курціуса Grundzüge der griechischen Etymologie, отдѣла, подъ частнымъ заглавіемъ Grundsätze und Hauptfragen der griechischen Etymologie стр. 1 — 98) заключающаго прекрасный общій обзоръ главныхъ направленій сравнительной индоевропейской грамматики съ филологической точки зрѣнія — сочиненія (особенно, конечно, первое), которыя изучаешь, къ которымъ обращаешься, и снова изучаешь, и снова обращаешься.

С.-Петербургъ, 5-го февраля 1865 года.

38) Кандидата Антона Гладкаго.

Имѣю честь препроводить въ департаментъ второй отчетъ о моихъ занятіяхъ за триместръ отъ 1-го ноября по 1-е февраля 1865 года.

До рождественскихъ праздниковъ я продолжалъ слушать курсъ энциклопедіи права при Мюнхенскомъ университетѣ у проф. Dallmann'a. Лекціи его отличаются простотою изложенія и ясностію мысли, но по характеру своему элементарны, чѣмъ онъ вполнѣ достигаетъ предположенной себѣ цѣли, т. е. даетъ своимъ слушателямъ предварительное знакомство съ общимъ содержаніемъ юридической матеріи, какъ введеніе въ дальнѣйшее изученіе. Но мнѣ, уже знакомому съ общимъ курсомъ юриспруденціи и имѣющему болѣе потребность въ изученіи энциклопедіи, какъ единства юридическихъ наукъ, сходящихся въ высшемъ, общемъ началѣ, такое изложеніе не могло быть существенно полезно. Потому я рѣшился переѣхать въ Гейдельбергскій университетъ (27-го декабря).

Въ Гейдельбергскомъ университетѣ энциклопедію права читаютъ два профессора: Goldschmidt и Pagenstecher, но такъ какъ теперь, во 2-й половинѣ семестра, оба они уже читаютъ историческую часть энциклопедіи, я же нуждаюсь покуда еще въ ея философской части, какъ существенномъ ея основаніи, то поэтому я выбралъ курсъ профессора Röder'a Rechtsphilosophie (Naturrecht).

Въ изложеніи системы права Röder придерживается философскаго ученія Krause, котораго онъ и есть въ настоящее время, вмѣ-

стѣ съ проф. Ahrens'омъ, главнѣйшій представитель; впрочемъ оба они даже преувеличиваютъ значеніе своего учителя, считая напр. Krause примирившимъ всѣ научныя направленія и стоящимъ выше всѣхъ другихъ философовъ (въ отношеніи философіи права). Röder читаетъ по 4 часа въ недѣлю, придерживаясь своей книги: Grundzüge des Naturrechts oder der Rechtsphilosophie 2 Bd. 2 Aufl. 1860 — 63 (заключающей, въ особенной части, только систему индивидуальныхъ правъ). Хотя чтенія его не отличаются особенною энергіею мысли, и между фактическими основаніями природы, опредѣляющими положенія права и между этической стороной права у него не достаетъ иногда необходимой внутренней связи (что составляетъ основной недостатокъ системы Krause), за то этическій элементъ проходитъ у него по всѣмъ отдѣльнымъ явленіямъ права съ замѣчательною строгою послѣдовательностію. Кромѣ того, простота изложенія даетъ слушателю возможность быстро вникнуть въ основныя положенія и такимъ образомъ связать ихъ, и даже самому дополнить послѣдствія и подробности. Вообще, я этотъ курсъ считаю для себя полезнымъ. Въ теченіе около двухъ мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ я слушаю этотъ курсъ, Röder читалъ изъ особенной части (т. е. приложеніе принципа права къ жизненнымъ отношеніямъ) о слѣдующихъ основныхъ правахъ личности: о правѣ самостоятельности лица и несамостоятельности (опека въ ближайшемъ и отдаленнѣйшемъ значеніи слова); о правѣ относительно духа и употребленія его силъ, и о правахъ тѣла; потомъ право равенства, свободы, общественности и наконецъ чести.

Въ домашнихъ моихъ чтеніяхъ, составляющихъ главнѣйшую часть моихъ занятій, я прочиталъ въ этотъ триместръ слѣдующія сочиненія: *Robert v. Mohl:* Encyclopädie der Staatswissenschaften, 1859. *L. Goldschmidt*: Encyclopädie der Rechtswissenschaft im Grundriss. 1862. *W. H. Riehl:* Die Familie, 6 Aufl., 1862. *E. Laboulaye:* L'état et ses limites, 3 ed., 1865. *Его же:* Paris en Amerique, 8 ed., 1864 (этому сочиненію даже нѣмецкіе ученые, какъ напр. Блунчли и Миттермайеръ, придаютъ серьезное значеніе, сравнивая его съ «Lettres persannes» Montesqieu). *Fr. Rödinger*: Die Gesetze der Bewegung im Staatsleben und der Kreislauf der Idee, 1864. *J. Huber*: Ueber die Willensfreiheit, 1858. и *A. Vera:* La pena di morte, 1863.

Изъ самостоятельныхъ источниковъ первой руки по философіи права я продолжалъ читать главнѣйшихъ философовъ по этой части въ исторической послѣдовательности, сообразно моему плану

занятій, изложенному мною въ предъидущемъ отчетѣ. Только послѣ Платона и Аристотеля, и античной философіи, я приступилъ не къ теократической школѣ, какъ требовалъ того историческій порядокъ (блаженнаго Августина и Thomas Aquino у меня не было подъ рукою), а прочиталъ дальнѣйшихъ авторовъ, и именно, *Dante:* De monarchia, итальянскій переводъ Marsilio Ficino; политическія сочиненія *N. Macchiavelli*, т. е. Il principe и Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio. *Th. Hobbes:* Elementa philosophica de cive, Neuschatel, 1787. *Spinoza:* Tractatus politicus (пер. E. Saisset 1861) и *J. J. Rousseau:* Du contrat social. Также я прочелъ критику этихъ писателей изъ 1-го тома *R. v. Mohl'*я Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, 1855 (объ Macchiavelli въ III томѣ того же сочиненія).

Также параллельно съ этимъ шли у меня и занятія этикой, какъ я упоминалъ о томъ въ моемъ первомъ отчетѣ. Теперь я прочиталъ по части этической философіи: Мысли императора Марка Аврелія, какъ образецъ стоической морали (въ пер. *Pierrona'a* 1845); *Fr. Schleiermacher'a* Grundriss der philosophischen Ethik 1841, и теперь читаю этику Спинозы.

Гейдельбергъ, 12/24 февраля 1865 года.

39) Кандидата Н. Бакста.

Предъидущій отчетъ мой изъ Берлина указываетъ уже на то, что мнѣ едва ли можно будетъ сообщить что нибудь новаго и въ послѣднемъ отчетѣ моемъ отсюда. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я уже, кажется, писалъ, занятія мои въ эту зиму были преимущественно домашнія — приготовительныя для бóльшей самостоятельности въ будущихъ работахъ; разумѣется, при этомъ оказалась необходимость болѣе серьезныхъ занятій математикою, и, при той математической подготовкѣ, какая обыкновенно считается у насъ необходимою для натуралиста, мнѣ, разумѣется, невозможно было въ эту зиму уйти очень далеко въ этой наукѣ.

Если мнѣ дозволено говорить съ полною откровенностью, я позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе по составу нашего факультета естественныхъ наукъ. Я говорю о совершенномъ недостаткѣ математическаго направленія на этомъ факультетѣ, — направленія, которое, безъ сомнѣнія, со временемъ станетъ господствующимъ въ наукѣ. Этотъ недостатокъ, по видимому, не былъ принятъ во вниманіе и при новомъ уставѣ нашихъ университетовъ, а между тѣмъ уже въ

настоящее время нѣтъ возможности основательно изучить многіе отдѣлы естественной науки путемъ нематематическимъ. Можно, конечно, возразить противъ этого, что студентамъ естественнаго факультета не воспрещается, вѣдь, слушать математическія лекціи и заниматься математикой дома; но въ такомъ случаѣ нужно поставить строгій критерій обязательности лекцій вообще, что́, разумѣется, опять таки поведетъ къ вопросу о цѣли и назначеніи естественнаго факультета. Я дозволилъ себѣ коснуться лишь мимоходомъ этого дѣла; разработка его потребовала бы, разумѣется, очень много времени.

Чрезъ мѣсяцъ я намѣренъ отправиться въ Гейдельбергъ, гдѣ буду слушать нѣкоторыя математическія лекціи и надѣюсь окончить у Гельмгольца мое изслѣдованіе объ обмѣнѣ газовъ въ мозгу. По окончаніи этой работы, я отдамъ о ней подробный отчетъ департаменту министерства народнаго просвѣщенія.

Берлинъ, $^{3}/_{15}$ марта 1865 года.

40) Магистра Василія Бильбасова.

(За январь, февраль и мартъ 1865 года).

Первые Гогенштауфены [1]).

Родъ Гогенштауфеновъ или, какъ чаще называли его современники, Штауфеновъ [2]), игравшій въ эпоху среднихъ вѣковъ такую всемірно-историческую роль, довольно «незначительнаго» происхожденія. Прародитель этой фамиліи, прадѣдъ Фридриха Рыжебородаго [3]), былъ простой владѣтель Бюрена (Wäschenbeuren), небольшаго помѣстья у подошвы штауфскихъ горъ, между Геппингеномъ (Göppingen) и Гминдомъ (Gmünd), въ Виртембергіи [4]). Они были

---

[1]) Otto Frisingensis episcopus, chronicon seu rerum ab initio mundi ad sua usque tempora gestarum libri VIII. Мы пользовались лучшимъ изданіемъ, — ed. Cuspinian., Argentorati, 1515. fol., послужившимъ оригиналомъ для многихъ послѣдующихъ изданій. Оттонъ, еп. фрізингенскій, былъ сынъ Леопольда, маркграфа австрійскаго, и Агнесы, дочери императора Генриха IV; слѣдовательно, онъ былъ внукъ императора Генриха IV, шуринъ императора Генриха V, братъ (по матери) короля Конрада II, и дядя императора Фридриха Рыжебородаго. На сколько можно довѣрить его хроникѣ, см. критическія работы по этому поводу нѣмецкихъ ученыхъ, перечисленныя у Поттгаста, Bibliotheca historica medii aevi, p. 477—478. Лучшая изъ этихъ работъ — Wiedemann, Otto von Freisingen, sein Leben und sein Wirken, Passau.

[2]) Hohenstaufen вм. Staufen, подобно тому какъ Hohenzollern вм. Zoller.

[3]) Stammtafel der Hohenstaufen. Erste Hälfte. Raumer, G. d. Hohenst., Bd. S, 383.

[4]) K. v. Spruner, Historisch-geographischer Hand-Atlas.

свободные владѣтели; ихъ помѣстья окружали бургъ Бюренъ; они не разъ упоминаются съ графскимъ титуломъ, что дозволяетъ причислить ихъ къ высшему классу свободныхъ владѣльцевъ [1]).

Герцогъ Фридрихъ I. Въ половинѣ XI стол., дѣдъ Фридриха Рыжебородаго построилъ, сообразно требованіямъ вѣка, на вершинѣ горы замокъ *(Stauphen)*, который своимъ положеніемъ, далъ всему роду названіе Гогенштауфеновъ [2]). Фридрихъ былъ вѣрный приверженецъ [3]) императора Генриха IV и храбро сражался противъ антикороля Рудольфа Швабскаго, за что Генрихъ IV пожаловалъ его герцогствомъ Алеманніей или Швабіей [4]), 1079 г., и, желая привязать его еще болѣе къ своему роду, отдалъ ему руку своей единственной дочери Агнесы [5]). Оттонъ фризингенскій влагаетъ при этомъ въ уста Генриха IV слѣдующую рѣчь. «Лучшій изъ мужей, котораго я испыталъ какъ самаго вѣрнаго изъ всѣхъ во время мира и самаго храбраго изъ всѣхъ во время войны, смотри какъ имперія, ослѣпленная заблужденіями, оскорбляетъ вѣрность [6])... дѣйствуетъ измѣннически и безбожно! Дѣти возстаютъ противъ своихъ родителей, слуги противъ господъ. По наущенію

---

[1]) Chronik von Petershausen: Fridericus de Stouphin, безъ *comes* (Mone, Quellensammlung der badischen Landesgeschichte, Bd. 1). Сынъ же его упоминается уже съ титуломъ графа: Ea tempestate *comes* quidam Fridericus nomine, ex nobilissimis Sueviæ *comitibus* originem trahens, in castro Stoyphe dicto coloniam posuerat. Otto Fr., 1, 8.

[2]) Названіе ихъ Штауфенами должно быть производимо отъ замка, не отъ горъ, такъ какъ до постройки замка они назывались Бюренами; и вообще въ средніе вѣка роды отличались по названію замка или земли, а не горы или рѣки, которыя разсматривались какъ нѣчто болѣе неизмѣнное: роды исчезали, одинъ родъ смѣнялъ другой, названія же горъ и рѣкъ оставались всегда однѣ и тѣ же. Названіе по землѣ отличало уже болѣе сильныхъ владѣтелей — маркграфовъ, герцоговъ, королей. Гогенштауфены рѣдко посѣщали свой родовой замокъ: хроники упоминаютъ лишь объ одномъ пребываніи Фридриха Рыжебородаго — 25-го мая 1181 г.

[3]) Hic (Fridericus) cum esset consilio providus, armis strenuus, ad curiam imperatoris assumptus, per multos dies ibidem militarat, strenuissimique ac nobilissimi militis officium implens, in omnibus periculis suis viriliter imperatori astiterat. Ot. Fr. 1, 8.

[4]) Ipse (rex) pascha (24-го марта 1079 г.) Ratisponae quomodocunque egit, ducatum Alemanniae in erroris irritamentum comiti Friderico ibidem commendans. Pertz, t. VII, p. 319.

[5]) At rex Heinricus dedit Friderico de Stouphin ducatum Suevorum, et filiam suam junxit ei in matrimonium, quae genuit ei Fridericum et Conradum postea regem. Gr. v. Petersh. S. 137.

[6]) Вставку: juxta quod dicitur: «Ultima coelicolum terras Astrea reliquit» многіе справедливо считаютъ позднѣйшею; это стихъ изъ Ювенала.

дьявола, ратные люди клятвенно составляютъ возмутительные заговоры противъ законныхъ князей имперіи. Священныя права попираются. Нѣсть же власти аще не отъ Бога; противящійся власти повелѣніямъ Бога противится. Вооружись противъ этой страшной язвы, мужественно поражай враговъ имперіи. Я не забылъ твоихъ прежнихъ услугъ; буду благодаренъ и за будущія. Даю тебѣ мою единственную дочь въ супруги и герцогство Швабію въ приданое [1])». Эта дочь его носила имя Агнесы; бракъ этотъ былъ чисто политическимъ.

Этотъ Фридрихъ сталъ теперь первымъ герцогомъ Швабіи изъ гогенштауфенскаго рода. Противники признали его въ этомъ достоинствѣ лишь послѣ долгой и кровопролитной борьбы. Генрихъ IV передалъ ему герцогство Швабію въ 1079 г., когда оно было опустошаемо врагами императора [2]); Фридрихъ тотчасъ же началъ добывать силою принадлежавшее ему теперь герцогство, и лишь въ 1097 г. борьба эта окончилась общимъ признаніемъ Фридриха. Фридрихъ умеръ въ 1105 году, бывъ номинальнымъ герцогомъ восемнадцать лѣтъ и лишь восемь дѣйствительнымъ. Онъ былъ погребенъ въ лорхскомъ монастырѣ бенедиктинскаго ордена, воздвигнутомъ его же усердіемъ [3]).

Герцогъ Фридрихъ I оставилъ отъ своего брака съ Агнесою, дочерью императора, двухъ сыновей — Фридриха и Конрада; дочерей у него не было. Вдова Агнеса вышла вторично за мужъ за Леопольда (Луитпольдъ) III, маркграфа австрійскаго, черезъ годъ послѣ смерти перваго мужа, въ 1106 году. Бракъ этотъ былъ также точно бракомъ политическимъ и отъ него-то произошелъ Оттонъ,

[1]) Virorum optime, quem inter omnes in pace fidelissimum et in bello fortissimum expertus sum, cerne qualiter romanus orbis tenebris involutus, fide vacuus... ad ausus nefarios factaque nefandissima concitatur. Nec parentibus reverentia, nec dominis debita subjectio servatur: sacramenta quae tam jure poli, quam jure fori principi a milite publice exhiberi solent, contemnuntur; factiosaque juramento, quae contra leges divinas et humanas in angulis fiunt, diabolo instigante, pro sacrosanctis habentur; nullis legibus, nullis divinis sanctionibus honor impenditur. Cum enim omnis potestas a Deo sit, qui potestati resistit, Dei ordinationi resistit, (Roma, 13). Assurge igitur huic tam pessimo morbo, atque ad debellandos imperii hostes viriliter accingere, neque enim priorum meritorum tuorum immemor existo, nec futurorum ingratus ero. Filiam (Agnetem) quippe quam habeo unicam sibi in matrimonio fortiendam tradam, Ducatumque Sueviae, quem Bertolfus invasit, concedam. Ot. Fr. 1, 8, p. 111.

[2]) См. примѣч. 10, въ концѣ.

[3]) In senectute bona diem ultimum claudens, in monasterio Laureacensi in proprio fundo constructo, humatus est. Ot. Fr., 1, 9, p. IV.

епископъ фризингенскій, хроникою котораго мы пользуемся для нашего разсказа. Нашъ хронистъ умеръ 22-го сентября 1158 года, прекративъ свой трудъ на 1146 году; къ сожалѣнію, его продолжатели не обладали ни его талантомъ, ни его положеніемъ въ свѣтѣ.

Герцогъ Фридрихъ II, 1105—1147. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Фридриха Одноглазаго [1]). Какъ старшій въ родѣ, онъ наслѣдовалъ своему отцу въ герцогскомъ достоинствѣ [2]). Братъ его, Конрадъ, «позже король», наслѣдовалъ франкскія помѣстья (Rotenburg и Weissenburg) въ сѣверномъ станѣ (Nordgau) и весь кохерскій станъ (Kochergau), дававшій ему титулъ графа.

Между тѣмъ Генрихъ V уже съ 1106 года занималъ германскій королевскій престолъ и былъ сильно поддерживаемъ своими племянниками, сыновьями своей сестры, Фридрихомъ и Конрадомъ, въ борьбѣ за инвеституру, въ которой онъ былъ также неуступчивъ, какъ и его отецъ. Въ 1110 году Генрихъ предпринялъ свой первый походъ въ Италію для коронованія себя императорскою короною и полученія права жаловать ленами. Въ бывшихъ по этому поводу переговорахъ съ папою принималъ участіе герцогъ Фридрихъ II и даже былъ, хотя и не долгое время, заложникомъ въ Римѣ. По возвращеніи изъ Италіи, мы встрѣчаемъ его при императорѣ, въ Шпейерѣ, (въ 1111 году); во всѣхъ важнѣйшихъ документахъ онъ является совѣтникомъ императора. Многіе противники императора старались поколебать вѣрность герцога Фридриха II къ императору, своему дядѣ, но напрасно: не успѣлъ въ этомъ даже Альбертъ (Адальбертъ), архіепископъ майнцскій [3]), возведенный въ это достоинство Генрихомъ и осыпанный его благодѣяніями, но, стараніемъ папы и положеніемъ своей земли, перешедшій на сторону противниковъ императора и надѣлавшій ему не мало хлопотъ. Герцогъ Фридрихъ II присутствовалъ также на празднествахъ, бывшихъ по случаю бракосочетанія императора съ

---

[1]) Fridericus dux Sueviae monoculus de Stauf. Böhmer, Fontes, II, 151.

[2]) Porro Fridericus qui major natu erat, patri in Ducatum successerat. Ot. Fr. 1, 10, p. IV.

[3]) At episcopus (Albertus) civitatis, fidei ducis non rectam recompensationem reddens, directis de civitate (Moguntia) ad ipsum in dolo nunciis, treugam postulat; diem, quando, et ubi conveniant petit, se ad gratiam imperatoris velle venire promittit; sicque ducem exercitum dimittere, obsidionem solvere, ac ita cum paucis ad propria redire persuadet... Ot. Fr., 1, 13, p. V.

Матильдою, дочерью Генриха I, англійскаго короля; бракосочетаніе было совершено 7-го января 1114 года въ Майнцѣ, «съ невиданнымъ до того времени великолѣпіемъ», какъ говорятъ хроники, сдѣлавшія эту фразу стереотипною.

За этимъ наступило время тяжелаго испытанія для обоихъ братьевъ Гогенштауфеновъ. Генрихъ V не уступаетъ полученнаго имъ прежде права инвеституры; за каковое упорство папа отлучаетъ его отъ церкви трижды въ теченіи трехъ лѣтъ: въ 1114, въ 1115 и въ 1116 годахъ. Противъ духовнаго меча папы Генрихъ обнажаетъ свѣтскій мечъ императора, и тремъ отлученіямъ противопоставляетъ второй походъ въ Италію. Замѣшательство въ имперіи становится общимъ, высшіе государственные чины, видя въ папскомъ приговорѣ голосъ Христова намѣстника, отступаютъ отъ императора приговаривая: obedire oportet Deo magis quam hominibus; не только королевское достоинство и императорскія прерогативы, но даже фамильныя имѣнія Генриха подвергаются опасности [1]). Не поколебалась вѣрная преданность швабскаго герцога императору. Въ отсутствіе императора, герцогъ Фридрихъ II былъ назначенъ намѣстникомъ; пользуясь отсутствіемъ Генриха, архіепископъ майнцскій подготовилъ возстаніе, которое и вспыхнуло теперь въ прирейнскихъ земляхъ, составлявшихъ наиболѣе могущественную и сильную часть имперіи [2]). Фридрихъ II немедленно двинулся съ военными силами отъ Базеля внизъ по Рейну до Майнца, подавилъ возстаніе и построилъ въ наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи мѣстахъ небольшія крѣпостцы [3]). Въ 1119 году императоръ Генрихъ V былъ снова подвергнутъ интердикту, при чемъ въ первый разъ были подвергнуты церковному наказанію и оба брата

---

[1]) Quae scissura illo tempore tam gravis fuit ut praeter Fridericum ducem fratremque suum et Gotefridum Palatinum comitem Rheni vix aliqui ex principibus fuerint qui principi suo non rebellarent. Ot. Fr. 1, 12, p. V.

[2]) Три Рейнскіе архіепископа — майнцскій, кельнскій и трирскій — составляли всегда главнѣйшую опору папъ въ Германіи, въ борьбѣ ихъ съ императорами. Эта роль ихъ становится особенно интересною въ борьбѣ съ императоромъ Фридрихомъ II, и мы обратили уже на нее особенное вниманіе.

[3]) Ipse (Fridericus) enim de Alemannia in Galliam transmisso Rheno, se recipiens, totam provinciam a Basilea usque Moguntiam, ubi maxima vis regni esse noscitur, paulatim ad suam inclinavit voluntatem. Nam semper secundum alveum Rheni descendens, nunc castrum in aliquo apto loco aedificans, vicina quaeque coegit. Nunc iterum procedens relicto priore, aliud munivit, ut de ipso in proverbio diceretur: dux Fridericus in cauda equi sui semper trahit castrum. Ot. Fr. I, 12, p. V.

Гогенштауфены. Съ этихъ поръ папы не щадятъ своихъ «духовныхъ стрѣлъ» противъ этого «безбожнаго рода», который они скоро пріучили не обращать большаго вниманія на стрѣлы «не оставляющія по себѣ ранъ». Вормскій конкордатъ положилъ миръ (1122) между церковью и государствомъ. Борьба окончена.

23-го мая 1125 года умеръ Генрихъ V, въ Утрехтѣ [1]). Съ Генрихомъ V прекращается салійскій родъ. Чувствуя приближеніе смерти, Генрихъ позвалъ къ себѣ свою супругу Матильду и своего племянника Фридриха: первой онъ вручилъ знаки государственнаго достоинства [2]), второму передалъ свои имѣнія и супругу, какъ бы назначая его такимъ образомъ своимъ наслѣдникомъ. Герцогъ Фридрихъ II надѣялся теперь занять мѣсто умершаго дяди. Альбертъ, архіепископъ майнцскій, надѣялся недопустить на королевскій тронъ своего врага и не щадилъ обѣщаній, чтобъ выманить у Матильды знаки государственнаго достоинства [3]).

На 24-е августа 1125 г. назначено было избраніе новаго короля; приглашеніе было издано, по древнему праву, архіепископомъ майнцскимъ; Альбертъ руководилъ выборами и одержалъ полнѣйшую побѣду. Непріязненныя отношенія герцога Фридриха II къ архіепископу, ненависть всѣхъ къ салійскому роду и его роднѣ, страхъ предъ возраставшимъ могуществомъ Гогенштауфеновъ, вліяніе папскихъ легатовъ и, какъ прибавляютъ многіе, кичливое поведеніе самаго Фридриха на выборахъ — все это склонило князей въ пользу избранія Лотаря.

Лотарь стремился ослабить могущество гогенштауфенскаго рода, возвышеннаго салійскимъ домомъ: въ этомъ онъ думалъ найти вѣрную опору своего значенія и для этого-то соединился съ вельфскою партіею. Вельфы должны были быть его главными защитниками, какъ прежде Гогенштауфены — для салійскаго дома. Лотарь скоро нашелъ достаточный мотивъ къ раздору съ братьями Гогенштауфенами, въ вопросѣ о франкскомъ наслѣдствѣ. Въ продол-

---

[1]) Imperator Henricus... apud inferius Trajectum Fresiae (Frisiae) urbem in Pentecoste cariam celebravit; ubi morbo correptus, rebus humanis exemptus, sepultisque ibidem interioribus, per ripam Rheni ad superiora deportatus, in civitate Spira patribus suis appositus est. Ot. Fr. 1, 15, p. V.

[2]) Ac imperatrix Matildis Henrici regis Anglorum filia, regalia in potestate sua habebat. Ot. Fr. 1, 15, p. V.

[3]) Quam praedictus Albertus Moguntinae ecclesiae archiepiscopus ad se vocavit falsisque promissionibus ad sibi tradenda regalia induxit. Ot. Fr., 1, 15, p. V.

женіе столѣтняго управленія германскою имперіею салійскимъ домомъ, имперскія и родовыя земли до того перемѣшались, что почти не было возможности мирно отдѣлить однѣ отъ другихъ, безъ спора. За тѣмъ Лотарь съумѣлъ вновь возжечь древнюю ненависть между Вельфами (гвельфы) и Вайблингенами (гибеллины), которая уже долгое время была потушена брачнымъ союзомъ швабскаго герцога Фридриха II съ Юдифью, дочерью Генриха Чернаго баварскаго. Такимъ образомъ возгорѣлась десятилѣтняя кровавая борьба, окончившаяся въ 1135 году пораженіемъ Гогенштауфеновъ. Политика Лотаря ясно указываетъ, чему онъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ борьбы послѣдовало примиреніе, и уже въ 1136 году оба брата Гогенштауфены появляются при императорѣ на майнцскомъ сеймѣ 27-го марта, на которомъ Лотарь рѣшилъ свой второй походъ въ Италію. Конрадъ пошелъ съ императоромъ въ Италію; Фридрихъ остался въ Германіи.

6-го апрѣля 1147 года герцогъ Фридрихъ II умеръ въ Алцеѣ (Alzei), по увѣренію хроникъ, полный тоски отъ рѣшимости своего сына идти вмѣстѣ съ своимъ дядею, императоромъ Конрадомъ, во св. землю, и былъ погребенъ въ монастырѣ св. Вальпургиса (Walpurgis), недалеко отъ Гагенау, въ Эльзасѣ [1]).

Король Конрадъ III. При походѣ въ Италію, Конрадъ своею храбростію заслужилъ дѣйствительное уваженіе отъ императора, и своимъ умнымъ поведеніемъ и крѣпостію — расположеніе и дружбу отъ многихъ князей. Съ другой стороны, герцогъ баварскій Генрихъ, претендентъ на престолъ, по смерти Лотаря, своею гордостію вызвалъ лишь ненависть къ себѣ многихъ вельможъ, въ особенности же швабскихъ и франкскихъ государей. Когда Лотарь умеръ, то князья на выборахъ руководились прежнею же политикою и могущество Генриха, владѣвшаго Баваріею и Саксоніею, господствовавшаго отъ моря Средиземнаго до моря Балтійскаго, имѣло вліяніе на то, что 9-го марта 1138 года, въ Кобленцѣ, былъ избранъ въ германскіе короли Конрадъ. Избраніе было сдѣлано и незаконнымъ и обманнымъ образомъ. «Теперь-то начинается знаменитый періодъ въ исторіи Германіи!» восклицаютъ нѣкоторые нѣмецкіе историки.

---

1) Ipse (Fridericus) tamen vim doloris non sustinens non multis post diebus vivendi finem fecit; ac in monasterio, quod sanctae Vualpurgis vocatur, in terminis Alsatiae sito, humatus est. Ot. Fr. 1, 39, p. XI.

Борьба Конрада противъ Вельфовъ и его личное участіе въ походѣ во св. землю составляютъ важнѣйшія событія его правленія; и хотя онъ обладалъ и военнымъ мужествомъ и дипломатическою ловкостью своихъ предковъ, но политическія событія того времени не дозволили ему устроить внутреннія и внѣшнія дѣла [1]). Это было предоставлено, ходомъ историческихъ событій, его преемнику. Такъ какъ лѣта юности герцога Фридриха III тѣсно связаны съ исторіей короля Конрада, и такъ какъ мы слѣдимъ лишь исторію первыхъ Гогенштауфеновъ, какъ герцоговъ, то и переходимъ къ исторіи Фридриха III, какъ швабскаго герцога, а не Фридриха I, какъ германскаго императора.

Герцогъ Фридрихъ III. Герцогъ Фридрихъ II былъ въ первомъ бракѣ съ Юдифью, какъ мы уже упоминали, и во второмъ съ Агнесою, дочерью графа Фридриха заарбрюкенскаго (von Saarbrücken [2]). Отъ перваго то брака происходилъ Фридрихъ (*третій* какъ герцогъ и *первый* какъ императоръ); онъ родился вѣроятно около 1122 года [3]). По описанію современниковъ [4]), онъ былъ средняго роста и стройнаго сложенія; волосы имѣлъ рыжіе, за что и былъ прозванъ итальянцами Рыжебородымъ [5]); былъ ловокъ и отличался на охотѣ и на воинскихъ упражненіяхъ. По оставшимся лѣтописямъ и документамъ, его нравственная личность можетъ быть такъ опредѣлена: онъ былъ другъ справедливости, полонъ воинскаго мужества, смѣлъ и неустрашимъ, всегда дѣйствовалъ обдуманно, обладалъ необыкновенною памятью и большимъ краснорѣчіемъ; для друзей добръ, для враговъ страшенъ. Еще будучи юношей онъ отличался воин-

---

[1]) Conradus militari virtute strenuus et, quod regem decuit, valde animosus, sed quodam infortunio respublica sub eo labefactari coeperat. Chron. Colon. Pantal., 934. Raumer l. c., II, . 81.

[2]) Verum Fridericus dux, mortua uxore sua Juditha, dissensionis tempore Friderici comitis de Sarbur, fratris Alberti episcopi, filiam Agnetem in uxorem duxit, ab eoque Conradum, qui Palatinus Comes nunc Rheni esse noscitur, et Claritiam, Lodovici Turingiae Comitis uxorem accepit. Ot. Fr., I, 21, p. VII.

[3]) Epp. Wibaldi ab Stabulens. et Corbeiensi (Martene et Durand, Coll. ampl., t. II). Ep. CCCXLIV ad Eugenium papam III de morte Conradi imperatoris et electione Friderici, deque eam subsequutis circa expeditionem Italicam: «Hoc ideo dicimus, quod princeps noster nondum, ut credimus, annorum *triginta* fuit ante hac ingenio acer etc.» p. 516.

[4]) Radevicus. ibid 2, 76.

[5]) Barbarossa — Фридрихъ Рыжая-Борода. Удерживаемъ чтеніе *Рыжебородый*, такъ какъ оно принято въ русской исторической литературѣ, хотя нельзя не отдать преимущества первому чтенію.

скими подвигами [1]); такъ, въ 1146 году, въ спорѣ съ баварскимъ графомъ Генрихомъ вольфартсгаузенскимъ (von Wolfartshausen) онъ одержалъ совершенную побѣду. Когда онъ со своими воинами шелъ приступомъ на замокъ графа, то рыцари, бывшіе на сторонѣ Генриха, насмѣхались надъ «безразсудною храбростію юноши» и, стоя предъ стѣнами замка, смотрѣли на приступъ какъ на ребячество. Фридрихъ храбро напалъ на нихъ и заставилъ спрятаться въ замокъ; по оплошности графъ Конрадъ дахауcкій остался внѣ замка, за что и былъ немедленно же взятъ въ плѣнъ [2]). Вскорѣ послѣ этого Фридрихъ ходилъ войною на могущественнаго Конрада церингенскаго (von Zäringen). Фридрихъ взялъ Цюрихъ [3]), загналъ герцога въ его замокъ Церингенъ (неподалеку отъ Фрейбурга) и овладѣлъ замкомъ, который до того времени считался неприступнымъ. Богатый и могущественный герцогъ пришелъ въ такую крайность, что смиренно просилъ о мирѣ (1146 г.) у отца, герцога Фридриха II, и дяди, короля Конрада, своего юнаго побѣдителя. Фридрихъ III являлся часто при дворѣ Конрада; въ документахъ онъ часто встрѣчается какъ свидѣтель.

Когда король приготовлялся къ крестовому походу (въ 1147 г.) и съ нимъ шло 70,000 закованныхъ въ латы рыцарей, Фридрихъ тоже принялъ крестъ, вопреки волѣ своего отца. Этотъ походъ былъ отличною школою для Фридриха. Во время его отсутствія, въ Германіи произошли раздоры, особенно же въ Швабіи. Въ 1147 году отецъ его умеръ, и онъ принялъ герцогское достоинство. Вотъ почему онъ торопился чрезъ Болгарію и Венгрію въ Германію, обратно на родину, куда и прибылъ въ апрѣлѣ 1149 года. Здѣсь, во имя короля, судилъ онъ нарушителей мира; судилъ нещадно. Въ 1149 году король Конрадъ держалъ блистательный сеймъ во Франкфуртѣ, на которомъ былъ и Фридрихъ. Вельфъ VI тоже присталъ къ крестовому походу, но еще до общаго возвращенія, отговариваясь болѣзнію, покинулъ армію. На возвратномъ пути заклю-

---

[1]) Ot. Fr., lib. I, cap. 25. De Friderico juniore et de his quae gessit apud Vuolfrateshusen. p. IX.

[2]) Comes quidam Conradus de Dachovae tunc nobilis comes postea dux factus Croaciae et Dalmatiae, qui incautus extra remanserat, ab hostibus capitur. Ibid.

[3]) Capto ... oppido Turego. Ot. Fr. I, 26, p. IX. *Turegum* nobilissimus Sueviae oppidum ... in faucibus montium versus Italiam super lacum unde *Lemannus* fluvius fluit situm. Ot. Fr. I, 8, p. IV. Lemmannus — Limmat, нѣкогда Limaga или Limagos; Цюрихъ обыкновенно Tigurum.

чилъ онъ союзъ съ сицилійскимъ королемъ Рожеромъ противъ короля; онъ подговаривалъ къ измѣнѣ многихъ вельможъ и въ томъ числѣ герцога швабскаго. Заговоръ этотъ былъ открытъ раньше, чѣмъ успѣлъ вполнѣ сформироваться, и Вельфъ VI палъ послѣ кровопролитнаго сраженія, въ 1150 году. Честь одержанной побѣды принадлежитъ сыну короля Конрада Генриху, который въ этомъ же году и умеръ [1]).

Два года спустя, 15-го февраля 1152 г., умеръ король Конрадъ, въ Бамбергѣ. Онъ не былъ въ Римѣ, не успѣлъ короноваться, и потому то никогда не носилъ онъ императорскаго титула. Незадолго до смерти онъ передалъ своему племяннику, швабскому герцогу Фридриху III, имперскіе клейноды и поручилъ ему своего восьмилѣтняго сына. Этимъ онъ высказывалъ большую проницательность: какъ человѣкъ, заботящійся о своемъ государствѣ, онъ желалъ, чтобъ на ближайшихъ выборахъ былъ избранъ въ короли Германіи не его сынъ, но испытанный въ храбрости и опытности швабскій герцогъ [2]).

Выборъ герцога Фридриха III въ короли. Уже 5-го марта 1152 г. собрались во Франкфуртѣ князья со всѣхъ концовъ Германіи для выбора новаго короля; многіе вельможи пріѣхали для этого изъ Италіи. Здѣсь единогласно былъ избранъ въ германскіе короли швабскій герцогъ Фридрихъ III, которому было тогда «лѣтъ тридцать». Этимъ выборомъ многіе думали покончить разгоравшуюся опять борьбу между Вельфами и Вайблингенами, и примирить оба рода, такъ какъ Фридрихъ былъ Вайблингенъ по отцу и Вельфъ по матери. Принявъ отъ собравшихся князей клятву въ вѣрности, онъ поѣхалъ со своими избирателями внизъ по Майну и Рейну въ королевскій замокъ Зинцихъ (Sinzich), близъ Бонна; отсюда на лошадяхъ въ Аахенъ, куда они и прибыли въ субботу, 10-го марта [3]). На слѣдующій день, въ воскресенье, 11-го марта, епископы прово-

[1]) Circa idem tempus filius regis Henrici, quem ipse, ut supra dictum est, per electionem principum regem ordinaverat, diem obiit, habens adhuc alium fratrem parvulum nomine Fridericum. Ot. Fr. I, 62, p. XXII.

[2]) Erat enim tanquam vir prudens de filio suo adhuc parvulo, ne in regem sublimaretur, quasi desperatus, idcirco et private et rei publicae melius profuturum judicabat, si is potius qui fratris sui filius erat, ob multa virtutum suarum clara facinora, sibi succederet. Ot. Fr. 1, 63, p. XXIII.

[3]) Ac per Mogum et Rhenum navigans, in villa regale Sinciche applicuit, ibi equos ascendens, in proximo sabbato Aquisgrani venit. Ot. Fr. II, 3, p. XXIII.

дили его изъ дворца въ церковь св. Маріи; онъ былъ коронованъ Арнольдомъ, Кельнскимъ архіепископомъ; Фридрихъ возсѣлъ на тронъ Карла Великаго [1]).

Тотчасъ же послѣ коронаціи случилось въ церкви же небольшое приключеніе, довольно характерное. Одинъ слуга, подпавшій опалѣ герцога Фридриха за какой то проступокъ, расчитывая, что торжество смягчитъ короля, бросился въ церкви къ его ногамъ, прося о помилованіи. Фридрихъ спокойно объявилъ просителю, что онъ его удалилъ не по злобѣ, а ради справедливости, и что поэтому онъ не имѣетъ права простить его [2]).

Отпраздновавъ коронованіе, Фридрихъ тотчасъ же послалъ въ Римъ къ папѣ Евгенію III двухъ пословъ, которые должны были приготовить все къ коронованію его императорскою короною. Самъ же онъ изъ Аахена поѣхалъ въ Утрехтъ, гдѣ привелъ въ порядокъ раздоры, по поводу избранія епископа, и праздновалъ пасху въ Кельнѣ. Откуда, чрезъ Вестфалію, пошелъ въ Саксонію, и въ Тройцынъ день держалъ сеймъ въ Мерзебургѣ, въ присутствіи многихъ сановитыхъ особъ государства. Два датскихъ государя, Свенъ и Кнутъ, прибѣгли къ нему съ просьбою дать приговоръ ихъ спору о тронѣ: Свену возложилъ онъ корону, заставилъ его принести вассальную клятву и нести впереди себя мечъ [3]). Въ это время епископскій столъ въ Магдебургѣ сталъ вакантнымъ; партіи пробста Герхарда и декана Гаццо никакъ не могли согласиться въ выборѣ; Фридрихъ рѣшилъ ихъ недоумѣнія: основываясь на вормскомъ конкордатѣ, онъ возвелъ въ это достоинство Вихмана фонъ Цейца, не ожидая папскаго утвержденія. Герхардъ жаловался на это папѣ Евгенію III, на что папа писалъ архіеп. и епископамъ [4]): «Съ удивленіемъ извѣстились мы, что вы, будучи высшими представителями

---

[1]) Sequenti die, id est ea dominica qua Letare Hierusalem canitur, ab episcopis a palatio iu ecclesiam beatae Mariae semper virginis deductus cum omnium qui aderant applausu, ab Arnoldo Coloniensi archiepiscopo, aliis cooperantibus coronatus, in sede regni Francorum, qui in eadem ecclesia a Carolo magno posita est, collocatur. Ot. Fr. II, 3, p. XXIII.

[2]) Ipse vero mentem in priori severitate retinens et tanquam fixus manens constantiae suae omnibus nobis non parvum dedit judicium, dicens non ex odio sed justitiae intuitu illum a gratia sua exclusum fuisse. Ot. Fr., p. XXIII.

[3]) Est enim consuetudo curiae, ut regna per gladium, provinciae per vexillum a principe tradantur vel recipiantur. Ot. Fr. II, 5, p. XXIV.

[4]) Ot. Fr., lib. II, cap. 8, p. XXIV: Gerardus Magdeburgensis praepositus Guiamannum Cicensem episcopum Romae accusavit et epistola papae super hoc.

церкви, обращаете вниманіе не на то, что полезно божіей церкви, но на то, что пріятно сильнымъ міра сего. Вы не указываете имъ путь божій и не представляете собою стѣну для дома Израеля, но, скорѣе, какъ говоритъ пророкъ [1]), стѣну сооруженную изъ глины и не смазанную высѣвкой. Мы же, какъ апостольскій князь и краеугольный камень всей церкви, говоримъ вамъ, что Богу должно быть болѣе послушнымъ, чѣмъ человѣкамъ; вы взираете на благоволеніе князей и допускаете случаться тому, что противно святымъ предписаніямъ церкви и божеской волѣ. Вы согласились на утвержденіе епископа; но не всеизвѣстная польза, не крайняя необходимость, не особенная личность избраннаго побудила васъ къ тому, но единственно и только королевское благоволеніе. Мы поручаемъ вамъ ходатайствовать предъ Фридрихомъ, возлюбленнымъ сыномъ церкви, чтобъ онъ отказался отъ вмѣшательства въ свободный выборъ клира и не предпринималъ бы ничего противъ Бога, церковныхъ законовъ и своихъ собственныхъ королевскихъ обязанностей». Папа Евгеній III умираетъ; его преемникъ Анастасій IV шлетъ палліумъ избранному Фридрихомъ епископу, — значеніе Фридриха не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ возрастаетъ [2]).

Первый походъ короля Фридриха въ Римъ; папа выѣзжаетъ ему на встрѣчу въ Витербо [3]); изъ Италіи пріѣзжаютъ послы съ вѣстями о коронованіи [4]). Наша задача окончена.

Мы остановились на личности герцога Фридриха III; послѣдующая исторія императора Фридриха I Рыжебородаго хорошо извѣстна. Въ Германіи существуетъ въ этомъ отношеніи расколъ: одни говорятъ, что «Фридрихъ I былъ ужасъ для злодѣевъ, похвала для добродѣтельныхъ; уничтожитель анархіи, онъ крѣпко держалъ бразды правленія, и плоды его могучей дѣятельности мы привѣтствуемъ изъ за столѣтій, какъ небомъ ниспосланное благодѣяніе [5])»; другіе говорятъ: «Deutsch-

---

[1]) Прор. Эзекіилъ, гл. XIII.

[2]) Exhinc non solum in saecularibus, sed et in ecclesiasticis negotiis disponendis auctoritas principis plurimum crevit. Ot. Fr., II, 10, p. XXV.

[3]) Quo romanus antistes Adrianus cum cardinalibus suis veniens, ex debito officii sui honorifice suscipitur gravique adversus populum suum conquestione utens, reverenter auditus est. Ot. Fr. II, 20, p. XXIX.

[4]) Ot. Fr., II, 6, p. XXIII.

[5]) Und Früchte seiner grossartigen Wirksamkeit begrüssen auch wir noch über die Jahrhunderte hinüber, als eine auserlesene Wohlthat des Himmels. Dr. Killian, Beiträge zur Geschichte der ersten Hohenstaufen. Mainz, 1859. Мы пользовались этимъ сочиненіемъ при нашемъ разсказѣ.

land, als politischer Organismus betrachtet, trat aus seiner Kaiserzeit in völligen Bankerott hervor [1])». Трудно примирить эти два мнѣнія; но не трудно сказать которое изъ нихъ несправедливо.

Парижъ $^{29}/_{17}$ марта 1865.

41) Кандидата Ф. Шеймана.

Въ продолженіе истекшаго семестра я употребилъ бо́льшую часть времени какъ на частныя занятія у проф. Бенфея, о которыхъ говорилъ въ послѣднемъ отчетѣ своемъ, такъ и на слушаніе и разработку лекцій профессоровъ Бенфея, Эвальда и Лео Мейера. Кромѣ того, я занимался изслѣдованіями о морфологическомъ строеніи нѣкоторыхъ мѣстоименныхъ формъ, результаты которыхъ я вскорѣ надѣюсь приготовить къ печати.

Изъ лекцій, читанныхъ въ этотъ семестръ, уже по важности предмета, особенно привлекала меня энциклопедія языкознанія (проф. Бенфея).

Языкознаніе болѣе, чѣмъ какая либо другая наука, нуждается въ общемъ, энциклопедическомъ изложеніи всей своей области.

Доселѣ, только на очень немногіе вопросы изъ его области обращали вниманіе въ университетскомъ преподаваніи или въ учебникахъ. Тѣсная связь, солидарность, такъ сказать, отдѣльныхъ членовъ языкознанія во всеобщемъ сознаніи еще не получила такой твердой опредѣленности, какъ это мы находимъ касательно другихъ отраслей знанія.

Правда, для всякаго очевидно, что описательная, историческая и сравнительная грамматики, этимологія, изслѣдованія о происхожденіи языковъ и ихъ классификаціи, какъ и всѣ другіе вопросы, обыкновенно разсматриваемые во всеобщей или философской грамматикѣ, находятся во взаимномъ отношеніи, имѣя одинъ общій предметъ, человѣческій языкъ. Но *какъ* онѣ относятся другъ къ другу, *какъ* отдѣльныя отрасли дѣлаются живыми членами научнаго организма, это должно составлять предметъ особой разработки.

Хотя такая потребность, точно опредѣлить характеръ и задачу языкознанія, близка и настоятельна, однако доселѣ ей никто вполнѣ не удовлетворилъ. Единственное сочиненіе, которое, по своему направленію, могло бы имѣть притязаніе на выполненіе пробѣла, есть

[1]) Sybel, die deutsche Nation und das Kaiserreich, S. 73.

книга К. В. Л. Гейзе «System der Sprachwissenschaft», изданная послѣ смерти автора Штейнталемъ въ 1856 году.

Но практическое достоинство этой книги не такъ велико, какъ можно было ожидать, судя по году выхода. Это объясняется тѣмъ, что она была писана гораздо раньше, чѣмъ вышла въ свѣтъ (отъ 1828 до 1834 года), въ то время, когда лишь начиналась работа языкоиспытанія. Притомъ эмпирическимъ основаніемъ труду Гейзе послужили только три языка (именно: греческій, латинскій, и нѣмецкій), а это, естественно, значительно ослабляетъ силу его доказательствъ и уменьшаетъ значеніе его выводовъ.

Философская сторона книги, самая лучшая, имѣетъ большое преимущество предъ философскою игрою предметами языкознанія, какая въ то время была въ ходу. Но такъ какъ Гейзе, ревностный поклонникъ Гегеля, строго придерживается его системы, то и въ этомъ отношеніи его книга имѣетъ болѣе историческое значеніе, чѣмъ можетъ послужить введеніемъ въ языковѣдѣніе нашего времени.

«Лекціи о наукѣ о языкѣ» Макса Мюллера слишкомъ общи и популярны для того, чтобы имѣть пропедевтическое значеніе, хотя онѣ очень любопытны и поучительны по богатому содержанію и по множеству разсѣянныхъ въ нихъ блистательныхъ соображеній.

Что касается до лекцій проф. Бенфея, то и эти составляютъ болѣе рядъ не очень тѣсно связанныхъ между собою изслѣдованій объ общихъ вопросахъ языкознанія, нежели систематически замкнутую энциклопедію.

Исторію языкознанія Бенфей подвергъ весьма подробному и основательному разсмотрѣнію.

Онъ группируетъ грамматическіе труды, по крайней мѣрѣ насколько они касаются области индо-европейскихъ языковъ, около Панини, Аполлонія Дискола, Гримма, Боппа и В. фонъ Гумбольдта, какъ представителей индійскаго, классическаго и новѣйшаго языкоиспытанія, послѣдняго же по тремъ главнымъ направленіямъ, т. е. по исторической, сравнительной и философской грамматикѣ.

Такъ какъ греческіе и римскіе грамматики и философы языка разсматривали языкъ только по его логическому содержанію, совершенно упуская изъ виду особый характеръ языка, зависимый только посредственно отъ общихъ законовъ мышленія, то результаты ихъ изслѣдованій по необходимости односторонни и несовершенны, нерѣдко даже представляютъ только фантастическую игру мыслей.

Такимъ образомъ не мудрено, что отдѣленіе корня отъ приставокъ, необходимое для научнаго изслѣдованія о языкѣ, имъ никогда не удавалось. По тому же недостатку, сущность производства и флексіи имъ все оставалась непостижимою.

И все таки всѣ грамматическія произведенія позднѣйшихъ испытателей до начала нашего столѣтія, т. е. до познакомленія съ санскритомъ и съ индійскою грамматикою, основываются на трудахъ классическихъ грамматиковъ.

Языкознаніе нашего времени обязано значительною долею своихъ успѣховъ древнимъ индійскимъ мудрецамъ, коихъ изслѣдованія о языкѣ священныхъ книгъ своихъ предлагаетъ въ законченномъ видѣ безподобное сочиненіе Панини.

Индійскіе грамматики имѣли при своихъ занятіяхъ чисто практическую цѣль; они хотѣли сохранить пониманіе ведъ для своихъ потомковъ. Для этой цѣли они обращали главное вниманіе свое на формальную сторону языка. Съ удивительною точностію разбирали они каждое слово, сравнивали отдѣльныя слова между собою, выдѣляли однородные элементы и наконецъ составили полную систему корней, первичныхъ и вторичныхъ приставокъ. Съ тою же тщательностію они отыскали и опредѣлили законы какъ фонетическихъ измѣненій, такъ и образованія темъ и формъ. Скуднѣе всего у индійцевъ обработана синтаксическая часть.

Безподобна же ихъ техника. Посредствомъ удивительно экономическаго расположенія матеріала, а особенно посредствомъ того, что каждый грамматическій процессъ выражается, такъ сказать, алгебраическими знаками, т. е. буквами, прибавляемыми къ слову, въ которомъ является процессъ, и способными къ самымъ разнообразнымъ комбинаціямъ, стало возможно сократить самую пространную грамматику самаго богатаго формами языка едва на болѣе ста страницъ нашей печати.

Главное значеніе индійскихъ грамматиковъ для насъ заключается въ мастерскомъ примѣненіи ими аналитическаго метода къ задачамъ языкоиспытанія. Ихъ вліянію на европейскую науку споспѣшествовало особенно то обстоятельство, что индійская грамматика сдѣлалась извѣстною у насъ именно въ то время, когда эмпирическія науки были въ полномъ разцвѣтѣ.

Изъ смежныхъ съ языкознаніемъ наукъ психологія и физіологія имѣютъ для него наибольшее значеніе.

Прежде законы языка считались сообразными или даже тождественными съ общими законами мышленія. Языкъ по тогдашнему мнѣнію σο φόν, т. е. гармоническій организмъ, въ которомъ каждый отдѣльный членъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій, обусловливаемыхъ и управляемыхъ общимъ началомъ. Понять какое либо явленіе въ языкѣ, значило понять, какъ оно было необходимымъ слѣдствіемъ этого начала. Ложность такого взгляда уже доказана Штейнталемъ въ разборѣ Беккеровой системы.

Языкъ есть вѣрный отпечатокъ умственнаго развитія народа. Онъ выражаетъ, какъ народъ дѣйствительно думалъ, какъ онъ понималъ предметы и ихъ взаимное отношеніе, а не какъ ему слѣдовало понимать ихъ сообразно съ законами логики на основаніи теоретическихъ предположеній.

Но такъ какъ каждый элементъ языка представляетъ актъ мышленія, не всегда же логично вѣрнаго мышленія, то его можно понять лишь при помощи науки, имѣющей цѣлію отыскивать и понимать законы умственной жизни, какъ они содѣйствуютъ и противодѣйствуютъ и другъ друга уничтожаютъ.

Языкъ имѣетъ еще другую, такъ сказать, матеріальную основу,— звуки, коихъ образованіе и перемѣны въ историческомъ развитіи въ зависимости отъ строенія человѣческихъ органовъ звука и отъ физіологическихъ условій ихъ взаимодѣйствія. И такъ физіологія очень важная вспомогательная наука для языкознанія, хотя, разумѣется, несправедливо включать относящуюся сюда часть физіологіи въ составъ языкознанія, какъ это иногда дѣлалось. Чтобы понять свой предметъ вполнѣ и всесторонне, языкознаніе, конечно, должно прибѣгать не только къ физіологіи и психологіи, но и къ исторіи, а нерѣдко даже къ еще болѣе отдаленнымъ наукамъ.

Старый вопросъ о томъ, произошелъ ли языкъ φύσει или θέσει, поставленъ неправильно, такъ какъ то и другое рѣшеніе этого вопроса можетъ быть вѣрнымъ и не вѣрнымъ. Языкъ произошелъ φύσει, какъ естественный результатъ естественныхъ условій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ произошелъ и θέσει, такъ какъ онъ былъ созданъ человѣкомъ, а не полученъ имъ въ готовомъ видѣ. Онъ произошелъ не φύσει, если подъ природою понимать внѣшнюю необходимость, но и не θέσει, коли θέσις означаетъ особенное, произвольное соглашеніе. Въ какой мѣрѣ неправильно противоставленіе φυσις и θέσις, можно видѣть въ слѣдующемъ примѣрѣ. Качаніе головы мы считаемъ знакомъ отрицанія, киваніе знакомъ утвержденія, китайцы

же наоборотъ. Теперь спрашивается, произошли эти знаки отрицанія или утвержденія φύσει или θέσει.

Языкъ есть произведеніе человѣческаго духа, не индивидуальнаго а общаго, точно также какъ государство, законъ и обычай.

Но это твореніе не свободное и произвольное, а обусловленное человѣческою природою, стремящейся къ взаимности, т. е. требующей, для нормальнаго развитія своего, сообщества съ существами того же рода.

Изъ прочихъ отдѣловъ лекцій проф. Бенфея представляли особенный интересъ изслѣдованія объ «отношеніи языковъ къ языку (какъ общему выраженію человѣческой мысли), о классификаціи языковъ и о грамматическихъ категоріяхъ».

У проф. Эвальда я занимался армянскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, этотъ ученый (какъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ семитистовъ нашего времени) слишкомъ мало обращалъ вниманіе въ своихъ этимологіяхъ, какъ и въ изложеніи армянской грамматики, на строгое соблюденіе законовъ сравненія, какъ они выработались преимущественно въ области индо-европейскихъ языковъ. Не смотря на то ему удалось, довольно рельефно выставить свойственности армянскаго языка, какъ и положеніе послѣдняго на планѣ индо-европейскихъ языковъ вообще, а иранскихъ въ особенности.

Отличными пособіями при этихъ лекціяхъ послужили мнѣ, кромѣ извѣстныхъ трудовъ Петермана, Боппа и другихъ, особенно статьи Ф. Мюллера въ «Извѣстіяхъ Вѣнской академіи» и «Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка» проф. Патканова.

Въ лекціяхъ Лео Мейера о готскомъ языкѣ, кромѣ изложенія законовъ языка, разсматриваемыхъ съ обычною этому ученому осмотрительностію, требовала особеннаго вниманія критика текстовъ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ упсальскій профессоръ Унстремъ дополнилъ свое превосходное изданіе серебрянаго кодекса отпечатаніемъ снова найденныхъ 10 страницъ (затерянныхъ лѣтъ 20 тому назадъ), то тѣмъ уже была достигнута довольно твердая критическая основа для успѣшной обработки готскаго языка. Все таки же значительное число чтеній осталось сомнительнымъ, другія были положительно невѣрны.

Желая пояснить и эти мѣста, Унстремъ весною прошлаго года отправился въ Миланъ, чтобы слово въ слово проходить всѣ находящіяся тамъ готскія рукописи, составляющія бо́льшую часть всѣхъ вообще существующихъ готскихъ текстовъ. Результатъ превзошелъ

всѣ его ожиданія. Въ письмѣ къ Лео Мейеру онъ сообщилъ послѣднему не менѣе 400 новыхъ варіантовъ, составляющихъ лишь весьма незначительную часть его результатовъ.

На лекціяхъ же мы могли оцѣнять полное значеніе трудовъ Унстрема, такъ какъ онъ присылалъ Лео Мейеру каждый листокъ новаго изданія, приготовляемаго уже на основаніи новыхъ открытій, тотчасъ же по отпечатаніи.

Къ сожалѣнію, Унстремъ около мѣсяца тому назадъ скончался. Изданіе же этимъ печальнымъ событіемъ задержано не будетъ.

Берлинъ, 24/12 марта 1865 года.

42) Кандидата А. Пассовера.

Въ Германіи политическія науки долгое время разработывались людьми, хорошо знакомыми съ дѣломъ литературно, но рѣдко имѣвшими осязательное понятіе о дѣйствительномъ государствѣ. Интересовались философской идеей организма, но мало заботились о механизмѣ этого организма, о дѣятельности живыхъ силъ въ государственной машинѣ. Для всякаго профана ясно, что, говоря собственно о государственныхъ дѣлахъ, такъ точно трудно трактовать, не изучивъ ходъ дѣла на дѣлѣ, какъ сапожнику тачать сапоги, не выучивъ напередъ, какъ слѣдуетъ орудовать шиломъ и дратвой. Потому что какъ нѣтъ абстрактнаго сапога, такъ праздны всякіе толки объ абстрактномъ безотносительномъ государствѣ. Пришла пора сближенія науки съ жизнью, единства мысли и дѣла — такъ стали говорить въ Германіи лѣтъ 20 тому назадъ. Это убѣжденіе выразилось сначала въ оригинальной формѣ, несомнѣнно-вытекшей изъ нѣкоторыхъ свойствъ вообще нѣмецкаго характера: однажды профессора политики и юриспруденціи вдругъ очутились законодателями, министрами Германіи. Но блестящее фіаско 1848 года доказало всю безплодность такого начинанія. Не смотря на незначительные размѣры бо́льшей части нѣмецкихъ государствъ и мелочность подымаемыхъ тамъ вопросовъ, пришлось довольствоваться скромнымъ участіемъ въ депутатскихъ трудахъ какой нибудь баденской или виртембергской палаты. И вотъ нѣмецкіе профессора стали смотрѣть на эту дѣятельность какъ на хорошую пріуготовительную школу политики.

До сихъ поръ я былъ въ трехъ университетахъ и во всѣхъ трехъ наталкивался на одинъ и тотъ же фактъ: въ Лейпцигѣ Аренсъ то

и дѣло ѣздилъ въ Дрезденъ; въ Гейдельбергѣ Блюнчли и Гейссеръ очень часто отлучались въ Карльсру; здѣсь, въ Тюбингенѣ, Рёмеръ, Гесслеръ, Шефле даже не оставляютъ Штутгарта. Само по себѣ, если привести это вліяніе въ связь съ упомянутымъ выше методологическимъ требованіемъ современной политической науки, тутъ нѣтъ ничего безотраднаго. Не отрадно развѣ то, что при теперешнемъ порядкѣ вещей всегда страдаетъ одна изъ корпорацій, между которыми почтенные ученые дѣлятъ свое время и трудъ. Въ Гейдельбергѣ Блюнчли часто пропускалъ лекціи, и подъ конецъ, чтобы наверстать, былъ вынужденъ до нельзя сократить свое изложеніе. Въ Лейпцигѣ, Аренсъ объявилъ, что будетъ держать политическій конверсаторій, и не держалъ. Здѣсь Шефле объявилъ политическую экономію и полицію, и не читалъ; точно также не читали своихъ курсовъ ни Рёмеръ, ни Гесслеръ, а между тѣмъ, это два лучшіе здѣсь романистъ и криминалистъ. Очевидно, тутъ страдаютъ интересы университета, т. е. нѣкоторымъ образомъ и науки. Въ прошломъ году въ здѣшней журналистикѣ былъ даже поднятъ вопросъ: на сколько такое невыполненіе профессорскихъ обязанностей, взятыхъ на себя объявленіемъ курса въ *Lectionscatalog'ѣ*, можно счесть невыполненіемъ молчаливаго соглашенія между профессоромъ и будущей его аудиторіей. Потому что, при существующей въ Германіи системѣ передвиженія учащихся элементовъ изъ университета въ университетъ, легко можетъ случиться, что иные слушатели пріѣзжаютъ именно изъ-за курсовъ, объявленныхъ, но не состоявшихся, не по винѣ аудиторіи, а преподавателя. Это вопросъ юридическій, который я не берусь рѣшить. Но нельзя сомнѣваться, во первыхъ, въ моральной обязанности профессора, знающаго, что ему будетъ невозможно совѣстливо выполнять свою повинность въ университетѣ и внѣ его — не морочить аудиторію несбыточными обѣщаніями; во вторыхъ, на университетѣ лежитъ прямая обязанность замѣстить преподавателя, желающаго во имя науки принять временно непосредственное участіе въ политической дѣятельности страны, и замѣстить не какъ нибудь, а такъ, чтобы положенные курсы читались людьми, дѣйствительно къ тому призванными.

Но вотъ другая тоже довольно важная сторона этого дѣла. Именно спрашивается: насколько польза, приносимая учеными элементами въ законодательныхъ палатахъ, можетъ уравновѣсить осязательныя неудобства, ощущаемыя университетами. У меня нѣтъ достаточно данныхъ для полнаго сужденія, но то, что я знаю, ка-

жется, приводитъ къ заключенію, что ученыя упражненія въ политической практикѣ несравненно полезнѣе для самихъ профессоровъ, какъ будущихъ дѣятелей науки, нежели для дѣла, въ которомъ они принимаютъ непосредственное участіе. Это можно пояснить даже историческими примѣрами. Гизо вынесъ изъ своей политической дѣятельности много глубокихъ идей для своихъ ученыхъ трудовъ. Тьеру никогда бы не удалось воспроизвести такъ ловко всѣ тонкости военныхъ и финансовыхъ операцій Наполеона, не завѣдывай онъ послѣдовательно самыми разнообразными министерствами. Съ этимъ, конечно, не выдержитъ ни малѣйшаго сравненія та польза, которую оба принесли своей странѣ, какъ государственные люди. Маколей подарилъ исторію двумя великолѣпными опытами объ Индіи; но его уголовное уложеніе, стоившее государству сотни тысячъ, оказалось вовсе непримѣнимымъ къ дѣлу. Рискуя показаться парадоксальнымъ, я позволю себѣ все сказанное привести въ связь съ слѣдующимъ несравненно менѣе важнымъ явленіемъ. Мнѣ не удалось услышать Шефле съ каѳедры, но я съ интересомъ слѣдилъ за его парламентской дѣятельностью въ настоящую сессію. Право, все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, могло быть сдѣлано и говорено не хуже обыкновеннымъ депутатомъ бюргеромъ средней руки. Изъ-за этого не стоило лишать университетъ одного изъ лучшихъ его преподавателей. Но Шефле еще кромѣ того членъ комитетовъ, обработывающихъ текущіе вопросы политико-экономическіе, финансовые и государственнаго права. Изъ числа послѣднихъ вопросовъ самый важный былъ поднятъ депутатомъ Шоттомъ: о введеніи тайной подачи голосовъ на выборахъ. Шефле былъ избранъ въ докладчики коммиссіи и въ концѣ прошлаго года онъ роздалъ членамъ палаты свой докладъ. Этотъ докладъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ: начать съ того, что внѣшностію онъ напоминаетъ собой не парламентскую бумагу, а скорѣе нѣсколько параграфовъ изъ учебника политики, случайно отпечатанныхъ *in-Quarto*. Цитатъ страшное количество, однихъ выносокъ счетомъ 165. Къ чему этотъ ученый аппаратъ? Дѣло идетъ о вопросѣ, правда, съ общимъ значеніемъ, но въ примѣненіи къ спеціальнымъ условіямъ не Греціи, Рима, Англіи или Америки, а крошечной державы съ несполна 2,000,000 жителей. Тутъ важно бы имѣть обильныя показанія людей, знакомыхъ съ ходомъ выборовъ на практикѣ, но такихъ показаній виртембергскихъ экспертовъ вы тутъ не найдете. Докладъ составленъ дѣльнымъ ученымъ, и депутаты не пощажены латин-

скими и греческими цитатами; практическихъ отзывовъ очень мало, за то ученый матеріалъ собранъ весьма полно и обработанъ тщательно. Поэтому я не стану говорить о докладѣ, какъ о парламенскомъ актѣ, не буду также повторять всѣ давно извѣстные доводы *pro* и *contra*, а изложу нѣсколько замѣтокъ, которыя возбудили во мнѣ внимательное чтеніе труда Шефле, имѣя главнымъ образомъ въ виду коснуться многострадальнаго въ политикѣ вопроса о подачѣ голосовъ, со стороны его принципа.

Для этого важно знать, какъ къ нему относятся обыденныя политическія партіи. Оказывается, что ни одна изъ нихъ никогда не отождествляла своей участи съ той или другой формой избирательнаго процесса. Между приверженцами гласной подачи есть люди всѣхъ партій, и люди самыхъ противоположныхъ партій требуютъ тайной подачи. Въ Англіи гласность отстаиваютъ аристократы, тогда какъ гласность никогда не была специфически аристократическимъ принципомъ; а въ Италіи отвергаютъ тайную подачу антиподы аристократіи — мацциниcты; радикалъ Милль и доктринеры Дальманъ и Вайтцъ подъ разными предлогами сходятся въ требованіи гласности. Якобинецъ Дантонъ считаетъ гласность такой необходимостью для общества какъ дневной свѣтъ, а либералъ старой школы Моль полагаетъ, что гласности выборовъ добиваются лишь партіи, плохо увѣренныя въ правотѣ своего дѣла *). Въ древнемъ Римѣ, олицетворенный доктринаризмъ, Цицеронъ, называетъ тайную подачу *tacita vindex libertatis*, *principium justissimae libertatis*, а въ Англіи ее требовали радикалъ Бэнтамъ, чартисты и умѣренные либералы въ родѣ Маколея **). Наконецъ если сравнить положительныя законодательства, то окажется, что въ нѣмецкихъ монархіяхъ запада преобладаетъ тайная подача и она же приспособлена къ республиканскимъ учрежденіямъ Сѣверной Америки. Изъ нѣмецкихъ государствъ Ганноверъ и Саксонія придерживаются тайной подачи и оба принадлежатъ къ числу самыхъ консервативныхъ. Аристократическая демократія ввела въ Римѣ, за полтораста лѣтъ до Р. Х., тайную подачу, но аѳинская демократія осталась до конца при гласной. Гласности же до сихъ поръ крѣпко держится аристократическая Англія.

---

*) См. *Politik* I. 300.

**) Шефле говоритъ, что съ 1833—39 въ англійскую нижнюю палату вносилъ билли о такой подачѣ «нѣкто мистеръ Гротъ». Этотъ нѣкто — никто другое какъ потомокъ Гуго Гроція, знаменитый историкъ Греціи Гротъ.

Ясно, что этотъ вопросъ не неразрывно связанъ съ какой нибудь одной формой политическаго быта или съ какимъ нибудь однимъ оттѣнкомъ политическихъ воззрѣній. Это не вопросъ права, а *вопросъ равновѣсія силъ, взаимнодѣйствующихъ въ обществѣ.* При его рѣшеніи надо имѣть въ виду возстановленіе этого равновѣсія тамъ, гдѣ оно нарушено, а не возбужденіе сомнѣній во имя идеальныхъ требованій тамъ, гдѣ эти сомнѣнія не зародились въ жизни сами собой. Нельзя сказать, что народъ имѣетъ право на тайную или гласную подачу своего голоса; нельзя подводить эти двѣ формы подъ какія либо отвлеченныя категоріи, какъ бы всеобъемлющи ни были эти категоріи. Потому нельзя утверждать, что въ абсолютномъ интересѣ правительственныхъ органовъ лежитъ требованіе гласной подачи и что въ существѣ партій, составляющихъ оппозицію, лежитъ стремленіе къ тайной подачѣ. Потому, что если во времена спокойствія тайна подачи ограждаетъ оппозицію отъ правительственнаго насилія, то въ бурное время ту же поддержку найдутъ въ тайнѣ робкіе приверженцы расшатавшихся властей.

Противники тайной подачи обыкновенно говорятъ: «кто требуетъ тайны во имя независимости выборовъ, тотъ не видитъ причины изъ-за ея слѣдствія. Уничтожьте сперва вредную зависимость на дѣлѣ, тогда сама собой явится независимость въ выборахъ». Но дѣло въ томъ, что очень трудно опредѣлить, гдѣ кончается общественная зависимость, которую невозможно искоренить, и гдѣ начинается зависимость политическая, къ искорененію которой стремились всѣ здоровые народы. Зависимость въ дѣлѣ политики не есть какое нибудь частное явленіе, противъ котораго наука имѣетъ одно специфическое лекарство. Зависимость проникаетъ всѣ сферы человѣческой жизни, начиная отъ самыхъ элементарныхъ явленій повседневнаго быта и до высшихъ спицъ государства. Противъ нея должны быть направлены самыя разнохарактерныя средства и усилія цѣлыхъ поколѣній. Въ числѣ этихъ средствъ одно изъ самыхъ сподручныхъ тайная подача. Но ея противники стоятъ за гласность еще во имя педагогическихъ видовъ: гласность воспитываетъ человѣка морально. Плоды этого тысячелѣтняго воспитанія видны въ Англіи. Историческую извѣстность получили примѣры въ родѣ избранія Фокса, которое обошлось въ 150,000 р. с., или графа Спенсера, которое стоило слишкомъ 400,000 р. с. Положимъ, теперь такіе случаи рѣдкость, но разница тутъ чисто количественная; въ Англіи никто не сомнѣвается, что и теперь на выборахъ бы-

ваютъ неисчислимыя злоупотребленія. Не проходитъ почти сессіи, чтобы не былъ предложенъ новый законъ или дополненіе къ старому противъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій. Ужъ это одно показываетъ, какъ достигается педагогическая цѣль гласныхъ выборовъ. Да не смѣшивается ли тутъ также причина и слѣдствіе? Прежде чѣмъ воспитывать человѣка такими косвенными путями, надо позаботиться дать ему прочную матеріальную экономическую основу, положеніе въ обществѣ: моральная независимость и отвѣтственность тогда явятся сами собой. Странно слышать педагогическіе аргументы изъ устъ поборниковъ конституціонализма и парламентаризма. Эта форма основана на убѣжденіи, что воля государства должна быть, de jure и de facto, чѣмъ то въ родѣ поплавка на поверхности убѣжденій народа. О томъ, что государство призвано исправлять должность педагога при народѣ, вести народъ на пути прогресса, цѣль котораго можетъ и не предвидѣться народомъ, объ этомъ собственно и рѣчи не слѣдуетъ быть въ конституціонномъ быту. Все это отвлеченіе отъ другой формы политической жизни, и показываетъ, какъ мало еще успѣли укорениться въ умѣ западныхъ народовъ конституціонные инстинкты.

Другое дѣло, если гласность выборовъ требуется во имя законнаго вліянія передовыхъ классовъ общества. Тогда можно сослаться на весь составъ и весь характеръ государственной машины. Кто ее поддерживаетъ матеріальными средствами и личнымъ участіемъ въ тягостяхъ, кто, стало быть, выноситъ на своихъ плечахъ бремя государства, разсматриваемаго со стороны его *дѣятельности*, тотъ имѣетъ естественное право на преобладающее участіе въ процессѣ опредѣленія и *воли* государства. Тутъ спрашивается лишь: насколько это участіе дѣйствительно законно, т. е. соразмѣрно ли оно съ услугами, оказываемыми извѣстнымъ классомъ государству? Сама жизнь обыкновенно разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Съ тѣхъ поръ какъ государства существуютъ, права въ нихъ опредѣлялись обязанностями. Бывали, разумѣется, исключенія, но они всегда имѣли переходный характеръ. До тѣхъ поръ, пока выполненіе этихъ обязанностей составляетъ дѣйствительную заслугу передъ лицомъ государства, народъ подчиняется вліянію передовыхъ классовъ. До этой точки вліяніе передовыхъ классовъ всегда скажется само собой, будетъ воздѣйствіемъ вѣковымъ, слѣдовательно естественнымъ. Что можетъ потерять такое воздѣйствіе съ введеніемъ тайной подачи, и какая польза для народныхъ массъ отъ уничтоженія гласной? Значеніе

передовыхъ классовъ возникло не путемъ государственныхъ мѣръ, оно держится на совершенно иныхъ началахъ и не нуждается въ искусственномъ огражденіи. Этимъ объясняется странное равнодушіе первобытныхъ состояній къ формамъ производства выборовъ. На нихъ смотрятъ скорѣе съ точки зрѣнія обязанности, нежели права. Дисгармонія начинается, когда въ дальнѣйшемъ развитіи нарушена гармонія между дѣятельностью въ обществѣ, обязанностями относительно народныхъ интересовъ и правами въ сферѣ государства, т. е. когда какой нибудь классъ требуетъ правъ, не соотвѣтствующихъ ни его обязанностямъ передъ государствомъ, ни его положенію въ экономіи общества. Тогда нужны искусственныя гарантіи; на гласности выборовъ настаиваютъ какъ на *conditio sine qua non* преобладанія, неоправдываемаго уже самымъ порядкомъ вещей. Но съ другой стороны, при такой дисгармоніи сословныхъ интересовъ, требованіе тайной подачи раздается громче обыкновеннаго. Это значитъ, что государственная жизнь нуждается въ регуляторѣ. Въ борьбѣ общественныхъ классовъ за государственную власть, народъ хочетъ вести дѣло на чистоту, предоставляя какъ можно менѣе вліянія случайностямъ настоящаго и прошедшаго. Имѣетъ ли государство основаніе отвергнуть это требованіе народа и отождествить себя, свое призваніе, съ интересами *ci-devant* передовыхъ классовъ общества? Нѣкоторые теоретики (напр. Рошеръ) говорятъ: «Требованіе тайной подачи означаетъ, что самъ избиратель за себя боится, однако посылаетъ депутата на бой, приговаривая: отъ меня не жди поддержки! Затѣмъ, парламентъ по существу своему долженъ отражать въ себѣ всѣ оттѣнки зависимости общественныхъ классовъ другъ отъ друга и всѣ партіи, существующія въ обществѣ». На это можно возразить, что эти оттѣнки скажутся сами собой помимо тайны или гласности подачи. Это въ порядкѣ вещей, что избиратель и избираемый не только человѣкъ in abstracto, а еще принадлежитъ къ тому или другому классу и на все смотритъ сквозь очки той или другой партіи. Но государство вовсе не призвано воспроизводить съ математической точностью и увѣковѣчивать оказавшіяся въ обществѣ дисгармоніи, а напротивъ, приводить ихъ къ той степени единства, которая необходима для политической жизни. Слѣдовательно, не въ усиленіи естественнаго преобладанія передовыхъ классовъ, а въ его умѣреніи состоитъ задача государства. И одно изъ средствъ къ этому — тайная подача голосовъ.

Если тайная подача есть одно изъ средствъ къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія сословныхъ интересовъ, то для бо́льшей части государствъ европейскаго материка возникаетъ сомнѣніе: при отсутствіи явнаго преобладанія одного класса надъ другимъ, точно ли для торжества идеи государства нужно это нововведеніе? Классный антагонизмъ тутъ дѣйствительно не такъ развитъ какъ въ Англіи или во Франціи. Моральное давленіе на убѣжденія народа не грозитъ со стороны аристократіи, но отсюда еще не слѣдуетъ, что такого давленія нѣтъ вовсе. Органы правительства получили тутъ такую крѣпкую организацію, у нихъ развитъ такой *esprit de corps*, и вмѣстѣ дисциплина и подчиненность центральной власти такъ сильна, что тутъ мы имѣемъ дѣло тоже съ сплошнымъ классомъ, который на метерикѣ Европы, относительно выборовъ, располагаетъ не менѣе дѣйствительными средствами, нежели въ Англіи—поземельная и промышленная аристократія. Фактъ, въ силу котораго администрація, напр. въ Германіи, является въ данный моментъ единымъ сословнымъ цѣлымъ и вмѣстѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкаго министра-агитатора — этотъ фактъ есть первый признакъ бюрократическаго порядка вещей. И незаконное вліяніе этой бюрократіи имѣется въ виду обрѣзать путемъ тайной подачи.

Въ современности такой мѣры спеціально для Виртемберга убѣждаетъ насъ любопытное прошеніе, поданное докторомъ Фрикеромъ на имя нижней палаты. Изъ этого прошенія оказывается, что всѣ старосты, головы, управители благотворительныхъ заведеній и общинныхъ имуществъ болѣе или менѣе зависимы отъ правительства, а такихъ избирателей въ каждомъ округѣ наберется около 120 — 150. Затѣмъ Фрикеръ утверждаетъ, что, сверхъ этого, въ бо́льшей части округовъ около 200 избирателей поставлены въ болѣе или менѣе зависимое положеніе къ окружному начальнику. «Коли древніе греки представляли своихъ боговъ надѣленными человѣческими страстями—совершенно справедливо прибавляетъ ученый пасторъ — то послѣ этого никто уже не станетъ пенять на швабовъ, если они не представляютъ себѣ своихъ окружныхъ начальниковъ вполнѣ свободными отъ страстей, свойственныхъ остальнымъ смертнымъ».

Въ этихъ видахъ, я полагаю, можно успокоиться на размышленіяхъ, которыми Шефле заключаетъ свой докладъ: «Теоретически оспариваемая и оправдываемая самыми противоположными направле-

ніями, тайная подача есть скорѣе вопросъ о преобладаніи общественныхъ силъ или еще общественнаго мира и политическаго декорума, чѣмъ политической морали. Преобладая въ положительномъ законодательствѣ современныхъ государствъ, во всемъ остальномъ придерживающихся самыхъ противоположныхъ началъ, тайная подача у насъ, въ отношеніи равновѣсія общественныхъ классовъ, будетъ по всей вѣроятности лишь нейтральнымъ нововведеніемъ. Но, при данныхъ условіяхъ общественнаго быта страны, она можетъ содѣйствовать общественному спокойствію и самостоятельному заявленію индивидуальныхъ, умѣренныхъ въ обѣ стороны, воззрѣній. Въ спокойное время она можетъ быть поощряетъ движеніе впередъ, въ бурное умѣряетъ его. Тайная подача столько же повинна въ упадкѣ общественной нравственности, какъ гласная въ ея укрѣпленіи. Охраняя гражданина у избирательнаго ящика, она не исключаетъ гражданскаго мужества внѣ выборовъ. По меньшей мѣрѣ она не болѣе гласной подачи вызываетъ на обманъ и лицемѣріе, но притомъ допускаетъ требуемое духомъ времени деликатное обращеніе съ личными отношеніями въ политикѣ. Она ограждаетъ гражданина, при всей зависимости своего положенія способнаго къ разумному выбору и заинтересованнаго въ немъ. Она не устраняетъ, но умѣряетъ возможность подкупа, насилія, дисгармоніи, тероризма—все вещи, къ которымъ всегда прибѣгали и всегда будутъ прибѣгать всевозможныя партіи. Тайная подача стало быть имѣетъ значеніе для всѣхъ партій, не только интересъ для трусливыхъ элементовъ какой нибудь одной партіи».

Тюбингенъ, $^{10}/_{22}$ марта 1865 года.

43) Доктора Д. Зайковскаго.

Къ вопросу о дѣйствіи мышьяка на организмъ.

Современные химики пришли къ убѣжденію, что многіе химическіе элементы, весьма различные по наружнымъ физическимъ своимъ свойствамъ, очень сходны между собою въ химическомъ отношеніи такъ, что все, что встрѣчается въ частной химіи одного такого элемента, точно также повторяется и въ химіи другаго. На этомъ основаніи они раздѣлили всѣ элементы на извѣстныя химическія группы, и мы въ настоящее время, изучая химію одного изъ такихъ тѣлъ извѣстной химической группы, вмѣстѣ съ тѣмъ изучаемъ и химію другаго, входящаго въ составъ оной. Химики пошли еще далѣе:

зная извѣстныя соединенія какого либо элемента извѣстной группы и не встрѣчая подобнаго въ ряду соединеній другаго одногрупнаго, они стали заключать объ логической необходимости существованія такого соединенія, и дѣйствительно съ каждымъ годомъ выработывается все болѣе и болѣе фактовъ, вполнѣ подтверждающихъ подобнаго рода заключенія. Подобное сходство химическихъ функцій подало поводъ къ мысли замѣщать одинъ элементъ другимъ той же группы въ химическихъ соединеніяхъ, не опасаясь разрушить химическій типъ такого соединенія и опытъ вполнѣ подтвердилъ и эту посылку. Если такимъ образомъ элементы одной группы функціонируютъ тождественно, замѣщая другъ друга въ химическихъ соединеніяхъ, нисколько не измѣняя типа ихъ, то тождественность химической функціи должна заставить предполагать и тождественность производимаго дѣйствія и притомъ не только въ ретортѣ, но и въ живыхъ организмахъ какъ растеній такъ и животныхъ *). На этомъ основаніи мы рѣшились приступить къ рѣшенію этого вопроса и выбрали для того химическую группу азота, къ которой относится главнымъ образомъ фосфоръ, мышьякъ и сурьма.

Прежнія изслѣдованія о фармакологическомъ дѣйствіи этихъ тѣлъ на организмъ не привели ни къ какимъ особенно важнымъ положительнымъ результатамъ, и только въ послѣдніе 4 года явился вопросъ объ дѣйствіи на организмъ одного изъ тѣлъ этой группы — фосфора, въ новомъ свѣтѣ. Hauff (Würt. Correspondenzbl. 1860. 34.) а за нимъ Lewin и Ehrle первые указали на нахожденіе жирной печени у людей отравленныхъ фосфоромъ; работы послѣдняго времени вполнѣ подтвердили это наблюденіе и значительно подвинули впередъ этотъ вопросъ. При отравленіи фосфоромъ поражаются жировымъ перерожденіемъ не только печень, но и почки, мышицы сердца и мышицы всего тѣла, въ бо́льшей или меньшей степени, въ теченіе болѣе или менѣе скораго времени (отъ нѣсколькихъ часовъ и до нѣсколькихъ дней). При этомъ наблюдается (при введеніи фосфора или его соединеній въ желудокъ), кромѣ болѣе или менѣе сильнаго пораженія желудочно-кишечнаго канала, представляющаго всѣ различные періоды остраго воспаленія со всѣми его исходами, въ боль-

*) Само собою разумѣется, что такая тождественность можетъ существовать въ общихъ главныхъ чертахъ, свойственныхъ элементамъ одной и той же группы: внѣшніе физическіе признаки каждаго изъ нихъ должны конечно оставить свой отпечатокъ на томъ химическомъ соединеніи, на составъ котораго они дѣйствуютъ.

шей части случаевъ мускатную печень жирную; при этомъ клѣточки печеночныя являются глазамъ изслѣдователя, подъ микроскопомъ, содержащими значительное количество жира, иногда же онѣ совершенно набиты имъ. Рядомъ съ этимъ измѣненіемъ наблюдается часто, хотя и не постоянно, сильное пораженіе почекъ: онѣ являются переполненными кровью, эпителій, выстилающій мочевые канальцы, представляется болѣе или менѣе зернистымъ, иногда рѣзко перерожденнымъ; онъ наполненъ жировыми капельками. Рѣже наблюдается жировое перерожденіе мышицъ сердца и всего тѣла, нѣсколько чаще мышицы сердца представляются зернистыми. Таковъ общій характеръ патологическихъ измѣненій тканей, производимый фосфоромъ въ организмѣ. Посмотримъ, что производитъ мышьякъ?

Мы производили опыты надъ 13 кроликами, которые кормились мышьяковистою кислотою въ теченіе различнаго времени и различными дозами. Всѣ они получали одну и ту же пищу (хлѣбъ, овесъ и воду) и содержались въ однихъ и тѣхъ же ящикахъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. При употребленіи небольшихъ дозъ въ восходящихъ пріемахъ ($^1/_8$ — $^1/_4$ грана), кролики жили отъ 5—14 дней, но при этомъ бóльшею частію умирали на 6 или 7 день; одинъ только изъ нихъ прожилъ 2 недѣли и представилъ при вскрытіи очень любопытныя явленія, которыя мы опишемъ ниже. При употребленіи большихъ дозъ (4, $4^1/_2$, 5 гранъ) животныя быстро умирали по прошествіи 20—28 часовъ. Результаты, полученные нами при вскрытіи всѣхъ такихъ кроликовъ, мы суммируемъ въ слѣдующемъ порядкѣ. У кроликовъ, принимавшихъ по $^1/_2$ — $^3/_4$ грана pro dosi, ежедневно въ теченіе 5—6 дней (5 кроликовъ), печень была постоянно увеличена значительно въ объемѣ, вѣсъ ея также былъ увеличенъ (въ 2 случаяхъ печень вѣсила 63,5 и 62,5 grm., средній же вѣсъ печени у большихъ кроликовъ между 40 и 45 grm.), наружный видъ ея напоминалъ нѣсколько сильную мускатную печень, съ тѣмъ только различіемъ, что каждый acinus представлялъ три части: наружную, лежащую въ периферіи его, красноватаго цвѣта; за нею слѣдовала большая часть сильно матоваго цвѣта и въ срединѣ виднѣлась опять красноватая небольшая часть. Консистенція печени была сильно жирная. Подъ микроскопомъ каждый acinus представлялъ тѣ же три округа, изъ которыхъ наружный соотвѣтствовалъ периферіи его, и здѣсь лежали печеночныя клѣточки наименѣе или почти вовсе неизмѣненныя, центръ соотвѣтствовалъ отверстію venae intralobularis, а наибольшая часть срединная состояла

изъ сильно увеличенныхъ въ объемѣ печеночныхъ клѣточекъ (онѣ были вдвое, втрое и иногда въ четверо болѣе нормальныхъ клѣтокъ), въ нихъ рѣзко различалось по нѣсколько ядеръ (въ большинствѣ случаевъ два), и многія изъ нихъ были сильно наполнены мелкими зернами жира; нѣкоторыя содержали его меньше, другія же были въ полномъ смыслѣ набиты имъ. Эпителій желчныхъ протоковъ тоже представлялся претерпѣвшимъ болѣе или менѣе сильное жировое перерожденіе. Почки представляли тѣ же измѣненія какъ и печень. Эпителій мочевыхъ канальцевъ представлялся часто (въ 4 случаяхъ) увеличеннымъ въ объемѣ, сильно зернистымъ, и мѣстами наполненнымъ жировыми капельками (особенно въ извилистыхъ каналахъ). Сосуды почекъ были растянуты мѣстами, мѣстами наблюдались небольшія кровоизліянія. Мышицы сердца два только раза были найдены содержащими значительное количество жировыхъ капелекъ очень мелкихъ, два раза были они сильно зернисты, и поперечныя черточки почти не были видны, одинъ разъ никакихъ измѣненій не было найдено. Клѣточки железъ желудка также были значительно увеличены въ объемѣ, сильно зернисты и наполнены жировыми капельками, отчего вѣроятно поверхность желудка представляла тотъ набухшій, матовый, мутный видъ, на который проф. Вирховъ въ послѣднее время обратилъ вниманіе при вскрытіяхъ людей, отравленныхъ фосфоромъ. Въ печеняхъ, превращенныхъ въ полужидкую массу, къ которой было прибавлено нѣсколько капель Hcl, и подвергнутыхъ діализу, было найдено несомнѣнное присутствіе мышьяка съ помощію Маршева аппарата; въ почкахъ это удалось всего два раза.

У кроликовъ, принимавшихъ отъ $^1/_8$ — $^1/_4$ грана AsO_3 p. d. и жившихъ 8—9 дней (4 кролика), въ печени были найдены описанныя выше измѣненія, съ тою только разницею, что патологическія явленія были не такъ рѣзко выражены. Отдѣльные acini не представляли подъ микроскопомъ столь огромнаго количества жировыхъ клѣточекъ, но замѣчательно въ этихъ случаяхъ было то, что такому пораженію подвергнулись въ большинствѣ случаевъ печеночныя клѣтки, лежащія въ центрѣ около отверстія центральной вены, или же поражались отдѣльныя мѣстности такого acini, остальныя же клѣтки не были особенно сильно измѣнены или же совершенно нормальны. Въ почкахъ наблюдались тѣ же явленія какъ и прежде, но съ меньшею интенсивностію. Мышицы сердца только разъ были найдены зернистыми. Одинъ изъ нашихъ кроликовъ (3-й) при вскрытіи (жившій 8 дней

и всего принявшій 1 гранъ AsO_3) не представилъ никакихъ измѣненій: даже въ печени ничего не было найдено ненормальнаго.

Наконецъ, у кроликовъ, отравленныхъ значительными дозами AsO_3 (4—5 гранъ) и жившихъ 20—28 часовъ (3 кролика), при вскрытіи печень не представляла ничего особеннаго, только вѣсъ ея былъ увеличенъ (одна печень вѣсила 58 грам., другая 56, третья 55,5 грам.) Но, при микроскопическомъ изслѣдованіи, всѣ клѣтки всей печени постоянно представлялись нѣсколько увеличенными въ объемѣ и сильно наполненными множествомъ жирныхъ капелекъ; при этомъ это жировое наполненіе клѣтокъ было равномѣрно на протяженіи всякой дольки печеночной; особенно интенсивно пораженныхъ мѣстъ не было. Эпителій мочевыхъ канальцевъ представлялся нѣсколько увеличеннымъ въ объемѣ, въ значительной степени зернистымъ, но жироваго метаморфоза въ немъ замѣтно не было. То же мы должны сказать и о сердцѣ.

Одинъ только кроликъ прожилъ у насъ 14 дней, принимавшій все это время небольшія дозы мышьяковистой кислоты (всего онъ съѣлъ $2^3/_4$ грана). При вскрытіи, печень была найдена значительно (болѣе чѣмъ вдвое противъ нормальнаго) уменьшенною въ объемѣ, вѣсъ ея 34 грамма. При микроскопическомъ изслѣдованіи, клѣточки печени найдены были уменьшенными въ объемѣ, въ нихъ не было и слѣдовъ жира, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, и при этомъ наблюдалось очень большое количество свободно лежавшихъ ядеръ между клѣточками: двуядерныхъ и трехъядерныхъ клѣтокъ уже болѣе не было. Намъ кажется, что подобное явленіе много говоритъ въ пользу распаденія прежнихъ клѣточекъ печени, и такимъ образомъ, если сообщенное нами явленіе есть слѣдствіе хроническаго отравленія мышьякомъ, мы въ правѣ полагать, что конечный результатъ дѣйствія мышьяка на организмъ есть разрушеніе тканей. Подобное же уменьшеніе печени при хроническомъ отравленіи AsO_3 голубя мы имѣли случай однажды также наблюдать: она была втрое меньше нормальной. Почки у разсматриваемаго кролика были значительно увеличены въ объемѣ, мѣстами эпителій канальцевъ представлялъ распавшуюся массу, мѣстами сохранился, но былъ сильно зернистъ и мѣстами увеличенъ въ объемѣ и наполненъ жировыми капельками. Сердце было вяло и значительно атрофировано. Если послѣдующія наблюденія вполнѣ подтвердятъ предполагаемый исходъ хроническаго отравленія мышьякомъ, то мы вполнѣ убѣждены будемъ и въ томъ, что и фосфоръ долженъ обусловливать подобнаго же

рода исходы. Итакъ мышьякъ производитъ тѣ же явленія in genere въ организмѣ, какъ и фосфоръ. Но теперь рождается вопросъ: дѣйствительно ли описанныя явленія зависятъ отъ As какъ элемента, или же элементъ этотъ не имѣетъ никакого значенія и въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ на организмъ только извѣстный типъ кислоты, растворяющей кровяные шарики. Въ такомъ типѣ радикалъ можетъ быть замѣщенъ самыми различными простыми и сложными органическими радикалами, и результатъ будетъ одинъ и тотъ же: все, что дѣлаетъ фосфорная кислота и мышьяковая, также могутъ производить и кислоты желчныя, щавелевая, виннокаменная, азотная и сѣрная. Всѣ эти кислоты дѣйствуютъ разрушительнымъ образомъ на кровяные шарики, измѣняютъ вслѣдствіе того питаніе и производятъ жировое перерожденіе тканей. Такъ учатъ въ настоящее время Лейденъ и Ф. Мункъ въ своемъ только что вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи: «Die acute Phosphor-Vergiftung» 1865. Подобнаго рода положеніе намъ кажется въ высшей степени невѣроятнымъ. Во-первыхъ, потому что сходство и тождественность химическихъ реакцій обусловливаетъ сходство и тождественность производимаго дѣйствія, а въ данномъ случаѣ мы должны будемъ отнести въ одну группу тѣла съ самыми разнообразными химическими свойствами; во-вторыхъ, потому что то, что возможно подъ микроскопомъ съ каплею крови, при извѣстной концентраціи употребляемаго раствора, то положительно невозможно въ цѣломъ организмѣ, въ крови котораго постоянно находится запасъ щелочи, очень легко соединяющейся съ поступающею въ оную свободною кислотою и умѣряющею такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ или даже совершенно уничтожающею разрушительное дѣйствіе кислоты на кровяные шарики. Въ третьихъ, наконецъ, мы, въ видѣ предварительнаго сообщенія, укажемъ на два опыта, произведенные нами надъ кроликами, съ цѣлью убѣдиться въ тождественности дѣйствія на организмъ элементовъ одной и той же группы. Мы взяли сурьмянокислаго кали и кормили имъ двухъ кроликовъ (по 10 гранъ ежедневно), въ теченіе 17 дней одного и 14 другаго. Оба были убиты уколомъ въ продолговатый мозгъ. При вскрытіи печень оказалась сильно увеличенною (въ одномъ случаѣ она вѣсила 75 grm., въ другомъ 54 grm.), жирною. При микроскопическомъ изслѣдованіи, печеночныя клѣтки оказались сильно увеличенными (въ 2—4 раза противъ нормальнаго), содержащими 2—3 ядра и мѣстами сильно наполненными жировыми мелкими каплями. Въ одномъ случаѣ главное пораженіе находилось въ центрѣ

каждаго acini такъ, что периферія его была сравнительно свободна. Эпителій въ почкахъ въ обоихъ случахъ также былъ значительно измѣненъ: онъ былъ увеличенъ и содержалъ значительное количество жира, мѣстами имѣлъ сильно зернистый видъ. Мышицы сердца не представляли ничего ненормальнаго. Но у голубей (у которыхъ мышицы сердца часто содержатъ незначительное количество жира), при кормленіи окисью сурьмы, количество это постоянно значительно увеличивалось въ этой ткани, а окись сурьмы и сурьмянокислаго кали конечно не дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ на кровяные шарики. Для контроля былъ взятъ еще кроликъ, посаженъ въ одно время съ двумя вышеназванными, кормился одинаковою вмѣстѣ съ ними пищею, содержался при тѣхъ же условіяхъ и прожилъ столько же времени. Послѣ смерти печень его вѣсила 41 grm., клѣточки ея содержали жиръ, но ничего не имѣли сходнаго съ вышеописанными; въ почкахъ ничего ненормальнаго, въ сердцѣ тоже. Итакъ, основываясь на томъ, что три элемента одной химической группы производятъ одинаковыя патологическія измѣненія въ организмѣ, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что специфичность дѣйствія фосфора, мышьяка и сурьмы на организмъ находится въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ химической трехъ-атомной группы и что слѣдовательно всякій другой элементъ, относящійся къ той же группѣ, долженъ обусловливать тѣ же измѣненія въ организмѣ. Что же касается вопроса, почему отъ нѣкоторыхъ соединеній фосфора не происходитъ сказанныхъ выше явленій въ тѣлѣ, то мы это объясняемъ себѣ слѣдующимъ предположеніемъ: въ каждой химической группѣ существуютъ извѣстные типы соединеній элементовъ ее составляющихъ, типы, которыми и выражается специфичность дѣйствія этихъ тѣлъ на организмъ. Такъ въ нашемъ случаѣ можетъ подобную роль играть напр. типъ RO_3 или RO_5, гдѣ R означаетъ любой радикалъ этой группы, поставленный на его мѣсто: во всѣхъ случаяхъ результатъ въ общемъ будетъ одинаковъ. И если вѣрно подобное предположеніе, то мы можемъ формулировать наши понятія объ ядовитости того или другаго вещества слѣдующимъ образомъ: ядовитыхъ элементовъ собственно нѣтъ; страшенъ для существованія извѣстнаго индивидуума собственно не элементъ, а тотъ типъ извѣстнаго соединенія, въ составъ котораго входитъ такой элементъ. Многочисленные токсикологическіе факты могутъ служить доказательствомъ такого рода предположенія.

Берлинъ, 2-го марта 1865 года.

44) Магистра Якова Вальца.

Честь имѣю донести департаменту, что послѣдніе три мѣсяца я оставался въ Фрейбургѣ, продолжая здѣсь свои практическія занятія въ ботаническомъ институтѣ здѣшняго университета подъ руководствомъ профессора de Bary, а также слушаніе лекцій этого профессора и посѣщеніе засѣданій мѣстнаго общества естествоиспытателей и врачей.

Лекціи, слушанныя мною, составляли продолженіе тѣхъ, о которыхъ я уже писалъ въ моемъ послѣднемъ отчетѣ. Что же касается до практическихъ занятій, то главнымъ образомъ я занимался изслѣдованіемъ водорослей рода Vaucheria. При этихъ изслѣдованіяхъ я имѣлъ въ виду ознакомиться съ морфологіей упомянутыхъ водорослей, съ физіологическими процессами, совершающимися при ихъ развитіи, и, кромѣ того, ихъ систематическую обработку. При этой работѣ я пользовался какъ свѣжими экземплярами изъ здѣшней богатой въ этимъ отношеніи мѣстности, такъ и гербаріями проф. de Bary (Freiburg), проф. Braun'a (Berlin), Dr. Koch'a (Bremen), Dr. Rabenhorst'a и Dr. Hantzsch'a (Dresden) и нѣкоторыми оригинальными экземплярами проф. Kützing'a. Хотя при изслѣдованіяхъ этихъ я уже и пришелъ къ нѣкоторымъ не безъинтереснымъ результатамъ, но такъ какъ наблюденія мои еще не окончены, то я считаю несвоевременнымъ сообщить ихъ департаменту народнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что для приведенія въ ясность систематики рода Vaucheria мнѣ необходимо познакомиться во всей полнотѣ съ древнею литературою, касающеюся этого предмета, а сдѣлать это вполнѣ я въ настоящее время не могу, но надѣюсь успѣть въ этомъ, когда, закончивъ здѣсь свои наблюденія, я переѣду въ одинъ изъ столичныхъ германскихъ университетовъ.

При изслѣдованіи водорослей рода Vaucheria я обращалъ вниманіе и на паразиты, водящіеся на и внутри ихъ, и изъ нихъ полнѣе другихъ я изслѣдовалъ Chytridium rhizinum Schenk. (Rhizidium Confervae glomeratae Cienkowsky, Chytr. entophytum Al. Br. по всей вѣроятности), и касательно этого хитридія изслѣдованія мои подтверждаютъ уже описанное другими, только что и у этого хитридія, какъ и у Chytr. roseum de By. et Woronin, по моимъ наблюденіямъ отверстіе горлышка до выхода зооспоръ закрыто студенистой пробкой, образованіе которой совершается точно также, какъ и у Chytridium roseum.

Кромѣ упомянутаго, я старался познакомиться съ различными грибами и водорослями, опредѣлялъ лишаи, мхи и нѣсколько флоридей и въ послѣднее время приступилъ къ изслѣдованію проростанія сѣмянъ Vicia Faba. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи изслѣдованія мои ограничиваются, покамѣстъ, анатоміей упомянутыхъ сѣмянъ, а потому я считаю несвоевременнымъ сообщить результаты и этой работы.

Фрейбургъ, $\frac{\text{20-го марта}}{\text{1-го апрѣля}}$ 1865 года.

45) Кандидата А. Орлова.

О состояніи необходимой обороны (Nothwehr).

Въ связи съ ученіемъ о состояніи крайней необходимости (Nothstand) стоитъ и въ доктринѣ и въ законодательствахъ ученіе о необходимой оборонѣ (rechte Nothwehr). И дѣйствительно, необходимая оборона есть видъ состоянія крайней необходимости въ болѣе широкомъ его смыслѣ; но она существенно различна отъ настоящаго состоянія крайней необходимости, хотя оба эти понятія часто и смѣшиваются между собою.

Гдѣ же лежитъ ихъ различіе?

Нѣкоторые писатели полагали различіе состоянія крайней необходимости и необходимой обороны въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, въ первомъ существуетъ опасность для жизни (Lebensnoth), а во второмъ опасность для права (Rechtsnoth). Но подобное противоположеніе очевидно вовсе не существуетъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ жизнь есть также право, и опасность для первой можетъ быть въ то же время и опасностію для втораго. Но и кромѣ того, понятіе состоянія крайней нужды вовсе не ограничивается опасностію для жизни. Въ силу его при опасности отъ огня разрушаютъ мой домъ для спасенія слѣдующихъ за нимъ зданій; такимъ образомъ здѣсь облекается правомочіями крайней нужды и находящаяся въ опасности собственность. Но не болѣе основательны доводы и другихъ, которые говорили, что не опасность для права и опасность для жизни, а юридическая и естественная нужда (Rechtsnoth и Lebensnoth) составляютъ противоположность, въ которой и лежитъ искомый отличительный признакъ; т. е., различіе это заключается, по ихъ мнѣнію, въ источникѣ опасности, или, другими словами, въ состояніи край-

ней необходимости жизни угрожаетъ опасностію сила природы, которая такимъ образомъ проявляется не въ видѣ права, а какъ фактъ; въ состояніи же необходимой обороны грозитъ нашей жизни или и другому какому праву нападеніе разумнаго существа (и только въ отношеніи къ разумному существу и существуютъ права). Но дѣйствительно ли должно принимать состояніе крайней необходимости только тогда, если опасностію грозитъ сила природы? Конечно, если на наше право нападаетъ разумное, человѣческое существо, и мы защищаемъ противъ него это право, то здѣсь, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ принять необходимую оборону, а не состояніе крайней необходимости. Но какъ рѣшить вопросъ въ томъ случаѣ, если какія бы то ни было угрозы со стороны человѣка поставляютъ меня въ такое положеніе, что я долженъ или нарушить право другаго или отказаться отъ своего собственнаго высшаго права, можетъ быть даже пожертвовать своею жизнію? Хотя здѣсь и не можетъ быть рѣчи о наказаніи, но ненаказуемости конечно нельзя выводить изъ несуществованія вмѣняемости; ибо и подвергшійся угрозѣ все еще имѣетъ волю, онъ можетъ избрать себѣ и смерть, если угроза предоставляетъ ему только выборъ между смертію и дѣйствіемъ, подлежащимъ наказанію. Здѣсь основаніе ненаказуемости лежитъ не въ недостаткѣ вмѣненія, но можетъ заключаться только въ существованіи крайней необходимости. Въ приведенномъ выше случаѣ мы видимъ такимъ образомъ состояніе крайней необходимости, причина которой не сила природы, а нападеніе или угроза со стороны человѣческаго существа. Слѣдовательно, состояніе крайней необходимости существуетъ не только при опасности, исходящей отъ силы природы, но также и отъ подлежащаго вмѣненію субъекта.

Болѣе глубокое различіе между этими двумя юридическими понятіями принадлежитъ Абеггу. Въ состояніи крайней необходимости, говоритъ онъ, право приходитъ въ столкновеніе съ другимъ правомъ; въ необходимой же оборонѣ праву противостоитъ неправда. И дѣйствительно, различіе это существенно заключается въ томъ, что въ состояніи крайней необходимости является коллизія противостоящихъ другъ другу правъ равной или неравной силы и значенія, т. е. борьба между правомъ и правомъ, изъ которыхъ одно старается сохранить или поддержать себя на счетъ другаго; напротивъ необходимая оборона есть борьба между правомъ и неправдой. Въ состояніи крайней необходимости болѣе обширное, высшее право имѣетъ управомочіе на самосохраненіе на счетъ сталкивающагося

съ нимъ, менѣе значительнаго права; въ необходимой же оборонѣ каждое право можетъ безусловно защищаться противъ всякой неправды. Поэтому никакъ не необходимая оборона, а напротивъ, состояніе крайней необходимости существуетъ въ томъ случаѣ, если кто либо, подвергшись нападенію со стороны животнаго, убиваетъ его во время защиты, хотя въ Саксонскомъ зерцалѣ (Sachsenspiegel II. 68) и даже въ нѣкоторыхъ учебникахъ общаго уголовнаго права подобный случай приводится какъ примѣръ необходимой обороны. Животное можетъ мнѣ нанести ущербъ, но въ нападеніи его не заключается никакой юридической неправды; слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о состояніи необходимой обороны, которое всегда предполагаетъ противузаконное и вслѣдствіе этого исходящее отъ правоспособнаго субъекта нападеніе. Животное можетъ здѣсь разсматриваться только какъ предметъ чужой собственности, слѣдовательно какъ право другаго; это право я могу подчинить моему физическому интегритету; и въ этомъ случаѣ должны быть примѣняемы правила уголовнаго права о состояніи крайней необходимости, въ соединеніи съ правилами гражданскаго права о вознагражденіи ущерба.

И юридическое основаніе ненаказуемости содѣяннаго въ необходимой оборонѣ правонарушенія различно отъ юридическаго основанія правонарушенія, совершеннаго въ состояніи крайней необходимости. Причиненное въ истинной необходимой оборонѣ нарушеніе, какъ дѣйствіе, направленное противъ неправды и на отрицаніе ея, всегда справедливо; напротивъ, состоянію крайней необходимости принадлежитъ истинное право необходимости только въ томъ случаѣ, гдѣ жизнь приходитъ въ коллизію съ условнымъ правомъ личности; правонарушеніе же, совершенное для отвращенія опасности въ другихъ случаяхъ, остается всегда противузаконнымъ въ самомъ себѣ, но извиняется только непреодолимымъ состояніемъ принужденія и только потому и остается ненаказуемымъ.

Необходимая оборона не идентична ни съ наказаніемъ, ни съ местію. Хотя ея юридическое основаніе вообще сходно съ юридическимъ основаніемъ наказанія, въ обоихъ случаяхъ существуетъ абсолютное ничтожество и отверженіе неправды, которое управомочиваетъ къ реакціи противъ нея. Но различіе ихъ другъ отъ друга лежитъ съ одной стороны, въ органѣ, отъ котораго исходитъ эта реакція; съ другой стороны, въ свойствѣ неправды, противъ которой эта реак-

ція направляется. Въ необходимой оборонѣ реагируетъ подвергшійся противузаконному нападенію индивидъ, при наказаніи же дѣйствуетъ само государство; необходимая оборона, какъ защищеніе, предполагаетъ нападеніе, т. е. еще только предстоящую, но по объему и содержанію своему не опредѣлившуюся еще неправду; она не можетъ поэтому ограничиваться принципомъ воздаянія; напротивъ, наказаніе предполагаетъ уже содѣянную, какъ по качеству, такъ и по количеству уже опредѣленную неправду; наказаніе поэтому ограничивается простымъ воздаяніемъ на основаніи принципа равной цѣнности. Отъ мести же необходимая оборона различается тѣмъ, что она не коренится подобно первой только въ субъективномъ чувствѣ индивида, но и ограничена опредѣленными объективными условіями, нарушеніе которыхъ лишаетъ ее правоваго характера, и она становится уже неправдой.

Нѣкоторые криминалисты, напр. Генке, Луденъ, дѣлаютъ еще различіе между настоящей и ненастоящей необходимой обороной, и подъ послѣдней принимаютъ состоящее въ простомъ отраженіи, ни съ какимъ правонарушеніемъ нападающаго не соединенное, защищеніе. Однако это различіе не имѣетъ для уголовнаго права никакого практическаго значенія; но не потому, какъ думаетъ Луденъ и слѣдуя ему Гейеръ, что вторая не подходитъ подъ понятіе необходимой обороны, но потому, что она не принадлежитъ къ области уголовнаго права, которое ограничивается только одними правонарушеніями.

Какъ же опредѣлить юридическое понятіе необходимой обороны?

Подъ именемъ права необходимой обороны принимаютъ признанное со стороны государства за индивидомъ право защиты для отраженія предстоящаго, противузаконнаго, никакимъ образомъ, кромѣ насилія, неотвратимаго нападенія, употребляемое для собственнаго своего огражденія или и для огражденія другаго лица.

Такимъ образомъ необходимая оборона подходитъ собственно подъ понятіе самоуправства. Но самоуправство запрещается въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ; ибо, если бы каждый могъ самъ себѣ чинить судъ и приводить въ исполненіе свой собственный приговоръ, то тѣмъ самымъ были бы подрываемы основанія общественнаго порядка, вмѣсто котораго водворилось бы состояніе безурядицы. Но чѣмъ крѣпче становятся государственныя узы, тѣмъ болѣе обнаруживается стрем-

леніе исключить всякое самоуправство: оно становится явленіемъ противузаконнымъ; государство берется защищать всѣхъ и каждаго въ ихъ правахъ. Но какъ бы ни былъ совершененъ этотъ порядокъ, всегда однако будутъ случаи, когда государство не въ состояніи подоспѣть во время угрожаемому нападеніемъ лицу. «Положеніе, въ которомъ было бы запрещено всякое самоуправство, говоритъ Галлеръ (Restauration der Staatswissenschaft. T. I, c. 412), есть требованіе (постулятъ) неблагоразумія, а не разума; желаніе зла, а не добра». Однако, если государство видитъ себя и должно себя видѣть принужденнымъ допустить необходимую оборону подъ извѣстными условіями и въ извѣстныхъ границахъ, то для этого должно быть указано разумное юридическое основаніе, оправдывающее это допущеніе, ясно говорящее за него.

Указать это основаніе пытались различнымъ образомъ. Прежніе юристы, каковы Карпцовъ, Матеусъ и другіе, до половины прошлаго столѣтія, ссылаясь на священное писаніе, признавали необходимую оборону не только за право, но и за предписанный религіею долгъ, неисполненіе котораго объявляютъ грѣхомъ передъ Богомъ, самимъ собою и государствомъ. Тщетно искать у нихъ философскаго основанія. Оно обнаруживается только въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ философовъ и юристовъ, которые, по различію своихъ философскихъ точекъ зрѣнія, пришли къ различнымъ результатамъ. Ихъ воззрѣнія Левита раздѣляетъ на два главныя направленія. По воззрѣнію однихъ, право необходимой обороны коренится въ первоначальномъ, прежде всякой государственной жизни существующемъ естественномъ правѣ защиты, отъ котораго человѣкъ отказался при своемъ вступленіи въ государство только подъ условіемъ обезпеченія ему со стороны государства необходимаго огражденія, но которое снова оживаетъ въ человѣкѣ, гдѣ то условіе не исполняется, и гдѣ поэтому человѣкъ видитъ себя внѣ всякой государственной защиты. Тотъ же самый принципъ служитъ основаніемъ и для воззрѣнія тѣхъ, которые считаютъ необходимую оборону видоизмѣненіемъ крайней необходимости—когда, по ихъ мнѣнію, не существуетъ болѣе никакого юридическаго отношенія, а потому и самаго государства, и, вслѣдствіе невозможности существованія, на которомъ, или на предположеніи котораго, основывается право, выступаетъ отношеніе, къ которому не могутъ уже примѣняться категоріи права и неправды.

Напротивъ, по другому воззрѣнію, право необходимой обороны основывается на выставленномъ Гегелемъ ученіи о ничтожествѣ

неправды. Основаніе ея правомѣрности лежитъ не въ состояніи нужды подвергшагося нападенію, но въ абсолютной ничтожности и отверженіи неправды, которую не должно терпѣть ни подъ какимъ условіемъ; и хотя отрицаніе ея должно исходить прежде всего отъ государства, какъ юридическаго организма, но это отрицаніе тамъ, гдѣ нельзя расчитывать на правоохранительную дѣятельность государства, должно принадлежать и покинутому государственною помощью индивиду, какъ его естественное право, потому что государство не можетъ и не должно хотѣть, чтобы неправда утверждалась, т. е. становилась на мѣстѣ права; что, однако, оправдывалось бы въ дѣйствительности, если бы индивидъ не имѣлъ управомочія противустоять неправдѣ и, по мѣрѣ надобности, даже отражать ее силою. По первому субъективно идеалистическому созерцанію, лицо является, какъ источникъ права; напротивъ, по второму объективно идеалистическому пониманію, лицо есть только носитель права, которое должно безусловно господствовать надъ неправдой; отсюда вытекаетъ, что необходимая оборона, какъ говоритъ Абеггъ, есть не оправдываемое состояніемъ крайней нужды самоуправство, но самъ въ себѣ справедливый, въ государствѣ же только подъ условіемъ нужды, т. е. ограниченный необходимостію и только подъ этимъ предположеніемъ допускаемый — самосудъ. Нужда не есть основаніе его правомѣрности, но только положительное условіе его допускаемости.

Основательно возражаетъ противъ перваго воззрѣнія Левита, что оно, не признавая абсолютной нравственности, необходимости государства, исходитъ изъ предположенія договорнаго государства и фикціи преждегосударственнаго естественнаго состоянія, котораго никогда не существовало; и что возможность внѣ-государственнаго и внѣ-правоваго состоянія, какъ оно принимается этой теоріею въ случаѣ необходимой обороны, въ государствѣ и воображаема быть не можетъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, какъ говоритъ Кöстлинъ, необходимая оборона и была бы легитимирована не какъ право, но какъ фактическая сила, которая могла бы пригодиться такимъ образомъ не только несправедливо подвергшемуся нападенію, но и несправедливо нападающему на него, въ томъ случаѣ, если бы онъ имѣлъ перевѣсъ физической силы.

Но столь же мало удовлетворяетъ юридическому оправданію необходимой обороны и простое указаніе на ничтожество неправды; ибо если то въ самомъ себѣ справедливо, что неправда не должна су-

ществовать, какъ таковая, какъ отрицанiе права, но должна быть возвращаема къ своему ничтожеству; то съ этимъ вмѣстѣ еще не доказано того, чтобы это отрицанiе ея въ государствѣ принадлежало несправедливо подвергшемуся нападенiю. Рихтеръ, Мищеле и другiе выводятъ необходимую оборону изъ того, что неразумное — неправда абсолютно не должна существовать, и слѣдовательно она должна быть отрицаема разумомъ или порабощена на службу разума. Каждое преступное нападенiе на жизнь ли, на честь, или и на другiя блага, абсолютно противно разуму. Отсюда и вытекаетъ безусловная необходимость необходимой обороны. Необходимая оборона, предпринимаемая для отвращенiя нападенiя на какое бы то ни было благо, разумна и справедлива, и не только не преступна, но даже, по ихъ мнѣнiю, составляетъ собою обязанность гражданина, если онъ только признаетъ себя полнымъ владѣльцемъ своихъ правъ. Но, очевидно, такая теорiя доказываетъ слишкомъ много и потому не доказываетъ ничего. Необходимая оборона не необходима, а только дозволена; она не составляетъ собою обязанности гражданина, а только его право. Если я могу подарить извѣстное благо, то я могу и позволить отнять его у меня; я имѣю только право не дозволять отнимать его у меня. Конечно, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ отправленiе извѣстнаго права можетъ быть вмѣнено мнѣ въ обязанность; но развѣ напр. благоразумный человѣкъ обязанъ для уничтоженiя противнаго разуму нападенiя со стороны нападающаго, ради подвергшагося нападенiю незначительнаго объекта собственности, рисковать своею жизнiю, идти на ножъ разбойника, бандита? Притомъ, если бы неправда, какъ нѣчто абсолютно ничтожное, должна бы была быть отрицаема во всѣхъ возможныхъ условiяхъ, то необходимая оборона могла и должна бы была употребляться и противъ обратившагося уже въ бѣгство вора, который оставилъ уже мою вещь, но однако, не узнанный мною, могъ бы остаться безнаказаннымъ. Если бы наконецъ уже въ необходимой оборонѣ лежало полное отрицанiе неправды, то противъ потерпѣвшаго уже вслѣдствiе необходимой обороны преступника и не должно бы было имѣть мѣста наказанiе. Однако въ этихъ выводахъ лежитъ уже и часть истины, только они не полагаютъ границъ между поддерживающимъ себя (защищающимся) противъ неправды и отрицающимъ неправду правомъ. Конечно, необходимая оборона имѣетъ свое основанiе въ томъ, что неправда есть нѣчто ничтожное, право же напротивъ въ себѣ самомъ субстанцiально. Было бы

несправедливо, если бы право должно было уступать неправдѣ; но было бы также несправедливымъ уступать ей безъ права самовластной защиты въ томъ случаѣ, гдѣ государство не защищаетъ. Государство хотя и приняло на себя обязанность ограждать частныхъ лицъ отъ возможныхъ нарушеній, но, если оно желаетъ, какъ то иначе и не можетъ быть, чтобы неправда не усиливалась на счетъ права, то оно должно допускать и,—чѣмъ цивилизованнѣе оно и чѣмъ болѣе оно почитаетъ жизнь, свободу, честь и собственность своихъ гражданъ,—тѣмъ болѣе желать, чтобы тамъ, гдѣ защита не можетъ исходить отъ него самаго непосредственно, она была бы предоставлена и самому подвергшемуся противузаконному нападенію, чтобы онъ самъ поэтому защищался, оборонялся отъ грозящей ему неправды; потому что въ противномъ случаѣ государство косвенно допустило бы, чтобы неправда усилилась на счетъ права и выдавала бы себя за право.

Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы необходимая оборона была предоставленнымъ со стороны государства индивиду правомъ, только in subsidium, въ случаѣ невозможности въ отдѣльныхъ случаяхъ защиты со стороны государства; она, лучше сказать, есть естественное право личности, которое Геффтеръ называетъ послѣднимъ правомъ личности, съ уничтоженіемъ котораго не существовало бы болѣе никакого самостоятельнаго, вполнѣ обезпеченнаго, права; но приведеніе его въ исполненіе, осуществленіе его въ государствѣ зависитъ только отъ условія необходимости, т. е. отъ недостатка другихъ существующихъ и подвергшемуся нападенію неизвѣстныхъ средствъ защиты.

Что обстоятельства такого рода, въ которыхъ человѣкъ въ моментъ опасности видитъ себя внѣ государственной защиты, а также и лишеннымъ помощи у другихъ, и такимъ образомъ исключительно предоставляется своей собственной защитѣ, являться могутъ и должны, слѣдуетъ изъ тѣхъ ограниченій, которымъ фактически подчиняется практическая дѣятельность государства въ своей реакціи противъ неправды. Эта дѣятельность можетъ проявляться только въ двоякомъ направленіи: или въ видѣ возмездія за нарушенное право—какъ карающая справедливость, или въ защитѣ угрожаемаго нападеніемъ лица—какъ предупреждающая дѣятельность. Въ первомъ отношеніи государственная реакція предполагаетъ уже осуществившуюся, но никакимъ образомъ не угрожающую еще неправду. Предупреждающая же дѣятельность, напротивъ, должна реа-

гировать только противъ возможной неправды, поэтому противъ только еще грозящей опасности; но предупредительныя мѣры государства могутъ ограничиваться только вообще опаснымъ, одними только общими постоянными причинами и поводами къ преступленію, или, какъ выражается Кöстлинъ, всеобщими и постоянными возможностями неправды; государство не должно и не можетъ поставлять себѣ задачею каждую минуту быть готовымъ на защиту каждаго отдѣльнаго лица. Такіе моменты грозящей опасности, которыхъ не можетъ предвидѣть предупреждающая дѣятельность государства, случаются нерѣдко въ жизни. Посему въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ, гдѣ послѣдніе остатки самоуправства изчезли въ нравахъ и законодательствѣ, остается однако за лицомъ право защищаться, въ случаяхъ, когда государство не можетъ оказать ему защиты. Въ подобныхъ случаяхъ гражданинъ предоставляется своей собственной защитѣ, и ему не остается ничего другаго, какъ грозящую ему силу отражать силою (vim vi repellere). Это насиліе не есть ни предупреждающее, какъ насиліе полицейскаго предупрежденія, ни реагирующее, какъ въ наказаніи, но отражающее—необходимая оборона.

И это право необходимой обороны было признаваемо во всѣ времена, всѣми вошедшими въ кругъ государственнаго развитія народами, какъ естественное право индивида, хотя основаніе его не всегда было ясно сознаваемо, и границы его были опредѣляемы то уже, то шире. Римское право, благопріятствующее развитію личности, допускало необходимую оборону въ весьма большихъ размѣрахъ. Оно признавало образовавшуюся изъ vindicta privata необходимую оборону за естественное право человѣка и выводило ее изъ naturalis ratio, изъ jus gentium: «ut vim atque injuriam propulsemus juris gentium est; nam jure hoc evenit, ut quod quisque ob tutelam corporis sui fecerit, jure fecisse existimetur». (L. 3. D. de justicia et jure. I, 1). «Vim vi repellere licere, Cassius scribit, idque jus natura». (L. 1, § 27 D. de vi 43, 16). «Adversus periculum naturalis ratio permittit se defendere». (L. 4, pr. Dig. ad leg. Aquil. 9, 2). «Vim enim vi defendere omnes leges omniaque jura permittunt». (L. 45, § 4. D. ad leg. Aquil 9, 2). И Цицеронъ въ своей рѣчи pro Milone говоритъ о необходимой оборонѣ, какъ о lex non scripta sed nata.

Подобно римскому праву и почти въ тѣхъ же словахъ, признаетъ въ принципѣ правомѣрность необходимой обороны и каноническое право. Оно считаетъ ее основаннымъ на jus naturale и по-

тому общимъ всѣмъ націямъ институтомъ. Decret. Gratiani Dist. 1, c. 7: «jus naturale est, commune omnium nationum, eo quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur, ut viri feminae conjunctio, liberorum successio et educatio... et violentiae per vim repulsio.» «§ 1. Nam hoc, aut si quid huic simile est, nunquam injustum, sed naturale aequumque habetur». Та же самая мысль повторена и въ с. X. de homicid. vol. et casuali (§ 12) и въ с. 6. in 6-to de sentent. excommunic. (5, 11) и высказана также итальянскими юристами среднихъ вѣковъ. Не безъ значенія для этого вопроса также и важнѣйшія церковныя узаконенія о денежныхъ пеняхъ, вслѣдствіе ихъ связи съ каноническимъ правомъ, равно какъ и воззрѣнія ихъ на право необходимой обороны. «Если принять во вниманіе, говоритъ Левита, какъ далеко распространяетъ церковь въ своихъ уставахъ о денежныхъ пеняхъ кругъ подлежащихъ имъ дѣяній, что даже одна мысль, намѣреніе, желаніе, прежде чѣмъ они выйдутъ изъ области внутренней жизни, не должны оставаться свободными отъ пени, и какъ богато развита въ нихъ казуистика, и особенно по отношенію къ убійству, то дѣйствительно въ высшей степени интересно и обращаетъ на себя полное вниманіе то обстоятельство, что убійство, совершенное кѣмъ нибудь для спасенія изъ опасности своей жизни или жизни своихъ ближнихъ, считалось не только не преступнымъ, но никакимъ образомъ и не безнравственнымъ или грѣховнымъ дѣйствіемъ. Если случится съ кѣмъ нибудь подобное несчастіе, то онъ можетъ самъ наложить на себя обѣтъ, молиться и раздавать милостыню, если его къ тому побуждаетъ его собственное сердце, чтобы тѣмъ очистить себя отъ невинно пролитой человѣческой крови; церковь же не полагаетъ никакого или никакого строгаго за то наказанія; въ крайнемъ случаѣ лишь незначительную пеню для того, который скорѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ осужденія.» Это воззрѣніе церкви ясно высказано во многихъ уставахъ о пеняхъ, какъ напр. въ Poenitentiale Pseudo-Bedae c. XXXIX § 3: «si autem se defendendo aut parentes suos aut familias occidisset aliquid, non erit reus; si voluerit jejunare, in illius potestate est, quia coactus hoc fecit homicidium» — и другихъ.

Тотъ же самый принципъ коренится и въ древне-германскомъ правѣ и законодательствѣ. Оно допускало самоуправство даже далеко за предѣлы необходимой обороны въ формѣ кровной мести и поединковъ, и признавало вообще необходимую оборону, если и не за особенное самостоятельное право, то въ формѣ предоставлен-

наго подвергшемуся нападенію управомочія захватить силою нарушителя мира, спокойствія, для представленія его къ суду съ цѣлію судебнаго преслѣдованія, и въ случаѣ сопротивленія даже убить его (Lex Tit. Ripuar. 77. Edictum Rothar. c. 32—Dec. Tassil. de popul. legg. III). Какъ ни далеки также средневѣковые источники германскаго права по ихъ особенной точкѣ зрѣнія, отъ строго юридическаго пониманія необходимой обороны и ея юридическихъ предположеній, однако послѣ добытыхъ новѣйшими изысканіями результатовъ не можетъ существовать никакого сомнѣнія о томъ, что и имъ было извѣстно право необходимой обороны. Они признавали ее не въ видѣ извиняемаго только убійства или нанесенія ранъ, вызваннаго вслѣдствіе противузаконнаго нападенія состояніемъ крайней необходимости; не за правонарушеніе, ненаказуемое только по соображеніямъ высшей справедливости, не за игнорируемое только закономъ преступленіе,—но за истинное, всякому человѣку противъ противозаконнаго нападенія принадлежащее право. Позднѣйшее германское право, воспользовавшись римскимъ созерцаніемъ этого института, придало этому юридическому понятію болѣе строгую юридическую форму, которая неоспоримо проявляется въ Bambergensis и Каролинѣ. Эти оба законодательные памятника принимаютъ необходимую оборону, какъ принадлежащее каждому неограниченное право самозащищенія противъ грозящей ему неправды: «Item so eyner yemant mit eynem tödtlichen waffen oder weer überlaufft, anficht oder schlecht vnd der benöttigt kan füglich on ferlichkeet oder verletzung, sein's lebs, lebens, ehr vnd guten leumuts nicht entweichen, der mag sein leib vnd leben on alle straff durch eyn rechte gegenweer retten. Und so er also den benötiger entleibt, er ist darumb nichts schuldig, ist auch mit seiner gegenweer, bis er geschlagen wirdt zu warten nit schuldig». (Bambergensis art. 165 — C. C. C. art. 140). Выводъ отдѣльныхъ, въ существѣ необходимой обороны лежащихъ, моментовъ уклоняется отъ древнѣйшаго германскаго права и прямо указываетъ на воздѣйствіе римскаго права. Но хотя опредѣленія необходимой обороны въ Каролинѣ во всѣхъ пунктахъ соотвѣтствуютъ опредѣленіямъ римскаго права, однако въ ней являются и двѣ особенности. Одна состоитъ въ соединеніи необходимой обороны со случаями наказуемаго убійства; другая же въ томъ, что она упоминаетъ только о содѣянномъ въ необходимой оборонѣ убійствѣ, но умалчиваетъ о другихъ меньшихъ правонарушеніяхъ. Но ни изъ того, ни изъ другаго обстоятельства, никакъ не должно

выводить заключенія о существованіи въ ней другаго юридическаго понятія необходимой обороны, отличнаго отъ римскаго права, или объ ограниченіи ея только случаемъ совершеннаго убійства, какъ дѣлаетъ это напр. Гейеръ. Каролина въ этомъ отношеніи слѣдовала только примѣру источниковъ, изъ которыхъ она черпала, въ особенности Ангелусу Аретинусу, который излагалъ необходимую оборону въ соединеніи съ убійствомъ, какъ обыкновеннымъ результатомъ необходимой обороны, не желая однакоже исключить тѣмъ другія содѣянныя въ ней правонарушенія, и какъ принимала необходимую оборону тогдашняя и позднѣйшая доктрина — совершенно въ общихъ чертахъ, какъ право защиты противъ всякаго рода противузаконныхъ нападеній, каковъ бы ни былъ результатъ ея. И этой традиціональной постановки и изложенія необходимой обороны не измѣнило и послѣдующее за Каролиной, въ общихъ чертахъ сходное съ ней, частное германское законодательство. И оно также разсматриваетъ ученіе о необходимой оборонѣ въ связи съ убійствомъ; но и оно принимаетъ ее въ ея общемъ значеніи, а никакъ не въ ограниченномъ смыслѣ простаго права на убійство, или какъ извиняемое только убійство.

Разсмотримъ теперь законныя условія допускаемости необходимой обороны.

1) Необходимая оборона предполагаетъ нападеніе на лицо или на право личности. Но что же должно разумѣть подъ словомъ нападеніе? Подъ нападеніемъ разумѣютъ обыкновенно положительное дѣйствіе. По этому не можетъ быть необходимой обороны противъ отрицательной неправды, т. е. противъ противузаконнаго неисполненія того, къ исполненію чего существуетъ юридическая обязанность. Защищаться можно только противъ того, который нападаетъ, т. е. угрожаетъ нашему праву положительною дѣятельностію. Кто же не дѣлаетъ того, къ исполненію чего онъ обязанъ по праву и закону, противъ того, хотя онъ дѣйствуетъ и противозаконно, однако вовсе не существуетъ необходимой обороны; простое неисполненіе юридической обязанности управомочиваетъ заинтересованнаго въ исполненіи обратиться къ судебной помощи. Но если бы этому отрицательному предшествовало положительное дѣйствіе, которое образуетъ въ связи со слѣдующимъ за нимъ неисполненіемъ настоящее нападеніе, то въ подобномъ неисполненіи можетъ заключаться и дѣйствительное нападеніе, для отраженія котораго должна быть допускаема и необходимая оборона.

Но для понятія необходимой обороны вовсе не нужно, чтобы нападеніе было насильственное, непосредственно направленное противъ лица, какъ это было неоднократно, на основаніи ложнаго и односторонняго толкованія римскихъ источниковъ, утверждаемо криминалистами общаго германскаго права и выставлено въ числѣ условій справедливой необходимой обороны и многими новѣйшими германскими законодательствами (уголов. код. Альтенбургскій, Вюртембергскій, Брауншвейгскій, Гессенскій, Баденскій, Нассаускій, и Тюрингенскій). Не безъ особеннаго значенія необходимая оборона признана въ римскомъ правѣ (L. 3 Dig. de just. et jure. I. 1, L. 4 pr. D. ad leg. Aquil. 9, 2), какъ естественное право человѣка на защиту, въ случаѣ нужды, противъ противузаконнаго нападенія (vis et injuria), и нетолько противъ vis, но и противъ injuria; а что римляне подъ словомъ injuria разумѣли каждое злоумышленное нарушеніе правъ личности въ ея неограниченномъ движеніи внутри признаннаго за нею государствомъ ея юридическаго круга, неопровержимо доказалъ Кöстлинъ (Zeitsch. f. d. deutsche Recht. T. XV, стр. 155). И если большая часть мѣстъ corpus juris, которыя трактуютъ о правѣ самозащищенія, говорятъ о насиліи, «vis»: «vim vi repellere»; «vim vi defendere»; «illatam vim propulsare» (L. 1, § 27 D. de vi et de vi armata 43, 6 — L. 45 § 4 D. ad leg. Aquil. 9, 2 — L. 1. Cod. unde vi 8, 4) и т. д., то не должно упускать изъ виду того, что римляне понимали подъ словомъ vis не только насильственныя нападенія, непосредственно направленныя противъ лица, но каждый самовластный и незаконный поступокъ съ нимъ противъ его воли, слѣдовательно и вторженія въ его имущественныя права. Такъ явствуетъ это изъ L. 9. D. ad leg. Jul. vi priv. (48, 7): «Tu vim esse putas solum, si homines vulnerentur? Vis est tunc, quoties quis id, quod deberi sibi putat, non per judicem reposcit.» Равнымъ образомъ встрѣчающіяся въ L. 3 D. de just. et jure, въ L. 4 pr. ad leg. Aquil. и во многихъ другихъ мѣстахъ выраженія: «se defendere», «se tueri» выражаютъ собою нетолько защиту личности, но и собственности, какъ это несомнѣнно явствуетъ изъ L. 3, 17 D. de incend. (47. 9) *), гдѣ идетъ рѣчь о разрушеніи сосѣдняго дома для защиты своего зданія. Приведенное въ Кодексѣ (C. 1 quando liceat. 2, 27; c. 4. ad leg. Corne-

*) Въ этомъ мѣстѣ говорится, что противъ того, который во время пожара разрушилъ сосѣдскій домъ для защиты своего зданія, не можетъ быть подана жалоба на основаніи lex Aquilia, и оправдывается это такимъ образомъ: nec enim injuria hoc fecit, qui, se tueri voluit, quum alias non posset.

liam de sicar. 9, 16) для мотивированія необходимой обороны основаніе: «melius enim est occurrere in tempore, quam post exitum vindicare» прилагается не только въ насильственныхъ нападеніяхъ противъ лица, но и въ опасныхъ угрозахъ и для другихъ правъ. И конечно никоимъ образомъ, какъ правильно замѣчаетъ Левита, нельзя принять того, чтобы римскіе юристы то право, которое они основывали на naturalis ratio и признавали его на основаніи всѣхъ въ понятіи его лежащихъ моментовъ, желали бы ограничивать посредствомъ какого бы то ни было исключенія. Кромѣ того, какъ замѣчаетъ Гейеръ, каждое нападеніе на право лица заключаетъ въ себѣ уже непосредственное нападеніе на самое лицо; такъ какъ личность человѣка проявляется не только въ его тѣлѣ, но и во всей его юридической сферѣ, которая проникнута его волею. Если же многія мѣста, которыя говорили о необходимой оборонѣ — 1, 4 pr. 1, 5 pr. Dig. ad leg. Aquiliam 9, 3 — 1, 23, 4, c. de sicar. 9, 16 — и имѣютъ въ виду только опасность для тѣла и жизни, то это только потому, что подобный случай самый обыкновенный, чаще всего встрѣчающійся; но существуютъ и мѣста, которыя допускаютъ необходимую оборону и для защиты противъ нападенія на имущественныя права, которыя связаны съ личностію только внѣшнимъ образомъ, черезъ посредство воли, и такимъ образомъ несомнѣнно доказываютъ, что римляне и не думали ограничивать необходимой обороны одними насильственными нападеніями, непосредственно направленными противъ лица. Сюда принадлежатъ между другими 1, 9 D. ad leg. Corn. de sicariis (48, 8); 1, 4, § 1 D. ad leg. Aquil. (9, 12); 1, 54, § 2 D. de furt. (47, 2); которые признаютъ право необходимой обороны для защиты собственности, въ томъ случаѣ, если даже и не существовало опасности для личности собственника.

Напротивъ, въ Каролинѣ необходимая оборона противъ нападеній на собственныя или чужія права допускается лишь тогда, когда эти нападенія связаны съ непосредственнымъ насиліемъ противъ личности управомоченнаго: «so eyner jemant mit eynem tödtlichen waffen oder weer überlaufft, anficht oder schlecht» (ст. 140. CCC.).

2) Второе условіе справедливой необходимой обороны — противузаконность нападенія. Только противузаконное нападеніе даетъ право на необходимую оборону (ad propulsandam injuriam). Исключается она поэтому противъ всякаго управомоченнаго совершенія насилія, т. е. если нападающій имѣетъ право нападенія вслѣдствіе какого либо юридическаго основанія. Поэтому не существуетъ

необходимой обороны для дѣтей противъ ихъ родителей, для воспитанниковъ противъ ихъ воспитателей, для учениковъ противъ ихъ учителей, пока послѣдніе дѣлаютъ правомѣрное употребленіе предоставленныхъ имъ закономъ исправительныхъ мѣръ. Только въ томъ случаѣ, если они переходятъ мѣру законно предоставленной имъ власти, возможна защита противъ незаконнаго отправленія ихъ власти, какъ противъ неправды. Изъ того же самаго основанія не существуетъ необходимой обороны противъ справедливой необходимой обороны. Ибо находящійся въ принужденіи пользуется только принадлежащимъ ему правомъ и предпринятое имъ, для своего огражденія, отраженіе нападенія вовсе не противузаконно. Только противъ превышенія необходимой обороны, какъ противъ уже самостоятельнаго, предшествующимъ нападеніемъ принужденнаго не оправдываемаго, и потому противозаконнаго нападенія, возможна необходимая оборона.

Споренъ вопросъ о томъ, допускается ли необходимая оборона противъ дѣйствующаго въ состояніи крайней необходимости? По различію точекъ зрѣнія, съ которыхъ разсматривается содѣянное въ состояніи крайней необходимости правонарушеніе, различно и рѣшеніе этого вопроса. Если не признаютъ того, что крайняя необходимость обезпечиваетъ истинное право крайней необходимости тамъ, гдѣ личное существованіе, жизнь приходитъ въ столкновеніе съ условнымъ правомъ личности, какъ напр. съ собственностію; и если считаютъ каждое въ крайней необходимости совершенное нарушеніе личности, изъ психологическихъ соображеній, хотя и извиняемымъ и потому ненаказуемымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствіемъ противузаконнымъ, то отсюда ясно слѣдуетъ, что и въ этомъ случаѣ должна быть допущена необходимая оборона, какъ и противъ каждаго другаго противузаконнаго нападенія. Но если въ томъ случаѣ, гдѣ жизнь коллизируетъ съ условнымъ правомъ личности, признавать право крайней необходимости, въ силу котораго не только угроженный—для спасенія своей жизни, но и каждый другой управомоченъ за него сдѣлать нападеніе на чужое условное право, то отправленію этого управомочія, пока изъ него сдѣлано употребленіе не въ большомъ объемѣ, какъ это необходимо для поддержанія жизни, не можетъ и не должна противупоставляться необходимая оборона, такъ какъ отправленіе всегда предполагаетъ противузаконное нападеніе, т. е. такое, на которое не имѣютъ права; въ данномъ же случаѣ принужденный только осуществляетъ при-

надлежащее ему право. Въ другихъ случаяхъ состоянія крайней необходимости, напротивъ, каждое, предпринятое находящимся въ опасности для спасенія своего угрожаемаго права, нападеніе на право другаго, хотя законъ изъ особенныхъ субъективныхъ основаній и мягче или вовсе его не наказываетъ, въ отношеніи къ подвергшемуся нападенію однако несправедливо, и насильственное отраженіе его, вслѣдствіе противузаконности его, во всякомъ случаѣ правомѣрно.

Не менѣе споренъ и сомнителенъ вопросъ: допускается ли юридически и въ какихъ размѣрахъ необходимая оборона и противъ противузаконныхъ и несправедливыхъ распоряженій чиновниковъ и вообще оффиціальныхъ лицъ? Дѣйствительно, не легко законадателю выставить здѣсь изчерпывающіе всѣ возможные случаи правила, такъ какъ весьма многое зависитъ здѣсь отъ свойства конкретнаго случая. Вообще же абсолютно нельзя не допускать необходимой обороны противъ противузаконныхъ распоряженій подобныхъ лицъ; и такъ какъ неправда остается тою же неправдой, исходитъ ли она отъ частнаго лица, или отъ оффиціальнаго, а такъ какъ противъ каждой неправды подъ законными условіями предоставляется необходимая оборона, то и этотъ вопросъ въ принципѣ должно рѣшить утвердительно. Гражданинъ находится и относительно противузаконно дѣйствующаго чиновника въ томъ же самомъ отношеніи, въ которомъ онъ состоитъ и къ грозящему ему непосредственнымъ правонарушеніемъ частному лицу. И въ такихъ случаяхъ право необходимой обороны абсолютно не было отрицаемо ни однимъ изъ криминалистовъ. Здѣсь весь вопросъ только о предѣлахъ, въ которыхъ сопротивленіе оффиціальнымъ распоряженіямъ принимаетъ характеръ справедливой необходимой обороны. Предѣлы эти указываются существомъ и понятіемъ справедливой необходимой обороны. Если необходимая оборона только тогда справедлива, когда она направлена противъ противузаконнаго нападенія, то изъ этого слѣдуетъ, что правительственное лицо дѣйствуетъ до тѣхъ поръ правомѣрно, пока не преступаетъ границъ своего полномочія и пока дѣйствіе его не теряетъ очевидно характера оффиціальнаго дѣйствія. Въ подобномъ случаѣ распоряженіе его, хотя матеріально можетъ быть несправедливо, но въ формальномъ отношеніи остается законнымъ, а потому не можетъ быть употреблена противъ него и необходимая оборона. Однако при этомъ должно имѣть въ виду, что то не согласовалось бы съ государственнымъ порядкомъ, если

каждый, который бы чувствовалъ себя оскорбленнымъ правительственнымъ распоряженiемъ, имѣлъ бы право оказывать ему безнаказанно сопротивленiе. Только противъ очевидныхъ превышенiй власти оффицiальныхъ лицъ должно юридически допустить необходимую оборону; такимъ образомъ, если дѣйствiе или абсолютно, т. е. во всѣхъ обстоятельствахъ и для всѣхъ правительственныхъ лицъ, было бы недозволеннымъ, или если оно вовсе не принадлежало къ оффицiальнымъ управомочiямъ предпринимающаго его чиновника, поэтому если бы въ немъ лежалъ очевидный выходъ изъ его оффицiальной среды, фальшивое приложенiе его оффицiальнаго квалитета для совершенiя частнаго дѣйствiя; или если превышенiе это было бы столь значительно, что дѣйствiе совершенно потеряло бы вслѣдствiе того превышенiя характеръ оффицiальнаго дѣйствiя. Случаи такого рода были бы: употребленiе пытокъ, исполненiе тѣлеснаго наказанiя, если оно закономъ совершенно уничтожено, примѣненiе наказанiй за юридически уже погасшее преступленiе, приведенiе въ исполненiе уголовнаго приговора безъ надлежащаго юридечески предшествующаго допроса и другiя подобныя и очевидныя злоупотребленiя. Противъ подобныхъ несправедливостей, въ особенности, если дѣло идетъ о невознаградимомъ ущербѣ, подвергшiйся нападенiю можетъ воспользоваться и необходимой обороной. И при этомъ, гдѣ авторитетъ оффицiальнаго органа огражденъ закономъ и гдѣ каждое несправедливое вторженiе въ оффицiальную его дѣятельность угрожается наказанiями и даже очень ощутительными, тамъ трудно опасаться злоупотребленiя принадлежащимъ гражданину естественнымъ правомъ самозащищенiя противъ непомѣрнаго превышенiя власти со стороны правительственныхъ лицъ. Находящiйся въ состоянiи принужденiя всегда останется отвѣтственнымъ передъ закономъ, если онъ ошибся по отношенiю къ принадлежащимъ оффицiальному лицу управомочiямъ; такъ какъ собственно не ему, а прежде всего тому правительственному лицу надлежитъ знать, призванъ ли онъ оффицiально къ совершенiю какого либо оффицiальнаго дѣйствiя и существуетъ ли поводъ къ тому.

Что касается до юридическаго характера несправедливости того нападенiя, для отвращенiя котораго возможно осуществленiе права необходимой обороны, то оно должно быть несправедливо только по отношенiю къ подвергшемуся нападенiю, т. е. только объективно противузаконно, иными словами—такое, которое исходитъ отъ пра-

воспособнаго индивида и къ которому онъ не управомоченъ вслѣдствіе какого либо юридическаго основанія; но оно вовсе не необходимо должно быть и субъективно противузаконнымъ, т. е. такимъ, которое, исходя изъ противузаконной воли, такимъ образомъ достойно наказанія. Поэтому, какъ утверждаетъ Луденъ, необходимая оборона предоставляется и противъ нападенія неспособнаго къ вмѣненію субъекта, такъ напр. безумнаго, малолѣтняго. Условіе, чтобы управомочивающее къ необходимой оборонѣ нападеніе было бы и субъективно противузаконно, какъ этого требовалъ Мартинъ и въ новѣйшее время и нѣкоторые другіе криминалисты, между прочимъ и Гельшнеръ, основывается на непризнаніи совершенно отличнаго отъ наказанія юридическаго существа необходимой обороны. Только наказаніе, которое имѣетъ цѣлію погашеніе вины, предполагаетъ противную уголовному закону волю; необходимая же оборона имѣетъ цѣлію только отраженіе нападенія, къ которому нападающій не имѣлъ никакого права. Противнымъ же праву остается нападеніе и въ томъ случаѣ, если нападающій и не способенъ къ вмѣненію. Противнаго мнѣнія Гельшнеръ: «Конечно нельзя, говоритъ онъ, отрицать того, что человѣкъ имѣетъ право всячески ограждать себя отъ того вреда, которымъ грозитъ ему неспособный къ вмѣненію, такъ какъ и отъ опасности, грозящей ему вслѣдствіе силы природы; но подобное дѣйствіе нельзя считать необходимою обороною, а гораздо правильнѣе принять его за дѣйствіе, совершенное въ состояніи крайней необходимости. Ибо, говоритъ онъ, собственно и нѣтъ никакого юридическаго различія между опасностію, которою грозитъ сумашедшій, и тою, которую представляетъ собою животное или огонь. Употребленная, къ отраженію одной равно какъ и другой, сила подходитъ поэтому подъ точку зрѣнія состоянія крайней необходимости, и ненаказуемость ея должна быть обсуждаема на основаніи правилъ, дѣйствующихъ для этого состоянія». Не безъ основанія возражаютъ противъ этого слѣдующимъ образомъ. И относительно неспособнаго къ вмѣненію субъекта, такъ какъ онъ не перестаетъ еще быть субъектомъ права, можетъ быть рѣчь о правѣ и неправдѣ или противузаконности, именно, смотря по тому, имѣлъ ли онъ управомочіе къ совершенію учиненнаго имъ дѣянія или нѣтъ. Дѣяніе его, такъ говоритъ Гейеръ, истекаетъ изъ его воли, хотя и несвободной, и несознающей своей неправды и поэтому не противной уголовному закону. Между неспособнымъ къ вмѣненію человѣческимъ индивидомъ и безсознательно, только по за-

конамъ необходимости, дѣйствующей силою природы существуетъ еще большое различіе. Животное не представляетъ собою правоспособнаго субъекта, не есть вовсе личность; и потому относительно его не можетъ быть и рѣчи ни о правѣ, ни о неправдѣ. Совершенно иначе относительно человѣка. И въ томъ случаѣ, если онъ и неспособенъ къ вмѣненію, онъ все таки остается правоспособнымъ индивидомъ, управомоченною личностію. Дѣяніе, которое онъ совершаетъ, есть или такое, къ совершенію котораго онъ имѣетъ право, какъ человѣкъ, или не имѣетъ. И въ подобномъ случаѣ оно противно праву, хотя по уголовному закону и не подлежитъ вмѣненію. Исходящее отъ него противузаконное нападеніе, конечно, не можетъ подлежать наказанію; но подвергшимся угрозѣ оно можетъ быть отвращено также такъ и изшедшее отъ способнаго къ вмѣненію—силою; слѣдовательно, можетъ быть употреблена и необходимая оборона.

Что необходимая оборона должна быть по закону допускаема только подъ предположеніемъ, что противное праву нападеніе не вызвано самимъ подвергшимся нападенію (aggressio culpa non causata), какъ это было утверждаемо многими криминалистами—Лейзеромъ, Бёмеромъ, Клазеномъ, Квисторпомъ, Грролльманомъ, Фейербахомъ, Луденомъ, Ярке, и еще выставлено въ видѣ условія необходимой обороны нѣкоторыми новѣйшими законодательствами (см. ст. 79, ганновергскаго уголов. код.), то подобное ограниченіе должно быть отвергнуто. Ибо вызвавшее нападеніе дѣйствіе, даже если бы оно было и достойно наказанія, не придаетъ противузаконному въ себѣ самомъ нападенію элемента справедливости. Возбужденіе подвергшагося нападенію не можетъ у него отнять характера противузаконности; ибо иначе въ самомъ возбужденіи должно бы было видѣть то несправедливое нападеніе, которое управомочиваетъ возбужденнаго къ отраженію. При юридической оцѣнкѣ несправедливаго нападенія судья конечно долженъ принять въ уваженіе и вину подвергшагося ему; но правомѣрность необходимой обороны не зависитъ отъ этого. Поэтому и зачинщикъ спора, auctor rixae, если онъ началъ споръ и противузаконно и вслѣдствіе этого, можетъ быть, даже и заслужилъ наказаніе, однако въ теченіи спора можетъ быть управомоченъ къ необходимой оборонѣ послѣдующимъ поведеніемъ своего противника, auctor pugnae. Изъ того же самаго основанія и первому нападающему должно быть предоставлено право необходимой обороны противъ чрезмѣрности защиты со стороны

подвергшагося нападенію; ибо превышеніе необходимой обороны есть самостоятельное противузаконное нападеніе и можетъ, хотя бы необходимая оборона была вызвана и первымъ нападающимъ, быть силою отражено подвергшимся угрозѣ; но чего нельзя было бы допустить, если правомѣрность необходимой обороны была бы подчинена условію, что нападеніе должно быть невызвано самимъ подвергшимся опасности.

3) Нападеніе, къ отраженію котораго законъ предоставляетъ необходимую оборону, должно быть настоящее, неминуемое, несомнѣнное, уже или начавшееся или непосредственно предстоящее. Это требованіе ясно выражено бо́льшею частію новѣйшихъ уголовныхъ законодательствъ — вюртембергск. ст. 102, брауншвейгск. § 166, ганноверск. ст. 78, гессенск. ст. 46, баденск. § 84, нассауск. ст. 43, тюрингск. ст. 66, прусск. § 41. Laesio jam inchoata, въ томъ смыслѣ, какъ это выставлено многими древнѣйшими юристами, въ видѣ условія справедливой необходимой обороны, не требуется ни общимъ германскимъ правомъ (L. 1 C. quando liceat unicuique, 3,27: Melius enim est, occurrere in tempore, quam post exitum vindicare. Ст. 140 CCC:... ist auch mit seiner Gegenwehr, bis er geschlagen wird, zu warten nicht schuldig), ни частными нѣмецкими законодательствами. Нѣтъ необходимости, чтобы нападеніе выразилось уже въ матеріальномъ воздѣйствіи, чтобы оно уже осуществилось на фактѣ. Непосредственно имѣющая осуществиться угроза нападенія, какъ замѣчаетъ Темме, есть непосредственно грозящее, а потому, на сколько идѣтъ дѣло объ отраженіи его, уже и настоящее нападеніе. Конечно, никто не станетъ требовать, чтобы подвергшійся угрозѣ не употреблялъ насильственнаго нападенія противъ прицѣливающагося въ него разбойника, до тѣхъ поръ пока тотъ не спуститъ курка. Равнымъ образомъ и не нужно, чтобы подвергшемуся угрозѣ и дѣйствительно противустояло то правонарушеніе, котораго онъ опасался; довольно, если только такое правонарушеніе противустоитъ ему по его мнѣнію и его опасенія въ конкретныхъ обстоятельствахъ не безъ основанія. Напротивъ не можетъ быть употреблена необходимая оборона противъ хотя и угрожающаго, но не непосредственно имѣющаго осуществиться, а поэтому и не содержащаго никакого настоящаго нападенія, зла, равно какъ и противъ совершеннаго уже правонарушенія, такъ и противъ оконченнаго уже нападенія. Ибо необходимая оборона есть только защищеніе; защищаться же можно только противъ настоящаго, непосредственно предстоящаго, но ни-

какъ не противъ будущаго, или противъ предстоявшаго уже нападенія. Первое побуждаетъ только къ предупредительнымъ мѣрамъ, какъ противъ неосуществившагося еще нарушенія, послѣднее же вызываетъ принудительность наказанія и вознагражденіе ущерба. Слѣдующее уже за этимъ дѣйствіе потерпѣвшаго, предпринятое имъ для уничтоженія слѣдствій совершеннаго уже нападенія, было бы незаконнымъ самоуправствомъ, но вовсе не справедливою необходимою обороною, которую только тогда слѣдуетъ принять, когда дѣйствіе направлено противъ еще угрожающей опасности нападенія, но не тогда, если уже болѣе нѣтъ на лицо никакого нападенія, если угрожающая черезъ то опасность уже миновалась вслѣдствіе окончанія правонарушенія. Но фактическое окончаніе нападенія не всегда совпадаетъ съ юридическимъ окончаніемъ противузаконнаго дѣянія. Нападеніе не всегда уже бываетъ оконченнымъ тогда, когда преступное дѣяніе юридически уже окончено, но только въ томъ случаѣ, когда нападающій не продолжаетъ болѣе своей правонарушительной дѣятельности.

4) Нападеніе, къ отвращенію котораго закономъ предоставляется необходимая оборона, должно быть направлено противъ права, которымъ владѣютъ дѣйствительно, въ отправленіи котораго уже находятся, но не которымъ владѣютъ въ потенціи, которое намѣреваются еще только осуществить. Ибо, говоритъ Бернеръ, право, которымъ не владѣютъ на фактѣ, не можетъ быть и защищаемо. Напр. я имѣю на землѣ моего сосѣда servitus itineris, а онъ возбраняетъ мнѣ дорогу; если же я вынуждаю тотъ проходъ силою, то нельзя сказать, что я осуществляю только принадлежащее мнѣ право необходимой обороны. Но если я, въ намѣреніи осуществить принадлежащее мнѣ право прохода, нахожусь уже въ дорогѣ, то я не долженъ уступать и могу такимъ образомъ осуществленіе моего права защищать силою противъ заграждающаго мнѣ дорогу, а слѣдовательно и нападающаго на меня сосѣда.

5) Дальнѣйшее существенное условіе справедливой необходимой обороны состоитъ въ томъ, чтобы обороняющійся пользовался только необходимою для него защитою. Въ этомъ условіи заключается двойное требованіе. Во первыхъ, чтобы подвергшійся нападенію вообще дѣйствительно находился въ состояніи нужды, т. е. въ такомъ положеніи, въ которомъ бы онъ съ основаніемъ видѣлъ въ противузаконномъ нападеніи нападающаго опасность для себя или другихъ, т. е. имѣлъ бы причины опасаться потери права. Это про-

является изъ выраженія «необходимая оборона», которое прямо указываетъ на защиту, вынужденную необходимостію, нуждою. Свойство лицъ, мѣста, рода нападенія или и другія обстоятельства должны свидѣтельствовать, что онъ имѣлъ основательную причину предполагать въ грозящемъ ему нападеніи подобную опасность, хотя бы таковая въ дѣйствительности ему и не угрожала. Необходимая оборона справедлива, если воспользовавшійся ею по конкретнымъ обстоятельствамъ случая долженъ былъ по обыкновенному человѣческому разуму и чувствамъ видѣть опасность въ нападеніи, напр. если ему къ груди разбойникъ приставилъ незаряженный пистолетъ, но который считать заряженнымъ онъ имѣлъ причины. При несуществованіи же опасности онъ не можетъ извиняться необходимой обороной. Но и при дѣйствительно существующей опасности требуется во вторыхъ, чтобы употребленное для отвращенія ея средство, равно какъ родъ и мѣра защиты были необходимы. Поэтому угрожаемый противузаконнымъ нападеніемъ не долженъ причинять своему противнику никакого ущерба, если онъ и безъ того можетъ отвратить отъ себя всѣ опасности. Такъ, не можетъ быть употреблена необходимая оборона и въ томъ случаѣ, если подвергшійся угрозѣ можетъ спасти свое угрожаемое право какимъ нибудь другимъ образомъ, черезъ приглашеніе ли на помощь, въ моментъ опасности, правительства, или находящихся вблизи частныхъ лицъ, или и другими средствами. Нельзя такимъ образомъ обусловливать, какъ это дѣлается нѣкоторыми законодательствами (код. баварск. ст. 125 (1813 года) вюртемб. ст. 102) и утверждается нѣкоторыми юристами, правомѣрность необходимой обороны только недостаткомъ дѣйствительной государственной помощи въ моментъ опасности. Если возможность ея и не существуетъ, но если подвергшемуся нападенію извѣстны и находятся въ его распоряженіи другія средства для отвращенія нападенія, то необходимой обороны нельзя допустить, и защищеніе силою въ подобнамъ случаѣ есть не превышеніе необходимой обороны, какъ говоритъ Кöстлинъ, но и вообще здѣсь нѣтъ никакой справедливой необходимой обороны. Подобный взглядъ на дѣло существуетъ не только въ источникахъ общаго германскаго права (L. 45, § 1 D. ad leg. Aquil. 9, 2: «cum aliter se tueri non possunt.»), но высказанъ также и новѣйшими законодательствами. Однако и здѣсь должна быть выставлена условіемъ только относительная, но никакъ не абсолютная необходимость. Такимъ образомъ условія справедливой необходимой обороны удо-

влетворяются вполнѣ, если подвергшійся нападенію по своему положенію и по обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился, по его мнѣнію, употребилъ въ принятомъ имъ средствѣ защиты единственное, въ наименьшей степени насильственное средство для своего спасенія, хотя онъ in concreto и могъ и долженъ бы былъ поступить иначе. Необходимая оборона не исключается также и возможностію позднѣйшей помощи со стороны правительства. Столь же мало можетъ быть вмѣнено въ обязанность угрожаемому, въ то время, когда ему предстоитъ непосредственно настоящая опасность, сперва разсмотрѣть тѣ средства, которыя могли бы спасти его изъ опасности. Въ виду опасности, гдѣ нужна быстрота дѣйствія, нельзя требовать отъ него подобнаго хладнокровія.

Къ числу неодинаково рѣшаемыхъ въ ученіи о необходимой оборонѣ вопросовъ принадлежитъ и тотъ, обязанъ ли подвергшійся угрозѣ, для отвращенія предстоящаго ему нападенія, пользоваться возможностію бѣгства, и, если онъ этимъ не воспользовался, подходитъ ли противупоставленное имъ нападающему насиліе подъ точку зрѣнія справедливой необходимой обороны? Постыднаго или опаснаго бѣгства никто еще не пытался ставить обязанностію для подвергшагося нападенію. Напротивъ, древнѣйшіе и многіе новѣйшіе криминалисты (Мартинъ, Генке, Ярке, Марецолль, Гефф-теръ, Кöстлинъ) на основаніи словъ ст. 140. Каролины.... vnd der benöttigt kan füglich on ferlichkeyt oder verletzung seins leibs, lebens, ehr vnd guten leumuts nicht entweichen... допускаютъ необходимую оборону только тогда, когда нападеніе не можетъ быть отклонено непостыднымъ и безопаснымъ бѣгствомъ.

Новѣйшія частныя нѣмецкія законодательства хотя ясно и не упоминаютъ о невозможности бѣгства, какъ объ одномъ изъ условій справедливой необходимой обороны, однако изъ того, что многіе изъ нихъ (код. баварскій 1813 года ст. 127, ольденбургскій ст. 132, альтенбургскій ст. 70, брауншвейгскій § 166, ганноверскій ст. 78, вюртембергскій ст. 103, гессенскій ст. 48, нассаускій ст. 45, тюрингенскій ст. 66) обусловливаютъ правомѣрность ея требованіемъ, чтобы подвергшійся нападенію не могъ не употребить противъ нападающаго насилія, самъ не подвергаясь опасности, слѣдуетъ что необходимую оборону нельзя считать справедливою, если бы подвергшійся нападенію могъ воспользоваться бѣгствомъ. Только воззрѣнія доктрины разнятся другъ отъ друга въ томъ, что нѣкоторыя въ неупотребленіи возможныхъ безопасныхъ средствъ,

поэтому и возможнаго бѣгства, видятъ недостатокъ условія справедливой необходимой обороны, а другіе, какъ напр. Кöстлинъ, только превышеніе ея.

Какъ ни трудно согласуется такое ограниченіе необходимой обороны съ принципомъ ея, что право не должно уступать неправдѣ, и какъ ни ясно это свидѣтельствуетъ и о непризнаніи истиннаго юридическаго существа ея, какъ ни много также можно возразить противъ этого съ законодательной точки зрѣнія *); однако и прямо, de lege lata, съ точки зрѣнія теперь дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ; нельзя утверждать, чтобы возможность отклонить отъ себя нападеніе бѣгствомъ исключала правомѣрность необходимой обороны; а для утвержденія этого нельзя основываться на словахъ закона, «чтобы подвергшійся нападенію пользовался только необходимою защитою»; такъ какъ эти слова допускаютъ еще другое и болѣе соотвѣтствующее духу закона толкованіе, именно, что здѣсь говорится о необходимости средства и рода защищенія противъ нападающаго, а не только одного рода его. Ибо необходимость послѣдняго проявляется уже изъ существованія противузаконнаго нападенія. Кто намѣревается отразить противузаконное нападеніе, тотъ не можетъ этого сдѣлать иначе, какъ защищаясь противъ него; о томъ же, который бѣжитъ отъ нападающаго, никакъ нельзя сказать, что онъ защищается противъ него. Но конечно употребленное для защиты средство, способъ веденія защиты можетъ быть очень различенъ, болѣе или менѣе необходимъ, если и совершенно

*) «Какое право — говоритъ напр. противъ этого Бернеръ (Archiv des crim. Rechts 1848 ст. 578) — имѣетъ законодатель требовать, чтобы подвергшійся нападенію бѣжалъ отъ преступника и такимъ образомъ оставлялъ безъ защиты свое право? Кто противозаконно на меня нападаетъ, тотъ пусть знаетъ, что его ожидаетъ сопротивленіе. Никогда по строгому праву я не долженъ бѣгать отъ него, даже просто потому, что я то мѣсто, на которомъ нахожусь, занимаю по праву. Вы основываете необходимую оборону на томъ, что право не должно уступать неправдѣ и потомъ требуете отъ управомоченнаго, чтобы онъ бѣжалъ отъ несправедливо нападающаго??! Долженъ ли мужественный гражданинъ обратиться въ бѣгство передъ какимъ нибудь бандитомъ, на томъ основаніи, что онъ можетъ воспользоваться этимъ средствомъ безъ опасности для своей чести, но конечно не безъ самаго глубокаго оскорбленія могучаго и живаго юридическаго чувства? Заслуживаетъ ли неправда такихъ привилегій? Не нужно намъ такихъ ограниченій, которыя опутываютъ самое простѣйшее право въ свѣтѣ смѣшными оговорками, потакаютъ преступнику и выставляютъ ему со связанными руками честнаго человѣка!

или почти ненуженъ, и въ этомъ отношеніи и требуетъ законъ, чтобы защита была необходима, т. е. чтобы не могло быть съ пользою употреблено никакое другое меньшее средство для отвращенія нападенія. Изъ словъ закона такимъ образомъ не вытекаетъ ограничивающее необходимую оборону условіе недостатка commodus discessus. Гораздо болѣе имѣющее значенія основаніе для этого скорѣе можно принять въ томъ, что то законодательство, которое не ставитъ права чести подъ защиту необходимой обороны, консеквентнымъ образомъ не можетъ признавать справедливымъ и самаго акта насильственнаго самозащищенія, если оно можетъ быть избѣгнуто безопаснымъ бѣгствомъ, даже если бы въ немъ для свободнаго человѣка было бы нѣчто недостойное; такъ какъ честь, посредственно подвергшаяся нападенію принужденіемъ къ бѣгству, конечно, и не можетъ имѣть притязанія на болѣе высшую защиту закона, чѣмъ непосредственно подвергшаяся угрозѣ. Только здѣсь должно бы было, на что уже указывалъ и Карпцовъ (Neque hic, говоритъ онъ, excipiendi sunt milites, nobiles aliique superioris subsellii ac in dignitate constituti viri, quos salvo honore et honestate sua fugere non posse, vulgo existimant), если уже однажды правомѣрность необходимой обороны обзавишена невозможностію commodus discessus, поставить бѣгство общею обязанностію и не допускать, какъ этого требуютъ многіе криминалисты, исключеній въ пользу извѣстныхъ классовъ. Если же относительно военныхъ, дворянства или извѣстныхъ знатныхъ особъ дѣлать исключеніе изъ общаго правила, то его оправданіе трудно искать и въ основаніи приводимомъ Бёмеромъ — præoccupata opinio, quae adhuc hodiernum haeret, а также и въ господствующемъ въ этихъ сословіяхъ понятіи о чести и безчестіи.

Дальнѣйшее, столь же въ себѣ самомъ и по принципу нераціональное условіе справедливой необходимой обороны, поставленное многими юристами, и также перешедшее въ отдѣльныя территоріальныя законодательства (код. баденскій § 97, ганноверскій ст. 79, и саксонскій ст. 91), состоитъ въ томъ, чтобы причиненное нападающему нарушеніе стояло въ соразмѣрномъ отношеніи съ цѣнностію находящагося въ опасности и защищаемаго блага. Неправда всегда останется неправдой, какого бы качества и величины она ни была. Такое ограниченіе чуждо бо̀льшей части новѣйшихъ уголовныхъ законовъ. Въ словахъ, чтобы человѣкъ пользовался только необходимой защитой, лежитъ только требованіе соразмѣрности

отношенія между нападеніемъ и отраженіемъ, а никакъ не требованіе соразмѣрности между поставленнымъ въ опасность правомъ принужденнаго и нарушаемымъ благомъ нападающаго. Величина опасности, а не цѣнность подвергшагося нападенію блага рѣшаетъ вопросъ о мѣрѣ и средствахъ употребляемаго отраженія. Сколь необходима сила для защиты подвергшагося нападенію блага, въ такомъ размѣрѣ и должна быть она употреблена для этого. Даже для защиты самаго высшаго блага не должно быть употребляемо бо̀льшаго насилія, если для защиты его довольно меньшей силы, и напротивъ даже для защиты самой незначительной вещи оправдывается самая крайняя, доходящая и до уничтоженія нападающаго, необходимая оборона, если опасность потери не можетъ быть отвращена иначе. Но съ этимъ вмѣстѣ однако не должно отрицать нравственной обязанности умѣренности въ употребленіи этого права, но она не принимается во вниманіе при юридическомъ обсужденіи правомѣрности необходимой обороны. Притомъ, не стотря на такое неограниченное допущеніе необходимой обороны, нѣтъ и никакого основанія опасаться злоупотребленій ею. Въ большей части случаевъ оплотъ противъ возможнаго злоупотребленія заключается въ общемъ ограниченіи ея, въ требованіи moderamen inculpatae tutelæ, соразмѣрнаго отношенія между нападеніемъ и отраженіемъ. Если нападеніе менѣе опасно, то для отраженія его будутъ достаточны и менѣе опасныя средства защиты; если же, не обращая на нихъ вниманія, подвергшійся угрозѣ употребляетъ болѣе опасныя средства, то онъ становится виновнымъ въ нарушеніи условій справедливой необходимой обороны и долженъ быть подвергнутъ отвѣтственности, какъ за превышеніе ея. Но если дѣйствительно должно было бы въ отдѣльномъ спеціальномъ случаѣ употребить для защиты даже незначительнаго предмета собственности самое крайнее средство насилія, то его оправданіе, какъ акта необходимой обороны, лежитъ въ этой необходимости. Далѣе этого ограниченія и не должно идти законодательство, если оно не хочетъ вдаваться въ казуистику, и однако, не смотря на это, все еще остаться далеко не полнымъ. Но въ особенности должно замѣтить, что противоположное воззрѣніе, которое требуетъ для правомѣрности необходимой обороны соразмѣрность защиты къ цѣнности угрожаемаго блага, и содержитъ ограниченіе, которое кромѣ всѣхъ другихъ недостатковъ, заключающихся въ немъ, расшатываетъ и все основаніе права необходимой обороны.

Дальнѣйшее, столь же мало основательное ограниченіе необходимой обороны, выставляемое нѣкоторыми криминалистами, состоитъ въ томъ, что отражаемое нападеніе должно быть непредвидѣнное. Если право необходимой обороны имѣетъ свое основаніе въ ничтожествѣ неправды, которую не слѣдуетъ терпѣть ни подъ какимъ видомъ, то нѣтъ никакого основанія различать, произошло ли противузаконное нападеніе ожиданно или неожиданно и могъ ли въ первомъ случаѣ угрожаемый отвратить его отъ себя безъ насилія и нарушенія нападающаго. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Левита, что и тотъ, который знаетъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ его подкарауливаютъ, что къ нему намѣрены вломиться воры, не имѣетъ вовсе никакой обязанности миновать то мѣсто, объявить о томъ правительству; онъ можетъ идти и оставаться, гдѣ ему угодно, и имѣетъ право, если ему грозитъ противузаконное нападеніе, стараться поддержать свое доброе право насильственнымъ защищеніемъ, на сколько онъ считаетъ его необходимымъ. Съ этимъ согласенъ и Бернеръ (А. С. R. 1848 ст. 561). Конечно, благоразумнѣе и выгоднѣе въ бо̀льшей части случаевъ уклониться отъ угрожающей опасности, или предупредить ее приглашеніемъ на помощь правительства, нежели вступать въ оборонительный бой, исходъ котораго всегда остается загадочнымъ. Равнымъ образомъ и можетъ быть вмѣнено подвергшемуся нападенію въ особенную заслугу, если вслѣдствіе его уступчивости не пролита имъ человѣческая кровь; но юридически онъ вовсе не обязанъ къ этому. Отъ него нельзя требовать, чтобы его намѣренія и цѣли обусловливались страхомъ преступныхъ нападеній со стороны другихъ. Такое условіе глубоко нарушало бы, какъ замѣчаетъ Левита, право личности, по которому каждый имѣетъ право требовать, чтобы его свободное движеніе не нарушалось вопреки закона и права. Въ томъ мужествѣ, которое не удерживается страхомъ передъ грозящими преступными нападеніями, можно только, по мнѣнію Левиты, видѣть силу характера, но не своеволіе и суетность, какъ думаетъ Брейденбахъ. Однако тѣ законодательства, которыя право необходимой обороны обусловливаютъ тѣмъ, чтобы подвергшійся нападенію не могъ отвратить нападенія или воспрепятствовать намѣренію нападающаго — каковы: баварскій кодексъ ст. 157 (1813 года), ольденбургскій ст. 132, альтенбургскій ст. 70, брауншвейгскій § 166, гессенскій ст. 48, нассаусскій ст. 45, тюрингенскій ст. 66, саксонскій ст. 70, — даютъ мѣсто конечно противуположному воззрѣнію, что и несправедливое нападеніе не до-

пускаетъ необходимой обороны тогда, когда оно было предвидѣно и поэтому могло бы быть отвращено другими способами.

Сколь различны между собою отдѣльныя частныя германскія права въ отношеніи условій необходимой обороны, столь же различны воззрѣнія доктрины и законодательства и относительно пространства и объема ея, т. е. относительно вопроса, какія права могутъ быть защищаемы необходимой обороной? Для защиты жизни, здоровья и свободы она допускалась и допускается безусловно. Но споренъ былъ только вопросъ о томъ, могутъ ли быть защищаемы насильственнымъ отраженіемъ и подъ какими особенными предположеніями и подвергшаяся нападенію честь и собственность? Если принимать истинное существо необходимой обороны и признавать вышеуказанное, въ существѣ права лежащее, основаніе ея правомѣрности, то должно также допустить, что она должна прилагаться и противъ всякаго рода неправды, поэтому не только противъ несправедливаго, незаконнаго, направленнаго непосредственно на лицо нападенія, но и противъ каждой грозящей ему опасности, противъ всякаго противузаконнаго нарушенія, поэтому и къ защитѣ всѣхъ правъ личности, къ огражденію какъ частныхъ, такъ и общественныхъ интересовъ, и юридически оправдывать каждое въ конкретномъ случаѣ необходимо совершающееся нарушеніе нападающаго. Что это пониманіе лежитъ въ основаніи и источниковъ общаго германскаго права, явствуетъ изъ внимательнаго разсмотрѣнія ихъ. Совершенно согласны съ принципомъ необходимой обороны и опредѣленія римскаго права. Въ немъ необходимая оборона допускается, какъ и было уже выше указано, противъ каждой injuria, взятой въ самомъ широкомъ смыслѣ; и изъ употребленнаго во многихъ мѣстахъ, говорящихъ о необходимой оборонѣ, выраженія «vis» не слѣдуетъ, чтобы римлане не допускали необходимую оборону только для защиты лица, а не другихъ также правъ; ибо римляне принимали подъ словомъ «vis» не только насильственное нападеніе противъ лица, но и каждое своевольное противъ воли его происходящее вторженіе въ сферу имущественныхъ правъ, вообще каждое неправомѣрное противъ воли управомоченнаго дѣйствіе. Сообразно съ этимъ нельзя сомнѣваться и въ допущеніи по римскому праву и необходимой обороны для защиты чести и собственности, даже и въ томъ случаѣ, если бы при этомъ личность непосредственно и не подвергалась угрозамъ, конечно, однако при существованіи на лицо законныхъ условій справедливой необходимой обороны. Въ

этой безграничности принимали необходимую оборону, согласно съ римскимъ воззрѣніемъ, какъ имѣющую основаніе въ naturalis ratio, и бо̀льшая часть итальянскяхъ практиковъ позднѣйшаго времени среднихъ вѣковъ, воззрѣнія которыхъ вліяли на составленіе Каролины. Съ ихъ воззрѣніями согласна и Каролина въ бо̀льшей части ея постановленій; и у ней лежитъ въ основаніи то же самое пониманіе необходимой обороны. Тѣмъ не менѣе старались (Цöпфль, Гейеръ) прямо изъ нея юридически оправдать всѣ ограниченія, которымъ подчинила право необходимой обороны позднѣйшая доктрина и практика; и еще въ новѣйшее время, основываясь будто бы на германскомъ созерцаніи ея, допускаютъ (Луденъ) необходимую оборону только для защиты противъ насильственныхъ нападеній, непосредственно направленныхъ на лицо. Несостоятельность этого воззрѣнія столь убѣдительно доказана Кöстлиномъ, а въ особенности Левитой, Зеегеромъ и наконецъ Гельшнеромъ, такъ что и не цитируя ихъ, совершенно достаточно здѣсь только сослаться на эти сочиненія. Хотя Каролина, какъ было уже выше замѣчено, и не даетъ праву необходимой обороны общаго опредѣленія, но упоминаетъ о ней только въ томъ случаѣ, когда она имѣла слѣдствіемъ убійство; но изъ этого на столько же невозможенъ выводъ, что она признаетъ этотъ случай, только какъ родъ ненаказуемаго убійства, а не какъ самостоятельное право, на сколько не можетъ быть выведено и то, что она необходимую оборону ограничивала только несправедливыми нападеніями на лицо, а исключала ее для защиты другихъ правъ. По свойственному этому законадательному памятнику методу представлять общія ученія, приводится ею только самый важнѣйшій и обыкновенный случай необходимой обороны—убійство, но изъ этого никакъ нельзя выводить тѣхъ ограниченій необходимой обороны, которыя предполагаютъ Цöпфль и Луденъ. Въ Каролинѣ нѣтъ недостатка также и въ ясныхъ опредѣленіяхъ, которыя отрицаютъ всякую возможность сомнѣнія о юридическомъ допущеніи необходимой обороны и для защиты собственности и чести. Если въ ст. 140 приводится между ненаказуемыми убійствами и такое, которое кто либо совершилъ для спасенія не только тѣла и жизни, но и имущества другаго, то тѣмъ болѣе съ этимъ вмѣстѣ признается implicite и допускаемость необходимой обороны для защиты своего собственнаго имущества; хотя въ другихъ о необходимой оборонѣ статьяхъ не упоминается о ней съ предположеніемъ этого случая. Кромѣ того, въ той же статьѣ ясно допускается необходи-

мая оборона собственности противъ fur nocturnus. Столь же мало можно сомнѣваться въ допущеніи по Каролинѣ необходимой обороны для защиты чести, хотя она ясно и не упоминается ею въ числѣ охраняемыхъ необходимою обороною правъ. Ибо, обусловливая въ ст. 140 справедливую необходимую оборону, чтобы подвергшійся угрозѣ не могъ избѣжать несправедливаго нападенія иначе, какъ опаснымъ или постыднымъ бѣгствомъ, и вмѣстѣ съ этимъ такимъ образомъ не требуя бѣгства въ ущербъ чести, она признаетъ честь за благо, которое въ случаѣ нужды не должно быть приносимо въ жертву, но можетъ быть защищаемо собственною силою, и притомъ, говоря особенно о необходимой оборонѣ для защиты женской чести (ст. 150), она и не могла не допускать и защиты чести вообще, а слѣдовательно и необходимой обороны противъ каждаго нападенія на честь. И доктрина тогдашняго времени принимала право необходимой обороны въ его всеобщности безъ ограниченія для извѣстныхъ правъ и признавала ея допускаемость противъ каждаго противузаконнаго нападенія, не ограничивая ее условіемъ опасности, непосредственно грозящей личности подвергшагося нападенію. Только позднѣйшіе криминалисты (Berlichius Concl. pract. IV. 12, 37. Carpzov Pract. rer. crim. p. 1. qu. 28. Böhmer ad Carpzov. qu. 28), ложно понявши постановку этого ученія въ системѣ Каролины, ограничили необходимую оборону и противъ ея значенія въ принципѣ и несогласно съ ея источниками. По воззрѣнію господствовавшей тогда доктрины, не было никакой надобности въ необходимой оборонѣ для защиты чести, потому что оскорбленная честь можетъ быть возстановлена впослѣдствіи посредствомъ actio injuriarum (quia per actionem injuriarum optime recipi potest), и только въ случаѣ изнасилованія допущеніе еще считалось законнымъ на выставленномъ ею основаніи — quod metus stupri major esse solet, quam mortis, согласно словъ L. 1. § 4. D. ad. leg. Cornel. D. Hadrianus rescripsit, eam, quae stuprum sibi per vim inferentem occidit, dimittendam. Въ системѣ же нынѣ дѣйствующихъ германскихъ уголовныхъ законодательствъ понятіе и опредѣленіе необходимой обороны, существующее въ нихъ, даетъ несомнѣнное право на предположеніе ея допускаемости и для защиты чести. Необходимая оборона принимается ими въ ея общемъ, основномъ значеніи, какъ право защиты противъ причиняемой неправды, въ какомъ бы видѣ она ни проявилась. Она единогласно предоставляется ими для защиты жизни, свободы и имущества, и по смыслу закона нельзя предполагать объ

исключеніи ея и для защиты тѣла, хотя въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ напр. австрійскомъ, на это ясно не указывается. Ибо право защиты противъ нападенія на жизнь и свободу заключаетъ въ себѣ и допускаемость ея и противъ нападенія на тѣло, какъ на носителя жизни, какъ на органъ ея внѣшнихъ отправленій и движенія, вмѣстѣ съ тѣмъ есть уже нападеніе на жизнь и свободу. Подъ свободою же должно разумѣть здѣсь отсутствіе всякаго внѣшняго, своевольно на нашу дѣятельность воздѣйствующаго принужденія, или свободу движенія. И необходимая оборона для защиты имущества должна быть признана въ ея полномъ объемѣ и безусловно допускаема безо всякаго различія, какъ это дѣлается многими криминалистами (Бёмеромъ, Фейербахомъ, Сальховомъ, Мартиномъ, Марецоллемъ, Титманомъ и Луденомъ) и нѣкоторыми новѣйшими законодательствами (уголовн. код. вюртемберг. ст. 103, гессен. ст. 49. баден. § 87), между замѣняемыми и незамѣняемыми, движимыми и недвижимыми вещами, и не обусловливая ее бо̀льшею или меньшею стоимостію угрожаемаго блага, или соразмѣрностію выбраннаго средства защиты съ грозящимъ, необходимою обороною отвращаемымъ вредомъ.

Вообще смыслъ вышеупомянутыхъ ограниченій имущественной необходимой обороны таковъ, что никто не долженъ для защиты своей собственности приносить въ жертву жизнь нападающаго. Конечно, жизнь имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ предметъ собственности, но это сравненіе здѣсь совершенно не у мѣста. Право болѣе, чѣмъ неправда; мѣра дозволеннаго насилія лежитъ только въ условіи защиты права; словомъ, столько силы, на сколько это необходимо для защиты права; въ такой именно мѣрѣ я и долженъ употребить ее, будь то право само въ себѣ значительно или незначительно. Глобихъ и Густеръ (Globig und Huster — Abhandlung von der Criminal-Gesetzgebung, gekrönte Preisschrift. Zürich. 1783) въ своемъ сочиненіи, получившемъ бернскую премію, принимаютъ, что такъ какъ между жизнію вора и имуществомъ подвергшагося нападенію нѣтъ никакой соразмѣрности, то только такое воровство даетъ право на убійство, которое на столько значительно, что обокраденный принужденъ бы былъ вслѣдствіе его снискивать себѣ пропитаніе тяжелою работою. «Самая нелѣпая мысль, говоритъ Граттенауеръ, которую необходимо должно было бы вычеркнуть, прежде чѣмъ сочиненіе удостоилось преміи. Кто вламывается ко мнѣ, тотъ конечно похититъ у меня все, что только найдетъ и даже меня самаго можетъ

быть свяжетъ и заткнетъ мнѣ по крайней мѣрѣ ротъ, ибо я могу его признать, звать на помощь, объявить о его злодѣяніи правительству. Но по мнѣнію тѣхъ господъ, продолжаетъ онъ, я долженъ сперва допустить вора вломиться къ себѣ, и наблюдать за нимъ, дѣйствительно ли онъ намѣренъ похитить у меня на столько, что я послѣ того всю свою жизнь долженъ добывать себѣ въ потѣ лица своего насущный хлѣбъ и такимъ образомъ лишиться подъ старость плодовъ всей своей жизни. Какъ только благоразумные люди, восклицаетъ при этомъ Гроттенауеръ, могутъ писать подобную нелѣпость, а другіе—находить ее достойною преміи».

«Чтобы подвергнуть сомнѣнію неограниченность имущественной необходимой обороны, говоритъ Бернеръ, прибѣгли къ примѣрамъ, гдѣ защищается res minima. Но кто не знаетъ діалектики этой minima, о которой совершенно благоразумно не заботится преторъ? Что такое воровство подобнаго minimum? Есть ли это на самомъ дѣлѣ еще воровство, или понятіе его здѣсь уже не существуетъ? Какое вліяніе имѣетъ minimum въ мѣрѣ наказанія болѣе или менѣе на справедливость приговора и т. д.? Какую цѣнность должна имѣть найденная вещь, чтобы вмѣстѣ съ этимъ ея утайка со стороны нашедшаго была преступной? Слѣдуетъ избѣгать подобной чрезвычайно опасной казуистики, которая въ намѣреніи выставить отношеніе между цѣностію подвершагося угрозѣ правомѣрнаго блага и степенью дозволеннаго нарушенія для отвращенія противузаконнаго нападенія, теряетъ изъ виду принципъ необходимой обороны, и кромѣ того могла бы заклеймить именемъ преступника и самаго честнѣйшаго человѣка, который и въ самомъ незначительномъ объектѣ собственности однако все еще видитъ свое право и въ случаѣ необходимости защищаетъ его даже силою. Не должно ни въ какомъ случаѣ забывать, что это его право, отъ котораго онъ самъ, какъ благоразумный человѣкъ, конечно, можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ отказаться, но принуждать его къ тому никто не можетъ и не долженъ. Но, особенно въ области законодательной дѣятельности, не слѣдуетъ допускать разыгрываться своей фантазіи и вдаваться слишкомъ далеко въ міръ однихъ возможностей, ибо что не возможно на свѣтѣ? Законодательство, которое будетъ заботиться о всѣхъ возможныхъ случаяхъ, само въ себѣ становится невозможностію. Законодатель выставляетъ только общій принципъ, но онъ не долженъ вдаваться въ изложеніе и оцѣнку отдѣльныхъ возможныхъ случаевъ, предоставляя это дѣло судьѣ,

который уже будетъ примѣнять законъ cum grano salis. «Vi vis illata defenditur» говоритъ Цицеронъ въ своей рѣчи pro Milone, которую Лейзеръ называетъ perfectissimum defensionis ex capite inculpatae tutelae exemplum, «quid comitatus nostri, quid gladii volunt; quos habere certe non liceret, si uti illis nullo pacto liceret. Est igitur haec, judices, non scripta, sed nata lex: quam non didicimus, accepimus, legimus, verum ex natnra ipsa arripuimus, hausimus, expressimus, ad quam non docti, sed facti, non instituti, sed imbuti sumus». Но и кромѣ юридическихъ основаній противъ этого ограниченія существуютъ еще и основательные политическіе доводы. Страхъ зайти въ своей защитѣ слишкомъ далеко и вслѣдствіе этого подвергнуться наказанію преступника обезоруживаетъ собственника, ослабляетъ его гражданское мужество, и онъ лучше совсѣмъ оставляетъ защиту. Такимъ образомъ ограничивающій законъ только бы поощрялъ воровъ, разбойниковъ въ ихъ дерзости и вмѣстѣ съ тѣмъ лишалъ бы народъ чувства и сознанія его человѣческаго достоинства, благородной гордости права и свободы».

Что касается до имущества, для защиты котораго допускается необходимая оборона, то подъ этимъ словомъ должно разумѣть всѣ имущественныя права, всѣ пользующіяся юридическою защитою человѣческія блага; поэтому, не только собственность въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, но и всѣ вытекающія изъ нее права. При этомъ не имѣетъ никакого значенія и то, въ чемъ состоитъ противузаконное нападеніе на имущество, въ совершенномъ ли разрушеніи, или поврежденіи, или отнятіи, похищеніи предмета.

Равнымъ образомъ необходимая оборона можетъ быть противопоставлена и тому, который безо всякаго права и противъ воли хозяина входитъ въ его жилище и, не смотря на требованіе его — удалиться, не уходитъ. Въ подобномъ противузаконномъ вторженіи заключается противузаконное нападеніе на право владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіе свободнаго движенія человѣка, противузаконное нарушеніе его свободы (необходимая оборона противъ противузаконнаго вторженія во владѣніе другаго ясно предоставлена кодексомъ баварскимъ ст. 129, ольденбургскимъ ст. 134, вюртенбергскимъ ст. 102, брауншвейгскимъ ст. 160, гессенскимъ ст. 46 и нассаускимъ ст. 43). Право необходимой обороны проявляется въ этомъ случаѣ, какъ замѣчаетъ Бернеръ, въ видѣ домашняго права, которое считалось во всѣ времена священнымъ. Quid enim sanctius, говоритъ Цицеронъ въ своей рѣчи pro domo C. 11, quid enim reli-

gione minitius, quam domus unicujuscumque civium?—The man's house, говорятъ англичане, is his castle. Относительно выставленнаго англичанами основанія говоритъ Фихте: «Моимъ домомъ опредѣляется моя абсолютная собственность. Надзоръ государства простирается до этихъ границъ и отсюда начинается уже моя власть. Домъ есть граница государственной и частной власти. Для того то и существуетъ домъ, чтобы сдѣлать возможнымъ самозащищеніе. Въ моемъ жилищѣ я самъ для государства священенъ и неприкосновененъ. Въ гражданскомъ дѣлѣ оно не можетъ напасть на меня въ моемъ жилищѣ, но должно ждать, пока найдетъ меня на публичной почвѣ». Такимъ образомъ всякое нарушеніе домашняго права, хотя бы оно и не сопровождалось насиліемъ, направленнымъ непосредственно на лицо, управомочиваетъ къ необходимой оборонѣ. И допущеніе ея въ этомъ случаѣ вовсе не такъ опасно, какъ это кажется. Ибо юридическая обязанность для пользующагося необходимой обороной — не преступать границъ ея — будетъ поставлять и отправленію ея для защиты домашняго права необходимыя границы и никакимъ образомъ не сдѣлаетъ, какъ опасается Брейденбахъ, каждаго владыкою надъ жизнію и смертію всѣхъ находящихся въ его домѣ, но не принадлежащихъ къ нему. Если однако самъ Брейденбахъ предоставляетъ домохозяину право выгнать вошедшаго въ домъ безо всякаго права и не обращающаго никакого вниманія на его приказаніе удалиться, слѣдовательно ограниченную необходимую оборону; то это тѣ же законныя а никакія другія ограниченія, а именно, чтобы онъ употреблялъ только необходимую защиту. Если поэтому вломившійся въ домъ не удовлетворяетъ требованію хозяина дома удалиться, и болѣе не существуетъ никакого меньшаго средства для его удаленія, то почему же не могутъ быть выставлены его сопротивленію и еще болѣе насильственныя средства?

Нѣкоторые криминалисты, какъ напр. Іенулль, въ отношеніи къ имущественной необходимой оборонѣ, утверждаютъ, что необходимая оборона не должна быть допускаема для защиты замѣняемыхъ или вознаградимыхъ вещей; а вюртембергскій уголовный кодексъ (ст. 103, 3), въ томъ случаѣ, если бы подвергшаяся нападенію вещь могла быть впослѣдствіи опять возвращена или сама или полная ея стоимость посредствомъ судебнаго разбирательства, считаетъ употребленную для сего необходимую оборону, какъ превышеніе ея. Но если не подчинять отправленіе необходимой обороны условію

соразмѣрности между подвергшимся опасности благомъ и необходимымъ для отвращенія опасности правонарушеніемъ, то само собою слѣдуетъ отсюда, что необходимая оборона и для огражденія имущества не должна подлежать никакому подобному ограниченію, и потому для защиты этого имущества, хотя бы оно въ своемъ отношеніи по цѣнности и стояло ниже нежели тѣло и жизнь, однако совсѣмъ тѣмъ должна быть допущена необходимая оборона, доходящая даже до уничтоженія послѣднихъ. Ибо если подобное ограниченіе было бы справедливо въ самомъ себѣ, то оно должно бы было совершенно послѣдовательно дѣйствовать не только въ случаѣ необходимой обороны для защиты собственности, но и для всѣхъ другихъ родовъ ея. Ибо, и при нападеніи на личность мыслимы случаи, гдѣ существуетъ подобная или еще бо̀льшая несоразмѣрность между защищаемымъ правомъ и необходимымъ для защиты его насиліемъ. Какъ примѣры этого рода, приводитъ Зандеръ (N. Archiv C. R. 1841, стр. 77) отрѣзаніе локона, загораживаніе дороги, насильственное употребленіе человѣка для модели на нѣсколько часовъ; въ каждомъ изъ этихъ противъ воли принужденнаго дѣйствій лежитъ противузаконное нападеніе на лицо. Если теперь для защиты противъ подобныхъ, непосредственно на личность направленныхъ, нападеній предоставлена неограниченная необходимая оборона, и даже, если недостаточно для отраженія ихъ меньшаго, можетъ быть употреблено и самое крайнее средство, даже убійство, то почему же не должно быть предоставлено такого же права и подъ тѣми же условіями и противузаконно подвергшемуся угрозѣ собственнику и въ томъ случаѣ, если угроза и не связана ни съ какимъ нападеніемъ на его личность. За необходимость употребленнаго для защищенія насилія не можетъ говорить ни свойство, ни цѣнность угрожаемаго блага, ни даже и то обстоятельство, что нападеніе непосредственно направлено противъ личности, но только — и только одна значительность угрожающей праву опасности, т. е. большая или меньшая достовѣрность потерять нарушенное владѣніе своимъ правомъ. При необходимой оборонѣ должно быть, какъ было уже указано выше, употреблено столько насилія, сколько это необходимо для отвращенія опасности потери права. И въ примѣненіи средствъ для защиты своей собственности собственникъ не долженъ быть ограниченъ; онъ имѣетъ право схватиться за самое насильственное средство, если не существуетъ для него другаго менѣе насильственнаго. Ибо никто юридически не обязанъ

допускать противузаконнаго нападенія на свое право, хотя бы оно было и слишкомъ мало; и если остается нападающій при своемъ нападеніи, то можетъ быть для отраженія его примѣнено и самое крайнее средство, если не достаточно другаго меньшаго, или если не существуетъ никакого меньшаго средства. Иначе, на какомъ же основаніи тому, которому другой обрѣзываетъ локонъ, или изъ своевольства заграждаетъ на нѣсколько времени дорогу, ради того, что нападеніе направлено непосредственно противъ его личности, должна быть предоставлена необходимая оборона въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы у него отнимался предметъ собственности, который столь же, положимъ, малоцѣненъ, какъ и тотъ локонъ? Какъ въ томъ, такъ и въ этомъ случаѣ, должно существовать право для отраженія противузаконнаго нападенія, и, если это не иначе возможно, какъ нарушеніемъ личности противника, то должно быть предоставлено и это средство, и даже можно дойти и до полнаго уничтоженія ея, если опасность потери права невозможно отвратить другимъ меньшимъ нарушеніемъ. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, какъ было уже выше замѣчено, нравственной обязанности умѣренности въ употребленіи права необходимой обороны. Нравственный судья имѣетъ во всякомъ случаѣ право обсуждать вопросъ, долженъ ли индивидъ, и сколь далеко долженъ, дѣлать употребленіе изъ того управомочія, которое предоставляетъ ему законъ; но съ точки зрѣнія forum externum дѣяніе его допускаемое и правомѣрное. Но, кромѣ того, въ большей части случаевъ нападеніе на собственность, если собственникъ будетъ стараться выставить противъ нападающаго сопротивленіе, перейдетъ, какъ замѣчаетъ Фихте, въ нападеніе на лицо. Карпцовъ (pract. rer. crim. p. 1, qu. 32 и 27) говоритъ даже, что нельзя себѣ вообразить, чтобы нападеніе на собственность не было въ то же время и опасностію для личности. «Nec video, говоритъ онъ, quomodo hoc fieri possit, ut quis res suas absque vitae corporisque periculo defendat... quo posito, vix casus contingere poterit, quo rerum detensio cum corporis vitaeque periculo quodam conjuncta non sit». И вслѣдствіе этого нѣкоторые криминалисты соединяютъ огражденіе имущества съ огражденіемъ лица. Противъ нападенія же на послѣднее, какъ уже вообще принимается, необходимая оборона юридически допускается въ самомъ широкомъ объемѣ. Впрочемъ, подобный случай не всегда можно встрѣтить; съ нападеніемъ на собственность не необходимо должна быть соединена и опасность для лица собственника. Но даже и въ

послѣднемъ случаѣ, хотя противузаконно нарушается только внѣшняя сфера личности, но если собственность не можетъ быть иначе ограждена, какъ нанесеніемъ ранъ или убійствомъ нападающаго, должно быть допускаемо и это до крайности доходящее защищеніе. Представимъ себѣ случай, что нѣкто входитъ въ комнату, въ которой никого нѣтъ, кромѣ совершенно лишеннаго ногъ обитателя ея, беретъ его лежащіе на столѣ золотые часы и, не взирая на самый рѣшительный протестъ и угрозу со стороны собственника, въ случаѣ, если онъ не возвратитъ часовъ, выстрѣлить въ него изъ пистолета, собирается удалиться. Развѣ не должно быть предоставлено находящемуся въ такомъ безпомощномъ положеніи употребить въ дѣло его пистолетъ и воспрепятствовать удаленію вора нанесеніемъ ему ранъ, такъ какъ онъ не имѣетъ никакой возможности иначе отразить противузаконное нападеніе на его собственность? И развѣ онъ не долженъ бы былъ остаться свободнымъ отъ наказанія даже и въ томъ случаѣ, если бы нанесеніе ранъ и имѣло бы слѣдствіемъ смерть вора? Утверждать противное, значило бы совершенно обезоруживать подвергающагося нападенію, которому въ моментъ опасности не представляется болѣе никакого другаго средства. Изъ того же самаго основанія должно быть также дозволено выстрѣлить въ убѣгающаго съ ограбленными или украденными вещами разбойника или вора, если это представляется единственнымъ средствомъ, чтобы опять возвратить себѣ владѣніе отнятыми вещами и такимъ образомъ отвратить грозящую своей собственности опасность (уголовные кодексы нассаускій ст. 43, тюрингенскій ст. 66). Огражденіе противъ возможнаго злоупотребленія имущественной необходимой обороны, противъ оскорбляющаго юридическое чувство превышенія ея, какъ уже было неоднократно замѣчено, лежитъ въ выставленной, для подвергающагося нападенію и для всѣхъ случаевъ необходимой обороны, обязанности наблюденія извѣстнаго отношенія между нападеніемъ и отраженіемъ.

Всѣ подобнаго рода нераціонально вставленныя въ законъ ограниченія имущественной необходимой обороны, кромѣ того, что они не могутъ быть оправданы и въ принципѣ, еще поставляютъ необходимую оборону въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ и ведутъ къ послѣдствіямъ, которыя предоставленную закономъ имущественную необходимую оборону прямо уничтожаютъ фактически и дѣлаютъ собственность беззащитною. Ибо вопросы — вознаградимъ ли вредъ, или нѣтъ? стоитъ ли въ соотношеніи причиняемое

нападающему нарушенiе съ цѣнностiю угрожаемаго права или нѣтъ? въ большей части случаевъ никакъ нельзя рѣшить съ точностiю. Что кажется нынче вознаградимымъ, то можетъ завтра уже быть незамѣненнымъ. Безусловную замѣняемость нельзя даже утверждать и для недвижимыхъ вещей, такъ какъ, какъ замѣчаетъ Вехтеръ, по удаленiи изъ недвижимаго имущества хозяина его, можетъ грозить величайшая опасность находящимся тамъ движимымъ предметамъ. Но, кромѣ того, часто неизвѣстенъ объектъ нападенiя, поэтому и возмѣщаемость его; Левита же замѣчаетъ, что при этомъ еще забывается идеальный вредъ нападенiя. Но если бы возмѣщаемость вреда и была менѣе невѣрною, то и тогда было бы несправедливымъ требовать отъ угрожаемаго, чтобы онъ въ виду опасности и состоянiи крайняго возбужденiя дѣлалъ изысканiя о возмѣщаемости грозящаго ему ущерба. Что должно принимать во вниманiе подобное состоянiе, указалъ еще Дамгудеръ (Prax. rer. crim. c. 76, n. 50). «Difficillimum enim est, justum semper esse dolorem vixque potest vir justus habere steteram in manibus suis et dare ictus, percussiones seu verbera cum mensura». Сюда же присоединяется еще дальнѣйшее сомнѣнiе, что вслѣдствiе подобнаго ограниченiя имущественной необходимой обороны незамѣнимыми предметами, богатый, который вознаградитъ вредъ, получилъ бы такимъ образомъ право на всякое противозаконное нападенiе на возмѣщаемыя блага бѣдныхъ; потомъ, при существованiи подобной теорiи, слѣдовало бы терпѣть каждое нарушенiе домашняго права и домашняго мира, если только съ этимъ нарушенiемъ не соединено или никакого имущественнаго вреда, или такой вредъ, на вознагражденiе котораго можно расчитывать. Тогда должно бы было дозволить выгнать себя изъ своего собственнаго дома, не имѣя права противопоставить нарушителю мира и домашняго спокойствiя и самаго незначительнаго сопротивленiя.

Между пользующимися защитой необходимой обороны правами въ большей части новѣйшихъ германскихъ уголовныхъ законодательствъ не упоминается о чести (только уголовный кодексъ ганноверскiй въ 78 ст. говоритъ прямо о противузаконныхъ нападенiяхъ на честь. Ст. 41 прусскаго уголовнаго кодекса хотя и говоритъ въ общихъ словахъ о необходимой оборонѣ, какъ о томъ защищенiи, которое потребно для отвращенiя противузаконнаго нападенiя; однако практика принимаетъ подъ нападенiемъ только фактическое нападенiе въ тѣсномъ смыслѣ и поэтому противъ словесныхъ и

символическихъ обидъ вовсе не допускаетъ необходимой обороны, 129 ст. баварскаго код. (1813 г.) и ст. 104 код. ольденбургскаго допускаютъ необходимую оборону относительно чести только въ случаѣ нападенія на цѣломудріе. Въ мотивахъ же къ новому баварскому кодексу необходимая оборона ясно исключена противъ словесныхъ обидъ. Уголовные кодексы вюртембергскій ст. 102, гессенскій ст. 46, нассаускій ст. 43, баденскій § 84 хотя допускаютъ необходимую оборону и для защиты чести, но только на столько, на сколько съ нападеніемъ на нее соединено и нападеніе на лицо, вслѣдствіе чего сами собою исключаются словесныя и символическія обиды). По скольку нападенія на честь выходятъ изъ круга простыхъ словесныхъ или символическихъ обидъ и переходятъ въ обиды дѣйствіемъ, реальныя обиды, то они заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и нападеніе на личную свободу и подходятъ такимъ образомъ подъ эту категорію. Столь же мало подлежитъ сомнѣнію и то, что и цѣломудріе и въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ оно ясно и не упоминается, можетъ быть защищаемо необходимой обороной; ибо нападеніе на него есть въ вмѣстѣ съ тѣмъ нападеніе на личность, на тѣло, жизнь и свободу. Подвергается сомнѣнію только юридическая допускаемость необходимой обороны для защиты противъ словесныхъ и символическихъ обидъ. Хотя и не отрицаютъ, что честь въ себѣ самой подобно другимъ правамъ личности должна также пользоваться для своей защиты необходимой обороной, но, на основаніи ложныхъ воззрѣній, необходимую оборону для защиты послѣдней подчиняютъ совершенно произвольнымъ, въ существѣ необходимой обороны не имѣющимъ основанія, ограниченіямъ, какъ это дѣлается и въ отношеніи къ собственности; и эти то ограниченія, конечно, и не допускаютъ необходимой обороны для защиты подвергшейся угрозамъ и оскорбляемой словесными и символическими обидами чести.

По словамъ Фонъ-Гуе, комментатора австрійскаго уголовнаго кодекса, не слѣдуетъ допускать необходимой обороны для защиты чести противъ словесныхъ и символическихъ обидъ какъ въ принципѣ, такъ и de lege ferenda; съ одной стороны, потому что необходимость необходимой обороны для защиты послѣдней практически едва мыслима, такъ какъ это правонарушеніе совершается моментально и потерпѣвшему не остается ни времени, ни повода къ оборонѣ; а съ другой стороны, потому что допущеніе необходимой обороны для защиты чести легко можетъ быть злоупотре-

бляемо и повело бы къ превышенію ея и такимъ образомъ къ побоищамъ. Однако, что касается до перваго основанія, то оно только тогда имѣло бы значаніе, если отправленіе справедливой необходимой обороны законно было бы ограничено условіемъ laesio inchoata, а не давало бы на нее права и непосредственно предстоящее нападеніе. Даже при словесныхъ и символическихъ обидахъ начало обиды можетъ быть узнано непосредственно передъ ея исполненіемъ по внѣшнимъ знакамъ и дѣйствіямъ. Почему же нельзя предупреждать осуществленіе ея, выставляя противъ нее силу? «Почему, говоритъ Геффтеръ, если принципъ необходимой обороны—не терпѣть никакой неправды, не позволить тому, который еще только намѣревается поносить меня и осыпать бранными словами, въ ту минуту зажать ротъ, чтобы отбить у него охоту отъ этого?» Но, кромѣ несовсѣмъ счастливо выбраннаго Геффтеромъ примѣра, мыслимы еще и многіе другіе случаи, которые ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія возможность необходимой обороны и противъ словесныхъ и символическихъ обидъ. Уже начавшееся и юридически оконченное оскорбленіе также можетъ содержать и угрозу еще дальнѣйшаго предстоящаго, то развѣ не должна быть дупущена необходимая оборона противъ него? Окончаніе преступнаго дѣянія, заключающаго въ себѣ обиду, говоритъ Левита, можетъ исключить возможность необходимой обороны противъ того, что уже окончилось, а не противъ того, что можетъ еще послѣдовать. И оскорбленіе чести не есть всегда моментально проходящее; оно можетъ быть, въ особенности символическая обида, длительнымъ, продолжающимся, какъ напр., если бы кто захотѣлъ выставить оскорбительный для насъ рисунокъ или распространить на насъ пасквиль, который бы насъ подвергнулъ общественному посмѣянію. Возможность отраженія подобнаго оскорбленія признаетъ и фонъ-Гуе, и конечно никѣмъ не будетъ отрицаться. Слѣдовательно, на сколько необходимая оборона допускается противъ оскорбленій чести, слѣдовательно и не должна она закономъ исключаться. Но еще менѣе достойно уваженія второе выставленное Гуе основаніе. Опасеніе, что отправленіе необходимой обороны можетъ быть злоупотребляемо и повести къ превышенію ея, проявляется и при каждомъ другомъ видѣ необходимой обороны; но тѣмъ менѣе оно можетъ составлять основаніе для исключенія ея тамъ, гдѣ законодательство не оставляетъ превышенія необходимой обороны безъ наказанія. Другія основанія для недопущенія необходи-

мой обороны противъ нападенія на честь, которыя стараются почерпнуть изъ вознаграждаемости ущерба (какъ то дѣлаютъ Фейербахъ, Мартинъ), или изъ мнимой возможности возстановленія ея путемъ права, или изъ обстоятельства, что словесныя и символическія обиды не содержатъ непосредственнаго нападенія на лицо (Марецолль), основываются на предположеніяхъ, несправедливость которыхъ была выше уже доказана, и потому здѣсь не нужно дальнѣйшаго опроверженія.

Исключенія или ограниченія необходимой обороны для защиты чести нельзя вывести и изъ источниковъ общаго германскаго права. Римское право хотя и не содержитъ никакого яснаго опредѣленія о допускаемости ея, но извѣстно, что подъ понятіе injuria, для отвращенія которой безусловно допускается необходимая оборона (L. 3 D. de just. et j. 1, 1), также подходятъ и словесныя и символическія оскорбленія чести. То же самое находимъ и въ Каролинѣ. Ст. 140 ясно приводитъ между ограждаемыми необходимою обороною правами и честь, не дѣлая дальнѣйшаго различія между отдѣльными родами ея. Если, не смотря на это, новѣйшія законодательства не включили чести въ число ограждаемыхъ необходимою обороною правъ (уголовн. код. баварскій, ольденбургскій, саксонскій), или допускаемость необходимой обороны для защиты ея ограничиваютъ условіемъ, что вмѣстѣ съ нападеніемъ на честь соединено бы было и нападеніе на лицо (вюртембергскій, гессенскій, нассаускій и баденскій кодексы); то подобное ограниченіе, замѣчаетъ Геффтеръ, еще представляетъ собою остатокъ слабыхъ или слишкомъ робкихъ теорій, которыя господствовали прежде (Farinacius quaest. 125 n. 41; Berlichius Conclus. 12 n. 41; Carpzov Pract. qu. 28) и отчасти существуютъ еще теперь (Фейербахъ, Ролльманъ, Мартинъ, Марецолль, Луденъ), но которыя болѣе уже не соотвѣтствуютъ пробужденному чувству чести и новѣйшему понятію о ней. «Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Бернеръ, если стремленіе настоящихъ либеральныхъ идей, предоставить индивиду все болѣе и болѣе автономіи, постепенно ограничивать прежнюю опеку и руководительство со стороны государства, сколь возможно устранить вмѣшательство его съ его функціями изъ собственнаго свободнаго круга дѣятельности гражданина, то и, согласно съ требованіемъ времени и либерализма, слѣдуетъ управомочить индивида въ тѣхъ правахъ собственнаго правозащищенія, которыя принадлежатъ ему въ силу принципа самаго дѣла». Дѣйствительно, честь есть право личности; предоставленное всякому другому праву

огражденіе необходимой обороной не должно быть по этому отрицаемо и для чести. Изъ этого правильнаго воззрѣнія и вышли кодексы: ганноверскій, брауншвейгскій и тюрингенскій. Такимъ образомъ, скорѣе сомнѣнія уголовной политики, какъ говоритъ самъ фонъ-Гуе, чѣмъ юридическія основанія, исключаютъ честь изъ числа правъ, пользующихся огражденіемъ необходимой обороны; но сомнѣнія эти имѣютъ свое основаніе не столько въ опасеніи превышенія ея и т. д., а скорѣе въ свободномъ и неопредѣленномъ, отъ субъективности индивида зависящемъ, взглядѣ о чести и оскорбленіи ея.

«Къ необходимой оборонѣ, предпринимаемой для огражденія чести, нельзя причислить дуэль, потому что она предпринимается ad summendam vindictam, для удовлетворенія, говоритъ Бернеръ, между тѣмъ какъ необходимая оборона допускается только ad propulsandam injuriam. Обида въ подобномъ случаѣ не можетъ быть болѣе отражаема, потому что она уже окончена».

О правѣ супруга или отца на убійство застигнутаго у жены или дочери обольстителя, какъ это допускало и римское и древнѣйшее германское право, новѣйшія законодательства столь же мало знаютъ, какъ и о другихъ встрѣчающихся въ древнѣйшемъ правѣ управомочіяхъ на убійство. Но, напротивъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что необходимая оборона должна быть предоставлена и для огражденія семейныхъ правъ, такъ напр. она должна быть предоставлена мужу для отраженія застигнутаго у жены нарушителя супружеской вѣрности, равнымъ образомъ отцу, опекуну и попечителю противъ похитителя дитяти или опекаемаго; они должны защищать ихъ права и даже употребить для того самое крайнее насиліе, если тѣ права не могутъ быть ограждены иначе. Хотя законодательства при изложеніи права необходимой обороны и не упоминаютъ особенно о семейномъ правѣ; но право личной свободы, для защиты которой законъ ясно допускаетъ необходимую оборону, заключаетъ въ себѣ и семейныя права; такъ какъ каждое нападеніе на нихъ въ дѣйствительности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нападеніе на свободу. Это право необходимой обороны должно принадлежать и законно управомоченнымъ представителямъ противъ противузаконнаго похитителя, хотя бы даже похищеніе предпринималось и съ соизволенія похищаемаго лица. Здѣсь дѣло идетъ не о правѣ, отъ котораго похищаемые могутъ отказаться, но о правѣ ихъ представителей, законно уполномоченныхъ къ ихъ

защитѣ. Они обязаны, а слѣдовательно и управомочены къ защитѣ подлежащихъ ихъ ограждающей власти лицъ; они должны отражать силою каждое противозаконное нападеніе на свободу послѣднихъ и въ томъ даже случаѣ, если бы тѣ лица и согласились на свое похищеніе; ибо подобнаго рода согласіе не имѣетъ никакого юридическаго дѣйствія на томъ основаніи, что здѣсь дѣло идетъ о jura aliena, отъ которыхъ они не могутъ отказываться.

Если существуютъ на лицо всѣ законныя предположенія справедливой необходимой обороны, то она предоставлена не только самому непосредственно подвергшемуся угрозѣ, но и каждому другому для защиты правъ и благъ противозаконно подвергшагося нападенію третьяго. Ея допускаемость въ этомъ смыслѣ была вообще признаваема древнѣйшимъ законодательствомъ и доктриною. Только весьма немногіе криминалисты, какъ напр. Гаудинусъ и Бонифаціусъ, основываясь на глоссѣ къ L. 3 D. de just. et jure — «item quid, si ob tutelam alterius? Responsum: affectionem considerari» — допускали необходимую оборону для защиты третьяго лица, только подъ предположеніемъ ближайшаго личнаго отношенія между подвергшимся нападенію и отражающимъ, и въ дѣйствительности ограничивали ее только этимъ случаемъ. По каноническому праву убійство для защиты тѣла и жизни другаго не влекло за собою не только экскомуникаціи, но и иррегуляритета. Каролина ясно приводитъ между случаями ненаказуемаго убійства и подобный: «so eyner zur rettung eines andern leib, leeben oder gut jemand erschlecht» (Ст. 150). Такимъ же образомъ и новѣйшая доктрина и законодательство допускаютъ необходимую оборону, съ предположеніемъ существованія всѣхъ законныхъ условій, также и для защиты другихъ, какъ и для самозащищенія. Дѣйствительно, основаніе ея юридической допускаемости въ обоихъ случаяхъ одно и то же и заключается опять же въ ничтожествѣ неправды, которая не должна утверждаться на счетъ права и противъ которой поэтому имѣетъ право выступить и сила частнаго лица въ томъ случаѣ, если прямо управомоченная для защиты права государственная власть имѣетъ къ исполненію того препятствія. Необходимая оборона есть не самозащищеніе, а защита права. Какъ таковая она поэтому есть принадлежащее каждому управомочіе и можетъ быть употреблена и для защиты третьихъ лицъ противъ грозящихъ имъ противозаконныхъ нападеній; но никто однако къ отправленію ея не обязанъ. Она можетъ быть поставлена юридическою обязанно-

стію только въ видѣ исключенія въ отдѣльныхъ, ясно выраженныхъ закономъ случаяхъ, но никакъ не вообще, какъ это утверждалъ Фихте, согласно своей теоріи необходимой обороны. Кто не спѣшитъ на помощь противузаконно подвергшемуся нападенію тогда, когда онъ это могъ бы сдѣлать, остается только отвѣтственнымъ передъ Богомъ и своею совѣстію, но никакимъ образомъ не передъ forum externum. Допускаемая закономъ для защиты третьихъ лицъ необходимая оборона и не ограничивается никакими другими условіями, кромѣ установленныхъ для самозащищенія. Она и не имѣетъ никакихъ другихъ предѣловъ, кромѣ тѣхъ, которые заключаются въ необходимости отраженія опасности. Такимъ образомъ она должна быть предоставлена не только для защиты противъ нападеній на тѣло и жизнь, но и на всѣ другія огражденныя въ законѣ необходимою обороною права, будетъ ли нападеніе направлено противъ лица третьяго, или противъ владѣнія его, или собственности. И необходимая оборона въ подобныхъ случаяхъ можетъ доходить до крайностей, даже до убійства нападающаго, если опасность не можетъ быть отвращена иначе. Притомъ вовсе не нужно, чтобы подвергшійся нападенію просилъ ясно о помощи, ибо, говоритъ Левита, помощь третьяго тогда только истинна и практична, когда подвергшійся нападенію и не можетъ болѣе и просить о помощи. Вопросъ о томъ, какой отвѣтственности долженъ быть подвергнутъ оказывающій помощь третій, если онъ подвергшагося нападенію по ошибкѣ предполагалъ въ опасности и въ состояніи необходимой обороны, а въ дѣйствительности это было не такъ; или, если ущербъ, предполагаемый быть нанесеннымъ нападающему для отраженія его нападенія, коснулся, противъ воли оказывающаго помощь, не участвующаго въ нападеніи невиннаго третьяго, должно разрѣшить по правиламъ, дѣйствующимъ относительно ошибки и aberratio.

Въ связи съ ученіемъ о необходимой оборонѣ, приводится и вопросъ по примѣру Каролины, хотя въ строгомъ смыслѣ не принадлежащій сюда, имѣетъ ли право находящійся въ состояніи необходимой обороны для своего спасенія, если это инымъ образомъ невозможно, принести въ жертву третье невинное лицо. Подъ понятіе справедливой необходимой обороны это правонарушеніе не подходитъ; такъ какъ необходимая оборона только тогда справедлива, если она исполняется противъ несправедливо нападающаго, но не противъ невиннаго третьяго. Въ подобномъ правонарушеніи

слѣдуетъ признать не актъ необходимой обороны, а только крайнюю необходимость и вопросъ о наказуемости ея должно рѣшить на основаніи выставленныхъ для подобнаго состоянія правилъ.

Что касается до доказательствъ необходимой обороны, то Каролина (ст. 141) опредѣляетъ, что необходимая оборона должна быть доказана пользовавшимся ею, и что тотъ, который не представилъ доказательствъ, долженъ быть признанъ виновнымъ. Однако это расчитанное на обвинительный процессъ, и такимъ образомъ къ слѣдственному уже процессу неприложимое опредѣленіе было значительно модифицировано комментаторами Каролины, и на основаніи его они создали очень сложную теорію доказательствъ. Новѣйшія законодательства, напротивъ, менѣе ограничили судейскій приговоръ положительными нормами, а предоставили судьѣ заимствовать предположеніе о существованіи юридическихъ условій справедливой необходимой обороны изъ всѣхъ обстоятельствъ отдѣльнаго случая. Необходимая оборона должна поэтому обсуждаться и оцѣниваться судьею подобно всякому другому обстоятельству, которое имѣетъ свойство уничтожить или уменьшить наказуемость правонарушительнаго дѣйствія. Если поэтому подсудимый утверждаетъ, что онъ дѣйствовалъ въ состояніи необходимой обороны, то не предполагается ни существованія, ни отсутствія ея, но принимается она только тогда, когда она или юридически доказана, напр. показаніемъ свидѣтелей или самаго потерпѣвшаго ущербъ, и если можно съ основаніемъ заключить о существованіи законныхъ предположеній справедливой необходимой обороны изъ различнаго рода обстоятельствъ, напр. изъ характера или тѣлеснаго качества обоихъ лицъ или сторонъ, изъ рода употребленнаго ими оружія или орудій, изъ способа употребленія ихъ, изъ поведенія сторонъ передъ и послѣ случая, изъ повода спора или и изъ другихъ обстоятельствъ времени и мѣста, напр. происходило ли дѣло въ ночное время или въ томъ мѣстѣ, гдѣ не легко можно было расчитывать на помощь отъ постороннихъ лицъ. Ибо кто оправдывается необходимой обороной, тотъ доказываетъ ненаказуемость дѣйствія, во всѣхъ иныхъ случаяхъ достойнаго наказанія, вслѣдствіе существованія особеннаго извиняющаго обстоятельства. Если же существованіе необходимой обороны юридически не доказано, равнымъ образомъ и не сдѣлано оно очевиднымъ, то она юридически не существуетъ, и оправданіе ею должно принимать за простую отговорку, за предлогъ необходимой обороны, который не заслуживаетъ никакого вниманія. На-

казуемость же совершеннаго подъ предлогомъ необходимой обороны правонарушенія слѣдуетъ обсуждать по общимъ правиламъ о dolus и culpa. Если такимъ образомъ оказывается, что предположеній справедливой необходимой обороны вовсе не было, но причиненное какъ бы для отраженія нападенія правонарушенія было умышленно, то при опредѣленіи наказанія не должно обращать на такую отговорку никакого вниманія. Если же напротивъ, обвиняемый заблуждался, дѣйствительно считая себя въ состояніи необходимой обороны, тогда слѣдуетъ примѣнять правила о вліяніи ошибки на наказуемость преступнаго дѣянія.

Что касается до обязанности заявленія начальству со стороны того, который, воспользовавшись правомъ необходимой обороны, ранилъ или убилъ человѣка, какъ это не изъ юридическихъ основаній, а изъ основаній уголовной политики опредѣлено многими новѣйшими законодательствами (брауншвейгскимъ § 168, вюртембергскимъ ст. 105, ганноверскимъ ст. 81, ольденбургскимъ ст. 141), то подобная обязанность чужда общему германскому праву, не составляетъ тамъ собою условія ненаказуемости противузаконнаго дѣйствія, происшедшаго въ необходимой оборонѣ, и ея неисполненіе не влечетъ за собою наказанія. Если выставлять цѣлію подобнаго требованія закона, какъ полагаютъ нѣкоторые юристы, напр. Брейденбахъ, возможность подачи скорѣйшей медицинской помощи для потерпѣвшаго вслѣдствіе акта насильственной необходимой обороны, то она не достигается, какъ замѣчаютъ Бернеръ и Левита, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, а именно при убійствѣ. Но подобное требованіе и не оправдывается юридически и доводомъ, чтобы вслѣдствіе незаявленія не пало подозрѣнія въ совершеніи преступленія на невиннаго. Ибо, изъ этого слѣдовало бы, что заявленіе о совершенномъ правонарушеніи должно бы было быть всеобщимъ долгомъ. И къ тому же подобное требованіе является излишнимъ, потому что заявленіе подобнаго случая лежитъ въ интересѣ самаго причинившаго ущербъ, чтобы оградить себя отъ подозрѣнія умышленнаго или неосторожнаго правонарушенія. Но еще менѣе заслуживаетъ одобренія то, если законъ связываетъ съ неисполненіемъ этого заявленія даже предположеніе превышенія необходимой обороны (подобный смыслъ имѣло отмѣненное теперь постановленіе баварскаго уголов. кодекса), потому что презумціи или предположенія въ уголовномъ правѣ ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы.

Право необходимой обороны вполнѣ существуетъ при существовании ея законныхъ условій; притомъ это право не безмѣрно, но имѣетъ свои опредѣленныя границы, которыя не должны быть преступаемы и соблюденіе которыхъ дѣлаетъ ее законною защитою (inculpata tutela), что уже явствуетъ изъ самаго названія ея, какъ необходимой обороны, какъ вынужденной нуждою необходимой защиты. Только въ той мѣрѣ насиліе справедливо, какъ оно является необходимымъ для отраженія несправедливаго нападенія; что же переходитъ за эти предѣлы составляетъ превышеніе необходимой обороны (excess) и слѣдовательно болѣе уже несправедливая оборона. Но такимъ образомъ превышеніе ея можетъ быть только относительно мѣры употребленнаго для защиты насилія, но не относительно времени ея примѣненія. Отъ предлога необходимой обороны (praetext) отличается ея превышеніе тѣмъ, что послѣднее предполагаетъ существованіе законныхъ условій справедливой необходимой обороны, и только отправленіе ея перешло за необходимую мѣру насилія; между тѣмъ при предлогѣ необходимой обороны только извиняются, отговариваются ею, фактически же ее вовсе не существовало, потому что не было на лицо одного или многихъ законныхъ условій ея; гдѣ же вовсе не существуетъ необходимой обороны, тамъ не можетъ быть и рѣчи о превышеніи ея. Такимъ образомъ то не будетъ превышеніе необходимой обороны, а только предлогъ ея, если или недоставало прежде всего противузаконнаго нападенія, или если и существовала угроза зла, но не непосредственно предстоящаго, а только въ будущемъ; или если нападеніе не грозило никакой опасностію, или бывшая съ нимъ въ связи опасность уже миновалась. Но не всегда однако было правильно сознаваемо и доктриною и законодательствомъ это различіе между предлогомъ необходимой обороны и превышеніемъ ея, а гдѣ это было признаваемо, не всегда послѣдовательно сохранялось. Съ одной стороны, между случаями превышенія необходимой обороны приводились такіе, въ которыхъ, въ дѣйствительности, вовсе не было необходимой обороны, именно потому, что въ нихъ недоставало условій ея, а съ другой стороны, вслѣдствіе принятія неосновательныхъ, навязанныхъ праву необходимой обороны противъ его существа ограниченій, хотѣли признать превышеніе тамъ, гдѣ мѣра и цѣль употребленной силы на самомъ дѣлѣ вовсе не нарушались. Такъ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (баварскомъ ст. 128, гессенскомъ ст. 49, вюртембергскомъ ст. 103), существованіе превышенія обусловлено не

мѣрою употребленія средствъ защиты, какъ это дѣйствительно должно было быть, но родомъ ихъ, и правонарушеніе, совершенное въ справедливой необходимой оборонѣ, признается превышеніемъ ея, если отраженіе послѣдовало съ помощію болѣе опасныхъ для жизни средствъ, между тѣмъ какъ оно могло бы быть совершено другимъ образомъ, что конечно совершенно несправедливо. Ибо, при отправленіи справедливой необходимой обороны внутри поставленныхъ ей границъ, дѣло идетъ только о томъ, какъ и съ какимъ послѣдствіемъ, но не какими орудіями, защищался подвергшійся нападенію. Конечно, послѣдствіе зависитъ болѣе или менѣе отъ употребленныхъ орудій, но о превышеніи необходимой обороны конечно рѣшаетъ само правонарушительное послѣдствіе, а не употребленное орудіе; и только въ томъ случаѣ является превышеніе необходимой обороны, если причиненное нападающему какимъ бы то ни было орудіемъ нарушеніе было бы болѣе, чѣмъ это необходимо въ конкретномъ случаѣ для отраженія нападенія; при этомъ все равно, причинено ли оно было болѣе или менѣе опасными орудіями. Можетъ быть и справедливо то, говоритъ Зандеръ, что болѣе опасныя для жизни орудія обыкновенно причиняютъ и большій ущербъ, чѣмъ другія менѣе опасныя, однако это не необходимо. Нельзя требовать отъ подвергшагося нападенію, чтобы онъ при грозящей ему опасности сперва обдумывалъ и взвѣшивалъ, какое изъ представляющихся ему средствъ защиты то именно, которое, при возможно наименьшей опасности, однако еще было бы достаточно опасно, чтобы обезпечить ему побѣду надъ нападающимъ. Отъ преступника можно, какъ замѣчаетъ Трефуртъ, требовать подобной обдуманности; его можно подвергать наказанію и за выборъ опаснаго оружія; но никакимъ образомъ того, который хватается за оружіе только для осуществленія права самозащиты, тѣмъ болѣе, что это право именно и осуществляется опаснѣйшимъ средствомъ самымъ дѣйствительнымъ и вѣрнымъ образомъ. Необходимая оборона не есть наказаніе; масштабъ его не можетъ быть приложенъ для нея. Столь же мало зависитъ мѣра допускаемаго насильственнаго защищенія отъ большей или меньшей цѣнности защищаемаго блага; и въ томъ случаѣ вовсе нѣтъ никакого превышенія необходимой обороны, если употребленное насиліе не соразмѣряется съ защищаемымъ благомъ (но въ подобномъ случаѣ уголов. код. гессенскій ст. 49 принимаетъ превышеніе необходимой обороны). Каждый родъ и способъ защищенія дозволенъ, если онъ только необходимъ для отвращенія опас-

ности. Нельзя также считать превышеніемъ необходимой обороны, если подвергшійся нападенію самъ вызвалъ его своею виною. Если принять, что вина, вызвавшая нападеніе, вовсе не исключаетъ необходимой обороны противъ нападающаго, то никакъ нельзя понять, какъ тотъ, который дѣлаетъ употребленіе изъ своего права, становится виновнымъ въ превышеніи необходимой обороны на томъ основаніи, что онъ то нападеніе, противъ котораго защищается законнымъ образомъ, самъ вызвалъ. Возбужденіе къ нападенію, какъ предшествующее отправленію необходимой обороны дѣйствіе, не необходимо стоитъ съ нею въ юридической связи.

Вообще, о превышеніи необходимой обороны можно говорить только въ томъ случаѣ, если существуютъ всѣ условія справедливой необходимой обороны, но подвергшійся нападенію въ своемъ защищеніи пошелъ далѣе, чѣмъ это было необходимо для отраженія опасности, или если онъ употребилъ насиліе, хотя и зналъ, что оно для его отраженія вообще даже и не нужно, такъ какъ ему предстояли другія неопасныя и однако столь же дѣйствительныя средства, или если и существовала необходимость насильственнаго отраженія, но онъ схватился за болѣе опасныя средства защиты, хотя ему и были извѣстны и находились въ полномъ его распоряженіи менѣе сильныя средства; или если онъ изъ признанныхъ имъ необходимыми средствъ сдѣлалъ болѣе интензивное и болѣе опасное употребленіе, чѣмъ это было необходимо для защиты. Равнымъ образомъ, послѣ вышесказаннаго о недостаткѣ commodus discessus, какъ условіе справедливой необходимой обороны, можно признать за превышеніе необходимой обороны и тотъ случай, если подвергшійся нападенію могъ бы избавиться отъ предстоящей ему опасности бѣгствомъ, но никакъ не тогда, если онъ только считалъ возможнымъ пригласить на помощь правительство. Ибо существо превышенія лежитъ только въ способѣ употребленія защиты, но никакъ не въ оставленіи безъ вниманія тѣхъ средствъ, примѣненіе которыхъ было ему возможно, но отъ употребленія которыхъ онъ не могъ съ увѣренностію ожидать спасенія изъ опасности. Впрочемъ, превышеніе необходимой обороны есть родъ ея, только юридически неоправдываемый въ своемъ превышеніи.

Многія новѣйшія законодательства (код. баварскій ст. 128, ольденбургскій ст. 133, вюртембергскій ст. 103) вдались въ вычисленіе случаевъ превышенія необходимой обороны. Но подобное вычисленіе нельзя оправдать съ законодательной точки зрѣнія, такъ какъ

оно ведетъ къ неловкой и все однако въ результатѣ недостаточной казуистикѣ, при которой никакъ не можетъ быть совершенно исключено и благоусмотрѣніе судьи. Но еще менѣе можно оправдать съ юридической точки зрѣнія то, если въ уголовныхъ законахъ вовсе не упоминается о превышеніи необходимой обороны, и если понятіе его остается совершенно неопредѣленнымъ, и такимъ образомъ допускается слишкомъ много простора для толкованій закона.

И при обсужденіи превышенія необходимой обороны имѣютъ примѣненіе общія постановленія о dolus и culpa. Сообразно съ этимъ, вышедшее изъ предѣловъ необходимой защиты нарушеніе нападающаго, если оно было умышленно, если напр. подвергшійся нападенію воспользовался состояніемъ необходимой обороны, для того чтобы причинить нападающему ущербъ, о которомъ онъ зналъ, что онъ для его защиты или совершенно былъ не нуженъ, или если и былъ необходимъ, но не въ употребленномъ родѣ и силѣ, произошло ли это изъ гнѣва, ненависти, мести, или изъ другаго какого мотива, должно разсматривать какъ злоумышленное, и оно подлежитъ наказанію не какъ особенное преступное дѣяніе, но по характеру того уголовнаго дѣянія, подъ понятіе котораго оно подходитъ. Только то обстоятельство, что превышеніе обороны было вызвано самимъ нападающимъ вслѣдствіе его собственнаго противузаконнаго нападенія и совпало съ защищеніемъ, при измѣреніи наказанія должно быть принимаемо какъ основаніе къ смягченію, какъ смягчающее вину обстоятельство. Но если превысившій необходимую оборону имѣлъ только намѣреніе защищаться и при самомъ защищеніи не замѣтилъ, по смущенію ли, или изъ страха, ужаса, или изъ другаго какого душевнаго волненія, что мѣра употребленной имъ силы переходитъ за ту цѣль, то это хотя и съ знаніемъ и волею послѣдовавшее нарушеніе, не можетъ быть признано злоумышленнымъ, такъ какъ здѣсь, по замѣчанію Левиты, должно особенно обратить вниманіе на то, что необходимая оборона направляется противъ неопредѣленнаго, будущаго, противъ опасности, величина которой не можетъ быть измѣрена тотчасъ при началѣ боя, а можетъ возвышаться еще въ теченіе его. Сюда же приходитъ и то обстоятельство, что причиненное нарушеніе частію юридически оправдывается, какъ необходимая оборона, и именно въ той мѣрѣ, какъ оно было дѣйствительно необходимо для отраженія; превышеніе же ея есть неумышленное и ненамѣренное, но осуществившееся вслѣдствіе вызваннаго самимъ же нападающимъ душевнаго состоянія. Въ подоб-

номъ случаѣ, замѣчаетъ Кöстлинъ, элементъ злаго умысла въ непосредственномъ нарушеніи совершенно поглощается кульпознымъ началомъ дѣйствія.

46) Адъюнкта Стоянова.

Въ январѣ мѣсяцѣ оставилъ я Гейдельбергъ и переѣхалъ, до конца семестра, въ Боннъ, гдѣ интересовали меня курсы по исторіи права. Лекцій *Ахенбаха* (Deutsche Rechtsgeschichte) я не могъ слушать, потому что профессоръ этотъ оставилъ Боннскій университетъ. Объясненіе Саксонскаго зерцала (Erklärung d. Sachsenspiegel's) докт. *Шредеромъ* состоитъ въ томъ, что студенты переводятъ подготовленныя на дому статьи, а преподаватель дѣлаетъ стилистическія поправки въ переводѣ, или вставляетъ краткое объясненіе какого нибудь средневѣковаго юридическаго учрежденія *). Работа Гомейера и многія любопытныя, очень старыя изданія Саксонскаго зерцала, которыя приноситъ преподаватель на лекціи для ознакомленія съ ними студентовъ, служатъ источникомъ дополненій къ тексту въ извѣстномъ изданіи *Вейске*. Лекціи *Вальтера* показались мнѣ весьма сжатыми «Beiträge» къ изданному профессоромъ учебнику исторіи римскаго права. Профессоръ успѣваетъ продиктовать, за одну лекцію, исторію важнѣйшихъ отдѣловъ семейнаго права; объясняетъ физіологическими понятіями римлянъ историческое происхожденіе Agnationis и Cognationis; полемизируетъ противъ Пухты и особенно противъ Бекинга при объясненіи принципа «patriae potestatis; излагаетъ различные виды брака вмѣстѣ съ историческою причиною конкубината, уподобляя послѣдній германскому «Ehe zur linken Hand». Само собою разумѣется, что сюда же входятъ вопросы о юридическихъ послѣдствіяхъ брака и о положеніи женщинъ въ римскомъ семействѣ. Съ намѣреніемъ привожу я содержаніе одной и цѣлой лекціи, чтобы яснѣе представить ту сжатость чтенія, на которую указалъ я выше. Профессоръ отсылаетъ за подробностями къ курсу пандектовъ и даже институтовъ. Цитаты состоятъ въ указаніи на непосредственные источники (въ отдѣлѣ семейнаго права

---

*) Такъ напр. объясненіе «Schultheistum» (Sachsenspiegel III «wer den König kisen (wählen) sol» не было пространнѣе дитмаровскаго: Non dubium est quin comitibus pagos, plerosque jure haereditario paulatim vindicantibus, in reliquis urbibus in regum ac principum potestate constitutis, jus eorum loco dixerint advocato et sculteti qui circa hoc tempus ubique scabinorum praeerant collegiis.

главнымъ образомъ на юристовъ Гая и Ульпіана). Но, по видимому, студентамъ предоставляется пріискивать у себя на дому тѣ мѣста изъ классическихъ юристовъ, на которыя только указываетъ профессоръ, не приводя самаго текста.

Собственныя, домашнія занятія свои въ Боннѣ продолжалъ я по прежнему плану. Работая по исторіи римскаго и греческаго законодательствъ, не оставлялъ я литературы германскаго права. Прилагаю здѣсь библіографическую замѣтку на одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя прочитаны мною. Выбираю, въ настоящемъ случаѣ, изслѣдованіе Гольцмана: «О кельтахъ и германцахъ». Предметъ этотъ входитъ въ кругъ занятій моихъ, начальнымъ пунктомъ которыхъ служитъ объясненіе древняго юридическаго и политическаго быта европейскихъ народовъ. Притомъ самое названіе книги указываетъ на работу по сравнительному методу. Любопытно было приглядѣться къ результатамъ, которые добыты имъ. Не мало также возбуждаютъ интересъ основныя положенія книги, а именно: 1) Die Germanen sind Kelten; 2) Die Kymren und Gallen sind keine Kelten. Парадоксальная постановка этихъ тезисовъ рѣзко идетъ противъ положеній, которыя особенно утвердились съ начала XVIII столѣтія въ исторической литературѣ, опираясь на великіе авторитеты Юлія Цезаря и Тацита.

Гольцманъ раздѣляетъ на четыре части работу свою. Въ 1-й части собираетъ онъ, по его выраженію, отрицательныя доказательства. Во 2-й части авторъ подвергаетъ разбору мнѣнія и показанія древнихъ писателей о племенномъ отношеніи кельтовъ къ германцамъ. Въ 3-й части онъ дѣлаетъ то же самое съ извѣстіями древнихъ писателей касательно образа жизни, юридическаго, политическаго и религіознаго быта кельтовъ и германцевъ. Часть 4-ю посвящаетъ Гольцманъ филологическому изслѣдованію надъ остатками древне-кельтическаго языка. Подъ отрицательными доказательствами разумѣетъ авторъ такія, которыя должны выставить на видъ невозможность (Unmöglichkeit) противнаго мнѣнія. Но доказательства должны быть очень сильными, для того чтобы сдѣлать какъ бы несуществующимъ всякое несогласное мнѣніе. Какія же эти доказательства? И неужели они сильнѣе доказательствъ, которыя построены на разборѣ древнихъ писателей и на провѣркѣ этнографическихъ свѣдѣній, юридическихъ отношеній и религіозныхъ фактовъ? Разбирая первую главу, можно было увидѣть, что, собственно говоря, здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ же мнѣніяхъ древнихъ писателей,

которыя разсматриваются во 2-й части книги. Вся разница въ своеобразномъ обращенiи съ ними автора. Такимъ образомъ беретъ онъ тацитовскую Германiю и выписываетъ изъ нея слѣдующее мѣсто: «Igitur inter Hercyniam silvam Rhenumqne et Moenum omnes Helvetii, ulteriora Boij, Gallica utraque gens, tenuere. Manet adhuc Boihemi nomen signatque loci veterem memoriam, quamvis mutatis cultoribus». Цитата эта составляетъ главную опору для вывода, который такъ важенъ, что лучше всего привести его цѣликомъ, и притомъ подлинными словами автора: «Wir haben» говоритъ Гольцманъ «eine *ununterbrochene* Reihe keltischer Völker von Gallien durch die südliche Hälfte Deutschland's bis zu den illirischen, den thrakischen und den sarmatischen Völkern, *und hier ist nirgends Raum für die Germanen*, wenn sie von den Kelten verschieden sein sollen». Но обращаясь къ вышеприведенному мѣсту изъ Тацита, трудно согласиться съ выводомъ автора. *Опредѣленными* границами для кельтовъ по Тациту можно признать Рейнъ, Майнъ, и Герцинскiй лѣсъ. Далѣе было еще какое то пространство, занятое населенiемъ того же племени. Но какое именно это пространство? Гдѣ была конечная грань его? На эти вопросы не даетъ отвѣта неопредѣленное: «Ulteriora» у римскаго историка; *«Boihemi nomen»* осталось, по словамъ его, какъ одно воспоминанiе о галльскомъ народѣ, давно уже уступившемъ страну эту другому племени (loci veterem memoriam, quamvis mutatis cultoribus). Въ приведенной цитатѣ ясно прочитывается указанiе на древнее движенiе кельтовъ съ востока къ крайнему западу Европы. Движенiе это несомнѣнно связано было съ уступкой или, вѣрнѣе, съ оставленiемъ прежде занятыхъ земель. Между тѣмъ, по Гольцману выходитъ, что галлы или кельты уступили чуждымъ племенамъ ту часть Европы, которыя была ближе къ западному ихъ средоточенiю, но удержали обширныя и далекiя пространства, до Адрiатики и до береговъ Понта.

Такимъ образомъ авторъ слишкомъ поспѣшилъ объявить, въ концѣ первой главы, выводъ свой историческою аксiомою. Весьма мало подкрѣпляетъ его цѣлый рядъ голословныхъ, очень догматическихъ положенiй. Сюда относятся: 1) что готы, по Тациту, оказываются народомъ галльскаго племени; 2) что жители Ѳракiи и Иллирiи (скордиски) также принадлежатъ къ кельтамъ (entschieden Kelten sind); 3) что наконецъ къ той же категорiи должны быть причислены племена, заселявшiя устья Дуная (т. е., по Тациту и друг., бастарны и певкины). Здѣсь авторъ съ замѣчательною бы-

стротою схватился за показанія древнихъ писателей, не давши себѣ труда объяснить: почему же именно всѣ они такъ согласны съ его теоріею? А между тѣмъ въ каждомъ изъ приведенныхъ имъ положеній оказывается весьма много спорнаго, если справиться съ текстомъ во всей полнотѣ его. Здѣсь виденъ для читателя оригинальный пріемъ автора, который выводитъ абсолютныя положенія изъ спорныхъ мѣстъ въ источникахъ. Гораздо обстоятельнѣе и полнѣе полемика противъ *Я. Гримма*, при чемъ Гольцманъ опирается на работу *Зибеля* въ историческомъ журналѣ Шмидта (IV). Въ концѣ возраженій является выводъ *противъ* смѣшенія готовъ съ гетами, по мнѣнію Гольцмана, отраслію ѳракійскихъ племенъ. Но все таки не видно, почему именно, вмѣстѣ съ подобнымъ выводомъ, совершится, какъ нѣчто неизбѣжное, сліяніе германцевъ съ кельтами. Между галлами съ одной стороны и между ѳракійцами вмѣстѣ съ тѣми племенами, которыя бродили и частію осѣлись въ нынѣшнихъ славянскихъ земеляхъ, остаются еще не малые прожутки. Тацитъ не говоритъ ничего опредѣленнаго о «непрерывномъ» кельтскомъ населеніи отъ Майна и Рейна до Судетскихъ горъ. Еще менѣе можно согласиться съ Гольцманомъ будто кимвры и тевтоны — чистые галлы, потому что Ливій указываетъ между ними одного вождя съ кельтскимъ именемъ Бойорикса. Все это остается гипотезою; а между предположеніемъ и строго доказаннымъ положеніемъ несомнѣнно и всегда будетъ существовать большая разница.

Вторая часть книги имѣетъ цѣлью: придти къ научно вѣрному выводу по вопросу о племенномъ отношеніи кельтовъ къ германцамъ. Средствомъ для этого избираетъ авторъ критическое разсмотрѣніе древнихъ писателей. И точно, здѣсь читателя поражаетъ обиліе классическихъ именъ, отъ Питеаса и Аристотеля до писателей императорскаго періода. Есть даже указаніе на Климента Александрійскаго. Но болѣе всего останавливается авторъ на трехъ писателяхъ: Страбонѣ, Цезарѣ и Тацитѣ.

Важное значеніе Страбона приписываетъ авторъ слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) греческій географъ жилъ въ ту пору, когда германцы были достаточно узнаны римлянами; 2) Страбонъ много путешествовалъ и могъ пріобрѣсти точныя свѣдѣнія объ этнографіи тогдашней Европы. Но извѣстно также, что Страбонъ, подобно Плинію, помѣстилъ въ свое сочиненіе нѣсколько извлеченій изъ путешествія Питеаса, въ IV вѣка до Р. Х., отъ Массиліи на сѣверозападъ (до Британіи) и на востокъ Европы (до Танаиса). Извлеченія

эти касались, между прочимъ, германскихъ народовъ, которыхъ видѣлъ Питеасъ на пути своемъ. А по общему мнѣнію въ описаніе Питеаса вошло не мало баснословнаго и темнаго. Поэтому, приводя Страбона, было бы не лишнимъ указать на это обстоятельство. Иначе возникаютъ сомнѣнія. Какъ ни великъ авторитетъ Страбона, а ученому критику и филологу не мѣшало бы обратить вниманіе на провѣрку показаній двухъ неодинаково достовѣрныхъ писателей, раздѣленныхъ между собою 4-мя столѣтіями. Если же, въ настоящее время, нѣтъ средствъ для такой критической работы, то нельзя признавать безусловно убѣдительною ссылку Гольцмана. Онъ не достигаетъ цѣли, потому именно, что желаетъ самъ неопровержимыхъ, абсолютныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Собственная ссылка Гольцмана на Питеаса ни мало не ослабляетъ возможныхъ здѣсь сомнѣній. Вотъ что говоритъ авторъ: «Pytheas war der erste der auf seiner Entdeckungsreise von den Teutonen und Gothonen Kunde erhielt; *aber auch er muss* unter *Keltike Germanien* verstanden haben; denn er sagt, dass man einige Tage brauche um von Keltike nach Cantium, der östlichen Küste von Britannien, zu schiffen». Слабо убѣждаютъ здѣсь и категорическое «muss», и даже географическій доводъ автора. Нѣтъ ничего удивительнаго, если при состояніи мореходства въ IV вѣкѣ до Р. Х., нужно было нѣсколько дней на проѣздъ отъ западнаго берега нынѣшней Франціи до восточнаго берега Англіи. Гольцманъ не говоритъ ни слова о томъ, съ какой части длиннаго сѣверо-западнаго берега Европы предпринимаемо было, извѣстное Питеасу, путешествіе до Канціума? Вообще во всемъ этомъ много неяснаго и неопредѣленнаго. Возможна цѣлая масса толкованій и предположеній. При подобныхъ условіяхъ, трудно еще такъ смѣло переводить выраженіемъ «Германія» слово Keltike у древнихъ писателей.

Но что же извлекаетъ авторъ изъ самаго Страбона? У греческаго географа находятся показанія, что есть двѣ кельтики: цизальпинская и трансальпинская; что границами трансальпинской кельтики служатъ Пиренеи, Рейнъ отъ истока до устьевъ, Альпы отъ Рейна до Лигуріи и два моря. «*А по ту сторону Рейна, возлѣ кельтовъ, живутъ германцы*». Такъ переводитъ самъ Гольцманъ слова Страбона и затѣмъ сейчасъ же начинаетъ толкованіе въ пользу своей теоріи. Слова эти, говоритъ онъ, имѣютъ значеніе географическаго термина. Здѣсь дѣло идетъ не о народѣ, а о землѣ, на которой сидитъ онъ. Но тутъ же невольно представляется вопросъ: почему, говоря

о территоріальномъ дѣленіи тогдашней Европы, противополагаетъ Страбонъ географическое понятіе страны — Кельтики — этнографическому понятію о германцахъ. Если дѣло шло о землѣ, то прямѣе было говорить о Кельтикѣ съ одной стороны, о Германіи — съ другой. Не нарушаетъ ли здѣсь толкованіе Гольцмана строгую логичность мышленія и точность языка у классическаго писателя? Не естественнѣе ли толкованіе, которое видитъ въ спорномъ текстѣ сопоставленіе *двухъ* народовъ, изъ которыхъ одинъ живетъ въ границахъ, хорошо извѣстныхъ древнему географу? Но авторъ старается всѣми силами доказать справедливость мысли своей. Вотъ его доводы: говоря о народахъ трансальпинской Галліи, Страбонъ отдѣляетъ въ племенномъ отношеніи аквитанцевъ отъ бельговъ и кельтовъ; значитъ, кромѣ географическихъ предѣловъ, соображаетъ греческій географъ и племенное сродство между народами. Никто не сомнѣвается въ томъ, что великій писатель имѣлъ въ виду, тамъ гдѣ это было нужно, подобныя обстоятельства. Но какъ же доказать отсюда, что Страбонъ безусловно признаетъ германцевъ и кельтовъ за одинъ народъ? Неужели для подобнаго заключенія достаточно одного молчанія объ этнографическихъ особенностяхъ. Притомъ, подробности объ аквитанцахъ, кельтахъ и бельгахъ совершенно на своемъ мѣстѣ въ описаніи той страны, которую населяли они. О сосѣдяхъ, какими были для нихъ германцы, можетъ быть говорено сжато, какъ бы вскользь. Есть основанія предполагать, что писатель - грекъ понималъ логическіе и эстетическіе законы рѣчи и не разбрасывался, при разсказѣ своемъ, въ различныя стороны. Далѣе: Страбонъ, говоритъ авторъ, признаетъ кельтами даже тѣ племена (таврискoe и скордиское), которыя жили къ востоку отъ собственной Кельтики. Но во 1-хъ географическое положеніе этихъ народовъ является въ совершенномъ туманѣ; во 2-хъ даже принявши мнѣніе автора, нельзя еще дѣлать отсюда рѣшительнаго заключенія о кельтизмѣ германцевъ. Опять таки народцы эти (т. е. таврис. и скорд.) могли быть задержавшимися остатками кельтовъ, оттѣсненныхъ на западъ съ появленіемъ новыхъ членовъ семьи индо-германской. Наконецъ, Гольцманъ отъискиваетъ у Страбона указаніе на совершенное тожество кельтовъ и германцевъ, «не только физическое, но даже въ нравахъ и въ образѣ жизни». Предметъ этотъ входитъ въ 3-ю часть книги, и потому здѣсь можно ограничиться только нѣсколькими общими замѣчаніями.

«Описаніе Страбона, говоритъ авторъ, имѣетъ въ виду герман-

цевъ и кельтовъ, но только древнихъ, а не тѣхъ, которыхъ видѣлъ авторъ измѣнившимися подъ вліяніемъ римскаго владычества». Здѣсь замѣчаетъ Гольцманъ полное торжество системы своей. «Kann man», спрашиваетъ онъ, «nach solchen Aeusserungen den geringsten Zweifel haben über Strabo's Ansicht von dem Keltenthum der Germanen?» Но кажется, что и здѣсь есть основаніе для сомнѣній. Если даже, согласно толкованію Гольцмана, Страбонъ вѣрилъ въ безусловное тожество кельтовъ и германцевъ, то какимъ способомъ убѣдился онъ въ этомъ? Греческій писатель обратился къ древности, быть можетъ къ преданіямъ. Значитъ, кельты, которыхъ видѣлъ передъ собою Страбонъ, были уже не такъ поразительно похожи на германцевъ, какъ желаетъ этого Гольцманъ. Значитъ, не было уже между ними «der Gleichheit in der Natur und in der Verfassung», говоря собственными словами автора. Оказывается, что Страбонъ, строго говоря, видѣлъ уже двѣ особи, два организма, а не одно и то же тѣло. Группы, быть можетъ родственныя въ первобытномъ корнѣ своемъ, разошлись уже въ разныя стороны. Сложились у нихъ тѣ различія, совокупность которыхъ даетъ отдѣльную, т. е. народную физіономію. Вотъ разсмотрѣніе тѣхъ доводовъ, которые основываетъ авторъ на показаніяхъ Страбона. Затѣмъ слѣдуютъ: Діонисій Галикарнасскій, Діодоръ Сицилійскій, Аппіанъ, Плутархъ, Діонъ Кассій, Павзаній, Либаній, и многіе другіе писатели. Замѣчательное богатство литературы, которая однакоже служитъ второстепеннымъ пособіемъ для автора, по собственному сознанію его. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ извлеченія изъ этихъ писателей представляются только варіантами одной и той же темы. Вся разница въ бóльшей или меньшей запутанности народныхъ названій. У одного, галаты (галлы) — родовое, кельты — видовое понятіе; у другаго наоборотъ. Вездѣ видна неясность и даже темнота представленій. Но вездѣ упоминается о германцахъ. Любопытно, что Діодоръ Сицилійскій говоритъ о германцахъ, не различая ихъ отъ галловъ, нападавшихъ на римлянъ въ 225 году до Р. Х. Но еще любопытнѣе, что тѣ же самые галлы (галаты) занесены въ *Fasti Capitolini* подъ названіемъ германцевъ. Аппіанъ называетъ Аріовиста кельтомъ, вмѣстѣ съ кимврами. Плутархъ, въ жизнеописаніи Цезаря, яснѣе различаетъ между собою кельтовъ и германцевъ; но Гольцманъ и здѣсь видитъ одинъ географическій терминъ. Діонъ Кассій снова мѣняетъ названія народовъ, отчего нимало не выигрываетъ ясность дѣла. Перечитывая всѣ эти мнѣ-

нія, нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ не обратилъ болѣе безпристрастнаго вниманія на *причины* смѣшенія германцевъ съ галлами. Названіе галатовъ (галловъ), какъ извѣстно, вышло отъ понтійскихъ грековъ. Какое вліяніе имѣло въ этомъ случаѣ вторженіе галловъ въ Азію, гдѣ и осѣлись они въ завоеванной ими области (Галатіи)? Не отсюда ли названіе галатовъ для каждаго новаго варварскаго народа съ завоевательными стремленіями. Не повторилось ли подобное явленіе у римлянъ, которые слишкомъ хорошо запомнили нашествіе галловъ? Недаромъ «Gallorum nomen semper Romanos terruit». Разсмотрѣніе дѣла съ этой точки зрѣнія могло бы принести пользу, принимая во вниманіе обширныя историческія и филологическія свѣдѣнія автора. Можетъ статься, тогда оказалось бы труднѣе возвести въ непреложную доктрину фактъ, происшедшій отъ невозможности для древняго міра сразу открыть истину въ новомъ явленіи.

Но какъ относится авторъ къ римскимъ источникамъ? Что извлекаетъ онъ изъ показаній Юлія Цезаря и Тацита? Здѣсь снова приходитъ онъ къ опаснымъ пунктамъ для своей теоріи. Авторъ начинаетъ дѣло поправкою Цезаря тамъ, гдѣ онъ относитъ бельговъ и кельтовъ къ двумъ различнымъ національностямъ (Hi omnes lingua etc. inter se differunt). Затѣмъ авторъ переходитъ къ главной задачѣ своей. Для разрѣшенія ея употребляетъ онъ весьма любопытные пріемы. Судя по выраженію: *Gallia tota* (I, 30, 31), Цезарь разумѣетъ здѣсь Галлію въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. населенную собственно кельтами. Ограниченіе это, однакоже, не проведено съ надлежащею строгостію и послѣдовательностію. Есть главы (II, 30; V, 27; VII, 59), гдѣ самъ Цезарь причисляетъ къ кельтамъ такія населенія, которыя несомнѣнно принадлежатъ къ бельгамъ. *Значитъ, Цезарь, implicite и какъ бы невольно противорѣча себѣ, признаетъ бельговъ кельтами.* Но далѣе, у него же встрѣчается показаніе, что бельги, народъ германскаго происхожденія, перешли черезъ Рейнъ и поселились въ Галліи*). Новое противорѣчіе. Какъ объяснить его? Гольцманъ не задумывается и произноситъ слѣдующій приговоръ: такъ какъ бельги (несомнѣнно кельтское населеніе) составляютъ, по Цезарю, часть германцевъ, то отсюда слѣдуетъ,

---

*) Plerosque Belgas esse ortos ab Germanis Rhenumque antiquitus transductos propter loci fertilitatem ibi consedisse Gallosque qui ea loca incolerent, expulisse. (B. G. 2, 4).

что и *всѣ остальные германцы* ничто иное какъ чистые галлы или кельты, для самаго Цезаря. Согласивши такимъ образомъ свою теорію съ Юліемъ Цезаремъ, авторъ не довольствуется этимъ, весьма крупнымъ результатомъ. Онъ ищетъ въ древнихъ источникахъ слѣдовъ народнаго сознанія самихъ бельговъ и находитъ эти слѣды у Тацита (Treviri et Nervi *circa affectationem* germanae originis ultro ambitiosi sunt tanquam per hanc gloriam sanguinis a similitudine et inertia Gallorum separentur). Послѣ всего этого, Гольцманъ объявляетъ, что убѣдился въ полномъ согласіи между Цезаремъ и Страбономъ, конечно, въ томъ смыслѣ, какого желаетъ самъ. «Иначе, спрашиваетъ онъ, какъ бы могли бельги считать себя одноплеменнымъ народомъ съ германцами, если, при безпрерывныхъ сношеніяхъ, приходилось говорить на различныхъ языкахъ? Какъ объяснить постоянство этихъ сношеній и особенно военныхъ союзовъ между кельтами и германцами при гипотезѣ объ особенности языка и происхожденія? Гдѣ, въ какихъ источникахъ, находятся указанія о переводчикахъ?» Всматриваясь во всѣ эти вопросы и въ предъидущую аргументацію, нельзя не признать терпѣнія, стойкости и изворотловости у автора. Онъ съ ловкостію отъискиваетъ всѣ, сколько нибудь слабыя, мѣста у противника. Противорѣчія и неясности нѣкоторыхъ этнографическихъ подробностей у Цезаря оказали ему немалую услугу въ этомъ случаѣ. Но этнографическія частности представляютъ сравнительно легкую добычу для критики не у одного Цезаря. Всякому извѣстны и понятны причины подобныхъ неточностей.

У автора «Германіи» тоже нерѣдко смѣшеніе народцевъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ, кореннымъ группамъ. Такимъ образомъ Тацитъ насчитываетъ 45 народныхъ названій, Птоломей — 66, между которыми не достаетъ 24, приведенныхъ у Тацита. Но никто еще до сихъ поръ не доказалъ невѣрности главныхъ дѣленій у Тацита. Напротивъ, правдивость и точность его подтверждаются средневѣковою исторіею административныхъ и политическихъ дѣленій Германіи. Такимъ образомъ одинъ изъ результатовъ критическихъ усилій Гольцмана заключается въ указаніи противорѣчій, небезъизвѣстныхъ однакоже и прежде. Другой результатъ, тоже не новый, это принадлежность бельговъ къ политическому и даже этнографическому тѣлу Галліи, не смотря на сильную примѣсь сосѣдняго германскаго элемента*). Здѣсь нѣтъ ни-

*) Текстъ Цезаря: «Plerosque Belgas etc» кажется мнѣ, не имѣетъ иного зна-

чего невозможнаго при тогдашнемъ броженіи народовъ. Тацитъ и Плиній (Germ. 46.—H. N. IV, 14) говорятъ о германскихъ племенахъ, которыя очень легко смѣшивались съ пограничными сарматами. Но третій и самый главный результатъ остается далеко не положительнымъ. Трудно повѣрить Гольцману, будто для Цезаря было чѣмъ-то въ родѣ ученаго догмата полное тождество кельтовъ съ германцами. Позволительно думать, что современный критикъ нѣкоторымъ образомъ навязываетъ Цезарю свое собственное умозаключеніе. Онъ хочетъ заставить его, что называется, «rechnen mit den spitzfindigen und unklaren Begriffen». Точно римскій писатель хотѣлъ рѣшить какую-то алгебраическую задачу или составить курсъ этнографической метафизики для Аріовиста и его воиновъ! А между тѣмъ здѣсь никакъ нельзя примѣнить аргументаціи въ родѣ математической аксіомы, что если A = B, а B = C, то A = C. Не слѣдуетъ забывать тѣхъ трудностей, которыя окружали Цезаря при его наблюденіяхъ. По всему видно, что бельги были уже менѣе, чѣмъ кельты sensu stricto, извѣстны великому писателю. Еще болѣе неизвѣстнаго заключали въ себѣ *всѣ германцы*, съ которыми римляне только что успѣли столкнуться на родной почвѣ ихъ послѣ погрома маріевскаго. Какъ же можно согласиться съ Гольцманомъ, будто Цезарь доказываетъ, что, при совершенномъ тождествѣ кельтовъ и бельговъ, германцы тѣ же кельты, во всемъ многообразіи различныхъ народовъ своихъ? Нѣтъ и здѣсь согласія между новымъ и древнимъ писателемъ. Неясна та убѣдительность, которую видитъ критикъ въ главномъ возраженіи своемъ. Оно построено на аргументаціи, весьма близкой къ тому, что извѣстное равняется неизвѣстному или, по крайней мѣрѣ, менѣе извѣстному. Такимъ представляется коренной пунктъ въ полемикѣ Гольцмана противъ Юлія Цезаря. Теперь слѣдуютъ второстепенные доводы, изъ которыхъ одинъ основанъ на вышеприведенномъ мѣстѣ изъ Тацита о народномъ сознаніи касательно германскаго происхожденія у бельговъ. Странно, почему народное сознаніе бельговъ искало въ идеѣ о германскомъ происхожденіи опору для отдѣленія себя отъ галловъ или кельтовъ? (См. выше). Не слишкомъ ли опрометчиво объявлены древніе бельги прорицателями новой теоріи? Выраженія: «tanquam ... a similitudine Gallorum separentur» указываютъ скорѣе

ченія. Гольцманъ слишкомъ расширяетъ смыслъ «plerosque» въ переводѣ своемъ. Я убѣдился въ этомъ, сравнивши нѣсколько мѣстъ изъ Тацита, Цезаря, Саллюстія и Плинія.

всего на народное представленіе о *двухъ* племенныхъ типахъ. Вопросы автора о вліяніи различій въ языкѣ на международныя сношенія тогдашнихъ кельтовъ и германцевъ представляются несущественными; отвѣчать на нихъ можно только косвенно или гипотезами. Весьма вѣроятно, что пограничные кельты и германцы одинаково хорошо понимали оба языка. И теперь пограничные обитатели бо̀льшею частію знаютъ ихъ нѣсколько. Мало этого, даже убѣжденіе въ единствѣ происхожденія отъ одного древняго корня можетъ быть соединено съ весьма существенными измѣненіями въ нарѣчіяхъ двухъ отраслей. За примѣрами никакъ не пришлось бы гоняться и въ этомъ отношеніи. Наконецъ, постоянство сношеній, и особенно военныхъ союзовъ, болѣе всего зависитъ отъ общности и постоянства интересовъ. А что для варварскихъ народовъ Кельтики и Германіи дѣйствительно существовала общность политическихъ и военныхъ интересовъ, это яснѣе всего обозначила мощная рука Цезаря, какъ писателя и полководца. Тѣ, на кого надвигалась римская гроза, не находили особаго затрудненія для военныхъ союзовъ въ различіи нарѣчій. Вообще, доказывать частными сношеніями тождество народовъ представляется опаснымъ, даже отчаяннымъ средствомъ. Стоитъ только затерять поболѣе историческихъ документовъ и можно придти, современемъ, къ блистательнымъ нелѣпостямъ съ помощью совершенно ученой критики. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, Гольцманъ не страдаетъ недостаткомъ подлинныхъ источниковъ. Онъ даже желаетъ, если не отбросить, то передѣлать одно, непріятное ему, мѣсто у Цезаря. Здѣсь дѣло касается того различія въ языкѣ у кельтовъ и германцевъ, которое такъ самостоятельно отрицаетъ Гольцманъ. Вотъ подлинныя слова Цезаря: «Commodissimum visum est C. Valerium Procillum, C. V. Cabari filium, summa virtute etc... et propter fidem *et propter linguae Gallica scientiam, qua multa jam Ariovistus longinqua consuetudine utebatur*... ad eum mittere etc.» Здѣсь Гольцманъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Аріовистъ, т. е. чистый кельтъ, по мнѣнію Гольцмана, долженъ учиться языку кельтовъ, чтобы говорить на немъ, послѣ того уже какъ жилъ и выросъ въ родной странѣ своей. Какъ быть въ этомъ случаѣ? Приходится выбирать между цѣлостію древняго писателя и существованіемъ своей теоріи. Борьба недолга: современный критикъ отвергаетъ правильность текста и смѣло передѣлываетъ Цезаря. Вмѣсто словъ: «qua multa.... consuetudine» онъ вставляетъ: «quorum (т. е. заложника и отца его) ami-

citia Ariovistus jam a longinqua consuetudine utebatur etc.» Послѣ этого Аріовистъ дѣйствително выходитъ несомнѣннымъ галломъ со всѣми воинами своими! Но видя такое обращеніе съ подлинными словами древняго писателя и очевидца, можно спросить объ основаніяхъ у современнаго намъ критика. Вѣроятно, большинство лучшихъ образцовъ прочитаны, разобраны, и вѣрны интерполяціи Гольцмана? Ученый критикъ, какъ видно, на самомъ дѣлѣ перечиталъ всѣ тексты; ему извѣстны и *Vita Caesaris* Петрарки, и греческій Метафрастъ; но остановился онъ на болѣе скромныхъ источникахъ. Избранія его заслужили три варіанта, о которыхъ онъ однакоже прямо говоритъ, что они принадлежатъ *«zu der sogenannten schlechteren oder interpolirten Familie»*. Въ отвѣтъ на это, возникаетъ очень сильное недовѣріе къ выводу изъ текста сомнительнаго достоинства. Много нужно усилій Гольцману, чтобы дать вѣсъ эпитету «sogenannten», съ помощью котораго хочетъ онъ спасти свои варіанты. Но, конечно, въ настоящемъ вопросѣ могутъ быть вполнѣ компетентными судьями одни спеціалисты — филологи. Разборъ мнѣній римскихъ писателей заключаетъ Гольцманъ выписками изъ Петронія, Цицерона и Лукана. Ливій и Флоръ отнесены имъ къ раннимъ представителямъ истиннаго воззрѣнія на отношеніе кельтовъ къ германцамъ. Указанія эти очень кратки, большею частію ограничиваются приведеніемъ нѣсколькихъ словъ или стиховъ. По неизвѣстной причинѣ, Гольцманъ затрогиваетъ Тацита только по второстепенному вопросу, какъ показано это будетъ въ послѣдней части настоящей замѣтки. Любопытно еще одно: Гольцманъ совершенно иначе относится къ поэтамъ, въ различныхъ частяхъ своего сочиненія. Гдѣ слова ихъ подходятъ къ главному положенію автора, тамъ принимаются они въ качествѣ убѣдительнаго доказательства, безъ оговорокъ и сомнѣній. Въ противномъ случаѣ, цитаты сопровождаются замѣчаніями въ родѣ того, что для «поэтовъ риѳма выше истинной сущности дѣла». Что касается вопроса о происхожденіи имени «германцевъ», то здѣсь Гольцманъ является противникомъ Лео и Я. Гримма. Опираясь на Цейса, отвергаетъ онъ теорію о кимврскомъ источникѣ. Слово «германцы» произнесено было впервые римлянами. Достоинства этого спора могутъ быть вполнѣ оцѣнены тоже одними филологами, хорошо знакомыми съ древне-германскимъ и кельтскимъ нарѣчіями. «Die Römer — говоритъ въ заключеніе Гольцманъ — haben also den Namen *Germani* gegeben, um sie als die «ächten *Galaten* zu bezeichnen». Другими словами, римляне потому называли *галльскій*

народъ *германцами*, чтобы яснѣе обозначить чистоту галльскаго его происхожденія. Съ этой точки зрѣнія, авторъ категорически отвергаетъ толкованіе ученаго Бенедиктинца (Bouquet) что: «Romani hoc nomen iis (Germanis) indidisse cum eos fratres esse Gallorum vellent ostendere». Гольцману мало племеннаго сродства въ индо-германскомъ корнѣ; онъ ищетъ безусловнаго тождества. Предъидущее изложеніе отчасти указало, найдена ли современнымъ ученымъ искомая величина эта?

Остается сказать о 3-й части въ книгѣ Гольцмана, гдѣ авторъ желаетъ подтвердить свою теорію фактами. На первый разъ, выполненіе программы этой ограничиваетъ авторъ приведеніемъ краткихъ цитатъ изъ Ливія о аглатахъ Малой Азіи и пр. *Силія Италика* (Punica). Фразы: «procera corpora», «promissæ et rutilatæ comæ», въ которыхъ представляется описаніе наружности Кельтовъ, совершенно удовлетворяютъ его. Притомъ вниманіе критика обращено въ другую сторону, болѣе сочувственную полемическому его направленію. Нужно опровергнуть показанія Цезаря, Тацита и Страбона о британцахъ.

Страбонъ описываетъ бриттовъ почти тѣми же словами, въ какихъ говорятъ о галатахъ (т. е. кельтахъ) Ливій и другіе писатели. «Только бритты еще выше ростомъ, чѣмъ кельты, хотя менѣе бѣлокуры и проч.» Луканъ совершенно уподобляетъ бриттовъ кельтамъ. Тацитъ говоритъ: «Британцы остаются такими, какими были галлы». Наконецъ, Цезарь упоминаетъ, что «Британцы, которые жили въ Канціумѣ, весьма мало отличаются обычаями отъ галловъ».

Вотъ тотъ «concursus auctorum», противъ котораго предпринимаетъ ученое свое слѣдствіе современный критикъ. Выше было указано, что Страбонъ пользуется у него авторитетомъ вѣрнаго наблюдателя. И теперь, Страбонъ составилъ свое описаніе послѣ того, какъ видѣлъ бриттовъ въ Римѣ, быть можетъ на рынкѣ невольниковъ. Слова греческаго писателя — литературная фотографія. Но Гольцманъ замѣчаетъ при этомъ слѣдующее: «Jene Britten, welche Strabo in Rom sah, waren höchst wahrscheinlich Abkömmlinge belgischer Einwanderer».

Почему? Прежде всего читатель находитъ слѣдующее сравненіе: «Strabo beging (здѣсь тонъ автора уже далекъ отъ вѣроятій) denselben Fehler, wie wenn nach einem in Irland geborenen englischen Lord den physischen Character der Iren bestimmen wollte». Переходъ

этотъ замѣчателенъ: Страбонъ, о которомъ выше говорилось въ почтительной формѣ «Ipse dixit», вдругъ снизошелъ до степени легковѣрнаго писателя и близорукаго наблюдателя. Но гдѣ же основанія? Это мѣсто изъ Цезаря, гдѣ говорится, что Британія *подпадала* владычеству могущественныхъ вождей континентальной Кельтики (B. G, 2, 3. Apud Suessiones fuisse regem Divitiacum etc.). Отсюда выводъ, что все сходное съ Галліею занесено сюда оружіемъ. Другими словами, показаніе древняго писателя отвергается гипотезою. Обращаясь къ Тациту, авторъ встрѣчаетъ у него весьма точное описаніе народа на далекомъ сѣверѣ острова, — описаніе, которое слово въ слово подходитъ къ портрету бриттовъ у Страбона. Неужели и этотъ народъ тоже эмигранты—бельги! Но вѣдь самъ Цезарь говоритъ, что галлы не проникали далеко въ глубь страны (Loca, portus, aditus, omnia fere, Gallis erant ignota). Откуда же взялось это совершенно кельтское населеніе въ Каледоніи? Впрочемъ, авторъ не останавливается на этихъ вопросахъ и указываетъ, что Тацитъ упоминаетъ еще о *силурахъ*, прямо называя ихъ выходцами изъ Испаніи (Silurum colorati vultus Iberos veteres trajecisse fidem faciunt etc). Здѣсь видитъ Гольцманъ подтвержденіе мысли своей о радикальномъ отличіи бриттовъ отъ кельтовъ. Силуры— коренные бритты, давшіе свое имя острову, по словамъ самаго Тацита. Но можно ли приписать подобный приговоръ Тациту? Зачѣмъ въ такомъ случаѣ слова, которыя такъ безпокоятъ Гольцмана, что *«Britanni manent quales Galli fuerunt?»* Не видна ли изъ-за нихъ мысль писателя о различныхъ степеняхъ въ развитіи чего-то общаго, сходнаго? Но если бы даже Гольцману удалось доказать, что въ словахъ этихъ нарушается фактическая истина, все таки передъ нами обозначается личное мнѣніе Тацита. По видимому, мнѣніе это не совсѣмъ совпадаетъ съ теоріею Гольцмана. Съ одинаковою легкостію объясняетъ авторъ вышеприведенное мѣсто изъ Цезаря, который нашелъ сходными обычаи бриттовъ и галловъ. Цезарь ошибался: онъ видѣлъ передъ собою не бриттовъ, а потомковъ эмигрантовъ и завоевателей изъ хорошо извѣстной ему Галліи. Потому то они «longe sunt humanissimi». Коренные бритты— номады, антропофаги; они пожираютъ, съ особенною охотою, дѣтей и тѣла своихъ родителей, не сѣютъ хлѣба, питаются мясомъ и молокомъ. Въ такую общую картину собираетъ Гольцманъ отрывочныя свѣдѣнія о бриттахъ и ирландцахъ изъ Страбона, Д. Кассія и другихъ греческихъ писателей, въ дополненіе къ тому, что

говоритъ о нихъ Цезарь и Тацитъ. Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ извѣстій клонится къ тому, что жители острова были, въ ту пору, на низшей степени развитія, чѣмъ континентальные галлы и даже германцы. До сихъ поръ Гольцманъ имѣетъ за себя всѣ классическіе источники. Но онъ становится на менѣе надежную почву, когда старается доказать, наперекоръ Тациту, что континентальные кельты никогда не могли быть такими же грубыми дикарями, какими засталъ еще бриттовъ римскій историкъ. Человѣческія жертвоприношенія и антропофагія не весьма далеки другъ отъ друга. Да, наконецъ, самые германцы у Тацита, Помпонія Мелы и другихъ писателей имѣютъ многія достоинства и многіе недостатки чисто варварскаго народа. Все это слишкомъ хорошо извѣстно ученому автору, которымъ безгранично завладѣла созданная имъ система. Подъ вліяніемъ ея, онъ желаетъ рѣзко отдѣлить свою любимую народность даже тамъ, гдѣ никакъ не приходится проводить атомистическія теоріи.

По той же причинѣ отрицаетъ онъ особенности тамъ, гдѣ онѣ грозятъ искусственному единству его созданія. Здѣсь источникъ парадоксальныхъ положеній, послужившихъ основою для цѣлаго сочиненія Гольцмана и осудившихъ также на слабость и безплодіе сравнительный методъ автора. Кому недостаточно вышеуказанныхъ фактовъ, того можно отослать къ концу 3-й части книги, гдѣ, нѣсколько неожиданно, брошена значительная масса данныхъ для сравнительныхъ выводовъ. Здѣсь авторъ на полномъ ходу своей аргументаціи: онъ еще самоувѣреннѣе держитъ въ рукахъ знамя съ девизомъ абсолютнаго тождества и безусловнаго различія сравниваемыхъ имъ народовъ. Но что же видимъ мы? Въ бóльшей части фактовъ, которые должны неоспоримо доказать самобытное торжество кельтовъ и германцевъ, замѣчаются черты, общія многимъ народамъ. Какой изъ первобытныхъ, воинственныхъ народовъ не являлся вооруженнымъ на свои собранія? И не будетъ ли сходства, въ этомъ отношеніи, между германцемъ, кельтомъ, славяниномъ, арабомъ, даже кафромъ и ирокезомъ? Одни ли италійскіе кельты и германецъ Альбоинъ обращали въ чаши для вина черепа непріятельскіе? Намъ съ дѣтства извѣстна кончина князя Святослава и судьба его черепа у Печенѣговъ. Наконецъ, развѣ общинное владѣніе землею поможетъ автору обрисовать рѣзкую, типическую физіономію кельто-германской его народности? Но есть за то иныя стороны въ настоящемъ вопросѣ, гдѣ *нужно было* со-

средоточиться для того, чтобы уяснить истинный историческій типъ кельто-германскаго міра. Кажется, что авторъ погрѣшилъ отчасти и въ этомъ отношеніи. Вотъ основанія для подобнаго мнѣнія:

1) Гольцманъ объявилъ совершенно тождественными (Zug für Zug) германскій гелейтъ (Gefolgschaft) и кліентство у галловъ. Но абсолютное уподобленіе это едва-ли можетъ быть признано вѣрнымъ, не смотря на смѣлую постановку свою. Можно было говорить о нѣкоторыхъ сходныхъ случаяхъ; но не слѣдовало забывать о весьма существенныхъ различіяхъ въ составныхъ элементахъ, о политическомъ и историческомъ значеніи *отчасти сходныхъ* учрежденій у обоихъ народовъ.

2) Авторъ не обратилъ вниманія на существованіе сената (по Цезарю) у галловъ и на отсутствіе этого учрежденія у германцевъ.

3) Имъ не разсмотрѣны различія въ существѣ и правахъ верховной власти у обоихъ народовъ.

4) Не указано различій сходства — если оно было, по мнѣнію Гольцмана — между аристократіею у кельтовъ и германцевъ.

5) Оставленъ въ сторонѣ вопросъ объ участьи народа въ дѣлахъ управленія. Читатель можетъ, опираясь на главное положеніе Гольцмана, сдѣлать (implicite) заключеніе о совершенномъ тождествѣ галловъ и германцевъ въ этомъ отношеніи. Но выводъ этотъ оставался бы не вѣрнымъ, не смотря на логичность свою.

6) Наконецъ, не указано сущности (и слѣдовательно различій) жреческой организаціи у кельтовъ и германцевъ. Оставленъ въ сторонѣ вопросъ о вліяніи жрецовъ на общественную и политическую жизнь у обоихъ народовъ. Пунктъ этотъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе годныхъ для сравненія. За то авторъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобы доказать «несуществованіе друидовъ» у британцевъ. Не считаю необходимымъ подробно разсматривать это мѣсто въ книгѣ Гольцмана. Пріемъ здѣсь тотъ же, что указанъ былъ выше, по поводу текста Цезаря. И здѣсь авторъ также смѣло поднимаетъ руку на одну изъ интереснѣйшихъ страницъ у Тацита (Stabat pro littore diversa acies, densa armis virisque, intercursantibus foeminis in modum Furiarum etc.). Цѣль его — доказать, что островъ Мона, завоеванный римлянами въ 61 году, никогда не былъ и не можетъ быть средоточіемъ друидскаго культа. Результатъ же этой критики таковъ: вмѣсто одного опредѣленнаго центра друидизма, по Тациту, ученый міръ получилъ возможность выбрать одинъ изъ нѣсколькихъ на протяженіи европейскаго берега отъ устьевъ

Луары почти до Рюгена. Любопытныхъ можно отослать, за подробностями, къ страницамъ 74, 75 въ книгѣ Гольцмана.

Вотъ стороны, на которыя считалъ я возможнымъ обратить вниманіе, начиная замѣтку свою. Четвертую часть книги я оставляю безъ разсмотрѣнія: она заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе надъ скудными остатками древняго языка кельтовъ. Здѣсь царство спеціалистовъ по этому темному отдѣлу филологіи. Энергически взялся за разрѣшеніе задачи своей авторъ, опираясь на большую ученость и валдѣя орудіемъ очень смѣлой критики. Но вся сила ученаго критика доказала только такую истину, которая никакъ не входила въ расчеты его. Книга Гольцмана весьма обстоятельно, хотя отрицательно, рѣшаетъ вопросъ о томъ: есть ли возможность, при настоящихъ средствахъ науки, поправлять и передѣлывать Юлія Цезаря, Тацита и равносильныхъ имъ писателей? Вѣка̀, которые прошли, сдѣлали уже все, что было доступно филологической учености и человѣческому трудолюбію. Теперь приходится дѣйствовать консервативно, т. е. оставаясь въ опредѣленныхъ границахъ текста, входить въ глубь каждаго слова, каждой мысли писателей, которыхъ можно назвать эмбріологами германскаго міра. Плодотворность подобной работы доказана многими, общеизвѣстными трудами германскихъ ученыхъ: Зибеля, Рота, Тудихума и др. Книги, подобныя изслѣдованію Гольцмана, представляютъ болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго интереса, и поучительны совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ предполагалъ самъ авторъ. Послѣ долгихъ и прилежныхъ переходовъ, въ слѣдъ за бойкимъ и весьма ученымъ критикомъ, писатель увидитъ, что извилистый путь привелъ его къ тому мѣсту, откуда началось, по видимому, побѣдоносное шествіе. Если у читателя были сомнѣнія, то они не устранены, а, напротивъ, приращены новыми сомнѣніями, Туманныя пятна, на которыя указываетъ критикъ, обѣщая свѣтъ впереди, получили еще болѣе смутный видъ и точно разбились на нѣсколько лишнихъ фигуръ, еще менѣе опредѣленнаго очертанія. Изъ предъидущихъ замѣчаній можно, кажется, видѣть: дѣйствительно ли яснѣе обозначается, подъ перомъ Гольцмана, древній о́бликъ кельтовъ, бриттовъ и германцевъ. Здѣсь можно и должно сердечно упрекнуть автора, который не разъ бросалъ, съ высотъ своего ученаго трона, презрительный взглядъ на защитниковъ старой, *рутинной* теоріи. Кто захочетъ прочесть эту любопытную книгу, тотъ убѣдится въ подобномъ самоувѣренномъ обращеніи автора, на первыхъ страницахъ ея. «Истина»—передаю здѣсь одну мысль,

не имѣя передъ собою подлинныхъ словъ автора — «всякая истина цѣнится только по результатамъ своимъ (?). Но какіе были результаты отъ прежней теоріи? Чтó выиграла черезъ нее полмтическая и юридическая исторія галло-германскаго міра».

Не считаю нужнымъ прибѣгать вновь къ перечисленію тѣхъ пріобрѣтеній, которыя сдѣлали, благодаря работѣ Гольцмана, названныя имъ отрасли знанія. И нельзя ли здѣсь напомнить слова одного изъ итальянскихъ ученыхъ, который замѣтилъ, что «критика бываетъ иногда похожа на лучину, наполняющую дымомъ, вмѣсто свѣта, комнату, куда вносятъ ее (riempe la casa di fumo piutosto ohe di buce)?»

Лондонъ, $\frac{\text{6-го апрѣля}}{\text{25-го марта}}$ 1865 года.

47) Кандидата Ильи Мечникова.

Срокъ, съ котораго начинается мое пребываніе за границей на счетъ министерства народнаго просвѣщенія (21-го января 1865 г.), не совпадаетъ съ временемъ, когда я началъ свои научныя занятія въ Германіи, куда я пріѣхалъ еще въ началѣ осени прошлаго года. Я выбралъ Гиссенскій университетъ, находя его наиболѣе соотвѣтствующимъ моимъ цѣлямъ, вслѣдствіе пребыванія тамъ профессора Лейкарта. Однимъ изъ немаловажныхъ обстоятельствъ, побуждавшихъ меня къ этому, были спеціальныя занятія самаго Лейкарта, касавшіяся анатоміи и развитія паразитическихъ нематодъ, — занятія, которымъ онъ хотѣлъ посвятить весь зимній (теперь уже кончившійся) семестръ.

Не разграничивая своихъ занятій временемъ полученія стипендіи отъ министерства, я буду и въ отчетѣ своемъ касаться главныхъ работъ, сдѣланныхъ мною во все время моего вребыванія въ Гиссенѣ, начиная съ осеннихъ ферій прошлаго года и кончая началомъ апрѣля новаго стиля, т. е. наступленіемъ весеннихъ вакацій.

Прежде всего я принялся за изученіе развитія нематодъ. Зоологія и анатомія этихъ животныхъ давно уже показали мнѣ, что они представляютъ столько совершенно самостоятельныхъ особенностей, тщательное и раціональное изученіе которыхъ должно принести значительную пользу общимъ знаніямъ животныхъ организмовъ. Развитіе тутъ должно было разъяснить многое, но оно было весьма мало извѣстно или, лучше сказать, вовсе неизвѣстно. Только

Trichina spiralis была удовлетворительно изслѣдована съ эмбріологической точки зрѣнія. Кромѣ того, существуетъ очень распространенное мнѣніе, будто всѣ нематоды получаютъ непосредственно форму, свойственную развитому животному, не претерпѣвая никакихъ метаморфозъ. Противъ этого мнѣнія, основаннаго на поверхностномъ наблюденіи очень немногихъ формъ, высказался Лейкартъ, полагающій, что всѣ паразиты имѣютъ болѣе сложное развитіе. При началѣ моихъ занятій, онъ сообщилъ мнѣ даже свое наблюденіе, что молодые индивидуумы Dochmius trigonocephalus имѣютъ два расширенія на пищепроводной трубкѣ, представляя тѣмъ особенность свободнаго живущаго рода Diplogaster (Rhabditis Duj. pro parte). Систематически культивируя различныхъ паразитическихъ нематодъ и изслѣдуя ихъ зародыши, я нашелъ, что характерный признакъ зародышей Dochmius свойственъ и нѣкоторымъ другимъ ларвамъ (теперь мы можемъ съ полнымъ правомъ дать это названіе молодымъ нематодамъ вообще) и именно — ларвамъ Ascaridis acuminatae и Asc. nigrovenosae. Представляя одинакія особенности въ организаціи кишечнаго канала (т. е. два расширенія на oesophagus и присутствіе во второмъ расширеніи особаго жевательнаго аппарата), ларвы этихъ двухъ паразитовъ лягушки (Asc. acuminata живетъ въ прямой кишкѣ, Asc. nigrovenosa въ легкихъ бурой лягушки) имѣли и рѣзко бросающееся въ глаза отличіе, состоящее въ различномъ устройствѣ зачатковъ половыхъ органовъ; эти зачатки, лежащіе обыкновенно на брюшной сторонѣ, по срединѣ тѣла ларвы, имѣютъ у Asc. acuminata свойственную бо̀льшей части молодыхъ нематодъ бобовидную форму и отличаются очень незначительной величиной. Совершенно иначе организованы эти образованія у ларвъ Ascaris nigrovenosa: здѣсь зачатки половыхъ органовъ, состоящіе изъ явственныхъ клѣточекъ, занимаютъ очень значительную часть средины тѣла ларвы. Это интересное различіе между обѣими формами ларвъ заставляло уже подозрѣвать и различіе дальнѣйшаго развитія ихъ. Нѣсколько попытокъ для культивированія этихъ ларвъ не увѣнчались успѣхомъ, послѣ чего мнѣ удалось однакоже отыскать благопріятную среду для ихъ развитія; я нашелъ, что оно совершается во влажной почвѣ. Ларвы Asc. acumin., живущія, впрочемъ, и въ водѣ, растутъ тутъ очень значительно и, послѣ нѣсколькихъ линяній, принимаютъ форму, очень похожую на форму взрослаго животнаго (которому бы гораздо лучше дать мѣсто въ родѣ Oxyuris), представляя нѣкоторыя интересныя

явленія, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, при спеціальномъ изложеніи предмета. Ларвы Asc. nigrovenosae, живущія исключительно во влажной почвѣ, представляютъ на третій или четвертый день по выхожденіи изъ тѣла лягушки замѣчательныя измѣненія. Послѣ перваго линянія, ларвы эти являются въ двухъ формахъ, отличающихся по устройству хвоста: у одной изъ нихъ хвостъ остается такимъ же, какимъ онъ былъ и до линянья, а у другой—онъ становится загнутымъ и короткимъ. Въ связи съ этимъ измѣненіемъ происходитъ и другое, состоящее въ дальнѣйшемъ развитіи половыхъ зачатковъ, которые теперь уже приняли видъ настоящихъ половыхъ органовъ. Затѣмъ у короткохвостыхъ индивидуумовъ появляются отложенія хитина около rectum и изъ нихъ образуются двѣ spiculae. Когда эти «ларвы» достигли половой зрѣлости, оставаясь все таки ларвами Asc. nigrovenosae, то онѣ оплодотворяются, и внутри самокъ (т. е. длиннохвостыхъ индивидуумовъ) начинается развитіе новыхъ зародышей. Изъ многихъ яицъ, только два или рѣже одно совершаютъ весь циклъ развитія зародышей, тогда какъ всѣ остальныя яйца и даже все тѣло матери, исключая наружной кожицы, идутъ въ пищу развивающимся зародышамъ, которые уже не представляютъ характерныхъ свойствъ матери, а въ видѣ тонкихъ и чрезвычайно подвижныхъ ларвъ живутъ въ водѣ, гдѣ онѣ попадаютъ въ кишечный каналъ нѣкоторыхъ водяныхъ моллюсковъ (Physa, Paludina). Дальнѣйшаго развитія этихъ ларвъ еще не наблюдалъ ни я, ни Лейкартъ, который повторилъ всѣ мое изслѣдованіе и прибавилъ къ нему нѣсколько новыхъ фактовъ. Слишкомъ однакоже вѣроятно, что изъ моллюсковъ ларвы втораго поколѣнія Asc. nigrovenosae попадаютъ въ тѣло лягушки, гдѣ превращаются въ развитыхъ животныхъ. Этотъ пробѣлъ, обусловленный недостаткомъ матеріала, будетъ при первой возможности пополненъ.

Проложивши открытіемъ замѣчательнаго развитія Asc. nigrovenosae новый путь, нужно было распространить изслѣдованія и на другихъ нематодъ, для чего, вмѣстѣ съ Лейкартомъ, я принялся за изученіе развитія этихъ животныхъ, на сколько доставало матеріала. До сихъ поръ мы собрали уже много данныхъ для эмбріологіи нематодъ, которыя будутъ нами спеціально разработаны и которыя, частію, войдутъ въ слѣдующій выпускъ сочиненія Лейкарта о человѣческихъ паразитахъ. Замѣчу только, что до сихъ поръ мы не нашли еще ни одного вида, развивающагося по типу

Ascaris nigrovenosa, и что развитіе нематодъ совершается по нѣсколькимъ различнымъ, опредѣленнымъ типамъ. Одинъ изъ интересныхъ типовъ представляетъ намъ развитіе Dochmius и Sclerostomum: ларвы этихъ нематодъ, снабженныя, какъ я уже упоминалъ выше, свойствами рода Rhabditis, живутъ въ водѣ, гдѣ могутъ существовать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не претерпѣвая никакихъ замѣтныхъ измѣненій. Попавъ же въ кишечный каналъ животнаго, кормящаго развитую нематоду (Dochmius trigonocephalus у собаки, а Sclerostomum hypostomum — у овцы), онѣ скоро получаютъ, вмѣсто прежняго, пищепроводъ съ однимъ только расширеніемъ и особенный аппаратъ въ полости рта, принимающій сначала правильную форму аппарата какъ у Cucullanus, а потомъ уже превращающійся въ форму, свойственную зрѣлымъ Dochmius и Sclerostomum.

Изложенныя въ краткихъ словахъ наблюденія о развитіи нѣкоторыхъ нематодъ открываютъ ясно отношенія между паразитическими и свободно живущими формами этого класса. Они показываютъ именно, что многія нематоды ведутъ въ молодомъ возрастѣ свободную жизнь, во время которой онѣ растутъ, претерпѣваютъ измѣненія и даже становятся половыми организмами. Свободную жизнь молодыхъ нематодъ нельзя поэтому сравнивать съ свободной жизнью просколексовъ и церкарій, которые находятся короткое время въ водѣ только для пріисканія кормящаго животнаго, въ которое они тотчасъ же внѣдряются, становясь настоящими паразитами.

Такія тѣсныя отношенія свободныхъ формъ къ паразитическимъ, какъ мы только что видѣли у нематодъ, кажутся съ перваго взгляда странными и даже противорѣчащими обыкновеннымъ понятіямъ о паразитизмѣ. Въ организаціи нематодъ мы также видимъ рѣзкія особенности, отличающія ихъ отъ другихъ паразитовъ. Замѣчательнѣе всего это выражается въ строеніи кишечнаго канала, органа, находящагося въ самой непосредственной связи съ образомъ жизни. Тогда какъ у большинства энтозоидовъ мы замѣчаемъ полное отсутствіе органовъ пищеваренія или же только слабое ихъ развитіе, выраженное слѣпымъ кишечнымъ каналомъ, у нематодъ мы находимъ уже довольно сложный пищеварительный аппаратъ, снабженный органами жеванія, силной арматурой полости рта и многими другими частями, свойственными и свободнымъ формамъ того же класса. Естественно предположить (какъ я это давно уже сдѣлалъ), что эти особенности въ устройствѣ пищеваритель-

ныхъ органовъ находятся въ непосредственной связи съ родомъ пищи и способами ея принятія, т. е. что пища нематодъ (я исключаю отсюда членовъ семейства Trichotrachelidae, отличающихся сравнительно слабымъ развитіемъ пищеварительнаго аппарата) отличается отъ пищи большинства другихъ паразитовъ и требуетъ большой обработки. Ясно, что такая пища доставляется въ изобиліи гніющими веществами, находящимися внутри кормящихъ паразита животныхъ, — экскрементами. Это предположеніе оправдывается для многихъ нематодъ, живущихъ въ кишечномъ каналѣ, и фактическими данными. Еще *Дюжарденъ* находилъ *) въ кишкѣ Oxyuris curvula остатки соломы и другихъ веществъ, входящихъ въ составъ экскрементовъ; а мы видѣли кишечный каналъ нѣкоторыхъ нематодъ наполненнымъ экскрементами кормящаго животнаго; лучше всего это показываетъ Sclerostomum hypostomum изъ кишекъ овцы. Многія нематоды, слѣдовательно, питаясь не живыми частями организма, а его экскрементами, не могутъ быть подведены подъ опредѣленіе полнаго паразитизма (которое требуетъ отъ паразита, чтобы онъ обиталъ и питался на счетъ живаго организма), а уже какъ полупаразиты, представляютъ тѣсный переходъ къ свободнымъ формамъ, которыя питаются тѣми же гнилыми веществами, находящимися только не внутри организмовъ, а внѣ его, какъ напр. гнилыми частями растеній, навозомъ, трупами и тому подобными.

Не только развитіе и образъ жизни нематодъ представляютъ намъ рѣзкія особенности, но и анатомія и описательная зоологія ихъ. Не находя нужнымъ вдаваться здѣсь въ подробности, отчасти уже извѣстныя натуралистамъ, замѣчу только, что, изучая нематодъ, приходишь къ заключенію о ихъ самобытности и несродственности другимъ классамъ, съ которыми ихъ обыкновенно соединяютъ. Формулируя это убѣжденіе, я считаю вполнѣ справедливымъ отдѣлить нематодъ отъ прочихъ червей и дать имъ болѣе самостоятельное мѣсто рядомъ съ этой группою животныхъ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ еще и то, что прочіе классы червей имѣютъ между собою слишкомъ тѣсное сродство, непозволяющее вводить въ ихъ кругъ несродныхъ имъ нематодъ.

Коснувшись вопроса о систематическомъ положеніи нематодъ и

*) De l'appareil de déglutition de l'Oxyuris curvula du cheval. Annales des sciences naturelles, 1851.

другихъ червей, я нахожу не совсѣмъ лишнимъ сказать нѣсколько дальнѣйшихъ словъ объ этомъ предметѣ, имѣя главнымъ образомъ въ виду новѣйшее направленіе, высказанное *Элерсомъ* *) и *Шнейдеромъ* **). Эти два зоолога, назависимо другъ отъ друга, пришли къ мысли взять мускулатуру червей за принципъ для классификаціи этихъ животныхъ. *Элерсъ* ограничился установленіемъ общаго «типа», доказывая, что типическое свойство червей заключается въ присутствіи подкожнаго мускульнаго мѣшка. *Шнейдеръ*, публиковавшій до сихъ поръ только предварительную замѣтку, дѣлитъ червей на классы, основываясь на расположеніи мускуловъ у нихъ; къ 1-й группѣ онъ относитъ нематодъ, аннелидъ и сагитту, ко второй — Acantocephali и Gephyrea, а къ послѣдней — такъ называемыхъ плоскихъ червей (со включеніемъ Peripatus). Новаго въ Шнейдеровской классификаціи нѣтъ почти ничего, кромѣ совмѣщенія Gephyrea съ Echinorhynchus, не выдерживающаго никакой критики, такъ какъ у этихъ двухъ группъ, кромѣ присутствія хобота, нѣтъ *ни одного* близкаго сродственнаго признака (въ чемъ убѣдится легко всякій, знакомый съ организаціей этихъ классовъ). Остальныя группы *Шнейдера* не новы и также страдаютъ недостатками, какъ и всѣ прежнія классификаціи. Противъ своего принципа *Шнейдеръ* дѣлаетъ тоже значительные промахи. Онъ соединяетъ напр. нематодъ съ аннелидами, тогда какъ мускулятура обѣихъ имѣетъ очень мало общаго: характерныхъ мускульныхъ волоконъ первыхъ мы никогда не встрѣчаемъ у аннелидъ, имѣющихъ слой поперечныхъ мускуловъ, не встрѣчающихся у нематодъ. Чрезвычайно интересны воззрѣнія *Шнейдера* на турбеллярій; онъ говоритъ: «Мускулы Dendrocoela очень рѣзко отличаются отъ тѣхъ же органовъ у Rhabdocoela; изъ послѣднихъ я изслѣдовалъ Nemertes» и т. д. Не смотря однако на такое рѣзкое отличіе мускуловъ, Dendroc. на столько близки къ Rhabdoc., что роды Monocelis и Opistomum можно положительно считать за переходные между обѣими группами, тогда какъ Rhabdocoela и Nemertina, дѣйствительно имѣющія между собою сходство, никогда не приближаются на столько другъ къ другу, чтобы слиться въ одинъ общій «порядокъ» (*Элерсъ* впадаетъ въ противоположную крайность, отдѣляя немертинъ въ особый классъ). Послѣ этого, нужно или бро-

*) Die Borstenwürmer. 1864.

**) Статья въ Archiw für Anatomie und Physiologie. 1864, книжка 5-я.

сить всякую классификацію, или же (чтó гораздо справедливѣе) отказаться отъ «мускульнаго» принципа.

Элерсъ тоже не совсѣмъ удачно развилъ свои начала. Захотѣвъ образовать строго опредѣленный типъ (по примѣру Coelenterata *Лейкарта*), онъ не попытался соединить много разнообразныхъ элементовъ, вмѣщаемыхъ въ отдѣлъ червей, а потому уже не достигъ своей цѣли. Но главнымъ образомъ онъ ошибся, отрицая у всѣхъ остальныхъ низшихъ животныхъ присутствіе такого же мускульнаго мѣшка, какъ и у червей; намъ бы пришлось слишкомъ много высчитывать примѣровъ такого же образованія у другихъ низшихъ животныхъ, еслибъ не достаточно было для нашей цѣли ограничиться указаніемъ на мускулятуру полиповъ и голотурій.

Но на какихъ основаніяхъ построены эти воззрѣнія о значеніи мускулятуры для классификаціи? На это ни *Элерсъ*, ни *Шнейдеръ* не даютъ никакого отвѣта. Намъ кажется, по крайней мѣрѣ, что эти основанія (если они дѣйствительно есть) ложны. Мускулятура, являющаяся въ видѣ непрерывнаго мѣшка, служитъ только выраженіемъ цилиндрической формы тѣла, какъ у червей, актиній и другихъ, также точно какъ въ связи съ цилиндрической формой кишечнаго канала и сосудовъ животныхъ находится непрерывность мышечнаго слоя въ этихъ органахъ. Если мы, поэтому, вмѣсто мускульнаго мѣшка, подставимъ въ опредѣленіе типа *Элерса* соотвѣтствующую форму тѣла, то выйдетъ, что «черви суть животныя, имѣющія червеобразную (т. е. удлиненно-цилиндрическую) форму». Этимъ выражается не больше, чѣмъ сколько было извѣстно прежде о содержаніи и границахъ типа червей, и не рѣшается ни одинъ изъ находящихся въ связи съ этимъ вопросовъ.

Не удовлетворяясь доказательствомъ фактической, прикладной несостоятельности новаго ученія, мнѣ бы хотѣлось указать и на фундаментальную невѣрность принятаго названными зоологами принципа.

Аппараты движенія не могутъ характеризировать всю организацію даннаго животнаго, такъ какъ движеніе есть общее свойство организованной матеріи, въ чемъ, зная движенія лимфатическихъ клѣточекъ, клѣточекъ соединительной ткани, хряща и т. п., невозможно сомнѣваться. Это же мнѣніе подкрѣпляется и частными случаями, которые я, для рѣзкости, беру изъ области червей. Извѣстно, что зародыши нематодъ, находясь еще въ яйцѣ и не показывая ни малѣйшаго дифференцированія тканей, движутся сво-

бодно и въ тѣхъ же направленіяхъ, какъ и вполнѣ развитое животное. Есть и вполнѣ взрослыя нематоды, у которыхъ мы не находимъ вовсе мускуловъ, но которыя однакоже совершаютъ множество движеній *). Низшія турбелляріи не представляютъ никакихъ мускуловъ; такъ напр., у Convoluta паренхима тѣла организована также точно, какъ у многихъ сложныхъ инфузорій.

Суммируя сказанное, повторимъ, что организація двигательныхъ аппаратовъ не можетъ быть принята за принципъ классификаціи, также какъ и основанныя на этомъ системы *Элерса* и *Шнейдера*. Пора пройти тѣмъ временамъ, когда понятія о животныхъ группахъ строились изъ разработки какого нибудь органа, взятаго за исходную точку, не справляясь съ организаціей животнаго вообще, съ его жизнью и развитіемъ.

Другая работа, о которой я хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ, относится къ одному изъ возбужденныхъ въ новѣйшее время вопросовъ, къ безполовому размноженію личинокъ мухи Cecidomyia.

Это явленіе, открытое *Н. Вагнеромъ* въ Казани, получило отъ него довольно странное объясненіе; онъ утверждаетъ, будто бы изъ жироваго тѣла ларвы образуются зародышевыя частицы, которыя развиваются и превращаются наконецъ въ новыхъ ларвъ. Такъ какъ подобное участіе жироваго тѣла (которое составляетъ только запасъ питательнаго матеріала) въ размноженіи само по себѣ должно было показаться очень страннымъ **), то очень пріятно было узнать отъ *Пагенштехера* иное мнѣніе; этотъ зоологъ (имѣвшій въ распоряженіи слишкомъ незначительное количество матеріала) убѣдился въ томъ, что жировое тѣло не принимаетъ активнаго участія при размноженіи ларвъ, но онъ не нашелъ однако органа, изъ котораго бы развивались новые зародыши ..... Это было однакоже очень нетрудно, такъ что *Лейкартъ* на первомъ же препаратѣ ларвы (вынутой еще изъ материнскаго тѣла) замѣтилъ двѣ парныя железы, которыя очевидно играли роль зародышниковъ. Эти железы, прикрѣпленныя къ мальпигіевымъ сосудамъ, представляли собою зачатки органовъ размноженія, находящіеся у очень многихъ (вѣ-

---

*) Я развивалъ это въ статьѣ о Diplogaster (Archiw für Anatomie und Physiologie. 1863, книжка 4-я.

**) Мнѣніе *Вагнера* о той же роли жира при развитіи цестодъ и трематодъ, также какъ и утверждаемые имъ какіе-то переходы между чисто жирными образованіями и зародышевыми железами у *нематодъ*, совершенно неосновательны.

роятно, у всѣхъ) ларвъ насѣкомыхъ, и открытыя еще вначалѣ этого столѣтія.

Принявъ участіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, я скоро нашелъ и первыя явленія размноженія, состоящія въ дѣленіи самой железы на нѣсколько частей. Этотъ процессъ прослѣженъ *Лейкартомъ* и мной на столько, чтобы объяснить его по возможности удовлетворительно. Главные его моменты слѣдующіе: железа, какъ сказано, дѣлится на нѣсколько частей, которыя, въ большинствѣ случаевъ, отрываются другъ отъ друга и плаваютъ въ полости тѣла ларвы; отдѣльныя эти части имѣютъ форму птичьяго яйца (съ тупымъ и острымъ полюсами) и состоятъ, кромѣ наружной оболочки и эпителія, еще изъ внутри лежащихъ клѣточекъ; изъ послѣднихъ та, которая лежитъ у остраго полюса, окружается желткомъ, выдѣляемымъ остальными центральными клѣточками и представляетъ, слѣдовательно, зародышевую клѣточку, служащую началомъ новой ларвы. Самыя же отрывающіяся части соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ «зародышевымъ камерамъ» насѣкомыхъ.

Размноженіе личинокъ Cecidomyia сводится, слѣдовательно, къ преждевременной функціи органовъ размноженія, находящихся еще въ неразвитомъ, личинковомъ состояніи, не представляя раздѣленія на полы; поэтому, размножающіяся личинки должно разсматривать какъ, такъ называемыя, «кормилицы», а размноженіе ихъ какъ «перемежающееся», стоящее на ряду съ безполовымъ размноженіемъ афидъ, но представляющее несравненно болѣе типичности. Если можно было еще смѣшивать размноженіе афидъ-кормилицъ съ партеногенезисомъ, то этого никакъ нельзя допустить относительно пролификаціи ларвъ Cecidomyia, потому что въ этомъ случаѣ органомъ размноженія является железа, не показывающая еще никакого пола, а представляющая такой же зачатокъ яичника, какъ и сѣмянной железы *).

Эти соображенія и изслѣдованія о перемежающемся размноженіи Cecidomyia развиты болѣе подробно *Лейкартомъ* въ статьѣ, входящей въ составъ слѣдующей книжки Archiw für Naturgeschichte (въ статьѣ, гдѣ онъ конечно упоминаетъ и о моемъ активномъ участіи при разработкѣ вопроса).

Но недостаточнымъ казалось ограничиться только разъясненіемъ общей части вопроса, о которомъ только что говорилось. Поэтому

---

*) Еще *Германнъ Мейеръ* показалъ, что органы размноженія не показываютъ раздѣленія на полы въ первое время жизни личинки бабочки.

я принялся за изслѣдованіе развитія ларвъ Cecidomyiæ изъ зародышевой клѣточки (pseudorum) старой ларвы, пользуясь матеріаломъ, предоставленнымъ мнѣ *Лейкартомъ* (за что я ему искренно благодаренъ, также какъ и за постоянную его готовность пересмотрѣть и подтвердить мои изслѣдованія, которыя черезъ это пріобрѣтаютъ больше кредита).

Не находя возможнымъ, ни даже нужнымъ, распространяться здѣсь подробно о развитіи Cecidomyiae изъ pseudorum, я ограничусь только указаніемъ на самые существенные моменты этого процесса. (Подробнѣе изложилъ я это въ «Предварительной замѣткѣ», напечатанной рядомъ съ вышеупомянутой статьей *Лейкарта;* полное изложеніе моихъ изслѣдованій съ рисунками я намѣренъ издать вмѣстѣ съ описаніемъ другихъ сторонъ жизни Cecid. [метаморфозъ и развитіе изъ оплодотвореннаго яйца] въ видѣ монографіи).

Выше я остановился на развитіи pseudorum, черезъ отложеніе около ядра зародышевой клѣточки желтка, количество котораго все болѣе и болѣе увеличивается; при этомъ, клѣточки, вырабатывающія желтокъ, постепенно сжимаются и, оканчивая свою роль, превращаются въ массу, сильно преломляющую свѣтъ (въ такъ наз. corpus luteum *Штейна*). Въ это же время ядро зародышевой клѣточки (зародышевый пузырекъ) дѣлится на двое; эти новыя ядра дѣлятся въ свою очередь и т. д., такъ что вся масса pseudorum является состоящею изъ многихъ ядеръ — продуктовъ дѣленія зародышеваго пузырька, лежащихъ въ массѣ желтка. Затѣмъ начинается правильное расположеніе этихъ элементовъ: ядро, лежащее на остромъ полюсѣ pseudorum, обволакивается значительною массою желтка, образуя такимъ образомъ отдѣльную клѣточку, тогда какъ остальныя ядра ложатся на периферіи, вслѣдствіе чего зернистый желтокъ принимаетъ свое нормальное, центральное положеніе. Прежде образовавшаяся большая клѣточка дѣлится на двѣ, на три и болѣе, такъ называемыя полярныя клѣточки; ядра же, лежащія на периферіи pseudorum, обволакиваются въ это время слоемъ безцвѣтной протоплазмы желтка, дѣлятся и образуютъ бластодерму. Бластодерма образуется здѣсь, слѣдовательно, не по странному способу, описанному *Вейсманомъ* у Chironomus и Musca, состоящему будто бы въ мгновенномъ появленіи клѣточекъ изъ аморфной бластемы *), а чрезъ дѣ-

*) Въ справедливости мнѣнія *Вейсмана* можно тѣмъ болѣе сомнѣваться, что, по моимъ изслѣдованіямъ, бластодерма у Aphis развивается по способу описан-

леніе зародышеваго пузырька. По образованіи бластодермы, клѣточки ея размножаются и обволакиваютъ полярныя клѣточки (которыя *Лейкартъ*, по недостатку наблюденій, счелъ, въ упомянутой статьѣ, за оставшіяся клѣточки, образующія желтокъ), вслѣдствіе этого роста, оба полюса бластодермы значительно утолщаются и на верхнемъ (тупомъ) образуется подковообразное возвышеніе, которое я назвалъ «головнымъ воротникомъ» (Kopfkragen); нѣсколько позже образуется хвостъ съ входящей въ него впадиной, обусловливающей развитіе хвостовой складки; послѣдняя удлиняется и утончается по мѣрѣ роста хвоста, но потомъ она съ нимъ сростается (не доходя, слѣдовательно, до образованія вейсмановскаго «складочнаго листа»). Нужно замѣтить, что, послѣ перваго появленія головнаго воротника у хвостовой складки, образуется зародышевая полоса, чрезъ разрывъ бластодермы. Верхняя часть ея начинаетъ увеличиваться, тогда какъ «воротникъ» постепенно атрофируется и отъ него остается только одна часть, образующая clypeus. Изъ развившейся головной части образуются темянныя пластинки съ рудиментами щупалецъ и три сегмента первичныхъ челюстей. Остальное тѣло дѣлится на 11 сегментовъ. Симметрія означается едва замѣтной бороздкой.

По образованіи наружной формы зародыша, становятся замѣтны и нѣкоторые внутренніе органы. Является ротъ и заднепроходное отверстіе и кишечный каналъ, около котораго ложатся двѣ полосы жирнаго тѣла. Въ это же время замѣчается нервная система, состоящая изъ тѣсно другъ около друга лежащихъ гангліевъ; появляются мальпигіевы сосуды, состоящіе изъ полосъ слѣпленныхъ между собою клѣточекъ. Вообще, при развитіи внутреннихъ органовъ, замѣчается, что клѣточки, составляющія тѣло зародыша, соединяются между собою по разнымъ направленіямъ, образуя или ленты (мускульныя волокна, мальпигіевы сосуды), или же ложатся въ болѣе широкія массы, какъ напр. нервные ганглии, железы и друг.

Изслѣдуя зародыши Cecidomyia на различныхъ стадіяхъ развитія, мы находимъ, что они состоятъ изъ массы одинаковыхъ клѣточекъ незначительной величины, между которыми однако можно всегда замѣтить нѣсколько несравненно большихъ, лежащихъ на

ному только что для Cecidomyia; *Клапаредъ* говорилъ мнѣ, что онъ наблюдалъ такое же образованіе бластодермы у Atax.

заднемъ концѣ, клѣточекъ, отличающихся, кромѣ величины, темнотой и зернистостью на периферіи; это вышеупомянутыя «полярныя клѣточки». Долго остаются онѣ совершенно неизмѣненными, и только по образованіи первичныхъ частей рта можно замѣтить, что эти клѣточки ложатся въ двѣ симметричныя массы. Потомъ эти обѣ массы окружаются нѣкоторымъ количествомъ маленькихъ эмбріональныхъ клѣточекъ и образуютъ такимъ образомъ зачатки органовъ размноженія, тѣ самые, которые, при нѣсколько дальнѣйшемъ развитіи, производятъ новыя ларвы. Около этихъ железъ замѣчается еще короткая полоса изъ эмбріональныхъ клѣточекъ, представляющая рудиментъ выводящаго канала (потомъ атрофирующагося). Самыя полярныя клѣточки потомъ дѣлятся и даютъ начало новымъ зародышевымъ клѣточкамъ.

Припомнивъ образованіе полярныхъ клѣточекъ, дифференцирующихся собственно еще раньше бластодермы, открывается очень интересный фактъ, что матеріалъ для образованія новыхъ ларвъ безполовымъ образомъ откладывается еще при самыхъ раннихъ явленіяхъ развитія, фактъ, напоминающій нѣсколько извѣстную теорію *Оуена* о безполовомъ размноженіи.

Желая воспользоваться сдѣланнымъ открытіемъ для разъясненія еще очень темныхъ явленій безполоваго размноженія и партеногенезиса вообще, я принялся за цѣлый рядъ изслѣдованій, изъ которыхъ изученіе развитія афидъ-кормилицъ, представляющаго само по себѣ много весьма интересныхъ и новыхъ явленій, доведено мною до конца. Но объ этомъ, также какъ и о другихъ изслѣдованіяхъ, начатыхъ мною съ высказанной цѣлью, я намѣренъ сообщить въ слѣдующемъ отчетѣ.

Гиссенъ, $\frac{\text{26-го марта}}{\text{7-го апрѣля}}$ 1865 года.

48) Кандидата Ивана Минаева.

Научное изслѣдованіе слова человѣческаго началось вмѣстѣ съ настоящимъ столѣтіемъ (1816), какъ слѣдствіе ближайшаго знакомства европейцевъ съ санскритомъ. Этотъ неоспоримый фактъ въ развитіи человѣческихъ знаній легко объясняется какъ свойствами самаго санскрита, высокое совершенство, полнота и прозрачность флексіи котораго не имѣютъ ничего подобнаго себѣ въ другихъ языкахъ, такъ и тѣмъ, что индійская цивилизація представляетъ по истинѣ изумительныя попытки и великіе труды въ

области изслѣдованій родного языка. Европейцы нашли въ Индіи готовую грамматику; къ фактамъ и наблюденіямъ древнихъ въ санскритской грамматикѣ они могли до сихъ поръ мало что прибавить, но на основаніи этихъ фактовъ они создали свою объяснительную грамматику и сравнительный методъ. Великое открытіе «арійскаго племени» поставило насъ, въ отношеніи тѣхъ памятниковъ древне-индійской письменности, которые впервые дали начало грамматическимъ изысканіямъ, въ несравненно выгоднѣйшія условія. Обѣ отрасли нашихъ знаній — наука о языкѣ и изученіе санскритской литературы до сихъ поръ развивались главнымъ образомъ въ Германіи, взаимно другъ друга объясняя и дополняя. Связь ихъ гораздо тѣснѣе, нежели какъ это въ настоящее время очень многіе стали думать. Голоса очень многихъ и очень почтенныхъ дѣятелей какъ въ области лингвистики, такъ и въ области толкованія древнѣйшихъ памятниковъ арійскаго творчества раздаются противъ необходимой нераздѣльности этихъ двухъ знаній. Здѣсь конечно не мѣсто входить въ подробный разборъ существующихъ мнѣній pro и contra. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости какъ для санскритиста глубокаго лингвистическаго образованія, такъ и для лингвиста основательныхъ свѣдѣній въ санскритѣ могутъ служить факты въ молодой исторіи этихъ двухъ знаній: ни одно сколько либо важное открытіе какъ тамъ, такъ и здѣсь не дѣлалось при взаимномъ ихъ разрывѣ. Если мы захотимъ взять во вниманіе объемъ санскритской литературы, дошедшей до насъ, и то въ ней, что пока намъ недоступно или погибло навсегда, то нельзя не сознать, въ чемъ должно состоять наше преимущество предъ туземными толкователями и въ чемъ именно наша сила. Важность туземныхъ схолій не подлежитъ сомнѣнію; онѣ достойны нашего изученія не только какъ историческій моментъ въ развитіи человѣческаго знанія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ слова въ глазахъ европейскаго изслѣдователя получаютъ всю силу авторитета; но есть стороны въ изученіи напр. ведъ, когда сказанное ими непремѣнно должно подвергаться строгой научной критикѣ, а чтобы провѣрить ихъ мышленіе только два средства: сравнительное языкознаніе и сравнительная миѳологія. Крайности, до которыхъ доводило злоупотребленіе этими средствами и страсть строить гипотезы ничего не говорятъ противъ разумнаго приложенія этимологическаго метода къ толкованію древнихъ памятниковъ. Желаніе всѣ явленія языка объяснить грамматикою санскрита, непризнаніе своеобычнаго

въ каждомъ языкѣ, могутъ имѣть въ дѣлѣ изслѣдованія очень грустныя послѣдствія; но эти факты, къ несчастію существующіе, не должны приводить къ другой крайности, отрицанію явленія, неподлежащаго отрицанію: въ санскритѣ мы имѣемъ въ большей части случаевъ и полнѣйшую и древнѣйшую форму арійской грамматики; отсюда вытекаетъ необходимость по возможности полнаго усвоенія его, для того, кто посвящаетъ себя научному изученію слова человѣческаго.

На славянскіе языки всего менѣе до сихъ поръ обращали вниманіе при лингвистическомъ и миѳологическомъ изученіи древнѣйшихъ памятниковъ арійскаго творчества; между тѣмъ важность ихъ въ этомъ отношеніи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Не смотря на то, что славяне не имѣютъ древнихъ памятниковъ письменности, въ языкахъ даже живыхъ они сохранили очень много древнихъ формъ, что одно уже даетъ имъ право занять видное мѣсто въ области науки о языкѣ. Не думаю однакоже, чтобы въ приложеніи къ толкованію ведъ или авесты или въ объяснительной грамматикѣ они имѣли наибольшее значеніе. Объяснительная или сравнительная грамматика т. е. та часть науки о языкѣ, главная задача которой познать сущность языка, разлагая высшія флексивныя формы на элементы или корни, развиваясь въ аренѣ индо-европейскихъ языковъ, получила въ нѣкоторомъ смыслѣ законченную форму; новый матеріалъ изъ того же строя человѣческаго слова, безъ сомнѣнія въ частностяхъ можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ, но не думаю, чтобы существенно отъ этого зависѣлъ успѣхъ нашего теперѣшняго знанія человѣческаго языка. Если мы бросимъ взглядъ на пространство заселенное славянами, подробленіе на нарѣчія и поднарѣчія, намъ опредѣлится само собою, въ какомъ отношеніи для лингвиста важны славянскія нарѣчія. Неоцѣненный матеріалъ мы находимъ въ нихъ для исторіи звуковой стороны человѣческаго слова или исторіи языка въ тѣсномъ смыслѣ. Въ развитіи человѣческаго языка съ большимъ вѣроятіемъ различаютъ два періода: 1-й доисторическій періодъ и 2-й періодъ историческій. Нашимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ подлежитъ только второй. Объ отличительномъ характерѣ этого періода, говорилось очень много разными учеными, между прочимъ Шлейхеромъ еще въ 1848 въ соч. Zur vergleichenden Sprach-Geschichte и потомъ во многихъ другихъ. Мы не упоминаемъ здѣсь о многихъ очень важныхъ статьяхъ въ журналѣ Куна, по тому же вопросу; одна изъ нихъ продолжается въ

послѣднихъ №№ XIV тома. Недавно (т. е. въ концѣ прошлаго года) того же вопроса коснулся M. Müller въ своемъ послѣднемъ трудѣ Lectury on the Science of Language, Second series. Слова этого почтеннаго ученаго заслуживаютъ полнаго вниманія, и я думаю, что будетъ не лишнимъ, если въ настоящемъ отчетѣ я посвящу имъ нѣсколько строкъ.

Въ упомянутомъ сочиненіи онъ посвятилъ цѣлую лекцію (IV) вопросу: какими фонетическимм законами обусловливается измѣненіе словъ, и почему буквы измѣняются? Оба вопроса такой громадности и притомъ требуютъ, кромѣ основательныхъ лингвистическихъ познаній, едвали не въ бо́льшей степени физіологическихъ знаній, а потому естественно, что М. далеко не пришелъ къ разрѣшенію заданной себѣ задачи, сдѣлалъ не болѣе какъ попытку и высказалъ свою мысль въ самыхъ общихъ положеніяхъ. Формулируя свою задачу такъ: (176) намъ нужно знать почему то же самое слово, произносимое индійцемъ съ начальнымъ *д*, произносилось римляниномъ съ начальнымъ *в?* онъ говоритъ, я убѣжденъ, что законы, которыми обусловливаются эти измѣненія (т. е. фонетическія), вполнѣ зависятъ отъ физіологическихъ причинъ. Въ развитіи языка онъ видитъ два совершенно различныя процесса: 1) phonetic dreay и 2) dialectic growth, т. е. звуковое паденіе или разложеніе и діалектическій ростъ. Первый изъ этихъ процессовъ наступаетъ по его словамъ тогда, когда народъ начинаетъ избѣгать вящшаго усилія для произношенія каждой согласной и каждой гласной. Wher they attempt, говоритъ онъ на стр. 176, to economise their breath and their muscular energy. Такимъ образомъ является fiere вмѣсто fiates или nóght. (nüght.) вмѣсто nacht. Чтобы еще лучше пояснить его мысль обращусь къ нѣсколькимъ другимъ примѣрамъ. Извѣстно, что хотя пракритъ и пали не произошли ни отъ санскрита ведъ, ни изъ классическаго (любопытный сводъ существующихъ объ этомъ мнѣній представилъ D'alwis въ соч. въ Introduction to koccâyuna's gramm. Colombo 1863), но живя въ устахъ народа сравнительно дольше они представляютъ формы, уже болѣе измѣненныя; такъ если взять на удачу одно изъ образованій санс. въ трехъ языкахъ — санскритъ, пали и пракритъ, мы увидимъ дѣйствительно что kareï (пракритъ) или câreti (пали) требуютъ меньшаго усилія мускулъ нежели скр. kôrayati или côrayati, и здѣсь, пожалуй, дѣйствительно позднѣйшіе индійцы выгадали и времени и силы ровно на столько на сколько нужно того и другаго, чтобы произнести âya

вм. *в*, притомъ въ прак. отбрасывается *t* (i вмѣсто ti 3 S.). Если мы припомнимъ, что въ пали и пракритѣ ассимиляція буквъ проходитъ почти чрезъ весь строй языка, напр.: pońńa (скр. pŕajńâ) mańńati и т. д. и что слѣды ея графически выражаемые удвоеніемъ буквъ совершенно изчезли въ эдиктарѣ Піядаси, гдѣ мы имѣемъ mańate или atha вмѣсто attha и т. д., съ чѣмъ совершенно сходно явленіе, замѣчаемое въ церковно-славянскомъ, гдѣ одна изъ уподобленныхъ согласныхъ выпускалась: тесать (takch) и т. д. Остроумное объясненіе этого процесса въ развитіи языка получаетъ для насъ еще бо̀льшую вѣроятность и наглядность. Это стремленіе облегчить себѣ выговоръ слова было въ бо̀льшей части случаевъ тѣхъ явленій въ грамматикѣ, которыя объяснялись до сихъ поръ благозвучіемъ; объ этомъ М. дѣлаетъ (на 179 и слѣд.) нѣсколько очень мѣткихъ замѣчаній.

Другой процессъ гораздо труднѣе объяснить. Извѣстно, что скр. gh. сооотвѣтствуетъ греческому ϑ и латинскому f (gharma, ϑερμός, formus, fervor). Невозможно предположить, чтобы и въ данномъ случаѣ развѣтвленіе звуковъ произошло отъ той же причины, въ силу которой объяснялись сейчасъ извѣстныя явленія. Грекъ не взялъ скр. *gh* и не передѣлалъ ее въ ϑ; и грекъ и индѣецъ получили то же слово изъ одного источника, гдѣ оно существовало въ одной формѣ. Чтобы объяснить это явленіе, М. дѣлаетъ слѣдующее построеніе смѣшеній гортанныхъ и губныхъ, фактъ давно замѣченный въ Гавайскомъ языкѣ; въ греческихъ нарѣчіяхъ извѣстно нѣчто подобное (*Πόκα* (*Πότε*) *ὅκα* (*ὅτε*)). Отсюда М. выводитъ во 1-хъ, что было время, когда въ греческихъ діалектахъ произношеніе колебалось между *k* и *t*, звукъ былъ нѣчто среднее между *k* и *t*, и во 2-хъ, что первоначальный выговоръ напр. слова gharma, ϑερμός былъ такъ неясенъ, что далъ начало гортанному звуку въ языкѣ индійца и зубному въ языкѣ грека. Въ латинскомъ нѣтъ ни греческой ϑ, ни скр. *dh*; естественно, что тамъ гдѣ эта буква существовала въ языкѣ ихъ общихъ предковъ, римлянину оставалось или отбросить придыханіе и произносить *d* (напр. medius = скр. madhya-s vidua = vidharû) или же прибѣгнуть къ ближайшему соприкосновенію органовъ и возпроизвести *f* (fumus, dhûmo, ϑύμος). Извѣстно, что въ языкахъ нѣкоторыхъ народовъ нѣтъ той или другой согласной и недостающая буква обыкновенно замѣняется ближайшей физіологически сходной, но не всегда одинаково, а потому изъ того, что латинской f соотвѣтствуетъ скр. *dh*, никакъ не должно

слѣдовать, что и въ каждомъ языкѣ f = dh; напр. въ зендѣ f замѣняетъ въ бóльшей части случаевъ скр. p, gafna = srapna, af, s. = ap. и т. д. Эти свойства человѣческихъ органовъ должны быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ строго изслѣдованы; тогда только мы будемъ въ состояніи провести границу между тѣмъ, что обозначаетъ намъ авторъ именемъ фонетическаго разложенія и діалектическимъ ростомъ. На стр. 246 и 247 М. высказываетъ мысль о важности изученія романскихъ языковъ, въ этомъ отношеніи. Едвали нужно распространяться сколько свѣта могутъ пролить звуковые переходы и измѣненія славянскихъ языковъ, распространенныхъ на гораздо большемъ пространствѣ, подъ весьма разными климатическими условіями и притомъ весьма часто подвергавшихся вліянію языковъ сосѣдей. Я разумѣю здѣсь не заимствованіе отдѣльныхъ словъ, но вліяніе на звуковое развитіе языка. Эта сторона въ исторіи индо-европейскихъ языковъ до сихъ поръ еще мало изслѣдована, а между тѣмъ, если мы имѣемъ передъ глазами факты того рода, ничто не мѣшаетъ предположить, что таковой же фактъ существовалъ въ исторіи языковъ, когда ирійцы тянулись изъ средней Азіи на западъ и осѣдали въ разныхъ странахъ.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, представляютъ ли славянскіе языки особую важность для объясненія ведъ или авесты. У нѣкоторыхъ германскихъ ученыхъ существуетъ убѣжденіе, что славянскіе языки состоятъ въ особомъ сродствѣ съ древне-бактрійскимъ; объ этомъ говоритъ А. Кунъ въ своей ученой статьѣ въ 1-мъ томѣ A. Weber'a Ind. St. Мнѣніе это давно уже оцѣнено Шлейхеромъ, и мнѣ нѣтъ необходимости снова возвращаться къ нему. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи особенно важно изученіе народныхъ славянскихъ литературъ. Необъятный матеріалъ для вѣрнаго уразумѣнія смысла древняго арійскаго міросозерцанія мы находимъ въ сказочной литературѣ и первобытныхъ обрядахъ и обычаяхъ. Но изъ до сихъ поръ обнародованнаго едвали не самое видное мѣсто занимаетъ русская литература. Чешская народная литература, на знакомство съ которой я посвятилъ часть своего времени, не представляетъ въ этомъ отношеніи особаго богатства. Я говорю конечно о томъ, что извѣстно печатно; нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшіе поиски представятъ намъ еще много драгоцѣннаго, особенно же въ литературѣ сказокъ. Трудно представить себѣ, чтобы въ народѣ, у котораго сохранилась такая сказка, какъ златые волосы дѣда вильда, не было дру-

гихъ важныхъ образцовъ этого рода литературы. Другой предметъ моихъ занятій за послѣднее время было изученіе индійской (туземной) грамматической литературы. Занятія эти я началъ осенью прошлаго года въ Геттингенѣ подъ руководствомъ проф. Бенфея; затѣмъ продолжалъ ихъ одинъ въ Прагѣ. Объ этомъ подробно скажу въ слѣдующемъ отчетѣ.

17-го февраля 1865 года.

49) Магистра Бугаева.

Продолжая изложеніе общей теоріи интегрированія дифференціальныхъ уравненій движенія, Серре съ особенною подробностію останавливался на теоремѣ Якоби и доказалъ ее, какъ для случая совершенно свободной системы матеріальныхъ точекъ, такъ и для случая, когда существуютъ связи, независящія отъ времени. Эта теорема Якоби весьма важна въ томъ отношеніи, что вопросъ объ интегрированіи уравненій динамики приводитъ къ вопросу объ интегрированіи уравненія съ частными производными перваго порядка. Если изъ этого уравненія съ частными производными будетъ найдена функція $S = \varphi(x_1, y_1, z_1, \ldots \alpha_1, \alpha_2, \ldots \alpha_{3\mu})$, то Якоби доказываетъ, что окончательные интегралы уравненій динамики получатся, если возмемъ частныя производныя функціи S по произвольнымъ постояннымъ, входящимъ въ нее, и приравняемъ ихъ новымъ произвольнымъ постояннымъ, такъ что полное рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ уравненій:

$$\frac{dS}{d\alpha_1} = \beta_1, \quad \frac{dS}{d\alpha_2} = \beta_2 \; \ldots\ldots \; \frac{dS}{d\alpha_{3\mu}} = \beta_{3\mu}.$$

Заключивъ общій обзоръ теоріи интегрированія дифференціальныхъ уравненій динамики этою теоремою, Серре приступилъ къ изслѣдованію движенія центровъ тяжести планетъ, подчиняющихся закону взаимнаго притяженія. Для этого онъ составилъ дифференціальныя уравненія движенія планетъ, принявъ солнце за центральное тѣло. Не имѣя возможности интегрировать эти уравненія въ самомъ общемъ видѣ, онъ отдѣлилъ члены, зависящіе непосредственно отъ дѣйствія солнца, отъ членовъ, зависящихъ отъ другихъ планетъ. Составивъ изъ послѣднихъ членовъ такъ называемую пертурбаціонную функцію, онъ, на томъ основаніи, что массы планетъ незначительны, сравнительно съ массою солнца, интегриро-

валъ эти уравненія, сперва пренебрегая величиною пертурбаціонной функціи.

Соблюдая строгую связь, въ своемъ изложеніи, между предшествовавшею теоріею и разбираемымъ вопросомъ о движеніи планетъ, Серре выбралъ методъ Якоби для интегрированія уравненій движенія, вводя такъ называемыя каноническія произвольныя постоянныя. Выразивъ интегралы въ астрономическихъ координатахъ, онъ опредѣлилъ и каноническія произвольныя постоянныя по эллиптическимъ элементамъ планетъ.

Затѣмъ, изложивъ общую теорію измѣненія произвольныхъ постоянныхъ, онъ принялъ въ соображеніе пертурбаціонную функцію и показалъ при этомъ методы, употребляемые Делоне въ его теоріи движенія луны.

По поводу разложенія пертурбаціонной функціи въ рядъ, онъ изложилъ весьма подробно теорію лежандровой функціи X_n и показалъ разложеніе всякой функціи въ безконечный рядъ по функціямъ Лежандра. Основныя уравненія, необходимыя при этомъ разложеніи, онъ вывелъ по методу Ліувилля.

Ліувилль въ своихъ чтеніяхъ въ Collège de France, интегрировавъ уравненіе $\frac{dx}{\sqrt{R(x)}} = \frac{dy}{\sqrt{R(y)}}$, гдѣ функція $R(x)$ раціональная 4-й степени, по способу Эйлера, перешелъ къ историческому изложенію вопроса объ эллиптическихъ функціяхъ до появленія трудовъ Абеля и Якоби, и указалъ на тѣ затрудненія, которыя встрѣчали Лагранжъ и Пуассонъ для объясненія нѣкоторыхъ аналитическихъ свойствъ, не принимая въ соображеніе двоякопеpіодичности эллиптическихъ функцій.

Затѣмъ онъ показалъ способъ, употребленный Брункеромъ для разложенія количества $\frac{4}{\pi}$ въ непрерывную дробь. Изъ статей, относящихся къ теоріи чиселъ, онъ изложилъ вопросъ о числѣ разложеній даннаго числа на сумму четырехъ биквадратовъ и вопросъ о числахъ совершенныхъ.

Подготовивъ лекціями о квадратичныхъ вычетахъ всѣ элементы для изслѣдованія свойствъ биквадратичныхъ вычетовъ, онъ изложилъ эту статью, пользуясь преимущественно методами Лежена-Дирикле.

Кромѣ этого я посѣщалъ лекціи Бертрана о мнимыхъ перемѣнныхъ и изучалъ сочиненіе Moigno о варіаціонномъ исчисленіи.

Парижъ, $\frac{\text{26-го марта}}{\text{7-го апрѣля}}$ 1865 года.

50) Доктора медицины Іосифа Топаза.

(За январь, февраль и мартъ 1865 года).

Съ наступленіемъ второй половины прошлаго зимняго семестра я нѣсколько измѣнилъ характеръ своихъ занятій.

Время, опредѣленное прежде для химическихъ анализовъ, я посвятилъ физіологическимъ экспериментамъ; вмѣсто клиники дѣтскихъ болѣзней Эберта, я сталъ посѣщать такую же клинику Геноха, которая хотя и уступаетъ первой относительно количества матеріала, но за то превосходитъ ее въ научномъ отношеніи. Объясненіе болѣзненныхъ процессовъ и сообразная тому терапія у Геноха болѣе современны, чѣмъ у Эберта.

Остальные предметы, исчисленные мною въ прошломъ отчетѣ, я продолжалъ изучать по прежнему подъ руководствомъ тѣхъ же профессоровъ, о которыхъ я тамъ упомянулъ, измѣнивъ только тему гистологическихъ работъ. До 1865 года, я занимался гистологіею вообще: какъ при нормальномъ, такъ и при патологическомъ микроскопированіи, меня одинаково интересовало и сердце, и печень и uterus etc. Съ января же я сталъ микроскопировать одни только женскія genitalia, и въ особенности uterus et ovaria; при занятіяхъ нормальной гистологіей разсматривалъ преимущественно инъецированные препараты. Я не имѣлъ въ виду при гистологическихъ изслѣдованіяхъ открывать что нибудь новое, довольствуюсь тѣмъ, что успѣлъ посредствомъ личныхъ работъ убѣдиться во многомъ, найденномъ другими, и провѣрить различныя мнѣнія.

Экспериментальныя работы надъ двигательнымъ аппаратомъ матки подвинулись у меня нѣсколько впередъ, но далеко не окончены. До сихъ поръ я работалъ надъ кроликами и собаками, теперь же, по совѣту Вирхова, я повторю всѣ эксперименты въ Вѣнѣ надъ животными, обладающими матками съ больше развитою мускулятурою. Въ Берлинѣ окончательно не было возможности привести это въ исполненіе, по причинѣ неудобствъ тамошней ветеринарной школы; успѣю ли въ томъ въ Вѣнѣ, трудно пока сказать опредѣлительно, надежды во всякомъ случаѣ не теряю.

Относительно клиники внутреннихъ болѣзней я не могъ сдѣлать никакой перемѣны, хотя и слѣдовало бы, по причинѣ болѣзни Траубе и отъѣзда его въ Италію. Да еслибъ онъ и оставался тогда въ Берлинѣ, все-таки я лишенъ былъ бы возможности посѣщать его лекціи, по случаю совпаденія часовъ его клиники съ курсомъ патологической гистологіи Вирхова.

Занимавшись такимъ образомъ въ теченіе цѣлаго зимняго семестра бóльшею частью общими медицинскими науками, я порѣшилъ 10-го марта оставить Берлинъ и переселиться въ Вѣну или въ Прагу, какъ единственныя мѣста, гдѣ можно изучать акушерство съ женскими и дѣтскими болѣзнями; о другихъ германскихъ университетахъ и думать нечего было, — они въ этихъ отрасляхъ медицины нисколько не превосходятъ нашихъ отечественныхъ.

Положимъ, что нѣкоторые изъ нихъ отличаются достойными наставниками въ родѣ Шпигельберга или Сканцони, но у того и другаго ничточный матеріалъ, а для насъ именно матеріалъ то и играетъ главную роль.

Слѣдовательно, осталось только избрать одно изъ двухъ — Вѣну или Прагу. Каждый изъ этихъ двухъ университетовъ для акушера имѣетъ другъ предъ другомъ свои превосходства и недостатки.

Въ пользу Вѣнскаго факультета говоритъ слѣдующее:

1) Здѣсь число родовъ, совершающихся въ одномъ только отдѣленіи, назначенномъ для врачей и студентовъ, простирается до 5,000, и почти столько же бываетъ въ отдѣленіи акушерокъ, тогда какъ въ Прагѣ число родовъ докторской клиники никогда не превышаетъ двухъ тысячъ въ годъ, а въ отдѣленіи акушерокъ встрѣчается еще менѣе.

2) Въ Вѣнѣ, одновременно съ акушерствомъ, можно изучать сыпныя болѣзни подъ руководствомъ профессора Гебры и слушать лекціи знаменитыхъ клиницистовъ Опольцера и Шкода.

Въ защиту Прагскаго университета, разумѣется только относительно акушерства и женскихъ болѣзней но не болѣе, говоритъ:

Во 1-хъ, Прагская генекологическая клиника заключаетъ въ себѣ до пятидесяти больныхъ, тогда какъ въ Вѣнѣ maximum доходитъ до шестнадцати. Это число кроватей, назначенныхъ для генекологическихъ случаевъ, составляетъ обстоятельство не второстепенное.

Во 2-хъ, врачи и студенты, занимающіеся акушерствомъ въ Прагѣ, составляютъ не болѣе трети числа Вѣнскихъ слушателей, слѣдова-

тельно и матеріалъ для наблюденія относительно нисколько не меньше Вѣнскаго.

И наконецъ, въ 3-хъ, устройство самаго заведенія *) и свобода ежедневнаго посѣщенія родильной представляютъ въ Прагѣ врачамъ болѣе возможности и средствъ даже для акушерскихъ занятій, чѣмъ въ Вѣнѣ, гдѣ ежедневно дозволяется весьма ограниченному числу людей (12-ти) практиковать въ родильной **).

Дѣтскія клиники въ обоихъ мѣстахъ превосходны.

И такъ, для спеціалистовъ - акушеровъ Вѣна и Прага имѣютъ почти одинаковую важность; быть акушеромъ безъ точныхъ познаній генекологіи — вещь немыслимая; что всякій образованный акушеръ долженъ быть и хорошимъ терапевтомъ, не требуется доказательствъ.

Сообразивши всѣ вышеизложенные обстоятельства и принявъ во вниманіе осеннее вакаціонное время, которое можно провести съ пользою только въ Прагѣ, и наконецъ то, что я имѣлъ уже случай вполнѣ познакомиться съ Прагскою школою, я призналъ лучшимъ отправиться на лѣтній семестръ въ Вѣну; по дорогѣ я остановился на нѣсколько дней въ Бреславлѣ съ цѣлію осмотрѣть тамошніе анатомическій и патологическій кабинеты, изобилующіе значительнымъ наборомъ неправильныхъ тазовъ и уродствъ, и познакомиться съ тѣми особенностями относительно акушерскихъ операцій, которыя ввелъ тамъ покойный профессоръ Бетшлеръ. 17-го числа сего мѣсяца я прибылъ въ Вѣну, гдѣ думаю остаться до конца лѣтняго семестра. Здѣсь я намѣренъ заниматься до исхода апрѣля, т. е. до начала лекцій, исключительно акушерствомъ; въ это время число посѣтителей по причинѣ вакаціи значительно меньше, слѣдовательно и удобнѣе наблюдать.

Въ теченіе же семестра полагаю посвятить бо̀льшую часть времени акушерству, дѣтскимъ болѣзнямъ и дерматологіи, и нѣсколько часовъ въ сутки удѣлить для терапевтической клиники и экспериментовъ.

Вѣна, 17/29 марта 1865 года.

---

*) Объ этомъ я имѣлъ случай подробно изложить въ первомъ отчетѣ.

**) Этотъ пунктъ для меня не имѣетъ значенія: профессоръ Браунъ разрѣшилъ мнѣ, благодаря содѣйствію Черемака, заниматься во всякое время дня и ночи въ родильной.

51) Кандидата Арнольда Думашевскаго.

И въ теченіе послѣдняго трехмѣсячія занятія мои были почти тѣ же, какъ и въ предшествующіе мѣсяцы: посѣщенія нѣкоторыхъ лекцій, занятія на дому и въ библіотекѣ.

Кромѣ того, меня занимало въ это время обозрѣніе послѣднихъ законодательныхъ работъ въ Германіи по составленію новыхъ уставовъ гражданскаго судопроизводства. Проектовъ такихъ уставовъ въ послѣднее время явилось здѣсь очень много, какъ партикулярныхъ, для отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, такъ и для всей Германіи; для этой послѣдней проектъ устава вырабатывается особою, смѣшанною коммиссіею, засѣдающею въ Ганноверѣ.

Эти законодательные труды въ свою очередь вызвали цѣлую монографическую литературу разборовъ, критикъ и пр.

Познакомиться со всѣмъ этимъ я нахожу крайне полезнымъ, поучительнымъ и интереснымъ по весьма многимъ причинамъ.

Эти труды въ высшей степени поучительны уже какъ произведенія лучшихъ силъ современнаго научнаго юридическаго міра, какъ произведенія многоученой Германіи.

Для русскаго же юриста они имѣютъ еще въ *настоящее время* особенный интересъ, какъ лучшая подготовка для изученія и оцѣнки нашего новаго устава гражданскаго судопроизводства. Мотивы къ этимъ проектамъ и появлявшіеся разборы этихъ послѣднихъ представляютъ крайне поучительную сравнительную критику различныхъ *началъ* судопроизводства. Эта же послѣдняя тѣмъ болѣе интересна и поучительна, что она бо́льшею частію основывается не на фразахъ и общихъ *философствующихъ* соображеніяхъ, а на глубокомъ *положительномъ* знаніи и на сравнительномъ историко-догматическомъ сопоставленіи разныхъ системъ и началъ гражданскаго процесса. Даже *правительственные* мотивы къ этимъ проектамъ носятъ на себѣ болѣе характеръ серьезныхъ *ученыхъ* изслѣдованій, чѣмъ сухой канцелярской, чиновничьей работы. Они мотивируютъ систему и отдѣльныя положенія объясняемыхъ ими проектовъ не одними только законодательными соображеніями, но постоянно опираются и ссылаются на юридическіе авторитеты, на ученые труды, какъ отечественной, такъ и иностранной литературы.

Но если эта критика системъ и началъ гражданскаго судопроизводства составляетъ блестящую сторону сказанныхъ работъ, то

она же составляетъ и тѣневую сторону ихъ, хотя не менѣе поучительную и интересную, какъ предостереженіе, урокъ для другихъ: мотивы и разборы представляютъ интересную и поучительную, но *пристрастную и несправедливую борьбу* началъ французскаго и общенѣмецкаго гражданскихъ процессовъ.

Нѣмцы по сіе время не могутъ простить французамъ, что всѣмъ, что̀ составляетъ теперь гордость и счастіе нѣмецкихъ государствъ въ соціально-правовомъ отношеніи — конституціонныя правительства, равенство предъ закономъ, присяжные, публичность и гласность въ судахъ, отмѣна цензуры, уменьшеніе феодализма и пр., и пр. — что̀ всѣмъ этимъ они обязаны французскому генію.

Мысль же, что и теперь при рѣшеніи практическихъ вопросовъ устройства внутренняго государственнаго управленія и юстиціи вся нѣмецкая ученость оказывается нерѣдко несостоятельною, и Германіи приходится поучиться и позаимствовать у болѣе талантливой и болѣе практической соперницы своей, Франціи, — невыносима и и убійственна для истыхъ нѣмцевъ и дѣлаетъ ихъ крайне пристрастными и несправедливыми при оцѣнкѣ всего французскаго.

А тутъ, какъ бы на зло, почти всѣ появившіеся проекты и даже выработанный ганноверскою коммиссіею проектъ *общенемѣцкаго* гражданскаго судопроизводства суть только болѣе или менѣе удачныя передѣлки *французскаго* гражданскаго процесса.

Это уже слишкомъ: истые нѣмцы находятъ, что «Германіи и германской наукѣ права придется облачиться въ трауръ» *).

Понятно, что при такомъ взглядѣ не можетъ быть и рѣчи о справедливой и безпристрастной оцѣнкѣ ни французскаго гражданскаго судопроизводства, ни проектовъ, выработанныхъ въ Германіи. Эти послѣдніе, ихъ система и начала порицаются и отвергаются бо́льшею частію только потому, что они заимствованы у Франціи.

Спору нѣтъ, что французское гражданское судопроизводство имѣетъ весьма много важныхъ недостатковъ; но эти недостатки суть, такъ сказать, побочные и лежатъ не въ самомъ судопроизводствѣ, а въ *судоустройствѣ*, и именно въ той роли, которую играютъ во французскомъ судоустройствѣ такъ называемые officiers mi-

---

*) A. Leonhardt, Zur Reform des Civilprocesses in Deutschland. Hannover, 1865, стр. 3.

nistériels; но сама система французскаго гражданскаго процесса, если разъ согласиться въ необходимости изустнаго и публичнаго разбирательства гражданскихъ дѣлъ, — по нашему мнѣнію превосходна.

Но нѣмецкимъ критикамъ французскаго процесса и появившихся въ Германіи проектовъ гражданскаго судопроизводства дѣло не въ справедливой оцѣнкѣ этихъ послѣднихъ; ихъ ужасаетъ прежде всего то, что съ введеніемъ этихъ уставовъ «на мѣстѣ *стараго нѣмецкаго* процессуальнаго права явилось *французское*» *); они находятъ, что «нужно будетъ глубоко сожалѣть, если *французское* право вытѣснитъ нѣмецкое, и нѣмецкое правовѣдѣніе подпадетъ подъ исторію и юриспруденцію Франціи» **).

Нѣтъ сомнѣнія, что гораздо лучше, если нація можетъ выработать свои правовыя нормы изъ самой себя, собственными силами; но если этихъ послѣднихъ не хватаетъ, отчего не позанять у другихъ народовъ, болѣе талантливыхъ, болѣе способныхъ? Вѣдь обстоятельство, что римляне при составленіи XII таблицъ позанялись у грековъ, нисколько не повредило величію ихъ національности и не помѣшало имъ изъ этой *занятой песчинки* создать величественное зданіе своего права, сдѣлавшагося просвѣтителемъ всѣхъ будущихъ поколѣній. Право жаль, что нѣмцы, будучи такими глубокими знатоками римской исторіи, забываютъ однакожъ этотъ урокъ ея.

Нужно впрочемъ замѣтить, что появившіеся *правительственные* мотивы къ изданнымъ проектамъ новыхъ уставовъ гражданскаго судопроизводства, гораздо умѣреннѣе въ сужденіяхъ своихъ о французскомъ процессѣ, чѣмъ появившіеся разборы ихъ. Многіе проекты, напр. прусскій, баварскій, прямо заняли французскую систему гражданскаго судопроизводства, сдѣлавъ въ ней тѣ улучшенія и исправленія, которыхъ необходимость давно сознана и въ самой Франціи.

Не распостраняюсь больше объ этихъ проектахъ и о сравненіи ихъ съ французскимъ процессомъ, такъ какъ я имѣю въ виду поговорить объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

---

*) *Flank*, Bemerkungen über den Entwurf einer Processordnung in bürgerlichen Rechtstreitigkeiten für das Königreich Bayern, Krit. Vierteljahrsssch. für Gestezgeb. und Rechteswiss. B. IV, стр. 233.

**) *Leonhardt*, стр. 2.

На лѣто остаюсь въ Берлинѣ. Быть можетъ послѣ я поѣду въ Геттингенъ и Ганноверъ, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ ганноверскимъ процессомъ, замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Берлинъ, 21-го апрѣля 1865 года.

52) Кандидата Мстислава Прахова.

(За февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы 1865 года).

Ходъ и направленіе моихъ занятій извѣстны изъ моихъ прежнихъ отчетовъ. Поэтому могу прямо обратиться къ обозначенію того, на что обращено было мое вниманіе въ означенное время.

Къ прежнимъ, постоянно продолжающимся работамъ присоединились теперь, какъ дополнительныя къ нимъ, слѣдующія, вызванныя преимущественно разработкою Слова о полку Игоревѣ:

1) Разсмотрѣніе группы древне-русскихъ литературныхъ памятниковъ, имѣющихъ предметомъ Куликовскую битву. Извѣстно, что изъ трехъ ихъ видовъ первый, Слово о Задонщинѣ, слѣдуетъ за памятникомъ XII вѣка, какъ за образцомъ, во всемъ строѣ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Я разсмотрѣлъ его до сихъ поръ по изданіямъ Срезневскаго, Ундольскаго и по списку Кириллобѣлозерскаго монастыря XV вѣка. Изъ двухъ остальныхъ видовъ, Сказанія и Повѣсти, послѣдній, перечитанный мною въ лѣтописяхъ: Новгородской, Софійской и Никоновской, представляетъ лишь два—три выраженія, общихъ съ Словомъ о полку, зашли ль они сюда черезъ Слово, пока не могу сказать рѣшительно.

2) Разсмотрѣніе небольшаго памятника, по своимъ выраженіямъ немаловажнаго для Слова, именно «Сказанія о томъ, како устався прозваніе Руси». Изданное въ 1846 году, оно — сколько мнѣ извѣстно — не оставило по себѣ слѣда въ ученой литературѣ: признакъ, что оно было заподозрѣно въ своей подлинности. Не имѣя еще свѣдѣній объ обстоятельствахъ его открытія и о палеографическихъ свойствахъ подлинника, но судя по языку и по внутреннему составу памятника, рѣшаюсь сдѣлать предположеніе, что это есть одна изъ западно-русскихъ литературныхъ попытокъ XVII в. или же конца XVI, въ которой какой-нибудь книжникъ сплавилъ въ своемъ изложеніи содержаніе народныхъ преданій, народныя пѣсни съ тогдашнимъ этимологизированіемъ и почти не отличающеюся отъ

него игрою собственными именами. Думаю, что это подтверждается сравненіемъ со многими изъ памятниковъ XVII столѣтія.

Въ общей части своихъ занятій я обратился къ ознакомленію съ существующимъ состояніемъ синтаксиса и съ новыми попытками научной его обработки. Здѣсь я остановился на трудахъ Карла Гейзе, на отдѣлахъ его грамматики и системы языкознанія (System der Sprachwissenschaft), далѣе на статьяхъ въ Zeitschrift für Völkerpsychologie, и особенно на статьѣ Л. Тоблера «Переходъ между временемъ и наклоненіемъ» (Uebergang zwischen Modus und Tempus) и другихъ.

С.-Петербургъ, 8-го мая 1865 года.

53) Доктора медицины И. Чепихина.

(За три мѣсяца).

Пріѣхавши въ Вѣну, я рѣшился прежде всего познакомиться съ здѣшнимъ клиническимъ преподаваніемъ. Имѣя въ виду свою спеціальность, клиническую медицину, мнѣ необходимо было, въ началѣ своихъ особенныхъ занятій, познакомиться съ современнымъ положеніемъ клинической медицины, съ ея нынѣшними стремленіями, требованіями, направленіемъ, — однимъ словомъ, ознакомиться съ нынѣшней сущностью здѣшняго клиническаго ученія. Вотъ почему первое время моего пребыванія въ Вѣнѣ я посвятилъ на посѣщеніе клиникъ профессоровъ Оппольцера, Шкоды и Духека. Впрочемъ, кромѣ постоянныхъ клиническихъ посѣщеній, въ продолженіи этого времени я занимался изслѣдованіями болѣзней гортани съ ляринго-скопическими и риноскопическими упражненіями, нервной физіологіей съ примѣненіемъ электрическаго ученія и микроскопіей.

Обо всемъ этомъ я намѣренъ ниже поговорить подробнѣе. Начну съ проф. Оппольцера и его клиники.

Проф. Оппольцеръ, директоръ одной изъ здѣшнихъ клиникъ при общей больницѣ (Allgemeines Krankenhaus), какъ клиницистъ принадлежитъ къ замѣчательнымъ личностямъ. Въ наукѣ онъ неизвѣстенъ какъ писатель, но пріобрѣлъ себѣ славу превосходнаго клиническаго преподавателя. Обладая современнымъ и самостоятельнымъ взглядомъ, огромнымъ запасомъ познаній по всѣмъ отраслямъ медицины, самостоятельно критическимъ сужденіемъ и даже такъ на-

зываемымъ «особеннымъ практическимъ тактомъ», онъ дѣйствительно можетъ быть поставленъ въ ряду первыхъ германскихъ клиницистовъ. Но, кромѣ неотъемлемыхъ качествъ ученаго клинициста, проф. Оппольцеръ отличается замѣчательною любовью къ своимъ клиническимъ занятіямъ. Не смотря на свои почти 60 лѣтъ, онъ посѣщаетъ клинику ежедневно, не исключая праздниковъ, и съ одинаковымъ, неизмѣннымъ стараніемъ, можно сказать больше, съ особенною страстью наставляетъ своихъ слушателей.

Клиника проф. Оппольцера состоитъ изъ двухъ отдѣленій — мужескаго и женскаго. Особеннаго распредѣленія больныхъ здѣсь нѣтъ: подъ рядъ лежатъ всевозможные больные. Въ клинику обыкновенно помѣщаются поучительные случаи; среднимъ числомъ больныхъ бываетъ душъ 50. Предъ началомъ визитаціи, проф. Оппольцеръ осматриваетъ амбулянтныхъ больныхъ и тутъ же при болѣе замѣчательныхъ случаяхъ онъ останавливается и, изслѣдуя больнаго, объясняетъ болѣзненныя явленія. Осмотрѣвши приходящихъ, проф. Оппольцеръ переходитъ къ осмотру своихъ клиническихъ больныхъ. При разборѣ случаевъ онъ объясняетъ всѣ болѣзненныя явленія физіологическимъ путемъ, и, примѣнивъ всѣ способы изслѣдованія, неисключая и химическаго, слѣдовательно синтетическимъ способомъ и путемъ исключенія приходитъ къ точному опредѣленію даннаго болѣзненнаго случая и назначенію какъ діететическаго содержанія такъ и врачебныхъ средствъ. Относительно послѣдняго я долженъ замѣтить, что проф. Оппольцеръ не придерживается безусловно индифферентизма въ леченіи. Обыкновенно онъ употребляетъ чрезвычайно мало лекарствъ, не вѣритъ ни въ какія специфическія средства, но признаетъ несомнѣнную пользу нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. хинина, при типическихъ формахъ болѣзней, желѣза, какъ укрѣпляющаго средства, опіума, какъ успокоивающаго, ртути и іода при сифилитическихъ и золотушныхъ страданіяхъ, и др.

Я намѣренъ здѣсь представить нѣсколько болѣе замѣчательныхъ случаевъ болѣзней, встрѣчавшихся въ продолженіе этого времени въ клиникѣ, чтобы имѣть возможность указать на особыя мнѣнія и самостоятельные взгляды проф. Оппольцера.

1) Въ началѣ зимы здѣсь, въ Вѣнѣ, преобладающимъ образомъ появлялась тифозная горячка, и поэтому въ клинику бо́льшею частію поступали больные, пораженные этою болѣзнью. Относительно постояннаго появленія, въ послѣднее время, брюшнаго тифа (Typhus

abdominalis), проф. Оппольцеръ замѣтилъ, что уже нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ не было эпидеміи сыпнаго тифа (Typhus exanthematicus s. petechialis), даже спорадически онъ здѣсь бываетъ чрезвычайно рѣдко, но что онъ чаще эпидемически господствуетъ въ Богеміи и въ Венгріи. Замѣчанія эти, конечно, относятся только къ Австріи; относительно же всеобщаго распространенія этой болѣзни, проф. Оппольцеръ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ на этотъ счетъ въ прекрасномъ сочиненіи проф. Гирша: «Handbuch der historisch-geographischen Pathologie». Проф. Оппольцеръ, принимая главнымъ образомъ двѣ формы тифа — брюшную и сыпную, признаетъ такое соотношеніе между ними, что одна форма — брюшная, защищаетъ отъ другой формы — сыпной, т. е. больной, имѣвшій брюшной тифъ, предохраняется, такъ сказать, отъ полученія сыпнаго тифа. Но на оборотъ этого не бываетъ. Слѣдовательно, по его взгляду, соотношеніе между двумя формами тифа такое же, какое существуетъ между оспами коровьей или предохранительной (Vaccina) и настоящей или человѣческой (Variola). Признавая такое соотношеніе въ тифѣ, проф. Оппольцеръ признаетъ двѣ разновидности тифознаго яда, или того заразительнаго начала, которое зарождаетъ тифъ. Не вдаваясь ни въ какія теоріи относительно заразительнаго начала, проф. Оппольцеръ признаетъ несомнѣннымъ его существованіе, но контагіозную натуру признаетъ только за сыпнымъ тифомъ. Всѣ эти мнѣнія выведены, конечно, изъ многолѣтней опытности, но должно сознаться, что они еще не составляютъ окончательнаго слова, и рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ причина заразительности тифа, должно предоставить будущему времени. Что тифъ заразителенъ, то въ этомъ теперь врачи не сомнѣваются; но отъ чего зависитъ эта заразительность, это вопросъ, на который теперь положительно отвѣчать невозможно.

По мнѣнію проф. Оппольцера, тифъ, развившись однажды, проходитъ извѣстные періоды, и въ этомъ заключается его типичность и сходство съ острыми сыпями. Всѣ попытки пресѣчь въ самомъ началѣ развившійся тифъ, по мнѣнію профессора Оппольцера, остаются тщетными, даже иногда и вредными. Тщетными потому, что, не смотря на употребленныя различныя средства, тифъ все-таки развивается своимъ чередомъ. Вредными же потому, что иногда нарушается правильный, типичный его ходъ, и тѣмъ замедляется процессъ выздоровленія. Ни употребленіе каломеля въ большихъ дозахъ, ни потогонныя, рвотныя или слабительныя, ни крово-

пусканія, по мнѣнію проф. Оппольцера, не только не пресѣкаютъ тифа, но скорѣе могутъ имѣть положительный вредъ тѣмъ, что ослабленіемъ организма нарушается и замедляется ходъ болѣзни или развиваются послѣдствія такихъ ослабляющихъ, энергическихъ леченій, напр. hydraemia, которыя могутъ быть причиной печальнаго исхода. Не зная ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ заразительнаго начала, производящаго тифъ, говоритъ проф. Оппольцеръ, мы не можемъ и не должны дѣйствовать энергическими средствами противъ него, тѣмъ болѣе уже потому, что тифозный больной при однихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ гигіеническихъ такъ и діэтетическихъ, гораздо скорѣе выздоравливаетъ и поправляется, нежели при энергическомъ леченіи. Исходя изъ этого послѣдняго положенія, проф. Оппольцеръ совѣтуетъ слѣдить только за ходомъ болѣзни, за всѣми отправленіями организма, за гигіеной и діэтой больнаго и такимъ образомъ, при правильномъ ходѣ болѣзни, безъ всякихъ фармацевтическихъ средствъ, тифозный больной поправится. Но, предотвращая вредныя вліянія на больнаго и сохраняя его силы болѣе діэтетическими мѣрами, проф. Оппольцеръ обращаетъ вниманіе на опасные симптомы, могущіе присоединиться къ ходу болѣзни; эти только симптомы, о которыхъ подробно говорится въ терапевтическихъ руководствахъ, требуютъ большаго вниманія со стороны врача и употребленія фармацевтическаго леченія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ положенія проф. Оппольцера не отличаются отъ общепринятыхъ, и потому я о нихъ умалчиваю. Вообще, проф. Оппольцеръ, на основаніи клиническихъ фактовъ и практическихъ наблюденій, пришелъ къ тому заключенію, что, при леченіи тифа, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ употреблять сильно дѣйствующихъ средствъ, ни въ началѣ съ цѣлію пресѣченія тифа, ни въ послѣдствіи съ цѣлью скорѣйшаго прекращенія болѣзни, если только нѣтъ никакихъ опасныхъ явленій, требующихъ симптоматическаго леченія.

На сколько взгляды проф. Оппольцера относительно тифа отличаются отъ взглядовъ другихъ знаменитыхъ клиницистовъ, объ этомъ впослѣдствіи поговорю подробнѣе.

2) При одномъ случаѣ воспаленія легкихъ, проф. Оппольцеръ высказалъ свое мнѣніе относительно хода воспаленія вообще. Касательно сущности воспалительнаго процесса, то, въ этомъ отношеніи, онъ придерживается взглядовъ Вирхова, но касательно самаго хода воспаленія, онъ признаетъ большую разницу въ воспаленіяхъ, происшедшихъ отъ механическихъ (травматическихъ) при-

чинъ, и воспаленіяхъ самостоятельныхъ. Эти послѣднія формы (самостоятельныя, такъ называемыя генуинныя формы) онъ считаетъ происходящими вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній, слѣдовательно вслѣдствіе неизвѣстно дѣйствующей причины, и принимаетъ, что такія только формы воспаленія имѣютъ особенный циклическій ходъ, подобно тифу и всѣмъ острымъ сыпямъ. Во всѣхъ генуинныхъ формахъ воспаленій проф. Оппольцеръ считаетъ необходимымъ принимать особенный составъ крови, хотя химія, какъ извѣстно, до сихъ поръ не нашла еще особенныхъ въ ней измѣненій. Но такъ какъ эти воспаленія обыкновенно съ самаго начала болѣзни сопровождаются сильными лихорадочными состояніями, то проф. Оппольцеръ, принимая въ этихъ послѣднихъ случаяхъ увеличеніе продуктовъ разложенія въ крови, признаетъ въ ней уже ненормальный составъ. По мнѣнію проф. Оппольцера, слѣдовательно, особенная типичность и особенный циклическій ходъ отличаютъ самостоятельныя воспаленія отъ травматическихъ. Что самостоятельныя воспаленія различныхъ паренхиматозныхъ и наружныхъ органовъ бо̀льшею частью господствуютъ эпидемически и что нѣкоторыя эпидеміи иногда распространяются на огромныя пространства, то въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ сочиненіи Гирша. Я здѣсь долженъ замѣтить, что вышеприведенные взгляды проф. Оппольцера относятся только къ клиническому различію хода воспаленій вообще, и другой разницы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, никакой нельзя найти. Что же касается предположенія увеличеннаго накопленія продуктовъ разложенія въ крови при самостоятельныхъ воспаленіяхъ, то это мнѣніе основано на предположеніи увеличеннаго процесса разложенія въ крови вообще въ лихорадочномъ состояніи, что впрочемъ положительно высказывается многими клиницистами, особенно въ последнее время проф. Либермайстеромъ.

3) Въ этомъ году въ клиникѣ проф. Оппольцера было нѣсколько больныхъ съ сахарнымъ мочеизнуреніемъ (diabetus mellitus). Болѣзнь эта по своей загадочности и относительной рѣдкости заслуживаетъ быть упомянутой. Характеризируясь увеличеннымъ отдѣленіемъ мочи, по большей части, съ огромнымъ количествомъ сахара, болѣзнь эта не имѣетъ другихъ особенныхъ діагностическихъ данныхъ, и страждущіе ею отличаются только чрезвычайною слабостью, худобою тѣла и мучатся сильнѣйшею жаждою и неутолимымъ голодомъ. Не вдаваясь ни въ какія теоріи, придуманныя для объясненія этой бо-

лѣзни, проф. Оппольцеръ говоритъ, что нынѣшняя физіологія не объясняетъ еще этого загадочнаго процесса и что неудачные способы леченія прямо указываютъ на несостоятельность различныхъ теоретическихъ воззрѣній. Онъ полагаетъ впрочемъ, что въ этой болѣзни играетъ важную роль страданіе нервной системы, но только въ чемъ заключается это страданіе, первоначальное ли оно или вторичное, это еще такіе вопросы, на которые наука, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не даетъ положительныхъ отвѣтовъ. Мнѣніе впрочемъ относительно нервнаго страданія въ этой болѣзни тоже не ново: оно впервые было высказано Claude Bernard'омъ.

Относительно леченія, проф. Оппольцеръ обращаетъ вниманіе на два главнѣйшихъ симптома этой болѣзни, на сильный голодъ и мучительную жажду. Въ первомъ случаѣ старается удовлетворять больнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать его общія силы легкой, но питательной, мясной пищей, во второмъ случаѣ—для уменьшенія жажды, совѣтуетъ пробовать еще Франкомъ рекомендованное средство, именно Sal Prunellae, тѣмъ болѣе, что это средство, по наблюденіямъ проф. Оппольцера, иногда дѣйствительно оказывалось полезнымъ: при употребленіи этого средства жажда иногда значительно ослабѣвала. Кромѣ этого средства, проф. Оппольцеръ для этой же самой цѣли съ пользою иногда употребляетъ таннинъ. Желая дѣйствовать на нервы, проф. Оппольцеръ употребляетъ электричество, постоянный токъ; но до сихъ поръ особенной пользы отъ этого средства онъ не наблюдалъ.

Что касается употребленія, при этой болѣзни, бензойнокислаго натра, который два года тому назадъ былъ рекомендованъ проф. Оппольцеромъ, то въ настоящее время средство это оставлено. Бензойнокислый натръ не удовлетворилъ тогдашнимъ ожиданіямъ, и всѣ теоріи, на основаніи которыхъ въ то время начали употреблять это средство, оказались несостоятельными. Впрочемъ за этимъ средствомъ остается то преимущество, что во время употребленія его у больнаго уменьшается отдѣленіе сахара.

4) Изъ разряда нервныхъ болѣзней, бывшихъ въ это время въ клиникѣ, упомяну о судоргахъ въ мышцахъ верхнихъ конечностей, встрѣчающихся особенно часто у различныхъ мастеровыхъ. Судорги, особенно верхнихъ конечностей, по наблюденію проф. Оппольцера, чаще всего встрѣчаются у сапожниковъ, портныхъ, но только у молодыхъ подмастерьевъ. Судорги эти чрезвычайно похожи на такъ называемыя судорги писцовъ, но отличаются отъ этихъ послѣднихъ

тѣмъ, что судорги являются почти постоянно съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками и не вызываются произвольно при извѣстныхъ комбинированныхъ движеніяхъ, какъ это бываетъ при судоргахъ писцовъ. Проф. Оппольцеръ замѣчаетъ, что судорги у молодыхъ подмастерьевъ встрѣчаются при слишкомъ усиленныхъ трудахъ и почти никогда не бываютъ во время самыхъ занятій, но обыкновенно въ то время, когда послѣ усиленныхъ работъ вдругъ наступаетъ покой: большею частію поэтому несчастные подмастерья заболѣваютъ только, послѣ 6-тидневнаго труда, въ субботу вечеромъ. Усиленная, напряженная работа, заставляя постоянно направлять волю на координированныя дѣйствія верхнихъ конечностей, производитъ цѣлесообразныя движенія ихъ и не дозволяетъ на нѣкоторое время развиться непроизвольнымъ сокращеніямъ или судоргамъ; но когда вліяніе воли на мышечныя дѣйствія ослабляется, то чувствительные нервы, раздраженные усиленной работой, рефлексомъ вызываютъ судорги въ мышцахъ. Этимъ, можетъ быть, возможно объяснить появленіе судорогъ у подмастерьевъ въ свободное отъ занятій время; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что на такихъ больныхъ превосходнымъ образомъ дѣйствуетъ безусловный покой и, укрѣпляющій чувствительные нервы, холодъ, употребляемый въ клиникѣ проф. Оппольцера въ видѣ холодныхъ компрессовъ.

5) Сѣдалищную боль (Ischias), случаевъ которой въ послѣднее время въ клиникѣ было довольно много, проф. Оппольцеръ считаетъ всегда периферическимъ явленіемъ и подтверждаетъ тотъ фактъ, что боли обнаруживаются не только въ периферическомъ распространеніи нерва, но и во многихъ мѣстахъ по его теченію. Однако онъ не согласенъ вполнѣ съ мнѣніемъ д-ра Valleix'а, опредѣлившимъ извѣстныя болѣзненныя мѣста, и считаетъ эти мѣстности совершенно непостоянными. Сообразно своимъ взглядамъ, проф. Оппольцеръ употребляетъ слѣдующее леченіе: холодныя примочки, наружныя отвлеченія, кровавые рожки, піявки, втиранія кротоноваго масла для произведенія сыпи, подкожныя впрыскиванія успокоивающихъ средствъ. При хроническихъ формахъ совѣтуетъ употреблять постоянный электрическій токъ.

Теперь перехожу къ клиникѣ д-ра Духека, проф. медико-хирургической академіи, гдѣ я исключительно занимался грудными болѣзнями. Огромный клиническій матеріалъ и заслуженная извѣстность проф. Духека, какъ специалиста по груднымъ болѣзнямъ, руководили моимъ выборомъ. Въ клиникѣ проф. Духека, состоящей

изъ двухъ отдѣленій, мужскаго и женскаго, помѣщается до 80 больныхъ съ разнообразными болѣзнями. Такое разнообразіе матеріала и руководство опытнаго спеціалиста дѣлаютъ клинику проф. Духека чрезвычайно назидательною. Кромѣ практическихъ занятій при постелѣ больныхъ, у проф. Духека я слушалъ теоретическое изложеніе аускультаціи и перкуссіи. Основательное знаніе своего дѣла, ясность изложенія, критическая разработка мнѣній другихъ авторовъ по этому предмету, особенно проф. Шкоды, разносторонность взгляда характеризуютъ изложеніе проф. Духека. Отдавая полную справедливость здѣшнему преобразователю аускультаціи и перкуссіи, проф. Духекъ указываетъ также и на его недостатки. Въ примѣръ можно взять перкуссію, а именно теорію образованія звука при постукиваніи. Проф. Шкода до сихъ поръ придерживается мнѣнія, что звукъ при постукиваніи исключительно образуется органомъ (т. е. сотрясеніемъ его частицъ), лежащимъ внутри выстукиваемой полости. Проф. Духекъ, на основаніи своихъ наблюденій и опытовъ другихъ ученыхъ, между прочими кіевскаго проф. Мацона, признаетъ мнѣніе проф. Шкоды ложнымъ и полагаетъ, что звукъ при постукиваніи равнымъ образомъ происходитъ отъ стѣнокъ окружающихъ извѣстную полость и отъ органа въ ней лежащаго вмѣстѣ и что отъ измѣненія этихъ частей и звукъ долженъ измѣняться.

Въ это время въ клиникѣ проф. Духека было очень много грудныхъ больныхъ, и бо́льшая доля приходилась на разные случаи страданія легкихъ, меньшая на страданія сердца и сосудовъ. Разбирая одинъ случай бугорчатки легкихъ, проф. Духекъ замѣтилъ фактъ и показывалъ много случаевъ въ подтвержденіе его, что бугорчатый процессъ можетъ развиваться на серозныхъ оболочкахъ первоначально (первично) и, развиваясь большею частію хронически, ведетъ къ обильнымъ выпотѣніямъ. Такимъ образомъ проф. Духекъ, на основаніи своихъ наблюденій, принимаетъ первичное туберкулезное пораженіе грудной плевры (Pleuritis tuberculosa), съ обильнымъ эксудатомъ, туберкулезное пораженіе брюшины съ водянкой живота, но никогда не наблюдалъ первичнаго туберкулезнаго страданія сердечной сумки.

Вообще о проф. Духекѣ можно сказать, что онъ принадлежитъ къ очень дѣятельнымъ здѣшнимъ ученымъ, очень много занимается по клиникѣ и въ настоящее время много работаетъ надъ мочею тифозныхъ больныхъ съ цѣлію опредѣленія въ ней амміака. Кромѣ

разныхъ статей, помѣщаемыхъ въ здѣшнихъ медицинскихъ газетахъ, проф. Духекъ въ настоящее время издаетъ курсъ частной патологіи и терапіи (Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie).

О клиникѣ проф. Шкоды я долженъ сказать, что она устроена на образецъ клиники проф. Оппольцера; но на общее клиническое образованіе, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, она, мнѣ кажется, не имѣетъ такого вліянія, какъ послѣдняя. Клиника эта посѣщается по обязанности студентами послѣдняго курса; иностранные же и иногородные врачи отдаютъ предпочтеніе клиникѣ проф. Оппольцера. Проф. Шкода, обладая огромнымъ запасомъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ, будучи признанъ по всей справедливости дѣльнымъ ученымъ и извѣстнымъ въ наукѣ, какъ преобразователь теоріи аускультаціи и перкуссіи, у себя въ клиникѣ не всегда любитъ, такъ сказать, высказываться; говоритъ бо̀льшею частію отрывисто, мало, въ леченіи придерживается, большею частью, почти абсолютнаго нигилизма; вотъ причины, заставляющія многихъ предпочитать клинику проф. Оппольцера. Но надо отдать полную справедливость проф. Шкодѣ въ его особенныхъ лекціяхъ. Въ этихъ клиническихъ лекціяхъ онъ является въ полномъ смыслѣ ораторомъ и увлекаетъ своихъ слушателей даромъ слова и глубокими познаніями. Что касается его спеціальности, то я здѣсь объ этомъ ничего не скажу: всему медицинскому міру извѣстны его взгляды въ теоріи аускультаціи и перкуссіи. Въ прошломъ году вышло новое изданіе его сочиненія: «Abhandlung über die Percussion und Auscultation». 6. Aufl. Wien. 1864.

Кромѣ постоянныхъ клиническихъ занятій, я, частнымъ образомъ, у проф. Тюрка изучалъ болѣзни гортанной и носовой полостей съ примѣненіемъ зеркала при изслѣдованіи этихъ частей.

Проф. Тюркъ, въ прежнее время много занимавшійся нервными болѣзнями и нервной физіологіей, лѣтъ 8 тому назадъ началъ исключительно изучать болѣзни гортани и примѣненіе зеркала къ изслѣдованію оныхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ очень много сдѣлалъ для пользы науки: онъ первый здѣсь, съ 1857 года, началъ примѣнять къ практикѣ изслѣдованія Garcia и ввелъ въ употребленіе свое гортанное зеркало. Въ настоящее время проф. Тюркъ завѣдываетъ здѣсь (въ общей больницѣ) отдѣленіемъ, гдѣ помѣщаются исключительно больные съ различными страданіями гортани. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ занимается съ своими слушателями у себя въ отдѣленіи. Всегда добросовѣстно и усердно

разбираетъ болѣзненные случаи и при различныхъ изслѣдованіяхъ гортани учитъ владѣть гортаннымъ зеркаломъ. При своихъ ляринго-риноскопическихъ изслѣдованіяхъ, теперь проф. Тюркъ употребляетъ круглыя или овальныя гортанныя зеркала: для освѣщенія же гортани служитъ простая лампа и вогнутое или гладкое зеркало, величиною въ $9\frac{1}{2}''$, съ маленькимъ посреди отверстіемъ. Лампа обыкновенно ставится позади головы больнаго, возлѣ праваго уха, зеркало же помѣщается спереди, такимъ образомъ, чтобы собираемые имъ лучи свѣта прямо падали въ ротъ и освѣщали бы заднюю полость его. Подробное устройство зеркала и механизмъ его примѣненія подробно описаны въ сочиненіи д-ра Тюрка: «Praktische Anleitung zur Laringoscopie». Я только упомяну здѣсь, что методъ его простъ, удобопримѣнимъ и вполнѣ удовлетворяетъ практической цѣли.

По нервной физіологіи и примѣненію электрическаго ученія къ ней я долженъ былъ довольствоваться частными лекціями здѣшняго спеціалиста по этой части, доцента д-ра Бенедикта, тѣмъ болѣе, что въ это время проф. физіологіи Брюке оканчивалъ свои лекціи о пищевареніи, второй же здѣшній физіологъ проф. Людвигъ, принявъ приглашеніе Лейпцигскаго университета, отсюда давно выѣхалъ. Занятія мои у доцента Бенедикта не могли быть чисто экспериментальнаго свойства по трудности въ это время года имѣть лягушекъ для опытовъ. Почему бо̀льшею частію надо было ограничиваться теоретическими указаніями. Надо отдать справедливость, д-ръ Бенедиктъ основательно знакомъ со своею спеціальностью, но только смотритъ на нее съ болѣе практической стороны и въ этомъ отношеніи онъ болѣе электротерапевтъ практикъ. Основательно изучивъ нынѣшнее состояніе ученія нервной электро-физіологіи, онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старается практически примѣнять свою спеціальность, и въ этомъ отношеніи нельзя не упрекнуть его въ излишнемъ примѣненіи и употребленіи электричества почти во всѣхъ хроническихъ болѣзняхъ, особенно, впрочемъ, нервныхъ. Не могу не упомянуть объ особенномъ примѣненіи имъ электричества при такъ называемой прогрессивной мышечной атрофіи (Atrophia muscularis progressiva) и спинной сухоткѣ (Tabes dorsalis). Прогрессивная мышечная атрофія принадлежитъ, какъ извѣстно, еще къ довольно загадочнымъ явленіямъ. До сихъ поръ еще положительно не рѣшено, въ чемъ заключается сущность этой болѣзни. Одни (проф. Aran, Duchenne, Mayer, Oppenheimer, Hasse) считаютъ эту

болѣзнь первоначальнымъ страданіемъ мышцъ, другіе (Cruveilhier, Valentiner, Leubuscher, Remak и др.) — первоначальнымъ заболѣваніемъ спиннаго мозга. Д-ръ Бенедиктъ придерживается большинства фактовъ, говорящихъ въ пользу того мнѣнія, что явленіе это принадлежитъ къ первоначальному страданію спиннаго мозга и что только вторично развивается регрессивный процессъ (ожиреніе) въ мышцахъ, медленно и постепенно ихъ уничтожающій, и на этомъ основаніи употребляетъ электричество. Во время употребленія постояннаго тока д-ръ Бенедиктъ замѣчалъ ту пользу, что паралитическія явленія въ мышцахъ останавливались, но что чрезъ нѣкоторое время, послѣ прекращенія употребленія электричества, страданіе опять развивалось. Впрочемъ д-ръ Бенедиктъ имѣетъ нѣсколько случаевъ полнаго излеченія этой болѣзни, при чемъ, по увѣренію его, послѣдовало полное возстановленіе здоровья. Что же касается примѣненія электричества при спинной сухоткѣ, то здѣсь д-ръ Бенедиктъ, на основаніи опытовъ Harless'а, считая эту болѣзнь первоначальнымъ страданіемъ чувствительныхъ спинныхъ нервовъ, при которомъ только послѣдовательно развивается перерожденіе сѣраго вещества мозга, употребляетъ тоже постоянный токъ и также упоминаетъ о нѣсколькихъ случаяхъ полнаго излеченія этой болѣзни. Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, д-ръ Бенедиктъ очень часто примѣняетъ электричество, и нѣтъ, кажется, ни одной хронической нервной болѣзни, при которой бы онъ не употреблялъ постояннаго или прерывистаго тока, конечно съ весьма различными результатами.

Что касается микроскопическихъ занятій съ патолого-анатомическими изслѣдованіями, то я имѣлъ случай этимъ воспользоваться въ здѣшнемъ анатомо-патологическомъ институтѣ при госпиталѣ Рудольфа, подъ руководствомъ д-ра Клоба, бывшаго профессора въ Зальцбургѣ. Докторъ Клобъ, давно занимаясь патологической анатоміей, извѣстенъ въ наукѣ по нѣкоторымъ дѣльнымъ работамъ. Постоянныя его занятія выработали въ немъ довольно самостоятельный взглядъ; по крайней мѣрѣ онъ не придерживается исключительныхъ школъ Рокитанскаго или Вирхова, но, разбирая и оцѣнивая ихъ взгляды и не забывая объ изслѣдованіяхъ другихъ патологовъ, старается всегда высказать свое критическое мнѣніе. Имѣя въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ, доставляемый огромнымъ госпиталемъ Рудольфа (недавно открытымъ), д-ръ Клобъ почти ежедневно занимается анатомо-патологическими вскрытіями и микро-

скопическими изслѣдованіями. При такомъ обиліи матеріала, здѣсь въ короткое время можно наблюдать самые разнообразнѣйшіе случаи, и, при руководствѣ дѣльнаго спеціалиста, такія изслѣдованія могутъ принести большую пользу. При моихъ занятіяхъ я больше всего обращалъ вниманія на микроскопическія изслѣдованія, и такъ какъ они составляли главную цѣль моихъ работъ въ этомъ институтѣ, то для нихъ я посвящалъ очень много времени.

54) Доктора медицины Дыбковскаго.

Весь триместръ, съ 1-го января по 1-е апрѣля текущаго года, я провелъ въ Тюбингенѣ, гдѣ располагаю остаться и на лѣто. Занятія мои въ теченіе всѣхъ этихъ трехъ мѣсяцевъ состояли въ посѣщеніи лекцій органической химіи проф. Гоппе (5 часовъ въ недѣлю) и въ практическихъ занятіяхъ въ его лабораторіи. Лекціи физіологіи проф. Фирордта я не слушалъ, потому что посѣщеніе ихъ отняло бы у меня возможность заниматься въ лабораторіи въ послѣобѣденное время.

Практическія занятія по химіи состояли по преимуществу въ изслѣдованіи крови. Изученіе крови составляетъ предметъ первой необходимости въ физіологической химіи и я считаю особенно удачнымъ выборъ, для моихъ занятій кровью, Тюбингена, гдѣ могу работать подъ руководствомъ профессора, который своими изслѣдованіями пролилъ такъ много свѣта на ученіе объ этой важнѣйшей въ животной экономіи жидкости. Изслѣдованія крови въ томъ отношеніи еще полезны, что они, соприкасаясь съ различными частями физіологической химіи, даютъ возможность практически познакомиться съ различными методами. Ближайшимъ предметомъ моей работы есть изученіе красящаго начала крови — гемоглобина. Хотя я и получилъ нѣкоторые результаты, но еще далекъ отъ окончанія моей работы, а потому ниже изложенное представляетъ не окончательный выводъ моихъ изслѣдованій, а только весьма вѣроятныя предположенія, которыя тогда лишь получатъ полную достовѣрность, когда будетъ произведено бо́льшее число наблюденій.

Красящее начало крови (Hæmoglobin, Hæmatocrystallin, Hæmatoglobulin) составляетъ главную часть массы кровяныхъ шариковъ, сохраняетъ многія ихъ свойства и, представляя химически чистое тѣло въ кристаллическомъ видѣ, даетъ такимъ образомъ возможность изучить свойства самихъ кровяныхъ шариковъ. Гемоглобинъ

вовсе не есть продуктъ распаденія кровяныхъ шариковъ, какъ думаетъ Бетхеръ*), предлагающій даже для его приготовленія употреблять хлороформъ, какъ средство, которое, озонируя кислородъ атмосфернаго воздуха, способствуетъ скорѣйшему разложенію крови. Нѣтъ, гемоглобинъ, если можно такъ выразиться, есть тотъ же кровяной шарикъ **) только лишенный оболочки и кристаллизованный. Конечно, существуетъ громадная разница между содержимымъ кровянаго шарика въ живомъ тѣлѣ и красящимъ началомъ крови, въ томъ отношеніи, что первое представляетъ тѣло, постоянно измѣняющееся химически вслѣдствіе питанія, а послѣднее представляетъ тѣло, обладающее относительною прочностью своего состава.

Существуютъ два главныхъ метода для изолированія красящаго начала крови: кристаллизація и осажденіе кровяныхъ шариковъ помощью нейтральныхъ солей (поваренной соли, сѣрнокислаго натра, сѣрнокислой магнезіи). Лучшій способъ есть конечно кристаллизація; но, къ сожалѣнію, кровь не всѣхъ животныхъ способна къ ней: такъ нѣтъ методовъ для образованія кристалловъ гемоглобина изъ крови человѣка и вола. Я приготовлялъ кристаллы изъ крови собаки, кошки***), гуся и мыши. Для полученія гемоглобина изъ воловьей крови ее дефибринируютъ и разводятъ 4 частями раствора какой нибудь соли (напр. 1 ч. вполнѣ насыщеннаго раствора поваренной соли на 9 частей воды). По истеченіи двухъ, трехъ дней жидкость раздѣляется на три слоя: верхній совершенно прозрачный, не заключающій въ себѣ почти вовсе кровяныхъ шариковъ, средній, содержащій ихъ in suspensione и наконецъ низшій весьма тонкій слой, состоящій изъ осѣвшихъ кровяныхъ шариковъ. Сливши осторожно верхній слой, отсѣдъ наливаютъ новымъ количествомъ раствора соли и всю операцію повторяютъ два или три раза; послѣ чего отсѣдъ растворяютъ въ дистилированной водѣ. Для приготовленія кристалловъ гемоглобина (напр. изъ собачей крови) кровь дефибринируютъ въ то время, когда она еще вытекаетъ изъ сосуда, разводятъ равнымъ или же немного бо̀льшимъ количествомъ перегнанной воды, прибавляютъ небольшое количество эѳира и

*) Ueber die Wirkung des Chloroforms auf das Blut. Virchow's Archiv. Bd. XXXII S. 126. 1865.

**) Hoppe-Seyler. Ueber die chemischen und optischen Eigenschaften des Blutfarbstoffs. Virchow's Archiv Bd. XXIX S. 233.

***) Въ одномъ случаѣ я получилъ весьма красивые древовидные кристаллы изъ крови кошки, отравленной синильною кислотою.

фильтруютъ. Профильтрованный растворъ крови, смѣшавъ съ $1/4$ ч. обыкновеннаго алкоголя, оставляютъ для кристаллизаціи при 0^0 или ниже. Полученные кристаллы собираютъ на фильтрѣ и, не отдѣляя ихъ отъ нея, высушиваютъ между листами пропускной бумаги; ихъ можно перекристаллизовывать нѣсколько разъ, стоитъ только, растворивъ въ возможно меньшемъ количествѣ воды при температурѣ $25—30^0$, поставить въ холодное мѣсто.

Свойства кристаллическаго гемоглобина, сходно съ описаніемъ ихъ въ послѣднемъ изданіи руководства къ животному анализу проф. Гоппе *), слѣдующія: гемоглобинъ кристаллизуется тетраэдрами, кристаллы плеохроматичны, въ одномъ направленіи голубовато-краснаго, а въ другомъ кармазинно-краснаго цвѣта, содержатъ много кристаллической воды; образовавшіеся при доступѣ воздуха содержатъ слабо связанный кислородъ, который теряютъ въ пустомъ пространствѣ и при нагрѣваніи; трудно растворимы въ холодной водѣ (2% при 5^0), легче въ теплой. Растворъ имѣетъ красивый кровяной цвѣтъ. Высушенный при 0^0 гемоглобинъ можно сохранять и нагрѣвать до 100^0 безъ разложенія; но малѣйшее количество воды способствуетъ его разложенію.

При изслѣдованіи гемоглобина меня интересовали слѣдующіе вопросы:

1) Изученіе продуктовъ его распаденія. Не говоря уже о томъ, что изученіе продуктовъ распаденія какого бы то ни было химическаго тѣла можетъ нѣкоторымъ образомъ способствовать къ объясненію химической натуры самаго тѣла, я думаю, что эта работа можетъ представить нѣкоторыя данныя для изученія питанія животнаго тѣла вообще.

2) Изученіе свойствъ и продуктовъ распаденія гемоглобина окиси угля (Kohlenoxydhaemoglobin).

3) Опредѣленіе количества кислорода, слабо связаннаго съ гемоглобиномъ, и коэффиціента абсорпціи раствора его для окиси угля.

1. Проф. Гоппе **), изслѣдуя продукты распаденія гемоглобина, нашелъ муравейную и масляную кислоты, не летучую сильно красящую лакмусъ кислоту, которая во всякомъ случаѣ не была молочною, судя по кристаллизаціи цинковой соли ея, и еще какое-то

*) Anleitung zur pathol.-chem. Analyse. II Aufl. Berlin, 1865.
**) Centralblatt für die medic. Wiss. 1865, № 5.

азотистое тѣло, натуру котораго, по недостаточности матеріала, онъ не могъ опредѣлить. Онъ предложилъ мнѣ продолжать начатую имъ работу. Чтобы имѣть по возможности болѣе матеріала, я для первоначальныхъ опытовъ употребилъ воловью кровь. Приготовивъ по описанному выше способу растворъ гемоглобина и разведя его на половину водою, я свернулъ его на водяной банѣ, и профильтровалъ полученную кашицеобразную массу. Фильтратъ, нѣсколько еще мутный, нагрѣтъ вторично до точки кипѣнія, процѣженъ и подвергнутъ перегонкѣ. Дестиллатъ, насыщенный ѣдкимъ натромъ до ясной щелочной реакціи, выпаренъ до-суха; остатокъ извлеченъ безводнымъ алкоголемъ, подвергнутъ вліянію углекислоты для отдѣленія избытка ѣдкаго натра, профильтрованъ для удаленія углекислаго натра и выпаренъ на водяной банѣ до-суха. Такимъ образомъ получалась смѣсь натровыхъ солей летучихъ жирныхъ кислотъ формулы $Є_nH_{2n}Ө_2$. Присутствіе муравейной кислоты, по раствореніи смѣси въ небольшемъ количествѣ воды, оказалось яснымъ по реакціи съ окисью ртути: при подогрѣваніи раствора, подкисленннаго нѣсколькими каплями разведенной сѣрной кислоты, появился кристаллическій осадокъ муравейно-кислой закиси ртути и стали развиваться пузырьки газа углекислоты. Когда реакція окончилась, т. е. по совершенномъ разложеніи муравейной кислоты, прибавлена въ избыткѣ сѣрная кислота, при чемъ образовался осадокъ высшихъ гомологовъ, нерастворимыхъ въ водѣ (пальметиновая, стеариновыя кислоты?), а низшіе остались въ растворѣ. Смѣсь профильтрована; фильтратъ, заключающій въ себѣ избытокъ сѣрной кислоты, сѣрнокислый натръ и низшіе гомологи, насыщенъ углекислымъ натромъ, профильтрованъ для отдѣленія углекислой ртути, выпаренъ до-суха; остатокъ извлеченъ алкоголемъ, и алкогольный экстрактъ выпаренъ. Осадокъ летучихъ жирныхъ кислотъ, нерастворимыхъ въ водѣ, оставшійся на фильтрѣ, промытъ водою, растворенъ въ эѳирѣ и выпаренъ. Количество собраннаго матеріала еще недостаточно для опредѣленія вида каждой отдѣльной кислоты. Въ дистиллатѣ, кромѣ того, найдено одно летучее безазотистое тѣло, которое было захвачено углекислымъ натромъ при осажденіи его изъ спиртнаго раствора во время пропусканія струи углекислоты. При разложеніи раствора осадка сѣрною кислотою я получилъ клочковатое тѣло, нерастворимое въ водѣ и холодномъ спиртѣ, но растворимое въ кипячемъ и въ эѳирѣ.

Изслѣдованія сыропообразной, бураго цвѣта, кислой реакціи жид-

кости, оставшейся въ ретортѣ, представило нѣсколько интересныхъ данныхъ. Остатокъ въ ретортѣ, выпаренный до-суха, извлеченъ для удаленія поваренной соли (употребленной для осажденія кровяныхъ шариковъ) спиртомъ; спиртный экстрактъ сгущенъ на водяной банѣ (при выпариваніи ясно былъ слышенъ характерный запахъ жаренаго мяса — инозиновая кислота?). Въ сгущенномъ экстрактѣ образовались послѣ двухъ недѣль кристаллы *креатина*. Остатокъ, нерастворимый въ спиртѣ, растворенъ въ водѣ; въ этомъ растворѣ тоже находится какое-то азотистое тѣло, но изолированіе его отъ огромнаго количества поваренной соли, оказалось весьма труднымъ. Изъ части, нерастворимой ни въ водѣ, ни въ спиртѣ, сдѣланъ экстрактъ соляною кислотою, который былъ выпаренъ, обработанъ амміакомъ и промытъ водою, пока она не перестала мутиться съ азотнокислымъ серебромъ. Такимъ образомъ получилось тѣло не кристаллическое, слегка окрашенное бурымъ цвѣтомъ, труднорастворимое въ водѣ, нерастворимое въ алкоголѣ, растворимое въ амміакѣ, соляной и азотной кислотѣ; при выпариваніи послѣдняго раствора получился желтый остатокъ; растворъ въ азотной кислотѣ съ азотнокислымъ серебромъ далъ мелкокристаллическій осадокъ, растворяющійся въ избыткѣ кислоты и при нагрѣваніи и опятъ появляющійся послѣ охлажденія. Аммоніакальный растворъ этого вещества съ азотистымъ серебромъ тоже далъ гелятинозный осадокъ, нерастворимый въ избыткѣ амміака. Всѣ эти реакціи, вмѣстѣ взятыя, даютъ право предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ *саркиномъ* или *ксантиномъ*, а вѣроятнѣе всего съ смѣсью этихъ двухъ веществъ. Положительное заключеніе о натурѣ полученныхъ тѣлъ я отлагаю до того времени, когда будетъ приготовленъ матеріалъ въ достаточномъ количествѣ. Чтобы избѣжать всякаго сомнѣнія въ томъ, что я имѣю дѣло съ экстрактивными частями крови, а не съ продуктами распаденія чистаго гемоглобина, я для слѣдующихъ опытовъ буду употреблять кристаллы гемоглобина изъ собачьей крови.

При изслѣдованіи продуктовъ распаденія гемоглобина весьма интересно было прослѣдить, какое вліяніе имѣетъ на количество образующихся жирныхъ кислотъ насыщеніе раствора его газами, именно кислородомъ и углекислотою. Съ этою цѣлію растворъ кристалловъ гемоглобина раздѣленъ на двѣ равныя части: одна, насыщенная кислородомъ посредствомъ взбалтыванія съ воздухомъ, а другая — углекислотою. Обѣ части нагрѣты до свертыванія. Разница оказалась уже при свертываніи гемоглобина, именно растворъ,

насыщенный углекислотою, свернулся гораздо легче, и фильтратъ былъ совершенно прозраченъ. Растворъ, насыщенный кислородомъ, разлагался труднѣе (для полнаго свертыванія пришлось нагрѣвать его на песчаной банѣ), фильтратъ былъ нѣсколько мутенъ съ красноватымъ оттѣнкомъ. Оба фильтрата перегнаны, насыщены ѣдкимъ баритомъ, потомъ углекислотою, выкипячены, профильтрованы для отдѣленія углекислаго барита; фильтраты выпарены, высушены въ воздушной банѣ и взвѣшены. Оказалось, что растворъ, насыщенный кислородомъ, далъ въ полтора раза болѣе жирнокислыхъ солей барита, чѣмъ насыщенный углекислотою.

2. Если чрезъ растворъ гемоглобина въ водѣ проводить струю окиси угля до совершеннаго насыщенія, прибавить $^1/_4$ ч. алкоголя и оставить при 0^0 или даже при нѣсколько высшей температурѣ, то образуются красивые голубовато-красные кристаллы въ видѣ длинныхъ четырехсторонннхъ призмъ соединенія гемоглобина съ окисью угля (Kohlenoxydhaemoglobin). Это соединеніе отличается отъ гемоглобина меньшею растворимостью въ водѣ, болѣе яркимъ цвѣтомъ, легчайшею способностью кристаллизоваться, большею прочностью кристалловъ и болѣе труднымъ свертываніемъ его раствора при нагрѣваніи. Очевидно, кристаллы гемоглобина окиси угля находятся въ такомъ отношеніи къ гемоглобину, какъ обыкновенная артеріальная кровь къ крови, отравленной окисью угля. Поэтому весьма важно было бы прослѣдить дальнѣйшую судьбу этого соединенія и изучить продукты его разложенія. Опыты Покровскаго *) опровергаютъ всякую возможность возстановленія нормальныхъ свойствъ крови чрезъ то, что окись углерода отдѣляется изъ организма въ первоначальномъ своемъ видѣ, какъ это предполагалъ Бернаръ **). Покровскій, основываясь на увеличеніи количества выдыхаемой углекислоты, думаетъ, что углеродная окись сгораетъ въ углекислоту. Весьма вѣроятно, что послѣднимъ окончательнымъ продуктомъ сгоранія въ организмѣ кровяныхъ шариковъ, отравленныхъ окисью угля, будетъ, въ числѣ прочихъ, также и углекислота; но, по всей вѣроятности, углеродная окись переходитъ не прямо въ углекислоту, а сперва въ муравейную кислоту (что можетъ происходить весьма легко чрезъ воспринятіе одного пая воды: $\mathrm{CO} + \mathrm{H_2O} = \mathrm{CH_2O_2}$ мур. кислота). По крайней мѣрѣ, изучая продукты

*) Объ отравленіи окисью углерода. Диссертація 1864 г. С.-Пб.

**) Leçons sur les effets des substances toxiques etc. 1857, p. 198.

распаденія гемоглобина окиси угля, я нашелъ количество летучихъ жирныхъ кислотъ значительно увеличеннымъ, при чемъ редукція азотнокислаго серебра, азотнокислой закиси ртути, сулемы и окиси ртути происходила несравненно скорѣе, сильнѣе и въ большемъ количествѣ. Однако недостатокъ способа количественнаго опредѣленія муравейной кислоты заставилъ меня оставить эту работу, пока не удастся найти удовлетворительнаго метода.

3. Въ описаніи качествъ гемоглобина было упомянуто, что онъ раздѣляетъ съ кровяными шариками свойство связывать кислородъ. Чрезвычайно интересно было бы опредѣлить количество связываемаго имъ кислорода и сравнить съ количествомъ кислорода крови. Кл. Бернаръ *) первый употребилъ остроумный способъ опредѣленія количества кислорода въ крови, вытѣсняя его углеродною окисью. Этотъ способъ былъ потомъ сравненъ Ф. Навроцкимъ **), въ работѣ, сдѣланной подъ руководствомъ Л. Мейера, съ способомъ опредѣленія количества кислорода помощью выкачиванія въ безвоздушномъ пространствѣ (методъ Сѣченова), и цифры полученнаго кислорода по обоимъ методамъ лежатъ весьма близко другъ къ другу.

Опытъ для опредѣленія количества кислорода, легко связаннаго гемоглобиномъ, помощью удаленія его окисью угля, производится слѣдующимъ образомъ: аппаратъ, состоящій изъ калибрированной довольно широкой трубки, которой верхній съуженный конецъ, снабженный каучуковою трубкой, закрывается щемилкой, наполняется ртутью и погружается въ ртутную ванну. Въ аппаратъ вводится до $1/3$ его длины окись углерода. Затѣмъ извѣстное количество нѣсколько разъ перекристаллизованнаго гемоглобина растворяется въ водѣ; растворъ наливается въ газометръ Бунзена, насыщается кислородомъ въ теченіе часа и переводится по извѣстному способу (помощью вытѣсненія его ртутью) изъ газометра въ наполненный окисью угля аппаратъ чрезъ нижнее его отверстіе, стоящее подъ уровнемъ ртути въ ваннѣ. Оставленный на двое сутокъ въ аппаратѣ растворъ гемоглобина для тѣснѣйшаго соприкосновенія его съ окисью угля часто взбалтывается. Затѣмъ газъ переводится въ двѣ абсорпціонныя трубки, для чего верхній, снабженный каучукомъ конецъ аппарата соединяется помощью тонкой, наполненной ртутью,

*) Propriétés physiologiques, et altérations pathologiques des liquides de l'organisme. T. I. 1859. p. 365 et suiv.

**) Studien des physiologischen Instituts zu Breslau. 1863. J. 144.

трубки съ абсорпціонною трубкою, стоящею въ ваннѣ и тоже наполненной ртутью; нижній же конецъ аппарата закрывается просверленною пробкою, въ которую вставлено одно колѣно изогнутой стеклянной трубочки, а другое ея колѣно каучукомъ соединяется съ длинною воронкою. При наливаніи ртути въ воронку газъ вытѣсняется изъ аппарата въ абсорпціонную трубку. Изъ абсорпціонной трубки газъ переводимъ былъ въ эвдіометръ и изслѣдовался по методу Бунзена.

Опытъ I. Взята кровь отъ здоровой молодой собаки и приготовлены кристаллы гемоглобина по обыкновенному способу. Аппаратъ наполненъ окисью углерода и насыщенъ водяными парами.

	Наблюдаемый объемъ газа.	Объемъ по коррекц. таблицѣ.	Температура наблюдаемая.	Давленіе воздуха.	Объемъ, сведенный на 1 метръ давленія и 0°С.
Объемъ окиси угля	239	260,19	+2	0^m,6157	159,28
Въ аппаратъ введенъ растворъ гемоглобина . . .	198	215,50	+0,5	0^m,698	150,5

Въ 60,213 куб. ц. введеннаго раствора находилось по расчету 2,7698 грам. гемоглобина. Въ аппаратѣ образовались кристаллы гемоглобина окиси угля, не смотря на то, что растворъ былъ довольно слабъ. Газъ по истеченіи двухъ сутокъ переведенъ въ двѣ абсорпціонныя трубки А. и В. Анализъ газа въ трубкѣ А.

	Наблюдаемый объемъ.	Объемъ по коррекц. таблицѣ.	Температура наблюдаемая.	Давленіе барометра.	Объемъ газа, сведенный на 1 м. и 0°С.
Первоначальный объемъ	117,5	129,6	+2	0,5636	72,79
Послѣ введенія ѣдкаго кали. . . .	112,5	123,9	+1,3	0,5684	70,37

Слѣдовательно въ данномъ объемѣ газовъ было углекислоты 2,42, а на 100 ч. 3,324.

Газъ переведенъ въ эвдіометръ . . .	182	187,4	+1,3	0,3347	62,59
Прибавленъ кислородъ	289	296,6	+0,5	0,4397	130,4

Кислорода введено 130,4 — 62,59 = 67,81.

Послѣ взрыва и всасыванія CO_2 ѣдкимъ кали	139	144,4	+1	0,2886	41,66

Количество образовавшейся углекислоты 130,4 — 41,66 = 88,74. Для образованія этого количества CO_2 употреблено 59,16 об. окиси углерода и 29,58 кислорода. Слѣдовательно въ первоначальномъ об. газовъ 62,59 находится 59,16 об. окиси угля и 3,43 об. газа неизвѣстной натуры. По неосторожности въ эвдіометръ попало нѣсколько пузырьковъ атмосфернаго воздуха, почему вновь отсчитано

160,5	171,8	+1	0,3074	55,38

Слѣдовательно атмосф. воздуха вошло 55,38 — 41,66 = 13,72, а по объему на это количество воздуха придется O = 2,71, Az = 11,01. Для образованія съ кислородомъ гремучаго газа введенъ водородъ

431	440,8	+1,3	0,5899	259,09

Водорода введено 259,09 — 55,38 = 203,71. Послѣ взрыва и всасыванія образовавшейся воды ѣдкимъ кали

279,5	281,1	+1,3	0,4394	125,33

Количество газовъ, употребленныхъ на образованіе воды, 259,09 — 125,33 = 133,76, что соотвѣтствуетъ 89,173 об. водорода и 44,587 об. кислорода. Если сосчитать весь кислородъ, употребленный для образованія воды, то получится:

Кислорода, оставшагося отъ введеннаго количества послѣ сожиганія окиси угля въ углекислоту, 67,81 — 29,58 = . . . 38,23

Кислорода, попавшаго съ атмосфернымъ воздухомъ . . 2,74

Всего 40,97

А для образованія воды требовалось 44,587 кислорода, слѣдовательно 3,647 взято изъ газовъ, полученныхъ при взбалтываніи раствора гемоглобина съ угольною окисью. Дѣйствительно количество газа неизвѣстной натуры, оставшееся послѣ сожиганія окиси угля въ углекислоту, т. е. 3,43, весьма близко лежитъ къ 3,647. Недостающее количество 0,217 можно считать ошибкою наблюденія.

Поэтому въ 100 об. газовъ, полученныхъ при дѣйствіи окиси углерода на гемоглобинъ, будетъ по объему: углекислоты 3,324

окиси углерода 91,378

кислорода 5,298

Всего 100

Цифра кислорода, полученнаго по этому методу, изъ раствора гемоглобина, менѣе цифры для кислорода крови по опытамъ Л.

Мейера, Сѣченова и Навроцкаго; но по одному опыту еще нельзя судить о томъ, соотвѣтствуетъ ли количество кислорода, легко связаннаго съ гемоглобиномъ, кислороду крови или же оно гораздо менѣе, какъ въ данномъ случаѣ.

Описанный методъ даетъ также возможность найти коэффиціентъ абсорпціи окиси угля красящимъ началомъ крови; но подробное изложеніе этой работы я отлагаю до слѣдующаго отчета, когда буду имѣть большее число наблюденій.

Тюбингенъ, 2-го апрѣля 1865 года.

55) Магистранта Гарничъ-Гарницкаго.

Въ продолженіи истекшихъ трехъ мѣсяцевъ я по прежнему работалъ въ лабораторіи г-на Вюрца. Въ это время я продолжалъ свои изслѣдованія относительно синтеза такъ называемыхъ летучихъ жирныхъ кислотъ. Результаты этихъ изслѣдованій появятся въ скоромъ времени въ печати. Кромѣ того, я, совмѣстно съ молодымъ русскимъ химикомъ г. Меншуткинымъ, предпринялъ цѣлый рядъ изслѣдованій, цѣль которыхъ уяснить теорію ацеталей. До сихъ поръ соединенія эти были мало извѣстны и вообще очень дурно изслѣдованы, не смотря на то, что они представляютъ сами по себѣ не маловажный интересъ. На первый разъ мы ограничились приготовленіемъ ацеталей съ трехъатомнымъ спиртомъ — глицериномъ, удерживая за собою право дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Результаты этихъ первоначальныхъ изслѣдованій помѣщены въ Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences, отдѣльные оттиски которыхъ при этомъ посылаю.

Парижъ, 13/18 марта 1865 года.

56) Кандидата Льва Ждановича.

Народное хозяйство и его отношенія къ обществу и государству. (Die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat. Von D-r Carl Dietzel). 1864).*

Мы беремся за изложеніе содержанія поименованнаго сочиненія Дитцеля, собственно потому, что, по нашему мнѣнію, оно принадлежитъ во многихъ отношеніяхъ къ лучшимъ произведеніямъ совре-

*) Бывшій профессоръ Гейдельбергскаго университета, а теперь политехническаго института въ Карлсруэ.

менной германской литературы по части экономіи и публицистики. Мы считаемъ его такимъ, какъ вслѣдствіе новизны и оригинальности высказанныхъ въ немъ положеній, что уже само по себѣ составляетъ нѣкоторую рѣдкость въ нынѣшней германской экономической и государственной литературѣ, повторяющей зады и занимающейся по бо́льшей части или систематизаціею или отдѣлкою давно добытыхъ результатовъ; такъ и вслѣдствіе того метода, которымъ добыты эти положенія, и той логичности, съ которою они проведены во всѣхъ затронутыхъ вопросахъ. Методъ автора въ добытіи общихъ истинъ и основныхъ положеній — чисто индуктивный; а этотъ пріемъ, какъ извѣстно, весьма мало принятъ германскими учеными, держащимися вообще метода дедуктивнаго, который даетъ иногда и наукѣ и ея результатамъ практическую непримѣнимость и безплодіе, а самымъ занятіямъ такого рода часто придаетъ характеръ умственной гимнастики. Много потеряла германская наука отъ метода дедуктивнаго, и потеряла съ двухъ весьма важныхъ сторонъ: во 1-хъ, со стороны своей качественности, давъ полный просторъ субъективной фантазіи ученыхъ и оторвавъ ихъ наблюденія и выводы отъ тѣхъ фактовъ и результатовъ, которые выработывались самою жизнью, а это повело къ массѣ разнообразныхъ теорій, къ безконечнымъ полемикамъ и къ удаленію отъ главной цѣли — отъ истины; потеря, съ другой стороны, отъ этого метода заключается въ томъ, что наука, расходясь съ жизнью и не давая истинныхъ практическихъ результатовъ, не только не пользовалась довѣріемъ массъ и ихъ сочувствіемъ, но была для нихъ чѣмъ-то чуждымъ и вещью безцѣльною. Мы не распространяемся еще и о томъ, что самая форма изложенія при методѣ дедуктивномъ, совершенно неспособна для популяризированія науки: въ ней нѣтъ той доступности и наглядности, того жизненнаго колорита, который даетъ методу индуктивному необыкновенную легкость передачи и воспріятія. Поэтому, вслѣдствіе дедуктизма, германская наука теряла не только въ своихъ производительныхъ результатахъ, но и въ своемъ распредѣленіи, дѣлаясь достояніемъ немногихъ избранныхъ и совершенно чуждою для массъ. Этотъ вопросъ относительно свойствъ двухъ поименованныхъ методовъ такъ хорошо разобранъ у Бокля (въ его исторіи цивилизаціи въ Англіи), и результаты ихъ въ наукѣ и жизни такъ ясно показаны имъ на примѣрахъ Германіи и Шотландіи съ одной стороны, какъ представительницахъ преобладанія метода дедуктивнаго, а Англіи и Америки съ другой, какъ развивав-

шихъ науку по методу индуктивному,—что мы считаемъ лишнимъ распространяться болѣе объ этомъ предметѣ.

Впрочемъ Бокль въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что для вновь создаваемой «науки общества» было бы гораздо лучше, вмѣсто медленнаго и труднаго собиранія фактовъ и ихъ обобщенія, прибѣгнуть къ умозрѣнію для постройки своихъ основъ, ибо самое противорѣчіе и разнообразіе фактовъ мѣшало до сихъ поръ уловить общность ихъ законовъ, разграничить область этой науки и дать ей твердыя начала. Дѣйствительно, при произвольныхъ умозрительныхъ основныхъ началахъ, дѣло пошло бы очень быстро; но не повело ли бы это къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ повели умозрѣнія въ наукѣ государственной. Вѣдь въ настоящее время, когда жизненные факты громко заговорили противъ многихъ результатовъ этой науки, порожденныхъ умозрѣніями, приходится дѣлать въ ней почти что капитальную ломку. Не лучше ли же воспользоваться опытомъ для вновь создаваемой науки общества и идти впередъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ индукціи, которой съ такимъ успѣхомъ держатся теперь науки естественныя.

Разработка вопроса о значеніи народнаго хозяйства и его отношеній къ обществу и государству, предпринятая Дитцелемъ по методу индуктивному, приводитъ его къ такимъ выводамъ, которые по большей части совершенно несходны съ выводами добытыми и принятыми до сихъ поръ германскою наукою, при помощи противоположнаго метода. Правда, что у многихъ ученыхъ настоящаго времени высказывалось уже вскользь нѣкоторое недовѣріе къ господствовавшимъ понятіямъ въ наукѣ государственной и экономической, возбужденное въ нихъ анализомъ соціалистическихъ взрывовъ и глубокою критикою соціальныхъ стремленій въ области науки и жизни; но немногіе изъ нихъ ясно и опредѣленно высказались по этому поводу. Они подмѣтили недостатки, но, не вдаваясь въ реальную глубину и жизненное значеніе фактовъ, старались исправить и пополнить недостающее въ наукѣ, при помощи старыхъ своихъ умозрительныхъ пріемовъ. Такъ напр. Робертъ Моль дошелъ до вывода, что между личностью и государствомъ существуетъ еще широкая сфера общественной жизни, общественной дѣятельности, общественныхъ правъ, tacite признаваемыхъ и индивидуами и правительствами, что этотъ общественный организмъ существенно различается отъ организма государственнаго, имѣя свои особыя иниціативы и органы отправленія, при этомъ онъ при-

зналъ необходимость созданія общественной науки, далъ даже программу оной, но не опредѣлилъ предѣловъ общества или, лучше сказать, далъ ему такія широкія и необъятныя границы, что при нихъ самое понятіе объ обществѣ, какъ о чѣмъ-то цѣлостномъ и своеобразномъ, совершенно ускользаетъ отъ осязательнаго уразумѣнія и пониманія. И это произошло оттого, что Моль вышелъ изъ предпосланныхъ умозрительныхъ основаній и не сблизилъ ихъ съ живыми существующими фактами; поэтому у него и не создалось тѣхъ вѣрныхъ и опредѣленныхъ основъ для формулированія понятія объ обществѣ, изъ котораго должна была бы развиться вся послѣдующая наука. Трейтчке (H. v. Treitschke) въ своемъ критическомъ опытѣ о наукѣ общества, опредѣляя существо государства гораздо шире, чѣмъ Моль, какъ самъ онъ этимъ хвалится, идентифируетъ понятія о народѣ и государствѣ и, не обращая вниманія на свойство и способы отправленія общественной дѣятельности, и ея различія отъ государственной, находитъ, что народъ въ государственной организаціи (принимаемой имъ весьма широко) находитъ полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ самыхъ разностороннихъ стремленій; что люди, дѣйствуя совершенно свободно въ сферѣ своихъ личныхъ отношеній, опираясь въ правахъ и гарантіяхъ на законы и государственныя учрежденія и находя, кромѣ того, при помощи объединенія своихъ силъ въ общемъ государственномъ организмѣ средство къ удовлетворенію всѣмъ тѣмъ потребностямъ, для которыхъ недостаточны единичныя свободныя усилія, не имѣютъ поэтому нужды создавать какую-то новую, особую сферу правоотношеній, существующую самостоятельно отъ государственной. Всѣ положительныя права общества, говоритъ онъ, выражаются или въ частномъ правѣ юридическихъ лицъ, или въ государственномъ; и если до сихъ поръ не выработалось юридическою наукою этой предполагаемой третей области правъ, то это потому, что въ самой жизни не существовало относительнаго ей понятія и что стремленіе къ созданію науки общества есть современная фикція, порожденная фальшивымъ пониманіемъ нынѣшнихъ политическихъ явленій. Современное состояніе государственной науки, а отчасти и самой политической жизни, не удовлетворяютъ, какъ замѣтно, ни Моля, ни Трейтчке, и каждый изъ нихъ, желая удовлетворить своимъ стремленіямъ и не задавая себѣ задачи разобрать физіологію государственнаго организма путемъ естествообразныхъ изслѣдованій, обращаются по прежнему къ умозрѣніямъ и, какъ мы видимъ,

доходятъ до совершенно противоположныхъ результатовъ. Моль видитъ необходимость созданія новой науки объ обществѣ, Трейтчке отвергаетъ это, и, указывая на положеніе Англіи, ждетъ обновленія и исправленія современныхъ недостатковъ государственнаго устройства отъ совершеннаго слитія интересовъ народныхъ съ правительственными (государственными въ тѣсномъ смыслѣ). Этотъ вопросъ объ обществѣ, разбираемый Молемъ и Трейтчке почти отдѣльно отъ другихъ вопросовъ, Дитцель разсматриваетъ въ органической связи съ народнымъ хозяйствомъ и государствомъ и приступаетъ къ нему не какъ къ готовому данному настоящаго момента, а старается найти корень этого понятія въ самый моментъ его зарожденія, чтобы этимъ объяснить не только его сущность и характеристику, но и отношенія къ двумъ другимъ формамъ человѣческаго общежитія—къ народному хозяйству и государству. Вслѣдствіе этого трудъ Дитцеля выигрываетъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, онъ опредѣляетъ значеніе и предѣлы общества; во 2-хъ, разрѣшивъ эту проблему, онъ показываетъ органическую связь общества съ народнымъ хозяйствомъ и этимъ самымъ расширяетъ далеко противъ прежняго понятія о значеніи народнаго хозяйства, а также находитъ въ немъ послѣ семейнаго союза первый толчекъ къ развитію человѣка и человѣчества, начало совершеннѣйшихъ формъ общежитія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ самыя ясныя и ненатянутыя понятія о формаціи государства, надъ чѣмъ такъ долго и такъ разнорѣчиво трудились германскіе философы и публицисты.

Мы изложимъ сначала, почти дословно, первыя 4 главы изъ книги Дитцеля, гдѣ выражается общій его взглядъ на современное значеніе экономическихъ интересовъ, и на недостатки народно-хозяйственной и государственной науки вообще и въ Германіи въ особенности, и перейдемъ послѣ къ извлеченію главнѣйшихъ мѣстъ его ученія и къ ихъ сравненію съ мнѣніями нѣкоторыхъ другихъ германскихъ ученыхъ.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ и характеристическихъ явленій государственной и общественной жизни настоящаго времени, состоитъ въ томъ, что экономическіе интересы получили такое широкое значеніе, которое ставитъ ихъ на ряду вопросовъ первостепенныхъ, и, вслѣдствіе этого, всѣ идеи и стремленія народовъ, а также и вся дѣятельность органовъ государственной власти обусловливается означенными интересами.

Этотъ фактъ выражается прежде всего въ самой народной жизни, въ которой необыкновенные успѣхи производства богатствъ поражаютъ общее вниманіе и притягиваютъ къ себѣ всѣ силы и гдѣ хозяйственные интересы получили надлежащее значеніе въ сознаніи каждаго. Едва ли тяготѣніе этихъ интересовъ имѣетъ меньшее значеніе въ области государственной и политической жизни. Всѣ вопросы внѣшней политики, отношенія одного государства къ другому, всѣ вопросы внутренней государственной жизни, вся политическая борьба ради преобразованія государствъ въ новый ихъ истинный видъ,—все это постоянно находилось подъ вліяніемъ интересовъ народнаго хозяйства, сообразовалось съ ними, если даже не непосредственно вызывалось ими.

Съ этимъ вмѣстѣ явился рядъ новыхъ идей и представленій, который, съ одной стороны, проникая въ глубину народнаго и государственнаго бытія, и, съ другой, обхватывая это бытіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, является противникомъ существующихъ узкихъ воззрѣній на государственную и народную жизнь. Широта и развитіе этихъ идей, если и была недостаточно понята или фальшиво перетолкована, все же она внесла въ общій процессъ развитія важнѣйшія стороны народной жизни.

Вездѣ развилось сознаніе, что судьба государствъ и благосостояніе частныхъ лицъ неотъемлемо зависитъ отъ положенія народнаго хозяйства, поэтому экономическіе вопросы и интересы вездѣ стали первенствующими въ текущемъ порядкѣ дѣлъ и въ общественномъ обсужденіи.

Если эти новыя идеи нашли для себя и несовершенно полное выраженіе въ литературѣ, то по крайней мѣрѣ повліяли на постепенное и дальнѣйшее развитіе науки, вызвавъ ее на болѣе широкій взглядъ и анализъ народной и государственной жизни. Однимъ словомъ, экономическое направленіе настоящаго времени даетъ такую рѣзкую характеристику текущей эпохѣ, что неудивительно будетъ, если историки назовутъ нашъ періодъ времени: періодомъ народно-хозяйственнаго возраста.

Все вышесказанное въ особенности относится къ Германіи, а также и къ тѣмъ народамъ, которые подобно германскому еще въ недавнее время стояли въ своемъ хозяйственномъ развитіи позади другихъ западно-европейскихъ народовъ. Впрочемъ и ушедшія впередъ и отставшія государства если и не въ одинаковой степени

заняты своими народно-хозяйственными вопросами, то все же даютъ имъ одно изъ первостепенныхъ мѣстъ.

Нечего распространяться о томъ, что народное хозяйство со всѣми своими интересами не есть какая нибудь особенность настоящаго времени; напротивъ, народное хозяйство всегда существовало и всегда будетъ существовать, потому что оно представляетъ одну изъ самыхъ общихъ формъ развитія человѣчества. Гдѣ есть народъ, тамъ есть уже и народное хозяйство; или правильнѣе, гдѣ обнаруживается зарожденіе народнаго хозяйства, тамъ складывается и народъ въ смыслѣ политическомъ. Когда народно-хозяйственныя отношенія и формы пустятъ корни и укрѣпятся въ извѣстной группѣ людей, тогда эта группа непремѣнно разовьется въ органическое цѣлое,—въ народъ.

Однако это одновременное развитіе народнаго хозяйства и бытія самаго народа весьма долго не наводитъ на истинную оцѣнку народнаго хозяйства; именно потому что оно по внутренней, естественной необходимости усовершается почти незамѣтнымъ образомъ и черезъ это ускользаетъ отъ нашего сознанія. Побужденіе къ сознанію чего нибудь а также и самыя познавательныя способности наши направляются сначала, по чисто естественнымъ причинамъ, ко всему тому, что рѣзко выражается во внѣшнихъ формахъ и черезъ то легко поддается самому наблюденію, которое и ограничивается сначала пониманіемъ однихъ наружныхъ признаковъ извѣстныхъ явленій, и только съ развитіемъ интелектуальныхъ силъ начинается познаваніе ихъ внутренняго смысла и существа. Очень естественно, что первыми предметами познаванія только что сформировавшихся народовъ были тѣ явленія ихъ новаго склада жизни, которыя и по своей новизнѣ и по громадному современному значенію своему рѣзко и могущественно выдавались впередъ,—это были: верховная власть и государственныя отношенія, только что вылившіяся во внѣшнія формы. Поэтому то наблюденія и познаванія народной жизни начались не снизу, или лучше сказать не съ первоначальныхъ источниковъ, изъ которыхъ вышли первые зародыши общественной человѣческой жизни, а съ тѣхъ признаковъ, которыми впервые ярко и рѣзко формировалась эта новая жизнь. Доказательствомъ этому служитъ характеръ и содержаніе древнихъ лѣтописей у всѣхъ народовъ безъ исключенія; даже у позднѣйшихъ историковъ не вполнѣ изглаживается направленіе первоначальнаго народнаго наблюденія и познаванія; мы видимъ, что вниманіе ихъ

преимущественно, если не единственно, сосредоточено только на жизнеописаніяхъ царей и полководцевъ, на ходѣ войнъ и на ихъ послѣдствіяхъ относительно измѣненія границъ и могущества государствъ. До бытовой жизни народовъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имъ не было никакого дѣла; развѣ только какіе нибудь внѣшніе поразительные факты, касающіеся этой жизни въ родѣ чумы, повсемѣстныхъ пожаровъ, голода, наводненій, возстаній противъ власти и пр. входили въ область ихъ поверхностныхъ наблюденій. На прерогативахъ власти и государства почти исключительно сосредоточивалось первоначальное наблюденіе и познаваніе. Затѣмъ при постепенномъ изчезновеніи военнаго насилія и завоеваній и при окрѣпленіи внутреннихъ народныхъ силъ, начинается сознаніе понятія о правѣ, какъ о крайнемъ внѣшнемъ выраженіи и закрѣпленіи проявившихся и развившихся народно-хозяйственныхъ отношеній.

Познаніе же народнаго хозяйства, или пониманіе полнаго бытія народнаго со всѣми его частными проявленіями, какъ особенностями самостоятельнаго организма, который развился изъ самаго существа человѣка и его отношеній къ природѣ, а также изъ внутреннихъ естественныхъ необходимостей,—это познаніе, какъ продуктъ высокаго развитія человѣческихъ интелектуальныхъ способностей, явилось довольно поздно. Кромѣ высокой степени пониманія народнаго и человѣческаго бытія, для означенной оцѣнки и познаванія экономическихъ явленій и отношеній, необходимъ былъ еще обширный запасъ готовыхъ уже наблюденій въ области народнаго хозяйства; а этотъ матеріалъ, какъ мы сами знаемъ, весьма скудно накоплялся въ періоды первыхъ ступеней человѣческаго развитія и сдѣлался предметомъ серьезныхъ и научныхъ изысканій только во времена позднѣйшія.

Легко понять, что человѣческій духъ въ особенности бываетъ возбужденъ къ анализу экономическихъ явленій и къ наблюденію самаго существа ихъ, когда, вслѣдствіе сочетанія какихъ нибудь случайныхъ причинъ или обстоятельствъ, народное хозяйство принимаетъ неожиданно быстрое развитіе съ существеннымъ измѣненіемъ прежнихъ своихъ формъ. Масса вновь высказывающихся явленій и фактовъ должна, съ одной стороны, привлечь на себя общее вниманіе и дать совершенно новый матеріалъ для познавательныхъ способностей, вовсе не возбуждавшихся къ дѣятельности мертвеннымъ застоемъ прежняго хозяйственнаго строя; съ другой стороны,

новыя хозяйственныя явленія побуждаютъ общество воспользоваться ими для своихъ цѣлей, что также неминуемо должно вести къ уясненію причинъ самыхъ явленій въ области народнаго хозяйства, и къ первому рѣшительному шагу познаванія экономическихъ принциповъ.

Шестнадцатое столѣтіе было временемъ возникновенія и новыхъ экономическихъ явленій и временемъ новой энергической работы для ума человѣческаго. Въ исторіи народнаго хозяйства XVI вѣкъ имѣетъ огромное и всемірное значеніе. Послѣ нѣсколькихъ столѣтій исключительнаго преобладанія одного только сельскаго хозяйства, мы встрѣчаемъ въ означенную эпоху великіе зачатки для болѣе многосторонняго развитія народной экономической дѣятельности; эти зачатки выработались въ городовой средневѣковой жизни, въ ремесленныхъ и торговыхъ стремленіяхъ нѣмецкихъ и италіанскихъ городовъ, а также и въ возрожденіи наукъ и искусствъ. Открытія и изобрѣтенія предъидущихъ временъ (порохъ, книгопечатаніе, компасъ) послужили неожиданными орудіями для развитія человѣчества въ XVI вѣкѣ. Открытіе Америки и морскаго пути въ Индію повело въ короткое время къ развитію и къ видоизмѣненію существа тогдашняго народнаго хозяйства, что отразилось и на остальномъ строѣ жизни европейскихъ народовъ. Съ этимъ вмѣстѣ возникло настоящее мореплаваніе и всемірная торговля, обмѣнъ между собою произведеній всего земнаго шара; вся эта первоначальная дѣятельность обусловливалась сначала только однимъ желаніемъ пріобрѣтать благородные металлы и тропическія произведенія новооткрытыхъ странъ. Ближайшимъ же послѣдствіемъ этого было удивительное видоизмѣненіе во внутреннемъ экономическомъ бытѣ народовъ: съ одной стороны быстро воздвигались колоссальныя богатства, съ другой же замѣшательство въ дѣлахъ и оборотахъ и тяжелые кризисы.

Съ этимъ вмѣстѣ являются начала познаванія народнаго хозяйства и первыя начала экономической науки, разумѣется въ очень несовершенномъ видѣ и съ удивительною односторонностью во взглядѣ.

Нѣкоторыя особенности девятнадцатаго вѣка имѣютъ много общихъ сторонъ съ шестнадцатымъ, и если трудно и даже почти невозможно рѣзко разграничивать извѣстные періоды времени, ибо все послѣдующее имѣетъ свои зародыши въ предъидущемъ и кромѣ того всѣ характеристическія явленія извѣстной эпохи раз-

виваются въ болѣе или менѣе медленной послѣдовательности, однако, не смотря на это, мы замѣчаемъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣка такую же рѣзкую границу двухъ міровыхъ эпохъ, какъ и при началѣ XVI вѣка. Наполеонъ I, великій представитель своего времени, носитъ въ себѣ отпечатокъ характеровъ обѣихъ эпохъ.

Въ вызванныхъ имъ народныхъ войнахъ, а особливо въ его непрерывной борьбѣ съ Англіею, Наполеонъ рѣзко выразилъ политическій характеръ и направленіе трехъ предъидущихъ вѣковъ. Это направленіе имѣло въ своемъ основаніи ту мысль, что благоденствіе одного государства основывается на подчиненіи и на матеріальномъ утѣсненіи другаго, что повело къ нескончаемой сопернической борьбѣ европейскихъ государствъ, которая, подорвавши Испанію, Голландію и другія мелкія государства, выразилась наконецъ въ почти столѣтней войнѣ между Англіею и Франціею. Въ самой континентальной системѣ Наполеонъ рѣзко выразилъ, едва ли не въ послѣдній разъ, тѣ экономическіе принципы предъидущихъ вѣковъ, которые были причиною всѣхъ сопернических войнъ того времени. Но какъ представитель преобразовавшейся націи на новыхъ политическихъ и гражданскихъ началахъ, Наполеонъ вмѣстѣ съ тѣмъ является представителемъ и новаго направленія. Это новое направленіе, разрушивъ силою средневѣковые остатки феодализма во Франціи и постепеннымъ вліяніемъ въ другихъ странахъ Европы, проложило новую дорогу для народнаго хозяйства, и, давъ полный просторъ народно-хозяйственнымъ силамъ, повело ихъ къ безграничнымъ успѣхамъ.

Теперь только, съ разрушеніемъ средневѣковыхъ воззрѣній и отношеній, послѣдовало въ первый разъ правильное признаніе значенія и правъ человѣческой личности и общества; а это дало огромный толчекъ и прочное основаніе народно-хозяйственному развитію.

Мысль, что развитіе творческихъ силъ человѣка, необходимое для выполненія жизненныхъ цѣлей и обусловливаемое преобладаніемъ его нравственныхъ качествъ, неизбѣжно требуетъ прежде всего самостоятельности и свободы самаго лица, что свобода личности въ кругу своихъ дѣйствій а также свобода сношеній между лицами для совокупной дѣятельности и для взаимнаго обмѣна имуществъ и услугъ составляютъ главнѣйшее условіе естественнаго развитія общества и государства и что существенная задача послѣдняго состоитъ въ удаленіи всѣхъ стоящихъ къ тому препят-

ствій и ограниченій, — эта мысль, мысль чисто экономическая, есть благопріобрѣтенное достояніе нашего времени и въ ней лежитъ дѣйствительное величіе нашего вѣка.

Если въ числѣ отличительныхъ признаковъ нашего времени замѣчается распространеніе экономическихъ понятій и широкое признаніе правъ человѣческихъ, а черезъ это являются улучшенія въ положеніи человѣческой личности и новые успѣхи въ сферѣ чисто общественной, если этими явленіями, неизвѣстными въ предшествующіе вѣка, девятнадцатое столѣтіе рѣзко отличается отъ XVI, то все таки, какъ мы сказали прежде, у нихъ есть и нѣкоторыя сходственныя стороны: послѣдствія открытій и изобрѣтеній въ XIX столѣтіи дали такой же толчекъ экономической дѣятельности, какой дали ей тѣ же явленія въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Правда, что хотя на долю нынѣшняго столѣтія не оставалось болѣе для открытія ни новыхъ континентовъ, ни новыхъ морскихъ путей, но мы видимъ, что первоначальное завладѣніе Америкою въ XVI вѣкѣ было только экстенсивное, между тѣмъ, какъ всѣ тѣ измѣненія, которыя совершались въ послѣднія сто лѣтъ, повели насъ къ интенсивному пользованію ею. Причины, вслѣдствіе которыхъ послѣдовало означенное интенсивное пользованіе Америкою, были слѣдующія: во первыхъ, всѣ неизмѣримыя пространства новаго свѣта тогда только стали оказывать въ своихъ отношеніяхъ существенное вліяніе на другія страны, когда увеличившееся населеніе, улучшенное мореплаваніе и удобнѣйшія сообщенія доставили средства вполнѣ завладѣть и воспользоваться произведеніями этихъ пространствъ и когда образовались изъ нихъ самостоятельныя хозяйственныя области; во вторыхъ, отпаденіе колоній и ихъ самостоятельное развитіе. Это обстоятельство повело къ огромному экономическому значенію американскихъ странъ для цѣлой Европы и вызвало тѣ тѣсныя хозяйственныя взаимоотношенія, которыя такъ плодотворно дѣйствуютъ на экономію обѣихъ частей свѣта. Отпаденіе англійскихъ колоній въ сѣверной Америкѣ и возникновеніе Соединенныхъ Штатовъ и, нѣсколько въ меньшей степени, образованіе Южно-Американскихъ республикъ было для европейскаго народнаго хозяйства болѣе важнымъ фактомъ, нежели самое открытіе Америки.

Прямыми причинами развитія народнаго хозяйства въ XIX вѣкѣ были открытія въ области естествознанія и техники. Этого рода открытія повели сразу къ удивительному усовершенствованію и

къ умноженію количества труда, замѣнивъ ограниченныя физическія силы человѣка и простыя орудія, соотвѣтствовавшія имъ, неизмѣримыми силами природы, лучшими орудіями и усиленными двигателями. Чрезъ познаніе же внутренняго свойства и составныхъ частей матеріи увеличилось самое количество веществъ, способныхъ къ разнаго рода производствамъ. Было бы лишнимъ перечислять здѣсь всѣ открытія въ означенной области; напомнимъ только объ открытіи паровой силы, примѣненіе которой къ техническому производству и къ передвиженію людей и вещей есть всемірно-историческое событіе первой степени, въ уровень съ которымъ едва ли станетъ какое нибудь другое; ибо паровая сила въ самое короткое время дала иной видъ чуть ли не цѣлому міру и взаимоотношеніямъ людей и народовъ, или, лучше сказать, вызвала эти новыя взаимоотношенія. Припомнимъ, что всеобщее пользованіе паровою силою принадлежитъ только послѣднимъ десятилѣтіямъ, а также и то, что желѣзныя дороги сдѣлались достояніемъ нѣкоторыхъ странъ только съ предпослѣднихъ десяти лѣтъ. Всѣ подвиги великихъ всемірныхъ завоевателей, даже всѣ вмѣстѣ взятые, изчезаютъ предъ подвигомъ людей, открывшихъ и примѣнившихъ паровую силу, если сравнить вліяніе тѣхъ и другихъ на измѣненія въ положеніи человѣчества, на его развитіе и на тѣ улучшенія, которыя совершились и еще совершатся въ будущемъ отъ великой и благодѣтельной силы пара.

Съ введеніемъ и со всеобщимъ употребленіемъ машинъ, посредствомъ которыхъ необъятныя силы природы работаютъ для человѣка и направляются его волею, начинается новая эра человѣческой дѣятельности, а съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ результатъ ея — благосостояніе человѣка. Съ введеніемъ и распространеніемъ машинъ начинается въ широкомъ смыслѣ періодъ промышленности, видоизмѣнившій всѣ прежнія рабочія и производительныя отношенія. Съ одной стороны, человѣческій трудъ сильно возвышается чрезъ передачу силамъ природы тѣхъ чисто механическихъ усилій и напряженій, для которыхъ онъ требовался прежде; а также, вмѣсто прежней способности чисто физической, оказалась потребность и побужденіе къ развитію способности мыслительной, что разумѣется значительно возвысило противъ прежняго и работу и работника. Съ другой стороны, самое производство вещей увеличивается въ столь огромномъ размѣрѣ, что даетъ всей массѣ народа не только средства къ существованію, но и къ удовлетворенію тѣхъ потреб-

ностей, которыя прежде были принадлежностью только немногихъ избранныхъ; къ тому же еще вызываются къ жизни новыя произведенія творчества, которыя по своему величію далеко превосходятъ все прежде существовавшее. Вслѣдствіе такого промышленнаго развитія должны были измѣниться и развиться всѣ прежнія хозяйственныя и социальныя отношенія.

Ближайшимъ послѣдствіемъ сказаннаго былъ переходъ отъ мелкаго производства къ большому (Grossbetrieb), отъ рукодѣлія къ фабрикѣ и мануфактурѣ; ибо только при этихъ условіяхъ силы природы могутъ быть цѣлесообразно примѣнены и вести къ значительной прибыли. При этомъ развилось основное условіе всего народнаго хозяйства,—раздѣленіе труда, которое такъ значительно увеличиваетъ производительную способность каждаго работника. Духъ предпріятій пробудился съ необыкновенною силою и не ограничился употребленіемъ и комбинацією дотолѣ существовавшихъ хозяйственныхъ силъ, но сталъ отыскивать иныя и примѣнять тѣ и другія въ новыхъ сферахъ хозяйственной дѣятельности; такимъ образомъ, плодотворно проникая во всѣ слои народнаго хозяйства, онъ постоянно усовершалъ его.

Съ этими нововведеніями, усовершенствованіями и съ удивительнымъ расширеніемъ области труда, шло рука объ руку развитіе и другаго фактора производства—капитала. Большое производство хотя сначала и поглощало значительные капиталы, но вскорѣ затѣмъ воспроизводило ихъ еще въ бóльшихъ массахъ и тѣмъ закладывало основы прочнаго благосостоянія. Потребность въ огромныхъ капиталахъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ большихъ предпріятій повела къ системѣ ассоціацій въ видѣ акціонерныхъ обществъ, которыя прежде почти были немыслимы по многимъ причинамъ. Потребность въ капиталахъ а также ихъ постоянный приливъ и отливъ между различнаго рода хозяйственными предпріятіями, повелъ къ развитію кредита и банковъ, посредствомъ которыхъ всѣ отрасли производствъ получаютъ необходимую для себя оплодотворяющую силу.

Съ развитіемъ и увеличеніемъ индустріи повсемѣстно увеличилось и народонаселеніе въ дотолѣ небывалыхъ размѣрахъ, но капиталъ и благосостояніе росли еще быстрѣе. Закладывая для себя базы къ дальнѣйшему развитію, индустрія подѣйствовала вмѣстѣ съ тѣмъ весьма благотворно и на сельское хозяйство, подвинувъ его къ такимъ успѣхамъ, которые были бы немыслимы, если бы

оно было предоставлено только собственнымъ силамъ безъ подспорья новыхъ открытій и накопившихся капиталовъ въ совершенно другой сферѣ. Безъ этого, конечно, было бы невозможно быстрое и значительное увеличеніе народонаселенія.

Сильный запросъ на сельско-хозяйственныя произведенія, послѣдовавшій отъ увеличенія народонаселенія, повелъ естественно и къ возвышенію ихъ цѣнъ, а это было и средствомъ накопленія капитала для сельскихъ хозяевъ и побужденіемъ къ усовершенствованію своего хозяйства. То и другое, при помощи развитія естествовѣдѣнія и рабочей силы, повело къ постепенному переходу отъ прежняго экстенсивнаго къ новому интенсивному хозяйству; а это послѣднее состоитъ въ значительномъ приложеніи капитала, труда и интелигенціи для наивыгоднѣйшей эксплуатаціи естественныхъ силъ природы.

Добываніе сырыхъ матеріаловъ, въ особенности горное дѣло, развилось въ громадныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе безпрестанной промышленной потребности въ ископаемыхъ веществахъ, которыя стали теперь могучими факторами въ народномъ хозяйствѣ. Желѣзо и каменный уголъ, сдѣлавшись, такъ сказать, жизненнымъ нервомъ машиннаго производства, получили въ общей системѣ народнаго хозяйства первостепенное значеніе. Сотни тысячъ народа нашли въ добываніи этихъ матеріаловъ выгодный для себя заработокъ, а цѣлые милліоны стали зависимы въ своихъ хозяйственныхъ интересахъ отъ количества добытія и того назначенія, которое получаютъ означенные матеріалы. Благосостояніе цѣлыхъ провинцій нерѣдко зависитъ отъ нихъ, и народное хозяйство обязано имъ въ томъ сильномъ толчкѣ къ развитію, которое оно получило въ особенности относительно увеличенія народонаселенія.

Всѣ исчисленные открытія и успѣхи подъ вліяніемъ творческаго духа новыхъ поколѣній, восполняя и оплодотворяя другъ друга, имѣли своимъ совокупнымъ послѣдствіемъ высоко развитую жизнь настоящаго времени. Скажемъ теперь вкратцѣ о томъ рѣшительномъ вліяніи, которое оказали означенные успѣхи на общественныя и государственныя отношенія.

Вообще, направленіе человѣчества къ новымъ сферамъ благосостоянія совершилось повсемѣстно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, начавшись еще ранѣе въ Англіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Время наполеоновскихъ войнъ сильно содѣйствовало новымъ

хозяйственнымъ успѣхамъ. Напряженія и неимовѣрныя усилія Англіи въ этихъ войнахъ опирались единственно на свои внутреннія силы, на богатое и развитое народное хозяйство, которое съ своей стороны еще быстрѣе развивалось при такихъ условіяхъ (усиленный запросъ и возвышеніе цѣнъ усиливаютъ производительность). Съ прекращеніемъ торговли съ Англіею во Франціи и въ другихъ континентальныхъ государствахъ явились нѣкоторыя мѣстныя усовершенствованія въ народномъ хозяйствѣ, и правительства энергически стали дѣйствовать и заботиться о развитіи индустріи. Съ заключеніемъ всеобщаго мира начинается для человѣчества народно-хозяйственная эпоха въ полномъ смыслѣ, настаетъ время спокойнаго внутренняго развитія и гармоническая жизнь народовъ въ благотворномъ обмѣнѣ и дружелюбныхъ сношеніяхъ между собою.

Нужно впрочемъ сознаться, что сначала это развитіе подвигалось впередъ (послѣ вѣнскаго трактата) нѣсколько вялыми шагами. Политическая реакція временъ реставраціи обезсиливала народный духъ; искусственно возстановленные остатки феодализма и выявившіеся снова элементы абсолютизма стояли враждебно къ системѣ и къ духу свободнаго хозяйственнаго развитія и не только отказывали его существеннымъ требованіямъ, но даже нерѣдко дѣйствовали въ ущербъ имъ. Истинныя идеи народнаго хозяйства или, лучше сказать, идея гражданской свободы не была еще на столько проникнувшею въ народъ, чтобы онъ могъ оказать оппозицію враждебнымъ ему тенденціямъ. Кромѣ того существовало еще много невѣрныхъ и вредныхъ политическихъ воззрѣній и положеній, какъ послѣдствій предъидущихъ временъ, подтвержденныхъ вѣнскимъ договоромъ, такъ и вновь созданныхъ имъ. Все это имѣло своими естественными послѣдствіями тупую апатію въ народѣ, а также различныя броженія и неудовольствія, такъ что чувство мирной безопасности,—условіе народно-хозяйственнаго развитія, никакъ не могло еще установиться.

Дальнѣйшіе успѣхи народнаго хозяйства идутъ параллельно съ политическимъ развитіемъ государствъ; такъ что невольно приходимъ къ убѣжденію о совпаденіи главныхъ моментовъ политическаго развитія съ моментами развитія народно-экономическаго. Это объясняется еще тѣмъ, что политическія волненія и взрывы по бо̀льшей части имѣютъ характеръ экономическій, преимущественно стремясь къ освобожденію народно-хозяйственныхъ интересовъ и

къ свободѣ личности въ сферѣ ея общественной дѣятельности; послѣднее же, какъ мы сказали прежде, есть главное условіе развитія и процвѣтанія народнаго хозяйства. Ясными и наглядными являются намъ успѣхи экономическаго развитія, начавшіеся въ жизни западноевропейскихъ народовъ съ 1830 года, и съ этихъ поръ, вмѣсто прежней нерѣшительности и даже застоя, твердо и опредѣленно обнаруживается движеніе впередъ. Еще болѣе характеристично бурное движеніе 1848 года по своему вліянію на область народнаго хозяйства.

Французская революція 1848 года, помимо нѣкоторыхъ ничтожныхъ и прямо не соприкасающихся къ дѣлу обстоятельствъ, была для бо́льшей части народныхъ массъ сознательно экономическою революціею, и, этою-то экономическою сознательностью она существенно отличается отъ другихъ революцій новой исторіи. Дѣло шло о проведеніи экономической идеи вслѣдствіе существовавшаго неудовлетворительнаго порядка вещей, или лучше сказать, вслѣдствіе фальшиваго и превратнаго пониманія этого порядка. Какъ бы ни были неосновательны идеи соціализма, но было бы легкомысленнымъ отказать имъ въ извѣстномъ могуществѣ, вспомнивъ уличную іюльскую рѣзню 1848 года, происшедшую подъ вліяніемъ сочувствія и вѣры въ соціализмъ. Этотъ фактъ долженъ имѣть для насъ большую назидательность. Экономическіе идеи и вопросы такъ глубоко затрогиваютъ народную жизнь, такъ разнообразно касаются къ ней и приводятъ ее въ движеніе, что нерѣдко грозятъ опасностью существующимъ государственнымъ установленіямъ; поэтому, только чрезъ всеобщее распространеніе здравыхъ экономическихъ идей можно успѣшно бороться съ идеями фальшивыми, но очень соблазнительными для невѣжественныхъ массъ; только чрезъ добровольныя преобразованія и водвореніе правильныхъ и справедливыхъ народно-хозяйственныхъ отношеній, чрезъ осторожное уничтоженіе отжившихъ несовременныхъ установленій можно навѣрно устранить всякія попытки къ насильственнымъ разрушеніямъ и къ подрыву общественнаго порядка и безопасности.

Прямыми послѣдствіями движеній 1848 года было возвышеніе народно-экономическихъ интересовъ въ ряду другихъ интересовъ общественныхъ и государственныхъ и сознательная оцѣнка ихъ. Съ этихъ поръ наступаетъ новый періодъ въ характеристикѣ нашего столѣтія: народно-хозяйственные интересы и вопросы схватываютъ всѣ силы, всѣ стремленія и всю жизнь народовъ и

являются вопросами преобладающими, первостепенной важности *). Этому много способствовали, съ одной стороны, общіе успѣхи цивилизаціи, съ другой, постепенное сглаживаніе и уничтоженіе многихъ враждебныхъ для экономіи политическихъ мнѣній и положеній, въ особенности же то, что прежняя безплодная борьба политическихъ партій и мнѣній уступила мѣсто тому убѣжденію, что для политическаго положенія государствъ должно искать основанія въ чисто реальныхъ отношеніяхъ, а не въ философскихъ теоріяхъ и юридическихъ выводахъ. Народный характеръ и его потребности должны обусловливать его внѣшнюю и тѣмъ болѣе внутреннюю политику, а не предвзятыя теоріи, тѣмъ менѣе подражаніе чужимъ учрежденіямъ.

Все вышесказанное преимущественно относится къ Германіи, гдѣ въ послѣднее время народо-хозяйственные успѣхи оказываются относительно бо̀льшими нежели въ другихъ странахъ Европы. Это произошло отъ того, что Германія въ этомъ отношеніи долго стояла позади другихъ государствъ, хотя имѣла въ своемъ населеніи силу, а въ своихъ внѣшнихъ условіяхъ средства къ одинаковому съ другими развитію. Несчастное положеніе государственное, хозяйственное и нравственное, въ которое впалъ германскій народъ въ два послѣднія столѣтія, помѣшало ему принять участіе въ томъ развитіи, которое на основаніи народно-хозяйственныхъ успѣховъ проникло по всѣмъ направленіямъ въ жизнь ново-европейскихъ народовъ. Политическое дробленіе, доходившее прежде до смѣшнаго, привело весь народъ къ совершенному безсилію и было причиною того, что онъ не могъ принять дѣятельнаго участія въ великихъ открытіяхъ предъидущей эпохи, въ завладѣніи землями Новаго Свѣта, въ колонизаціи, въ значительномъ мореплаваніи и во всемірной торговлѣ, а также и во всѣхъ тѣхъ промыслахъ и предпріятіяхъ, которые были вызваны всѣми этими явленіями. Эти обстоятельства въ своемъ обратномъ дѣйствіи пагубно вліяли и на всю внутреннюю хозяйственную жизнь и приводили ее въ глубокій упадокъ; ибо чѣмъ болѣе германскій народъ отставалъ отъ дру-

*) Профессоръ Дитцель упустилъ здѣсь, кажется, изъ виду вопросъ о національностяхъ, который, какъ намъ кажется, никогда не уступалъ въ послѣднее время по своему значенію вопросамъ чисто экономическимъ, хотя иногда и вызывался ими; напр., экономическое ученіе Фридриха Листа сильно расшевелило въ Германіи вопросъ о національности и единствѣ обще-нѣмецкихъ интересовъ.

гихъ народовъ въ хозяйственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе отставалъ онъ и въ другихъ условіяхъ цивилизаціи и невольно приходилъ въ зависимость отъ нихъ.

Съ упадкомъ народнаго хозяйства замеръ совершенно политическій духъ народа, всякое народное сознаніе, всякая способность къ жертвамъ для высокихъ всеобщихъ цѣлей, всякое рвеніе впередъ, и замерло это во всѣхъ сферахъ народной жизни. Чрезъ это образовался не только партикуляризмъ отдѣльныхъ частей народа, переходившій даже въ открытыя враждебныя отношенія другъ къ другу, но, что еще хуже, родилась та недостойная форма мелкаго бюргерства (Kleinbürgerschaft), весь кругозоръ котораго ограничивался своими четырьмя стѣнами, и которыя прозябая въ гниломъ застоѣ чувствовало себя весьма довольнымъ, если только при этомъ его физическое существованіе было обезпечено, сообразно укоренившимся въ немъ привычкамъ. Разумѣется, что этотъ классъ людей не имѣлъ никакихъ стремленій къ лучшему.

Подобный упадокъ Германіи могъ найти свое исцѣленіе только въ успѣхахъ народнаго хозяйства; преобразованіе же основъ народной жизни требовало еще основъ и для индивидуальной сферы дѣятельности. На это долго не было никакихъ надеждъ; потому что за народно-хозяйственнымъ упадкомъ естественно послѣдовалъ также упадокъ въ умственной жизни народа; всѣ творческія умственныя способности, всѣ образовательныя силы тоже ослабѣли. Все то, что, по видимому, имѣлось еще по части умственной дѣятельности, лежало въ оковахъ педантической учености; подобная ученость въ противоположность истинной наукѣ появляется обыкновенно въ эпоху упадка народовъ и сопровождаетъ ихъ по этому пути, не принося ни пользы ни избавленія.

Однако съ половины прошлаго столѣтія, духъ германскаго народа началъ пробуждаться подъ вліяніемъ умственнаго развитія Англіи и Франціи и тѣхъ броженій, которыя должны были повести къ общественнымъ и политическимъ реформамъ. Это возрожденіе Германіи выразилось въ ея великой литературной эпохѣ, давшей народу новую умственную жизнь, которая при всемъ своемъ внѣшнемъ блескѣ была впрочемъ весьма односторонней. Это новое умственное направленіе съ его односторонностью обозначаютъ обыкновенно весьма вѣрно словомъ идеалистическое; во 1-хъ, потому что, вопреки тогдашней грустной дѣйствительности, оно постоянно вращалось въ области идеально-прекраснаго, существовавшаго только

въ фантазіи поэтовъ и артистовъ; во 2-хъ, въ области научнаго познаванія это направленіе не создало ни одного вѣрнаго исходнаго пункта, который былъ-бы основанъ на дѣйствительныхъ явленіяхъ, на реальности, единственныхъ условіяхъ правильности выводовъ; напротивъ, и здѣсь оно выходило изъ тѣхъ началъ, которыя, въ противоположность реальнымъ, мы должны назвать идеальными. Нечего и говорить, что эти идеальныя начала въ наукѣ никакимъ образомъ не могли привести въ ту сферу идеально-прекраснаго, которая мерещилась поэтамъ того времени.

Ближайшимъ разборомъ этой великой литературной эпохи, а также и ея отношеніемъ къ умственному развитію народа, мы не станемъ заниматься; что же касается до вліянія, которое она оказала на возрожденіе народнаго хозяйства и на преобразованія основъ народной жизни, то мы полагаемъ, что это вліяніе повело только къ препятствіямъ и остановкамъ. Великія реформаціонныя идеи, приводившія въ движеніе и потрясавшія въ началѣ нынѣшняго столѣтія весь цивилизованный міръ, породившія въ немъ много реформъ и нововведеній, весьма медленно пріобрѣтали необходимую для себя почву въ Германіи, занятую уже идеальнымъ направленіемъ. Онѣ даже нашли здѣсь рѣшительную для себя реакцію, которая, основываясь на поэтическомъ и на философски-мечтательномъ направленіи духа того времени, поддерживалась еще господствовавшею политическою силою и вела ни къ чему другому, какъ къ воспроизведенію средневѣковыхъ формъ и установленій. Подъ именемъ романтической школы, это направленіе дѣйствуетъ реактивно даже и въ настоящее время и по справедливости можетъ быть названо продуктомъ сильнаго умственнаго заблужденія.

Въ то время, когда съ началомъ нынѣшняго столѣтія началось повсемѣстное развитіе народнаго хозяйства, давшее новое направленіе судьбамъ западно-европейскихъ народовъ, Германія мало принимала въ этомъ участія и стояла позади другихъ. Правда, что сила обстоятельствъ повела къ различнымъ значительнымъ народно-хозяйственнымъ реформамъ, вынужденнымъ у германскихъ правительствъ отчасти французскимъ вліяніемъ отчасти горькою для нихъ необходимостью; однако эти зачатки не имѣли желаемыхъ послѣдствій и дальнѣйшаго продолженія. Не только привилегированныя сословія являлись противниками этихъ нововведеній, но даже и самъ народъ былъ апатиченъ къ нимъ, не исцѣлившись еще вполнѣ отъ своего прежняго глубокаго паденія и не достигнувъ необходимой

энергіи для успѣшной хозяйственной дѣятельности. Послѣ событій 1813 — 1815 годовъ, когда прежнія государственныя и политическія формы возстановлены и закрѣплены были снова въ бо̀льшей части нѣмецкихъ земель, выражается явное стремленіе къ разрушенію только что вкоренившихся элементовъ народно-хозяйственной свободы; и если это намѣреніе не имѣло повсемѣстнаго успѣха, за то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возобновленіе старыхъ установленій было принято съ радостью и торжествомъ.

Только съ 1830 г. обнаруживается всеобщее возрожденіе общественнаго духа, и являются успѣхи въ области народнаго хозяйства. Общее соединеніе германской торговли, выразившееся въ формѣ таможеннаго союза (Zollverein), было по своимъ послѣдствіямъ первымъ значительнѣйшимъ явленіемъ относительно возрожденія германской народной и государственной жизни; съ этихъ поръ является для народнаго хозяйства, прежде замкнутаго въ предѣлахъ мелкихъ государствъ, достаточное пространство для свободнаго обращенія и для развитія себя помощью взаимодѣйствія различныхъ мѣстностей и различныхъ производствъ; этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ нанесенъ чувствительный ударъ германской мелкой государственности, бывшей въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій глубокою язвою для всего народнаго организма.

Теперь только начинается непрерывное развитіе и послѣдовательное усовершенствованіе народнаго хозяйства въ Германіи; многое упущенное быстро достигается; лежавшія въ бездѣйствіи силы страны и до сихъ поръ дремавшія силы народа повсемѣстно пробуждаются и стараются сбросить всѣ тѣ оковы, которыми ихъ спутывала полицейская попечительность правительства и собственная нерадивость; начинается соревнованіе съ другими народами, въ которомъ Германія стремится занять себѣ первое мѣсто во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Съ радостною гордостью смотритъ каждый германскій патріотъ на возрожденіе своихъ національныхъ силъ, на это общее стремленіе къ практической дѣятельности и творчеству, на цѣлесообразное измѣненіе старыхъ и установленіе новыхъ отношеній, на совершающіяся мудрыя и смѣлыя предпріятія; съ полнымъ самодовольствіемъ видитъ онъ, какъ въ самое короткое время германская нація успѣла возвратить себѣ и уваженіе иностранцевъ и свое значеніе въ совѣтѣ народовъ, въ чемъ прежде ей весьма справедливо отказывали, благодаря ея собственной винѣ.

Какъ ни коротко то время, съ котораго началось непрерывное развитіе Германіи, однако въ немъ до того ясно отличаются два направленія, что мы, по необходимости, должны раздѣлить его на два періода, чтобы вѣрнѣе опредѣлить своеобразный характеръ настоящей эпохи.

Въ первомъ періодѣ успѣхи народнаго хозяйства были сравнительно медленны. Вслѣдствіе прежнихъ упущеній, чувствовался недостатокъ подготовки при каждомъ значительномъ народно-хозяйственномъ предпріятіи; недоставало приспособленныхъ рабочихъ силъ, потребнаго капитала, удобныхъ путей сообщенія, кредитныхъ установленій, цѣлесообразныхъ правоотношеній, смѣлости въ предпріятіяхъ, а самое главное недоставало высокаго техническаго и хозяйственнаго образованія въ людяхъ, стоявшихъ во главѣ производительной дѣятельности. Все это надлежало еще создать. Въ особенности же недоставало въ самомъ населеніи истинно экономическаго духа. Пробудившееся народное сознаніе относительно вопросовъ общественныхъ и государственныхъ, сначала въ юго-западной Германіи, а потомъ и вездѣ, требуя реформъ въ духѣ свободы, устремилось во внутреннюю чисто политическую борьбу, предметами которой были разные конституціонные вопросы и свобода личности. Поэтому разрѣшеніе чисто экономическихъ вопросовъ стояло пока на второмъ планѣ.

Очень понятна и естественна была политическая борьба тогдашняго времени, направленная противъ сильнаго развитія бюрократіи и полицейскаго вмѣшательства, противъ мелко-государственности съ ея вредными вліяніями, въ особенности же противъ невыгоднаго политическаго состоянія, созданнаго обще-германскими федеральными учрежденіями. Нельзя не сознаться, что эта борьба при своей односторонности имѣла невыгодное вліяніе на народное хозяйство; ибо, выдвигая на первый планъ вопросы чисто политическіе, она относилась какъ будто съ невниманіемъ и безъ должной оцѣнки къ экономической жизни государствъ. Этимъ наносился ущербъ не только развивавшемуся собственными средствами народному хозяйству, но даже и самому успѣху чисто политической борьбы.

Ближайшею причиною этого односторонняго направленія, высказавшагося въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, была узкость и ошибочность направленія, принятаго самою наукою и раздѣляемаго просвѣщеннымъ обществомъ тогдашняго времени. Глубокое взаимоотношеніе народнаго хозяйства и государства было тогда, или

весьма мало, или вовсе несознаваемо, напротивъ къ нимъ относились какъ къ двумъ совершенно раздѣленнымъ между собою сферамъ.

Существо государства выводилось изъ абстрактныхъ идей всякаго рода, изъ философскихъ аксіомъ, изъ умственныхъ наведеній и принциповъ права; но никогда не выводилось оно изъ тѣхъ чисто вещественныхъ отношеній, которыя образуются и слагаются въ народномъ организмѣ при посредствѣ хозяйства и приводятъ потомъ къ высшей формѣ народнаго бытія — къ государству. Поэтому народное хозяйство было разсматриваемо только какъ производство вещественныхъ благъ или матеріальнаго богатства; его же непосредственное, глубоко обхватывающее отношеніе ко всему общественному быту, слѣдовательно и къ государству, оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Послѣдствіемъ этого было то, что вопросы чисто политическіе считались, съ полнымъ убѣжденіемъ, вопросами высшими и болѣе возвышенными, чѣмъ вопросы народно-хозяйственные, что науки государственныя уважались гораздо болѣе наукъ экономическихъ, на томъ простомъ основаніи, предвзятомъ безъ всякаго анализа, что первыя занимаются цѣлями возвышенными, вполнѣ разумными, занимаются законами человѣческаго общежитія, вторыя же напротивъ имѣютъ дѣло только съ цѣлями матеріальными, съ производствомъ богатствъ, съ удовлетвореніемъ низшихъ потребностей человѣка. Нужно сознаться, что тогдашнее состояніе экономическихъ наукъ въ Германіи, своею односторонностью и неудовлетворительностью, подало справедливый поводъ къ такому извращенному пониманію и къ такой низкой оцѣнкѣ ихъ.

Означенное идеалистическое пониманіе государственной жизни повело къ тому политическому направленію, которое въ послѣдствіи получило названіе стараго либерализма (Altliberalismus), и которое въ ту эпоху, въ особенности въ представительныхъ земскихъ собраніяхъ юго-западной Германіи, дошло до своего полнаго развитія и дало при этомъ нѣкоторые результаты своего существованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при удаленія отъ вещественныхъ основъ народной и государственной жизни и при своемъ довѣріи въ побѣдоносную силу философскихъ идей, это направленіе носило въ себѣ самомъ признаки своего разрушенія. Въ самомъ дѣлѣ, событія 1848 года привели къ таковому результату. Съ этимъ годомъ совпадаетъ грань двухъ періодовъ исторіи новѣйшаго развитія Германіи, о которыхъ мы упомянули выше. Мы сказали прежде, что новѣйшая исторія развитія Германіи отличается началомъ обновленія всѣхъ внутрен-

нихъ народныхъ отношеній, прибавимъ же теперь, что 1848 годъ есть моментъ великаго поворота въ судьбахъ германскаго народа. Съ этихъ поръ начинается истинное возрожденіе Германіи. Духъ ея народа, послѣ многоразличныхъ заблужденій въ національномъ, политическомъ, научномъ, религіозномъ и философскомъ отношеніяхъ, гдѣ онъ неразъ впадалъ во вредный расколъ и близокъ былъ къ своему разложенію, возвратился опять къ себѣ самому; силы народа пробудились отъ своего летаргическаго состоянія и сбросили съ себя оковы, которыя были наложены на нихъ или вслѣдствіе собственнаго недостатка въ энергіи, или вслѣдствіе внѣшнихъ несчастныхъ обстоятельствъ. Изъ взаимодѣйствія духа и силъ германскаго народа исходитъ безконечная творческая дѣятельность его, которая, стремясь къ практическимъ цѣлямъ, выходя изъ вещественныхъ данныхъ и давая весьма широкое примѣненіе великому народно-хозяйственному принципу свободныхъ ассоціацій, вводитъ во всѣхъ сферахъ народной жизни рѣшительныя измѣненія и открываетъ для цѣлой націи дорогу къ безконечнымъ успѣхамъ.

Великая народно-хозяйственная эпоха, которою мы еще въ началѣ вообще охарактеризовали текущій періодъ всемірной исторіи, начинается для Германіи только съ 1848 года. Дорогу къ ней проложило полное крушеніе выше помянутаго идеально-политическаго направленія, а также и народныя движенія 1848 и 49 годовъ, вызванныя этимъ крушеніемъ. Сила успѣховъ этого времени, разрушившая многія сладкія мечты, и подорвавшая много благородныхъ надеждъ, должна была вселить во всѣхъ современникахъ глубокое впечатлѣніе могущества вещественныхъ отношеній, и убѣдить ихъ наконецъ въ томъ, что нельзя основывать политическое зданіе и благосостояніе народа на идеальныхъ философскихъ теоріяхъ, на громкихъ и звонкихъ параграфахъ конституцій и на методическихъ выводахъ юридической науки.

Только что прошло всеобщее оцѣпененіе общественной жизни, вызванное суровою реакціею послѣ подавленія революціонныхъ движеній, какъ повсемѣстно начинаетъ обнаруживаться уже совершенно другое пониманіе склада государственной жизни, и соотвѣтственно этому обнаруживаются новыя стремленія въ жизни дѣйствительной. Вопросы чисто политическіе постепенно отодвигаются на задній планъ, напротивъ вопросы народно-хозяйственные и общественные выдвигаются на первый. Это направленіе, сначала слабое и неясное, чрезвычайно быстро расширяется, и распространяется нако-

нецъ даже въ сферѣ правительственной дѣятельности. Причиною этого было то обстоятельство, что многіе важные вопросы чисто матеріальнаго содержанія, касавшіеся народнаго благосостоянія, требовали въ ту пору быстраго и безотлагательнаго разрѣшенія. Съ одной стороны, народное движеніе вызвало нѣкоторые таковые вопросы къ немедленному разбору ихъ; съ другой, оно нанесло такъ много ущерба благосостоянію и производительности вообще, что быстрая помощь дѣлалась существенною необходимостью. Въ особенности же развитіе этого направленія въ Германіи произошло еще и отъ того, что единовременно съ нимъ послѣдовало и въ сосѣднихъ государствахъ напряженное развитіе народно-хозяйственнаго духа, что̀, безъ сомнѣнія, оказывало сильное вліяніе на всѣ нѣмецкія государства, не желавшія, въ ущербъ себѣ, отставать отъ своихъ сосѣдей. Во Франціи императоръ Наполеонъ высказывалъ глубокое сочувствіе вопросамъ народнаго хозяйства, во первыхъ потому, чтобы, улучшивъ этимъ положеніе рабочаго сословія, успокоить какъ нибудь его соціалистическія тенденціи; а во вторыхъ, чтобы, открывъ путь для буржуазіи къ разнаго рода спекуляціямъ и къ наживѣ, заставить ее позабыть утрату своей политической свободы. Австрія, послѣ тѣхъ тяжелыхъ ранъ, которыя нанесены были ей революціею, также энергически обратилась къ возвышенію народнаго хозяйства и государственныхъ доходовъ; и дѣйствительно, подъ управленіемъ талантливыхъ людей, при новыхъ и смѣлыхъ планахъ и при особенномъ вниманіи правительства, тамъ послѣдовало всестороннее развитіе народнаго хозяйства.

Слѣдствіемъ успѣховъ означеннаго направленія было то, что въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія народно-хозяйственныя стремленія, народно-хозяйственныя предпріятія и народнохозяйственный взглядъ на всѣ вещи охватилъ весь германскій народъ во всѣхъ его классахъ, сословіяхъ и партіяхъ, и шелъ все дальше по тому же направленію. Всѣмъ тѣмъ, что прежде было упущено, старались овладѣть сразу. Если когда-то имѣли полное право жаловаться на медлительность нѣмцевъ и на ихъ безучастіе относительно экономическихъ интересовъ, за то теперь остается только удивляться тому энтузіазму, съ какимъ они устремились къ означеннымъ интересамъ.

Это движеніе цѣлаго народа въ духѣ новаго направленія выразилось одновременно и въ практической хозяйственной дѣятельности и въ области интелектуальной. Въ первой оно выразилось быстрымъ

развитіемъ большаго производства (Gross-Industrie), и хотя это производство уже и въ предъидущую эпоху пустило глубокіе корни, въ особенности подъ вліяніемъ таможеннаго союза, однако теперь оно поднялось еще выше, распространилось во всѣ стороны и приняло болѣе интенсивный характеръ, благодаря успѣхамъ естественныхъ наукъ, усиленнымъ и улучшеннымъ рабочимъ силамъ, а также умноженному капиталу, сдѣлавшемуся вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе доступнымъ для промышленныхъ предпріятій. Чрезвычайно важнымъ для успѣховъ этой дѣятельности было то обстоятельство, что лучшіе люди по своему уму и знаніямъ, посвящавшіе себя прежде исключительно государственной или ученой службѣ, перешли теперь на поприще дѣятельности общественной,—промышленной; такимъ образомъ значительныя и лучшія силы, проподавшія прежде почти втунѣ для цѣлаго народа, сдѣлались теперь его достояніемъ, его собственными производительными силами. Радостнымъ было явленіемъ для всей Германіи и признакомъ ея здороваго возрожденія, когда въ первый разъ увидѣли во главѣ промышленныхъ предпріятій прежнихъ сановниковъ и ученыхъ.

Разъ выразившееся направленіе неминуемо должно было развиваться все дальше и дальше; ибо чѣмъ болѣе совершенствуется спеціализація промышленности чрезъ раздѣленіе труда, тѣмъ болѣе всѣ отдѣльныя предпріятія приходятъ въ тѣсную зависимость другъ отъ друга. Каждая промышленность обусловливается существованіемъ другихъ промышленностей, каждая нуждается въ другой, а всѣ вмѣстѣ совершенствуются, благодаря только своимъ взаимнымъ запросамъ; одно предпріятіе вызываетъ другое; такъ напримѣръ, всеобщій переходъ къ машинному производству вызвалъ усиленную постройку машинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повліялъ на огромное развитіе металлургической дѣятельности и горныхъ промысловъ. Всѣмъ извѣстно громадное количество добываемаго теперь желѣза и каменнаго угля.

Еще важнѣе общей энергической дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ техническаго производства, было основаніе духомъ предпріимчивости тѣхъ полезныхъ учрежденій, которыя, сами по себѣ не производя никакихъ богатствъ, даютъ отдѣльнымъ предпріятіямъ возможность огромнаго развитія и этимъ служатъ для народнаго хозяйства незамѣнимымъ подспорьемъ. Сюда относятся прежде всего учрежденія улучшенныхъ сообщеній, — желѣзныя дороги и пароходы; затѣмъ банковыя и кредитныя установленія, облегчающія

обращеніе денегъ и капиталовъ, и безъ которыхъ не могли бы существовать ни большія промышленныя предпріятія, ни правильный оборотъ капиталовъ въ большихъ размѣрахъ; въ третьихъ страховыя установленія, которыя принимая на себя часть риска, нераздѣльнаго съ большими предпріятіями, дѣлаютъ ихъ возможными; безъ этого же, разумѣется, никто не рѣшился бы на значительныя затраты ни въ производствахъ, ни въ коммерціи, имѣя въ виду громадность опасности.

Нужно удивляться тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлало германское народное хозяйство во всѣхъ своихъ сферахъ, съ небольшимъ въ десять лѣтъ времени; оно превзошло всѣ самыя смѣлыя ожиданія, которыя только можно было имѣть въ этомъ отношеніи передъ 1848 годомъ. При этомъ еще нужно замѣтить, что, относительно постройки желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, Германіи не пришлось быть въ выжидательномъ положеніи, какъ бывало прежде съ разными другими экономическими нововведеніями, гораздо раньше водворявшимися у другихъ народовъ, чѣмъ у нея; теперь же она строила тѣ и другіе единовременно съ остальными передовыми странами Европы. Кредитъ съ своими разнообразными установленіями утвердился крѣпкою ногою въ Германіи; банковое устройство, находившееся въ неудовлетворительномъ состояніи вслѣдствіе прежнихъ многихъ упущеній и ошибочныхъ правительственныхъ распоряженій, развилось въ полномъ совершенствѣ, и Германія успѣла уже счастливо пережить свой первый, всеобщій промышленный и торговый кризисъ, благодаря этому ново-преобразованному состоянію банковъ.

Въ этой обновленной жизни германскаго народа, всѣ изображенные успѣхи практической дѣятельности получаютъ еще тѣмъ бóльшее значеніе, что рядомъ съ ними и въ нераздѣльной связи развилась народная интеллигенція, которая выражается какъ въ правильныхъ представленіяхъ и оцѣнкѣ народнаго хозяйства, такъ и въ совершенно измѣненномъ взглядѣ на общественныя и государственныя отношенія. Да, мы скажемъ безъ всякаго колебанія, что разумная жизнь вообще и интеллигенція всего народа въ особенности возвысились и возродились въ Германіи съ развитіемъ и съ возрожденіемъ матеріальной жизни и въ связи съ нею.

Давно ли то время, когда даже для образованной среды наука народнаго хозяйства была извѣстною лишь только по имени? Старѣйшая часть нынѣшней генераціи едва слышала о ней въ своей

юности; ибо тогда смотрѣли на эту науку, какъ на придаточный предметъ, полезный только для тѣхъ чиновниковъ администраціи, которые приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ практическою промысловою жизнью народа. Для научнаго пониманія государственной жизни, для завѣдыванія государственными дѣлами, для политическихъ преній и для парламентской дѣятельности, казалось совершенно достаточнымъ, если кто владѣлъ философскими аксіомами, опредѣленіями положительнаго права и плоскими, вкоренившимися, обычными воззрѣніями на государство. Въ кругу же производительныхъ классовъ существовало только кое у кого сознаніе, что вся хозяйственная жизнь извѣстнаго народа образуетъ одинъ обширный организмъ, управляемый твердыми и неизмѣнными законами, соблюденіе которыхъ обусловливаетъ развитіе и успѣхъ каждаго промышленнаго предпріятія, и что существуетъ такая наука, которая занимается изслѣдованіемъ этихъ естественныхъ законовъ въ ихъ общей связи между собою.

Какъ все это измѣнилось въ Германіи въ какія нибудь двадцать или даже въ десять лѣтъ!

Въ настоящее время, экономическіе вопросы въ устахъ каждаго и затрогиваютъ всѣхъ, не только людей государственныхъ и политиковъ, но и цѣлый народъ; не только высшіе общественные слои, принимающіе участіе въ жизни оффиціальной, занимаются ими, но и всѣ средніе даже и низшіе классы общества. Знаніе политической экономіи сдѣлалось необходимымъ условіемъ для управленія государственными дѣлами, и по сему изученіе этой науки стало существенною частью въ общемъ образованіи каждаго чиновника; хотя впрочемъ нужно сознаться, что политическая экономія и до сихъ поръ не преподается еще въ удовлетворительномъ объемѣ и съ надлежащимъ пониманіемъ. Еще болѣе сознали великое значеніе этой науки производительные и торговые классы народа и стали усвоивать ея основныя положенія для руководства ими въ своей практической дѣятельности.

Въ непосредственной связи съ распространіемъ экономическихъ знаній, обнаружилось, упомянутое нами прежде, всеобщее измѣненіе во взглядѣ на государственныя отношенія, что по справедливости можно считать исходною точкою къ здоровому обновленію политическаго состоянія Германіи. На мѣсто субъективнаго либерализма, является признаніе объективныхъ основъ государственной жизни; вмѣсто философскихъ и гуманитарныхъ изысканій въ области жизни

государственной, — признаніе силы и справедливости реальныхъ явленій и отношеній. Политическія фразы мало по малу уступили мѣсто разнаго рода изслѣдованіямъ реальной сущности; идеальныя прихоти свободы разрушились предъ сознаніемъ, что однѣ лишь вещественныя основы народной жизни обусловливаютъ существованіе государства и что развитіе народнаго хозяйства есть необходимая предпосылка для успѣховъ въ политическихъ реформахъ.

Это новое направленіе умовъ до того быстро и глубоко развилось подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ явленій, что интересъ чисто политическихъ вопросовъ совершенно отодвинулся назадъ. Вмѣсто былыхъ политическихъ движеній прежняго времени, предъ нами раскрывается движеніе народно-хозяйственное *); успѣла уже образоваться партія экономической агитаціи, имѣющая членовъ и приверженцевъ во всѣхъ частяхъ Германіи, и которая въ печати, въ ферейнахъ и въ палатахъ борется за хозяйственныя реформы и за полное освобожденіе экономическихъ силъ. Вотъ вопросы, которые въ настоящее время исключительно поглощаютъ общественное вниманіе: свобода промышленности и уничтоженіе цеховаго устройства въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ оно хотя отчасти уцѣлѣло **), разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ посредствомъ примѣненія принциповъ ассоціаціи къ быту рабочихъ и ремесленныхъ классовъ, уничтоженіе законовъ о лихоимствѣ, развитіе банковаго устройства, реформы аграрныхъ законовъ; всего же болѣе въ данный моментъ интересуются вопросомъ о торговой политикѣ и о заключеніи торговыхъ договоровъ ***). Къ этимъ и къ подобнаго рода вопросамъ устремились мысль и дѣятельность германскаго народа послѣ тяжелаго времени реакціоннаго гнета; и, благодаря этому, прошелъ тотъ индиферентизмъ, который обнаружился было въ массахъ при побѣдахъ, одержанныхъ тогда реакціею.

Чрезвычайно важно, что чрезъ экономическіе вопросы затронуты были интересы самыхъ многочисленныхъ классовъ народа, привлеченныхъ такимъ образомъ въ первый разъ къ обсужденію обществен-

*) Къ этому нужно прибавить еще движенія по поводу вопроса о національностяхъ; напр. германское движеніе по поводу Шлезвигъ-Голштейна.

**) Въ Баваріи.

***) Самовластное заключеніе Пруссіею торговаго договора съ Франціею, безъ участія членовъ цольферейна, сильно оскорбило демократическую партію въ Германіи и вызвало нескончаемыя частныя и публичныя пренія о правѣ и формѣ заключенія подобныхъ договоровъ на будущее время.

ныхъ интересовъ и развившихъ въ себѣ этимъ путемъ здоровый политическій смыслъ и пониманіе вопросовъ государственныхъ *).

Для развитія политическаго состоянія Германіи это экономическое направленіе имѣетъ огромное значеніе; черезъ это пришли къ сознанію ближайшей и необходимой связи политической жизни съ условіями народнаго хозяйства, и, вѣроятно, это сознаніе не будетъ никогда потеряно. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, измѣнились самыя политическія стремленія, съ другой, открыты новыя средства какъ для осуществленія этихъ стремленій, такъ и для политической борьбы, для проведенія и для поддержки новыхъ требованій. Слѣдующее убѣжденіе проникаетъ теперь все глубже и глубже во всѣ слои германскаго общества: — свобода, достигается не на основаніи прирожденныхъ человѣку правъ и философскихъ теорій, которыми она никогда не будетъ вызвана и установлена; но что она существенно кроется въ хозяйственной самостоятельности, въ независимости личности и въ ея правахъ полнаго распоряженія собою и своимъ имуществомъ, и что только чрезъ хозяйственную свободу и хозяйственное развитіе достигается свобода политическая въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. право участія въ управленіи. Поэтому, борьба съ абсолютизмомъ ведется теперь другимъ оружіемъ, а не воззваніями къ теоріямъ свободы и къ гарантированнымъ конституціямъ, какъ было прежде; въ словѣ «самоуправленіе» кроется вся сумма новыхъ стремленій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поняли теперь лучше прежняго, что финансы составляютъ связующее звено между народнымъ хозяйствомъ и государствомъ; поэтому, какъ самое ученіе о податяхъ, такъ и новая податная форма глубоко проникнулись одними лишь основными положеніями политической экономіи, а не частными интересами фиска, какъ было прежде; а это, въ связи съ правомъ народа утверждать финансовый бюджетъ чрезъ своихъ депутатовъ, дало народному хозяйству значительную гарантію передъ правительствомъ. Стремящаяся къ свободному развитію народная партія въ Германіи много выиграла этимъ въ своихъ внутреннихъ силахъ и, ставши на крѣпкую почву, неминуемо должна достигнуть еще большихъ успѣховъ **).

---

*) Не обѣщаютъ-ли нынѣшнія земскія учрежденія въ Россіи подобныхъ послѣдствій?

**) Главнымъ представителемъ въ настоящее время народной или демократической партіи въ Германіи служитъ извѣстное общество — National-Verein.

На ряду съ стремленіями къ свободному развитію и къ соотвѣтственнымъ оному государственнымъ учрежденіямъ, заявляется пламенное желаніе всѣхъ истинныхъ германскихъ патріотовъ о возстановленіи бóльшаго единства и о радикальныхъ реформахъ нынѣшнихъ крайне неудовлетворительныхъ федеральныхъ учрежденій Германіи. Для достиженія этихъ высокихъ цѣлей, народно-хозяйственное направленіе настоящаго времени имѣетъ значеніе, обѣщающее большіе успѣхи; потому то самыя стремленія къ единству вызываются больше всего экономическими интересами. Все болѣе и болѣе развивающееся убѣжденіе въ значеніи означенныхъ интересовъ ежедневно доставляетъ новыхъ приверженцевъ для народной партіи; а это поведетъ наконецъ къ тому, что весь народъ придетъ къ единодушному убѣжденію въ необходимости осуществленія предполагаемыхъ реформъ, ради обезпеченія благосостоянія частныхъ лицъ и ради самаго государственнаго существованія.

Впрочемъ, творческая сила народно-хозяйственныхъ отношеній уже отчасти выразила свое вліяніе на политическое состояніе Германіи и мало по малу начала приводить къ исполненію означенныя задушевныя цѣли германскихъ патріотовъ. Съ таможеннымъ союзомъ началось возрожденіе Германіи; затѣмъ нѣкоторое единство въ монетной системѣ, въ вексельномъ и торговомъ правѣ, въ области путей сообщенія и телеграфовъ и проч. постоянно усиливаютъ убѣжденіе въ необходимости болѣе тѣснаго единства Германіи и ведутъ къ уничтоженію односторонняго партикуляризма. Начинаетъ уже мало по малу теряться въ народѣ сознаніе значенія своихъ междугосударственныхъ границъ и даже самое знаніе ихъ, съ тѣхъ поръ какъ уничтожены внутреннія таможенныя заставы и какъ желѣзныя дороги прошли по всѣмъ направленіямъ Германіи. При напорѣ народно-хозяйственной силы, падаетъ въ прахъ все твореніе дипломатическаго искусства!

И такъ на нашихъ глазахъ совершилось и совершается обновленіе германской народной и государственной жизни, всѣхъ ея сословій и институтовъ, энергическое обновленіе національнаго духа, и все это совершилось отъ вліянія народнаго хозяйства! Счастливая будущность виднѣется для могущества, величія и благосостоянія германскаго народа, если онъ сохранитъ и съ яснымъ пониманіемъ разовьетъ тѣ основы, которыя дали ему средства двинуться впередъ, а также если онъ будетъ стремиться не только къ уразумѣнію истинъ народнаго хозяйства и его связи съ государствомъ, но если

и въ практикѣ онъ постоянно будетъ руководствоваться примѣненіемъ къ дѣлу означенныхъ истинъ. Разумѣется, для этого необходимо широкое пониманіе народнаго хозяйства, какъ всеобъемлющаго фундамента цѣлой народной жизни; необходимо, чтобы и самая наука усвоила всю ширину такого взгляда, принявъ для себя исходнымъ пунктомъ крайнія и существенныя условія человѣческаго бытія и показавъ далѣе, какъ изъ самыхъ этихъ условій, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, рождаются общественныя и государственныя отношенія.

По справедливости можно сказать, что отъ недостатка подобнаго основанія въ наукѣ происходитъ въ настоящее время раздѣльность между государствомъ и народнымъ хозяйствомъ, между государственною и народно-хозяйственною наукою, и въ этомъ скрывается причина односторонности и несовершенства этихъ обѣихъ отраслей знанія. Наука народнаго хозяйства приняла своимъ исходнымъ пунктомъ изслѣдованіе явленій въ области хозяйственныхъ отношеній новѣйшихъ народовъ; при своей сравнительной молодости, она ограничивалась, до сихъ поръ, только однимъ расширеніемъ сферы своихъ изслѣдованій, при чемъ на дѣлѣ многія изслѣдованія вызваны были не въ прямой связи съ другими и не по задуманной впередъ строгой системѣ, а вслѣдстіе необходимости разбора какихъ нибудь очередныхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, которые, разумѣется, вліяя на изслѣдованія, дѣлали ихъ односторонними.

Поэтому, для поверхностнаго наблюдателя, эта наука легко могла показаться теоріею односторонно возвысившейся промышленной жизни новѣйшихъ народовъ; другіе же еще болѣе ограниченые умы полагаютъ, что политическая экономія имѣетъ предметомъ своего изложенія полезные выводы и предписанія для практической хозяйственной дѣятельности и поэтому вовсе не относится къ другимъ сторонамъ человѣческой жизни. Устраненіе подобныхъ ошибочныхъ взглядовъ будетъ лишь тогда возможнымъ, когда мы, съ одной стороны, прослѣдимъ экономическія явленія до самой глубины ихъ основъ или причинъ и, съ другой стороны, изслѣдуемъ то дѣйствіе, или вліяніе, которое они могутъ оказывать или дѣйствительно уже оказываютъ на всѣ стороны человѣческаго бытія.

Теперь приступимъ къ изложенію существующихъ нынѣ возрѣній на экономическую науку и на самый предметъ ея изслѣдованій — на народное хозяйство.

Высказанное нами понятіе о сущности народнаго хозяйства можетъ вызвать нѣкоторыя возраженія. Найдутъ, пожалуй, что мы ставимъ народное хозяйство въ связи съ тѣми сферами человѣческой жизни, которыя, по видимому, не имѣютъ съ нимъ ничего общаго; что мы даемъ ему гораздо болѣе значенія, противъ того, какъ давалось до сихъ поръ; что мы вообще придаемъ очень много значенія экономической дѣятельности и ея вліянію на общій ходъ прогресса, тогда какъ она заботится только о житейскихъ нуждахъ и о физическихъ потребахъ и уже поэтому самому не можетъ стоять на ряду съ тѣми родами дѣятельности, которые имѣютъ цѣлію удовлетворить высшимъ идеальнымъ потребностямъ человѣческаго духа.

Подобныя возраженія насъ не удивятъ, мы даже напередъ ихъ предвидимъ. До сихъ поръ господствуетъ общее мнѣніе, что народное хозяйство и ученіе о немъ имѣетъ предметомъ только одно матеріальное богатство, что они не имѣютъ никакого отношенія къ высшимъ сторонамъ человѣческой жизни, что эгоизмъ, стремленіе къ наживѣ и къ чувственнымъ удовольствіямъ ихъ единственные двигатели, и что поэтому они выражаютъ собою существенный продуктъ матеріалистическаго направленія въ мысли и въ жизни нынѣшняго человѣчества. Мы постараемся сдѣлать современемъ полное опроверженіе такого фальшиваго взгляда, который не только весьма мѣшаетъ развитію науки, но еще своими послѣдствіями дѣйствуетъ въ ущербъ всей государственной жизни; теперь же ограничимся только высказать нижеслѣдующее.

Недостаточность оцѣнки значенія народнаго хозяйства, какъ области матеріальныхъ интересовъ, основывается на томъ убѣжденіи, что оно имѣетъ единственнымъ своимъ предметомъ производство и потребленіе благъ вещественныхъ и что его развитіе способствуетъ только одному размноженію вещественнаго богатства и удовлетворенію чувственныхъ потребностей. Если бы этотъ взглядъ былъ вѣренъ, то изъ него по справедливости можно было бы вывести, что совершающееся нынѣ у новѣйшихъ народовъ энергическое развитіе хозяйственной дѣятельности, подрывая и устраняя собою стремленія къ высшимъ идеальнымъ цѣлямъ, должно повести къ односторонности и даже къ паденію разумно-духовной жизни. Въ этомъ же предположеніи непосредственно скрывается весьма опасный выводъ, что если въ хозяйственныхъ стремленіяхъ предполагается что нибудь угрожающее для общаго благополучія въ какомъ бы то ни было отношеніи, тогда всякая присущая народному

организму власть необходимо обязана препятствовать, или по крайней мѣрѣ затруднять ходъ развитія народнаго хозяйства и его стремленій.

Фальшивая оцѣнка матеріальныхъ стремленій и матеріальной дѣятельности происходитъ отъ несовершенства въ пониманіи самаго существа человѣка. Человѣкъ, будучи духовно-плотскимъ существомъ и имѣя въ себѣ нераздѣльно другъ отъ друга элементы двухъ совершенно различныхъ свойствъ, посредствомъ своего тѣла вполнѣ подчиняется законамъ міра животнаго, но въ то же время въ немъ живутъ высокіе зачатки всего духовнаго, которое по его понятіямъ есть нѣчто безконечное. Оба эти элемента не существуютъ въ человѣкѣ отдѣльно одинъ отъ другаго, но проникаютъ другъ друга неразрушимымъ и неразрывнымъ образомъ. Духъ абсолютно связанъ съ матеріею человѣка, такъ, что мы не можемъ вообразить себѣ ни его дѣятельности, ни существованія безъ означенной связи; физическія чувства служатъ для него органами воспріятія и передачи, и посредствомъ ихъ онъ находится въ неразрушимой связи съ внѣшнимъ міромъ.

Этою особенностію двойственной природы человѣка обусловливается дѣятельность всей человѣческой жизни; вся неизмѣримая масса этой дѣятельности, имѣющая цѣлію влiять на внѣшній міръ, вызывается внутренними потребностями или цѣлями человѣка, зависящими, или, лучше сказать, вызываемыми въ свою очередь этимъ же самымъ внѣшнимъ міромъ и удовлетворяющимися только посредствомъ результатовъ дѣятельности. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ со всѣми своими потребностями и стремленіями зависитъ отъ міра внѣшняго, потому что всѣ цѣли его, которыя онъ желаетъ осуществить въ своей жизни, даже самыя возвышенныя и нематеріальныя, требуютъ извѣстныхъ вещественныхъ издержекъ, или такихъ вещей, которыя должны служить какъ средства для удовлетворенія его потребностей и какъ пособія для достиженія означенныхъ цѣлей; эти же вещи должны быть напередъ произведены человѣкомъ, если только онъ желаетъ удовлетворить потребностямъ и выполнить свои цѣли.

Такую дѣятельность человѣческую, направленную къ производству внѣшнихъ условій бытія, обусловливающихъ выполненіе всевозможныхъ жизненныхъ цѣлей, если только эта дѣятельность совершается извѣстною человѣческою группою, въ извѣстной общей системѣ, называемъ мы — народно-хозяйственною дѣятельностію.

Поэтому несправедливо ограничивать ее тѣснымъ понятіемъ одного лишь производства матеріальныхъ вещей, будутъ ли онѣ служить только къ устраненію одной нужды или и къ удовлетворенію многообразныхъ чувственныхъ потребностей. Скорѣе она есть коренное основаніе, фундаментъ для цѣлой жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всего народа; ибо, доставляя условія внѣшняго бытія, народно-хозяйственная дѣятельность служитъ не только подготовкою для дальнѣйшаго развитія всѣхъ жизненныхъ цѣлей и стремленій, но и средствомъ ихъ достиженія и осуществленія. Ходъ развитія во всѣхъ направленіяхъ народной жизни и самая быстрота этого хода основываются на развитіи народнаго хозяйства, которое, по справедливости, опредѣляетъ и обусловливаетъ все положеніе народа въ каждый моментъ его существованія. Всякое высшее развитіе состоитъ въ появленіи новыхъ болѣе высшихъ потребностей относительно существовавшихъ прежде; а это можетъ быть достигнуто и удовлетворено только чрезъ расширеніе и усовершенствованіе вещественнаго производства; ввести же таковое есть дѣло народнаго хозяйства.

Слѣдовательно, значеніе народнаго хозяйства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ограничено одними только попеченіями о физическихъ нуждахъ или о матеріальныхъ интересахъ; напротивъ, гораздо правильнѣе будетъ принимать его за основу каждаго человѣческаго успѣха, за основу всего развитія человѣчества; потому что чрезъ увеличеніе массы вещества и чрезъ переработку его въ болѣе утонченный видъ возвышаются и облагораживаются самыя потребности человѣка, а подобное возвышеніе уровня общаго благосостоянія даетъ закладку дальнѣйшей культурѣ и цивилизаціи; вслѣдствіе же развитія матеріальнаго благосостоянія, народное хозяйство обусловливаетъ возможность развитія и высшей интеллигентной жизни, возможность обособленной работы разума и силъ духовныхъ, и этимъ даетъ начало наукѣ и искусству. Появленію наукъ и искусствъ необходимо должно предшествовать развитіе матеріальнаго благосостоянія въ народѣ. Мы не знаемъ примѣровъ въ исторіи, чтобы онѣ появлялись у народовъ занятыхъ однимъ только удовлетвореніемъ насущнѣйшихъ потребностей жизни, слѣдовательно стоящихъ на низшей степени развитія своего хозяйства; ибо побужденія къ умственнымъ изслѣдованіямъ и потребности въ духовныхъ наслажденіяхъ могутъ явиться лишь только тогда, когда всѣ низшія потребности удовлетворены, по крайней мѣрѣ, до-

статочно, и когда извѣстное число людей можетъ совершенно отрѣшиться отъ личной матеріальной производительности, которую могутъ принять на себя другіе, на основаніи развившейся уже системы раздѣленія труда.

Часто противопоставляютъ народному хозяйству другія стороны народной жизни, въ особенности тѣ, которыя находятъ свое осуществленіе въ государствѣ; поэтому вообще принято за правило считать эти послѣднія за болѣе высокія, какъ служащія къ осуществленію нравственныхъ принциповъ, права и проч. Не вдаваясь въ опроверженіе несправедливости подобнаго противопоставленія, замѣтимъ здѣсь, что выполненіе тѣхъ высокихъ обязанностей, которыя возлагаются на государство, зависитъ отъ вещественныхъ средствъ всего народа, или же отъ степени развитія народнаго хозяйства. Финансы были всегда жизненнымъ нервомъ государства и будутъ имъ еще болѣе, чѣмъ болѣе разовьется государство сообразно истинному своему существу и чѣмъ болѣе оно будетъ стремиться къ выполненію высокихъ цѣлей своего бытія. Процвѣтаніе же финансовъ основывается на одномъ только народномъ богатствѣ, на возрастающемъ вещественномъ производствѣ. Поэтому, непосредственно производимыя намъ услуги отъ государства, какъ-то личная свобода, охрана собствености, обезпеченіе сообщеній, попеченіе о наукахъ и искусствахъ и проч., суть не что иное, какъ услуги, доставляемыя намъ народнымъ хозяйствомъ, для котораго государственная организація служитъ въ этомъ случаѣ только необходимою посредницею. Количество и качество услугъ, получаемыхъ отъ государства, существенно зависитъ всегда отъ объема производительности въ народномъ хозяйствѣ; только у богатыхъ народовъ возможна высокая цивилизація и процвѣтаніе во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни.

Поэтому цѣли и стремленія народнаго хозяйства не могутъ быть признаны за чисто матеріалистическія или принадлежащія къ сферѣ низшей человѣческой дѣятельности, ради того только, что онѣ прежде всего имѣютъ въ виду производство вещественныхъ благъ; эти цѣли и стремленія — не крайнія, не послѣднія; онѣ только въ этомъ случаѣ являются средствами для человѣка осуществлять всѣ свои дальнѣйшія цѣли и преднамѣренія. Низкая оцѣнка значенія народнаго хозяйства сравнительно съ другими сферами человѣческой дѣятельности, происходитъ еще иногда отъ недостатка должнаго уваженія къ хозяйственной дѣятельности вообще. Эта дѣятельность кажется для

многихъ низшею, мало достойною уваженія; потому что множество хозяйственныхъ работъ совершается при посредствѣ будто бы однѣхъ только физическихъ силъ, и что подобныя работы не могутъ стоять на ряду съ тѣми, которыя производятся съ помощью силъ умственныхъ и нравственныхъ. Этотъ фальшивый взглядъ, въ связи съ выше упомянутымъ не менѣе этого фальшивымъ пониманіемъ цѣли и значенія народнаго хозяйства, былъ отчасти причиною нынѣшняго односторонняго направленія науки. Подобно тому, какъ ограничивали существо и задачу народнаго хозяйства однимъ только производствомъ вещественныхъ благъ и ихъ накопленіемъ, точно также опредѣляли хозяйственную дѣятельность лишь исключительнымъ, преобладающимъ напряженіемъ физическихъ силъ человѣка.

Но, по нашему мнѣнію, такого рода работа не привела бы человѣчество къ той высокой степени цивилизаціи а также и къ тому матеріальному довольству, которое мы видимъ теперь; работою разума, или, лучше сказать, элементомъ разума, входящимъ въ каждый человѣческій трудъ, достигли мы нынѣшняго нашего высокаго положенія въ цивилизаціи. Въ чемъ же, въ какой отрасли дѣятельности высказался въ первый разъ разумъ человѣческій, этотъ элементъ каждаго успѣха нашего, эта частица необъятнаго, неизмѣримаго? Отвѣтъ простъ и безспоренъ, — въ хозяйственномъ трудѣ. Это была первая исходная точка его дѣятельности, это былъ первый пробный камень для человѣческой интелигенціи.

Развитіе хозяйства постепенно выводило человѣчество изъ необходимости грубой и тяжелой работы, и, развивая интелигенцію, вносило все болѣе и болѣе плоды ея въ сферу своей дѣятельности. Сначала, безспорно, трудъ человѣка былъ грубъ и тяжелъ, потому что силы природы несравненно превосходятъ силы человѣческія, и на первый разъ требовались необыкновенныя усилія, чтобы, хотя отчасти, сдѣлать первыя пригодными для цѣлей человѣка. Одна лишь сила интелигенціи дала возможность не только выйти изъ необходимости тяжелаго физическаго труда, но еще и подчинить человѣку силы природы на столько, что съ помощью ихъ онъ производитъ теперь и больше и лучше и несравненно легче противъ прежняго.

Всего очевиднѣе обнаруживается это въ большомъ производствѣ, къ которому наиболѣе примѣнены всѣ могучіе успѣхи народнаго хозяйства и культуры. Умственный трудъ, открывшій силу пара, изобрѣвшій паровую машину (разумѣется онъ былъ резуль-

татомъ предъидущихъ умственныхъ трудовъ въ области естественныхъ наукъ), и тѣ умственные труды, которые еще и теперь постоянно строятъ и совершенствуютъ эту машину, дали для матеріальной производительности и для другихъ цѣлей культуры несравненно больше противъ того, что могли бы дать совокупныя физическія усилія всѣхъ предшествовавшихъ генерацій. Можетъ быть милліоны рабочихъ людей погибли бы подъ гнетомъ тягчайшихъ напряженій, не давши тѣхъ экономическихъ результатовъ, которые произведены паровою силою. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что умственныя силы тѣхъ людей, которые ввели и усовершенствовали паро-машинное производство, работаютъ теперь и впредь работать будутъ для удовлетворенія потребностей всего человѣчества при посредствѣ милліоновъ рабочихъ рукъ, нетолько безъ всякаго усиленнаго напряженія всѣхъ человѣческихъ силъ, но даже не требуя малѣйшей натяжки одного какого нибудь мускула руки человѣческой.

Это, истинное торжество человѣческаго духа въ области народнаго хозяйства, дѣйствительно осуществило уже господство духа надъ матеріею, — высшую цѣль въ земномъ существованіи человѣчества.

Многіе, соглашаясь въ благотворительномъ вліяніи народнаго хозяйства на успѣхи цивилизаціи, дѣлаютъ при этомъ горькіе упреки обширному развитію индустріи, будто бы ухудшившему положеніе рабочаго класса. Матеріальныя нужды этого класса людей, которыя обнаруживаются иногда въ картинахъ и въ размѣрахъ, поражающихъ насъ ужасомъ, по справедливости вызываютъ горячее участіе друзей человѣчества, не только по одному состраданію къ подобнымъ бѣдствіямъ, но также и вслѣдствіе тѣхъ опасностей, которыми это положеніе работниковъ грозитъ всему общественному строю. Однакоже весьма несправедливо приписывать означенное явленіе народно-хозяйственному развитію или же самому существу народнаго хозяйства. Въ данномъ случаѣ обыкновенно разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: хотя развитіе индустріи дѣйствительно увеличиваетъ массу вещественныхъ богатствъ, слѣдовательно возвышаетъ и самый итогъ общаго народнаго достоянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивая имущество однихъ съ удивительною быстротою и въ широкихъ размѣрахъ, оно также быстро уменьшаетъ благосостояніе другихъ, бо̀льшею частью малоимущихъ, и доводитъ ихъ до крайней нищеты и бѣдствія; или другими словами, развитіе индустріи

содѣйствуетъ произведенію и увеличенію богатства, но въ то же время ведетъ къ нецѣлесообразному распредѣленію его; поэтому слѣдуетъ скорѣе сожалѣть, нежели радоваться такому развитію индустріи, порождающему пролетаріатъ, опасный для цѣлаго общества.

Мы, по справедливости, должны согласиться, что съ сильнымъ народно-хозяйственнымъ развитіемъ сопряжены нѣкоторыя темныя стороны; но это постоянный удѣлъ всего земнаго. Въ данномъ случаѣ нужно только, какъ и всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, взвѣшивать выгоды съ невыгодами, или свѣтлыя стороны дѣла съ темными. Послѣднія нераздѣльны со всякимъ переходнымъ періодомъ времени и являются въ каждую великую эпоху развитія, когда старый порядокъ вещей теряетъ свою силу и дѣятельность, а новый не развился еще до необходимой твердости и всеобщаго значенія. Вынести это неудобство, или даже зло переходнаго времени, есть необходимое условіе для каждаго грядущаго успѣха, который современемъ съ излишкомъ вознаградитъ за все перенесенное, водвореніемъ новаго порядка на благо общее.

Подобныя жалобы имѣютъ своимъ основаніемъ незнаніе истинной сущности дѣла, а также и то, что нѣкоторыя причины, лежащія въ самомъ существѣ человѣческихъ отношеній и до которыхъ современное интенсивное развитіе народнаго хозяйства вовсе не касается, оставляются безъ вниманія. При этомъ, обыкновенно имѣютъ въ виду положеніе рабочихъ только въ настоящее время и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на положеніе ихъ въ прошедшемъ; тогда какъ только отъ сравненія того съ другимъ можно дойти до справедливаго вывода. Чрезъ значительное умноженіе народонаселенія и вслѣдствіе необходимости для него группироваться въ бо̀льшія массы для удобнѣйшаго приложенія системы соединенія и раздѣленія труда, положеніе рабочихъ сразу является взору нашему, какъ одно всеобщее цѣлое, и поэтому бѣдствіе отдѣльныхъ личностей принимается нами за всеобщее несчастіе рабочаго сословія, одинаково раздѣляемое всѣми. При прежнихъ же обстоятельствахъ, подобное принятіе частностей за общее было невозможнымъ; потому что нужда и горе, оставаясь разбросанными по своимъ темнымъ уголкамъ, не представлялись такъ легко глазу наблюдателя, а слѣдовательно и не были достояніемъ гласности. Можно доказать съ совершенною опредѣленностью, что въ настоящее время положеніе рабочаго класса вообще существенно

улучшилось сравнительно съ прежнимъ его положеніемъ, и что теперь работникъ во многихъ отношеніяхъ гораздо полнѣе удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, чѣмъ незадолго передъ этимъ удовлетворялъ имъ человѣкъ средняго состоянія.

Къ тому же нужно прибавить, что неравенство между бѣднымъ и богатымъ основывается на законахъ самой природы и что это неравенство никакъ не можетъ быть устранено, въ особенности, когда мы намѣрены расчитывать на какой нибудь человѣческій прогрессъ. Устранивъ же всякія намѣренія о прогрессѣ, для человѣчества останется возможнымъ только одно: всеобщая грубость и всеобщая бѣдность; что̀ дѣйствительно и существуетъ при первомъ возникновеніи народа и на первыхъ ступеняхъ его развитія. Выходъ изъ подобнаго положенія всеобщаго равенства и грубости возможенъ только тогда, когда часть всего народа или нѣкоторыя отдѣльныя лица, вслѣдствіе особенныхъ своихъ способностей, или какихъ нибудь благопріятныхъ естественныхъ случайностей, или даже вслѣдствіе хозяйственной необходимости будутъ стремиться къ достиженію и пріобрѣтенію новыхъ благъ или имуществъ. Этимъ самымъ они пробуждаютъ хозяйство цѣлаго народа и общее благосостояніе, даютъ другимъ возможность и средства также подвигаться впередъ, и подымаютъ ихъ мало по малу въ уровень съ собою. Этотъ ходъ развитія одинаково дѣйствуетъ на всѣхъ ступеняхъ народнаго хозяйства и необходимо основывается на различныхъ способностяхъ отдѣльныхъ личностей и на томъ безконечномъ различіи внѣшнихъ положеній, въ которыя эти личности находятся поставленными. На высшихъ ступеняхъ народно-хозяйственнаго развитія, при многообразности хозяйственныхъ отношеній, взаимность выгодъ и интересовъ наглядно является побуждающею необходимостью въ законахъ обращенія. Промышленникъ, фабрикантъ или купецъ старается прежде всего о собственномъ возможно большемъ прибыткѣ; однакоже онъ достигаетъ этого только тогда, когда своею дѣятельностію самъ споспѣшествуетъ хозяйственнымъ интересамъ другихъ. Только тотъ изъ нихъ добьется хорошихъ результатовъ, кто удовлетворитъ потребителей и дешевле и лучше, нежели удовлетворяютъ ихъ другіе, или же вообще дешевле и лучше противъ прежняго способа ихъ удовлетворенія.

Во всякомъ случаѣ полная приложимость этого народно-хозяйственнаго закона, выражающаго собою гармонію отдѣльныхъ интересовъ, возможна только при правильномъ положеніи хозяйствен-

ныхъ отношеній, въ которыхъ свобода труда и обращенія должна быть существеннымъ основаніемъ. Если же гдѣ нибудь обнаруживаются помянутыя бѣдствія рабочаго класса, то ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя приписывать развитію народнаго хозяйства; а напротивъ, единственно отъ развитія и улучшенія его можно ожидать средствъ къ радикальному уничтоженію этого временно появившагося зла. Къ тому же возвышеніе рабочаго класса въ умственномъ и нравственномъ отношеніи возможно только чрезъ улучшеніе его хозяйственнаго положенія.

Поэтому слѣдуетъ требовать, чтобы наукѣ народнаго хозяйства было придано гораздо больше значенія сравнительно съ тѣмъ, которымъ она пользуется въ настоящее время. Только съ введеніемъ этой науки въ циклъ общеобразовательныхъ наукъ, и только съ распространеніемъ основательныхъ экономическихъ свѣдѣній во всѣхъ сферахъ общества, возможно будетъ имѣть вѣрныя основы для уничтоженія всѣхъ тѣхъ невыгодъ и ненормальностей, которыя въ своей совокупности составляютъ, по нашему мнѣнію, причину бѣдствій рабочаго класса. Кромѣ производительныхъ классовъ народа, для которыхъ знаніе законовъ, управляющихъ производствомъ и обращеніемъ, составляетъ предметъ первостепенной важности, знаніе сущности народнаго хозяйства должно быть необходимою умственною принадлежностью и государственныхъ чиновниковъ и всѣхъ вообще лицъ, принимающихъ участіе въ политической жизни народа; потому что народно-хозяйственныя отношенія естественно подлежатъ контролю и надзору государства или установленныхъ общественныхъ органовъ. Правильнаго же исполненія таковой дѣятельности можно ожидать только тогда, когда самый предметъ, на который означенная дѣятельность должна распространяться, будетъ понятъ въ истинной своей сущности.

Рабочій вопросъ,—знаменательное явленіе нашего времени, наглядно показываетъ намъ, что не одно ученіе о производствѣ матеріальныхъ богатствъ составляетъ задачу науки народнаго хозяйства; значеніе ея для государственной жизни является здѣсь въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Нынѣшнее движеніе рабочихъ, которое теперь и въ Германіи приняло характеръ постояннаго и угрожающаго явленія, въ особенности вытекающія оттуда системы преобразованія гражданскаго общества имѣютъ въ виду разрушеніе всего существующаго порядка. Всѣ эти системы, хотя и нѣсколько различныя между собою, но идущія изъ одного и того же источ-

ника и ведущія къ одной и той же цѣли, извѣстныя подъ однимъ общимъ именемъ соціализма, принесли безспорную пользу, наглядно показавши намъ, что гражданское общество покоится на экономическихъ основахъ и что измѣненіе въ хозяйственныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ личностей доставляетъ и обезпечиваетъ имъ относительно лучшее общественное положеніе и политическое значеніе, и что во всякомъ высоко развитомъ народномъ организмѣ имѣются силы, которыя рождаются и растутъ съ неудержимою мощью совершенно независимо отъ государственной власти и отъ сословнаго дѣленія народа. Попытками къ своему осуществленію, выразившимися или мирнымъ путемъ агитаціи или кровавымъ путемъ уличныхъ схватокъ, соціализмъ указалъ на большія опасности, которыя угрожаютъ существованію государствъ или по крайней мѣрѣ общественному порядку и спокойному ходу развитія народнаго хозяйства, если только упомянутыя, тайно зарождающіяся и возрастающія силы будутъ упорствовать въ постоянномъ противодѣйствіи существующему порядку вещей.

Разрѣшить эти угрожающіе вопросы настоящаго времени есть дѣло нашей науки. Только при ея помощи возможно будетъ познать коренныя причины этого зла и найти пригодныя средства къ ихъ удаленію. Принудительныя средства государственной власти и даже величайшее изъ нихъ — вооруженная сила, будутъ во всякомъ случаѣ оказываться со временемъ недостаточными противъ могучихъ силъ соціализма. Улучшеніе положенія низшихъ классовъ и, какъ главное къ тому средство, водвореніе у нихъ бо́льшей хозяйственной самостоятельности относительно работодавателей и капиталистовъ — вотъ содержаніе тѣхъ требованій, которымъ должна удовлетворить наша наука, и вотъ идеалъ ея системы. Понятно, что подобное улучшенное положеніе рабочаго класса можетъ устроиться прочно и широко только тогда, когда оно будетъ основано на тѣхъ законахъ, которые вообще управляютъ хозяйственною жизнью людей, а не на произвольныхъ, хотя бы даже и благонамѣренныхъ, реформаторскихъ идеяхъ. Поэтому, ученіе народнаго хозяйства даетъ намъ единственное средство не только съ успѣхомъ побѣждать фальшивый соціализмъ, но еще и вызывать къ жизни здоровыя и исполненныя силъ учрежденія.

Нельзя не согласиться, что причиною господствующихъ фальшивыхъ взглядовъ на народное хозяйство, была по бо́льшей части

сама наука, которая въ основаніи своемъ исключительно почти имѣла означенныя воззрѣнія и только съ недавняго времени обнаружила рѣшительный поворотъ къ лучшему. До сихъ поръ еще науку народнаго хозяйства опредѣляютъ вообще, какъ ученіе о снабженіи народа вещественными благами, излагающее производство, распредѣленіе и потребленіе этихъ благъ, — вообще какъ ученіе о народномъ достояніи, достояніи, состоящемъ только изъ матеріальныхъ, способныхъ къ накопленію, богатствъ. При такомъ опредѣленіи, эта наука не могла представлять ничего привлекательнаго для умственно и нравственно высоко-развитыхъ людей, которые видѣли въ ней одну только систематизацію промышленной дѣятельности и торговыхъ оборотовъ, заботы о насущномъ хлѣбѣ или о коммерческомъ и денежномъ прибыткѣ, и не могли найти въ ней никакой связи съ своимъ философскимъ или какимъ нибудь ученымъ направленіемъ. Тѣмъ менѣе могла она при таковой формѣ выработать высшія воззрѣнія на народное хозяйство, у тѣхъ чиновниковъ и лицъ, которые должны были заниматься ею ради одной практической необходимости.

При своемъ первоначальномъ происхожденіи, она какъ самостоятельная наука, представляла въ себѣ менѣе свойствъ ея нынѣшняго, означеннаго нами, характера; одно указаніе на ея происхожденіе достаточно уже, чтобы навести насъ на сознаніе ея болѣе глубокой природы. Это происхожденіе совпадаетъ со срединою прошлаго столѣтія, и хотя всѣ, предшествовавшіе тому времени, труды, касающіеся народнаго хозяйства, не поднялись еще до высоты самостоятельной науки, однако въ частностяхъ заслуги ихъ не могутъ остаться не признанными.

Наука народнаго хозяйства есть продуктъ великаго духовнаго движенія XVIII вѣка, которое провозгласило свободу человѣческаго духа и свободу его изслѣдованія во всѣхъ сферахъ а также дало ему значеніе передъ формализмомъ и вѣрою въ авторитеты; въ особенности же оно охватило и разложило своею отрицательною критикою всѣ государственныя установленія, стараясь проникнуть во внутреннее существо ихъ или же въ ихъ естественный смыслъ наперекоръ преобладавшему автократизму того времени. Основателемъ науки народнаго хозяйства безспорно считается Адамъ Смитъ, хотя и физіократы во Франціи могутъ также отчасти раздѣлять съ нимъ славу ея созданія. Не нужно только забывать, что Адамъ Смитъ былъ философъ и что онъ отъ философіи перешелъ къ народной

экономіи. Чрезъ философское созерцаніе обыденной реальной человѣческой жизни, — а это подлежало ему, какъ профессору нравственной философіи, — онъ проникнулся сознаніемъ, что въ хозяйственной жизни народа нужно искать крайнихъ основъ, обусловливающихъ его положенія, и такимъ образомъ «ученіе о народномъ богатствѣ» стало мало по малу для Адама Смита главною частію его философіи и потомъ получило воспроизведеніе въ его достопамятномъ трудѣ.

Въ твореніяхъ физіократовъ еще рѣшительнѣе выразился философскій характеръ новой науки, охватывающей всѣ государственныя и соціальныя положенія; ихъ ученіе старалось основать всю общественную организацію народа на одномъ хозяйственномъ принципѣ. Вслѣдствіе фальшивости или односторонности основныхъ положеній этой системы, она не имѣла продолжительнаго вліянія на развитіе науки.

Въ новѣйшее время наука народнаго хозяйства стала все болѣе и болѣе удаляться отъ своихъ первичныхъ широкихъ основъ и ограничилась изслѣдованіями особенно выдающихся внѣшнихъ фактовъ произведенія и распредѣленія богатствъ; это очень естественно, потому что въ этихъ фактахъ лежитъ то характеристическое начало, которое отличаетъ ее отъ другихъ родовъ изслѣдованія народной жизни и государства, и къ этой области изслѣдованій не обращалась еще ни одна наука.

Къ тому же нужно принять во вниманіе короткій періодъ существованія этой науки; поэтому она еще не могла да и теперь можетъ только мало по малу овладѣть всею неизмѣримою областью своихъ изслѣдованій и органически соединить всѣ частности въ одно цѣлое. Мы сказали прежде, что изъ всѣхъ наукъ, изслѣдывающихъ народную жизнь, наука народнаго хозяйства могла явиться только послѣднею, потому что она имѣетъ своею задачею всеисчерпывающее уразумѣніе народнаго бытія изъ самыхъ крайнихъ его основъ и изъ внутренняго существа. Сначала научныя изслѣдованія, насколько они устремлялись вообще въ область народной жизни, должны были болѣе или менѣе сосредоточиться на внѣшнихъ формальныхъ явленіяхъ; изъ нихъ государство со своею положительною силою и съ различною дѣятельностію своихъ органовъ наиболѣе бросалось въ глаза, затѣмъ слѣдовало право и законодательство, имѣющія своимъ назначеніемъ опредѣленно нормировать и

охранять образовавшіяся и сложившіяся въ народномъ организмѣ различныя отношенія между частными лицами. Въ различныхъ отрасляхъ государственныхъ наукъ и въ правѣ, заранѣе начали уже разбирать то, что вообще было уже понято изъ народно-хозяйственныхъ явленій; однако мало по малу стали чувствовать необходимость системы и глубокихъ основаній для положительнаго опредѣленія учрежденій этой сферы; но, сообразно идеальному направленію того времени, этихъ основъ стали искать въ абстрактныхъ философскихъ понятіяхъ, а не въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ. Философское государственное право и философское или естественное право замѣняли въ этомъ случаѣ услуги науки народнаго хозяйства.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на постепенномъ внутреннемъ развитіи этой науки; обратимъ только вниманіе на одно обстоятельство, которое непосредственно дало нѣмецкой экономической наукѣ особенно одностороннее направленіе.

Въ теченіе прошлаго столѣтія въ Германіи образовалась одна особенная наука, получившая названіе камеральной; она была не столько наукою въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ собраніемъ всѣхъ необходимыхъ для камеральнаго чиновника свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ одной практики; поэтому ея сущность опредѣляется только свойствомъ и исторіею камеральныхъ учрежденій. Въ тогдашнихъ многочисленныхъ государствахъ Германіи, эти учрежденія пользовались большимъ значеніемъ; чрезъ нихъ получалась значительнѣйшая часть государственныхъ доходовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправлялось внутреннее управленіе (полиція), поэтому и самая камеральная наука имѣла большой вѣсъ и пустила глубокіе корни во всей Германіи. Когда наука народнаго хозяйства, явившаяся первоначально въ Англіи и Франціи, перешла впослѣдствіи и въ Германію, тогда многое изъ камеральнаго ученія вошло въ нее совершенно безсознательно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознательно старались также слить обѣ эти науки въ одну, съ цѣлію обновить камеральную науку посредствомъ народно-хозяйственной. Поэтому матеріалистическое воззрѣніе при обработкѣ этой послѣдней, ея ограниченіе производствомъ однихъ только вещественныхъ богатствъ, стало въ Германіи еще одностороннѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Главное содержаніе камеральной науки состояло въ изложеніи способовъ наивыгоднѣйшей эксплуатаціи доменъ, какъ главнаго финансоваго источника тогдашняго времени, поэтому въ ней заключалось только ученіе о техническомъ производствѣ вещественныхъ

благъ, а эта сторона хозяйственной дѣятельности имѣетъ мало общаго съ политическою экономіею.

Въ то время, когда наука народнаго хозяйства все болѣе и болѣе проникалась означеннымъ одностороннимъ взглядомъ, и поэтому или вовсе не могла или могла весьма несовершенно уяснить вліяніе экономической жизни на весь организмъ общественныхъ отношеній, — государственныя науки съ своей стороны приняли не менѣе одностороннее направленіе.

Ближайшее изслѣдованіе высказанныхъ ими понятій о государствѣ и вытекающихъ отсюда принциповъ государственныхъ наукъ, повело бы насъ очень далеко. Довольно здѣсь упомянуть, что эти науки, выводя понятіе о государствѣ изъ различныхъ абстрактныхъ философскихъ идей, изъ нравственныхъ принциповъ или изъ разума права, не могли найти никакого связующаго элемента между собою и наукою народнаго хозяйства. Эта послѣдняя положительно выключается даже, еще и въ настоящее время, изъ цикла государственныхъ наукъ, потому что она «очевидно» имѣетъ своимъ назначеніемъ заниматься дѣломъ вещественнымъ, матеріальнымъ, чуждымъ чисто государственной сферы. Въ основѣ этого понятія часто скрывается слѣдующее: будто бы государственныя науки имѣютъ бо̀льшее достоинство нежели наука народнаго хозяйства, ибо онѣ занимаются цѣлями и законами человѣческаго бытія, нравственностію и правомъ. Это чисто формальное противопоставленіе повело къ большимъ непослѣдовательностямъ и чрезъ это ко вреду наукѣ вообще; такъ напр. народно-хозяйственная политика и финансовая наука причислены къ наукамъ государственнымъ, между тѣмъ наука народнаго хозяйства вообще (теорія народнаго хозяйства) выключается изъ нихъ, хотя она одна только даетъ научныя основы для той и другой, и безъ нея ихъ изложенія стали бы чисто внѣшними, слѣдовательно несовершенными и ошибочными. То же относится и къ наукѣ о полиціи, принимая ее, сообразно нынѣшнимъ воззрѣніямъ, за особую самостоятельную науку.

Это одностороннее противопоставленіе обѣихъ научныхъ сферъ, препятствовавшее уразумѣнію полнаго значенія народно-хозяйственной науки, было еще усилено двумя посторонними обстоятельствами, которыя вредно тяготятъ надъ всею общественною жизнію Германіи, — это мелкогосударственность и чрезвычайное усиленіе бюрократическаго элемента въ государственномъ управленіи.

Мелкогосударственность мѣшала вѣрному наблюденію надъ явле-

ніями вещественнаго міра, необходимыми для построенія научныхъ законовъ, потому что она ограничиваетъ взглядъ наблюдателя мелкою, произвольно созданною областью. Она одинаково препятствовала правильному пониманію государства, какъ и народнаго хозяйства; потому что мелкія государства суть несовершенныя государства, а ихъ небольшія пространства—недостаточныя основы для народнаго хозяйства. Они потому несовершенны, что имъ недостаетъ существенныхъ аттрибутовъ настоящаго государства, напр. высшей (внѣшней) политики. Они представляютъ недостаточныя основы для народнаго хозяйства потому, что это послѣднее опирается на свободнозанятыя, естественно необходимыя ему пространства, и для него вовсе несподручны произвольныя границы, подробившагося на мелкія части народа. Кромѣ того мелкогосударственность способствуетъ еще и тому, что правительства ихъ, будучи лишены великихъ государственныхъ задачъ, съ пристрастіемъ ищутъ возможныхъ для себя мелкихъ занятій и чрезъ это вмѣщаютъ въ сферу государственной дѣятельности такія вещи, которыя по существу своему вовсе туда не относятся, а принадлежатъ къ области народнаго хозяйства. Удивительный примѣръ такого порядка вещей представляетъ смягченный и благонамѣренный деспотизмъ прошлаго вѣка въ безчисленныхъ тогдашнихъ суверенныхъ территоріяхъ Германіи; извѣстно, что его послѣдствія глубоко отзываются еще и теперь и не могутъ почитаться совершенно уничтоженными. Это чрезвычайно затрудняетъ правильное разграниченіе означенныхъ двухъ сферъ дѣятельности и вліяетъ на то, что великая область народно-хозяйственнаго производства и обращенія не можетъ окончательно выйти изъ подъ государственной опеки, въ особенности, если ученые и писатели раздѣляютъ мелкогосударственные взгляды, а у многихъ изъ нихъ иначе и быть не можетъ. Нѣкоторымъ изъ этихъ господъ, близко стоящихъ возлѣ ореолы государственной власти, было бы тяжелымъ испытаніемъ разбирать подобные вопросы съ полною ученою строгостью и безпристрастіемъ.

Бюрократія, по самому существу своему, старается препятствовать развитію народно-хозяйственнаго взгляда на государственныя отношенія, потому что въ немъ она видитъ стремленіе къ ограниченію своей дѣятельности, и чрезъ потрясеніе прежнихъ основныхъ принциповъ даже опасность самому существованію бюрократизма. Наука народнаго хозяйства, проникая во внутреннюю сущность и въ самыя глубокія причины отношеній народной жизни,

должна требовать, чтобы тамъ, гдѣ эти отношенія касаются общихъ интересовъ, вслѣдствіе чего вліяніе государства оказывается допустительнымъ и необходимымъ, предпринимались бы государственною властью такія мѣры, которыя обусловливаются самою природою этихъ отношеній и законами народнаго хозяйства. Очень естественно, что чрезъ практическое признаніе подобнаго принципа свобода распоряженія государственныхъ властей будетъ существенно ограничена во многихъ случаяхъ, а также будетъ устраненъ личный произволъ отдѣльныхъ чиновниковъ и примѣшиваніе постороннихъ, въ особенности политическихъ, мотивовъ при разрѣшеніи народнохозяйственныхъ вопросовъ.

Въ особенности же наука народнаго хозяйства должна требовать удаленія многосторонняго правительственнаго вмѣшательства и предоставленія самоуправленію народа всѣхъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ не обнаруживается какой нибудь общій государственный интересъ, и гдѣ посредствомъ собственной народной дѣятельности могутъ получиться болѣе цѣлесообразные результаты. Однако отказаться отъ сладкой привычки властительства — дѣло весьма трудное для многихъ людей; по бо̀льшей же части каждый облеченный властью институтъ стремится къ расширенію этой власти. Поэтому весьма естественно, что бюрократія оказалась очень нерасположенною къ новой наукѣ, ставящей экономическую свободу отдѣльныхъ личностей за болѣе или менѣе главный принципъ, и вслѣдствіе этого неудивительно, что юриспруденціи давали рѣшительное преимущество и даже полное преобладаніе, какъ въ системѣ образованія чиновниковъ, такъ и въ самомъ государственномъ управленіи.

Постепенные успѣхи наукъ и человѣческаго духа, въ особенности же расширяющіяся реалистическія воззрѣнія, порожденныя разработкою естественныхъ наукъ, и съ другой стороны интенсивное развитіе государственной и экономической жизни новѣйшихъ народовъ повело въ послѣднее время къ началу внутренняго преобразованія въ сферахъ наукъ, разсматривающихъ государство и экономію, чрезъ что обѣ онѣ дошли до бо̀льшаго соприкосновенія одна съ другою. Означенныя преобразованія мало еще коснулись науки народнаго хозяйства, въ государственной же они повели къ попыткамъ общаго преобразованія. Мы должны указать здѣсь на появленіе историческаго направленія въ наукѣ народнаго хозяйства. Съ тѣхъ поръ какъ начали обращать вниманіе на отношенія народно-

хозяйственныхъ положеній къ самому ходу исторіи народовъ, или на оборотъ, когда стали руководствоваться историческими фактами для объясненія основанія или измѣненія народно-хозяйственныхъ принциповъ, то этимъ невольно высказали убѣжденіе въ нераздѣльномъ взаимоотношеніи хозяйственнаго развитія народовъ съ ихъ развитіемъ соціальнымъ и государственнымъ. Убѣдились, что важнѣйшія политическія измѣненія постоянно совпадаютъ съ народно-хозяйственными преобразованіями, что различныя формы государственнаго устройства соотвѣтствуютъ различнымъ положеніямъ народнаго хозяйства, и въ особенности убѣдились въ томъ, что весь порядокъ общественныхъ учрежденій видимо обусловливается хозяйственными цѣлями, безъ всякаго явнаго и прямаго участія въ этомъ государственной власти.

Если эти вновь добытыя воззрѣнія послужили только къ новой обработкѣ нѣкоторыхъ частностей въ наукѣ народнаго хозяйства, за то они повели къ попыткамъ совершеннаго преобразованія въ сферѣ государственной науки.

Исходнымъ пунктомъ для этихъ преобразованій послужило выработавшееся убѣжденіе, что многое, причитавшееся до этого времени къ существу и задачамъ государства, собственно къ нему не относится, а напротивъ того обусловливается совершенно другими началами. Дошли до сознанія, что существуетъ много общественныхъ учрежденій, обнимающихъ собою организацію только извѣстнаго числа индивидуумовъ или извѣстную часть народа, учрежденій, которыя по самому существу своему складываются совершенно свободно, безъ предпосылки и безъ прямаго вліянія со стороны государства. Пришли къ заключенію, что подобныя организаціи, въ родѣ ферейновъ, корпорацій и проч. должны бы быть по возможности предоставляемы своему собственному развитію, потому что онѣ сложились на основаніи своего особеннаго принципа. Эти убѣжденія и стремленія не довели еще до какихъ нибудь, признанныхъ наукою, результатовъ и находятся пока въ состояніи броженія и несовершенства; не потому что подобное глубоко проникающее и далеко заходящее нововведеніе можетъ только мало по малу выработаться въ полное и ясное представленіе, а собственно оттого, что въ этой реформѣ, требуемой съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія, никто почти не признаетъ и не видитъ ея органической связи съ условіями развитія народнаго хозяйства; а здѣсь-то именно эта связь рѣзко бросается въ глаза.

Нѣкоторые дошли до означенныхъ воззрѣній на государство вслѣдствіе реальнаго направленія въ изысканіяхъ настоящаго времени; они хотятъ въ противоположность формальному и позитивному взгляду на государство, который находитъ себѣ поддержку только въ однихъ абстрактныхъ понятіяхъ и представленіяхъ, опредѣлить государство, какъ организмъ, развивающійся изъ присущихъ въ немъ законовъ. Поэтому государственному ученію нужно усвоить методъ наукъ естественныхъ и сдѣлаться въ извѣстной мѣрѣ физіологіею государства. Другіе же побуждены къ этому обнаружившимися соціальными движеніями настоящаго времени и стараются создать этотъ соціальный міръ, или правильнѣе соціальный порядокъ возлѣ государственнаго и въ противоположность ему. Третьи же стремятся, чрезъ отдѣленіе одной части изъ области нынѣшней государственной науки, найти научную поддержку для реакцеонерной партіи настоящаго времени; эти полагаютъ необходимымъ противопоставить нынѣшнему свободному народному хозяйству и даже самому государству, которое нерѣдко содѣйствуетъ ему, сильное вліяніе хозяйственныхъ сословій прежняго времени, въ особенности же желаютъ возстановить значеніе поземельнаго дворянства. Общее стремленіе къ самоуправленію, при чемъ подъ именемъ «selfgovernement» представляется какъ идеалъ общее положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Англіи, привело многихъ къ признанію извѣстной сферы общественной жизни совершенно независимою отъ государственной власти, а также привело и къ отдѣленію этой сферы отъ собственно государственной жизни при чисто научныхъ изслѣдованіяхъ.

Ученые теоретики государственнаго права рѣшились наконецъ, подъ вліяніемъ означенныхъ мнѣній и стремленій, сдѣлать уступку въ реформѣ своей науки, чрезъ выдѣленіе нѣкоторыхъ частей изъ ея прежняго содержанія, для образованія изъ этого новой особой науки.

Насколько бы ни расходились между собою всѣ означенные взгляды, однакоже всѣ они приходятъ къ убѣжденію о необходимости создать новую науку, которая разсматривала бы въ совокупности всѣ тѣ отношенія, которыя до сихъ поръ, или ошибочно, или по неразработкѣ ихъ сущности, причисляемы были къ области государствовѣдѣнія. Исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія, эту новую науку называютъ различными именами: соціальною антропологіею, естественною исторіею народа (Naturgeschichte des Volkes), соціаль-

ною политикою и проч. Вообще признано выдѣлить изъ науки о государствѣ науку соціальныхъ отношеній или «науку объ обществѣ» и отнести къ ней всѣ тѣ общественныя положенія и отношенія, которыя хотя и развиваются въ самомъ государствѣ, но совершенно отъ него независимо, развиваются изъ сущности человѣческихъ потребностей и ведутъ къ твердой организаціи, въ которой общность интересовъ служитъ соединительнымъ пунктомъ извѣстнаго числа отдѣльныхъ личностей.

Всѣ эти стремленія бо̀льшею частью совершенно ошибочны, вслѣдствіе недостатка въ нихъ соотношеній къ народному хозяйству, что происходитъ, какъ мы показали прежде, отъ совершеннаго непониманія его сущности. По крайней мѣрѣ это непониманіе обнаруживается въ предложеніяхъ реформы, выражаемыхъ со стороны научно-государственной школы, между прочимъ, какъ у французскихъ соціалистовъ и нѣмецкихъ соціальныхъ политиковъ настоящаго времени; это происходитъ отъ ненависти ихъ къ принципу хозяйственной свободы, который они очень хорошо понимаютъ, но тѣмъ не менѣе боятся признать, спасая свои теоріи.

Истинное же глубокое значеніе «общества» заключается, по нашему мнѣнію, именно въ томъ, что оно составляетъ связующій, такъ сказать, средній членъ между народнымъ хозяйствомъ и государствомъ. При подобной только постановкѣ понятія объ обществѣ, можно будетъ уяснить и признать истинное существо народнаго хозяйства, какъ организма народной жизни, утверждающагося на своихъ собственныхъ основаніяхъ. Всѣ стремленія настоящаго времени къ основанію общественной науки имѣютъ поэтому большое значеніе для науки народнаго хозяйства, хотя это вовсе и не признается со стороны самыхъ реформаторовъ, находящихъ фальшивымъ разсматривать общество съ точки зрѣнія хозяйства, законы котораго представляются имъ ни болѣе, ни менѣе, какъ только «предписаніями пользы». Потому то главною частью нашей задачи будетъ: представить народное хозяйство, общество и государство въ ихъ естественной связи, какъ три великія, главныя формы народной жизни.

Отъ вышеизложенныхъ общихъ взглядовъ на современное значеніе экономическихъ интересовъ и ихъ вліянія на весь строй народной жизни, Дитцель переходитъ къ изслѣдованію и анализу первичнаго зарожденія хозяйственныхъ отношеній и показываетъ,

какъ съ ихъ помощью въ первый разъ возникаетъ между людьми общность цѣлей и съ этимъ вмѣстѣ соединеніе силъ, ведущее мало по малу къ высшимъ ступенямъ хозяйственнаго развитія, которое въ связи съ принципомъ соединенія силъ, обусловливая сначала формацію общества, приводитъ наконецъ, при помощи внѣшней собирательной или централизующей силы, весь народный организмъ къ образованію высшей формы человѣческаго общежитія, — къ государству. Изъ этого уже видно насколько взглядъ Дитцеля отличается отъ взглядовъ другихъ германскихъ ученыхъ на счетъ происхожденія государства; но заслуга его здѣсь, конечно, не въ отличіи, а въ вѣрности самаго взгляда, добытой при помощи наблюденій надъ реальными явленіями жизни, чего вообще такъ мало у всѣхъ германскихъ ученыхъ, въ особенности у послѣдователей naturphilosophische Lehre. Прослѣдимъ теперь вкратцѣ постепенный ходъ развитія народно-хозяйственныхъ отношеній и ихъ вліянія на общество и государство такъ, и въ той послѣдовательности, какъ это изложено у Дитцеля.

Всѣ явленія внѣшняго міра и всѣ измѣненія вещества обусловливаются слѣдующими тремя причинами: во 1-хъ, природою и всѣми присущими ей силами; во 2-хъ, потребностями человѣка, и въ 3-хъ, его духовною природою. При дѣйствіяхъ одной только природы, совершаются чисто естественныя явленія, болѣе или менѣе однообразныя, опредѣленныя неизмѣнными законами; всѣ же внѣшнія явленія, вызываемыя людьми, какъ напр. явленія хозяйственныя, обусловливаются взаимодѣйствіемъ всѣхъ трехъ означенныхъ причинъ. Природа даетъ объективную возможность для творческой дѣятельности человѣка, она — готовое данное для хозяйства; человѣческія потребности служатъ побужденіемъ для вліянія на внѣшній міръ, вызываютъ дѣятельность силъ человѣка; духовная же сторона человѣческой природы даетъ возможность къ разумному направленію дѣятельности, къ осуществленію преднамѣреній.

Каждое животное имѣетъ также своего рода физическія потребности; но стремленіе къ ихъ удовлетворенію не приводитъ его къ тѣмъ истинно счастливымъ послѣдствіямъ, къ которымъ оно приводитъ человѣка. Животное пассивно пользуется всѣми тѣми дарами, которые природа непосредственно изъ себя выдѣляетъ, и оно перестало бы существовать, если бы потребовалось съ его стороны какое нибудь содѣйствіе производительнымъ силамъ природы. Въ физическихъ же потребностяхъ человѣка и въ ихъ безконечно-разви-

вающемся разнообразіи лежитъ главнѣйшая причина и условіе всѣхъ его совершенствъ и развитія; потому что, благодаря этимъ потребностямъ, не только обнаруживается въ первый разъ дѣятельность духовныхъ силъ человѣка, но и дальнѣйшее развитіе ихъ продолжается подъ непрестаннымъ вліяніемъ означенныхъ побужденій. Слѣдующія три особенности духовной сущности человѣка даютъ ему возможность вліять на природу, сообразно тѣмъ цѣлямъ, которыя обусловливаютъ удовлетвореніе его потребностей: во 1-хъ, самосознаніе; во 2-хъ, способность познавать внутреннее существо природы и вообще всего внѣшняго міра, и въ 3-хъ, согласовать и направлять свою волю сообразно означенному пониманію и этимъ превозмогать всѣ трудности, встрѣчающіяся при осуществленіи предпріятій.

Но ни необходимость удовлетворять своимъ потребностямъ, ни обладаніе означенными духовными способностями никогда не привели бы человѣка къ тому господству надъ природою, которымъ онъ обладаетъ теперь, если бы ему пришлось дѣйствовать единично, изолированно, при помощи однѣхъ только индивидуальныхъ своихъ силъ. Короткость его жизни и ограниченность физическихъ силъ не дали бы ему средствъ далеко возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ; но самосознаніе, или возможность измѣрять свои силы, и способность познаванія внѣшнихъ явленій и превосходства силъ природы надъ силами человѣческими привели его къ сознанію необходимости соединенія труда, или физическихъ силъ, для преодолѣнія вещественныхъ препятствій и сдѣлали его обладателемъ всего внѣшняго міра.

Двумя различными способами совершился самый фактъ соединенія силъ: путемъ почти безсознательнымъ, естественнымъ, помощью семейнаго союза, и путемъ произвольнаго сознательнаго соединенія между людьми, живущими на близкомъ другъ отъ друга разстояніи, слѣдовательно имѣющими общіе и сходные интересы, и поэтому вынужденными прибѣгать къ совокупному дѣйствію своихъ силъ, вслѣдствіе непреодолимости внѣшнихъ явленій для силъ единичныхъ. Мы сказали уже, что самые духовные элементы человѣческой природы обусловливаютъ подобный порядокъ вещей и существенно отличаютъ человѣка отъ всѣхъ другихъ животныхъ. Первый способъ соединенія труда, чрезъ союзъ семейный, разумѣется, предшествуетъ второму, и даже этотъ послѣдній былъ бы немыслимъ безъ перваго, ибо безъ семейной жизни не было бы и причинъ и побужденій къ явленію и развитію хозяйственной дѣя-

тельности, во имя которой совершается въ первый разъ соединенiе силъ. Гдѣ есть семейство, тамъ уже должно быть и хозяйство, хотя бы даже въ самой грубой и самой простой формѣ; а гдѣ есть нѣсколько семействъ или нѣсколько хозяйствъ, вблизи другъ отъ друга лежащихъ, тамъ является и общность интересовъ и обмѣнъ услугъ, соотвѣтствующiй потребностямъ и являющiйся на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитiя въ формѣ взаимодѣйствiя личныхъ физическихъ силъ. И такъ *семейство и хозяйство суть первичныя и неизбѣжныя формы развитiя человѣчества*, въ нихъ лежитъ зародышъ всего будущаго порядка вещей, и ими обусловливаются всѣ дальнѣйшiе успѣхи и всѣ формы общежитiя.

Первоначальное соединенiе силъ между лицами, не принадлежащими къ одному семейству, обусловливается, какъ мы уже упомянули прежде, ихъ мѣстнымъ сожительствомъ и общностью ихъ интересовъ, сначала чисто хозяйственныхъ, которые не могутъ быть удовлетворены одними личными усилiями. Это мѣстное сожительство, при сознанiи пользы и необходимости соединенiя силъ, ведетъ къ тому, что чрезъ постепенное увеличенiе мѣстнаго населенiя а слѣдовательно и чрезъ развитiе самой суммы потребностей необходимость влiять на природу становится все болѣе и болѣе ощутительною, а съ тѣмъ вмѣстѣ и соединенiе труда или союзъ людей между собою дѣлается тѣснѣе. Нельзя при этомъ не согласиться, что всякiй новый успѣхъ человѣка въ преобладанiи надъ природою, совершенный ли единичнымъ усилiемъ или совокупнымъ, увеличиваетъ собою и уясняетъ познанiе окружающей среды, а слѣдовательно увеличиваетъ и общiй фондъ открытiй и человѣческой интеллигенцiи. Здѣсь въ первый разъ обнаруживается не одна только матерiальная производительность хозяйственной дѣятельности, но и ея производительность интеллектуальная. Мѣстное сожительство и союзъ семейный, развивающiйся въ родовой, способствуютъ къ накопленiю и къ сохраненiю всѣхъ открытiй и усовершенствованiй и передаютъ ихъ дальнѣйшему потомству, на дальнѣйшее пользованiе и усовершенствованiе.

Постепенное ослабленiе значенiя родственныхъ отношенiй, при развѣтвленiи родоваго союза, ведетъ мало по малу къ усиленiю и къ постоянному образованiю такого рода союзовъ, гдѣ общею стягивающею силою служатъ не столько кровные узы, сколько матерiальные интересы, удовлетворяемые при помощи соединенiя силъ. Чѣмъ болѣе союзъ родовой расширяется въ численности своихъ

членовъ, тѣмъ многочисленнѣе и многообразнѣе становятся потребности, и тѣмъ болѣе является побужденій къ тѣснѣйшему объединенію силъ. При этомъ неизбѣжно обнаруживается слѣдующее явленіе: мѣстное сожительство и увеличеніе населенія на извѣстномъ пространствѣ, а также и интересы развивающагося хозяйства, начинаютъ мало по малу вызывать *потребности общія*, въ противоположность существовавшимъ дотолѣ потребностямъ исключительно частнымъ. Какъ только необходимость удовлетворенія этимъ общимъ потребностямъ проникаетъ въ общее сознаніе и убѣжденіе, тогда потребность объединенія силъ дѣлается, въ извѣстныхъ случаяхъ, *неизбѣжною обязанностью* для каждаго лица, живущаго въ предѣлахъ той мѣстности, гдѣ развились эти общія потребности, требующія соединеннаго труда для своего удовлетворенія. Такимъ образомъ, на ряду съ прежними интересами индивидуальными, гдѣ каждый дѣйствуетъ совершенно свободно или сообразно своей волѣ, дѣйствуетъ единичною или соединенною силою, являются интересы общіе, гдѣ личность дѣлается уже до нѣкоторой степени подчиненною, вслѣдствіе всѣми признанной необходимости, и гдѣ соединеніе силъ является принудительнымъ, ибо безъ этого общее благосостояніе было бы неудовлетвореннымъ, а слѣдовательно и каждое единичное — было бы не полнымъ.

Эта общность интересовъ, развивая принципъ соединенія силъ, и съ одной стороны преобразовывая это соединеніе изъ произвольнаго въ обязательное, съ другой стороны даетъ еще при соединеніи съ другими причинами закладку новой формѣ общежитія, которая, совпадая съ переходомъ людей изъ быта семейнаго въ родовой, обыкновенно и характеризовалась именемъ быта родоваго; между прочимъ ей гораздо болѣе соотвѣтствуетъ названіе быта общественнаго, такъ какъ съ этихъ поръ завязываются тѣ именно отношенія, которыя выработываютъ собою понятіе о существованіи одинаковыхъ интересовъ для цѣлой группы людей, о практической цѣлесообразности совокупнаго вліянія на природу и на другіе кружки человѣческаго общежитія, — однимъ словомъ выработывается какъ понятіе объ обществѣ такъ и самое общество. Правда, что оно возникаетъ въ бытѣ родовомъ; но складъ общественный даетъ самому родовому быту его своеобразную характеристику и особенность. Родовой бытъ, раздвигая одноплеменное населеніе на извѣстномъ опредѣленномъ пространствѣ, даетъ только матеріалъ для образованія извѣстныхъ, до нѣкоторой степени замкнутыхъ въ себѣ са-

мыхъ кружковъ, имѣющихъ по большей части отдѣльные другъ отъ друга интересы и собственные способы ихъ удовлетворенія; хозяйственныя же потребности удерживаютъ населеніе въ занятой имъ мѣстности и служатъ къ выработкѣ понятій а потомъ и самыхъ правъ общества и отдѣльныхъ лицъ къ занятой территоріи и къ отдѣльнымъ ея участкамъ. Не родство, или происхожденіе отъ одного общаго родоначальника, даетъ какую нибудь особенность быту родовому, а единственно только то, что въ немъ совершается сгруппированіе людей въ общество, въ группы, въ которыхъ совершается выработка соціальныхъ понятій и правъ гражданскихъ и экономическихъ.

И такъ одномѣстное сожительство и невозможность удовлетворять нѣкоторымъ потребностямъ безъ соединенія труда и явленіе при этомъ кромѣ индивидуальныхъ еще и общихъ интересовъ даетъ закладку обществу и жизни общественной. Если бы не было общихъ интересовъ, то люди, живя даже и вблизи другъ отъ друга, никогда не составляли бы органическаго цѣлаго общества, а скорѣе были бы въ постоянной враждѣ, это встрѣчается и теперь на нѣкоторыхъ островахъ Австраліи.

Если первыя причины зародыша общественныхъ отношеній суть только хозяйственныя, то скоро на ряду съ ними развиваются и другаго рода интересы, инаго свойства, напр. защита своей территоріи и своего имущества и проч. Но при этомъ хозяйственные интересы не теряютъ своего могучаго вліянія, которое никогда не перестаетъ дѣйствовать на общественный организмъ.

Первыя послѣдствія этого вліянія хозяйственныхъ причинъ на организмъ общества обнаруживаются сначала въ различіи общественнаго значенія между бѣднымъ и богатымъ, различіи существовавшемъ и существующемъ съ разными оттѣнками во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Дальнѣйшее же вліяніе экономическихъ причинъ выразилось въ общемъ характерѣ быта народнаго, опредѣливъ въ немъ господствующій родъ занятій, сообразный съ мѣстностью и съ климатическими условіями занимаемой народомъ страны; господствующія занятія обусловили весь ходъ развитія каждаго народа и весь характеръ его исторіи, потому что, съ одной стороны, они не могли не отражаться на общемъ направленіи народнаго міросозерцанія, а съ другой, могучая сила матеріальныхъ потребностей, естественно, вызывала народную интеллигенцію на тотъ путь, который опредѣлялся общественными интересами, — а эти интересы

по преимуществу суть хозяйственные. Производительность матеріальная обусловливалась нравственными и умственными силами общества, которыя не только что слагались подъ вліяніемъ физическихъ потребностей, но развивались и совершенствовались сообразно широкой или тѣсной возможности удовлетворенія первыхъ. Главнымъ же двигателемъ интеллигенціи общества былъ воспринятый имъ принципъ соединенія труда, а потомъ естественно возникшій еще другой—принципъ его раздѣленія. Это дало средство не только увеличить производство вообще, но также и улучшить его, а съ тѣмъ вмѣстѣ улучшить весь бытъ общества и его матеріальное благосостояніе, вслѣдствіе чего и отдѣльныя личности получили возможность спеціализировать свои занятія, слѣдовательно улучшить ихъ результаты а также, оставивъ на долю другихъ труды физическіе, посвятить себя трудамъ умственнымъ. Не существуй дѣятельности хозяйственной, то откуда бы развилась и какъ бы поддерживалась дѣятельность интеллигентная; народы, бѣдные въ хозяйственномъ отношеніи, богаты ли въ интеллигентномъ?

Всѣ роды хозяйственнаго производства, расширяясь и укрѣпляясь отъ соединенія труда и улучшаясь отъ его раздѣленія, не только служатъ соединяющимъ средствомъ относительно всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя преслѣдуютъ однѣ и тѣ же экономическія цѣли; но, кромѣ того, постоянство въ занятіяхъ одного и того же рода и болѣе тѣсная связь съ занимающимся одинакимъ и однороднымъ дѣломъ даетъ каждому члену общества какъ бы особый нравственный и умственный отпечатокъ, сообразный съ отпечаткомъ цѣлой хозяйственной группы, къ которой онъ принадлежитъ и которая образовалась въ обществѣ на ряду съ другими хозяйственными группами, благодаря принципамъ соединенія и раздѣленія труда. Довольно намъ сравнить характеръ индустріальнаго городскаго населенія съ характеромъ хлѣбопашественнаго сельскаго, чтобы убѣдиться въ силѣ вліянія хозяйственныхъ занятій на нравственную и умственную сторону занимающихся. Правда, что не однѣ экономическія причины повліяли на образованіе въ нѣдрахъ общества отдѣльныхъ характеристическихъ группъ,—воинство и духовенство, не суть продукты экономіи; но мы должны согласиться, что ни то, ни другое не существовало въ такомъ замкнутомъ и, можно сказать, анти-экономическомъ направленіи при первоначальныхъ формахъ человѣческаго общежитія, какъ оно существуетъ теперь при формахъ государственныхъ; это показываетъ, что самые элементы, со-

дѣйствовавшіе обособленію поименованныхъ двухъ классовъ общества, развились не въ нѣдрахъ жизни общественной, а въ нѣдрахъ государственной.

Образовавшаяся отдѣльность и нѣкоторое различіе между разнообразными группами общества, на основаніи особыхъ интересовъ и различія экономическихъ занятій, возрастало все болѣе и болѣе при развитіи народнаго хозяйства и, въ соединеніи съ имущественными различіями членовъ общества, послужило къ *образованію сословій и классовъ* народа, рельефно отдѣлявшихся другъ отъ друга какъ своими нравственными и интеллектуальными особенностями, такъ и размѣрами и формою своихъ имуществъ и имущественныхъ правоотношеній. Общество, выработавши въ себѣ эти различія на основаніи экономическихъ началъ и признавши естественность и нормальность ихъ существованія, подготовило этимъ свое преобразованіе въ болѣе высшую форму человѣческаго общежитія — въ форму государственную, въ которой экономическія различія общественныхъ группъ послужили къ различію ихъ политическаго значенія, что однакоже не помѣшало имъ и не мѣшаетъ еще и до сихъ поръ сохранить свои особенности и свой экономическій характеръ, радикальное измѣненіе котораго оказалось мало зависящимъ отъ вліянія и стремленій государственной политики. Вотъ здѣсь-то именно наглядно представляется разница сферъ общественной и государственной; перевороты въ первой могутъ совершаться отъ вліянія второй, — только до извѣстной степени; выработанное обществомъ трудно переработывается государствомъ, и безъ чистосердечнаго содѣйствія общественныхъ силъ никакое насажденіе, совершаемое государственною властью въ средѣ общества, не можетъ прочно привиться и вкорениться.

Различія общественныхъ классовъ, образовавшіяся подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ и закрѣпленныя временемъ, обычаемъ, легендами, оправданныя народнымъ міросозерцаніемъ и самою религіею, вкоренившіяся до того, что дѣлались уже необходимымъ условіемъ существованія цѣлаго общественнаго организма, ведутъ, при существованіи еще нѣкоторыхъ другихъ условій, къ образованію высшей формы человѣческаго общежитія — къ государству. Подготовленіемъ къ этой высшей формѣ человѣческаго общежитія служитъ выработавшійся мало по малу въ обществѣ принципъ подчиненія личности цѣлому обществу; это стѣсненіе личной свободы во имя общества есть послѣдствіе вполнѣ развившагося сознанія

неизбѣжной необходимости соединенія отдѣльныхъ личныхъ силъ для блага цѣлаго общественнаго кружка. Чѣмъ болѣе развивается соревнованіе между различными общественными классами и кружками, чѣмъ болѣе развивается у нихъ стремленіе не только вліять одинъ на другаго, но даже и подчинять другъ друга своимъ интересамъ, тѣмъ соединеніе силъ отдѣльныхъ личностей въ своихъ кружкахъ дѣлается тѣснѣе, и тѣмъ болѣе самостоятельность каждаго индивидуума дѣлается слабѣе въ той общественной средѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Чѣмъ энергичнѣе и дѣятельнѣе по характеру своему народъ, переходящій ступень быта общественнаго, тѣмъ рѣзче проявляется въ немъ антагонизмъ общественныхъ классовъ, тѣмъ скорѣе накопляются результаты умственной и матеріальной дѣятельности, тѣмъ скорѣе начинаютъ являться интересы общіе для всѣхъ классовъ и вслѣдъ за этимъ рождается необходимость въ стягивающей и централизующей верховной власти, при которой частныя соединенія силъ отдѣльныхъ кружковъ общества сливаются въ общее органическое соединеніе силъ цѣлаго народа. Изъ этого мы видимъ, что различіе общественныхъ классовъ, возникшее изъ причинъ экономическихъ, вліяетъ двоякимъ образомъ на происхожденіе государства: во первыхъ, нравственнымъ, поставивъ личность въ зависимость отъ общества или, другими словами, создавъ первоначальную идею порядка государственнаго, идею подчиненія интересовъ частныхъ интересамъ общимъ; во вторыхъ, матеріальнымъ образомъ, выработавъ въ себѣ мало по малу такія вещественныя цѣли и потребности, которыя, съ одной стороны, дѣлаются всеобщими для всѣхъ частей народа, съ другой стороны, не могутъ быть достигнуты усиліями отдѣльныхъ кружковъ общества, а требуютъ соединенія цѣлой народной силы и для этого нуждаются въ такомъ органѣ власти, который могъ бы не только стянуть всѣ силы въ одно цѣлое, но могъ бы и постоянно управлять ими.

Мы не станемъ указывать здѣсь, изъ какихъ элементовъ выходитъ въ жизнь высшая централизующая власть въ народѣ, тѣмъ болѣе, что происхожденіе ея весьма разнообразно, также какъ и способы соединенія обществъ или частей народа въ одно цѣлое. Упомянемъ только, что сознаніе необходимости соединенія означенныхъ частей въ цѣлое обусловливается, кромѣ развитія всеобщихъ хозяйственныхъ интересовъ, обхватывающихъ все населеніе извѣстной территоріи, еще и многими другими причинами, въ которыхъ

удержаніе за собою и защита своей территоріи занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Предѣлы этого объединенія обозначаются обыкновенно пространствомъ, занятымъ или однимъ племенемъ или нѣсколькими племенами одного происхожденія, имѣющими общій языкъ, общія преданія и обычаи и по бо̀льшей части общую имъ всѣмъ религію.

Если мы упомянули выше, что происхожденіе централизующей силы весьма разнообразно, то не считаемъ лишнимъ замѣтить, что весьма часто идея ея проводится въ общество и осуществляется чрезъ тѣхъ людей, которые пользуются наибольшимъ матеріальнымъ вліяніемъ; или другими словами: власть обусловливается вліяніемъ и силою, а то и другое матеріальнымъ положеніемъ.

И такъ мы видимъ, что сожительство людей, изъ котораго вытекаетъ все развитіе человѣчества, приводитъ къ тремъ главнымъ образовательнымъ формамъ: къ хозяйственному устройству, къ общественному порядку и къ государству; въ этомъ послѣднемъ, при органическомъ вмѣщеніи въ себѣ первыхъ двухъ формъ, достигается еще необходимѣйшее условіе всякаго прогресса, а въ томъ числѣ и хозяйственнаго,—свобода личности, для развитія которой бытъ общественный представлялъ мало необходимыхъ условій.

Народное хозяйство развивается мало по малу въ народѣ и вмѣстѣ съ народомъ; оно доходитъ до совершенной полноты своей только при совершенствѣ цѣлаго народнаго развитія; поэтому государство, какъ высшая форма человѣческаго общежитія, есть самая благопріятная для развитія народнаго хозяйства.

Какъ для первоначальнаго зарожденія народно-хозяйственныхъ отношеній необходимо сожительство извѣстной группы людей, такъ и для формаціи человѣческихъ массъ въ народѣ необходимо предварительное существованіе уже народнаго хозяйства, изъ котораго вытекаетъ и слагается безконечное разнообразіе образовательныхъ отношеній, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ средства къ матеріальному существованію значительнаго числа людей, сгруппированныхъ на извѣстной опредѣленной территоріи. Народное хозяйство, расширяя производство и усиливая производительность территоріи, даетъ возможность къ увеличенію народонаселенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и абсолютнаго могущества страны. Цѣль и значеніе народнаго хозяйства не состоитъ еще въ одномъ только воспроизведеніи матеріальныхъ богатствъ, посредствомъ преобразовательнаго вліянія на внѣшній міръ для удовлетворенія личныхъ потребностей каж-

даго индивидуума, ибо это можетъ производиться, хотя и не въ совершенствѣ, каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ безъ системы соединенія труда; существенная же цѣль народнаго хозяйства состоитъ въ удовлетвореніи потребностей цѣлой группы людей, общества или народа, чрезъ производство требуемыхъ благъ посредствомъ принципа всеобщаго обмѣна услугъ и интенсивнѣйшаго соединенія труда. Поэтому задача науки народнаго хозяйства не состоитъ въ изложеніи свѣдѣній и указаній о самыхъ способахъ производства добра, но въ познаніи тѣхъ началъ, посредствомъ которыхъ совершается удовлетвореніе потребностей цѣлаго общественнаго союза, въ понимапіи той системы отношеній, которая обнимаетъ въ себѣ всѣ частныя дѣятельности, стремящіяся къ собственному благу и этимъ самымъ содѣйствующія благу другихъ.

Нельзя не согласиться, что народное хозяйство составляетъ главнѣйшее основаніе всей народной жизни, что оно представляетъ связь, выходящую изъ самой природы вещей и соединяющую тысячи и милліоны людей къ неразрывному общежитію, что оно имѣетъ свойство продолжать свое существованіе при всевозможныхъ переворотахъ, претерпѣваемыхъ обществомъ и государствомъ, что, составляя основу благоденствія отдѣльныхъ лицъ, оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое условіе благоденствія всеобщаго и всѣхъ успѣховъ человѣчества, потому что, обезпечивая положеніе матеріальное, оно даетъ возможность и средства къ культурѣ умственной.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія извлеченія изъ сочиненія Дитцеля, мы считаемъ достаточнымъ ограничиться резюмированіемъ его ученія, которое можно выразить въ нижеслѣдующихъ окончательныхъ выводахъ.

Народное хозяйство есть основа всѣхъ человѣческихъ успѣховъ и необходимое условіе для развитія человѣчества.

Оно составляетъ главнѣйшую форму человѣческаго общежитія, и изъ нея въ связи съ семействомъ развиваются всѣ общественныя и государственныя отношенія.

Поэтому наука народнаго хозяйства не должна быть ученіемъ о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства, разсматриваемаго абстрактно; но она должна изучать его значеніе, формы его явленія, видоизмѣненіе и обращеніе въ связи съ его обладателемъ, двигателемъ и хранителемъ, въ связи съ человѣкомъ, обще-

ствомъ и государствомъ, и такимъ образомъ должна прійти въ соприкосновеніе съ наукою объ обществѣ и о государствѣ.

Соединеніе и раздѣленіе труда въ связи съ имущественными интересами и отношеніями даетъ основу второй главнѣйшей формѣ человѣческаго общежитія — обществу. Общественная среда есть среда развитія народно-хозяйственныхъ интересовъ; это составляетъ ея существенную характеристику.

Хотя общество и двигаетъ развитіемъ народнаго хозяйства, но на извѣстной степени это развитіе должно остановиться или даже пойти назадъ, ежели общественная форма не разовьется въ государственную; потому что складъ общественной жизни не даетъ такого центральнаго органа власти, который бы уравновѣшивалъ, примирялъ и обуздывалъ бы отдѣльно, въ ущербъ другимъ, выдающіеся въ обществѣ частные интересы и стремленія. Самое свойство общественной дѣятельности и жизни обусловливаетъ постоянное выдвиганіе впередъ одного рода интересовъ на счетъ другаго, или преобладаніе интересовъ одной группы людей надъ интересами другой. Въ жизни государственной эта борьба смягчается и умиротворяется и народное хозяйство находитъ въ государствѣ прочную и необходимую точку опоры для окончательнаго своего развитія. Такимъ образомъ борьба общественныхъ интересовъ по преимуществу хозяйственныхъ вызываетъ необходимость явленія высшей, преобладающей силы, — силы государственной, которая мало по малу подчиняетъ общество своей власти, дѣлаетъ всѣхъ его членовъ равными передъ собою, уничтожаетъ всѣ выработавшіяся временемъ и обычаемъ частныя прерогативы, или лучше сказать уравниваетъ ихъ, дѣлитъ свои услуги всѣмъ поровну и беретъ на себя выполненіе всѣхъ общихъ цѣлей. Такимъ образомъ, въ быту государственномъ, народное хозяйство получаетъ гораздо болѣе средствъ къ своему развитію противъ того, насколько оно имѣло ихъ въ быту общественномъ, гдѣ, во 1-хъ, не существовало еще объединенія силъ цѣлаго народа, а во 2-хъ, общественный партикуляризмъ разнаго рода дѣлалъ хозяйство раздробленнымъ на части, нерѣдко другъ другу враждебныя, въ 3-хъ, свобода личности, необходимое условіе всякаго прогресса, сильно стѣсняется формою общественнаго союза и достигается вполнѣ только въ государствѣ.

Значеніе общества совершенно измѣняется въ союзѣ государственномъ; здѣсь оно изъ самостоятельнаго дѣлается подчиненнымъ, теряетъ прежнее свое значеніе для народнаго хозяйства, для

котораго государство по своему единству, пространству и силѣ даетъ больше средствъ къ развитію; но прежній свой характеръ общество сохраняетъ и въ государствѣ; принадлежность къ извѣстному обществу обусловливается или одинаковымъ хозяйственнымъ положеніемъ отдѣльныхъ лицъ, или ихъ мѣстнымъ сожительствомъ (община), дающимъ общность интересовъ, или наконецъ существованіемъ у какой нибудь группы людей особыхъ исключительныхъ интересовъ, удовлетворяемыхъ безъ посредства государства.

Если государство могло возникнуть только тамъ, гдѣ есть уже народное хозяйство, и если это послѣднее въ своемъ высшемъ развитіи обусловливается существованіемъ порядка государственнаго, то это обнаруживаетъ не только органическую связь одного съ другимъ, но вноситъ еще въ понятіе о формаціи государства значеніе *новой* до сихъ поръ *непризнанной или упущенной изъ виду силы* — хозяйственной.

Если наука о государствѣ разсматриваетъ всѣ силы государственнаго организма и опредѣляетъ ихъ взаимоотношеніе, то она должна дать у себя мѣсто и значеніе народно-хозяйственной силѣ или же теорія народнаго хозяйства должна быть причислена къ циклу наукъ государственныхъ, также какъ причислены къ нему народно-хозяйственная политика и наука о финансахъ.

Изъ ученія Дитцеля, мы видимъ насколько его взгляды расходятся съ современными положеніями германской государственной и экономической науки; въ особенности этотъ разладъ замѣчается въ двухъ, главнымъ образомъ, затронутыхъ вопросахъ: въ происхожденіи государства, гдѣ одною изъ преобладающихъ, творящихъ силъ являются, по мнѣнію Дитцеля, народно-хозяйственные интересы, потомъ въ логически вытекающемъ отсюда значеніи народнаго хозяйства для цѣлаго организма государственнаго, не только по отношенію къ матеріальнымъ силамъ послѣдняго, но также и по отношенію къ его силамъ интеллигентнымъ. Оба эти положенія должны опредѣлить новое направленіе для науки народнаго хозяйства; въ силу ихъ, ей необходимо будетъ перейти отъ ея нынѣшняго отвлеченнаго разсматриванія богатства къ изученію онаго въ связи съ человѣкомъ и съ конкретными явленіями въ обществѣ и въ государствѣ, и тогда сдѣлаться существенною частью наукъ государственныхъ.

Если наука о государствѣ сначала разбираетъ и анализируетъ всѣ силы государственнаго организма отдѣльно и въ связи другъ

съ другомъ, а потомъ въ политикѣ излагаетъ ихъ дисциплины, то почему же она оставляетъ безъ анализа значеніе и свойство силъ народно-хозяйственныхъ, и только включаетъ въ свой циклъ политику объ этихъ силахъ? Мы полагаемъ, что это вытекаетъ изъ двухъ причинъ: во 1-хъ, изъ того, что до сихъ поръ никто изъ германскихъ философовъ и публицистовъ не включилъ въ причины формаціи государства дѣйствій и вліяній силы народно-хозяйственной; общественный бытъ, который въ первый разъ Гегель разсмотрѣлъ какъ подготовительную ступень къ государству, никогда не разсматривался ни имъ и никѣмъ другимъ какъ главнымъ образомъ организмъ хозяйственный, поэтому никто изъ нихъ и не внесъ въ науку о государствѣ понятія о значеніи народно-хозайственной силы, или силы интересовъ въ число силъ, образующихъ государственный организмъ. Правда, что нѣкоторые ученые, какъ напр. Либе, Видманнъ и Сталь, характеризировали общество, въ противоположность государству, какъ союзъ экономическій, имѣющій свои интересы и независимые отъ государства способы къ ихъ удовлетворенію. Сталь даже видѣлъ въ общественной дѣятельности необходимое восполненіе къ дѣятельности государственной; но каждый изъ нихъ разсматривалъ общественный союзъ уже вошедшимъ въ готовый, выработанный государственный организмъ, между тѣмъ никто не показалъ, какимъ образомъ сила хозяйственныхъ интересовъ въ общественномъ быту, предшествовавшемъ государственному, выработывала необходимость созданія высшей сферы человѣческаго общежитія — государства. Вторая причина отверженія теоріи народнаго хозяйства изъ наукъ государственныхъ та, что экономисты разсматривали до сихъ поръ богатство совершенно абстрактно, безъ связи съ его главнымъ производителемъ и единственнымъ обладателемъ — человѣкомъ. Изъ германскихъ ученыхъ мы можемъ назвать только Штейна, который, также какъ и Дитцель, признавая образовательную силу экономическихъ интересовъ за вѣчно дѣйствующую и вліяющую на весь государственный организмъ, выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о необходимости изученія богатства въ связи съ человѣкомъ и обществомъ *).

Вообще, въ вопросахъ политическихъ и экономическихъ мы находимъ значительное сходство въ направленіи Дитцеля съ напра-

---

*) Der Begriff der Gesellschaft und die sociale Geschichte der französischen Revolution bis zum Jahre 1830. Lorenz Stein. 1855.

вленіемъ Штейна; мы подмѣтили только у нихъ нѣкоторую небольшую разницу во взглядѣ на значеніе общества, о чемъ не считаемъ лишнимъ упомянуть здѣсь. И тотъ и другой видитъ въ обществѣ главнымъ образомъ выработку экономическихъ отношеній; оба они даютъ обществу, такъ сказать, вещественныя границы, опредѣляемыя мѣстнымъ сожительствомъ его членовъ и общностью однородныхъ экономическихъ цѣлей и занятій, однимъ словомъ не видятъ въ немъ того неосязаемаго, безграничнаго организма, движимаго на ряду съ цѣлями экономическими еще особыми цѣлями религіозными, умственными и нравственными, какъ это видитъ Моль *) и чѣмъ дѣлаетъ понятіе объ обществѣ весьма неопредѣленнымъ. Но существенная разница между ученіемъ Дитцеля и Штейна объ обществѣ заключается въ томъ, что первый видитъ могущественное значеніе общественныхъ экономическихъ интересовъ въ періодъ ихъ первоначальнаго развитія и показываетъ ихъ образовательную силу на формацію государства, а потомъ, дошедши до этого момента, онъ находитъ, что индивидуальная личность, свободно развившаяся въ государствѣ, сильнѣе содѣйствуетъ къ развитію хозяйственнаго и государственнаго порядка, нежели самое общество, нерѣдко противодѣйствующее государству; Штейнъ же напротивъ, проходя молчаніемъ значеніе общественно-экономическихъ интересовъ на формацію государства, признаетъ ихъ творческую силу въ моментъ полнаго развитія государственнаго организма. Онъ видитъ въ самыхъ противорѣчіяхъ цѣлей общественныхъ съ государственными задатки и средства къ высшему развитію народа и формъ государственныхъ; безъ этихъ противорѣчій, говоритъ онъ, послѣдовалъ бы застой, а тамъ и смерть для государственнаго общежитія; въ обществѣ находитъ государство источникъ своего обновленія и улучшенія. Главная пружина общественныхъ движеній постоянно сосредоточивается въ интересахъ хозяйственныхъ; хотя высшая цѣль стремленія человѣчества есть полная индивидуальная свобода и счастье индивидуальное, но все-таки это достигается при посредствѣ общества, и не отдѣльныя личности въ государствѣ, а общество вмѣстѣ вліяетъ на развитіе народнаго хозяйства и на усовершенствованіе формъ государственныхъ. Однимъ словомъ, Дитцель придаетъ обществу большее значеніе въ до-государственномъ порядкѣ, Штейнъ же въ самомъ государственномъ.

---

*) Въ 1-й части Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. 1855.

Что касается необходимости признанія теоріи народнаго хозяйства за науку государственную, на основаніи вліянія народно-хозяйственныхъ силъ не только на формацію государства, какъ это доказываетъ Дитцель, но и на дальнѣйшую жизнь и развитіе онаго, то германскіе публицисты совершенно несогласны съ этимъ положеніемъ; Моль, либеральнѣйшій изъ нихъ, отзывается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «....прежде всего нужно опредѣлить, въ какомъ объемѣ слѣдуетъ принимать науку народнаго хозяйства. Если принять ее за такую ученую систему, какъ принимаютъ французы, въ которой, кромѣ изложенія основнаго ученія о сущности богатства отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго народа, указывается еще вліяніе на него государства, и наоборотъ; *тогда* политическая экономія будетъ наукою государственною, и ея основанія въ такомъ случаѣ сдѣлаются шире противъ того, какъ это требуется ближайшею необходимостью. Однако, на основаніи всѣми справедливо принятаго и господствующаго взгляда въ Германіи, экономическая наука дѣлится на три науки: теорію народнаго хозяйства, народно-хозяйственную политику и финансовую науку; изъ нихъ же безспорно принадлежатъ къ системѣ государственныхъ наукъ только двѣ послѣднія, и то какъ подчиненныя части политики. Ученіе о добрѣ, цѣнности, цѣнѣ, капиталѣ, соединеніи и раздѣленіи труда, объ отношеніи различныхъ родовъ хозяйства другъ къ другу и проч. настолько удалены въ своемъ исходномъ пунктѣ отъ государства, что даже почти ни въ чемъ не приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Если бы даже теорія народнаго хозяйства болѣе, чѣмъ прежде, обращала вниманія на общественныя и нравственныя отношенія, что было бы очень желательно, то и черезъ это она не сдѣлалась бы государственною наукою, а только доставила бы этимъ болѣе богатыя и важныя основныя положенія для лучшаго порядка вещественныхъ основъ государства и могла бы тѣмъ самымъ проложить дорогу къ положеніямъ, которыя въ свое время нашли бы мѣсто въ одной изъ государственныхъ наукъ. Предположимъ для примѣра, что наукѣ народнаго хозяйства удалось бы разрѣшить всемірно-историческую задачу объ установленіи правильнаго и удовлетворительнаго отношенія труда къ капиталу, то это не было бы еще ближайшимъ образомъ устройство государственное. Даже безъ парадокса можно утверждать, что новое положеніе въ означенныхъ отношеніяхъ было бы лучшимъ, когда бы оно могло быть достигнутымъ безъ всякой помощи со стороны государства».

Изъ этой тирады мы можемъ вывести чрезвычайно оригинальное заключенiе о неуступчивости германскихъ ученыхъ вообще, а Моля въ особенности, къ научной реформѣ въ области государственныхъ и экономическихъ наукъ, реформѣ, вызываемой современною жизнью и ея потребностями. Въ этой тирадѣ, Моль говоритъ сначала, что основы политической экономiи могутъ сдѣлаться шире, или другими словами, что богатство можетъ быть разсматриваемо въ связи съ человѣкомъ, обществомъ и государствомъ и съ точки зрѣнiя ихъ взаимнаго влiянiя, слѣдовательно, что теорiя народнаго хозяйства можетъ примкнуть къ наукѣ о государствѣ; вслѣдъ же затѣмъ отвергаетъ возможность этого сближенiя или слитiя на томъ основанiи, что оно не признано германскою наукою. Если же мы зададимъ себѣ вопросъ о томъ, почему германская наука въ большинствѣ своихъ представителей не признаетъ значенiя и влiянiя экономическихъ интересовъ и явленiй ни на формацiю государства, ни на дальнѣйшую его жизнь, то на это можемъ отвѣтить тѣмъ, о чемъ упомянули уже прежде, что вся почти германская школа ученыхъ публицистовъ дѣлаетъ свои выводы изъ какого нибудь натуръ-философскаго положенiя или опредѣленiя, въ логическомъ порядкѣ, сверху внизъ (дедуктивно), не справляясь много съ реальными явленiями, хотя единственно только изъ нихъ можно вывести истинное значенiе экономическихъ интересовъ; историческая же школа не выработала до сихъ поръ настолько, чтобы съ своей стороны внести въ философскую понятiя объ образовательной силѣ означенныхъ интересовъ. Поэтому то мы придаемъ особенное значенiе труду Дитцеля «О народномъ хозяйствѣ и его отношенiи къ обществу и государству», какъ попыткѣ проложить путемъ индукцiи правильное воззрѣнiе на формацiю государства, въ которой народно-хозяйственные интересы и силы имѣютъ такое же значенiе, какое имѣли до сихъ поръ по гегелевской системѣ, семейство, общество и централизующая власть. Мы полагаемъ, что дальнѣйшая разработка взгляда Дитцеля на значенiе народнаго хозяйства можетъ повести къ совершенно новымъ экономическимъ и политическимъ воззрѣнiямъ, въ которыхъ главнымъ основанiемъ будетъ реальное отношенiе человѣка къ богатству, отношенiе, которымъ, по системѣ Дитцеля, обусловливается вся исторiя человѣчества.

Гейдельбергъ, мартъ 1865 года.

57) Александра Дювернуа.

ГРАММАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Изученіе такъ еще недавно опредѣлившейся доктрины сравнительной грамматики въ томъ ея состояніи, въ какомъ застаетъ ее настоящее время, отягощено многочисленными и трудными проблемами методологическаго свойства. Съ одной стороны, дѣятельность Боппа, положившаго ей первый основный камень въ 1818 году своимъ изслѣдованіемъ о сравнительной системѣ спряженія индо-европейскихъ языковъ и воздвигшаго памятникъ ея сорокалѣтнему развитію во 2-мъ изданіи сравнительной грамматики, упрочиваетъ за новой грамматической доктриной тотъ аналитическій методъ, которому она обязана такимъ быстрымъ успѣхомъ. Приступивши къ дѣлу при свѣтѣ философіи [1]), далекій отъ проблемъ историческихъ, Боппъ изслѣдовалъ, въ продолженіи своей многолѣтней ученой дѣятельности, мертвыя формы. Его призваніе — анатомическій анализъ. Какъ оріенталистъ и одинъ изъ первыхъ санскритологовъ, онъ нашелся у источника истины съ перваго же шага своей ученой дѣятельности. Его домыслъ ясенъ въ равной степени, какъ въ сочиненіи 1818 года, такъ и во второмъ изданіи сравн. грам., оконченномъ лишь въ прошломъ году. Каждый новый шагъ прибавлялъ лишь его кругозора. Отъ прикосновенія этого счастливаго домысла возникали новыя и новыя явленія въ наукѣ, пока въ послѣднемъ, заключительномъ сочиненіи не раскрылся цѣлый міръ научныхъ явленій, очищенныхъ его аналитической критикой и готовыхъ для историческихъ заключеній. Слѣдящій за этимъ явленіемъ въ исторіи наукъ, не найдетъ успокоенія своимъ вопросамъ, пока не обратится къ источнику Боппова домысла, — къ санскриту. Непосредственно за первымъ сочиненіемъ Боппа въ 1818 г., на ряду съ рецензіями его (на Графову древне-нѣмецкую сокровищницу, на 1-й т. Гриммовой грамматики, впослѣдствіи изданныя вмѣстѣ, подъ заглавіемъ «Vocalismus»), съ академическими его трактатами о мѣстоименіяхъ, съ англійскими его статьями въ «Лѣтописяхъ восточной литературы», въ 20-хъ годахъ стали появляться его эпизоды изъ Магабараты: Налъ, Индралокагаманамъ и Diluvium. Въ его подробныхъ критическихъ и грамматическихъ комментаріяхъ къ этимъ отрывкамъ, въ томъ высокомъ

[1]) Свидѣтельство Виндишмана-отца въ предисловіи къ упомянутому первому сочиненію Фр. Боппа, изд. въ 1818 г. во Франкфуртѣ на М.

критическомъ тактѣ и вкусѣ, съ которымъ онъ выбираетъ чтенія текста [1]), и находимъ зарожденіе его счастливо-сложившейся мысли о сродствѣ индо-европейскихъ языковъ и о духѣ ихъ. Силою этой мысли нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1833 году, воскресъ для науки Зендъ, старшій близнецъ санскрита. Здѣсь, для геніальной мысли Бюрнуфа, были нужны еще болѣе настойчивыя усилія, ибо преданіе, сохранившееся въ очень замутившемся видѣ, вытерпѣвши многократныя историческія преломленія, было едва ли доступнѣе самого текста. Лишь Неріосенгъ давался легко.

Итакъ, одушевляемый цѣлью чисто-аналитическою, Боппъ объяснилъ громадную массу явленій, не отвлекая своего аналитическаго вниманія почти ни на минуту къ другимъ сторонамъ дѣла. Даже заключенія отъ сравнительныхъ языковъ къ доисторическимъ судьбамъ народовъ такъ мало занимали его, что онъ во второмъ изданіи своей сравнительной грамматики далъ имъ мѣсто лишь въ нѣсколькихъ примѣчаніяхъ къ своему трехтомному сочиненію, и то съ цѣлями по преимуществу критическими.

Съ другой стороны, совмѣстная дѣятельность другихъ лингвистовъ, ни мало, впрочемъ, не поколебавшая твердаго шага Боппа, представляетъ менѣе спокойствія и болѣе разнообразія въ пріемахъ и направленіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя по стопамъ Боппа-аналитика, уклонились отъ истины. Держась строго идей о духѣ индо-европейскихъ языковъ, сложившихся на санскритѣ, хотя и не выражая ихъ голыми формулами, Боппъ всегда вѣрно направлялъ орудіе своихъ анатомическихъ изслѣдованій [2]). Казалось бы—sapienti sat. Но Поттъ и многіе за нимъ погрѣшили пути истины. Стали сравнивать несравнимое, довели лингвистическій анализъ до низкаго значенія хвастливаго полиглотизма, до школьной выставки учености, во вредъ истинѣ и успѣху науки. Всякая черта въ мудромъ строѣ Боппова анализа получила въ нихъ свою каррикатуру. Еще Лассенъ въ первой книжкѣ «Indische Bibliothek», въ цѣнной рецензіи своей на первый выпускъ Бопповой сравнительной грамматики (1-го изданія)

---

[1]) Отъ этихъ чтеній отступать опасно и теперь, 35 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ Бопповыхъ эпизодовъ. Каждому предоставляю убѣдиться въ этомъ изъ изданія Савитри г. Коссовичемъ.

[2]) Самое высокое признаніе заслугъ Боппа видимъ въ томъ, что, говоря объ особенности языковъ индо-европейскихъ, относительно семитическихъ, В. Гумбольдтъ слѣдуетъ за Боппомъ, какъ бы за авторитетомъ безупречнымъ, какъ за своимъ наставникомъ.

разошелся съ Боппомъ на вопросѣ объ образѣ сложенія элементовъ слова. Желая устранить отъ индо-европейскихъ языковъ всякую тѣнь агглютинаціи, Лассенъ нашелъ несогласнымъ съ духомъ индо-европейскихъ языковъ то понятіе о сложеніи корней съ образовательными элементами слова, котораго держался Боппъ. Боппъ побѣдоносно оправдался черезъ 30 лѣтъ во 2-мъ изданіи своей грамматики (въ главѣ объ аугментѣ). Но, сколько помнится, Лассенъ уже ничего не возражалъ противъ того распространенія, которое далъ Поттъ понятію о сложеніи въ своихъ этимологическихъ изслѣдованіяхъ. Другіе были менѣе упорны. Цѣлая бездна раздѣляетъ Бенфея въ греческомъ корнесловѣ отъ Бенфея въ изданіи «Гимновъ Самаведы», въ статьяхъ «объ особляющемъ направленіи» о «гласной r̥» («Orient und Occident»).

Лингвисты, начавшіе свою ученую дѣятельность нѣсколько позже, были богаче опытностью. Шлейхеръ, въ санскритѣ—ученикъ Лассена, по указанію своего наставника отправился въ свою ученую экспедицію на Мемель. Плодомъ экспедиціи была подробная грамматика литовскаго языка и христоматія съ словаремъ: работа, не оставляющая ничего желать. Кромѣ того, по доступнымъ ему источникамъ, Шлейхеръ ввелъ древне-славянскій языкъ въ область сравнительнаго изслѣдованія и при этомъ указалъ на слабую сторону анализа, не проникающаго съ равной глубиною во всѣ сравниваемые предметы. Въ своей рѣзкой нападкѣ на Боппа въ «Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache» онъ извинился въ «Lituanica», при чемъ присоединилъ краснорѣчивое признаніе Бопповыхъ заслугъ. Пражская профессура открыла ему чешскій языкъ, памятникомъ чему остался его переводъ Наля на чешскій языкъ. Шлейхеръ, быть можетъ, еще не кончилъ своихъ трудовъ по литовско-славянской группѣ индо-европейскихъ языковъ. Но, кромѣ того, что онъ открылъ лингвистамъ вѣрный путь къ пользованію значительнымъ матеріаломъ языковъ этой группы, онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ наукѣ, давши анализу совершенно иное направленіе, чѣмъ было до него, въ своемъ «compendium». Осмотрѣвшись въ собранномъ Боппомъ аналитическомъ матеріалѣ, онъ сдѣлалъ большой шагъ въ наукѣ, разсматривая явленія языкотворчества по народамъ. Этимъ далъ онъ право гражданства историческому методу въ грамматической наукѣ, до него вращавшейся въ кругѣ понятій сравнительнаго анализа мертвыхъ формъ. Имѣя болѣе полный матеріалъ для соображеній и притомъ пользуясь тѣмъ, въ чемъ Боппъ останется навсегда

непогрѣшимымъ, Шлейхеръ рѣшительнѣе въ выводахъ. Выводъ до-исторической формы кажется ему проще всякой ариѳметической задачи; до-историческія отношенія народовъ упрощены имъ до геометрической фигуры. На долго ли это останется? Едва ли кто дастъ на это рѣшительный отвѣтъ. Одно мнѣ кажется важнымъ для наведенія на этотъ вопросъ. Въ Гриммѣ, труды котораго не остались, конечно, безъ вліянія на Шлейхера, онъ не имѣетъ себѣ въ этомъ предшественника. Я хочу этимъ сказать, что подобные искусственные эксперименты рѣзко противорѣчатъ историческому принципу въ языкоизслѣдованіи, который оказалъ во многихъ случаяхъ такія существенныя услуги анализу Шлейхера.

Но я не намѣренъ представлять полной исторіи грамматической доктрины. И въ томъ, что сказано, надѣюсь, намѣчены мои чаянія отъ нея. Значеніе явленія не можетъ быть вполнѣ объяснено сродными ему явленіями, если оно взято въ отвлеченіи отъ жизни, т. е. отъ тѣхъ ближайшихъ къ нему явленій, съ которыми оно никогда не перестанетъ жить общею жизнію. Анализъ мертвыхъ формъ можетъ представить выводы только крайне условные по отношенію къ историческимъ вопросамъ, оставаясь непоколебимыми по отношенію къ общей характеристикѣ языка. Этимъ и объясняется то легкое отношеніе къ языкоизученію, которое такъ ясно въ полиглотахъ, подобныхъ Потту. Произвольно, и очень часто—весьма неудачно, выбранная грамматика и словарь несутъ на себѣ отвѣтственность всей жизни языка. Я не хочу говорить о томъ, какимъ невзгодамъ подвергались подъ ножемъ этихъ полиглотовъ-анатомовъ славянскія нарѣчія. Они живы, чтобы говорить самимъ за себя. Но что сталось съ тѣми языками, которые получили себѣ представителей въ тощихъ грамматикахъ миссіонеровъ, успѣвшихъ захватить одно чисто случайное, а можетъ и послѣднее, лихорадочное ихъ сокращеніе?! Анализу, понимаемому такимъ образомъ, никогда не перестанетъ угрожать исторія. Въ извѣстномъ смыслѣ, въ смыслѣ послѣдовательности аналитическому наведенію, изслѣдованія надъ мертвыми формами могутъ быть справедливыми, и, направляемыя вѣрнымъ чутьемъ духа и жизни, какъ мы видѣли это въ Боппѣ, могутъ остаться въ наукѣ, какъ общая характеристика языкотворчества, непоколебимыми; но, по происхожденію своему и въ сущности своей, они навсегда останутся проблематичными. Аналитическій методъ, оказавшій великія услуги грамматической доктринѣ, навсегда останется ея руководительнымъ началомъ. Остается желать одного,

чтобы измѣнилось воззрѣніе нѣкоторыхъ изъ современныхъ грамматистовъ на препаратъ, выработываемый анализомъ. Опытъ нашей доктрины учитъ, что существо препарата не въ томъ, чтобы предметъ явился въ возможной чистотѣ его отдѣльнаго существованія; напротивъ, онъ долженъ представить его во всей ясности его живыхъ отношеній ко всему организму, котораго часть онъ составляетъ. Только такимъ образомъ понятый и приложенный аналитическій методъ языкоизслѣдованія можетъ привести къ точнымъ и яснымъ выводамъ объ исторіи человѣчества.

Понятія историческаго развитія, исторической эпохи сложились въ наукѣ на всемъ разнообразіи явленій жизни народовъ. Эти-то понятія, свойства далеко не однороднаго, прилагаются безоговорочно къ жизни языковъ. Народная жизнь, во всѣхъ сторонахъ ея общественнаго, политическаго существованія, имѣетъ, несомнѣнно, самое рѣшительное вліяніе на развитіе языка. Она могущественно опредѣляетъ его. Если не принять ея во вниманіе, многое, несомнѣнно, останется темнымъ. Это, такъ сказать, воспитательныя условія жизни языка. Но, помимо этого условнаго движенія въ жизни языка, въ ея основаніяхъ кроется независимое, свое органическое развитіе, многообразно видоизмѣняющее дѣйствіе тѣхъ образующихъ вліяній и условій. Отношеніе творческой дѣятельности языка къ исторіи объяснено Я. Гриммомъ; психологическая сторона его творчества В. Гумбольдтомъ.

Три, такъ называемыхъ, старшихъ Веды (Rik-, Sâma-, Yajur-) завѣщаны глубокой стариной индусской жизни, прежде всего какъ памятникъ торжества жреческой касты. Дальнѣйшія судьбы брахмановъ, отстоявшихъ свое существованіе въ борьбѣ, продолжаютъ условливать существованіе Ведъ. Если бы былъ сколько нибудь продолжительный перерывъ въ ихъ отношеніи къ кшатріямъ, если бы послѣдніе, не довольствуясь своими героическими Ведами — Магабаратой и Рамаяной, успѣли бы, въ мщеніе за старое преобладаніе, поколебать на время ведійское преданіе, то послѣднія поколѣнія брахмановъ не могли бы представить священныхъ поэтическихъ гимновъ въ той чистотѣ ихъ исконности, въ которой они выходили изъ устъ еще всесильныхъ ихъ предковъ, за тысячелѣтіе до нашей эры. Разъ порвавшаяся связь вѣковыхъ преданій замутилась бы навсегда возрождающимися поколѣніями. Явились бы новые токи. Для ученой критики современныхъ санскритологовъ было бы болѣе пищи: явились бы варіанты.... Но было иначе: преданіе, какъ обычное,

церемоніальное, такъ и грамматическое, удержалось въ свѣжести поколѣній, близкихъ къ самимъ ришіямъ гимновъ. Традиціонное толкованіе гимновъ обязательно; текстъ самихъ гимновъ, ими толкуемыхъ, непоколебимъ и чистъ. Что текстъ Ведъ достовѣренъ въ этомъ самомъ смыслѣ, т. е., что рѣченія ихъ гимновъ изслѣдователь въ правѣ принимать за словотворческіе звуки, исходившіе изъ устъ самихъ Ришіевъ, эпигоновъ Рибу, поклонниковъ Агни, Индры, обѣихъ Ашвинъ, это яснѣе всего окажется изъ изслѣдованія любаго изъ этихъ рѣченій [1]). Но обильная толковательная литература Ведъ даетъ въ руки изслѣдователя доказательства и другаго рода, не менѣе тѣхъ первыхъ убѣдительныя. Какъ бы ни убѣдительны были доказательства внутреннія, всякій склоненъ оказался бы узнать, какими же средствами звуки столь древней эпохи дошли до нашего времени въ такой исконности. На этотъ послѣдній вопросъ скептицизма даютъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ пратишакьи (prâtisâkhyas). Въ ихъ, такъ называемыхъ, сутрахъ (правилахъ) искони скованъ весь текстъ Ведъ на вѣки. Мы говоримъ — искони. Справедливость этого утвержденія сейчасъ же объяснится самою сущностію дѣла. Но отчего мы не предпочли сдѣлать болѣе точное историческое указаніе? Оно невозможно. Происхожденіе грамматическаго и толковательнаго преданія теряется въ миѳологіи и рядѣ перерожденій пандитовъ; епонимами грамматическихъ школъ являются уже Индра и Шива. Совмѣстнымъ усиліямъ санскритологовъ и синологовъ не удалось спасти исторіи изъ этой путаницы миѳологическихъ поколѣній, сросшихся въ сознаніи съ дѣйствительными. Отчаянное положеніе вопроса можно наблюдать во введеніи Бётлинга къ сутрамъ Панини (II, p. III—XXIV, XXXVII—LVI). Не смотря, однако, на это состояніе вопроса, санскритологи не боятся на много ошибиться, полагая происхожденіе первой пратишакьи около 800—600 л. до Р. Хр. (Benfey — Hymnen des Sâma-Veda. Einleitung, p. XXIX). Исконность преданій пратишакій ясна изъ нихъ самихъ. Пратишакья къ Ригведѣ, составленная Шаунакою, заключаетъ въ себѣ 6 паталъ, въ каждой отъ 1 до 8 варгъ; всего 432 сутры. Въ эти 432 афористическія грамматическія изрѣченія приняты не только всѣ формы и рѣченія священнаго текста, но для

[1]) Этюды будутъ посвящены по преимуществу языку Ведъ. Потому пишущій эти строки позволялъ себѣ въ первомъ, предварительномъ этюдѣ говорить обо многомъ мимоходомъ.

всякаго изъ нихъ опредѣлено произношеніе и удареніе. Всякій отдѣльный случай, какъ бы ни былъ онъ исключителенъ, отверженъ и скованъ въ отдѣльное правило, выраженное чаще всего однимъ или двумя словами, и потому чаще всего весьма трудное для пониманія [1]). Если, напримѣръ, висарга рефируется въ стихѣ, гдѣ попадаются частицы *vi*, или *apa*, является сутра для этого именно случая, и явленіе этимъ самымъ увѣковѣчивается. Самыя сутры пратишакьи были записаны гораздо позднѣе своего появленія. Все въ нихъ говоритъ за то, что они, подобно самимъ Ведамъ, устно заучивались и съ тѣмъ большею точностью переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. Начинаются онѣ съ алфавита. Изъ порядка, въ какомъ слѣдуютъ классы буквъ, именно яснѣе всего это устное ихъ происхожденіе. Положенное въ основаніи пратишакьи раздѣленіе буквъ по органамъ произношенія и по морамъ дыханія, нужнымъ для произношенія гласныхъ и согласныхъ, всего болѣе увѣряетъ въ этомъ: только самымъ непосредственнымъ отношеніемъ къ органамъ устъ можно объяснить ту изумительную точность и тонкость опредѣленій звуковъ по полостямъ ихъ устнаго происхожденія, которой, по истинѣ, можетъ завидовать даже и современная физіологія звука. Одно лишь названіе могло наводить на мысль о письменномъ алфавитѣ. Это названіе *antaḥstha* (внутри, между стоящіе), придаваемое пратишакьею буквамъ *y*, *r*, *l*, *v*, объясняющееся промежуточнымъ положеніемъ названныхъ буквъ между спаршами и ушманами. Но ученый издатель шаунаковой пратишакьи, Максъ Мюллеръ, справедливо говоритъ, что это названіе есть только школьное выраженіе и условливаетъ собою извѣстное школообразное распредѣленіе алфавита, но никакъ — не письменность [2]).

Но для вполнѣ ясной оцѣнки грамматическаго, или, точнѣе, фонетическаго преданія ведійскаго текста, съ которымъ оно дословно согласуется, необходимо знать воззрѣніе на него самихъ его хранителей. Шаунака его выражаетъ очень полно. Самое названіе *prâtisâkhyâ*, производное имя прилагательное женскаго рода чрезъ таддита-суффиксъ —*ya* съ удлиненіемъ первой гласной слова, произве-

[1]) Всякому, кто справлялся съ сутрами Панини, извѣстна эта роковая для его читателей черта грамматической техники санскрита, по которой на многихъ сотняхъ страницъ своего аштакамъ онъ ни разу не употребилъ verbum finitum.

[2]) Примѣчаніе издателя къ сутрѣ X. Rigveda, herausgegeben von Max Müller. Leipzig. Brockhaus. 1856. 1 Theil, p. XIII.

дено отъ слова *sâkha*, означающаго, между прочимъ, школу [1]). Это имя, такимъ образомъ, обозначаетъ книгу, разсматривающую дѣло по школамъ. Дѣйствительно, съ теченіемъ вѣковъ, не смотря на священное значеніе ведійскаго текста и его произношенія, успѣли вкрасться нѣкоторыя разнорѣчія въ произношеніи того, другаго звука, имѣющія рѣшительную важность для фонетическаго преданія. По этимъ-то разошедшимся Шâкамъ и разсматриваетъ эти случаи Шаунака. Комментаторъ нашей пратишакьи Шаунаки жалуется на то, что нѣкоторые учебники по фонетикѣ дѣлаютъ для многихъ спорныхъ случаевъ общія опредѣленія, безъ вниманія къ разнорѣчію мнѣній. Въ одной шикшѣ (фонетикѣ) говорится, что *ṛ*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*, *r*, *sh* суть mûrdhanya, т. е. такія буквы, которыя произносятся языкомъ, соприкасающимся съ небомъ (mûrdhan); въ другой говорится, что при произношеніи *r* языкъ долженъ соприкасаться съ корнями зубовъ. Эти древнія разнорѣчія устнаго произношенія священныхъ звуковъ и увѣковѣчиваетъ Шаунака въ пратишакьѣ, боясь обобщенія, какъ поздняго плода письменности [2]). Зная, какое произношеніе принадлежитъ какой шакѣ, ученикъ съумѣетъ сообразовать эти особенности съ текстомъ, не искажая его позднѣйшимъ эклектизмомъ.

Изъ этого ясно назначеніе пратишакьи. Ея устное происхожденіе выше уже доказано. Положеніе ея въ ряду другихъ ведійскихъ дисциплинъ ясно изъ слѣдующаго мѣста. Шаунака говоритъ, что съ однимъ текстомъ ведійскихъ гимновъ было бы трудно справедливо и точно совершать жертву, потому что мѣста Ведъ, соотвѣтствующія каждой жертвѣ, разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ, и, кромѣ того, представляютъ трудности для пониманія. Потому-то древнѣйшіе учители, хорошо знакомые съ содержаніемъ Ведъ, извлекли изъ Ведъ опредѣленныя дисциплины и устно преподавали ихъ, каждую отдѣльно. Таковы: *шикша* (фонетика), *калпа* (церемоніалъ), *въякарана* (грамматика), *найрукта* (ексегезисъ), *чандасъ* (метрика), *джъотишамъ* [3]) (календарь), *дармашастра* (законникъ), *пураны* (дренія легенды), *ньяя-вистара* (логика), *миманса* (догматика). Избравши фонетику, Шаунака и излагаетъ всѣ «оттѣнки

---

[1]) Болѣе обширное, вполнѣ достойное стать классическимъ, опредѣленіе пратишакій читается у Рота, Nirukta, p. XLIII.

[2]) Ibidem, p. XI.

[3]) Неправильное образованіе вм. джьаутишамъ. См. Вебера Ueber den Vedakalender, Namens Jyotisham. Berlin, 1862. Прим. 2 къ стр. 1.

произношенія звуковъ и метры — ихъ форму (собственно — цвѣтъ), сущность, вездѣсущіе и (чрезъ нихъ достигаемое) небо и безсмертіе» [1]).

Если мы находимъ грамматическое преданіе соблюденнымъ съ такою религіозностью въ эпоху 600—800 л. до Р. Х., то по необходимости должны продолжить его историческую перспективу и глубже въ древность устнаго его преподаванія. Иначе, должна бы была обозначиться его историческая межа въ той же первой пратишакьѣ Шаунаки. А ее нѣтъ. Пратишакья преподаетъ это преданіе, какъ уже наросшее вѣками устнаго преподаванія. Неизмѣнность и чистота рецензіи текста Ведъ еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Но здѣсь-то именно, въ томъ именно, что даетъ особенную достовѣрность древности грамматическаго преданія Ведъ, т. е. въ этомъ согласіи текста, Ричъ-Веды съ ея пратишакьею, и зарождается тонкая историческая черта, полагающая межу, которой мы напрасно бы искали въ пратишакьѣ. Я разумѣю то замѣчательное явленіе, которое слегка было намѣчено Бенфеемъ въ его изданіи текста гимновъ Самаведы, именно, что гимны Самаведы, общія собранію Ṙić, древнѣе послѣднихъ по языку. Слѣдовательно, въ началѣ еще, по всему вѣроятію еще до зарожденія опредѣленнаго, школообразно преподаваемаго преданія, существовало какое-то различіе въ рецензіи. Это различіе объясняется различнымъ отношеніемъ тѣхъ, другихъ гимновъ къ жертвенному обычаю [2]). Еще разъ повторяемъ, что эта грань восходитъ до той эпохи, когда въ преданіи еще не чувствовалось необходимости, ибо пратишакья всегда и неизмѣнно держится текста Ṙić. Итакъ, вотъ существенное вліяніе историческихъ условій на развитіе санскрита въ древнѣйшую эпоху его существованія. Не останавливаясь долго на мысли о томъ, въ какой степени желанны и счастливы эти вліянія для науки, обязанной ими сокровищницею Ведъ, постараемся, хотя бѣгло, указать на тѣ внутреннія свойства санскрита, которыя сдѣлали его столь податливымъ на эти внѣшнія вліянія. Эти свойства столь видны и могущественны, что главнѣйшія изъ нихъ можно указать на самой поверхности санскрита, не углубляясь пока въ тончайшіе его атомы. То внутреннее свойство санскрита, которое условливаетъ собою чуд-

---

[1]) «chańdôjnânamâkârań bhûtajnânań chańdasâń vyâptiń svargâmrtatvaprâptiń». Ṙigveda, ed. M. Müller, pp. VII—IX.

[2]) Benfey, Die Hymnen d. Sâma-Veda. Leipzig. Brockhaus. 1848. p. XXVII—XXX.

ную судьбу Ведъ, есть *sandhi*, по законамъ котораго и составлена та рецензія текста Ведъ, которая употреблялась и при устномъ традиціонномъ усвоеніи гимновъ и при произношеніи ихъ съ цѣлями ритуальными. По немъ и называется текстъ Ведъ — *sanhitâ-pâta*, отъ корня *dhâ* съ предлогомъ *sam:* рецензія связи (sandhi) — рецензія связанная. Ей противуполагается *padapâta* — такъ сказать, постишное чтеніе, съ отдѣленіемъ словъ, стоящихъ въ своей грамматической отдѣльности, не связанныхъ своими концами и началами по закону sandhi. Падапату, въ противоположность рецензіи *sanhitâ*, можно характеризовать какъ грамматическую, ибо она спасаетъ грамматическія окончанія на гласную отъ нивелирующаго вліянія рецензіи sanhitâ. Въ Ведахъ имѣетъ эта рецензія особенную важность, потому что ихъ языкъ имѣетъ много старинныхъ формъ падежныхъ окончаній на одну долгую гласную. Пратишакья, приводя въ этихъ случаяхъ форму, ставитъ при ней «iti» (sic, такъ) для большаго ея обособленія, предпохищая у насъ этотъ пріемъ обозначенія. Употребленіе «iti» въ ведійскомъ текстѣ особенно ясно, ибо эта частица, по собственному замѣчанію пратишакьи, не употребляется въ Ведахъ, такъ что, слѣдовательно, смѣшать ее съ ведійскимъ текстомъ невозможно.

Будемъ продолжать, оставаясь въ области ведійской фонетики, т. е. пратишакьи. Простѣйшая единица звука, по пратишакьѣ, есть акшара, т. е. слогъ [1]). Акшара есть и одна гласная, и согласная съ гласною, и, наконецъ, гласная, со всѣхъ сторонъ окруженная согласными, есть та же акшара, такъ напримѣръ *sprk;* такъ что монофтонги (a, â, ṛ, i, î, u, û) называются въ пратишакьѣ samânâksharas, а *ê*, *ô*, *ai*, *au* — sandhyaksharas. Не имѣя, къ сожалѣнію, въ настоящее время собственнаго экземпляра Бюрнуфова «Commentaire sur le Jaçna», я ограничиваюсь лишь бѣглымъ указаніемъ на геніальныя палеографическія соображенія о связи этой древней гармоніи звуковъ гласныхъ и согласныхъ въ слогѣ съ деванагарскимъ шрифтомъ въ Avant-propos къ этому великому произведенію его генія. Итакъ, естественнымъ представляли себѣ индусы положеніе гласной между согласными, ей не однородными. Какъ же скоро встрѣчались элементы однородные, происходилъ санди: элементы амальгамировались.

---

[1]) Терминологія буквы у Панини весьма сложна. Но къ ней еще, быть можетъ, будемъ имѣть случай возвратиться.

Какъ широко приложеніе закона санди? Оно не ограничивалось словами, оно переходило изъ стиха въ стихъ. А въ Ведахъ стихъ есть наибольшая единица звука членораздѣльнаго и мѣрнаго; имъ обнимается вся безконечность міра звука. Итакъ, санди безконеченъ. Этимъ и условливается названіе системы, противуположной *sanhitâ*, Падапаты, постишнаго чтенія.

Въ этомъ явленіи безконечности санди лежитъ залогъ будущаго санскрита. Санди здѣсь, въ Ведахъ,—законъ всесильный въ мірѣ звука. Впослѣдствіи онъ является единовластителемъ въ мірѣ мысли. Въ Ведахъ, эпосѣ,— несравнимый красотами синтаксисъ. Въ позднѣйшую эпоху синтаксисъ санскрита убивается явленіемъ сложныхъ словъ. Они принимаютъ въ себя, не только предложенія, періоды, но цѣлый кругъ идей, роскошныя картины фантазіи. Умѣя разлагать эти, лишенныя всякой грамматической образности, сплетенія, мы ими наслаждаемся; иначе, мы ими наслаждаемся, забывая ихъ внѣшній образъ, ихъ бѣдную оболочку [1]). Но возвратясь къ ней, мы не можемъ не пожалѣть о томъ счастливомъ времени, когда вліяніе санди не выходило изъ области звуковъ, которые онъ донесъ изъ тьмы глубокой древности на свѣтъ современной европейской науки.

Итакъ, законъ санди и, покровительствуемая имъ, вѣрность преданія обособили въ извѣстной степени Веды отъ остальнаго санскрита.

Если Веды такъ уединили, такъ обособили свою эпоху, то въ какомъ же онѣ находятся отношеніи къ послѣдующему развитію языка? Исторія санскрита полагаетъ предѣлы властолюбію брахмановъ. Изъ нея ясно, что ихъ преданіе, какъ ни религіозно оно сохранялось въ самыхъ Ведахъ, не имѣло вліянія на свободу развитія народнаго языка. Сковавши Веды силою его, они были безсильны остановить естественное развитіе языка, и кшатрійскій эпосъ развертываетъ передъ нами все ту же искреннюю свободу языкотворчества, которой первые начатки застыли въ Ведахъ. Что въ Упанишадахъ повторяются ведійскіе архаизмы,—это понятно. Это служитъ блестящимъ доказательствомъ тому, что эти миѳографическія сочиненія дошли до насъ отъ той древней эпохи, когда языкъ Ведъ еще не получилъ значенія растенія искусственнаго, бережно охра-

[1]) Читай Гиту-Говинду и драгоцѣнныя примѣчанія къ ней Лассена. Gita-Govinda Jayadevae poetae indici drama lyricum, ed. Chr. Lassen. 1836.

няемаго преданіемъ. Никакъ не было бы справедливымъ придать александрійское значеніе архаизмамъ Упанишадъ. Словомъ, они употребляются не какъ архаизмы, не какъ ученое украшеніе сухаго элиптическаго стиля мудрствующаго надъ древностію позднѣйшаго критика. Это подозрѣніе скептицизма въ древности индусской литературы способно разсѣять уже тѣ неровности въ метрѣ, въ количествѣ слоговъ, которыя удалось наслѣдить ученѣйшему Виндишману-сыну [1]). Замѣчательно, что тѣ же неровности замѣчаются и въ Магабаратѣ [2]). Еще болѣе, кромѣ немногихъ, исключительно ведійскихъ формъ, и другіе архаизмы Упанишадъ встрѣчаются въ эпосѣ. Другіе архаизмы Упанишадъ, какъ въ словоизмѣненіи, такъ и въ словообразованіи, представляющіе полное сходство съ грамматикою Ведъ, разобралъ Виндишманъ-сынъ (Sancara. 62—78) съ ученостью поразительною, какъ въ отношеніи къ возрасту современной ему науки (1833), такъ и въ отношеніи къ его возрасту [3]).

Совсѣмъ въ иномъ отношеніи находимъ мы кшатрійскій эпосъ къ Ведамъ. Какъ видно изъ него, эпоха Ведъ далеко еще не была забыта. Ведійскія представленія служатъ нерѣдко матеріаломъ свободнаго кшатрійскаго творчества эпопей. Мѣру древности индусскаго эпоса, съ свойственною ему геніальною проницательностію, соединенною съ ученою отчетливостію, установилъ Лассенъ въ своихъ статьяхъ о Магабаратѣ, появившихся по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома калькутскаго изданія Магабараты. Здѣсь то Лассенъ назвалъ эпопеи—Кшатрійскими Ведами. Въ нихъ, хотя и весьма рѣдко, попадаются мѣста изъ Ведъ. Ихъ легко замѣтить, и по содержанію ихъ, и по формѣ, въ необозримомъ эпосѣ индусскомъ. Такъ въ мѣстѣ, вообще отличающемся по языку, читаемъ: «asvinau mun̐ćatho gîvasê gâh» [4]), т. е. «Ашвины! освободите коровъ къ жизни!» Содержаніе чисто ведійское. А форму отмѣтить еще легче: ведійская форма неопредѣленнаго наклоненія на—*sê* встрѣчается

[1]) Sancara sive de theologumenis Vedanticorum. Bonnae. 1833. pp. 38—39.

[2]) См. Bopp. Ardjunas Reise zu Indras Himmel, pp. 97, 106; къ sl. 20 capru 5 Indralokagam. и къ sl. 33 Hid.

[3]) «In philosophia indorum exponenda me elaborasse, alii alio nomine reprehendent. Nam juvenem imperitum tam difficilem rem suscepisse, improbabunt ii, qui noverint, quanti sit laboris tractare philosophica scripta Gymnosophistarum, in quibus explicandis omnibus paene adjumentis caremus...» Initium praefationis.

[4]) Mhbh. I. pg. 26, vers. 732 у Лассена въ «Z. d. d. m, 9». Bd. I. Hft. I.

во всемъ эпосѣ — всего разъ, и именно въ приведенномъ мѣстѣ [1]). Выше сказали мы, что ведійскія представленія служатъ матеріаломъ для свободнаго кшатрійскаго творчества. Вотъ примѣръ:

Dhrtarâshthra uvâca
dhanyô smyanugrhîtô smi râkshitô smi mahâmatê
prtharanisamudhbhûtaistribhih pândavavahnibhih.

Здѣсь трое сыновей Кунтіи — Юдиштира, Бима и Арджупа — сравниваются съ тремя огнями (т. е. gârhapatya, dakhshina и âhavanîya), а мать ихъ — съ arani, съ тѣми двумя священными досками, треніе которыхъ, по ведійскому гимну, порождаетъ огонь [2]). Здѣсь ведійское представленіе фунгируетъ съ полной свободой эпической поэзіи. Ту же свободу замѣчаемъ и въ словотворческой силѣ индусскаго эпоса. Удалившись значительно отъ старины ведійскаго языка, не чувствуя религіозной привязанности къ чисто-ведійскому обычаю словоизмѣненія и словообразованія, индусскій эпосъ продолжаетъ творить языкъ, но съ большею свободой и въ сферѣ поэтическихъ представленій несравненно обширнѣйшей, чѣмъ Веды. Такъ какъ намъ въ ходѣ нашихъ этюдовъ, можетъ быть, не прійдется болѣе возвращаться къ этому вопросу, то уяснимъ себѣ эти отношенія, поскольку то въ нашихъ средствахъ, съ большимъ вниманіемъ къ частностямъ. Большинство этихъ частностей, вращаясь въ той же сферѣ словоизмѣненія и словообразованія, близко касается синтаксиса, что ихъ не мало характеризуетъ, относительно особенностей ведійскаго языка, мало выходящихъ изъ сферы этимологіи. Но сначала о тѣхъ, которыя относятся исключительно къ словоизмѣненію и словообразованію.

Мы встрѣчаемъ въ шлокахъ Магабараты глагольныя формы, подобныя, нопримѣръ, *apâkrdhi* [3]) для втораго лица единственнаго числа повелительнаго наклоненія, форма необъяснимая грамматикою классическаго санскрита, въ которомъ непоколебимымъ остается правило о томъ, что окончаніе *dhi* замѣняетъ *hi* лишь въ глаголахъ, корень которыхъ оканчивается на согласную, за исключеніемъ классовъ V, IV, VI и X; изъ корней же глаголовъ, оканчивающихся на

[1]) Hoefer, vom infinitiv besonders im sanserit. 1840. p. 24.

[2]) Selections from the Mahâbhârata, edited by Francis Johnson. 1842, p. 14 текста; sl. 51 Astrasikshâ. О миѳѣ см. Kuhn Herabholung des Feuers и Nève, Etudes sur le mythe des Ribharas; passim.

[3]) Selections from the MB., ed. by F. Johnson, p. 5; sl. 32⁰.

гласную, лишь корень *hu* имѣющій *juhudhi*. Въ ведійскомъ же санскритѣ *srudhi* вм. srnu, *vrdhi* вм. vrnu, *krdhi* вм. kuru. Еще любопытнѣе, какъ примѣръ еще незавершившагося творчества грамматическихъ формъ, можно привести форму *avananâmirê* [1]) вм. *avanêmirê* — удвоенная форма прошедшаго въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, въ сложеніи съ предлогомъ *ava*. Классическая форма стягиваетъ оба повторенные коренные слога въ гуну: *naпат-нêт*. Здѣсь же мы не видимъ этого. Удвоеніе осталось въ своемъ сыромъ, не подверженномъ контракціи, видѣ; а между тѣмъ и гласная корня, хотя и не гунировалась, но удлинилась. Эти переходныя формы, въ высшей степени рѣдкія, связываютъ, такъ сказать, будущее языка съ его прошедшимъ. Прошедшее, еще свѣжее, удержалось, но выражено предчувствіе и близкаго будущаго: форма въ высшей степени любопытная! Такія явленія, какъ аугментъ, продолжаютъ еще сильно колебаться. Такъ, мы видимъ его вставленнымъ между двумя предлогами, сложенными съ глаголамъ въ формѣ *anvasańćarat* [2]), *â-n-arcat* [3]). Онъ приносится въ жертву метру, напр. въ формахъ *badhîs* вм. abadhîs [4]), *samabhipadyata* [5]), *samuttishthan* [6]) *sańgrhnîtâm* [7]) ubâu. Усѣченія *s* личнаго окончанія перваго лица множественнаго числа ради метра же въ формахъ *prćcâma* [8]), *nihanta* [9]), *gânîma* [10]). Въ склоненіяхъ: слово *pati* въ концѣ сложныхъ словъ склоняется по обыкновенному образцу словъ на — *i*, такъ instr. *patinâ*, loc. *patâu* (Bopp, Crit. Gram. p. 113). Составъ образовательныхъ окончаній весьма ясенъ, такъ напр. числительныя на *ti* склоняются, какъ имена существительныя женскаго рода: въ 12 части МБ.; *pańćâsatâ saraih*, *sastya saraih* (Bopp. Crit. Gram. p. 160, § 233). Но замѣчательно, что существительное имя не управляется въ родительномъ падежѣ, какъ

---

1) Ibidem. p. 11; sl. 24.

2) Selections by Johnson. Glos. p. 147.

3) Mahâbhârata. III, 16275 у Боппа Krit. Gram. der Scr-Sprache. 3 Ausgabe, p. 293, § 394.

4) Selections by Johnson. p. 194.

5) Ibidem, p. 176.

6) Ibid. p. 243.

7) Sund. IV, 17 по изд. Боппа въ «Diluvium» и Indralok. p. 77.

8) Johnson Selections p. 186.

9) Ibid. p. 263.

10) Drâup. II. 4. Diluvium p. 51. Много примѣровъ собралъ Боппъ Crit. Gram. Прим. къ § 293.

въ подобныхъ случаяхъ въ древне-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ, и какъ даже и доселѣ удержалась эта черта древняго синтаксиса въ славянскихъ нарѣчіяхъ, а ставится при числительномъ, какъ его приложеніе (appositio). Эти приведенные примѣры потому достойны вниманія, что въ Магабаратѣ же попадаются уже и даже преобладаютъ случаи прилагательнаго употребленія именъ числительныхъ, какъ напр. pańćâśadbhir *hayâih* (Nalus, XXVI, 2). Ту же свободу словотворчества замѣчаемъ въ образованіи сложныхъ числительныхъ: частица *una*, слагающаяся вообще въ классическомъ языкѣ лишь съ *êka*, въ Магабаратѣ является въ сложеніи и съ другими числительными, напр. 95 выражено въ налѣ *pańćônań śatam*, т. е. 100 безъ пяти. Окончаніе *tah*, въ классическомъ санскритѣ исключительно адвербіальное, въ Магабаратѣ является въ свободной функціи творительнаго падежа, наприм. Mah. III sl. 1005 (Bopp. Crit. Gram. p. 183, прим. къ § 252 и его же Glossarium s. h. v.): *svatah śôbhamânah* (самъ собою блестящій). Въ Ведахъ же это окончаніе свободно присоединяется и къ существительнымъ именамъ; напр., Atharva-Veda ed. Roth und Whitney p. 17; 1, 7 *tanyutah śapat sarvań*, также какъ и къ мѣстоименіямъ *niranyataśćidârata* Rig-Veda 1, 4, 5; объяснено въ петербургскомъ словарѣ Рота и Бётлинга 1, 402. Кромѣ того, въ самыхъ образовательныхъ элементахъ глаголовъ есть еще колебаніе, такъ напр. въ 9-мъ классѣ слогъ *nî*, отличающій этотъ классъ, замѣняется слогомъ *na*, какъ напр. Mah. 1, III *mat-na-dvam* III, 1774 *praty-agrhna-ta* (у Боппа Crit. Gram. p. 270, § 345). Остатки образованій изчезнувшихъ, напр. повелительнаго наклоненія отъ будущаго времени, хотя и немногіе, представляетъ намъ та же Магабарата, напр. *bavisyadvam*, *vêtsyadvam*, *prasavisyadvam*, но лишь для втораго лица, какъ особенно выразительнаго и преобладающаго въ повелительномъ наклоненіи. Въ этомъ примѣрѣ эпическій санскритъ соперничаетъ съ несравнимымъ относительно полноты формъ по наклоненіямъ языкомъ греческимъ. Что до фонетики, то явленій исключительныхъ немного; но тѣмъ драгоцѣннѣе они. Есть такія, которыя относятъ насъ къ Ведамъ. Напр., отсутствіе санди въ явленіяхъ, подобныхъ слѣдующему *sâvitrî âha* (sâv. IV, 19. Diluvium ed. Bopp. p. 22), или во вриди *ai*, *au*—*i* и *u* вмѣсто того, чтобы подвергнуться передъ гласною санди, уничтожаются, такъ напр. *tasmâ avitatań* (Arg. III, 12. Diluvium ed. Bopp. 86); трехморныя *a* въ Sund. 1, 17 (Arguni iter ad Indri coelum

ed. Bopp. p. 66), Sâv. IV, 12 (Diluvium ed. Bopp., p. 21). Первое изъ этихъ явленій (*sâvitrî âha*) чисто ведійское [1]).

Желая напослѣдокъ характеризовать эпическій санскритъ со стороны его синтаксиса, мы очень затруднены выборомъ. Стремленіе понятно, ибо синтаксисъ составляетъ лучшую, ни съ чѣмъ несравнимую, сторону грамматическаго состава эпическаго санскрита. Здѣсь, прежде всего, приходитъ на мысль совѣтъ желающему вкусить отъ его красотъ — обратиться къ его неизсякаемому источнику, къ самымъ обширнымъ эпопеямъ. Затрудненный выборомъ мѣста, экзегеза котораго могла бы познакомить читателя съ красотами эпическаго синтаксиса, я выбираю произвольно категорію синтаксическихъ явленій неопредѣленнаго наклоненія и предлагаю историческимъ ея изложеніемъ познакомиться съ главными чертами эпическаго синтаксиса санскрита. Въ древнюю тайну синтаксическаго значенія неопредѣленнаго наклоненія посвящаетъ насъ еще Панини. Этотъ великій родоначальникъ нашей доктрины съ замѣчательной проницательностію и съ чисто-ученой точностью отмѣтилъ всѣ ведійскія формы неопредѣленнаго наклоненія и отнесъ ихъ, по обычаю, *vêdê, ćhandasi* (къ Ведамъ). Двѣ формы, преобладающія въ ведахъ съ окончаніями на *sê* и *dhyai*, хотя и не получили въ немъ этимологическаго опредѣленія дательныхъ падежей, но очевидно, какъ такія, сопоставлены имъ III, 4, 9. Отдѣльно же объ *dhyai*, какъ критъ-суффиксѣ, говоритъ онъ VI, 3, 113. Но если и не было въ системѣ и планѣ Панини опредѣлить прямо и ясно эти формы, какъ дательные падежи, то его блестящимъ образомъ дополняетъ схоліастъ къ вышеприведенному ведійскому мѣсту Магабараты — *asvinâu munćathô ģîvasê gâh*, въ которомъ онъ при словѣ *ģivasê* ему въ объясненіе ставитъ дательной падежъ имени существительнаго, произведеннаго отъ того же глагольнаго корня, и, очевидно, въ томъ же значеніи неопредѣленнаго наклоненія, — *ģivanâya*. Эта въ высшей степени замѣчательная схолія въ берлинской рукописи Магабараты Vol. 1. p. 58 [2]).

Первый взглядъ на формы *sê* и *dhyai* убѣждаетъ уже, что въ этихъ окаменѣлыхъ формахъ не можетъ скрываться ничто иное, какъ дательный падежъ именнаго склоненія въ формѣ, принадлежащей грамматическому роду женскому. Это счастливымъ образомъ

---

[1]) Pânini. I, 1, 19 schol.: sômô gauriadhiśriiah.

[2]) Hoefer. Vom Infinitiv besonders im Sanscrit; прим. 8 на стр. 25.

подтверждаетъ и вышеприведенная схолія. Но всякое сомнѣніе изчезнетъ, если мы отодвинемъ наше наблюденіе еще глубже въ древность, въ ту эпоху, когда языкъ индусовъ еще не разлучался съ Зендомъ, въ эпоху, дающую послѣднее, высочайшее освященіе всякому факту арійской старины. Въ Зендѣ, именно, мы встрѣчаемъ совершенно свободную функцію именъ отглагольныхъ въ дательномъ падежѣ въ качествѣ формъ неопредѣленнаго наклоненія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ различныхъ отдѣломъ Авесты. Vend. 2, 63, 99: aêibis tat vańhéus aiwikshôithnê; yasht 19, 79: yatha azem hacayêni zarathustrem anumatćê daênayâo; yasht 5, 105: yat (garenô) upańhacat zarathustrem anumatéê daênayâo, anukhtéê daênayâo, auvarstéê daênayâo; yasht 20, 1: paitistâtéê ajaçtaca zôizhdistaca apayańtamahêca anrahê mainuéus khrafçtra. Всѣ эти дательные падежи отглагольныхъ именъ существительныхъ на *-ti* соотвѣтствуютъ нѣмецкому обороту неопредѣленнаго наклоненія съ частицею zu, которымъ они переводятся учеными интерпретаторами Зендъ-Авесты. Кромѣ этихъ ведійскихъ формъ на *—se* и *dhyai*, остановимся на формахъ *tôs* и *as*. Эти формы, также какъ и первыя, отмѣчены Панини, какъ avyaya, т. е. какъ слова неизмѣняемыя, inflexibilia 1, 1, 40. По прежнему, не выражая прямо своего воззрѣнія на этимологію этихъ формъ, онъ указываетъ на нее выборомъ примѣровъ. Говоритъ онъ объ нихъ III, 4, 13, 16. Въ сутрѣ 16-й, именно пады 4-й адьяи 3-й схоліастъ, опредѣляя значеніе этихъ формъ «tumarthê», т. е. въ значеніи неопредѣленнаго наклоненія на *tum* (обыкновенное окончаніе неопредѣленнаго наклоненія въ классическомъ санскритѣ), онъ приводитъ цѣлый рядъ ведійскихъ изрѣченій, въ которыхъ эти формы являются въ управленіи предлогами *â* и *purâ*. Лучшаго опредѣленія, съ синтаксической стороны, косвеннаго падежа именной формы и желать нельзя. Эти примѣры: *â saństhâtôr*, *purâ sûryasyôdêtôr*, *purâ apâkartôr*, *purâ pravaditôr*, *purâ praćaritôr*, *â hotor*, *â tamitôr*, *â ganitôr*. Ихъ не трудно дополнить изъ изданнаго текста Ригведы: *â nidhâtôh* Rig-Vêda 41, 9; ed. M. Muller p. 58.

Все это богатство формъ неопредѣленнаго наклоненія остается за Ведами. Его пришлось замѣнить языку эпическому единственною его формою неопредѣленнаго наклоненія на *—tum* (ср. латинскій супинъ). Понятно по одному статистическому сравненію эпической формы неопредѣленнаго наклоненія съ ведійскими (одной эпической на четыре ведійскія) то напряженіе синтаксической энергіи языка, которое должно было вызваться необходимостью выражать оттѣнки

мысли несравненно болѣе богатой средствами этимологическими сравнительно съ ведійскими столь бѣдными. Боппъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь въ своемъ комментаріи къ jndralôkagamanam на синтаксисѣ неопредѣленнаго наклоненія, нашелъ въ немъ синтаксическія функціи всѣхъ косвенныхъ падежей (см. стр. 78—79). Не зная еще Ведъ, онъ даже указалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ магабараты дательный падежъ отглагольнаго существительнаго, какъ субститутъ неопредѣленнаго наклоненія. Ясновидѣніе по истинѣ поразительное! Именно: въ 12-й части Магабараты—vanê dvâdaśavarshâni vâsâyôpagagama hâ; Hid. gamanâyôpaćakramê; Brah. Vilapa—pôshanê rakshanê. Желая, понятнымъ образомъ, найти твердую этимологическую точку опоры для своихъ синтаксическихъ изслѣдованій, Боппъ особенно настаивалъ на формѣ винительнаго падежа—*tum* и многое приписалъ синтаксической функціи винительнаго падежа, что, при знаніи ведъ и ведійскихъ формъ неопредѣленнаго наклоненія съ окончаніемъ, очевидно, дательнаго падежа, онъ объяснилъ бы себѣ, конечно, иначе. Въ тѣхъ случаяхъ гдѣ въ Ведахъ употреблена дательная форма на—*dhyai* и зендская на—*têê*, тамъ очень часто встрѣчаемъ въ эпосѣ единственную форму винительнаго падежа на—*tum*, потому только, что она единственная. Эта единственная эпическая форма неопредѣленнаго наклоненія сохранила память о своемъ именномъ происхожденіи въ существительныхъ именахъ на—*tu*, родительный падежъ которыхъ въ Ведахъ фунгировалъ, какъ форма неопредѣленнаго наклоненія на—*tôs* (см. выше). Въ той же функціи, наконецъ, встрѣчаются и дательные падежи этой формы: *sûtavê; gantavê*, *kartavê*, *jâtavâi* и проч. Какъ измѣняемыя имена существительныя, это образованіе очень многочисленно: *gantu*, *tantu* (и *tanyatu)*, *dhâtu (upadhâtu*, *tridhâtu)* и проч. и проч. Въ сложныхъ съ—*kâma* словахъ: *gantukâma*. Пріобрѣтя такую синтаксическую гибкость, эта форма принимала въ себя многіе оттѣнки, совершенно несвойственные неопредѣленному наклоненію. Такъ напр. сосѣдство и управленіе страдательной формы причастія придавало неопредѣленному наклоненію оттѣнокъ страдательнаго залога [1]).

Но синтаксисъ неопредѣленнаго наклоненія въ эпическомъ санскритѣ также неизчерпаемъ, какъ и самъ эпосъ.

Берлинъ, 19-го іюня 1865 года.

---

[1]) Hoefer. Vom Infinitiv besonders im Sanscrit; passim.

58) Кандидата А. Радусъ-Зеньковича.

«И Господь сказалъ Аврааму: выйди изъ земли твоей и родины твоей и дома отца твоего въ землю, которую укажу тебѣ».

Кн. Бытія XII. 1.

«Пусть могучій Вавилонъ, воздвигнутый мною для моей резиденціи, вѣщаетъ величіе мое!»

Навуходоносоръ. Кн. Дан. IV. 27.

Историческое событіе, совершившееся при извѣстныхъ условіяхъ содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ силъ, выражая, или проявленіе борьбы человѣка съ внѣшними стихіями, или движеніе страстей человѣческихъ, должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: a) имѣть твердую позицію въ пространствѣ времени и мѣста, b) заключать въ самомъ себѣ логическую возможность къ осуществленію и аналогію съ предшествующимъ, слѣдовательно изъ него вытекать и съ нимъ жить одною жизнію, и c) наконецъ, выражать стремленіе человѣческаго духа къ той или другой цѣли своего бытія. Послѣднее условіе, опредѣляя мѣсто и значеніе факта въ исторіи, влагая въ него душу, дѣлаетъ его живымъ памятникомъ прошедшаго человѣчества и поэтому истиннымъ достояніемъ науки. Событія отдаленнѣйшихъ періодовъ жизни народной жили, безъ сомнѣнія, въ памяти народной. Какъ достойные и славные подвиги предковъ, или, какъ воспоминанія о болѣе покойной и болѣе счастливой старинѣ — эти событія, переходя изъ рода въ родъ, дѣлались задушевнымъ и любимымъ предметомъ болѣе чувственной чѣмъ интеллектуальной фантазіи юнаго народа и облекались имъ въ поэтическую форму былаго—саги. Новое поколѣніе, полученному въ наслѣдіе, былому, придавало еще болѣе фантастическій образъ, а съ теченіемъ времени это былое или сага обращалась въ символическое представленіе или въ религіозный миѳъ*). Существованіе у каждаго народа такихъ миѳовъ о полубогахъ, царствовавшихъ за 30,000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, ясно доказываетъ, что начало образовательной жизни народа давно уже вышло изъ памяти его; что начало той культуры народа, которую исторія принимаетъ за его собственное произведеніе, лежитъ въ весьма отдаленномъ быломъ, и есть скорѣе пріобрѣтенное достояніе, которое онъ дополняетъ и передаетъ въ свою очередь слѣдующему поколѣнію. Слѣдовательно

*) Миѳъ о Симерамидѣ и Сарданапалѣ.

время появленія націи на историческомъ поприщѣ съ ея миѳологіей и уже опредѣленными формами государственной жизни не есть начало ея исторіи: жизнь народа въ ея историческихъ явленіяхъ не есть священный огонь, сброшенный съ неба Прометеемъ, но произведеніе ума человѣческаго—произведеніе бывшее дѣломъ жизни не одного народа. Поэтому систематическая обработка сагъ и миѳовъ, группировка ихъ и размѣщеніе странствующихъ изъ нихъ на родную имъ почву — при чемъ памятники, учрежденія и народные обычаи, обязанные своимъ существованіемъ какому либо событію въ прошедшей жизни народа, должны занять первое мѣсто въ ряду историческихъ доказательствъ, могутъ по возможности осмыслить огромные періоды до-исторической жизни народа и отдѣлить исторію его отъ баснословія.

Человѣкъ проходитъ земной путь свой не по неизмѣнному закону явленій природы, но по закону разумной и свободной воли своей достигаетъ цѣли своего бытія. Сила свободной мысли есть источникъ развитія человѣка, котораго онъ достигаетъ не вдругъ. Первое произведеніе человѣка есть культъ. Развитіе культа, какъ и развитіе общественнаго быта, шло рядомъ съ преуспѣяніемъ человѣка въ матеріальной жизни. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ узналъ явленія природы, прельщался ея величіемъ и подвергался благотворному или разрушительноиу вліянію ея, въ немъ пробуждалось сознаніе присутствія въ мірѣ высшаго начала — начала управляющаго человѣческими судьбами, небомъ и землею; видя себя въ полной зависимости отъ внѣшнихъ стихій и проникнутый страхомъ или благоговѣніемъ къ нимъ, онъ принималъ ихъ за символы того сверхестественнаго начала, къ которому стремится его божественная природа и приписывая имъ различные свойства и атрибуты, подчинялъ всѣ явленія въ своей жизни ихъ неизбѣжной силѣ. Такимъ образомъ культъ имѣетъ въ основѣ своей религіозную идею, стремленіе человѣка къ истинѣ и попытку его уяснить себѣ назначеніе бытія и цѣль мірозданія.

Зародышъ развитія человѣка, первое условіе его бытія, лежитъ внутри человѣка; проявленіе этого развитія во внѣ есть начало сознательнаго существованія, тѣсно связаннаго съ внѣшней природой и выражающееся прежде всего въ языкѣ; культъ есть проявленіе духовной жизни, носящее на себѣ рѣзкій отпечатокъ природы. И такъ, первыя историческія начала дѣйствовавшія въ человѣчествѣ — языкъ народа, его миѳологія и географическія условія его

страны — суть первобытные памятники народнаго развитія. Прослѣдить же исторически постепенное развитіе жизни народной и дойти до первичной формы народнаго элемента, лежитъ внѣ историческихъ изслѣдованій и исторія первобытнаго человѣчества не можетъ войти въ область науки путемъ историческимъ. Какъ отсутствіе опредѣленныхъ формъ общественнаго быта или поздое развитіе его указываетъ на умственный застой, на его неблагопріятное географическое положеніе; такъ эпохой новой жизни — жизни протрессивной цивилизаціи народа есть появленіе письменности, со времени котораго жизнь народа дѣлается достовѣрнымъ достояніемъ исторіи. Тотъ народъ, которому принадлежитъ честь изобрѣтенія письменности, имѣетъ право стать во главѣ цивилизаціи древняго міра.

Уяснивъ себѣ такимъ образомъ историческія начала, скажу нѣсколько словъ о семитахъ, исторія которыхъ будетъ предметомъ моего изученія.

Этотъ отдѣлъ исторіи Востока, обнимая собою именно ту часть первобытнаго человѣчества, которая имѣла призваніемъ выработать существенные элементы жизни народной, развитіе и проявленіе которыхъ, споспѣшествуя развитію матеріальнаго благосостоянія народа, обнаружили въ результатѣ его умственное образованіе, отразившееся на самыхъ отдаленныхъ краяхъ трехъ материковъ*). Хотя семитическая культура не получила такого универсальнаго объема и значенія, какъ индо-европейская; но все таки, имѣя долю въ ней, семиты еще тѣмъ заслуживаютъ всеобщее признаніе человѣчества, что они оставили ему въ вѣчное наслѣдіе духовное благо, лежащее въ основѣ всякаго преуспѣянія человѣка — религію, дополнивъ такимъ образомъ цивилизацію христіанскаго міра существенною ея частью. Занимая обширную часть Азіи (отъ Чернаго и Средиземнаго морей до Аравійскаго и Персидскаго заливовъ), семиты, сродные по языку (и происхожденію), являются въ исторіи племенами рѣзко отличающимися какъ по характеру общественнаго быта, такъ и по тому опредѣленному назначенію, котораго каждое племя старалось достигнуть въ періодъ его исторической жизни. Одни, выходцы изъ Арменіи, за 2000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, завоевываютъ нижнюю часть бассейна Тигра и Ефрата, основываютъ здѣсь могучую культуру, распространившуюся далеко за предѣлы своего отечества и въ продолженіе XV стол. господствуютъ надъ

*) Древняя культура распространялась главнымъ образомъ чрезъ торговлю.

всею переднею Азіею; другіе, исконные обитатели Финикійскаго прибрѣжья Средиземнаго моря, являются сперва мелочными торговцами, а уже съ XVI ст. до нашего лѣтосчистленія бросаются въ отдаленныя морскія предпріятія и, какъ главные двигатели промышленности, до половины VII ст. удерживаютъ монополію сухопутной и морской торговли всего древняго міра; третьи же, младшее племя семитической расы, являются, современно первымъ, пришельцами съ Сѣвера, пасущими стада свои въ лугахъ Месопотаміи и отсюда, по велѣнію Божію, удаляются въ Ханаанъ; олицетворяя собою всѣ доблести человѣческаго сердца; эти избранники Божіи, призываютъ на землю царство Божіе, и проходятъ свой тяжелый путь, не измѣнивъ своему высокому призванію: дать человѣческой душѣ познать ея Создателя; послѣдніе наконецъ, сыны степей Аравіи, старшее племя семитической расы, раздѣлявшееся также на роды, выступаетъ на историческое поприщѣ въ религіозно-политическомъ единствѣ не ранѣе VII столѣтія нашего лѣтосчисленія, когда уже Вавилонъ и Ниневія, Тиръ и Карѳагенъ, Іерусалимъ и Пальмира вѣщали гордое величіе и былую славу братьевъ ихъ, уже давно закончившихъ свое земное поприще. Твореніемъ этого послѣдняго племени семитической группы были: воинственный и деспотическій исламъ и величественный Багдадъ. Вглядѣвшись въ такую разнохарактерность семитическихъ племенъ, трудно признать родственное происхожденіе всѣхъ ихъ, основавъ это родство только на одномъ языкѣ. Къ этимъ памятникамъ семитизма, какъ къ предмету моего изученія, необходимо прибавить ѳивское царство съ его пирамидами, лабиринтомъ и Меридовымъ озеромъ, произведеніями особаго склада ума человѣческаго. Египетъ, по той важной роли, какую онъ играетъ вообще въ исторіи семитовъ и по нѣкоторымъ существенно важнымъ вопросамъ относительно сирійско-вавилонской (халдейской) и сабейской культуръ, составитъ въ программѣ моихъ занятій по исторіи семитовъ, введеніе къ нимъ.

Эти маленькіе историческіе эскизы занимаютъ мѣсто въ моемъ первомъ отчетѣ, только какъ соображенія, вызванныя желаніемъ уяснить себѣ нагляднымъ образомъ объемъ и значеніе того предмета, для изученія котораго я отправленъ за границу на 2 года. Мнѣ предстоитъ составить не мертвую комбинацію изъ тѣхъ разбросанныхъ трудовъ по семетической части нѣмецкихъ оріенталистовъ; но самому изучить, какъ сохранившіеся туземные источники, такъ и перечитать иностранные древніе и новѣйшіе и кри-

тически прослѣдить эту часть исторіи Востока, какъ относительно каждаго племени, такъ и въ обширномъ ея цѣломъ; — такіе результаты и такое пріобрѣтеніе въ области науки совершенно новой не даются такъ скоро, но требуютъ времени и труда. Отсюда становятся ясными цѣль и назначеніе моей командировки.

Въ настоящее время все мое стремленіе пока направлено къ скорѣйшему и успѣшнѣйшему окончанію моихъ подготовительныхъ занятій: изученія еврейскаго языка и другихъ древнихъ необходимыхъ при изученіи исторіи семитовъ, возможно полнаго пріобрѣтенія фактическихъ свѣдѣній по этой части исторіи Востока изъ произведеній новѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ оріенталистовъ и наконецъ въ слушаніи лекцій, относящихся къ моему предмету. Какъ по сущности самаго предмета моего изученія, такъ и по направленію моей подготовительной работы, для которой предполагаю посвятить этотъ академическій годъ, я не считаю необходимымъ просиживать цѣлые семестры за постояннымъ посѣщеніемъ лекцій, по крайней мѣрѣ въ продолженіе этого года.

Въ продолженіе моего двухмѣсячнаго пребыванія въ Берлинѣ, занятія мои состояли главнымъ образомъ: въ элементарномъ изученіи еврейскаго языка — изученіе этого языка, думаю, не затруднитъ меня при моемъ знаніи арабскаго,— в въ слушаніи слѣдующихъ лекцій: «критическій обзоръ св. писанія ветхаго завѣта», проф. *Рёдигера*, обладающаго громадною филологическою ученостью въ области восточной словесности*); «жизнь и обычаи древнихъ египтянъ», проф. *Лепсіуса*, представителя ученой экспедиціи, предпринимавшей путешествіе въ 1842 г. въ Египетъ и Ѳіопію и извѣстнаго многими и весьма важными въ наукѣ сочиненіями по части египтологіи**). Другія же лекціи по моему предмету: «географія и этнографія Азіи», проф. *Мюллера* и «исторія Ислама», проф. *Дитерици*, не состоялись по недостатку слушателей. Лекціи же Генгстенберга «исторія евреевъ» читаются имъ для студентовъ богословскаго факультета и оказались для меня совершенно безполезными.

Будущій семестръ я предполагаю остаться также въ Берлинѣ,

*) Изъ трудовъ этого знаменитаго оріенталиста, появившихся въ ученой литературѣ, мнѣ извѣстны только: «Excurs über die himiaritischen Inschriften, и окончаніе еврейскаго словаря начатаго Гезеніусомъ.

**) Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: «Chronologie der Aegypten» и «Ueber den ersten aegyptischen Götterkreis».

имѣя въ виду заняться исторіей Египта, пользуясь совѣтами Лепсіуса, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ и мою подготовительную работу.

По предписанію г. министра народнаго просвѣщенія, я имѣлъ честь явиться къ г. Пирогову вскорѣ по прибытіи моемъ въ Берлинъ. Г. Пироговъ, сообщивъ нѣкоторыя свои замѣчанія вообще о ходѣ моихъ занятій, указалъ мнѣ на одинъ изъ новѣйшихъ и весьма важныхъ трудовъ по исторіи древняго міра это: «Geschichte des Alterthums» Дункера.

Берлинъ, $^{25}/_{13}$ іюня 1865 года.

59) Доктора медицины А. Макѣева.

Въ теченіе годичнаго пребыванія моего за границей мнѣ представилась возможность познакомиться съ лучшими германскими представителями по акушерству и гинекологіи. Я изучалъ клиники: проф. Зейферта въ Прагѣ, проф. Сканцони въ Вюрцбургѣ и проф. Брауна въ Вѣнѣ. Оставляя въ сторонѣ описаніе клиникъ по гинекологіи и дѣтскимъ болѣзнямъ, я ограничусь въ настоящемъ отчетѣ изложеніемъ современнаго преподаванія акушерства въ германскихъ школахъ.

Преподаваніе акушерства распадается на теоретическое и практическое, какъ это значится въ перечнѣ распредѣленія лекцій въ каждомъ изъ названныхъ университетовъ. Какъ для теоретическаго, такъ и практическаго изложенія, существуютъ отдѣльные профессоры. Но ни въ одномъ университетѣ мнѣ не удалось прослѣдить теоретическаго курса акушерства по той причинѣ, что такой курсъ не могъ состояться за отсутствіемъ слушателей, желавшихъ слѣдить теорію акушерства. Фактъ интересный; онъ очевидно говоритъ въ пользу того, что здѣшній студентъ не желаетъ безплодно тратить время на то, что онъ со всею полнотою можетъ извлечь изъ лучшаго учебника по теоретическому курсу акушерства.

Въ противоположность такому равнодушію къ *теоріи* разбираемой мною спеціальности, вся дѣятельность сосредоточена въ клиникахъ, такъ богатыхъ практическимъ матеріаломъ и въ такомъ громадномъ размѣрѣ, какъ это встрѣчается въ родильныхъ домахъ Праги и Вѣны. Здѣсь-то, вмѣстѣ съ практическимъ изученіемъ акушерства при роженицахъ, мнѣ приходилось встрѣчать многихъ слу-

шателей съ учебникомъ акушерства въ рукахъ, изъ котораго и почерпались ими нужныя свѣдѣнія, пригодныя для даннаго клиническаго случая. Такой способъ изученія едва ли можетъ быть названъ несостоятельнымъ, если припомнить тотъ обильный матеріалъ, который представляютъ здѣшніе родильные дома, гдѣ, слѣдовательно, акушерство изучается практически чрезъ непосредственное наблюденіе при постели роженицы.

Въ подтвержденіе сказаннаго я представляю описаніе родильныхъ домовъ и клиническаго преподаванія въ нихъ акушерства.

Клиника Зейферта въ Прагѣ помѣщается въ зданіи упраздненнаго монастыря, находящагося въ значительномъ разстояніи отъ общей пражской больницы и по значительности своихъ размѣровъ вмѣщающаго въ себѣ до 3,000 рожекицъ въ годъ. Большинство палатъ занято женщинами рабочаго класса, которыя и служатъ научнымъ матеріаломъ для желающихъ изучить акушерство. Небольшая часть зданія отдѣлена для беременныхъ и роженицъ, вступающихъ съ опредѣленною платою въ клинику и которыя поэтому освобождаются отъ посѣщенія со стороны слушателей. Большая комната для роженицъ (Kreiszimmer) соединяетъ слушателей какъ для клиническихъ лекцій профессора, такъ и для наблюденія надъ роженицами, число которыхъ доходитъ иногда до двадцати въ одни сутки. Независимо отъ времени лекцій, каждый слушатель имѣетъ полную возможность посѣщать во всякое время дня и ночи названную комнату для роженицъ и упражняться въ представляемомъ для наблюденія матеріалѣ. Для удобства наблюденія за ходомъ родовъ, какъ нормально протекающихъ, такъ и представляющихъ какія либо уклоненія, отдѣлена при клиникѣ особая комната для дежурныхъ слушателей на 12 кроватей. Сверхъ того врачи, желающіе изучать акушерство спеціально, могутъ получать на все время ихъ занятій мѣсто во флигелѣ, принадлежащемъ клиникѣ, куда при помощи звонка дается тотчасъ знать живущимъ о происходящемъ въ клиникѣ. Профессоръ ежедневно читаетъ лекціи, состоящія въ объясненіи тѣхъ случаевъ, которые представились въ теченіе сутокъ и которые болѣе или менѣе интересны въ клиническомъ отношеніи. Такой способъ преподаванія введенъ во всѣхъ поименованныхъ мною университетахъ, такъ что въ продолженіи курса профессоръ знакомитъ слушателей, по возможности, со всею практическою стороною акушерства. Сколько мнѣ извѣстно, дѣятельность проф. Зей-

ферта находитъ себѣ горячихъ поборниковъ среди его слушателей, которые признаютъ въ его лекціяхъ много самостоятельнаго, много такихъ оригинальныхъ взглядовъ, которыхъ они не встрѣчаютъ въ другихъ школахъ. Другіе, напротивъ, относятся къ его дѣятельности болѣе умѣренно. Чтобы объяснить такую разность во взглядѣ, мнѣ кажется, необходимо разсматривать клиническую дѣятельность пражскаго профессора съ двухъ сторонъ: со стороны практической и со стороны учено-литературной. Обладая огромнымъ запасомъ наблюденій, проф. Зейфертъ, какъ практикъ, стоитъ на ряду лучшихъ преподавателей акушерства въ Германіи. Нельзя не отдать полной справедливости его умѣнью клинически связывать явленія, его способности наглядно и вмѣстѣ отчетливо представить случившуюся комбинацію при механизмѣ родовъ, равно какъ и его практическую находчивость при всякомъ трудномъ оперативномъ пособіи. Значеніе Зейферта, какъ замѣчательнаго практика, неоспоримо.

Нельзя того же сказать о его учено-литературной дѣятельности. Сложныя занятія по клиникѣ, достигающей значительныхъ размѣровъ, а съ другой стороны быстрые успѣхи современныхъ пособій клиническихъ требуютъ естественнымъ образомъ много времени для спокойныхъ кабинетныхъ занятій; должно, однакожъ, сознаться, что слушатель не можетъ быть удовлетворенъ проводимыми убѣжденіями профессора. По временамъ, отвлекаясь отъ чисто-практической стороны акушерства, Зейфертъ нисходитъ въ область теоретическихъ вопросовъ излагаемой имъ науки, старается быть оригинальнымъ, не подтверждая свои оригинальные взгляды достаточными научными доводами и наблюденіями. Проф. Зейфертъ не можетъ спокойно уживаться съ авторитетами, признанными за таковые давно уже въ наукѣ, что, къ сожалѣнію, не рѣдко сказывается въ теченіе его курса. Безполезно было бы входить мнѣ въ разборъ тѣхъ произвольныхъ положеній, которыя высказываются профессоромъ на лекціяхъ и которыя никогда не были достояніемъ печатнаго слова; я приведу для примѣра одинъ изъ крупныхъ фактовъ, совершающихся на глазахъ каждаго слушателя. Признавая, по справедливости, послѣродовую горячку однимъ изъ опаснѣйшихъ осложненій послѣродоваго періода родильницы, Зейфертъ, на основаніи опыта, пришелъ къ убѣжденію, что природа, безъ участія медицины, благотворно дѣйствуетъ на излѣченіе этой гибельной болѣзни, производя въ теченіе ея обильные поносы. Въ силу такого предпо-

сланнаго наблюденія, слушатель видитъ въ отдѣленіи родильницъ едва ли не при каждой изъ нихъ назначеніе слабительныхъ средствъ съ послѣдующими пріемами сѣрнокислаго хинина, при чемъ проф. Зейфертъ указываетъ на спасительное дѣйствіе введеннаго имъ метода. Но спрашивается, на какомъ основаніи профессоръ полагаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ послѣродовой горячкой? Вѣдь каждая форма болѣзни, какъ и послѣродовая горячка, выражается опредѣленною группою явленій, которою она и распознается. Въ клиникѣ проф. Зейферта нѣсколько возвышенная температура тѣла, нѣсколько учащенный пульсъ считаются уже предвѣстниками той страшной болѣзни, которая уноситъ такъ безпощадно свои жертвы. Я былъ грустно пораженъ въ началѣ моего пребыванія въ Прагѣ, когда въ отдѣленіи родильницъ моему наблюденію представилось огромное количество случаевъ quasi-послѣродовой горячки. Неужели, думалъ я, такъ обычна здѣсь эта гибельная болѣзнь, и на основаніи какихъ непонятныхъ для меня признаковъ болѣзнь считается за таковую? Правда, плохія гигіеническія условія стараго зданія могли отчасти служить къ объясненію моей догадки относительно появленія этой болѣзни, но гдѣ же, опять, та совокупность признаковъ, по которой мы привыкли обозначать, изученную по возможности, эту болѣзнь? Только по внимательномъ наблюденіи я убѣдился, что описанное мною выше незначительное лихорадочное состояніе родильницы почитается профессоромъ уже за начало послѣродовой горячки. Такой взглядъ по меньшей мѣрѣ произволенъ и никакъ не удовлетворяетъ научному понятію о послѣродовой горячкѣ. Сказаннымъ выше я не хочу отвергать извѣстной пользы прикладываемаго способа леченія, провѣреннаго опытомъ, но мнѣ кажется необходимо точнѣе опредѣлить условія, при которыхъ показываются названныя терапевтическія средства. Иначе и результаты видимаго успѣха въ леченіи погрѣшаютъ противъ истины, которая одна только можетъ укрѣпить насъ въ пользѣ того или другаго метода. Большая разница имѣть передъ собою легчайшую форму или ясно выраженную форму страданія; не подлежитъ сомнѣнію, что въ послѣднемъ случаѣ результаты леченія далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ надеждамъ, на которыя полагается профессоръ при введенномъ имъ методѣ леченія.

Клиника проф. Сканцони въ Вюрцбургѣ находится въ отдѣльномъ, ново-построенномъ зданіи, приспособленномъ къ спеціальной цѣли. Вся клиника распадается на систему отдѣльныхъ комнатъ,

такъ что въ каждой изъ нихъ могутъ помѣщаться только двѣ или много — три родильницы. Такой планъ постройки предполагаетъ за собою научно-гигіеническія основанія: по мнѣнію лучшихъ авторитетовъ въ акушерствѣ, возможное разобщеніе родильницъ подаетъ меньшій поводъ къ проявленію различныхъ болѣзненныхъ формъ послѣродоваго періода и между прочимъ послѣродовой горячки. Верхній этажъ клиники составляетъ научное достояніе слушателей, тогда какъ въ нижнемъ помѣщаются беременныя и роженицы съ платою. Научный матеріалъ клиники Сканцони не великъ; но этотъ недостатокъ въ матеріалѣ много восполняется блестящею дѣятельностію знаменитаго профессора. Замѣчательный діалектикъ, счастливый наблюдатель — Сканцони оставляетъ въ памяти самое благодарное воспоминаніе. Каждый разбираемый имъ случай, будетъ ли это при роженицѣ или беременной, есть самостоятельный трактатъ со всею современною литературой. Обыкновенно, при началѣ своей лекціи, профессоръ избираетъ одного изъ слушателей, къ которому и направляетъ всѣ вопросы, относящіеся къ разбираемому имъ случаю. Слушатель недолго стѣсняется предлагаемымъ ему вопросомъ: профессоръ развиваетъ его самъ, приводя въ подтвержденіе высказываемыхъ имъ доводовъ или свои самостоятельныя изслѣдованія, извѣстныя во всѣхъ литературахъ, или наблюденія опытнѣйшихъ авторитетовъ въ излагаемой имъ наукѣ. Мнѣ не удавалось встрѣчать профессора, въ которомъ можно было бы найти бо̀льшую терпимость къ научнымъ авторитетамъ. Сканцони, страстно преданный своему дѣлу, наэлектризовываетъ своихъ слушателей свѣтлымъ взглядомъ на разбираемый имъ предметъ, ясностію рѣчи и огромнымъ запасомъ свѣдѣній, когда онъ подтверждаетъ приводимыя имъ положенія лучшими и, если возможно, современными трудами германскихъ, англійскихъ и французскихъ спеціалистовъ. Современные успѣхи новыхъ пособій клиническихъ очевидно знакомы ему, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, слѣдившій за его новѣйшими трудами. Не разъ мнѣ удавалось быть свидѣтелемъ интересныхъ бесѣдъ Сканцони съ знаменитымъ Келликеромъ и Фёрстеромъ по поводу гистологическихъ элементовъ послѣда и нѣкоторыхъ патологическихъ перерожденій послѣдняго въ теченіе беременности.

При ограниченности практическаго матеріала, общая масса слушателей раздѣлена въ клиникѣ Сканцони на группы, изъ которыхъ каждая отдѣльно назначается на одни сутки для практическихъ

занятій при роженицахъ и для упражненія на беременныхъ подъ руководствомъ клиническаго ассистента.

Въ оперативномъ акушерствѣ руководитъ слушателей другой профессоръ (Frank), которому назначено излагать и теорію акушерства, чего de facto не существуетъ, по причинамъ, мною выше изложеннымъ.

Я съ намѣреніемъ старался показать методъ преподаванія въ въ клиникѣ Сканцони и его критически-строгіе выводы при объясненіи различныхъ клиническихъ случаевъ. Это свойство профессора казалось въ глазахъ моихъ чрезвычайно важнымъ между прочимъ и потому, что, ознакомившись съ личностью такого преподавателя, удерживается прочное довѣріе къ его литературнымъ трудамъ: на приводимые имъ факты и наблюденія можно всегда положиться, что очень цѣнно для каждаго спеціалиста.

Переходя къ описанію вѣнской акушерской клиники, находящейся въ завѣдываніи проф. Брауна и изученію которой я посвятилъ второе полугодіе моей заграничной дѣятельности, почитаю себя въ правѣ предпослать тотъ общій выводъ, что какъ размѣры самой клиники, достигающей до 5,000 родовъ, такъ и объемъ клиническаго преподаванія акушерства даютъ возможность прослѣдить эту спеціальность самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Обязательный профессоръ отдаетъ свою клинику въ полное распоряженіе дежурныхъ слушателей, назначаемыхъ имъ на каждый день недѣли, и уже отвѣтственность падаетъ на послѣднихъ, если они не воспользуются предлагаемымъ имъ матеріаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія громадныя пособія! Комната для рожениц вмѣщаетъ въ себѣ 25 кроватей, гдѣ въ теченіе сутокъ бываетъ 15, 20 и болѣе родовъ. Независимо отъ собственныхъ занятій при роженицахъ, слушатель легко можетъ провѣрять себя при помощи клиническихъ ассистентовъ, которые нерѣдко посѣщаютъ клинику, такъ какъ ходъ и нормальныхъ родовъ вызываетъ по временамъ незначительныя пособія искусства.

Что касается до объема клиническаго преподаванія, то дѣятельность какъ самаго профессора, такъ и его ассистентовъ весьма почтенна; лучшей организаціи и желать трудно.

Предпославши при началѣ курса, что на обязанности профессора-клинициста лежитъ необходимость представлять collegium'у отчетъ обо всемъ, происходящемъ въ теченіе сутокъ въ отдѣленіи рожениц и родильницъ, проф. Браунъ оставляетъ поэтому за собою

только одно клиническое преподаванiе. Ассистентамъ своимъ онъ предоставилъ руководить слушателей въ оперативномъ акушерствѣ, равно какъ и занимать ихъ на беременныхъ и роженицахъ объясненiемъ тѣхъ анатомическихъ измѣненiй, которыя совершаются въ половой сферѣ женщины во время беременности и родовъ.

Обильный матерiалъ даетъ профессору возможность избирать для лекцiи только тѣ случаи, которые представляютъ интересъ въ клиническомъ отношенiи. Объясняя ихъ, проф. Браунъ излагаетъ подробно обстоятельства, ихъ сопровождавшiя, и затѣмъ при значительномъ запасѣ наблюденiй приводитъ для большей наглядности другiе, аналогическiе описываемому обстоятельству, случаи, которые однако въ своихъ подробностяхъ видоизмѣняли практическiе прiемы опытнаго клинициста. Такой методъ преподаванiя важенъ, мнѣ кажется, потому что слушатель въ короткое время прiобрѣтаетъ много клиническихъ наблюденiй, которыя принесутъ не малую пользу въ будущей его практической дѣятельности. Понятно, что въ теченiе курса для вѣнской школы представляется возможность провести слушателей черезъ весь отдѣлъ практическаго акушерства. Нельзя пройти молчанiемъ и заботливости профессора Брауна о возможно лучшемъ состоянiи его клиники. Въ этомъ отношенiи заслуживаетъ особеннаго вниманiя введенный имъ способъ вентиляцiи. Завѣдуя огромной клиникой, непредставлявшей нужныхъ гигiеническихъ условiй, проф. Браунъ, на основанiи своихъ собственныхъ наблюденiй и донесенiй разнообразныхъ германскихъ и заграничныхъ коммиссiй, пришелъ къ убѣжденiю, что важнымъ этiологическимъ моментомъ для проявленiя эпидемической родильной горячки въ родильныхъ домахъ между прочимъ служитъ недостатокъ въ достаточномъ количествѣ притекающаго свѣжаго воздуха въ палаты родильницъ и незначительный обмѣнъ его при плохомъ устройствѣ вентиляцiи. Задавшись этою мыслiю, профессоръ ввелъ въ своей клиникѣ систему лѣтней и зимней вентиляцiи; въ послѣдней притекающiй внѣшнiй воздухъ согрѣвается при помощи печей особаго устройства. На основанiи точныхъ вычисленiй, каждая беременная или родильница получаетъ въ клиникѣ Брауна значительно бо́льшее количество свѣжаго воздуха, чѣмъ это необходимо для суточнаго обмѣна каждой особи, отчего во всей клиникѣ поддерживается замѣчательный по чистотѣ воздухъ. Я съ намѣренiемъ неоднократно посѣщалъ громадную палату, вмѣщавшую въ себѣ 60 беременныхъ женщинъ и, не смотря на такое огромное скопленiе

женщинъ простаго класса, чистота воздуха въ ней не оставляла желать ничего лучшаго.

Двухгодичный опытъ говоритъ дѣйствительно въ пользу введеннаго въ Вѣнѣ способа вентиляціи: число заболѣвавшихъ родильной горячкой составляетъ за послѣдніе два года ничтожный процентъ сравнительно съ предшествовавшими годами, въ которые, по причинѣ значительной смертности родильницъ, необходимо было прибѣгать къ закрытію клиники. Въ теченіе зимняго семестра, проведеннаго мною въ Вѣнѣ, число случаевъ послѣ-родовой горячки было крайне ограниченно: я могу насчитать 3, 4 случая, которые при огромномъ количествѣ родильницъ изчезаютъ совершенно. Проф. Браунъ осторожно относится къ такимъ замѣчательнымъ статистическимъ даннымъ, полученнымъ въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, и замѣчаетъ, что онъ только послѣ 10-тилѣтняго опыта позволитъ себѣ сообщить о результатѣ введеннаго имъ способа вентиляціи, хотя ничтожный процентъ заболѣванія родильницъ очевидно совпадаетъ со временемъ введенія улучшеннаго метода очищенія воздуха въ его клиникѣ.

Перехожу къ дѣятельности клиническихъ ассистентовъ проф. Брауна. Выше я сказалъ, что имъ предоставлено руководить слушателей въ оперативномъ акушерствѣ и знакомить ихъ со всѣми измѣненіями, совершающимися въ организмѣ женщины въ теченіе беременности и родовъ.

Курсъ оперативнаго акушерства въ томъ видѣ, какъ онъ излагается въ Вѣнѣ, имѣетъ за собою неоспоримыя практическія достоинства. Всѣ необходимыя акушерскія операціи производятся на трупахъ женщинъ, умершихъ въ общей Вѣнской больницѣ, и на дѣтяхъ, родившихся мертвыми или въ скоромъ времени умирающихъ послѣ рожденія въ акушерской клиникѣ. Въ началѣ лекціи ассистентъ объясняетъ слушателямъ значеніе каждаго акушерскаго оперативнаго пособія, условія и методы его производства и затѣмъ выполняетъ его самъ, строго соблюдая всѣ нужные практическіе пріемы при данной операціи. По предложенному способу слушатель производитъ въ присутствіи ассистента тѣ же самые пріемы и такъ, повторяя каждую акушерскую операцію по нѣсколько разъ, пріобрѣтаетъ въ скоромъ времени навыкъ въ производствѣ необходимѣйшихъ изъ нихъ. По моему крайнему убѣжденію, упражненія на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ составляютъ одно изъ лучшихъ приготовительныхъ пособій для будущей практической дѣятельности

каждаго слушателя, ибо тутъ онъ имѣетъ передъ собою возможно одинаковыя условія, встрѣчаемыя имъ позднѣе при постели роженицы, рука его пріучается къ опредѣленію различныхъ уклоненій въ положеніи плода и тутъ же руководится въ производствѣ приличнаго данному уклоненію оперативнаго пособія.

Пройдя рядъ нужнѣйшихъ акушерскихъ операцій, каждый слушатель пріобрѣтаетъ право (въ день своего дежурства въ клиникѣ) производить уже на роженицахъ изученныя имъ оперативныя пособія, и, благодаря этому обстоятельству, я съ своей стороны могу насчитать достаточное количество операцій, которыя мнѣ удалось сдѣлать въ Вѣнской клиникѣ.

Другой курсъ, въ которомъ руководятъ слушателей ассистенты проф. Брауна, состоитъ въ подробномъ акушерскомъ изслѣдованіи беременныхъ и рожениць. Громадный матеріалъ служитъ постояннымъ источникомъ для такого упражненія: всѣ беременныя женщины, приходящія ежедневно въ клинику съ желаніемъ поступить въ нее до наступленія родовъ, служатъ научнымъ достояніемъ слушателей. Упражненія эти знакомятъ изучающаго со всѣми анатомическими измѣненіями, совершающимися въ половой сферѣ женщины во время беременности и при наступленіи родоваго процесса. Сверхъ того, только при такомъ курсѣ съ значительнымъ матеріаломъ представляется возможность встрѣтить разнообразныя патологическія уклоненія въ формѣ и размѣрахъ женскаго таза, точное опредѣленіе которыхъ такъ важно и необходимо въ практической дѣятельности каждаго врача. Знакомый съ аномаліями таза, врачъ не одинъ разъ спасетъ женщину отъ угрожавшей ей опасности во время родовъ, равно какъ и во время принятыми мѣрами можетъ способствовать жизни самаго плода. Окончивши пріемъ беременныхъ, ассистентъ переходитъ съ слушателями къ роженицамъ, гдѣ и объясняетъ имъ всѣ явленія родоваго процесса.

Вотъ въ какомъ широкомъ приложеніи находится акушерство въ германскихъ школахъ, и этимъ объясняется, почему здѣшній практическій врачъ не становится въ затруднительное положеніе въ случаѣ нужды.

Обращаясь къ общему выводу относительно успѣха преподаванія акушерства въ изложенныхъ мною клиникахъ, находящихся въ завѣдываніи лучшихъ представителей по названной спеціальности, невольно прежде всего бросается въ глаза стремленіе каждаго изъ

нихъ представить слушателямъ возможно бóльшій матеріалъ для практическаго и нагляднаго изученія акушерства. Въ подтвержденіе этому, помимо сообщеннаго выше, я могу представить еще слѣдующіе интересные факты. На основаніи донесенія проф. Зейферта о необходимости увеличенія Пражской акушерской клиники, разрѣшено построить новую, которая будетъ вмѣщать до 1,000 рожениць въ годъ. Слѣдовательно, къ существующему и безъ того богатому матеріалу присоединяются новыя средства для успѣшнаго изученія акушерства. Профессоръ Сканцони, сознавая вполнѣ недостаточность научныхъ средствъ въ своей клиникѣ, обратился съ просьбою къ мѣстному начальству, чтобы оно въ видахъ общественной пользы обязало беременныхъ женщинъ рабочаго класса въ Вюрцбургѣ не призывать повивальныхъ бабокъ для окончанія родовъ на ихъ квартирахъ, но въ концѣ беременности или при наступленіи родовъ приходить въ родильный домъ, какъ учрежденіе, назначенное преимущественно для небогатаго класса. Нельзя отвергать, что такая мѣра можетъ показаться крайнею; но она вполнѣ свидѣтельствуетъ, на сколько чувствуется профессоромъ необходимость въ пріобрѣтеніи практическаго матеріала. Тѣмъ же убѣжденіемъ проникнутъ и профессоръ Браунъ въ Вѣнѣ; при семъ я пользуюсь случаемъ представить по этому поводу прекрасныя мысли профессора, высказанныя имъ въ засѣданіи общества вѣнскихъ врачей, 1864 года *). «Родильные дома, говоритъ профессоръ Браунъ, суть единственныя учрежденія для изученія и образованія себя въ практическомъ акушерствѣ. Въ госпиталяхъ можно пріобрѣсти большую опытность во внутренней патологіи и терапіи, хирургіи и окулистикѣ; но по устройству этихъ заведеній акушерство не находитъ въ нихъ необходимаго матеріала. Поэтому въ интересѣ каждаго народа слѣдуетъ приспособливать весь матеріалъ родильныхъ домовъ или большую его часть къ практическому изученію акушерства. Эта мѣра очевидно оправдывается тѣмъ, что на 100 родовъ приходится едва 10 патологическихъ случаевъ, такъ что только при значительномъ количествѣ родовъ слушателю доставляется необходимый матеріалъ для практическаго изученія. Другими словами: въ 10 разъ бóльшее пространство родильнаго дома по значенію своему равняется обыкновенному размѣру клиники терапевтической, хирургической или глазной. И такъ, для основа-

*) Zeitschrift der K. K. Gesellschaft der Aerzte in Wien. 1864. S. 37.

тельнаго обученія слушателей въ практическомъ акушерствѣ необходимымъ условіемъ является обильный матеріалъ наблюденій.

Вотъ почему вездѣ, гдѣ городу не представлялась возможность учредить большой родильный домъ, дѣлалось насущною потребностію прибѣгать къ устройству поликлиникъ.

Въ постоянныхъ же клиникахъ Вѣны, Праги, Парижа, Дублина, Граца были затрачены огромныя средства съ цѣлью облегчить практическое изученіе, и составилось общее убѣжденіе, что въ большихъ клиникахъ практическое изученіе акушерства можетъ быть выполняемо совершеннѣе и успѣшнѣе. Очевиднымъ доказательствомъ сказаннаго служитъ то, что родильные дома Вѣны и Праги посѣщаются въ изобиліи иностранными врачами всего просвѣщеннаго міра».

Такія мысли знаменательны; онѣ свидѣтельствуютъ о глубоко сознанной уважаемымъ профессоромъ необходимости — проводить въ массу слушателей основательныя свѣдѣнія по акушерству, которыя такъ необходимы въ практической дѣятельности каждаго врача.

Прослѣдивши, по возможности, научныя пособія для изученія акушерства въ Германіи, мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ, если я позволю себѣ примѣнить эти общія соображенія къ нашимъ акушерскимъ клиникамъ. Сколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ нашихъ университетахъ научный матеріалъ акушерскихъ клиникъ крайне ограниченъ; наши акушерскія клиники суть только незначительныя отдѣленія при такъ называемыхъ факультетскихъ клиникахъ, а не самостоятельные родильные дома, какъ это мы встрѣчаемъ въ Германіи, и куда, слѣдовательно, притекаетъ большинство беременныхъ въ городѣ. На основаніи приведенныхъ выше фактовъ очевидно, что размѣръ нашихъ акушерскихъ отдѣленій при клиникахъ никакъ не удовлетворяетъ необходимому изученію этой спеціальности практически, а всякому врачу извѣстно, что при самомъ добросовѣстномъ теоретическомъ изученіи предмета онъ во многомъ сталкивается съ непреодолимыми препятствіями на практикѣ. Если такой недостатокъ въ столь необходимомъ практическомъ матеріалѣ можетъ до времени чувствоваться въ нашихъ провинціальныхъ университетахъ, то нельзя сказать того же относительно медицинскихъ учрежденій нашихъ столицъ. Столицы наши владѣютъ неоспоримо колоссальнымъ акушерскимъ матеріаломъ, представляющимся въ учрежденіи такъ называемыхъ воспитательныхъ домовъ, въ которыхъ число рожениц не уступаетъ ни одному заграничному учрежденію этого рода. Такіе авторитеты, какъ Зейфертъ, Сканцони, Бра-

унъ завистливо относились къ обильному матеріалу нашихъ воспитательныхъ домовъ и удивлялись, какъ такой громадный матеріалъ служитъ достояніемъ только небольшой семьи врачей. Нельзя было не сознавать всей истины такого замѣчанія и поневолѣ приходилось отклонять разговоръ, направленный какъ бы съ цѣлью укора, что мы отыскиваемъ какой-то капиталъ за границей, не видя своего собственнаго богатства.

Возникаетъ естественно вопросъ: какимъ образомъ богатый акушерскій матеріалъ воспитательныхъ домовъ можетъ сдѣлаться научнымъ пособіемъ какъ слушателей, такъ и врачей, желающихъ усвоить себѣ практическую сторону акушерства? Возможность эта, по моему убѣжденію, можетъ быть выполнена слѣдующимъ образомъ: университету легко войти въ сношеніе съ начальствомъ воспитательныхъ домовъ, по которому всѣ случаи, интересные для слушателей въ практическомъ отношеніи, могутъ быть препровождаемы изъ воспитательнаго дома въ акушерскую клинику, гдѣ по недостатку въ матеріалѣ нѣтъ возможности познакомить слушателей со всѣми важнѣйшими практическими пріемами акушерства. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго вниманія различныя аномаліи таза, при которыхъ слушатель навыкаетъ производить необходимыя въ данной аномаліи измѣренія, важнѣйшія уклоненія въ формѣ и величинѣ таза, а затѣмъ на опытѣ узнаетъ, какія при такихъ обстоятельствахъ необходимы пособія искусства. Сюда принадлежитъ значительный отдѣлъ оперативнаго акушерства: произведеніе искусственнаго выкидыша, искусственные преждевременные роды, прободеніе головки, дробленіе ребенка и даже кесарское сѣченіе. Затѣмъ можно назвать узнаваемыя въ концѣ беременности поперечныя положенія ребенка, при которыхъ слушатель, помимо необходимаго навыка въ діагностикѣ, знакомится съ однимъ изъ труднѣйшихъ пріемовъ оперативнаго акушерства — поворотомъ, представляющимъ весьма интересныя практическія соображенія при своемъ производствѣ.

Что развиваемая мною мысль не лишена практическаго приложенія, я могу сослаться на полнѣйшее осуществленіе ея для Парижской факультетской клиники, находящейся въ завѣдываніи профессора Деполя, о чемъ въ свое время я надѣюсь изложить въ отдѣльномъ отчетѣ при описаніи современнаго состоянія акушерства въ Парижскихъ родильныхъ домахъ. Замѣчу теперь только, для поясненія проводимой мною мысли, что въ Парижскую акушерскую

клинику обязательно должны быть присылаемы изъ всѣхъ прочихъ родильныхъ домовъ, равно какъ и изъ частной дѣятельности городоваго акушера, всѣ интересные акушерскіе случаи, значеніе которыхъ я уже объяснилъ выше.

Независимо отъ сказаннаго соображенія, содѣйствіе университету возможно и въ другомъ отношеніи. Основываясь на общедоступности въ заграничныхъ акушерскихъ клиникахъ, гдѣ прилежный слушатель получаетъ полную возможность изучать всесторонне акушерство при постели роженицы, мнѣ кажется весьма будетъ полезнымъ содѣйствіе начальства въ пріобрѣтеніи и для нашихъ слушателей возможности—посѣщать родильныя отдѣленія воспитательныхъ домовъ, разумѣется для тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ познакомиться преимущественно съ практическою стороною акушерства.

Остается прибавить, что для врачей, проживающихъ въ столицахъ или прибывающихъ въ нихъ съ цѣлью пріобрѣсти прочное знакомство съ акушерствомъ, желаемая выше доступность родильныхъ отдѣленій воспитательныхъ домовъ удовлетворяетъ вполнѣ неотлагаемой нуждѣ всякаго практическаго врача. До сихъ поръ изученіе практическаго акушерства сопряжено у насъ, по недостатку въ матеріалѣ, съ большими затрудненіями, и на долю немногихъ выпадаетъ возможность такого изученія. А между тѣмъ необходимость въ пріобрѣтеніи основательнаго знанія акушерства чувствуется очень многими, что я могъ бы подтвердить какъ частыми бесѣдами съ провинціальными товарищами по наукѣ, такъ и встрѣчею въ заграничныхъ акушерскихъ клиникахъ многихъ врачей, которые вынуждены были изучать практическое акушерство за границей, не смотря на ихъ уже почтенную практическую дѣятельность.

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя не лишены, по моему убѣжденію, интереса, а самый успѣхъ изученія практическаго акушерства въ обширныхъ родильныхъ домахъ Германіи можетъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ высказанныхъ мною мыслей.

60) Кандидата Ильи Мечникова.

Три мѣсяца, за которые сообщаю этотъ отчетъ, я провелъ въ Гиссенѣ, продолжая, главнымъ образомъ, прежде начатыя работы. Въ послѣднее время я, впрочемъ, почти исключительно занимался эмбріологіей и морфологіей позвоночныхъ.

Очень большую часть времени я посвящалъ изслѣдованіямъ о развитіи насѣкомыхъ, интересные результаты которыхъ я намѣренъ сообщить въ болѣе подробной спеціальной статьѣ. Теперь же хочу указать только на главнѣйшіе выводы. (Наблюденія свои я производилъ, кромѣ Cecidomyia, надъ Aphis, Coccus и Aspidiotus, Coriza, Simulia, Libellula и Phryganea).

1) Ядра клѣточекъ бластодермы у живородящихъ насѣкомыхъ (Cecidomyia *), Aphis, Aspidiotus) происходятъ черезъ дѣленіе зародышеваго пузырька и его продуктовъ. У яйценесущихъ насѣкомыхъ развитіе бластодермы нельзя непосредственно наблюдать, вслѣдствіе накопленія огромнаго количества желтка. Несомнѣнно однакоже, что бластодерма образуется не по способу, предположенному Вейсманномъ, теорія котораго основана на неполныхъ наблюденіяхъ.

2) Зародышевая полоса (Keimstreifen) образуется не всегда черезъ утолщеніе бластодермы, какъ это до сихъ поръ было извѣстно. У Aphis она является *какъ новообразованіе* въ головномъ (нижнемъ, по отношенію къ зародышевымъ трубкамъ) полюсѣ бластодермы, превращающейся въ такъ называемыя темянныя пластинки. У Coccus, Aspidiotus и Libellula бластодерма совершенно абсорбируется новообразующеюся зародышевой полосой, которая, въ видѣ бугорка, растетъ и углубляется *въ средину желтка.*

3) Бластодерма не разрывается при развитіи зародышевой полосы, какъ это доказываютъ многіе; но желтокъ обнажается на спинной сторонѣ (въ большей части случаевъ) вслѣдствіе того, что лежащая тутъ бластодерма приподымается и, измѣнившись въ своемъ элементарномъ составѣ, *обволакиваетъ весъ зародышъ*, образуя, слѣдовательно, совершенно особую, еще никѣмъ не замѣченную оболочку, которую можно бы пожалуй назвать *амніосомъ насѣкомыхъ.*

4) Вмѣсто поворачиванія зародышевой полосы, какъ это замѣчено у многихъ насѣкомыхъ, у Coriza образуется вторичная, дефинитивная зародышевая полоса, тогда какъ первоначальная при этомъ атрофируется.

5) Такъ называемый складочный листъ (Faltenblatt) Вейсманна существуетъ въ различной степени развитія у всѣхъ насѣкомыхъ,

---

*) О развитіи бластодермы у этого насѣкомаго я уже упоминалъ въ своемъ предъидущемъ отчетѣ.

играя несравненно важнѣйшую роль, чѣмъ думаетъ Вейсманнъ. Этотъ листъ дѣлится на части, превращающіяся *въ оконечности головы и груди* (щупальцы, челюсти и ноги); вслѣдствіе этого отправленія я нахожу болѣе удобнымъ, вмѣсто названія «Faltenblatt», употреблять болѣе опредѣленное «Extremitätenblatt», т. е. «листъ оконечностей».

Кромѣ этихъ изслѣдованій, я продолжалъ работы объ организаціи и развитіи животныхъ, принадлежащихъ къ типу червей.

Развитіе Ascaris nigrovenosa прослѣжено мною до конца. Ларва втораго поколѣнія (о происхожденіи которой я уже сообщалъ въ прошломъ отчетѣ) достигаетъ легкаго лягушки черезъ полость рта послѣдней*) и, по прошествіи 8 или 10 дней, принимаетъ тамъ, послѣ двукратнаго линянія, форму, почти совершенно тождественную съ взрослымъ индивидуумомъ. До сихъ поръ я находилъ только развивающихся самокъ, вслѣдствіе чего считаю предположеніе Лейкарта о существованіи у нихъ партеногенетическаго размноженія вполнѣ вѣроятнымъ.

Ларвы Cucullanus elegans, имѣющія форму совершенно отличную отъ формы взрослыхъ индивидуумовъ, внѣдряются въ тѣло различныхъ копеподъ (циклоповъ) и развиваются тамъ настолько, что пріобрѣтаютъ полное сходство съ своими родителями, отличаясь отъ нихъ только отсутствіемъ развитыхъ половыхъ органовъ.

Мнѣ удалось наблюдать также молодыхъ Mermis albicans, которыхъ я нашелъ въ стоячей водѣ. У нихъ я нашелъ различія въ образованіи хвоста, которыя однакоже еще не могу вполнѣ объяснить. Что касается организаціи этихъ замѣчательныхъ животныхъ, то замѣчу, что мои наблюденія отчасти сглаживаютъ крайнія мнѣнія Мейсснера и Шнейдера. Относительно нервной системы могу сказать, что она состоитъ изъ сильно развитаго глоточнаго кольца и сообщающихся съ нимъ клѣточекъ и совершенно отлична отъ пищепровода, съ которымъ смѣшиваетъ ея Шнейдеръ. Другія же части, описанныя Мейсснеромъ за нервный стволъ и проч., не имѣютъ съ нервной системой ничего общаго. Относительно пищеварительнаго канала оба названные ученые ошибаются. Mermis alb. имѣетъ ротъ, ведущій въ длинный сократимый каналъ, задній конецъ котораго теряется въ массѣ жирнаго тѣла. Послѣднее совер-

*) Слѣдовательно, безъ посредства водяныхъ брюхоногихъ, какъ это показывали прежніе наши опыты.

шенно нельзя счесть за кишечный каналъ, какъ это думаетъ Шнейдеръ. Системы желудковъ, описанной Мейсснеромъ, вовсе не существуетъ у Mermis. Заднепроходное отверстіе, указанное Шнейдеромъ, не соединяется съ пищеварительнымъ аппаратомъ, а ведетъ въ особыя железы.

Кромѣ нематодъ, я изслѣдовалъ еще и нѣкоторыхъ турбеллярій. Главнымъ образомъ, я изучалъ анатомію и гистологію найденной мною въ теплицѣ Гиссенскаго ботаническаго сада земляной планаріи.

Какъ извѣстно, животныя этой группы составляютъ весьма большую рѣдкость, вслѣдствіе чего въ наукѣ не существуетъ еще ни одного удовлетворительнаго изслѣдованія о нихъ. Въ Европѣ до сихъ поръ была найдена всего одна земляная планарія — Fasciola terrestris Отто-Фридриха Мюллера, давшаго очень короткое и вполнѣ неудовлетворительное описаніе ея; послѣ него, эту же планарію находили Дюже, Фрицъ Мюллеръ и Нолль. Въ статьяхъ этихъ ученыхъ, однакоже, не находится ничего новаго. По ихъ описаніямъ и рисункамъ даже нѣтъ возможности опредѣлить животное, вслѣдствіе чего я не могу положительно сказать, принадлежитъ ли найденная мною планарія мюллеровскому виду, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, она отличается двумя пигментными линіями и большимъ темнымъ пятномъ по срединѣ тѣла, лежащими на спинной сторонѣ. Подробное описаніе (на нѣмецкомъ языкѣ) этого интереснаго животнаго, которое я назвалъ Geodesmus bilineatus, я послалъ (съ рисунками) въ Императорскую академію наукъ.

Изъ многихъ результатовъ моей работы, упомяну здѣсь объ органахъ пищеваренія планарій, такъ какъ мои изслѣдованія объ этомъ не ограничиваются однимъ Geodesmus, но простираются и на другихъ турбеллярій.

У Dendrocoela *кишечнаго канала* вовсе не существуетъ, какъ канала снабженнаго стѣнками: ихъ пищеварительный аппаратъ, кромѣ pharynx, состоитъ изъ сплошной массы бѣлковаго переваривающаго вещества; въ этой массѣ находится множество измельченныхъ и неизмельченныхъ частей пищи и большее или меньшее количество круглыхъ пустотъ, содержащихъ внутри бурые шарики, вѣроятно, мочевые конкременты. Такой кишечный аппаратъ не имѣетъ никакихъ оболочекъ и граничитъ непосредственно съ паренхимой тѣла; послѣдняя, состоящая во внутреннихъ слояхъ изъ очень

плотнаго вещества, обусловливаетъ, по моему мнѣнію, вѣтвистую форму кишечнаго аппарата *).

Мнѣ кажется совершенно справедливымъ смотрѣть на изложенное устройство пищеварительнаго органа, какъ на *полость тѣла*, наполненную бѣлковымъ переваривающимъ веществомъ.

Мнѣніе это, само по себѣ вѣроятное, подтверждается сравненіемъ съ немертинами, полость тѣла которыхъ **) находится между паренхимой тѣла и кишечнымъ каналомъ.

Организація пищеварительнаго аппарата у Dendrocoela представляетъ крайній моментъ особенностей, распространяющихся, въ различной степени, и на другихъ турбеллярій. У нѣкоторыхъ Rhabdocoela (Mesostomea) мы находимъ такое же бѣлковое пищеварительное тѣло съ секреціонными вакуолями, пищевыми кусками и жирными капельками, что́ мы видѣли у планарій. Но у этихъ турбеллярій мы уже замѣчаемъ иногда полость кишки, которая, впрочемъ, бо̀льшею частью еще отсутствуетъ.

У Microstomea и Macrostomum полость кишки остается постоянною, облекаясь слоемъ клѣточекъ съ мерцательными волосками; переваривающее тѣло приняло теперь форму цилиндра, сохранивъ, однакоже, свои прежнія составныя части. Замѣчу кстати, что кишечный аппаратъ у Microstomum и Stenostomum, по моимъ изслѣдованіямъ, оканчивается также слѣпо, какъ и у другихъ Pharyngocoela, т. е. не имѣетъ проходнаго отверстія, которое приписывали Шмидтъ, Шульце и другіе ***).

Устройство пищеварительнаго аппарата у турбеллярій и, главнымъ образомъ, у планарій, представляетъ, слѣдовательно, очевидное сходство съ тѣми же образованіями у инфузорій: и здѣсь и тамъ центральная часть тѣла состоитъ изъ вещества, обволакивающаго и переваривающаго пищу. Это сходство должно быть еще значительнѣе, при сравненіи ларвъ турбеллярій съ инфузоріями. Клапаредъ не находилъ даже у взрослыхъ Convoluta minuta дифференцированнаго кишечнаго аппарата.

Представляя близкое сходство съ пищеварительнымъ аппара-

---

*) Для изслѣдованія этихъ отношеній рекомендую братъ Planaria lactea.

**) Мѣсто, гдѣ образуются половые продукты у немертинъ можно смѣло назвать полостью тѣла.

***) Замѣчу, что у Microstomum, въ боковыхъ ямкахъ на головѣ, я открылъ особыя мерцательныя воронки, которыя при случаѣ опишу подробнѣе.

томъ инфузорій, кишечный органъ планарій имѣетъ несомнѣнную связь съ характеристическимъ устройствомъ Coelenterata, такъ какъ онъ представляетъ общую полость тѣла, наполненную пищеварительнымъ веществомъ. Мнѣ кажется совершенно умѣстнымъ сравнить такое устройство съ переваривающей полостью тѣла гидры, у которой то же встрѣчаются образованія, сходныя съ секреціонными вакуолями планарій. Я имѣю намѣреніе, съ этой точки зрѣнія, изучить кишечный аппаратъ гидры и другихъ Coelenterata.

Такъ какъ я уже въ прошломъ отчетѣ своемъ упоминалъ о новыхъ изслѣдованіяхъ безполоваго размноженія Cecidomyia, то считаю не лишнимъ и теперь сказать нѣсколько словъ о томъ же предметѣ. Главнымъ образомъ, я буду имѣть здѣсь въ виду недавно вышедшую статью г. Ганина *), работы котораго сдѣланы совершенно независимо (даже нѣсколько раньше) отъ сообщенныхъ въ предъидущемъ отчетѣ изслѣдованій Лейкарта и моихъ.

Въ интересной статьѣ г. Ганина, мы находимъ описаніе зародышевыхъ железъ и развивающихся въ нихъ зародышевыхъ камеръ. Первыя г. Ганинъ считаетъ за яичники, не приводя однакоже никакихъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія. Какъ уже можно заключить изъ моего перваго отчета, бездоказательность этого положенія привела г. Ганина къ ошибочному заключенію. Дѣйствительно, существующіе въ наукѣ факты говорятъ прямо противъ мнѣнія о зародышевыхъ железахъ Cecidomyia, какъ о яичникахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пролиферирующіе органы ларвы этой мухи вполнѣ соотвѣтствуютъ зачаткамъ половыхъ органовъ, находящимся у всѣхъ личинокъ насѣкомыхъ. Положеніе, форма и строеніе ихъ — все, какъ нельзя больше, говоритъ въ пользу этого мнѣнія, высказаннаго профессоромъ Лейкартомъ. Въ этомъ легко убѣдиться всякому, кто только изслѣдовалъ хоть одну какую бы то ни было ларву насѣкомыхъ. Зачатки половыхъ органовъ у личинокъ насѣкомыхъ были открыты и подробно изслѣдованы еще Герольдомъ **) въ началѣ настоящаго вѣка. Потомъ ихъ изучалъ Германнъ Мейеръ ***) въ 1848 г., доказавшій, что личинки бабочекъ, въ первые возрасты жизни, имѣютъ зачатки органовъ размноженія, *не показывающіе еще ни малѣйшаго слѣда половыхъ различій.* Половое

---

*) Записки Императорской академіи наукъ. Т. VII, стр. 36.

**) Entwickelungsgeschichte der Schmetterlinge. 1815.

***) Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie. Bd. I. 1848.

дифференцированіе было въ новѣйшее время тщательно изслѣдовано у мухъ Вейсманномъ.

Сравнивая молодыя зародышевыя железы Cecidomyia съ зачатками половыхъ органовъ по описаніямъ названныхъ ученыхъ или же съ тѣми же органами у любой личинки двукрылаго (Chironomus или Simulia), нельзя не видѣть, что «яичники» г. Ганина соотвѣтствуютъ не настоящимъ яичникамъ насѣкомыхъ (т. е. ихъ личинокъ съ дифференцированными уже половыми органами), а молодымъ стадіямъ зачатковъ органовъ размноженія, не представляющимъ еще никакихъ половыхъ различій.

Называя пролиферирующіе органы Cecidomyia яичниками, г. Ганинъ тѣмъ самымъ уже показываетъ, что размножающіяся личинки суть половые индивидуумы—самки, одаренныя способностью производить дѣтей безъ посредства мужскихъ элементовъ, т. е. способомъ партеногенезиса. Фактически опровергая мнѣніе г. Ганина о «яичникахъ», нельзя, конечно, согласиться и съ вытекающими изъ этого мнѣнія слѣдствіями, которыя я только что упомянулъ. На основаніи же данныхъ, сообщенныхъ мною въ прошломъ отчетѣ, необходимо принять вмѣстѣ съ Лейкартомъ, что размноженіе личинокъ Cecidomyia есть безполовое — перемежающееся размноженіе, а не паретеногенезисъ.

Невѣрно опредѣляя природу размножающихся органовъ, г. Ганинъ еще больше ошибается въ своемъ мнѣніи о «яичкѣ». За послѣднее онъ принимаетъ цѣлую кучку клѣточекъ, не давая удовлетворительнаго объясненія такому странному понятію, крайне противорѣчащему истинному опредѣленію яйца. «Яички» г. Ганина вовсе нельзя сравнивать съ тѣми же элементами у Musca и Sarcophaga, развивающимися по невѣрной теоріи Вейсманна. Въ составъ яицъ насѣкомыхъ, по мнѣнію этого ученаго, входитъ одна полная клѣточка и содержимое другихъ клѣточекъ, лежащихъ въ зародышевой камерѣ и теряющихъ, во время образованія яйца, свои ядра *). Хотя бы это мнѣніе Вейсманна и было вѣрно, то все же его нельзя примѣнить къ тѣламъ, принятымъ г. Ганинымъ за «яички», какъ это видно изъ только что приведеннаго замѣчанія. Но замѣчательно, что невѣрность взгляда Вейсманна, въ чемъ я вполнѣ убѣдился, изслѣдуя развитіе яицъ у многихъ насѣкомыхъ, яснѣе всего обнаруживается именно у Cecidomyia, что можно видѣть даже и на при-

---

*) Ueber die Entwickelung der Insecten. 1864. § 208.

ложенныхъ рисункахъ г. Ганина. Это обнаружится всего яснѣе, когда я замѣчу, что «яички» г. Ганина ничто иное какъ отдѣльныя зародышевыя камеры, въ которыхъ развиваются настоящія яички; желтокъ послѣднихъ описанъ имъ подъ видомъ «помутнѣнія» на одномъ полюсѣ «яичка», тогда какъ клѣточки, лежащія на другомъ концѣ, вовсе не клѣточки, а ядра такъ называемыхъ желтокъ образующихъ клѣточекъ (Dotterbildungszellen). (Вообще, всѣ части, описанныя г. Ганинымъ за клѣточки, суть въ дѣйствительности *ядра* клѣточекъ, содержимое которыхъ большею частью сливается въ общую массу). Самой главной части настоящаго яйца — зародышеваго пузырька, лежащаго въ срединѣ желтка, г. Ганинъ вовсе не замѣтилъ, хотя этотъ пузырекъ ничуть не меньше ядеръ желтокъ образующихъ клѣточекъ. Такой же участи, впрочемъ, подвергся и эпителій зародышевой железы («яичника» Г.) и зародышевыхъ камеръ («яичекъ» Г.), о которомъ г. Ганинъ не упоминаетъ вовсе, но который, тѣмъ не менѣе, весьма значительно развитъ.

На фиг. 19-й г. Ганина изображено ненормальное, дегенерированное уже яйцо, лежащее въ оболочкѣ зародышевой камеры.

Процессъ развитія зародышевыхъ камеръ («яичекъ»), описанный г. Ганинымъ, не совсѣмъ идентиченъ съ тѣмъ, который описанъ Лейкартомъ и о которомъ я говорилъ въ прошломъ отчетѣ. Различіе состоитъ въ томъ, что г. Ганинъ наблюдалъ развитіе зародышевыхъ камеръ *внутри* оболочки зародышевой железы, тогда какъ Лейкартъ описалъ *дѣленіе* зародышевой железы на отдѣльныя камеры. Замѣчу, впрочемъ, что оба процесса свойственны одному и тому же виду, такъ какъ я имѣлъ случай наблюдать способъ развитія г. Ганина у нашихъ ларвъ; онъ совершается однакоже гораздо рѣже, чѣмъ способъ дѣленія, и, принадлежа, слѣдовательно, къ исключеніямъ, вызывается значительною плотностью наружной оболочки зародышевой железы. Прибавляю еще, что, при развитіи камеръ по способу внутренняго образованія, въ нихъ развиваются яички несравненно дальше, чѣмъ это видно изъ рисунковъ г. Ганина, и я иногда внутри общей оболочки размножающейся железы находилъ даже стадіи съ вполнѣ образовавшейся бластодермой и съ полярными клѣточками. Очень можетъ быть, поэтому, что и у ларвы г. Ганина конкурируютъ оба способа образованія зародышевыхъ камеръ. . . .

Гиссенъ, $\frac{\text{1-го іюля}}{\text{20-го іюня}}$ 1865 года.

61) Доктора медицины I. Топаза.

(За апрѣль, май и iюнь 1865 года).

Вѣнскiй родильный институтъ доставилъ мнѣ возможность въ продолженiе прошлыхъ трехъ мѣсяцевъ присутствовать при 1,450 родахъ, наблюдать почти столько же беременныхъ и рожаницъ и произвести лично около двадцати различныхъ акушерскихъ операцiй.

Надобно замѣтить, что гораздо бо̀льшее число родовъ совершилось въ означенномъ заведенiи въ теченiе этого времени. Но слушанiе нѣкоторыхъ лекцiй и практическая дѣятельность по дѣтскимъ болѣзнямъ поставили меня внѣ физической возможности бывать при всѣхъ родахъ.

Имѣя въ виду значительное время, поглощаемое акушерскими занятiями, и краткiй срокъ лѣтняго семестра, я счелъ за лучшее не обременять себя многими курсами, а ограничиться самыми необходимыми для меня предметами.

Сообразно этому, я посѣщалъ лекцiи акушерства и генекологiи профессора Брауна, — дѣтскихъ болѣзней профессора Видергофера и сыпныхъ болѣзней профессора Гебры. Кромѣ того, посвящалъ нѣсколько часовъ въ день практической сторонѣ дѣтскихъ болѣзней. Профессоръ Видергоферъ позволилъ мнѣ исправлять должность ассистента въ его амбулаторной клиникѣ и присутствовать въ дѣтскомъ госпиталѣ при визитацiяхъ; это принесло мнѣ значительную пользу. Ежедневно, отъ 8-ми до 11-ти часовъ утра, не исключая и праздничныхъ дней, приходилось на мою долю осматривать до шестидесяти приходящихъ дѣтей съ разнородными болѣзнями, накладывать самостоятельно дiагностику и назначать леченiе.

Сверхъ дѣтской клиники, я посѣщалъ дѣтскую больницу здѣшняго воспитательнаго дома, заключающую въ себѣ громадное количество больныхъ дѣтей самаго ранняго возраста.

По отдѣлу акушерства, Вѣна благопрiятствовала мнѣ свыше всякаго ожиданiя. Въ теченiе лѣта мнѣ удалось здѣсь видѣть почти всѣ акушерскiя операцiи, не исключая и кесарскаго сѣченiя на живой. Означенную операцiю произвелъ профессоръ второй клиники, г. Шпетъ.

Пацiентка, о которой идетъ рѣчь, явилась въ родильню въ концѣ восьмаго солнечнаго мѣсяца первой своей беременности, не подозрѣвая никакой опасности; между тѣмъ при наружномъ изслѣдо-

ваніи оказались ясные слѣды бывшаго rachitis, а при внутреннемъ изслѣдованіи нашли, что діаметръ conjugatae verae не превосходитъ одного съ четвертью дюйма и что лѣвая половина таза уменьшена во всѣхъ ея размѣрахъ противъ правой. Профессоры акушерства Браунъ и Шпетъ, послѣ неоднократнаго изслѣдованія, подтвердили вполнѣ найденные до нихъ результаты и порѣшили общимъ голосомъ, для спасенія матери и ребенка, сдѣлать въ надлежащее время Sectio caesarea; о другихъ средствахъ при такомъ значительномъ съуженіи таза въ концѣ 8-го мѣсяца беременности нельзя было и думать.

Чрезъ $2^1/_2$ недѣли по вступленіи ея въ клинику она почувствовала боли въ сторонѣ крестца и въ пахахъ. Профессоръ Шпетъ, изслѣдовавъ ее немедленно и нашедши сильно напрягающійся пузырь, лопнувшій вскорѣ самъ собою, объявилъ необходимость операціи и получилъ въ отвѣтъ полное согласіе. Чрезъ полчаса по разрывѣ оболочекъ приступлено было профессоромъ Шпетомъ, при помощи наркотизаціи, къ производству операціи, которая продолжалась до совершеннаго окончанія около полчаса. Не смотря на все искусство и знаніе дѣла, съ которымъ проф. Шпетъ совершилъ эту страшную операцію, въ итогѣ пришлось довольствоваться достиженіемъ одной только цѣли — спасеніемъ ребенка; мать же пала жертвою на другой день послѣ операціи.

При вскрытіи не нашли ничего похожаго на пуерперальное пораженіе, ни anemia внутреннихъ органовъ. По словамъ проф. Шпета, причина смерти осталась неразгаданною.

Что касается размѣровъ таза, autopsia подтвердила во всѣхъ отношеніяхъ все найденное при жизни.

Профессоръ Браунъ произвелъ въ своей клиникѣ въ текущемъ семестрѣ пять разъ Cephalotripsie, четыре раза преждевременные искусственные роды посредствомъ вкладыванія lamenaria и одинъ разъ Decapitatio. Первыя 9-ть операцій окончились полнымъ выздоровленіемъ, а послѣдняя имѣла смертельный исходъ. Обыкновенныя операціи въ родѣ наложенія щипцовъ, extractio за ножки etc. дѣлаютъ здѣсь обыкновенно опытные практиканты въ присутствіи одного изъ ассистентовъ.

Къ числу замѣчательныхъ явленій, встрѣтившихся въ теченіе этого семестра въ здѣшней родильнѣ, принадлежатъ два случая ruptura uteri spontanea, окончившіеся сращеніемъ матки и полнымъ выздоровленіемъ больныхъ; въ обоихъ случаяхъ разрывы были до-

вольно значительнаго размѣра. У одной изъ этихъ больныхъ выпадали кишечныя петли черезъ разорванное мѣсто, которыя между прочимъ были скоро и легко вправлены.

Въ генекологической клиникѣ встрѣчались также довольно интересныя вещи: пять разъ сдѣлана была профессоромъ Брауномъ ампутація шейки матки гальвано-каустическимъ путемъ, (три раза при выпаденіяхъ матки безъ опущенія, выражаясь номенуклатурою Вирхова, и 2 раза при канкроидахъ шейки матки); въ первыхъ трехъ случаяхъ достигнутъ полный результатъ. По отнятіи части шейки величиною въ $1/2''$, матки инвольвировались до нормальныхъ размѣровъ, и паціентки послѣ нѣкотораго времени выпущены были изъ клиники совершенно здоровыми. Изъ двухъ послѣднихъ одна умерла по окончаніи трехъ недѣль послѣ операціи, вслѣдствіе остраго Morbus Bright. Въ началѣ мая мнѣ пришлось быть очевидцемъ ovariotomiae, въ клиникѣ профессора хирургіи Думрейхера, который и произвелъ означенную операцію. Исходъ ея былъ смертельный по причинѣ множества сращеній наружной стѣнки мѣшка съ тонкими кишками и другими органами.

Вѣна, $^{23}/_{5}$ іюня 1865 года.

62) Кандидата Н. Минаева.

(За апрѣль, май и іюнь).

Послѣдніе три мѣсяца, находясь въ Парижѣ, я занимался изученіемъ санскритскихъ буддійскихъ рукописей.

Непальское собраніе буддійскихъ сочиненій было открыто въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія и подарено по частямъ, въ разное время, здѣшней Императорской библіотекѣ и библіотекѣ азіатскаго общества англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Катманду, Годсономъ. Годсонъ (Brian Haughton Hodgson), извѣстный ученому міру и какъ натуралистъ, былъ первый, сообщившій вѣрныя свѣдѣнія о преобладающей религіи въ Непалѣ. До него, въ Европѣ Непалъ былъ очень мало извѣстенъ; извѣстно было только, благодаря путешественникамъ Киркпатрику и Буханану, что часть жителей сказанной страны, *горные* (Harhntyar), поклоняются Сивѣ и Вишну, остальные (Newars) исповѣдуютъ *буддизмъ*. Годсонъ съ самаго начала своего пребыванія въ Непалѣ старался, между прочими занятіями, собрать вѣрныя свѣдѣнія о религіи и о томъ, существуютъ ли въ странѣ письменные памятники по этой части; результатомъ

его поисковъ было открытіе Непальской коллекціи буддійскихъ сочиненій. Въ началѣ 20-хъ годовъ нашего столѣтія онъ случайно познакомился съ однимъ старымъ буддистомъ изъ Потона и отъ него получилъ первыя свѣдѣнія о непальскомъ буддизмѣ и гораздо болѣе драгоцѣнный документъ — списокъ существующихъ тамъ догматическихъ сочиненій по этой религіи. Въ 1828 году Годсонъ, приведя въ литературную форму свой разговоръ со сказаннымъ буддистомъ, сообщилъ его лондонскому азіатскому обществу (см. Transact. of. the R. as. Soc. v. II). Въ настоящее время изъ этой статьи нельзя почерпнуть ничего такого, что не было бы подробнѣе извѣстно изъ первыхъ источниковъ; въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ вопросы, предложенные Годсономъ: когда и какъ былъ созданъ міръ? Какое было начало человѣчества? Кто такой Будда? Есть ли онъ богъ творецъ, пророкъ или святой? Рожденъ ли небомъ или женщиной? и т. д. Но плодотворная дѣятельность англійскаго ученаго не остановилась на одномъ открытіи памятниковъ и изустномъ изученіи буддизма; упомянутый разговоръ былъ только началомъ его литературной дѣятельности по буддизму; отъ него мы имѣемъ, кромѣ того, рядъ статей, помѣщенныхъ въ разное время въ Journal As. Soc. of Bengal. и въ Лондонскомъ азіатскомъ журналѣ, и его капитальный трудъ о литературѣ и религіи Будды (Серампуръ, 1841 г.). Всѣ почти его труды и до сихъ поръ не утратили своего научнаго значенія и неоцѣненны по библіографическимъ указаніямъ.

Найденныя Годсономъ сочиненія важны не только потому, что представляютъ оригиналы тѣхъ произведеній, которыя до того времени были извѣстны только въ переводахъ китайскомъ и тибетскомъ, они едва ли не болѣе достойны нашего вниманія по языку, которымъ написаны.

Языкъ, или одно изъ нарѣчій великой Индіи, на которомъ написаны эти сочиненія, до сихъ поръ обращалъ на себя весьма мало вниманія европейскихъ ученыхъ. Бюрнуфъ, которому мы обязаны первымъ грандіознымъ трудомъ о буддизмѣ, по непальскимъ источникамъ, считалъ языкъ этихъ источниковъ испорченнымъ санскритомъ и полагалъ даже, что упомянутыя сочиненія написаны людьми невполнѣ себѣ усвоившими тонкости классическаго санскрита. Но мнѣніе это, хотя и высказанное великимъ авторитетомъ въ дѣлѣ изученія буддизма, едва ли можетъ быть принято въ настоящее время. Нѣкоторыя грамматическія особенности этого на-

рѣчія встрѣчаются въ сочиненіяхъ, авторамъ которыхъ было бы въ высшей степени странно приписывать незнаніе формъ санскритской грамматики.

Въ непальскихъ хроникахъ языкъ буддійскихъ сочиненій называется *gâthâ*, пѣснь, и это названіе дало поводъ (Bâhu R. Mittra въ Journal of the Royal. As. Soc. of Bengal. tom. XXIII. 606—614) сдѣлать слѣдующее остроумное предположеніе, сопоставляя это названіе съ Kâvi, chandas (*Zend*), и опираясь на то, что особенности, которыми характеризуется этотъ языкъ встрѣчаются въ *однихъ* стихотворныхъ отдѣлахъ сочиненія и притомъ всюду стихи вводятся фразою tatredam ucyate; онъ полагаетъ, что въ самомъ названіи діалекта намъ открывается его происхожденіе, т. е., что онъ преимущественно жилъ въ устахъ бардовъ средневѣковой Индіи. Предположеніе Р. Миттры можетъ быть очень близко къ истинѣ, однакоже не должно упускать одного изъ виду: далеко невсегда особенности діалекта встрѣчаются въ стихотворныхъ произведеніяхъ. Mah â ratha-avd. (сочиненіе, которое я изучаю теперь) написано прозою и стихами, и тѣ особенности, которыя приведены Р. Миттрою въ его статьѣ и которыя мы находимъ въ Вистарѣ (его же изданія), въ упомянутомъ сочиненіи встрѣчаются если и не вполнѣ, однакоже большею частью какъ въ прозаическихъ отдѣлахъ, такъ и въ стихотворныхъ. Этотъ фактъ не ускользнулъ уже отъ Бюрнуфа.

Гаты буддійскихъ сочиненій написаны самыми разнообразными метрами и при этомъ отличаются замѣчательною простотою, и прелестью изложенія; оригинальности языка, по мнѣнію Р. Миттры, могутъ быть объяснены частью: 1) требованіями стихосложенія, частью какъ 2) провинціализмы и наконецъ какъ ошибки въ синтаксисѣ и просодіи. Но едва ли не всего справедливѣе свести всѣ эти особенности къ одному источнику — провинціализму. Весьма нерѣдко въ прозѣ (въ Mahâr A.) попадаются тѣ особенности, подобныя которымъ отнесены Р. Миттрою въ отдѣлъ измѣненій, вслѣдствіе требованія метра, и наконецъ объясненіе третьяго отдѣла дѣломъ вкуса и невниманіемъ остается весьма непонятнымъ! Признавъ нарѣчію гатъ самостоятельность діалекта, мы чрезъ это самое приступаемъ къ вопросу большей важности и несравненно значительнѣйшей трудности; именно, въ какомъ хронологическомъ отношеніи находится это нарѣчіе къ Пали? съ вопросомъ этимъ находятся въ тѣсной связи всѣ задачи по исторіи буддійскихъ сочиненій. Принявшись за изученіе

буддизма только три мѣсяца тому назадъ, естественно, въ настоящее время я далекъ отъ всякой возможности пытаться разрѣшить этотъ вопросъ, и не могу однакоже не указать на мнѣніе того же Р. Миттры; онъ думаетъ, что за 600 лѣтъ до нашей эры санскритъ принялъ форму діалекта Gâthâ, триста лѣтъ по смерти Будды (т. е. въ III столѣтіи до Р. Х.). Пали сдѣлался народнымъ говоромъ на всемъ пространствѣ Индіи, отъ Котска (?) до Катуръ-ди-гири; это по его мнѣнію новый фазисъ въ развитіи санскрита; чрезъ двѣсти лѣтъ появились пракритскія нарѣчія, затѣмъ перешедшія въ новые языки Индіи. Отсюда само собою явствуетъ, что въ гатахъ мы должны признать произведенія бардовъ, современниковъ Сальямуни и непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ поколѣній. Ими воспѣвалось слово и дѣло великаго пророка Магоды, и эти пѣсни послужили, какъ самые достовѣрные источники и матеріалы для его жизнеописанія.

Оставляя за собою право въ послѣдствіи высказаться болѣе опредѣлительно объ этомъ мнѣніи, принадлежащемъ одному изъ первыхъ знатоковъ индійской древности, замѣчу однакоже, что выше изложенная генеалогія языковъ противорѣчитъ очень многимъ общеизвѣстнымъ фактамъ въ исторіи санскритскаго языка, и что наконецъ, признавъ за гатами такую древность, мы едва ли не впадемъ въ крайность противуположную отчаянному скептицизму и уже конечно не во всѣхъ случаяхъ будемъ въ состояніи примирить требованіе исторической критики съ нашимъ мнѣніемъ.

63) Кандидата Андрея Иванова.

Начало моимъ заграничнымъ занятіямъ я, согласно съ мнѣніемъ Н. И. Пирогова, положилъ въ Берлинѣ.

Изученіе греческаго языка—цѣль моей командировки—я счелъ нужнымъ соединить съ изученіемъ древней филологіи вообще, а въ началѣ заняться преимущественно *самыми* языками греческимъ и латинскимъ, поставивши это изученіе въ связь съ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ.

Цѣль, данная мною себѣ въ этомъ отношеніи, состоитъ въ слѣдующемъ: изучить возможно основательнѣе тѣ языки, уяснить себѣ историческую (происхожденіе, измѣненіе) и логическую (смыслъ, духъ) стороны ихъ какъ вообще, такъ и въ частностяхъ (оборотахъ, формахъ, грамматическихъ правилахъ), ознакомиться съ исторіею

пониманія свойствъ этихъ языковъ, начиная съ трудовъ древнихъ греческихъ филологовъ и доводя до настоящаго времени, и наконецъ получше узнать современныя грамматики съ ихъ научной и педагогической стороны.

По невозможности достигнуть всего этого вдругъ, я на первое время счелъ нужнымъ 1) заняться одновременно важнѣйшими изъ болѣе новыхъ грамматикъ того и другаго языка, сравнивая ихъ между собою и съ сравнительными грамматиками родственныхъ языковъ, и 2) изучать древнихъ авторовъ и упражняться въ переводахъ на греческій и латинскій языки.

Я пользуюсь теперь общесравнительною грамматикою Шлейхера сравнительною грамматикою греческаго и латинскаго языковъ Лео Мейера, подробными греческими грамматиками Матіэ, Бутмана, Кюнера и Курціуса (Grundzüge der griech. Etymologie, 2 Bde), и латинскими Цумпта, Кюнера, Мадвига и Шульца. Нѣкоторую помощь оказала мнѣ въ этомъ отношеніи статья Фійльгабера — Lateinische Grammatiken (въ Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien. 1865, II и III Heft, s. 149 — 169), въ которой разобраны и сличены новѣйшія латинскія грамматики. Сюда же относится и изученное мною сочиненіе Шёмана Animadversiones im veterum grammaticorum doctrinam de articulo, Lps. 1864. Здѣсь, въ 1-й главѣ, авторъ подвергъ основательному изслѣдованію весьма запутанное и испорченное мѣсто въ поэтикѣ Аристотеля, въ которомъ опредѣляется значеніе словъ *ἄρθρον* и *σύνδεσμος* (употреблявшихся тогда въ смыслѣ, весьма различномъ отъ того, который они пріобрѣли впослѣдствіи); при этомъ изложены и разъяснены мнѣнія о томъ же Анаксимена (въ Rhet. ad Alex., приписанной Аристотелю), стоиковъ, противника ихъ Аполлонія и др. Къ сожалѣнію, эта глава не отличается ясностью изложенія. 2-я глава посвящена спорамъ древнихъ грамматиковъ о раздѣленіи членовъ на предшествующій имени (*ὁ, ἡ, τό*) и на слѣдующій за нимъ (*ὅς, ἥ, ὅ*). Въ 3-й главѣ — мнѣнія объ употребленіи перваго, а въ 4-й — втораго члена во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Въ послѣднихъ главахъ, Шёманъ имѣетъ въ виду почти исключительно Аполлонія и слѣдовательно не вполнѣ оправдалъ названіе своего сочиненія. Онъ объясняетъ (стр. 67) это тѣмъ, что прочіе грамматики во всемъ слѣдовали Аполлонію, что не совсѣмъ вѣрно. Здѣсь кстати замѣчу, что мною прочтена также брошюра Бреаля De la méthode comparative, appliquée à l'étude des langues

Paris. 1864. Новаго въ ней, правда, ничего нѣтъ, но есть правильное пониманіе дѣла и умная оцѣнка чужихъ изслѣдованій.

Къ сожалѣнію, въ Берлинѣ я не нашелъ въ настоящее время достаточной помощи въ этого рода занятіяхъ. Только доцентъ Іорданъ читаетъ (4 ч. въ недѣлю) латинскую грамматику, стараясь логически и исторически объяснить всѣ формы и правила, при чемъ постоянно прибѣгаетъ къ сравненію съ другими индо-европейскими языками; Муллахъ объявилъ курсъ о греческихъ діалектахъ, но не нашелъ слушателей, отчасти вѣроятно потому, что всѣ его лекціи начинаются въ 7 часовъ утра; Штейнталь въ настоящемъ семестрѣ ничего не читаетъ, относящагося къ моей спеціальности, а Боппъ вовсе не читаетъ лекцій, по болѣзни.

Гораздо бо́льшую помощь оказалъ мнѣ здѣшній университетъ въ толкованіи авторовъ. Я слушаю у Гаупта объясненіе Аристофана на латинскомъ и Горація на нѣмецкомъ языкѣ (8 часовъ) и Плавта у Гепперта.

Сверхъ того, я стараюсь слѣдить за современнымъ движеніемъ науки о классической древности. Въ этомъ помогаютъ мнѣ два книгопродавца, Пейзеръ и Кальвари (Calvary), присылающіе новыя книги, а второй изъ нихъ, кромѣ того, по два раза въ недѣлю всѣ важнѣйшіе, филологическіе, археологическіе и библіографическіе журналы изъ своего philologischer und archeologischer Lese-Cirkel. Кромѣ упомянутыхъ сочиненій Шемана и Бреаля, я тщательно прочелъ сочиненіе Наполеона Histoire de Jules César, T. I., какъ написанное съ большимъ талантомъ и весьма основательною эрудиціею. Самая лучшая часть въ немъ, безспорно, 4 глава 1-й книги — Бассейнъ Средиземнаго моря, превосходно обработанная авторомъ. И въ другихъ мѣстахъ высказывается имъ довольно новыхъ мыслей; напримѣръ, законъ Оппіевъ (539) впервые объясняется раззореніемъ вслѣдствіе войнъ (стр. 159); въ назначеніи особыхъ мѣстъ для сенаторовъ на зрѣлищахъ авторъ проницательно усматриваетъ возвышеніе плебеевъ и посягательство ихъ на права высшихъ классовъ (стр. 169); заслуживаетъ вниманія изслѣдованіе его о количествѣ свободныхъ и рабовъ въ разныя времена Рима и проч. Тѣмъ не менѣе это сочиненіе можно упрекнуть въ разныхъ недостаткахъ — въ слишкомъ большой вѣрѣ въ сказанія о древнѣйшей исторіи Рима (см. 1-ю главу), въ стремленіи сдѣлать свое сочиненіе средствомъ для достиженія политическихъ цѣлей (предисловіе и намеки на стр. 140, 169, 218 и др.) и въ желаніи, отчасти по той же при-

чинѣ, представить Цезаря рыцаремъ безъ пятна и упрека, при чемъ должно было не разъ прибѣгать къ натяжкамъ (стр. 262 слл., 304 слл.; и проч. страницы указываются мною по изд. Плона).

Я постараюсь прочесть важнѣйшія рецензіи этого сочиненія (изъ которыхъ одну—первые два выпуска выходящаго теперь труда Рюстова—я получилъ сегодня), но пока мнѣ извѣстны только статьи о немъ помѣщенныя въ русскихъ изданіяхъ и прочтенныя мною еще въ Россіи, далѣе небольшая статья въ Magazin f. d. Litt. des Auslands (объ одной англійской критикѣ), брошюра Рожара Les propos de Labiénus (въ которой впрочемъ имѣется въ виду не сочиненіе Наполеона, а самъ Наполеонъ подъ видомъ Августа) и П. Ларусса Examen philologique et littéraire de Jules César. Paris. 1865. Но эта послѣдняя рецензія занимается только стилемъ, за исключеніемъ немногихъ, но за то весьма смѣлыхъ, замѣчаній (въ концѣ предисловія и на стр. 6, 21, 22, 23). Русская заграничная литература тоже отозвалась на это сочиненіе тощею и ничтожнѣйшею брошюркою «Жизнь Кесаря». Сочиненіе Наполеона III. Лейпцигъ. 1865. Изд. Е. Л. Каспровича. 9 маленькихъ страничекъ. Ц. 5 sgr. Менѣе чѣмъ на двухъ страничкахъ изложено содержаніе сочиненія Наполеона, а остальныя посвящены всякому вздору, напр. стр. 5 «Блюдо бобовъ: худо приготовленное въ Москвѣ и разстроившее желудокъ Наполеона объясняетъ потерю большой арміи въ 1812 г.». (Правописаніе удержано). Судя по языку, правописанію, направленію и наконецъ по издателю, должно заключать, что авторъ этой брошюрки полякъ. Но въ Лейпцигѣ же въ 1864 г. вышло совсѣмъ другаго рода сочиненіе на русскомъ языкѣ, относящееся къ классическому міру — это «Біографіи Зевксиса, Паррасія, Апеллеса и Протогена», изд. М. Желѣзновымъ. Странно здѣсь то, что 1-й заглавный листъ гласитъ, что это вторая часть переведенныхъ г. Желѣзновымъ сочиненій Вазари, на 2-мъ листѣ г. Желѣзновъ себя выдаетъ за автора, а въ предисловіи онъ увѣряетъ, что это переводъ сочиненія Карла Дати. Не будучи знакомъ ни съ Вазари ни съ Дати, я не знаю, кому приписать это сочиненіе, но только не г. Желѣзнову, цитирующему греческихъ писателей въ итальянской формѣ, напр. Plutar. vita *di* Pericle и т. п.

Важнѣйшія изъ изслѣдованій, прочтенныхъ мною въ журналахъ, были Риттера Die römischen Flotten bei Bonn und Boulogne, die Pfalbrücken des Julius Caesar bei Bonn und Neuwied (въ которой между прочимъ основательно разсмотрѣны и впервые удовлетворительно

объяснены слова Флора: Bonnam (Боннъ) et Gesoriacum (Bononiam, Boulogne) pontibus junxit classibusque firmavit), Ричля Ino Leukothea (изслѣдована одна статуэтка, при чемъ изложены всѣ мѣста древнихъ о спасительницѣ Одуссея Леѵкоѳеѣ *). Обѣ статьи помѣщены въ Jahrbücher des Vereins von Alterthums-Freunden im Rheinlande; Nikolai, Ueber die Verbannung des Xenophon, Келлера Lateinische Etymologien, гдѣ удачно разъяснены многія латинскія слова напр. Діана Di-jana, и это имя поставлено въ связь съ Янусомъ (въ Jahrbücher für classische Phylologie); Гульча das griechische altische Talent bei Priscianus und Dardanus (въ Phylologus). Считаю не лишнимъ сообщить о нѣкоторыхъ новыхъ открытіяхъ. Такъ американецъ Вольеръ открылъ древнѣйшій италійскій городъ Умбрію (Mag. f. d. litt. d. ausl. № 28), въ Помпеяхъ найденъ новый римскій календарь (Philologus, II, 381), а недалеко отъ Брюсселя найдена неизвѣстная до сихъ поръ римская монета временъ союзнической войны, замѣчательная тѣмъ, что показываетъ, что Серторій еще до диктатуръ Суллы, Помпея, Цезаря, рѣшился чеканить монету (правда, въ Испаніи) съ своимъ портретомъ и именемъ (Jahrb. d. Ver. v. Alt-Fr. im Rheinl.). Такъ рано появляются зачатки имперіи!

Я просматривалъ еще нѣкоторые педагогические журналы и многія новыя сочиненія (напр. Rhythmik v. Westphal, Der echte und unechte Juvenal v. Ribbeck и пр.), но по недостатку времени не могъ ознакомиться съ ними основательно.

Берлинъ, 30-го іюня / 1-го іюля 1865 года.

64) Кандидата Григорія Кустовскаго.

Мѣстомъ своихъ занятій за границей я избралъ, на первый разъ, Берлинъ, между прочимъ и потому уже, что здѣсь находится теперь Н. И. Пироговъ, къ которому, тотчасъ по пріѣздѣ, я имѣлъ честь представиться и получить отъ него полезные совѣты относительно плана моихъ занятій. Посѣщая впродолженіи нѣкотораго времени университетскія чтенія, сначала только съ цѣлію оріентироваться въ новой средѣ, я пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что,

*) О моемъ правописаніи греческихъ словъ см. мою статью о переводѣ одной рѣчи Цицерона. Кіевъ 1864. (Изд. Ред. К. Т. стр. 25 сл.). Здѣсь же замѣчу кстати, что я начинаю нѣмецкія существительныя маленькою буквою по основательнымъ примѣрамъ Гримма, Шлейхера, Миклошича, Куна и др.

не теряя по напрасну времени, могу съ пользою слушать здѣсь только профессоровъ: Гаупта и Гюбнера.

Приготовляя себя, по предложенію г. министра народнаго просвѣщенія, къ преподаванію греческаго языка, я никакъ не могу назначать изученію этого предмета предѣловъ, которые бы не совпадали съ предѣлами изученія древней классической филологіи вообще. И потому, поставляя для себя задачей выслушать, впродолженіи двухгодичнаго пребыванія за границей, по возможности полный циклъ наукъ, имѣющихъ предметомъ древне-классическую жизнь, я нахожу, однакожъ, на первый разъ, наиболѣе сообразнымъ съ цѣлію ограничить свои занятія изученіемъ однихъ классическихъ писателей и притомъ по преимуществу греческихъ. Слушать здѣсь полные курсы, представляющіе цѣлостное изложеніе какой нибудь науки по древней филологіи, я нахожу, на первый разъ, неудобнымъ потому, во первыхъ, что надѣюсь впослѣдствіи слушать такіе курсы съ большею пользою, послѣ болѣе полнаго, непосредственнаго ознакомленія съ первичными источниками тѣхъ свѣдѣній, которыя должны составлять содержаніе всякой филологической науки, а во вторыхъ потому, что самые эти курсы, въ настоящій лѣтній семестръ, не представляютъ особенно привлекательныхъ сторонъ, ради которыхъ можно бы было жертвовать для нихъ временемъ, въ виду другихъ, болѣе существенныхъ по времени, потребностей. Эти соображенія не могутъ простираться только на курсъ энциклопедіи филологическихъ наукъ, читаемый профессоромъ Бёкомъ. Но, къ сожалѣнію, я нахожу невозможнымъ слушать и этотъ курсъ, хотя на основаніяхъ совершенно другаго рода. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ уже, по необходимости надобно ограничиться остальными объявленными на этотъ семестръ и дѣйствительно читаемыми предметами. Ихъ читаютъ Гауптъ и Гюбнеръ.

Профессоръ Гауптъ объясняетъ въ этомъ семестрѣ комедію Аристофана Ахарняне и письма Горація. Немного именъ, пользующихся въ Германіи вполнѣ заслуженною, громкою извѣстностію, можно поставить на ряду съ Гауптомъ. Это одинъ изъ лучшихъ представителей филологической науки въ томъ направленіи, какое она приняла, въ послѣднее время, въ Германіи. Направленіе это, по преимуществу критическое и удовлетворяющее, конечно, одной только, но за то самой существенной, потребности науки имѣть твердую опору для своихъ отправленій, признается нѣмецкими учеными почти единственной средой, на которой можно съ достоин-

ствомъ и пользою трудиться. Эта мысль весьма рельефно выражена въ предисловіи къ Index lectionum на текущій лѣтній семестръ въ здѣшнемъ университетѣ. Olim prisci illi homines, говоритъ авторъ (по всей вѣроятности Бекъ), et mente tardiores veterum scripta antequam emendare temptarent intellegere anxio quodam et inliberali studio adlaborabant: nunc multi didicerunt facere aliquem posse intellegendo ut nihil intellegat, ideoque *sordidum illud ac periculosum intellegendi studium* cautissime devitant et *tutiori se atque gloriosiori emendandi negotio* totos tradunt. И дѣйствительно, результаты ихъ работъ, въ этомъ направленіи, можно видѣть въ каждомъ новомъ изданіи древнихъ авторовъ, въ журнальныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ брошюрахъ, въ родѣ напр. недавно вышедшей здѣсь: Der echte und unechte Juvenal. Довольно, кажется, самаго поверхностнаго знакомства, хотя съ нѣкоторыми явленіями этой категоріи, чтобъ убѣдиться въ неосновательности довольно распространеннаго у насъ мнѣнія, будто филологія есть наука уже совершенно законченная, въ которой все уже tritum pertritum, такъ что, дескать, знакомому съ ея конечными результатами ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только сидѣть, сложа руки. Нѣмецкая литература и профессорскія лекціи германскихъ университетовъ даютъ этому мнѣнію рѣшительное dementi, доказывая практически на каждомъ шагу, что къ древней филологіи въ настоящемъ ея состояніи, также какъ и ко всякой другой области человѣческаго вѣдѣнія, какъ нельзя больше идутъ стихи Лафонтена:

Ce champs ne se peut tellement moissoner
Que le dernier venu n'y trouve à glaner.
Tous les jours nos auteurs y font des découvertes.

Съ точки зрѣнія этого, господствующаго въ наукѣ, направленія и профессоръ Гауптъ относится къ объясняемымъ имъ авторамъ въ университетской аудиторіи. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ чтенія его ограничивались одной только критикой текста: необходимыя свѣдѣнія, касательно гражданскаго, религіознаго и семейнаго быта древнихъ, онъ всегда сообщаетъ съ достаточной полнотой, на сколько этого требуетъ разбираемое мѣсто автора; иногда даже такія свѣдѣнія совершенно необходимы, какъ доказательство испорченности текста или ложнаго, по его мнѣнію, пониманія даннаго мѣста кѣмъ нибудь другимъ. Само собою разумѣется при этомъ, что всѣ дѣльныя замѣчанія профессора могутъ быть поняты

и съ пользою усвоены только послѣ предварительнаго, самаго тщательнаго, ознакомленія съ комментируемымъ мѣстомъ на дому, при чемъ должно быть обращено вниманіе на тѣ стороны предмета, на которыхъ профессоръ не считаетъ нужнымъ останавливаться; необходимо также предварительное знакомство съ болѣе существенными трудами экзегетики, касающимися объясняемаго автора. Для Аристофана такимъ пособіемъ служитъ: Dindorf, Annotationes in Aristophanem. Oxon. 1837.

Гюбнеръ читаетъ римскія древности и эпиграфику, съ знаніемъ дѣла и живымъ сочувствіемъ къ своему предмету. Посѣщая этотъ курсъ, собственно для того, чтобъ сколько нибудь ознакомиться съ совершенно новой для меня наукой надписей, которую основательно намѣренъ изучать только впослѣдствіи, я теперь по преимуществу посѣщаю его объясненія Платонова Convivium.

Но, поставляя для себя главною цѣлію какъ можно полнѣе приготовиться къ слушанію курсовъ, которые будутъ объявлены на зимній семестръ, и къ участію въ филологической семинаріи, я считаю теперь необходимымъ заняться по преимуществу изученіемъ греческаго языка, и потому бо́льшую часть своего времени посвящаю чтенію на дому греческихъ авторовъ и хорошихъ грамматикъ. Въ числѣ послѣднихъ рѣзко выдается, по своимъ достоинствамъ, грамматика Курціуса, вслѣдствіе примѣненія къ греческому языку результатовъ сравнительнаго языковѣдѣнія, чѣмъ вносится необыкновенная ясность въ самыя странныя, по видимому, явленія языка. Постоянно указывая на корни словъ, послѣ предварительнаго изложенія фонетическихъ законовъ языка, авторъ даетъ читателю возможность самому, такъ сказать, наглядно наблюдать всѣ фазисы духовнаго процесса, изъ простыхъ звуковыхъ элементовъ создающаго органическое, изящное цѣлое.

Берлинъ, $^{24}/_{12}$ іюня 1865 года.

65) Кандидата А. Орлова.

Общій составъ преступленія. (Corpus delicti, Thatbestand).

Какъ въ дѣйствительной жизни ничто не существуетъ въ общемъ понятіи, но осуществляется только въ видовыхъ проявленіяхъ его, такъ и человѣческія дѣйствія, какъ преступныя, такъ и непреступныя, проявляются въ видѣ только тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ опредѣленныхъ дѣйствій. И законъ, такъ какъ онъ именно

имѣетъ своимъ назначеніемъ жизнь дѣйствительную, также можетъ относиться только къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ человѣка. Однако, какъ разумъ человѣческій, по своей природѣ, имѣетъ свойство, все существующее индивидуальное возводить къ общности, общему понятію, и созерцать это индивидуальное, какъ форму проявленія того общаго понятія; такъ равно и право и законъ, въ формѣ ли обычая, или lex scripta, опредѣляя для извѣстныхъ дѣйствій извѣстныя юридическія послѣдствія, долженъ изъ отдѣльныхъ дѣйствій, которыя могутъ являться въ жизни и противъ которыхъ онъ направленъ, отвлекать ихъ понятіе, но которое, какъ и вообще все добытое отвлеченіемъ, проявляется въ самой жизни не непосредственно, а только въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, отъ которыхъ оно отвлечено. Такимъ образомъ преступленіе въ законѣ можетъ представляться только какъ родовое понятіе; а такъ какъ понятіе рода есть нѣчто опредѣленное, представляющее собою нѣчто цѣлое, которое противополагается всему, внѣ его лежащему, то, слѣдовательно, и обозначенное въ законѣ преступленіе можетъ быть только какъ опредѣленный родъ—убійства, воровства, разбоя и т. п. Каждый подобный родъ преступленія получаетъ свою опредѣленность черезъ совокупность признаковъ, изъ которыхъ онъ состоитъ и которыми онъ и отличается отъ другихъ родовыхъ понятій преступленія. Обозначеніе этихъ признаковъ необходимо принадлежитъ закону, и только этимъ онъ и можетъ ограничиться. Что же касается до опредѣленія понятія рода преступленія, то собственно это уже не дѣло закона, а скорѣе науки, которая должна образовать его изъ опредѣленныхъ въ законѣ признаковъ. Однако само собою разумѣется, что понятіе, хотя и не ясно высказанное въ законѣ, во всякомъ случаѣ должно лежать въ основаніи его, такъ какъ въ противномъ случаѣ наукѣ было бы невозможно вывести его оттуда.

Но наука можетъ и должна идти еще далѣе: она должна вывести изъ различныхъ, указанныхъ въ законѣ, родовъ преступленія, общее понятіе его, подобно тому, какъ законодатель выводитъ изъ отдѣльныхъ встрѣчающихся въ жизни преступныхъ дѣйствій общее родовое понятіе этихъ дѣйствій. Безъ всякаго сомнѣнія, законодатель, угрожая извѣстнымъ дѣйствіямъ наказаніемъ и объявляя ихъ такимъ образомъ преступленіями, имѣлъ при этомъ исходною точкою общее понятіе преступленія и только потому и объявилъ эти дѣйствія преступленіями, что онъ призналъ въ нихъ это общее понятіе,

только въ особенномъ видѣ и формѣ. Иначе, должно было бы принять, что законодатель дѣйствовалъ по произволу, и все уголовное право должно было бы разсматривать не какъ результатъ права и необходимости, а скорѣе какъ дѣло случая. Конечно, опредѣлить это общее понятіе въ законѣ было бы не умѣста, или по крайней мѣрѣ то положеніе законодательнаго кодекса, въ которомъ было бы высказано это общее понятіе, нельзя было бы считать настоящимъ закономъ; это положеніе вовсе не содержало бы въ себѣ того, что могло бы быть примѣнено къ жизни непосредственно; ибо, какъ вообще ничего не существуетъ въ общемъ понятіи, такъ и не можетъ быть въ дѣйствительной жизни и преступленія вообще, а только извѣстный родъ его. Однако, тѣмъ не менѣе, это понятіе преступленія вообще не лишнее, потому что, хотя въ нѣкоторой степени, а именно на сколько положительное право народа есть выраженіе живущаго въ немъ юридическаго чувства, и вѣренъ тезисъ, что это понятіе преступленія заключается во всеобщемъ юридическомъ чувствѣ народа, и конечно въ спискѣ преступленій новѣйшихъ законодательствъ нѣтъ вовсе или весьма мало такихъ, при которыхъ здравый юридическій смыслъ соблазнялся бы при обложеніи ихъ наказаніемъ; однако какъ наука, такъ и практика этимъ удовлетворяться не можетъ, ибо первая имѣетъ въ виду ясное, убѣдительное пониманіе дѣла, а не одно чувство, а относительно другой никакъ нельзя сказать, чтобы она вовсе не имѣла никакой нужды въ этомъ общемъ понятіи. Такъ, если уже однажды признано и не можетъ подвергаться сомнѣнію, что дѣйствія, принимаемыя въ законодательствѣ за преступленія, признаны ими только потому, что въ нихъ осуществляется общее понятіе преступленія, то отсюда явствуетъ, что хотя бы дѣйствіе по своему внѣшнему проявленію и имѣло бы весьма большое сходство съ преступленіемъ, однако оно все таки не можетъ считаться имъ, если не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ опредѣляющихъ то понятіе преступленія признаковъ. Такимъ образомъ, это понятіе имѣетъ не только теоретическое, но и непосредственно практическое значеніе, и потому то въ этомъ отношеніи весьма важно подробно изслѣдовать тѣ отдѣльныя составныя части, изъ которыхъ оно состоитъ. Долженъ-ли законъ, подобно тому, какъ это составляетъ его обязанность при отдѣльныхъ преступленіяхъ, указать, какіе признаки принадлежатъ къ понятію преступленія вообще,—составляетъ собою вопросъ, который съ точки зрѣнія положительнаго права слѣдуетъ обойти молчаніемъ,

такъ какъ ни одно изъ новѣйшихъ законодательствъ не даетъ подобнаго опредѣленія, или вовсе, или не вполнѣ. Само собою разумѣется, что здѣсь не удовлетворяетъ собою обыкновенное, хотя и совершенно правильное, однако по существу своему только формальное опредѣленіе преступленія, какъ дѣйствія или упущенія, запрещеннаго въ уголовномъ законѣ подъ страхомъ наказанія, ибо здѣсь дѣло идетъ объ общемъ понятіи, изъ котораго вышелъ законодатель при назначеніи за извѣстныя дѣйствія наказанія и при обозначеніи ихъ какъ преступленій. Обстоятельство, что извѣстныя дѣйствія угрожаются наказаніемъ, еще не даетъ никакого объясненія о существѣ этихъ дѣйствій, также какъ оно и никакимъ образомъ не можетъ считаться признакомъ или составною частію этихъ дѣйствій. Но во всякомъ случаѣ это общее понятіе преступленія лежитъ въ основаніи всѣхъ отдѣльныхъ, обозначенныхъ въ новѣйшихъ законодательствахъ, преступленій, такъ что оно вполнѣ содержится въ каждомъ изъ нихъ. И такимъ образомъ, если отъ отдѣльныхъ родовъ преступленія отнять именно то, посредствомъ чего они пріобрѣтаютъ качество того или другаго опредѣленнаго рода, то въ остаткѣ должна быть, какъ иначе и быть не можетъ, только совокупность тѣхъ признаковъ, которые принадлежатъ къ преступленію вообще.

Опредѣлить это понятіе преступленія вообще и разсмотрѣть его отдѣльныя составныя части какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной стороны, — т. е. не только показать, почему одни отдѣльные признаки его считаются общими, но и почему другіе не могутъ быть приняты въ то общее понятіе, — есть одна изъ главныхъ задачъ общей части науки уголовнаго права. И дѣйствительно, ученіе объ общемъ составѣ преступленія занимаетъ весьма важное мѣсто въ системѣ общей части новѣйшихъ учебниковъ уголовнаго права. И въ особенной части науки при каждомъ преступленіи первая потребность состоитъ въ опредѣленіи особеннаго его состава, ибо только отсюда и можетъ быть выведено, или вообще ясно понято законное понятіе этого преступленія *). Относительно осо-

*) Весьма справедливо замѣчаетъ Луденъ (второй томъ Abhandlungen aus dem gemeinen teutsch. Strafrechte. Gottingen. 1840), что, хотя и можетъ казаться цѣлесообразнымъ для учебника идти путемъ аналитическимъ, т. е., опредѣлить сперва понятіе отдѣльнаго преступленія и потомъ разлагая его на составныя части, выводить такимъ образомъ составъ; однако, съ логической стороны, болѣе правиленъ систематическій методъ, которому напр. слѣдуетъ въ своемъ учебникѣ Мартинъ,

беннаго состава отдѣльныхъ преступленій и именно относительно вопроса, что должно быть принято въ него, не существуетъ существеннаго различія во мнѣніяхъ, по крайней мѣрѣ на сколько вообще дѣло идетъ о принципѣ; такъ какъ и тѣ криминалисты, которые не вполнѣ сходятся между собою во мнѣніяхъ относительно общаго состава преступленія, совершенно однообразно и согласно опредѣляютъ особенный составъ многихъ отдѣльныхъ преступленій. Конечно, хотя при нѣкоторыхъ отдѣльныхъ преступленіяхъ и случается, что иные считаютъ признакомъ состава ихъ то, что по взгляду другихъ не можетъ быть туда принято, однако это различіе мнѣній касается только того вопроса, признается ли это условіе вообще необходимымъ законами для состава того преступленія; ибо и тѣ, которые отрицаютъ это, нимало бы не сомнѣвались принять его въ составъ преступленія, если бы по ихъ воззрѣнію законы требовали его для понятія того преступленія. Подобныя сомнѣнія относятся напр. къ тому, принадлежитъ ли къ составу оконченнаго преступленія дѣтоубійства жизненность ребенка, къ составу третьяго воровства предшествующее двукратное наказаніе за воровство и т. п., что́ нѣкоторые утверждаютъ, а другіе отрицаютъ. Однимъ словомъ, не можетъ быть здѣсь особеннаго противорѣчія уже потому, что существуетъ положеніе, что особенный составъ отдѣльнаго преступленія образуется и представляется въ томъ дѣйствіи, которое заключаетъ въ себѣ всѣ признаки, требуемые законами для этого опредѣленнаго преступленія, и что слѣдовательно совокупность этихъ признаковъ и составляетъ составъ его.

Но не такъ согласны между собою, напротивъ, криминалисты относительно общаго состава преступленія, такъ какъ здѣсь существуютъ различныя воззрѣнія относительно вопроса о томъ, что именно должно считаться принадлежащимъ къ нему, что именно должно быть принимаемо въ него. По воззрѣнію однихъ, къ общему составу преступленія принадлежатъ всѣ какъ объективные, такъ и субъективные признаки, включая именно сюда и вмѣняемость (Мартинъ, Вехтеръ, Геффтеръ, Абеггъ и др.), между тѣмъ какъ по мнѣнію другихъ, хотя сюда и должны быть приняты всѣ

а именно: сперва разсмотрѣть отдѣльные признаки, которые требуетъ законъ для опредѣленнаго преступленія и изъ нихъ уже вывести наконецъ въ видѣ результата понятіе его.

объективные признаки, но субъективные же лишь на столько, по скольку они не содержатся во вмѣняемости (Stübel, Луденъ); по третьему же воззрѣнію, кажется, напротивъ, къ общему составу преступленія принадлежатъ субъективные признаки вовсе не безусловно и обыкновенно, такъ какъ о субъеткивномъ составѣ можно говорить только при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, при которыхъ для образованія опредѣленнаго преступленія требуется особенное качество воли *). Также по мнѣнію однихъ составною частію общаго состава преступленія является условіе наказуемости дѣйствія (Вехтеръ, Мартинъ и др.), что другими однако отрицается; наконецъ, по мнѣнію однихъ къ составу преступленія принадлежатъ только существенные признаки (essentialia delicti), существованіе которыхъ необходимо для понятія преступленія (Мартинъ, Абеггъ), напротивъ, по воззрѣнію другихъ, сюда должны быть причислены и несущественные признаки, которые или необходимы для примѣненія обыкновеннаго наказанія (naturalia delicti), или которые имѣютъ вліяніе на отягченіе или смягченіе наказанія (accidentalia delicti) (Вехтеръ).

Вообще, выраженіе corpus delicti не встрѣчается въ источникахъ общаго германскаго права, однако изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы это понятіе было чуждо имъ; напротивъ, и въ нихъ уже ясно признается основное правило — ut ante omnia constare debeat de delicto, или, какъ выражались позднѣе, de corpore delicti, прежде чѣмъ могло быть начато противъ извѣстнаго лица формальное слѣдствіе (special Inquisition), съ чѣмъ совершенно согласны и всѣ позднѣйшіе итальянскіе практики. Именно подъ этимъ разумѣется только то, что вообще должна существовать полная достовѣрность совершеннаго преступленія, прежде нежели могло бы быть начато противъ извѣстнаго лица, какъ виновника его, формальное слѣдствіе. Ибо слѣдствіе противъ извѣстнаго лица имѣетъ своею цѣлію открыть не то, совершено ли вообще преступленіе; столь же мало оно представляетъ собою изслѣдованіе того, кто между нѣсколькими или многими лицами, противъ которыхъ не существуетъ никакого осо-

*) Фейербахъ, — Lehrbuch, § 82, который причисляетъ къ тому, что всегда принадлежитъ къ составу преступленія, только извѣстные признаки внѣшняго дѣйствія, между тѣмъ какъ извѣстныя субъективныя въ душѣ преступника лежащія основанія противозаконности дѣйствія, какъ напр. animus lucri faciendi при воровствѣ, состояніе аффекта при Todtschlag, только часто (слѣдовательно не всегда) должны быть составною частію состава.

беннаго подозрѣнія, могъ бы совершить его; напротивъ, оно имѣетъ въ виду непосредственно изслѣдовать, совершило ли его отдѣльное опредѣленное лицо, противъ котораго то слѣдствіе направлено. Вслѣдствіе этого, формальное слѣдствіе (special Inquisition) необходимо предполагаетъ два условія: во 1-хъ, достовѣрность самаго совершеннаго преступленія и, во 2-хъ, основанія подозрѣнія противъ отдѣльнаго лица, по которымъ именно противъ него, а не противъ другаго, и направляется то слѣдствіе. Но второе предположеніе формальнаго слѣдствія, а именно, что противъ извѣстнаго лица должны быть особенныя основанія подозрѣнія, можетъ существовать не прежде, какъ уже оправдалось первое предположеніе, т. е. достовѣрность самаго совершеннаго преступленія. Но какъ было бы логическимъ противорѣчіемъ начать вообще розыски противъ извѣстнаго лица, какъ виновника преступленія, прежде нежели существуетъ достовѣрность, что это преступленіе дѣйствительно совершено, такъ было бы въ высшей степени несправедливо безъ этой достовѣрности начать формальное противъ него слѣдствіе. Ибо, такъ какъ оно по своей природѣ ведетъ за собою для подвергающагося ему вредныя и притомъ большею частію не вознаградимыя послѣдствія, то совершенно справедливо поставить непремѣннымъ условіемъ, чтобы формальное слѣдствіе не начиналось безъ достаточныхъ основаній подозрѣнія; а такъ какъ всѣ основанія подозрѣнія становятся таковыми только потому, что они заключаютъ въ себѣ отношеніе между объектомъ преступленія и его субъектомъ, то изъ этого слѣдуетъ само собою, что формальное слѣдствіе можетъ по справедливости быть начато только тогда, когда достовѣрность перваго вполнѣ доказана и существуетъ.

Конечно, это условіе, что до начала слѣдствія противъ извѣстнаго лица должна быть совершенно достовѣрна объективная сторона преступленія, естественно не можетъ ограничиваться слѣдственнымъ, но существуетъ въ полной силѣ и для обвинительнаго процесса; ибо хотя здѣсь слѣдствіе начинается и не ex officio, а только вслѣдствіе обвиненія, однако оно все же остается для невинно привлеченнаго къ нему несправедливо постигшимъ его и большею частію неисправимымъ зломъ. Однако, при чисто обвинительномъ процессѣ, какъ онъ существовалъ наприм. въ римскомъ правѣ, по существу дѣла, это условіе должно было существовать въ иномъ видѣ, нежели въ слѣдственномъ процессѣ. Такъ, по римскому праву, хотя обвинительный процессъ былъ только дѣломъ,

тяжбою, между обвинителемъ и обвиняемымъ, и оффиціальное лицо не принимало въ немъ никакого участія, однако утвержденіе, что преступленіе совершено какъ вообще, такъ и опредѣленнымъ обвиняемымъ въ томъ лицомъ, принадлежало къ основанію обвиненія, которое, въ случаѣ отрицанія противной стороны, обвинитель долженъ былъ доказать. Чтобы теперь никто не могъ быть поставленъ въ состояніе обвиненія безъ этото вѣрнаго основанія, о родѣ и способѣ обвиненія должны были быть опредѣлены такія правила, чтобы каждый ими удерживался отъ возбужденія неосновательныхъ обвиненій. И для этого въ римскомъ правѣ существовало достаточное обезпеченіе, частію въ предписаніи, что въ обвиненіи должно быть ясно указано, какимъ образомъ и подъ какими обстоятельствами, кѣмъ и противъ кого совершено преступленіе, частію же въ правѣ предварительнаго разсмотрѣнія обвиненія, которое принадлежало претору для цѣли допущенія или недопущенія его, а частію въ in crimen subscriptio, также какъ и въ угрозѣ тяжкими наказаніями за ложное обвиненіе (calumnia), которымъ подвергался обвинитель, если онъ не могъ доказать своего обвиненія. При такихъ основныхъ правилахъ процесса не было никакой нужды еще особенно подтверждать, что достовѣрность самаго содѣяннаго преступленія должна существовать, прежде нежели обвиняемый былъ бы поставленъ въ состояніе обвиненія; это понятно было само собою, такъ какъ безъ этой достовѣрности никто не могъ уже покушаться выставить противъ кого либо обвиненіе; даже обвинитель не могъ и этимъ ограничиваться; онъ еще, кромѣ того, долженъ былъ утверждать и доказать, что преступленіе было совершено опредѣленнымъ, имъ обвиняемымъ, лицомъ. Но если такимъ образомъ его утвержденіе и его доказательство направлялись въ одно и то же время какъ на субъективную, такъ и на объективную сторону преступленія, и доказательство относительно втораго должно было содержать въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство и относительно перваго, то римскимъ юристамъ, по скольку они имѣли въ виду обвинительный процессъ, вовсе не могло придти на мысль — объективную сторону преступленія разсматривать въ отдѣльности отъ субъективной. Этому то обстоятельству, безъ сомнѣнія, и можно приписать то, что въ римскомъ правѣ нигдѣ нѣтъ для обвинительнаго процесса яснаго опредѣленія, что прежде всего должна быть достовѣрна объективная сторона преступленія, прежде чѣмъ можно было приступить къ разсмотрѣнію вопроса о виновности.

Напротивъ, иное дѣло при слѣдственномъ процессѣ, который возбуждается или вчинается ex officio judicis. Хотя officium judicis можетъ здѣсь, несомнѣнно, простираться и на общее изслѣдованіе о томъ, совершено ли и кѣмъ совершено преступленіе, такъ какъ вслѣдствіе таковаго предварительнаго изслѣдованія никто изъ отдѣльныхъ лицъ не претерпѣваетъ никакого нарушенія, однако ревность исполнителя можетъ побуждать его идти на этомъ пути далѣе, такъ что объективную сторону преступленія онъ можетъ стараться открыть изслѣдованіемъ субъективной; иными словами, доказательство, что преступленіе совершено, изыскивать такимъ образомъ, что подъ предположеніемъ его на время, начать слѣдствіе противъ опредѣленнаго лица, какъ виновника его, чтобы посредствомъ его признанія добыть доказательство, что преступленіе дѣйствительно совершено. Но очевидно, что подобный путь никакъ нельзя совмѣстить со справедливостію. Потому то для слѣдственнаго процесса необходимо или по крайней мѣрѣ цѣлесообразно ясно высказанное правило, что достовѣрность самаго совершеннаго преступленія должна существовать, прежде нежели могло бы быть начато формальное слѣдствіе противъ опредѣленнаго лица. И дѣйствительно это правило высказано какъ въ римскомъ правѣ, такъ и въ constitutio criminalis Carolina.

Хотя римское уголовное судопроизводство имѣло своимъ существеннымъ основаніемъ обвинительный процессъ, однако въ періодъ императорскій онъ много утратилъ изъ своей первоначальной чистоты и все болѣе принималъ въ себя слѣдственныя начала, такъ что наконецъ пытки могли употребляться и противъ свободныхъ, и многіе органы государственной власти имѣли право и обязанность ex officio преслѣдовать и наказывать преступниковъ, какъ въ отношеніи болѣе тяжкихъ и болѣе опасныхъ преступленій вообще, такъ и многихъ преступленій въ особенности, которыя считались особенно важными и особенно достойными наказанія. Конечно, римское право еще не дѣлаетъ различія между формальнымъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, однако для той стадіи формальнаго слѣдствія, при которой обнаруживается самымъ яснымъ образомъ, что оно содержитъ въ своемъ примѣненіи противъ невиннаго величайшую несправедливость, а именно относительно пытокъ, ясно высказана необходимость достовѣрности объективной стороны преступленія. Относящееся сюда мѣсто заключается въ главѣ ad Senatus consultum Silanianum (Totus tit. D. de S. C. Silaniano — 29, 5.), по

которому рабы убитаго, которые имѣли возможность оказать помощь своему господину, но не дѣлали этого, могли подвергнуться пыткѣ и наказанію. Здѣсь говоритъ Ульпіанъ въ L. 1. § 24. D., h. t. «Item illud sciendum est, nisi constet, aliquem esse occisum, non haberi de familia quaestionem. Liquere igitur debet, scelere interemtum, ut senatus consulto locus sit». Подобное же предписаніе принадлежитъ императорамъ Северу и Антонину L. 1. C. ubi causae fiscal. agantur, 3. 26: «Non defensae mortis quaestionem apud procuratores nostros non oportere tractari nec bona a fisco peti posse, priusquam de crimine constiterit apud eum, cui convictis poenam irrogare licet, quis est, qui ignorat?» Слѣдовательно, еще до употребленія пытокъ противъ рабовъ, должно быть объективно доказано не только, что господинъ былъ мертвъ, но и то, что онъ лишился жизни вслѣдствіе преступленія, а не вслѣдствіе самоубійства или другимъ какимъ образомъ. Но если достовѣрность объективной стороны считалась необходимою даже и тогда, когда дѣло шло о примѣненіи пытокъ противъ рабовъ, то тѣмъ болѣе то же самое предположеніе должно было имѣть мѣсто въ отношеніи къ свободнымъ. Если такимъ образомъ римскіе юристы при вопросѣ о примѣненіи пытокъ вообще требуютъ только, чтобы ихъ не употребляли безъ ясныхъ уликъ, не говоря при этомъ особенно, что сюда принадлежитъ прежде всего достовѣрность самаго совершенія преступленія, однако не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что это предположеніе имѣлось ими въ виду, ибо основанія подозрѣнія получаютъ свое качество, какъ таковыя, только вслѣдствіе того, что обстоятельства, на которыхъ они основываются, могутъ быть приведены въ отношеніе къ содѣянному преступленію, такъ что безъ достовѣрности самаго содѣяннаго преступленія не можетъ быть и рѣчи объ основаніи подозрѣнія или уликъ. Но Каролина прямо начинаетъ тѣ статьи (ст. 6 и слѣд.), которыя говорятъ о преслѣдованіи преступниковъ ex officio, предписаніемъ, что никто, хотя бы ему народная молва и приписывала совершеніе преступленія, не долженъ подвергаться пыткѣ, если передъ этимъ правдивое и удовлетворительное показаніе и предположеніе относительно этого злодѣянія не оправдаетъ достовѣрность того слуха. Потомъ ст. 6 продолжаетъ: «darzu soll auch ein jeder richter in diesen grossen sachen vor der peinlichen frage, soviel möglich und nach gestalt und gelegenheit einer jeder sachen, beschehen kann, sich erkundigen und fleissig nachfragens haben, ob die missethat, darumb der angenommene berüchtiget und verdacht, auch beschehen sei oder nit».

Эти именно мѣста и имѣли преимущественно въ виду практическіе юристы при развитіи ученія о corpus delicti.

Уже глосса дѣлаетъ замѣчаніе къ L. 1 § 24 cit. «Sed hic quaestio non fit, nisi eum liquet, eum scelere interemtum, ut hic. Num quid ergo fit quaestio semper, quando liquet? Respondeo, liquere debet, eum scelere defunctum, etsi persona ignoretur, quae fecerit; ad personam ergo declarandam fit quaestio, quae ignorari potest, etiamsi constet, eum scelere occisum». Такимъ образомъ глосса различаетъ двойное направленіе, которое существуетъ въ каждомъ слѣдствіи, а именно объективное, которое, не обращая вниманія на лицо виновника, имѣетъ въ виду только опредѣлить достовѣрность, что преступленіе дѣйствительно совершено, и субъективное, которое имѣетъ въ виду изслѣдованіе виновности. Но объективное направленіе слѣдствія должно привести къ результату (liquere debet, eum scelere defunctum), прежде чѣмъ будетъ приступлено къ формальному слѣдствію противъ извѣстнаго лица, какъ виновника, къ quaestio ad declarandam personam.

Послѣдователи глоссаторской школы, итальянскіе практики XIII вѣка, которые преимущественно писали съ точки зрѣнія общеупотребительнаго тогда слѣдственнаго процесса, равнымъ образомъ отдѣляли въ своихъ сочиненіяхъ субъективную сторону преступленія отъ объективной, и именно въ томъ значеніи, что достовѣрность этой послѣдней должна быть опредѣлена прежде начала слѣдствія противъ извѣстнаго опредѣленнаго лица. Albertus Gandinus (въ своемъ сочиненіи Libellus super maleficiis) называетъ эту достовѣрность veritas facti и требуетъ, чтобы судья пріобрѣлъ ее своимъ собственнымъ осмотромъ (rubr. quomodo de malefic. cognosc. per inquisit.). Augustinus прямо говоритъ, что прежде употребленія пытки должно прежде всего liquide constare de delicto, такъ какъ пытка предпринимается ad liquidationem personae a не ad liquidationem facti.

Такимъ образомъ вполнѣ ясно значеніе, въ которомъ, и цѣль, для которой итальянскіе юристы требовали veritas или liquidatio delicti или constare de delicto. Они обозначали этими выраженіями совершенно то же самое, что, на сколько извѣстно, прежде всего Farinacius*), а за нимъ нѣмецкіе практическіе юристы XVII и XVIII

*) Prosper. Farinacius, Variae quaestiones et communes opiniones, lib. 1, tit. 2, quaest. 2, по признанію почти всѣхъ криминалистовъ, первый употребилъ выраженіе corpus delicti; впрочемъ, Бинеръ сомнѣвается въ томъ и говоритъ, что это выраженіе существовало еще до него, однако ничѣмъ не подтверждаетъ своей до-

вѣка опредѣляли выраженіемъ corpus delicti, constat de corpore delicti, а именно достовѣрность преступленія, которая, понятнымъ образомъ, легко могла быть въ отдѣльности отъ достовѣрности преступника. До существованія этой достовѣрности и для достиженія ея, ничего не должно быть предпринимаемо противъ извѣстнаго лица, и чтобы подобнаго никакимъ образомъ не было, было выставлено основное правило: ut ante omnia constare debeat de delicto, прежде чѣмъ было бы начато формальное слѣдствіе.

Однако изъ этого указанія цѣли, для которой выставлено условіемъ veritas delicti, еще нельзя заключить о матеріальномъ содержаніи этого условія. Хотя и можно сдѣлать заключеніе, что constare de delicto или corpus delicti должно было служить только основаніемъ для направленія слѣдствія противъ субъекта преступленія, противъ преступника, что при этомъ имѣлась въ виду только объективная сторона преступленія и не обращалось никакого вниманія на лицо преступника, однако подобное раздѣленіе субъективной и объективной сторонъ преступленія можно ли консеквентно провести вообще такимъ образомъ, чтобы при созерцаніи одной не имѣлось вовсе въ виду другой? или, по крайней мѣрѣ, могло ли считаться пригоднымъ такое раздѣленіе для практики, если оно и дѣйствительно могло бы было быть строго проведено въ теоріи? Съ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, которое конечно по существу дѣла должно послѣдовать въ отрицательной формѣ, стоитъ въ связи вопросъ, когда и посредствомъ чего corpus delicti вообще можетъ считаться доказаннымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимо содержитъ въ себѣ то, что собственно и составляетъ матеріальное содержаніе corpus delicti, ибо это содержаніе не можетъ состоять ни въ чемъ другомъ, какъ въ совокупности всѣхъ тѣхъ моментовъ, которыми именно и обусловлено существованіе corpus delicti.

Самое простое и естественное доказательство того, что преступленіе совершено, состоитъ въ очевидности, или въ чувственномъ созерцаніи послѣдствія, причиною котораго было преступленіе. При убійствѣ, которое постоянно болѣе всего давало практикамъ возможность развивать ученіе о corpus delicti, частію потому что L. 1. § 24. D. de S. C. Silan. и L. 1. C. ubi causae fisc. agantur, въ кото-

---

гадки. Гельмнеръ же говоритъ напротивъ, что этого выраженія не видно у итальянскихъ юристовъ, но, кажется, первый разъ употребляется саксонскими криминалистами. Конечно, говоритъ Луденъ, это выраженіе Фаринаціусъ употребляетъ, вовсе не предполагая, что оно составляетъ собою нѣчто новое.

рыхъ идетъ рѣчь о constare de crimine, говорятъ объ убійствѣ; а частію потому, что это преступленіе по своей природѣ всего легче допускало объектъ преступленія разсматривать въ отдѣльности отъ его субъекта, это доказательство поэтому пріобрѣталось самымъ естественнымъ образомъ черезъ осмотръ corpus mortuum и нанесенныхъ ему ранъ. Практика совершенно согласна въ этомъ отношеніи, и при этомъ въ мѣстныхъ постановленіяхъ или въ протоколахъ встрѣчается уже выраженіе visum et repertum въ томъ самомъ значеніи, въ которомъ употребляется оно въ настоящее время. Constare de delicto возстановлялось въ этихъ случаяхъ тѣлеснымъ, чувственнымъ путемъ, и выраженіе corpus delicti употреблялось, конечно, первоначально для обозначенія подвергаемаго осмотру мертваго тѣла. Но при этомъ возникаетъ другой вопросъ, есть ли чувственное созерцаніе единственное средство для constare de corpore delicti? Августинусъ, кажется, не признаетъ никакого другаго средства; по крайней мѣрѣ онъ признаетъ рѣшеніе Ангелуса, который въ одномъ случаѣ, когда нѣсколько лицъ признались въ ограбленіи и убійствѣ нѣсколькихъ иностранныхъ купцовъ, трупы которыхъ они бросили въ рѣку, присудилъ признавшихся къ смертной казни именно потому, что они пользовались худою славою, и на мѣстѣ преступленія дѣйствительно была вода; посредствомъ каковыхъ обстоятельствъ признаніе было правдоподобно и constare de delicto было возстановлено. Августинусъ высказывается и противъ мнѣнія Бальдуса, который хотя и утверждаетъ, что если преступникъ и даетъ признаніе, что онъ убилъ кого либо и трупъ убитаго бросилъ въ воду, однако онъ не можетъ быть присужденъ за то къ смертной казни, cum non constet de corpore mortuo; но который однако, если бы и не было на лицо corpus mortuum, допускаетъ смертную казнь, si probetur per famam, illum esse mortuum per dictum. Августинусъ говоритъ, что это противорѣчитъ справедливости; ибо, гдѣ идетъ дѣло о столь важномъ praejudicium, тамъ смерть не можетъ считаться доказанною per solam famam. Также, если бы кто либо и признался, что онъ совершилъ воровство, однако, для того чтобы признаніе могло привести къ осужденію и наказанію, должно constare de rebus subtractis. Такимъ образомъ, по мнѣнію его, значеніе constare de delicto или, если бы существовало тогда это выраженіе, de corpore delicti, при убійствѣ имѣетъ corpus mortuum, при воровствѣ res subtractae, такъ что только при существованіи этого могло послѣдовать формальное слѣдствіе и присужденіе къ наказанію.

Но, кажется, нѣтъ никакой надобности распространяться о томъ, что это воззрѣніе, какъ оно ни хорошо въ теоріи и хотя имѣетъ въ виду интересъ невиннаго, однако въ своемъ практическомъ приложеніи необходимо должно было оказаться негоднымъ, ибо многія преступленія по своей природѣ имѣютъ то свойство, что они не оставляютъ послѣ себя никакихъ внѣшнимъ образомъ распознаваемыхъ слѣдовъ, или такъ сказать никакого тѣлеснаго corpus delicti; а въ иныхъ преступленіяхъ, по крайней мѣрѣ часто, вполнѣ зависитъ отъ преступника истребить слѣды его, такъ что послѣ нихъ равнымъ образомъ вовсе нельзя найти никакого, въ тѣсномъ смыслѣ слова, corpus delicti; и такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ, въ которыхъ, не смотря на отсутствіе тѣлеснаго corpus delicti, однако часто разумнымъ образомъ никакъ нельзя сомнѣваться въ существованіи преступленія и виновности, если бы дѣйствовать согласно съ мнѣніемъ Августинуса, то отправленіе карающей справедливости вовсе не могло бы здѣсь имѣть мѣста. Но кромѣ того, во многихъ преступленіяхъ и во многихъ случаяхъ существованіе corpus delicti, или, лучше сказать, существованіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя обыкновенно составляютъ собою corpus delicti этого преступленія, вовсе не представляетъ собою никакого доказательства, что преступленіе дѣйствительно совершено. Ибо напр. раны, оказавшіяся на трупѣ, часто могутъ быть нанесены какъ рукою подкупленнаго убійцы, такъ и рукою самоубійцы; ядъ можетъ быть какъ принятъ самимъ умершимъ, такъ и данъ другими; пожаръ можетъ произойти какъ вслѣдствіе случайности, такъ и вслѣдствіе преступленія; внѣшнимъ, чувственнымъ образомъ распознаваемое въ подобныхъ случаяхъ совершенно одинаково, однако при самоубійствѣ или при случайномъ событіи оно есть только кажущійся, а не дѣйствительный corpus delicti. А при нѣкоторыхъ преступленіяхъ изъ одного тѣлеснаго corpus delicti еще никакъ нельзя распознать настоящаго свойства ихъ: убійство родственное или простое, убійство умышленное или совершенное въ запальчивости, умышленное или неосторожное преступленіе, вообще, съ внѣшней стороны имѣютъ совершенно одинаковый corpus delicti, между тѣмъ какъ въ остальномъ они съ юридической точки зрѣнія весьма различны. Эти замѣчанія и наблюденія, которыя не могли не оправдаться или обнаружиться при отправленіи ежедневной судебной расправы, самымъ яснымъ и настоятельнымъ образомъ должны были оказывать все болѣе и болѣе сильное вліяніе на понятіе constare de delicto и corpus delicti.

Прежде всего, чтобы многія несомнѣнныя преступленія не оставались совершенно безнаказанными, принуждены были условіе доказаннаго corpus delicti не принимать уже въ буквальномъ смыслѣ и не понимать этого такимъ образомъ, какъ будто бы формальное слѣдствіе и присужденіе къ наказанію никакимъ образомъ не могло послѣдовать, какъ только при существованіи чувственно или тѣлесно распознаваемыхъ слѣдовъ содѣяннаго преступленія. Лучше сказать, corpus delicti и constare de delicto должно было принимать существующимъ и тогда, если достовѣрность содѣяннаго преступленія обнаруживалась и въ другихъ достаточныхъ средствахъ доказательства. Ибо, иначе, уже лучше было бы всѣ тѣ преступленія, которыя по своей природѣ не оставляютъ послѣ себя никакого тѣлеснаго corpus delicti, совершенно вычеркнуть изъ списка преступленій, такъ какъ по крайней мѣрѣ за нихъ нельзя было бы подвергнуть ни слѣдствію ни наказанію. Такимъ образомъ, понятіе corpus delicti должно было на столько расшириться, на сколько оно приняло въ себѣ всѣ тѣ обстоятельства, въ которыхъ, также какъ и въ остающихся послѣ преступленія внѣшнимъ образомъ распознаваемыхъ слѣдахъ, лежало доказательство его дѣйствительнаго совершенія. Но изъ этого расширенія понятія вытекало дальнѣйшее необходимое слѣдствіе, а именно, что теперь вовсе уже не такъ строго вообще разграничивали между объективною и субъективною сторонами преступленія; ибо, если въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не существуетъ тѣлеснаго corpus delicti, доказательство совершенія преступленія не могло быть пріобрѣтаемо иначе, какъ посредствомъ доказательства виновности, то здѣсь и тѣ обстоятельства, посредствомъ которыхъ онъ доказанъ, должны были также приниматься въ понятіе corpus delicti. Кромѣ того, и при тѣхъ преступленіяхъ, которыя оставляли послѣ себя тѣлесный corpus delicti, этотъ послѣдній, отдѣльно взятый, хотя и составлялъ собою нѣчто весьма необходимое для дальнѣйшаго хода процесса, однако если сюда еще не привходило нѣчто постороннее, отличное отъ него, то онъ могъ быть совершенно безполезнымъ, ибо онъ самъ собою, въ самомъ крайнемъ случаѣ, давалъ судьѣ только указаніе того, что вообще совершено преступленіе, но это было весьма недостаточно, если въ немъ не было основаній для преслѣдованія кого либо, какъ преступника. А чтобы это имѣло мѣсто и, слѣдовательно, чтобы corpus delicti получилъ юридическое значеніе и годность, должны еще сюда привзойти извѣстныя субъективныя, въ личности преступника лежа-

щія, обстоятельства. Такимъ образомъ, вслѣдствіе практической потребности, должны были придти къ тому заключенію, что понятіе constare de delicto и corpus delicti нельзя ограничивать уже однимъ тѣлеснымъ и чувственно распознаваемымъ, что́ могло оставить послѣ себя преступленіе, но что должны распространять его на другія и субъективныя обстоятельства, если только въ нихъ могло быть почерпнуто доказательство содѣяннаго преступленія. И дѣйствительно, уже Гандинусъ говоритъ, что constare de delicto можетъ быть возстановлено не только per evidentiam facti, т. е. чрезъ осмотръ тѣлеснаго corpus delicti, но и per testes vel indicium, подъ которыми должно разумѣть именно только такія другія средства доказательства, которыя свидѣтельствуютъ о самомъ преступленіи. По мнѣнію Ангелуса, constare de delicto можетъ быть возстановлено даже посредствомъ одного признанія, если оно только вѣроятно, какъ это явствуетъ изъ вышеприведеннаго смертнаго приговора, произнесеннаго имъ на основаніи одного признанія, въ себѣ самомъ не невѣроятнаго и подтвержденнаго худою славою, которою пользовался признавшійся. И Бальдусъ считаетъ убійство и безъ corpus mortuum вполнѣ доказаннымъ, даже для произнесенія смертнаго приговора, черезъ одно признаніе, если только къ нему присоединяется еще народная молва, что признавшійся дѣйствительно совершилъ то преступленіе.

Съ бо́льшею подробностію и практическимъ тактомъ трактуетъ относительно ученія о corpus delicti Julius Clarus (Sententiae receptae Libr. V), хотя еще онъ не употребляетъ самаго этого термина, а пользуется выраженіемъ constare de delicto. Онъ начинаетъ свое ученіе общимъ правиломъ, что судья не долженъ procedere ad aliquem actum, nisi prius illi constet, delictum ipsum fecisse commissum. Это имѣетъ такое значеніе, что подсудимый, хотя бы онъ и высказалъ признаніе, не можетъ подвергнуться наказанію, если само преступленіе не подтвердилось еще другимъ какимъ образомъ, кромѣ признанія. Далѣе, онъ дѣлаетъ разграниченія, принимая во вниманіе различіе частію преступленій, при которыхъ, частію же цѣли, для которой требуется constare de delicto, а именно онъ поставляетъ это въ зависимость отъ того, должно ли constare de delicto служить ad effectum torquendi seu condemnandi, или только ad effectum procedendi seu inquirendi. Для procedere et inquirere (или для предварительнаго слѣдствія, такъ какъ онъ подъ этимъ разумѣетъ допросъ свидѣтелей и собраніе доказательствъ) совершенно достаточна одна

querela или denuntiatio, и на дальнѣйшее изслѣдованіе онъ не только признаетъ за судьею право, но и считаетъ это обязанностію его. Здѣсь онъ различаетъ delictum facti permanentis и facti transeuntis; при первыхъ судья, по его мнѣнію, прежде нежели начнетъ inquisitio contra delinquentem, обязанъ произвести inquisitio de veritate delicti; напротивъ при вторыхъ, при которыхъ нѣтъ надобности въ особенномъ investigatio super veritate delicti, онъ можетъ непросредственно начать слѣдствіе уже противъ самаго преступника. Такимъ образомъ при преступленіяхъ втораго рода, которыя или совершаются solo animo, какъ напр. ересь, или которыя хотя и совершаются facto, однако не оставляютъ послѣ себя внѣшнимъ образомъ распознаваемыхъ слѣдовъ, какъ напр. нарушеніе супружеской вѣрности, обыкновенныя плотскія преступленія, воровство безъ взлома, реальныя обиды безъ нанесенія ранъ, словесныя обиды и другія подобныя преступленія, нѣтъ никакой необходимости въ особенной investigatio delicti; судья, на основаніи представленной ему жалобы или доноса, можетъ тотчасъ начать слѣдствіе противъ виновника посредствомъ informationes, и, если окажутся противъ него улики, вызвать его къ суду или даже арестовать, смотря по существу преступленія; иначе, множество преступленій оставались бы безнаказанными. Напротивъ, при преступленіяхъ другаго рода, — которыя оставляютъ послѣ себя опредѣленные слѣды, какъ напр. убійство— трупъ, поджогъ—выгорѣвшее мѣсто,—доносъ или denuntiatio не удовлетворяютъ constare de delicto, и судья долженъ подвергнуть осмотру трупъ или выгорѣвшее мѣсто. Но иногда можетъ возникнуть сомнѣніе относительно того, представляетъ ли внѣшнее явленіе слѣдствіе преступленія или другой причины; въ подобныхъ случаяхъ судья долженъ изслѣдовать и предпринять informationes, но не tanquam de maleficio, а только для изслѣдованія истины. Если при этомъ окажется, что совершено преступленіе, то процессъ имѣетъ свой дальнѣйшій ходъ. По этимъ уже правиламъ должно de delicto constare и въ случаѣ примѣненія пытокъ. Такъ какъ пытки употреблялись только съ цѣлію вынужденія признанія, то и Clarus имѣетъ здѣсь въ виду случай, гдѣ еще нѣтъ признанія. Въ этомъ случаѣ при delicta facti permanentis онъ не считаетъ улики достаточными для употребленія пытокъ, если слѣды преступленія не подвергались осмотру. Онъ порицаетъ при этомъ то, что на практикѣ часто случалось противоположно, что часто подозрѣваемое лицо подвергали пыткѣ лишь на основаніи показанія потерпѣвшей стороны. При не-

достаткѣ признанія, хотя бы даже и существовали самыя настоятельныя обвиненія, нужно уличить того, который отпирается; при преступленіяхъ же, которыя по своей природѣ оставляютъ послѣ себя слѣды, это уличеніе, достаточное для осужденія, невозможно, si non constet de ipso delicto, de quo reus convincitur. Et ideo, продолжаетъ онъ, etiamsi multi testes deponerent etiam de visu contra aliquem de homicidio per eum commisso, nisi tamen constaret de ipso cadavere, non posset puniri. Но если признаніе существуетъ и возникаетъ вопросъ, можетъ ли на основаніи его послѣдовать осужденіе признавшагося, то здѣсь constare de delicto требуется уже въ другомъ видѣ. То преступленіе, въ которомъ сознается подсудимый, можетъ быть или такое, которое совершается только solo animo и которое по своей природѣ такимъ образомъ можетъ быть доказано не иначе какъ посредствомъ признанія; въ этомъ случаѣ признаніе преступника, если только оно правдоподобно, достаточно для осужденія и наказанія; или оно можетъ быть такое, которое совершается и facto, и если здѣсь напр. преступникъ признается вообще въ воровствѣ или убійствѣ въ общихъ словахъ, не обозначая лицъ, противъ которыхъ онъ совершилъ эти преступленія, то онъ не можетъ на основаніи этого признанія подвергнуться осужденію; если же онъ признается спеціально, т. е. прямо называя пострадавшее отъ совершеннаго имъ преступленія лицо, то здѣсь опять должно различать delictum facti transeuntis и delictum facti permanentis. При преступленіяхъ перваго рода для осужденія достаточно, если къ обвиненію потерпѣвшей стороны привходитъ признаніе. Но при преступленіяхъ втораго рода одного еще признанія мало, если оно не подтверждается per visitationem seu inspectionem. Потому предусмотрительный судья, въ случаѣ нужды, даже долженъ приказать снова выкопать трупъ убитаго, для того чтобы подвергнуть его осмотру. Впрочемъ однако должно замѣтить, что не всегда безусловно необходимо, чтобы трупъ былъ найденъ; иногда, если напр. преступникъ даетъ признаніе, что онъ лишилъ жизни извѣстное лицо, и по розыскамъ оказывается, что то лицо дѣйствительно пропало безъ вѣсти, смертный приговоръ можетъ совершенно основательно послѣдовать и если бы самый трупъ не былъ найденъ, лишь бы только, кромѣ признанія, существовали еще и другіе слѣды. И таковой примѣръ, по указанію Кларуса, былъ однажды въ миланскомъ сенатѣ. Слуга, признавшійся въ томъ, что онъ лишилъ жизни своего господина и трупъ его бросилъ въ воду, былъ приговоренъ къ

смертной казни, не смотря на то, что трупъ не былъ найденъ, а только на указанномъ обвиняемымъ мѣстѣ были усмотрѣны кровавые слѣды.

Такимъ образомъ изъ вышеизложеннаго вполнѣ ясно, что выраженіе constat de delicto принимается уже и итальянскими практиками въ болѣе широкомъ значеніи; ибо если они однажды должны были принять за правило, — какъ иначе и не могло быть, если многія преступленія не должны были оставаться безнаказанными, — что constare de delicto можетъ быть возстановлено посредствомъ признанія со стороны преступника, то, конечно, понятіе, которое соединялось съ тѣмъ выраженіемъ, не могло болѣе ограничиваться уже одною объективною стороною преступленія, такъ какъ само признаніе по своей природѣ и существу имѣетъ прежде всего въ виду нѣчто субъективное (признающійся даетъ показаніе о своей виновности), или по крайней мѣрѣ оно никакимъ образомъ не можетъ содержать въ себѣ одной объективной стороны исключительно.

Это ученіе о constare de delicto и о corpus delicti, какъ его образовали итальянскіе практики, а особенно Julius Clarus, было принято и довольно согласно развито и нѣмецкими практиками XVII и XVIII вѣка. Самый талантливый изъ нихъ, Бенедиктъ Карпцовъ (Practica nova rerum criminalium), начинаетъ свое ученіе объ инквизиціонномъ процессѣ замѣчаніемъ, что первое условіе inquisitionis recte formandae есть apparentia delicti, ut nempe de ipso facto seu crimine constet. Эта-то достовѣрность и есть corpus delicti, который долженъ быть возстановленъ или доказанъ прежде начала формальнаго слѣдствія. Но доказательство corpus delicti различается по различію той цѣли, для которой оно употребляется. Если это только ad effectum inquirendi contra aliquam certam personam, то достаточно если corpus delicti является только вѣроятнымъ. Хотя и здѣсь судья долженъ употреблять всѣ старанія, чтобы убѣдиться посредствомъ собственнаго осмотра въ существованіи corpus delicti, однако это часто бываетъ невозможно, такъ какъ слѣды многихъ преступленій могутъ быть совершенно уничтожены, и потому, чтобы эти преступленія не оставались безъ наказанія, судья обязанъ начать слѣдствіе и въ случаѣ существованія indicia corporis delicti manifesta. Если же напротивъ дѣло идетъ о доказательствѣ corpus delicti ad effectum torturae, то оно должно быть ведено уже строже, ибо пытка содержитъ уже бóльшее зло, нежели простое слѣдствіе и потому corpus delicti здѣсь долженъ быть также строго наказанъ, какъ и для окон-

чательнаго осужденія, и такимъ образомъ онъ здѣсь выставляетъ правило, что corpus delicti долженъ быть доказанъ liquide et plene vel per evidentiam facti et inspectionem. Однако никакъ нельзя абсолютно утверждать, что пытку уже никакъ нельзя употребить въ томъ случаѣ, если corpus delicti не можетъ подвергнуться осмотру; ибо, если corpus delicti нельзя возстановить, то для употребленія пытки достаточны и probabilissima et indubitata criminis commissi indicia. Такимъ же образомъ corpus delicti долженъ быть обыкновенно возстановленъ осмотромъ и ad effectum condemnandi, но и здѣсь, при delicta occulta et difficilis probationis, если напр. убійца трупъ зарылъ въ землю или бросилъ въ воду, для осужденія къ обыкновенному наказанію достаточно constare de delicto per conjecturas validas et jure approbatas. Подобнымъ же образомъ признаніе подсудимаго, подтверждаемое надлежащими уликами, возстановляетъ corpus delicti и вполнѣ достаточно для той же цѣли осужденія къ обыкновенному наказанію при delicta facti transeuntis. При нарушеніи супружеской вѣрности, кровосмѣшеніи, изнасилованіи, по саксонскому судебному обычаю, признаніе обѣихъ сторонъ есть loco corporis delicti, такъ что если бы другая сторона не могла подвергнуться допросу, или не призналась въ преступленіи, признавшійся не могъ быть присужденъ къ обыкновенному наказанію. При содоміи ratione sexus corpus delicti составляетъ признаніе обѣихъ сторонъ, при содоміи же ratione generis онъ возстановляется другими уликами, какъ напр. если обвиняемый былъ пойманъ съ животнымъ solutis caligis in loco secreto, или in ipso opere aliisque praeparatoriis. При волшебствѣ и чародѣйствѣ corpus delicti состоитъ въ признаніи и другихъ приходящихъ сюда уликахъ; если напр. обвиняемый причинилъ вредъ людямъ и скоту, или если въ его домѣ найденъ письменный контрактъ съ нечистою силою. Въ воровствѣ corpus delicti уже вполнѣ доказанъ, если воръ даетъ обстоятельное и подробное признаніе о предметѣ, мѣстѣ и случаѣ воровства, и если это подтверждается наведенными справками; существованіе же на лицо покраденныхъ вещей при этомъ не существенно; столь же мало можетъ быть corpus delicti признанъ доказаннымъ вслѣдствіе предъявленія или указанія похищеннаго предмета, если это не подтверждается еще вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ образомъ.

Классенъ въ своемъ коментаріѣ къ Каролинѣ (Clasen, Dan. Commentarius in C. C. C. cura et studio Joh. And. Minneri, Helmst. 1684) говоритъ, что corpus delicti есть ничто иное, какъ substantia et veritas

delicti commissi. При этомъ слово corpus delicti употребляется не quantitative, но ratione existentiae et veritatis in existendo, т. е. что именно преступленіе на самомъ дѣлѣ существуетъ и совершено. При delicta facti transeuntis достаточно, если corpus delicti констатированъ per indicia et conjecturas, между тѣмъ какъ при delicta facti permanentis необходимъ оставшійся послѣ преступленія слѣдъ, а именно напр. при убійствѣ—трупъ.

По мнѣнію Бёмера (meditat. in C. C. C. 1770) настоящее значеніе corpus delicti есть veritas delicti in abstracto, т. е. имъ должно оправдываться предположеніе, что дѣяніе, о которомъ идетъ рѣчь, составляетъ собою преступное дѣяніе, каковой вопросъ долженъ быть рѣшенъ прежде начала уголовнаго слѣдствія противъ извѣстнаго лица. Такимъ образомъ къ corpus delicti принадлежитъ всегда нарушеніе закона вслѣдствіе вины преступника, такъ что онъ немыслимъ или безъ умышленнаго, или безъ неосторожнаго дѣйствія или упущенія. Однако къ corpus delicti принадлежитъ одна достовѣрность res turpis, и никакъ не должны быть причисляемы сюда какія бы то ни было обстоятельства преступленія, вліяющія на опредѣленіе тяжести наказанія. Что же касается до доказательства corpus delicti, то онъ можетъ быть доказанъ или ad visum per sensus, или ad intellectum per ratiocinium, смотря по тому, опредѣляется ли достовѣрность осмотромъ или уликами. Такимъ образомъ Бёмеръ высказалъ, что къ corpus delicti обыкновенно принадлежитъ или умышленное, или неосторожное дѣйствіе. Однако, говоритъ Луденъ, этимъ онъ не сдѣлалъ ничего существенно новаго, ибо и прежде него еще итальянскіе и нѣмецкіе практики высказывали, что при delicta occulta, difficilis probationis и facti permanentis corpus delicti можетъ быть возстановленъ ad intellectum per indicia et conjecturas, которыя не могли состоять ни въ чемъ другомъ, какъ въ предположеніяхъ и признакахъ того, что кто либо совершилъ нѣчто наказуемое, но чувственнымъ образомъ не распознаваемое, и притомъ посредствомъ дѣйствія, которое конечно могло быть или умышленное только, или неосторожное. Такимъ же образомъ еще до Бёмера признавали, что трупъ или пожарище только тогда составляютъ собою corpus delicti, когда они представляютъ собою слѣдствіе человѣческаго умышленнаго или неосторожнаго дѣйствія. Такимъ образомъ хотя и молчаливо, а иногда и безсознательно, но все же еще до него къ corpus delicti причисляли и dolus и culpa. Однако, какъ бы то ни было, а во всякомъ случаѣ Бёмеръ первый выста-

вилъ общимъ принципомъ то, что къ corpus delicti всегда принадлежитъ или dolus или culpa; этимъ и было положено основаніе тому значенію, которое получило corpus delicti въ переводѣ Thatbestand *) въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по этому вопросу нашей науки.

Хотя выраженіе corpus delicti собственно имѣло и процессуальное значеніе, а главнымъ образомъ здѣсь имѣлась въ виду цѣль— указать слѣдственному судьѣ условіе, безъ котораго онъ вообще не могъ начать никакого слѣдствія или никакихъ дальнѣйшихъ процессуальныхъ дѣйствій, однако отсюда уже не далеко было придти къ болѣе теоретическому и научному употребленію этого понятія. Съ самой глоссы было единогласно признано за основное правило, что corpus delicti долженъ быть доказанъ, прежде нежели могла бы быть рѣчь о слѣдствіи и наказаніи. Хотя при этомъ для различныхъ стадій производства требовались и различныя степени доказательства corpus delicti, однако само понятіе было одно и то же, шла ли рѣчь о предварительномъ или формальномъ слѣдствіи, пыткѣ или осужденіи и наказаніи, и ни въ какомъ случаѣ не могли выставлять условія достовѣрности corpus delicti, не имѣвши опредѣленнаго понятія, что собственно должно разумѣть подъ нимъ. Такимъ образомъ здѣсь, оставляя безъ вниманія бóльшую или меньшую степень требуемаго доказательства, необходимо должно было образоваться вообще опредѣленное понятіе о томъ, чтó именно должно во всякомъ случаѣ существовать или по крайней мѣрѣ предполагаться существующимъ, прежде нежели могло быть начато слѣдствіе. И содержащееся въ этомъ понятіи, corpus delicti, такъ сказать еще недоказанное или и предполагающееся доказаннымъ должно быть именно то, чтó собственно преступленію придаетъ значеніе таковаго, и это-то именно составляло собою основное условіе каждаго слѣдствія а слѣдовательно и каждаго осужденія. Такимъ путемъ и можно было придти къ понятію corpus delicti, которое имѣло уже не одно процессуальное, но и реальное значеніе, и въ которомъ оно могло употребляться въ изложеніи матеріальнаго уголовнаго права. Но при этомъ относительно значенія, которое имѣло это понятіе, послѣдовала перемѣна въ той степени,

---

*) Выраженіе Thatbestand первый употребилъ Клейнъ въ своихъ «Grundsätze des gemeinen teutschen und preussischen peinlichen Rechts. Halle. 1796. § 68. Но у Клейна, говоритъ Луденъ, какъ и у Фаринаціуса, у котораго у перваго встрѣчается выраженіе corpus delicti, нѣтъ и намека на то, чтобы слово это представляло собою нѣчто новое.

что оно теперь обозначало болѣе уже не existentia или veritas, но принималось въ значеніи complexus, или совокупности всѣхъ тѣхъ фактовъ или обстоятельствъ, которые именно составляютъ существо преступленія.

Прежде всего это понятіе образовалось въ отношеніи къ отдѣльнымъ преступленіямъ, такимъ образомъ, что отъ каждаго изъ нихъ отвлекали его отличительные признаки и обозначали ихъ какъ его corpus delicti или какъ его составъ (особенный), вслѣдствіе именно котораго, то преступленіе и становилось таковымъ. Въ этомъ смыслѣ опредѣляетъ составъ преступленія (Thatbestand) и Клейнъ, принимая его за совокупность всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые, вмѣстѣ взятые, опредѣляютъ понятіе извѣстнаго рода преступленія. Если такимъ образомъ Клейнъ имѣлъ въ виду составъ преступленія въ отношеніи къ извѣстнымъ родамъ преступленій, то хотя онъ вмѣстѣ съ этимъ еще не совершенно достигъ до той точки зрѣнія, съ которой въ настоящее время говорятъ объ общемъ составѣ вообще преступленія; однако, что всѣ составы отдѣльныхъ преступленій имѣютъ въ себѣ нѣчто всѣмъ имъ общее, было признано и высказано уже и имъ, ибо уже и онъ, безъ отношенія къ опредѣленному роду преступленій, говоритъ, что вообще къ каждому составу преступленія принадлежатъ два факта, а именно, во 1-хъ, послѣдствіе, въ осуществленіи котораго преступленіе состоитъ, и во 2-хъ, произвольное дѣйствіе, посредствомъ котораго то послѣдствіе осуществилось. Такимъ же образомъ различаетъ и Мейстеръ (princip. jur. criminal. 1792. § 51) между corpus delicti in genere, для котораго необходимо существованіе factum illicitum poenale, и corpus delicti отдѣльныхъ родовъ преступленія, который состоитъ изъ моментовъ, необходимыхъ для существа именно этого преступленія. Еще и у Бёмера существовали моменты для понятія общаго состава преступленія, и именно въ томъ значеніи, что подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ признаки, которые принадлежатъ къ понятію и существу преступленія вообще и потому должны заключаться во всѣхъ отдѣльныхъ преступленіяхъ. Онъ говоритъ, что corpus delicti, къ которому принадлежитъ достовѣрность res turpis, содержитъ въ себѣ въ каждомъ случаѣ непростительное нарушеніе закона и потому не можетъ быть представленъ безъ умышленнаго или неосторожнаго дѣйствія. Равнымъ образомъ, какъ у него, такъ и у Клейна, было уже основаніе для раздѣленія состава на субъективный и объективный, изъ которыхъ къ послѣднему можно было бы причислить

послѣдствіе, а къ первому дѣйствіе, вслѣдсвіе котораго то дѣйствіе было произведено. Но естественнымъ образомъ ни объективный ни субъективный составъ не могли быть взяты въ отдѣльности, а только вмѣстѣ взятые могли составлять настоящій составъ, такъ какъ одно послѣдствіе, напр. смерть человѣка, только подъ тѣмъ предположеніемъ и составляетъ преступленіе, что оно является слѣдствіемъ или умышленнаго или неосторожнаго дѣйствія другаго.

Относительно объективнаго состава, а именно, что къ преступленію принадлежитъ извѣстное послѣдствіе, нѣчто внѣшнимъ образомъ распознаваемое, хотя и неизмѣнное, юристы уже издавна были согласны между собою. Но относительно объема и содержанія субъективнаго состава съ того времени, какъ обратили вниманіе на общій составъ преступленія, господствуютъ весьма различныя воззрѣнія въ нашей наукѣ, на что уже было указано въ началѣ нашего изложенія.

Если Клейнъ пришелъ къ тому заключенію, что преступное послѣдствіе должно истекать изъ произвольнаго, свободнаго дѣйствія, то конечно онъ долженъ былъ включать въ составъ преступленія и вмѣняемость. Того же воззрѣнія, кажется, и Клейншродъ. Въ субъективномъ смыслѣ, говоритъ онъ (A. Ar. C. R. B. 3. 1800 стр. 38 и слѣд.), corpus delicti есть существованіе тѣхъ обстоятельствъ, посредствомъ которыхъ обнаруживается сама противозаконность, dolus или culpa. Отсюда то и явствуетъ, существуетъ ли дѣйствительно преступленіе или нѣтъ, такъ какъ только вслѣдствіе вины преступника и становится дѣйствіе противозаконнымъ и наказуемымъ. Если же соединить эти понятія вмѣстѣ, если принимать corpus delicti въ одно и то же время объективно и субъективно, то онъ есть существованіе такихъ обстоятельствъ, которыя необходимы какъ для понятія преступленія вообще, такъ и для его противозаконности въ особенности. Это понятіе совершенно полно, и если corpus delicti такимъ образомъ доказанъ, то преступленіе вполнѣ востановлено. Но этого доказательства должно ожидать не прежде, какъ уже по окончаніи слѣдствія. Бёмеръ, напротивъ, утверждаетъ, что corpus delicti имѣетъ дѣло только съ existentia vel veritas delicti, такъ что при этомъ не обращается никакого вниманія на лицо преступника. Такимъ же образомъ онъ и не причисляетъ къ corpus delicti и другихъ обстоятельствъ преступленія, суть ли они существенныя или несущественныя. Подобнымъ же образомъ говоритъ Мейстеръ, что составъ преступленія есть existentia delicti

alicujus commissi et quidem spectatim delicti objective spectati, i. e. ipsius laesionis in se spectatae citra respectum ad determinatam personam auctoris ejus, вслѣдствіе чего, хотя онъ и не включаетъ въ составъ субъективную сторону относительно преступника вообще, но исключаетъ ее именно въ отношеніи къ отдѣльному преступнику и къ отдѣльнымъ случаямъ состава. Но изъ этого уже само собою слѣдуетъ, что онъ не включаетъ туда способности къ вмѣненію, вмѣняемости. Къ нему же присоединяется и Stübel, который опредѣляетъ составъ преступленія, какъ совокупность всѣхъ тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ должно истекать опредѣленное въ уголовномъ законѣ наказаніе, по скольку однако эти факты не относятся къ вмѣняемости.

«Главная причина запутанности и несогласія, которыя все еще господствуютъ въ ученіи о составѣ преступленія, говоритъ Кöстлинъ, заключается хотя и въ объяснимомъ изъ древнѣйшей исторіи ученія, но, совершенно непонятнымъ образомъ, еще и въ настоящее время существующемъ смѣшеніи столь простаго понятія науки уголовнаго права о составѣ преступленія съ процессуальнымъ видоизмѣненіемъ этого понятія, которое состоитъ въ томъ, что для различныхъ цѣлей инквизиціоннаго процесса произвольно брали большую или меньшую часть моментовъ, содержащихся въ понятіи преступленія вообще, или отдѣльнаго опредѣленнаго преступленія въ особенности, и называли его corpus delicti». То же самое замѣчаетъ о неясности этого ученія и Миттермайеръ (примѣчанія къ § 81 учебника Фейербаха изданія 1847 г.). По его мнѣнію, ученіе о составѣ преступленія въ уголовномъ процессѣ имѣетъ значеніе, на сколько дѣло идетъ о томъ, чтобы дать каждому слѣдствію надлежащее основаніе, для предупрежденія такимъ образомъ его легкомысленнаго начала. И это доказательство состава преступленія въ различныхъ стадіяхъ уголовнаго процесса имѣетъ различное значеніе, иное при началѣ слѣдствія, и иное при вопросѣ, можетъ ли кто либо быть привлеченнымъ къ формальному слѣдствію, или быть предану уже и уголовному суду. Здѣсь не можетъ дѣйствовать и имѣть приложеніе уголовно-правовое значеніе этого понятія, но вопросъ можетъ касаться лишь того, на сколько вообще вѣроятно то преступленіе, относительно котораго должно быть произведено слѣдствіе и именно въ опредѣленномъ направленіи и формѣ (потому что иначе не существовало бы для того никакого истиннаго основанія). Равнымъ образомъ составъ имѣетъ значеніе

въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о его возстановленіи для наказанія на основаніи уликъ. Въ уголовномъ же правѣ ученіе о составѣ имѣетъ значеніе на столько, по скольку идетъ рѣчь объ извѣстномъ свойствѣ и качествѣ, которое должно имѣть въ себѣ дѣяніе, если за его совершеніе должно быть назначено наказаніе, чтобы граждане знали, что они должны отъ него воздерживаться, а судьи, что они должны за него наказывать. Въ томъ же смыслѣ высказывается и Бирнбаумъ (Arch. C. R. 1845). Смѣшеніе значенія слова Thatbestand, въ смыслѣ уголовнаго права, съ процессуальнымъ, говоритъ онъ, составляетъ главную причину неоднократно замѣчаемой въ ученіи о составѣ преступленія запутанности понятій. Что дѣйствительно подъ составомъ преступленія въ смыслѣ уголовнаго права часто понимали нѣчто другое, нежели подъ составомъ преступленія въ смыслѣ уголовнаго процесса, съ того самаго времени, какъ вообще начали употреблять это выраженіе въ обѣихъ дисциплинахъ, можно видѣть и изъ самаго поверхностнаго сравненія различнаго употребленія, которое дѣлали изъ него въ различныя времена въ обѣихъ наукахъ. Для этой цѣли вовсе нѣтъ никакой нужды далеко заходить въ исторію этого ученія, а стоитъ только обратить вниманіе на столь часто указываемое различіе между предварительнымъ и формальнымъ слѣдствіемъ, въ установленіи котораго еще до сихъ поръ нѣтъ ни полнаго согласія, ни надлежащей ясности, и на безчисленныя соединенныя съ этимъ противорѣчія, чтобы убѣдиться, что если здѣсь говорили о составѣ, какъ о таковомъ, который долженъ быть доказанъ для того, чтобы слѣдствіе могло быть направлено противъ извѣстнаго лица, или чтобы могло быть начато формальное слѣдствіе, то конечно подъ этимъ никакимъ образомъ не могли понимать всего того, что принадлежитъ къ преступленію, т. е. совокупности всѣхъ принадлежащихъ къ преступленію признаковъ, даже нельзя полагать сюда въ основаніе и того, что называютъ въ смыслѣ уголовнаго права объективнымъ составомъ. Ибо совершенно ясно, что если придавать какой нибудь смыслъ положенію, что составъ для направленія слѣдствія противъ извѣстнаго лица долженъ быть доказанъ, то никакъ нельзя понимать здѣсь подъ составомъ все внѣшнее проявленіе преступленія. Вообще, здѣсь подъ составомъ преступленія не слѣдуетъ разумѣть ничего болѣе, какъ извѣстные внѣшніе признаки, или даже чувствительнымъ образомъ распознаваемыя слѣдствія дѣянія, изъ которыхъ выводится заключеніе о существованіи преступленія. Бирн-

баумъ даже различаетъ выраженія corpus delicti и Thatbestand и возстаетъ противъ отождествленія ихъ. По его мнѣнію, никакъ нельзя уподоблять выраженіе corpus delicti, имѣющее часто процессуальное значеніе, слову Thatbestand, которое имѣетъ уголовно-правовый смыслъ; онъ указываетъ на различіе corps du délit и état du délit (Code de l'instr. crim. ar. 32) у французовъ, изъ которыхъ послѣднее болѣе, по крайней мѣрѣ въ этимологическомъ смыслѣ, соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, нѣмецкому слову Thatbestand, и на этомъ основаніи предлагаетъ даже ввести въ науку новый латинскій терминъ: status delicti. И Бернеръ говоритъ, что для того расширеннаго значенія, какое придаетъ теперь наука слову Thatbestand, вовсе уже не годится обозначающее одну тѣлесную, матеріальную сторону, выраженіе corpus delicti. Даже и само слово Thatbestand не выражаетъ собою всего объема этого значенія; здѣсь должно бы употребить слово Handlungsbestand.

Изъ этого же постояннаго смѣшенія двухъ разнородныхъ значеній одного и того же понятія въ уголовномъ правѣ и процессѣ и объясняетъ Бауэръ разнообразный смыслъ, который придаютъ еще иногда и слову corpus delicti. Онъ говоритъ, что corpus delicti употребляется иногда для обозначенія или предмета, надъ которымъ преступленіе совершено, напр. трупъ убитаго, или вещи, которая представляетъ собою или продуктъ преступленія, какъ напр. фальшивая монета, или остатокъ его, напр. владѣніе чужими вещами, или инструмента, посредствомъ котораго преступленіе было совершено, напр. ножъ, огнестрѣльное оружіе, ядъ и т. д., или внѣшнимъ образомъ распознаваемыхъ слѣдовъ преступленія, напр. пожарище, взломъ, окровавленное платье. Какъ же опредѣлить составъ преступленія? Составъ преступленія въ смыслѣ уголовнаго права есть совокупность законныхъ признаковъ (условій), которые, не принимая во вниманіе ихъ процессуальное доказательство, должны соединять въ себѣ каждое дѣйствіе или упущеніе, чтобы оно могло быть считаемо преступленіемъ. «Какъ родъ неправды, говоритъ Кöстлинъ, преступленіе состоитъ въ разъединеніи индивидуальной воли съ всеобщею, въ области внѣшняго бытія. Этимъ и обусловливается, во 1-хъ, какъ содержаніе преступленія, нарушеніе права въ его основаніи, во 2-хъ, какъ его форма, осуществленіе воли во внѣшнемъ бытіи, т. е. дѣйствіе, въ 3-хъ, оба вмѣстѣ, т. е. содержаніе и форма преступленія, образуютъ его понятіе и общій его составъ, т. е. совокупность тѣхъ моментовъ, которые должны

быть соединены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, если вообще должно существовать преступленіе. Естественнымъ образомъ, это общее понятіе или общій составъ какъ таковой, т. е. въ своей абстракціи, никогда не встрѣчается въ дѣйствительности, но всегда осуществляется только въ видѣ того или другаго отдѣльнаго, индивидуально опредѣленнаго понятія. Совокупность тѣхъ моментовъ, которые вообще должны быть соединены, чтобы могло существовать преступленіе опредѣленнаго рода, образуетъ особенный составъ этого рода преступленій, однако въ немъ конечно проявляется только опредѣленное обособленіе моментовъ общаго состава. Но тѣ и другіе моменты, какъ общаго, такъ и особеннаго состава, суть существенныя, составныя части. Противоположность ихъ составляютъ принадлежащія къ индивидуальному проявленію отдѣльнаго случая несущественныя составныя части преступленія, которыя не обусловливаютъ понятія преступленія вообще или опредѣленнаго рода преступленія, но имѣютъ вліяніе на опредѣленіе наказанія въ отдѣльномъ случаѣ».

Нѣкоторые, однако, криминалисты ограничиваютъ это понятіе общаго состава преступленія, неправильно исключая оттуда одинъ или и нѣсколько существенныхъ признаковъ преступленія вообще. Такъ напр. Фейербахъ хотя и говоритъ объ основаніяхъ, отъ которыхъ зависитъ юридическая возможность примѣненія уголовнаго закона, слѣдовательно примѣненіе наказанія, называя ихъ основаніями абсолютной наказуемости, однако онъ вовсе не принимаетъ ихъ однозначительными съ составомъ преступленія, но разумѣетъ подъ составомъ только часть ихъ, такимъ образомъ, что, раздѣляя эти основанія абсолютной наказуемости на субъективныя и объективныя, ко вторымъ причисляетъ ученіе о составѣ, къ первымъ же ученіе о вмѣненіи. Послѣднее ученіе изъято имъ изъ ученія о составѣ, и потому хотя бы и слѣдовало полагать, что у него понятіе состава относится только къ объективнымъ или внѣшнимъ признакамъ дѣянія, съ исключеніемъ всего внутренняго или субъективнаго, другими словами, что онъ называетъ составомъ вообще то же самое, что другіе называютъ объективнымъ составомъ, однако тѣмъ не менѣе онъ считаетъ принадлежащими къ составу преступленія не только сами по себѣ извѣстные признаки внѣшняго дѣйствія, а по обстоятельствамъ и опредѣленное противозаконное послѣдствіе его, но часто причисляетъ сюда извѣстныя субъективныя, въ душѣ преступника, слѣдовательно въ его внутренней

сторонѣ, лежащія основанія противозаконнаго дѣйствія, или извѣстное намѣреніе или извѣстный родъ опредѣленности воли. Но отсюда ясно, что онъ изъ понятія общаго состава преступленія вовсе исключаетъ вмѣняемость. Логическое противорѣчіе, въ которое впадаетъ здѣсь Фейербахъ очевидно. Различивши въ предположеніяхъ преступленія субъективное и объективное, или, что все равно, внутреннее и внѣшнее, потомъ объективное, съ которымъ соединено понятіе состава, онъ снова раздѣляетъ на субъективное и объективное.

Столь же произвольны и ложны ограниченія понятія общаго состава, которыя старается провести Луденъ. «Понятіе преступленія, говоритъ Кöстлинъ (Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. Tübingen. 1845. стр. 132), необходимо требуетъ, чтобы дѣйствіе было именно слѣдствіемъ свободнаго самоопредѣленія и потому вполнѣ виновное. Другими словами, сюда принадлежитъ то, чтобы то дѣйствіе было вмѣняемое, слѣдовательно совершенное способнымъ къ вмѣненію субъектомъ. Противъ этого удивительнымъ образомъ высказывается Луденъ, исключая изъ общаго состава преступленія признакъ вмѣняемости. Его основаніе таково: вмѣняемость есть состояніе, въ которомъ находится человѣкъ, независимо отъ своей дѣятельности или содѣйствія, и потому ее нельзя считать признакомъ дѣйствія. Конечно, никто не можетъ подвергнуться наказанію, если онъ при совершеніи преступленія не находился въ состояніи вмѣняемости; но именно изъ этого и слѣдуетъ, что способность къ вмѣненію, вмѣняемость не можетъ составлять собою составной части вмѣняемаго дѣйствія (о которомъ посредствомъ вмѣненія обсуждается, что дѣйствующій при его совершеніи находился въ способномъ къ вмѣненію состояніи). Способность къ вмѣненію въ уголовномъ правѣ можетъ быть принимаема въ соображеніе только для того, чтобы подводить подъ нее преступное дѣйствіе. Поэтому, слѣдовательно, она и должна разсматриваться въ системѣ уже послѣ общаго состава преступленія. Однако, это воззрѣніе еще тѣмъ страннѣе, что Луденъ къ общему составу причисляетъ какъ существенный признакъ преступное опредѣленіе воли, проявляющееся или въ видѣ злаго умысла, или неосторожной вины. Какъ же онъ могъ вообразить себѣ преступное самоопредѣленіе воли безъ способности къ вмѣненію и какъ онъ можетъ представлять себѣ преступное дѣйствіе, которое не можетъ быть вмѣнено преступнику? И дѣйствительно, въ томъ вообще только случаѣ и можетъ быть рѣчь о dolus

и culpa, если при этомъ предполагается свободное самоопредѣленіе а вмѣстѣ съ тѣмъ именно и способность къ вмѣненію. Dolus и culpa суть сами по себѣ ничто иное, какъ формы преступнаго опредѣленія воли, которое вполнѣ обусловлено способностію къ вмѣненію. Умышленное или неосторожное дѣйствіе, и при этомъ предполагаемая возможность, что оно совершено въ неспособномъ къ вмѣненію состояніи, просто не совмѣстимо. Впрочемъ, то смѣшеніе понятій, въ которое впалъ Луденъ, совершенно понятно. Онъ говоритъ, что предметъ вмѣненія есть преступленіе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это можетъ быть сказано только объ объективной сторонѣ преступленія. Если бы было предметомъ вмѣненія преступленіе, т. е. не только объективное правонарушеніе, но и какъ совершенное вмѣстѣ съ тѣмъ умышленно или неосторожно, то тогда вовсе не было бы нужды во вмѣненіи; въ приговорѣ относительно существованія такого преступнаго явленія всегда содержался бы уже и приговоръ, опредѣляющій дѣйствительность вмѣняемости. Конечно, нельзя оспаривать того, что вмѣняемость не принадлежитъ къ differentia specifica преступнаго дѣйствія; но на этомъ основаніи исключать ее изъ состава преступленія, не менѣе странно, какъ и утверждать, что къ составу не принадлежитъ также и понятіе дѣйствія, самоопредѣленіе вообще. Также нельзя отрицать и того, что цѣль вмѣненія — рѣшеніе вопроса о винѣ и наказуемости субъекта, но это можетъ имѣть мѣсто только при положеніи, что извѣстное, объективно существующее, правонарушеніе должно быть отнесено къ волѣ субъекта, какъ опредѣляющему принципу; слѣдовательно, предметъ вмѣненія никакъ не можетъ уже содержать этотъ моментъ воли, или, если бы онъ содержалъ его, то всякій дальнѣйшій приговоръ былъ бы излишнимъ. Луденъ говоритъ, что никто не станетъ утверждать, что кто либо объявляется виновнымъ въ своей способности къ вмѣненію. Конечно нѣтъ, но въ его воззрѣніи лежитъ большее противорѣчіе, что кто либо долженъ быть найденъ виновнымъ въ своей винѣ. Совершенно непонятно, что онъ хочетъ сказать тѣмъ, что способность къ вмѣненію есть только состояніе, подъ которое подводится преступное дѣйствіе; ибо въ уголовномъ правѣ это состояніе разсматривается вовсе не какъ таковое, но какъ только содѣянное въ немъ дѣйствіе; но равнымъ образомъ нельзя понять и того, какъ можно отдѣлять дѣйствіе отъ состоянія вмѣняемости, которое существенно обусловливаетъ понятіе дѣйствія; что вообще можно представлять себѣ подъ однимъ момен-

томъ, не принимая во вниманіе въ то же время и другой. И практическія сомнѣнія, которыя Луденъ противопоставляетъ обыкновенному ученію, не должны существовать. Если онъ говоритъ, что изъ этого слѣдовало бы, что формальное слѣдствіе противъ извѣстнаго лица могло бы быть начато, прежде нежели вообще было бы достовѣрно, совершено ли дѣйствительно преступленіе или нѣтъ, то это конечно справедливо, по скольку онъ подъ послѣднимъ разумѣетъ, что преступленіе въ своей полнотѣ еще не вполнѣ доказано; но вполнѣ ложно то, если онъ этимъ хотѣлъ бы сказать, что по этому воззрѣнію спеціальное слѣдствіе могло бы быть начато, прежде нежели существуетъ вѣроятность, что объективно правонарушительное послѣдствіе обязано своимъ происхожденіемъ умышленному или неосторожному дѣйствію человѣка. Ошибка Лудена состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ утверждаетъ, что вмѣненіе не возможно безъ формальнаго слѣдствія, между тѣмъ какъ здѣсь можно сказать только то, что доказательства вмѣняемости должны быть вполнѣ пріобрѣтены только въ формальномъ слѣдствіи, но что имѣетъ одинаковое же значеніе и относительно доказательства dolus и culpa. Если Луденъ думаетъ, что доказательство dolus и culpa должно быть представлено вполнѣ и безъ формальнаго слѣдствія, то въ такомъ случаѣ за чѣмъ онъ его считаетъ необходимымъ? Вся сущность дѣла, лучше сказать, состоитъ въ слѣдующемъ: формальное слѣдствіе предполагаетъ вѣроятность, что объективно существующее правонарушеніе имѣетъ свое основаніе въ винѣ субъекта, т. е. въ дѣйствіи способнаго къ вмѣненію. Если бы противоположность была ясна, то, естественно, о формальномъ слѣдствіи не могло бы быть и рѣчи. Оно именно должно ту вѣроятность или уничтожить или возвести въ достовѣрность; оно слѣдовательно во всякомъ случаѣ предполагаетъ, что доказательства преступленія еще не вполнѣ существуютъ. Но такъ какъ оно предполагаетъ вѣроятность умышленнаго или неосторожнаго происхожденія правонарушенія, то оно предполагаетъ и вѣроятность вмѣняемости, способности къ вмѣненію преступника. Напротивъ, мнѣніе Лудена противорѣчитъ и положительному праву, равно какъ и существу дѣла. Ибо, если то истинно, что назначеніе формальнаго слѣдствія предполагаетъ доказательство dolus и culpa, то оно предполагаетъ и доказательство вмѣняемости, или, если истинно то, что вмѣненіе не возможно безъ формальнаго слѣдствія, тогда формальное слѣдствіе должно быть начато, какъ только существуетъ внѣшнимъ образомъ распознаваемое пра-

вонарушительное послѣдствіе. Другое сомнѣніе Лудена состоитъ именно въ томъ, что на практикѣ было бы въ высшей степени опасно съ доказательствомъ dolus или culpa принимать доказанною и вмѣняемость, такъ какъ эти понятія могутъ существовать и раздѣльно. Однако, практическая опасность здѣсь по стольку имѣетъ мѣсто, если не уяснено понятіе дѣйствія, ибо съ этимъ предположеніемъ вовсе невозможно говорить объ умышленномъ или неосторожномъ дѣйствіи неспособнаго къ вмѣненію».

Въ заключеніе нашего изложенія приводимъ ученіе о составѣ преступленія, принадлежащее профессору Берлинскаго университета Бернеру. Составъ преступленія, говоритъ онъ, есть совокупность признаковъ преступленія. Признаки преступленія какъ общаго понятія, образуютъ общій, признаки извѣстнаго рода преступленія — особенный составъ. Признаки преступленія раздѣляютъ на существенные (essentialia), обыкновенные (naturalia) и случайные (accidentalia). Только существенные признаки и принадлежатъ къ понятію и существу преступленія; обыкновенные же и случайные вліяютъ на мѣру наказанія. При разсмотрѣніи общаго состава преступленія должно исходить изъ того понятія, что преступленіе есть дѣйствіе. Все остальное, что приписываютъ еще преступленію, есть не болѣе какъ предикаты, прилагаемые какъ къ дѣйствію, такъ и къ субъекту. Такимъ образомъ это понятіе должно быть твердымъ основаніемъ, которое и опредѣляетъ дѣленіе ученія о преступленіи (или объ общемъ его составѣ). Преступленіе же, какъ дѣйствіе, предполагаетъ: 1) субъектъ, отъ котораго дѣйствіе исходитъ, 2) объектъ, на который дѣйствіе направлено, 3) средство, черезъ которое субъектъ можетъ воздѣйствовать на объектъ. Однако субъектъ, объектъ и средство не составляютъ еще дѣйствительнаго дѣйствія, а только условія къ нему. Но если эти условія существуютъ, то преступная воля субъекта можетъ воспользоваться тѣмъ средствомъ и осуществиться посредствомъ его на объектѣ. Наконецъ, преступное дѣйствіе не необходимо и не всегда должно исходить только отъ одного субъекта, а иногда для совершенія преступнаго дѣйствія могутъ соединиться многіе субъекты: совиновность или участіе въ преступленіи.

$^{27}/_{15}$ іюня 1865 года.

66) Доктора М. Суботина.

Въ истекшіе 3 мѣсяца, занятія мои состояли въ посѣщеніи лекцій профессора Вирхова 1) о патологіи нервной системы — murат-

ный курсъ, 2) о болѣзняхъ пищеварительныхъ органовъ — публичный курсъ, 3) демонстративнаго курса—приватно; 4) и въ упражненіяхъ въ его лабораторіи подъ его руководствомъ въ микроскопическихъ занятіяхъ. Вирховъ имѣлъ 12 лекцій въ недѣлю (двѣ ежедневно), и часы его чтеній совпадали съ часами профессоровъ Траубе и Фрерихса, потому клиницистовъ въ настоящемъ семестрѣ я посѣщалъ изрѣдка; болѣе другихъ возможно мнѣ было посѣщать Гризингера, который держитъ университетскую поликлинику. Кромѣ того, я прослушалъ экспериментальный курсъ нервной физіологіи у докторовъ Мунка и Розенталя. У доктора Розенштейна — объ изслѣдованіи мочи. До начала семестра (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ), я практически занимался гистологіей нормальныхъ тканей у ассистентовъ Вирхова — докторовъ Клебса и Конгейма.

Въ этомъ отчетѣ мы приведемъ результаты своихъ изслѣдованій надъ дѣйствіемъ спорыньи (Secale cornutum) на животный организмъ. Работа эта начата мною въ Петербургѣ, но послѣдній отдѣлъ ея, именно дѣйствіе хлѣбныхъ рожковъ на нервную систему, оконченъ мною въ Берлинѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Болѣзнь, извѣстная подъ именемъ Ergotismus, по временамъ свирѣпствовавшая эпидемически въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы и у насъ въ Россіи, является въ 2-хъ формахъ: гангренозной и конвульсивной. Первыя точныя свѣдѣнія о гангренозной формѣ сообщены Thuillier'омъ въ его описаніи эпидеміи (Brandseuche in der Sologne 1630 г.), изъ котораго видно, что еще въ среднихъ вѣкахъ (X — XIV стол.) въ различныхъ мѣстностяхъ свирѣпствовала эпидемическая болѣзнь гангренознаго характера, извѣстная тогда подъ именами: Ignis Sacer, Pestis Igniaria, Ignis St. Martialis, St. Antonii и проч.; но причина этой болѣзни, во многихъ отношеніяхъ и теперь загадочной, осталась темною, и только въ XVIII стол. Lang, Read и Tesier объяснили ее хроническимъ отравленіемъ спорыньею, примѣшанной къ хлѣбу. Описаніе судорожнаго эрготизма въ первый разъ было сдѣлано въ 1596 году, когда болѣзнь свирѣпствовала въ Гессенскомъ герцогствѣ. Въ XVII стол. замѣтили, что конвульсивный эрготизмъ развивается вслѣдствіе примѣси къ хлѣбу постороннихъ веществъ, но какихъ? оставалось нерѣшеннымъ. Причины искали то въ болѣзни самой пшеницы, въ омертвеніи зерна, то въ примѣси къ хлѣбу Lolium temulentum. Канштадтъ и въ настоящее время считаетъ, согласно съ Озенамомъ, одуряющій плевелъ причиною конвульсивнаго эрготизма. Линней назвалъ болѣзнь Ra-

phania и полагалъ, что она происходитъ отъ сѣмянъ растенія Raphanus raphanistrum, растущаго съ пшеницей. Съ XVII стол. начинаются наблюденія и опыты съ цѣлью повѣрить нами выставленныя предположенія о причинѣ болѣзни. Опыты надъ животными Rothmann'а, Wahlinseiger'а, въ новѣйшее время Zepperfeld'а (Casper's Wochenschrift. 1835. № 38.), привели къ результату, отрицающему названныя нами примѣси къ хлѣбу, какъ причину явленія эрготизма. Въ 1770 году Ганье (въ своемъ описаніи эпидеміи во Франціи, Швеціи и особенно въ сѣверной Германіи) высказался убѣдительно въ пользу рожковъ, какъ причины Raphaniae; его взглядъ основанъ на наблюденіи, что поражались болѣзнью только особы, употреблявшія хлѣбъ съ примѣсью спорыньи, и если ихъ удаляли изъ подъ вліянія такой пищи, они скоро поправлялись. Dietz, Gross, Bonjean и Millet, для повѣрки Ганье, производили опыты надъ животными и утверждаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ у собакъ отъ хлѣбныхъ рожковъ появлялись судорги, даже тетаническія; но еще и въ настоящее время многіе (Труссо) сомнѣваются въ справедливости объясненія причины эрготизма. Hamelton говоритъ: хлѣбныя рожки дѣйствуютъ только въ воображеніи врачей. Опроверженіемъ общепринятому мнѣнію приводятъ тотъ фактъ, что болѣзнь чаще встрѣчается у людей бѣдныхъ, живущихъ въ дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ и преданныхъ употребленію спиртныхъ напитковъ. Но такія условія повсемѣстны и существуютъ всегда, а болѣзнь является только въ года по преимуществу обильные произведеніемъ хлѣбныхъ рожковъ. У животныхъ (собакъ, кроликовъ), говорятъ, невозможно спорыньею произвести отравленія. Объясненія такой разницы во мнѣніяхъ о дѣйствіи Secale cornutum надо искать не въ неточности наблюденій, а въ томъ, что на дѣйствіе на организмы хлѣбныхъ рожковъ вліяетъ состояніе погоды, при которой они собраны, ихъ возрастъ и храненіе. Кромѣ того, надо допустить, что въ нѣкоторые годы и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рожки обладаютъ особенностями въ дѣйствіи на организмъ: такъ гангренозная форма эрготизма, какъ видно изъ описаній эпидемій, встрѣчается по преимуществу во Франціи, въ другихъ мѣстахъ чаще Raphania. Руленъ отъ спорыньи на маисѣ въ Колумбіи наблюдалъ выпаденіе волосъ, зубы разшатывались, куры, наѣвшись такого маиса, кладутъ яйца безъ скорлупы, у собакъ и оленей обнаруживается родъ опьяненія; но судорогъ и гангрены никогда не бываетъ. Потому необходимо бы было опредѣлить путемъ опыта надъ животными дѣйствіе

спорыньи, собранной въ годы свирѣпствованія эпидеміи, и испытать ее въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она вводится въ организмъ, т. е. въ формѣ печенаго хлѣба, ибо намъ совершенно неизвѣстно не претерпѣваютъ ли ея составныя части при этой обработкѣ измѣненій, отзывающихся на образы ея дѣйствія на организмъ. Bonjean (Traité de l'ergot de seigle et de l'ergotisme. 1845.) говоритъ, что, повидимому, ядовитыя свойства спорыньи уменьшаются отъ теплоты и хлѣбнаго броженія.

При остромъ отравленіи рожками, развиваются слѣдующіе припадки по Schroff'у: большіе пріемы производятъ у людей тошноту, рвоту, потерю аппетита, чувство сухости въ полости зѣва, боль головы, расширеніе зрачка, боль въ сторонѣ желудка, иногда сильныя боли въ мускулахъ конечностей, судорги (въ одномъ случаѣ эпилепсическія); уменьшенія числа ударовъ сердца Schroff не наблюдалъ отъ большихъ даже пріемовъ порошка Secal. corn., но замѣчалъ это явленіе при употребленіи внутрь эрготина Wiggers'a. Доктора Arnol, Danyan (L'Union 1850. 119, 120.) приписываютъ подобное же дѣйствіе на сердце и порошку хлѣбныхъ рожковъ. Я давалъ здоровымъ и хроническимъ больнымъ по 40 грановъ порошка хлѣбныхъ рожковъ въ сутки и никогда не наблюдалъ рѣзкаго уменьшенія числа ударовъ пульса.

Willebrand (Arch. f. Ophth. Gräfe. Bd. 4. Abt. 1. 1852.) приписываетъ Secal. cornut. свойство усиливать сократительность мышцъ сосудовъ, тѣмъ, что эрготинъ черезъ кровь дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на симпатическую нервную систему. Послѣ 40 грановъ pul. Sec. cornuti въ сутки, онъ перкуссіей опредѣлилъ уменьшеніе объема гипертрофированнаго сердца. Такимъ дѣйствіемъ объясняетъ онъ кровоостанавливающее свойство спорыньи, происхожденіе гангрены при долгомъ употребленіи рожковъ, и рекомендуетъ послѣдніе при хроническихъ воспаленіяхъ, болѣзняхъ приспособленія глазъ, невральгіяхъ и проч. Приводитъ онъ случай значительнаго уменьшенія гипертрофированнаго сердца, увеличенной щитообразной железы и Exophthalmus при внутреннемъ употребленіи pulv. Secal. corn. Проф. v. Gräfe (Deutsche Klinik. 1864. № 16) на основаніи своихъ наблюденій надъ exophthalmus, обусловливаемомъ опухолями въ глазницѣ, и exophthalmus при Базедовой болѣзни, а также въ виду опытовъ Besold'a, доказывающихъ ускореніе движенія сердца при раздраженіи шейнаго ствола симпатическаго нерва, считаетъ Базедову болѣзнь страданіемъ симпатическаго нерва, при

чемъ послѣднiй находится въ состоянiи возбужденiя. Если это справедливо, тогда облегченiе, которое наблюдалъ Виллебрандъ, въ упомянутомъ нами случаѣ, отъ употребленiя Sec. cornut. не можетъ быть объяснено возбуждающимъ дѣйствiемъ спорыньи на сочувственный нервъ.

Изъ такихъ отрывочныхъ наблюденiй и одностороннихъ опытовъ выработалось положенiе: спорынья дѣйствуетъ на голово-хребетную нервную систему, на симпатическую, тѣмъ уменьшаетъ объемъ артерiй по преимуществу небольшаго калибера, какъ болѣе богатыхъ мышечными ячейками, — этимъ объяснялось кровоостанавливающее свойство хлѣбныхъ рожковъ и способность вызывать сокращенiя въ беременной маткѣ.

Наши изслѣдованiя о физiологическомъ дѣйствiи спорыньи начинаются опытами надъ лягушками, съ цѣлью опредѣленiя этого яда на сердце. Для всприскиванiя употреблялся крѣпкiй водный настой (infusum) Sec. corn. (изъ ʒjjj на ℥j жидкости), иногда разбавленный водой эрготинъ Бонжана. Такъ какъ занимавшiй насъ ядъ дѣйствуетъ медленно, то подъ кожу животнымъ вводилось заразъ не менѣе $^1/_2$ cc. жидкости. Животное прикалывалось булавкою къ пробковой доскѣ, разрѣзывалась грудная кость сверху внизъ, и вырѣзывался небольшой ея кусокъ, при этомъ, большею частiю внутренности черезъ рану не выпадали, а сокращенiя сердца и его степень наполненiя кровью наблюдать было удобнѣе. Минутъ черезъ пять, когда животное успокоивалось, удары сердца сосчитывались, и затѣмъ подъ кожу ноги или спинки впрыскивался крѣпкiй водный настой Sec. cornut. Удары сердца сосчитывались у отравленной такимъ образомъ лягушки черезъ короткiе промежутки времени 5′ — 10′. Мы здѣсь не войдемъ въ описанiе отдѣльныхъ опытовъ, представимъ только релультаты послѣднихъ. При всѣхъ опытахъ замѣчено: уменьшенiе объема сердца, слабое наполненiе кровью желудочковъ, уменьшенiе числа сердцебiенiя. Число сердечныхъ ударовъ падало въ 10′—15′ (отъ начала отравленiя) на половину первоначальной цифры, съ 60 ударовъ въ 1′ на 30, 25, 15 ударовъ въ 1′. Явленiе это наступаетъ въ то время, когда животное прыгаетъ, дыханiе правильное, словомъ, когда еще другихъ признаковъ отравленiя не наблюдается. Подъ конецъ, съ развитiемъ у животнаго паралитическихъ явленiй, сердце дѣлается шире, число ударовъ его въ минуту увеличивается. Когда животное мертво, дыханiе прекратилось, раздраженiе чувствительныхъ нервовъ не вы-

зываетъ рефлекторныхъ движеній, сердце продолжаетъ еще сокращаться часа 2, 3. Для опредѣленія, не зависитъ ли уменьшеніе числа сердечныхъ ударовъ отъ дѣйствія яда на продолговатый мозгъ, произведенъ рядъ опытовъ, при которыхъ до отравленія перерѣзывались по обѣимъ сторонамъ nn. vagi. Для этого, по вскрытіи грудной кости, разрѣзывалась кожа отъ верхняго края грудины до угла нижней челюсти, тупымъ концомъ иглы разрѣзывалась рыхлая соединительная ткань, перерѣзывалась ключичная мышца, нервъ, помѣщающійся между яремною веной и артеріей, захватывался на иглу со стороны вены и перерѣзывался. Подобные опыты показали, что, не смотря на нарушеніе цѣлости блуждающихъ нервовъ, цифра сердечныхъ ударовъ въ первыя минуты (10′ — 15′) дѣйствія яда падало значительно съ 54 въ 1′ — на 15 ударовъ въ 1′. Изъ опытовъ слѣдуетъ, что Secale cornutum дѣйствуетъ непосредственно на сердце и первымъ признакомъ отравленія является нарушеніе дѣятельности этого органа. При слабомъ наполненіи сердца кровью и уменьшеніи числа сердцебіеній артеріи будутъ меньше содержать крови и представляться уже. У собакъ отъ введенія inf. Secale cornutum въ вену, число сердцебіеній уменьшается, пульсъ становится едва ощутимымъ. Доказательствомъ уменьшенія дѣятельности сердца у высшихъ животныхъ, отравленныхъ хлѣбными рожками, служатъ опыты съ опредѣленіемъ боковаго давленія крови въ артеріяхъ. Въ одну изъ сонныхъ артерій собаки вставлялась T трубка Фолькмана, которая приводилась въ сообщеніе съ монометромъ, измѣненнымъ проф. Сѣченовымъ, посредствомъ длинной свинцовой трубки, наполненной крѣпкимъ растворомъ двууглекислаго натра. Кромѣ манометрической высоты, опредѣлялись числа дыханій и сердцебіеній. Настой спорыньи впрыскивался въ бедренную вену нагрѣтымъ до 30° С. Четыре опыта, сдѣланные по этому образцу, показали: животное, безпокоившееся сильно во время обнаженія сонной артеріи, успокоивалось вдругъ за введеніемъ яда въ вену; давленіе сильно падало въ теченіи 10′ — 15′ съ 124 на 60, съ 116 на 54, затѣмъ снова начинало повышаться и часто достигало первоначальной высоты; если же настой спорыньи вторично впрыскивался въ вену — давленіе снова падало.

Прежде нежели мы перейдемъ къ изложенію дѣйствія яда на мышечную и нервную системы, представимъ общую картину отравленія животныхъ спорыньею. Для примѣра мы опишемъ одинъ опытъ; лягушкѣ большой величины впрыснуто подъ кожу брюха и

правой ноги $^3/_4$ cc. extr. Sec. cornuti (ʒj на ʒjv. aq.), разбавленнаго водой. Черезъ полчаса лягушка немного ослабѣла, при щипаніи кожи прыгаетъ, но скачекъ невѣрный; черезъ 10′ сидитъ опустившись на брюхо, переднія ноги не поддерживаютъ животнаго, заднія притянуты къ туловищу, дыханіе ровное, лягушка ползаетъ. Черезъ часъ отъ начала опыта ползать не можетъ, дѣлаетъ каждые 2, 3 минуты движенія, какъ бы хочетъ прыгнуть, но остается на мѣстѣ. Черезъ 10′ животное лежитъ, по временамъ производитъ слабое движеніе конечностями, дыханіе неровное, рѣдкое, рефлексы значительно ослабѣли; — такое состояніе продолжалось минутъ 25. Послѣ прекращенія дыханія (1^0 45′ отъ начала опыта), дѣйствуя крѣпкой сѣрной кислотой на кожу ноги, вызывается слабое отдергиваніе конечности. Черезъ 8′ рефлексъ механическими раздраженіями не вызывается. Вскрыта грудь, — 22 сердцебіенія въ 1′. Обнажены оба сѣдалищные нерва; перерѣзъ ихъ производитъ вздрагиваніе соотвѣтственной конечности; слабый прерывистый токъ черезъ n. ichiaticus — сильное сокращеніе мышцъ, бедра и голени той же ноги. Явленія, какъ мы ихъ описали, прогрессивнаго ослабленія произвольныхъ и рефлекторныхъ движеній наблюдаются постоянно у животныхъ, отравленныхъ хлѣбными рожками. Смерть наступаетъ у лягушки черезъ $^3/_4$ часа, въ другихъ же случахъ черезъ 2—2$^1/_2$ часа отъ начала опыта.

Для уясненія сущности паралитическихъ явленій, опредѣлялось состояніе нервной и мышечной раздражительности у животныхъ, отравленныхъ спорыньею. Черезъ часъ отъ начала опыта, когда дыханіе, произвольныя и отраженныя движенія давно прекратились, слабый прерывистый токъ аппарата д-ра Буа на обнаженный сѣдалищный нервъ вызывалъ сильныя сокращенія въ мускулахъ соотвѣтственной конечности. Мы пробовали уединять нервъ отъ дѣйствія яда перевязкой art. iliacae на одной сторонѣ и затѣмъ отравляли; по смерти находили, что одинаковой силы токъ при дѣйствіи имъ на сѣдалищные нервы вызывалъ сокращенія въ мускулахъ голени отравленной конечности, равно какъ и защищенной отъ дѣйствія яда перевязкой артеріи. Въ случаяхъ, когда смерть наступала не скоро (черезъ 2 — 2$^1/_2$ часа), слабый прерывистый токъ черезъ нервъ отравленной ноги вызывалъ сокращенія въ мускулахъ соотвѣтственной голени, но та же сила тока черезъ нервы другой конечности, уединенной отъ вліянія яда, не производила сокращеній въ мускулахъ икроножныхъ, и чтобы вызвать послѣдніе, надо было

усиливать токъ сближеніемъ спиралей (это уменьшеніе раздражительности объясняется долгимъ разобщеніемъ нерва съ кровью). Мы опредѣляли состояніе мышечной раздражительности по способу Кюне: лягушкѣ перевязывалась art. femoralis на одной сторонѣ, затѣмъ животное отравлялось, и когда прекращались произвольныя и отраженныя движенія, отпрепарировался n. ichiaticus на ногѣ стороны перевязанной артеріи и отдѣлялся отъ тѣла вмѣстѣ съ икроножной мышцей, на ногѣ же не оперированной отдѣлялся musc. gastrocnemius безъ конца нерва; обѣ мышцы клались на Мейснеровы проводы, конецъ сѣдалищнаго нерва соединялся съ электродами батареи постояннаго тока, направленіе котораго было восходящее. При дѣйствіи прерывистымъ электрическимъ токомъ на мышцы, послѣднія показывали одинаковую степень раздражительности.

Эти опыты ясно показываютъ, что причина различія паралитическихъ явленій лежитъ не въ дѣйствіи яда на мышечную систему и двигательные нервы. Наука не обладаетъ строгими методами къ опредѣленію состоянія раздражительности чувствительныхъ нервовъ. О послѣдней мы скажемъ при изложеніи вывода изъ изслѣдованій вліянія яда на центральную нервную систему.

Единственный путь для опредѣленія, дѣйствуетъ ли спорынья на спинной мозгъ, состоитъ въ изслѣдованіи рефлексовъ. Опыты были произведены слѣдующимъ образомъ: лягушка привѣшивалась за губу къ пробковой перекладинѣ, рефлексы вызывались очень разведенной сѣрной кислотой, въ которую погружались лапки лягушки, время прошедшее отъ погруженія лапки въ кислоту до выдергиванія измѣрялось ударами метротона, бившаго 100 ударовъ въ минуту. При этихъ опытахъ замѣчено у отравленныхъ животныхъ паденіе рефлекса, такъ что если лапка выдергивалась изъ кислоты черезъ 15 ударовъ, то за отравленіемъ черезъ 5′ выдергивалась черезъ 30 ударовъ, черезъ 10′ черезъ 45 ударовъ.

Проф. Сѣченовъ показалъ въ большомъ мозгу присутствіе центровъ, задерживающихъ отраженныя движенія; доказательствомъ, что при нашихъ опытахъ паденіе рефлекса не зависитъ отъ возбужденія спорыньею этихъ центровъ, служитъ слѣдующій опытъ: лягушка отравлена введеніемъ настоя спорыньи въ брюхо; черезъ 20 минутъ отъ начала отравленія рефлексы съ 9 упали на 33; отрѣзана голова лягушкѣ, рефлексы не наросли, а напротивъ черезъ 10′ лапка

выдергивается изъ кислоты черезъ 60 ударовъ, еще черезъ 8′ черезъ 78 ударовъ.

Подавленіе рефлексовъ при нашихъ опытахъ можетъ зависѣть отъ парализующаго дѣйствія яда на спинной мозгъ или на чувствительные периферическіе нервы. Рѣшить этотъ вопросъ возможно только слѣдующимъ опытомъ: уединить чувствительные нервы заднихъ конечностей, перевязкой брюшной аорты, отъ дѣйствія яда; тогда, въ случаѣ паденія рефлексовъ, явленіе это должно быть приписано вліянію спорыньи на спинной мозгъ; но при этомъ надо имѣть въ виду, что самое разобщеніе нерва съ кровью можетъ причинить пониженіе рефлекса; потому произведены были сравнительные опыты. Выбраны двѣ лягушки одинаковой раздражительности, у обѣихъ перевязана брюшная аорта, одна лягушка отравлена, другая — нѣтъ, у обѣихъ опредѣлялось состояніе рефлекса. Опытъ показалъ слѣдующее: у неотравленной лягушки рефлексы падали, но паденіе было незначительное: въ началѣ опыта она выдергивала лапку изъ кислоты черезъ 7 ударовъ, черезъ 5′ черезъ 10 ударовъ, черезъ 10′—15 ударовъ, 15′—19 ударовъ. Отравленная введеніемъ яда подъ кожу брюха въ началѣ опыта выдергивала ногу изъ кислоты черезъ 7 ударовъ, черезъ 5′—13 ударовъ, черезъ 10′—38 ударовъ, 15′ — 45 ударовъ, 20′ — 60 ударовъ.

Этимъ мы закончили свои изслѣдованія о дѣйствіи спорыньи на животный организмъ и дальше продолжать ихъ пе можемъ, такъ какъ въ настоящее время заняты вопросами изъ нервной патологіи.

67) Доктора Д. Зайковскаго.

Къ вопросу о дѣйствіи фосфора, мышьяка и сурьмы на организмъ.

Въ предъидущемъ отчетѣ мы изложили наши наблюденія о патологическихъ измѣненіяхъ, производимыхъ мышьякомъ въ организмѣ. Мы видѣли, что при употребленіи внутрь мышьячной и мышьяковистой кислотъ *) наблюдается очень сильное жировое перерожденіе печени, почекъ, мышцъ сердца и мышцъ діафрагмы; при этомъ особенно характеристично пораженіе центровъ каждаго

*) Вслѣдствіе описки въ предъидущемъ отчетѣ нашемъ вкрались ошибки въ количествѣ употребляемой мышьяковистой кислоты. При медленномъ отравленіи мы давали ее p. d. по 0,002 — 0,004 нѣсколько дней сряду, а среднія дозы по 0,01 — 0,02 grm.

печеночнаго островка (acinus), которое, по мѣрѣ развитія болѣзненнаго процесса, переходитъ на всю поверхность онаго. Точно такое же явленіе наблюдается и при употребленіи внутрь препаратовъ сурьмы. Мы давали ее въ формѣ сурьмяной кислоты и трехъхлористой сурьмы. Первый препаратъ получали кролики по 0,5—0,8 grm. ежедневно въ теченіе 12—15 дней, второй по 0,05—0,1 въ теченіе 5 — 6 дней. При вскрытіи, печень ихъ представляла совершенно тождественный видъ съ печенью животныхъ, отравленныхъ мышьяковыми препаратами: и въ этомъ случаѣ она была значительно увеличена въ объемѣ, центры каждой дольки и отчасти средина ихъ были болѣе или менѣе сильно поражены жировымъ метаморфозомъ, но при этомъ въ почкахъ и въ сердцѣ, кромѣ особенно сильной набухлости ткани и вслѣдствіе тото увеличенія органовъ въ объемѣ, не было замѣтно особенно рѣзко выраженнаго пораженія. Для полноты сравненія мы давали кроликамъ фосфоръ и фосфорную кислоту; первый получали они по 0,002—0,005 grm. нѣсколько дней сряду, вторую по 0,7—0,9 grm. въ теченіе нѣсколькихъ дней (мы употребляли при этомъ acidum phosphoricum glaciale). При этомъ мы наблюдали всѣ явленія, которыя описываютъ изслѣдователи, занимавшіеся въ послѣдніе 3 — 4 года патологическими измѣненіями, производимыми фосфоромъ въ организмѣ, а именно: сильное жировое перерожденіе печени, почекъ и мышцъ сердца. Но при этомъ намъ никогда не удавалось наблюдать первоначальнаго пораженія центровъ, соотвѣтствующихъ началу печеночныхъ венъ (venae intralobulares); пораженіе было постоянно сплошное. При этомъ мы должны замѣтить, что, вопреки ученію Мунка и Лейдена, высказанному ими въ недавно вышедшемъ сочиненіи «Die acute Phosphor-Vergiftung», при внутреннемъ употребленіи фосфорной кислоты явленія жироваго метаморфоза въ сказанныхъ тканяхъ несравненно слабѣе выражены чѣмъ при отравленіи фосфоромъ,—наблюденіе, говорящее положительно противъ теоріи этихъ изслѣдователей, доказывающихъ, что фосфоръ дѣйствуетъ на организмъ какъ фосфорная кислота. Послѣдняя разрушаетъ кровяные шарики и черезъ то производится жировое перерожденіе. По ихъ мнѣнію, всѣ кислоты, дѣйствующія разрушительно на кровяные элементы, производятъ сказанное явленіе въ организмѣ. Но количество желтаго фосфора, достаточное для умерщвленія животнаго, до того ничтожно сравнительно съ количествомъ фосфорной кислоты, потребной для достиженія той же цѣли, что одно уже это положительно говоритъ противъ ихъ ученія. Но,

какъ бы то ни было, мышьякъ производитъ описанныя нами явленія въ организмѣ, обладая діаметрально противоположными свойствами: препараты мышьяка, какъ извѣстно, прекрасное средство для сохраненія стойкости элементовъ организма вообще и кровяныхъ клѣточекъ въ особенности. Въ этомъ легко убѣдиться, если взять количество мышьячной кислоты, отъ котораго часто умираетъ животное, растворить ее въ возможно меньшемъ количествѣ воды, смѣшать съ сывороткой крови и туда опустить нѣсколько капель крови: кровяныя клѣточки прекрасно сохраняются въ такой средѣ нѣсколько дней сряду. При этомъ у отравленныхъ животныхъ препаратами мышьяка въ крови никогда нельзя видѣть самыхъ легкихъ намековъ на распаденіе кровяныхъ клѣточекъ, самая кровь представляетъ въ спектральномъ аппаратѣ обѣ характеристическія линіи, и гематинной линіи, указывающей на разложеніе крови, нѣтъ и слѣдовъ. Да и наблюдаемое измѣненіе крови въ сосудахъ Мункомъ и Лейденомъ при отравленіи фосфорной кислотою зависитъ вѣроятно отъ совершенно другихъ причинъ: такъ они впрыскивали значительныя количества оффиціальной фосфорной кислоты прямо въ кровь, при чемъ конечно свертывалась и разрушалась вся масса оной, приходившая въ соприкосновеніе со впрыскнутой жидкостью.

Параллельно съ измѣненіями микроскопическими въ ткани печени, увеличивается и количество содержащагося въ ней жира, при чемъ, какъ мы это сказали выше, увеличивается и вѣсъ этого органа. Вотъ для примѣра нѣсколько цифръ.

Здоровые кролики.				Больные кролики (отравленные мышьячной кислотой).			
1. вѣсъ	тѣла	= 3220	grm.	1. вѣсъ	тѣла	= 3123	grm.
»	печени	= 45	»	»	печени	= 67	»
2. »	тѣла	= 4273	»	2. »	тѣла	= 3255	»
»	печени	= 49	»	»	печени	= 76	»
3. »	тѣла	= 3506	»	3. »	тѣла	= 4250	»
»	печени	= 41	»	»	печени	= 69	»

Содержаніе жира въ печени мы опредѣляли слѣдующимъ образомъ: сушили на водяной банѣ мелко изрѣзанную печень, обращали ее въ порошокъ, вытягивали эфиромъ и нерастворенный остатокъ варили еще разъ съ алкоголемъ; горячую алкогольную вытяжку фильтровали, упаривали фильтратъ до-суха въ водяной банѣ и остатокъ обработывали эфиромъ, при этомъ мы получили слѣдующія цифры. Выше названныя нормальныя печени содержали: № 1 — 6%,

№ 2 — 6$^3/_4$, № 3 — 5% жира; отравленные же № 1 — 8%, № 2 — 12$^1/_2$%, № 3 — 11%. При этомъ мы должны замѣтить, что содержаніе жира въ печени животныхъ, отравленныхъ фосфоромъ, было значительно меньше, чѣмъ въ печени животныхъ, умершихъ отъ мышьяка. Такъ печень кролика, отравленнаго фосфоромъ, вѣсомъ въ 71 grm. содержала 7$^1/_2$%; въ другомъ случаѣ, печень вѣсомъ въ 69 grm. — 9$^1/_4$%. Съ увеличеніемъ количества жира изчезали изъ печени гликогенъ и сахаръ у животныхъ, принимавшихъ мышьяковые и сурьмяные препараты. Для добыванія оныхъ, мы поступали слѣдующимъ образомъ. Мы бросали мелко изрѣзанную печень только что умершаго животнаго въ кипятокъ, варили минутъ 10, потомъ вынимали ее, мелко растирали въ жидкую массу и опять варили съ тою же водою въ продолженіи $^3/_4$ часа, прибавивши предварительно нѣсколько капель уксусной кислоты (если конечно отваръ самъ по себѣ не реагировалъ кисло) для удаленія кали-альбумината, образующагося при свертываніи бѣлка; потомъ фильтровали, упаривали нѣсколько и потомъ смѣшивали съ 90% алкоголемъ, приливая онаго въ 4 раза больше объема самой жидкости; послѣ чего оставляли стоять 24 часа. Осѣвшій гликогенъ отфильтровывали, растворяли въ кипящей водѣ и, остудивши, реагеровали J, растворенным въ KJ, а другую порцію смѣшивали съ слюною и черезъ нѣсколько времени реагировали на сахаръ. Отфильтрованный алкоголь упаривали до густоты сыропа и реагировали на сахаръ; въ случаѣ сомнительной реакціи, смѣшивали упаренную часть съ чистымъ пескомъ, растирали нѣсколько времени, экстрагировали снова небольшимъ количествомъ алкоголя, фильтровали и отфильтрованную жидкость смѣшивали съ алкогольнымъ растворомъ кали, при чемъ, если присутствовалъ въ растворѣ сахаръ, образовывалось двойное соединеніе сахара съ кали, нерастворимое въ алкоголѣ, которое и осѣдало на одно; черезъ 24 часа отфильтровывали осадокъ, растворяли въ водѣ и реагировали на сахаръ Троммеровскою пробою. Въ здоровыхъ печеняхъ мы всегда получали значительныя количества гликогена и, вопреки мнѣнію Pävy и Ritter'а, постоянно слабые слѣды сахара, согласно съ наблюденіемъ Клодъ Бернара; но въ печеняхъ отравленныхъ животныхъ оба эти тѣла изчезали совершенно. Печени же кроликовъ, умершихъ отъ фосфора, всегда содержали гликогенъ, хотя въ значительно меньшемъ количествѣ, сравнительно съ нормальными печенями.

Берлинъ, $^{26}/_{14}$ іюня 1865 года.

68) Доктора медицины И. Догеля.

(За лѣтній семестръ 1865 года).

Честь имѣю донести департаменту, что я началъ свои заграничныя занятія въ Гейдельбергѣ, куда я прибылъ за нѣсколько дней до конца зимняго семестра. Все время ферій я посвятилъ главнымъ образомъ занятіямъ высшею математикою и чтенію нѣкоторыхъ сочиненій по физіологіи, химіи и физикѣ. Съ наступленіемъ лѣтняго семестра, я началъ посѣщать слѣдующіе курсы: 1) курсъ общей физіологіи профессора Гельмгольца (первые пять дней недѣли отъ 8-ми до 9-ти часовъ утра, а въ субботу отъ 8-ми до 10-ти часовъ), 2) практическія упражненія въ экспериментальной физіологіи въ физіологическомъ институтѣ профессора Гельмгольца (первые пять дней недѣли отъ 9-ти до 11-ти часовъ), 3) Курсъ экспериментальной физики профессора Кирхова (отъ 11-ти до 12-ти, всѣ 6 дней недѣли), 4) практическія занятія количественнымъ и качественнымъ анализомъ въ химической лабораторіи профессора Бунзена (ежедневно отъ 2-хъ до 7-ми часовъ).

Систематическое посѣщеніе этихъ курсовъ я намѣренъ продолжать до конца семестра.

Гейдельбергъ, $^{10}/_{22}$ іюня 1865 года.

69) Кандидата Ф. Шеймана.

Занятія мои въ этомъ семестрѣ сосредоточиваются въ изученіи санскрита, въ особенности же языка ведъ.

Объясняемая нынѣ проф. Веберомъ Ат'арва-веда довольно рѣзко отличается отъ прочихъ ведъ, такъ что она въ самой Индіи долгое время не признавалась ведою.

Характеръ ея опредѣляется уже назначеніемъ заключающихся въ ней гимновъ, въ которыхъ встрѣчается, впрочемъ, не мало мѣстъ, заимствованныхъ изъ другихъ ведъ. Ат'арва-веда собственно есть сборъ магическихъ пѣсенъ и формулъ, которыми заклинаются нечистыя силы, уничтожается дѣйствіе сглазенія и другихъ чаръ, излечиваются болѣзни, внушается любовь и т. д.

Такъ какъ стихи Ат'арва-веды, будучи вызваны суевѣріемъ, распространеннымъ особенно въ низшихъ и среднихъ слояхъ общества, относятся къ всевозможнымъ происшествіямъ обыденной жизни,

то они не лишены важности для оцѣнки нравовъ и обычаевъ того времени.

По той же причинѣ Ат'арва-веда предлагаетъ множество оборотовъ, выраженій и формъ, болѣе не встрѣчающихся въ индійской литературѣ.

Относительно преподаванія проф. Вебера, преимущественно я долженъ признать рѣдкую ясность его изложенія и педагогическую силу, такъ сказать, его преподаванія.

Большія затрудненія при чтеніи Ат'арва-веды представляетъ то обстоятельство, что для поясненія тѣхъ словъ и выраженій, которыя еще не разобраны въ словарѣ Петербургской академіи, существующія пособія часто оказываются недостаточными.

Подобно ведамъ и даже болѣе ихъ, требуетъ особеннаго истолкованія грамматика Пâнини. Странное расположеніе матеріала, темный, сжатый слогъ, чрезвычайно сложная терминологія, все это потребовало бы несоразмѣрно много времени для изученія Пâнини безъ помощи учителя.

Хотя я, подъ частнымъ руководствомъ проф. Бенфея, уже читалъ Пâнини и въ нѣкоторой мѣрѣ познакомился съ образомъ его изложенія, однако я счелъ полезнымъ посѣщать лекціи приватъ-доцента д-ра Іогентгена о синтаксическихъ мѣстахъ въ Пâнини.

Уже въ предъидущемъ моемъ отчетѣ я имѣлъ случай указать, что на синтаксическую сторону языка въ индійской грамматикѣ обращено мало вниманія. Малочисленныя правила, относящіяся сюда, ограничиваются самыми необходимыми опредѣленіями и разбросаны по разнымъ отдѣламъ Пâниневой книги.

Вообще, въ его грамматикѣ находятся правила только о числахъ, объ употребленіи парасмаіпадамъ и âтманепадамъ, о самâсѣ (словосоставленіи), о временахъ и наклоненіяхъ.

Принимая въ соображеніе, какую огромную пользу индійская грамматика приносила общему языкознанію, намъ поставляется въ обязанность не пренебрегать тѣмъ, что сдѣлано индійцами касательно внутренней формы языка.

Д-ръ Іогентгенъ, молодой ученый, поселившійся тутъ только въ прошломъ семестрѣ, занимается этимъ предметомъ уже нѣсколько лѣтъ, чему служитъ доказательствомъ брошюра, изданная имъ въ 1859 году подъ заглавіемъ: «Specimen syntaxeos linguæ sanscritæ». Въ послѣднее же время, главныя свои занятія онъ посвятилъ преимущественно индійской философіи; его диссертація pro venia legendi

даетъ объемлющія свѣдѣнія о связи философскихъ идей законовъ Ману съ различными системами индійской философіи, особенно съ системою Са̂нкьевъ.

Сверхъ вышеупомянутыхъ лекцій, я слушаю лекціи Вебера о Мег'адутѣ, лирической поэмѣ Калида̂сы, хотя я нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ уже прочелъ эту поэму. Уже тогда нѣкоторыя мѣста, въ критическомъ отношеніи, показались мнѣ сомнительными, другія мѣста допускали различное ихъ пониманіе, такъ что мнѣ было желательно узнать объ этихъ пунктахъ мнѣніе Вебера. И дѣйствительно, критика Вебера рѣшила бо̂льшую часть указанныхъ вопросовъ весьма убѣдительнымъ образомъ. За этимъ исключеніемъ, я большой выгоды изъ этихъ лекцій до сихъ поръ не имѣлъ, такъ какъ Веберъ, по необходимости, главное вниманіе обращаетъ на элементарныя потребности большинства своихъ слушателей.

Частныя мои занятія обращены преимущественно на изученіе Зенда и на сравнительный разборъ различныхъ санскритскихъ грамматикъ.

Изученіе Зенда въ нынѣшнее время значительно облегчено изданіемъ руководства Юсти, въ которомъ, кромѣ богатаго словаря и христоматіи, заключается и хорошая грамматика зендскаго языка.

Слѣдующій семестръ я намѣренъ провести въ Іенѣ, чтобы заняться славянскими и литовскими языками и участвовать въ практическихъ упражненіяхъ по сравнительной грамматикѣ, руководимыхъ проф. Шлейхеромъ.

Берлинъ, $\frac{\text{6-го іюля}}{\text{24-го іюня}}$ 1865 года.

70) Кандидата Михаила Ерофеева.

Лѣтній семестръ этого года я нахожусь въ Тюбингенѣ. Выборъ мой палъ на Тюбингенскій университетъ потому, что онъ представлялъ мнѣ болѣе удобствъ для занятій палеонтологіей и химіей. Хотя предметъ моей специальности и не составляютъ осадочныя формаціи, а породы кристаллическія, т. е., какъ говорится обыкновенно, я занимаюсь геогнозіей, а не геологіей, тѣмъ не мемѣе и при моихъ занятіяхъ можетъ встрѣтиться надобность въ геологіи осадочныхъ формацій, а слѣдовательно и въ палеонтологіи, надобность напр. въ опредѣленіи древности какой либо осадочной породы, находящейся въ прикосновеніи съ кристаллическою. По

сему случаю первый семестръ моего командированія за границу я рѣшился посвятить изученію палеонтологіи и въ то же время занятіямъ и химіей, т. е. подробнымъ изученіемъ методовъ количественнаго анализа.

Просматривая съ такою цѣлію Verzeichnissen германскихъ университетовъ, я остановился на Тюбингенскомъ, во 1-хъ, потому что по палеонтологіи здѣсь находится проф. Квенштедтъ, очень извѣстный въ геологіи осадочныхъ формацій, особенно Швабской Юры, во 2-хъ, потому что здѣсь находится очень хорошій палеонтологическій кабинетъ, доступъ въ который совершенно свободенъ для всякаго желающаго, и въ 3-хъ, потому что профессоромъ химіи здѣсь Штреккеръ, хотя химикъ, все время занимавшійся органическою химіею, но для моихъ занятій могущій быть вполнѣ удовлетворительнымъ.

Пріѣхавъ въ Тюбингенъ, я началъ слушать лекціи геогнозіи и палеонтологіи и заниматься въ палеонтологическомъ кабинетѣ и въ лабораторіи Штреккера. Лекціи геогнозіи профессоръ Квенштедтъ читаетъ по своей книгѣ Epochen der Natur, на нѣкоторыхъ мѣстахъ которой онъ останавливается или для объясненія этихъ мѣстъ или для критики писателей, писавшихъ объ этомъ предметѣ; лекціи же палеонтологіи интересны въ томъ отношеніи, что сопровождаются показываніемъ почти всѣхъ формъ, какія упоминаются на лекціи. Занятія же мои въ кабинетѣ состоятъ въ изученіи только тѣхъ формъ класса Molluscae, которыя служатъ для характеризованія какого либо яруса осадочной формаціи; на изученіе же всѣхъ формъ, встрѣчающихся въ осадочныхъ формаціяхъ, у меня недостало бы времени.

Въ лабораторіи же я произвелъ нѣсколько анализовъ минераловъ. При этомъ не могу не отдать благодарности, какъ профессору Штреккеру, такъ и профессору Квенштедту за ихъ любезность и внимательность къ моимъ занятіямъ.

Тюбингенъ, $\frac{\text{26-го іюня}}{\text{8-го іюля}}$ 1865 года.

71) Магистра Бугаева.

Остальную часть времени моего пребыванія за границею я рѣшился провести въ Берлинѣ. Къ сожалѣнію, я засталъ весьма мало математическихъ лекцій, способныхъ возбудить особенный интересъ, ибо Кронеккеръ вовсе не читаетъ въ настоящій семестръ, Куммеръ

же читаетъ ту самую статью о приложеніи дифференціальнаго исчисленія, къ поверхностямъ, которую я у него выслушалъ во время моего перваго пребыванія въ Берлинѣ, поэтому я счелъ полезнымъ слушать только лекціи Вейерштрасса о варіаціонномъ исчисленіи. Главныя же мои занятія сосредоточились на изученіи, въ библіотекѣ, нѣкоторыхъ математическихъ статей журналовъ Crelle'я и Liouville'я и преимущественно на приготовленіи къ печати моихъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ числовыхъ тожествахъ. Для болѣе точнаго уясненія того круга истинъ, который составляетъ предметъ моихъ изысканій, я считаю полезнымъ высказать нѣсколько общихъ воззрѣній.

Совокупность математическихъ истинъ, извѣстныхъ въ настоящее время подъ общимъ именемъ теоріи чиселъ, существенно распадается на два огромныхъ отдѣла. Въ одномъ разсматриваются свойства неопредѣленныхъ уравненій; сюда принадлежитъ теорія сравненій и различныхъ формъ. Въ другомъ изслѣдуются свойства числовыхъ функцій, какъ по отношенію ихъ между собою, такъ и по отношенію ихъ къ функціямъ аналитическимъ, и по связи ихъ съ различными вопросами анализа. Къ этому отдѣлу относятся изящныя изслѣдованія Чебышева о первыхъ числахъ, Гаусса и Дирикле о числѣ родовъ и классовъ квадратичныхъ формъ для различныхъ опредѣлителей, изслѣдованія Дирикле объ ассимптотическихъ выраженіяхъ, Ліувилля о различныхъ числовыхъ тожествахъ и всѣ изысканія о взаимной зависимости между свойствами числовыхъ функцій и коеффиціентами безконечныхъ рядовъ.

Хотя еще не существуетъ до сихъ поръ общихъ методовъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ втораго отдѣла, хотя частныя изысканія, относящіяся сюда, стоятъ независимо другъ отъ друга, однако нельзя не видѣть, что вопросы и пріемы, употребляемые во второмъ отдѣлѣ, отличаются отъ методовъ перваго отдѣла своимъ аналитико-числовымъ характеромъ. На этомъ основаніи мы считаемъ полезнымъ усвоить и терминологію, соотвѣтствующую этимъ двумъ отдѣламъ. Совокупность истинъ, относящихся къ первому отдѣлу, мы будемъ называть собственно теоріею чиселъ, или просто *теоріею чиселъ*. Совокупность истинъ, относящихся ко второму отдѣлу, будемъ называть *числовымъ исчисленіемъ* (calcul numérique). Тѣ случаи, въ которыхъ свойства числовыхъ функцій будутъ зависѣть отъ свойства неопредѣленныхъ уравненій, нисколько не противорѣчатъ этому раздѣленію.

Совокупность законовъ, составляющихъ предметъ нашего изслѣдованія, принадлежитъ къ той огромной группѣ истинъ, которую мы будемъ называть числовымъ исчисленіемъ, ибо, хотя неопредѣленныя уравненія служатъ точкою отправленія, при выводѣ различныхъ числовыхъ тожествъ въ нашемъ изслѣдованіи, однако то возврѣніе и та цѣль, съ которою разсматриваются эти уравненія, носятъ на себѣ характеръ, не подлежащій вполнѣ теоріи чиселъ въ смыслѣ вышеупомянутаго опредѣленія. Въ выраженіе числовыхъ законовъ, выводимыхъ у насъ, входитъ функція E(u) съ символомъ E, означающимъ наибольшее цѣлое число, содержащееся въ положительномъ количествѣ *u*. До сихъ поръ этотъ символъ употреблялся какъ вспомогательное орудіе для облегченія доказательства различныхъ теоремъ теоріи чиселъ и числоваго исчисленія (законъ взаимности двухъ простыхъ чиселъ, теорема Чебышева), но не былъ предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія, и свойства функціи E(u) не имѣлись главнымъ образомъ въ виду.

Лучшее изслѣдованіе, въ которомъ разбираются нѣкоторыя свойства выраженій, зависящихъ отъ символа E, принадлежитъ Дирикле. Но въ своей статьѣ «Sur la détermination des valeurs moyennes dans la théorie des nombres, Liouvill, 1856», онъ преимущественно имѣетъ въ виду провести мысль объ ассимптотическихъ формулахъ, къ которымъ стремятся въ предѣлѣ рѣшенія различныхъ числовыхъ вопросовъ, поэтому и преобразованія, употребляемыя у него, и методы носятъ иногда частный характеръ, соотвѣтствующій другой основной мысли.

Для изслѣдованія свойствъ символа E можно пользоваться любымъ изъ трехъ пріемовъ, или 1) можно употреблять *способъ неравенствъ*, въ которомъ общею задачею было бы опредѣлить, сколько разъ неравенство $f(x, y, z) < n$ можетъ быть удовлетворено при извѣстныхъ условіяхъ возрастанія перемѣнныхъ, или 2) *способъ геометрическій*, при которомъ мы могли бы рѣшать различные вопросы для точекъ, распредѣленныхъ на плоскости или въ пространствѣ извѣстнымъ образомъ, и выводить все, что возможно вывести изъ подобнаго воззрѣнія, или 3) *способъ числовыхъ тожествъ*, въ которомъ свойства символа E выводятся на основаніи способности выраженій, зависящихъ отъ E, удовлетворять опредѣленнымъ тожествамъ. Хотя каждый изъ этихъ пріемовъ имѣетъ своеобразный характеръ и способенъ вносить въ изслѣдованіе собственныя ему особенности, однако не трудно видѣть при ближай-

шемъ разборѣ, что всѣ эти методы, равно какъ и методъ преобразованія числовыхъ выраженій, сводятся въ сущности къ одной основной идеѣ. Мы могли бы дать нашимъ изысканіямъ названіе теоріи символа E, если бы пользовались всѣми вышеупомянутыми способами и разобрали всѣ заключенія, къ которымъ можетъ повести каждый изъ методовъ изслѣдованія; но такъ какъ нами выбранъ одинъ изъ пріемовъ и мы разбирали всѣ законы, къ которымъ можетъ повести онъ для опредѣленныхъ случаевъ, независимо отъ того, будетъ ли, или не будетъ входить въ выраженіе ихъ символъ E, то мы и считаемъ необходимымъ удержать въ названіи нашего изслѣдованія соотвѣтствующую общую идею. Въ нашемъ изслѣдованіи мы вывели два общихъ закона числовыхъ тожествъ. Второй изъ нихъ можетъ выражаться съ одной и съ двумя произвольными функціями. Формулами этихъ числовыхъ тожествъ какъ бы указывается на взаимную связь этого метода съ интеграціей по конечнымъ разностямъ. Дѣйствительно, въ частномъ случаѣ второй законъ числоваго тожества даетъ общія формулы по конечнымъ разностямъ, могущія послужить и для рѣшенія различныхъ вопросовъ числоваго анализа.

Чтобы имѣть понятіе о тѣхъ числовыхъ законахъ, къ которымъ приводятся общія числовыя тожества въ частныхъ предположеніяхъ, я приведу нѣкоторыя изъ нихъ.

Пусть функція $\xi(u)$ означаетъ число дѣлителей цѣлаго числа p, не превосходящихъ u, d_u величину дѣлителя, стоящаго на мѣстѣ u въ рядѣ дѣлителей числа p, распредѣленныхъ по ихъ величинѣ, тогда для всякихъ двухъ цѣлыхъ чиселъ k и n такихъ, чтобы $n + d_k \leqq p$ имѣемъ формулу:

$$\Sigma_{u=1}^{u=k} \xi(n+d_u) + \Sigma_{1+\xi(n)}^{\xi(n+d_k)} \xi(d_u - n) = k\,\xi(n+d_k) + \Theta,$$

гдѣ Θ число, означающее сколько въ рядѣ $d_{1+\xi(n)} - n$, $d_{2+\xi(n)} - n \ldots$, $d_{\xi(n+d_k)} - n$ находится дѣлителей числа p.

Полагая $p = 36$, имѣемъ его дѣлителей 1, 2, 3, 4, 6, 9, 12, 18, 36. Формула наша даетъ $k = 7$ и $n = 7$:

$$\Sigma_{u=1}^{u=7} \xi(7+d_u) + \Sigma_{6}^{8} \xi(d_u - 7) = 7.8 + \Theta.$$

Θ показываетъ, сколько въ рядѣ $d_6 - 7 = 2$, $d_7 - 5 = 5$, $d_8 - 7 = 11$ заключается дѣлителей числа 36. Въ нашемъ случаѣ $\Theta = 1$ и формула даетъ

$$\xi(8)+\xi(9)+\xi(10)+\xi(11)+\xi(13)+\xi(16)+\xi(19)+\xi(2)+\xi(5)+\xi(11)=57.$$

Въ примѣръ задачи, рѣшаемой одною изъ формулъ, я приведу слѣдующую: данъ конечный рядъ цѣлыхъ чиселъ: $(1+E\sqrt{n})^2-n$, $(2+E\sqrt{n})^2-n, \ldots (E\sqrt{n+k})^2-n$, получаемый отъ подстановки въ выраженіи u^2-n вмѣсто u ряда натуральныхъ чиселъ отъ $1+E\sqrt{n}$ до $E\sqrt{n+k}$, найти N число первыхъ чиселъ, содержащихся въ этомъ рядѣ. Это число N выражается формулою:

$$N = \Sigma_{u=1}^{u=\psi k} E\sqrt{n+\Theta_u} + \Sigma_{1+E\sqrt{n}}^{E\sqrt{n+k}} \psi(u^2-n) - E\sqrt{n+k}.\,\psi(k),$$

гдѣ $\psi(u)$ выражаетъ число первыхъ чиселъ, не превосходящихъ u, и Θ_u — величину перваго числа, стоящаго въ таблицѣ на мѣстѣ *u*.

Сохраняя тѣ же самыя обозначенія для $\xi(u)$, d_u, $\psi(u)$, Θ_u, мы имѣемъ слѣдующій числовый законъ:

$$\Sigma_{u=1}^{u=\psi(1+\xi n)} .\, \Theta_u = [1+\xi(n)]\, \psi[1+\xi(n] - \Sigma_1^{\psi[\xi(n)]} \xi\left(\frac{n}{d}\right)_{\Theta_u}$$

Для $p = n = 36$ формула даетъ:

$$\Sigma_1^{\psi(1+\xi 36)} \Theta_u = (1+\xi 36)\ \psi(1+\xi 36) - \Sigma_1^{\psi[\xi(36)]} \xi\left(\frac{36}{d}\right)_{\Theta_u};$$

имѣя въ виду, что $\xi(36)=9$, ибо дѣлители 36 суть 1, 2, 3, 4, 6, 9, 12, 18, 36,

$\psi[1+\xi(36)].=\psi 10 = 4$, имѣемъ $\Sigma_1^4 \Theta_u = 10\,\psi(10) - \Sigma_1^4 \xi\left(\frac{36}{d}\right)_{\Theta_u}$

или $\Theta_1+\Theta_2+\Theta_3+\Theta_4 = 10.\,4 - \Big[\xi\left(\frac{36}{d_2}\right) + \xi\left(\frac{36}{d_3}\right) + \xi\left(\frac{36}{d_5}\right) +$

$+ \xi\left(\frac{36}{d_7}\right)\Big] = 40 - 23 = 17 = 2+3+5+7.$

Этихъ примѣровъ мы считаемъ достаточнымъ для уясненія общаго характера тѣхъ числовыхъ законовъ, которые являются простымъ слѣдствіемъ общихъ числовыхъ тожествъ.

Берлинъ, 16/28 іюня 1865 года.

72) Надворнаго совѣтника Геека *).

(Отчетъ о ходѣ заграничныхъ занятій съ 1-го мая по 1-е іюля 1865 года).

Прибывъ въ Берлинъ, я счелъ нужнымъ тамъ остановиться на короткое время для полученія необходимыхъ свѣдѣній и совѣтовъ для будущихъ моихъ занятій по данной мнѣ департаментомъ народнаго просвѣщенія инструкціи. Мнѣ необходимо было предварительно разузнать: во 1-хъ, какія учительскія семинаріи и народныя школы въ Германіи, особенно въ Пруссіи и въ Швейцаріи, отличаются образцовымъ своимъ устройствомъ въ учебно-воспитательномъ и хозяйственномъ отношеніи; во 2-хъ, какія сочиненія могли бы мнѣ служить пособіемъ для основательнаго изученія исторіи народнаго образованія въ этихъ государствахъ, и въ 3-хъ, какія руководства употребляются при изложеніи нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, педагогіи и дидактики.

Для скорѣйшаго достиженія означенной цѣли, я рѣшился безпокоить перваго секретаря при русскомъ посольствѣ просьбою о содѣйствіи мнѣ въ полученіи рекомендательнаго письма отъ русскаго посланника при прусскомъ дворѣ къ г. министру народнаго просвѣщенія въ прусскомъ королевствѣ. Получивъ просимое мною письмо и явившись къ г. министру, я имѣлъ возможность, благодаря его благосклонности, предварительно узнать много полезныхъ свѣдѣній для моихъ занятій. Кругъ этихъ свѣдѣній еще болѣе расширился, когда я, по рекомендаціи г. министра, обратился къ г. Стилю (Geheimer Ober-Regierungs und vortragender Rath in dem Königlichen Ministerium der geistlichen, Unterrichts- und Medicinal-Angelegenheiten), который по порученію министерства занимался между прочимъ и составленіемъ трехъ прусскихъ регулятивовъ и ихъ дополненій и объясненій касательно устройства учительскихъ семинарій и народныхъ школъ въ Пруссіи и способовъ и объемовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ этихъ заведеніяхъ. Расчитывая на снисходительное вниманіе г. Стиля, я изложилъ ему въ короткихъ словахъ составленный мною для моихъ занятій планъ, который состоитъ въ слѣдующемъ. Для всесторонняго изученія устройства учи-

---

*) Г. Геекъ отправленъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для ознакомленія съ устройствомъ иностранныхъ учительскихъ семинарій и народныхъ школъ.

тельскихъ семинарій и народныхъ школъ необходимо, основываясь на томъ, что настоящее объясняется прошедшимъ, по моему мнѣнію, во 1-хъ, по возможности ознакомиться какъ съ исторіею народнаго образованія въ цѣломъ государствѣ, такъ и съ постепеннымъ историческимъ развитіемъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній; во 2-хъ, теоретически изучить нынѣ и прежде существующіе уставы, штаты и положенія для упомянутыхъ учрежденій; въ 3-хъ, основательно усвоить себѣ утвержденныя программы, объемъ и распредѣленіе по классамъ учебныхъ предметовъ по употребляемымъ въ училищахъ руководствамъ и другимъ учебнымъ пособіямъ; въ 4-хъ, послѣ подобной подготовки посѣщать уроки по отдѣльнымъ предметамъ, наблюдая при этомъ за методами преподаванія и за исполненіемъ на практикѣ утвержденныхъ программъ, и наконецъ въ 5-хъ, ознакомиться или по собственному наблюденію или по совѣщанію не только съ административно-учебнымъ устройствомъ школъ, но также и съ ихъ внутреннею жизнью, съ духомъ и направленіемъ въ нихъ и съ вліяніемъ школъ на общественную жизнь. Только такимъ путемъ, какъ мнѣ кажется, можно себѣ дать сознательный отчетъ въ устройствѣ школъ и убѣдиться, на сколько эти учрежденія соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ общества и что изъ нихъ можетъ быть примѣнимо у насъ въ Россіи.

Результатомъ моего совѣщанія съ г. Стилемъ было подтвержденіе моего намѣренія: сначала теоретически приготовиться къ изученію устройства школъ и потомъ уже приступить къ посѣщенію классовъ, сосредоточивъ свое вниманіе главнымъ образомъ въ наблюденіи за существующими въ разныхъ училищахъ методами преподаванія и за примѣненіемъ уставовъ и положеній этихъ училищъ къ практикѣ. Для этого я пріобрѣлъ себѣ въ Берлинѣ по указанію г. Стиля значительное количество сочиненій и руководствъ, изъ которыхъ я укажу только на нѣкоторыя:

1) Geschichte des deutschen Volksschulwesens von Höppe.
2) Das höhere Schulwesen in Preussen von Wiese.
3) Das Erziehungswesen der Schweiz von Grunholzer u. Mann.
4) Die drei preussischen Regulative vom 1, 2 u. 3 October 1854.
5) Aktenstücke zur Geschichte und zum Verständniss der preussischen Regulative von Stiehl.
6) Die Weiterentwickelung der preussischen Regulative von Stiehl.
7) Die Bürgerschule von Schnell.

8) Wegweiser für Volksschullehrer von Bock.

9) Unterrichts- und Schulkunde von Bormann.

10) Statistische Nachrichten über das Elementar-Schulwesen in Preussen von 1859—61.

11) Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen. Jahrgang 1859—61, и проч.

Ознакомившись съ содержаніемъ бо́льшей части этихъ книгъ, я желалъ такимъ же образомъ сначала теоретически изучить исторію и устройство швейцарскихъ школъ. Поэтому я оставилъ Берлинъ и отправился прямо въ Швейцарію, въ деревню Кюснахтъ, около Цюриха, въ которой находится извѣстная своимъ устройствомъ учительская семинарія съ образцовымъ при ней народнымъ училищемъ. По совѣщанію съ г. Фризомъ, директоромъ Кюснахтской семинаріи, я имѣлъ возможность, благодаря его благосклонности, предварительно узнать характеръ замѣчательныхъ учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ въ Швейцаріи и получить точныя и вѣрныя свѣдѣнія, въ какихъ именно кантонахъ устройство школъ считается лучшимъ и болѣе соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ общества. Эти свѣдѣнія были для меня чрезвычайно важны, потому что облегчали мои занятія при изученіи законовъ и постановленій, относящихся до народнаго образованія въ Швейцаріи; ибо, какъ извѣстно, страна эта представляетъ большое разнообразіе въ учебно-воспитательномъ отношеніи, такъ какъ каждый кантонъ самостоятельно распоряжается устройствомъ училищъ и поэтому имѣетъ особыя для своихъ школъ постановленія, которыя болѣе или менѣе зависятъ отъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ.

Усвоивъ общія школьныя узаконенія всей Швейцаріи по отдѣльнымъ кантонамъ изъ сочиненія: «Das Erziehungswesen der Schweiz von Grunholzer und Mann», я обратилъ пока особое вниманіе на изученіе устройства школъ въ кантонѣ Цюриха и старался прослѣдить историческое развитіе какъ народныхъ школъ вообще, такъ и Кюснахтской семинаріи съ образцовымъ при ней училищемъ въ особенности. Въ этомъ случаѣ служили мнѣ пособіемъ слѣдующіе предметы:

1) Meine Beobachtungen, Bestrebungen und Schicksale während meines Aufenthaltes im Kanton Zürich vom Jahre 1825—1839 von Th. Scheer (первый директоръ Кюснахтской семинаріи).

2) Отчеты директоровъ Кюснахтской семинаріи.

3) Постановленія и протоколы учительскихъ конференцій какъ

семинаріи, такъ и отдѣльныхъ учительскихъ уѣздовъ (Schulkapitol des Bezirkes).

4) Составленный воспитанниками семинаріи журналъ о ходѣ преподаванія учебныхъ предметовъ въ образцовой школѣ.

5) Gesetz über das gesammte Unterrichtswesen des Kantons Zürich.

6) Reglement über das Zürich'sche Lehrerseminar und Lehrplan desselben.

7) Lehrplan der Primar- und Secundarschule.

8) Употребляемыя въ семинаріи и народныхъ училищахъ руководства при изложеніи учебныхъ предметовъ.

9) Частные разговоры какъ съ гг. директоромъ и преподавателями семинаріи, такъ и съ гг. учителями народныхъ школъ и проч.

И такъ почти все мое время за границею было до сихъ поръ главнымъ образомъ посвящено подготовкѣ къ изученію учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ въ Германіи, особенно въ Пруссіи и въ Швейцаріи. Независимо отъ этого, я по возможности посѣщалъ нѣкоторые уроки какъ въ семинаріи, такъ и въ образцовомъ при ней училищѣ. Но, не желая при этомъ пока слишкомъ дробить свои занятія, я ограничился посѣщеніемъ уроковъ въ семинаріи по тѣмъ только предметамъ, которые имѣютъ или ближайшее отношеніе къ моей спеціальности или при изложеніи коихъ употребляются мнѣ уже извѣстныя руководства. Къ первымъ относятся уроки по математикѣ, естественной исторіи, физикѣ и математической географіи, а ко вторымъ уроки по всеобщей исторіи и географіи. Уроки же по другимъ предметамъ, особенно по педагогикѣ и методикѣ, я намѣренъ посѣщать по прочтеніи употребляемыхъ преподавателями источниковъ. Что же касается до образцовой народной школы, то я посѣщалъ ее съ цѣлью не столько изучить способъ и пріемъ первоначальнаго преподаванія, сколько ознакомиться съ веденіемъ класса съ шестью отдѣленіями. Кромѣ того, я присутствовалъ въ ней на урокахъ, данныхъ учителемъ этой школы, въ присутствіи всѣхъ народныхъ учителей здѣшняго уѣзда и на совѣщаніи по этому предмету. Подробности этихъ уроковъ и результаты совѣщанія мною будутъ сообщены въ слѣдующемъ отчетѣ въ связи со всѣми наблюденіями, сдѣланными мною въ училищахъ кантона Цюриха.

Кюснахтъ, 3/15 іюля 1865 года.

73) Докторанта Николая Залѣскаго.

Независимо отъ посѣщенія лекцій, въ теченіе прошлаго триместра я исключительно занимался въ физіологической лабораторіи профессора Гоппе рѣшеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ. Главнѣйшій изъ нихъ, какъ я уже прежде говорилъ, состоялъ въ томъ, чтобы показать, что костная ткань не есть механическая смѣсь солей, но соединеніе химическое, постоянное, ненаходящееся въ зависимости отъ обстоятельствъ, на счетъ которыхъ относили тѣ неровности анализовъ, какія мы замѣчаемъ почти у всѣхъ авторовъ, писавшихъ о химическомъ составѣ костей вообще. Изслѣдованія мои, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, бо́льшею частію уже покончены, такъ что въ настоящее время я имѣю нѣсколько фактовъ, доказывающихъ несомнѣнно справедливость высказанныхъ мною положеній; однако, чтобы сохранить цѣлость добытыхъ результатовъ, я долженъ изложеніе ихъ отложить до слѣдующаго отчета, въ которомъ буду имѣть честь представить работу мою вполнѣ.

Прошлый разъ я говорилъ о результатахъ изслѣдованій крови въ желтухѣ; важность вопроса необходимо требовала прослѣдить его долѣе, а главное доказать возможность искусственнаго обращенія гематина въ красящее начало желчи, такъ какъ на метаморфозѣ этомъ я главнымъ образомъ основывалъ сужденія мои о происхожденіи парадоксальной желтухи (icterus paradoxus). Чтобы дать изслѣдованіямъ моимъ надлежащій смыслъ, я долженъ буду, хотя въ общихъ чертахъ, повторить здѣсь то, что сказано уже было мною въ предъидущемъ отчетѣ. Основываясь на химическихъ анализахъ крови и мочи больныхъ ictero, я пришелъ къ убѣжденію, что парадоксальная форма ея есть явленіе, имѣющее мало общаго съ тою формою желтухи, которая въ основаніи своемъ имѣетъ ту или другую болѣзнь печени, желчнаго аппарата — вообще съ формою механическою. Существенное различіе обѣихъ формъ болѣзни вытекаетъ, какъ я прежде говорилъ, изъ того, что въ парадоксальной желтухѣ мы никогда не находимъ въ крови и мочѣ желчныхъ кислотъ, но лишь пигменты, тогда какъ во второй формѣ (механической) тѣ и другіе постоянно бываютъ вмѣстѣ. Очевидно, что отсутствіе желчныхъ кислотъ въ парадоксальной желтухѣ не можетъ быть объяснено случайностями, либо распаденіемъ ихъ на другіе продукты, какъ это полагалъ Frerichs [1]), ни, наконецъ, недостаточностію методовъ въ

[1]) Klinik der Leberkrankheiten. Bd. I. pag. 94.

выдѣленіяхъ, которыми я пользовался при моихъ розысканіяхъ, потому что тѣ же самыя методы въ механической формѣ желтухи всегда давали результаты положительные. Парадоксальная желтуха исключительно является въ болѣзняхъ міазматическихъ и нѣкоторыхъ случаяхъ отравленій, т. е. всегда тамъ, гдѣ масса крови болѣе или менѣе измѣнена; связь эта невольно наводитъ на идею, что развившіеся симптомы желтухи въ этихъ случаяхъ, суть слѣдствія измѣненія крови. Другихъ причинъ предполагать невозможно, на томъ основаніи, что при вскрытіи субъектовъ, умершихъ въ этой формѣ желтухи, мы ненаходимъ въ печени и желчномъ аппаратѣ такихъ матеріальныхъ измѣненій, которыми можно бы было уяснить себѣ образъ ея происхожденія. Извѣстно, что въ большей части болѣзней крови и едва ли не во всѣхъ случаяхъ отравленій измѣненіе массы крови прежде всего выражается уменьшеніемъ количества кровяныхъ шариковъ, которые подъ вліяніемъ той или другой причины распадаются; гематинъ, сдѣлавшись такимъ образомъ свободнымъ, способенъ подвергаться метаморфозу, въ силу котораго могутъ происходить желчные пигменты. Этимъ лишь способомъ мы можемъ объяснить происхожденіе парадоксальной желтухи, изъ которой, однако, необходимо исключить несправедливо къ ней относимую спазмодическую форму (icterus spasticus) — объ этой послѣдней я намѣренъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Если вникнуть въ обстоятельства, за которыми появляется спазмодическая желтуха, то мы встрѣтимъ постоянно одну и ту же причину — испугъ; при другихъ душевныхъ возмущеніяхъ еще никогда желтухи не встрѣчали. Происхожденіе ея въ этомъ случаѣ объясняли то спазмомъ выносящихъ протоковъ, то вліяніемъ нервовъ и такимъ образомъ одно незнаніе покрывали другимъ, едва ли не большимъ. Первая гипотеза вполнѣ потеряла кредитъ; что же касается второй, то, не смотря, что въ основаніи своемъ она гораздо слабѣе предъидущей, еще удержала въ наукѣ прежнее ея значеніе. Такимъ образомъ, въ новѣйшемъ трактатѣ о желтухѣ Prof. Gr. Harley'я [1]) мы находимъ отдѣлъ *Jaundice as a result of enervation*, куда онъ отнесъ тѣ именно случаи ея, которые развились подъ вліяніемъ испуга и слѣдовательно, по его мнѣнію, нервовъ. Не входя въ опроверженіе мнѣній Harley'я и другихъ, замѣчу лишь, что не имѣя ни одного положительнаго факта, указывающаго на дѣйствительную зависимость

[1]) Jaundice its patology and treatment. London, 1863, pag. 22.

отдѣленія желчи отъ нервовъ, мы не въ правѣ объяснять спазмодическую желтуху вліяніемъ ихъ; гораздо основательнѣе, я полагаю, отнести ее къ катарральной, т. е. къ механической формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что въ моментъ подѣйствовавшей причины (испуга) кровь устремляется отъ периферическихъ частей къ центральнымъ органамъ, отсюда являются блѣдность кожи, обморокъ, нерѣдко апоплексія и весьма часто поносъ, т. е. катарръ кишекъ, остающійся въ теченіе нѣсколькихъ дней. Катарръ этотъ легко поражаетъ желчные пути, и такимъ образомъ какъ секундарное явленіе происходитъ желтуха всегда въ легкой степени и рѣдко общая, проходящая постепенно по мѣрѣ уничтоженія катарра. Отсюда очевидно, что icterus spasticus принадлежитъ къ механической, а не парадоксальной желтухѣ; первая изъ нихъ есть непремѣнное слѣдствіе всякаго препятствія выходу желчи въ кишечный каналъ и послѣдовательнаго внесенія въ кровь всѣхъ составныхъ ея частей (cholaemia), другая же, тѣсно связанная съ болѣзнями и отравленіями, измѣняющими массу крови, есть продуктъ обращенія гематина въ красящее начало желчи. Это послѣднее мнѣніе есть конечно гипотеза, которую чтобы поставить на степень факта, необходимо доказать на дѣлѣ возможность сказаннаго метаморфоза; рѣшеніемъ этого вопроса я занимался въ теченіе прошлаго триместра, и хотя не получилъ никакихъ положительныхъ результатовъ, однако обѣщаніе мое въ прошломъ отчетѣ налагаетъ на меня обязанность представить хотя краткій рефератъ о дальнѣйшихъ моихъ изслѣдованіяхъ по этому предмету. Идея происхожденія красящаго начала желчи изъ гематина не нова; хотя положительныхъ данныхъ на этотъ счетъ мы не имѣемъ еще въ наукѣ, извѣстно лишь то, что мѣстомъ образованія пигментовъ желчи не есть исключительно печень, потому что они весьма часто встрѣчаются на такихъ мѣстахъ организма, гдѣ присутствіе ихъ по многимъ обстоятельствамъ не можетъ быть объяснено отложеніемъ желчи. Лучшимъ доказательствомъ служатъ нѣкоторые патологическіе пигменты, образованіе которыхъ тѣсно связано съ экстравазатами и измѣненіемъ въ этихъ послѣднихъ кровяныхъ шариковъ. Въ какомъ бы мѣстѣ организма ни произошло изліяніе крови, она во всѣхъ случаяхъ претерпѣваетъ родъ измѣненій сообразно химическимъ свойствамъ частей, входящихъ въ образованіе ея. Здѣсь я намѣренъ сказать лишь о измѣненіи въ экстравазатахъ красящаго начала крови. Опредѣлить скорость измѣненія кровяныхъ шариковъ въ экстравазатахъ довольно трудно;

обстоятельство это зависитъ отъ количества излившейся крови, мѣста, на которомъ она находится и среды ея окружающей; въ малыхъ экстравазатахъ и мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаютъ достаточное количество воды, измѣненіе въ нихъ шариковъ идетъ быстро и наоборотъ; — причина этому понятна, во всякомъ случаѣ полное разрушеніе ихъ никогда не бываетъ ранѣе двадцатаго дня. Начало измѣненія кровяныхъ шариковъ обнаруживается перемѣною ихъ формы: они дѣлаются сначала блѣдными, далѣе совершенно безцвѣтными, представляя кружки съ нѣжными контурами, въ такомъ состояніи они остаются болѣе или менѣе продолжительное время, затѣмъ разрушаются и резорбируются; вмѣстѣ съ этимъ содержимое ихъ также измѣняетъ какъ физическія, такъ и химическія свои свойства; оно, сдѣлавшись свободнымъ, является сначала въ видѣ аморфной массы краснаго или бураго цвѣта, которою проникнуты какъ свертокъ фибрина, такъ равно и поверхность подлежащей ткани; съ дальнѣйшимъ же теченіемъ времени сказанная масса принимаетъ болѣе свѣтлый оттѣнокъ, дѣлается зернистою, потомъ кристаллическою, гдѣ кристаллы, то отдѣльно, то группами сидящіе, бываютъ обыкновенно малы, исключая старыхъ экстравазатовъ, въ которыхъ они нерѣдко достигаютъ значительной величины; впрочемъ во всѣхъ случаяхъ они красножелтаго или рубиноваго цвѣта, принадлежатъ къ ромбической системѣ и сильно переломляютъ лучи свѣта. Кристаллы эти, названные Вирховомъ *гематоидиномъ* (Haematoidinkrystalle), образовавшись однажды, остаются въ описанномъ состояніи безъ малѣйшаго измѣненія, какъ бы долго они не оставались въ организмѣ; такимъ образомъ гематоидинъ есть выраженіе окончательнаго метаморфоза красящаго начала крови; появленіе его тѣсно связано съ разрушеніемъ кровяныхъ шариковъ такъ, что пока сіи послѣдніе сохраняютъ ихъ первоначальный характеръ, мы не находимъ пигмента ни въ кристаллическомъ, ни аморфномъ его состояніи. При изліяніяхъ крови въ жидкость, напр. въ содержимое кистъ, кровяные шарики подвергаются тому же метаморфозу, который мы выше видѣли, съ тѣмъ однако отличіемъ, что здѣсь мы не встрѣчаемъ гематоидина въ кристаллической формѣ, но въ растворѣ, изъ котораго его легко выдѣлить помощію хлороформа.

Наконецъ, мы имѣемъ еще нѣкоторые факты, несомнѣнно доказывающіе происхожденіе желчныхъ пигментовъ изъ гематина. Та-

кимъ образомъ опыты Kühne [1]) и Max Herrmann'a [2]) показали, что введеніе въ кровь животныхъ воды и вообще веществъ растворяющихъ кровяные шарики вызываетъ въ мочѣ ихъ появленіе желчныхъ красящихъ веществъ и притомъ тѣмъ обильнѣе, чѣмъ значительнѣе была степень разведенія крови и слѣдовательно разрушенія кровяныхъ шариковъ.

Указавъ такимъ образомъ механизмъ происхожденія гематоидина изъ красящаго начала крови, разсмотримъ теперь химическія его свойства. Вирховъ довольно подробно описалъ отношеніе гематоидина къ нѣкоторымъ реагентамъ и указалъ на сходство его съ билифулвиномъ или, что то же самое, съ билирубиномъ. Обстоятельство это позднѣе было подтверждено наблюденіями Valentiner'a [3]), Brücke [4]), Zenker'a [5]) и Funke, которые, основываясь на кристаллической формѣ и реакціяхъ общихъ у обоихъ тѣлъ, положительно доказали тождество ихъ такъ, что въ настоящее время гематоидинъ и билирубинъ разсматриваютъ какъ тѣла вполнѣ тождественныя, хотя, строго говоря, мы мало имѣемъ на это правъ по той причинѣ, что гематоидинъ относительно своего состава изслѣдованъ еще весьма мало. Причина этому заключается съ одной стороны въ томъ, что онъ никогда не встрѣчается въ экстравазатахъ въ количествахъ, которыя бы позволяли изучить его составъ основательно, съ другой же потому, что тѣло это не было еще получено искусственнымъ образомъ, и слѣдовательно все, что мы знаемъ о свойствахъ и составѣ гематоидина, касается того, который находимъ былъ въ организмѣ при сказанныхъ выше патологическихъ условіяхъ [6]). Здѣсь я исключаю наблюденія Foller'a [7]), и Städeler'a, изъ которыхъ первый получалъ гематоидинъ изъ гематина, дѣйствуя на

---

[1]) Beiträge zur Lehre vom Icterus — Virchow's Archiv. Bd. XIV, pag. 310.

[2]) Ueber den Einfluss der Blutverdünnung auf die Secretion des Harns — Virchow's Arch. Bd. XVII, pag. 451.

[3]) Zur Kenntniss der animalischen Pigmente — Zeitschr. für klin. Medicin. Neue Folge I, pag. 46.

[4]) Ueber Gallenfarbstoffe etc. Sitzungsberichte der math. naturwiss. Classe der Wiener Akademie. Bd. XXV, pag. 13.

[5]) Ueber die Beziehungen des Blutfarbstoffes zum Gallenfarbstoff—Jahresbericht für die Jahre 1853 — 1857 von der Ges. für Natur- u. Heilkunde in Dresden. 1858, pag. 53.

[6]) По Штеделеру составъ гематоидина можетъ быть выраженъ слѣдующею формулою: $C_{30} H_{18} N_2 O_6$, билирубина же $C_{32} H_{18} N_2 O_6$.

[7]) De sanguinis colore ejusque mutationibus per gasa. Diss. Regiomonti. 1856.

водный растворъ сего послѣдняго углекислотою, второй же изъ тирозина, подвергая его окисленію. Изслѣдованія эти положительно ошибочны: такимъ образомъ мы знаемъ, что углекислота не измѣняетъ свойствъ гематина, который до тѣхъ поръ, пока будетъ удерживать въ себѣ желѣзо, не даетъ реакціи, свойственной гематоидину или вообще желчнымъ пигментамъ; наконецъ, мы имѣемъ средство вполнѣ устранить изъ гематина желѣзо дѣйствіемъ сѣрной кислоты, при чемъ образуется $FeOSO_3$ и гематинъ свободный отъ желѣза (eisenfreies Haematin Mulder'a), но и въ этомъ случаѣ мы ни при какихъ условіяхъ не получимъ реакціи Gmelin'a, если только не дѣйствовать азотною кислотою на алкогольный растворъ гематина, причемъ дѣйствительно отъ образующихся NO_2 NO_4 происходитъ въ азотной кислотѣ то измѣненіе цвѣтовъ, которое характеризуетъ сказанную реакцію общую всѣмъ пигментамъ желчи, изъ которыхъ необходимо принять лишь одинъ билирубинъ; что же касается остальныхъ, которыхъ въ настоящее время насчитываютъ около пяти, то всѣ они суть вѣроятно продукты билирубина, откуда дѣйствительно легко получить многіе изъ нихъ при помощи самыхъ простыхъ химическихъ операцій. Такимъ образомъ зеленый пигментъ желчи *биливердинъ* (C_{32} H_{20} N_2 O_{10}) еще до сихъ поръ не открытъ ни въ желчи, ни въ образуемыхъ ею камняхъ; онъ полученъ лишь искусственно изъ билирубина, который въ щелочныхъ растворахъ на воздухѣ переходитъ въ биливердинъ; этотъ послѣдній можетъ быть полученъ еще другимъ образомъ, варя билирубинъ съ ѣдкимъ натромъ. Что касается остальныхъ трехъ пигментовъ *билифусцина* (C_{32} H_{20} N_2 O_8), *билипразина* (C_{32} H_{22} N_2 O_{12}) и *билигумина*, то, основываясь на изслѣдованіяхъ Städeler'a [1]), едва ли они принадлежатъ желчи по той причинѣ, что были находимы лишь въ желчныхъ камняхъ и то въ незначительныхъ количествахъ; весьма вѣроятно, что они суть дальнѣйшіе продукты метаморфоза билирубина; объ этомъ, по крайней мѣрѣ, мы можемъ заключить изъ того, что биливердинъ, который, какъ мы выше видѣли, есть продуктъ билирубина, въ щелочныхъ растворахъ при продолжительномъ стояніи обращается въ билипразинъ. Такимъ образомъ цѣлый рядъ желчныхъ пигментовъ началомъ своимъ имѣетъ билирубинъ, который, какъ мы выше видѣли, способенъ при извѣстныхъ условіяхъ

---

[1]) Ueber die Farbstoffe der Galle. Vierteljahrsschr. d. naturf. Gesellsch. in Zürich. Bd. VIII. 1863.

въ организмѣ образоваться изъ гематина; какимъ образомъ совершается этотъ послѣднiй метаморфозъ, намъ неизвѣстно; основываясь однако на теоретическихъ данныхъ, слѣдуетъ, что для обращенiя гематина въ желчный пигментъ необходимо замѣстить желѣзо перваго водородомъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣлая подобное замѣщенiе, мы изъ одного молекюля гематина получимъ 3 м. билирубина.

$$2\,(C_{48}\,H_{51}\,N_6\,Fe_3\,O_3) + 3\,H_2\,O = 6\,(C_{16}\,H_{18}\,N_2\,O_3) + 3\,Fe_2\,O.$$

Рѣшенiе этой, по видимому, столь легко и много обѣщавшей задачи, не привело меня къ положительному результату; основываясь на выше приведенной формулѣ, я дѣйствовалъ на гематинъ въ различныхъ растворахъ амальгамою натрiя, HJ, Cfy, 2 H и т. п., но во всѣхъ случаяхъ мнѣ не удалось достигнуть цѣли, и гематинъ при всѣхъ обстоятельствахъ остался неизмѣненнымъ. Вопросъ обращенiя гематина въ билирубинъ, оставленный мною на время, я снова начну преслѣдовать, какъ скоро лишь подробно изслѣдую составъ и свойства гематина безъ желѣза, который, какъ я выше замѣтилъ, получается изъ обыкновеннаго гематина дѣйствiемъ сѣрной кислоты.

О жирной сывороткѣ — Piarrhaemia. Изъ всѣхъ болѣзней намъ извѣстны лишь двѣ, при которыхъ качественныя измѣненiя крови такъ значительно выражены, что въ бо́льшей части случаевъ физическiя свойства ея вполнѣ опредѣляютъ сущность страданiя — болѣзни эти суть желтуха и бѣлокровiе leucocythaemia. Независимо отъ этихъ двухъ страданiй, гдѣ въ первомъ изъ нихъ измѣненiе крови обусловливается внесенiемъ въ нее желчныхъ началъ и послѣдовательнымъ уменьшенiемъ массы кровяныхъ шариковъ подъ влiянiемъ желчныхъ кислотъ, во второй же избыткомъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, мы встрѣчаемъ еще отдѣльные патологическiе случаи, въ которыхъ кровь или лучше сказать сыворотка ея представляется вполнѣ бѣлою, похожею на молоко. Аномалiя эта, встрѣчаясь весьма рѣдко и неимѣя ничего постояннаго въ своемъ проявленiи, изслѣдована весьма недостаточно; прежнiе патологи не придавали явленiю этому никакого особеннаго значенiя и, основываясь лишь на физическихъ свойствахъ крови, называли ее *milchiges, molkiges Blut—serum lacteum.* Послѣднее названiе мы встрѣчаемъ въ первый разъ у Hewson'а [1]), который первый основательно изучилъ ея свойства

[1]) Vom Blute, seinen Eigenschaften und einigen Veränderungen desselben in Krankheiten. Nürnberg. 1780.

и показалъ, что измѣненіе въ этомъ случаѣ касается не крови, но сыворотки ея. Позднѣйшіе патологи подтвердили мнѣніе Hewson'a, но были далеко несогласны другъ съ другомъ въ причинахъ, обусловливающихъ сказанную аномалію; такимъ образомъ большинство авторовъ относили измѣненіе сыворотки на счетъ присутствія въ ней свободнаго жира, другіе же (John Hunter, Buchanan, Thomson и другіе) жира и молекулярнаго альбумина, наконецъ, третьи переходомъ въ кровь млечнаго сока (chylus). Всѣ они, основываясь съ одной стороны на избыткѣ жира въ крови, съ другой же на совпаденіи этого явленія съ нѣкоторыми патологическими условіями организма, создали особую кразу жирной крови и назвали ее piarrhaemia, galactaemia, lipaemia, pioxaemia. Всѣ эти синонимы не выражаютъ сущности дѣла и обвиняютъ кровь, а не сыворотку, въ которой, какъ мы увидимъ, исключительно находится измѣненіе.

Патологія жирной крови намъ мало извѣстна; изъ случаевъ, собранныхъ Coote'омъ [1]), нельзя вывести ничего опредѣленнаго относительно происхожденія ея, равно какъ невозможно положительно утверждать, чтобы она исключительно принадлежала той или другой болѣзни. Разобравъ патологическіе случаи, гдѣ наблюдаема была бѣлая сыворотка, мы находимъ ее лишь относительно часто у субъектовъ, страдающихъ діабетомъ, далѣе при хроническомъ алкогольномъ отравленіи (пьянствѣ) и наконецъ въ болѣзняхъ легкихъ. Какое значеніе аномалія эта имѣетъ въ сказанныхъ болѣзняхъ и чѣмъ обусловливается, объ этомъ мы не встрѣчаемъ ничего кромѣ гипотезъ, имѣющихъ для насъ лишь историческій интересъ. Предѣлы отчета не позволяютъ мнѣ входить въ подробности годныя для специальной статьи, которую я приготовляю къ печати; здѣсь я лишь въ общихъ чертахъ представлю главнѣйшія изъ существовавшихъ о нашемъ предметѣ мнѣній и затѣмъ перейду къ изложенію результатовъ, какіе я самъ успѣлъ добыть, изслѣдуя нѣсколько разъ кровь больной страдавшей діабетомъ, у которой я совершенно случайно замѣтилъ это рѣдкое измѣненіе сыворотки крови.

Christison [2]), встрѣчая часто молочную сыворотку у субъектовъ, пораженныхъ острыми болѣзнями, объяснялъ происхожденіе ея въ этихъ случаяхъ усиленною дѣятельностію всасывающихъ сосудовъ

---

[1]) Remarks on a case of piarrhoemia etc. The Lancet. 1860. II vol., pag. 232 and 258.

[2]) Edinburgh medic. and surgic. Journ. New-Series. № 26, April. 1830.

на жиръ тѣла. Онъ полагалъ, что во время діеты и вообще при недостаткѣ пищи дѣятельность всасывающихъ сосудовъ усиливается; они, не находя для себя естественнаго матеріала, извлекаютъ его изъ жира организма, который этимъ путемъ поступаетъ въ избыткѣ въ кровь и, являясь въ ней въ свободномъ состояніи, сообщаетъ сывороткѣ молочный цвѣтъ. Мнѣніе это совершенно несправедливо; оно несогласно съ наблюденіями надъ острыми больными, у которыхъ ни при какихъ обстоятельствахъ и никогда не находятъ молочной сыворотки такъ, что по настоящее время извѣстенъ лишь одинъ случай остраго воспаленія брюшины (peritonitis acuta), гдѣ Heller[1]) наблюдалъ эту аномалію; наконецъ опыты надъ животными, подвергнутыми голодной смерти, вполнѣ уничтожаютъ довѣріе къ гипотезѣ Christison'a. Преслѣдуя вопросъ нашъ далѣе, мы встрѣчаемъ мнѣніе Babington'a[2]), занимавшагося много бѣлою сывороткою крови, спецефическій вѣсъ которой, какъ показали его изслѣдованія, во всѣхъ случаяхъ находится ниже нормальнаго; онъ, основываясь съ одной стороны на этомъ свойствѣ сыворотки, съ другой же на изслѣдованіи Caventou, полагалъ за причину измѣненія цвѣта сыворотки жировое перерожденіе альбумина. Мнѣніе это также неосновательно по той причинѣ, что мы постоянно въ жирной сывороткѣ находимъ нормальное количество бѣлковыхъ веществъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше нормы. Наконецъ, здѣсь нужно еще упомянуть о гипотезѣ Raspail'я, который, опираясь на избыткѣ жира въ сывороткѣ и неутральной ея реакціи, полагалъ за причину бѣлаго цвѣта сыворотки отсутствіе въ сей послѣдней свободныхъ щелочей, способныхъ удерживать жиры въ растворѣ. Это суть главнѣйшія изъ мнѣній о происхожденіи seri lactei, существовавшихъ до временъ Рокитанскаго и Вирхова. Первый изъ нихъ (см. его Lehrbuch der patholog. Anatomie, Bd. I, pag. 384. 3 Aufl.) разсматриваетъ бѣлую сыворотку какъ модификацію лейкеміи; онъ полагаетъ, что въ бо́льшей части случаевъ происхожденіе ея обусловливается накопленіемъ въ крови бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ и послѣдовательнымъ жировымъ перерожденіемъ ихъ. Мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что молочный цвѣтъ сыворотки обыкновенно замѣчается при патологическихъ условіяхъ, дающихъ поводъ накопленію въ крови

[1]) Archiv f. physiolog. und patholog. Chemie; Jahrg. I (1844), pag. 5.

[2]) Blood in Todd's Cyclopaedia of Anatom. and physiol.— An account of a concrete oil etc. Med. Chir. Trans. Vol. XVI pag. 46.

бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Не смотря на авторитетъ Рокитанскаго, едва ли можно согласиться съ его мнѣніемъ на томъ основаніи, что въ лейкеміи, во все теченіе болѣзни и на какой бы степени своего развитія она ни находилась, цвѣтъ сыворотки всегда остается нормальнымъ; съ другой стороны, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ находима была молочнаго цвѣта сыворотка, исключительно лишь рѣдко встрѣчали въ крови увеличеніе количества бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ и никогда тѣхъ патологическихъ измѣненій въ органахъ, какія свойствены лейкеміи. Что касается гипотезы Вирхова [1]), то она имѣетъ много общаго съ тою, которую предложилъ Raspail. Именно — serum lacteum, по мнѣнію Вирхова, условливается недостаткомъ въ крови свободной щелочи и разстройствомъ дыханія; такимъ образомъ жиръ съ одной стороны не можетъ омылотворяться, съ другой сгорать.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ главнѣйшими изъ существующихъ мнѣній о происхожденіи піарреміи, мнѣ остается представить тотъ случай, который я самъ наблюдалъ, при чемъ считаю долгомъ замѣтить, что я обращалъ главное вниманіе лишь на химическую сторону вопроса, которая хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ была уже до этого изслѣдована другими, однако анализамъ этимъ какъ и многимъ другимъ нельзя придавать особеннаго значенія по той причинѣ, что лишь въ послѣднее время выработались порядочные методы для изслѣдованія крови, отъ которыхъ мы вправѣ ожидать другихъ результатовъ. Случай, о которомъ я намѣренъ здѣсь сказать, заимствованъ изъ терапевтической клиники профессора Нимейера, куда больная принята была лишь съ цѣлію доставить мнѣ возможность изслѣдовать химически кровь ея. Приводить вполнѣ исторію болѣзни считаю лишнимъ, какъ непредставлявшую въ теченіи своемъ особеннаго интереса; здѣсь замѣчу лишь, что больная, страдавшая уже около девяти мѣсяцевъ diabete mellito, была дѣвица, 23-хъ лѣтъ отъ роду, средняго роста, умѣреннаго тѣлосложенія (вѣсъ тѣла = 121 ф. $6^3/_4$ лота), всегда прежде пользовавшаяся хорошимъ здоровьемъ, жаловалась на частое мочеиспусканіе, неутолимый голодъ, жажду и въ послѣднее время значительно усиливавшуюся мышечную слабость, заставлявшую больную большую часть дня проводить въ постели. Подробное изслѣдованіе не открыло въ больной никакихъ осложненій, свойствен-

---

[1]) Gesammelte Abhandlungen, pag. 138 — 140. 2. Ausgb. Berlin. 1862.

ныхъ діабету. Во все время пребыванія больной въ клиникѣ (16 дней), она не употребляла никакихъ фармацевтическихъ средствъ, но пользовалась лишь извѣстнымъ содержаніемъ; такимъ образомъ больная ежедневно получала утромъ кофе съ молокомъ 306 CCm. и и буліонъ 423 CCm., въ обѣдъ—буліонъ (Fleischbrühe) 200 CCm., говядины и жаркаго 500—550 grmm., вечеромъ—кофе 306 CCm., жаркое 200 grmm. и рюмку портвейна 123 CCm., вмѣсто хлѣба назначенъ былъ le pain de gluten въ формѣ biscottes de Bruxelles, послѣднія, какъ опытъ показалъ, легче переносятся желудкомъ и менѣе наскучаютъ больнымъ. Для питья, кромѣ обыкновенной воды ad libitum, назначена была карльсбадская вода (Theresienbrunn). Подъ вліяніемъ подобнаго содержанія суточное количество мочи съ 17158 CCm. уменьшилось до 9727 CCm., слѣдовательно почти на половину, что же касается сахара въ мочѣ, то количество его было весьма непостоянно и колебалось между 5,9% и 7,3%, остальныя составныя части мочи не представляли никакихъ ненормальностей.

На другой день послѣ поступленія больной въ клинику сдѣлано было ей приставленіе четырехъ кровососныхъ банокъ на спину; уже при появленіи первыхъ капель крови можно было замѣтить ненормальный ея цвѣтъ: она представляла красножелтую жидкость, которая, по мѣрѣ накопленія въ банкѣ, явственно раздѣлялась на два слоя: нижній красный, заключавшій въ себѣ кровяной свертокъ, и не представлявшій ничего особеннаго, верхній же жидкій, непрозрачный и совершенно бѣлый, похожій на эмульсію. Эта эмульсивная масса сохраняла свойства жидкости въ теченіе восьми часовъ, затѣмъ же она створаживалась въ верхнихъ ея слояхъ, образуя на поверхности тонкую, мягкую кожицу. При микроскопическомъ изслѣдованіи бѣлой сыворотки замѣчено было множество мелкихъ шариковъ $\left(\frac{1}{560'''}-\frac{1}{580'''}\right)$ подобныхъ молочнымъ и плававшихъ то отдѣльно, то агрегатами въ плазматической однородной жидкости, заключавшей въ себѣ мѣстами красные кровяные шарики съ обыкновенными физическими ихъ свойствами; что касается кровянаго свертка, то въ немъ нельзя было открыть микроскопомъ ничего ненормальнаго, особенно бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, число которыхъ не было выше, чѣмъ въ здоровой крови. Отношеніе сыворотки къ кровяному сгустку въ частности было непостоянно, въ общей же массѣ количество первой было въ два раза болѣе, чѣмъ послѣдней; она имѣла неутральную реакцію, была безъ запаха, спецефическій вѣсъ ея во всѣхъ слу-

чаяхъ былъ довольно постояненъ и колебался между 1,014—1,016. Попытки узнать что либо о менструальной крови, а еще болѣе изслѣдовать ее, не привели меня къ желанной цѣли по причинѣ сильно развитаго катарра матки, препятствовавшаго добыть кровь безъ значительной къ ней примѣси слизи.

Всего болѣе интересовала меня химическая сторона вопроса; для меня важно было знать причину обусловливавшую выше описанную аномалію сыворотки. Небольшая проба, сдѣланная съ нею, ясно показала, что ненормальность эта зависѣла отъ присутствія въ свободномъ состояніи жира въ сывороткѣ, что явствуетъ изъ того, что при дѣйствіи эфира она тотчасъ теряла свои свойства, дѣлалась прозрачною, желтоватаго цвѣта и при изслѣдованіи обнаружила всѣ свойства нормальной кровяной сыворотки; эфирный же слой, находившійся надъ этою послѣднею, при выпариваніи оставлялъ огромное количество жировъ. Здѣсь я не буду описывать всѣхъ тѣхъ химическихъ операцій, какія употреблялъ я въ данномъ случаѣ, какъ такія, которыя всякому болѣе или менѣе извѣстны; я приведу лишь результаты трехъ анализовъ крови и сыворотки, взятые мною у больной изъ различныхъ частей тѣла и при различныхъ условіяхъ.

I. [1]) Въ 100 частяхъ крови найдено:

Кровяныхъ шариковъ	= 36,22
Сыворотки	= 63,78

Въ 100 частяхъ сыворотки:

Воды	= 87,13
Плотныхъ частей	= 12,87
Бѣлковыхъ веществъ	= 9,08
Жира	= 1,71
Экстрактивныхъ веществъ	= 0,28
Растворимыхъ солей	= 0,86

[1]) Во всѣхъ трехъ случаяхъ кровь была взята при различныхъ обстоятельствахъ; такимъ образомъ для перваго анализа утромъ въ 7 часовъ (3-го марта) при тощемъ желудкѣ у больной, для втораго въ 2 часа по полудни, т. е. спустя 1½ часа послѣ обѣда (10-го марта), для третьяго же въ 11 часовъ утра послѣ двухъ дневной строгой діеты. Опредѣленіе количества сахара въ крови я постоянно производилъ помощію Soleil-Ventzke поляризаціоннаго снаряда, весьма выгоднаго во многихъ отношеніяхъ, главное же потому, что путь этотъ сберегаетъ много времени.

Нерастворимыхъ солей	= 0,14
Сахара.	= 0,8

II. Въ 100 частяхъ крови:

Кровяныхъ шариковъ	= 34,39
Сыворотки	= 65,61

Въ 100 частяхъ сыворотки:

Воды	= 86,15
Плотныхъ частей	= 13,85
Бѣлковыхъ веществъ	= 9,41
Жира	= 2,19
Экстрактивныхъ веществъ	= 0,51
Растворимыхъ солей	= 0,78
Нерастворимыхъ солей	= 0,16
Сахара	= 0,8

III. Въ 100 частяхъ крови:

Кровяныхъ шариковъ	= 33,47
Сыворотки	= 66,53

Въ 100 частяхъ сыворотки:

Воды	= 88,04
Плотныхъ частей	= 11,96
Бѣлковыхъ веществъ	= 8,73
Жира	= 1,32
Экстрактивныхъ веществъ	= 0,23
Растворимыхъ солей	= 0,77
Нерастворимыхъ солей	= 0,11
Сахара.	= 0,8

Эти три выше приведенныхъ анализа ясно указываютъ на огромное содержаніе въ кровяной сывороткѣ жирныхъ веществъ, между которыми я нашелъ лишь значительное увеличеніе количества міелина или протагона [1]); что же касается остальныхъ жировъ, принадлежащихъ сывороткѣ, то они почти не превышали нормы. Далѣе мы видимъ, что содержаніе жира находится въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, именно пищи, которой чѣмъ обильнѣе употребленіе, тѣмъ значительнѣе количество жира въ плазмѣ и на оборотѣ. Наконецъ, какъ химическія такъ и микроскопическія изслѣдованія

[1]) О протагонѣ см. Liebreich, Ueber die chemische Beschaffenheit der Gehirnsubstanz — Annal. d. Chem. u. Pharm. CXXXIV Bd.

убѣждаютъ насъ, что измѣненіе массы крови въ піарреміи касается исключительно сыворотки и притомъ такъ, что всѣ составныя части ея, за исключеніемъ жировъ, находятся въ нормальномъ состояніи.

Основываясь на этихъ данныхъ, я полагаю, что піарремія не можетъ быть разсматриваема какъ явленіе чисто патологическое; связь ея съ діабетомъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго употребленія больными пищи въ громадномъ количествѣ. Въ пользу нашего мнѣнія говорятъ многіе физіологическіе факты; такимъ образомъ, наблюденія многихъ авторовъ, особенно Леманна и Вирхова показали, что молочный цвѣтъ сыворотки и крови у животныхъ есть явленіе весьма обыкновенное, слѣдующее непосредственно за употребленіемъ пищи, особенно если эта послѣдняя была обильна жиромъ. То же самое обстоятельство было замѣчено и у человѣка; Thomson у одного молодаго субъекта сдѣлалъ два кровопусканія, одно до употребленія симъ послѣднимъ пищи, другое же послѣ; въ первомъ случаѣ онъ получилъ сыворотку нормальнаго, во второмъ же молочнаго цвѣта, заключавшую огромное количество жира. Наконецъ, у тѣхъ животныхъ, кормленіе которыхъ производится методически, съ цѣлію увеличить массу тѣла и преимущественно жиръ, гдѣ слѣдовательно кормленіе производится въ избыткѣ и часто, у тѣхъ сыворотка постоянно имѣетъ молочный цвѣтъ, зависящій исключительно отъ огромнаго въ ней количества жира. Подобное явленіе я самъ часто наблюдалъ у хорошо откормленныхъ гусей, но никогда у тѣхъ животныхъ, которыя получаютъ малое количество пищи или вовсе ее неимѣютъ; послѣднее обстоятельство вполнѣ согласно съ наблюденіями Schultz'a [1]). Поэтому я полагаю, что serum lacteum или такъ называемая piarrhaemia есть явленіе физіологическое, обусловливающееся съ одной стороны обильнымъ питаніемъ, съ другой же, весьма вѣроятно, уменьшеніемъ расхода жира.

Тюбингенъ, 16-го апрѣля 1865 года.

74) Кандидата В. Сергѣевича.

Порядокъ отмѣны рѣшеній по новому уставу гражданскаго судопроизводства.

Новый уставъ гражданскаго судопроизводства, вмѣстѣ со многими важными нововведеніями, ввелъ къ намъ и три новыхъ спо-

[1]) Ueber den Zustand des Bluts in einem verhungerten Proteus, sowie in verhungerten Katzen und Kaninchen.

соба отмѣны судебныхъ рѣшеній, уже получившихъ силу закона. Эти три способа, впрочемъ, новы только у насъ; въ западныхъ законодательствахъ они давно извѣстны, хотя и подъ иными названіями и въ иной формѣ. Первый изъ нихъ названъ въ нашемъ уставѣ *кассаціей* и встрѣчается какъ во Франціи, такъ и во всѣхъ законодательствахъ, составленныхъ подъ вліяніемъ французскаго; второй — *просьбой о пересмотрѣ рѣшеній* и напоминаетъ реституцію обще-германскаго процесса и всѣхъ нѣмецкихъ партикулярныхъ законодательствъ, основанныхъ на общегерманскомъ; во Франціи подобное этому средство извѣстно подъ именемъ requête civile; въ Женевѣ — révision; наконецъ третій называется у насъ *просьбами неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ* — средство, къ одному роду съ которымъ надо отнести французскую — tierce opposition, женевскую — révision и проч.

Новый уставъ соединяетъ въ одной статьѣ (книга вторая, раздѣлъ II, глава II) и подъ однимъ общимъ именемъ эти три существенно различныхъ способа, имѣющихъ общаго только одну цѣль — уничтоженіе вошедшихъ въ законную силу рѣшеній. Это соединеніе — не случайно. Въ основаніи его лежитъ одинъ общій порядокъ, при помощи котораго эти средства могутъ быть осуществлены. Тяжущійся, желающій отмѣны рѣшенія потому, что открылись новыя обстоятельства, дающія ему надежду выиграть уже разъ проигранное дѣло, долженъ искать этой отмѣны въ кассаціонномъ департаментѣ сената, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и тотъ, кто проситъ кассаціи по обыкновеннымъ кассаціоннымъ поводамъ. Тѣмъ же порядкомъ должны доискиваться отмѣны рѣшенія и третьи лица, неучаствовавшія въ дѣлѣ, если рѣшеніе, уже вошедшее въ законную силу, нарушаетъ ихъ права.

Какъ самый порядокъ русской кассаціи, такъ и его примѣненіе къ пересмотру рѣшеній и къ жалобамъ третьихъ лицъ представляетъ совершенно новое явленіе въ исторіи гражданскаго процесса. Разсмотрѣніе цѣлесообразности этого порядка въ его различныхъ примѣненіяхъ и составитъ предметъ настоящей замѣтки. При этомъ мы не будемъ останавливаться на самой кассаціи въ цѣломъ, какъ она опредѣлена новымъ уставомъ. Характеристическая особенность новаго судопроизводства заключается не въ законахъ о кассаціи, а въ порядкѣ ея осуществленія и въ распространеніи этого порядка на пересмотръ рѣшеній и жалобы третьихъ лицъ. Согласно съ этимъ мы разсмотримъ только самый порядокъ и характеръ

двухъ новыхъ способовъ отмѣны окончательныхъ рѣшеній, откуда уже само собою выяснится, на сколько этотъ порядокъ соотвѣтствуетъ тому назначенію, которое дается ему новымъ уставомъ.

Въ опредѣленіи порядка кассаціи наше законодательство сдѣлало существенныя отступленія отъ французскаго. Нашъ порядокъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Прошеніе о кассаціи подается въ кассаціонный департаментъ правительствующаго сената. 801. При прошеніи должны быть приложены всѣ документы, на которыхъ оно основано, и засвидѣтельствованная копія съ обжалованнаго рѣшенія. 800. По полученіи прошенія первоприсутствующій кассаціоннаго департамента назначаетъ день для доклада. 802. Докладъ производится въ публичномъ засѣданіи однимъ изъ сенаторовъ. 805. По выслушаніи доклада и заключенія оберъ-прокурора сенатъ постановляетъ опредѣленіе. 804. Въ случаѣ отмѣны обжалованнаго рѣшенія, сенатъ обращаетъ дѣло къ новому производству и рѣшенію, назначая для этого другую палату, ближайшую къ той, гдѣ дѣло производилось. 802.

Такимъ образомъ кассаціонный департаментъ постановляетъ свое опредѣленіе, не объявляя противной сторонѣ поданнаго прошенія, не вызывая ее къ объясненію и даже не выслушивая самаго просителя, единственно на основаніи доклада одного изъ своихъ членовъ и заключенія оберъ-прокурора. Изъ этого порядка вытекаютъ слѣдующія два положенія, характеризующія нашу кассацію:

1) Кассаціонное производство не имѣетъ ничего общаго съ обыкновеннымъ тяжебнымъ; оно ограничивается единственно разсмотрѣніемъ тѣхъ судебныхъ актовъ, которые представлены просителемъ.

2) Только такое нарушеніе закона, которое оставило по себѣ слѣды въ судебныхъ актахъ, можетъ служить поводомъ кассаціи.

Эти правила взаимно условливаются. Такъ какъ передъ кассаціоннымъ департаментомъ нѣтъ тяжущихся сторонъ и нѣтъ спора, то, понятно, что просьбу объ отмѣнѣ рѣшенія можетъ онъ удовлетворить только въ томъ случаѣ, когда она основана на доказательствахъ безусловныхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія. Такимъ доказательствомъ могутъ быть только судебные акты, въ которые занесено самимъ судомъ то его дѣйствіе (или рѣшеніе), которое одна изъ сторонъ считаетъ несогласнымъ съ прямымъ смысломъ закона. Судебные акты имѣютъ въ этомъ случаѣ силу признанія.

Отсюда дальнѣйшее слѣдствіе: какъ бы ни было важно нарушеніе закона, но если оно не вошло въ судебные акты, оно не можетъ быть поводомъ кассаціи. Ибо *существованіе* такого нарушенія можетъ быть доказано только въ обыкновенномъ тяжебномъ порядкѣ, а такого порядка кассаціонный департаментъ не знаетъ. Согласно съ этимъ, «документы», которые должны быть представлены вмѣстѣ съ прошеніемъ о кассаціи (800), могутъ состоять единственно изъ копій съ судебныхъ актовъ (протоколовъ и проч.) *).

Этотъ порядокъ кассаціи приводитъ къ заключенію, что основная мысль французскаго кассаціоннаго суда проведена у насъ послѣдовательнѣе, чѣмъ въ самой Франціи. Кассаціонный судъ не рѣшаетъ дѣлъ въ существѣ и не разсматриваетъ фактической стороны; его назначеніе состоитъ въ огражденіи правильнаго исполненія законовъ. Перенесеніе этой мысли къ намъ съ удержаніемъ всѣхъ особенностей французскаго кассаціоннаго суда могло бы быть причиной весьма важныхъ неудобствъ. При громадности нашихъ разстояній, при удаленности кассаціоннаго департамента отъ естественнаго центра Имперіи, при отсутствіи правильныхъ путей сообщенія — явка къ суду была бы крайне затруднительна какъ для истца, такъ и для отвѣтчика, и, конечно, нерѣдко удерживала бы отъ пользованія этимъ средствомъ. Новый уставъ обошелъ какъ это, такъ и другія неудобства французской кассаціи, хотя и стѣснивъ значительно случаи, въ которыхъ можно обращаться къ этому средству. Онъ не требуетъ явки отвѣтчика, даже присутствіе просителя во время доклада не есть необходимо, а потому можно думать, что прошеніе о кассаціи можетъ быть подаваемо и черезъ почту. Не смотря однако на это крайнее упрощеніе производства, занятія кассаціоннаго департамента такого рода, что онъ можетъ разрѣшать поступающія къ нему прошенія безъ всякаго ущерба для дѣла. Вопросы, на которые придется ему отвѣчать, могутъ быть сведены къ слѣдующему: согласно ли съ законами поступила палата при такихъ то условіяхъ? а какія это условія и какъ именно поступила палата — это извѣстно кассаціонному департаменту изъ неподлежащихъ сомнѣнію копій съ судебныхъ актовъ. При такой постановкѣ вопросовъ, вызовъ тяжущихся и выслушиваніе ихъ объясненій не представляется существенно необходимымъ. Доводы тяжущихся важны,

*) По отношенію къ пересмотру рѣшеній и вмѣшательству третьихъ лицъ «документы» имѣютъ другое значеніе.

когда дѣло идетъ объ установленіи фактической стороны. Въ настоящемъ же случаѣ дѣло не въ обстоятельствахъ, при которыхъ низшій судъ дѣйствовалъ, — они безспорны и не могутъ быть измѣнены кассаціоннымъ департаментомъ. Весь вопросъ въ томъ, правильно ли онъ дѣйствовалъ? Мнѣнія же сторонъ не должны имѣть никакого вліянія на рѣшеніе этого чисто юридическаго вопроса. Судьи должны сами знать законъ. Это относится — и, если возможно, еще въ большей мѣрѣ—и къ сенаторамъ кассаціоннаго департамента, заключеніямъ которыхъ о точномъ разумѣ закона сообщена обязательная сила для всѣхъ судовъ Имперіи.

Таковъ порядокъ русской кассаціи. Чтобы судить на сколько онъ приложимъ къ двумъ новымъ средствамъ отмѣны рѣшеній (пересмотру и жалобамъ третьихъ лицъ), необходимо уяснить себѣ ихъ характеръ.

Просьбы о пересмотрѣ рѣшеній допускаются новымъ уставомъ въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда открылись новыя обстоятельства; 2) когда въ актахъ, на которыхъ рѣшеніе основано, обнаруженъ подлогъ. 794. При сравненіи этихъ поводовъ съ тѣми, которые ведутъ къ кассаціи, открывается слѣдующее существенное различіе. Кассація условливается неправильными дѣйствіями суда; пересмотръ же рѣшеній — такими обстоятельствами, которыя или вовсе не были на его разсмотрѣніи (новыя обстоятельства), или, если и были, то совсѣмъ въ другомъ видѣ, а не въ томъ, въ которомъ представляются теперь (подложные акты). И въ томъ и въ другомъ случаѣ поводъ къ пересмотру лежитъ не въ дѣйствіяхъ суда, а слѣдовательно и не можетъ содержаться въ его актахъ.

Просьбы третьихъ лицъ, неучаствовавшихъ въ дѣлѣ, новый уставъ допускаетъ въ очень широкихъ размѣрахъ, а именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вошедшее въ законную силу рѣшеніе нарушаетъ ихъ права. Эти просьбы также далеко отходятъ отъ тѣхъ, которыя кассаціонному департаменту придется разрѣшать въ качествѣ суда *кассаціоннаго*, какъ и сейчасъ разсмотрѣнныя. Побужденіе къ жалобѣ не неправильное дѣйствіе палаты. Она могла рѣшить дѣло съ соблюденіемъ всѣхъ формъ судопроизводства и совершенно согласно съ прямымъ смысломъ закона, но если это рѣшеніе касается правъ третьихъ лицъ и нарушаетъ ихъ, третьи лица могутъ просить объ его уничтоженіи. Здѣсь дѣло идетъ не о нарушеніи закона вообще (jus in thesi, какъ въ кассаціи), а о нанарушеніи матеріальнаго права извѣстнаго лица (jus litigatoris).

Таковы случаи, въ которыхъ можно просить отмѣны окончательныхъ рѣшеній. Переходя къ разсмотрѣнію, на сколько нашъ кассаціонный порядокъ соотвѣтствуетъ требованіямъ двухъ новыхъ средствъ, мы должны исключить всѣ тѣ просьбы о пересмотрѣ рѣшеній, которыя будутъ опираться на доказанный подлогъ въ актахъ, въ томъ случаѣ, когда эти акты являются *единственнымъ* доказательствомъ, на которомъ рѣшеніе было основано, а не играютъ второстепенную роль въ совокупности другихъ доказательствъ. Въ указанномъ здѣсь случаѣ отмѣна рѣшенія представляется на столько возможной, какъ и при всѣхъ кассаціонныхъ поводахъ. Такъ, если рѣшеніе основано только на заемномъ письмѣ, въ такомъ случаѣ представленіе въ кассаціонный департаментъ копіи съ этого рѣшенія и копіи съ приговора о подложности заемнаго письма — дастъ весь необходимый матеріалъ для основательной отмѣны перваго рѣшенія.

За этимъ исключеніемъ приложимость новаго порядка должна быть разсмотрѣна по отношенію къ тѣмъ прошеніямъ объ отмѣнѣ, которыя будутъ основаны:

1) на приведеніи новыхъ обстоятельствъ;

2) на доказанной подложности акта, который послужилъ основаніемъ для рѣшенія въ совокупности съ другими доказательствами*), и наконецъ

3) на нарушеніи матеріальнаго права третьяго лица.

Уже довольно одного этого перечисленія, чтобы видѣть, что у кассаціоннаго департамента нѣтъ средствъ для разрѣшенія подобныхъ жалобъ. Для объясненія нашей мысли остановимся ближе на приведеніи новыхъ обстоятельствъ. Для того, чтобы открытіе новыхъ обстоятельствъ могло повести къ отмѣнѣ окончательнаго рѣшенія, необходимо:

Во 1-хъ, чтобы существованіе новыхъ обстоятельствъ было *доказано*. А такъ какъ въ этомъ случѣ невозможно никакое *безспорное* доказательство (въ чемъ и заключается существенное различіе кассаціонныхъ поводовъ отъ новыхъ обстоятельствъ), то необходимо, чтобы доказательства были приведены въ обыкновенномъ спорномъ порядкѣ: т. е. доказательства истца должны быть сообщены отвѣтчику, возраженія отвѣтчика истцу и т. д.

Во 2-хъ, необходимо, чтобы новыя обстоятельства *измѣняли* су-

*) Этотъ случай прямо предвидится въ ст. 805.

щество рѣшенія. Чтобы судить объ этомъ, необходимо имѣть передъ глазами всю фактическую сторону дѣла, какъ она была на разсмотрѣніи палаты, и кромѣ того тѣ возраженія противъ новыхъ обстоятельствъ, которыя можетъ сдѣлать отвѣтчикъ, даже допуская ихъ существованіе.

Такимъ образомъ, для отмѣны рѣшенія по случаю открытія новыхъ обстоятельствъ необходимо самое основательное изслѣдованіе фактической стороны дѣла. Правда, ст. 800 требуетъ представленія «документовъ», на которыхъ основана просьба объ отмѣнѣ. По отношенію къ новымъ обстоятельствамъ подъ «документами» надо разумѣть не копіи съ судебныхъ актовъ, ибо новыя обстоятельства въ нихъ не содержатся, а всякія письменныя доказательства, которыя только могутъ быть приведены въ подтвержденіе существованія новыхъ обстоятельствъ. Но эта статья нисколько не помогаетъ дѣлу: такія доказательства должны быть разсмотрѣны въ обыкновенномъ спорномъ порядкѣ, чего не допускаетъ кассаціонный судъ, сами же по себѣ они ни въ какомъ случаѣ не могутъ вести къ отмѣнѣ. Предположимъ, что новое обстоятельство заключается въ заемномъ письмѣ*). Представленіе заемнаго письма, хотя бы и крѣпостнаго, не ведетъ непремѣнно къ отмѣнѣ рѣшенія, ибо у противной стороны можетъ быть росписка въ уплатѣ денегъ по этому акту.

То же самое надо сказать и о доказанной подложности акта, когда этотъ актъ послужилъ основаніемъ для рѣшенія въ совокупности съ другими доказательствами. Для отмѣны рѣшенія въ этомъ случаѣ необходимо разсмотрѣть, достаточно ли другія доказательства обусловливаютъ существованіе утверждаемаго права, или нѣтъ; а для этого также надо войдти въ разсмотрѣніе фактической стороны дѣла. То же самое необходимо и при разсмотрѣніи просьбъ третьихъ лицъ, ибо кассаціонному департаменту надо удостовѣриться, дѣйствительно ли существуетъ утверждаемое нарушеніе матеріальныхъ правъ третьяго лица, или нѣтъ.

---

*) Говоря строго, заемное письмо — есть новое доказательство, а не новое обстоятельство; но мы беремъ этотъ примѣръ какъ по его краткости, такъ и потому, что на практикѣ это различіе рѣдко проводится. Такъ напр. эти два повода смѣшиваются въ Австріи, и даже по общегерманскому процессу новыя обстоятельства употребляются вмѣсто новыхъ доказательствъ и наоборотъ; французскій кодексъ говоритъ только о pièces decisives 480, т. е. объ актахъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на дѣло, а не объ обстоятельствахъ; также и женевскій — 824. 1.

Этимъ требованіямъ кассаціонный департаментъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворить, ибо кассаціонный порядокъ расчитанъ единственно на огражденіе правильнаго исполненія закона въ извѣстныхъ, неподлежащихъ спору, условіяхъ, а не на изслѣдованіе фактической стороны дѣла. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшенія кассаціоннаго департамента могутъ быть только *гадательныя*. Слѣдствія же этихъ гадательныхъ рѣшеній должны быть такія: кассаціонный департаментъ или откажетъ въ отмѣнѣ рѣшенія тому, кто имѣетъ на это законное право; или уничтожитъ такое рѣшеніе, которое при обстоятельномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла палатой окажется неподлежащимъ уничтоженію.

Новый уставъ какъ будто самъ предвидѣлъ, что изъ такого порядка могутъ возникнуть затрудненія, а потому и дѣлаетъ попытку устранить ихъ: «Пересмотръ рѣшенія, говоритъ статья 805, допускается въ томъ лишь случаѣ, когда вновь открытыя обстоятельства, или доказанный подлогъ въ документахъ, измѣняютъ существо рѣшенія».

Прежде чѣмъ разсматривать, на сколько эта статья можетъ устранить выше обозначенныя затрудненія, необходимо возстановить ея настоящую редакцію. Вмѣсто «Пересмотръ рѣшенія допускается...» надо читать: «Отмѣна рѣшенія по просьбѣ о пересмотрѣ допускается...» Просьбы о пересмотрѣ имѣютъ цѣлью отмѣну рѣшенія. 798, 807. Пересмотръ же есть только предварительное дѣйствіе, результатомъ котораго должна быть или отмѣна рѣшенія, или отказъ просителю. До приступленія къ пересмотру, кассаціонный департаментъ ничего не знаетъ о дѣлѣ, только изъ пересмотра можетъ онъ увидѣть, измѣняютъ ли новыя обстоятельства или доказанная подложность документовъ существо дѣла или нѣтъ. Слѣдовательно, къ пересмотру онъ долженъ приступить *во всякомъ случаѣ*, къ отмѣнѣ же только тогда, если окажется, что новыя обстоятельства или доказательства подложныхъ документовъ измѣняютъ существо дѣла. Поэтому и надо читать: «Отмѣна рѣшенія по просьбѣ о пересмотрѣ допускается...»

Въ этомъ видѣ 805 ст. представляетъ самое необходимое требованіе. Но весь вопросъ въ томъ, *можетъ ли* кассаціонной департаментъ удовлетворить ему? А на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать утвердительно. Кассаціонный департаментъ не вызываетъ отвѣтчика и не вытребываетъ изъ палаты всего дѣла. По этому, во 1-хъ, предъ кассаціоннымъ департаментомъ не можетъ быть доказана дѣйстви-

тельность новаго обстоятельства, ибо одностороннее утвержденіе просителя не можетъ быть принято за достаточное доказательство. Во 2-хъ, кассаціонный департаментъ не можетъ судить о степени важности ни новыхъ обстоятельствъ, ни того документа, подложность котораго доказана, ибо проситель представитъ ему, конечно, только ту сторону дѣла, которая говоритъ въ его пользу.

Такимъ образомъ ст. 805, не смотря на ея доброе намѣреніе, нисколько не устраняетъ затрудненій.

Мысль закона, установившаго кассаціонный порядокъ для пересмотра рѣшеній и жалобъ третьихъ лицъ, совершенно понятна и заслуживаетъ всякаго уваженія. Онъ исходитъ изъ необходимости оградить твердость окончательныхъ рѣшеній: они не должны быть отмѣняемы иначе, какъ по приговору высшаго въ государствѣ суда. Что отмѣна окончательныхъ рѣшеній должна быть допускаема съ крайней осторожностью, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но дѣло въ томъ, какой именно порядокъ отмѣны наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ этому требованію?

Въ чисто практическихъ вопросахъ права, отвлеченныя умозрѣнія, неподкрѣпляемыя указаніями опыта, внушаютъ къ себѣ мало довѣрія. А потому, при опредѣленіи тѣхъ условій отмѣны, которыя представляютъ наибольшее огражденіе неприкосновенности окончательныхъ рѣшеній, мы будемъ имѣть постоянно въ виду иностранныя законодательства, болѣе насъ опытныя въ этомъ дѣлѣ.

Весьма замѣчательно то обстоятельство, что иностранныя законодательства, очень различаясь между собой въ опредѣленіи поводовъ, по которымъ допускается пересмотръ рѣшеній, близко сходятся въ самомъ осуществленіи этого средства. Сюда относятся слѣдующія два главныя правила:

1) Порядокъ производства по жалобѣ о пересмотрѣ рѣшенія — обыкновенный *тяжебный*, съ вызовомъ отвѣтчика и съ обязанностью для истца доказать основанія, приводимыя имъ въ пользу отмѣны. Такъ — по обще-германскому процессу, австрійскому, прусскому, ганноверскому, французскому, женевскому и по множеству другихъ, которые слѣдуютъ или обще-германскимъ началамъ или французскимъ *).

---

*) Code de Procédure civile: 483, 492, 493; Loi sur la Procédure civile du canton de Genève 295; Hannoverische bürgerl. Processordnung 450; Oesterreich. allgem. Gerichtsordnung 375; для Пруссіи Koch § 384; для обще-германскаго процесса Wetzel § 53.

2) Жалоба *никогда* не подается въ высшій судъ, но или въ тотъ же самый, который рѣшалъ дѣло, или въ первую инстанцію. Перваго начала держатся обще-германское законодательство, французское, женевское; втораго — австрійское, ганноверское *); прусское — и того и другаго, по различію случаевъ.

Это сходство не случайно, оно вытекаетъ изъ самаго существа дѣла: обыкновенный тяжебный порядокъ представляетъ наилучшее огражденіе твердости окончательныхъ рѣшеній. Дѣйствительно, единственно возможная гарантія неприкосновенности окончательныхъ рѣшеній заключается въ основательномъ изслѣдованіи тѣхъ доказательствъ, которыя приводятся въ пользу отмѣны. А эта основательность возможна только въ обыкновенномъ спорномъ порядкѣ, когда отвѣтчикъ имѣетъ случай опровергать показанія истца. Слѣдующее затѣмъ правило точно также условливается существомъ дѣла, какъ и это первое. Переносъ дѣла въ высшій судъ необходимъ только тогда, когда вина въ неправильности рѣшенія падаетъ на судью, вслѣдствіе неправильнаго обсужденія имъ силы доказательствъ, или такого примѣненія закона, которое несогласно съ его прямымъ смысломъ. Въ настоящемъ же случаѣ причина жалобы не вина судьи, а такія обстоятельства, которыя вовсе не были у него на разсмотрѣніи. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ причины къ переносу въ высшій судъ, ничего не остается, какъ предоставить разсмотрѣніе дѣла или тому же судьѣ, или, проводя строго начало о полномъ числѣ инстанцій, судьѣ первой инстанціи. А если этотъ естественный судья разрѣшитъ просьбу неправильно, тогда можно обратиться и къ высшему (§ 452 ганноверскаго процесса).

Этотъ порядокъ съ нашими поводами къ пересмотру находится даже въ бо̀льшей гармоніи, чѣмъ съ тѣми, которые встрѣчаются въ нѣкоторыхъ западныхъ законодательствахъ, напр. во французскомъ. По ст. 480 C. de P. C. къ пересмотру рѣшеній ведетъ, между прочимъ, и нарушеніе существенныхъ формъ судопроизводства; тогда какъ по нашему уставу пересмотръ рѣшеній строго ограничивается такими только случаями, которые не могутъ быть поставлены въ вину судьѣ. Въ приложеніи этого порядка къ намъ, онъ долженъ быть распространенъ на оба случая, указанные въ ст. 794, безъ всякихъ исключеній. Хотя приложеніе кассаціоннаго порядка и воз-

*) Wetzel § 53; C. de P. C. 490; Loi sur la P. C. du C. de Genève 293. Oesterreich. 375 и толкованіе Lüger-Wessely у Damianitsch'a; Hannoverische b. Pr. 446. Koch § 384.

можно къ нѣкоторымъ изъ просьбъ о пересмотрѣ (въ указанномъ выше случаѣ, когда документъ, подложность котораго доказана, былъ единственнымъ основаніемъ рѣшенія), но въ пользу подчиненія и этихъ просьбъ общему порядку говорятъ слѣдующія соображенія. *Возможность* отмѣны кассаціоннымъ департаментомъ не условливаетъ еще *необходимости* этого порядка; для переноса дѣла въ высшій судъ должны быть причины, именно требующія этого переноса, здѣсь же ихъ нѣтъ. Кромѣ того, различная подсудность двухъ, довольно близко подходящихъ одинъ къ другому, случаевъ можетъ повести къ сомнѣніямъ и спорамъ относительно подсудности.

Какъ различаются иностранныя законодательства въ опредѣленіи поводовъ къ пересмотру, также точно различаются они и въ опредѣленіи условій, при которыхъ допускаются жалобы третьихъ лицъ на окончательныя рѣшенія. Но въ порядкѣ осуществленія этихъ жалобъ они опять близко сходятся.

1) Порядокъ производства по просьбамъ третьихъ лицъ обыкновенный *тяжебный* съ вызывомъ отвѣтчика и проч. Такъ — въ Пруссіи, Ганноверѣ, Франціи и Женевѣ*).

2) Просьбы подаются не въ высшій судъ, а въ тотъ же, который рѣшалъ дѣло. Тѣ же законодательства.

При опредѣленіи правилъ вмѣшательства третьихъ лицъ, надо обратить вниманіе еще на одну особенность иностранныхъ законодательствъ. Третьи лица всегда могутъ начать самостоятельный искъ; а потому, чтобы право вмѣшательства не было только двойникомъ права вчинать особый искъ и, слѣдовательно, излишней роскошью, необходимо, чтобы оно представляло какое нибудь преимущество, вытекающее изъ особеннаго положенія просителей. Для третьихъ лицъ можетъ быть особенно важно пріостановить исполненіе по приговору, нарушающему ихъ права. Нѣкоторыя законодательства соединяютъ именно это слѣдствіе съ ихъ вмѣшательствомъ. Въ Пруссіи (Koch, § 322) и Ганноверѣ (§ 584) вмѣшательство, допускаемое только въ моментъ исполненія, *пріостанавливаетъ* это исполненіе. Французскій кодексъ допускаетъ вмѣшательство безъ всякихъ ограниченій во времени; но если оно дѣлается до исполненія, исполненіе также *пріостанавливается*, если судьи най-

*) Koch § 323; C. de P. C. 475 и толкованіе Rogron'а къ этой ст.; Loi sur la Pr. civile du code de Genève, 295.

дутъ это нужнымъ для огражденія правъ третьихъ лицъ, хотя и не во всѣхъ случаяхъ *).

Таковы, въ общихъ чертахъ, начала, которымъ слѣдуютъ западныя законодательства.

Обозначенныя выше неудобства нашего порядка должны почувствоваться на практикѣ. При невозможности обойти ихъ путемъ толкованія, не остается другаго средства, какъ измѣненіе въ законодательномъ порядкѣ и въ томъ направленіи, которому многіе вѣки слѣдуютъ иностранныя законодательства. Но измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣлаются не скоро, а между тѣмъ кассаціонный департаментъ при самомъ введеніи новаго устава будетъ поставленъ въ необходимость разрѣшать такія прошенія, которыя могутъ быть разрѣшены только съ соблюденіемъ обыкновенныхъ формъ тяжебнаго судопроизводства. Въ виду этой необходимости, не прибѣгнетъ ли кассаціонный департаментъ къ вызову отвѣтчика, къ выслушиванію свидѣтелей и къ другимъ формамъ общаго судебнаго порядка? Что это необходимо, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но въ высшей степени сомнительна возможность вывести такой порядокъ изъ самыхъ словъ закона, оставаясь вѣрнымъ ихъ общему смыслу. Если бы даже кассаціонный департаментъ, побуждаемый необходимостью, и принялъ этотъ порядокъ, надо желать, чтобы онъ не сдѣлался нормальнымъ и чтобы не была забыта задача законодательства — начертать формы производства, болѣе согласныя съ характеромъ двухъ новыхъ средствъ отмѣны окончательныхъ рѣшеній. Явка въ С.-Петербургъ истца и отвѣтчика, вызовъ туда же свидѣтелей (въ большей части случаевъ изъ очень удаленныхъ отъ столицы частей Россіи) и совершеніе кассаціоннымъ департаментомъ другихъ обрядовъ тяжебнаго производства, какъ наприм. осмотра на мѣстѣ и проч., могутъ быть названы необходимымъ, но никогда *удачнымъ* обходомъ тѣхъ затрудненій, которыя представляетъ настоящая редакція устава. А потому измѣненіе въ законодательномъ порядкѣ всегда останется желательнымъ.

Берлинъ, 16/28 іюня 1865 года.

75) Доктора Дыбковскаго.

Въ истекшемъ триместрѣ (съ 1-го апрѣля по 1-е іюля) я посѣщалъ лекціи физіологической химіи проф. Гоппе (4 часа), токси-

*) C. de P. C. 478 и Rogron къ той же ст.

кологіи его же (3 часа) и курсъ фитотоміи привать-доцента Гегельмейера (2 часа). Практическія занятія въ лабораторіи проф. Гоппе состояли въ изученіи физіологической химіи вообще и въ спеціальныхъ работахъ, именно въ продолженіи прежнихъ моихъ изслѣдованій о гемоглобинѣ и въ изученіи физіологическаго дѣйствія фосфорнаго водорода и фосфора.

Опыты съ опредѣленіемъ количества кислорода, слабо связаннаго съ гемоглобиномъ, я уже окончилъ. Оказалось, что почти весь кислородъ крови связанъ съ этимъ тѣломъ. Эта работа будетъ предметомъ особой статьи, которую я пишу въ настоящее время. Другіе же опыты съ гемоглобиномъ, о которыхъ я упоминалъ въ предъидущемъ отчетѣ, какъ то: изслѣдованіе продуктовъ распаденія какъ самаго гемоглобина, такъ и соединенія его съ окисью углерода, я принужденъ былъ отложить до болѣе благопріятнаго времени. При теперешней жаркой погодѣ невозможно работать съ столь легко разлагающимся веществомъ, какъ красящее начало крови, тѣмъ болѣе, что полученіе льда въ Тюбингенѣ сопряжено съ большими затрудненіями.

Опыты съ фосфористымъ водородомъ. Извѣстны двѣ разности фосфористаго водороднаго газа: невоспламеняющаяся въ прикосновеніи съ воздухомъ (PH_3) и воспламеняющаяся (PH_3 съ примѣсью жидкаго PH_2). Нистенъ, Левинъ, Мункъ и Лейденъ, работавшіе съ послѣднею, нашли, что она не ядовита, и это весьма естественно, потому что это видоизмѣненіе фосфамина на воздухѣ тотчасъ загорается, при чемъ образуются вода и фосфорная кислота—соединенія, какъ извѣстно, неядовитыя. Напротивъ того, Орфила, Либихъ, Гюнефельдъ и въ послѣднее время Ейленбергъ, производившіе опыты съ невоспламеняющимся фосфаминомъ, приписываютъ ему въ высшей степени ядовитыя свойства. Я дѣлалъ опыты надъ кроликами съ невоспламеняющимся фосфористымъ водородомъ, получаемымъ при разложеніи фосфористой кислоты. Общая картина явленій, наблюдаемыхъ при вдыханіи PH_3 смѣшаннаго съ большимъ количествомъ атмосфернаго воздуха, слѣдующая: прежде всего замѣчается безпокойство: животное, сидѣвшее дотолѣ совершенно покойно, пытается уйти изъ стеклянаго цилиндра, гдѣ оно заключено; черезъ 3—4 минуты дыханіе становится учащеннымъ, затрудненнымъ; затѣмъ животныя начинаютъ ослабѣвать, лежатъ неподвижно на днѣ сосуда, при чемъ голова вслѣдствіе слабости мышцъ склоняется на бокъ. Зрачки при этомъ представляются расширен-

ными, уши блѣдными вслѣдствіе съуженія сосудовъ, что особенно можно хорошо замѣтить у кроликовъ-альбиносовъ; часто происходитъ отдѣленіе мочи и кала. Затѣмъ животныя падаютъ на бокъ, появляются общія судороги, сопровождаемыя часто искошеніемъ глазъ, и смерть. Судороги бываютъ всегда только предъ смертью животнаго. Если кролика удалить изъ отравленной атмосферы при наступленіи первыхъ, ясно выраженныхъ, симптомовъ отравленія, то онъ не можетъ держаться на ногахъ, лежитъ неподвижно на полу, поднятый падаетъ снова, при раздраженіи кожи у него появляются отраженныя движенія, которыя можно вызывать до самой смерти, наступающей въ этомъ случаѣ нѣсколько позже—по истеченіи 15—20 минутъ. Ядовитость фосфористаго водорода весьма велика: при самомъ незначительномъ содержаніи фосфорнаго водорода ($^1/_4$ — $^1/_2$%), при постоянномъ доставленіи животнымъ свѣжаго атмосфернаго воздуха, они умираютъ въ теченіе 8 м.—30 м. Только въ одномъ случаѣ мнѣ удалось удержать животное живымъ въ отравленной атмосферѣ около часу. Самые постоянные симптомы: затрудненное дыханіе, сильная слабость мышцъ и внезапное наступленіе блѣдности ушей. Если по смерти животнаго тотчасъ была вскрываема грудь, то сердце находимо было еще сокращающимся. Артеріальная кровь, взятая изъ лѣваго сердца, имѣетъ цвѣтъ темнѣе нормальнаго, съ фіолетовымъ оттѣнкомъ; при взбалтываніи съ воздухомъ она получаетъ яркій красный цвѣтъ; изъ дефибринированной крови кровяные шарики осаждаются, какъ обыкновенно, сыворотка при этомъ остается совершенно прозрачною. Кровь свертывается нормально и свертокъ на воздухѣ алѣетъ. Запаху по фосфористому водороду кровь не имѣетъ. Подъ микроскопомъ кровяные шарики представляются зазубренными, звѣздообразными; но это измѣненіе ихъ формы не представляетъ ничего характеристическаго для отравленія фосфористымъ водородомъ, какъ полагаетъ Ейленбергъ; оно происходитъ также въ крови совершенно здоровыхъ кроликовъ и вѣроятно зависитъ отъ сокращенія протоплазмы (препаратъ былъ защищенъ отъ испаренія воды). Другія постоянныя измѣненія суть нахожденіе экхимозъ и кровяныхъ экстравазатовъ въ легкихъ, гиперемія печени и почекъ, иногда переполненіе сосудовъ мягкой оболочки мозга. Для опредѣленія какимъ измѣненіямъ подвергается фосфористый водородъ въ крови отравленныхъ животныхъ, послѣдняя была разведена водою, свернута, профильтрована, фильтратъ выпаренъ до-суха (для удаленія могущей образоваться отъ разложенія гемоглобина муравьиной ки-

слоты); остатокъ растворенный въ водѣ, редуцировалъ азотно-кислое серебро; слѣдовательно, въ крови находится какое нибудь вещество, обладающее редуцирующими свойствами. Весьма вѣроятно было предположить, что это есть фосфористая кислота, которая происходитъ отъ окисленія фосфористаго водорода (фосфористаго алдегида), именно $PH_3 + O_3 = H_3PO_3$. Впрочемъ, эта реакція сама по себѣ еще недостаточна, потому что въ самой крови могутъ находиться вещества, редуцирующія серебро.

Если чрезъ дефибринированную собачью кровь проводить фосфористый водородъ, то она быстро измѣняется въ своихъ свойствахъ, получаетъ чернобурый, почти черный, цвѣтъ, даже въ пѣнѣ имѣетъ бурый цвѣтъ; при изслѣдованіи спектральнымъ аппаратомъ показываетъ только одну абсорпціонную полоску посрединѣ линій D и E, характеризующую кровь, лишенную кислорода. При взбалтываніи съ воздухомъ, кровь нѣсколько алѣетъ и показываетъ тогда двѣ абсорпціонныя полосы кислородъ содержащей крови (между линіями D и E), хотя никогда не принимаетъ вполнѣ алаго цвѣта, свойственнаго артеріальной крови. Полученный изъ этой крови по только что описанному методу экстрактъ обладалъ въ самой высокой степени редукціонными свойствами и далъ съ разведенною сѣрною кислотою и цинкомъ характеристическую реакцію Дюссара и Блондло на фосфористую кислоту: запахъ по фосфористому водороду, смарагдо-зеленый цвѣтъ внутренняго пламени и три характеристическія зеленыя линіи въ спектрѣ. Изъ этого опыта можно вывести безспорное заключеніе, что фосфористый водородъ, всасываясь кровью, отнимаетъ отъ нея кислородъ, а самъ превращается въ фосфористую кислоту; слѣдовательно сущность дѣйствія этого газа при вдыханіи его, т. е. при введеніи его въ артеріальную систему, состоитъ въ лишеніи крови ея кислорода. Естественно, что фосфористый водородъ убиваетъ животное прежде, чѣмъ весь кислородъ крови будетъ отнятъ имъ; кровь животныхъ, отравленныхъ этимъ газомъ, какъ мы видѣли, содержитъ еще кислородъ, хотя она окрашена темнѣе нормальнаго; но *minimum* содержанія кислорода въ крови, необходимое для поддержанія жизни животнаго, намъ неизвѣстно. Вѣроятно только то, что оно не должно далеко отходить отъ нормы; лучшимъ доказательствомъ чего служитъ сѣрнистый водородъ, подобно фосфористому водороду чрезвычайно быстро убивающій животное при введеніи его чрезъ дыхательные пути.

Фосфористый водородъ, переходя въ кровь, окисляется на счетъ

кислорода ея; слѣдовательно всасываніе его кровью должно быть различно, смотря по содержанію кислорода въ послѣдней, т. е. должна существовать разница въ абсорпціи его артеріальною и венозною кровью. Однако, прежде чѣмъ мы приступили къ опытамъ, доказывающимъ высказанное мнѣніе, мы должны были опредѣлить коэффиціентъ абсорпціи PH_3 для воды. Это опредѣленіе сдѣлано было по методу Бунзена, и найдено, что онъ равенъ 0,0812 (расчитано еще несовсѣмъ точно).

Опытъ съ искусственною артеріальною кровью. 153,79 об. (расчитано при 0°С) дефибринированной собачьей крови, сильно взболтанной съ воздухомъ, введено въ калибрированную трубку, содержащую 68,93 об. (расчитано при 0°С и 1 м. давленія) фосфористаго водорода. На мѣстѣ прикосновенія газа съ кровью тотчасъ образовалась черная полоса вслѣдствіе лишенія послѣдней ея кислорода; при взбалтываніи вся масса крови потемнѣла. По истеченіи сутокъ, осталось въ трубкѣ 37,04 об. газа, слѣдовательно 153,79 об. крови всосало 31,89 об. фосфористаго водорода, или же 100 об. крови всасываетъ 20,73 об. газа, т. е. болѣе $1/5$ части по объему. Такая кровь имѣетъ всѣ свойства крови, чрезъ которую былъ проводимъ фосфористо-водородный газъ, т. е. даетъ одну полоску въ спектрѣ (вслѣдствіе совершеннаго лишенія кислорода), содержитъ фосфористую кислоту, взбалтываемая съ воздухомъ алѣетъ, впрочемъ очень незначительно; кровяные шарики кажутся подъ микроскопомъ нѣсколько темнѣе, и контуры ихъ не столь правильны.

Опытъ съ искусственною венозною кровью. 131,73 об. крови, лишенной по возможности кислорода *) проведеніемъ углекислоты, введено въ упомянутую трубку, содержащую 67,75 об. фосфористаго водорода. По окончаніи всасыванія осталось въ трубкѣ 67,57 об., т. е. всосалось 0,18 об., а на 100 ч. крови 0,13 об., т. е. такое незначительное количество, которое едва превышаетъ всасываемость PH_3 водою и можетъ быть отнесено на счетъ абсорпціи тѣми кровяными шариками, которые содержали еще кислородъ. Это доказывается тѣмъ, что кровь, изслѣдованная спектромъ, не показала и слѣда кислорода, а предъ началомъ давала еще двѣ полоски.

*) Извѣстно, что проведеніемъ водорода или угольной кислоты не всегда удается лишить кровь всего кислорода; такъ и въ данномъ случаѣ кровь содержала еще нѣсколько кислорода (2 абсорпціонныя полоски въ спектрѣ), но во всякомъ случаѣ никакъ не болѣе нормальной венозной крови.

Итакъ, всасыванiе фосфористаго водорода кровью находится въ прямомъ отношенiи съ содержанiемъ кислорода въ последней; артерiальная кровь всасываетъ большое количество газа, венозная напротивъ чрезвычайно мало. Далѣе, это не есть простая абсорпцiя газа, а абсорпцiя, сопровождаемая химическимъ разложенiемъ газа, т. е. превращенiемъ его въ фосфористую кислоту.

Теперь представляется вопросъ, какъ дѣйствуетъ газъ, если онъ будетъ введенъ не въ артерiальную, а въ венозную кровь? Изъ опытовъ съ кровью можно a priori предполагать, что только незначительная часть его должна всосаться, именно столько, сколько есть кислорода въ венозной крови, могущаго обратить PH_3 въ фосфористую кислоту; избытокъ же долженъ выдѣлиться въ неизмѣненномъ видѣ. Опытовъ съ введенiемъ газа въ вены мы дѣлать не рѣшились, потому что по малой всасываемости этого газа венозною кровью животное легко могло умереть вслѣдствiе механическаго засоренiя легочныхъ капилярныхъ сосудовъ пузырьками невсосаннаго газа. Опыты съ впрыскиванiемъ воды насыщенной PH_3, дали отрицательный результатъ, конечно, вслѣдствiе малой абсорпцiи этого газа водою. Остался такимъ образомъ только одинъ путь для проведенiя газа въ венозную систему — чрезъ кишечный каналъ. Поэтому сдѣланъ былъ слѣдующiй опытъ: большой бодрый кроликъ привязанъ къ доскѣ и чрезъ заднiй проходъ введенъ былъ катетеръ, соединенный съ газометромъ Бунзена, такъ что, наливая любое количество ртути въ узкую трубку газометра, можно было ввести равный объемъ фосфористаго водорода въ кишечный каналъ. Введено около 2 к. ц. газа. Сначала животное оставалось совершенно покойнымъ, но чрезъ $^1/_4$ часа дыханiе начало становиться тяжелымъ, учащаться, затѣмъ наступила слабость, голова упала на сторону, сердцебiенiе было неровное, учащенное, уши поблѣднѣли; животное ослабѣвало съ каждою минутою и за появленiемъ непродолжительныхъ судорогъ наступила смерть черезъ полчаса отъ начала отравленiя. Бумажка, смоченная растворомъ азотнокислаго серебра и положенная предъ ртомъ кролика, стала бурѣть чрезъ $2^1/_2$ минуты послѣ введенiя газа и вскорѣ получила совершенно черный цвѣтъ вслѣдствiе обильнаго образованiя фосфористаго серебра. Вскрытiе показало слѣдующее: сердце найдено еще сокращающимся, наполненнымъ кровью; венозная кровь имѣетъ почти черный цвѣтъ и даетъ одну полоску въ спектрѣ; артерiальная немного свѣтлѣе; въ легкихъ подтеки и экхимозы. Взболтанная съ

воздухомъ кровь алѣетъ, хотя не принимаетъ вполнѣ артеріальнаго цвѣта. Сосуды кишечнаго канала наполнены черною кровью; въ брюшной полости слышенъ запахъ по фосфористому водороду; мышцы окрашены темнѣе нормальнаго. Итакъ, этотъ опытъ оправдалъ наши ожиданія: избытокъ фосфористаго водорода удаляется въ неизмѣненномъ состояніи легкими; черный цвѣтъ лишенной совершенно кислорода венозной крови, реакція при изслѣдованіи спектроскопомъ и наконецъ неполное возвращеніе артеріальнаго цвѣта при взбалтываніи съ воздухомъ указываютъ на поглощеніе всего кислорода венозной крови газомъ. Измѣненія, найденныя при вскрытіи, оказались почти идентичными съ измѣненіями, бывающими при вдыханіи. Чтобы точнѣе изслѣдовать свойство выдыхаемаго газа, при слѣдующемъ опытѣ на ротъ кролика наложена была воронка, сообщающаяся съ двумя стклянками: вдыхаемый воздухъ проходилъ чрезъ воду, а выдыхаемый чрезъ растворъ серебра; въ послѣднемъ образовался обильный черный осадокъ фосфористаго серебра. Осадокъ этотъ, вмѣстѣ съ находящеюся жидкостью, обработанъ былъ азотною кислотою; серебро осаждено соляною кислотою; фильтратъ, выпаренный до половины, далъ обильный желтый осадокъ съ молибденовокислымъ амміакомъ и кристаллическій бѣлый осадокъ съ смѣсью сѣрнокислой магнезіи, амміака и нашатыря; слѣдовательно присутствіе фосфорной кислоты, образовавшейся при дѣйствіи азотной кислоты изъ фосфористаго серебра, оказалось несомнѣннымъ.

Кровь, взятая изъ праваго сердца кролика, изслѣдованная по методу Дюссара и Блондло, дала реакцію фосфористой кислоты.

Если ввести въ кишечный каналъ самое незначительное количество фосфористаго водорода (на столько лишь, чтобы бумажка, напитанная растворомъ серебра, могла побурѣть), то животное остается въ живыхъ. Дѣйствіе фосфористаго водорода при введеніи въ кишечный каналъ объясняется чрезвычайно просто: онъ всасывается венами, часть его обращается въ венозной крови въ фосфористую кислоту, на счетъ ея кислорода, а избытокъ удаляется въ неизмѣненномъ состояніи легкими. Отравленіе же при бóльшихъ пріемахъ можно объяснить отчасти тѣмъ, что венозная кровь измѣняется образовавшеюся фосфористою кислотою, а отчасти, и преимущественно, тѣмъ, что при выдыханіи, какъ извѣстно, не весь воздухъ (по несовершенству дыхательнаго аппарата) удаляется изъ дыхательныхъ путей, часть его остается, а вмѣстѣ съ нимъ остается также и фосфористый водородъ, который при слѣдующемъ вдыха-

ніи поступаетъ уже прямо въ артеріальную кровь и производитъ въ послѣдней такія же измѣненія, какія производитъ вообще этотъ газъ при отравленіи имъ чрезъ дыхательные пути.

Изъ сказаннаго ясно видно сходство отравленія фосфористымъ водородомъ и сѣрнистымъ. Сущность дѣйствія одного и другаго газа одинакова: лишеніе крови ея кислорода.

Нельзя не замѣтить поразительнаго сходства какъ въ явленіяхъ, замѣчаемыхъ при жизни, такъ и въ измѣненіяхъ, находимыхъ при вскрытіи, между отравленіемъ фосфоромъ и фосфористымъ водородомъ. Вся разница состоитъ только въ болѣе медленномъ дѣйствіи фосфора и въ мѣстномъ пораженіи желудочно-кишечнаго канала при отравленіи первымъ изъ упомянутыхъ ядовъ. Въ настоящее время я занимаюсь рѣшеніемъ вопроса, не дѣйствуетъ ли фосфоръ ядовито, превращаясь въ организмѣ въ фосфористый водородъ. Произведенные уже опыты не позволяютъ сказать ничего рѣшительнаго; вообще, изслѣдованіе сущности отравленія фосфоромъ представляетъ много затрудненій, весьма нелегко устраняемыхъ. О результатахъ этихъ опытовъ я надѣюсь сообщить въ слѣдующемъ отчетѣ.

Тюбингенъ, 9-го іюля 1865 года.

76) Доктора Гольма.

(О занятіяхъ за границею, съ конца февраля по конецъ іюля мѣсяца 1865 года).

Пріѣхавъ къ концу февраля мѣсяца новаго стиля въ Берлинъ, я успѣлъ только самое короткое время пользоваться лекціями, потому что уже въ первыхъ числахъ марта мѣсяца всѣ лекціи по медицинскому факультету кончились, и наступили зимнія вакаціи. Такъ какъ каникулы во всѣхъ университетахъ Германіи наступаютъ почти въ одно время, то мнѣ нечего было отыскивать другой университетъ. Я остался въ Берлинѣ и бралъ приватные курсы въ микроскопіи и въ физикальной діагностикѣ.

Микроскопическій курсъ былъ даваемъ ассистентомъ профессора Virchow'а, докторомъ Cohnheim, и былъ для меня болѣе интересенъ тѣмъ, что далъ мнѣ возможность ознакомиться съ новѣйшими способами приготовленія препаратовъ для изслѣдованія. При этомъ я узналъ также и способъ приготовленія препаратовъ посредствомъ раствора азотнокислаго серебра. Этимъ способомъ будто бы откры-

ваются отношенія строенія тканей, особенно эпителіальныхъ, которыя, при употребленіи прежнихъ способовъ, не могли быть узнаваемы. Этотъ способъ состоитъ въ погруженіи и въ пополаскиваніи изслѣдуемой ткани въ растворѣ азотнокислаго серебра (1 часть на 500 ч. воды) въ продолженіе минуты и въ слѣдующемъ затѣмъ пополаскиваніи ткани въ перегнанной водѣ. Если изслѣдовать такой препаратъ подъ микроскопомъ, послѣ дѣйствія на него солнечнаго свѣта, то кажется, что эпителіальныя клѣтки соединены между собою какою-то замазкою (Kittsubstanz), окрашенною растворомъ серебра въ коричневый цвѣтъ; что онѣ граничатъ другъ къ другу не прямыми линіями, а извилисто-зубчатыми, и т. д. Этимъ способомъ открывали даже тамъ эпителій (напр. въ брюшинѣ лягушки), гдѣ его вовсе не находили при прежнихъ способахъ приготовленія препарата. Изобрѣлъ этотъ способъ von Recklinghausen и посредствомъ его находилъ эпителій въ мельчайшихъ лимфатическихъ сосудахъ и доказалъ даже, въ новѣйшее время, что волосные сосуды состоятъ изъ одного только эпителія. Все это намъ передано было безъ критики. D-r R. Hartmann *) однако, занимаясь тоже этимъ способомъ приготовленія препаратовъ, нашелъ, что рисунки эти — случайныя фигуры, происходящія изъ осадковъ, образуемыхъ изъ раствора серебра съ составными частями тканей, и что они вовсе не представляютъ окрашенныя границы эпителіальныхъ клѣтокъ. Онъ получилъ подобные рисунки на частяхъ, гдѣ эпителій былъ удаленъ размываніями посредствомъ кисточки (на брюшинѣ, на ворсинкахъ кишекъ), какъ равно и на соединительной ткани, находящейся между сосудами пуповины и лишенной совершенно эпителія; даже на частяхъ неорганизированныхъ, какъ напр. на стеклѣ, покрытомъ тончайшимъ слоемъ коллодія, траганта или аравійской камеди, даже на голомъ стеклѣ. Доктора Harpeck и Adler пришли къ подобнымъ результатамъ. Животныя функціи клѣтокъ (измѣненія формы, движеніе, вступленіе внутрь ихъ порошкообразныхъ тѣлъ) мы у этого преподавателя имѣли случай наблюдать подъ микроскопомъ въ «мокрой камерѣ».

Курсъ физикальной діагностики читалъ ассистентъ профессора Фрерихса d-r Mannkopf. Хотя въ этомъ курсѣ не были научно раз-

*) Ueber die durch den Gebrauch der Höllensteinlösung künstlich dargestellten Lymphgefässanhänge, Saftkanälchen und epithelähnlichen Bildungen — in Reicherts und Du Bois-Reymond's Achiv für 1864.

смотрѣны всѣ вопросы, относящіеся къ этому предмету, тѣмъ не менѣе онъ принесъ мнѣ большую пользу, доставивъ возможность самому изслѣдовать больныхъ въ клиникѣ проф. Фрерихса.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца начался лѣтній семестръ. Въ этомъ семестрѣ я посѣщаю: клиники внутреннихъ болѣзней проф. Frerichs'а и Traube; демонстративный курсъ патологической анатоміи и гистологіи, съ руководствомъ къ патологическимъ вскрытіямъ, проф. Virchow'а; демонстративный курсъ экспериментальной физіологіи д-ра Rosenthal'я; его же лекціи о физіологической акустикѣ съ ученіемъ о голосѣ и о рѣчи, съ экспериментами; спеціальную физіологію нервовъ съ эспериментами д-ра Munck'а, и лекціи проф. Hirsch'а о важнѣйшихъ въ нашихъ мѣстностяхъ эпидемически и эндемически господствующихъ болѣзняхъ.

Клиника проф. Фрерихса отличается богатымъ матеріаломъ избранныхъ клиническихъ случаевъ. Въ ней я познакомился съ болѣзнію, у насъ еще не показавшеюся: трихиніазисомъ, отъ которой въ послѣднемъ семестрѣ умерло двѣ женщины. Діагнозъ этихъ случаевъ былъ только вѣроятный. Вырѣзываніе кусочка мышицы для микроскопическаго изслѣдованія, необходимаго для точнаго діагноза, въ этихъ случаяхъ не было дѣлано, потому что такія раненія долго не заживаютъ, и, при несовсѣмъ выгодныхъ гигіеническихъ условіяхъ Charité и при теперешнемъ гнилостномъ характерѣ болѣзней, могли бы быть не безопасными. Раны послѣ выдергиванія мышечныхъ волоконъ посредствомъ гарпуна, представляютъ, какъ говорятъ, тѣ же самыя неудобства. Случалось, что больные приносили жалобу на врачей Charité за такую ихъ пытливость. Берлинцы вообще и не вѣрятъ въ возможность заболѣванія трихинами, не смотря на публичныя лекціи Virchow'а объ этомъ предметѣ, и продолжаютъ также много употреблять свинину и колбасы, какъ прежде. Еще въ концѣ мая мѣсяца, профессору Virchov'у были присланы для изслѣдованія копченыя колбасы изъ мѣстности Пруссіи, пограничной съ Россіею, въ которой заболѣло 12 человѣкъ послѣ употребленія этихъ колбасъ; изъ нихъ даже 2-е умерло. При изслѣдованіи, въ нѣкоторыхъ частичкахъ колбасы было такъ много трихинъ, что въ полѣ микроскопа ихъ находили до 4-хъ. Одна изъ больныхъ трихинами, которую я еще видѣлъ въ клиникѣ проф. Frerichs'а, имѣла отеки; обѣ верхнія конечности были согнуты въ локтевомъ сгибѣ такъ сильно, что нельзя было ихъ выпрямить; обѣ двуглавыя мышицы были тверды; больная не могла двигаться въ постели и умерла отъ изне-

моженія. Въ этомъ случаѣ, съ вѣроятностію опредѣлили страданіе трихинами. Въ мышцахъ рукъ и груди нашлось при вскрытіи такое громадное число трихинъ, какого до этого случая еще не видѣли въ патологическомъ институтѣ.

При заболѣваніи трихинами замѣчается очень сильная лихорадка ($39-40^{0}$), лихорадочная моча, боли въ мышицахъ, которыя усиливаются отъ давленія и при движеніяхъ, члены съ трудомъ выпрямляются, отправленія мозга нормальны. Преимущественно поражаются мышицы груди и живота (Mm. pector. maj. и recti abdom.) Если введено было значительное количество трихинъ, то дѣлаются сильнѣйшіе поносы, которыми животныя и выносятся изъ кишекъ. Этого не бываетъ при незначительномъ введеніи ихъ въ желудокъ, и въ такомъ случаѣ они тамъ быстро размножаются и поступаютъ потомъ въ мышицы. Сила противодѣйствія ихъ разнымъ химическимъ дѣятелямъ изумительна, потому еще и не нашлось средства, которое можно было бы ввести въ кишечный каналъ человѣка для убиванія ихъ. Въ срединѣ обыкновеннымъ образомъ изжаренныхъ колбасъ ихъ находили еще живыми.

Изъ болѣзней, мнѣ до сихъ поръ еще не встрѣчавшихся, я упомяну и объ эпидемически здѣсь господствующемъ воспаленіи оболочекъ спиннаго и головнаго мозга. Явившись около пасхи прошлаго года у дѣтей, оно теперь болѣе поражаетъ взрослыхъ. Начинается оно ознобомъ, лихорадкою, болями головы, затылка и поясницы. Скоро присоединяется бредъ и рвота. Больные лежатъ совершенно выпрямленными, такъ что если ихъ приподнимать за туловище, они скользятъ впередъ на постели. Моменты экзальтаціи (судороги, боли) смѣняются спячкою. Легко у больныхъ дѣлаются пролежни. Кромѣ случаевъ съ такими рѣзкими явленіями, бываютъ и очень скрытно проникающіе, какъ доказываетъ слѣдующій случай: нашли ветошника на улицѣ въ сопорозномъ состояніи. Его привезли въ Charité. При немъ находились корзина и крючекъ. Эти инструменты доказывали, что онъ въ тотъ день еще вышелъ на работу. Онъ умеръ въ клиникѣ проф. Frerichs'a на слѣдующій день. Вскрытіе показало вполнѣ развившееся воспаленіе спиннаго и головнаго мозга. Иногда умираютъ больные въ продолженіе первыхъ 24-хъ часовъ, иногда болѣзнь длится нѣсколько недѣль до исхода въ выздоровленіе или въ смерть. Въ послѣднемъ случаѣ, находится, кромѣ фибринозно-гнойной инфильтраціи мягкой мозговой оболочки, и довольно значительная водянка мозговыхъ желудочковъ. Эта ин-

фильтрація находится чаще на основаніи, чѣмъ на выпуклости мозга, а въ спинномъ мозгу обыкновенно на задней поверхности. Въ особенности же поражаются тѣ мѣста piae, гдѣ она образуетъ петли (Maschen). Общая картина болѣзни нѣсколько похожа на тифъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ будто бы замѣчались Roseolae. Паренхиматозныя измѣненія селезенки, печени и почекъ тоже схожи съ тифозными. Но несправедлива вѣнская школа, если она отвергаетъ существованіе этой эпидемической болѣзни. Это для Вѣны можетъ быть и такъ. Случаи, описанные въ 26-мъ № 1865 г. Allgemeine Wiener Medicinische Zeitung д-ромъ Ellbogen «der Typhus u. die Meningitis cerebro-spinalis epidemica», принадлежали дѣйствительно къ тифу и представляли при жизни болѣе или менѣе ясно выраженныя явленія воспаленія оболочекъ головнаго и спиннаго мозга; но вскрытія тамъ показали, кромѣ обыкновенныхъ тифозныхъ измѣненій, лишь серозную инфильтрацію мозговыхъ оболочекъ и въ одномъ случаѣ размягченіе бѣлаго вещества спиннаго мозга, между тѣмъ какъ здѣсь въ Берлинѣ во всѣхъ случаяхъ находили клѣточную пролиферацію piae до образованія гноя. При леченіи этой болѣзни, здѣсь не придерживаются строгаго антифлогоза и скоро переходятъ къ тонизирующему способу леченія.

Загадочность сущности сахаристаго мочеизнуренія и послѣ превосходной монографіи Pavy еще не разъяснена. Pavy доказалъ однако, и послѣ него Ritter, что печень не есть органъ, приготовляющій при нормальныхъ условіяхъ сахаръ; что въ ней является сахаръ только послѣ смерти или при вивисекціяхъ отъ разстройства въ кровообращеніи; что кровь въ печеночныхъ венахъ содержитъ только слѣды сахара, какъ и кровь прочихъ венъ. При извѣстныхъ условіяхъ эти экспериментаторы не находили и слѣдовъ сахара въ печени (противъ Bernard'а).

Видѣлъ я здѣсь нѣсколько случаевъ diabetes mellitus и insipidus. Во всѣхъ этихъ случаяхъ проф. Frerichs могъ подтвердить свое мнѣніе, что diabetes происходитъ отъ функціональныхъ или матеріальныхъ страданій мозга. Этотъ взглядъ не новый, но интересно то, что Frerichs *во всѣхъ* своихъ случаяхъ сахаристаго мочеизнуренія могъ найти страданія мозга, что и подтвердили вскрытія. Одинъ діабетикъ въ его клиникѣ умеръ отъ общаго воспаленія оболочекъ головнаго и спиннаго мозга. Въ 4-мъ желудочкѣ ничего ненормальнаго не видѣли простымъ глазомъ, подъ микроскопомъ однако нашли утолщеніе эпендимы его. Другой больной въ клиникѣ проф.

Traube мнѣ разсказывалъ, что ему кажется, будто бы болѣзнь его началась послѣ сильныхъ душевныхъ потрясеній, недававшихъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Еще больной былъ представленъ на лекціи проф. Frerichs'а съ явленіями воспаленія черепно-спиннаго мозга. Моча его была свѣтло-желтаго цвѣта и только 1003 удѣльнаго вѣса. Это никакъ не соотвѣтствовало лихорадочному состоянію больнаго въ 39°. Количество собранной мочи было еще малое, потому что больной представленъ былъ слушателямъ скоро послѣ поступленія его въ клинику. Моча не содержала ни бѣлка ни сахару. Проф. Frerichs указалъ на возможность присутствія diabet. insipid. Это объяснило бы найденный удѣльный вѣсъ мочи. На другой день качество мочи не было измѣнено, но количество въ продолженіе 18-ти часовъ выпущенной мочи было 3900 куб. цент. Предположеніе проф. Frerichs'а подтвердилось. Frerichs еще присовокупилъ, что можно ожидать и появленія сахара въ мочѣ. Данныя для этого имѣются въ страданіи мозга и въ присутствіи diabet. insipid., который часто переходитъ въ diabet. mellit. Между этими обоими болѣзненными процессами есть много сходнаго. Такъ и бываетъ при опытахъ съ поколомъ 4-го желудочка, послѣ котораго слѣдуетъ иногда просто только обильное отдѣленіе мочи, а иногда съ содержаніемъ сахара. На 6-й день у этого больнаго сталъ показываться сахаръ въ мочѣ. Лекціи въ клиникѣ Frerichs'а принадлежатъ къ самымъ интереснымъ и самымъ поучительнымъ какъ по діагнозу, такъ и по остроумному изложенію болѣзненныхъ процессовъ; только терапія иногда разсматривается въ нѣсколько узкихъ границахъ.

Клиника проф. Traube служитъ болѣе для приготовленія студентовъ къ клиническимъ занятіямъ. Лекціи поэтому бываютъ иногда утомительны для врачей частыми повтореніями элементарныхъ клиническихъ указаній, что однако очень полезно для студентовъ. Въ этой клиникѣ испытываютъ теперь способъ д-ра Davis'а леченія остраго суставнаго ревматизма мушками. Употребленіе мушекъ противъ остраго ревматизма не ново, но способъ ихъ употребленія новый: непосредственно выше каждаго пораженнаго сочлененія кладется вокругъ всего члена мушка шириною въ 2″. Мушки оставляются до появленія пузырей, жидкость изъ нихъ выпускается, а мѣста эти покрываются теплыми припарками, чтобы способствовать еще большему выхожденію жидкости. Число мушекъ ставленныхъ вокругъ пораженныхъ сочлененій доходило иногда до

6-ти, и не замѣчалось при этомъ раздраженія мочеваго пузыря. Davis ставитъ ихъ даже до 7-ми. У одного больнаго при проколѣ пузырей отъ мушекъ было собрано жидкости 400 куб. цент. и 1021 удѣльнаго вѣса. Въ началѣ нарыванія мушекъ температура тѣла незначительно повышается, но потомъ падаетъ, иногда такъ быстро, что въ продолженіе 36-ти часовъ и пульсъ и температура достигаютъ до нормы. Послѣ употребленія 5-ти мушекъ у одного больнаго на другой день температура тѣла упала отъ 39,3^0 на 37,9^0, а на 3-й день на 37^0; моча изъ кислой и темной сдѣлалась свѣтлой и средней. Способъ этотъ, по видимому, очень удовлетворителенъ; если еще оправдается, какъ Davis утверждаетъ, что при немъ къ ревматизму не присоединяется пораженіе сердца, то этотъ способъ заслуживаетъ большаго вниманія. Это увѣреніе Davis'а тѣмъ болѣе вѣроятно, что пораженіе сердца обыкновенно является при длительномъ теченіи ревматизма, а способъ этотъ, пресѣкая болѣзнь въ началѣ, можетъ тѣмъ и предохранить отъ развитія пораженія сердца. Взглядъ англичанъ на ревматизмъ, что при немъ въ крови вращается болѣзненное начало, которое извлекается мушками, не можетъ устоять противъ научной критики. Очень рѣдкій случай ломоты (arthritis) для здѣшнихъ мѣстностей видѣлъ я въ той же клиникѣ: у мужчины 56 лѣтъ оба послѣдніе сустава праваго указательнаго и второй суставъ большаго пальца лѣвой руки были сильно опухши, синевато-краснаго цвѣта, довольно мягкой консистенціи. На нижней и боковой поверхностяхъ ихъ замѣчалось много бѣлыхъ, едва желтоватыхъ отложеній, величиною въ маковое зерно и до булавочной головки, отличавшихся рѣзко отъ двухъ подобныхъ желтыхъ пятенъ, гдѣ было накопленіе гноя. Изъ двухъ отверстій сочился жидкій гной. Эти отложенія, вынутыя иголкою или отъисканныя въ высочившемся гноѣ, представлялись состоящими изъ мочевокислыхъ солей, потому что, при обработываніи ихъ на огнѣ азотною кислотою, смѣсь окрашивалась въ красно-фіолетовый цвѣтъ отъ прибавленія амміака (мурексидъ). Въ ушной раковинѣ находился конкрементъ величиною въ конопляное зерно, но окружающая его ткань не была воспалена. Сочлененія большихъ пальцевъ ногъ были утолщены.

Изложенія болѣзней сердца и легкихъ знакомятъ слушателей часто съ интересными результатами изслѣдованій проф. Traube надъ этими органами. Экспериментальная патологія этихъ органовъ составляетъ предметъ безпрерывныхъ его работъ.

Демонстративный курсъ патологической анатоміи проф. Virchov'а вполнѣ соотвѣтствуетъ той славѣ, которою онъ пользуется вездѣ. Вскрытія производятся разъ въ недѣлю самымъ Virchov'омъ, и тамъ слушатели имѣютъ случай видѣть, какіе важные выводы онъ въ состояніи извлекать изъ самыхъ незначительныхъ по видимому измѣненій. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на осмотръ черепа, на конфигурацію обѣихъ половинъ его, на чрезмѣрное или отсталое развитіе отдѣльныхъ костей его и вліяніе такихъ состояній на самый мозгъ и на распредѣленіе крови въ его оболочкахъ. Такъ напр. преждевременное заращеніе швовъ или сильное развитіе зубцовъ или вормсіевыхъ косточекъ между костями дѣйствуютъ такъ на форму черепа, что первое останавливаетъ развитіе черепа, а послѣднее способствуетъ къ его развитію. Эти вліянія распространяются на ту часть черепа, которая находится отвѣсно къ этимъ измѣненнымъ швамъ. Стараніе, какъ можно менѣе измѣнять органы при вскрытіяхъ, исполняется тѣмъ, что ихъ оставляютъ или на мѣстѣ, или по вынутымъ проводятъ обширные разрѣзы, но такъ, чтобы находился всегда сдерживающій мостъ. Тогда органъ (даже мозгъ) мгновенно можно сложить въ его первоначальную форму и, если это нужно, легко отъискать первоначальныя отношенія. Матеріалъ здѣсь богатѣйшій, какъ вообще при большихъ больничныхъ заведеніяхъ, и разработывается тщательно; ему въ этомъ помогаютъ три дѣльныхъ ассистента. Волокнистое воспаленіе самаго сердца по Virchov'у есть всегда продуктъ общаго сифилиса; ревматизмъ, по его мнѣнію, здѣсь можетъ быть только вызывающею причиною. Случай аневризма брюшной аорты былъ особенно поучителенъ какъ для клинициста такъ и для патолога. Аневризматическій мѣшокъ былъ величиною въ дѣтскую головку, надъ нимъ находился малый величиною въ большую грушу. Эти мѣшки произвели значительное разрушеніе позвонковъ по случаю ихъ развитія на задней, прилегающей къ позвонкамъ, сторонѣ аорты. Изліяніе крови изъ большаго мѣшка повторялось нѣсколько разъ и увеличивало еще значительно опухоль. Сердце здѣсь было совершенно нормально, даже не было гипертрофіи лѣваго желудочка, что должно было бы ожидать отъ значительнаго препятствія въ кровообращеніи, которое обыкновенно производится давленіемъ на артерію такого большаго аневризматическаго мѣшка. Этотъ случай поучителенъ для клинициста именно отсутствіемъ гипертрофіи лѣваго желудочка сердца, что обыкновенно

считается однимъ изъ главныхъ признаковъ для исключенія большихъ внутреннихъ, неощущаемыхъ аневризмовъ.

Вокругъ отверстій мѣшковъ находился незначительный склерозъ внутренней оболочки аорты. Этотъ склерозъ какъ и вообще всякій склерозъ, даже съ атероматозными измѣненіями, не можетъ считаться за причину развитія аневризма, потому что оно обусловливается главнымъ образомъ состояніемъ средней оболочки.

Болѣзненные процессы, о которыхъ читаетъ проф. Hirsch, особенно интересны въ результатахъ изслѣдованія законовъ развитія и распространенія ихъ по земному шару. Говоря о крупѣ и о дифтеритѣ, Hirsch упомянулъ о запутанности ученія объ этихъ болѣзненныхъ процессахъ. Виновникомъ этой запутанности долженъ считаться Brétonneau, который въ своемъ, не лишенномъ многихъ достоинствъ, сочиненіи «des inflammations spéciales du tissu muqueux» представилъ дифтеритъ какъ croup descendant, т. е. какъ крупозный процессъ, переходящій изъ зѣва въ гортань и гдѣ эксудатъ съ поверхности инфильтрируетъ и самую ткань слизистой оболочки. Hirsch однако доказываетъ совершенную разность между крупомъ и дифтеритомъ слѣдующими этіологическими данными:

Крупъ	*Дифтеритъ*
Является въ мѣстностяхъ, гдѣ свирѣпствуютъ катарры дыхательныхъ органовъ, и находится подъ вліяніемъ всѣхъ дѣятелей, вліяющихъ на развитіе и на распространеніе послѣднихъ: времена года, быстрыя перемѣны температуры; отсутствіе крупа подъ тропиками и т. д.	Является напротивъ во всѣ времена года; его эпидеміи бываютъ также сильно развиты какъ при равномѣрной, такъ и при измѣнчивой погодѣ, и встрѣчаются подъ всѣми широтами.
Не зависитъ отъ соціальныхъ условій, бываетъ также часто у богатыхъ какъ у бѣдныхъ.	Связанъ съ дурными гигіеническими условіями, отъ чего мы его встрѣчаемъ чаще между бѣдными, въ темницахъ, въ воспитательныхъ домахъ и т. д.
Никогда почти не является въ настоящихъ эпидеміяхъ.	Является въ эпидеміяхъ.
Незаразителенъ.	Весьма заразителенъ.

Крупъ	*Дифтеритъ*
Рѣдко бываетъ у взрослыхъ, а почти исключительно у дѣтей.	Бываетъ у взрослыхъ какъ и у дѣтей.
Есть болѣзнь мѣстная.	Съ самаго начала есть болѣзнь общая съ характеромъ гнилостныхъ болѣзней.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца я оставлю Берлинъ по случаю окончанія лѣтняго семестра. Въ каникулярное время я постараюсь познакомиться съ университетами южной Германіи и Швейцаріи, а съ 1-го октября я буду находиться въ Вѣнѣ, гдѣ въ это время начинается зимній семестръ.

Берлинъ, 12/24 іюля 1865 года.

77) А. Стоянова.

Все время, отъ начала апрѣля до конца іюня, провелъ я въ Лондонѣ, гдѣ выхлопоталъ себѣ право входа: сначала въ библіотеку *Inner Temple*, а потомъ — Британскаго музея. Здѣсь — какъ и ожидалъ я — представилось мнѣ рѣдкое, по богатству своему, собраніе книгъ на всѣхъ языкахъ, не исключая славянскихъ. Главное вниманіе обратилъ я на литературу восточныхъ законодательствъ и на нѣкоторыя ученыя работы по этнографіи, какъ напр. Каруса, Притчарда и Гобино. Необычайное обиліе литературы, начиная отъ превосходныхъ изданій текста законовъ до послѣдняго нумера спеціальныхъ журналовъ, заставляетъ меня искренно сожалѣть о сравнительной краткости времени, которое пришлось провести въ Англіи. Образцовое устройство библіотеки и вниманіе къ иностранцамъ просвѣщенныхъ ея администраторовъ, конечно, могутъ только увеличить и безъ того уже немалую сумму удобствъ для занятій.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, употребилъ я одну недѣлю на посѣщеніе Оксфордскаго университета, гдѣ имѣлъ случай осмотрѣть знаменитую Бодлеянскую библіотеку. Кромѣ того, почти въ каждой коллегіи этого древняго университета, находилъ я замѣчательно богатыя собранія книгъ, бóльшею частію старыхъ изданій. Есть здѣсь библіотеки, которыя имѣютъ значеніе историческихъ памятниковъ. Заботливая рука оксфордскихъ ученыхъ бережно сохранила тотъ видъ и устройство, которые имѣли, еще въ среднихъ вѣкахъ, эти почтенныя книгохранилища. По моему мнѣнію, великій недостатокъ

этого университета составляетъ закрытость внутренней учебной жизни его. Преподаваніе отправляется какъ самоѳракійское таинство. Профессоры весьма рѣдко читаютъ такъ называемыя «публичныя лекціи», на которыя однакоже не мѣшаетъ запасаться билетомъ. Главная педагогическая работа происходитъ въ четырехъ стѣнахъ, между репетиторами (Tutor) и студентами. Профессоры тоже даютъ уроки на дому и, сколько я слышалъ, держатся при этомъ такъ называемаго катихизическаго метода. Такимъ способомъ, конечно, легче всего достигается усвоеніе, скромнаго по объему, курса. То, что́ я видѣлъ и слышалъ здѣсь, убѣдило меня въ крѣпости положенія торійскаго и особенно клерикальнаго знамени. Университетъ, воспитанники котораго рукоплескали, 21-го іюня, на такъ называемой Commemoration *Day*, именамъ представителей рабовладѣльческаго юга, такой университетъ долженъ былъ разорвать связь свою съ кандидатомъ, подобнымъ Гладстону. За полтора мѣсяца до выборовъ, въ Оксфордѣ немногіе вѣрили успѣху талантливѣйшаго изъ прогрессивныхъ законодателей Англіи.

Живя въ Англіи, я считалъ своею обязанностію присмотрѣться, по мѣрѣ возможности, къ ходу здѣшнихъ судебныхъ учрежденій. Я посѣщалъ: 1) засѣданія мировыхъ судей (въ Кройдонѣ, около Лондона); 2) полицейскіе суды; 3) центральный уголовный судъ и 4) высшія судебныя инстанціи въ Вестъ-минстерѣ. Особенное вниманіе обратилъ я на полицейскіе и на уголовные суды (Old Bailey, Central Criminal Court), гдѣ я былъ на процессахъ майской и іюньской сессій.

Лондонъ, 10/22 іюля 1865 года.